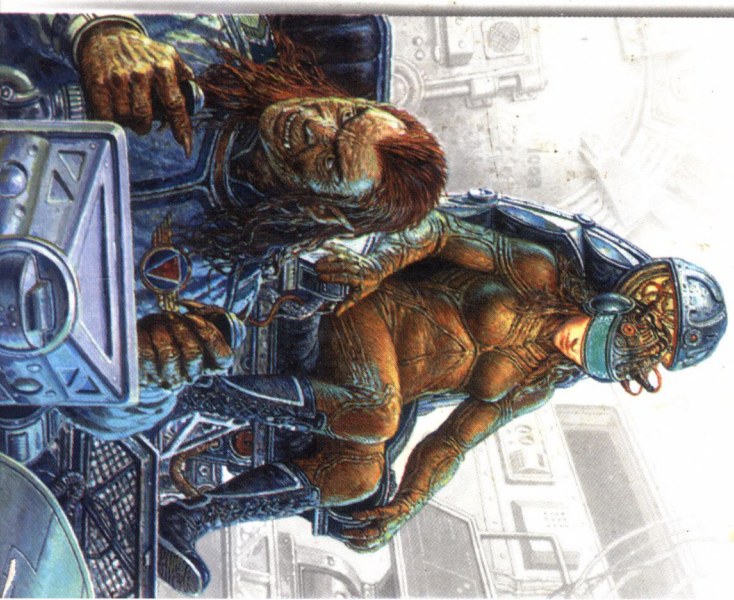
ВАВИЛОН-17

Сэмюел Дилэни

ВАВИЛОН-17

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Сэмюел Дилэни



КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

SAMUEL R.

DELANEY

СЭМЮЕЛ

ДИЛЕНИ

Вавилон-17

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Д46

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

Художник А. Ломаев

Иллюстрации В. Домогацкой

Перевод с английского

Подписано в печать 24.06.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 7000 экз. Заказ № 1287.

Дилени С.

Д46 Вавилон-17: Сб. фантаст. романов и рассказов: Пер. с англ. / С. Дилени. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 733, [3] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-014463-6

Причудливое сочетание увлекательных сюжетов и поистине глубокого, философского подтекста — таково творчество Сэмюела Р. Дилени (род. в 1942 г.), яркого представителя «Новой волны» американской фантастики, достойного сподвижника Майкла Муркока, Роджера Желязны и Роберта Силверберга.

Произведения Дилени — романы «Пересечение Эйнштейна», «Нова», «Вавилон-17» — были удостоены престижнейших НФ-премий, вошли в «золотую классику» жанра — и, главное, раз и навсегда изменили «стиль и почерк» фантастики второй половины XX века.

Почему?

Прочитайте — и поймете сами!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Перевод. Е. Свешникова, 2002
© Перевод. А. Шевченко, 2002
© Перевод. М. Кондратьев, 2002
© Перевод. А. Лидин, 2002
© Перевод. В. Кучерявкин, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ПАДЕНИЕ БАШЕН

Книга 1
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕРТВОГО ГОРОДА

Пролог

Зелень надкрылий жука... красный цвет полированного карбункула... паутина серебряного огня. Молния разрывает глаза, бьется в глубине тела. Он чувствовал, что его кости дробятся, вращаясь, вонзаются в живот, и ждал боли. Но боли не было. Он падал сквозь синий льдисто-прохладный дым. Протянул руки в попытке удержаться...

Ладони и колени ткнулись во что-то горячее. Йон Кошар потряс головой, глянул вверх. С него сыпался песок. Его черные волосы снова упали ему на глаза, он отбросил их и присел на пятки.

Небо было бирюзовым, а горизонт — слишком близким. Песок по цвету больше походил на известь. Он посмотрел вниз. От его тела падали две тени. Зубец скалы неподалеку тоже отбрасывал двойную тень.

Шатаясь, он выпрямился. Стоять было слишком легко; что-то не в порядке с гравитацией? Ступни утонули в песке. На шее и под мышками выступил пот. Воздух жег ноздри. Йон прищурился.

Далеко за песком было озеро. Рядом с озером или, может быть, из него поднимался... город? Он еще сильнее прищурился, вглядываясь.

Выбросьте человека из одного мира в другой. Это заставит его одновременно понять, где он, и вспомнить, где он был. Одно поможет осознать другое.

Йон Кошар сделал шаг вперед. Левая штанина хлопала мокрым по колену. Он снова посмотрел вниз: его ступни были облеплены грязью, словно пять минут назад он стоял в луже. Он еще раз растерянно оглядел пустыню и сделал второй шаг. Волосы снова упали на лицо.

Когда он откидывал их назад, его пальцы задели нечто непонятное. Он достал это из волос и рассмотрел. В его загрубевшей руке был зажат кусочек листа папоротника. Видимо, совсем недавно ему пришлось продираться сквозь море листвы. Он посмотрел по сторонам, морщась от отраженного жара. Разумеется, в дюнах не было никакой зелени.

Он снова тронулся с места и снова замер: его рука задела что-то на бедре. Он осмотрел брюки, потом нижнюю сторону рукава. Там теснились зеленые бляшки... древесных тлей? Он недоуменно оглядел пустое безлесное пространство. Да, древесные тли вцепились в грубую одежду.

Добравшись до озера, он посмотрел в воду и увидел свое грязное лицо, разорванное плечо рубашки. Он коснулся царапины на ключице, где его ударила в темноте ветка... Но пустыня была слепяще яркой, и деревьев здесь не было.

Губы его беззвучно шевелились, проверяя цифры на комбинезоне. Этот номер последние пять лет заменял ему имя. Однако теперь номер был неправильным.

Ах да, это же всего лишь отражение! Надо читать наоборот. Он поднял глаза, прошептав правильный номер, и как наяву увидел пахнущие креозотом стены тюремного барака; рабочие кольца на зубьях отбойника, которым он работал в течение пяти лет, вгрызаясь в тетроновую руду; листья и кусты, хлеставшие его по лицу и плечам, когда он бежал в темноте...

И тогда он узнал город.

Там, за озером, этот город бросился ему в глаза так свойски, что он отступил назад. То, что было абстракцией, обернулось башнями и петляющими дорогами Тельфара! Как стрелка указывает направление, как обещает развлечения цирковой шатер, так шпили Тельфара были символом смерти.

В горле пересохло, ладони стали влажными. Он отступил назад с похолодевшей спиной. Его взбаламученный мозг заметался в поисках хоть каких-то фактов.

Я Йон Кошар, и я хочу стать свободным! Это было главным его чувством, кроме страха, навязчивой идеей всего пятилетия на рудниках, достигшей кульминации, когда они втроем бежали... Сколько часов назад это было?

Но это было на Земле. Он был на Земле. Как и город. Сам вид его с изрытого края джунглей и лавовых полей означал смерть. Здесь же он видит Тельфар в чужом мире под двойным солнцем.

Затем память восстановилась полностью: обессиленный, он смотрел на город от изъеденных скал и в тот же миг услышал (или смог услышать): *ЛОРД ПЛАМЕНИ.*

И внезапно отступили все поводы для страха. Он попытался разобраться в воспоминаниях. Надо войти в город и найти место, откуда начинается транспортерная лента, металлическая полоса, которая пронесет его над джунглями, над головами охраны, над морем, обратно к жизни, в островной город Торон...

Вдруг он нахмурился, а потом на его лице проступили ярость и отчаяние. Он искал взглядом серебряную ленту, которая должна была выходить из окна далекого здания и плыть от опоры к опоре, сверкая над песками.

Но ленты не было.

Не может быть!

Исчезла? Сломана? Снова охваченный страхом, он был готов закричать. Не было ни опор, ни металлической ленты. Город изолированно стоял на чуждом песке. Пожалуйста, пусть только она не будет сломана! Пожалуйста...

Все вдруг исчезло из его глаз. Не было больше ничего, кроме синего льдисто-прохладного дыма, и он парил в этой синеве. Молнии опаляли глаза, череда образов дрожала, мерцала, оборачиваясь серебром, красным... жучиными надкрыльями.

Глава 1

Над пустой платформой в лабораторной башне мертвого города Тельфара померк хрустальный шар. Уже шестьдесят лет в этом помещении царила тишина. От кристалла начиналась лента, которая, перекинувшись через балкон, парила над дорогами, то мокрыми и грязными, то засыпанными пеплом. Солнце только что поднялось над зазубренным горизонтом, и мокрый металл блестел, как спинка спящей змеи.

За много миль от этого места тьма побледнела, предвещая рассвет. В лавовых полях среди папоротников рядами стояли бараки. Прошел небольшой дождь, и с опорного столба срывались капли. В бледнеющей ночи лента казалась черной.

Из джунглей к баракам вышли шестеро, каждый — свыше семи футов ростом. Они несли тела двух людей обычного роста. Двое, шедших позади, отстали, чтобы поговорить.

— Как насчет того парня, Ларта?

— Кошара? Он далеко не уйдет,— она откинула меховой капюшон на плечи, взошедшее солнце вспыхнуло на медных браслетах, обнимавших ее руку выше локтя.

— Если он это сделает, то будет первым за двенадцать лет,— сказал мужчина.

— Если бы пытался вернуться на побережье и оттуда в Торон,— уронила Ларта.— Но раз мы его не нашли, это значит, что он пошел вглубь, к радиационному барьеру,— они прошли под тенью транспортерной ленты, и браслеты Ларты, как и ее глаза, на миг перестали сверкать.— Если он пошел к Тельфару, нам нечего беспокоиться. Не правда ли, Пторн?

— Смею думать, что и в самом деле нечего беспокоиться из-за одного беглеца,— согласился высокий бритоголовый Пторн.— Однако за прошлый год было столько попыток...

Ларта пожала плечами.

— Требования на тетрон почти удвоились.

Когда она вышла из тени, солнце осветило три параллельных шрама, тянувшихся по ее щеке до самой шеи. Пторн взял ее под руку.

— Хотел бы я знать, какие кровопийцы живут за счет этих несчастных...— он не договорил, резко тряхнув головой.

— Гидропонные сады, аквариумные производства в Тороне,— пояснила Ларта.— Они-то в основном и требуют руды. А кроме того, подготовка к войне.

— Говорят,— задумчиво проговорил Пторн,— что с тех пор, как аквариумы в Тороне стали производить сверхзапасы рыбы, рыбаки на побережье не могут продать свой улов и умирают с голоду. А с увеличением требований на тетрон заключенные мрут в этих рудниках, как мухи. Я иной раз удивляюсь, как им хватает рудокопов.

— А их и не хватает,— Ларта окликнула идущих впереди.— Ладно, остальное мы оставим людям, которые охраняют их,— когда она выговорила «людям», в ее голосе послышалось еле заметное презрение.— Мы свое дело сделали. Бросьте тела перед хижиной. Очень надеюсь, что они послужат уроком для других.

После дождя двор был в лужах. Послышался глухой всплеск, за ним еще один.

— Может быть,— сказал Пторн.

Но Ларта уже повернулась обратно к джунглям. Тень от деревьев упала на ее лицо, как раз поверх тройного шрама.

Лучи солнца пробились сквозь желтые облака и пронизали глянец прибрежного леса Торомона. Свет заиграл на мокрых зеленых сваях, проник во влажные трещины камней. Затем заря легла на металлическую ленту, тянувшуюся над деревьями. Паутина теней от опор расчертила поле лавы.

Группа воздушных кораблей блеснула в разрыве облаков горстью серебряной мелочи. Звук их тетроновых моторов кружил между деревьями. Лаг, существо четырех футов трех дюймов ростом и с низким, в толщину пальца, лбом, посмотрел вверх.

Остальные, чей рост был таким же, с округлыми плечами, переговаривались между собой. Чаще всего повторялось слово «война». Лаг подошел к ним. Они снова пошли по джунглям. Их ноги легко ступали по камням, сучьям и корням, ощупывая дорогу большими полуотставленными пальцами. Наконец Лаг прислонился к дереву.

— Кворл! — позвал он.— Кворл!

Под бревнами, сваленными бесформенной грудой,— трудно было предположить, что она может служить кому-то убежищем — что-то зашевелилось. Рука уцепилась за ветку, и кто-то внутри сел.

Они смотрели, перешептывались и снова смотрели. Кворл встал, неторопливо поднимаясь над вершиной убежища. Его желтые глаза не выглядели сонными, хотя мышцы лица только начали вставать на место после широкого зевка. Его ноздри округлились от утренних запахов. Затем он улыбнулся.

Со своего чахлого роста они таращились на его семифутовую громаду. Некоторые смотрели только на внушающую удивление руку, зацепившуюся большим пальцем за пояс, остальные не смели поднять глаз выше мощного колена. Лицо его казалось неандертальцам чересчур тонким и выразительным.

— Кворл! — снова произнес его имя Лаг.

— В чем дело, Лаг?

— Идут вокруг горы, мимо озера. Не такие большие, как ты, но выше нас. Они похожи на рудничных, на заключенных. Но они не заключенные, Кворл. Они строители.

Кворл кивнул.

— Это хорошо. Самое время прийти. Время строить.

— Ты видел их?

— Нет.

— Тебе кто-то сказал раньше?

— Нет,— улыбка Кворла была чуть насмешливой и немного сожалеющей.— Пришло время им появиться. Это же просто.

Они пошептались между собой, смущенные словами этого великана, и тоже улыбнулись.

— Пойдем,— сказал Кворл.— Покажите мне.

Лаг оглянулся на остальных.

— Да,— сказал Кворл, вылезая из своего убежища.— Давайте пойдем.

— Зачем? — спросил Лаг.— Ты хочешь говорить с ними?

Кворл дотянулся, сорвал два плода кхарбы и протянул их мальчику и девочке.

— Нет. Просто посмотрим,— он сорвал еще два плода, похожих на маленькие дыни, и протянул Лагу: — Раздели сам.

Лаг пожал плечами, и все тронулись в путь меж деревьями. Плоды были разделены. Два похожих на обезьян мальчика начали кидаться семенами, потом с хохотом затеяли возню. Кворл оглянулся, но они уже шли как ни в чем не бывало.

— Зачем нам идти? — снова спросил Лаг. Такая возня и хохот были ему привычны, и он не обращал на них внимания.— Ты уже знаешь, что это люди,— в слове «люди» слышалось чуть заметное почтение,— и знаешь, что они делают. Зачем тебе смотреть? Разве мы поможем им строить? Может быть, они будут строить что-то для войны.

Кворл положил руку на голову Лага и начал перебирать пальцами его волосы.

— Сегодня утром шел дождь,— сказал он.— Ты знаешь, как выглядит озеро в утреннем тумане после дождя?

Лаг распрямил свои плечи, с удовольствием разминая мышцы.

— Знаю,— сказал он, скаля желтые зубы.

— Вот потому мы и идем смотреть,— сказал Кворл, хлопнув Лага по плечу.

Позади них лента пересекала вершину стофутовой опоры, хорошо различимой среди деревьев.

Заря скользила через джунгли, и вместе с ней по транспортерной ленте двигалось сияние, отгоняя прочь тень, пока наконец не добралось до песчаной кромки моря.

В пятидесяти ярдах ниже, если считать от последней опоры на твердой земле, рыбак Сайтон вышел из своей лачуги.

— Тель! — позвал он. Это был жилистый человек среднего роста, чье лицо потрескалось от песка и ветра.— Тель! — он повернулся к хижине.— Куда опять подевался этот парень?

Грилла уже сидела за ткацким станком, и ее сильные руки дергали челнок взад и вперед, а нога нажимала педаль.

— Куда он делся? — спросил Сайтон.

— Он ушел рано утром,— спокойно ответила Грилла. Ей было некогда глядеть на мужа — она следила за челноком, сновавшим между зелеными нитями.

— Я сам вижу, что он ушел,— рявкнул Сайтон.— Но куда? Солнце уже встало. Он должен быть со мной в лодке. Когда он вернется?

— Откуда я знаю?

Снаружи донесся какой-то звук. Сайтон резко повернулся и пошел за угол хижины, где мальчик умывался, склонившись над желобом.

— Тель!

Тот быстро вскинул глаза на отца. Это был худощавый мальчик лет четырнадцати, с копной черных волос и зелеными, как море, глазами, сейчас широко раскрытыми от страха.

— Где ты был?

— Нигде. Я ничего не делал.

— Где ты был?

— Нигде,— снова пробормотал Тель.— Просто прошелся, собирал ракушки...

Рука Сайтона внезапно поднялась, и поясной ремень с накладками дважды хлестнул мальчика по мокрому плечу.

— Немедленно спускайся в лодку.

Челнок в руке Гриллы на миг остановился, но затем снова засновал между нитями.

Южнее бухты транспортерная лента шла над водой. Она казалась тусклой по сравнению с поверхностью моря, словно усыпанной чешуйками слюды. Нить зари тянулась через воду, пока наконец первые лучи не упали на поверхность острова. Лента парила высоко в воздухе над деловыми пирсами и утренней суетой на верфи. За пирсами городские башни покрылись золотом, и пока солнце поднималось, золотой свет все ниже стекал по фасадам зданий.

У дамбы разговаривали два торговца, стараясь перекричать рев лебедок и транспорта на тетроновой энергии.

— Похоже, твои лодки везут груз рыбы,— сказал один, тучный мужчина.

— Может, рыбы, а может, и чего-то другого,— ответил второй.

— Скажи, друг,— спросил тучный, в хорошо сшитом пальто, намекающем, что деловые соображения хозяина чаще бывают правильными,— зачем тебе беспокоиться, посылая людей на материк, чтобы покупать улов у мелких рыбаков? Мой аквариум может снабдить провиантом весь город.

Второй торговец кинул беглый взгляд в конец инвентарного списка.

— Возможно, моя клиентура несколько отличается от твоей.

Первый торговец рассмеялся:

— Ты продаешь тем семьям острова, которые все еще настаивают на сомнительном превосходстве твоих привозных деликатесов. Ты же знаешь, мой друг, что я во всех отношениях выше тебя. Я кормлю больше народу, и, значит, моя продуктивность выше твоей. Я беру с них дешевле, так что с финансовой стороны я великодушнее тебя. Я зарабатываю больше тебя, следовательно, превосхожу и в этом. Сегодня моя дочь возвращается из Островного университета, и вечером я устраиваю прием, такой большой и такой пышный, что она будет любить меня больше, чем другие дочери любят своих отцов.

Самодовольный торговец снова засмеялся и пошел к верфи взглянуть на груз тетроновой руды, пришедшей с материка.

Пока торговец, импортирующий рыбу, листал другой инвентарный список, к нему подошел еще один человек.

— Над чем это хохочет старый Кошар? — спросил он.

— Он хвастался своей удачей в этой дурацкой идее с аквариумами. А еще он пытался заставить меня завидовать его дочери. Сегодня он дает для нее бал, на который я, без сомнения, буду приглашен, но приглашение придет вечером, так, чтобы у меня не было времени ответить достойно.

Собеседник покачал головой.

— Он гордый человек. Но ты можешь поставить его на место. В следующий раз, когда он упомянет о дочери, спроси его о сыне, и ты увидишь бурю стыда на его лице.

— Может, он и гордый,— ответил торговец,— но я не жесток. Зачем мне делать ему неприятное? Об этом позаботится время. Начнется война — увидим.

— Возможно,— сказал другой торговец.— Очень даже возможно.

Над островным городом Тороном, столицей Торомона, транспортерная лента сломала свое магистральное направление, затанцевала между башнями, среди высоких шоссе, и наконец пересекла почти голое бетонное поле, окаймленное длинными блоками ангаров. Несколько воздушных кораблей только что прибыли. У пассажирского выхода люди ждали прибывших, столпившихся за оградой.

Среди ожидающих был молодой человек в военной форме. С первого взгляда бросалась в глаза щетка его рыжих волос, темные глаза, казавшиеся еще темнее от бледности лица, бычья сила в ногах, спине и плечах, а со второго — несоответствие между майорскими нашивками и его молодостью. Он нетерпеливо следил за пассажирами, идущими к выходу.

— Тумар! Я здесь!

Он ухмыльнулся, протолкался сквозь толпу и встал перед девушкой, смущенный и счастливый.

— Я рада, что ты пришел,— сказала она.— Пойдем, проводишь меня к отцу.

Ее черные волосы падали на широкие, почти восточные скулы. Чуть широковатый рот с тонкими губами был тронут легкой улыбкой.

Рука к руке они ввинчивались в толпу. Тумар отрицательно покачал головой.

— Нет? Но почему же? — спросила она.

— У меня нет времени, Клея. Я удрал на часок, чтобы встретить тебя, но через сорок минут должен быть в военном министерстве. У тебя есть чемоданы?

Клея подняла вверх логарифмическую линейку и блокнот.

— Я путешествую налегке.

— Что это? — он указал на рисунок, зажатый между линейкой и обложкой блокнота.

Она протянула ему сложенный листок. Сверху был рисунок. Тумар нахмурился, пытаясь понять образы и их значение. Внутри было стихотворение, заставившее его нахмуриться еще сильнее.

— Я мало понимаю в таких вещах.

— Посмотри,— настаивала она.— Стихотворение написано студентом по имени Вол Ноник. Я его не знаю, но у него опубликовано несколько стихов вроде этого. Кто-то мне сказал, что рисунок сделала подружка парня, некая Ренна.

Тумар медленно прочел стихотворение и пожал плечами.

— Совершенно не понимаю такого. Но все это вместе... очень странно. Этот глаз в языке мальчика... мне от него как-то не по себе.

— Мне тоже. Поэтому мне и нравится.

Тумар снова поглядел на рисунок. Из-за зубов и искаженных криком губ проглядывал странный ландшафт.

— Я... не понимаю,— повторил он недовольно, быстро повернул рисунок и тут же осознал, что хотел бы еще раз взглянуть на него и перечитать текст. Но Клея вложила стихи в блокнот.

— Странно,— сказала она,— как раз перед отъездом из Островного университета я слышала, что паренька исключили, по официальной версии — за мошенничество на экзамене. Вот теперь и не знаешь, что делать с двумя кусками информации о человеке.

— Двумя кусками?

— Один кусок — его стихотворение, другой — его изгнание. Они упали в случайном порядке, и непонятно, как их соединить.

— Мы живем в смутное и беспорядочное время,— сказал Тумар.— По всему Торомону народ начал беспорядочно передвигаться. Да еще эта подготовка к войне. Ну ладно, раз у тебя нет багажа, я, пожалуй, вернусь в министерство. Я же ужасно занят.

— В следующий раз я наверняка буду с чемоданом. Просто я предполагаю вернуться в университет на летние занятия, поэтому ничего не везу домой,— она помолчала.— Да, минутку: ты ведь не настолько занят, чтобы не прийти на вечер, который папа устраивает сегодня для меня?

Тумар пожал плечами.

— Тумар!

— Да? — у него был низкий голос, который в минуты плохого настроения спускался почти до тонов звериного рычания.

— Война и в самом деле будет?

Он снова пожал плечами.

— Все больше солдат, больше самолетов, и все больше и больше работы в министерстве. Сегодня я встал до рассвета, чтобы отправить целую эскадрилью самолетов-разведчиков на материк, через радиационный барьер. Если они вернутся днем, то весь вечер я потрачу на отчеты.

— О, Тумар!

— Да, Клея Кошар?

— Ой, ты иной раз говоришь так официально! Ты достаточно давно в городе, чтобы научиться расслабляться рядом со мной. Тумар, если начнется война, как ты думаешь, заключенных из тетроновых рудников возьмут в армию?

— Поговаривают.

— Потому что мой брат...

— Я знаю.

— А если заключенный с рудников отличится как солдат, его освободят, когда война закончится? Не пошлют обратно на рудники?

— Война еще не началась, и никто не знает, каков будет ее конец.

— Ты, как обычно, прав,— они подошли к выходу.— Ладно, Тумар, я не буду тебя задерживать, раз ты так занят. Но обещай прийти хотя бы ко мне на вечер, пока я снова не уехала на занятия.

— Если война начнется, ты на занятия не поедешь.

— Почему это?

— У тебя уже есть степень по теоретической физике, а значит, тебе придется работать на войну. Мобилизуют не только заключенных с рудника, но и всех ученых, инженеров и математиков.

— Этого-то я и боялась,— проговорила Клея.— Ты думаешь, война действительно начнется?

— К ней готовятся день и ночь. Что может ее остановить? Когда я мальчишкой работал на отцовской ферме, на материке, работы было много, а еды мало. Я был крепким парнем с таким же крепким желудком, поэтому удрал в город и поступил в армию. Теперь у меня есть работа, которая мне нравится, и я не голоден. Война даст работу куче народа. Твой отец будет богачом. Твой брат, может быть, вернется. Даже воры и нищие в Адском Котле получат шанс найти честную работу.

— Может быть...— выговорила Клея.— Надо же, я сказала, что не хочу задерживать тебя, а сама... Когда у тебя будет хоть немного времени?

— Вероятно, завтра днем.

— Отлично. Устроим пикник. Давай?

Тумар нахмурился.

— Да,— сказал он, взяв ее за обе руки, и она улыбнулась. Затем он повернулся и исчез в толпе.

Она посмотрела ему вслед и направилась к стоянке такси. Солнце начало нагревать воздух, когда она вошла в тень гигантской транспортерной ленты, парившей между башен.

Здания отбрасывали тени на ленту, пока она проходила через город, а лучи света с восточных улиц чертили вокруг нее удивительные серебряные полукольца. В центре города она поднималась на последние двести футов и вбегала в окно башни-лаборатории в западном крыле королевского дворца Торона.

Помещение, в которое входила лента, было пустынным. На конце металлической полосы имелся прозрачный хрустальный шар пятнадцати футов в диаметре. Он висел над приемной платформой. По периметру комнаты располагалась дюжина маленьких тетроновых приборов разных размеров. Видеоэкраны были мертвенно серы. На контрольной панели возле богато украшенного окна сорок девять ярко-красных кнопок застыли в поло-

жении «выключено». Подвески для осветительной аппаратуры над приемной платформой были пусты.

В другой комнате дворца раздался вопль:

— Тетрон!

— Если бы Ваше Величество подождали минутку и выслушали рапорт,— начал старый министр,— то я уверен, что...

— Тетрон!

— ...вы поняли бы необходимость,— спокойно продолжал министр,— побеспокоить вас в такой безбожно ранний...

— Я не желаю больше слышать слова «тетрон»!

— ...утренний час.

— Уходите, Чарджил! Я сплю!

Король Юск, которому только что минул двадцать один год, хотя он был официальным правителем Торомона с девятнадцати лет, сунул светловолосую голову под туго набитые подушки, лежавшие на лиловых простынях. Тощая рука нерешительно потянулась к одеялу.

Старый министр спокойно взял край горностаевого одеяла и убрал из досягаемости королевской руки. Через несколько секунд светлая голова снова появилась и холодно спросила:

— Чарджил, почему дороги строились, заключенные получали отсрочку казни, изменников потрошили днем и ночью, и хоть бы кто-нибудь поинтересовался, что я думаю на этот счет? А сейчас вдруг...— Юск взглянул на инкрустированный драгоценными камнями хронометр у постели.— Господи, семь часов утра! Почему я должен именно сейчас обсуждать с вами каждое шевеление в империи?

— Во-первых, вы теперь совершеннолетний. Во-вторых, вот-вот начнется война. Во время потрясений ответственность нарастает к вершине, а вы как раз в этом невыгодном положении.

— А почему мы не можем вступить в войну и покончить с ней? Я устал от этого идиотства. Вы же не думаете, что я такой уж хороший король? — Молодой человек сел, поставив тощие ноги на мех трехдюймовой толщины. Его тощий живот просвечивал сквозь розовую пижамную куртку.— Хорошо, если будет война, я поеду по первой линии огня в самой что ни на есть роскошной униформе и поведу своих солдат к *стремительной* победе,— на слове «стремительной» он снова нырнул под одеяло.

— Похвальное чувство,— сухо отметил Чарджил,— особенно принимая во внимание, что война может начаться прямо сегодня. Почему бы вам не выслушать рапорт о том, что еще одно звено самолетов-разведчиков повреждено при попытке наблюдать за врагом — сразу за тетроновыми рудниками, над радиационным барьером?

— Позвольте продолжить: никто не знает, каким образом самолеты были повреждены, но эффективная методика позволила

Совету предположить, что возможность открытой войны стала еще серьезнее. Ведь большинство рапортов за последние недели выглядело именно так?

— Так,— ответил Чарджил.

— Тогда зачем же вы мне надоедаете? Кстати, мы действительно должны сегодня присутствовать на этом дурацком вечере в честь дочки рыботорговца? И, пожалуйста, как можно меньше говорите о тетроне.

— Я вынужден напомнить вам,— терпеливо ответил Чарджил,— что этот рыботорговец собрал состояние, почти равное королевской казне — хотя я сомневаюсь, что он имел возможность сравнивать,— благодаря правильной эксплуатации неупоминаемого металла. Если начнется война и нам понадобятся финансы, их предоставят нам с огромной охотой. Таким образом, мы будем присутствовать на вечере, на который он так сердечно приглашал нас.

— Послушайте, Чарджил,— сказал Юск,— сейчас я намерен говорить серьезно. Эти военные дела смехотворны, и если вы рассчитываете, что я приму их всерьез, то это значит, что Совет принимает их всерьез тем более. Ну как мы можем воевать с кем-то, кто находится за радиационным барьером? Мы ничего о нем не знаем. Что там — страна? Город? Империя? Мы не знаем, есть ли у нее название. Мы даже не знаем, каким образом повредили наши самолеты. Мы не можем перехватить никаких радиосообщений. Мы даже не знаем, человек ли наш враг. Может, самолет заправлялся своим тетроном — прошу прощения, если вам не положено произносить это слово, то и я не должен этого делать,— он просочился наружу, а тут как раз случился снаряд. Раз — и все. А Совет говорит — война. Хорошо, я еще раз попытаюсь принять это всерьез. Зачем попусту тратить самолеты? Почему бы не послать нескольких человек по транспортерной ленте, чтобы они произвели разведку? Это сооружение построено до того, как мы организовали исправительные рудники, и сразу после присоединения лесного народа, правильно? Докуда оно идет?

— До мертвого города Тельфара,— ответил Чарджил.

— Точно. А Тельфар не был полностью мертв шестьдесят лет назад, когда мы строили ленту. Радиация тогда не распространялась так далеко. Так вот, почему бы нам не послать разведчиков в Тельфар, а оттуда — за барьер на вражескую территорию? Затем они вернутся и все расскажут нам,— Юск ухмыльнулся.

— Ваше Величество, разумеется, шутит,— улыбнулся в ответ Чарджил.— Посмею напомнить Вашему Величеству, что уровень радиации в Тельфаре смертелен для человека. Смертелен. Враг же, судя по всему, вполне хорошо чувствует себя за барьером. Совсем недавно с помощью большого количества тетрона... ох,

простите... полученного с рудников, нам удалось сконструировать самолеты, которые, может быть, пройдут через барьер. И это единственный путь.

Юск улыбнулся. Улыбка перешла в хихиканье, затем в хохот. И вдруг он упал на кровать и расплакался.

— Никто меня не слушает! Никто не принимает моих советов! — он застонал и сунул голову под подушку.— Все только и делают, что противоречат мне! Убирайтесь! Пошли прочь! Дайте мне доспать!

Чарджил вздохнул и вышел из королевской опочивальни.

Глава 2

В течение шестидесяти лет здесь было тихо. А потом над приемной платформой башни-лаборатории в королевском дворце Торона вспыхнул хрустальный шар.

Над площадкой замерцала голубая дымка. Подобная алому пламени, сквозь туман пробилась сеть ярко-красных пульсирующих вен и артерий. Среди пляшущих огней проступили призрачные кости, из которых составился скелет человека. Потом смутные формы внезапно оплелись серебром — сетью нервов, которые держат тело в плену ощущений.

Синева загустела, стала непрозрачной. Йон Кошар качнулся к перилам, но в последний момент удержался. Хрустальный шар наверху померк.

Йон поморгал и огляделся.

— Вроде все в порядке. В какую это дыру я угодил? — громко проговорил он и сделал паузу, словно давая возможность кому-то незримому ответить на свой вопрос.— Ладно, понял. Смею думать, что со мной все в порядке, раз я прекрасно чувствую себя,— он отпустил перила и оглядел руки.— Чертовски грязные. Где бы мне вымыться?

Он посмотрел вверх.

— Прекрасно, почему бы и нет? — он нырнул под перила, спрыгнул на пол и снова огляделся вокруг.— Значит, я и в самом деле во дворце. После всех этих лет. Не думал, что когда-нибудь увижу его снова, а вот поди ж ты...

Он двинулся вперед, но когда проходил под тенью конца ленты, случилось нечто странное.

Он исчез.

Во всяком случае, частично. Исчезли видимые части его тела — голова, руки, ноги. Он остановился. Сквозь свои босые ноги он видел заклепки в металлическом полу. С гримасой отвращения он пошел к двери. Стоило ему ступить в полосу солнечного света, как он снова стал непрозрачным.

В коридоре никого не было. Он прошел мимо, даже не взглянув на серебряный трезубец, отмечавший зал Совета. Золоченый диск хронометра, укрепленный в потолке за хрустальной крышкой, показывал 7.10.

Он остановился перед библиотекой и открыл стеклянную дверь.

— Здесь,— сказал он вслух.— Да, я знаю, что у нас нет времени, но ты из пустынного мира с двойным солнцем. Здесь тебе объяснят это лучше, чем смог бы я,— он выдернул с полки одну книгу.— Мы учили это в школе, но слишком давно.

Книга была «Исправленной историей Торомона» Катама. Он открыл кожаный переплет и перелистал несколько страниц.

«...из некоторых библиотек и текстов, переживших Великий Пожар, от которого мы будем датировать все последующие события. Цивилизация скатилась до варварства. Но постепенно мы, выжившие на острове Торон, организовали поселение — сначала деревню, потом город. Мы продвинулись к материку, и побережье стало основным источником пищи для населения острова, которое теперь было занято в промышленности. На побережье процветали фермы и рыбачьи деревни. На острове наука и индустрия стали значимыми факторами в жизни Торомона, теперь уже империи.

За равнинами побережья исследователи обнаружили лесных людей, живших в полосе джунглей, которая тянулась полумесяцем по всему материку. Это были племена мутантов. Одни из них были гигантами, другие — низкорослыми, похожими на неандертальцев, но оба племени отличались миролюбием. Они быстро и без сопротивления стали частью империи Торомона.

За джунглями тянулись лавовые поля и мертвая земля, и именно там был обнаружен уникальный металл тетрон. Великая империя обладала большим количеством преступных элементов. Наша карательная система стала поставлять рудничных рабочих для добычи тетрона. Технология шагнула вперед, и мы нашли множество способов для применения энергии, высвобождаемой тетроном.

Дальше за лавовыми полями мы обнаружили то, что сделало тела лесных жителей длиннее или короче, а также убило всю зелень за пределами джунглей. Оставшаяся от дней Великого Пожара огромная полоса радиоактивной земли все еще горела вокруг лавовых полей, положив предел нашей экспансии.

Возле этого смертельного поля растения стали шишковатыми искривленными карикатурами на самих себя. Дальше же были одни камни. Если человек рисковал зайти туда и вернуться, то после умирал долго и мучительно: сначала неутолимая жажда, затем обезвоживание кожи, после — слепота, жар, безумие и лишь потом смерть.

На краю радиационного барьера, как вызов смерти, был основан город Тельфар. Он стоял достаточно далеко, чтобы быть в

безопасности, но достаточно близко, чтобы видеть зарево на горизонте, над разрушенными горами. В те же времена были начаты эксперименты с передачей первичной материи. Свидетельство нового направления науки, транспортерная лента, связала два города. Это было более жестом солидарности со стороны империи Торомона, чем деянием, имеющим практическое значение, поскольку одновременно можно было переслать лишь три-четыре сотни фунтов или двух-трех человек. Транспортация была мгновенной и предвещала в будущем великие исследования во всех частях мира, а в теории даже путешествия к звездам.

Но шестьдесят лет назад, в августе, в 19.32, граждане Тельфара заметили усиление бледного света на насыщенном радиацией западе. Через семь часов все небо над Тельфаром замерцало синими и желтыми полосами. К тому моменту уже началась эвакуация, но через три дня Тельфар был мертв. Внезапный подъем радиации теоретически можно было объяснить множеством причин, но более чем за полстолетия так и не было выработано окончательного объяснения.

К счастью, продвижение радиации остановилось перед тетроновыми рудниками, но Тельфар оказался надолго потерян для Торона...»

Йон внезапно закрыл книгу.

— Понятно? Вот почему я испугался, когда увидел мертвый город. Вот почему...— он умолк.— Да ты не слушаешь,— произнес он, ставя книгу на полку.

В пятидесяти футах дальше по коридору справа и слева поднимались две богато украшенные лестницы. Йон сунул руки в карманы и рассеянно глянул в окно, как бы ожидая чьей-то подсказки. Не дождавшись ее, он решительно шагнул на левую лестницу. На полпути его внимание обострилось, босые ноги начали ступать мягко, рука касалась перил с большой осторожностью.

Поднявшись, он свернул в другой коридор, где в стенных нишах стояли разные бюсты и статуи. Из-за статуй левой стороны сочился голубой свет, из-за статуй правой — желтый. Звук из-за угла заставил его спрятаться за каменную русалку, играющую с водорослями. Мимо прошел какой-то старик с папкой. Он выглядел озабоченным.

Йон ждал, затаив дыхание, затем вскочил и побежал дальше. Наконец он остановился перед несколькими дверями.

— Какая? — спросил он.

На этот раз он получил ответ, потому что подошел к двери и скользнул внутрь.

Отослав Чарджила, Юск натянул простыню на голову. Он слышал несколько щелчков и легкий шум, но слышал сквозь туман

сна, вновь окутавшего его. Первым достаточно внятным звуком, вновь разбудившим его, был плеск воды о кафель. Пару минут он прислушивался, борясь со сном. Лишь тогда, когда звук прекратился, Юск нахмурился, скинул простыню и сел. Дверь в его личную ванную была открыта. Света не было. Но некто, кажется, закончил принимать душ. Окна в спальне Юска были задернуты вышитыми шторами, но он не решался нажать кнопку, отводящую их.

В ванной скользнули по пруту кольца душевой занавески. Загремела вешалка для полотенец; снова тишина, затем несколько шепчущих нот. А потом на меховом ковре, брошенном на черный камень, появились темные пятна. Одно за другим... Отпечатки ног! Перед ним шли бестелесные отпечатки ног.

Когда они оказались в четырех футах от его постели, Юск всей ладонью ударил по кнопке, и шторы раздвинулись. Солнечный свет наполнил комнату, как вода бассейн.

На последней паре следов стоял обнаженный человек. Он прыгнул к Юску — тот бросился в гору подушек и хотел закричать, но его схватили, подняли, и ребро ладони заткнуло его раскрытый рот. Он хотел укусить его, но только чавкнул.

— Молчи, дурак,— прошептал голос позади него. Король вяло кивнул.

— Так, секундочку...

Мимо плеча Юска протянулась рука, нажавшая кнопку на ночном столике, и шторы метнулись обратно через окно. Рука отдернулась, словно кнопка была раскаленной.

— Теперь сиди тихо и веди себя прилично,— давление ослабло. Король упал на постель и ненадолго затих, а затем повернулся. Никого не было.

— Где у тебя хранится одежда? Мы с тобой примерно одного роста.

— Там... в стенном шкафу.

Следы без тела зашлепали по ковру, дверца шкафа открылась. Вешалки заскользили вдоль перекладины. Открылся ящик в глубине шкафа.

— Это мне подойдет. Я уж и не думал, что когда-нибудь снова прилично оденусь. Минуточку...— послышался звук отрываемой нитки.— Вот это как раз по мне, только надо выдрать подплечники.

Нечто отошло от шкафа, уже одетое — человеческая фигура без головы и рук.

— Теперь, когда я в приличном виде, открой шторы и впусти немного света,— костюм стоял и ждал.— Давай же, открывай.

Юск медленно нажал кнопку. Свежевыбритый молодой человек с черными волосами стоял в солнечных лучах и осматривал себя. Под открытым камзолом с отделкой из серебряной филиграни —

такой покрой полагался лишь высшей аристократии — была белая шелковая рубашка с кружевами. Узкие серые брюки держались на широком ремне с накладками, застегнутом на золотой диск. Туфли с открытым носком и пяткой были украшены такими же дисками. Йон Кошар огляделся.

— Как приятно вернуться.

— Кто... кто ты? — прошептал Юск.

— Верноподданный короны,— сказал Йон.— Пошевели мозгами.

Юск сплюнул.

— Вспомни, как пять лет тому назад мы с тобой учились в школе.

На лице короля промелькнуло узнавание.

— Помнишь парня на два года старше тебя, который спас тебя от побоев, когда ребята из механического класса всей кодлой пошли на тебя за то, что ты намеренно раздавил высокочастотную катушку? А помнишь, как ты подначил того же парня забраться во дворец и украсть королевский штандарт из тронного зала? Ты даже дал ему для этого энергетический нож. Правда, на суде эта подробность не упоминалась. Это ты известил охрану, что я приду? В этом я был уверен не до конца.

— Послушай...— начал Юск.— Ты безумен.

— Мог бы и обезуметь слегка — было с чего. Но пять лет на тетроновых рудниках привели меня в чувство.

— Ты убийца...

— Это была самозащита, и ты это знаешь не хуже меня. Когда охрана двинулась на меня, это было не понарошку. Я не собирался убивать его. Просто не хотел, чтобы мне сожгли голову.

— Ты первый сжег голову одному из них. Йон Кошар, по-моему, ты безумен. Что ты здесь делаешь?

— Слишком долго объяснять. Но поверь мне, я пришел сюда не для того, чтобы повидаться с тобой.

— Но ты вошел сюда, взял мою одежду...— он вдруг засмеялся.— Ох, конечно же, мне все это снится. Какая глупость! Очевидно, я сплю.

Йон нахмурился. А Юск продолжал:

— Наверное, я чувствовал какую-то вину за все эти дела, когда мы были мальчишками. Ты появляешься и исчезаешь, потому что ты не более чем плод моего воображения. Именно так, Кошар... Имя! Конечно же! Имя человека, который дает сегодня бал, на который я пойду, как только встану. Вот и причина такого сна!

— Какой бал? — спросил Йон.

— Твой отец дает его сегодня вечером ради твоей сестры. Она у тебя просто очаровательная. А теперь я намерен поспать. И когда проснусь, тебя, понятное дело, не будет. Какой глупый сон.

— Минуточку. Зачем ты туда идешь?

Юск уткнул голову в подушку.

— Кажется, твой отец собрал кругленькое состояние. Чарджил сказал, чтобы я держался с твоим отцом по-дружески, потому что позднее из него можно будет выкачать денежку. Хотя допускаю, что и это мне приснилось.

— Тебе не приснилось.

Юск открыл один глаз и снова закрыл.

— Расскажи об этом моей кузине, герцогине Петре. Она приволоклась из своего островного поместья, чтобы узнать это. Единственные люди, которым на это плевать — моя маменька и младший брат. Счастливые...

— Можешь засыпать снова,— сказал Йон.

— Проваливай,— сказал Юск. Он еще раз открыл глаза, чтобы увидеть, как Йон нажмет кнопку, задергивая шторы. Когда безголовая фигура вышла за дверь, Юск вздрогнул и натянул на себя одеяло.

Йон шел по коридору. За дверью одной из комнат, куда он не входил, герцогиня Петра стояла у окна, глядя поверх городских крыш, поверх богатых домов купцов и промышленников, поверх похожих на муравейники зданий, где жили ремесленники, клерки, секретари, кладовщики, поверх вонючих переулков Адского Котла.

Рассветное солнце горело в ее рыжих волосах, белило ее лицо. Она приоткрыла окно, и утренний ветер колыхал ее голубое платье, пока она рассеянно трогала дымчатый камень на серебряной цепочке, висевший на ее шее.

Йон все шел по коридору.

Тремя дверями дальше старая королева лежала на груде перин, угнездившись в центре огромного ложа в форме морской раковины. Ее белые волосы были собраны в узлы по бокам головы, рот слегка приоткрылся, легкий храп вырывался из сухих губ. Над ее постелью висел портрет предыдущего короля Алсена. На ночном столике стояло дешевое, в ладонь величиной, плохо нарисованное изображение ее сына, короля Юска. Она потянулась сквозь сон, задела его, затем ее рука упала на край постели, и она захрапела вновь.

В комнате, соседней со спальней королевы-матери, Лет, принц крови, наследник и претендент на трон империи Торомона, сидел на краю постели в одной пижамной курточке и протирал глаза. Тонкие ноги четырнадцатилетнего мальчика неуклюже свисали с кровати. Как и его брат, он был хрупок и светловолос.

Все еще моргая, он надел белье и брюки. Поглядывая на часы, застегнул рубашку и наконец нажал кнопку интеркома.

— Я проспал, Петра,— извинился он.— Но уже встал.

— Ты обязан научиться вставать вовремя. Помни, что ты наследник трона Торомона. Ты не имеешь права забывать об этом.

— А иногда так хочется забыть...

— Никогда больше не говори так,— последовал категоричный ответ.— Слышишь? Даже на миг не смей подумать такое.

— Извини, Петра,— сказал Лет. Его кузина-герцогиня как-то странно вела себя с тех пор, как два дня назад прибыла из своего островного поместья. Пятнадцатью годами старше его, она была для него самой близкой из всей семьи. С ней Лет обычно забывал о короне, которая всегда словно покачивалась где-то над его головой: его брат был слаб здоровьем и даже, как поговаривали, не в своем уме. Однако сейчас Петра сама ткнула его носом в золотой обруч королевства Торомон, и это воспринималось как измена.

— Как бы то ни было, вот он я. Чего ты хочешь?

— Пожелать тебе доброго утра,— усмешка в ее голосе вызвала улыбку и на лице Лета.— Помнишь, что я рассказывала тебе вчера о заключенных с тетроновых рудников?

— Еще бы! — вчера вечером он, думая об этом, никак не мог уснуть.— Те трое, кто замышлял сбежать оттуда.

Накануне вечером, через час после того, как стемнело, они сидели в саду, и Петра пересказывала ему подробности этой попытки бегства. Ее рассказ оборвался на том, как трое в темноте, под дождем, затаились на лестнице, готовясь броситься в лес.

— Ты обещала сегодня утром рассказать, что было дальше.

— Ты действительно хотел бы услышать окончание этой истории?

— Еще как! Я несколько часов не мог заснуть — все думал о них!

— Хорошо,— согласилась Петра.— Когда сменялась стража, одного из охранников захлестнула веревка в тот момент, когда он спускался по лестнице. Как и было рассчитано, другой охранник побежал выяснять, что случилось. Беглецы бросились в лес через полосу прожекторного света...— она умолкла.— По крайней мере, одному из них это удалось. Двое других были пойманы — и убиты.

— Ой...— выговорил Лет.— И это все?

— Примерно.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил кузину Лет. Ее вчерашний рассказ был полон самых разных подробностей: и обращение с заключенными, и их попытки прорыть подкоп, и предпринимаемые ими предосторожности, и зримые описания тюрьмы, которые заставляли Лета вздрагивать, словно ему самому доводилось жить в этих промозглых лачугах.— Нельзя же закончить вот так! Каким образом их поймали? И кто из них убежал — круглолицый с веснушками? А как умерли те двое?

— Тяжело,— отозвалась Петра.— К сожалению, веснушчатого поймали, вместе с хромым. Утром их тела принесли и бросили перед бараками, чтобы отбить у других охоту к таким попыткам.

— Ой...— снова вырвалось у Лета.— А что с тем, который убежал? — задал он новый вопрос.

— Лет, я хочу предупредить тебя кое о чем...

Принц замер в ожидании, но герцогиня продолжила совсем не так, как он предполагал:

— В скором времени ты можешь оказаться втянутым в приключения и захочешь забыть некоторые вещи, потому что так будет легче. Например, то, что ты принц Торомона. Но ты не забывай этого. Лет. Не забывай.

— Приключения какого рода, Петра?

И снова она не ответила на его вопрос.

— Помнишь, я описывала тебе тюрьму? Что бы ты сделал, если бы был королем, и эти заключенные оказались под твоей властью? Со всей их гнилой пищей, крысами, работой на рудниках по четырнадцать часов в день?

— Ну, Петра, я не знаю,— неохотно ответил Лет. Он не считал, что может отвечать на вопросы, связанные с правлением, только потому, что рожден именно для этого.— Наверное, поговорил бы с Советом и выслушал, что скажет Чарджил. Наверное, все зависело бы от личности заключенных, от их вины и от того, конечно, как люди к этому относятся. Чарджил всегда говорит, что ничего нельзя делать второпях...

— Я знаю, что говорит Чарджил,— терпеливо ответила герцогиня.— А теперь запомни то, что говорила я.

— И все-таки, что с тем третьим, который сумел убежать?

— Он... вернулся в Торон.

— У него должна была быть масса приключений. Что с ним случилось, Петра? Расскажи, пожалуйста!

— В общем-то ему удалось избежать особых приключений. Он шел очень быстро. Когда трое проскочили освещенную зону, то нырнули в джунгли и почти сразу же разделились. Черноволосый был единственным, кто повернулся и пошел в неправильном направлении, пока не вышел из леса, миновал рудники и сделал добрых пять миль по лавовым полям. Когда стало достаточно светло, он сообразил, что идет к радиационному барьеру. Вдали, как черная рука, цепляющаяся за горизонт, лежали руины Тельфара, Мертвого Города.

— Как же его не убила радиация?

— Вот и он подумал о том же. Он считал, что если он подошел так близко, чтобы видеть этот город, то должен был умереть еще несколько миль назад. Он устал, но был жив. Наконец он решил, что вполне может войти в город. Он сделал несколько шагов, когда услышал кое-что.

Интерком замолчал. Лет выждал время, достаточное для драматической паузы, и спросил:

— Что это было? Что он услышал?

— Если ты когда-нибудь услышишь это,— откликнулась Петра,— ты узнаешь.

— Ну, скажи, Петра, что это было?

— Это все, что я знаю об этой истории. И это все, что нужно знать тебе. Может быть, я смогу закончить ее, когда вернусь с бала.

— Пожалуйста, Петра...

— Пока что все.

Он умолк на минуту.

— Петра, а приключение — это война? И поэтому ты говоришь, чтобы я не забывал?

— Просто я хочу этого, Лет. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Только обещай мне помнить этот рассказ и то, о чем я тебя просила.

— Я буду помнить,— удивленно сказал Лет.— Обязательно.

Тем временем Йон спустился по винтовой лестнице, кивнув стоявшему у ее подножия охраннику, пересек дворцовый сад, искоса глянул на солнце и через ворота вышел в город.

Глава 3

Адский Котел опрокинул свое грязное варево на край города. Вдоль старинных переулков тянулись каменные дома. Многие из них развалились, были отстроены заново и снова развалились. Они были самыми древними постройками в Котле. Прирастающий людскими отбросами, Котел тянулся от самой водной глади до домов-ульев, в которых жили рабочие и клерки Торона. Здешние строения были наспех, впритирку друг к другу, собраны из досок и листового металла. Металл ржавел, доски коробились. Помещения в порту предоставлялись лишь эмиграционным офисам и лодочным службам аквариумов и морских понтонов для выращивания гидропонных растений.

Почти час назад в порт прибыло закопченное, неповоротливое судно. Но пассажирам разрешили сойти на берег только сейчас. За деревянным столом сидели чиновники и проверяли бумаги пассажиров. Грубая изгородь по пояс высотой отделяла прибывших от прочих людей в гавани. Пассажиры медленно продвигались. У некоторых были узлы. У большинства не было ничего. На припортовой улице стоял оглушительный шум: кричали разносчики, грохотали тележки. Кое-кто из пассажиров поглядывал через изгородь на трущобы, но большинство — нет.

Мимо тех, кто уже миновал чиновников, начала проталкиваться женщина с ящиком разных мелочей. Ей было около пя-

тидесяти, левая сторона лица обезображена красно-бурым родимым пятном. Вся ее одежда, вплоть до тряпки, повязанной на голове, была застиранного серого цвета,

— Купи шнурки для башмаков, хорошие, крепкие,— обратилась она к молодому человеку. Тот повернулся с застенчивой улыбкой.

— Я... у меня нет денег.

Рэра глянула на его ноги.

— Э, да у тебя и башмаков-то нет. Что ж, удачи тебе здесь, в Новом Мире, на Острове Возможностей,— она протиснулась мимо него и направилась к мужчине и женщине, которые несли мотыгу, грабли, лопату и младенца.

— Портрет,— сказала она, роясь в своем ящике.— Портрет нашего прославленного короля Юска, в металлической рамке, ручная миниатюра в честь дня его рождения. Ни один патриот не может обойтись без портрета.

Женщина, державшая ребенка, склонилась над большим портретом абстрактного молодого человека с короной на светлых волосах.

— Это что, в самом деле король?

— Конечно, он самый,— заявила торговка.— Он сам позировал. Посмотри, какое благородное лицо. Оно будет вдохновлять твоего малыша, когда тот подрастет.

— Сколько стоит?

— Для портрета в ладонь величиной очень дешево. Скажем, полденьги?

— Очаровательно,— сказала женщина, но, увидев хмурое лицо мужа, заморгала и отрицательно мотнула головой.

Однако мужчина неожиданно сунул в руку Рэры монету в полденьги.

— Вот,— он взял рисунок, протянул жене и кивнул: — Да, очень мило.

— Удачи вам в Новом Мире,— напутствовала их Рэра.— Добро пожаловать на Остров Возможностей.

Она достала из ящика следующую вещь, поискала взглядом, кому можно ее предложить, и повернулась к еще одному мужчине.

— Я вижу, вам очень нужна катушка хороших ниток для этого,— она показала на дыру в его рукаве, где виднелось голое смуглое плечо.

— Мне и иголка нужна,— ответил тот,— а еще мне нужна новая рубашка и ведро золота,— неожиданно он сплюнул.— За то, что есть в моем кармане, у меня равные шансы получить любую из этих вещей.

— Ну хотя бы катушку прекрасных прочных...

Кто-то толкнул ее сзади.

— Проходите, мадам. Здесь нельзя торговать.

— Но мне-то можно,— воскликнула она, оборачиваясь.— У меня есть лицензия, дайте я найду ее...

— Ни у кого нет лицензии, чтобы торговать перед эмиграционным зданием. Проходите.

— Удачи вам в Новом Мире! — крикнула она через плечо, пока полицейский вынуждал ее уйти.

Неожиданно у ворот началась суматоха. У кого-то оказались не в порядке бумаги. Затем босоногий мальчишка вырвался из ряда, подбежал к ограде и прыгнул. Ограда оказалась хлипкой — пока мальчишка поднимался с земли и убегал прочь, она развалилась.

Пассажиры забеспокоились и зашумели, как прибой. Чиновники вскочили из-за столов, замахали руками, закричали, потом запрыгнули на скамьи и начали кричать еще отчаяннее. Полицейский, прогнавший Рэру, исчез среди мешанины тел.

Рэра подхватила свой ящик и метнулась за угол, быстро растворившись в толпе около двух домов в трущобах.

— Рэра!

Она остановилась и оглянулась.

— А, это ты,— сказала она и подошла к девушке с таким же ящиком.

— Рэра, что случилось?

По родимому пятну пошли морщины — женщина рассмеялась.

— Ты видишь начало превращения. Страх, голод, чуть больше страха, отсутствие работы, еще больше страха — и любой из этих бедняг станет первоклассным гражданином Адского Котла. Много продала?

— На две деньги,— ответила девушка. Ей было лет шестнадцать. Белые волосы, голубоватые глаза и сильно загоревшая кожа придавали ей вид экзотического зверька со снежной гривой.— А почему они бегут?

— Какой-то паренек начал панику. Ограда рухнула, вот и остальные тоже зашевелились,— словно в подтверждение ее слов, из-за угла вывернулся второй поток людей.— Добро пожаловать в Новый Мир, на Остров Возможностей! — воскликнула Рэра и рассмеялась.

— Куда они все пойдут? — спросила Альтер.

— В земляные норы, в уличные щели — кому как повезет. Некоторые счастливчики окажутся в армии. Но очень многие так и не сумеют приспособиться. Женщины, дети...— Рэра пожала плечами.

— Эй! — раздался мальчишеский голос. Женщины обернулись.

— А вот и тот самый парень, что сломал ограду! — воскликнула Рэра.

— Что ему нужно?

— Не знаю. В жизни его не видала до сегодняшнего дня.

Мальчик подошел к ним. Он был смуглым и черноволосым, но глаза его оказались неожиданно зелеными, как морская вода, и прозрачными.

— Это ты торгуешь разными вещами?

— Да,— кивнула Рэра.— Что ты хочешь купить?

— Купить — ничего. Я хочу кое-что продать.

— Что именно? — скептически переспросила Рэра. Мальчик был бос, штаны едва доходили ему до середины икр, а рубашка-безрукавка не имела застежек.

Вместо ответа он достал из кармана сверток зеленой фланели и развернул его.

Они были теплых тонов, и каждый оттенок словно растворен в молоке. Иные были пронизаны золотом, другие переливались от теплого коричневого к бледно-желтому. Две из них были отшлифованы до непорочности перламутра, родителя жемчужины, их матовая серебристая поверхность туманилась пастельными переливами. На темной зелени их завитки мерцали особенно изысканно.

— Это же просто морские раковины,— сказала Рэра.

Альтер осторожно тронула один из завитков кончиком пальца.

— В них можно влюбиться... Где ты их взял?

Раковины были подобраны по размерам — от фаланги ее большого пальца до ноготка на среднем.

— С тех пор, Альтер, как умерла твоя мать, а моя сестра,— снова подала голос Рэра,— мы не имеем возможности дать ему и сотой части деньги. Я с трудом продала всего одну вещь, прежде чем эта полицейская скотина вытолкала меня.

— Я нашел их в бухте,— объяснил мальчик, словно не слыша слов торговки.— Когда я прятался на судне, мне было совершенно нечего делать, и я полировал их.

— А зачем ты прятался? — резко спросила Рэра.— Хочешь сказать, что ты ехал без билета?

— Угу.

— Сколько ты за них хочешь? — спросила Альтер.

— Сколько... сколько будут стоить еда и ночлег?

— Много больше, чем мы можем заплатить,— отрезала Рэра.— Пошли, Альтер. Этот парень совсем заговорит тебе зубы, если ты будешь его слушать.

— Послушай,— сказал мальчик, указывая на ракушки,— я их даже просверлил. Ты могла бы снизать их в бусы и надеть на шею.

— Если ты хочешь получить за это еду и ночлег,— сказала Альтер,— то ты хочешь не денег, а друзей. Как тебя зовут? Откуда ты?

— Меня зовут Тель,— пораженный, мальчик поднял глаза от раковин.— Я с материкового побережья, сын рыбака. Я думал, что если приеду сюда, то смогу найти работу в аквариумах. На побережье наслышаны о них.

Альтер улыбнулась.

— Прежде всего ты слишком молод...

— Но я хороший рыбак.

— ...а кроме того, это сильно отличается от рыбной ловли с лодки. Знаю, ты скажешь, что здесь полно работы в аквариумах и гидропонных садах. Но если считать всех иммигрантов, то будет по три человека на каждое место.

Тель вздрогнул.

— Хорошо, я могу хотя бы попытаться.

— Правильно,— сказала Альтер.— Пошли. Пойдем с нами. Тетя Рэра, отведем его к Джерину и, может, найдем ему какую-нибудь еду. Он может остаться там на какое-то время, если понравится Джерину.

Рэра разозлилась:

— Нельзя же тащить к Джерину каждого бездомного оборванца! Если так делать, то они наползут из всех щелей Котла. Проще решить, что этот бродяга сразу же не понравится Джерину и будет выброшен на улицу одним пинком! — ее родимое пятно побагровело от прилива крови.

— Тетя Рэра, пожалуйста! Я уговорю Джерина.

Рэра раздраженно фыркнула.

— Мы сами уже две недели не платим. Побереги свои хорошие слова до того момента, когда старик будет выкидывать нас самих! За какую-то горсть ракушек...

— Ну пожалуйста! — морской бриз ворвался в узенькую улочку, растрепал белую гриву Альтер и словно погладил ее по плечу.— Кстати, он вполне может пригодиться Джерину. Ведь если Тель ехал без билета, значит, у него нет никаких бумаг.

Тель выглядел растерянным. Рэра нахмурилась.

— Об этом лучше даже не упоминать.

— Не глупи,— сказала Альтер.— Выкинуть нас с тобой — фантазия Джерина, которая никогда не воплотится в жизнь. Но подумай сама: без документов Тель не получит работы в аквариуме, даже если бы там и захотели его взять. А вот если Джерин решит, что Тель пригодится для его безумного плана, ему будет куда лучше, чем с работой на ферме за десять денег в неделю. Понимаешь, Рэра, каким образом Джерин может похитить...

— Заткнись! — рявкнула Рэра.— Даже если он это сделает, что дальше? Куда он денет еще и короля?

— Я не понимаю,— сказал Тель.

— Очень хорошо,— сказала Рэра.— Если хочешь держаться нас, то и не пытайся понять.

— Мы можем сказать,— добавила Альтер,— что хозяин гостиницы, где мы живем, хочет кое-что сделать. Вообще-то он немножко не в своем уме — например, разговаривает сам с собой. Но ему нужен кто-то, кого не смогут опознать, раз он не зарегистрирован в городе. Если он решит, что тебя можно использовать, ты получишь хорошую еду и место для сна. Он был садовником в островном поместье герцогини Петры, но то ли пил лишку, то ли еще что, только в конце концов она его уволила. Он уверяет, что она писала ему насчет плана. Но...

— Хватит, больше ни слова,— оборвала ее Рэра.

— Ты еще услышишь об этом от него самого,— пообещала Альтер.— А почему ты уехал без билета и без документов?

— Я досыта нахлебался жизни дома. Мы каждый день ловили рыбу, а потом она гнила на берегу, потому что мы могли продать только пятую часть, а то и вовсе ничего. Некоторые бросили это дело, а некоторые вбили себе в голову, что надо работать больше. Я уверен, что так считал и мой отец. Он почему-то вообразил, что если будет добывать много рыбы, то кто-нибудь станет ее покупать. Но никто не покупал. Моя мать занимается ручным ткачеством, на это в основном мы и жили. Я решил, что съедаю больше, чем сам стою. Вот и уехал.

— Прямо так, без денег? — спросила Рэра.

— Прямо так.

— Бедный мальчик,— вздохнула Рэра и с неожиданным материнским чувством обняла его за плечи.

— Ой! — вскрикнул Тель и сморщился. Рэра тут же убрала руку.

— В чем дело?

— У меня тут болит,— он осторожно потер плечо.

— Что там?

— Мой отец... бил меня...

— А,— сказала Рэра,— теперь совсем понятно. Ладно, это твое дело, по какой причине ты уехал. Я еще не встречала никого, кто делал бы что-то по одной-единственной причине. Пошевеливайся. Мы вернемся к Джерину как раз к обеду.

— Я подумал, что если сумею пробраться на борт,— продолжал Тель,— то меня пустят в город, даже без денег. А про документы я ничего не знал. И когда шел в шеренге, думал, как объясняться с людьми за столом. Может, отдать им раковины, и мне дадут документы? Но у парня передо мной была в бумагах ошибка, кажется, какие-то неправильные даты. И ему сказали, что его отошлют обратно на материк, и с корабля он сойти не может. Он предложил им деньги, даже достал их из кармана, но его все равно отправили назад. Вот тогда я и выскочил из рядов и перемахнул через забор. Я не знал, что еще кто-нибудь побежит.

— Очень может быть, что у половины пассажиров документы были не в порядке. Или вообще фальшивые. Вот они и бросились бежать.

— Ты цинична, тетя Рэра.

— Просто я знаю жизнь.

Когда они еще раз свернули за угол, зеленые глаза мальчика так и впились в туманно-голубые башни дворца — далеко-далеко, за крышами торговых заведений, за домами-ульями и огромными кварталами многоквартирных домов. Он пытался запомнить все это, вобрать в себя за один раз, но тщетно. Два его впечатления изо всех сил противоречили друг другу: узость переулков, в которых два человека не могли бы разойтись иначе как боком — и бесконечность города. Он пытался объяснить Альтер, что он сейчас чувствует, но после нескольких рваных фраз та улыбнулась и покачала головой.

— Нет, не понимаю. Постарайся еще раз сказать, что ты имеешь в виду.

А в его голове вдруг заметалось море. Желтый песок бухты захлестнул его сознание, обжигая глаза. Он видел изъеденные солью камни, усеянные раковинами моллюсков. Он видел коричневые пальцы водорослей, цеплявшихся за песок, когда волны откатывались. На миг Тель словно ослеп, не видя города. Когда же тот снова возник у него в глазах, слезы омыли ломаные тротуары, растрескавшиеся стены и прогнившие оконные рамы, сделав их яркими и блестящими.

— Он хочет сказать, что тоскует по дому,— перевела Рэра.— Нет, мальчик, это никогда не пройдет. Но со временем станет легче.

Улица дважды резко повернула и стала шире.

— Вот мы и пришли,— сказала Альтер.

Над дверью двухэтажного каменного дома — вдвое выше, чем строения рядом — висела красная вывеска. Они вошли. По низкому потолку тянулись балки. Вдоль одной из стен комнаты шла стойка, а в центре имелся длинный стол. Еще в комнату спускались лестница в виде буквы V.

Из сидевших в помещении мужчин и женщин Телю сразу же бросился в глаза один человек. Он был выше семи футов ростом и располагался на скамье у стола. У него было удлиненное лошадиное лицо, а на щеке тройной шрам, спускавшийся на шею и исчезавший под курткой. Едва Тель успел это разглядеть, как человек склонился над своей тарелкой с едой, и странные шрамы исчезли из виду. Мальчик припомнил высоких лесных людей, иногда приходивших в рыбачью деревню, а также маленьких, которые тоже приходили и слишком много пили. Прежде ему уже доводилось встречать у высоких такие шрамы.

На вершине лестницы появился старик, прямой, как жердь. Он спешил вниз, его седые волосы торчали во все стороны. Спустившись, он обвел комнату черными глазами.

— Все в порядке! — крикнул он.— Я получил послание. Я получил послание! Время пришло!

— Это Джерин,— шепнула Альтер Телю.

— Все здесь? — спросил старик.— Мы все здесь?

Женщина за стойкой хихикнула. Джерин повернулся к Телю, Альтер и Рэре.

— Эй, ты! — сказал он. Его палец качался, так что было не вполне ясно, на кого из троих он показывает.

— Ты имеешь в виду его? — спросила Альтер, указав на Теля. Джерин кивнул.

— Что ты тут делаешь? Ты шпион?

— Нет, господин,— выговорил Тель.

Джерин обошел стол и приблизился. Его черные глаза двумя резкими пятнами выделялись на лице цвета корабельного борта, который не красили две зимы подряд.

— Джерин,— сказала Альтер,— он не шпион. Он с материка. И еще, Джерин, у него совсем нет никаких документов. Он ехал зайцем.

— Ты точно не шпион? — снова спросил Джерин.

— Нет, господин,— покорно повторил Тель.

— Ты нед?

— Ой, а что это такое?

— Недовольный. Мы все здесь неды. Ты знаешь, что это значит?

— Ой...— снова сказал Тель. Лающие вопросы старика пугали его, но и очаровывали, как пугали и очаровывали великие хитросплетения города.

— Это означает, что тебе не нравилось там, где ты *был*, место, где ты *есть* сейчас, предвещает только худшее, а то единственное место, куда ты *можешь попасть*, ничем не лучше двух первых.

— О да, мне вовсе не нравилось...— Тель сделал небольшую паузу и, потерев больное плечо, словно кинулся с гребня волны: — Мне не нравилось там, где я был.

— Тогда не стой просто так на дороге. Делай что-нибудь. Следуй моему плану. Пойдем с нами!

— Но я не знаю...

— ... куда пойдешь? Все равно иди! — старик отступил назад.— Ты мне нравишься, я тебе верю. У меня, видишь ли, нет выбора. Слишком поздно. Послание пришло. Так что ты нужен мне,— он засмеялся, но смех его резко оборвался, словно обрезанный бритвой. Он прикрыл глаза руками:

— Как я устал... Рэра, ты задолжала мне. Плати, или я выкину вас всех. Я устал,— он тяжело пошел к стойке.— Дайте мне чего-нибудь выпить. Могу же я выпить в собственной таверне.

Кто-то снова хихикнул. Тель взглянул на Альтер.

— Все хорошо,— сказала она.— Ты ему понравился.

— Понравился?

— Угу.

У бара Джерин осушил стакан зеленого ликера, стукнул пустой емкостью о стойку и закричал:

— Война! Да, война!

— Начинается,— шепнула Альтер.

Джерин провел пальцами по краю стакана.

— Война,— повторил он и резко повернулся.— Наступает. А вы знаете, почему она наступает? Вы знаете, как она наступает? Мы не можем остановить ее, и никто не может. Я получил сигнал, так что надежды больше нет. Мы должны идти вперед, попытаться что-то спасти, что-то начать и отстраивать снова,— Джерин взглянул на Теля.— Мальчик, ты знаешь, что такое война?

— Нет, господин,— ответил Тель не вполне искренне. Ему доводилось слышать это слово.

— Эй,— крикнул кто-то от бара,— нам что, опять слушать о великих пожарах и разрушениях?

Джерин игнорировал выкрик.

— Ты знаешь, что был Великий Пожар?

Тель покачал головой.

— Когда-то мир был много больше, чем сегодня,— сказал Джерин.— Когда-то люди плавали не только между островом и материков или от острова к острову, но и объезжали весь земной шар. Когда-то люди летали на Луну и даже к другим светилам. Были империи вроде Торомона, только больше, и было их очень много. Они часто сражались друг с другом, и это называлось войной. И последняя война закончилась Великим Пожаром. Это было пятьсот лет назад. Большая часть мира, из которого мы теперь знаем лишь маленький кусочек, изранена полосами непроходимой земли, море пронизано мертвыми течениями. Может быть, лишь один Торомон остался пригодным для жизни, по крайней мере, мы все уверены в этом. А теперь у нас снова будет война.

— Если она настанет,— крикнул кто-то от стойки,— она принесет хоть какое-то оживление.

Джерин крутнулся.

— Ты не понимаешь! — он запустил руку в свои и без того всклокоченные волосы.— С кем мы воюем? Мы не знаем! С чем-то безымянным по ту сторону радиационного барьера. Почему мы воюем?

— Потому что...— начал надоевший голос от бара.

— Потому что,— перебил его Джерин, зачем-то снова указывая на Теля,— мы должны воевать. Торомон дошел до такого состояния, что должен сливать излишнее напряжение куда-то вовне. Наша наука опередила нашу экономику. Наши законы стали строги якобы для того, чтобы остановить беззаконие. Но на самом деле законы ужесточились только для того, чтобы поставлять рабочих на рудники. Все очень просто. Каторжники будут добывать больше

тетрона, и все больше горожан останется без работы и будет нарушать законы, чтобы выжить. Десять лет назад, до аквариумов, рыба была в пять раз дешевле, чем сейчас. И безработных в Тороне было всего четыре процента, а сегодня их — двадцать процентов от городского населения. Четверть нашего города голодает. И каждый день прибывает все больше людей. Что мы будем с ними делать? Война — единственное, чем мы можем занять их. Университеты увольняют профессоров, чью науку нельзя использовать для лишения людей работы. А с ними что мы будем делать? Тоже пошлем воевать. Постепенно рудники завалят нас тетроном, его будет слишком много даже для аквариумов и гидропонных садов. И мы будем использовать его для войны.

— А что потом? — спросил Тель.

— Мы не знаем, с кем или с чем мы воюем,— повторил Джерин.— Может, мы будем сражаться сами с собой, даже не подозревая об этом. Судя по истории, во время войны каждую сторону держат в неведении относительно другой. Или кормят сказками для малышей вместо правды. Но правда может быть...— его голос оборвался.

— Какой же у вас план? — спросил Тель.

У стойки опять засмеялись.

— Как-нибудь...— его голос понизился.— Каким-то образом мы должны спасти хотя бы часть мира от грядущего уничтожения. Лишь немногие из нас знают все, понимают все и знают, что... что надо делать.

— Что? — снова спросил Тель. Джерин неожиданно повернулся.

— Выпьем! Выпьем все!

Замешательство исчезло без следа. Все оживленно двинулись к бару.

— Выпьем! Выпьем, друзья и братья! — громогласно призвал Джерин.

— Какой у вас план? — снова спросил растерявшийся Тель.

— Я расскажу тебе,— почти шепотом ответил старик,— но не сейчас. Не сейчас...— он опять обернулся.— Пить до дна!

Трое мужчин, уже получившие стаканы, одобрительно закричали.

— Вы со мной, друзья? — спросил старик.

— С тобой! — крикнули еще шестеро, стукнув стаканами по столу. Взгляд Теля метался от Альтер к Рэре и обратно.

— Мой план...— начал Джерин.— У всех есть стаканы? Еще один круг на всех.

Раздались общие крики одобрения. Стаканы моментально опорожнились и наполнились снова.

— Мой план... понимаете, он в общем-то не совсем мой, это лишь малая часть великого плана спасения... Так вот, мой план —

похитить принца Лета из дворца. Это та часть, которую должны выполнить мы. Вы со мной, друзья?

Поднялся крик. Кто-то в углу бара затеял драку. Голос Джерина пробился сквозь шум, заставив его на несколько секунд утихнуть, и перешел в задыхающийся шепот:

— Вы должны быть со мной! Сегодня ночью! Я... я так спланировал.

Тель нахмурился, а Альтер покачала головой. Старик закрыл глаза. Рэра встала рядом с ним и положила руку на плечо.

— Ты сам можешь заболеть от этих криков. Давай я отведу тебя наверх, в твою комнату.

Когда она повернула старика к лестнице, отмеченный шрамами гигант встал, поглядел прямо на Джерина и осушил свой стакан. Джерин кивнул, тяжело вздохнул и позволил Рэре вести его. Тель и Альтер смотрели ему вслед.

Пьющие вновь зашумели.

Глава 4

Она сделала запись в блокноте, отложила карандаш и взяла жемчужную застежку, которой скреплялись плечи ее белого платья.

— Позвольте причесать вас, госпожа,— обратилась к ней горничная.

— Одну секунду,— Клея перевернула страницу 328 своих интегральных таблиц и проверила дифференциал субкосинуса корня n-ной степени из A плюс B, умноженного на A в n-ной степени плюс B в n-ной степени. Перенесла значение в блокнот.

— Госпожа? — снова позвала горничная, худая женщина лет тридцати. На ее левой руке отсутствовал мизинец.

— Можешь начинать,— Клея откинулась в гамаке и подняла с шеи темную массу волос. Горничная одной рукой взяла это богатство цвета эбенового дерева и нашарила конец серебряной цепочки с нанизанными через каждые полтора дюйма жемчужинами.

— Что вы там рисуете, госпожа? — полюбопытствовала горничная.

— Я пытаюсь установить инверсию субтригонометрической функции. Мой профессор математики в университете открыл непрерывные функции, но никто еще не доходил до обратных.

Горничная ловко вплела цепочку, взяла гребень и вонзила его в каскад волос, упавших на плечо Клеи.

— А... что вы будете делать с ними, когда установите?

— Уместный вопрос,— отозвалась девушка.

— Ой, простите меня...

— Да нет,— сказала Клея.— Они и в самом деле будут совершенно бесполезны. Они существуют, могут быть описаны, но

в мире очень мало того, что можно сделать с их помощью. Что-то вроде квадратного корня из минус единицы. Когда-нибудь мы найдем им применение, однако пока они бесполезны. Но интересны.

— Наклоните голову чуть влево, госпожа,— ответила на это горничная. Клея подчинилась.

— Вы будете выглядеть превосходно,— четыре и пять пальцев ловко сделали волну в волосах.— Просто замечательно.

— Надеюсь, что Тумар придет. Без него будет скучно.

— Но обещал прибыть сам король,— сообщила горничная.— Я своими глазами видела карточку с его согласием. Такая простенькая, но очень элегантная.

— Мой отец будет радоваться этому намного больше, чем я. Мой брат ходил с королем в одну школу до... до коронации Его Величества.

— Удивительно! — сказала горничная.— Они могли быть друзьями! Подумать только! Вы не знаете, они дружили или нет?

Клея пожала плечами.

— Да, госпожа,— продолжила горничная,— вы уже видели бальный зал? А все закуски — только из рыбы. Знаете, это самая мелкая из тех, что выращивает ваш отец.

— Знаю,— усмехнулась Клея.— Не думаю, что я когда-нибудь в своей жизни съем хоть одну папину рыбу. Это просто ужасно. Но считается, что она очень хорошая.

— Очень хорошая, госпожа. Очень. Ваш отец замечательный человек. Он выращивает такую хорошую крупную рыбу. Но согласитесь, все же она чем-то отличается от той, что привозят с побережья. Я пробовала, так что знаю.

— А в чем именно разница? — спросила Клея, обернувшись.

Горничная задумалась.

— Не знаю, госпожа. Но каждый скажет, что разница есть.

Замок на парадной двери отцовского дома все еще помнил отпечаток его большого пальца.

В данный момент Йон находился в кладовой и говорил кому-то незримому:

— Пока ты был прав. Ладно, я верю тебе. У меня ведь нет особого выбора,— неожиданно его интонация изменилась.— Я буду верить тебе — какой-то своей частью, во всяком случае. Почти пять лет назад меня упекли на каторгу за глупость, которую я сделал, и я, как ни старался, не смог себя убедить, что вина за эту глупость лежит на мне одном. Я не собираюсь обвинять одного Юска — шальной случай и все такое прочее... Все, чего я хочу — выбраться из этого болота. Я хочу быть *свободным*. Я шел почти на самоубийство, пытаясь бежать с рудников. И два человека, помогавших мне, скорее всего, погибли. Конечно, ты вывел

меня из этого безупречного стального склепа, и я пошел обратно к радиационному барьеру. За это спасибо. Но я все еще не свободен и все еще хочу свободы больше всего на свете. Знаю, ты хочешь, чтобы я что-то сделал, но я не понимаю, что именно. Ты обещал рассказать. Ладно. Но пока ты отираешься в моей голове, я не свободен. Если дело лишь в том, чтобы повиноваться тебе, я буду это делать. Но предупреждаю: если я увижу еще одну трещину в стене, еще один проблеск света — я воспротивлюсь попытке пробиться, и к дьяволу тебя. Потому что, пока ты здесь, я все еще заключенный.

Свет в кладовой закачался. Йон торопливо метнулся за высокий шкаф с фарфоровой посудой. Кто-то вошел в кладовую. Из-за угла шкафа показалась широкая рука, поросшая черными волосами и украшенная медным кольцом с голубой стекляшкой неправильной формы. Когда дверь открылась, рука исчезла из виду. Послышались звон тарелок на полках, скольжение фаянсовой посуды и голос:

— Здесь все в порядке. Неси эту.

Дверь закрылась. Свет ушел, и вместе с ним исчезли руки и голова Йона. Прежде чем снова двинуться вперед, он бросил взгляд на кладовую, на двери и шкафы. Фамильные владения, так сказать... Вот дверь в главную кухню. Однажды, в детстве, он стащил отсюда плод кхарбы и кинулся бежать, не заметив, что уронил большую деревянную чашу с салатом. Обернувшись на стук, он кинулся назад, чтобы исправить содеянное, и увидел бледные листочки латука, усыпавшие кафельный пол, ровным слоем по всей кухне, и среди них чашу, еще пляшущую по полу. Тогда ему было всего девять лет...

Он вышел и медленно пошел по холлу к столовой. В холле стоял стол красного дерева, а на нем — абстрактная скульптура из алюминиевых прутьев и стеклянных шариков. Она была ему незнакома. Раньше здесь стояла голубая керамическая ваза — стройная, цилиндрическая, с узким горлышком. Глазурь ее была вся покрыта мелкими трещинками. Сочетание бирюзы с пламенеющим красным деревом стола казалось ему необыкновенно роскошным и даже чувственным. Он разбил эту вазу. Разбил нечаянно, вздрогнув, когда его сестра, маленькая девочка с черными, как у него, волосами, неожиданно подошла и спросила: «Что ты здесь делаешь, Йон?» Он вспомнил свою первую реакцию: удивление, что глазурь покрывала керамику только снаружи. Ему было четырнадцать...

Он вошел в семейную столовую и остановился. Когда использовался бальный зал, сюда никто не смог бы войти. Здесь слышалось нежное тиканье сотни часов, чем-то напоминающее трескотню сверчка. Все полки были заставлены отцовской коллекцией хронометров. Он посмотрел на полки вровень со своими глазами.

Когда он в последний раз был в этой комнате, полки были выше. Свет из двери падал на циферблаты, одни величиной с ноготь его мизинца, другие больше его головы. За пять лет прибавилось много новых, подумал он.

Когда ему было восемнадцать лет, он стоял в этой комнате и испытывал тонкое двойное лезвие энергетического ножа. Света в комнате не было, и в своих резких выпадах он почти касался циферблатов настенных часов... Позже в королевском дворце, с тем же ножом, он испытал внезапный страх обнаружения. Страх перешел в панику, паника осложнилась растерянностью, а растерянность вновь перешла в страх. Страх потянул его вниз, и когда Йон попытался бежать через сводчатый коридор, ноги его словно прилипли к полу. Наткнувшись на одну из статуй в нише, он в отчаянии повернулся к преследовавшему его охраннику и метнул белую иглу энергии. Плоть охранника зашипела, стала опадать, кровь выступила на миг и тут же испарилась в бледном огне — а Йон как-то сразу обессилел. Взяли его легко...

Медведь неуклюжий, подумал он. И не пальцами — в свое время он исправил многие из этих часов, приобретенные его отцом в разных стадиях поломки,— а мозгами. Его эмоции не были не то что утонченными, но даже отчетливыми, а стрелы злобы и страха падали вокруг него без фокуса и без видимого источника. Отвращение или любовь, когда он испытывал их, бывали неясно выражены и легко превращались друг в друга. («Школа у нас великолепная, и учитель истории необыкновенно хороший... да нет, школа мерзкая, а все ребята ужасно навязчивы и безалаберны...»)

Затем были пять лет тюрьмы. И первое резкое ощущение пронзило его мозг, острее крупинки яда из кольца отравителя: желание, боль, агония без свободы. Планы побега были замысловаты, но тонки, как трещинки на голубой глазури. Желание побега резало желудок, словно голод, и когда они втроем ждали под дождем у лестницы, желудок невыносимо сводило. И потом...

А потом — что заставило его потерять других? Почему он пошел не в нужном направлении? Тупица, воплощение неловкости и неуклюжести! А ведь он хотел освободиться и от этого! Теперь он думал: может быть, он хотел освободиться от всего, что было сплетено в его сознании с тюремной охраной, мерзкой пищей и полной невозможностью как-то связаться с внешним миром.

Позднее на горизонте появилось зарево — бледнее, чем рассвет, смертельнее, чем море, мерцающая дымка над холмами. Возле Йона торчали скелеты древних деревьев. Почва была как будто усыпана пригоршнями чего-то черного, и на этом черном не оставалось отпечатков его ног. На горизонте в лучах света, словно вырезанный из угольной бумаги, виднелся силуэт города, башня за башней поднимались из перламутровой дымки. Среди них виднелась сеть дорог. Тельфар!

Затем он заметил металлическую нить, бегущую к нему из города, отклоняясь вправо. С полмили она шла мимо него и исчезала в джунглях за его спиной. Тельфар! Имя ворвалось в его сознание, как знак, связанный со струнами его души. Радиация! Это было второе, о чем он подумал. И снова название города прогремело в его мозгу: *Тельфар*! Верная, самая верная смерть, какую он мог себе представить. Имя продолжало звучать под его черепом. Затем он замер, поняв, что и в самом деле слышит нечто... Голос! *ЛОРД ПЛАМЕНИ*. Он отчетливо расслышал это...

В бальном зале заиграла музыка. Он выглянул в коридор. Навстречу ему шел парень в фартуке, с пустым подносом в руках.

— Прошу прощения, господин,— сказал парень в фартуке.— Гостям не полагается быть в этой части дома.

— Я искал...— Йон кашлянул.

— Да, понимаю. Вернитесь в зал и выйдите в коридор через третью дверь слева.

— Благодарю вас,— Йон улыбнулся и пошел по коридору. Он вошел в бальный зал через высокий арочный альков, где стояли белые столики с подносами с икрой красной рыбы на кусочках тостов, пирожками с белым, красным и темным рыбьим мясом, рыбным филе, нарезанным полосками, закрученными в виде раковин, креветками и рыбным фаршем.

На возвышении оркестр из десяти инструментов — три радиолины, теремин и шесть духовых раковин разных размеров — наигрывал медленную музыку. Немногие ранние гости терялись в большом помещении. Йон двинулся через зал.

Тут и там стальные фонтаны извергали голубую или розовую жидкость на горки колотого льда. Рядом с каждым фонтаном имелась полочка со стаканами. Йон взял стакан, наполнил его и пошел дальше, потягивая напиток.

Громкоговоритель возвестил о прибытии господина Квелора Да со спутницами. Все головы повернулись, и через секунду масса блестящего зеленого шелка и голубых вуалей на вершине мраморной лестницы распалась на четырех дам и их эскорт.

Йон вскинул глаза на балкон, идущий вокруг второго этажа зала. Невысокий господин в строгом синем костюме вошел в дверь бального зала и торопливо направился навстречу прибывшим. Йон отхлебнул еще немного напитка — сладкого, слабоалкогольного, отдающего смесью фруктов и цветов и чуть покалывающего язык. Господин в синем костюме быстро прошел всего в нескольких ярдах от него.

Отец! Потрясение было почти столь же сильным, как при опознании Тельфара. Волосы отца стали реже, сам он заметно отяжелел. Его... его отец... Он уже был на другом конце зала, устраивая смотр официантам. Это было таким знакомым, ничуть не изменившимся, и оттого причиняло особую боль.

Зал постепенно наполнялся. Йон обратил внимание на одного из гостей, рыжеволосого молодого человека в военной форме, делавшей его старше своих лет. На плечах его были майорские погоны. Йон некоторое время наблюдал за ним. Молодой человек ничего не ел и не пил, а лишь прохаживался мимо лестницы, ведущей на балкон — десять шагов туда, десять обратно. Ждет кого-то, подумал Йон.

Было неловко совсем ни с кем не общаться, и Йон перекинулся парой слов с молодым военным: «Очаровательный вечер, как вы считаете?» — «Да, уважаемый».— «Я полагаю, предстоящая война беспокоит всех нас».— «Война? О да!» Потом военный куда-то ушел, и сейчас Йон одиноко стоял у двери. Неожиданно из громкоговорителей раздалось:

— Его Величество король со своей свитой!

Зашуршали платья, смолкли разговоры, люди повернулись и отступили от лестницы. На вершине мраморной лестницы появились королевская свита, сам король и высокая, нервная, рыжеволосая женщина, с виду старше короля на несколько лет. Пока они спускались, народ справа и слева кланялся им. Йон тоже склонил голову, но успел заметить, что дама, сопровождающая короля, очень пристально смотрит прямо на него. Он снова вскинул на нее глаза, но ее изумрудный шлейф уже заворачивал влево. Эмблема на ее накидке говорила, что она герцогиня.

Старый Кошар прошел между склонившимися гостями и поклонился сам. Бледный молодой король пожал ему руку.

— Ваше Величество...— начал Кошар.

— Да, милейший?

— Я не видел вас с тех пор, как вы были школьником.

Король тускло улыбнулся. Кошар поспешно продолжил:

— Я хотел бы представить вам мою дочь, потому что это ее вечер. Ее зовут Клея.

Старик повернулся к балконным ступеням, и вместе с ним повернулись глаза толпы.

Она стояла на верхней ступеньке, в белом шелковом платье с жемчужными застежками на плечах. Черные волосы, перевитые серебряной цепочкой с жемчугом, ниспадали на одно плечо. Люди расступились, когда она с улыбкой двинулась вниз по лестнице. Йон смотрел, как она проходит вперед и становится рядом с отцом.

— Моя дочь Клея,— сказал старый Кошар. Он поднял левую руку, и оркестр заиграл вступление к танцу перемены партнеров. Йон смотрел, как король берет Клею за руки. Он видел, как его знакомый военный шагнул было вперед, но остановился. Перед Йоном внезапно возникла женщина в дымчато-сером платье и с улыбкой спросила:

— Танцуете?

Йон улыбнулся в ответ и обнял ее за талию. По-видимому, с военным произошло то же, потому что Йон увидел его в кругу.

Клея и король кружились вместе с несколькими парами, белое с белым, брюнетка с блондином. Па танца воскресали в памяти Йона, как строки вспоминаемой поэмы: поворот, поклон, разделение пары и новое воссоединение. Когда дама делает маленький шаг назад, а кавалер кланяется, он на мгновение теряет ее из виду, но платье ее всегда шелестит именно так. Да, именно так! Весь этот день был наполнен воспоминаниями, пять лет истаяли в памяти, и все узнавалось с такой живостью, что Йон был потрясен. Музыка дала сигнал к смене партнеров, платья закружились в пестром калейдоскопе, словно опадающие лепестки цветов, и рядом с Йоном оказалась дама с каштановыми волосами, минуту назад бывшая партнершей майора. Глянув влево, он увидел, что майор сумел заполучить в партнерши Клею. Придвинувшись ближе, он услышал:

— Я уж думала, что ты так и не подойдешь. Я так рада,— говорила Клея.

— Я подошел бы раньше, но ты была занята,— ответил Тумар.

— Ты мог бы подняться наверх.

— Когда я появился здесь, я вообще не рассчитывал, что у нас будет возможность поговорить.

— Ну, что ж, теперь она у нас есть, хотя мы скоро сменим партнеров. Что случилось с теми самолетами-разведчиками?

— Все покалечены, и при этом ни один не видел ничего внятного. Они вернулись на базу еще утром. Никакого рапорта не будет. Как насчет пикника, Клея?

— Мы можем устроить его...

Взрыв музыки обозначил новую перемену. Йон на минуту понадеялся, что будет танцевать с сестрой. Он видел, что ее белое платье повернулось к нему, но неожиданно его заслонили переливы изумрудного муара и пламя цвета красного дерева. Его партнершей оказалась герцогиня. Она была почти одного роста с ним и смотрела на него с улыбкой, которую с равной легкостью можно было счесть дружеской и циничной. Она двигалась легко, и он только подумал, что из вежливости тоже должен ответить ей улыбкой, как музыка возвестила очередную перемену партнеров. За мгновение до того, как герцогиня отвернулась, он отчетливо услышал ее слова:

— Желаю удачи, Йон Кошар.

Собственное имя ввергло Йона в ступор. Он остановился и долго глядел ей вслед. Когда же наконец он повернулся к своей новой партнерше, его глаза заполнила белизна. Это была Клея. Он обязан был танцевать, но по-прежнему стоял неподвижно. Она вопросительно взглянула ему в лицо и вдруг ахнула. Сначала Йон даже подумал, что его голова снова исчезла. Потом осознал,

взглянув в ее широко раскрытые глаза, что это лишь первый шок от неожиданного сюрприза. Он шепнул: «Клея...» — и ее рука прикрыла раскрывшийся рот.

«Неуклюжий!» — подумал он, и это слово отозвалось болью в руках и груди. Надо потянуться к ней, танцевать... Но музыка вдруг смолкла, и томный голос короля громко объявил:

— Дамы и господа, граждане Торомона, я только что получил послание от Совета, которое вынуждает меня поставить в известность вас, моих друзей и верноподданных. Совет просит меня дать согласие на официальное объявление войны. Непредвиденные обстоятельства вынуждают нас начать немедленные действия против злейших врагов за барьером. Поэтому перед всеми вами я заявляю, что империя Торомона вступает в войну!

Среди нависшего молчания Йон взглянул на сестру, но та уже исчезла. Кто-то крикнул в микрофон:

— Да здравствует король!

Крик подхватили. Музыканты снова заиграли, партнеры сменились в очередной раз. Смех и разговоры входили в его уши, как шум прибоя, как стук дробящегося камня, как бессильный скрежет зубов по этому камню...

Йон потряс головой. Он же находится в своем собственном доме, на втором этаже — его комната, он может подняться туда и лечь. И у его постели должен быть медный ночной столик и «Делькор-китобой», которого он читал прошлой ночью...

Он вышел из бального зала и уже прошел полпути по коридору, когда вспомнил, что его комната, вероятно, больше не принадлежит ему, а прошлая ночь была пять лет назад. Он замер перед приоткрытой дверью одной из гостиных. До него донесся женский голос:

— Ты можешь сделать что-нибудь с его индексом рефракции? Если он хочет что-нибудь делать ночью, нельзя же ему появляться и исчезать, как вспышка молнии! — Тишина. Затем: — Хорошо, но ты же не думаешь, что он может рассказать больше, чем знает сейчас? Прекрасно. Так я и сделаю, тем более теперь, когда война объявлена официально.

Йон вошел в комнату. Изумрудный шлейф прошелестел по более тусклой зелени ковра, когда она обернулась. Блестящие волосы, схваченные двойным коралловым гребнем, падали ей на плечи. Ее улыбка показывала слабое удивление. Очень слабое.

— С кем вы разговаривали? — спросил Йон.

— С нашими общими друзьями,— ответила герцогиня. Они были одни в комнате.

Минуту спустя Йон сказал:

— Чего они хотят от нас? Это измена, не так ли?

Герцогиня сузила глаза.

— Вы это серьезно? Вы называете изменой попытку уберечь этих идиотов от самоуничтожения, самосъедения в войне с безы-

мянным врагом, с кем-то столь могущественным, что мы можем быть стерты с лица земли одной его мыслью? Вы помните, кто этот враг? Вы слышали его имя. Сейчас в Торомоне его знают всего три человека, Йон Кошар. Так что мы единственные, кто в состоянии нести полную ответственность за Торомон. Вы имеете какое-нибудь представление об экономике государства? Ваш отец, между прочим, отвечает за весьма немалую ее часть. Однако дело идет к тому, что если он закроет свои аквариумы, это вызовет панику, равную полному краху экономики по уже известным причинам. Империя катится к хаосу, как снежный ком, и это должно удержать ее хотя бы от войны. Вы можете назвать изменой противостояние этому хаосу?

— Как бы мы это ни называли, выбора у нас мало, не так ли?

— С людьми вроде вас я не так уверена, что это неплохая мысль.

— Слушайте,— сказал Йон,— я был заперт в тюремном руднике на пять лет. Все, чего я желал, ушло, осталось только желание свободы. Сейчас я вернулся в Торон, но я все еще не свободен и все еще жажду освободиться.

— Прежде всего,— начала объяснять герцогиня,— если бы они не хотели, вы не имели бы и той свободы, какую имеете сейчас. Если после дня в чистой одежде и прогулки по свежему воздуху вы не считаете себя на пути к тому, чего хотите, то я вынуждена буду изменить свое представление о мире. Я ведь тоже кое-чего желаю, Йон Кошар. Когда мне было семнадцать лет, летом я подрабатывала в аквариумах вашего отца. Девять часов в день я проводила с металлической ложкой величиной с вашу голову, отчищая дно цистерны. Я отскребала то, что не брали даже стеклянные фильтры. К вечеру я так уставала, что могла только читать. И я читала. Главным образом, историю Торомона. Я много читала о ранних экспедициях на материк. Потом, в первую зиму после окончания школы, я жила в рыбацкой деревне на краю леса и изучала обычаи лесного народа. Я делала наброски их храмов, пыталась составить карту их основных перемещений. Я даже написала статью об архитектуре их временных убежищ, которую опубликовали в университетском журнале. Йон Кошар, я хочу свободы для Торомона, свободы от всех его самоограждений. Возможно, из-за того, что принадлежу к королевской семье, я эмоционально легче постигла смысл торомонской истории, которая вся насквозь аристократична. Но я хотела большего, я хотела знать, что в ней неправильного. Поэтому я шла дальше. И я нашла, я поняла, что она неправильна очень и очень во многом. Торомон должен взять себя за шкирку и хорошенько встряхнуть. И если я смогу его встряхнуть, я это сделаю. Вот чего я хочу, Йон Кошар, и жажду этого так же сильно, как вы жаждете свободы.

Йон помолчал, а затем сказал:

— Чтобы получить то, что мы хотим, мы должны сделать более или менее одно и то же. Ладно, я буду с вами. Но вы должны объяснить мне некоторые вещи. Я очень многого не понимаю.

— Мы оба многого не понимаем. Но мы знаем: они не с Земли, они не люди и пришли издалека. Из непостижимого далека.

— Чего они хотят?

— Они хотят посодействовать нам и помочь Торомону, если мы, в свою очередь, поможем им. Как — я еще не вполне понимаю. Пока что я уже устроила похищение принца Лета.

— Похищение? Но зачем?

— Потому что, если мы пройдем через все это, Торомону потребуется сильный король. Я думаю, вы согласитесь, что мой кузен Юск никогда таковым не будет. К тому же он болен, и при любом сильном напряжении... кто знает, что может случиться? Подпольные группы недов примутся разрушать все, что сделает правительство, как только начнется война. Сейчас я работаю через одного такого неда. Лет окажется там, где сможет стать сильным человеком, правильно подготовленным для власти. Так что, если с Юском что-нибудь случится, Лет вернется, и будет кому провести правительство через все кризисы. Но как мы поможем им — я не знаю.

— Понятно,— сказал Йон.— Каким образом они захватили вас? Так же, как и меня?

— Они вошли в контакт с вами близ Тельфара, верно? Они перестроили молекулярную структуру некоторых ваших наиболее хрупких белков и сделали общий ремонт вашей субкристаллической структуры, чтобы радиация не убила вас. К несчастью, это имело неприятный побочный эффект — понижение вашего индекса рефракции на пару пунктов, из-за чего вас не видно при тусклом освещении. Я получила подробное описание вашего побега как раз от них. Это продержало меня на ногах всю ночь. Все, что я еще могу сказать — со мной вступили в контакт так же неожиданно и с теми же словами: *ЛОРД ПЛАМЕНИ*. Итак, первым вашим заданием будет...

В другой комнате Клея сидела на голубой бархатной подушке, сложив руки на коленях. Периодически из ее глаз начинали бежать слезы, и она откидывала голову назад, чтобы удержать их в глазах.

— Пожалуйста, извини, Тумар,— сказала она,— я просто расстроена. Это было так странно. Когда я танцевала с королем, он рассказал, что сегодня утром видел во сне моего брата. Я не задумалась над этим — так, простая болтовня. А затем, когда я в третий раз сменила партнера, я увидела лицо — и могла бы поклясться, что

это было лицо Йона. Этот человек не стал танцевать, он просто смотрел на меня, а потом назвал по имени. Тумар, это был его голос, только чуточку ниже. О, конечно, это не мог быть он, потому что он был слишком высок и худ, но так похож... Как раз в это время король делал свое сообщение, я повернулась и убежала. Все это казалось... не знаю, каким-то психозом. Нет, не беспокойся, я в полном порядке, но, даже зная, что это никак не мог быть Йон, я все равно нервничаю. А тут еще то, о чем мы говорили утром...

— О чем? — спросил Тумар. Он стоял рядом, засунув руки в карманы, и терпеливо слушал.

— Насчет привлечения всех студентов к военной работе. Может быть, так и надо, но, Тумар, я работаю над собственным проектом и больше всего на свете хочу, чтобы мне дали спокойно над ним работать. А еще я хочу видеть тебя, и хочу на пикник. Я уже близка к решению своей проблемы, и вдруг надо будет все прекратить и работать над расчетами прицела и траекториями снаряда... Тумар, в том ведь и прелесть теоретической математики, что она не имеет дел со всякими такими вещами. А тут — и ты, может быть, уедешь, и я уеду, и это тоже плохо. Тумар, было ли когда-нибудь, что ты держал в руках вещи, которых очень хотел, и вдруг наступала ситуация, когда ты видел, что они вот-вот улетят навсегда?

Тумар провел рукой по волосам и отрицательно мотнул головой.

— Было время, когда я хотел многого. Мальчишкой на материке я хотел еды, работы и кровати, у которой все четыре ножки стоят на полу. Так я оказался в Тороне — и получил все это. И еще получил тебя. Думаю, что больше мне нечего желать, и это не так уж плохо.

— Я полагаю...— начала она.— Все-таки он очень похож на моего брата...

— Клея,— голос Тумара дрогнул.— Что касается твоего брата... Я хотел сказать тебе позднее, сейчас, наверное, не время говорить об этом. Но ты сама спрашивала, будут ли брать в армию заключенных, а если будут, то освободят ли их после службы. И я решил кое-что выяснить. Их возьмут, и я послал рекомендацию, чтобы твоего брата взяли в числе первых. Через три часа пришел меморандум от карательного чиновника. Твой брат мертв.

Она с трудом подняла на него глаза, стараясь подавить рвущиеся из груди всхлипы.

— Это произошло прошлой ночью,— продолжал Тумар.— Он и двое других пытались бежать. Двоих поймали, и нет никакого шанса, что третий мог уйти живым.

Она замолчала — рыдание перекрыло ей воздух, и она не могла издать ни звука. Она немного посидела, приходя в себя, и наконец выговорила:

— Давай вернемся в зал.

Они подошли к двери.

— Хорошо, что ты сказал об этом. Не знаю... может быть, это был знак... знак, что он умер. А может быть, знак...— она прервала сама себя: — Нет. Этого не было. Ничего этого не было!

Они снова спустились по лестнице в большой зал, где звучала необыкновенно радостная музыка.

Глава 5

За несколько часов до этого Джерин дал Телю плод кхарбы. Мальчик прихватил крапчатую дыню с собой, отправившись высматривать Альтер около гостиницы. Не найдя ее, он пошел по улице. Но ему встретился только перебегавший дорогу кот, который держал в зубах что-то серое, бьющееся. Затем Тель увидел опрокинутый мусорный бак; многоцветная куча мусора была дополнительно украшена узором из филигранных рыбьих костей. Над крышами башен Торона разливалась бледная голубизна. Желтый свет, отраженный от окон, ложился ему на лицо.

Обогнув квартал, Тель увидел на углу Рэру. Она останавливала случайных прохожих. Он направился к ней, но она, заметив его, двинулась прочь. Растерянный, он присел и надкусил свою добычу. Пока Тель впивался зубами в оранжевую мякоть, исходящую терпким соком, он слышал, как Рэра обращается к прохожему:

— Ваша судьба, господин. Я разверну ее перед вами, покажу ваше будущее, как в серебряном зеркале.

Человек прошел мимо. Рэра повернулась к проходившей женщине:

— Госпожа, за четверть деньги перед вами развернется ваша жизнь, как разрисованный ковер, и вы увидите свою судьбу... всего за четверть деньги.

Женщина улыбнулась, но покачала головой.

— Вы, похоже, приехали с материка,— крикнула ей вслед Рэра.— Удачи тебе в Новом Мире, сестра! — и тут же повернулась к мужчине в темно-зеленой униформе.— Господин, за одну деньгу я распутаю нити вашей судьбы. Может быть, вы хотите знать, когда продвинетесь по службе, или сколько у вас будет детей...

— Проходите, мадам,— сказал человек в униформе.— Здесь не положено предсказывать судьбу.

— Но у меня есть лицензия! Абсолютно законная! Минуточку...— рука ее привычно нырнула в складки серых лохмотьев.

— Не трудитесь, мадам, а просто уматывайте отсюда! — он дал ей тычка, и Рэра нехотя пошла прочь.

— Отродье электрического угря! — бросила она Телю, когда тот приблизился. Ее родимое пятно было багровым.— Вот как тут будешь прилично жить!

— Хочешь кусок? — спросил ее Тель.

Рэра покачала головой:

— Без толку. Я слишком голодна,— с этими словами она направилась обратно в гостиницу. Тель последовал за ней.

— Ты не знаешь, где Альтер? — спросил он.— Я искал ее, но в гостинице ее нет.

— А ты смотрел на крыше?

— Н-нет... Не пришло в голову.

Войдя в гостиницу, Тель поднялся наверх, открыл люк в потолке и подтянулся к пыльному краю.

Альтер свесила голову и белые волосы с трубы, идущей от дымохода к поддерживающему хомутику, закрепленному на крыше.

— Что ты тут делаешь? — спросил Тель.

— Тренируюсь.

— В чем?

Она схватилась за трубу и перевернулась в воздухе, вытянув прямые ноги вниз.

— Это мой номер. Я акробатка.

Она взмахнула ногами, так что ее лодыжки почти коснулись рук, снова быстро опустила их и закончила тем, что перенесла себя на трубу. Затем бросила ноги назад — Тель ахнул, думая, что она сейчас упадет — вниз, под трубу, выгнулась и снова опустилась, описав гигантский круг. Она сделала еще круг, затем, изогнувшись наверху, пропустила трубу под коленом, сменила направление и неожиданно оказалась сидящей на трубе.

— Здорово,— сказал Тель.— Как ты это делаешь?

— Нужно иметь достаточно силы, чтобы поднять свой вес. Может быть, еще чуть больше того. А все остальное — вопрос времени.

— Значит, и я мог бы?

— Хочешь попробовать?

— Еще бы!

— Так иди сюда. Хватайся за трубу.

Тель вылез, достав до трубы, подтянулся и забросил ноги на ветхую крышу.

— Хорошо,— одобрила Альтер.— Теперь подтянись еще выше и закинь левую ногу вокруг трубы.

Он взмахнул ногой, промахнулся и попробовал снова.

— Когда закидываешь ноги, откинь голову назад,— объяснила она.— Так проще держать равновесие.

Тель так и сделал, пропустил ногу под руками и вдруг почувствовал, что труба скользит под его согнутым коленом. Он повис на руках и левом колене.

— А теперь как?

— Теперь выпрями правую ногу и махни ею вверх и вниз три раза, а затем махни по-настоящему сильно. Только не сгибай ногу, а то упустишь момент.

Он махнул ногой в третий раз, напряг мышцы бедра, и вдруг небо скользнуло над ним, а тело понеслось вверх в направлении, противоположном движению ноги.

— Ух,— сказал он и почувствовал, что ее рука держит его запястье. Он сидел на трубе, вытянув вверх ногу.— Это от меня и требовалось?

— Конечно. Теперь ты оседлал трубу. Это называется посадкой с колена.

— По-моему, это даже легче, чем подтягиваться. А теперь что делать?

— Попробуем вот что... Выпрями руки. Вытяни одну ногу назад.

Сделав это, он почувствовал ее руку на своем колене.

— Эй,— сказал он,— я так равновесие потеряю.

— Не бойся, я тебя страхую. Держи руки прямо. Если не будешь слушаться указаний, то размажешь мозги по всей крыше. Семь футов — не то чтобы очень высоко, но твоей голове как раз хватит. Теперь, когда я скажу «три», махни ногой, которую я держу, вперед, а голову откинь назад как можно дальше. Раз...

— А что будет?

— Ты слушай мои указания. Два... Три!

Тель откинулся и махнул ногой. Альтер в это время дала его ноге дополнительный толчок. Небо и даже крыша быстро двинулись на него, а затем отошли, он пронесся мимо крыши и даже мимо смеющегося лица Альтер, и снова все стало на свои места. Почувствовав, что останавливается, он согнулся и закрыл глаза. Рука Альтер была на его запястье, и он снова сидел на трубе.

— Ты сделал двойной обратный круг на колене,— сказала она,— и сделал это очень хорошо. Но повторения не будет. Теперь слезай.

— А как я слезу?

— Выпрями руки. Эту руку переставь сюда,— она показала место по другую сторону его ноги.— Так. Теперь сними ногу с трубы, наклонись вперед и медленно перекатывайся.

Через мгновение ноги его задели крышу. Он встал и потер руки.

— Ну вот, теперь, когда ты знаешь, что можешь сделать, остальное пойдет легче. Ты выполнил три трюка меньше чем за пять минут. Это очень хорошо для первого раза.

— Спасибо,— сказал Тель.— Да, я ведь искал тебя, хотел подарить тебе кое-что. Надеюсь, не сломал,— он вытащил из кармана раковины, нанизанные на узкие ремешки. Было сделано три петли, каждая длиннее предыдущей, раковины разнесены в разные стороны и прикреплены крохотными узелками.

— Джерин дал мне ремешков, и я собрал все это сегодня днем. Это ожерелье, видишь?

Он стянул концы узелком на ее шее.

— Спасибо, Тель. Большое, большое спасибо.

— Хочешь кхарбы? — спросил он, подняв плод и снимая с него кожуру.

— Давай.

Он дал ей половину. Они подошли к краю крыши, наклонились над балюстрадой и смотрели на улицу, на крыши других домов Адского Котла и на темнеющие башни.

— Ты знаешь,— сказал Тель,— у меня проблема.

— Нет документов и нет места, куда можно пойти? Я же говорила тебе, как быть.

— Не вполне это,— возразил Тель.— Хотя и это отчасти. Я даже уверен, что это большая часть проблемы. Но, увы — не вся она.

— Тогда что же?

— Я пытаюсь понять, чего я хочу. Вот я, на новом месте, без малейшего понятия, что делать с собой, и я стараюсь представить свою цель.

— Слушай,— произнесла Альтер со всем превосходством разницы в возрасте и опыта городской жизни.— Я старше тебя на год, и я не знаю, куда меня несет. Но когда мне было столько, сколько тебе, мне пришло в голову, что кое-что в нашей жизни само заботится о себе. Все, что я ни делала, выводило меня на эту мысль. Вот почему я делаю, что делается, и не считаю себя слишком уж несчастной. Наверное, есть разница между жизнью здесь и на морском побережье. Но здесь ты тратишь массу времени на поиски очередного куска хлеба. В конце концов люди, подобные тебе и мне, его находят. Если ты оказываешься внимателен к таким вещам, то рано или поздно осознаешь, что идешь правильной дорогой. Что бы ты ни делал, продолжай делать это, если оно дает тебе хоть полшанса.

— Это как большой акробатический трюк, так? — спросил Тель.— Ты делаешь правильные вещи, и рано или поздно это сработает.

— Пожалуй,— ответила Альтер.— Я так полагаю.

— Очень может быть,— согласился Тель.

Кхарба была прохладной, сладкой, как мед, а по вкусу напоминала одновременно апельсин и ананас.

Пару минут спустя их кто-то окликнул. Они обернулись и увидели белую бороду Джерина, торчащую из люка.

— Спускайтесь вниз. Все, кроме вас, на месте. Пора.

Они скатились вслед за ним на первый этаж. Тель обратил внимание, что гигант со шрамом все еще сидит за столом, постукивая по нему пальцами.

— Все сюда! — Джерин уселся и хлопнул по столу связкой бумаг.— Все ко мне!

Народ начал неохотно отходить от бара.

— Вставайте кругом.

Верхний лист был заполнен тонким почерком, кроме того, там имелся тщательно выполненный чертеж.

— Вот план,— сказал Джерин. Другие листки, когда он развернул их, оказались точно такими же, как и первый.— Я разобью вас на группы. Аркор,— он посмотрел на гиганта,— ты берешь первую группу.

Он выбрал шестерых мужчин и трех женщин и повернулся к беловолосой акробатке:

— Альтер, ты будешь в особой группе,— он назвал еще шестерых, в том числе и Теля. Третья группа сформировалась во главе с самим Джерином. Группа Аркора была предназначена для физической работы, группа Джерина — для охраны и расчистки пути, когда принца будут переправлять в гостиницу.

— Люди же в особой группе уже знают, что делать.

— Мне вы еще не говорили,— сказал Тель.

Джерин взглянул на него.

— Ты будешь отвлекать.

— Не понял.

— Ты пойдешь мимо охраны и наделаешь достаточно шума, чтобы она схватила тебя. Пока она будет заниматься тобой, мы проберемся внутрь. Поскольку у тебя нет документов, они не смогут выследить тебя.

— И я что, так и останусь захваченным?

— Нет, конечно! Мы отвлечем их, и ты удерешь.

— Ой,— сказал Тель. Джерин снова повернулся к бумагам.

Когда план был рассмотрен, Тель осознал две вещи. Во-первых — законченность и объем собранной информации, вплоть до таких деталей, как личные привычки охранников: один уходит с первым звуком сигнала к смене, другой ждет, пока появится сменщик, и обменивается с ним приветствиями. И во-вторых — сложность. Так много всякого цеплялось одно за другое, время было рассчитано по секундам, и Тель даже усомнился, пройдет ли все, как надо.

Пока он об этом думал, они уже были на пути к цели. У каждого в голове имелась своя часть плана, но никто не знал ясного рисунка всего замысла в целом. Группы разделились на подгруппы по два-три человека, а затем все собрались в указанных местах вокруг дворца. Тель и Альтер прошли с гигантом через весь город. Свет угасал, длинные вечерние тени ложились на тротуар.

— Вы из леса? — наконец спросил гиганта Тель.

Тот кивнул.

— А зачем вы пришли сюда?

— Хотел увидеть город,— сказал Аркор и поднес руку к своим шрамам. Коротко рассмеявшись, он больше ничего не добавил.

Первый министр Чарджил вышел на ежевечернюю прогулку по обычно пустой в это время Устричной Авеню. У первого министра всегда была с собой связка ключей от личных комнат королевской семьи. В этот вечер какой-то пьяный, шатаясь, вышел из боковой улицы и столкнулся со старым министром. Почти сразу же незадачливый пьяница рассыпался в извинениях и отступил назад, кланяясь и держа руки за спиной. Свернув в переулок, он сразу же перестал шататься, рука вышла из-за спины, а в ней оказалась связка ключей.

Охранник на посту у системы тревоги любил цветы. Было известно, что он по крайней мере два раза в неделю в свободное время ходит к цветочницам. Так что, когда мимо него прошла старуха с ярко-красными анемонами и предложила ему понюхать их, не было ничего удивительного в том, что он склонился над лотком. Его легкие наполнились странным едким запахом, средним между запахом апельсиновой корки и морского ветра. Через сорок семь секунд он зевнул, а еще через четырнадцать сел у стены, свесил голову и захрапел. Две фигуры могли видеть сквозь ворота бокс с сигналом тревоги — возле которого никого не было.

У другого входа во дворец два охранника заметили мальчишку с черными волосами и зелеными глазами, который пытался влезть на забор.

— Эй, слезай оттуда! Давай-давай! Где твои бумаги? Что значит — нет? Пойдешь с нами. Джо, возьми камеру, сейчас мы его сфотографируем и пошлем портрет в Главное управление регистрации. Там скажут, кто ты такой, парень. А сейчас стой смирно.

Позади них из тени вышла беловолосая девушка и в один миг скрылась в воротах. Охранники не заметили ее.

— Стой смирно, щенок, пока я снимаю твою образину!

Группа хулиганов под предводительством гиганта подняла адский шум рядом с дворцом. Они вроде бы и не пытались увести мальчишку из сторожевой будки, но тот каким-то образом удрал в суматохе. Один охранник, носивший униформу семнадцатого размера, получил удар по голове и потерял сознание, но больше никто не пострадал. Охранники разогнали хулиганов, унесли пострадавшего в травмопункт и там оставили. Доктор Венталь увидел его в приемной. Он вышел всего на минуту, чтобы взять бланк рапорта о несчастном случае из кладовой с другой стороны дома, хотя мог бы поклясться, что десять минут назад в приемной лежала целая куча бланков. Когда доктор вернулся, охранник был там же, где его оставили... но совершенно голый.

Минуту спустя незнакомый охранник в униформе семнадцатого размера откозырял привратнику и вошел в ворота.

Двое неизвестных по ту сторону ворот закинули веревку с грузом на одном конце на карниз третьего этажа. В первый раз они промахнулись, но во второй закрепили веревку и оставили ее висеть.

Охранник в униформе семнадцатого размера прошел по коридору в западное крыло дворца, остановился перед широкой двойной дверью, на которой была серебряная корона, указывающая комнату королевы-матери, достал из-под плаща связку ключей и запер Ее Величество в комнате. У следующей двери он запер для надежности принца Лета и быстро пошел дальше.

Тель добежал до угла, свернул и проверил уличный знак. Все было правильно. Он вошел в подъезд и уселся ждать.

В это время принц Лет в одной нижней рубашке лежал в постели и читал. Взглянув в окно, он увидел девушку с белыми волосами, висевшую вниз головой по ту сторону закрытой рамы, и оцепенел от неожиданности. Перевернутое лицо улыбнулось принцу. Затем к закрытому окну протянули руку, что-то сделали, и обе рамы распахнулись. Девушка быстро качнулась между них, перевернулась и через мгновение уже сидела на подоконнике.

Лет схватил пижамные штаны и бросился к двери. Не сумев открыть ее, он отвернулся и торопливо влез в штаны. Альтер приложила палец к губам и спрыгнула в комнату.

— Спокойно,— прошептала она.— Меня послала герцогиня Петра.— В какой-то мере ей велели воспользоваться этим именем, чтобы успокоить принца, но она сама почувствовала, как несерьезно это звучит.— Видишь ли, тебя похищают. Для тебя это очень хорошо, поверь мне,— она не спускала глаз с белокурого мальчика, который отошел от двери.

— Кто ты? — спросил он.

— Твой друг, если ты захочешь.

— Куда ты собираешься отвести меня?

— Ты отправишься в путешествие. Но обязательно вернешься обратно.

— А что сказала моя мать?

— Она не знает. Никто не знает, кроме тебя, герцогини и нескольких человек, которые помогают ей.

Лет задумался. Он сел на постель, прижал пятку к боковой стенке. Послышался щелчок, но больше ничего не произошло.

— Почему дверь не открывается? — спросил он.

— Она заперта на ключ,— ответила Альтер, взглянула на часы у постели принца и повернулась к окну. Свет канделябра играл на раковинах ее ожерелья. Лет спокойно положил руку на колонку кровати и с силой надавил на одного из дельфинов в короне, но снова не произошло ничего, кроме щелчка.

Альтер высунулась из окна как раз в тот момент, когда сверху на веревке спустился узел. Она втащила его в окно, отвязала веревку, и та сразу же исчезла из окна.

— Вот,— сказала она и бросила Лету поношенную одежду.— Надень это.

Лет нехотя снял пижаму и оделся в обноски.

— А теперь загляни в карман,— сказала Альтер.

Мальчик сунул руку в карман и извлек связку ключей.

— Открывай дверь, и пойдем.

Мальчик помешкал, но пошел к двери. Прежде чем вставить ключ в замок, он наклонился и посмотрел в замочную скважину.

— Эй,— сказал он, повернувшись к девушке,— иди-ка сюда. Видишь что-нибудь?

Альтер подошла и посмотрела. Тем временем Лет отклонился к дверной панели, и та произвела легкий щелчок. Больше ничего не случилось.

— Ничего не вижу,— сказала Альтер.— Отпирай дверь.

Лет послушался. Дверь распахнулась.

— Молодцы, ребятки,— сказал охранник в униформе семнадцатого размера, стоявший за дверью.— Пошли со мной.

Он крепко взял Лета за руку, другую руку протянул Альтер, и они пошли по коридору.

— Предупреждаю, веди себя тихо,— сказал он Лету, когда они повернули за угол.

Через три минуты они вышли из дворца. Проходя мимо часового, охранник сказал:

— Вот еще дурачье пыталось проникнуть во дворец.

— Ну и ночка! — вздохнул часовой.— Что, и девчонка тоже?

— Похоже, что так. Сейчас их сфотографируют.

— Правильно,— сказал часовой и отсалютовал охраннику. Двое подростков направились под его конвоем к караульному помещению, однако не вошли в него, а свернули в боковую улицу. Тут охранник неожиданно исчез, а навстречу ребятам вышел черноволосый зеленоглазый паренек.

— Это и есть принц? — спросил он.

— Угу,— отозвалась Альтер.

— Кто ты? — спросил Лет.— Куда вы меня ведете?

— Меня зовут Тель. Я сын рыбака.

— А меня Альтер,— представилась девушка.

— Она акробатка,— добавил Тель.

— А я — принц,— сказал Лет.— Самый настоящий. Принц Лет. Не забывайте этого.

Двое посмотрели на белокурого мальчика в таких же обносках, как и они, и вдруг рассмеялись. Принц нахмурился.

— Куда вы меня ведете? — снова спросил он.

— Туда, где ты чего-нибудь поешь и хорошо выспишься,— ответила Альтер.— Пойдем.

— Если вы как-нибудь повредите мне, моя мать сошлет вас в рудники.

— Никто не будет вредить тебе, дурачок,— сказал Тель.— Ты тоже нед?

— Что?

— Ну, как и мы, недовольный,— объяснил Тель.— Это значит, что нас не устраивает ни то, где мы были, ни то, где мы сейчас, ни то, куда мы идем. А как ты?

— Я...— принц растерялся.— Я не понимаю, о чем ты говоришь,— он поднял невидящие глаза к темным силуэтам башен, едва проступающим из ночи.

— Ладно, все равно идем,— сказал Тель, и они пошли по улице.

Глава 6

Герцогиня Петра сказала:

— Вашим первым заданием будет...

Зелень надкрылий жука; красный цвет полированного карбункула; паутина серебряного огня; свечение и дым. Все это ушло из его глаз.

Теперь только одно солнце, красное, лизало горизонт. Песок стал малиновым. Озеро пылало. А рядом с озером, под облаками, полосующими чуждое небо, был... город. Там все двигалось, поворачивалось, одна форма сливалась с другой, охватывалась свечением, соединялась с другими формами, темнела... Теплый и свежий сильный бриз растрепал ему воротник, ударил по щеке. Йон попытался рассмотреть, что делается у озера, но не сумел.

«*ЛОРД ПЛАМЕНИ*»

— Там? — спросил Йон.— Внутри?

«Нет. Это только город, здания».

— Что это за место? — спросил Йон.— Где я? Почему я оказываюсь здесь?

«Ты на окраине разрушенного города на планете, далекой от твоей. Двенадцать миллионов лет назад эта планета была домом для цивилизации, построившей этот город. Теперь эта цивилизация мертва. Но город был сделан таким образом, что мог отстраиваться сам».

— Ты сказал, что Лорд Пламени не живет там?

«Нет. Никто давно не пользуется этим городом, так что мы сейчас живем там».

— Вы... Почему ты не скажешь мне, кто вы?

«Каждый раз, когда мы говорим с тобой, мы сообщаем тебе чуть больше. Твой мозг должен привыкать к нам постепенно. Ты живешь в скованном, ограниченном, изолированном мире, и если бы мы сразу ворвались в твое сознание, ты захотел бы отогнать нас, как болезненную фантазию. Мы приходим к тебе, уходим, ты слегка забываешь нас, и мы приходим снова. У нас три агента в вашем мире — ты и еще двое. Теперь, когда ты вошел в контакт с одним из других, ты имеешь некоторую поддержку в своем мире, и мы можем сказать тебе больше».

Йон смотрел на сказочное творение по ту сторону дюн, а в это время с ним говорили:

«Мы — странники из другой вселенной. У нас нет дома, он был разрушен войной на таком уровне, которого ты не можешь постичь. Теперь мы спокойно живем в вашей вселенной, обитая только в покинутых городах, разбросанных по вашим планетам. Мы можем пересекать расстояния между звездами и галактиками, пренебрегая временем. Обычно мы не взаимодействуем с живыми существами, только наблюдаем. Но недавно — недавно по нашим понятиям, потому что наше настоящее время больше, чем прожил ваш мир — в этот отрезок континуума пришла другая жизненная сила. Она развивалась так же, как и мы. Как и мы, она может восприниматься жизненными формами на различных планетах, правда, это требует намного больше труда и энергии, чем путешествие через всю вселенную. Мы должны сузить наше видение мира, в котором ни время, ни пространство не имеют значения, до ограниченных рамок жизненных форм, существующих менее ста лет, не видящих предмета за спиной, у которых опыт одного индивидуума может вызвать эмоции и идеи, неизвестные мозгу и сердцу другого. Но между нами есть различия. Новое существо моложе нас по циклам времени. Наш интеллект делится на три независимых доли, и в любом простом мире мы можем коснуться трех мозгов одновременно. Новое же существо способно иметь в мире лишь одного агента. Мы никогда не вмешиваемся в основную структуру цивилизаций, в то время как это существо не остановится перед тем, чтобы полностью уничтожить мир, вводя технологические, философские или психологические факторы, которые дадут пагубный резонанс, разрушающий планету.

Мы решились управлять вашим мозгом, вести вас, предупреждать вас, но были вынуждены изменить ваши тела, прежде чем изменить ваш мозг. Только так мы можем уберечь вас от смерти, как уберегли тебя от радиации. Так что битва окончится победой или поражением в пределах вашей собственной цивилизации».

— Битва?

«Да. Мы тоже готовимся к войне — с Лордом Пламени, которого мы только что описали тебе. И Лорд Пламени нашел убежище в Торомоне».

— Ты хочешь сказать, что именно он находится за радиационным барьером и Торомон вступает в войну с ним? Как можем мы воевать с таким могущественным существом?

«Лорд Пламени в Торомоне. Он ждет у края радиационного барьера, сразу за Тельфаром».

— Но это место дальше того, куда может зайти человек.

«Лорд Пламени имеет некоторые возможности сделать своего агента и тех, кому этот агент покровительствует, нечувствительными к радиации, как имеем эти возможности и мы. Он в твоем мире, и мы должны изгнать его. Но без твоей помощи мы не можем это сделать. Ты и два других наших агента должны загнать его в угол, а сами быть в таком месте, где вы сразу его почувствуете. Все остальное мы сделаем сами. Но пока вы не почувствуете его, мы ничего не можем. Мы защитим вас и ваших друзей, которые придут с вами, от радиации. Ваша технология сама лет через десять откроет эти возможности. Но мы не можем уберечь вас от опасности, исходящей от людей — насилия или любой естественной смерти».

— Но враги за барьером...

«Наш враг — в Торомоне. Но пока вы помогаете нам изгнать нашего врага, вы не сможете встать перед своим, и это держит тебя, Йон Кошар, в плену и отказывает тебе в свободе».

Ничего не понимая, он оглянулся на город у озера. У края воды двигались фигуры, носили бревна, тащили тележки с грузом. Кран поднимал стену на арматурную основу, а фигура наверху подавала сигналы крановщику.

— Город,— сказал Йон.

«Да. Он все еще строится сам».

— Но я вижу...— он прищурился, чтобы ясней разглядеть фигуры, но они расплывались.

«Город отвечает на психическое воздействие тех, кто находится вблизи, в соответствии с методами и технологией, которые им доступны».

— Но...

«Он отвечает тебе. Ты сосредоточился на нем. Так, как мы сосредоточиваемся на тебе и Торомоне».

— Места вроде этого, наверное, очень... очень... приятны вам.

«Да, когда мы проходим сквозь них и дарим им наши разумы для формирования и развития. Но сейчас все наше внимание занято Лордом Пламени. Запомни: ты и два других наших агента встретитесь с Лордом Пламени на краю барьера».

— Но силы за барьером...

«Ты можешь воспользоваться любым способом, чтобы выполнить ваше — и наше — дело».

Силуэт города на фоне темно-красного неба изменялся, рос и вновь изменялся. Дым застилал Йону глаза, песок вспыхивал под его башмаками. Серебро сменялось красным, зеленым...

Йон заморгал. Герцогиня шагнула ему навстречу. Зеленый ковер, стены, обшитые дорогими деревянными панелями, накрытый стеклом стол. Они снова были в гостиной его отца.

— Что именно я должен сделать? — наконец спросил Йон.— Объясните как следует.

— Я собиралась сказать, чтобы вы взяли принца, который сейчас сидит в одной из гостиниц Адского Котла, и проводили его к лесному народу. Я хочу оставить его там, пока эта смехотворная война не кончится. Жизнь лесных людей резко отличается от жизни всех других подданных империи. Они дадут ему кое-что полезное. Я ведь говорила вам, что провела там некоторое время, когда была помоложе. Я не могу точно объяснить, что это такое, но в этом есть некая строгость и некая сила. Очень надеюсь, что они захотят дать, а он сможет взять.

— А как насчет этого... Лорда Пламени?

— Я не знаю... А что, Йон, у вас есть какая-нибудь идея?

— Ну, если предположить, что мы пойдем к радиационному барьеру, найдем тех, кто крутится вокруг Лорда Пламени, и сразу же все трое почувствуем его — тогда проблемы нет. Если я буду сопровождать принца, я попаду в лес и окажусь ближе всех к радиационному барьеру. Я постараюсь попасть туда, выяснить ситуацию, а затем вы оба можете приехать. Годится?

— Вполне.

— Только бы это привело меня к Лорду Пламени... и к моему освобождению.

— Неужели сейчас вы не свободны? — спросила герцогиня.

Не удостоив ее ответом, он попросил:

— Дайте мне адрес гостиницы в Адском Котле.

Получив адрес, Йон вышел в коридор и ускорил шаги. В его мозгу жил чуждый разум, который однажды спас его от смерти. Как же он мог считать себя свободным... от обязательства? Для этого и слов-то не требовалось...

У поворота он услышал голос:

— А теперь, пожалуйста, объясните это мне. Меня не каждый день просят объявить войну, но мне кажется, что я сделал это достаточно красноречиво. Теперь скажите, зачем я это сделал.

Йон припомнил этот акустический фокус. В детстве он не раз вставал на этом месте, чтобы подслушать болтовню сестренки с ее подружками, когда они входили в дом.

— Дело в вашем брате,— сказал другой голос.— Его похитили.

— Его... что? — растерянно спросил Юск.— Зачем? И кто?

— Мы не знаем,— ответил офицер.— Но Совет решил, что будет правильным просить вас объявить войну.

— Ага,— сказал король,— так вот зачем я толкал эту маленькую речь. А что сказала наша мамаша?

— Даже неудобно повторять, сир. Ее заперли в спальне, и она страшно оскорблена.

— Еще бы! — уронил Юск с ноткой странного удовольствия.— Значит, злобные враги просочились сквозь стены и захватили моего глупенького братца.

— Совет не уверен до конца. Но решил, что надо объявить войну.

— Пусть так,— сказал король. Затем послышались шаги, и настала тишина.

Завернув за угол, Йон увидел, что шкаф для верхней одежды не заперт. Он распахнул дверцу, взял большой плащ, завернулся в него и низко надвинул капюшон. В таком виде он и вышел на улицу мимо швейцара.

Рэра шла по окраине Адского Котла в темных очках, с чашечкой в руке, и ощупывала путь тоненькой тросточкой.

— Подайте бедной слепой,— умоляла она.— Подайте слепой!

В ее чашечку упал медяк. Она поклонилась, улыбнулась и сказала:

— Добро пожаловать в Новый Мир. Удачи вам на Острове Возможностей.

Прохожий, бросивший медяк, обернулся.

— Эй! Если ты слепая, откуда ты знаешь, что я здесь новичок?

— Иноземцы щедры,— объяснила Рэра,— а те, кто давно живет здесь, слишком бессердечны, чтобы подавать.

— Смотри у меня! — сказал прохожий.— Я знаю, что большая часть слепых нищих — вовсе не слепые. Мой двоюродный брат предупреждал меня, когда я собирался...

— Как не слепые? — взвилась Рэра.— У меня есть лицензия, которая позволяет мне просить милостыню из-за потери зрения. Я даже могу показать вам ее!

Она фыркнула, повернулась и пошла в другую сторону. Прохожий почесал в затылке и ушел.

Через несколько минут из-за угла появился человек в сером плаще с капюшоном и остановился перед Рэрой.

— Подайте слепой!

— Это пригодится? — спросил он, доставая из-под плаща камзол, изящно расшитый металлической нитью.

— Конечно,— тихо сказала Рэра, но спохватилась: — А что это?

— Камзол,— сказал Йон.— Это дорогая, хорошо сделанная вещь. Может, ты сумеешь продать его.

— О, спасибо, спасибо, господин.

Чуть дальше оборванный парнишка по имени Кайно был ошеломлен, получив от человека в сером плаще шелковую рубашку. Еще через два квартала в дверях дома была оставлена пара открытых туфель с золотыми дисками. Ровно через сорок секунд их схватила парикмахерша, которая возвращалась домой в Адский Котел — та самая, у которой не было мизинца на левой руке. Затем человек в плаще остановился в переулке под бельевой веревкой. Он бросил на нее свой сверток и развернул его. Это оказались штаны. Еще через квартал последние мелкие детали одежды были бесцеремонно брошены в чье-то открытое окно. Поворачивая за угол, Йон мельком увидел фигуру, нырнувшую в дверь дальше по улице. Один из приземистых неандертальцев — а их в городе было не так много — явно следил за Йоном.

Йон шел очень медленно, держась в тени домов. Грабитель по имени Джоф (запомним это имя) подкрался к нему сзади, схватил Йона за плащ, сдернул его и прыгнул вперед.

Однако под плащом ничего не было. Джоф стоял, помахивая отнятой вещью, и тупо смотрел на то место, где должен был находиться человек. Затем что-то ударило грабителя в челюсть. Джоф покачнулся, получил еще один удар — в живот, согнулся и увидел в свете уличного фонаря прозрачную человеческую фигуру, неожиданно возникшую перед ним. Фигура приложила к челюсти Джофа вполне материальный кулак. Джоф упал и отключился.

Йон оттащил неандертальца в переулок, снял с него одежду и надел на себя. Одежда была грязная, вонючая, а главное, слишком маленькая. Обувь Йон брать не стал, снова надел плащ и опустил капюшон.

Еще через шесть кварталов названия улиц исчезли. Йон прошел по инерции еще немного и вдруг осознал, что стоит всего лишь в одном квартале от нужной ему гостиницы.

Подходя, он услышал глухой стук в проходе между домами и девичий голос:

— Да, вроде этого. Но лучше делать точно, как я сказала, иначе можешь сломать руку, ногу, а то и спину.

Йон подошел к углу здания и заглянул в проход. Альтер стояла и смотрела вверх, на крышу.

— Давай, Тель.

Кто-то упал с крыши к ее ногам, слегка стукнулся о землю, откатился и встал на ноги. Черноволосый мальчик провел рукой по волосам.

— Здорово,— сказал он и потряс головой.— Красота!

— С тобой все в порядке? — спросила девушка.— Ничего не растянул?

— Да нет, вроде все на месте,— он посмотрел вверх.

— Ваша очередь, Ваше Высочество,— позвала Альтер.

— Высоко,— отозвался с крыши детский голос.

— Пошевеливайся,— сказала Альтер. Голос ее стал властным.— Считаю до трех. И помни: колени вверх, подбородок вниз, и быстро катись. Раз... два... три!

Послышался вздох. Потом что-то упало, покатилось, твердо встало на ноги и превратилось в мальчика, светловолосого и более щуплого, чем первый.

— Эй, ребятки! — крикнул Йон.

Они обернулись. Йон пригляделся к младшему мальчику. Хрупкий костяк и слабое тело явно принадлежали королевской семье.

— Что вы здесь делаете? Тем более вы, принц?

Все трое вздрогнули и вроде бы собирались удрать, так что Йон быстро сказал:

— Меня послала герцогиня Петра. Как это вы падаете? — Его Высочество был единственным, кто расслабился после этих слов.— Вы предполагали оказаться снаружи?

— Мы предполагали остаться на верхнем этаже,— сказал Тель.— Но он,— он указал на принца в обносках,— был встревожен. Тогда мы начали рассказывать ему о трюках и пошли на крышу, и Альтер сказала, что может спустить нас вниз.

— А как ты поднимешь их обратно? — спросил Йон.

— Просто влезем...

— Постой,— поднял руку Йон.— Войдем в дом и поговорим с хозяином. Не беспокойся, ничего плохого не будет.

— Вы хотите говорить с Джерином?

— Вроде его так зовут. А что он за человек?

— Старик со странностями. Все время разговаривает сам с собой,— пояснила Альтер.— Но он хороший.

Разговаривает сам с собой, подумал Йон и кивнул. Дойдя до двери гостиницы, он сдернул капюшон и шагнул в свет. Несколько человек в баре повернули к ним головы и, увидев детей, вопросительно глянули друг на друга.

— Джерин, наверное, наверху,— сказала Альтер. Они поднялись на второй этаж. Когда они вошли в темный коридор, Йон пропустил ребят вперед и шел позади, пока Альтер не открыла дверь в конце коридора. Из комнаты Джерина упала полоса яркого света.

— В чем дело? — рявкнул старик и быстро повернулся на стуле. Гигант Аркор стоял у окна. Взгляд черных глаз Джерина метался туда-сюда.— Зачем вы здесь? А это кто? Что вам надо?

— Я от герцогини Петры,— сказал Йон.— Я пришел, чтобы отправить Лета к лесным людям.

— Да,— сказал старик.— Да.— Он сморщился, словно пытаясь что-то вспомнить, и вдруг встал.— Ладно, идите! Я сделал свою часть работы. Сделал! Каждая лишняя минута, которую он проведет в моем доме, навлекает опасность на моих жильцов и моих друзей. Берите его и уходите.

Гигант повернулся.

— Я пойду с вами. Меня зовут Аркор.

— Зачем?

— Мы поедем в мою часть страны. Я знаю, как туда добраться, и провожу тебя. Джерин сказал, что это часть плана.

Йон почувствовал негодование. Планы герцогини и Джерина не были планами тройственного существа, обитающего в них. Они поймали его в западню. Свобода. Слово пришло и ушло как тень.

— Когда же мы пойдем? — спросил он.

— Утром,— сказал Аркор.

— Альтер,— велел Джерин,— отведи его в комнату. Убери его отсюда. Быстро.

Они вышли в коридор. Йон задумался. Аркор передаст Лета лесному народу, а он, Йон, пойдет дальше. Он должен попытаться перейти радиационный барьер. Но если они хотят сделать то, что от них требуется, то через барьер должны перейти все трое. Так почему же Джерин не идет сам, а посылает Аркора? С Джерином их было бы двое рядом с Лордом Пламени. Но Джерин стар. Может, герцогиня возьмет его с собой, когда отправится сама?

Он мысленно прихлопнул эти рассуждения ладонью, как надоедливую муху. Не думать. Не надо думать. Мышление связывает мозг, и ты никогда не будешь... Ему вспомнились пять лет мечты о свободе.

В эту ночь он спал прескверно. Рано утром его разбудили лучи света из окна. Едва он успел встать, как в дверь постучали. Аркор привел принца, казавшегося рядом с ним карликом, и тут же вышел.

— Он говорит, чтобы мы встретились внизу через пять минут,— сказал Лет.

— Понял,— ответил Йон, застегивая рваную рубашку, отнятую вчера у грабителя, и посмотрел на мальчика у двери.— Ду-

маю, что ты не привык к такой одежде. Было время, когда и я не носил такого... Это все очень скоро развалится прямо на нас.

— Кто вы? — спросил Лет. Йон подумал минутку.

— Ну... друг твоего брата, знакомый, во всяком случае. Я предполагаю отвести тебя в лес.

— Зачем?

— Там ты будешь в безопасности.

— А может быть, мне лучше отправиться к морю?

— Моя очередь спросить — зачем?

— Тель вечером много рассказывал мне о море. Он говорил, что оно удивительно прекрасно. Там скалы самых разных цветов, а когда утром встает солнце, оно так сверкает на воде... И еще он рассказывал мне о лодках. Я хотел бы работать на лодке. Правда, хотел бы. Дома мне не позволяли ничего делать. Мать говорила, что я могу заболеть. А мне выпадет случай поработать.

— Очень может быть.

— Тель знает множество историй о рыбной ловле. А вы знаете какие-нибудь истории?

— Не уверен. Никогда не пробовал рассказывать. Ну, пошли. Нам уже пора.

— Я люблю истории,— сказал Лет и вдруг опечалился.— Я так стараюсь быть дружелюбным.

Йон рассмеялся.

— Я расскажу тебе одну историю. Про тюремные рудники. Ты что-нибудь знаешь о тюрьме за лесом?

— Кое-что.

— Ну так вот, однажды в рудниках были трое заключенных,— тем временем они вышли в коридор.— Они находились там очень долго и очень хотели убежать. Один... ну, скажем, был похож на меня. Другой был хромой...

— А третий с веснушками,— перебил Лет.— Я знаю эту историю!

— Знаешь?

— Ну да!

— Тогда рассказывай дальше сам,— разозлился Йон. Лет, не заметив его настроения, стал рассказывать и закончил, когда они уже вышли и ждали Аркора.

— Вот видите, я же говорил, что знаю!

— Угу,— спокойно отозвался Йон.— Значит, говоришь, двум другим... не удалось?

— Да,— сказал Лет.— Охрана поймала их и бросила их тела в грязь.

— Их забили.

— Что? — переспросил Лет. К этому моменту Йон уже вполне успокоился.

— Кто тебе рассказал это... эту историю?

— Петра. Хороший рассказ, верно?

— Да,— кивнул Йон.— Я и был тем убежавшим.

— Вы хотите сказать...— мальчик так и замер,— что это случилось на самом деле?

Теплый свет раннего утра делал уютнее пустынную улицу. Аркор подошел к дверям гостиницы и остановился снаружи.

— Все в порядке,— сказал он.— Можно идти.

Глава 7

Служба новостей Торомона в городе Тороне пользовалась как общественными каналами, так и видеороликами для тех, кто был достаточно состоятельным, чтобы иметь собственный видеоаппарат. В материковых деревнях существовала специальная бригада, передающая новости устно от поселка к поселку. В это утро все анонсы гласили: «ПРИНЦ ПОХИЩЕН! КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!»

В военное министерство директивы поступали в двойном размере, а выходили из него в тройном. В 8.40 утра в коммуникационном секторе 27Б началась безнадежная путаница, в результате которой сборно-щитовые казармы были погружены и отправлены в порт на материке за 62 мили от предполагаемого места назначения.

Лет, Йон и Аркор были взяты на борт личной яхты герцогини Петры, ожидающей их в конце гавани. Позднее, когда остров Торон остался позади, Лет сказал Йону о страшной суматохе в доках.

— Так бывает не всегда,— сказал Йон, вспомнив времена, когда по утрам ходил с отцом на пирс.— Сейчас они проверяют грузы. Но я не знаю, почему сегодня чиновников больше, чем обычно.

Одна группа военных приказов, переданная достаточно быстро и точно, касалась поставки пищи для армии. Два распределителя импортной рыбы, которые не имели шансов получить контракты, послали предложение скидок и письмо, объясняющее (на основании мошеннической статистики), насколько импортная рыба дешевле по сравнению с аквариумной. Затем они наняли группу бандитов, которая ворвалась в дом личного секретаря старого Кошара, еще спавшего после вчерашнего бала. (Ранее мы уже встречались с этим человеком: именно ему принадлежала рука на дверце шкафа в кладовой, и на этой руке было широкое медное кольцо с голубой стекляшкой неправильной формы.) Его привязали к стулу и били, пока он не выдал нужные сведения, позволившие потопить три судна из Грузовой флотилии Кошара, только что вошедшие в док.

Личная яхта герцогини договорилась с тетроновым грузовозом, идущим в сторону материка, и Лет, Йон и Аркор перешли

на него, где быстро затерялись среди пассажиров, возвращавшихся к своим семьям.

В Тороне механик челночного судна, перевозившего рабочих из города в аквариумы, обнаружил в туалете неуклюже склепанную, но безошибочно узнаваемую бомбу. Ее обезвредили, так что несчастья не произошло. Но заместитель главного контролера Концерна синтетической пищи Кошара сжал челюсти, кивнул и отдал несколько неофициальных приказов от своего имени. Через двадцать минут Аквариумы Кошара официально получили правительственный контракт на поставку рыбы для армии Торомона. Оба соперника Кошара, торговцы импортной рыбой, за двенадцать минут до этого перестали существовать как конкуренты. Им отказали в месте на складе, и весь их груз (семь тонн мороженой рыбы) был выброшен на улицы гнить, потому что рефрижераторы были арендованы у компании «Рашок», а никто но додумался прочесть это имя наоборот.

В военном министерстве майор Тумар и капитан Климен заканчивали эвакуацию четырех верхних этажей смежного служебного здания, чтобы разместить там новые группы инженеров, физиков и математиков, только что призванных в армию. Но от этой работы их оторвали. На улицах вокруг старых зданий «Рефрижераторов Рашок», похоже, начались беспорядки. Склады находились всего в нескольких кварталах от официальной границы Адского Котла. Тумар и Климен прибыли в этот район через десять минут после получения приказа.

— Что тут, черт побери, происходит? — спросил Климен у шефа городской полиции. За строем людей в униформе толкалась и кричала масса народу.— И откуда такая вонища?

— Рыба, капитан,— ответил начальник полиции.— Ее целые тонны по всем улицам. Люди пытаются унести ее.

— Ну и пусть берут,— сказал Климен.— И им хорошо, и улицы очистятся.

— Вы не понимаете,— разъяснил полицейский.— Рыба отравлена. Перед тем, как выбросить, ее залили барбицидом. А с полтонны этой гадости уже растащили.

Климен повернулся к Тумару:

— Майор Тумар, срочно вернитесь в штаб-квартиру и постарайтесь, чтобы по городу было широко объявлено об отравленной рыбе. Сообщите в Главное медицинское управление, пусть найдут противоядие и информируют весь город.

Тумар так и сделал. После консультации с Главным медуправлением им было составлено следующее предупреждение:

«ВНИМАНИЕ! Граждане, взявшие рыбу с улиц, прилегающих к зданиям «Рефрижераторов Рашок», подвергаются непос-

редственной опасности отравления. Рыба была обработана БАРБИЦИДОМ. Не ешьте никакой рыбы, кроме той, которая привезена непосредственно с Синтетических Рынков.

ПРЕДУПРЕДИТЕ СВОИХ СОСЕДЕЙ!

Если рыба уже съедена, немедленно обращайтесь в здание Главного медицинского управления (следовал адрес).

СИМПТОМЫ ОТРАВЛЕНИЯ БАРБИЦИДОМ: сильные судороги примерно через два часа после интоксикации, рвота, жар, вздутие лимфатических узлов. Через двадцать минут после начала судорог наступает смерть. Пища с высоким содержание кальция (молоко, толченая яичная скорлупа) отодвигает смерть максимум на полтора часа. В Главном медуправлении вам сделают уколы, обезвреживающие яд. Введение противоядия оказывает действие, будучи сделано до последних пяти-десяти минут критического срока».

Тумар лично послал это объявление в сектор связи 27Б, указав на его важность и срочность. Через десять минут позвонил инженер сектора и сообщил, что 27Б все утро барахлил, впрочем, как и 26Б, и 25Б. В сущности, сказал инженер, хорошо работают только сектора с 34А по 42А, которые не имеют выхода в городские линии.

Тумар сделал три копии заявления и разослал в сектора 40А, 41А и 42А. Через полчаса ему позвонил секретарь главного инженера Службы связи и сказал:

— Майор Тумар, мне очень жаль, но из-за нашей поломки я получил ваше сообщение только сейчас. По причине беспорядков мы получили инструкции допускать до секторов только уполномоченных лиц со специальными разрешениями.

— К дьяволу любых уполномоченных! — закричал Тумар.— Если вы не передадите это как можно быстрее, то к вечеру вымрет полгорода!

— Извините, майор, но... Хорошо, я передам это самому главному инженеру, когда он вернется.

— А когда он вернется? — переспросил Тумар.

— Не знаю.

— А кто входит в число уполномоченных?

— Только члены Совета, и то лишь те из них, кто непосредственно связан с военными действиями.

— Ясно,— сказал Тумар и выключил связь. Он сделал семь копий объявления с объяснительной запиской для семи членов Совета, когда позвонил главный инженер.

— Майор, в чем дело с этой рыбой?

— Видите ли, семь тонн этой дряни валяется на улицах.

— И вы говорите, она отравлена?

— Именно так. Проследите, пожалуйста, чтобы это было объявлено по всему городу, и как можно скорее. Это вопрос жизни и смерти.

— Нам приказано работать на передачу военных сообщений. Но я понимаю, что ваше имеет приоритет... О, это объясняет некоторые сообщения, которые мы получили. Я уверен, что одно из них — для вас.

— Ну? — спросил Тумар после паузы.

— Мне не разрешено передать его вам, майор.

— Почему?

— Вы не уполномоченный.

— Слушайте, черт вас всех дери, возьмите его прямо сейчас и прочтите мне!

— Ладно... вот оно. Оно от шефа городской полиции.

Послание коротко говорило, что двадцать три человека, в том числе капитан Климен, были затоптаны насмерть примерно двумя с половиной тысячами голодных обитателей Адского Котла, в основном иммигрантами с материка.

Полторы тонны рыбы были в конце концов убраны с улиц и уничтожены. Но пять с половиной тонн разошлись по городу. Главный инженер добавил, что пока они тут беседуют, меморандум пошел через секторы с 34А по 42А, но пусть майор снова позвонит в 27Б, может, они там наладились.

В аквариум прибыла вторая смена рабочих. Через громадное плавучее здание тянулись ряды прозрачных пластиковых труб по три фута диаметром, с тетроновыми поршнями на обоих концах. Вибрационные сети делили трубы на двадцатифутовые отрезки. Узкие мостики связывали шестиэтажную структуру, всю залитую красным светом фосфорных стержней, выступающих из поршней. Спектр свечения синего конца раздражал рыбу, которой полагалось быть все время в движении и на виду, чтобы можно было заметить болезнь или деформацию. В прозрачных трубах рыба находилась в состоянии, близком к приостановлению жизни. Температура воды в них не менялась и на градус. Рыба подвергалась вибрации, питалась, жирела и сортировалась по возрасту, размеру и породам, а затем шла на убой. Вторая смена рабочих заменила первую.

Приблизительно через два часа вспотевший рабочий явился в лазарет с жалобами на общую слабость. Изможденне от жары было частой жалобой в аквариумах, и поэтому доктор велел ему полежать некоторое время. Через пять минут у рабочего начались судороги. Вероятно, ему уделили бы больше внимания, но несколько минут спустя с мостика на шестом этаже упала женщина, разбив не только свой череп, но и одну из пластиковых труб.

В красном свете рабочие собирались вокруг ее тела у конца лопнувшей трубы. В увеличивающейся луже слабо шевелила плавниками жирная рыба с ярко-красной кожей.

Другие женщины, которые работали с погибшей, сказали, что она жаловалась на плохое самочувствие, а когда пошла по мостику, вдруг забилась в конвульсиях. Когда доктор вернулся в лазарет, рабочий был в жару, и сестра сказала, что его сильно рвало. А затем рабочий умер.

В течение следующих двух часов из пяти тысяч тех, кто работал в аквариумах, триста восемьдесят семь забились в судорогах и умерли. Лишь одного, поклонника здорового образа жизни, который всегда выпивал за обедом две кварты молока, успели перевезти на челноке в Торон, в Главное медуправление, но через десять минут он все-таки скончался. Это был первый случай, с которым столкнулись в Главном медуправлении. Лишь после шестнадцатого случая был поставлен окончательный диагноз — отравление барбицидом. И тогда кто-то вспомнил об утреннем запросе военного министерства насчет противоядия.

— Каким-то образом,— сказал доктор Венталь,— эта гадость попала в пищу. Возможно, по всему городу.

Он сел за стол и написал предупреждение гражданам Торона, содержащее описание признаков отравления барбицидом, противоядие и рекомендации: немедленно принять пищу, содержащую большое количество кальция, и обратиться в Главное медуправление.

— Как можно скорее пошлите это военному министерству и во все источники информации,— сказал он своему секретарю.

Когда помощник главного инженера Службы связи (самого инженера не было на месте с трех часов дня) получил послание, то даже не потрудился взглянуть, от кого оно, а с отвращением бросил его в корзину для ненужных бумаг, пробормотав что-то насчет *неавторитетных писем*. Если бы уборщикам пришло в голову подсчитать, то они обнаружили бы в разных корзинах тридцать шесть копий приказа майора Тумара.

Лишь малая часть жертв отравления попала в Главное медуправление, однако врачам и без того хватило работы. За это время произошел один странный инцидент, но вопящим и бьющимся пациентам было не до него. Двое мужчин; пришедших почти в самом начале потока пациентов, получили доступ в приемную и видели всех пришедших туда. Они обратили внимание на одну особенно сильно пострадавшую девушку лет шестнадцати, со снежно-белыми волосами и сильным стройным телом, сейчас изломанным в судорогах. Пот струился по ее лицу, в открытом вороте виднелось ожерелье из раковин.

— Это она,— сказал один из мужчин. Другой кивнул, подошел к врачу, делавшему уколы, и что-то прошептал ему.

— Конечно, нет! — с негодованием ответил врач.— Пациенты нуждаются по крайней мере в сорока восьми часах отдыха и тщательном наблюдении после введения противоядия. У них крайне низкая сопротивляемость, и осложнения...

Мужчина сказал еще что-то и показал документ. Врач осекся, затем подошел к постели девушки и быстро сделал ей два укола. Записав ее имя — Альтер Ронид,— он сказал мужчинам:

— Должен заявить, что я категорически возражаю и буду...

— Ладно, доктор,— сказал первый мужчина, поднял Альтер и вынес ее из здания госпиталя.

У королевы-матери была своя приемная. Сейчас королева сидела на своем высоком троне и рассматривала фотографии. Две цветные показывали спальню кронпринца. На одной принц сидел на постели в пижамных штанах и прижимал пятки к боковине кровати. У окна стояла беловолосая девушка с ожерельем из раковин на шее. Следующая фотография изображала принца, положившего руку на одного из дельфинов на спинке кровати. На ней девушка отвернулась к окну. Третья фотография, сделанная как будто через замочную скважину, показывала страшно увеличенный человеческий зрачок. Сквозь радужную оболочку виднелись пунктиры и крошечные линии рисунка сетчатки. На подлокотнике трона лежала папка, озаглавленная: «Альтер Ронид».

В папке было свидетельство о рождении, четкая фотография того же самого рисунка сетчатки, контракт с передвижным цирком, нанимавшим на сезон детей-акробатов, диплом начальной школы, копии квитанции за трехлетний период обучения гимнастике и медицинского счета за лечение растяжения связок, а также два бланка смены адреса. Еще там были сведения об Аллине Ронид (матери, недавно скончавшейся) и Рэре Ронид (тетке по матери, официальной опекунше).

Королева положила фотографии па папку, повернулась к четырем охранникам, стоявшим у стены, поправила два узла седых волос по бокам головы, подняла тяжелый скипетр и сказала:

— Введите ее.

В другом конце приемной открылась дверь.

Посреди комнаты стояли два блока в четыре фута высотой. Они отстояли друг от друга на фут. Охранники поставили Альтер между блоками, которые доходили ей до подмышек, растянули ей руки и привязали к блокам.

Королева улыбнулась.

— Это простая предосторожность. Мы хотим помочь тебе,— она сошла по ступеням трона, драгоценные камни на скипетре сверкнули рядом с ее локтем.— Нам кое-что известно о тебе. Известно, что и ты кое-что знаешь, и если ты мне об этом расска-

жешь, я буду чувствовать себя намного лучше. Недавно я была очень расстроена. Ты это знаешь?

Альтер пыталась сохранить равновесие. Блоки были чуть высоковаты для нее, она не могла полностью встать на ноги, но не могла и повиснуть.

— Мы знаем, что ты устала и недавно перенесла отравление барбицидом. Ты ведь не очень хорошо чувствуешь себя? — спросила королева, подойдя ближе.

Альтер помотала головой.

— Куда ты дела моего сына? — задала королева главный вопрос.

Альтер прикрыла глаза, снова широко открыла их и опять помотала головой.

— У нас есть доказательства,— сказала королева.— Не хочешь ли взглянуть?

Она достала фотографии и сунула их под нос Альтер.

— Их сделал мой сын. По-моему, ты очень хорошо вышла на обеих. Да и вообще превосходное качество, правда? — она снова убрала снимки в конверт и спрятала его в кармане своего одеяния.— Ты будешь говорить со мной?

— Я ничего не знаю,— проронила Альтер.

— Послушай меня. В той комнате скрытых камер не меньше, чем икринок в осетре. Они приводятся в действие потайными выключателями. Кто-то сумел отключить систему тревоги, но камеры сработали все равно.

Альтер в который уже раз помотала головой.

— Не надо бояться,— терпеливо продолжала королева, но видно было, что ее терпение подходит к концу.— Мы знаем, что ты устала и ослабла, и вернем тебя в госпиталь так быстро, как только это будет возможно. Ну так что же случилось с моим сыном, моим принцем?

Молчание.

— Ты очаровательная девушка. Ты ведь занимаешься акробатикой?

Альтер сглотнула, потом сдавленно кашлянула. Королева улыбнулась с некоторой растерянностью:

— Конечно же, ты не должна бояться отвечать на мои вопросы. Ты акробатка, я права?

Альтер кивнула. Королева подошла совсем близко и дотронулась до тройного ожерелья из раковин.

— Прекрасное драгоценное украшение,— она подбросила ожерелье на шее девушки.— Тело акробата — тоже своего рода драгоценность. Прекрасная, крепкая, в чем-то даже изысканная вещь. Ты должна очень гордиться им,— она снова сделала паузу, запрокинув голову.— Я всего лишь пытаюсь облегчить твою участь, разговаривая с тобой.

Рассмеявшись, она крутнула ожерелье на шее Альтер:

— Оно тоже весьма изысканно...

Неожиданно ожерелье сорвалось и упало на пол. Раковины слабо звякнули. Глаза Альтер цепко следили за ними.

— Ох, прости меня,— сказала королева.— Было бы жаль разбить такую красоту.

Одной рукой она подобрала платье и занесла над ожерельем тяжелый башмак.

— Ты скажешь, где мой сын?

Семь, восемь, десять секунд молчания.

— Прекрасно,— королева опустила ногу. Хруст раздавленных раковин был заглушен криком девушки, ибо королева одновременно со всей силы опустила скипетр на привязанное запястье Альтер — раз, другой... Комната наполнилась криком и стуком драгоценных камней, вылетающих прочь из своих гнезд на скипетре. Затем королева ударила по вывернутому вверх локтю Альтер.

Когда настала относительная тишина, королева еще раз спросила:

— Где мой сын?

Альтер ничего не сказала, да и не могла бы сказать. Ни одно произнесенное ею слово не смогло бы изменить ее участь.

— В рудники? — спросил от двери один из охранников.

— Что она сможет сейчас там делать? — королева вернулась на трон.— Унесите ее обратно в госпиталь. Если понадобится, мы всегда сумеем снова забрать ее оттуда. Она явно работает на кого-то. Может быть, на наших врагов,— ни с того ни с сего королева взмахнула скипетром, и ей на голову посыпались камешки.— Фу! Уберите ее отсюда! Уберите сейчас же!

Бесчувственную Альтер завернули в серое одеяло и вернули в Главное медуправление.

— Опять отравление? — спросил клерк.

Мужчина кивнул. Врач, который присутствовал при том, как Альтер уносили из госпиталя, еще дежурил. Откинув одеяло, он узнал девушку. Когда же он развернул одеяло полностью, у него перехватило дыхание, и он прохрипел сестре:

— Тащите девчонку в неотложную хирургию. Быстро!

В Адском Котле Тель только что оправился от поноса, из-за которого целый день не мог ничего есть. Чувствуя голод, он пошарил в холодном чулане гостиничной кухни, нашел остаток запеченной рыбы и отрезал себе кусок. Но тут открылась дверь, и вошла семидесятилетняя барменша с красным платком на шее. Тель уже нацелился откусить от своей находки, но старуха подскочила к нему и выбила рыбу из рук.

— Ой,— вскрикнул Тель и подскочил, как от боли.

— Ты спятил? — спросила барменша.— Хочешь, чтобы и тебя вынесли отсюда, как других?

Пока Тель растерянно смотрел на нее, в кухню вошла Рэра.

— Умираю с голоду,— заявила она.— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я продавала свой тоник, который вчера сварила, и около полудня все вдруг бросились покупать его. Люди хотели что-то от судорог, и я подумала, что мой Супер-Аква Тоник ничем не хуже чего-нибудь другого. У меня даже не было времени поесть. Эпидемия, что ли, какая? Эй, а ведь это неплохо выглядит,— она потянулась к рыбе.

Старая барменша схватила блюдо и вытряхнула рыбу в мусорное ведро.

— Она отравлена, ты что, не знаешь? — она начала ожесточенно скрести тарелку.— Из-за рыбы-то все и случилось. Всех, кто ел, унесли в госпиталь с судорогами. Померла куча народу. Я и женщина, что живет через улицу, вычислили, что это от рыбы. Мы обе купили ее утром у одной и той же бабы. Сама я никогда не ем эту дрянь, но подала ее к обеду.

— Ладно, но я все равно голодный,— сказал Тель.

— Не съесть ли нам немного сыру и фруктов? — предложила Рэра.

— Я думаю, что от этого вреда не будет,— согласилась барменша.

— А кого унесли? — спросил Тель.

— Ах, да, ты же сидел целый день наверху! — и старуха рассказала ему все, что знала.

Примерно в то же время наблюдатель в самолете-разведчике заметил судно с военным оборудованием милях в шестидесяти от любого места, способного принять такой груз. Вообще-то он должен был послать приказ, исправляющий типографскую ошибку в... ну да, конечно же, это то самое судно. Он пошлет приказ сегодня же через сектор 27Б. Судно стояло недалеко от берега, от одного из тех немногих мест, где лес спускается к самой воде. Там был крошечный порт, откуда отчаливали семьи эмигрантов, желающих пополнить ряды горожан, единственный очаг цивилизации между зеленью моря и зеленью деревьев. Наблюдатель также обратил внимание, что в доке стоит маленький тетроновый корабль, грузовоз. Но тот транспортный корабль... Наблюдатель окликнул пилота и попросил его наладить связь с кораблем.

Пилот дрожал и тряс головой. Второй пилот откинулся в кресле, открыв рот и закрыв глаза.

— Я чувствую...— начал первый пилот и потянулся скомкать листок фольги, в которой пару часов назад лежал сэндвич с рыбным филе, съеденный пилотами на двоих, но вдруг упал с кресла,

задев рукоятку на контрольной панели, и опорожнил желудок прямо на приборную доску. Самолет накренился. Наблюдатель в своем отсеке был выброшен из кресла, микрофон выпал из его рук.

Второй пилот открыл глаза и хотел ухватиться за рукоятку, которая была не на месте, но промахнулся. Через сорок секунд самолет врезался в док в каких-нибудь тридцати ярдах от стоявшего на якоре тетронового грузовоза.

Глава 8

В воздухе стоял рев. Лет закричал и побежал через палубу. Затем тьма. Затем вода. Затем гром, потом визг. Что-то разорвалось на части. Он поскользнулся и упал.

Йон и Аркор подняли потерявшего сознание принца, прыгнули через борт и поплыли. Когда они уложили Лета на сухие листья лесной поляны, из дока раздался вой сирен.

— Мы оставим его здесь,— сказал Аркор.

— Здесь? — переспросил Йон.— Ты уверен?

— За ним придут. А тебе надо идти дальше,— мягко настаивал Аркор.— Мы оставим принца, и ты расскажешь мне о своем плане.

— Мой план...— сказал Йон, и они пошли между деревьями.

Одну его щеку кололи сухие листья, а другую холодил ветер. Что-то прикоснулось к его боку — он вытянул руки, чуть приоткрыл глаза и начал вытягивать себя из уютной тьмы... Он задремал в маленьком парке за дворцом. Скоро пора идти ужинать. Запах листьев был свежее, чем когда-либо... Что-то снова дотронулось до его бока. Он открыл глаза и вскрикнул: он был вовсе не в парке и не собирался идти ужинать, и над ним стоял кто-то громадный.

Лесной человек еще раз осторожно коснулся мальчика ногой. Мальчик откатился и замер. Гигант сказал что-то, но его заглушил шелест листьев на ветру. Немного помолчав, он повторил то же слово:

— Кворл...

Он произнес это в третий раз и указал на себя. Затем указал на мальчика и улыбнулся. Мальчик молчал.

Гигант снова хлопнул себя по груди, сказав «Кворл», и опять протянул руку к мальчику, ожидая в ответ его имени. Ответа по-прежнему не было. Он пожал плечами и сделал мальчику знак подойти. Тот медленно встал. Вскоре они уже шли по лесу.

Пока они шли, мальчик вспомнил: тень от потерявшего управление самолета над ними, удар самолета о воду, вода, поднявшаяся выше гор, пожар. И еще что-то рвалось...

Неужели все началось во дворце, в его спальне, когда он в первый раз нажал пяткой скрытый выключатель? Камеры, вероятно, сработали, но не было ни сирены, ни охраны. То же самое было, когда он придавил ладонью дельфина на спинке кровати. И когда он постарался поставить девушку в нужное место и в нужное положение, чтобы сфотографировать ее глаз. Не произошло *ничего*. Его увели, а мать спокойно оставалась в своей комнате.

Как могло случиться, чтобы кто-то похитил принца?

Сбивало с толку отношение к нему мальчика, который рассказывал ему о море, и девушки, учившей его падать. Если он и в самом деле был похищен, то его тюремщикам не было никакого смысла ни рассказывать ему о красотах морского заката, ни учить его делать своим телом невероятные вещи.

Когда девушка велела ему прыгать с крыши, он был уверен, что она хочет убить его. Однако он послушался ее. Он всегда слушался. Он и сейчас шел за гигантом, загребая ногами палую листву, лишь потому, что тот так велел. Но тогда, когда он скатился с крыши, перевернулся и встал на ноги, страх перестал быть пыткой, и ему почудилось, что он отыскал некую нить...

Если бы он остался там и побольше поговорил с мальчиком и девушкой, то смог бы что-то понять. Но черноволосый и гигант со шрамами увезли его. Он пытался свести воедино «есть» и «возможно», рассказав черноволосому историю заключенных с рудника — настоящую хорошую «возможную» историю. А тот человек повернул ее на себя и сказал, что это не «возможно», а «было» — и нить лопнула.

(Над палубой корабля в воздухе стоит рев. Он заплакал. Тьма, вода... Он поскользнулся и упал. Гром, потом визг... его визг: «Я не умру! Мне нельзя умирать!» И что-то рвется на части.)

Листья трепетали, весь мир дрожал под его усталыми измученными ногами. Пока они шли по лесу, последней искрой, словно в горячечном бреду, вспыхнуло воспоминание о ком-то, умолявшем никогда не забывать о чем-то... Но о чем — он уже не мог вспомнить.

Кворл прокладывал по лесу прямой путь, мальчик держался рядом с ним. Дорога пошла под уклон. Стали попадаться камни, обросшие мхом. Один раз Кворл резко остановился и протянул руку, загораживая мальчику дорогу.

Кусты перед ними раздвинулись, и вышли две огромные женщины. Все у них было одинаковым: темно-синие глаза, короткие носы, острые скулы. Двойняшки, подумал мальчик. У обеих левую сторону лица рассекал тройной шрам. Они не обратили внимания на Кворла и мальчика, перешли дорогу и скрылись за деревьями. Кворл снова тронулся с места. Они миновали еще двух высоких лесных жителей, но у них, как и у Кворла, не было шрамов, и встреча не привела их в замешательство.

Один раз встретилась группа приземистых созданий с нависающими лбами, ростом даже ниже мальчика. Увидев Кворла, они вроде бы собрались заговорить с ним, но поглядели на мальчика и не стали, а только помахали Кворлу. Тот улыбнулся им в ответ, и опять в этом не было такой напряженности, как при встрече с женщинами.

Затем они свернули к небольшой скале. Возле толстого дерева была навалена куча веток. Большие смуглые пальцы Кворла с бронзовыми ногтями аккуратно раздвинули их, и на свет появилась клетка из прутьев, связанных лианой. В ней что-то верещало, да так, что мальчик подпрыгнул.

Кворл открыл дверцу и сунул внутрь руку. Верещание сменилось визгом, а затем все стихло. Кворл вытащил мохнатого зверька, похожего на ласку, и протянул мальчику. Словно в кошмарном сне, Лет увидел, что у зверька сломана шея. Он снова посмотрел на руки гиганта и почувствовал, что впадает в безумие и его волосы становятся дыбом. Кворл как ни в чем не бывало поставил клетку под ветви и пошел с мальчиком через поляну, где была спрятана другая ловушка. Когда он сунул туда руку и снова раздался душераздирающий визг, мальчик в ужасе кинулся прочь через всю поляну.

Небо было дымчато-серым до горизонта, где оранжевая полоса отмечала место заката. Диск цвета меди низко нависал над лиловыми вершинами гор. Веер красок переливался лавандовым, оранжевым, белым, бледно-зеленым... Да и серый на самом деле был не серым, а серо-голубым. Мальчик начал считать цвета и насчитал всего двенадцать, хотя думал, что их тут должна быть целая тысяча. Последним оттенком, который он сумел назвать, было тусклое золото, окаймившее те облака, что были ближе всего к заходящему солнцу.

Прикосновение к плечу заставило мальчика обернуться. Кворл показал ему второго зверька, и они вернулись в лес. Позднее он развел небольшой костерок и насадил зверьков на длинное изогнутое лезвие своего ножа, чтобы зажарить. Они сидели рядом и молча смотрели в огонь, пока мясо, шкворча, поворачивалось в пламени. Мальчик наблюдал, как темно-красная плоть источает сок, темнеет и покрывается аппетитной корочкой.

Когда мясо было готово, Кворл достал из кармана кожаный мешочек, вытряс из него немного белого порошка и протянул мешочек мальчику. Тот высыпал немного на ладонь и лизнул. Соль.

Пока они ели, в лесу стало темно, прохладно и тихо. Огонек костра был единственной точкой, разгоняющей мрак. Кворл обсасывал последние тоненькие косточки, когда хрустнула ветка. Оба оглянулись.

— Тлото! — резко позвал Кворл.

Мальчик услышал, как кто-то приближается, потом у края пламенного круга появилась высокая тень. С отвращением, но

без страха — последнее мальчик особо отметил — Кворл взял прут и взмахнул им. Тень отклонилась и слабо мяукнула.

— Уходи, Тлото,— сказал Кворл.— Иди прочь.

Но Тлото все равно двинулся вперед.

Может быть, он и родился от родителей-людей, но назвать человеком ЭТО... Он был голым, безволосым, белым, как раковина. Не было ни глаз, ни ушей, только безгубый рот и плоские ноздри. Он проковылял вокруг огня, и мальчик увидел, что ноги у этого существа кривые, изуродованные, а на каждой руке только два пальца не парализованы. Он с мяуканьем тянулся к кучке обглоданных Кворлом костей.

Взмахом руки Кворл отбросил полупарализованную лапу. Тлото попятился и шагнул к Лету, расширив ноздри. У мальчика еще оставалась еда.

«Он всего на голову выше меня»,— пронеслось у него в мозгу. «Если он из этой расы гигантов, он, наверное, еще ребенок. А может, моих лет». Он посмотрел в пустое лицо. «Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, как сделать так, чтобы было хорошо». Неожиданно его паника улеглась, и он протянул Тлото недоеденный кусок мяса.

Лапа дернулась вперед, цапнула и отлетела назад. Мальчик попытался растянуть губы в улыбке. Впрочем, Тлото все равно не умел видеть, так что это не имело никакого значения. Он отвернулся к костру, а когда снова решился поднять глаза, Тлото уже исчез.

Пока Кворл забрасывал угли землей, он что-то объяснял мальчику про Тлото и попутно рассуждал на общефилософские темы. Мальчик внимательно слушал и в конце концов понял, что Тлото все равно не оценит его заботы. Но речь Кворла имела мало значения для принца. В этом мире не было ничего знакомого, о чем можно было говорить, а о доме он не скучал.

Кто-то выдернул его из одного места и перенес в другое. Но шок от перемещения был так велик, что определения не получалось. Лет пропускал смысл сказанного мимо ушей. Конечно, он слушал Кворла внимательно, но не ради понимания. Он пытался вникнуть в тон и интонацию слов, следил за лицом гиганта, за его громадным телом, за движениями плеч, рук, коленей. Он пытался уловить намек на чувства, которые мог бы соотнести с опытом, полученным за свои четырнадцать лет. Кое-что ему удалось уловить. Потом — еще кое-что.

Затем они улеглись на траву и заснули.

Было еще темно, когда рука гиганта потрясла мальчика за плечо. Он не привык вставать в это время и почти ничего не мог разглядеть. Стало холоднее, ветер гладил его шею и шевелил волосы. Над деревьями пронесся высокий звук и смолк. Кворл взял мальчика за руку, и они пошли сквозь тьму.

Где-то слева родился свет. Утро? Нет. Всходила луна. Свет стал белым, затем серебряным. Они подошли к утесу, под кото-

рым было темное море. Скала раскрошилась и сбегала вниз уступами. Там, в ста футах над водой, была каменная плита. Луна уже стояла высоко и освещала плиту и храм на ее конце.

Перед храмом стоял высокий человек в черных одеждах и дул в изогнутую раковину. Жалобный звук летел над морем и лесом. Вокруг плиты собирался народ. Некоторые парами, кое-кто и с детьми, но в основном одинокие мужчины и женщины. Все они были великанами.

Мальчик стал опускаться вниз, но Кворл удержал его. По звукам вокруг мальчик понял, что тут есть и другие, кто тоже смотрит сверху. Со скал наблюдали несколько неандертальцев, но ниже не было никого. Волны на воде засверкали изломанными отражениями луны. Небо усыпали звезды.

Из храма на платформу вывели группу людей. В основном это были дети гигантов. Кроме них, там стоял старик, чью бороду развевал ветер, и величественная женщина. Все были связаны, все почти обнажены, и все, кроме женщины, волочили ноги и нервно озирались.

Жрец в черном исчез в храме и появился снова, держа в руке что-то, что издалека показалось мальчику чесалкой для спины. Он поднял это в лунный свет, и в кругу людей родился и умолк тихий ропот. Мальчик увидел, что это был трезубец на рукоятке, каждый зубец которого тускло отсвечивал в лучах луны.

Подойдя к первой девочке, жрец взял ее одной рукой за голову и быстро провел трезубцем по левой стороне ее лица. Она издала неопределенный звук, сразу утонувший в шепоте толпы. То же самое он сделал со следующим ребенком, который начал плакать, потом еще с одним. Женщина стояла совершенно спокойно и даже не вздрогнула, когда лезвия резали ее кожу. Старик боялся, он хныкал и пятился. Из круга людей вышли мужчина и женщина и придержали старика. Когда трезубец полоснул его по лицу, старческое хныканье сменилось визгом. На миг мальчику вспомнились зверьки из ловушек. Старик отшатнулся от тех, кто его держал, но никому уже не было дела до него. Жрец снова поднес раковину к губам, и высокий чистый звук поплыл между скал.

Затем люди начали исчезать в лесу. Кворл коснулся плеча мальчика, и они тоже вернулись в лес. Мальчик растерянно посмотрел в желтые глаза Кворла, но в них не было никакого объяснения происходящему. Один раз он мимолетно увидел слева белую фигуру, чье голое плечо мелькнуло в лунном свете. Тлото шел за ними.

Целые дни напролет мальчик учился. Кворл показывал ему, как делать тетиву из кишок животных, которые надо было долго растягивать, а затем натирать жиром. Он учил его каждодневной

работе: сменять наживку в ловушках, резать ивовые ветки на подстилку для сна, сортировать хворост для костра, держать прутья, когда Кворл связывал их для навеса в дождливую ночь, и многому другому.

Обучая, Кворл перестал использовать чересчур много слов. Он называл типы ловушек, деревья, места в лесу, животных. Мальчик научился понимать, но сам пока не говорил. Но те слова, которые употреблял Кворл, говорили мальчику даже больше, чем надо.

Однажды вечером они шли по лесу, и Кворл сказал: «Ты идешь громко, как тапир». Мальчик шел по сухим листьям. Он тут же послушно перешел на влажные листья, которые не хрустели.

Иногда мальчик бродил один вдоль ручья. Однажды за ним погнался кабан, и мальчик влез на дерево. Кабан попытался залезть вслед за ним, не сумел, а мальчик, сидя в развилке ветки, смотрел, как кабан мечется внизу, разглядывал его оскаленную морду со сломанным клыком и жесткую щетину, покрывавшую шкуру зверя.

Затем он услышал мяукающий звук и увидел Тлото, бредущего к дереву. Мальчик закричал: «Уходи!», воспользовавшись речью впервые с тех пор, как появился в лесу. Но Тлото не мог ни увидеть его, ни услышать.

Животное вдруг отвернулось от дерева и бросилось к Тлото. Тот мгновенно исчез. Мальчик спрыгнул с дерева и побежал за кабаном на шум, с которым зверь продирался сквозь подлесок. Мальчик продрался следом, выскочил на поляну и замер.

Посреди нее наполовину увяз кабан, который отчаянно пытался выбраться. Вот только это была никакая не поляна, а болото, покрытое плавучими растениями. Тлото стоял на другой его стороне; ноздри его дрожали, слепая голова поворачивалась из стороны в сторону. Каким-то образом этот урод заманил кабана в болото. Видимо, зверь бежал слишком быстро и влетел туда с разгону, не успев остановиться. Это казалось чудом, чем-то совершенно невозможным в данной ситуации. Мальчик не выдержал и засмеялся.

Услышав шум за спиной, он замер на миг, затем осторожно обернулся. Позади стоял Кворл. Тем временем отчаянный визг сменился бульканьем, а после наступила полная тишина. Кворл ответно улыбнулся мальчику слегка растерянной улыбкой:

— Почему ты смеялся?

Мальчик снова повернулся к болоту. Исчез не только кабан, но и Тлото.

Кворл повел мальчика обратно к их стоянке. Проходя мимо ручья, он увидел отпечатки ног мальчика и нахмурился.

— Оставлять следы на сырой земле опасно. Хищные животные придут пить, унюхают тебя и будут искать, чтобы съесть.

Что, если бы этот кабан стал охотиться за тобой вместо того, чтобы бежать в болото? Если уж ты хочешь оставить следы, делай это в сухой пыли. Но лучше не оставлять вообще.

Мальчик слушал и запоминал. Но этим вечером он отделил от своей порции большой кусок мяса и отдал Тлото, когда тот появился у костра. Кворлу этот поступок, похоже, очень не понравился.

— Он бесполезен,— сказал он.— Не трать на него еду. Впрочем, мы все гистосенты.

Мальчик хотел переспросить, но не сумел справиться со своим языком и засмеялся. Кворл удивленно посмотрел на него. Мальчик снова засмеялся, и Кворл засмеялся тоже.

— Ты научишься. Научишься в конце концов,— гигант стал серьезным.— Знаешь, это первый гистосентный звук, который я слышу от тебя с тех пор, как ты здесь.

Мальчик помрачнел, и Кворл повторил фразу. По лицу мальчика он понял, какие слова оказались ему непонятны. Он на минуту задумался.

— Ты, я, даже Тлото — гистосенты. Деревья, камни, животные — нет. Ты смеешься — это гистосентный звук. Слово это исторически означало «чувствующий», и это значит, что ты отдаешь себе отчет, где ты был, где ты сейчас и куда пойдешь. Оно также значит — «оценивающий».

Мальчик посмотрел в ту сторону, куда исчез Тлото.

— Ты все еще интересуешься этим уродом? Я расскажу тебе, как живут здесь, на материке, так близко от радиации. Радиация сделала так, что некоторые из наших племен ушли на тысячелетия вперед по цепи человеческой эволюции, некоторые же вернулись по ней назад. Но и те, и другие остановились на той точке, на которой могут поддерживать генетическую стабильность вида. Тлото же — таких, как он, сейчас уже очень мало — случайный бросок куда-то в сторону от человеческого спектра. Когда я вижу, что неандертальские ребятишки дразнят его, я всегда их останавливаю. Но по той же причине я хочу, чтобы ты прекратил оказывать ему внимание. Оно может повредить ему так же, как камень или брошенная палка...— он осекся.— Но сейчас, наверное, эти слова тебе не нужны.

Мальчик задумался. Гистосент? Откуда-то к нему пришло другое слово, притянутое по ассоциации рифм, а затем и по значению. Он попытался поставить одно слово перед другим, чтобы понять, которое было первым. Так начался процесс определения, и он длился, пока мальчик не заснул.

В течение следующих дней он много смеялся. Выживание в лесу стало рутиной. Мальчик наблюдал за Кворлом, когда они встречали других лесных жителей. Часто встречи сопровождались добрыми словами и ощущением дружелюбия, которое позволяло расслабиться. Но если встречался кто-то со шрамами, Кворл словно застывал.

Однажды мальчик подошел к храму на каменной плите. На камне были вырезаны фигуры — странные создания, может быть, даже люди, но такие искаженные и деформированные, что их стало почти невозможно узнать. Разглядывая их, он заметил, что из храма вышел жрец и наблюдает за ним, и снова сбежал под защиту деревьев.

Потом он попытался взобраться на гору. Это было трудным делом, потому что весенние ручьи разлились, подмывая камни, и опора часто уходила у него из-под ног. Наконец он остановился под выступом, нависающим над скалами и деревьями. Мальчик влез на камень и посмотрел вниз по склону горы. Он поднялся очень высоко. Положив руку на ствол полусгнившего дерева, он стоял и искоса поглядывал в небо.

Однажды они с Кворлом ставили ловушки на краю луга, в другом конце которого стоял покосившийся фермерский дом. Людей в нем не было. В другой раз они ставили ловушки на краю джунглей, за которыми земля была серой и растрескавшейся, и на ней среди папоротников рядами стояли шаткие хижины. Многие из живущих там лесных людей имели тройные шрамы и держались большими группами. Мальчик подумал, не увидит ли он с высоты тот пустой луг или ряды тюремных хижин. Река светлой змеей бежала через всю долину к морю, небо было ослепительно голубым.

Сначала он услышал, потом почувствовал. Он хотел спуститься на более твердую почву, но не успел. Камень наклонился, сорвался с места, и мальчик упал. Неожиданно память словно огненным клинком пронзили слова: «...колени вверх, подбородок вниз, и быстро катись». Давным-давно их произнесла девушка... До следующего ровного места было, пожалуй, футов двадцать. Три ветки сломались при его падении, он ударился о землю и покатился. Что-то — камень или гнилой сук — стукнулось о то место, где он только что был. Он катился слишком быстро, не успевая ухватиться ни за какую опору на склоне. Затем он ударился обо что-то твердое, и все затянулось пеленой боли, а потом тьма поглотила его.

Много времени спустя он открыл глаза. Боль была в ноге, да и вообще болела вся левая сторона тела. Все мышцы были напряжены и никак не могли расслабиться. Он попытался ползти и чуть не оторвал ногу. Кое-как приподнявшись, он оглянулся и осознал, насколько все плохо. В этот миг он понимал, что чувствует дикий кот, попавший в ловушку, когда отгрызает себе лапу, чтобы истечь кровью — но на свободе.

Еще раз взглянув, он закрыл глаза от ужаса и бессилия. Бревно толще его тела упало поперек его левой ноги. Он стал толкать его, но только ссадил ладони о кору и в конце концов потерял сознание от усилий.

Когда он пришел в себя, боль отступила куда-то вдаль. В воздухе сгущался мрак. Наверное, он еще не проснулся. Он гре-

зил о чем-то очень-очень приятном, о каком-то маленьком садике, где резкие и прохладные тени танцуют на самой грани его видимости, о маленьком садике позади...

Придя в себя, он снова боролся с бревном, из-под которого уже выступила кровь, и снова беспамятство закрывало ему глаза.

Тлото дотянул Кворла до середины горы, прежде чем гигант понял, в чем дело, и пустился бегом. Он нашел мальчика как раз перед заходом солнца. Тот тяжело дышал, глаза его были закрыты, кулаки сжаты. В пыли темнела засохшая кровь.

Большие смуглые руки взялись за бревно и стали сдвигать его. Мальчик вскрикнул.

Руки стали поднимать бревно. Крик перешел в вопль. Бревно, поднимаясь, содрало кусок плоти с ноги мальчика. Он снова взвыл.

Руки подняли мальчика. Они были теплые и держали крепко. Щека мальчика прижалась к жесткому мускулистому плечу, и он перестал кричать. Это лучший из возможных снов, пронеслось у него в голове — Кворл здесь. Но боль не уходила. Первые слезы показались на глазах мальчика, и он плакал, пока не уснул.

На следующее утро Кворл принес лекарство, сказав, что оно от жреца. Оно успокоило боль и помогло заживлению. Кворл сделал для мальчика костыли. Мышцы и связки были сильно помяты и порваны, но кости остались целыми.

Вечером был дождь, и они ели под навесом. Тлото не пришел, но на этот раз Кворл сам отложил кусок мяса и все время поглядывал сквозь мокрые деревья. После ужина лесной гигант рассказал мальчику, как Тлото вел его. Затем Кворл взял мясо и вышел под дождь.

Мальчик лег спать. Он подумал, что мясо было вознаграждением для Тлото. Вот только Кворл, казалось, был серьезнее, чем обычно. Последней мыслью мальчика перед сном было удивление, каким образом слепой и глухой Тлото мог найти его.

Когда он проснулся, дождь прекратился. Воздух был сырым и холодным. Кворл так и не вернулся.

Мальчик сел и вздрогнул от боли в ноге. Сквозь деревья мерцал лунный свет. Трижды раздался звук, чистый, далекий. Мальчик взял свои костыли и с усилием встал на ноги. Медленно считая до десяти, он ждал, что Кворл все-таки вернется и пойдет с ним.

В конце концов он вздохнул и осторожно тронулся в путь. Лунный свет облегчал ему дорогу, озаряя все не менее чем на сто ярдов вперед и позволяя обходить камни. Он дошел до места,

откуда сквозь мокрую листву можно было увидеть каменную плиту внизу. Народ на ней уже собрался. Мальчик глянул на жреца, затем осмотрел круг людей. Одним из них был... Кворл!

Жрец снова подул в раковину, и из храма вышли пленники: впереди три мальчика, затем девушка постарше и мужчина, а за ними... Тлото! В лунном свете его тело белело, как мрамор, изуродованные ноги волочились по камню. Безглазая голова растерянно качалась вправо-влево.

Когда жрец поднял тройной нож, мальчик судорожно сжал свои костыли. Жрец шел от одного пленника к другому. Тлото съежился. Когда нож опустился; у мальчика сжалось горло, будто резали его собственную плоть. Потом голоса смолкли, пленники были развязаны, и люди потянулись обратно в лес.

Мальчик пошел навстречу, желая перехватить Кворла, так быстро, как только позволяли костыли. Множество людей поднималось по тропам от каменного храма. Когда Кворл увидел мальчика, то в смущении отвел свои желтые глаза. Наконец он сказал:

— Ты не понимаешь. Я должен был поймать его и отдать на отметку, но ты ничего не понимаешь.

Мальчик почти не видел, где они идут — он не сводил глаз с гиганта.

— Ты не понимаешь,— повторил Кворл, глядя на мальчика и успокаиваясь на время.— Это... обычай. Важный обычай. Да, я понимаю, что ему было больно. Знаю, что он боялся. Но это нужно было сделать. Тлото — один из тех, кто знает мысли других,— Кворл немного помолчал.— Я попробую объяснить, почему я должен был причинить боль твоему другу. Да, я знаю, что он твой друг. Однажды я сказал, что Тлото — гистосент. Так вот, я ошибся. Тлото — больше. Он и другие отмеченные — те, кто знает многое. Только поэтому Тлото выжил. Только поэтому он знал, где ты, когда с тобой случилась беда. Он читал у тебя в голове. У высокого народа рождается много таких, и с каждым годом все больше. И как только мы их обнаруживаем, мы отмечаем их. Многие пытаются скрыть это, и иногда на долгое время. Ты понимаешь? Когда Тлото показал мне, где ты, он уже знал, что я буду знать, и что его схватят и отметят. Понимаешь? — Он снова замолчал и поглядел на мальчика. В глазах его была боль.— Ты хочешь знать, зачем? Мы... в давние времена мы убивали их, когда находили. Теперь у нас спектр любви больше, чем у вас. Отметка напоминает им, что они хоть и другие, но все-таки то же, что и мы. Может, это и неправильно. Но это не очень больно и скоро заживет. Во всяком случае, их больше не убивают. Мы знаем, что они важны...

Ни с того ни с сего, пока они вот так шли рядом, что-то повернулось внутри Кворла. Он вспомнил: мальчика привезли в лес, поскольку герцогиня решила, что это необходимо для его безопасности.

— Я ошибся,— тихо выговорил Кворл.— Мне очень жаль. Я завтра поговорю со жрецом.

Они шли, пока заря не осветила небо за лесом. Кворл сказал:

— Я хочу показать тебе кое-что. Мы уже близко, а погода подходящая.

Через несколько минут Кворл раздвинул листву и шепнул:

— Смотри сквозь это.

Яркий свет упал им на лица. Они стояли на каменном утесе. Бледно-золотой туман, того же цвета, что мальчик однажды увидел в красках заката, тянулся через все небо. В центре горизонта пылало туманное солнце, а внизу сквозь туман проступала вода цвета пламени на медном фоне, не имеющая конца и края.

— Это озеро между этой горой и следующей,— сказал Кворл, указывая на воду.— Ты видишь, что они там делают? Нет, туман слишком густой. Но посмотри на озеро.

— Я думал...— с некоторым усилием сказал мальчик. Он слишком привык только смеяться и плакать, и отвык от обычной речи.— Я думал — это море...

Кворл улыбнулся. Рядом с ним появилась изломанная фигура Тлото. Капли с мокрой листвы стекали по его шее и спине, по засохшей крови на лице. В золотом свете утра он поворачивал пустое лицо вправо и влево и мог без страха общаться со всеми, кто его знал.

Глава 9

Клея Кошар была устроена в правительственном офисе на три дня. Блокнот с работой над обратными субтригонометрическими функциями уже три минуты как был убран в стол, когда она сделала первое открытие, которое обеспечило ей постоянное место в истории Торомонских войн как едва ли не главной их героине. Она стукнула кулаком по компьютеру, швырнула карандаш через всю комнату, воскликнула: «Что за чертовщина!» — и позвонила в военное министерство.

Тумара пришлось ждать десять минут. Затем его рыжая голова появилась в видеофоне. Он улыбнулся.

— Привет!

— Привет и тебе,— сказала она.— Только что я просмотрела те данные, которые твои люди послали нам по поводу радиационного барьера, и старые записи времен разрушения Тельфара. Тумар, я даже не собиралась вводить их в компьютер, я только посмотрела на них. Эта радиация была создана искусственно! Ее рост полностью равномерен. Во всяком случае, до второй производной. Схема нарастания такова, что там не может быть больше двух простых генераторов или одного комплексного...

— Давай помедленнее,— сказал Тумар.— Что ты имеешь в виду под этими генераторами?

— Радиационный барьер, или большая его часть, поддерживается искусственно. Там не больше двух генераторов, а может быть, для поддержки достаточно и одного.

— Но как можно поддерживать радиацию?

— Я не знаю. Однако кто-то это делает.

— Я не хочу критиковать твою гениальность, но почему этого до сих пор никто не подсчитал?

— Наверное, никто не думал о такой возможности. А если кто и подумал, то не захотел бесплатно выводить вторую производную, а то и вообще поленился взглянуть на цифры, а просто сунул их в компьютер. За двадцать минут я обсчитаю для тебя этот участок.

— Давай, а я пока узнаю, кто хотел получить это. Ты знаешь, что это первый кусок важной информации, которую мы рассчитываем получить от всей батареи логарифмических линеек, собранных здесь? Я так и думал, что это, скорее всего, придет от тебя. Буду очень благодарен, если мы сможем этим воспользоваться.

Она послала ему воздушный поцелуй и снова достала свои наброски. Через десять минут из видеофона раздался треск. Она обернулась, попыталась вызвать оператора, но не смогла. Тогда она взяла из стола карманный набор инструментов и собралась атаковать паз частотного фильтра, но тут треск усилился, и она услышала голос. Она положила отвертку и убрала инструменты обратно в стол. На экране мелькнуло лицо — и исчезло. Черные волосы, лицо вроде знакомое, но оно пропало раньше, чем она успела его разглядеть.

Наложились сигналы с другой линии, подумала она. А может быть, замыкание в механизме настройки. Она снова опустила глаза к блокноту и взялась за карандаш, но на экране опять вспыхнуло изображение, теперь уже четкое, стабильное. Она не сразу сообразила, что лицо мужчины на экране очень похоже на ее собственное.

— Привет,— сказал мужчина.— Привет, Клея.

— Кто это?

— Клея, это я, Йон.

Она неподвижно сидела, стараясь соединить две половины неизвестно чего. Точно так же принц в лесу чувствовал, что распалась какая-то связь. Но в отличие от него, Клее удалось эту связь восстановить.

— Считается, что тебя... нет в живых. То есть это я так думала. Где ты сейчас, Йон?

— Клея... мне нужно поговорить с тобой.

Пять секунд молчания.

— Йон, Йон, как ты там?

— Прекрасно. То есть на самом деле. Я больше не в тюрьме — я давно оттуда сбежал и сделал массу всяких дел. Но мне нужна твоя помощь, Клея.

— Конечно, только скажи, что я могу сделать. Чего ты от меня хочешь?

— Тебе интересно, где я и что я делаю? Я в Тельфаре и пытаюсь остановить войну.

— В Тельфаре?

— За радиационным барьером кое-что есть. Я хочу пройти через него и посмотреть, что можно сделать. Но мне нужна некоторая помощь из дома. Я наладил телефонную связь с Тороном. Здесь куча всякого оборудования, которое более или менее мое. Если бы я еще знал, как им пользоваться... Мне нужен друг, который разбирается в этом лучше меня и которому я могу доверять. Я тут влезал в пару закрытых окружных конференций, а потом и с тобой связался тем же способом. Я знаю, что ты пользуешься вниманием майора Тумара, и знаю, что он один из немногих по-настоящему дельных людей во всем этом военном бардаке. Клея, за Мертвым Городом есть нечто враждебное Торомону, но война — не ответ на это. Война вызвана беспорядком в самом Торомоне, но она не излечит ни одного из зол. Осложнения с эмигрантами, ситуация с пищей, переизбыток рабочей силы, дефляция — вот ее настоящие причины. Если остановить войну, то со всем тем, что здесь, можно будет разобраться быстро и мирно. Вы в Тороне даже не знаете, кто ваш враг, и он не позволит вам узнать, даже если бы он сам себя знал.

— А ты знаешь? — спросила Клея.

Йон помолчал.

— Кто бы он ни был, война не изгонит его.

— Но ты можешь это сделать?

Он снова сделал паузу.

— Да. Я не могу сказать тебе всего сейчас, скажу только, что его проблемы намного проще, чем ваши торомонские.

— Йон, на что похож Тельфар? Ты знаешь, что я помогу тебе, если смогу, но расскажи.

Йон глубоко вздохнул.

— Клея, он похож на открытую могилу. Он ничуть не напоминает Торон. Он был хорошо распланирован, все улицы прямые, нет никакого Адского Котла, да и не могло бы быть. Дороги вьются над землей среди высоких зданий. Сейчас я нахожусь в Звездном Дворце, который был великолепным сооружением. Он и сейчас прекрасен. Здесь были поразительные лаборатории и серебряные залы, где потолки воспроизводят звездное небо. Электроустановки продолжают работать, в большинстве домов есть освещение. Правда, водопровод в городе наполовину разрушен, но во дворце все еще работает. Наверное, в Тельфаре было очень хорошо жить. Когда во время подъема радиации отсюда эвакуировались жители, то почти ничего не разграбили.

— Радиация...— начала Клея. Йон засмеялся.

— О, это нас не беспокоит. Сейчас долго объяснять, но в самом деле не беспокоит.

— Я не это имела в виду. Я уже поняла, что раз ты жив, значит, радиация тебе не мешает. Но, Йон, это не правительственная пропаганда, а мое собственное открытие: что-то за барьером создало усиление радиации, погубившее Тельфар. Где-то поблизости от Тельфара есть какой-то непонятный генератор, вызвавший подъем радиации, и он действует до сих пор. Это еще не предано гласности, но прекратить нашу войну тебе не удастся, потому что правительство получит основание свалить разрушение Тельфара на врага. А это как раз то, что ему надо.

— Клея, я еще не кончил рассказывать о Тельфаре. Я говорил, что электричество еще работает. Так вот, если ты войдешь в какой-нибудь дом и включишь свет, ты увидишь на полу пары, которые так и лежат вместе все шестьдесят лет. На дорогах через каждые сто футов — следы аварий. На Звездном стадионе — около десяти тысяч мертвых. Не очень приятное зрелище. Я и Аркор — единственные, кто имеет какие-то соображения об истинных причинах гибели Тельфара. И мы очень надеемся, что наши соображения правильны...

— Йон, но я уже не могу отозвать назад свою информацию...

— Нет, нет, я и не прошу тебя об этом. Тем более, что я слышал твой последний разговор и в курсе, что информация уже ушла. Я хочу, чтобы ты сделала для меня две вещи. Одна прямо касается нашего отца. Я подслушал телефонное совещание между первым министром Чарджилом и несколькими членами Совета. Они собираются просить у отца крупную сумму на финансирование первого наступления в этой войне. Попытайся убедить его, что это принесет больше вреда, чем пользы. Слушай, Клея, у тебя строго логические мозги математика, так покажи ему наглядно, как все это работает! Он просто не думает, что несет куда больше ответственности, чем кто бы то ни было. Пригляди, чтобы его продукция не наводняла город: И, ради спасения Торомона, вплотную следи за его заместителями. Они готовы утопить остров в море своими перекрестными интригами. Все, что я могу сделать, Клея — это навести тебя на правильный след, но я верю, что ты уже сама пойдешь дальше. Теперь вторая просьба: надо отправить сообщение. Я не могу пробиться в систему связи королевского дворца, могу только подслушивать. Надо как-нибудь передать сообщение герцогине Петре. Скажи ей, чтобы она в ближайшие сорок восемь часов отправилась в Тельфар по транспортерной ленте. Скажи, что она обязана помочь двум ребятам, особенно девочке. Она должна сообразить, о ком идет речь!

Клея записала.

— А разве транспортерная лента работает? — спросила она.

— Когда я бежал из тюрьмы, она работала. С чего бы ей сейчас остановиться?

— Ты пользовался ею? Значит, ты был в Тороне?

— Да. И был на твоем балу.

— Значит...— она осеклась и рассмеялась.— Я так рада, Йон. Я так рада, что это и в самом деле был ты!

— Ну, сестренка, теперь расскажи о себе. Что произошло в реальном мире? Я долго был вдали от него, и здесь, в Тельфаре, чувствую себя не намного ближе. Тем более что я теперь хожу в чем мать родила. По дороге мы попали в одну мерзкую ситуацию, и мне пришлось бросить свою одежду, чтобы меня не схватили. Потом объясню подробнее. Ну, а как там ты?

— Да что тут рассказывать? Я получила степень с отличием. Выросла. Помолвлена с Тумаром, ты ведь об этом знаешь. Папа одобряет, и мы рассчитываем пожениться, как только кончится война. Я работаю над проектом определения обратных субтригонометрических функций. Вот и все самые важные события моей жизни. Считается, что я работаю на военные нужды, но до сегодняшнего дня я мало что делала.

— Прекрасно,— заметил Йон.— Все в правильной пропорции.

— А как ты? И что там с одеждой? — она хихикнула прямо в видеофон, и он ответил тем же.

— Видишь ли... Да нет, ты вряд ли поверишь, когда я буду рассказывать о столь необычных вещах. Здесь со мной Аркор, мой друг из лесного народа. Он оставил лес, чтобы пожить некоторое время в Тороне, там мы и встретились. Похоже, ему удалось набрать поразительный запас информации обо всем на свете — об электронике, языках и даже о музыке. Иногда мне кажется, что он может читать мысли. И вот мы с ним пошли через лес, мимо каторжных рудников, в Тельфар.

— Йон, на что похожи эти рудники? Меня всегда интересовало, как папа мог пользоваться тетроном, зная, что тебя погнали добывать его.

— Как-нибудь вечерком мы с тобой выпьем, и я расскажу тебе, на что похожи рудники,— пообещал Йон.— Но сейчас мне не до того. Когда будешь убеждать отца, заведи разговор обо мне и о рудниках.

— Будь спокоен. Сделаю.

— Так вот,— продолжал Йон,— мы с Аркором тайно шли через лес, а там всегда здорово темно из-за листьев. Аркор шел спокойно — он лесной житель, его никто не остановит. А мне, чтобы не быть увиденным, пришлось большую часть пути идти голым, как яйцо.

— Я не понимаю. Йон, ты часом не заговариваешься?

Йон засмеялся.

— Нет, конечно. Со мной все в порядке. Только я сейчас не могу объяснить тебе всего. Если мне посчастливится увидеться с тобой снова, я обязательно расскажу. Ох, сестренка, я так давно

мечтаю быть свободным, снова увидеть тебя и отца, и... Нет, со мной все в порядке, я просто шмыгнул носом.

У нее брызнули слезы и покатились по щекам.

— Вот видишь, что ты сделал,— сказала она, и оба опять засмеялись.— Увидеть тебя снова, Йон, это так... замечательно.

— Я очень люблю тебя, сестренка. Спасибо и до скорого.

— Я передам твое послание. До свидания.

Видеофон потемнел, и она села, надеясь, что напряжение не слишком сильно. Ей надо было передать сообщение.

Глава 10

В течение следующих двух часов за много миль друг от друга умерли два человека.

— Не дури,— говорила Рэра в гостинице Адского Котла.— Я отличная сиделка. Хочешь, покажу лицензию? — добавила она свое обычное присловье.

Седовласый Джерин сидел, выпрямившись, в кресле у окна.

— Зачем я это сделал? — сказал он.— Это было неправильно. Я... я люблю свою страну.

Рэра сняла одеяло со спинки кресла и закутала дрожащие плечи старика.

— О чем ты? — спросила она. Родимое пятно на ее щеке стало лиловым от волнения.

Он скинул одеяло и показал на стол, где лежало старое объявление: «ПРИНЦ ПОХИЩЕН! КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!» Плечи Джерина затряслись еще сильнее. Он встал.

— Сядь! — сказала Рэра.— Не волнуйся, сядь!

Джерин опустился в кресло и повернулся к Рэре.

— Неужели я развязал войну? Я пытался остановить ее, это все, чего я хотел. А если бы...

— Сиди спокойно. Если тебе надо говорить с кем-нибудь — говори со мной. Я могу тебе ответить. Джерин, войну начал не ты.

Джерин снова встал, покачнулся, оперся руками о стол и закашлялся.

— Пожалей ты себя! — крикнула Рэра, пытаясь снова усадить старика.— Ты же болен! Сядь и успокойся!

Снаружи послышалось слабое биение лопастей вертолета. Джерин повернулся в кресле и вдруг откинулся назад, запрокинув голову. Рэра бросилась к нему.

— Прекрати,— шептала она,— прекрати, иначе ты повредишь себе.

Наконец Джерин поднял голову.

— Война! Меня вынудили начать ее...

— Тебя никто не вынуждал, и ты не начинал ее.

— Ты уверена? — спросил он.— Нет, откуда тебе знать. И никто не знает. Никто...

— Успокойся ты, пожалуйста,— в который раз повторила Рэра, поднимая одеяло.

Джерин обмяк. Слабость прокатилась по всему его телу, начиная с рук. Опустились плечи, голова подалась вперед, живот ослаб, спина согнулась. Хрупкий мускульный мешок, рассылающий жизнь по его увядшему семидесятилетнему телу, затрепетал в слабой груди, потом тоже расслабился, а потом совсем замер. Джерин сполз на пол.

Рэра подхватила тело и, не зная, что Джерин уже умер, попыталась посадить его в кресло. В это время лопасти вертолета зажужжали очень громко. Рэра увидела, что окно закрыла металлическая тень.

— О Господи! — прошептала она.

Стекло разлетелось. Она закричала, бросилась к двери и выскочила, захлопнув ее за собой.

Гибкий металлический трап зацепился за окно, и в комнату вошли двое с энергетическими клинками. Они подняли тело и вынесли через окно. На их рукавах была эмблема королевской дворцовой охраны.

Тель бежал по улице, потому что кто-то его преследовал. Он нырнул в переулок и помчался вниз по каменистым ступенькам. Где-то над его головой шумел вертолет.

Сердце Теля билось, как море, как океан. Однажды ему довелось заглянуть в трещину между прозрачной водой и сводом обычно затопленной пещеры, и там он увидел оранжевую морскую звезду, вцепившуюся в мокрый камень. Теперь он сам попал в ловушку пещер города, и прибой страха поднимался, чтобы затопить его там. Над его головой прозвучали шаги.

Поблизости была лесенка, ведущая к люку, который мог вывести Теля в коридор многоквартирного дома. Тель запрыгнул туда и свернул к стационарной лестнице на крышу. Выбравшись, он подошел к самому краю крыши и заглянул в переулок. Двое мужчин, наверное, те самые, что гнались за ним, шли навстречу друг другу с двух концов переулка. Небо по-вечернему темнело, становилось холоднее. Вот двое встретились, и один указал на крышу.

— Проклятье! — пробормотал Тель, поспешно отступая, и вдруг прикусил язык от неожиданности: над ним завис вертолет.

На Теля упало что-то легкое. Он сразу забыл о своем пострадавшем языке и стал отбиваться, но оно оказалось сильнее. Оно сбило его с ног, а затем поднялось вместе с ним. Тут только он

сообразил, что это сеть. Она тащила его вверх, к звуку бьющихся лопастей винта.

Получив приказ, он даже не имел времени проститься с Клеей. Два других математика из отдела с большим уважением отнеслись к открытию девушки и приступили к локализации генератора. Один из имеющих какое-то отношение к этому делу генералов, разработавший стратегию, которую Тумар не вполне понимал, решил, что сейчас самое время для удара. «Если сейчас же мы не дадим сражение,— заявил он,— мы проиграем, а еще точнее, прохлопаем эту войну!»

Тень от контрольной башни упала через лобовое стекло и скользнула по лицу Тумара. Он снял темные очки и вздохнул. Сражение, значит. Ну как, черт побери, они намерены сражаться? И главное, с кем? Уровень бардака и неорганизованности вначале производил на него впечатление фарса. Но после отравленной рыбы фарс перестал быть смешным.

Здания аэродрома ушли вниз и назад. Транспортерная лента сверкнула под ним, когда шесть других самолетов его звена поднялись следом. Через мгновение остров стал ущельем тьмы на гребне вечернего моря.

Темно-синий горизонт окаймляли облака. Высоко стояли три звезды — те самые, на которые он, бывало, смотрел мальчишкой, когда кончалась работа от зари до зари. Между голодом и голодом, между работой и работой он улучал минутку, чтобы взглянуть на звезды и загадать желание...

Контроль был установлен. Теперь до самого приземления на грани известного мира оставалось только ожидание.

На конце металлической ленты был прозрачный хрустальный шар пятнадцати футов в диаметре. Он парил над приемной платформой. Десять маленьких тетроновых приборов стояли вдоль стен. У окна располагалась панель с сорока девятью ярко-красными кнопками в положении «выключено». Двое стояли на узком железном мостике над приемной платформой: черноволосый молодой человек и смуглый гигант с тремя шрамами на левой щеке.

В другой комнате на зеленом бархате сидели высохшие тела.

В солярии на верхнем этаже Главного медуправления наступил вечер. Пациенты готовились к тому, что их оторвут от их шезлонгов и карточных столов под стеклянной крышей и вернут обратно в палаты. Вдруг одна женщина взвизгнула. Затем послышался звук бьющегося стекла. Тогда завизжали и другие пациенты.

Альтер услышала рев вертолета. Люди бросились бежать мимо нее. Она тронула гипс, в который были закованы ее левое плечо и рука. Внезапно толпа пациентов в больничных халатах раздалась, и Альтер увидела.

Стеклянный купол был разбит с краю, и от вертолета к солярию тянулся гибкий металлический трап. По нему спускались люди с эмблемой королевской охраны. Альтер стиснула зубы и пошла следом за медсестрой. Ее рука была в гипсе, и с этим нельзя было ничего поделать. Люди с эмблемами, подняв энергетические клинки, уже шли среди опрокинутых карточных столов.

О Господи, они идут прямо к ней!

В тот миг, когда охранники заметили ее, она поняла, что единственная возможность убежать — это сразу броситься через огромное пространство солярия к лестнице. Она наклонила голову, пробиваясь сквозь толпу больных, и понеслась, удивляясь, почему она так сглупила и не убежала раньше. Охранники метнулись за ней, и она снова услышала крики и визг.

Она упала на твердый металлический пол и почувствовала боль под гипсовой повязкой. Охранник хотел поднять ее, и она ударила его по лицу здоровой рукой, а затем ребром ладони по шее. Он пошатнулся, и она сама поскользнулась. Затем кто-то схватил ее за волосы и оттянул ее голову назад. Она закрыла глаза, затем снова открыла и увидела, как ночь надвигается на нее сквозь купол солярия. Мимо нее прошел разбитый край стекла, стало холоднее, и вертолет ревел теперь прямо над ней.

— По курсу?

— По курсу ничего путного,— ответил Тумар в микрофон. Внизу скользила земля. Луна дарила тьме множество разных оттенков.

— Что вы об этом думаете, майор? — спросил голос из переговорного устройства.

— Ничего не думаю. Просто жду. Даже забавно, но основное, что приходится делать в армии — это ждать. Сначала ты ждешь, когда можно будет выйти и сражаться, а как только выйдешь, начинаешь ждать, когда можно будет выполнить команду «кругом марш!»

— Хотел бы я знать, как это будет выглядеть.

— Несколько бомб на генератор, затем активное сражение, и все безмерно счастливы.

Из переговорного устройства донесся смех.

— А если они отразят нашу «активность»?

— Если они покалечат наши самолеты, как делали раньше, мы вернемся на остров.

— Майор, я оставил в ангаре чашку горячего кофе... Хотел бы я, чтобы было светло, и мы хотя бы видели, что будем делать.

— Кончай скулить.

— Эй, майор!

— Ну что еще?

— Я изобрел новую игру в кости.

— С тебя станется.

— Возьмите пятнадцать монет по сотой части деньги и расположите их квадратом 4x4 с одним недостающим углом. Затем берете шестнадцатую монету и бросаете ее под углом в 45 градусов к диагонали в пустой угол. Как бы вы это ни сделали, если все монеты в квадрате соприкасаются, две монеты из семи в дальнем конце вылетят. Каждая монета имеет номер, и два номера вылетевших — то же самое, что две цифры, которые выпадают на костях. Это лучше, чем обычные кости, потому что в некоторых комбинациях шансы повышаются. Конечно, имеет значение и ловкость. Парни назвали эту игру «слумат», от слов «случайные числа» и «матрица».

— Как-нибудь я сыграю с тобой в эту игру,— сказал Тумар.— А знаешь, если взять в качестве биты меньшую по размеру монету, скажем, в десятую часть деньги, то шансы, что она выбьет обе угловые монеты, повысятся.

— В самом деле?

— Верно. Моя подруга — математик, и она как-то рассказывала мне о теории вероятности. Смею думать, что она заинтересовалась бы этой игрой.

— Знаете, что, майор?

— Ну?

— Я думаю, вы самый лучший офицер в этой проклятой армии...

Вот такие разговоры велись перед первым сражением этой войны.

А в лаборатории Звездного Дворца в Тельфаре Йон Кошар вел такой разговор:

— Черт побери все! Пойдем, Аркор. Нам лучше пойти. Если герцогиня с Джерином не появятся здесь в ближайшее время, то... об этом лучше не думать,— он написал записку, пристроил ее перед одним видеофоном, а на другом набрал номер станции на приемной платформе транспортерной ленты.— Вот это инструкция ей — следовать за нами, как только она здесь появится. И ей лучше бы не пренебрегать этой инструкцией.

На улице ждали два механических экипажа, настроенные на движение в одном и том же направлении. Йон и Аркор сели в один из них, нажали кнопку, и экипаж помчался по надземной дороге. Белый ртутный свет заливал полосу, пока машина кружилась по мертвому городу.

Дорога опустилась, дома с обеих сторон стали ниже. Горизонт полыхал. Желтые облака клонились к позднему вечеру. Над головой послышался звук летящих самолетов. Когда машина пересекла границу последнего предместья Тельфара, внезапно от горизонта стрелой протянулась белая полоса.

— Ого,— сказал Йон.— Вот этого-то я и боялся.

Что-то загорелось в воздухе, дико завертелось и стало кругами спускаться вниз, разбрасывая вокруг себя пламя.

— Майор! Майор! Что случилось с Д-42?

— Что-то взяло его и тянет вверх. И всех тянет!

— Мы не можем обнаружить это. Откуда оно?

— ...Да, всех. Ломайте строй. Ломайте, я сказал!

— Майор, я собираюсь бросить бомбу. Может, при ее свете мы увидим, откуда это идет. Я помню, вы говорили — «нас покалечат»...

— Выкинь из головы, что я говорил. Бросай.

— Майор Тумар, говорит В-6. Мы...— неразборчивый шум. Еще кто-то медленно шипел в микрофон.

— Ломайте строй! Черт вас всех дери — ломайте строй!

Над самолетом полыхал огонь, и Йон с Аркором попятились от перил, ограждающих дорогу. От горизонта протянулась еще одна полоса. Через секунду долетел звук взрыва, и словно какая-то ужасная пасть изрыгнула всплеск огня.

Другой звук позади заставил их обернуться. К ним подъезжала машина. Освещенные дороги Тельфара вились вокруг городских башен, как нитки жемчуга на шее скелета.

Еще один воющий снаряд показался в небе, и через секунду самолет понесся вниз. Пламя вырывалось из его двигателей. Он пролетел так низко над их головами, что они даже присели, и исчез среди башен. Взрыв... Пламя перекинулось на одно из зданий.

— Очень надеюсь, что это не рядом со Звездным Дворцом,— произнес голос возле Йона,— а то нам понадобится чересчур много времени для возвращения.

Из машины вышла герцогиня. Алый отсвет огня на миг тронул ее волосы и тут же умер.

— Нет, это не рядом,— сказал Йон.— Рад вас видеть.

Вслед за герцогиней из машины вышли Тель и Альтер. Девушка была в больничной одежде и с загипсованной рукой.

— Прекрасно,— сказал Йон.— Значит, вы привезли и ребят.

— Это было лучше, чем оставлять их в Тороне. Йон, Джерин умер. Я спрашивала, что делать, но ответа не получила. Так что мы на всякий случай приволокли его тело.

— И что нам теперь делать?

Аркор у перил засмеялся.

— Ничего смешного не нахожу,— сказал Йон.

Герцогиня посмотрела наверх, где разорвался еще один снаряд.

— Я надеялась, что этого не случится. Это означает настоящую войну, Йон, ее уже не остановить.

Еще один самолет упал, на этот раз совсем близко, и они бросились за машины.

— Ну и ну,— вздохнула Альтер.

— Пошли,— неожиданно скомандовал Аркор.

— Куда? — спросил Йон.

— Идите за мной,— повторил Аркор.— Все вместе.

— А как с Джерином?

— Оставьте его здесь. Его тело ничем не может нам помочь.

— Значит, ты знаешь, что делаешь? — уточнил Йон.

— Лучше, чем когда-либо знал Джерин,— ответил гигант.— Пойдемте.

Они сошли на обочину, подлезли под ограждение и пошли по каменистому пустырю.

— Куда мы идем? — шепотом спросил Тель.

— Хороший вопрос,— отозвался Йон, оглядываясь через плечо.

Самолет накренился, и те семь секунд, пока стрелки плясали, Тумар не знал, куда он летит — на восток или на запад, вверх или вниз. Когда стрелки замерли, он понял, что первых трех самолетов его звена уже нет. Внезапно в полутьме кабины вспыхнул зеленый детекторный свет. Генератор! Радиационный генератор! Он был прямо под ним. Затем Тумара ослепила белая вспышка за лобовым стеклом. О Бог ты мой!

Он почувствовал толчок, и воздух сзади вдруг обжег холодом. Все вокруг заполнил адский грохот, но при этом стрелка спокойно покачивалась. Он падал! Земля встала дыбом перед обзорным стеклом. На ней стоял маленький блокгауз с тремя крутящимися антеннами на крыше. Наверняка это он и есть! Именно он!

Руки и пальцы Тумара действовали сами собой, без участия головы, потому что он вдруг толкнул рукоятку вперед, и самолет его, заходивший слева от блокгауза, повернулся. Тумар посмотрел вперед, прямо вниз. И стал приближаться.

Конечно, действовали только его руки, потому что голова думала о том времени, когда девушка с жемчугом в черных волосах спросила его, чего он желал, и он ответил: «Ничего». А сейчас он осознал, что ошибся, потому что вдруг сильно пожалел... В этот миг блокгауз подскочил и ударил его... Ничего.

Тель и герцогиня закричали. Остальные только быстро отшатнулись назад.

— Он внутри,— сказал Аркор.— Вот он, ваш Лорд Пламени.

Ландшафт пылал светом вторгшегося в него исполинского факела. Они увидели блокгауз с его крутящимися антеннами на крыше. Перед тем, как самолет упал, сбоку блокгауза открылось отверстие во тьму, откуда выскочили и побежали по камням три фигуры.

— Средний,— сказал Аркор.— Смотрите на него, запоминайте его, сосредоточьтесь на нем...

— Что ты...— начал Тель.

— Ты пойдешь со мной, мальчик,— сказал Аркор, но не двинулся. Две фигуры упали, но средняя продолжала бежать к Аркору и его спутникам. Факел взметнулся, и внезапно навстречу им по неровной земле понеслась тень...

Глава 11

Зелень надкрылий жука... красный цвет полированного карбункула... паутина серебряного огня, и сквозь плывущий синий туман Йон метнулся через небо.

Чернота, страшная и холодная. Рваный горизонт футах в десяти. Йон вытянул железные когти и со званием дела (совсем не неуклюже!) пополз через трещину, правда, очень-очень медленно. Небо было покрыто острыми звездами, но солнце в своей светящейся оболочке было едва различимо. Как скользящий пузырь, Йон осторожно пристроился на краю камня, который кружился когда-то между Марсом и Юпитером. Теперь он потянулся своим мозгом, чтобы коснуться второго создания на другом камне.

«Петра, где он?»

«Его орбита должна пройти между нами через полторы минуты».

«Отлично».

«Йон, кто этот третий? Я так и не поняла».

Еще один мозг коснулся их. «Ты еще не поняла? Я третий, и всегда им был. Я тот, кто подталкивал Джерина к созданию плана похищения. Йон, почему ты решил, что он в контакте с тройственным существом?»

«Не знаю,— сказал Йон.— Какое-то недоразумение».

Затем послышался смех подростка. Тель подал голос:

«Эй, друзья, мы с Аркором».

«Тихо,— произнесла Альтер.— Недоразумение произошло по моей вине, Йон. Я сказала тебе, что Джерин разговаривает сам с собой, вот ты и подумал, что это он».

«Готовьтесь,— сказала Петра.— Он идет сюда».

Йон увидел, вернее, почувствовал, что к ним приближается другой астероид, кружащийся во тьме. И он был обитаем. Да! Лорд Пламени! Все трое бросили свои мысли через пространство. *Вот...*

Ревущий пар кружился над ним. Он поднял свои глаза на стебельках еще на двадцать футов и посмотрел на вершину водопада в каких-нибудь четырех милях наверху. Затем опустил сифон на край каменного бассейна и напился. Далеко в берилловом небе три солнца носились друг за другом и давали немного тепла этой, самой далекой из их шести планет.

Йон опустил свои скользуны, чтобы отползти от метанового водопада и подняться по почти вертикальному склону горы.

Кто-то двигался ему навстречу и приветливо махал блестящими красными глазами на стебельках. «Привет новому колонисту»,— просигналили глаза-стебельки.

Йон отсигналил в ответ, но вдруг осознал (кажется, задней частью скользунов), что это Лорд Пламени! Йон прыгнул вперед и нанес двойной удар кожистой плотью по своему противнику. Затем снова пополз вверх.

Внезапно его глаза на стебельках заметили крупную фигуру. Это, вероятно, Аркор идет вниз с Телем и Альтер. Да, точно: фигура вдруг сделала летящий прыжок между двумя скалами, что было возможно только под ментальным надзором девушки-акробатки. Чуть позже он увидел Петру, которая подошла к другому берегу метановой реки. Пользуясь своими скользунами как веслами, она быстро перебралась через пенный поток.

Думать о нем, сосредоточиться... *Вот...*

Воздух был чистым, в пустыне царила тишина, и он лежал в теплом песке под светом луны. Он наращивал, добавлял грани; он дал свету проникнуть в свое прозрачное тело, уменьшив поляризацию скрещенных частот. Свет был прекрасен, даже слишком прекрасен — опасен! Йон начал пульсировать, краснеть. Его основание горело белым жаром, уже второй слой песка под ним расплавился, потек и стал частью его кристаллического тела.

Он поднял поляризацию; тело затуманилось и стало остывать. Музыка пела в нем, и его громадная верхняя грань отражала звезды.

Он еще раз понизил поляризацию, и свет все дальше и дальше стал проникать в его существо. Его температура поднималась. Его прозрачность залили вибрации. Музыка заставила танцевать три пылинки, которые поселились на его коаксиальном лице семьсот тридцать лет назад. Он чувствовал их отражение глубоко в своем призматическом центре.

Затем это пришло. Он пытался остановить это, но индекс поляризации вдруг полностью сломался. Из-за одного ужасного мига экстаза свет луны и звезд полностью прошел через него. Струна за струной лопались в ночной пустыне. Вибрация шла по его осям, потрясая его субстанцию, дергая и колотя его. На се-

кунду он стал полностью прозрачным, а в следующую раскалился добела. До того как расплавиться, он услышал начинающийся треск.

Треск прошел по всей длине сорокадвухмильного перегревшегося тела. Теперь он состоял из двух частей! Двенадцать кусков отпали, снова лопнула струна, и ее стон заживо разрезал его. В нем было почти тридцать шесть тысяч отдельных кристаллов, каждый из которых должен был расти снова, тридцать шесть тысяч мозгов. Теперь их больше не было.

«Йон»,— пропел голос из силикатного крошева.

«Я здесь, Петра»,— прогудел он. Нота была отличная, на четверть тона ниже ля бемоль. Отличная! Отнюдь не неумелая.

«Где Аркор?»

Слева прозвучала тройная нота ми бемоль минор. Аркор, Тель, Альтер.

«Мы здесь».

Как только они вошли в контакт — до того, как музыка смолкнет и их мысли снова разделятся, станут индивидуальными, до того, как они потеряют сознание друг друга и сотен других кристаллов, что лежат в пустыне под чистой бесконечной ночью — именно тогда между ними вторгся диссонанс, скрипучий, неприятный.

«*Вот*»,— пела Петра.

«*Вот*»,— гудел Йон.

«*Вот*»,— рокотала триада ми бемоль минор. Лорд Пламени. Они сосредоточились, настроили свои мысли против диссонанса...

Йон перекатился на спину, сдернул шелк со своих белых плеч и потянулся. Сквозь синие колонны виднелось желтое вечернее небо. Из-под балкона доносилась легкая, быстрая музыка. Рядом прозвучал голос:

— Ваше Величество! Вам нельзя отдыхать сейчас. Все ждут, когда вы спуститесь. Тлтлтрит будет в ярости, если вы опоздаете.

— А мне наплевать,— ответил Йон.— Где мое платье?

Служанка быстро вышла и вернулась с прозрачным мерцающим платьем, в которое были вплетены нити королевского черного цвета. Оно легло складками на плечи Йона, задрапировало грудь и бедра.

— Зеркало,— приказал Йон.

Горничная подала зеркало, и Йон взглянул. Из зеркала глянули длинные, раскосые, широко расставленные глаза на белоснежном лице с высокими скулами. Под прозрачной тканью выступали полные груди, тонкая талия переходила в пышные, соблазнительные бедра. Йон чуть не присвистнул, глядя на свое отражение.

Горничная надела на его ноги крошечные пластиковые сандалии, и Йон направился к лестнице. Толпа внизу одобрительно

зашепталась, когда он начал спускаться. На одной колонне висела клетка с трехголовой птицей, чье пение заглушало оркестр. А это было не так уж легко сделать, потому что оркестр состоял из четырнадцати медных инструментов (четырнадцать — королевское число).

Йон остановился на ступенях.

— Не беспокойтесь,— сказала служанка.— Я позади вас.

Йон вдруг почувствовал ужас.

«Это вы, Петра?» — мысленно спросил он.

«Я вам уже сказала, я прямо за вами».

«Как я попал в это тело?»

«Не знаю, дорогой, но выглядите вы потрясающе».

«Спасибо,— отозвался он, проецируя ментальную усмешку.— Где Аркор и остальные?

Музыка смолкла. Осталось только пение трехголовой птицы.

«Вот они».

Духовые инструменты снова взревели, и народ у входа в зал расступился в обе стороны. В дверях стоял Тлтлтрит. Он был высок и смугл, в его плаще было много больше черных нитей, чем в платье Йона. Он шагнул вперед с обнаженным мечом.

— Ваше правление окончено, дочь Солнца,— объявил он.— Настало время нового цикла.

— Прекрасно,— сказал Йон.

Тлтлтрит пошел вперед. Народ, толпившийся в зале, в ужасе всплеснул руками и отступил подальше. Йон выпрямился.

Пока Тлтлтрит шел, плечи его сужались. Он откинул капюшон, и по плечам рассыпалась масса черных волос. С каждым шагом бедра его расширялись, талия становилась тоньше. Под черной туникой вполне определенно округлились грудные железы. Подойдя к лестнице, Тлтлтрит поднял (подняла?) меч.

«Думай о нем»,— пришла мысль Аркора из птичьей клетки.

«Думай о нем»,— мысль Петры.

Йон увидел мелькнувшее лезвие и почувствовал, как оно входит в его живот.

«О ней»,— поправил он.

«О ней»,— согласились остальные.

Падая на ступени, умирающий Йон спросил: «Где это, черт побери?»

«Мы обитаем в очень развитом мире лишайников,— объяснил Аркор с тем спокойствием, с каким только телепат может смотреть на некоторые двусмысленные ситуации.— Каждый индивидуум начинается с мужчины и постепенно превращается в женщину в желаемое время».

«Лишайники?» — удивился Йон, ударился головой о нижнюю ступеньку и умер.

Вот...

Волна снова с грохотом набежала на берег. Йон отшатнулся назад, когда она запенилась на песке. Небо было сине-черным. Он поднес к губам пальцы — семь длинных зубцов, соединенных перепонками — и завыл в ночь. Он поднял прозрачные веки с громадных светящихся глаз, чтобы посмотреть, нет ли хоть слабого следа судна. В глаза летели брызги, и он хлопал поочередно всеми тремя веками. Он снова завыл, и вторая волна выросла перед ним.

Он открыл два непрозрачных века, и ему показалось, что он видит вдали пятиугольный парус, голубой, мокрый и полный ветром. Йон снова поднял прозрачные веки и увидел, как ему показалось, фигуры на волокнистом гамаке судна. На голубом парусе белел круг Мастера Рыбака. Мастер Рыбак — его родитель, и он идет за ним, Йоном.

Налетела новая большая волна, и он согнулся в пене, глубоко зарыв ноги в галечный берег.

Судно царапнуло по отмели, все выскочили. У одного из прибывших на шее была цепь с печатью Мастера Рыбака, другой нес семизубец, еще двое были просто рабочими руками и носили отличительные черные пояса из раковин келпода.

— Мой отпрыск,— сказал тот, что с печатью,— мои плавники болели за тебя. Я думал, что нам никогда уже не плавать вместе.

Он наклонился и поднял Йона на руки. Йон прижался к родительской груди.

— Я испугался,— сказал он.

— Я тоже,— засмеялся родитель.— Зачем ты заплыл так далеко?

— Я хотел увидеть остров. Но пока я плыл, я увидел...

— Что?

Йон опустил веки. Родитель снова засмеялся.

— Ты спишь. Пошли.

Йон чувствовал, что его несут волны. Теперь брызги казались теплыми. Страха уже не было, он распустил жаберные щели, позволяя воде течь сквозь них. Все поднялись на судно.

Ветер надул парус. Длинные облака кружились вокруг лунблизнецов, как зубья рыболовных вил, которыми рыбаки салютовали священным утренним звездам, возвращаясь с лова. Он качался на воде. Родитель привязал его за судном, и он так и плыл на конце веревки. Вода окатывала его плечи, скользила под вялым спинным плавником. Ему приснилось существо, которым он был, когда рос под водой, пока не пришел его срок подняться наверх. Он вдруг застонал и потряс головой.

Он услышал, как другие на судне шлепают перепончатыми ногами по мокрому настилу. Он открыл глаза и взглянул вверх. Двое гребцов, держась за распоры, указывали на воду. Его родитель подошел к ним с гарпуном, к ним присоединился Второй Рыбак.

Йон вылез из воды на настил. («Он идет сюда»,— сказал Аркор.) Родитель обнял его одной рукой и притянул к себе, а другой коснулся печати власти, словно она давала ему какую-то защиту.

— Вот оно! — закричал Йон.— Это я и видел! Поэтому я и боялся плыть обратно! («Он уже здесь»,— ответил Йон).

Под поверхностью воды мерцал фосфоресцирующий диск. Второй Рыбак поднял гарпун.

— Что это? — спросил он. («Каков он на этот раз?» — спросила Петра.)

Неопределенное, сверкающее, размером почти с их судно, нечто плыло в трех гребках от них под поверхностью воды.

(«Я хочу посмотреть»,— сказала Петра.) Второй Рыбак вдруг нырнул и исчез. Йон и его родитель, держась за каркас судна, ушли под воду, где можно было лучше видеть.

Прозрачные веки снова опустились на глаза. Сквозь воду Йон разглядел Второго Рыбака, подплывающего к огромной светящейся полусфере, которая покачивалась вдали. Второй Рыбак остановился, сделал двойной поворот и очутился рядом с полусферой.

— Не могу понять, что это такое,— просигналил он. («Это огромная медуза»,— пояснила Петра.) Второй Рыбак вытянул семизубец и вонзил его в оболочку твари. Семь зубцов легко проткнули ее и вышли наружу.

Медуза двинулась, и весьма быстро. Щупальца, свисающие с нижней части мешка, переплелись вверху, как нити. Тело раздулось и всплыло боком. Два щупальца бились вокруг Второго Рыбака, пока он пытался отплыть назад. («Ой,— сказала Петра,— эти штуки опасны!»).

Родитель Йона выкрикивал команды гребцам. Судно повернулось к твари, которая уже всплыла на поверхность.

(«Давайте покончим с этой дрянью навсегда. Сосредоточьтесь,— сказал Аркор.— *Вот...*»

Из-под воды они чувствовали, как Петра тянет свой мозг к пульсирующей массе. *Вот...* Когда щупальца обхватили ее, в то время как она снова и снова втыкала копье в сочащуюся оболочку, она почувствовала, что мозг Йона присоединился к ним. *Вот...)*

Судно протаранило медузу. Оболочка разорвалась, что-то жирное и вонючее ударило вверх фонтаном. Тварь почти перевернулась, щупальца бились над водой. Одно из них схватило Второго Рыбака. На их зеленые лица упал молочный отсвет.

Вдруг тварь отцепилась от судна и ушла под воду. Голова Второго Рыбака закачалась на воде, тряся зеленым гребнем, венчающим череп, и смеясь.

3–6, 3–6. (Частота колебаний Йона, плывущего сквозь облака сверхраскаленного газа, была от трех до шести.) 3–6, 3–6.

7–10! (Кто-то идет.) 7–10, 7–10. (Все ближе и ближе.) 10–16! Затем: 3–6, 7–10, 3–6, 7–10. (В этот момент они прошли друг сквозь друга.

«Привет,— сказала Петра.— Имеете какое-нибудь представление, где мы?»

Температура была где-то три четверти миллиона градусов. Представление?)

9–27, 9–27, 9–27. (Еще кто-то приблизился и прошел сквозь Йона и Петру.) 12–35, 10–37, а потом опять 3–6, 7–10, 9–27, 9–27, 9–27. («Мы на полпути между поверхностью и центром звезды вроде нашего Солнца,— сказал Аркор.— Обратите внимание, что происходит с элементами вокруг нас».) 9–27, 9–27, 9–27.

7–10,7–10, 7–10. («Они превращаются один в другой»,— сказала Петра.) 7–10, 7–10, 7–10.

3–6, 3–6, 3–6. («При такой температуре мы тоже превратились бы, если бы состояли из атомов»,— отозвался Йон.) 3–6, 3–6, 3–6.

9–27, 9–27, 9–27. («Интересно, где Лорд Пламени?» — спросил Аркор.)

π-e, π-2e, 2π-4e, 4π-8e, 8π-16e, 16π-32e

(«Скажите...— начал Йон.— Эй! Надо что-то делать с этим вторгшимся колебанием. Оно не только совершенно трансцедентальное, оно нарастает так быстро, что через некоторое время разнесет эту звезду ко всем чертям!») 3–6, 3–6, 3–6.

(«И она станет Новой звездой»,— добавила Петра.) 7–10, 7–10, 7–10.

(На следующем колебании Аркор с наложением коэффициентов прошел сквозь вторгшегося к ним чужака.) 36^2π-64e. (Аркор отстранился, пока не вогнал систему резонансов в новую крайность. Волновой цикл схлопнулся, замкнувшись в кольцо.) 642π-32e. (Чужой попытался выправиться, но не смог, потому что Йон завертелся в его нижней частоте, сбивая настройку.) 642π-16/9e. (Тогда Аркор прыгнул на чужого, пока тот не пришел в себя и не атаковал.) 642π-4/3e, 642π-4/3e, 642π-4/3e. (Чужой задрожал, его очертания утратили строгую геометрию.

«Наблюдайте за мной,— приказала Петра.— И в случае чего...» Она дала чужому нечто вроде толчка, а когда тот завращался, пытаясь схватить ее, она отступила, и чужого понесло куда-то вбок.) 4/3π-642e, 4/3π-642e, 4/3π-642e.

«Смею думать, никто еще не делал подобного,— заметила Петра.— Видите, он сжимается. Бедненький»,— неожиданно добавила она.)

4/3π-640e, 4/3π-622, 4/3π-560, 4/3π-499.

(Каким-то образом коэффициент e упал до 125. Йон обрушился на него яростным водопадом анти-тета-мезонов и с легкостью извлек кубический корень — так быстро, что частота чужого упа-

ла на три порядка, прежде чем тот успел хотя бы осознать, что происходит.)

$4/3\pi\text{-}5^3e$, $4/3\pi\text{-}5^3e$, $4/3\pi\text{-}5^2e$. (При высокой гравитации — в два или три миллиона раз больше, чем на Земле, как и положено внутри звезды — в этом искривленном пространстве имелась крошечная разница между 5 в кубе и 125, хотя это и было одно и то же число. Приблизительно как между нотами ми-диез и фа, которые технически вроде бы одно и тоже, но тонкий слух скрипача никогда не перепутает одну с другой. Как только корень стал не вполне точным, вариации длины волнового колебания утратили остатки равновесия.) $4/3\pi\text{-}5e$, $4/3\pi\text{-}5e$, $4/3\pi\text{-}5e$...

(«Прекрасно, теперь давайте все сосредоточимся...»)

В один миг вторгшееся колебание повернулось, нырнуло, попыталось удрать, но не сумело. Тогда оно сжалось в маленький шарик размерами $4/3\pi e^3$ и исчезло.

(Вот...)

Йон Кошар тряхнул головой, качнулся вперед и упал на колени в белый песок. Он поднял глаза: перед ним были две тени. Затем он увидел город.

Это был Тельфар, стоящий в пустыне под двойным солнцем.

Он встал и зацепился за что-то уголком глаза. Повернувшись, в двадцати шагах от себя он увидел женщину с падающими на плечи рыжими волосами. Он не заметил, как та приблизилась. На ней была прямая юбка, в руках блокнот.

— Петра? — спросил он, нахмурившись. Да, это была Петра, но Петра преображенная.

— Йон,— отозвалась она,— что с вами случилось?

Он оглядел себя. Он был в грязной тюремной униформе. В своей тюремной одежде!

— Аркор,— неожиданно сказала Петра. Голос ее стал более высоким и менее уверенным.

Они оглянулись. Аркор стоял босиком на белых холмиках песка. Из тройного шрама на его щеке сочилась кровь.

Они подошли к нему.

— Что происходит? — спросил Йон.

Аркор пожал плечами.

— А где ребята? — спросила Петра.

— Все еще здесь,— усмехнулся Аркор и показал на свою голову. Затем его пальцы коснулись шрама. Отняв их, он увидел кровь, нахмурился и бросил взгляд на город. Солнечный свет играл на башнях и скользил, как жидкость, по петляющим дорогам.

— Послушайте,— обратился Йон к Петре — теперь он понял, что это она, помолодевшая на пятнадцать лет.— Что это за блокнот?

Она удивленно посмотрела на то, что было зажато в ее пальцах, затем окинула взглядом свое одеяние. Внезапно она засмеялась и принялась листать блокнот.

— В этой тетрадке — окончание моей статьи об архитектуре убежищ лесного народа. И я одета именно так, как в тот день, когда закончила статью.

— А ты? — обратился Йон к Аркору.

Аркор поглядел на запачканные кровью пальцы.

— Моя... отметина кровоточит, как в ту ночь, когда ее сделал жрец,— он сделал паузу.— Именно в ту ночь я по-настоящему стал собой. Я осознал, что представляет из себя наш мир, осознал его беспорядок, глупость, страх. В ту ночь я решил покинуть лес,— он взглянул на Йона.— Ты носил эту униформу, когда бежал из тюрьмы.

— Да,— ответил Йон.— Я думаю, что тоже стал самим собой, когда носил ее. Это было время, когда я не мог думать ни о чем, кроме свободы. Я хотел обрести ее любым путем. Однако почувствовал, что меня увлекли в сторону. Хотел бы я знать, все ли я еще в стороне.

Петра покосилась на город.

— Когда я закончила это эссе, я тоже по-настоящему стала собой. Я полностью прошла всю серию открытий себя, общества и своих ощущений от общества. Я поняла, что в существовании аристократии имеет смысл, а что нет. Наверное, потому я и здесь,— она еще раз взглянула на город.— Лорд Пламени — он там.

— Да,— сказал Йон.

Они пошли через песок и дошли до озера быстрее, чем предполагали. Одна из двойных теней, двумя чернильными штрихами лежавших на странице пустыни, была чуть светлее другой.

— Но каким образом мы попали в наши собственные тела? — спросила герцогиня, когда они вступили в тень первого здания.— Ведь мы жили в формах...

Послышался какой-то звук, тень шевельнулась. Йон поднял глаза к транспортерной ленте над ними и вскрикнул.

Пока металл рвался, они отпрыгнули назад, а через секунду кусок ограждающей стены ударился о песок, где они только что стояли. Ветерок от падения коснулся их.

— Вы чертовски правы, он здесь,— сказал Йон.— Идем.

Петра стряхнула белые песчинки, налипшие на обложку блокнота, и они снова двинулись в путь. Под песком пустыни уже ощущалась дорога, она поднималась к Тельфару. Башни впереди казались темными полосами на ослепительно голубом небе.

— Знаешь, Петра задала неплохой вопрос,— сказал через несколько минут Аркор.

— Угу,— ответил Йон.— Я тоже думаю об этом. Похоже, мы были в наших собственных телах, только различных. Ведь и наши собственные тела не были одинаковы в различные важные моменты нашей жизни. А может быть, мы каким-то образом попали на пла-

нету в далеком углу вселенной. И там три существа, почти идентичные нам, но в иных телах, делали по какой-то причине, которую мы никогда не узнаем, почти то же самое, что мы делаем сейчас.

— Может быть,— сказал Аркор.— Возможных миров — мириады, и вполне может случиться, что какие-то из них схожи между собой.

— Даже разговор об этом схож? — спросила Петра и ответила сама: — Да, я думаю, это возможно. Но говорить о причинах, которых мы не понимаем...— она осеклась.— Нет, так не должно быть. У меня от этого мурашки по коже.

Послышался новый звук, от которого они застыли на месте — глухой удар падения, которого они не видели. Чуть дальше, когда дорога поднялась над землей и первая башня поравнялась с ними, они снова услышали треск. Дорога под ними качнулась.

— Осторожно! — крикнул Аркор — и дорога обрушилась. Они стали выкарабкиваться из-под обломков бетона, которые усеяли все вокруг. Между двумя обломками дороги спокойно сиял ярко-голубой небосвод.

— Нога застряла! — крикнула Петра.

Аркор стал поднимать бетонную плиту, зажавшую ее.

— Минутку! — воскликнул Йон, схватил кусок металлической арматуры, все еще качавшийся среди камней, и просунул его между плитой и основанием, на котором она лежала. Они вдвоем приподняли бетонную плиту.

— Теперь вытаскивайте ногу!

Петра откатилась в сторону.

— Кость не сломана? — спросил Йон.— Однажды мой друг спас меня от несчастья таким же образом...— он снова уронил плиту и подумал: «Я знал, что надо делать. Я не неловкий и не неуклюжий! Я знал...»

Петра потерла лодыжку.

— Нет. Ногу заклинило в трещине, а плита упала выше,— она встала и подняла блокнот.— Ой, больно!

Аркор взял ее под руку.

— Идти можете?

— С трудом,— Петра стиснула зубы и шагнула.

— Альтер говорит, что надо встать на здоровую ногу, а больной описывать круги, чтобы восстановить кровообращение,— передал Аркор.

Петра покрутила ногой и снова шагнула.

— Чуточку легче. Я испугалась. Это и в самом деле больно. Может, это тело только похоже на мое, но болит оно, как и вправду мое,— она вдруг оглянулась на город.— О, дьявол, он там. Идем, идем же.

Они снова пошли вперед, теперь уже под дорогой. Узкие мостики, пустые и посеревшие, скользили мимо. Они пересекли

торговый сектор, где из рам магазинных витрин торчали, как зубы, осколки стекол. Наверху две дороги меняли направление и перекрещивались, образуя черную вытянутую свастику на фоне белых облаков. А затем они внезапно рухнули.

Тишина. Люди остановились. И снова треск, оглушительный и долгий. Запах пыли накрыл их с головой.

— Он там,— сказал Аркор.

— Да,— ответил Йон.

Затем город взорвался. Для Йона настал миг настоящей агонии, когда мостовая под его ногами разлетелась, и осколки бетона ударили ему в лицо. Он сам не замечал, что кричит и плачет, не желая верить в возможность гибели, совсем как когда-то маленький принц на палубе корабля. *Вот...*

Петра успела увидеть, как раскололся фасад здания рядом с ними. Порыв ветра вырвал из ее рук блокнот, и она тут же выплеснула свои мысли — прочь из уже расколотого черепа. *Вот...*

И мысли Аркора, который не видел взрыва, потому что как раз в это время закрыл глаза, вырвались сквозь веки, когда стальной осколок вонзился в него. *Вот...*

Оно было золотым, оно было черным. Какой-то миг они могли видеть в диапазоне от звезды, расширившейся в Новую, до нейтрино размером в одну миллионную микрона. Но оно было черным — и совершенно золотым. Ионизированный водород, разреженный до двух молекул на кубический километр, плавал на расстоянии в половину светового года. Однажды их пронизал бледный поток фотонов, все еще бегущих от какого-то солнца, угасшего триллион эпох назад. Затем — тишина, спасение для разума, одинокого в галактике, провожающего вечность за вечностью. Они парили в пустоте, замерзали в абсолютном холоде, смотрели в никуда, забывались в созерцании, пока не постигли, что и это робкое мерцание — тоже живое и разумное...

Зелень надкрылий жука... и они забились в потоке ощущений, исходящих из черноты, ввернулись в красное пламя цвета полированного карбункула, плавно вошедшее по нервам в мозг; затем, еще до синего дыма, прожегшего насквозь световые оси их общих организмов, они попали в ловушку без тепла и в опасную электрическую близость паутины серебряного огня.

Глава 12

Юск повернулся в постели, открыл один глаз и вроде бы услышал какой-то звук.

— Эй, дурак,— прошептал кто-то. Юск потянулся и включил ночник. Тусклый оранжевый свет озарял едва ли половину комнаты.

— Не паникуй,— продолжал голос.— Ты видишь сон.

— Хм? — Юск приподнялся на локте, поморгал и почесал голову.

Тень подошла к нему — обнаженная, прозрачная, лишенная лица — и остановилась так, чтобы войти в свет как раз наполовину.

— Ты видишь плод своего воображения,— сказал голос.

— Я помню тебя,— сообщил Юск.

— Прекрасно,— ответила тень.— Знаешь ли ты, что я делал со времени нашей последней встречи?

— Меня это интересует меньше всего,— ответил Юск и отвернулся к стене.

— Я пытался остановить войну. Ты веришь мне?

— Слушай, плод воображения, сейчас три часа ночи. Тебе-то что, верю я или нет?

— Я думаю, мне это удалось.

— Даю тебе две минуты, а потом я ущипну себя и проснусь,— Юск снова отвернулся.

— Как ты думаешь, что находится за радиационным барьером?

— Я думаю об этом крайне мало. Это меня нисколько не касается.

— Это некая штуковина, которая не может повредить нам, тем более сейчас, когда ее генераторы разбиты. Все ее воздействие исходило из источника, который теперь не функционирует. Видишь ли, Юск, я твоя преступная совесть. Неплохо хотя бы на время стать королем и остановить войну. Ты объявил ее. Теперь объяви мир. Затем начни изучать свою страну и сделай что-нибудь с ней.

— Мать и слышать не захочет об этом. И Чарджил тоже. К тому же вся эта информация только сон.

— Точно, Юск. Ты видишь во сне то, чего хочешь на самом деле. Давай договоримся: считай меня своей виноватой совестью и представителем себя самого. Если этот сон сбудется, ты объявишь мир. Это было бы только логично. Пойди дальше, поднимись над собой, будь королем. Ты войдешь в историю как объявивший войну; разве тебе не хочется войти в нее и как остановившему войну?

— Ты не понимаешь...

— Да, я знаю: война — это нечто большее, чем желания одного человека, даже если он король. Но если ты поставишь дело на правильную ногу, история будет на твоей стороне.

— Плод воображения, твои две минуты урезаны до одной, и она уже истекла.

— Ухожу, ухожу. Но все-таки подумай об этом, Юск.

Юск выключил свет, и призрак исчез. Несколько минут спустя Йон перелез через окно лабораторной башни, застегивая рубашку.

Аркор с улыбкой покачал головой.

— Хорошая попытка,— сказала Петра.— Надеюсь, она даст что-нибудь путное.

Утром Рэра встала пораньше, чтобы подмести крыльцо гостиницы. Окна были заколочены, на кухню делались периодические набеги, но сейчас там не было никого, а ключ был у Рэры. Она мела, глядя в прямо противоположную сторону, и приговаривала: «Господи, не оставляй же все вот так! Продолжай же, помоги нам!»

— Ох, простите...

— Имейте совесть, мамаша. Нельзя же ломиться в заколоченный дом честной женщины сквозь такой беспорядок! Мы снова откроемся на этой неделе, как только вставим разбитые стекла. После смерти старого хозяина эти дикари не оставили целым ни одного окна. Я только что получила лицензию, так что все законно. Как только вставим стекла, так и приходите.

— Я только что приехала, этим утром... Нам не сказали, куда идти, а просто выставили с судна. Было так темно, и я так устала... Я не знала, что город такой большой. Я ищу своего сына... Мы рыбаки с материка. Я немного ткала...

— ...а ваш сын удрал в город, а вы побежали за ним. Удачи вам в Новом Мире. Добро пожаловать на Остров Возможностей. Ну же, поднимайтесь и садитесь.

— Но мой сын...

— Здесь, в Адском Котле, рыбацких сыновей больше, чем листьев на деревьях. Сыновья рыбаков, фермеров, кузнецов, и у всех матери ткачихи, водоноски или птичницы. Я иной раз разговаривала с ними, но, пожалуй, не буду посылать вас к катерам, которые возят рабочих к аквариумам и гидропонным садам. Молодые люди, приехавшие сюда, в основном, работают там... если им удается получить работу. Но я не советую вам идти туда, потому что народу с них сходит очень много, и вы хоть десять дней отирайтесь там, все равно просмотрите своего сына.

— Но война... может быть, он присоединился...

— К каким-нибудь идиотским беспорядкам,— докончила Рэра, и ее родимое пятно потемнело.— У меня самой пропала моя племянница, которая была близка со мной, как не всякая дочь бывает близка со своей матерью. Все говорит за то, что ее нет в живых. Так что вам еще повезло, что вы не узнали такого о своем сыне. Вы счастливая, уж поверьте мне!

— Вы говорили о катерах,— сказала женщина.— Как до них дойти?

— Говорю вам, не трудитесь. Дальше по улице, пройдете два квартала и налево, пока не упретесь в доки. Но, право, не ходите!

— Спасибо,— сказала женщина, уже выходя на улицу.— Спасибо вам.

Она дошла до середины квартала, когда из-за угла бегом вывернулся Тель, столкнулся с ней и бросился к двери гостиницы.

— Тель! — прошептала Рэра.— Тель!

— Привет, Рэра! — он остановился, тяжело дыша.

— Заходи,— сказала она,— заходи внутрь.

Они остановились в коридоре гостиницы.

— Тель, ты что-нибудь знаешь об Альтер? В Главном медуправлении я услышала жуткую историю, а потом еще и ты пропал. Господи, я выгляжу как старая сумасшедшая дура, открывая это заведение. Но если она вдруг вернется, а меня здесь не будет... Да и то сказать, куда я могу пойти? Здесь-то хоть еда есть...

— Рэра,— перебил ее Тель, сумев сделать это так, что она сразу умолкла.— Я знаю, где сейчас Альтер. Она в безопасности. А что касается тебя, то ты не знаешь, ни где она, ни даже, жива она или нет. Предполагаешь, что ее нет в живых. Поняла? Я пойду к ней, но этого ты тоже не имеешь права знать. Я пришел только затем, чтобы кое-что проверить.

— Я сложила все ее вещи. В госпитале мне отдали ее одежду, и я все связала в узел на случай, если нам придется быстро удирать. Один раз так уже приходилось делать. Тогда мы работали на карнавале, и менеджер начал приставать к ней да подхватил какую-то заразу. И... Такая скотина! Ей было всего двенадцать лет. Может, ты возьмешь...

— Что-нибудь маленькое,— Тель увидел узел, лежащий на столе у двери. Сверху валялся кожаный ремешок, на котором уцелело несколько ракушек.— Может быть, это,— сказал он, беря ремешок.— В каком состоянии комната Джерина?

— Она была вся перерыта, когда его унесли,— сказала Рэра.— Кто там только не копался: и все неды, и его брат. А что с Джерином, как он там?

— Джерин умер,— сказал Тель.— Я в общем-то и прибежал, чтобы сжечь его планы похищения.

— Умер? Ну, я не удивлена. Да, планы — я сама сожгла их, как только вернулась в его комнату. Они все лежали на столе. Не знаю уж, почему их не взяли сразу же. Я сама бы никогда...

— Ты в самом деле сожгла все листки?

— Все. И пепел растерла и за три дня по горсти перенесла в доки. Все уничтожено.

— Тогда мне больше нечего тут делать. Имей в виду, что ты давно не видела ни меня, ни Альтер. Я передам ей привет от тебя.

Рэра наклонилась и поцеловала мальчика в щеку.

— Для Альтер,— сказала она.— Да, Тель!

— Что?

— Когда ты бежал по улице, ты столкнулся с женщиной...

— Ну?

— Ты когда-нибудь видел ее раньше?

— Я не очень-то разглядывал ее. Вроде бы нет. А что?

— Ничего. Но ты и в самом деле уходи-ка отсюда, пока... Короче, уматывай.

— До скорого, Рэра,— и он убежал.

Не такой высокий, как на башнях королевского дворца Торона, балкон рядом с окном Клеи был увит зеленью, которая развевалась на ветру, словно подол изумрудной девы моря. Вдали за другими домами была вода, синее и спокойнее, чем небо. Клея перевесилась через балконные перила. На белом мраморном столике лежали ее блокнот, телефонный справочник и логарифмическая линейка.

— Клея!

Она обернулась на голос. Черные волосы взметнулись вокруг ее шеи, и низкое солнце вспыхнуло в этом ореоле.

— Спасибо, что передала мое послание.

— Это ты,— медленно произнесла она.— На этот раз во плоти.

— Угу.

— Я даже не знаю, что сказать... кроме того, что я очень рада,— она заморгала.

— Я принес дурные вести,— уронил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Очень дурные. Они причинят тебе боль.

Она встревоженно смотрела на него, чуть склонив голову набок.

— Тумар погиб.

Ее голова выпрямилась, черные брови сошлись, нижняя губа задрожала. Она быстро кивнула, так же быстро взглянула на него и закрыла глаза.

— Да, это очень больно.

Он выждал несколько минут и спросил:

— Позволишь показать тебе кое-что?

— Что именно?

— Пойдем к столу,— он отодвинул сложенный листок со странным рисунком на нем. Бумага развернулась, но он не обратил внимания, что там напечатано стихотворение, заметил лишь, что его сестра делала на полях математические выкладки. Он сложил бумаги и линейку и достал из кармана горсть монет. Выложил пятнадцать медяков по сотой части деньги квадратом 4x4 с одним пустым углом. Затем достал монету меньшего размера и положил на стол примерно в футе от пустого угла.

— Брось ее в эту брешь,— сказал он.

Она взяла серебряный диск кончиками пальцев. Серебро звякнуло о мрамор, ложась точно в угол квадрата, и с противоположной стороны вылетело два медяка. Клея вопросительно посмотрела на Йона.

— Это азартная игра под названием «слумат». Она становится очень популярной в армии.

— От «случайных чисел» и «матрицы»?

— Ты уже слышала о ней?

— Нет, просто догадалась.

— Тумар хотел познакомить тебя с этой игрой. Он говорил, что тебя могут заинтересовать некоторые аспекты.

— Тумар?

— Как раз когда я налаживал телефонную связь с тобой, я подслушал, как он говорил об этом с другим солдатом. Как раз перед тем... перед тем, как разбился. Он действительно думал, что тебе будет интересно.

— Хм,— произнесла она, взяла серебряный кружок, снова составила квадрат из медяков и бросила монетку. Выскочили два других медяка.

— Проклятье,— сказала она тихо.

Он поднял глаза. По щекам Клеи катились слезы.

— Тяжело, черт побери,— сказала она и, смахнув слезы, снова подняла глаза.— Ну, а как ты? Ты еще не рассказал, что с тобой произошло. Ой, одну минутку...— она взяла блокнот и что-то записала.

— Идея? — спросил он.

— В связи с этой игрой. Кое-что, о чем я никогда не думала.

Он улыбнулся.

— Это что, может решить все твои проблемы с этими, как их там, субтригонометрическими функциями?

— Обратными субтригонометрическими функциями,— поправила Клея.— Нет, не все так просто. Ну а ты остановил войну?

— Пытался,— ответил он.— Но это тоже не так просто.

— Но ты свободен?

— В большей степени, чем раньше.

— Рада это слышать. Как это произошло?

— Я всегда был упрямым, своевольным, неловким мальчишкой и всегда попадал в куда большие неприятности, чем всякий другой, сделавший то же самое, что и я. Вот я и продолжал вытворять всякие безобразия. К несчастью, я вытворял их плохо. Но, будучи упрямым, я в конце концов приобрел некоторую ловкость. И я стал делать то, что могло либо повредить мне, либо нет. Однажды все сошло удачно. И я пошел дальше, видя многое, и уверен, что это расширило мой кругозор и дало мне больше свободы.

— Детство и каторга не слишком много дали тебе в этом плане.

— О да.

— Так что насчет войны, Йон?

— Пока она остается. Поскольку то, что находится за радиационным барьером, в значительной степени обезврежено, война не нужна. Совершенно не нужна. Если это увидят и поймут люди, способные видеть и понимать — прекрасно. Если же нет — что ж, тогда все не так просто. Клея, я ведь пришел только на несколько минут. Я хочу покинуть дом, пока отец меня не увидел. Поговори с ним. Я на некоторое время исчезну, так что придется действовать тебе. Только не говори ему, что я жив.

— Йон...

Он улыбнулся.

— Я хочу сделать это сам, когда вернусь.

Она опустила глаза, а когда снова подняла их, он уже выходил из дома. Она хотела крикнуть ему слова прощания, но удержалась. Вместо этого она села к столу, перечитала стихотворение Вола Ноника, открыла блокнот, тяжело вздохнула и снова начала писать.

Книга 2
БАШНИ ТОРОНА

Глава 1

На небольшой карточке изящными буквами, чуть склоняющимися друг к другу, как танцоры, было выгравировано:

«Ее Светлости герцогине Петре.
Приглашаем Вас посетить бал на рассвете, который дает Его Королевское Величество Король Юск в честь патриотических усилий Аквариумов Тилдона.
У НАС ЕСТЬ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ»

В этом приглашении бросались в глаза две вещи: первая — что слова «Аквариумы Тилдона» были напечатаны кривовато и по шрифту чуть отличались от остального текста; вторая — через нижний правый угол была продернута десятидюймовая проволочная спираль.

Герцогиня вытащила спираль, заправила ее в машину. Цветные пятна на экране сложились в болезненное лицо молодого блондина.

— Привет, дорогая кузина,— произнес он с томным высокомерием.— Как видите, я посылаю с приглашением личную просьбу: приезжайте с вашего маленького острова на мой большой. Вы всегда были моей любимой кузиной, и жизнь стала страшно скучной с тех пор, как вы удалились... как бы получше выразиться... в затворничество. Прошу вас, драгоценнейшая Петра, прибыть на мой вечер и помочь нам отпраздновать грядущую победу. Многое произошло... многое произошло... многое произошло...

Герцогиня с отвращением фыркнула, нажала кнопку выключения, и лицо распалось.

— Трещина в проволоке,— сказала она.— Йон, Тилдон — это вспомогательная компания вашего отца?

— Нет, одна из немногих, которые еще не под ним.

— Интересно, много ли Тилдон дал королю. Мой бедняга кузен уверен, что может выпросить деньги, нужные ему для продолжения войны, за организацию официального бала во дворце.

— Королевское правление все еще сохраняет свою магию, Петра. Ваша семья уже века держит власть в Торомоне. А мои

прапрадеды, как и предки Тилдона, были фермерами, вручную обрабатывавшими землю на материке или таскавшими рыбу через борт лодки без паруса. Когда Совет решил, что эти балы должны состояться, он знал, что делает.

Петра провела пальцами по перламутровой инкрустации стола.

— Наша страна так неравномерно развита. На материке народ все еще похож на пещерных жителей, а здесь есть самолеты и такие ученые, как ваша сестра,— она покачала головой.— Неужели люди вроде вашего отца, Тилдона и других не понимают, что реальная власть теперь у них? Я имею достаточно для роскошной жизни на этом острове, но для военных целей, даже если бы очень хотела поддержать войну, могу принести лишь символический дар по сравнению с тем, что способны дать промышленные кланы.

Йон улыбнулся.

— Однако, давая, они хотели бы, чтобы герцоги и бароны кланялись им за это. Не говоря уже о самом короле.

Герцогиня снова посмотрела на приглашение, и лицо ее дернулось.

— Он печатает их тысячами и просто вставляет имена следующих денежных мешков, которых надо будет почтить, прямо на пунктирную строчку. Боюсь, ничто не способно разозлить меня так, как вульгарность.

— Но ваша семья, Петра, обязана быть эталоном хорошего вкуса. Поэтому вас учат этому всю жизнь,— в его голосе чувствовалась едва уловимая насмешка.

— Да,— согласилась она и отложила карточку.— Нас учили одному и тому же. Но должны же быть какие-то стандарты, даже во время войны.

— Они сейчас только изучаются, Петра. Мой отец и другие начинают выяснять, много ли у них силы. Война-то, в конце концов, для них. Пока их продукция используется для войны, пока те, кто недоволен жизнью и Торомоном, могут быть втянуты в войну, каждый будет счастлив на своем месте. А если война прекратится, королевская семья опрокинется.

— Пока они настолько слепы, чтобы искать королевских милостей, они не готовы управлять чем-то столь сложным, как Торомон. Вот потому я и отправила тайно принца Лета на материк, чтобы в этой стране появился кто-то с чувством ответственности, кто будет безбоязненно править, когда интриги вокруг нас пройдут полный круг.

Лицо Йона утратило часть цинизма.

— Пока его поддерживают Совет и правительство, Петра, король может скрывать большую часть своей силы. А пока она скрыта, никто не может судить о нем. Безумен Юск — или очень умен?

— Он мой кузен. Вы с ним были школьными товарищами. Как считаете вы сами?

— В эту войну вовлечены великие секреты. Но именно великие секреты поддерживают могущество королевской семьи с тех пор, как она утвердилась и поставила себя во главе этого хаотического фрагмента мира.

Герцогиня сцепила пальцы вместе и кивнула.

— Мои далекие предки на своих кораблях устраивали налеты на побережья, грабили своих соседей на этих островах, используя жалкие остатки технологии, сохранившейся после Великого Пожара. Радиация на материке и горячие течения остановили их продвижение вширь и вглубь. Но остановившись, они решили, что организованное правительство более эффективно, чем пиратская шайка. Было множество вариантов, что делать с землями Торомона, но его территория ограничена. Людям пришлось научиться не истощать то, что лежит в этих границах, и началась линия королей и королев. Теперь власть может вот-вот смениться, но любая другая будет обязана научиться тому же.

— Тем не менее, Петра, ваши предки усвоили это, и сегодня люди вроде Тилдона и моего отца готовы платить непомерную цену за ваше одобрение. Может быть, они подозревают, что вы знаете нечто...— Йон взял карточку.— А может, просто потому, что они суетны и невежественны. Для моего отца было величайшим позором, что я оскорбил короля и загремел за это в каторжные рудники. А его величайшим триумфом было то, что сам король оказал честь моей сестре по ее возвращении из университета, посетив ее бал. Поскольку это предел его счастья, король может получить деньги на свою войну и вписать имя в пунктирную строку.

— Хотела бы я позволить себе такую интеллектуальную небрежность,— она опустила подбородок на сплетенные пальцы. Йон удивленно вскинулся.— Вы назвали свое истерическое убийство просто оскорблением.

Он стиснул зубы.

— Вы не разговаривали со своим отцом после так называемого «оскорбления» и не можете точно знать, что он чувствовал,— Йон открыл рот, желая возразить.— И вы так легко называете рабом мелкой суетности своего отца, который был достаточно проницателен, чтобы собрать блестящее состояние, пусть даже беспринципной экономической эксплуатацией. Нет, если атаковать проблему таким образом, то остается слишком много вопросов.

— Петра!

Герцогиня удивленно подняла глаза, провела рукой по медным волосам, откидывая их назад горящим клубком морских змей.

— Прости, Йон,— она взяла его за руку.— Мы все слишком долго были здесь вместе. Но когда я вижу, как моя семья и мой народ выставляют себя дураками, мне больно. Чувство порядочно-

сти — что-то вроде барометра, показывающего, насколько здоровы человек и страна. Не знаю, может, я слишком привержена некоторым взглядам аристократии, ведь я родилась среди нее. Я отвернулась от нее, когда была молода, но теперь я снова возвращаюсь в ее лоно. Я думаю, мы примем это приглашение, Йон Кошар.

— Понятно. С Аркором, конечно?

— Да. Мы втроем снова понадобимся,— она заколебалась.— Вы ведь тоже вступали через них в контакт... с Лордом Пламени?

— Да,— Йон отбросил назад свои черные волосы.

Они обернулись на звук позади. Двери в виде двух створок раковины разошлись. На пороге стоял гигант семи с лишним футов ростом. По левой стороне его лица и шеи проходили три параллельных шрама. Так отмечали телепатов, которые часто попадались среди высоких жителей материкового леса.

— Когда выезжаем? — спросил Аркор.

— Сегодня вечером,— ответила Петра.

— Вы хотите взять Теля и Альтер,— сказал Аркор. Это был не вопрос, а утверждение. Йон нахмурился.

— Как ты считаешь, Петра?

— Мы нанесем визит моему кузену королю все вместе,— утвердила Петра.— Мы ведь получили приглашение. Лорд Пламени снова где-то на Земле, и он свободен.

— Мы же прогнали его через всю вселенную три года назад,— сказал Йон.

— Мы можем сделать это еще раз.

Золотисто-розовые облака тянулись сквозь вечер расплывчатыми полосами. Красные отблески играли на полированной меди поручней вокруг палубы. Вода билась о борт яхты.

— Все на борту,— доложил герцогине Йон.

— Тогда в путь.

Она повернулась, чтобы отдать команду. Двигатель дрогнул, подобно струне музыкального инструмента, яхта вскинулась и уверенно пошла вперед, в ночь. Тьма омыла небо, звезды рассыпались по ней, как бриллиантовая крошка. Йон и Петра задержались у поручней.

— Война где-то там. В каком направлении? — спросила Петра.

— Кто знает? — Йон оглядел горизонт.— Где-то за радиационным барьером, а может, вообще за пределами нашего мира...

— Торон впереди! — крикнул с мостика один из механиков.

— Мы почти там,— сказала Петра. Они посмотрели через воду поверх носа яхты.

Вообразите руку в черной перчатке, расшитой мириадами бриллиантов, граненых аметистов, бериллов, рубинов. Теперь представьте, что эта сверкающая рука медленно поднимается над по-

луночным горизонтом, и каждый камень горит своим внутренним огнем. Это остров Торон встает над краем моря.

Окна большого бального зала в королевском дворце Торона поднимались к потолку двумя ярусами и имели форму гробовых крышек. Когда стекла осветились, музыканты выдули из морских раковин музыку ветра, и в эти морские аккорды вплелся голос теремина. Изумрудные и коралловые вуали окутывали женские плечи, лиловые и малиновые россыпи украшали камзолы мужчин.

Сквозь широкие окна в ночи виднелась темная полоса транспортерной ленты, выбегающей из дворцовой башни-лаборатории и исчезающей среди других городских башен, чтобы пройти над морем, над бухтой материка, над лесом громадных пальм и потомков тех дубов, что росли на Земле пятьсот лет назад, над каторжными рудниками, где заключенные добывали в шахтах металл тетрон, над выжженными равнинами, где всего три года назад стала робко пробиваться растительность, и наконец добежать до материкового города Тельфара. Три года назад он был превращен в сильнейшую военную базу, какую когда-либо знала Земля — по крайней мере, так хвастались генералы.

— Утренний бал! — воскликнула девушка в рубиновом шелке. Ее платье скреплялось на плече бронзовым омаром, изогнутый хвост которого покрывал ее правую грудь.— Вы не находите, что это потрясающая идея — бал на рассвете?

Женщина в годах рядом с ней поджала тонкие губы. Голову ее украшал серебряный парик с вплетенной в него ниткой жемчуга.

— Забавно,— негромко сказала она.— Я помню времена, когда балы были делом вкуса и происхождения.

Мимо прошел слуга, предлагая закуски.

— Вы посмотрите,— продолжала она.— Вы только посмотрите на это!

На кружочках тостов лежали ломтики филе.

— Это рыба из аквариумов! «Аквариумная рыба служит делу государства!» Почему в мое время никто не служил никаким делам, а рыбу и другую пищу просто привозили с материка? Рыба, выращенная в аквариуме! Ну и идея! Куда катится мир?

— Я никогда не видела разницы между той и другой рыбой,— ответила девушка в рубиновом платье, накладывая себе паштета из белой рыбы с мелко порезанным зеленым луком.

Женщина в серебряном парике только фыркнула.

Йон Кошар отошел и побрел через весь зал по белому полированному камню, в котором отражались сказочные наряды. В одном конце зала одиноко возвышались два закутанных в меха представителя лесных стражей, гигантов из громадного леса на

материке. В нескольких шагах от них стояли три приземистых посланника от неандертальских племен. Они носили кожаные юбки и бронзовые браслеты на запястьях. В другом конце зала народ собирался вокруг почетных представителей аквариумов Тилдона. Да, три года назад все было бы по-другому, но сейчас...

Кто-то взвизгнул. Йон быстро обернулся. Визг снова пронесся по бальному залу. Теперь повернулись все головы. Люди двинулись вперед, напирая друг на друга, а затем вдруг подались назад. Йона толкнули, кто-то заехал локтем ему в грудь. Многие кричали и пятились от того, что, шатаясь, двигалось по залу.

Что-то внутри Йона, всегда заставлявшее его идти наперекор толпе, толкнуло его вперед, и он внезапно очутился на краю пустынного пространства. Старик в ярко-красном одеянии, спотыкаясь, шел и прижимал руки к глазам. За ним тянулся алый плащ. Он прижимался к его лодыжкам, а затем снова волочился, когда он наклонялся вперед. Что-то липкое, темно-красное пузырилось между его пальцами, капало на манжеты, покрывая их темными пятнами. Он снова завизжал, и его визг вдруг перешел в бульканье.

Старик упал на одно колено. Когда он встал, на полу было пятно, а штанина на колене стала темно-коричневой.

От толпы отделилась другая фигура, вся в белом, тонкая и светловолосая. Йон узнал короля. Алая фигура склонилась к полу, к ногам его величества, и упала. Скрючившиеся руки свалились с лица.

Люди снова закричали, и даже Йон задохнулся.

Кровь лилась из манжет и штанин. Красное желе соскользнуло с того, что когда-то было лицом. Выпуклая грудь опала, и красное одеяние обвисло, словно под ним были только голые кости. Одна рука, лежавшая на залитой кровью накидке, чуть приподнялась, но снова упала и стала распадаться на мелкие косточки. Череп скатился с шеи и тоже распался на отдельные кости.

Сквозь толпу Йон увидел рыжеголовую фигуру, идущую к одному из выходов. Он тут же повернулся и через три минуты был у выхода, где его ждала герцогиня. Она вцепилась в его плечо.

— Йон,— прошептала она,— вы знаете, кто это был? Знаете?

— Я знаю, как это было сделано,— ответил он.— Но не знаю, с кем.

— Это был первый министр Чарджил, глава Совета. Теперь скажите, что это было.

— Когда я был в тюрьме, в рудниках, одним из не слишком близких моих друзей был эксперт-токсиколог, который не умел держать рот на замке. Это — теренид. Его ферментное действие — клеточный транквилизатор.

— Вы хотите сказать, что клетки тела становятся настолько спокойными, что уже не в состоянии держаться друг за друга?

— Что-то вроде этого. Результат вы видели на Чарджиле.

Музыка, прекратившаяся было, снова зазвучала, но над мелодией неожиданно взлетел голос из громкоговорителя:

— Дамы и господа, мне очень жаль, что такая неприятность прервала наш утренний бал. Страшно жаль. Однако я вынужден просить вас всех отправиться по домам. Сейчас наш оркестр сыграет нам Победный марш Торомона.

Мелодия теремина резко оборвалась, а затем бросилась в стремительно взлетающую тему победного марша.

— Немедленно поднимитесь в мои комнаты,— шепнула герцогиня Йону.— Я еще до того хотела показать вам кое-что, но сейчас это уже совершенно необходимо.

Первый свет пятнами лег на стекла окон, похожих на крышки гроба. Сиреневые лезвия лучей протянулись в комнату поверх голов суетливо расходящихся гостей, обходя красный кошмар, высыхающий на полу танцевального зала. Йон и Петра поспешили уйти.

Среди личных помещений дворца у герцогини Петры имелась своя квартира. Через несколько минут после ухода с бала она через тройные двери ввела Йона в мягко освещенную комнату, застеленную лиловым ковром.

— Йон,— сказала она, едва они вошли,— это Рольф Катам. Рольф, это Йон Кошар, о котором я вам рассказывала.

Йон остановился в дверях, глядя на... человека в кресле. Он даже протер глаза, но то, что он видел, не собиралось исчезать. Половина лица Катама была прозрачной. Часть черепа была заключена в пластиковый футляр. Через него было видно, как кровь течет по сети искусственных капилляров. В пластиковую челюстную кость были вставлены металлические зубы, а над местом, где раньше был глаз, нависали мутно-серые извилины мозга, полускрытые сетью сосудов.

Опомнившись от первого изумления, Йон сказал:

— Катам. «Исправленная история Торомона» Катама,— он ухватился за первую знакомую ассоциацию и повернул ее в шутку, чтобы победить изумление.— Мы изучали эту книгу в школе.

Три четверти рта Катама, которые были плотью, улыбнулись.

— А ваша фамилия, Кошар? Есть какая-нибудь связь между вами и Аквариумами и Гидропоникой Кошара? Или с доктором Кошар, которая открыла обратные субтригонометрические функции и применила их в случайной системе пространственных координат? Говорят, это и есть в той или иной степени технологическое основание нынешних конфликтов, в которые ввязался Торомон.

— Кошар, который «Аквариумы и Гидропоника» — мой отец. Доктор Кошар — моя сестра.

Одна подвижная бровь Катама поднялась.

— Я предупреждала вас обоих, что вы будете немало удивлены,— сказала герцогиня.— Профессор Катам, сегодня вечером мы собираемся обменяться историями. Одну минутку. Аркор!

В наступившем молчании профессор Катам заметил, как пристально смотрит Йон на его блестящее лицо, и снова улыбнулся тремя четвертями рта,

— Когда я встречаюсь с кем-нибудь впервые, то обычно сразу же поясняю, что пятнадцать лет назад пострадал при взрыве в Островном университете. Я один из наиболее удачных, хотя и чуточку странных экспериментов Главного медуправления.

— Я предположил что-то в этом роде,— сказал Йон.— Я как раз вспомнил, что случилось однажды на каторжных рудниках, где я был. Произошел несчастный случай, и моему приятелю снесло половину лица. Но Главное медуправление было далеко, а местная медицина никогда не была на высоте. Он умер.

— Понятно,— сказал Катам.— Это, вероятно, была рудничная катастрофа 79-го года. После этого было сделано что-нибудь в плане безопасности работы?

— Нет. По крайней мере, за то время, пока я был там. Я попал в тюрьму восемнадцати лет от роду, и взрыв тетрона произошел в первый год моего пребывания там. Пять лет... К тому моменту, когда я оттуда выбрался, они даже не сменили изношенные отбойники.

Открылась боковая дверь, и вошел Аркор. При виде тройного шрама на щеке гиганта историк снова поднял бровь.

— Вы всегда держите у себя на службе телепата, ваша светлость?

— Аркор не служит мне, но и мы не служим ему,— уточнила Петра.— Профессор, очень важное дело: двадцать минут назад был убит первый министр Чарджил. Я хотела бы, чтобы вы повторили то, что рассказывали мне раньше.

— Чарджил?..— начал историк. Бровь его опустилась и сошлась с другой.— Убит? Либо это работа недов, либо сам Совет пожелал убрать его с дороги.

— Прошу вас, профессор,— сказала герцогиня,— повторите свой рассказ. А мы добавим, что сможем.

— Ладно, я расскажу. Когда ее светлость впервые посетила меня в университете, она... ну, выведала у меня кое-что,— он поочередно посмотрел на Йона, Петру и Аркора.— Кое-что. Торомон, возможно, самая странная империя в истории Земли. Вы прожили в ней всю жизнь, и ее уникальные особенности не бросаются вам в глаза. Но тому, кто изучал развитие мира до Великого Пожара и пятисот последующих лет, ее уникальность хорошо видна. Империя Торомона состоит из острова Торон, горстки разбросанных вокруг островов и примерно полутора тысяч квадратных миль материка напротив островов: это прибрежная полоса, луга, потом

лес, за ними необитаемый скалистый полумесяц, более или менее отрезающий эти полторы тысячи квадратных миль от остального материка, до сих пор безнадежно радиоактивного. После Великого Пожара этот район оказался полностью изолирован от остального мира радиоактивной землей и радиоактивными течениями в море. До недавнего времени мы не задумывались, осталось ли что-то на отрезанной земле. У нас сохранилось несколько хороших технических библиотек, и некоторые из наших предков, к счастью, были людьми культурными и образованными, так что мы имеем прекрасную картину мира, каким он был когда-то до Великого Пожара. Хотя у нас сначала наблюдался экономический и социальный спад, в конце концов равновесие восстановилось, технология снова стала прогрессировать и за достаточно короткое время сравнялась с той, что была до Великого Пожара, а во многих областях даже превзошла ее. В самом начале нашей истории мы открыли в качестве источника энергии металл тетрон — главный фактор нашего развития, который наши предки до Пожара, кажется, совершенно игнорировали, если судить по сохранившимся записям.

Так вот, что же уникального в Торомоне? Мы не знаем до Великого Пожара ни одной империи, прожившей более ста лет в полной изоляции после какой-нибудь катастрофы. Мы также не знаем ни одной империи, страны, даже племени, которые, оказавшись в изоляции, сразу же начали бы развиваться снова.

Да, благодаря до странности удачному стечению обстоятельств — уцелевшие библиотеки, интеллигентность наших предков, географическое разнообразие нашей страны, позволившее производить взаимный обмен между сельской и городской культурами — Торомон просуществовал полтысячи лет в одиночестве и ухитрился сохранить постоянное развитие технологии. Детали этого процесса очаровывают, и я посвятил их изучению большую часть своей жизни. Но сейчас я хочу говорить не об этом.

Эффект этой ситуации, однако, напоминает термическую реакцию внутри закупоренной колбы. Сколько бы времени она ни протекала, рано или поздно она взорвет колбу. При этом чем дольше сосуд останется закупоренным, тем дальше разлетятся осколки. И вот этот взрыв произошел,— Катам наклонился в кресле и растопырил пальцы наподобие зубьев трезубца.— Шестьдесят пять лет назад ученые Торомона провели первые эксперименты по передаче материи на расстояние. Была построена транспортерная лента между Тельфаром, нашим единственным городом на материке, и Тороном, нашей островной цитаделью. Затем Тельфар был отрезан от нас движением радиационного барьера — почти так, как если бы пространство Торомонской империи было специально уменьшено, чтобы ускорить финальный взрыв. Три года назад мы склонялись к мысли, что группа лесных жителей, возможно, контролируемых врагом, искусственно

усилила радиацию, пользуясь каким-то оборудованием из самого Тельфара,— Катам повернулся к Йону.— Три года назад ваша сестра, доктор Клея Кошар, открыла обратные субтригонометрические функции и их применение. Полгода спустя старая транспортерная лента превратилась в антенну, способную передавать энергию, куда бы мы ни пожелали, а Тельфар, снова обитаемый, стал военной базой для пересылки тысяч людей в любое место планеты. И война продолжается,— Катам тронул рукой свою пластиковую щеку.— Но почему война? Почему не мир? Да потому, что Торомон слишком долго жил в мире. Вот все, что я знаю.

— Я думала, вы упомянете то, что, по-моему, самое очевидное во всем этом,— сказала герцогиня.— Доктор Катам, вы помните инцидент, вызвавшей объявление войны три года назад?

— Да. Младший брат короля, принц Лет, был похищен. Это, вероятно, сделала какая-то ранняя группа недовольных. Сейчас неды притихли, но они никогда не были так сильны, как сейчас. Они-то и раздувают смуту. Кое-кто думает, что они связаны с врагом. И никто, как я слышал, не ходит через Адский Котел после наступления темноты.

— Котел никогда не был особо приятным городским районом,— ответила Петра.— Ну, профессор Катам, теперь я расскажу вам мою историю. Она много короче вашей и куда более невероятна — но тем не менее правдива. Торомон имеет доступ к передаче материи в широком спектре в течение трех лет. Но по крайней мере две другие расы во вселенной имели доступ к этому на протяжении миллионов лет. Они пользовались этим для межзвездных путешествий. Эти расы даже не состояли из индивидуумов, а являлись скорее коллективным разумом. Их метод межзвездных путешествий скорее психический, чем физический. Один из этих разумов является экспериментатором, стоящим по ту сторону добра и зла. Другая, более старая раса, благожелательна и состоит из трех центров разума, которые, как нам кажется, контролируют и уравновешивают друг друга. Мы зовем их Тройственным Существом.

Вы говорили об уникальности Торомона, о странном сочетании его изоляции и развития. Экспериментатор, которого мы называем Лордом Пламени, тоже имел представление об уникальности Торомона и начал вмешиваться в порядок извне, чтобы сохранить изоляцию Торомона как можно дольше. Вы хотели знать, откуда мятежники получили оборудование и умение приблизиться к радиационному барьеру? От Лорда Пламени.

Я, Йон и Аркор были в контакте с Тройственным Существом три года назад. С его помощью мы добрались до агента Лорда Пламени, но слишком поздно, чтобы остановить главный взрыв. Но сейчас, профессор Катам, Лорд Пламени вернулся снова. К чему на этот раз приведет его присутствие, мы не знаем. Похищение

принца Лета — дело наших рук. В течение последних трех лет он был в безопасности на материке, у лесных жителей. Мы надеемся, что в конце концов эта истерическая война кончится, и тогда Лет вернется и, может быть, выправит то, что останется от Торомона... если останется хоть что-нибудь. Пока он жил во дворце с матерью и братом, его жизнь и рассудок были в опасности. Вот и все, что мы могли сделать.

— Так,— сказал Катам.— Вы можете доказать это? И в первую очередь — зачем вы мне об этом рассказали?

— Потому что нам нужен кто-то с исторической ориентацией, чтобы помогать советами. Тройственное Существо будет помогать ровно настолько, чтобы не повредить нашу культуру введением посторонних возмущающих элементов. Первый совет, какой нам нужен,— что делать с юношей и девушкой, которые помогали нам в первом нашем деле? Юноша, Тель, бежал из маленькой рыбацкой деревушки на материке в Торон, где и включился в наши дела. Девушка — акробатка. Они очень помогли нам тогда, но теперь в них нет нужды, и нам как-то неловко держать их так долго вне общества. Но они владеют огромной информацией, которая может стать опасной, особенно для них самих. И есть еще одна проблема,— она повернулась к Аркору.— Не приведешь ли ты их сюда?

Аркор вышел и вернулся с парнишкой лет семнадцати, со смуглой кожей и зелеными, как море, глазами. За ним шла девушка примерно на год старше и на дюйм выше. Ее кожа загорела так же, как и у мальчика, но волосы по цвету и текстуре походили на отбеленный шелк. Оба, казалось, были удивлены таким явлением, как Катам, но промолчали.

— Особая проблема вот в чем,— сказала герцогиня и нажала кнопку на подлокотнике кресла. Освещение комнаты упало вдвое.

Рольф Катам дернулся в кресле. Он находился в одной комнате с пятью пустыми, но одушевленными костюмами. Женское платье сидело в кресле герцогини, два мужских костюма стояли рядом с ним, а скудная одежда двух младших партнеров парила в дверях. Но хотя свет и был тусклым, не составляло никакого труда увидеть, что тела, обитавшие ранее в этих одеждах, исчезли. Из кресла раздался голос герцогини, продолжающий столь же спокойно:

— Начиная с того времени, как мы впервые были вовлечены в это дело, Тройственное Существо сделало нас нечувствительными к некоторым частотам радиации, перестроив нашу матрицу кристаллизации. Побочный эффект этого выразился в том, что индекс рефракции наших тел здорово упал. Это означает, что при слабом освещении мы исчезаем...— свет стал ярче, и все пятеро снова оказались в комнате.— Теперь вы видите, в чем дело. Кстати, эта демонстрация — наше единственное доказательство.

— Я поражен,— сказал Катам,— но пока не могу поверить вам, поскольку это может быть и розыгрышем. Однако я приму это как теоретическую проблему, над которой будет небезынтересно поработать. Вы хотите знать, что делать с ребятами? Спрысните их пигментирующей жизненной пеной, которую Главное медуправление разработало для меня, хотя я не настолько суетен, чтобы регулярно поливать ею лицо. Верните их миру, и пусть они занимаются своими делами. А остальные трое — сконцентрируйтесь на Лорде Пламени.

Катам встал.

— Вы можете снова встретиться со мной в университете. Должен сказать, что все это очень интересно, но всерьез я этого не принимаю. Вряд ли это нечто большее, чем ваша совместная болезненная фантазия,— он улыбнулся своей улыбкой в три четверти.— А это стыдно, ваша светлость, потому что у вас ужасно живое воображение. Но я буду давать вам советы, насколько смогу,— он остановился.— Обдумайте это, пока я не ушел. Вы сказали, что похищение принца Лета организовали вы? Правительство в конце концов решило, что это сделали неды. Скорее всего, они ответственны и за смерть Чарджила... если он мертв. Вы, в мире ваших фантазий, возможно, считаете себя виновными и в этом? — Катам открыл дверь, кажется, удивился, что она не заперта, и вышел.

Аркор, Йон и герцогиня переглянулись.

— Итак,— сказал Аркор,— он согласен советовать нам, но он нам не верит.

— Это лучше, чем ничего,— заметил Йон.

— Аркор, узнай, где можно раздобыть жизненной пены, и достань немного как можно скорее,— распорядилась герцогиня.

Глава 2

Пятнадцать медяков по сотой части деньги были разложены квадратом без одного угла на перевернутом картонном ящике. Волосатый кулак шмякнул по поверхности, монеты подпрыгнули, и три человека, стоявшие на коленях вокруг ящика, отшатнулись назад.

— В чем дело? — спросил один, с курчавыми черными волосами.

— Эй! Смотрите на меня! — ухмылка прорезала широкое лицо вмешавшегося. Приземистый, с бочкообразной грудью, без шеи, с волосами и бровями цвета нечесаной пеньки, он откинул голову и захохотал, повторяя: — Смотрите на меня!

— Ах, да брось ты,— жалобно сказал зеленоглазый веснушчатый парнишка по прозванию Креветка.— Приставал бы к кому-нибудь своего размера!

Приземистый торс Лага повернулся на тазовых костях, длинноопалая рука хлопнула по животу.

— Я пристаю...— он повернулся к третьему человеку.— К тебе!

Третий человек у ящика, Фургон, имел такое же физическое сложение, но волосы его напоминали черную проволоку, а лоб был еще ниже, чем у Лага.

— Оставь Фургона в покое,— сказал Креветка.— Мы хотели научить его этой игре.

— Он моего размера,— проворчал Лаг, хлопая Фургона по плечу. Тот, сосредоточенный на монетах, оказался неприятно удивлен. Его большие глаза закатились, и на приятелей смотрела лишь узенькая полоска белка.

— Оставь его в покое, Лаг,— повторил Креветка. Но Лаг снова ударил по плечу Фургона. Фургон неожиданно повернулся, мышцы на его плечах и бедрах напряглись. Он прыгнул на Лага, и оба покатились по полу. Другие рекруты наблюдали за ними со своих коек, где они валялись, листая военные памфлеты. Семифутовый лесной страж отделился от стены и подошел к двум сцепившимся неандертальцам. Вой, еще вой — и вот Фургон и Лаг качаются в воздухе, а их воротники зажаты в кулаках лесного великана.

— Почему вы, обезьяны, не научились прилично подражать людям? — раскатисто спросил страж.

Те только моргали и поджимали пальцы, торчащие из открытой обуви. Было в них что-то от нашкодивших котов. Лесной страж выпустил неандертальцев, и они шлепнулись на пол. Встряхнувшись, они разошлись, на ходу забывая об инциденте.

— Внимание! — произнес голос от двери.

Все вскочили, когда вошел офицер. За ним шли три новых рекрута: лесной страж с наголо выбритым черепом, смуглый черноволосый паренек с зелеными, как море, глазами и необычно приземистый неандерталец, все время мигающий.

— Новички,— сказал офицер.— Внимание! Пторн 047 AA-F!

Бритоголовый страж шагнул вперед.

— Тель 211 BQ-T!

Зеленоглазый сделал то же самое.

— Ког 019 N-H!

Вышел мигающий неанлерталец.

— Вольно, парни! Не забудьте, ориентационное собрание через...— офицер взглянул на хронометр в потолке,— одиннадцать минут. Как услышите гонг — бегом! — с этими словами он вышел из комнаты.

Три новичка улыбнулись полудюжине людей, бегло оглядывавших их.

— Привет.

Веснушчатый Креветка вышел вперед.

— Кто-нибудь из вас интересуется игрой в удачу? Пошли со мной, познакомитесь кое с кем из парней. Меня зовут Арчибальд Сквош. Это по-настоящему. Попробуйте представить себе мамашу, которая назвала ребенка Арчибальдом! Но вы можете звать меня Креветкой,— он, казалось, обращался в основном к неандертальцу и наконец полностью повернулся к нему.— Тебя звать Ког, верно? Классно, пойдем сыграем.

Тель и Пторн переглянулись и последовали за Креветкой и Когом туда, где еще один рекрут раскладывал монеты на перевернутом ящике.

— Привет, Кудряш,— сказал Креветка.— Это Ког. Он хочет немного поиграть с нами, Кудряш. Правда, Ког?

Его восторженное дружелюбие показалось Телю натянутым. Но неандерталец осклабился и кивнул.

— Садись сюда,— Креветка положил руку на плечо Кога и заставил присесть на корточки возле ящика.— Вот, значит, как мы играем: расставляешь монеты квадратом с одним пустым углом, берешь монетку в десятую часть деньги и бросаешь ее через верх ящика, чтобы она попала в этот пустой угол, понял? С дальнего конца квадрата вылетят две монетки. Мы нумеруем монетки в дальнем конце — от единицы до семи, и ты делаешь ставку на любые две. Давай сюда свои денежки. Сейчас покажу: я ставлю на два и шесть, бросаю монету... Вылетели два и пять. Значит, ты получаешь мои полденьги, потому что выпала только половина моей ставки,— он вложил монету в полденьги в руку Кога.— Ну как, хочешь попробовать?

— Э... ну,— Ког кивнул.— Как вы зовете эту игру?

— Слумат, случайка, двойная кость, семерка — выбирай любое.

— Случайка?..

— Случайка,— повторил Креветка.— Теперь клади свои деньги. На какие ставишь?

— Ну... на два и шесть.

Ког бросил. Вылетели две монеты, но не двойка и не шестерка.

Кудряш поднял банкноту Кога. Ког вопросительно глянул на своих партнеров.

— О, это не все,— сказал Креветка.— Это просто первая проба. Сейчас мы все сыграем снова.

Смятые банкноты легли на поверхность ящика. Монета упала еще раз, затем еще раз, еще... На лице Кога мало-помалу росла растерянность. И тут над импровизированным столом наклонился бритый лесной страж Пторн и сказал ровным голосом:

— Как насчет того, чтобы дать шанс и мне?

Креветка поднял глаза и неловко сказал:

— Я как раз хотел предложить прекратить игру. То есть...

— Продолжаем,— настойчиво сказал Пторн. Его длинная рука протянулась над плечом Теля, темные пальцы выложили квадрат. Креветка и Кудряш с тревогой переглянулись.

— Вот деньги,— сказал Пторн, кладя банкноту.

— Я, пожалуй, возьму свою бумажку прямо сейчас,— сказал Кудряш, но Креветка лягнул его из-за ящика, и протянувшаяся было рука Кудряша молниеносно втянулась обратно, как спущенная пружина.

— Три и пять,— сказал Пторн, выравнивая границу квадрата большим ногтем цвета пожелтевшей слоновой кости. Из квадрата вылетели тройка и пятерка. Пторн взял банкноту.

— Два и шесть,— сказал он, выбивая угол вторым броском. Вылетели двойка и шестерка, и Пторн снова смял банкноту.

— Два и четыре.

— Постой! — перебил Креветка.

— Два и четыре.

Монетка звякнула. Двойка и четверка.

Пторн подождал, пока они положили последние банкноты на его широченную ладонь, а затем выложил деньги перед Когом.

— Это твои, обезьяна,— сказал он и пошел прочь.

Креветка зашипел сквозь зубы.

— Проклятые большие парни,— пробормотал он, гладя вслед стражу.— Как они это делают? Это совершенно честная игра, а они каждый раз выигрывают...

Он вдруг взглянул на Теля и улыбнулся.

— Спорю, ты из материковой рыбачьей деревни?

— Верно,— сказал Тель и тоже улыбнулся.— Как ты догадался?

— По глазам,— пояснил Креветка.— Они у тебя зеленые, совсем как у меня. Слушай, мы, рыбаки, должны держаться вместе. Чего ради ты связался с армией?

Тель пожал плечами.

— А что еще делать?

— Это верно,— согласился Креветка.— Да, вот Кудряш, он фермер.

Кудряш, все еще думающий о своем проигрыше, проворчал:

— Какой из меня фермер? Я почти год провел в Адском Котле, в банде недов.

— Верно, верно, сказал Креветка.— Знаешь, это абсолютно честная игра, клянусь белобрысыми патлами Его Величества, но каким образом...

Воздух пробил звук гонга, и металлический голос ударил по ушам:

— Всем новым рекрутам идти к Звездному Стадиону. Всем новым рекрутам идти к Звездному Стадиону...

— Это нам,— сказал Креветка, и все они бросились к дверям.

Среди центральных зданий Тельфара, которыми были ограничены действия рекрутов, было одно, погруженное в город, как опрокинутый пузырь. Оно могло бы вместить под своим куполом десять тысяч человек, но сейчас беспокойные солдаты заполнили только один его сектор.

На возвышении блистательные офицеры выглядели игрушечными. Один из них подошел к микрофону, кашлянул и, когда эхо прокатилось по арене, начал:

— За барьером у нас есть враг, враждебный всем принципам, которые человеческий род...

Тель сидел среди шестисот новобранцев и слушал. В голове у него копились вопросы, но не в таком количестве, как у остальных.

Затем у рекрутов было свободное время до следующего дня, когда должна была начаться подготовка. Тель все еще держался с Креветкой и Кудряшом. Когда они возвращались в барак, он спросил:

— Как вообще работает эта игра?

Креветка пожал плечами.

— Точно не знаю. Но почему-то обезьяны как раз не имеют шанса. Нет, игра честная, но вот они выигрывают не чаще, чем один раз из десяти. Обычные люди, вроде нас с тобой, делают все как надо, а с практикой выигрывают чаще. А вот эти большие парни... просто забудь об игре, когда они поблизости. Эй, ты разве не идешь с нами в барак?

Они остановились у двери.

— Не-а,— сказал Тель.— Я, пожалуй, пройдусь и посмотрю, как тут.

— Могу сказать тебе, что здесь не много увидишь,— предупредил Креветка.— Но дело твое. Увидимся позднее.

Когда Тель ушел. Креветка шагнул в барак, но Кудряш продолжал смотреть вслед Телю, исчезавшему в полутьме.

— Чего ты ждешь? — спросил Креветка.

— Слушай, какого цвета глаза у этого парня?

— Зеленые. Чуть темнее моих.

— Вот и я так думал днем. А сейчас посмотрел, когда мы возвращались сюда, и они вовсе не зеленые.

— А какие же?

— В том-то и дело, что вообще никакие. Просто две дыры в голове.

— Ну, черт возьми, сейчас почти темно, и ты просто не разглядел.

— Видел, и клянусь, за его веками ничего не было. Просто дыры.

— Вечерний воздух вреден тебе, парень,— сказал Креветка, покачивая головой.— Давай заходи, и поиграем в честную игру «случайка».

Тель шел по темнеющей дороге. Он перебрался по крутому переходу с одной спиральной дороги на другую и прошел над большинством окружающих зданий. Только центральный дворец был выше всех дорог. Когда спираль обвилась вокруг темной башни, он посмотрел на крыши более низких зданий Тельфара.

Внизу город тянулся к равнине, а равнина — к горам, над зазубренными вершинами которых еще слабо мерцал радиационный барьер. Все это было знакомо Телю. Ртутный свет вдруг замерцал, сгоняя тени с ограждения. Подняв глаза, Тель увидел ярдах в двадцати другого рекрута из разведки и узнал в нем лесного стража, который прибыл вместе с ним сегодня днем. Пторн увидел его и помахал рукой.

— Как дела?

— Хорошо,— сказал Тель.— Ты тоже решил прогуляться?

Пторн кивнул и посмотрел через ограждение. Тель остановился рядом с ним и тоже склонился над перилами. Ветер забирался к ним в рукава, дергал распахнутые воротники.

— Слушай,— сказал Тель,— как ты делаешь этот фокус с игрой?

— Ты не поймешь.

— Я? — переспросил Тель.— Думаю, что пойму. Попробуй.

Пторн повернулся боком к перилам.

— Если ты действительно хочешь знать, то старайся думать. Представь, что ты в Тороне и стоишь на тротуаре. Один из больших грузовиков Гидропоники Кошара идет вниз по улице и выключает мотор примерно в четверти мили от конца квартала. Что произойдет?

— Остановится?

— Да, но не сразу.

— Покатится по инерции.

— Далеко?

Тель пожал плечами.

— Наверное, это зависит от того, насколько он тяжел и насколько быстро ехал.

— Правильно. Но если бы ты переходил улицу, ты бы мог судить вполне точно, успеешь ли ты перейти, и даже определить место, где грузовик остановится, как только увидишь, что он замедлил ход?

— Думаю, да.

— Ну вот, и когда ты это делаешь, ты подсознательно решаешь задачу, для решения которой математик должен взять бумагу и карандаш, знать точно вес грузовика, скорость, коэффициент уменьшения скорости, трение — и только тогда минуты через две решит. А ты сделаешь это за полсекунды и с весьма неточной информацией, которую твои чувства успеют собрать за долю секунды.

Тель улыбнулся.

— Да, поразительно. Но какое отношение это имеет к игре?

— Прямое. Ты и я рассчитаем и перебежим улицу, а обезьяна будет стоять на углу до тех пор, пока грузовик не остановится намертво, и только тогда решится перейти. Конечно, если ты выучишь его математике, дашь ему бумагу и карандаш и все факторы, он высчитает это приблизительно за то же время, что и всякий другой математик. Но он не может просто глянуть на замедляющий ход грузовик и представить себе, где машина остановится.

— Я все-таки не вполне понимаю...

— Вот смотри: суть, которую люди точно представляют себе, только глянув на вещи, обезьяны постичь не могут. Мы же представляем с одного взгляда некоторые вещи, которые не могут представить люди. Например, под каким углом и с какой силой бросить монетку, чтобы выбить именно те монеты с дальнего конца слумата, которые мы хотим. Если ты можешь судить о направлении и скорости брошенной монеты, ты представляешь себе расклад сил в матрице и то, каким образом он сработает в конце.

— Кажется, я понял,— сказал Тель.

— Я не могу объяснить тебе это математически, но ведь и ты не мог бы математически объяснить замедление того грузовика.

— Пожалуй, нет.— Тель вдруг глянул на лесного стража и нахмурился.— Послушай, когда ты сказал «вы, люди», это прозвучало так, будто ты сам... не человек.

Пторн засмеялся.

— Что ты хочешь сказать? Обезьяны — часть вас, так же, как и вы, люди — часть нас...

— Вот-вот! Разве ты не слышишь, как ты это говоришь?

— Да,— сказал Пторн, помолчав.— Я слышу.

На юношу вдруг снизошло спокойствие.

— Так вот, насчет игры. Может ли кто-нибудь из... нас, людей, сделать то, на что ты только что намекал?

Пторн пожал плечами.

— Полагаю, какой-нибудь исключительный мозг может. Но ведь это, в сущности, не так важно.

— По-моему, важно. Мы, люди...— повторил Тель.— Как же вы называете себя, если не думаете о себе как о людях?

Пторн снова пожал плечами.

— Мы думаем о себе как о стражах, лесных стражах. Только слово «лес» — не главное.

— Это верно. Иногда вы называете себя лесными стражами, иногда — лесным народом.

— В качестве стражей мы охраняем ваши каторжные рудники на краю леса и возвращаем беглых заключенных.

— Ах, да. Я и забыл. Я знал одного беглого заключенного до того, как вступил в армию,— он на миг задумался.

— О чем ты думаешь? — спросил Пторн.

— А? — Тель вскинул глаза на собеседника.— Если совсем честно, то об ожерелье.

— О каком ожерелье?

— Из полированных раковин, которые я нанизал на ремешки.

— А как оно связано с бежавшим заключенным?

— Девушка, которой я подарил это ожерелье, тоже знает этого человека. Это ожерелье было однажды сломано, на него наступили. Но потом я его починил. Красивое было ожерелье. Я сам полировал раковины.

— Да,— отозвался Пторн чуть мягче и ласковее, чем обычно.

— Как ты думаешь, что там за свет на краю города? — спросил Тель.

— Не знаю. Может быть, собираются что-то делать в учебном лагере. Хотя похоже, что свет идет из очень ограниченной части города.

— А зачем им свет, если там нет никого?

— Кто знает? — Пторн внезапно выпрямился.— Смотри-ка! Видишь, некоторые бегут прямо вскачь.

— Угу, я тоже увидел одного. Интересно, куда это они.

— Не знаю. Те, кто бежит, обратно не возвращаются. Хотел бы я знать, связано ли это с основными учениями. Говорят, это будут не шесть недель, а просто праздник какой-то...

— Знаешь,— сказал Тель, опуская плечи.— Я не видел среди рекрутов ни одного из... стражей, которые читают мысли, с тройным шрамом.

Пторн застыл у перил.

— В самом деле? Что ты знаешь о телепатах?

— Ничего,— сказал Тель.— Знаю только...— он осекся.— Ну, я знал когда-то одного мужика, я хочу сказать, стража, который мог читать мысли. И у него были шрамы.

— Похоже, ты знаешь кучу интересных людей,— заметил Пторн.— А знаешь ли ты, что очень немногим из таких, как ты, людей известно о стражах-телепатах? Очень, очень немногим. Я бы сказал, что об этом вне леса знают человек сорок, и большинство из них — члены Совета.

— А ты сам... не телепат? — спросил Тель.

— Нет. И ты прав, в армии их нет. Их не призывают.

— Обычно я никому не говорю о них.

— Думаю, это хорошо,— он вдруг положил руку на плечо Теля.— Пойдем-ка обратно в барак, мальчик. Я хочу рассказать тебе одну историю.

— О чем?

— О заключенном. Я имею в виду бежавшего заключенного.

— Да?

Они пошли к дороге, ведущей к баракам.

— Я жил неподалеку от каторжных рудников, Тель. Не все лесные стражи патрулируют рудники, но если уж родился возле них, шанс велик. Мы были организованы в отряды, этакую мини-армию. Отдаленные племена стражей гораздо более неформальны, но те, кто близок к рудникам и работает на них, должны быть в известной степени упорядоченными. Нашим отрядом командовал очень спокойный страж с тремя шрамами на лице. Мы сидели у костра и болтали, а Рок — так его звали — стоял у дерева. Был вечер, на камнях жарилось мясо, в воздухе чувствовалось приближение дождя. Вдруг хрустнула ветка, и на поляне появилась Ларта, лейтенант отряда Фрола, который патрулировал лес в миле от нас. У нее тоже был тройной шрам, и она была одета в черный мех, который так и сверкал в оранжевых лучах заката. Она и Рок молча разговаривали несколько секунд, и потом заговорили вслух, чтобы мы поняли.

«Когда они попытаются бежать из рудника?» — спросила Ларта.

«Перед самым рассветом»,— ответил Рок. Мы все слушали.

«Сколько их?» — спросил Рок.

«Трое,— ответила Ларта.— Один — хромой старик. Он пробыл на рудниках четырнадцать лет. Пять лет назад при обвале ему раздробило ногу. Ненависть в его мозгу пылает, как полированный рубин, сверкает в глазах. Он скорчился у ступенек охраны, ждет, крутит в пальцах прутик, стараясь не думать о боли в ноге. Он чувствует себя очень старым.

Рядом с ним тяжелый человек. Текстура его мозга похожа на железо и ртуть. Он очень заботится о своем теле и сейчас думает о жировой складке на животе, к которой прижаты его колени. На правой щеке у него шесть веснушек, и десять на левой. У него на животе шрам после удаления аппендикса, и он думает о нем, мельком вспоминая белые стены Главного медуправления. Он всегда, даже в тюремном лагере, старался выглядеть легко адаптирующейся личностью, которая спокойно и точно действует в новых ситуациях. Но решимость, с которой он готовился к побегу — он вспоминает, как чуть не застрял в туннеле, который они рыли ложками, башмаками и руками, чтобы добраться до сторожки,— решимость твердая и холодная.

Третий, самый молодой, черноволосый, с оглушенным взглядом, сжался позади тех двоих. Думает о гладкой поверхности пруда, о чем-то ярком, что бросает снизу вверх, об энергоноже и искрах, которые тот разбрасывает. Вот так выглядит в его юном мозгу идея свободы».

Пока Ларта говорила, пошел мелкий дождь. Рок сказал:

«Они прижались теснее. Напротив двери через ступеньки сторожки натянут шнурок. Сменщик всегда входит в эту дверь за секунду до того, как первый охранник выйдет в заднюю дверь. Сменщик зацепится за веревку, заорет и упадет. Первый вернется

обратно посмотреть, что случилось, и тогда беглецы проскочат освещенное место и скроются в джунглях. Так спланировал Ртуть и Железо. Пылающий Рубин привязал один конец шнурка, а Энергетический Клинок — другой. Они ждут под моросящим дождем».

Мы тоже сидели и ждали. Ларта ушла к своему отряду.

Такова первоначальная история. Затем был сам побег: крик стражника, быстрые шаги второго, беглецы перебежали освещенную полосу и скрылись в темноте среди мокрых деревьев. Я пошел по следу Рубина и услышал, как он ковыляет по мокрым листьям, как он остановился и прошептал: «Харт, Йон, где вы? Ради всего святого...» Я тронул рукоять энергоножа, и мокрые листья засияли зеленым светом. Старик откашлялся, отшатнулся и вскрикнул, рубиновая ненависть сверкала в его глазах. Он снова закричал и упал ничком на мягкую землю. Я снова коснулся рукояти, и его тело вытянулось. Веснушчатый же кричал и кричал, вцепившись в мокрый ствол дерева. Его ртуть испарилась, а железо вытекло с горячей жидкостью страха. В последний раз он крикнул: «Кто вы? Покажитесь! Это нечестно!» И мы взяли его в тесное кольцо.

На заре под дождем мы отнесли два тела обратно и оставили в грязи перед хижинами. Вот самая настоящая история настоящего побега.

Они уже почти дошли до бараков.

— Зачем...— начал Тель,— зачем ты рассказал мне это?

Пторн улыбнулся.

— Мы же унесли только два тела. Третий, самый молодой, свернул к радиоактивным лавовым полям, куда мы не могли следовать за ним. Он должен был умереть. Но не умер. Он спасся. Ты сказал, что знал бежавшего заключенного, а он был единственным за последние шестнадцать лет. И к тому же тебе известно о телепатах. И вдобавок у тебя весьма забавные глаза. Ты знаешь это?

Тель сощурился.

— Я не телепат,— снова сказал Пторн.— Но любой лесной страж рассказал бы тебе эту историю, если бы ты сказал ему то, что сказал мне. Мы... чувствуем вещи чуть более отчетливо.

— Но я все-таки не понимаю...

— Завтра мы идем на базовое обучение. Через шесть недель мы встанем перед врагом. А до тех пор, мой друг, держись подальше от игр со случайностями. Они вовсе не так случайны, как ты думаешь. И держи язык за зубами.

И они вошли в барак.

Глава 3

Островной город Торон располагался концентрическими кругами. В центре — королевский дворец, на прилегающих к нему ули-

цах, словно исполинская колоннада — высокие башни богатых торговцев и промышленников. Здания смотрели друг на друга широкими окнами, многие из которых были украшены пластинами цветного стекла, приводимыми в движение с помощью скрытых устройств. Вдоль верхних этажей шли латунные или мраморные балконы. По улицам прогуливался праздный народ в яркой одежде.

Внешнее кольцо — берег, пирсы, пристани, общественные здания и склады. Изнутри к нему примыкал район, известный как Адский Котел, с запутанными узкими улицами, где злобные серые коты охотились за портовыми крысами у опрокинутых мусорных баков. Здесь жило в основном рабочее население Торона, а также подонки общества, многие из которых входили в бродячие банды недов.

Между внутренними и внешними кольцами был район неприметных домов — меблированных комнат, а иногда и частных жилищ служащих и ремесленников, продавцов и секретарей, инженеров, врачей и юристов. В общем — всех тех, кто достаточно зарабатывал, чтобы подняться над беспорядком Котла, но был слишком слаб, чтобы удержаться в центре.

В двухкомнатной квартире одного из таких домов лежала женщина с закрытыми глазами. Пальцы ее теребили простыню на постели. Она все время ощущала, как город обступает ее со всех сторон, и старалась не кричать, а только хлопала ртом, словно кукла.

На дверях была табличка с именем, написанным черными буквами по желтому металлу: «Клея Рашок». Это была ее настоящая фамилия, только написанная задом наперед. Когда-то она дала отцу совет назвать так побочную компанию рефрижераторного оборудования. Тогда Клее было двенадцать лет. А теперь она сама воспользовалась этим именем. Три года назад ее жизнь протекала между отцовским домом и университетом. Но потом она сделала три открытия.

Теперь она жила одна и мало чего делала — только гуляла, читала, делала расчеты в блокноте, лежала и удерживалась от крика и плача.

Первым открытием Клеи стало то, что есть кто-то, кого она любила, любила с болезненной страстью, вызывавшей покалывание в затылке. Ее рот разрывался в беззвучном крике, а в животе холодело от одной мысли, что этого человека, с его короткими рыжими волосами, мощным бычьим телом и утробным хохотом вроде медвежьего рева, больше нет в живых.

Второе ее открытие — над ним она работала половину времени, проведенного в университете, и девять десятых времени, считавшегося потраченным на оборонный проект, к которому она была подключена сразу после получения ею степени — обратные субтригонометрические функции и их применение к случайным

пространственным координатам. Результатом был доклад, представленный сначала в университете, а затем правлению Государственного совета. Воспоминание все еще пронизывало ее мозг.

«...итак, господа, более чем возможно, что с преобразованием уже существующей транспортерной линии мы сможем посылать от 200 до 300 фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона...»

В любое место! В любое!..

Третье открытие...

Сначала надо кое-что сказать о ее мозге. Это был сильный, блестяще отточенный математический мозг. Однажды Клея в числе пятидесяти других математиков и физиков получила три страницы данных о радиационном барьере, чтобы открыть способ пройти через него, под ним или в обход его. Она смотрела на три страницы три минуты, отложила на три дня, чтобы заняться собственными расчетами, а потом объявила, что радиация за барьером — искусственная. Можно уничтожить генератор, который поддерживает ее, и проблема будет решена. Короче говоря, этот мозг умел пробиваться сквозь информацию к правильному ответу, даже если вопрос был поставлен неправильно.

Это третье открытие она сделала, когда после доклада о субтригонометрических функциях ее привлекли к работе над небольшой частью особо секретного правительственного проекта. Ей ничего не объясняли ни о проекте, ни о смысле ее части работы, но ее мозг, экстраполируясь от своего фрагмента, вгрызался и вгрызался в тайну. Это была часть какого-то невероятного сложного компьютера, назначение которого, по-видимому, должно быть... должно быть!..

Ее тело забилось на кровати, простыня упала на грудь, и она очень быстро скользнула во тьму беспамятства.

Сделав это открытие, она исчезла. Легче всего было переиначить фамилию. Труднее всего — убедить отца позволить ей занять эту квартиру. Где-то между тем и другим по трудности стояло тщательное уничтожение некоторых государственных записей: всех копий ее контрактов по оборонным работам и рисунка сетчатки ее глаза, снятого при рождении. Она надеялась, что в общей военной неразберихе ее не найдут. Устроившись в этих двух маленьких комнатах, она стала методически притуплять остроту своего поразительного разума. Она все больше отдалялась от своих книг, пыталась игнорировать военную пропаганду, наводнившую город, принимала как можно меньше решений, и если ей и не удалось полностью затупить разум, то она достаточно смазала его остроту.

Она много думала об умершем, гораздо меньше о субтригонометрических функциях, но если подходила в воспоминаниях близко к третьему открытию, тут же начинала думать о чем-нибудь

другом — только бы не закричать, а оставаться молчаливой и спокойной...

На ее столе лежал смятый плакат, который она однажды сорвала со стены. Надпись ярко-красными буквами по зеленому гласила: «У НАС ЕСТЬ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ!»

Клея накинула халат, подошла к столу, но вдруг вышла в переднюю комнату, не зажигая света. Ее платье висело на спинке стула. Она оделась в темноте, вышла в коридор и пошла к лестнице. В уголках коридора скопилась серовато-голубая пыль.

У входной двери она увидела доктора Венталя, пытавшегося войти. Она открыла дверь, и он ввалился, едва не упав. Его тонкие волосы цвета оберточной бумаги были ужасающе взлохмачены.

— Что с вами, доктор Венталь? — встревоженно спросила Клея. Доктор улыбнулся и закивал, как болванчик.

— Спирт...— колени его разъезжались, кадык трясся.— Медицинский спирт. Добрый зеленый алкоголь, мисс Рашок... но лишку, чересчур лишку... Помогите мне подняться... только бы моя жена не услышала...

Его рука утвердилась на плече девушки. Клея вздохнула и потащила доктора через холл.

— Ох, война — ужасная вещь! — бормотал он.— Враг у нас вроде бы за барьером, а что делается с нами здесь, в Торомоне... Мы должны усиленно работать, чтобы идти вперед, к лучшей жизни, но это так трудно... Иногда действительно можно позволить себе...— на слове «можно» он оступился и сполз назад с двух из тех шести ступенек, которые они уже преодолели. Клея шепотом выругалась и крепче уцепилась за перила.

— Вы слышали про рост производства всевозможного оборудования? — продолжал доктор, похоже, даже не заметивший своего падения.— А порядочный гражданин не может ничего этого получить. Вот завтра ко мне придет один больной волчанкой. Его послал ко мне специалист, потому что несколько лет назад я занимался исследованиями в этой области и кое-чего добился. Но как я могу лечить волчанку без адре... адре... ад-ре-но-кортикотропных гормональных препаратов? В каталоге Главного медуправления значится много всего для лечения армии, а мне говорят: простите, но неармейские врачи могут получить только минимум лекарств. Вот что я скажу этому человеку? Пусть убирается? Что я не могу лечить его? Что я не могу достать лекарства? Но у него же денег больше, чем соли в море, это один из Тилдонов. И я сделаю ему укол, который ему не повредит, и возьму с него деньги. Я честный человек, мисс Рашок. Но стараюсь сделать, что могу, для своей семьи, только и всего...

Они добрались до квартиры доктора. Он привалился к стене и стал прикладывать большой палец к замку, хранившему его отпечаток, а указательный другой руки зачем-то прижимал к губам.

Клея снова спустилась вниз, провожаемая громким свистящим шепотом: «Тихо, тихонечко, моя жена не должна знать!»

Ветер с моря бился о стены домов, врывался в улицы. Черное платье Клеи было плотно застегнуто у горла. Ее черные волосы были собраны на затылке в тугой узел. Когда-то вечность назад в них была вплетена серебряная цепочка, и Клея в белом платье танцевала с мужчиной, у которого были короткие рыжие волосы и широкие плечи, речь спокойная и мудрая, а смех походил на медвежье рычание. Он был в военной форме... и он погиб...

Осторожно, очень осторожно она расстегнула воротник, и туда немедленно ворвался порыв ветра. Она ощутила холодок на шее, который проник до самой диафрагмы, и идти стало чуть-чуть легче.

— Эй, леди!

Она вздрогнула, но это оказался всего лишь полицейский. Его форма была тусклого оттенка, не то оливкового, не то цвета дубовой листвы. Он подошел и шагнул в круг света от уличного фонаря.

— Не поздновато ли для вас гулять по здешним улицам? Прошлой ночью неды из Котла почти до смерти избили человека всего в шести кварталах отсюда. Вам бы лучше идти домой.

— Ладно,— сказала Клея.

Полицейский пошел дальше, а Клея постояла и повернула обратно. Пройдя шагов двадцать, она оглянулась — следит ли еще за ней полицейский?

Под фонарем, где он был минуту назад, появилась девушка с белыми шелковистыми волосами. Она вильнула в сторону и... исчезла! Клея раскрыла рот от удивления. Девушка только что была, и вдруг словно погасла, как свеча.

Клея поморгала и поспешила к дому, но на полпути остановилась. Она вспомнила, что в трех кварталах отсюда имеется открытый всю ночь бар со всевозможными игральными автоматами.

Она вернулась домой в шесть часов утра. В течение последних двух часов хозяин бара, навалившись на стойку, следил за женщиной в черном платье с гладкой прической, которая пила только слабые напитки и собирала феноменальные выигрыши с игральных автоматов. В дверях ее встретила женщина с головой, повязанной шарфом. Она высыпала мусор в ящик.

— Так рано встали, мисс Рашок? — спросила женщина, сложив руки поверх опрятного домашнего платья.— Это очень хорошо — встать рано и прогуляться. Сразу видны правильные привычки. С этой войной так трудно оставаться бодрой. Я так хотела

бы, чтобы разрешалось посылать нашим парням письма, или даже посылки, или хотя бы просто узнать, что там делается. Тогда мне было бы намного легче. Иногда мне хочется иметь сына, чтобы гордиться им... Но у меня одни дочери, а с ними так трудно! Взять хоть мою старшую Ренну. Думаете, она осознает, как мне трудно? Сейчас, когда все путевые женихи за барьером, девушка должна быть особенно осторожной в знакомствах. Я стараюсь знакомить ее с хорошими мальчиками, но она подцепляет кого попало. Ох, это прямо ужасно! Если девушка хочет преуспеть... ей надо быть осторожной. Ренна уже несколько лет встречается с ужасным мальчишкой, Волом Ноником. А вы знаете, где живут его родители? — она показала в сторону Котла.— А он и с ними-то не живет!

— Извините,— прервала ее Клея,— у меня есть кое-какие дела, так что я пойду. Извините...

— О, пожалуйста, пожалуйста,— женщина отступила от двери.

Войдя в квартиру, Клея закрыла дверь и задумчиво остановилась возле нее.

У него были такие сильные руки... Он крепко держал меня, когда однажды нам вздумалось пройти по каменной стене в гавани. Он смеялся своим медвежьим смехом, когда мы следили, как две белки болтают друг с другом на лужайке около студенческого городка... В тот день он навестил меня в университете, и его слова были, как всегда, мудрыми и спокойными. Он сказал: «Ты можешь выбирать, что хочешь». И я ответила: «Я хочу работать над своим проектом субтригонометрических функций, и я хочу быть с тобой, но если начнется война...» Война! Он погиб! Клея запретила себе думать.

На столе она увидела свои брошенные логарифмическую линейку и блокнот, выглядывающие из-под мятого плаката, и опять вспомнила: «...вкратце, господа, чтобы не вдаваться во всю эту математическую мешанину, речь идет о приложении обратных субтригонометрических функций к случайным пространственным координатам. Я обрисовала вам это в общих чертах, но если определить точнее, то, господа, более чем возможно, что с преобразованием уже существующей транспортерной линии мы сможем посылать от двухсот до трехсот фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона». В любое место! В любое!... она снова прервала поток мыслей.

Она закрыла окно, упала на кровать, и воспоминания опять затопили ее мозг. Вскоре после того доклада она работала на компьютере...

«Для получения информации нужно ввести мощность от полутора до трех с четвертью килоспик и вручную ввести по край-

ней мере сорок тысяч числовых данных — вот первая вещь, которую вы можете сделать». Она лениво предположила, что это, вероятно, должна быть мощность, чтобы взять информацию непосредственно из человеческого мозга, поскольку энергия мозга неандертальца как раз измерялась в полтора килоспика, в то время как необычная кора мозга лесных стражей производила энергию до трех с четвертью килоспик. Нет, нельзя поспешно делать такие выводы. Но она приняла к сведению эту информацию и попыталась представить разум как термометр, который при восприятии новых данных меняет свою температуру на сколько-то градусов... или других единиц измерения.

Позже она увидела на столе коллеги схему переключателя такого же вольтажного дифференциала, который позволял изменить вход на выход. Ввести или вывести до сорока тысяч бит информации непосредственно в человеческий мозг, подумала она. Она решила проблему сорока тысяч числовых данных с помощью трехгранных тетроновых призм, настроенных в соответствии с частотой шума. С десятью призмами, каждая размером с булавочную головку, она получила систему, способную управлять шестьюдесятью семью тысячами числовых данных, и очень гордилась этим.

Однажды, обследуя дальний конец здания, где она работала, она увидела через открытую дверь несколько приколотых к стене эскизов гротескных, немыслимых болотных пейзажей и структурно невозможных анатомических расчленений. Через две недели распространились слухи, что два художника, работавших в этом здании, подверглись префронтальной лоботомии по настоянию правительственных психиатров. Еще кое-какие мелочи: посыльный принес эти самые эскизы и катушку магнитной ленты в кабинет двумя этажами ниже. Возможно, та катушка перешла из рук техника к военному чиновнику. Когда Клея спросила о рисунках, техник-лаборант ответил: «Их сожгли, они больше не нужны». Это походило на срочную ликвидацию всего проекта, и она занялась другим. Первые рапорты об изменении транспортерной ленты от проволочной до беспроволочной передачи материи, затем разговор за обедом со знакомым из совершенно другого департамента:

«...работаю на жутком компьютере. Он вводит информацию с лент прямо в мозг. Я не могу себе представить, что человеческому мозгу делать с шестьюдесятью семью тысячами бит информации; а вы представляете?» Клея представляла. И еще пара-тройка мелких деталей...

И однажды поздним вечером она гуляла у верфей, любуясь на клочья сапфирового неба между длинных алых облаков — и ее как ударило. Первое: он погиб! Второе: в любое место! Третье... Она запретила себе думать, потому что готова была кричать.

Думать о чем-то другом, не возвращающем желания кричать, быть спокойной, быть ничем. Постепенно напряжение ушло из ее тела, из ее кулаков, из ее ног... она уснула.

К вечеру она встала, почистила зубы, вымыла руки, лицо и даже шею, нехотя поела и вышла купить еды на следующий день. Где-то среди всего этого она разработала новый метод расчета, но забыла его на вечерних улицах, где вокруг нее клубилась тьма.

Крик слева оторвал ее от размышлений. Рядом в переулке послышались шаги, звук падения, опять крик и несколько быстрых шагов. Она поспешно оглянулась, но что-то погнало ее вперед. Заглянув за угол, она прижалась спиной к стене. Неды!

Двое мужчин и женщина бросились к тому месту, откуда доносился шум неопределенного числа людей. Кто-то отскочил, мужчину ударили ногой в живот, и он покатился по мостовой. Женщина кричала и ругалась, размахивая руками. Кто-то вырвался из клубка дерущихся — девушка с белыми волосам! Она бежала в сторону Клеи, но двое мужчин загородили ей дорогу. Один поднял руку, в ней блеснули белые искры. Энергонож!

В разгаре побоища Клея заметила какой-то отблеск у себя под ногами — тонкий белый луч, идущий от водного диска... Она наклонилась, выхватила ведро из-под водосточной трубы и облила мужчину. Энергонож укоротился, окутался паром и только скользнул по руке девушки с белыми волосами. Но теперь убежище Клеи за водосточной трубой было рассекречено. Девушка, отскочив назад, взглянула на нежданную спасительницу, и Клея вздрогнула. Господи всеблагой — у девушки не было глаз!

Мужчина с энергоножом приближался к Клее, и его ухмылка напоминала трещину в гнилом плоде кхарбы. Клея пнула его и вильнула в сторону, думая в этот миг почему-то о второй производной от непрерывной функции четвертой степени. Он перенес тяжесть тела на левую ногу и поднял правую, чтобы ответить пинком, но Клея быстро развернулась к нему и ударила рантом туфли по верху его босой правой ступни и одновременно — локтем в живот.

Когда он отступил под ее двойной атакой, она бросилась бежать, слыша за спиной легкие шаги, догонявшие ее. Она снова повернулась, думая, что сейчас кинется сама и вцепится зубами в шею врагу, который этого не ожидает. Но, обернувшись, она остановилась: за ней бежала та, на которую кидались с энергоножом, и у нее были самые обычные ярко-голубые глаза!

Беловолосая девушка стояла под уличным фонарем.

— Бежим,— сказала она,— вот сюда. Они гонятся за нами!

Они свернули за угол, пробежали квартал, проскочили еще через два переулка и замедлили бег. Клея только-только приготовилась спросить: «Кто вы?», но тут девушка сказала:

— А вы здорово деретесь!

Удивленная, Клея взглянула на девушку и неловко ответила:

— Спасибо. Что с вашей рукой?

— Ничего,— сказала девушка, прижав левую руку к правому плечу.

— Вам больно,— сказала Клея, разглядев ее ожог.— Вот что, я живу неподалеку. Идемте, и я смажу это чем-нибудь...— и заодно узнаю, кто ты, договорила она мысленно.

— Спасибо, доктор Кошар,— ответила девушка. Клея вздрогнула, но быстро пошла вперед.

Прикладывая палец к замку, Клея спросила:

— Кто послал вас следить за мной? Да, называй меня только по имени.

— Ладно,— сказала девушка.

Дверь открылась, и Клея включила свет.

— Как вас зовут?

— Альтер.

— Садитесь, Альтер, и снимайте блузку,— Клея зашла в ванную и принесла оттуда три пузырька, рулончик бинта и кусок марли.— Вы так и не ответили на вопрос, кто послал вас... Ого, да по вашему плечу словно теркой для овощей проехались!

— Я думаю, вы укоротили лезвие, но оно все равно не успело остыть до конца. Черт, моя рука однажды здорово пострадала, и ее надо беречь.

— Интересно, где они взяли это оружие. Его имеют только военные и охрана.

— Вот у них и взяли,— сказала Альтер и сморщилась, когда прозрачная жидкость потекла на ее содранную кожу, но расслабилась, когда полилась красная.— Никто меня сюда не посылал, честно.

— Может быть, я и не хочу этого знать,— сказала Клея, и внезапно голос ее потеплел.— Что это? — она коснулась кожаной петли на шее девушки, на которой висели полированные раковины — зеленовато-коричневые, красно-коричневые, золотисто-коричневые...

— Это ожерелье. Мне подарил его один мальчик.

— Оно было сломано,— заметила Клея,— а потом починено.

— Верно. Как и моя рука. Откуда вы знаете?

— С правой стороны на коже ремешка мелкие порезы, словно что-то тяжелое упало на ожерелье, разбило раковины на этой стороне, и они изранили ремешок осколками. А ваше правое плечо чуть шире левого. Но я уверена, что оно работает хорошо.

Альтер широко раскрыла свои глаза с бирюзовым отливом,

— Так и было: кое-кто наступил на ожерелье... однажды. А почему вы сказали мне об этом?

— Потому что я наблюдательна и хочу, чтобы вы это поняли,— четыре полосы бинта легли крест-накрест поверх марли на плечо Альтер. Клея достала из холодильника свежих фруктов и положила на стол.— Хотите?

— Угу,— Альтер тут же вгрызлась в сочную мякоть, уже с трудом выговорив с полным ртом: «Хпахыбо». Когда девушка расправилась с половиной, Клея пояснила:

— Видите ли, если вас послало правительство, мне нечего и пытаться удрать. Но если кто-нибудь другой, тогда...

— Ваш брат,— сказала Альтер.— И еще Аркор и герцогиня Петра.

— Брат...— тихо выговорила Клея.— Что тебе известно о моем брате?

— Он не посылал меня,— сказала Альтер, надкусывая очередной плод.— Точно. Но они сказали мне, где вы, и я решила прийти и поглядеть, что вы за особа.

— Ну, и какая же я?

— Деретесь вы классно,— рассмеялась Альтер. Клея тоже улыбнулась.

— Как там Йон?

— Прекрасно. Все в одном месте.

— За три года я слышала о нем только дважды. Он ничего не передавал мне?

Альтер отрицательно покачала головой.

— Что ж, я рада, что он жив,— сказала Клея, собирая пузырьки.

— То, что они пытаются сделать с войной...

— Я не хочу даже слышать об этом,— Клея понесла пузырьки в ванную.— Я ничего не хочу слышать об этой проклятой войне.

Закрыв аптечку, Клея некоторое время постояла у зеркала — так близко, что затуманивала его своим дыханием. Когда она вернулась, Альтер была у стола. Она сдвинула мятый плакат и разглядывала блокнот.

— Из-за этого?

Клея пожала плечами.

— Вы изобрели штуку, которая может послать людей через барьер, верно?

Клея кивнула.

— И зачем?

— Совершенно зря.

— Вы можете объяснить, как эта барьерная штука работает?

— Я могу объяснять всю ночь, Альтер, но вы все равно вряд ли поймете.

— Жаль. Впрочем, я все равно не могу слушать всю ночь, потому что завтра мне идти узнавать насчет работы.

— Да? Тогда, я думаю, вы можете переночевать здесь. С какой стати эти неды пристали к вам?

— Я была на улице, и они тоже. Работа у них такая.

Клея нахмурилась.

— Значит, вам негде остановиться?

— Было место, где я могла бы ночевать — одна гостинице в Котле,— но ее разорили. Так что я просто бродила здесь по улицам. Меня ведь не было здесь какое-то время, я была далеко.

— Где далеко?

— Просто далеко.— Альтер засмеялась.— Давайте так: вы расскажите мне, как работает эта черезбарьерная штука, а я вам расскажу, где я была. И ваш брат был там же.

— Договорились,— сказала Клея.— Но завтра.

Альтер легла на диван, устроившись на правом боку, чтобы ее забинтованная рука лежала поверх. Клея забралась в свою постель. Прежде чем лечь, Клея сказала:

— По-моему, вы вчера шли за мной.

— Правильно,— откликнулся голос с дивана.

— И вдруг исчезли.

— Правильно.

— Объясните.

— Вы когда-нибудь слышали о жизненной пене?

— Нет.

— Я тоже услышала о ней всего четыре дня назад. И до сегодняшнего дня, точнее утра, не брала в руки. Это пигментирующий пластик, распыляемый на кожу. Я вся покрыта им. Иначе в сумерках вы меня не увидите.

— Завтра вы мне расскажете подробнее.

— Конечно.

Клея села на постели.

— А откуда взялись эти неды? Чего они хотят?

— А разве вы сама не из недов?

— То есть?

— Из недовольных. Зачем вы зарылись здесь и прячетесь от всех? Мне кажется, у некоторых это внутри, а у других снаружи.

— Вы, похоже, все знаете,— усмехнулась Клея. Ответом ей был громкий зевок.

«Что я делаю здесь?» Клея поняла, что хочет знать это, и стала думать об этом, чтобы не закричать.

Раннее утро озарило стену ало-золотыми лучами. Из ванной доносился шумный плеск воды. Затем он стих, и Альтер вышла наружу.

— Привет!

— Куда вы собираетесь?

— В цирк. Наниматься на работу. Хотите пойти со мной?

Клея недоуменно нахмурилась.

— Пошли,— Альтер произнесла это так, словно не сомневалась, что отказа не будет.— Вам полезно выйти.

Клея встала, умылась и стала закручивать волосы по-рабочему, в тугой черный узел.

— Заплетите их,— предложила Альтер из-за спины.

— Что?

— Почему бы вам не заплести косу? Это гораздо быстрее и не будет выглядеть так...— ее слегка передернуло.

Клея снова распустила волосы и разделила их на три части. Когда они вышли на улицу, воротник Клеи был расстегнут, а толстая черная коса перекинута через плечо.

На улице почти не было народу. Солнце одевало городские башни короной лучей. Золото плавилось на балконных перилах, плескалось в больших чистых окнах. Город без боя сдавался высадке солнечного десанта.

— Куда? — спросила Клея, глядя на башни.

— По этой дороге.

Они пошли между домами к Адскому Котлу.

На этом спрессованном краю города свободное место было редкостью. Цирк Тритона («Величайшее шоу на острове, на море и на материке!») захватил пространство двух кварталов. Перекрещенные тросы и веревки прошивали небо пурпуром и зеленью. По одной стороне участка выстроились клетки с пумами, восьминогим бизоном, бурым медведем, двухголовой лисой и гигантским кабаном. Аквариум на пять тысяч галлонов служил домом для дрожащего осьминога-альбиноса. В другом аквариуме тигровые акулы тыкались носами в стеклянные углы.

Стайка воздушных гимнастов в ярких нарядах выбежала из одной палатки и скрылась в другой.

— Кто это? — спросила Клея.

— Гимнасты на трапеции. Они называют себя Летучими Рыбами. Банально. Идемте дальше, мне надо увидеть господина Тритона.

Они подошли к большому фургону в конце участка. На крыше фургона восседал громадный бородатый и пузатый морской бог из папье-маше.

— Это шоу-фургон. Вот что, давайте-ка зайдите вон в ту палатку и что-нибудь съешьте, пока я общаюсь с господином Тритоном. Потом я подойду к вам, а сейчас мне для просмотра нужен пустой желудок, иначе черта с два что-нибудь получится.

Альтер вбежала по ступенькам в большой фургон, и Клея осталась одна. Утро было ветреное и холодное. Она повернула к

кухонной палатке. Над деревянными столами нависал зеленый с желтым тент. На гриле шипел жир. Клея села напротив мужчины, тянувшего бульон из глиняной кружки. Он улыбнулся, и лицо его прорезала сеть морщин.

— Давайте заказывайте, не стоять же мне весь день! — раздраженно бросила официантка за спиной Клеи.

— А что у вас есть?

— Жареная рыба, отварная рыба, рыбная похлебка, икра, рыба с жареной картошкой. Особое блюдо — жареная рыба с яйцами, половина деньги.

— Особое,— заказала Клея.

— Хорошо,— официантка улыбнулась.— Сюрприз — сегодня оно съедобно!

Мужчина снова улыбнулся и спросил:

— Вы с каким номером? Я вот — клоун.

В это время рядом с мужчиной села женщина в свитере, расшитом блестками, и спросила:

— Новенькая на просмотр?

— О, я... у меня нет никакого номера,— на эти ее слова мужчина и женщина рассмеялись.— Я хочу сказать, что не собираюсь выступать в цирке,— поправилась Клея, окончательно теряясь.

Мужчина и женщина снова засмеялись, и женщина сказала:

— Я дрессировщица тюленей, моя сладкая, так что не задирайся.

Официантка принесла заказ — кусок рыбного филе, облитый поджаренным яйцом, и рядом желтый холмик сливочного масла, особенно яркий на белизне тарелки. Клея взяла вилку, а клоун спросил:

— Вы наслаждаетесь едой, милочка?

Клея изумленно посмотрела на него.

— Нет, я не имею в виду ваш вес, я имею в виду манеру, с какой вы смотрите на пищу. Любой, кто смотрит на еду, как на весьма специфический опыт своей жизни, никогда не заботился о своей фигуре.— Он повернулся к дрессировщице: — Ты понимаешь, что я имею в виду? Посмотрев на таких, понятно, почему они толстые и сдержанные, а про тех, кто щурится и выпячивает губы, ясно, почему они худые и вспыльчивые. А вот вы смотрите...— он снова повернулся к Клее.

— Заткнись,— сказала дрессировщица.— Если слушать твою бесконечную болтовню, можно просидеть тут весь день.

Теперь засмеялись все трое. Затем клоун бросил взгляд куда-то через плечо Клеи и сказал: «Ого!»

Клея обернулась. На участке поставили трамплин. Над ним кувыркалась и вертелась в небесной синеве беловолосая девушка. Тройной кувырок назад, тройной вперед, полушпагат с возвра-

том, шпагат с возвратом, ласточка, обратная ласточка, складной нож назад...

— Хороша! — сказал клоун. Дрессировщица кивнула.

Альтер закончила свое выступление кувырком в четыре оборота. Люди на участке зааплодировали. Девушка направилась к кухонной палатке. Рядом с ней, приобнимая ее за плечи, шел человек — немолодой, толстый и с большой бородой.

Клея встала, чтобы дать им место за столом, и к своему удивлению увидела, что за другими столами тоже все встали. Раздался дружный хор голосов:

— Привет, господин Тритон! Доброе утро!

— Садитесь, садитесь,— напористо потребовал Тритон. Все сели, а он продолжал разговор с Альтер: — Так что ты у нас с послезавтрашнего дня. Прекрасно. Просто прекрасно. И ты можешь ночевать на участке, если тебе негде жить.

— Спасибо,— сказала Альтер.— Ой, а вот и моя подруга, о которой я вам говорила.

Удивление оттянуло уголки рта Клеи вниз, прежде чем она смогла поднять их в защитной улыбке.

— Ты бухгалтер, правильно? Замечательно, мне как раз нужен кто-нибудь, чтобы держать книги в порядке. Я рассчитываю на хорошую прибыль во время гастролей на материке. Будь здесь с девочкой...

— Но я...— начала Клея, глядя на ухмыляющуюся Альтер.

— ...с послезавтра,— закончил господин Тритон,— работа твоя. Доброго утра всем,— он сделал паузу, серьезно посмотрел на Клею и добавил: — Знаешь, мне нравится твоя манера смотреть. Я имею в виду, как ты смотришь на вещи. Доброго утра всем.

— Ровно это я вам и говорил,— сказал клоун дрессировщице.

— Но я...— повторила Клея. Господин Тритон уже отошел.— Я вовсе не ищу работу. Я не думаю...

Альтер пожала руки клоуну, дрессировщице и даже официантке, которая поздравила ее. Через минуту она обернулась к Клее, но та уже исчезла.

Она шла, не глядя ни на закоптелые фасады дощатых строений, ни на визжащих ребятишек, возящихся на тротуаре с трехлапой собакой, ни на бледные силуэты башен в центре города. Она просто шла вперед, пока не дошла до своего дома.

— О, мисс Рашок, это вы. Как всегда, рано,— на часах была половина девятого.

— Здравствуйте...

— Я всегда говорила, что очень хорошо вставать рано,— продолжала женщина с шарфом на голове. Внезапно выражение ее лица изменилось: — Но подумайте, моя дочь Ренна улизнула из

дому сегодня на рассвете, и я уверена, что она проведет весь день с этим типом, Волом Ноником. Мы говорили о нем всю минувшую ночь. Какие у него виды на будущее, спрашивала я ее. Я, в конце концов, разумная женщина. Что он намерен делать с собой? И вы знаете, что она мне ответила? Он пишет стихи! И только! Ну просто смешно! Но у меня для нее сюрприз, который, я уверена, выметет из ее головы этого Ноника. Я получила для нее приглашение на бал Лиги Победы. Я полчаса ругалась с господином Малкуином! Может, Ренна встретит приличного парня и забудет этого дурака и его дурацкие стихи. И почему только молодые люди вроде этого Ноника не идут в армию? У нас же враг за барьером...

— Извините,— сказала Клея.— Извините, пожалуйста...

— Да, да, конечно. Я не хочу задерживать вас. Всего доброго.

Но Клея уже отвернулась от нее и двинулась вверх по ступеням. У нас есть враг за барьером... Клея подумала о плакате, валяющемся на ее столе, и, он, как стимулятор условного рефлекса, немедленно вызвал в памяти: *его сильные руки уверенно обнимали меня, и такими же уверенными были его смех и его мудрость — и он погиб... Мы можем послать от двухсот до трехсот фунтов материи куда угодно, в любое место... Этот компьютер запрограммирован бессмысленно, дико, случайно...*

Когда она захлопнула за собой дверь, в горле ее стоял крик. Она прислонилась к двери и постаралась отдышаться.

Весь день она пробыла дома. Была уже почти полночь, когда она заставила себя выйти прогуляться. Но едва она подошла к лестнице, как услышала громкий треск, а затем что-то упало ей на ногу.

Испуганная, она кинулась вниз по лестнице. Кто-то навалился на нее, задышал, прикладывая палец к губам:

— Ш-ш-ш-ш! Тише, пожалуйста. Моя жена не должна ничего знать!

— Вы в порядке? — встревоженно спросила Клея.

— Разумеется, в порядке...Ох, простите! Я в полном порядке. Иначе и быть не может...

— Я помогу. Минуточку... Идите сюда, доктор Венталь,— они двинулись вверх по ступеням под хихиканье доктора:

— Ох, сколько испытаний и бедствий посылают человеку небеса! Этот старик, больной волчанкой, был у меня сегодня днем. Что я мог сказать бедняге? Ой, простите, конечно же, он вовсе не бедный, а проклятый богатей и... ик! к-кровопивец. За какой-то месяц он раздуется, как глубоководный окунь на поверхности. Но что тут можно поделать, если Главное медуправление не снабжают гормональными препаратами? Я сделал ему укол солевого раствора с пищевым красителем. Он ему всего лишь не повредит... а я содрал с него пятьдесят денег! Завтра он опять придет. Может быть, я буду в состоянии что-то сделать для него. Но как же это все тяжело, мисс Рашок. Временами мне хочется плакать...

Когда они добрались до двери, доктор Венталь умолк и последние несколько шагов сделал в полном молчании. Она бросила его в поисках того места в замке, куда надо прикладывать палец, и снова пошла вниз, но, дойдя до входной двери, остановилась.

На этот раз она думала не о своих трех открытиях, а о матери Ренны, о Ренне и о Воле Нонике. Это имя было ей почему-то знакомо. Затем она подумала о докторе Вентале, о его пациенте и о жене доктора. В стеклянную дверь ломилась ночь, но из цирковых кварталов доносился едва уловимый звон каллиопы.

Сегодня Клея вернулась домой рано.

На следующее утро, заплетя косу и расстегнув воротник платья, Клея пошла по направлению к цирку. Утренняя свежесть холодила ту ее щеку, что была в тени, в то время как солнце касалось другой щеки своими желтыми пальцами. Из гавани прилетел запах моря, и Клея улыбнулась.

Когда она подошла к ограде участка, то увидела мчащийся ей навстречу вихрь серебряных волос. Альтер, смеясь, подбежала к ней и схватила за руку.

— Я так рада, что вы вернулись!

— Почему бы и нет? — сказала Клея.— А почему вы не вернулись ко мне домой? Вы вполне могли бы ночевать у меня. Вы меня огорчили.

Альтер опустила глаза.

— Ой, я подумала, что вы рассердились. Вы же не поняли, что это была шутка,— она потеребила одной рукой ожерелье у себя на шее.

— Зачем вы сказали господину Тритону, что я ищу работу?

— Да просто мне пришло в голову, что это будет забавно. Вы могли бы без труда отмахнуться от этого.

— Весьма признательна. Слушайте, я надеюсь, что ваш друг, который подарил вам ожерелье, как-нибудь появится. Он намеренно нанизал раковины через логарифмически возрастающее расстояние?

— Что? Нет, не думаю. Он сейчас на войне... Ой, я что-нибудь не так сказала?

— Война? Нет... Он не может...

— В чем дело?

— Ничего,— сказала Клея. Неожиданно она положила руку на плечо Альтер и дружески сжала его.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

Клея вздохнула и опустила руку.

— Уверена.

И они вошли на участок.

Глава 4

На следующий день у Теля началась базовая подготовка.

— Вольно, парни. Разбивайтесь на группы и отправляйтесь в указанные вам помещения.

Тель вошел в большой класс. Дальняя его стена была увешана чертежами машин. Надписей на чертежах не было. Вдоль передней стены тянулись многоцветные болотные пейзажи, тонущие в дымке, на которых были изображены перекрученные, безлиственные растения. Неожиданно громкоговоритель в передней части класса объявил таким дружелюбным голосом, словно имел целью склонить кого-то к близости:

— Садитесь. Начинаем базовые занятия.

Рекруты уселись за металлические столы.

— Вы не на своем месте, рядовой Роджерс,— вежливо поправил голос.— Сдвиньтесь на два места влево,— растерянный белокурый парень вскочил и послушно передвинулся двумя сиденьями левее.

— Сейчас я зачитаю список имен,— продолжал громкоговоритель.— Все названные перейдут в комнату 46-А. Это двумя пролетами выше, направо по коридору. Итак: Малькон 831 BQ-N, Мотлон 601 R-F, Орли 015 CT-F...

Названные рекруты вставали и выходили. Когда вышла почти половина, диктор сказал:

— Те, кто остался, наденьте наушники и смотрите в свои видеомониторы.

Тель отгородился наушниками от звуков извне и прижался лицом к небольшому вогнутому приспособлению, в глубине которого светился экран. Края приспособления облегли верхнюю часть его лица плотно, как маска. Экран замерцал наплывами туманных цветов, в основном синего и зеленого, с отдельными размывами красного. Сменялись они медленно, очень медленно.

В наушниках послышалась музыка, затем грубоватый, но приятный мужской голос произнес:

— У нас есть враг за барьером. Мы всего несколько лет как приблизились к радиационному барьеру, но уже обнаружили угрозу таких бесчеловечных и злобных...

Голос зажужжал, а цвета объединились, сформировав знакомую бухту. Песок полукругом обнимал ее до самого горизонта, синие волны разбивались в белую пену, летевшую над бухтой. Девушка с великолепной фигурой, одетая в купальник, подошла к воде, коснулась ногой пены, повернулась, словно глядя на Теля, и со смехом побежала к нему. Ветер трепал ее каштановые волосы, ее губы приоткрылись. В уши Телю ворвался шум прибоя...

Др-р-р-р-р-р-р!

Тель откинулся от экрана, выпрямился на стуле и сорвал с головы наушники. Глаза его все еще моргали от ослепительного белого света, неожиданно залившего экран. Все вокруг было как в тумане, и где-то смеялась женщина. Этот смех перешел в голос:

— Все в порядке. Садитесь на свои места.

Многие солдаты вскочили со стульев.

Женский голос продолжал через громкоговоритель:

— Ваша реакция на эту последнюю проблему была не той, которая, как мы надеемся, появится у вас после вашего шестинедельного курса. Те, кто только что вошел...— Тель только сейчас заметил еще одну группу рекрутов, стоящую в дверях.— Как, по-вашему, похожи они на тех, кто готов к борьбе с врагом за барьером?

Тель чувствовал редкостное смущение и неудобство.

— Во время ваших занятий,— продолжил женский альт,— вы будете встречаться с проблемами такого рода. Мы ждем от вас спокойствия, бдительности и быстроты реакций. Никакого смущения и беспорядка. Иногда проблемы будут не столь очевидны, так что будьте внимательны. Запомните, мы хотим от вас спокойствия, бдительности и быстрой реакции. Те, кто только что прибыл, займите свои места. Всем надеть наушники и смотреть на свои экраны.

Тель обратил внимание, что та половина класса, которая была здесь с самого начала, много медленнее надевала наушники и наклонялась к экранам.

На экране началось объяснение устройства механизма под индексом 606-В. Детально показывалось, как собирать и разбирать эту вещь и следить, чтобы нумерованные ее части, механические и электронные, шли в нужном порядке. Однако почему-то Тель никак не мог понять, для чего служит этот самый 606-В. Может, он пропустил самое начало, пока надевал наушники? Но фильм продолжался сорок минут, и за это время он получил уверенность, что сможет собрать эти проклятые детали даже во сне.

Нежный звон возвестил о конце периода, и все подняли головы. Тель посмотрел в своем расписании, в какую комнату ему идти, и встал. По-видимому, все прибывшие позднее должны были оставаться в этом классе.

— Эй,— прошептал кто-то, и Тель повернулся в дверях. В углу среди оставшихся сидел Креветка. Тель кивнул ему, но Креветка выглядел растерянным.— Эй,— зашептал он снова,— какого черта они делали с вами, когда мы вошли? Вы все выглядели как...

— Прекратить разговоры! — на этот раз голос из громкоговорителя был однозначно мужским.— Ты там, сзади, уходи! Быстро, в следующий класс!

И Тель вышел.

Двумя пролетами выше Тель вошел в класс, почти такой же, как и тот, который он покинул. Те же неподписанные чертежи механизмов на стенах, те же болотные пейзажи на передней стене. Тель попытался найти взглядом 606-B, когда немолодой голос как-то по-отцовски объявил:

— Все садитесь. Сейчас я оглашу список имен. Те, кого я назову, пойдут в комнату 51-D. Риттер 67 N-T, Пторн 047 AA-F, Тьинан 811 NA-T...

Тель даже не обратил внимания, что Пторн был в одной с ним комнате.

После отбоя они некоторое время разговаривали в темноте.

Креветка: Эй, Лаг, чему ты научился сегодня?

Лаг, ворча на своей койке: Собирать, разбирать, держать центральный стержень вертикально... Ладно, давай спать.

Тель: Лаг, это был 606-B?

Лаг: Семь тридцать чего-то. Давайте спать. Я устал.

Креветка, обращаясь к Пторну: А ты, большой парень, чему научился сегодня?

Пторн: Не столь многому, чтобы стоило говорить. Завтра нам вставать в шесть. У нас есть враг за барьером, ты не забыл?

Креветка: Ага, понятно. Всем спокойной ночи.

Тель: Эй, Лаг, а для чего служит семь тридцать чего-то?

Лаг: зевок, затем храп. Тишина, нарушаемая лишь звуками дыхания засыпающих...

На следующий день взводу был показан документальный фильм. Все зашли в аудиторию и заняли свои места. Кто-то задрал ноги на спинки передних кресел, кто-то даже покуривал недавно появившиеся сигаретки из планктона. Тель никогда не мог понять, что в этом за удовольствие: в них содержался какой-то легкий транквилизатор, от которого у него лишь кружилась голова. Экран осветился, и начался фильм без названия.

В первом кадре Тель узнал туманный болотный пейзаж, один из тех, какими были увешаны все классы. Зеленая муть пузырилась вокруг стеблей качающихся растений, туман, как шарф, стелился над грязью. Камера сместилась на полосу более плотной земли, мимо проплыли камни, ямы в земле, фрагмент машины (может быть это был 606-B?). Камера шла слишком быстро, не позволяя разглядеть подробностей, и наконец остановилась перед развалинами армейских казарм. Одна из стен сгорела, кровля провалилась. Через обугленный пролом камера вплыла в хижину.

В кресле сидел человек без головы, сжимающий в руках свои внутренности. Несколько коек в углу было перевернуто. На смя-

той куче белья лежали еще два трупа. Камера вышла и поплыла к наружной стене. Там обнаружился еще один труп солдата, с ногами, выгнутыми под странным углом к ухмыляющемуся телу. Его глаза были как две темные дыры, насекомые ползли по его губам и подбородку.

Камера переехала к стене, составленной из мешков с гравием. Сквозь сгущающуюся мглу Тель мог разглядеть колючую проволоку, натянутую поверх стены. Туман затянул все, скрывая от глаз, и сцена оборвалась.

Сквозь пелену Тель увидел ряды хижин, точно таких же, как в предыдущей сцене. Несколько человек ходили вокруг. Камера подошла вплотную к молодому солдату, явно нуждающемуся в бритье. Он смеялся в объектив и тер подбородок грязными пальцами.

Тот же солдат в полный рост: он стоял возле сложной с виду машины (вот это точно был не 606-В) и недоуменно смотрел на нее, а затем начал регулировать.

Новые кадры: группа мужчин расстелила доски на грязной земле и расселась на них в кружок. Крупным планом центр: кто-то выкладывает из монет квадрат с одним пустым углом. (В классе раздался смех, кто-то громко сказал: «Два и шесть», после чего Тель тоже засмеялся.) По какому-то сигналу, которого зрители не слышали, группа оторвалась от игры. Кто-то собрал монеты в горсть, и все побежали через поляну. Вот они залезли в гусеничные танки. Вот четыре танка, идущие друг за другом. Вот танки исчезли в тумане... Зеленая пузырящаяся грязь вокруг болотных растений. Пустые хижины, пустая поляна.

Новые кадры: танк остановился в плотно заросшем участке болота, увязнув в грязи одним из углов. В двадцати футах от него лежал на боку другой танк. Камера приблизилась к первому танку. Наблюдательная башенка оказалась разбита, одна из пластин брони смята, как фольга. Внутри танка все было разломано...

Экран замерцал. Зажегся свет. Какой-то миг никто ничего не видел в черном провале. Потрогав подлокотники кресла, Тель понял, как вспотели его ладони. Сиденье под ним и штаны на бедрах тоже были мокры от пота.

— Вольно,— сказал громкоговоритель.— Отправляйтесь в предписанные вам мастерские.

Десять минут спустя Тель занялся разборкой машины, очень похожей на ту, которую налаживал в фильме молодой солдат. Тель снял промасленную пластинку, обтер о фартук и поднес к свету, падавшему с потолка. В правом углу было выбито 605-В. Тель посмотрел на машину, кашлянул и сказал:

— Э-э... я думаю, здесь ошибка,— он почувствовал неловкость, словно обволакивающую его тончайшими воздушными потоками. Когда остальные задавали вопросы, то получали ответы едва ли не вполовину быстрее.

Но вот в громкоговорителе щелкнуло, и мужской голос спросил:

— В чем дело, рядовой Тель 211?

— Я же вроде должен работать на 606?

Долгое молчание. Затем женское контральто:

— Коррекция будет сделана, когда и если понадобится.

Внезапно Тель смутился от дюжины мыслей, спутанных, как рыбачья леска. Смущение перешло в злость, а затем в страх. Что с ним хотят сделать? Для чего служит эта проклятая машина? И если он не знает этого, то как будет сражаться с врагом за...

Др-р-р-р-р-р-р-р!

Он закрыл глаза руками от слепящей голубой вспышки. Прежде чем жужжание прекратилось, в мозгу Теля возникли слова, настолько отчетливые, что он сначала принял их за речь из громкоговорителя: спокойствие, бдительность, быстрая реакция. Он застыл, отбросив вопросы, которые только что пытался поставить в своем сознании.

Он медленно расслабился. Он спокоен. Он бдителен. Два или три человека в мастерской уже прекратили работу, так что он поднял связующий брус от рамы на столе. На миг ему захотелось швырнуть его в угол, но он осторожно положил его между буферными пластинками и ввернул спиральный болт на место.

В этот вечер кое-кто из солдат вышел за дверь и сел играть в «случайку».

Креветка: Хорошо, большой парень. Испытаю с тобой свое везение. Иди сюда, сыграй со мной один кон.

Пторн (покачав головой): Я лучше посмотрю.

Креветка: Скажи, почему это все большие парни за последнюю пару дней стали такие тихие? Что это с вами стряслось?

Пторн: Я буду только смотреть.

Фургон: А давай я сыграю. Вот деньги для ставки.

Кудряш: Сыграй, сыграй с ним, Креветка. Эта обезьяна стала играть куда лучше. Вчера обчистил меня на целых пятнадцать денег — правда, потом я отыграл двадцать.

Тель: Эй, Пторн, а в самом деле, почему ваши так притихли?

Пторн (пожав плечами): Не знаю. (После паузы): Как ты думаешь, на что похож наш враг за барьером?

Лаг (почесывая голову): Ты знаешь, я никогда раньше не задумывался об этом.

Тель наблюдал за стражем и неандертальцем, смотревшими поверх ограды на город. Там, вдали, беспрерывно мигал бессмысленный свет.

На третьей неделе Теля поместили в темную комнату.

— Твое имя и номер.

— Тель 211 BQ-T.

Др-р-р-р-р-р-р!

Он качнулся назад и закрыл глаза. Но вспышки света не было, осознал он мгновение спустя. Спокойствие, бдительность, быстрая реакция.

— Кругом!

Он повернулся.

— Вперед!

Он пошел. Он шел долго и подумал, что, наверное, попал в туннель.

Др-р-р-р-р-р-р!

Спокойствие, бдительность, быстрая реакция. Он шел вперед, хотя спина и плечи были напряжены почти до боли. В этот раз была вспышка света, но неяркого, зеленого. Он мельком увидел туман, тонкие растения без листьев, где-то пузырилась грязь... Нет. Такое висело на стенах в комнате, где у них были занятия. Или он видел это где-то еще, рядом с обломками странной машины...

— Твое имя и номер.

— Э... Тель... 211 В... э-э... BQ-T.

— Опиши, что видишь.

— Где?

— Прямо перед собой. Описывай и продолжай идти.

Новая зеленая вспышка.

— Вроде... море, волны ударяются о песок, маленькая лодка...

Др-р-р-р-р-р-р!

— Опиши, что видишь,— снова вспыхнул свет.

— Нет. Я имел в виду 605-В или, может, 606-В, я не уверен... Я должен собрать ее. Я могу собрать и ту, и другую... все правильно... они почти одинаковые, отличаются только коробками управления. Я налажу их, чтобы...— неожиданно в мозг вошла теплая уютная мысль и с ней потрясающее облегчение, которое прокатилось по нему от плеч до пят.— Чтобы мы могли сражаться с врагом за барьером. Для того они и существуют. Так должно быть. Это 606-В, и я могу разобрать ее и собрать, разобрать и собрать...

Новая зеленая вспышка.

— Да, здесь грязь, растения без единого листочка, везде грязь, туман. И камешки. Нет, это не камешки. Это раковины, очень красивые, красные, коричневые и молочные, и их словно кто-то долго полировал...

Др-р-р-р-р-р-р!

— Долго...

Др-р-р-р-р-р-р!

— долго...

Др-р-р-р-р-р-р!

— камешки...

Боль в спине, бедрах, руках, Тель почти потерял сознание, остановился, пошатнулся, закрыл глаза руками, хотя вспышки света не было.

— Твое имя и номер.

— Э-э... Те... мое имя Тель 60... 5... 6... Тель...

— Твое имя и номер.

Что-то, державшее язык Теля, вдруг исчезло, и у него вырвался крик, исходивший, как ему показалось, откуда-то из желудка:

— 606-B! 606-B! 606-B! Я не знаю, не знаю! Мне не сказали, которая... Мне не сказали!

— Твое имя и номер.

— Э-э-э... Тель 211 BQ-T.

— Опиши, что видишь.

— Я вижу... грязь и растения, и хижины, где солдаты. Они сидят перед хижинами и играют в случайку. Я должен наладить машину, пока они раскладывают монеты, потому что... враг... да...— за туманом что-то двигалось по грязи, перемалывая растительность. Тель сначала подумал, что это вернулся один из танков, но это не был...

— Нет! Нет! — кричал Тель.— Она еще не налажена! Это 606-B, я еще не наладил ее, а она движется! О Господи, она...

Др-р-р-р-р-р-р-р!

Потом, когда его вывели из комнаты, громкоговоритель сказал ему мягким женским голосом:

— А ты молодец. В самом деле молодец. Ты будешь ценным вкладом в нашу борьбу с врагом за барьером.

Он уже не был уверен, что именно происходило в комнате, но раз он все сделал хорошо, он и чувствовал себя хорошо.

Этим вечером обезьяны играли между собой в слумат. Все остальные сидели на койках, смотрели на неловкую игру неандертальцев и почти не разговаривали.

Глава 5

Йон Кошар шел по одной из радиальных улиц Торона, мимо особняков торговцев, мимо домов-ульев на границе с Адским Котлом, мимо участка, на котором раскинулись палатки «Цирка Тритона», мимо пристаней, где челночные катера выгружали рабочих гидропонных садов. Ветер трепал его черные волосы. Черные глаза были спокойны, когда он рассекал поток людей, высыпавших с пристани. Еще ниже стояли частные яхты. Он шел к королевскому пирсу. Солнце играло на полированных причальных цепях. Двойная раковина, эмблема герцогини Петры,

купалась в воде. На причал упала длинная тень, когда у поручней появился Аркор.

— Привет,— сказал Йон.— Какие новости из университета? — Он перешагнул цепь и встал на конец сходней.

— Я говорил с Катамом,— ответил Аркор, спускаясь ему навстречу.— Он, похоже, здорово удивился, увидев меня. Расскажи мне о здешних новостях, а я расскажу о моих.

— Альтер, по всему видать, с моей сестрой — так сообщила герцогиня. А Тель в конце концов пошел в армию, сражаться с врагом за барьером.

— Катам сказал, что надо найти Лорда Пламени и изничтожить его как можно скорее. Теперь задавай вопросы.

— Зачем?

— Он говорит, что это историческая необходимость. Если бы Чарджил не был уже мертв, мы, вероятно, потратили бы еще больше времени на вычисление Лорда Пламени.

— Вроде бы звучит разумно.

Они вышли с пирса и пошли по набережной

— Аркор, что ты слышишь?

— Мозгами?

— Да.

— В тебе?

— Вокруг меня и во мне тоже.

Аркор улыбнулся.

— Ты, вероятно, думаешь, что это очень важно, поскольку сам ты не видишь, как я, и не слышишь как я. Это не совсем так,— он помолчал.— Я чувствую приблизительно на квартал во всех направлениях, во всяком случае, отчетливо. Вот работница, которая вспоминает, как ее брат умер, поев отравленной рыбы. В этом здании неандертальцу по имени Джоф снится кто-то, кого он недавно жестоко избил... а теперь он перевернулся на другой бок, ему приснилась еда, и он стиснул зубы во сне. На верхнем этаже в угловой комнате некто Вол Ноник сидит за столом и пытается написать стихотворение о девушке. Он смотрит на свой портрет, который девушка набросала красным мелком и повесила на стену, и пишет: «Ее глаза, как карие озера, всегда открыты океану света...» Где-то в парке я чувствую женщину с мозгом из гибкой стали, которая быстро просматривает счетные книги. Цирк Тритона...— он вдруг улыбнулся.— Это твоя сестра, Йон,— столь же неожиданно его улыбка погасла.— Что-то не так...

— В чем дело? Она в порядке? — спросил Йон.

— Да, но есть что-то... В ее сознании. Очень глубоко,— Аркор нахмурился и покачал головой.— Нет, не могу почувствовать, что это. Она как бы прячет это под чем-то другим. Я вижу контуры и как бы слышу запах этого, но оно слишком глубоко, чтобы можно было добраться до смысла.

— А что ты чувствуешь в моем мозгу?

— Крик, острый, как лезвие, торчащее из темной воды.

— Крик о чем?

— Об... осознании того, что ты зовешь свободой.

Йон улыбнулся.

— Я рад, что оно еще здесь. Знаешь, Аркор, мне поручено сделать все, что я могу, чтобы эта разнесчастная война наконец закончилась. Но я не вполне добровольно стал агентом Тройственного Существа. Передо мной был выбор: смерть от радиации или присоединение к нему. Так что я не буду свободным, пока Тройственное Существо не оставит нас.

— Другая вещь, которую я слышу в твоем мозгу и в твоем голосе — то, как сильно ты хочешь, чтобы я поверил тебе.

— Но это правда. Давай читай дальше в моем мозгу.

— Я уже прочел все, что надо. Я хочу, чтобы ты понял, Йон. Ты думаешь, что основное различие между мной и тобой в том, что я знаю твои мысли, а ты моих не знаешь. Дело не в этом. Это более глубокое различие — оно в восприятии мира всеми вами, людьми, и всеми нами, стражами. Разница между людьми и лесными стражами — это разница между слепыми и зрячими. Разница между стражами-телепатами и стражами-нетелепатами — это разница между нормально видящими и дальтониками.

— И это значит...

— И это значит, что то, что я слышу — не так уж важно. А то, как я интерпретирую это, ты не можешь понять.

Они уже шли между многоквартирных домов ближе к центру города. Небо на востоке потемнело. Один раз они остановились.

— Лорд Пламени,— произнес Йон.

— Даже ты чувствуешь его.

Йон кивнул.

— Ты можешь точно указать, где он и в ком обитает?

— Пока нет.

Они пошли дальше.

— Что ты слышишь сейчас?

— Я слышу администратора одного из предприятий твоего отца, размышляющего, не отразится ли убийство Чарджила на его жаловании. Он разговаривает с женой на эту тему. А в подвале того же дома пьяная старуха пытается что-то подслушать сквозь дверь. Она сидит в углу, и в ее памяти всплывает, как когда-то мать била ее, когда она была маленькой девочкой и жила на материке. Ни администратор, ни старуха не имеют представления друг о друге. Но даже если он спустится вниз и найдет ее, или она поднимет металлическую крышку в углу, поднимется наверх и распахнет перед чиновником и его женой свое сознание — а она когда-то убила двух человек — все равно ни один из них не сможет ничего сказать другому.

— Лорд Пламени,— снова сказал Йон.

— Мы приближаемся.

— Ты видишь, что он делает теперь?

— Пока нет,— сказал Аркор.— Около военного министерства стоит полицейский, ожидает свой взвод. С наступлением темноты они собираются в рейд по барам Адского Котла, где базируются банды недов,— тем временем они подошли к особняку, который был хорошо знаком Йону.— Там твой отец. Он подумывает вызвать своего секретаря и продиктовать письмо коменданту Тельфара с выражением своей полной веры в военные успехи, присовокупив к нему дар в полмиллиона. «Будет ли реклама равноценна дару?» — думает он.

— А думает ли он обо мне или моей сестре?

Аркор покачал головой. Они все ближе подходили к королевскому дворцу.

— Лорд Пламени,— теперь выговорил сам Аркор.

Уже совсем стемнело, когда они прошли между башнями дворца по пустынной Устричной авеню. Наконец они свернули под каменную арку, и Йон открыл дверь старомодным ключом, какими до сих пор пользовались во дворце. Они прошли по коридору, миновав нишу со статуей предыдущего короля Алсена, и свернули к широкой мраморной лестнице. Поднявшись на пятый этаж жилой башни, они вошли в апартаменты герцогини.

Петра стояла у окна, теребя дымчатый кристалл на серебряной цепочке, свисающий с ее шеи, и смотрела на вечерний город. Она повернулась, когда они вошли.

— Вы опоздали,— бросила она без малейшей улыбки.— Я чувствую Лорда Пламени, словно он здесь, в комнате.

— Он во дворце,— сказал Аркор.

— Близко? — спросила герцогиня.— Ты можешь сказать, что он сделал на этот раз? Я проанализировала правительственные рапорты за неделю и не нашла ничего, во что можно ткнуть пальцем.

— Пока что еще ничего не ясно. Может быть, он причастен к убийству Чарджила?

— Возможно,— сказала Петра.— На этот эпизод я тоже не смогла пролить никакого света.

— Ты говоришь, он во дворце,— сказал Йон.— В каком направлении?

Аркор замер на секунду и указал:

— Там.

Они вышли в коридор, прошли мимо пустых теперь покоев королевы-матери, мимо помещений для королевских гостей и поднялись по короткой лестнице в холл, уставленный с обеих сторон статуями.

— Мы идем к тронному залу,— сказала Петра.

— Правильно,— кивнул Аркор.

Холл выходил в один из альковов тронного зала. На пятнадцатифутовых окнах висели тяжелые драпировки. Освещение было притушено и едва отражалось в полированном полу.

— Подождите,— шепнул Аркор.

В слабом свете Йон и Петра видели складки на его лбу. Он указал по диагонали через зал на один из многих других альковов.

— Мы разделимся,— прошептала Петра.— Не забудьте, нам надо увидеть его всем вместе.

Она двинулась влево, а Йон — вправо. Держась в тени гобеленов, изображавших морской пейзаж, он прошел к пустому трону.

Затем послышался глухой голос:

— Что это? Кто тут?

Глаза Йона быстро устремились к алькову.

— Кто тут? Я вызову стражу...— белая фигура прошла через полосу света, неуверенно оглядываясь вокруг.— Кто здесь?

Король! Йон почувствовал боль узнавания и отступил от гобеленов. В то же время Аркор и герцогиня вышли из укрытия. Сначала король увидел только герцогиню и сказал:

— Петра! Вы меня напугали. Я на секунду подумал, что вы...

Затем...

Зелень надкрылий жука... красный цвет полированного карбункула... паутина серебряного огня. Молния ударила в глаза Йона, и он нырнул в синий дым. Его сознание метнулось через парсеки.

Он видел серое, громадные полосы серого, но с оттенками лавандового, красного, желтого, оранжевого. Он быстро сообразил, что он в пустыне, опалесцирующей под тусклым серым небом. Ветер пульсировал, и оттенки менялись: оранжевый отливал зеленью, красный светился желтым, голубоватый цвет слева углубился, но серый царил над всеми, бесконечный, зыбкий.

Усики Йона скользнули вверх по стволу. Корни вошли глубоко в песок, к потоку чистой фтористоводородной кислоты, питательной и холодной. Но здесь, на поверхности, разреженная атмосфера была холодной, сухой и серой.

Три сверхчувствительных щели в его оболочке зарегистрировали наличие поблизости двух других кактусов. Он снова зашелестел усиками, и те тоже прошелестели в ответ.

«Следи,— прошептал кактус-Аркор.— Он здесь...»

Другой кактус (Петра) качнулся, усики замели по песку.

За ближайшей дюной что-то подняло голову. Три глаза мигнули и ушли обратно.

Органы чувств Йона бессильно повисли.

Голова из черного оникса поднялась снова, опять мигнули три глаза. Ящерица зашипела, острые как иглы зубы окаймляли ее

губчатую пасть. Она снова зашипела, и яркий песок закружился перед ее ртом. Ящерица ползла по дюне на шести черных ногах, направляясь к Йону.

Йон внезапно вытянулся и схватил животное за шею. Задыхаясь, ящерица дернулась назад, но высокое растение, которое было Аркором, наклонилось, и три гибкие плети окружили тело рептилии. Герцогиня вцепилась в две бьющиеся ноги, и когда все трое подались назад, шипение ящерицы перешло в писк. Черная шкура треснула, сочась синим, быстро темнеющим в песке.

Писк ящерицы раздался еще раз и оборвался, когда усики сжали ее горло. *Вот...*

Было темно. Влажная почва скользила под грубой кожей Йона, когда его бескостное тело втискивалось в землю. С одной стороны ощущалась вибрация (да, это Петра). Он стал прокапываться под углом, пока не пробил разделяющий их слой земли, и они пошли вглубь вместе, соприкасаясь боками.

«Где Аркор?» — спросил Йон.

«Он ушел вперед, к храму».

«Он снова в милости у жрицы?»

«Похоже. Она послала ему вызов один горячий цикл назад».

«Его проступок был очень велик, и она вряд ли простила его. Я думаю, не начала ли она выяснять, какая роль в этой схеме у нас».

Дрожь прошла по телу громадного червя рядом с Йоном.

«Надеюсь, что нет,— нервно провибрировала Петра.— Но все равно мы будем там. Все мы должны читать молитвы конца цикла и надеяться, что она не произнесет открытого обвинения».

Какое-то время они пробивались к храму и к церемонии конца цикла молча.

Храм был участком почвы, влажной от ароматической жидкости, бьющей из всех углов подземного мира. Йон почувствовал экзотический запах еще до того, как изменилась текстура земли и он пробился в роскошный ил. Они свернулись у края, дожидаясь, пока соберутся остальные черви и начнутся молитвы.

Когда наконец участок заполнился, по храму пошли знакомые вибрации жрицы. Она общалась со своей паствой посредством хитроумной системы из двух металлических колец, окружавших участок, и когда она обвивалась вокруг колец и говорила, ее слова были слышны везде.

— Да здравствует великая Богиня Земли, в чьей пищевой колее мы находимся,— начала жрица славословие.— Пусть грязь всегда будет уступчива.

— Пусть никто под ее защитой не раздвоится, пока сам не решил,— ответила паства, и началась общая молитва.

Наконец ритуал был закончен, и жрица объявила:

— У нас хорошие известия для вас, друзья: член нашего стада, который ранее вызвал наше неудовольствие, теперь снова с нами.

Йон почувствовал в вибрациях новый, но знакомый рисунок: видимо, Аркор вошел в храм. Но в то же время он понял, что здесь присутствует кто-то еще, кто был много длиннее, но внезапно сжался. С содроганием во всех своих кольцах он осознал, что это Лорд Пламени. Герцогиня зашевелилась рядом.

«Лорд Пламени,— прошептала она, касаясь его бока.— Он — жрица!»

«Я знаю»,— шепнул он в ответ. Жрица между тем продолжала:

— Этот отступник, что снова с нами, устроил заговор, чтобы покончить с нашим обычаем каждый цикл приносить в жертву Богине Земли одиннадцать вновь отделившихся детей. Он утверждал, что опускать их глубоко в землю, пока их тела не ссохнутся от великого Центрального Жара, ниже достоинства червя. Но теперь он вернулся,— продолжала жрица особенно тепло,— и согласен принести самого себя в жертву началу нового горячего цикла, и с ним будет принесены в жертву два его сообщника по заговору...

Йон и Петра не стали дожидаться, пока указующие вибрации распространятся по кольцам. Оба сразу бросились вперед между другими прихожанами и заскользили по храмовой грязи. Когда они достигли жрицы, никто в храме еще ничего не понял. Йон столкнулся с телом, посылающим вибрации Аркора, но тело это было вялым. Видимо, его накачали наркотиками и притащили сюда против его воли. Но Лорд Пламени... Йон прыгнул на жрицу и обвился вокруг ее тела, обнаружив, что та уже сцепилась с Петрой. Нижним концом тела он подтащил к себе Аркора. Движение несколько оживило червя, но тут кто-то обвился вокруг говорящих колец и завопил:

— На помощь! На помощь! Жрицу убивают!

Другие мускулистые тела включились в драку, но не Лорд Пламени. *Вот...*

Поток синевы лился со скал. Гейзеры оранжевого вздымались от горячих камней, хлестали темное небо. Огонь был прекрасен. Единственный другой свет исходил от трех лун, от их быстро движущегося в ночи треугольника.

Йон парил над огнями, в экзальтации напрягая грудные мышцы. Воздух струился сквозь его оперение, покрытое тончайшей пленочкой воска. Его свистящие крылья вычерчивали полукружья в ночи — снова и снова. Тепло овевало его мягкие нижние перья. Открыв клюв, он издал поющий зов: «Аркор, Петра, где вы?»

Едва ли не раньше, чем он задал вопрос, голос Петры пропел: «Я лечу над зелеными огнями, где горит медь, а сейчас над желтыми натриевыми...»

Издалека пришел третий голос: «Углеводород течет в оранжевом приливе...»

Из сотен птиц, паривших вокруг, к Йону присоединились две, и они вместе пошли вверх сквозь густеющий дым, пока воздух не охладил их крылья, которые бились, как сердце, без остановки, без отдыха. Музыка менялась, мелодии сплетались и переходили одна в другую.

Карканье прорезало дымный воздух. Среди золотых крыльев захлопали темные. Поднимаясь, черная птица яростно вырывала пурпурным клювом пух у других птиц, спускаясь, била их по глазам кроваво-красным когтем. Когда она пролетела сквозь облако птиц, золотые перья посыпались вниз, больше не поддерживаемые ветром, чтобы сгореть в огне.

«Следуйте за ней!» — крикнула Петра.

«Следуем»,— ответили Йон и Аркор.

Йон развернулся и понесся к разбойнику. Его клюв погрузился в черные перья. Алые когти на миг поймали его самого. Но Аркор поднялся выше, а страшное хлопанье крыльев Петры било снизу. Затем клюв Аркора ударил в блестящий глаз, и громадные черные крылья затряслись и ослабели. Они так запутались, что не заметили, как снизились на сотню футов и восстановили высоту лишь яростной работой крыльев.

Один миг чужой еще держался среди пыльного жара, одно его крыло уже повисло, бесполезное. Затем на него бросились сразу Йон, Петра и Аркор, и тело чужого, крутясь, упало вниз. Они проводили взглядом тень, падающую в огонь.

«*Вот Лорд Пламени*»,— запели они.

Из дымящегося тела на скалах вырвалось последнее пламя, а затем Йон уловил нечто, воспарившее из пепла, и еще успел услышать мощный взрыв мелодии, когда это новое существо поднялось к стае. Потом синий дым застлал Йону глаза, но был унесен прочь вспышкой молнии. Он попал в паутину серебряного огня, он затерялся в красном цвете полированного карбункула, его глаза затуманились слабой зеленью мерцающих надкрылий жука.

Йон стоял в тронном зале и моргал. Рядом с ним в тусклом свете стояли Петра и Аркор. Направо, в футе от трона, на полированных ступенях распростерлась белая фигура короля, одна рука которого лежала на позолоченном штырьке, а другая еще слабо двигалась. Йон подбежал к королю.

— Он еще жив,— задыхаясь, выговорил он.

Послышались шаги. Йон поднял глаза и увидел окружившую его охрану со вскинутыми энергоножами. Кто-то включил освещение. Аркор и Петра стояли среди охранников.

— Итак, что случилось с Его Величеством?

Йон был взволнован, но Петра ответила быстро и спокойно:

— Мы не знаем. Когда мы шли к тронному залу, мы услышали его крик. Затем он вдруг бросился бежать по залу и упал.

— Он жив,— повторил Йон.— Надо срочно вызвать врача.

— Отойдите,— сказал охранник, и Йон послушно отошел.— Кто вы?

— Я кузина короля,— заявила герцогиня Петра,— а это мои гости.

Охранник нахмурился.

— Вам лучше вернуться в ваши покои, ваша светлость. И оставаться там, пока мы все не выясним.

С другого конца зала подошел еще один охранник.

— Да, сержант, к счастью, он успел включить камеры, прежде чем что-то случилось.

— Прекрасно,— сказал начальник стражи и оглядел по очереди Петру, Йона и Аркора.— Знайте, что этот зал набит камерами, которые можно включать из десятка мест,— он ждал их реакции, но ее не было.— Мы их вскроем и увидим, что произошло. Прошу вас, идите к себе.

Йон, Аркор и герцогиня вышли из зала. В своей квартире герцогиня упала в кресло в форме раковины и запустила пальцы в волосы.

— Полагаю, что и здесь есть камеры и микрофоны,— сказала она, оглядываясь по сторонам.

Аркор подошел к стене, украшенной подводным пейзажем в коричневых и оранжевых тонах, и положил ладонь на правый глаз стилизованного осьминога, сражающегося с китом.

— Сейчас нет,— сказал он,— или, во всяком случае, они ничего не слышат через это. Вообще-то они еще не успели поставить тут монитор.

— Эти камеры чуть не погубили нас, когда мы похищали принца Лета. Слава богу, на этот раз там не на что смотреть. Аркор, ты имел случай узнать, что сделал Лорд Пламени в этот свой визит?

— На этот раз было труднее,— вздохнул Аркор.— Мозг людей чуточку тяжелее обшаривать, чем мозг неандертальцев, где он прятался в прошлый раз.

— Но что-нибудь ты можешь сказать?

— Могу сказать, кто убил Чарджила.

— Кто же?

— Его Величество.

— И ты знаешь, зачем?

— В этом не уверен. В его мозгу было что-то еще...— он вдруг повернулся к Йону.— Помнишь, когда мы шли сюда, я ухватил мысли твоей сестры и сказал, что что-то в них не совсем так? Я сказал, что там какой-то калейдоскоп изображений, и я уловил

его контуры, но не смысл. В мозгу короля Юска был точно такой же рисунок, тот же образ.

Помолчав, Йон спросил:

— Что означает это подобие?

— Оно означает, что они оба знали нечто одно и то же, и даже чувствовали одинаковый выход. Но это было скрыто, как если бы они узнали и постарались забыть. В мозгу Юска это было много сильнее, но оно было у обоих. И это, возможно, имеет какое-то отношение к Лорду Пламени.

— Тогда что же произошло в обоих этих мозгах? — спросила Петра.

— Хороший вопрос,— сказал Аркор.— Мы пробовали его на Катаме, чтобы посмотреть, как он с ним разберется... среди множества других.

В дверь постучали. Появился начальник охраны.

— Ваша светлость, господа, фильмы просмотрены. Вы свободны перемещаться, как вам будет угодно, но позже вам, возможно, зададут несколько вопросов...

— Его Величество сказал что-нибудь еще? — спросила Петра.

Охранник взглянул исподлобья.

— Его Величество скончался,— он резко повернулся и вышел. Йон медленно закрыл за ним дверь.

— Догадываюсь,— выговорила Петра,— что изгнание Лорда Пламени оказалось таким ударом, какого король не смог вынести.

— Любой здоровый человек выстоял бы,— сказал Аркор,— но король всю жизнь был больным.

Петра переплела тонкие пальцы.

— Чарджил был убит по наущению короля. А теперь и король умер из-за...— она не закончила фразы.— Со всеми этими военными делами правительство скоро полностью расшатается. Все мелкие чиновники начнут качаться и изгибаться.

— Вы думаете, никто не попытается использовать королеву-мать как центр сплочения? — спросил Йон.

— Сомневаюсь. Она спокойно живет в своей обитой матрасами комнате в Главном медуправлении, под присмотром психиатров, и наверное, счастлива. Она окончательно сломалась за последний год. Я помню, какой властной личностью она была прежде — тогда она могла бы дать благо империи.

— Это означает,— сказал Аркор,— что принцу Лету пора вернуться.

Герцогиня кивнула.

— А кто наследник трона после Лета? — спросил Йон.

— Я,— коротко ответила Петра.— Сегодня же вечером вы и Аркор должны ехать на материк и как можно скорее привезти принца сюда.

— Если мы найдем его в лесах.

— Найдем,— коротко сказал Аркор.

Йон отдернул штору и посмотрел вдаль, над морем городских огней, туда, где настоящее море лежало, как плащ из черного атласа, у подсвеченного луной горизонта. Транспортерная лента тянулась из дворца, сверкая серебром в лунных лучах — антенна длиной в двести двадцать пять миль...

— Не знаю,— сказал он.— Но очень хотел бы знать, не вышел ли процесс из-под нашего контроля. Никто же не собирался убивать короля — не я, во всяком случае.

— Не намекаете ли вы, что это сделала я? — спокойно спросила Петра.— Спросите Аркора, было ли у меня такое намерение.

— И спрашивать не буду,— сказал Йон.— Когда я был в тюрьме, я хотел...— он умолк.

— Йон, кто был виновен в том, что вы попали в тюрьму?

— Три года назад я назвал бы короля Юска. Но когда это случилось, оба мы были еще школьниками. Да, нечто изломанное и садистское заставило его подначить меня пробраться в тронный зал и стащить королевский штандарт. Но нечто равно глупое и опрометчивое заставило меня согласиться, а потом настолько напугало, что я убил охранника, пытавшегося задержать меня. А сейчас, когда я узнал, что король умер, я думал ощутить радость от свершившейся мести, облегчение, свободу — но ничего этого нет. Я до сих пор не свободен, не только от Тройственного Существа, но и от чего-то в самом себе.

— У всех так,— сказала Петра и прибавила чуть мягче: — У вас Йон, может быть, сильнее.

Не поворачиваясь от окна, Йон спросил:

— Аркор, ты можешь почувствовать это. Скажи мне, что это такое?

Голос Аркора был полон серьезного чувства, какого Йон у него еще не слышал:

— Не могу, Йон. Это другая маска, которую я не могу пробить. В мозгу людей легко распознавать только знакомые образы, те, по которым и выделяешь людей из всех остальных...

Йон резко повернулся.

— Может быть, тебе кажется, что это вина? Но я очень тонко чувствую нечто, и это нечто — не вина, Аркор. Это что-то другое.

Глаза гиганта сощурились в минутной сосредоточенности, а затем он сказал с ноткой неуверенности:

— Нет... это не вина.

— Я не понимаю,— сказал Йон.— Может быть. Катам прав. Каждый раз, когда мы изгоняем Лорда Пламени, я думаю... не является ли все это нашей болезненной фантазией.

Герцогине потребовалось время, чтобы найти достойный ответ на слова Йона.

— Я знаю одно,— наконец сказала она.— Чем бы это ни являлось, мы можем только продолжать действовать так, как действовали. И мы должны как можно скорее вернуть в Торон принца Лета.

— Ладно,— сказал Йон.— Значит, едем в лес и привозим Лета обратно.

— Нам отправляться уже сегодня ночью? — спросил Аркор.

— Да,— подтвердила герцогиня.— А я тем временем постараюсь что-нибудь узнать в Совете и посмотреть, не смогу ли я справиться со смятением, которое последует за смертью Юска.

Йон и Аркор вышли, и в дверях Йон растерянно повторил:

— Болезненная фантазия.

— У тебя нет времени беспокоиться об этом,— ответил ему Аркор.— Подумай еще раз, или еще два, и убеди себя, что это не фантазия.

Глава 6

Выбросьте человека из одного мира в другой...

Подошвы сапог вязли в грязи: он был на вражеской территории, за барьером. Он обхватил себя руками и попытался как-то унять волнение, заставлявшее дрожать его ноги и плечи. Земля здесь была мягкая, болотистая и походила на пропитанный водой и покрытый лужами прибрежный песок после отлива. Туман был таким же плотным и влажным, как осенний туман на море, который окутывал на рассвете его рыбачью лодку. Воздух был холоден, как и положено в октябре. И небо за туманом слабо блестело, как полированные завитки... раковин?

Нет. Что-то не позволяло ему думать об этом. Нельзя. Тель пошел вперед. Он чувствовал себя неуверенно. Вот так же было, когда он таким же туманным утром на шесть часов остался один в лодке, упустив весла в море... На миг туман разошелся, и он увидел казармы, к которым и направился.

Он брел вперед, пока почва не стала тверже, и наконец остановился перед дверью хижины. «Эй?» — позвал он неуверенно. Света не было. Он вдыхал туман, плавающий в темноте. В нем был растворен легкий запах водорослей, и этот знакомый запах сделал окружающее чуть более реальным. Он продолжал пребывать на полумертвых кочках радиоактивной земли, на кое-как защищенных наростах на ее потрескавшейся корке...

— Привет! — окликнул он еще раз.

— Привет и тебе,— отозвался знакомый голос. Из тумана материализовалось лицо Пторна с черными насмешливыми глазами.— Значит, и ты здесь. Настоящая ловушка, а?

— Не то слово!

— Вот твоя койка.

Тель вошел внутрь хижины и увидел у стены ряд коек.

— А в какой стороне враг? — спросил он.— И где все остальные?

— Мы в хорошеньком месте — позади линии огня. А остальные скоро будут здесь.

— Тут, как в аду, ничего не видно,— сказал Тель, косясь на дверь.— Кто-нибудь из этих проклятых ублюдков, может быть, шляется здесь — подкрадется да сожжет тебя. Откуда ты знаешь?

Пторн только пожал плечами.

— Эй, парень! — в дверном проеме показалась тень.

— Привет,— бросил Тель, не сразу узнавший вновь прибывшего, несмотря даже на знакомый голос.

— Рад видеть тебя,— только тут Тель узнал говорящего.

— Ой, Креветка, это ты? Как тебе здесь нравится?

— Сырость. И пахнет, как в брюхе старого омара.

— Прямо как дома,— пошутил Тель.

Еще одна тень закрыла вход.

— Ух. Здесь ничего не видно.

— А здесь и нечего видеть, обезьяна,— Креветка повернулся к своей койке и лег.— Этим транзитным прыжком принесло чертову уйму народу,— он потянулся, устраиваясь поудобнее и бормоча себе под нос: «Как на голых камнях...» — Когда враг появится, разбудите меня, но не раньше, поняли? — с этими словами он закрыл глаза.

— Привет, Тель,— сказал Лаг, входя в хижину.— Я буду играть с тобой в «случайку».

— Я побью тебя,— предупредил Тель.

— А мне все равно,— сказал неандерталец.— Мне просто хочется играть.

— Ладно,— согласился Тель.— Пару конов.

Лаг присел у двери, где было светлее, высыпал на порог горсть медяков. Тель тоже сел на корточки и помог выложить монеты квадратом.

На его руки упала тень. Он и Лаг подняли глаза. Перед ними стоял лесной страж. В тумане лица его не было видно — только желтые глаза.

— Подвиньтесь, я хочу войти,— холодно сказал страж. Если бы голос имел цвет, подумал Тель, то этот блестел бы, как смазанная сталь.

— Разве ты не можешь перешагнуть? — вежливо спросил Лаг.— Мы только что разложили монеты...— и вдруг лицо его осветилось радостью.— Ой, Кворл! Ты тоже здесь? Ты первый, кого я встретил из дома. Рад тебя видеть...

Тель и Лаг едва успели убрать руки из-под пинка ноги в тяжелом сапоге. Монеты разлетелись.

— Что за...— начал Лаг. Кворл, не обращая внимания, прошел мимо.

— Что с тобой? — крикнул ему вслед Лаг.— Куда делись твои хорошие манеры? Будь ты моих размеров, я бы вздул тебя!

— Успокойся, Лаг,— сказал Тель. Что-то в голосе стража выдавало напряженность, и он не хотел, чтобы она прорвалась. Вспомнив, что Пторн говорил о восприятии, Тель подумал, чувствует ли Лаг это тоже, или нет.

— Я же знал этого парня в лесу,— сказал Лаг, собирая монеты.— Кворл был моим другом, а теперь ведет себя, как обезьяна, которая должна бы весить поменьше.

— Эй, ребята, вы новички здесь? — еще один неандерталец появился в дверях.

— Да,— сказал Пторн откуда-то сзади.

— Тогда выходите,— сказал неандерталец.— Я вам кое-что покажу.

Пторн, Лаг и Тель вышли.

— Меня зовут Иллу,— представился неандерталец.

— Что ты хочешь нам показать? — спросил Тель.

— Сейчас увидите,— сказал Иллу.— Мы показываем это каждому, кто появляется здесь. Это улучшает настроение. Некоторым, во всяком случае.

Они вышли на поляну между хижинами. В центре ее стоял шест. Подойдя ближе, Тель увидел, что к шесту прибит знак, указывающий в туман: «ТОРОМОН — ДОРОГА ДОМОЙ».

— Это поставил Разведчик,— сказал Иллу.

— Какой разведчик? — спросил Тель.

— Лесной страж из вашей хижины, по имени Кворл. Он пришел сюда как раз передо мной,— ответил Иллу и посмотрел на знак.— Разве тебе не становится лучше?

Тель был в замешательстве, но Лаг, положив на знак свои окорокообразные руки, удовлетворенно сказал:

— Угу. Теперь мы знаем, в какой стороне наш дом. Это означает, что мы знаем, где мы. И я чувствую себя лучше.

— Я же говорил,— усмехнулся Иллу.— Мы показываем это всем новичкам.

— Значит, это поставил Кворл? — спросил Лаг и на секунду задумался.— Да, это на него похоже. В лесу он много раз заставлял меня чувствовать себя лучше. Почему он так странно ведет себя?

Иллу пожал плечами.

— Здесь многие ведут себя странно. Через некоторое время вы привыкнете.

— А ты давно здесь? — спросил Лаг.

— А... очень давно. Ты знал Разведчика там, дома? Расскажи, что делается дома.

— Все рехнулись,— сказал Лаг.— Только и говорят о войне, больше ни о чем.

Иллу кивнул.

— Теперь ты сам на войне. Разведчик здесь здорово важный парень. Расскажи мне о Кворле, каким ты знал его в лесу.

— Ну, он явно отличался от теперешнего...— и оба неандертальца, мгновенно подружившись, отошли от Пторна и Теля.

— Интересно, как это он вычислил,— сказал Тель, разглядывая знак.

— Видимо, знает математику,— ответил Пторн.

Отколотая планка, указывающая направление, была серой, изглоданной туманом и ветрами, расслоившейся. Гвозди, которыми она была прибита, быстро заржавели от сырости, да так, что вокруг шляпок на дереве образовались коричневые кольца — совсем как на стенках потемневшего от непогоды сарая, куда отец прятал лодку... Тель хотел что-то сказать по этому поводу, но прежде чем родившиеся в его мозгу слова добрались до рта, Пторн кивнул и произнес:

— Да, именно так.

Когда они вернулись к казармам, большая часть коек уже была занята солдатами. В неосвещенной хижине туман, висящий даже внутри, делал людей тенями. Тель подошел к своей койке и сел. Фигура на соседней койке повернулась.

— Ты из новых парней, пришедших затыкать дыры?

— Какие дыры?

— Ну, замена.

Тель не мог различить лица, и ему чудилось, что он говорит с одним из тех безликих голосов, что звучали из громкоговорителя на занятиях.

— А что случилась с теми, кого мы заменили?

— Тебе обязательно это знать? — ответила тень.

— Нет, не обязательно,— Тель провел ладонью по шерстяному одеялу, выясняя, насколько оно грубое.— Ваши глаза, что, уже приспособились к здешнему туману?

— Нет. Но рано или поздно приспособятся.

— Как?

— Пройдет некоторое время, и ты просто будешь делать кое-что, как это делают слепые. Уши, пальцы...

— А что именно вы здесь делаете? — задал Тель давно мучивший его вопрос.

— Ну...— промычала тень.— Это зависит от того, чему тебя обучили.

— Я механик-ремонтник 606-В. И так же хорошо знаю 605-В.

— Тогда у тебя не будет проблем с поисками, чего бы сделать.

Тель усмехнулся и почувствовал теплую уверенность.

— Я пожалуй, посплю,— сказала тень.

— Слышь, еще один вопрос,— Тель понизил голос.— Что там с этим здоровенным стражем с желтыми глазищами?

— Ты имеешь в виду Кворла, Разведчика? — снова раздался голос тени.

— Ага. Того, кто поставил указатель.

— Что ты подразумеваешь под «что там с ним»?

— Ну, он ведет себя как-то странно.

— Так и есть,— ответил голос.— Он Разведчик. Ты тоже был бы странным, если бы делал то же, что и он,— фигура перевернулась на другой бок.— Поговорим об этом в другой раз, а сейчас я хочу спать.

— Ладно,— сказал Тель.— Приятного сна.

Он сидел на своей кровати и всматривался в темноту барака. Он пытался понять, каковы функции Кворла, а потом задумался, кого же он, Тель, заменил. Надо бы спросить, что случилось с тем человеком, но... Он порадовался, что здесь есть работа по ремонту 606-В. Очень обрадовался: он мог бы получить машину в разобранном виде, собрать ее, заменить изношенные детали, как следует смазать и проверить. Если бы он только знал, что это... если бы только знал... Нет. Он не должен думать об этом. Лучше думать о том, что дает хорошее самочувствие.

Через несколько часов, когда Тель бродил возле казарм, он остановился, тяжело дыша сквозь зубы и разглядывая свои башмаки, которые были покрыты грязью до самых лодыжек. В этот момент его окликнули:

— Кто это?

— Э-э... Тель 211 BQ-T.

— А, привет. Это я. Лаг.

— А, это ты, обезьяна. Я уж испугался, сержант или кто-то в этом роде.

— Нет, черт побери,— Лаг проявился в тумане.— Ты тоже напугал меня.

Он едва достигал плеча Теля, но улыбка его сверкала даже сквозь туман.

— Твой приятель Иллу сказал тебе что-нибудь насчет того, что нас ждет?

— Не знаю, понял ли я это,— Лаг почесал голову.

— Что именно он сказал?

Лаг сложил руки вместе, пытаясь сосредоточиться, его лицо сморщилось:

— Сначала он сказал, что мы перед главной линией вражеских сил. Мы часть полосы баз перед этой линией. И еще Иллу сказал, что есть опасение, как бы враг не окружил нас и не напал с тыла.

— Чего же ты не понял?

— Как они могут напасть с тыла, если они перед линией баз? И в тридцати милях от нее.

— Очень просто,— начал Тель, но сделал паузу, снова припомнив, что говорил ему Пторн о восприятии разных рас.— Смотри, Лаг, какова длина линии баз?

— Не знаю,— ответил Лаг, пожимая плечами.— С одного конца до другого — какая это длина?

— Такая, какая нужна: с одного конца до другого. А допустим, враг обойдет вокруг концов, тогда он окажется позади нас, верно?

Лаг подумал.

— Ага. Наверное, они так и сделают. Я не подумал об обходе. Это значит, что мы в опасности, а?

— Думаю, да,— сказал Тель, чувствуя тревогу и в то же время некоторое превосходство над Лагом в умении решать топологические задачи. Вероятно, Пторн чувствовал то же самое по отношению к нему, Телю, подумал он. Выяснив свои отношения, он успокоился, поскольку не нашел в них ничего обидного для обезьяны.— Для того мы и здесь. Лаг, чтобы быть в опасности.

— Угу. У нас есть враг за барьером. Только теперь мы и сами за барьером.

Они подошли к утесу.

— Привет, камень,— сказал Лаг, положив ладонь на разбитую поверхность.— Они напоминают мне...— он не закончил фразы, и Тель припомнил свои первые мысли обо всех красках там, за туманом, выброшенные из головы так быстро, как только возможно.

— Что ты думаешь, когда смотришь на это?

— Ничего,— ответил Лаг.

— Туман, дымка, водяные испарения... Лаг, а как было там, откуда ты пришел?

— Ты имеешь в виду... дом?

— Ага. Какой у тебя был дом?

— Дом... это... место, где я жил,— он повернулся к Телю и ухмыльнулся.— Это лучшее, что можно сказать о нем. Место, где я жил! — Тель рассмеялся, но снова припомнил рассуждения Пторна.

— И еще Мура...— голос Лага стал нежным,— и Порми, и Кваг. Те, с кем я жил. Порми — моя дочка.

— У тебя есть дочь? — удивился Тель.— Сколько ей лет? И сколько тебе?

— Ей четыре лета. А мне девятнадцать зим.

Тель вспомнил, что средняя продолжительность жизни новых неандертальцев — сорок пять лет. Казалось бы, при такой короткой жизни все должно быть по-другому. Оказывается — дочь, семья. Тель почувствовал уважение к этому конденсированному, чуждому ему образу жизни.

— Какой у тебя дом? — снова спросил он,

— Он был в лесу.

— А еще что?

— Он был в разрушенном каменном здании, в «руинах», как это называется, которые остались после Великого Пожара. Большие деревья разрушили большую часть здания, и там были лестницы, ведущие наверх, прямо на открытый воздух. Дети играли на ступенях, а когда приходил ветер, мы забирались в угол внутри здания и пели ветру. А когда лилась вода с неба, мы пели воде. Когда было очень жарко, мы плясали для солнца,— он отступил назад и начал делать осторожные шаги, чередующиеся с небольшими прыжками вверх и в стороны.— Вот так, только быстрее и все вместе, с криками, со стуком... Раз в месяц мы плясали для луны, только по-другому, потому что солнце и луна совсем разные и не похожие на дождь и ветер. Ты понимаешь?

— Понимаю,— кивнул Тель.

— Иногда мы чинили навес из шкур над дырой в стене. Но когда мы выходили выслеживать кабана или дикого кота, снаружи уже не был дом. Там...

— Остаток большого мира,— подсказал Тель.

— Да, И он очень, очень большой, этот остаток. Он сильно отличается от дома. Дом...— он сделал паузу и вернулся к первоначальному определению: — Дом — это место, где я живу.

Неожиданно Лаг лукаво усмехнулся:

— Наверное, вы, большие и мудрые люди, которые умеют обходить вокруг концов, думаете, что это глупо. Вы должны знать, что такое дом.

— А разве ты думаешь, что это глупо?

— Нет,— сказал Лаг,— но...

— Тогда и не печалься. Вовсе это не глупо.

Лаг, видимо, был удовлетворен. Он снова отступил от стены и исполнил свой маленький танец, но остановился и вскинул голову:

— Нет солнца. И луны нет. Для кого танцевать? Дом — это место, где я живу, а вокруг остаток большого мира. Но ЭТО что такое? — он бросил взгляд в толщу тумана.— ЭТО — вообще не место.

Тель посмотрел на башмаки Лага. Из-за полуотставленных больших пальцев на ногах неандертальцы испытывали дискомфорт, ходя в обуви, и то и дело норовили разуться.

— У тебя ноги еще не грязные? — спросил он.

— Очень грязные,— Лаг потыкал ботинком в мягкую землю.— Я их вымою. А какой дом у тебя? Это место, где ты живешь?

— Нет,— сказал Тель.— Во всяком случае, я не жил там три года. Я оставил его, когда в четырнадцать лет приехал в Торон.

— Кое-кто из моего народа поехал туда. Не знаю, нравится ли им там. Те, кто вернулся обратно, говорили, что в городе очень сложно.

— Это верно,— кивнул Тель.

— А ты что делал в городе?

— Да так, мотался туда-сюда,— уклончиво ответил Тель.— Работу найти не смог, потому что ее мало, имел массу проблем и наконец пошел в армию,— он еще раз оглянулся назад, на скалу.— Скажи, Иллу говорил тебе что-нибудь насчет твоего друга Кворла?

— Стража, который поставил указатель?

— Да. И расшвырял нашу игру.

— Ох, у него никаких хороших манер. Он больше не друг мне. Я знаю только, что здесь он очень важная особа. Правда, я не знаю, что он тут делает.

— Может быть, ходит и шпионит за врагом. Иначе почему его прозвали Разведчиком? Я думаю, что он-то знает, как выглядят враги.

— Знаешь, ты прав,— произнес Лаг, снова морща лоб.— Как мы будем сражаться с ними, если мы их не видели? Придет кто-нибудь из них и скажет «Привет», а мы и не узнаем, что это враг.

— Узнаем.

— Ну,— сказал Лаг, подумав,— вроде бы должны.

Глава 7

Звезды над яхтой были неподвижны. Вода билась о корпус, шепча о чем-то непонятном. На горизонте уменьшались и тонули башни Торона.

— Как ты думаешь, ты узнал бы принца, если бы он вдруг появился и сказал «привет»? — спросил Йон Аркора. Ветер прикладывал холодную ладонь к его щеке, холодные пальцы играли его волосами.

— Не знаю,— ответил Аркор.— Его мозг должен был измениться, а тело — вырасти.

Йон наклонился и прищурился, стараясь разглядеть что-нибудь между двумя полотнищами черноты — небом и морем, смыкающимися перед ними.

— Не поспать ли нам? — сказал он.— Мы будем там только на рассвете.

И они отошли от поручней.

Солнце пробивалось сквозь слои ночи, пока не окрасило воду кровью рассвета. Берег был уже виден. Лес подходил почти к самой бухте. Когда-то тут был иммиграционный порт для желающих перебраться с материка на остров. Теперь обугленный док мрачным венцом высился над пеной прибоя — там, где три года назад разбился военный самолет.

Йон поднялся на палубу и не увидел у пирса других судов. Небо прорезал тонкий вой. Внезапно высоко над Йоном сверкнули самолеты. Это были военные машины, перевозившие рекрутов из Торона в Тельфар.

Когда Аркор присоединился к Йону на палубе, судно уже готовилось причаливать, выбросив кранцы с одного из бортов. Мотор смолк, узкая полоска воды между бортом и причалом покрылась пеной.

На пристани их поджидали несколько рабочих разрушенного дока, помогая причалить. Один из моряков подошел со стороны Аркора, но гигант отстранил его.

— Я закреплю,— уронил он, смутив моряка, и ловко перебросил наружу швартовочный конец.

Йон перескочил на берег по одному из кранцев, который еще не совсем сгнил, и последовал за Аркором, который сразу же направился в сторону берега.

Через полчаса они уже стояли среди деревьев. Аркор прислушивался, положив ладонь на ствол толстого, как бочка, дуба.

— Сейчас ты дома,— сказал Йон.— На что похожи твои ощущения?

— Не на то, что ты думаешь,— гигант покачал головой и прикрыл глаза.— Я еще ничего не слышу. Пошли дальше.

Следующий час они шли по лесу с поистине удивительной скоростью. Деревья стали тоньше, и Йон увидел впереди блеск, вероятно, отражение солнца в море. Они дошли до утеса, спускавшегося уступами вниз. В пятидесяти футах внизу, но все еще в сотне футов от воды была обширная каменная плита. Она горела под солнцем. Маленький храм в ее конце отбрасывал острую тень на блестящий камень.

— Жрец здесь,— сказал Аркор.— Идем вниз.

Прежде чем они достигли плиты, из двери храма вышел человек. Морской бриз раздувал его черное одеяние. На плече его висел рог из раковины на кожаном ремешке. Лицо его было много старше, чем у любого другого стража, которого Йон когда-либо видел.

— Зачем ты вернулся? — спросил жрец.

— Взять молодого короля, чтобы он правил в Тороне. Его брат, король Юск, умер.

— Здесь, в лесу, нет королей,— ответил жрец.— Ты ушел от нас. Зачем ты вернулся?

Помолчав, Аркор сказал:

— Три года назад в лес пришел молодой светловолосый мальчик. Он был младшим братом короля. Король умер. Теперь мальчик должен править.

Йон обратил внимание, что жрец не был отмечен тройным шрамом телепата.

— Ты чего-то хочешь от него? Ты пришел, чтобы взять что-то из его мозга? Ты знаешь, что это не разрешено.

— Я ничего не возьму из его мозга. Его согласие должно быть дано, а не взято.

— Он не из лесного народа?

— Нет. Он пришел сюда и решил воспользоваться гостеприимством нашего народа. И он вправе уйти. Могу ли я получить разрешение искать его?

Жрец некоторое время молчал, глядя, как волны разбиваются о выступ скалы.

— Ты можешь искать его, где хочешь, своими способами,— наконец сказал он и вернулся в храм.

Йон и Аркор снова пошли в лес.

— Что все это значит? — спросил Йон.

— Много ли из этого ты понял? — спросил Аркор.— Я имею в виду не слова, а то, что было за ними.

— Ты просил у него разрешения искать принца Лета... и сказал, зачем ты пришел.

— Да, но я сделал много больше: я, как мог бы ты сказать, подтвердил статус-кво. Дело в том, что среди лесных стражей телепаты находятся в двусмысленном и неудобном положении. В сущности, из-за этого-то я и ушел. Остальные сразу видят, что телепаты выше, и боятся. Разумеется, природа нацелена на то, что со временем все стражи станут рождаться телепатами, однако нетелепаты знают, что это меньшинство растет и угрожает им. Поэтому телепатов нужно отмечать при выявлении, а также подтверждать номинальную власть жреца-нетелепата. Это сохраняет мир и позволяет природе идти дальше.

— Даже думать не хочется, что стало бы, если бы телепаты стали рождаться у нас, людей,— сказал Йон.— Тут бы мир не сохранился надолго.

— Вот поэтому мы и скрываем от вас наши способности, насколько это возможно,— кивнул Аркор.

— Иногда я сам желал бы слышать мысли других людей,— сказал Йон. Аркор рассмеялся:

— Это было бы равносильно тому, если бы дали цветное зрение человеку, не способному отличать одну форму от другой и не могущему даже оценивать расстояния. Сначала это было бы вроде забавной игры, а потом сделалось бы для тебя ненужной и досадной помехой.

Йон пожал плечами.

— Где мы будем искать Лета? Это твоя территория...

— Сначала найдем кого-нибудь и поспрашиваем о мальчике.

— Именно это жрец и имел в виду, когда сказал, что можешь искать, где и как хочешь?

— Да.

— Может быть, твой народ более цивилизован, чем мы.

На это Аркор засмеялся снова.

Десятки троп тянулись, как капилляры, по телу леса. Йон и Аркор прошли многие из них, прежде чем Йон начал замечать разнообразные кучки сбитых листьев на черной земле, сломанные веточки, легкие уплотнения почвы, указывающие, что тут кто-то проходил.

— Вон там,— сказал Аркор,— две женщины дремлют на подстилке из мха рядом с рухнувшим кленом. Одна из них видела странного светловолосого мальчика, слегка хромавшего, не из лесного народа. Похоже на Лета.

— Откуда у него хромота? — поинтересовался Йон.

Аркор пожал плечами. После долгого молчания он сказал:

— Мужчина, прошедший вон там, однажды охотился со светловолосым мальчиком. Шесть месяцев назад они вместе ставили ловушки,— Йон посмотрел в направлении, указанном Аркором, но не только ничего не увидел, но даже не услышал.

— За шесть месяцев он мог уйти куда угодно.

— Правильно.

Внезапно Аркор остановился, и Йон тоже застыл рядом. Через секунду листья перед ними раздвинулись, и вперед шагнул высокий страж с копной седых волос. Тройной шрам сбегал по его щеке на шею.

— Вы идете за молодым иноземцем,— сказал он.

— Ты знаешь, где он сейчас,— сказал Аркор.— Ты знаешь, что он идет мимо больших камней, сейчас остановился, оперся на палку и вглядывается в голубые осколки неба, которые видит сквозь листву.

— Ты не следишь за паутиной мысли, в центре которой он находится,— сказал седой страж. Ничего больше не сказав, Аркор пошел дальше, а седой прошел мимо них в своем направлении.

— Теперь ты знаешь, где Лет? — спросил Йон.

Аркор кивнул.

— Почему вы разговаривали вслух?

— Из вежливости.

— Вы говорите вслух, когда хотите быть вежливыми друг с другом?

Аркор глянул на Йона.

— Мы были вежливы с тобой.

Свет, пробивавшийся сквозь листву, приобрел желтоватый оттенок, как всегда бывает после полудня. Однажды они услышали где-то в отдалении крик зверя, потом перешли через расселину, которую бурные весенние потоки промыли в скале.

— Что-то не так,— вдруг сказал Аркор.

— С принцем?

— Нет, не с самим Летом, но с мысленным рисунком, за которым я следую.

— Каким рисунком?

— Что-то вроде радарной сети, которую все телепаты, или большая часть их, поддерживают для ориентировки и информации. Я просил разрешения именно для того, чтобы воспользоваться ею. Но в ней есть что-то неправильное, что-то в конце, в самом низу, темное, неясное.— Он застыл и взглянул на Йона, его брови взлетели вверх: — Йон, это смотрит на весь мир, как те контуры, что я видел у твоей сестры и короля.

— Но зачем этому быть в лесу? Ты можешь сказать, что это означает?

Аркор покачал головой.

— Принц за теми деревьями,— сказал он.— Пожалуй, лучше сначала тебе одному поговорить с ним. Он быстрее все вспомнит.

— А разве он не помнит?

— Все это было давно, а он еще почти мальчик.

Йон кивнул и шагнул вперед.

Фигура резко повернулась, светлые глаза на смуглом лице прищурились. Длинные волосы великолепного светлого оттенка сверкнули на солнце.

— Ваше Величество? — произнес Йон.— Вас зовут Лет? Вы наследник трона Торомона?

Мальчик стоял неподвижно. В одной смуглой руке он держал посох. Он носил одежду лесных жителей: кожаные штаны и шкуру на одном плече в качестве накидки. Ноги его были босы.

— Ваше Величество,— снова сказал Йон.

Глаза широко распахнулись, неестественно яркие на бронзовом лице.

— Извините... извините меня...— голос был хрупкий, но юношеский,— что я... говорю медленно... Я не говорил очень... очень давно.

Йон улыбнулся.

— Вы помните меня? Мы с другом привезли вас сюда три года назад. Теперь мы снова здесь, чтобы увезти вас обратно. Вы помните, что вас послала сюда герцогиня Петра?

— Петра? — Лет сделал паузу и огляделся вокруг, как бы ища подсказки у деревьев.— Моя... кузина, Петра? Она рассказывала мне историю о бежавшем заключенном. Только это была не история, а правда...

— Правильно,— кивнул Йон.— Я и есть тот заключенный.

— Зачем вы пришли? — спросил юноша.

— Ваш брат умер. Вы должны занять трон.

— Значит, вы знаете моего брата?

— Знал, но очень давно, до того как попал в тюрьму. Мне было тогда примерно столько же лет, сколько теперь вам.

— Ох,— сказал принц. Он сделал несколько шагов, и Йон заметил легкую хромоту.— Там идет война. Я слышал о ней несколько раз, когда приезжали брать людей из леса, чтобы они сражались за барьером. Я хочу узнать многое, и там будет много дел. Теперь я вспомнил.

Они подошли к тому месту, где их ждал Аркор. Йон удивился, как быстро юноша приспособился к новой ситуации. Тонкость восприятия, думал он, а может, просто жизнь среди этого народа оказала на принца такое воздействие.

Они почти достигли берега, когда Аркор неожиданно остановился.

— Судно!

— Что с ним? — спросил Йон. Они были еще в лесу.

— Неды,— ответил Аркор.— Они в доках и пытаются потопить корабль!

— Здесь, на побережье? — спросил Йон.— Что они тут делают? Я думал, что неды только в городе.

— Банды уже распространились по всему Торомону. С ними лесной страж, и... я видел этот рисунок!

С иронией Йон подумал, что вся история с похищением Лета, как три года назад, так и сейчас, полна разнообразных, с позволения сказать, случайностей. Чего стоил один этот незабвенный самолет...

— Зачем они хотят потопить яхту? Ты видишь в этом какой-то смысл?

Аркор покачал головой.

— Команда защищается. Один матрос пытался запустить мотор, но энергетическое лезвие хлестнуло его по спине, и он с криком упал на панель управления. Пламя отражается в глазах человека, который прыгнул назад с накренившейся палубы, когда волна хлынула через борт и зашипела в огне. Дым окутал рулевое колесо, где лежит матрос,— Аркор тяжело вздохнул.

— Но зачем? — опять спросил Йон.— Зачем? Чего они хотят? У них есть определенный план?

— Нет, я не могу прочитать никакого плана.

— Что же нам делать? — спросил Лет.

— Каким-то способом нам надо вернуться,— озабоченно сказал Йон.— Думаю, нам следовало бы пойти в другом направлении.

Напряжение ушло с лица гиганта, он кивнул и развернулся. Они снова двинулись в путь в направлении, перпендикулярном

изначальному. «Может быть, мы сумеем отплыть из рыбацкой деревни, или на грузовозе, который доставляет тетроновую руду в Торон...» — пронеслось в голове у Йона. Ответом на это был лишь птичий свист.

Один раз они пересекли поле близ заброшенной фермы и снова вошли в лес, по которому пробирались до ночи, пока луна не посеребрила листву. Вдали темнела опора, и транспортерная лента сверкала под луной, как росчерк серебряного пера по черной бумаге ночи. Они устроились спать на краю поляны, а с рассветом продолжили путь.

Аркор первым услышал звук. Затем и двое других остановились и прислушались. За деревьями в утреннем воздухе тонко звучала каллиопа...

Глава 8

— ...затем начали бросать в нас огонь слева. Мы бросились за те мешки с камнями, как каракатицы. Грязи намесили, как если бы проделали по ней весь путь назад в Торомон. У них есть что-то, горящее как солнце, и там, где оно бьет, его скрывает туман. Я раза два был в передовых отрядах, чтобы установить основу постоянного лагеря, но ничего не вышло. То, что они делают, просто ужасно: повсюду разбросаны куски ребят. Нам говорили, что пройти туда будет столь же легко, как разрезать плод кхарбы. Говорили, что здесь, скорее всего, не будут стрелять. Ну, а я вовсе не хотел кончать так, как эти отряды, которые пошли на бифштексы, и клянусь, готов был выйти из-за мешков и драться. И вдруг футах в двадцати ниже началась какая-то свалка. Помню, слышал, как рухнула стена из мешков. Все, подумал, они пробились в укрепления, и через шесть секунд я мертвый. Но я ошибся. Суматоха внизу усилилась, кто-то с нашей стороны выкарабкался из-под стены. Затем еще кто-то включил фонарик, и я увидел силуэт в тумане. Кворл вернулся! Я мигом очутился внизу. Все столпились вокруг него послушать, что он скажет. Он присел на корточки в грязь и велел парню с фонариком посветить. И начал рисовать на мягкой земле. «Это наша стена, здесь гнездо, и здесь, так что они могут бить нас вдоль стены. Но помните, это только два лагеря. Если вы пойдете по прямой, вы пройдете мимо обоих, и они не увидят вас. У нас где-то десять минут до их нового налета, так что уходите»,— он указал вдоль стены. «Идите в этом направлении, оно приведет вас прямо к нашей базе». Прежде чем мы успели задать ему какой-нибудь вопрос, он перебрался через стену и исчез в темноте. Последнее,

что помню — я тоже перелез и побежал следом за каким-то парнем.

— Это был я,— уточнил Иллу.— Ты бежал не «следом» за мной, а почти что прямо по мне.

Остальные засмеялись. Они сидели на куче досок, брошенных в грязь перед бараками. Тель сидел, скрестив ноги и привалившись спиной к стене. Сейчас он наклонился вперед, чтобы не пропустить ни слова из рассказа. Огонь костра слегка разгонял туман, а сквозь его толщу виднелись другие костры, отливающие оранжевым.

— Этот Разведчик,— закончил повествование рассказчик, сидевший на пустой клети от машины,— на редкость классный парень,— он посмотрел на Теля.— Так что ты не задирайся с ним. Ну да, он со странностями, но...

Солдаты зашумели. Кто-то еще задал какой-то вопрос, но Тель, словно отгороженный клеткой, слушал и не мог расслышать.

Затем перед костром прошла тень. Свет коснулся длинной шеи, открытого ворота, острых скул и желтых глаз. Кворл окинул всех скользящим взглядом и пошел к хижине. Креветка, стоявший в дверях, вежливо посторонился. Через минуту заскрипели пружины койки.

— Вот он,— благоговейно выдохнул рассказчик.

— Он и в самом деле видел врага вблизи? — спросил кто-то. Рассказчик проводил Кворла взглядом.

— Если кто и видел, то это он,— почтительно понизив голос, ответил он, уронил руки на колени и зевнул.— Пойду спать. Здесь вставать утром ничуть не легче, чем в Торомоне.

— К тому же скоро припрутся офицеры проверить, как мы тут,— ухмыльнулся Иллу.

Народ начал расходиться. Тель уже входил в хижину, как вдруг услышал звук, средний между чириканьем и мелодичным писком. Он доносился с другой стороны барака. Тель заглянул за угол хижины и затаил дыхание. Что-то двигалось в грязи. Тель быстро нырнул обратно и схватил за плечо первого попавшегося солдата.

— Там кто-то есть! — прошептал он.— Слышишь его?

— Может быть, это вражеский шпион,— слова утонули в смехе, плечо под рукой Теля затряслось.— Брось и забудь. Это просто хлопун. Они иногда бродят здесь,— только сейчас Тель узнал голос солдата, чья койка была рядом с его собственной.

— Что они такое?

— Откуда я знаю? Животные, наверное. А может, и растения. Во всяком случае, не враг. Они никому не мешают, разве что шумят немного.

— Ты уверен?

— Уверен.

Звуки послышались снова: отчетливое регулярное хлопанье, затем мелодичный писк.

Тель вошел в хижину, разделся и присел на краю кровати. Ветерок коснулся его щеки и принес с собой растительный аромат. Но как только он вбирал воздух глубже в легкие, то не чувствовал ничего, кроме тех запахов, которым и положено быть в помещении, где спят мужчины, целый день месившие грязь.

Тель расправил одеяло на матрасе и скользнул в получившийся темный кокон. Подсунув руку под голову, он закрыл глаза, Слух оставался единственным органом чувств, который удерживал Теля на грани сна. Равномерное хлюпанье снаружи было каким-то привычным, даже домашним. Оно напоминало хлопанье ткацкого станка матери, или ладоней отца, стряхивающего воду с кожаного плаща... или его бьющего ремня...

Хлоп-хлюп, хлоп-хлюп. Тель открыл глаза. Он лежал на спине. Туман уже сгустился между ним и дверью барака. Было очень раннее утро. Хлоп-хлюп! Звук шел прямо из-под двери.

Тель сунул ноги во влажные ботинки и встал, как был, в нижнем белье. Туман чуть посветлел, обозначились тени на кроватях. Он распахнул дверь и сощурил глаза, ослепленный утренней синевой. Хлоп-хлюп! Последний ночной костер погас, угли и полуобгоревшие доски лежали в нескольких футах от него. Вокруг них нервно ходило странное создание: не то птица, не то животное, а может быть, вообще перьевая метелка для сметания пыли, собравшаяся сама собой. Создание исследовало остатки костра, стоя на трех широких перепончатых лапах, а четвертой подталкивало уголек. Оно трижды обошло вокруг него, присело и... стало его клевать!

Сначала Тель пытался понять, голова перед ним или хвост, но все тело существа было бесформенным клубком перьев. Животное похлюпало вокруг другого уголька и издало свое писклявое кудахтанье. Тель остановился в дверях. Создание, видимо, заметило его, потому что встряхнулось, сделало шесть хлопающих шагов в его сторону, склонило тело (или только голову?) и два раза присело.

Тель засмеялся, и хлопун закудахтал.

— Эй, это что? — спросил кто-то у него за спиной. Тель оглянулся и увидел в дверях Лага, почесывающего свой волосатый живот, торчащий между нижней рубахой и подштанниками.

Тель пожал плечами.

— А оно симпатичное,— сказал Лаг и начал протирать глаза.— Проклятый туман,— выругался он, шагая в грязь в обход Теля. Хлопун попятился, а затем осторожно подобрался ближе к двери. Тель протянул руку и быстро щелкнул пальцами.

— Оно кусается? — спросил Лаг.

— Сейчас выясним.

От звука их голосов хлопун отскочил на десять дюймов, кое-как восстановил равновесие и снова присел.

— Подъема еще не было. Вы почему встали?

Тель и Лаг быстро повернулись на стальной голос позади. К двери шел Разведчик. Когда он шагнул вперед, синяя утренняя мгла словно расступилась вокруг его силуэта.

— Либо заткнитесь, либо выходите совсем,— сказал Кворл.— Люди и без того спят здесь с трудом. Если хотите трепаться, уходите отсюда,— тут он глянул вниз и увидел хлопуна.

Тель и Лаг вышли и неловко стали у стены. Кворл с улыбкой смотрел на них. Он указал на хлопуна, который теперь делал арабеск двумя ногами и как будто слушал:

— Это твой друг?

— Что? — не понял Тель.

— Хочешь иметь домашнего любимца?

Тель пожал плечами. Кворл наклонился, поднял уголек и протянул его хлопуну. Создание опустило ноги, подбежало к руке, вспрыгнуло на нее и присело, а затем быстро обвило перепончатыми лапками запястье Разведчика. Когда Кворл выпрямился, животное повисло на его руке, как сумочка из перьев.

— Вытяни руку,— сказал Кворл Телю.

Тель вытянул руку рядом с рукой Кворла. Лесной страж начал сжимать кулак. Хлопун вдруг занервничал и осторожно перебрался на руку Теля.

— Он любит уголь и любит тепло,— сказал Кворл.— Давай ему то и другое, и он останется с тобой,— он повернулся и зашагал в туман, застегивая рубашку.

— Не иначе как пошел вынюхивать какой-нибудь вражий лагерь,— сказал Лаг.— Что ты будешь делать с этим зверем?

Тель посмотрел на хлопуна, хлопун открыл глаза и тоже посмотрел на Теля. Юноша громко рассмеялся.

Глаз имел молочный оттенок полированной раковины, пронизанной золотыми жилками. Другой глаз отливал перламутром. Затем оба глаза закрылись, сквозь перья блеснул третий, тоже, как и первый, пронизанный жилками, только красными.

— Видал ты такое? — спросил Тель, но третий глаз уже закрылся.

— Что?

— Ну, этого уже нет.

Лаг зевнул.

— Пропусти меня в хижину и дай доспать последние пять минут,— сказал он.— Я встал только затем, чтобы посмотреть, что ты там выглядываешь,— он нахмурился совсем как Разведчик, вошел в хижину и направился к кровати.

Тель поднял хлопуна и стал его рассматривать. Среди перьев открылось семь глаз без зрачков. Их приглушенная серебряная

поверхность отливала пастельным глянцем. Теплое чувство, поборовшее холод тумана, пронзило Теля. Он был за барьером и смотрел в дружеские, знакомые, такие знакомые пастельные глаза.

В этот вечер он проверял 606-В. Асбестовое покрытие на одной из зажимных пластин облезло, так что он снял ее и отнес на склад, где получил новую. Это была первая замена с тех пор, как он получал запасные части на учебной базе в Тельфаре. Один раз хлопун опрокинул банку со смазкой прямо на руки Телю — черная маслянистая жидкость заляпала все вокруг, и даже после того, как Тель трижды вымыл руки, обводила его ногти черной каймой.

Один из танков прошел так близко, что Тель увидел Креветку в открытом люке.

— Как идет? — спросил Тель.

— Могу повернуть его почти на пол-оборота.

— Поздравляю.

Танк прогромыхал дальше, и туман сомкнулся за ним. Тель вдруг заметил, что хлопуна нет на его насесте — на верхушке сборочной стойки. Он быстро огляделся вокруг. Откуда-то сзади послышалось хлопанье. Тель вытер руки о штаны, повернулся и пошел в туман. Один раз он вступил ногой в какую-то дыру, споткнулся и чуть не упал. Обретя равновесие, он увидел, что стоит как раз перед полукругом хижин. Щебет доносился слева. Тель перелез через трехфутовую каменную стену, будучи не вполне уверен, что слышит своего собственного хлопуна, остановился и щелкнул пальцами. Щебет тут же возобновился, но слишком далеко, чтобы разглядеть. Тель побежал вперед.

— Эй, иди сюда,— позвал он.— Возвращайся и оставайся со мной!

Может, дать ему уголька? У него было с утра припрятано несколько в потайном кармане, он собирался дать их зверушке после обеда. Но было крайне неудобно одновременно бежать и шарить рукой в кармане.

Хлоп-хлюп, хлоп-хлюп. Тель пробежал еще двадцать шагов. Когда он остановился, хлопун остановился тоже и закудахтал.

— Ну и черт с тобой! — сказал Тель и пошел назад.

Он сделал несколько шагов, но вдруг замедлил ход и нахмурился. Развернувшись, он сделал пять шагов вправо и наткнулся на группу безлистных деревьев. Он еще сильнее нахмурился и пошел в другом направлении. Через пять минут он обратил внимание, что земля под ногами стала исключительно твердой. Он не помнил, чтобы хоть раз ходил по такой в этих местах. Справа от него засинел туман. Он попытался понять, с какой стороны ночь наступает на их укрепления. Было обычное серое предвече-

рье, когда он последний раз видел парней в казармах. Потом ночью они сидели у костра и слушали солдатские истории. Но как и когда вечер сдавал ночи свое дежурство?

Он пошел дальше. Что-то ударило его по щеке. Оказывается, он снова зашел в рощу колючих деревьев. Но прутик, хлестнувший его по лицу, не был острым и колючим, а гнулся, как резиновый. Внезапно в сознании скользнула мысль об утерянном смысле всего этого и искрой пробежала по позвоночнику. Рука его отдернулась назад, шея и часть спины как бы ощетинились. Он отступил от скелетоподобных деревьев на ватных ногах. Туман был плотным, как никогда...

Что-то защебетало слева. Тель резко повернул вправо и побежал, хлюпая по грязи. Сначала грунт был твердым, затем стал мягким. Туман вползал в легкие, заливал ноздри. Тель бежал.

Он вовремя успел вытянуть руки, чтобы не удариться лицом о внезапно выросшую перед ним скалу. Утес был громадным: он исчезал наверху и бесконечно тянулся вправо и влево. Тель прижался спиной к камню и попытался закрыть глаза, но они упорно не хотели закрываться и истерически вглядывались во мглу, стараясь остановиться хоть на чем-то определенном. В страхе он вцепился руками в камень за спиной, обдирая кончики пальцев. Он боялся, что уже не сможет увидеть даже его, даже если приблизит к нему глаза...

Что-то приближалось к нему. Он с трудом протолкнул воздух в легкие. Мама, подумал он, ожидая залпа белого огня. Мама, отец...

— Ты выбрал на редкость неподходящее время для прогулок,— сказал Кворл и хлопнул ладонью по груди Теля, который уже почти терял сознание.— Дыши!

Тель стал дышать. Ему хотелось кричать, но было жаль тратить драгоценный воздух. Он сам отклонился от утеса. Рубашка его насквозь промокла от пота.

— Не падай,— сказал Кворл.— Я не намерен нести тебя.

Тель не упал.

— Пошли. Не стоять же здесь всю ночь.

Ноги Теля не желали работать, и первые шаги были неуверенными.

— Где... где мы?

— Примерно в сорока ярдах от вражеского гнезда,— медленно сказал Кворл.

Это остановило Теля.

— Подожди минутку...— он задохнулся.— Я думал, они... в тридцати милях... Я же не мог зайти так далеко.

— Ты думаешь, они ждут, пока мы сами пойдем к ним? Давай двигай. Мы нигде не в безопасности.

— Подожди минутку,— снова взмолился Тель.— Ты хочешь сказать, что они на самом деле стоят... я имею в виду, что ты

видел их. Ты не мог бы взять меня поближе, чтобы я тоже взглянул на них?..

— В темноте в этом тумане тебе нужно подойти весьма близко, чтобы увидеть что-нибудь,— сказал Разведчик, и Телю почудилось в его стальном голосе такое же замешательство, как тогда, когда он в первый раз застал его с хлопуном.— Ты в самом деле хочешь вернуться и посмотреть?

Тель открыл рот, но вовремя понял, что во всем, что он может сейчас сказать, будет слишком много истерики, и лишь отрицательно покачал головой. Он в страхе ожидал, что ответит на это Кворл, но тот сказал лишь:

— Пошли,— и, помолчав минуту, добавил: — Я тоже никогда их не видел.

Наконец туман впереди был прорезан светом лагерного костра. Холодок пробежал по спине Теля, но он все же выговорил:

— Спасибо... Почему... что заставило тебя пойти за мной?

— Ты хороший механик, а 606-В очень важная машина.

— Угу,— сказал Тель.— Так я почему-то и подумал.

Когда они проходили мимо столба с указателем, послышалось кудахтанье и щебет, и что-то захлюпало у его левой ноги.

— Он всю ночь бродил здесь, разыскивая тебя,— сказал Кворл.— Ему было очень одиноко.

— Да? — Тель замер, наклонился и протянул руку. Мягкие лапы надежно обвились вокруг его запястья.— Сидела, значит, птичка на лугу... Ты хочешь сказать, что ждал меня здесь все это время? Ты хочешь сказать, что ты торчал тут и моргал всеми своими прекрасными глазами, в то время как я бегал кругами в этом склизком... Тебе должно быть стыдно! Почему тебе не стыдно?!

Как чистое облегчение, как толчок вверх, освобождающий от давления, поднялось чувство привязанности. Когда Тель выпрямился, то лицу его скатилась слеза.

Кворл исчез в тумане у бараков.

Ночная игра в случайку заканчивалась. Тель выловил из костра кусочек теплого угля, лакомство хлопуна, и посадил самого хлопуна греться у горячей золы.

— Дружище,— сказал Иллу, увидев Теля,— мы удивились, куда ты пропал. Что ты выглядывал?

— Просто исследовал,— ответил Тель.

— Хорошо, что тебя самого не исследовали во вражеском лагере. Ты знаешь, что они подошли ближе?

— Угу, слышал.

Когда Тель укладывался в постель, солдат рядом с ним приподнялся на локте и спросил шепотом:

— Ты в самом деле живой?

— Полагаю, что да,— рассмеялся Тель. Тень на соседней койке присвистнула:

— Поражен до глубины души и восхищаюсь тобой. Ты в курсе, что враг подошел ближе?

— В курсе.

— Возможно, скоро будет главный удар.

— Ты имеешь в виду сражение?

— Да уж не игру в случайку,— голова Теля снова упала на подушку, и его собеседник понял это.— Ладно, спокойной ночи, солдат. Очень рад, что ты вернулся.

— Спасибо,— ответил Тель, скатываясь в сон. Откуда-то из темноты до него доносились ласковый писк и тихое кудахтанье.

Глава 9

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Ветер с луга бил парусиновым чехлом, который Клея сняла с каллиопы, в спинку консоли клавиатуры. Ее блокнот был открыт на линейках нотного стана, и странный график множественных линий волной проходил по странице, местами прорезываясь двойными и тройными штрихами. Клея поставила четвертый, добавила пятый. Наброски чертежа уже усеяли всю землю вокруг, сброшенные ветром с крышки каллиопы. Из-под ее правого запястья выглядывал карандашный рисунок древесного листа...

— Что ты там царапаешь?

Клея повернулась, улыбаясь.

— Привет, господин Тритон.

Полный бородатый джентльмен окинул взглядом палатки, вагончики, карусели.

— Сегодня вечером не слишком много работы. Вот когда мы путешествовали по фермерским землям, у нас бывало полным-полно деревенщины. А когда наступало время Большого Шоу, успевай только отгонять зевак от палаток,— он присвистнул сквозь зубы.— Война — плохой бизнес, но все-таки у нас есть враг за барьером. Что это за каракули?

— Это новейший и совершенно бесполезный метод музыкальной записи. Он очень сложен для чтения, но охватывает гораздо больше нюансов музыки, чем обычная система.

— Понятно,— сказал господин Тритон. Одной рукой он погладил бороду, а другую положил на клавиатуру и начал арпеджио на высоких нотах.— Я начинал, играя на этой штуке, двадцать семь лет назад. А теперь,— он убрал руку с клавиш и сделал жест в сторону участка,— я хозяин всего этого,— рука его упала.— Да, дело дрянь. Конечно, плохие сезоны бывали и раньше, но такого скверного никогда не было. В конце этой недели мы

возвращаемся в Торон. По крайней мере, там можно быть уверенным в постоянной толпе. Война не располагает к цирку. Все люди любыми средствами перебираются в город.

Клея глянула поверх каллиопы на покрытый травой луг и вдруг вскочила.

— В чем дело? — спросил господин Тритон.— Кто эти люди?

Но Клея уже спрыгнула с платформы и побежала по лугу. Теплые стебли щекотали ее икры.

— Йон!

— Клея! — он схватил сестру и закружил ее. Аркор и Лет стояли поодаль.

— Йон, ты-то что здесь делаешь?

— Мы пришли к тебе с визитом. Что *ты* делаешь?

— Так много, что не знаю, с чего начать. Я открыла новый обертон в серии вибраций тетрона. А еще... ты знаешь, что плотность жилок листа постоянна, как бы далеко они ни отошли от стебля, и эта постоянная различна для каждого листа? Но все это — еще немного совершенно бесполезной информации. В работу над чем-то большим я по-настоящему еще не вошла. Да, и по утрам я составляю отчетность.

Пока они шли к вагончику с каллиопой, она спросила:

— Кто твои друзья?

— Аркор, это моя сестра, доктор Кошар. А это...

— Извини,— перебила Клея,— я работаю здесь под псевдонимом. Меня тут знают как Клею Рашок.

Йон засмеялся.

— Мы знаем этот секрет. Клея, а это его королевское высочество принц Лет. Мы везем его обратно в Торон для коронации.

Клея остановилась и в упор посмотрела на Лета.

— Если это возможно,— сказала она.— Его нет в живых. По крайней мере, такова была официальная информация Службы Новостей, когда он был похищен. Ты все еще работаешь с герцогиней Петрой?

— Совершенно верно.

— Ага. Ну, пойдемте, я представлю вас господину Тритону.

— Какого рода шоу вы делаете?

— Хорошего,— сказала Клея.— Но видимо, неприбыльного. Сейчас работы нет.

Когда они вошли в тень вагончика, Клея посмотрела на Йона и Аркора.

— Ваши глаза... Йон, я могу поговорить с тобой позднее и задать несколько вопросов? — она взглянула на платформу и возвысила голос: — Господин Тритон, это мой брат Йон и двое его друзей.

— Правда? — сказал господин Тритон.— Ты ничего не говорила.

— Мы возвращаемся в Торон по вашим следам,— вмешался Аркор.— В рыбацкой деревне мы увидели вашу афишу, вот и решили зайти. Отличная афиша. Сразу же приковывает внимание. Кто ее делал?

Господин Тритон, просияв, сложил руки на животе и сказал:

— Я сам ее делал. Вам понравилось? Этот цирк сверху донизу мой.

— Вы не покажете нам его? — спросил Аркор.

— Идет. Пошли,— польщенный импресарио сполз по ступенькам и повел гостей к палаткам.— Верю, что вам понравится!

Язык солнечного света падал между полотнищами шатра. Йон стоял в дверях, вдыхая теплый запах опилок. Клея прислонилась к туалетному столику.

— Неужели все это барахло твое, сестренка? — он указал на открытый гардероб.

— Я делю эту гардеробную с твоей приятельницей,— пояснила Клея.— А теперь — что происходит, брат мой?

— Сейчас покажу,— сказал он, взялся за кусочек кожи на шее, выкрутил его — и тот неожиданно отпал. Йон начал счищать кожу выше, пока половина шеи и щеки не исчезли.— Ты имеешь в виду акробатку? Она хорошая девочка, Клея,— он отодрал еще полосу с лица, и остались только рот и глаза, между которыми ничего не было.

— Я знаю, что она хорошая,— ответила Клея.— Я здесь только из-за нее. Однажды я спросила ее, что с вами произошло, но она ответила, что чем больше людей узнает, тем больше будет для них же опасности. Так что я оставила вопрос открытым. Но я всегда была любопытна.

Остатки лица Йона исчезли — он сдвинулся в полосу тени.

— Она была в одной из групп, которые сегодня называются недами. Я тоже был ее членом. К несчастью, мы меченые, вроде лесных стражей с их тремя шрамами. Наша метка такова, что при слабом освещении мы исчезаем, как призраки,— он сильно провел пальцами по волосам, и они тоже исчезли, словно сброшенный парик.— Как болезненная фантазия,— добавил голос из пустого воротника.

Затем его рука опустилась в карман, достала крошечную капсулу, подняла ее к тому месту, где полагалось быть голове, и нажала кнопку на конце. Брызнул веер жидкости, обрисовав форму черепа, затем лицо.

— Это решение всех проблем,— сказал Йон.— Теперь дело в том, чтобы как можно скорее вернуть короля на трон и покончить с войной.— Другой конец капсулы дал черную струю, появились волосы.— Ты поможешь нам, Клея?

— Я поражена, хотя Альтер уже мне это показывала. Ты мог бы сделать номер в шоу. Эта штука не закупоривает поры?

— Нет. Высыхая, она перфорируется и пропускает воздух и пот. Но нам нужно доставить Лета в Торон.

— Для какой фракции ты работаешь? — спросила Клея.— И не хочет ли герцогиня сама наложить руку на трон?

Йон покачал головой.

— Клея, это выше, чем всякие политические интриги. Это даже больше, чем наш враг за барьером, потому что мы можем приобрести союзника среди звезд.

...Ожерелья из света петляют по палатке с игровыми автоматами. Парочки прогуливаются, поедая жареную рыбу из картонных коробочек. Чудо-колесо окружает темнота, а дети пролезают под его ограждение. Осьминог растянулся на зеленой скале в стеклянном вагончике-аквариуме. Россыпь звуков каллиопы в неоновой ночи...

Альтер вышла из заднего входа большого шатра, на ходу связывая на затылке свои белые волосы. Ветер освежал ее затылок и подмышки. Голова ее слегка кружилась от аплодисментов после работы на трамплине.

Увидев гиганта со шрамами, она остановилась.

— Аркор! — она улыбнулась.— Как ты там? Как герцогиня и Йон? Не было ли известий от Теля?

— Нет,— ответил Аркор.— Но все живы и брыкаются. Йон здесь, со мной. И еще принц Лет.

— Вы везете его обратно, требовать трон? Хорошее дело,— улыбка сбежала с ее лица.— На что ты так пристально смотришь?

— Я прислушиваюсь,— они пошли вдоль палатки. Альтер подлезла под натянутой веревкой, Аркор же просто перешагнул ее.— Альтер, в мозгу Клеи есть что-то, чего я не вполне понимаю. Это вещь, которую она прячет от себя самой. Ты каким-то образом помогла этой вещи пробиться, но я не настолько хорошо вижу ее, чтобы понять.

— Это Тумар,— сказала Альтер.— Военный, с которым она была обручена в самом начале войны. Он погиб. Она говорила мне, когда начинала работать над своим новым проектом. Она сказала, что этот проект даже важнее, чем работа над передачей материи.

Аркор покачал головой.

— Это не то, Альтер. То лежит гораздо глубже. Это что-то такое, что она вычислила однажды, и это нечто столь ужасно, что

она пользуется смертью Тумара, чтобы не вспоминать о той вещи. И это тоже связано с Лордом Пламени.

— Клея? — удивленно спросила Альтер.

— Я уже сказал — я не знаю точно, что это такое. Но дело вот в чем: все лесные стражи-телепаты тоже знают об этом и пользуются своей объединенной мощью, чтобы держать эту вещь подальше от меня. Видимо, они знают о моем контакте с Тройственным Существом и не могут решить, что с этим делать. Информация есть в мозгах всех главных советников, но стражи защищают их мозги. Но Клея, похоже, вычислила эту вещь сама по себе, а затем отбросила как невероятную. Альтер, прислушивайся ко всему, что она говорит, и смотри, не возникнет ли что-нибудь странное.

— Я думала, что уже отошла от интриг,— сказала Альтер.— Но я буду прислушиваться,— ее пальцы коснулись кожаного ремешка, на который были нанизаны полированные раковины.

...Световые цепи качаются между палаткой и игровыми автоматами. Парочки прогуливаются и комкают в руках промасленные картонные коробки. Кружится карусель, свет пятнает чешую морских коньков и угрей, дети подползают под тент, чтобы покружиться еще раз и сбежать обратно на прогулочную дорожку. Дельфины тычутся носами в углы вагончика-аквариума. Калли-опа играет быстрее...

— Тебе нравится, сынок? — господин Тритон подошел к белокурому мальчику в одежде лесного стража, который не отрывал глаз от сверкающего номера на трапеции.

— Это замечательно,— ответил Лет.— Я никогда не видел ничего подобного.

— Никогда? — господин Тритон оглядел прямую фигуру мальчика. Судя по его росту, он явно не был стражем.— Ну, тогда для тебя это действительно зрелище.

— Наверное, это очень трудно делать,— сказал Лет.

— Конечно. Но знаешь, что труднее всего? Управлять этими людьми со всей их творческой индивидуальностью.

— Как делаете вы?

— Ну да. Я делал в этом бизнесе почти все, начиная от игры на этой окаянной каллиопе и кончая дрессировкой диких акул,— он сделал паузу и тоже залюбовался парящими в воздухе блистательными фигурами.— Никогда бы не подумал, что можно так долго находиться в воздухе! — аплодисменты снова взлетели под темный тент.— Но, как я уже сказал, самое трудное дело — заставить их всех работать вместе. Надо выслушать каждого и стараться, чтобы каждый был доволен.

— Как вы этого добиваетесь?

— Иногда разговариваешь по душам и пытаешься разобраться, а иногда топаешь ногой, когда начинаются свары. А когда сам бываешь не прав, как можно скорее признаешь это и меняешься в правильном направлении, если можешь.

— А потом?

— А потом надеешься, что все пойдет как надо, и шоу сохранится до следующего сезона.

Принц посмотрел на кружащихся артистов.

— Они прекрасны. Сила и изящество одновременно. Стоит стараться, чтобы поддерживать такое.

— Да,— сказал господин Тритон, складывая руки на животе.— Именно так. Ты стал бы хорошим хозяином цирка, мальчик.

...Несколько лучей пробились наружу сквозь стенку большого шатра для представлений. Вагончик, где торгуют жареной рыбой, и палатка с игровыми автоматами еще открыты. Парочки прогуливаются, прижимаясь друг к другу теснее — рука к руке или обнимая за плечи. Автомобильчики на деревянном автодроме сталкиваются друг с другом под смех пассажиров. Дети стоят на прогулочной дорожке, потирая глаза и зевая. Большой скат-манта взрывает песок в своем аквариуме. Игра каллиопы обрывается...

Клея решила еще раз обойти территорию цирка, прежде чем лечь спать. Она миновала потемневший шатер для представлений и шла к чудо-колесу, когда ощутила чей-то взгляд. Она повернула голову и увидела гиганта со шрамами, который пришел с ее братом. Он смотрел на нее издали.

Он смотрит так, словно пытается читать у меня в голове, подумала она, но отбросила эту мысль. Под всем тем, о чем она думала недавно, был ее новый проект. Это была поразительно прекрасная, тонкая и полностью единая теория поля. Она была куда точнее любой другой теории... вернее, будет после своего завершения. Она вставала башнями логики, измеряя глубину океанов вибрирующих обертонов силлогистическими ритмами, и намного превосходила ее предыдущую работу по случайным пространственным координатам... «господа, более чем возможно, что с преобразованием уже существующей транспортерной линии мы сможем посылать от двухсот до трехсот фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона...»

Нет, не думать об этом. Выкинуть эту мысль. Ты же так долго не думала об этом, так долго...

И она вспомнила его спокойную улыбку, бычье тело, рыжие волосы, неожиданную усмешку и медвежий рев-смех. И остановилась, удивленная, потому что сейчас воспоминание было гораздо отчетливее, чем она позволяла себе раньше. Она прошептала его имя — «Тумар», ожидая боли, но боли не было. За последние несколько месяцев рана зажила, но он не ушел, а стал ближе. Хотя бы потому, что она жила в мире жизни, где он жил раньше, а не отступила в мир смерти, как предполагала. Когда она остановилась, пораженная этим открытием, что-то стало выбиваться из глубин ее мозга, всплывать в сознании, как прояснившийся образ превращает калейдоскоп обрывков в стройную узнаваемую схему...

Нет! Она одернула себя, борясь с этим, стараясь не допускать это в свой мозг. Нет! Нет! О, помогите мне! Нет!

И... и... оно снова ушло в забвение.

Чудо-колесо черным силуэтом высилось на фоне расцвеченного огнями цирка. Снова заиграла каллиопа. Она прищурилась, посмотрела на Аркора, слегка кивнула головой и отвернулась.

...Погасшие лампочки черными грушами свисают с проводов вдоль палатки с игровыми автоматами. Мусорный контейнер переполнен смятыми коробками из-под жареной рыбы. Лунный свет лежит на чудо-колесе, на платформе с каруселью и на траве вокруг. Осьминог, угри и манта легли на дно аквариумов, и каллиопа умолкла.

Они встретились у черного чудо-колеса, и поздняя луна превращала ее волосы в серебро. Их глаза были окнами во тьму. Йон улыбнулся.

— Как ты живешь теперь, в нормальной жизни?

— Ты имеешь наглость называть цирковую жизнь нормальной? — она тоже улыбнулась.— Как дела с войной? Вы остановили ее?

— Мы сделали еще одну попытку. Мы изгнали Лорда Пламени из короля Юска.

— Что он сделал в этот раз?

— Мы еще не знаем. А вот Клея знает. Во всяком случае, так думает Аркор. Но это слишком глубоко спрятано в ее сознании.

— Должно быть, это он и имел в виду, когда разговаривал со мной,— сказала Альтер.— Но откуда Клея может знать?

Он пожал плечами.

— Не считаю, что слово «знать» уместно здесь. Просто похоже, что в ней есть какая-то темная информация, совпадающая с той, что была в мозгу короля Юска, когда Лорд Пламени вышел из него.

— Понятно,— кивнула она.— Знаешь, странная вещь... я имею в виду себя и Теля. Мы были единственными в Торомоне, кто знал кое-что о том, что вы делаете на самом деле — и оба мы отошли от всего этого. Он в армии, а я в цирке. Он на войне, которую вы пытаетесь остановить, а я... я здесь,— она уронила голову, но потом снова вскинула.— Надеюсь, что он скоро вернется. Я так хотела бы увидеться с ним снова. Йон, а как твой поиск свободы?

— Я не получу ее, пока не кончится война, и я не освобожусь от Тройственного Существа. По крайней мере, так я говорю себе. В тюрьме я научился ждать, это я и делаю теперь. А возможность ходить, где хочешь, делает ожидание намного легче. И я все еще учусь вещам, которые, я думаю, мне пригодятся, когда все это кончится. Но иногда я завидую вам, юным. Надеюсь, что вам обоим повезет.

— Спасибо, Йон.

Небо посветлело, предвещая скорый рассвет. Юное солнце засияло на палатках и шатрах, которые вскоре опали и начали сворачиваться. Несколько ребятишек наблюдали за тем, как разбирают чудо-колесо, карусель и автодром. В 6.30 утра цирковые повозки покатились к берегу и докам, где ало-золотой цирковой корабль ждал их, чтобы отвезти обратно в Торон.

Глава 10

В это утро подъем прозвучал рано. Тель проверил 606-В перед тем, как машину закатили в танк. Погода была теплой, несмотря на особенно густой туман.

— Король умер!

— А?

— В Тороне во дворце умер король Юск. Сегодня утром пришел рапорт.

— Ты думаешь, это убийство?

— Не знаю. Я же не видел рапорта.

Слух волной покатился по лагерю. Хотя никто ничего толком не знал, все решили, что смерть короля как-то связана с их внезапным движением. Это было удобным объяснением, поскольку устанавливало хоть какую-то причину.

Тель вернулся со склада с мотком провода для 605-В (никто не приказывал ему, но он по собственной инициативе проверил 605-В и обнаружил, что провод там почти сгорел) и увидел Иллу, тащившего что-то на плече.

— Что это? — спросил он неандертальца.

— Это указатель. Я спросил Кворла, взять ли указатель с собой, а он ответил: «Зачем?» — и пошел прочь. А я все-таки принес.

— Хорошо сделал,— сказал Тель.

Вернувшись к 605-В, он поспорил с двумя парнями, которые хотели взять машину, не дожидаясь, пока он сменит провод. Но затем один из них увидел хлопуна.

— А, значит, ты тот самый парень, который, как говорят, приручил это существо?

Пока они разглядывали пернатое создание, Тель поставил провод на место, и парни покатили 605-В. Возвращаясь в барак, Тель прошел мимо Кворла и Пторна, сидевших в углу.

— Может, это сражение будет последним,— сказал Пторн.— Ты упоминал, что был разговор о перемирии?

— О победе или перемирии,— сказал Разведчик,— коль скоро король умер.

Тель подошел к кровати, чтобы собрать рюкзак, и тут кто-то рядом сказал:

— Так и должно быть.

— Как ты там? — спросил Тель. Туман все так же надежно скрывал солдата с соседней кровати.— Боюсь, что даже не узнаю тебя, когда мы обоснуемся в новом лагере. Но надеюсь, что мы с тобой еще поболтаем.

— Ты что-нибудь слышал о перемирии? — спросил сосед.

— Только слухи. Ты думаешь, это конец войны?

Собеседник только хмыкнул. Тель собрал рюкзак и снова шагнул в грязь. Он слышал грохот танков, выстроившихся на другом конце лагеря. В его приказе говорилось, что он должен идти к танку номер три. Он размышлял, будут ли у него проблемы с тем, чтобы взять с собой хлопуна, когда его окликнул знакомый голос. Перед ним вырос Креветка, и с ним еще кто-то.

— Это ты, Тель? Привет! Кудряш тоже здесь.

— А, привет,— сказал Тель, пожимая им руки.

— Как вы тут? — спросил Кудряш.— Я прямо из лагеря D-2. Удается вам что-нибудь выиграть в случайку?

— Ни хрена,— ответил Креветка.— У нас все честные,— он перенес вес с одной ноги на другую.— Слушай, Тель, мы тут малость поспорили насчет тебя. Разреши наш спор, если ты не против.

— Конечно,— сказал Тель.— В чем дело?

— Какого цвета у тебя глаза?

Тель свел брови и неловко пошевелился.

— Зеленые. А что? — и тут же пожалел, что спросил.

— Можно посмотреть?

— Я... думаю, да.

Креветка подошел поближе, а Кудряш смотрел через его плечо.

— Вот видишь, я же говорил! — воскликнул Креветка.— Зеленые, как и у меня. Это потому, что мы оба с побережья. Там почти у всех зеленые глаза.

— Я не это имел в виду,— сказал Кудряш.— Я говорил о том, что случается в темноте, а не на свету. Давай-ка иди в тень.

— Слушайте,— сказал Тель,— мне нужно идти. Мой танк, наверное, уже готов к отправке.

— Ты на какой танк?

— На третий.

— Прекрасно. Я как раз его водитель. Пошли.

Тель бросил свой разум в пяти различных направлениях, но нигде не было выхода, так что пришлось идти к длинному ряду танков.

— Вот мой малыш,— сказал Креветка, похлопав черный металлический корпус.

— Давайте внутрь,— сказал Кудряш, открывая дверцу. Гидравлический трап спустился в грязь.— Там я покажу, что я имел в виду.

Тель вошел в танк за Креветкой и перед Кудряшом.

— Нет, не включайте. В этом-то вся и штука.

В темном танке свет падал только через водительский люк в дальнем конце. Тель встал у стены, а Креветка и Кудряш вглядывались в его глаза. Сердце Теля было словно зажато в чьих-то жестких пальцах.

— Все в порядке,— сказал Креветка.— Какой, по-твоему, у них цвет?

— Ничего не понимаю,— нахмурился Кудряш.— Там, на учебной базе, как только стемнеет, его глаза выглядели так, словно их вовсе нет.

— Но... у меня зеленые глаза,— сказал Тель. Что-то в нем повернулось, подобно дымчатому кристаллу, набитому воспоминаниями, которых он не мог увидеть.— Глаза у меня зеленые.

— Конечно, зеленые,— подтвердил Креветка.— Какими же им еще быть у рыбака и сына рыбака?

— Ну согласен, согласен,— сказал Кудряш и еще раз взглянул.— Верно, зеленые. Не иначе у меня крыша поехала.

Да, подумал Тель, глаза у меня зеленые, такими были и будут. И он удивился, почему так нервничал, когда ребята захотели посмотреть. С чего бы его глазам менять цвет, удивился он. С чего?

— Король и в самом деле помер?

— Ага. Я слышал официальный рапорт. Как ты думаешь, это значит, что скоро конец войне?

— Кто его знает. Говорят, готовится большое сражение. Может быть, оно и решит дело.

— Надеюсь. Эх, я бы отдал передние зубы, чтобы вернуться в Торон только для того, чтоб взглянуть, что там делается.

— И я тоже.

Танк рассекал грязь, туман струился в овальных люках. Тель пристроился на краешке сиденья. Впереди на водительском месте Креветка проделывал непонятные движения руками и ногами, а его голова и плечи тонули в тумане. Они двигались так уже с час, когда слева донесся звук, словно размалывались камни. Люди переглянулись.

— Что это? — спросил кто-то у водителя. Креветка пожал плечами.

Тетроновый мотор урчал под ногами. Тель откинул голову к стене. Вибрация почти усыпила его, когда треск раздался снова. Тель открыл глаза и увидел через правое окошко вспышку света.

— Что там за хрень? — взвыл кто-то.— На нас что, напали?

— Заткнись,— бросил Креветка с водительского места.— Совсем заткнись!

Затем через инструктажный микрофон в углу прозвучали слова:

— Спокойствие, бдительность, как вас учили. Водители следуют по графику. Остановка — по приказу.

Тель ждал, пытаясь унять биение крови. Танк катился вперед.

Еще через полчаса кто-то сказал:

— Хорошенькое дело — воевать запертыми в проклятой железной коробке!

— Заткнись! — на этот раз сказал офицер.

Хлопун спокойно сидел под скамейкой. Тель нагнулся и дал ему кусочек угля. Когда он опустил руку вниз, перья мягко погладили его по запястью.

Когда Тель снова посмотрел в овальное окошко, было уже темно. А они все ехали и ехали.

— Всем водителям остановиться,— сказал микрофон. Танк накренился. Тель пошарил под скамейкой и взял комок перьев к себе на колени. Все глаза хлопуна были плотно закрыты. Люди зашаркали по полу тяжелыми ботинками, сиденья заскрипели.

— Расслабьтесь,— мрачно бросил офицер.— Вы свой шанс не упустите.

— Конвой, на выход,— сказал микрофон.

Люди встали, потягиваясь. Дверь открылась, трап спустился, и Тель в свою очередь вылез. За исключением тумана, который был темнее и едва ли не тверже, это было точно такое же место, как то, откуда они выехали. Тель обратил внимание, что и почва здесь потверже. Неожиданно сквозь вечерний туман прилетел звук раз-

рыва. Все глаза повернулись влево: футах в пятидесяти поднялось белое пламя, на миг высветив силуэты уродливых деревьев.

Воздух внезапно прорезали приказы со всех сторон: «Танк номер четыре — налево». «Конвой отправляется с рапортом к майору Стентону». «Конвой танка номер три — за мной!»

Тель почти бежал. К нему присоединились двое из другого взвода. Неожиданно их остановили и разделили: Теля погнали влево, а тех двоих — вправо.

Они миновали группу танков, когда раздался второй взрыв, на этот раз далеко. Тель споткнулся. Темно-синий вечер вспыхнул, а затем потемнел.

— Выгружайте мешки с камнями! — закричал кто-то. Тель вовремя повернулся: тяжелый джутовый мешок ткнулся ему в плечо и чуть не сбил с ног. Тель подхватил его, обдирая ладони, передал человеку впереди и повернулся за следующим. Они составили цепь из мешков по периметру участка. Затем три человека размотали поверх цепи колючую проволоку. Хлопун отскочил прочь, когда колючие витки чуть не задели его.

— Эй, вы! Помогите в том конце взводу D-T!

Приказ вроде бы не относился непосредственно к Телю, но он бросился бежать вместе с еще несколькими. В это время снова раздался грохот с последующей вспышкой. Тель закрыл глаза и наткнулся на кого-то. Этот кто-то поддержал его и крикнул:

— Держись, Зеленоглазый!

Это оказался Кудряш.

Им было приказано класть новую секцию стены. В плечах Теля, во всем теле выработался рабочий ритм: держись сам, хватай, качай, бросай...

— Ложись! — крикнул кто-то.

Сквозь закрытые веки полыхнуло оранжевым. Тель почувствовал жар справа и упал на колени в грязь. Когда жар ушел. Кудряш схватил Теля за руку, и они побежали вдоль стены.

Неожиданно Кудряш втянул Теля в углубление в передней части стены. Хлопун вкатился туда вслед за ними и защебетал. Туман уже стал темно-синим, но сквозь него Тель отчетливо различал лицо Кудряша. Позади послышался жалобный вой танка, меняющего позицию, кашель и шипение тетронового мотора, а затем тишина.

— Они снабжены 606-B? — спросил Кудряш.— Я вроде бы слышал его жужжание. Это ведь твоя машина?

— Ага,— сказал Тель.— Но я не уверен, что сейчас смогу отличить танк от электробритвы.

Новый удар заставил их присесть. Затем Кудряш поднял голову и огляделся.

— Вроде бы нас обложили,— прошептал он.

— Похоже на то. На что ты смотришь? Ничего же не видно в тумане.

— Смотрю, нет ли кого поблизости,— внезапно его голос стал очень серьезным.— Слушай, я... я хочу объяснить тебе кое-что насчет меня. Именно тебе.

— Почему?

— Я сегодня чувствовал себя неловко с этим делом насчет твоих глаз. Вот и подумал, что, может, надо вроде извинения рассказать о себе.

— Давай,— удивленно сказал Тель. Кудряш провел грязной рукой по лбу.

— Черт возьми,— сказал он, смущенно засмеявшись.— В банде недов, с которыми я шлялся в Тороне, я встретился с одним парнем, Волом Ноником; чудной такой парень, писал странные стихи. Я хотел показать это ему, потому что он написал бы об этом стих. Но он не мог пойти в армию, у него что-то со спиной. Вот я и подумал, что ты мог бы сделать...— он снова засмеялся и посмотрел на свои руки.— Ты никогда не видел никого, кто такое делает?

— Что делает?

— Смотри на мои руки. Смотри...

— Я не пони...

— Мы, может, не уйдем отсюда живыми, так что смотри на мои руки.

Тель уставился на согнутые ладони солдата. Сначала сквозь туман они казались синеватыми, затем покраснели, алое пламя вырвалось из них и свернулось над ними в огненный шар, отливающий то зеленью, то золотом.

— Смотри,— выдохнул Кудряш.— Видишь...

Шар вытянулся, стал тоньше, раздвоился внизу. Оформились бедра, голова поднялась, на концах крошечных рук зашевелились пламенные пальчики. Девушка наклонилась, встала на цыпочки, покачиваясь на его ладонях. По ее телу пробегали медные, золотые и голубые искры. Ветер, который Тель чувствовал на своем затылке, относил назад ее сверкающие волосы. Она подняла руки и прошептала голоском, похожим на журчание воды:

— Кудряш, я люблю тебя, люблю тебя, Кудряш, люблю-люблю-люблю-люблю...

— Разве она... не прекрасна? — шепнул Кудряш, и его шепот был как скрежет по сравнению с голосом крошечного гомункулуса. Кудряш глубоко вздохнул, и фигурка исчезла.

Когда Тель поднял глаза от грязных пальцев, Кудряш смотрел на него.

— Когда-нибудь видел такое?

— Не-ет... Как ты это делаешь?

— Не знаю. Просто... делаю. Я видел ее во сне еще до армии и однажды подумал: а что будет, если я заставлю ее появиться наяву? И она появилась, как ты видел, в моих ладонях. Я никогда никому ее не показывал, но теперь, среди всего этого,— он

обвел рукой вокруг,— подумал, что должен кому-то показать. Вот и все,— он опять смутился.

Тель посмотрел на хлопуна: перламутровые глаза зверька были открыты, и Тель подумал, что эти глаза тоже видели огненную девушку — такую живую, такую реальную...

Танк снова взвыл позади. Тель крутнулся в грязи и увидел машину.

— Давай отсюда! — крикнул он Кудряшу.

Тот дернулся вправо, а Тель отполз влево. Танк накренился и прошел буквально в дюйме от них. На миг Тель увидел в открытом люке высокую желтоглазую фигуру Кворла. Затем танк прошел мимо и проломил каменную стену. Туман сомкнулся за ним и завертелся дымными спиралями в проломе стены.

«Куда, к дьяволу, он прет?» — подумал Тель. Группа людей бежала к ним. Голос офицера приказывал им остановиться: «Падайте ко всем чертям за линию! Или каждому нужно особое приглашение?!»

Тель снова побежал, когда прогремел новый взрыв — не так близко, чтобы ослепить, но и не так далеко, чтобы игнорировать его. Остановился он с усилием, идущим откуда-то из середины мозга. Глянув поверх стены, он в жестком свете увидел Креветку, повисшего на колючей проволоке. Левая нога Креветки полностью сгорела, от левой руки остался жалкий обрубок, левая щека была словно покрыта слоем угольной бумаги, но в целом лицо осталось узнаваемым. Охваченный пламенем, он, видимо, запаниковал и попытался перелезть через стену, забыв о проволоке...

Свет исчез, и Тель снова побежал. Его ноги двигались по грязи словно сами собой, без участия головы. Было слишком темно, чтобы увидеть что-нибудь, но на экране ночи перед его невидящими глазами снова и снова вставали обугленные до блеска остатки сгоревшей униформы... красный цвет засыхающей крови... сеть железной проволоки.

После этого сражение шло еще долго. Во время затишья потекла первая струйка рассказов.

— Ты слышал, что случилось с Разведчиком?

— Что?

— Он был в том танке.

— Который, как берсерк, проломил эту чертову блокаду?

— Ага. Его нашли. Он с треском прошел сквозь нашу стену во вражье гнездо и прямо размазал все устройства.

— И что с ним?

— Говорят, танк взорвался при ударе. Разведчик знал, что там огневая точка. И что, если она не будет обезврежена, туда пошлют нас. Он спас нас всех.

— Если эта прогулка по аду называется спасением... А где сейчас Кворл?

— Ты что, маленький? Куски этого танка разбросаны в радиусе в полмили!

Тель прижался щекой к мокрому джутовому мешку, ощущая гравий сквозь одежду, и слушал в темноте разговор соседей. Пальцы его перебирали перья хлопуна, от которых было щекотно коже на тыльной стороне руки. Он думал о Кворле, и о Креветке, и о том, почему...

Глава 11

— Мисс Рашок! Где вы пропадали? — у крыльца стояла женщина с мусорным ведром и шарфом на голове.— Я очень рада вас видеть. Не правда ли, все это действует так возбуждающе — коронация и все прочее? Ох, вы не представляете, через что я прошла! Я так расстроена, что просто не знаю, что делать. Вы знаете, как я обеспокоена своей дочерью Ренной. Не знаю даже, как сказать вам...

— Извините,— сказала Клея,— Я страшно тороплюсь...

— ...что произошло. Я и в самом деле ухитрилась достать билет на бал грядущей победы, который давал Совет на прошлой неделе в память Его Величества. Это было как раз перед тем, как нашелся принц Лет. Конечно, пришлось навешать немало лапши на уши этой отвратительной бабе в комитете, но билет я получила, и мы сшили Ренне замечательное платье, белое с серебром. Любая девушка была бы в восторге от такого платья. Великолепно! И что же? Можно было подумать, что она собирается на похороны, так она скривилась. Ренна немного рисует, но вдруг ее рисунки стали прямо ужасными: черепа в ветвях деревьев, мертвые птицы, какой-то совершенно отвратительный маленький мальчишка скорчился на песке, и его вот-вот смоет волной. Мне следовало сразу понять, что дело неладно. Она не говорила, что не хочет идти на бал, но и не интересовалась им. Пойди хоть ради своей матери, сказала я ей. Ты можешь встретить там герцога или барона, и кто знает... Ну, она решила, что все это вздор, и засмеялась. Но все-таки в четыре часа утра она надела свое прекрасное платье, и она была так красива, мисс Рашок, что я чуть не заплакала. А потом я и в самом деле заплакала: она ушла и домой не вернулась. Вечером я получила письмо, что она вышла замуж за этого ужасного парня Вола Ноника, который пишет стихи и живет в Адском Котле. Вы знаете, что его даже выгнали из университета? Она приглашала меня к ним в гости, но я, конечно, не пошла. Она писала, что хочет рассказать мне про этот бал, который, в сущности, был не так уж плох. Вы только поду-

майте: бал грядущей победы «не так уж плох»! Ну, разве это не ужасно? Кошмар!

— Извините,— сказала Клея,— мне необходимо кое-что взять дома. Простите.

Клея проскочила в холл и там замедлила шаги. Она пыталась вспомнить что-то относящееся к этим именам — Вол Ноник и Ренна. И она вспомнила! Вспомнила стихотворение и рисунок Ренны. Не насилуя свою память, потому что это относилось ко времени до трех открытий, она поспешила домой.

Она вошла в свою квартиру и остановилась. Ставни были закрыты. Как в погребе, подумала она. А я столько времени провела здесь. Здесь нет места акробату, чтобы пройтись колесом, слишком темно, чтобы увидеть размалеванное лицо клоуна, и не слышно... каллиопы.

Она вернулась, чтобы взять блокнот со странными формулами; она никогда не думала, что посмотрит на них снова. Но ведь я не думала, что вообще захочу смотреть на что бы то ни было, подумала она. Она прошла к столу, думая об Альтер, о господине Тритоне и обо всем ало-золотом, что называлось цирком. Открывая ящик, она положила другую руку на стол, и ее пальцы коснулись мятой бумаги. Она нахмурилась, замерла и расправила бумагу. На зеленом фоне горели буквы, когда-то красные, но теперь красный цвет вылинял до желтого: У НАС ЕСТЬ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ. Клея со злостью разорвала бумагу на куски и бросила их в корзину, взяла из ящика блокнот и вышла из квартиры.

За поворотом холла что-то тяжело обрушилось на пол. Она побежала посмотреть.

— Ох... ох... доброе утро, мисс Рашок.

— Доктор Венталь, сейчас три часа дня! — воскликнула Клея.— Не рановато ли для... для такой кондиции?

Доктор поднес палец к губам:

— Ш-ш-ш-ш... Я не хочу, чтобы моя жена знала. Я праздновал...

— О Господи, что вы праздновали?

— Коронацию молодого короля, конечно. Что же еще? — он попытался встать, и Клея взяла его за руку.— Всеобщий праздни.. ик! Война кончится, и наши парни вернутся назад. Подержите меня еще минутку...— он кое-как встал, цепляясь за стену.— Новый король — это новая эпоха, я бы сказал. Вы даже не представляете, как хороша будет эта эпоха. Но вы также не представляете, как хороша была и прошлая эпоха... Кто знает, куда я приду, на какие высоты взберусь...

— О чем вы говорите?

— О своей медицинской практике. Я каждый день получаю новые рекомендации, каждый день.

— Вашему пациенту с волчанкой лучше?

— Э-э... которому?

— Первому, пациенту, для которого вам трудно было достать лекарство.

— Тот? А-а, он умер. По этому поводу был небольшой скандальчик, когда кое-кто обвинил меня в неправильном лечении или в чем-то подобном. Но доказать этого не сумели. У меня есть знакомство в Совете, так что нечего было и пытаться доказать. Очень важно, чтобы люди знали обо мне... новые рекомендации каждый день... каждый день...

— Я думаю, теперь вы и сами доберетесь, доктор Венталь,— сказала Клея.

— Да, конечно. Но если все так хорошо, можно же иногда дать себе волю и отпраздновать...

— Не эта дверь,— перебила его Клея.— Ваша — следующая.

— О, спасибо, спасибо,— он на нетвердых ногах поплелся к указанной двери.— Огромное спасибо. Но если можно, потише, а то я не хочу, чтобы моя жена...— Клее надоело, и она сама приложила докторский палец к нужному месту замка.

Цирковой народ под предводительством господина Тритона бродил по дворцовому саду, ожидая начала празднества. Клея обошла несколько газонов с каменными бордюрами и села на гранитную скамью. Многоцветье лент и палаток наполняло парк, циркачи, болтая, бродили туда-сюда в своих расшитых блестками нарядах.

— Доктор Кошар! — Клея повернулась и увидела Аркора.

— В чем дело?

— Нам нужна ваша помощь.

— Чего вы хотите?

— Кое-какой информации,— он сделал паузу.— Не пройдетесь ли вы со мной?

Клея кивнула.

— Я не хотел бы вас пугать, но то, что я хочу сказать, может оказаться страшным,— они направились ко входу во дворец.— Вы поможете нам?

— Какая информация вам нужна? Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

— Вы-то как раз имеете представление,— поправил ее Аркор.— Иначе почему три года назад вы бросили правительственную работу и выключились из мира?

— Потому что я была несчастна и растерянна.

— Я знаю, почему вы были несчастны, но что заставило вас растеряться?

— Мне кажется, я не понимаю вас.

— Понимаете,— веско сказал Аркор.— У вас очень точный ум, и вы обычно хорошо осмысливаете то, что говорите. Я спрашиваю еще раз: что заставило вас растеряться?

— Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам эта информация?

— Это часть информации, которую имеет некоторое количество народа, в основном члены Совета, а также последний король Юск. Имеют ее также многие из лесного народа. Однако она очень хорошо защищена. Вы единственная, кто обладает этой информацией, но находится вне защиты.

— Вы не слишком-то точны. Если вы хотите моей помощи, то будьте честны со мной.

— Я же предупредил вас, что это будет страшно.

— Давайте.

— Прежде всего, я могу читать в вашем мозгу,— он сделал паузу, ожидая ее реакции, и не дождавшись, продолжил: — Среди лесного народа много телепатов, и у них есть постоянная ментальная сеть, которая пронизывает весь Торомон. Но я, хотя и могу читать мысли, отключен от этой сети. Полагаю, это потому, что я в некотором роде отступник, у меня другие интересы, а это не всем нравится. Эта часть информации, как я думаю, относится к войне, и, может быть, это самое важное знание о ней, возможно, тайна ее окончания, победы или поражения. Первое, что скрывается в большинстве мозгов,— невероятный слой вины. Я должен бы пробиваться сквозь него, но не могу: он под защитой телепатической сети, о которой я говорил. Я пытался найти какое-то объяснение у своего народа в лесу, но, хотя мне не мешали искать моими средствами, ключа я не получил. Вы единственная из владеющих этой информацией — по крайней мере, из тех, кого я определил,— у кого она не защищена сетью. Эту информацию вы вычислили сами, тогда как другие получали ее друг от друга и имели с ней дело, можно сказать, на официальном уровне. Поэтому у вас чувство вины даже более сильное, чем у остальных, но то, что я хочу знать, пылает глубоко под поверхностью вашего мозга,— Аркор сделал финальную паузу.— Человек, которому мы недавно пытались объяснить кое-что из этого, уверен, что это болезненная фантазия, но согласился нам помочь, как если бы это была чисто теоретическая проблема.

Они шли по холлу.

— Если я не защищена,— спросила Клея,— почему же вы до сих пор не выкопали это из моего мозга?

— Вы работаете над единой теорией поля и считаете, что это будет великим открытием. Я питаю большое уважение к вашим знаниям и способностям, доктор Кошар. Если бы я стал копать, ваш мозг получил бы страшное потрясение, и от этого могли бы пострадать ваши творческие способности. Вы должны сами выловить это с моей небольшой помощью.

— Теоретическая проблема,— улыбнулась Клея.— Я не знаю, реальна она или нет, но я вхожу в игру.

— Прекрасно. Только не пугайтесь. С час назад вы разорвали кусок бумаги и со злостью выбросили его. Почему?

— Откуда вы... Я ничего не рвала,— она была удивлена и растеряна.— Ах, вы имеете в виду... это был идиотский военный плакат, и я полагаю...— «Почему я так расстроилась?» — забилось в ее сознании.

— Почему вы вдруг так расстроились?

— Я не... я хочу сказать, я просто удивилась — откуда вы знаете, что я разорвала этот плакат. Я была в своей квартире, дверь была заперта...

— Вас расстроило не это. Зачем вы принесли плакат домой?

— Потому что... потому что мне не нравилась вся эта военная работа с самого начала. Мне не нравилась мысль, что наши люди умирают за барьером из-за...— она замолчала.

— Без причины?

— Нет. Из-за моего открытия.

— Понятно. И поэтому вы бросили свою работу?

— Я... да. Я чувствовала себя ответственной...

— Тогда зачем же вы принесли этот плакат к себе домой? Почему ждали все время до тех пор, пока не решили покинуть этот дом, и только тогда разорвали?

— Не знаю. Я была...

— Смущены, да. Что вас смутило?

— Я была смущена, потому что чувствовала свою вину. Я чувствовала себя ответственной за...

Откуда-то нахлынула злость. Какое он имеет право?

— ... за войну? Но у нас есть враг за барьером, доктор Кошар. Вы хотите сказать, что вы лично ответственны за все правительственные и экономические течения, вызвавшие войну? Вы должны знать, что здесь работает куда больше факторов, нежели одно ваше открытие.

— По личным причинам!

— Вы имеете в виду смерть вашего жениха, майора Тумара?

— Я имею в виду его смерть НА ВОЙНЕ!

— Я не верю вам,— помолчав, сказал Аркор. Клея вскинула на него глаза:

— Ваше право.

— Сказать вам, почему?

— Не знаю, хочу ли я это слышать.

— Когда погиб майор Тумар?

— Мне не хочется говорить об этом.

— Он погиб весной, три года назад, при выполнении миссии по уничтожению радиационного генератора за Тельфаром. Вы сделали свое открытие обратных субтригонометрических функ-

ций и их приложения к случайным пространственным координатам три месяца спустя после смерти майора Тумара. Он погиб не за барьером, но на военной службе здесь, в Торомоне. Какое отношение имело ваше открытие к его смерти?

— Но я работала на правительство...

— Доктор Кошар, будь вы другим человеком — и дело тут вовсе не в вашей гениальности — вы могли бы впасть в подобную сентиментальность. Вы могли бы сломаться, если бы были более жесткой. Но у вас крепкий и при этом эластичный, в высшей степени логический ум, и вы знаете, что не поэтому чувствуете себя виноватой...

— В таком случае *я не знаю*, почему чувствую себя виноватой!

— Тогда ответьте: зачем вы принесли плакат домой, если не хотели напоминаний о войне? И если вы были в ярости, если вы не были согласны работать на «эту проклятую войну» — зачем вы отодрали от забора тщательно приклеенный плакат? Почему он полтора года лежал скомканный у вас на столе? Не пытались ли вы себе напомнить о чем-то, что вы открыли, но во что не могли, не хотели верить? О чем-то, о чем, как вы сегодня подумали, вам больше не нужно напоминать; разорвать, выбросить в корзину, выкинуть из мозга...

— Но ведь больше никакой войны не будет,— перебила она.— Теперь у нас новый король! Будет объявлен мир, все вернутся обратно, и не будет никакой...— она говорила быстро и громко. Они почти дошли до тронного зала. В коридоре не было ни души. Свет из череды окон чертил по полу хаотический узор, который на секунду и отвлек на себя внимание Аркора.

Клея выглядела потрясенной. Что-то лезло в ее сознание, она сопротивлялась, выталкивала это вовне. Но как только давление Аркора на ее мозг прекратилось, она расслабилась. И ЭТО произошло. ЭТО хлынуло со дна мозга, как прибой, как гейзер, вошло в ее сознание и воспарило. Она прислонилась к стене и прошептала:

— Война...

Но Аркор сделал шаг вперед. Это ударило его в мозг почти так же жестоко, как и ее. Он пытался отползти от этого.

— Но мы выиграем войну! У нас есть враг за барьером, но мы можем...— он растерянно оглядывался по сторонам.

— Какая война! — пронзительно выкрикнула Клея, сползая по стене.— Вы ни-че-го не понимаете! *КАКАЯ ВОЙНА!!!*

Глава 12

Иллу воткнул указатель в грязь. Кто-то спросил:

— Откуда ты знаешь, что он показывает правильно?

— А какая разница? — Иллу пожал плечами.

Тель стоял рядом с Пторном. Хижины на краю нового лагеря едва виднелись сквозь туман.

— Хорошо снова оказаться в лагере,— сказал Пторн.

— Ага,— Тель окинул взглядом людей, едва различимых в тумане.— Чувствуешь, что вроде как снова стоишь на земле.

Пторн рассмеялся.

— Знаешь, я тут долго думал про Разведчика,— продолжил Тель.

— Не ты один,— сказал Пторн, показывая на группу солдат вокруг указателя.— И какова же твоя личная мысль?

— Зачем?

— Я могу подумать о шести разных «зачем», и любой вариант сгодится в качестве ответа. Который из них твой?

— Зачем он сделал то, что сделал? Зачем он врезал танком по вражескому гнезду ради нашего спасения?

— Может быть, он подумал, что если кто-то не сделает этого, то все мы погибнем в огне.

— Возможно,— Тель напряг плечи.— Знаешь, я думаю, что понимал бы это лучше, если бы все подразделение состояло из стражей. Но ведь было не так.

Пторн снова засмеялся.

— Видишь ли, мы все одного биологического типа, одних генов, одной расы. Все гистосенты. Так что чему тут удивляться?

— А я удивляюсь,— сказал Тель.— Вы, стражи, живете совсем не так, как все остальные в Торомоне. Однако сражаетесь здесь. А неандертальцы? Как они так быстро тут адаптировались?

— А ты спрашивал кого-нибудь из них?

— Обязательно спрошу,— Тель отошел на несколько шагов, но потом снова обернулся: — И все-таки я не понимаю — зачем?

Кто-то бежал к ним сквозь туман. Почти налетев на них, он ухватил Теля за плечо и закричал:

— Перемирие! Ты слышал! Короновали нового короля, и будет подписано перемирие! Мы все вернемся домой, в Торомон!

Он развернулся и бросился к группе солдат, стоявших у дверей бараков. Тель и Пторн переглянулись.

— Вернемся обратно! — ухмыльнулся лесной страж, и они оба обернулись и посмотрели на знак Кворла.

Позднее их собрали в маленькой комнатке и объявили через громкоговоритель:

— ...входит в силу с шести часов сегодняшнего вечера. До тех пор мы продолжаем находиться в состоянии войны. Мы находимся вблизи вражеских укреплений, так что ни в коем случае нельзя выходить за пределы базы! Вражеская защита может удво-

ить активность, и каждого, кто выйдет за границы лагеря, могут счесть виновным в агрессивных действиях. Как только будет заключен мирный договор, начнется подготовка к свертыванию базы.

Люди зашептались, засмеялись, выскочили на поляну. Кто-то сорвал с себя рубашку и размахивал ею в воздухе, кто-то с истерическим смехом повалился на землю, другие бегали вокруг, смеялись, кричали. Тель увидел, что из хижины выходит Лаг.

— В чем дело? — спросил неандерталец.— Что происходит? Почему все орут?

— Где ты был? — в ответ спросил Тель.— Разве ты не слышал объявления?

— Я... спал,— сказал Лаг, протирая глаза.— Я очень устал.

— Мир! — вскричал возбужденный Тель.— Как ты умудрился проспать такое, обезьяна?!

— А? — не понял Лаг. Выражение его лица менялось слишком медленно, брови, толстые, как канаты, напряженно шевелились.

— Подписан мир, Лаг! Конец войне! Конец, финиш, точка! Видишь, все празднуют и скачут!

— Значит, скоро пойдем по домам? — Лаг взглянул на скачущих от радости людей и улыбнулся во весь рот.— Это очень хорошо. Очень.

— Лаг, что ты будешь делать, когда вернешься домой?

Лаг пожал плечами, но потом идея вдруг осветила его широкое лицо и взорвалась словами:

— Знаю! Я буду учить!

— Учить своих людей в развалинах?

— Правильно. Здесь я научился куче вещей, которые и они должны уметь. Например, читать и писать. Кворл еще раньше учил меня, до всего...

— Разведчик? — с удивлением спросил Тель.

— Да. И я начал учить свою жену и дочку, и других. Теперь, когда я вернусь, мы будем сажать кхарбу там, где местность расчищена, вместо того чтобы собирать дикие плоды. Будем ухаживать за ней и собирать много плодов. Я разговаривал с одним парнем с фермы, и он рассказал мне, что и как делать. Я узнал здесь кучу вещей. И если я научу других, всем будет лучше, верно?

— Конечно.

— Слушай,— спросил Лаг, глядя на пернатого любимца Теля, шлепающего взад и вперед в нескольких футах от них,— тебе позволят взять его с собой?

— Не знаю. Я еще не успел подумать об этом.

— Ты думаешь, он будет счастлив в Торомоне? Там ведь нет такой грязи.

— Это верно, но я все-таки хотел бы взять его. Я к нему привязался.

Лаг присел на корточки и щелкнул пальцами. Хлопун подошел и влез на его руку. Лаг погладил перья и хихикнул:

— Лучше, если бы у тебя была еще и хлопунья. Одному ему будет одиноко.

— В любом случае я хочу держать его при себе, пока я здесь, даже если не смогу взять с собой. Он пошлет мне что-то вроде волны прощания, когда я буду уходить.

— Как приятно вернуться домой,— сказал Лаг, касаясь перьев толстым пальцем.— Недалеко от места, где я жил, есть гора, а в долине озеро. Какие-то люди пришли туда и начали строить дома, дороги, доки на озере.

— Неплохо,— сказал Тель, задумавшись, зачем все это строили.

— Озеро на заре очень красивое. Утром, если прошел дождь, над ним стоит туман — не такой, как здесь, легкий, но тоже иногда совсем не видно воды. А потом встает солнце, и все загорается золотым огнем, ярче всего на середине озера. Так красиво!

— Представляю.

— Кворл, когда мы были знакомы в лесу, однажды ходил со мной туда. А здесь, в армии, он вел себя так странно...

— Ты тоже думаешь о Разведчике? — Тель отвлекся от мыслей о постройках на озере, так и не найдя ответа, зачем они нужны.

— Тоже думаю,— кивнул Лаг.

— Как и все мы...— Тель вскинулся.— Слушай, Лаг, ты не присмотришь немного за животным? Я схожу, проверю свои инструменты и посмотрю, все ли готово к отправке. Через полчаса я вернусь.

— Ладно, я послежу за ним.

— Спасибо,— сказал Тель и побежал к баракам.

Тель сильно просчитался, рассчитывая провести у своей кровати не больше пяти минут. Он проклял все на свете, когда понял, что кровать не его, потому что он зашел не в ту хижину. Расположение казарм несколько отличалось от того, какое было в прежнем лагере, и теперь Тель вообще не знал, куда идти. Растерянно потыкавшись туда-сюда, он в конце концов столкнулся с другим солдатом, сидевшим на соседней кровати.

— Ой, прошу прощения...— начал Тель.

— Все путем, дружище,— отозвался солдат.— Слушай, ты не тот парень, который собирался снова оказаться в моей хижине, когда попадет в другой лагерь?

Только теперь Тель узнал этот голос.

— Да, это я. Рад наткнуться на тебя снова. Я думал, тебя вообще перевели куда-то очень далеко. Как с тобой обращались с тех пор, как нас переставили сюда?

Фигура на соседней кровати пожала плечами. В темной хижине они сидели на кроватях друг напротив друга. Туман все сгущался, и солдат продолжал оставаться для Теля безликой тенью.

— Неплохо, я думаю,— хохотнула тень.— Здесь ничто не бывает слишком плохо.

— Я полагаю, если мы прошли через эту проклятую войну, то уже никогда не будем слишком сильно чем-то недовольны. Правда, здорово, что подписали мир? Что ты сделаешь в первую очередь после того, как вернешься в Торомон?

Солдат вздохнул:

— Я не знаю, насколько это здорово. Может быть, для тебя и твоих ребят это так. Но для меня? Я совершенно не знаю, что буду делать, когда вернусь. Я надеюсь, что все это продлится еще немножко. Я из сорок четвертой роты, и это замечательная рота. То есть в самом деле замечательная. Сейчас я здесь, и не отказался бы потом отправиться куда-нибудь еще и слегка повоевать. Это не самая плохая жизнь. Рискованная, да — но я думаю, что для таких, как я, жизнь без риска просто неинтересна.

Тель не вполне понял его.

— Хорошо, а что ты делал в Торомоне раньше?

Тень медленно покачала головой.

— Ты знаешь, я не помню. Я так долго был здесь, что как-то постепенно перестал помнить...

Тель помрачнел, а тень спокойно улеглась на койку. Тель встал и вышел из хижины, пройдя прямо по обгорелым бревнам вчерашнего костра. Он уже подошел к своей собственной хижине, как кто-то окликнул его:

— А, ты здесь, Зеленоглазый!

— Кудряш?

— Он самый. Ты как, уже полностью готов сматываться?

— Почти. Я собирался проверить свои инструменты. Эй, Кудряш, я хотел спросить тебя о той вещи, которую ты мне показывал...

— Тиш-ше! — Кудряш приложил к губам указательный палец.— Кто-нибудь может услышать, о чем мы с тобой болтаем.

— Я только хотел узнать,— Тель понизил голос,— как ты это делаешь.

— А ты пытался делать это сам?

— Нет, но...

— В таком случае не приставай ко мне,— досада Кудряша словно обрубила разговор. И тут кто-то вдалеке закричал:

— Эй, вернись!

Затем донеслось отчетливое двойное шлепанье по грязи: лап хлопуна и сапог неандертальца.

— Это Лаг! — воскликнул Тель.— Он гонится за моим...— темный силуэт проскочил те тридцать шагов, на которые было хоть что-то видно, и исчез из поля зрения.

— Чем он думает? — Кудряш покрутил пальцем у виска.

— А, ч-черт! — Тель ударил себя по лбу.— Я забыл сказать ему про границу!

Он бросился бежать по грязи:

— Вернись, дурацкая обезьяна, вернись сюда!

Он догнал Лага в сорока футах от границы лагеря, схватил его за плечо и повернул. Лаг удивился.

— Он убежал, и я только...— начал он неуверенно оправдываться.

— Удирай отсюда как можно скорее!

— Но ведь мир...

— Он входит в силу только в шесть вечера, и враг следит вдвойне. Пошли.

Они рысью побежали обратно. Первая паника Теля прошла, и он нашел облегчение в дружеской ругани, направленной в спину Лага.

— Я удивляюсь, какого хрена Разведчик сломал себе шею ради нас. Даже если я и понял бы, зачем, то черта лысого поступил бы так же. Давай двигай!

Лаг прибавил ходу. Тель услышал позади хлопанье, остановился, присел и щелкнул пальцами.

— Ну, где ты там? Иди сюда, малыш, получишь хороший уголек, когда вернешься.

Лаг, уже пересекший пограничную линию, обернулся:

— Ты, кажется, говорил, что надо бежать?

— Иди сюда,— сказал Тель хлопуну, который открыл четыре пастельных глаза, похожих на полированные раковины, и подмигнул хозяину.— Иди...

Это были его последние слова.

Лаг отшатнулся от грохота и закрыл глаза перед столбом белого огня, взметнувшимся там, где только что был Тель.

— Что там, черт побери? — закричали с другого конца поляны. Пторн подбежал и сгреб неандертальца за плечо.

— Лаг, что случилось?

— Не знаю... не знаю...— глаза Лага были все еще закрыты, он мотал своей большой головой из стороны в сторону.

— Черт бы всех вас взял, война еще не кончилась! — заорал один из офицеров.— Кто вышел за пределы лагеря? Какой ублюдок?

У стены барака Кудряш поднял глаза от своих сложенных ладоней, где танцевала огненная девушка, и нахмурился.

— ...провозглашаем тебя королем Империи Торомон.

Йон, стоявший в первом ряду ниже тронного возвышения, следил за советниками, отходившими от светловолосого юноши, который стал теперь Королем. Здесь собралось не более шестидесяти человек: двенадцать советников, члены королевской семьи, несколько знатных или особо уважаемых государственных особ. Йон был там как гость герцогини Петры. Среди прочих была гротескно-импозантная фигура историка Рольфа Катама.

Король окинул взглядом собравшихся и сел на трон. Раздались аплодисменты.

Человек в конце зала оглянулся через плечо на шум, более громкий, чем аплодисменты. Шум шел из коридора перед тронным залом. Обернулся еще кто-то, а затем и все. Внимание охраны стало настороженным.

— Это Аркор,— шепнула Петра, но Йон уже пробирался между гостями. Герцогиня задержалась ровно настолько, чтобы привлечь внимание Катама, а затем последовала за Йоном.

Когда Йон вышел в коридор, там была суматоха. Охрана держала Аркора. Клея опиралась на стену. Аркор сказал громко, но спокойно:

— Нет, мы в полном порядке. Спасибо. Мы в полном порядке. Но нам надо поговорить с ее светлостью.

Часовые переглянулись, члены Совета посмотрели с изумлением. Через минуту Йон увидел, как король выходит из дверей зала, сопровождаемый охраной.

По рекомендации Петры неофициальная встреча произошла в зале Совета. Молодой король занял свое кресло во главе зала. По одну сторону его сидели члены Совета, по другую устроились Йон, Петра, Аркор, Катам и Клея.

— Итак, что вы хотите сказать?

Герцогиня кивнула Аркору, и тот встал перед советниками.

— Со мной здесь некто, желающий сказать вам о том, что все вы знаете, но отгородились от этого. О том, что все вы сделали, убедив себя, что это единственный путь решить проблему, но приняли это решение только при уверенности, что не будете помнить о содеянном.— Он повернулся к Клее.— Скажете ли вы Совету то, что готовы были сказать мне, доктор Кошар?

Клея встала. Лицо ее побледнело.

— Они не поверят,— выдавила из себя она. Затем голос ее окреп, и она обратилась непосредственно к Совету.

— Вы не поверите этому. Но тем не менее вы это знаете,— она сделала паузу.— Я говорила со многими из вас три года назад,

когда впервые сделала открытие, позволяющее нам перебрасывать людей и технику для войны. Тогда вы отнеслись к этому скептически. Вы можете не верить мне, но это так: там нет войны.

Члены Совета хмуро переглядывались. Она повторила:

— Там нет войны, и вы это знаете.

— Но...— пролепетал один из советников,— тогда что... я хочу сказать, где же... где все солдаты?

Лицо Клеи отвердело:

— В крошечных металлических камерах, поставленных друг на друга, как гробы, в том районе Тельфара, куда не допускаются новобранцы.

— И что же они там делают? — спросил другой член Совета.

— Грезят о вашей войне,— еще более отчетливо выговорила Клея.— Каждый отчаянно старается увидеть во сне то, что кажется ему реальным, а на самом деле таится в глубинах его подсознания. Наркотики держат их в туманном состоянии сильного внушения. Три года непрерывной пропаганды держат их сознание нацеленным на войну. Шесть недель базовой подготовки предназначены для того, чтобы сделать психически больным самый устойчивый мозг. Пленка искусственной реальности накладывает последний глянец на сны, в которых есть все ощущения реального мира — шуршание скомканной бумаги, блеск солнца на воде, запах гниющей растительности, ощущение мокрой одежды... Каждый сам пополняет эту мозаику тем, что любит и чего боится. И ЭТО назвали войной! Компьютер с устройством, сортирующим информацию, может брать схемы ощущений из одного мозга, передавать их в другой и координировать эти сны...

— О, это просто смехотворно...

— Это невозможно...

— Я ничему этому не верю...

Казалось, сомнение открыло ментальную защиту. Йон как бы приобрел еще одно чувство, острее, чем зрение и слух.

В терминах зрения это было — как стоять перед масштабным узором из яркого света, поднимающегося вокруг него, но все-таки перед ним. В терминах слуха это было — как начало музыкальной фразы, открывающей симфонию, и ожидание ведущего ритма. В терминах осязания — как если бы перед ним кружился вихрь, сплетенный из морозного и жаркого ветров. Но это не было светом, звуком или ощущением, потому что он продолжал чувствовать ребристую спинку своего стула, слышать шелест одеяний советников, видеть их расстроенные лица, прищуренные глаза, надутые губы.

— Зачем же стражи-телепаты защищали эту тайну в наших мозгах?

Ответ пришел как фейерверк, как музыка, как волны пульсирующей пены. Аркор сказал:

— Потому что они сами не знали, что с этим делать. Идея войны была подсажена в мозг бывшего короля, но семена ее были во всех умах Торомона. Единственным человеком, противостоявшим королю даже после того, как план начал воплощаться в жизнь, был первый министр Чарджил — и его убили. Стражи чувствовали, что они не могут ни помочь, ни воспрепятствовать вам в ваших усилиях, потому что не понимали их смысла. Правительство просило их помочь в стирании знания из мозга тех, кто был официально связан с проектом, а поскольку этот проект решал экономические проблемы, стражи согласились, они не могли отказать.

Йон и Петра встали рядом с Аркором.

— Теперь наши усилия понятны,— сказал Йон.

— Мы намеревались спасти страну,— добавила Петра.

— И спасти свободу каждого человека в ней,— продолжил Йон.— Свободу от таких вот, с позволения сказать, снов!

«Что же мы должны сделать?» — пришел вопрос от коллективного сознания стражей-телепатов.

— Вы должны войти в каждый мозг Торомона и высвободить знание о войне. Вы должны на миг связать все сознания друг с другом, чтобы они познали себя и других. Всех — в королевском дворце, в гробах-камерах Тельфара или в каменных руинах за ним. Сделайте это, и вы послужите народам обезьян, людей и стражей, которые вместе называются Человечеством.

«Некоторые мозги могут быть не готовы».

— Все равно, давайте.

Пришла волна согласия. И...

И доктор в Главном медуправлении уронил термометр на стол и, когда ртуть рассыпалась шариками по белому пластику, осознал, что его злость на старшую сестру, которая вечно ставила подставку не там, где надо, скрывала его знание о войне.

...ТО, ЧЕГО ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ...

Вол Ноник, выпивший в баре Адского Котла, провел пальцами по мокрому краю стакана на грязной стойке и понял, что огорчение по поводу его изгнания из университета за «неприличное поведение» подхлестывает его к аккуратной и достойной речи.

Советнику Рилуму вспомнилось событие тридцатилетней давности — пожар на швейной фабрике, где он был помощником управляющего, и он осознал свою ярость по поводу беспомощных действий пожарной команды.

...ТО, ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ...

Один из рабочих аквариумов прервал свою прогулку через порт, вынул руки из карманов, взглянул на шрамы, просвечива-

ющие через черные волосы на предплечьях, и осознал, какую ярость вызвала у него женщина, избившая его железным прутом, когда он был ребенком и жил на материковой ферме.

Советница Тилла сжала старыми пальцами складку своего платья, когда вспомнила трагедию на острове Летос, где убили ее отца, которому она, еще девочка, помогала собирать коллекцию окаменелостей, и поняла, что детский страх скрывал взрослое знание о войне.

...ТО, О ЧЕМ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВСПОМНИТЬ БЕЗ СТЫДА...

Капитан Суптос стоял на мостике тетронового грузовоза, входящего из дока, и щурился от яркого света. Он вспоминал седого человека, который встал за столом в офисе пароходной компании (не той, в которой он служил сейчас) и поклялся: «Пока я жив, вы никогда не ступите на другой корабль!» И вдруг понял свой страх перед этим человеком, умершим двенадцать лет назад.

Женщина по имени Марла нырнула с прибрежной скалы, и вода сомкнулась над тенью, уходящей в глубину. Края защитных очков плотно облегали ее лицо. В уходящем свете она увидела раковину, оторвала ее от камня и снова пошла к поверхности. Через минуту она уже сидела на камне и вставляла нож между створками. Щелчок — и язык плоти, без жемчужины, мокро блеснул в вечерней синеве. В этот миг она вспомнила другую, большую раковину, в которой лежал крупный, молочного цвета шар. Тогда, давно, он выпал из ее пальцев, прокатился по камню и с легким всплеском ушел в зеленую воду, а у Марлы скрутило живот от злости и разочарования.

...ТО, ЧТО ТЫ НЕНАВИДИШЬ...

Лесной страж остановился возле дерева, прижал ладонь к грубой коре и вспомнил утро семь лет назад, когда его и еще двоих послали за девушкой, которую надо было отметить как телепатку. Вспомнил, как она боролась с ними, молча и с остервенением, и как на миг в нем возникла злоба из-за еще одного шрама, оставленного ее ногтями.

Заключенная вышла из шахтного подъемника следом за надзирателем. Он повернулся и пошел в заросли папоротника, а она нахмурилась, вспомнив, как когда-то давно ее старший брат уходил от нее по темному коридору, а она скорчилась в углу и плакала. И сейчас она вдруг поняла смысл этих слез.

...ТО, ЧТО ТАИТ В СЕБЕ ТВОЮ ГИБЕЛЬ...

Советник Сервин твердо прижал пятки к ножкам кресла в зале Совета, переводя взгляд с одного лица на другое, и думал: «Суровые и непонимающие, вроде лица моего дяди в тот день, когда он вызвал меня из комнаты и перед всей семьей обвинил в краже из кладовой зеленой бутылки с вином. Хотя я ничего подобного не делал, я онемел от страха и был наказан: целую неделю вся семья полностью игнорировала меня, и я даже ел в одиночку». И вдруг он понял, почему промолчал тогда.

В другом конце Торомона офицер, набирающий рекрутов, вдруг поднял перо от бумаги, и в то же самое время сидящий напротив него молодой неандерталец, собиравшийся подписать заявление, поднял голову. Оба посмотрели друг на друга, и у каждого в глазах было:

...ВСЕ ЭТО И ЕСТЬ ВОЙНА!!!

В дворцовом саду, среди клоунов и акробатов, Альтер сидела на земле у мраморной урны. Ветер ласкался ко всему своей невидимой рукой, не делая различий между травой, листьями и ее белыми волосами. Она вела пальцами по кожаному ремешку ожерелья, от молочно-золотой раковины к перламутровой, а от той — к красной, словно наполненной венозной кровью. В голове ее билось: «Ох, он пытался увидеть что-то от меня в этом кошмарном сне, мечтал вернуться в реальность». Он пытался увидеть лицо матери в куске недвижного камня, пытался услышать в шуме безлиственного растения, качающегося на ветру, как его отец говорит с ним. Он вложил всю любовь в комок перьев с перламутровыми глазами, а всю красоту — в огненную фигурку, танцующую в чужих ладонях. «Но он не знал... не знал...»

— Как ты узнала? — спросил Йон. Клея провела рукой по полированной крышке стола и посмотрела на членов Совета.

— Потому что я работала на компьютере. Потому что я знала из отчетов, что переделка транспортерной ленты не могла произойти так быстро. Потому что имела место мелкая ошибка в расчетах из-за типографской опечатки, и это сделало весь процесс неработающим, но никто, кроме меня, этого не заметил. Потому что я знала, каково экономическое положение Торомона, и знала, что много эксцессов и малая мобильность почти неизбежно приведут к войне. Это был единственно возможный ответ на множество вещей. Было решено, что война должна стать такой неоспоримой реальностью для всех умов, чтобы никто не

задавал вопросов. Правительство не поняло, что для тех, кто все-таки спросит, эту реальность надо будет подтверждать, и что эта фантазия, которая идет вперед без противоречий, не устоит перед точной логикой. Сама мысль о том, чтобы задавать какие-то вопросы, была почти невозможной. Но — только «почти».

Рольф Катам встал. Заходящее солнце отбросило блик на пластиковую половину его лица.

— У меня еще один вопрос, доктор Кошар: каким образом солдаты умирали?

— Вы действительно хотите это знать? — спросила Клея.— Вы знаете игру слумат, которая недавно стала так популярна? У компьютера есть селектор, работающий по тому же принципу, только с более широкой матрицей, отбирающей по случайному принципу тех солдат, которые должны быть убиты. Когда выбор сделан, контролируемое внушение приводит сон в такую ситуацию, которая допускает смерть. Затем в камеру, где лежит солдат, пускают ток, тело сгорает, и камера делается пригодна для нового одурманенного безумца, который готовится сражаться с врагом за барьером. Тут даже не понадобилось ничего планировать,— продолжала Клея.— Сообщение о роте номер сорок четыре, которая полегла в полном составе, затем рапорт о гибели двух солдат под вражескими пытками... Просто дайте людям затеряться в тумане их собственной поврежденной психики, и они сотворят из своего ужаса такого врага, какого не придумает для них ни один психиатр. Они были прямо-таки сведены на нет собственным страхом, не способны думать о законе, о реальности, о любой другой грани существования. После шестинедельного обучения уже не могли ставиться никакие вопросы.

Катам медленно опустил голову. Встал молодой король.

— Может быть, теперь здесь будет мир,— сказал он.

Позднее все потянулись из зала, ожидая сопутствующего коронации празднества. Йон повернул было к лестнице, ведущей в сад, но кто-то тронул его за плечо. Это был Катам.

— У меня еще несколько вопросов не для ушей Совета,— сказал историк.— Они касаются вашего Лорда Пламени.

— Нашей болезненной фантазии?

— Если угодно,— живая половина его лица выдала три четверти улыбки.

— Почему бы вам не поставить это в ряд тех элементов реальности, которые нужно подтверждать, чтобы доказать реальную реальность?

— Я так и сделал. Я хочу узнать вот что: думаете ли вы, что Лорд Пламени вложил в мозг короля Юска эту чудовищную идею войны без врага?

— Наверняка не саму идею,— ответил Йон.— Но, возможно, метод для воплощения идеи в жизнь.

— Я надеюсь, что было именно так,— вздохнул Катам.

— Почему?

— Потому что все, что мне известно об этом замысле, до сих пор не несло в себе ничего сверхчеловеческого.

Катам кивнул и пошел дальше по коридору, а Йон спустился в сад. Цирковой народ длинным потоком тянулся к дверям дворцового зрительного зала. В конце потока Йон увидел сестру, спокойно стоящую, обняв за плечи Альтер.

Он подумал: «Чему я научился? Я ждал все эти годы, я ждал. И все еще размышляю, чему научился. Поднадзорный пленник, я жду свободы. Но зато я знаю теперь, откуда она придет. Я живу в основном наблюдениями и теперь вижу, какой это произвело на меня эффект. Во всяком случае, я больше не считаю себя воплощением неловкости и не прячусь от войны».

Сад опустел. Йон стоял в темноте, не столько актер, сколько внимательный наблюдатель в раскладе материи и мотиваций.

А далеко во Вселенной тройственный разум следил, упорядочивал собственное знание о войне и готовился.

Книга 3
ГОРОД ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

Глава 1

Что такое Город?

На планете Земля есть по крайней мере один, изолированный смертоносными океанами, один на острове вблизи радиоактивного континента. Город Торон, столица империи Торомон, занимающей часть моря и немного земли на краю континента, состоящей из вечного прибоя и спокойных равнин...

На полпути через Вселенную, в рассеянной Галактике, есть... тоже город.

Два солнца заставляют зубчатые скалы отбрасывать двойные тени на песок. Нечастый ветер может изменить русла, по которым неведомо когда в последний раз бежала вода. Небо — синее, песок — известково-белый. Низко над горизонтом видны прожилки облаков. А под крутым склоном одного из холмов тончайшего песка — город.

Что такое город?

Это место в песке, где энергетическое поле держит восьмиугольные силикатные кристаллы в идеальном порядке — концами осей друг к другу. Это место, где магнитная стрелка компаса завертелась бы волчком. Это место, где обычный алюминий имеет привлекательное свойство повышать магнитную чувствительность сплава алнико. И хотя сейчас это место служит домом для сотен обитателей, здесь нет ни зданий, ни вообще каких-либо сооружений. Даже песок здесь не более гладкий, чем везде, и только в микроскоп можно определить отличия в размещении кристаллов.

В зависимости от состояния психики наблюдателей одним из них город кажется озером, другим — катакомбами пещер. Иногда он кажется фонтаном огня, а изредка может предстать как здания, башни, подвесные дороги и двойной отблеск в тысячах зеркальных окон. Но чем бы ни казался этот город, он одиноко стоит в белой пустыне крошечной планеты на полпути через Вселенную от Земли.

Сейчас в городе было нечто вроде совещания. Обитатели собрались на него, просто переключив свое внимание. Председате-

лем его было не отдельное существо, а некий тройственный разум, который был много старше любого из присутствующих. Он не был строителем этого города — он просто жил здесь.

«Мы созвали вас, чтобы вы помогли нам,— начал он.— Просто присутствуя здесь, вы уже оказываете немалое содействие. И хотя присутствуют еще не все, мы подумали, что лучше начать сейчас, а не ждать».

Одной из групп на этом совещании, огромным тридцатифутовым червям, город казался сетью грязевых туннелей, по которым слова распространялись, как вибрация.

«Как мы уже объясняли раньше, в нашу вселенную вторглось странное, абсолютно лишенное морали создание, которое мы до сих пор называли Лордом Пламени. Пока что он занимался только разведкой, собирая как можно больше информации об этой Вселенной».

Металлический пузырь воспринимал слова телепатически. Для него город был безвоздушной впадиной в скале.

«Но уже исходя из его методов исследования, мы сочли его опасным. Он, нисколько не задумываясь, исковеркает или уничтожит чужую культуру, лишь бы получить нужные ему сведения. Мы пытались изгнать его, чтобы различные культуры Вселенной могли сохраняться в неприкосновенности. Вы все, как наши агенты, уже имели контакт с ним, да и друг с другом тоже».

Пятидесятифутовым глазам на стебельках одного из слушателей атмосфера города казалась слегка подкрашенной метановой зеленью.

«Он собрал информацию для полномасштабной атаки, но поскольку за ним следили на каждой планете, мы знаем, какую именно информацию он собирал. Каждая из ваших культур входила в серьезный политический и социальный кризис, когда он начинал свои эксперименты над ней. Его методика наблюдения любой культуры заключается в том, чтобы активизировать элементы, которые будут подталкивать кризис и чересчур быстро доведут его до логического предела. После этого, как ни странно, он сосредоточивается не на разработке экономического или социального переворота, а на изучении личной жизни некоторых выделенных из социума индивидуумов — от сумасшедших до политических фигур высшего эшелона. Часто его интересуют объявленные вне закона или гении, разбросанные по обочинам общества».

Большой живой кристалл слышал слова Тройственного Существа как последовательность музыкальных аккордов.

«Поговорим теперь об одном частном инциденте, к которому привели его наблюдения».

Разумный кактус шевелил усиками, представляя город как равнину, на которой полосами лежал песок пастельных тонов. Его представление, пожалуй, было наиболее близким к реальности.

«Вы прибыли сюда все, за исключением наших агентов с Земли, и мы воспользуемся этим, чтобы поговорить об их особой ситуации».

Если бы некий сторонний зритель мог наблюдать за этим совещанием, то вряд ли согласился бы с тем, что там не было ни одного представителя Земли. Вот, к примеру, эта привлекательная женщина с каштановыми кудрями и огромными глазами орехового цвета... Но эти тонкие пальчики с миндалевидными ногтями и кожа цвета топленого молока были всего лишь игрой странных космических совпадений. Тщательное освидетельствование, включающее генетические анализы, показало бы, что по своей видовой принадлежности она — двуполый лишайник.

«Замкнутая и самоснабжающаяся империя Торомон существует на Земле пятьсот оборотов вокруг звезды, именуемой Солнце. Кризис, в который вошел Торомон, был комплексной экономической, политической и психологической реорганизацией, связанной со взрывом технологий в сельском хозяйстве и производстве питания, и вырождающаяся старая аристократия оказалась не способна взять этот процесс под контроль».

Морские создания из мира, почти полностью покрытого водой, у которых были перепончатые ноги и три века на каждом глазу, вместо слова «взрыв» услышали «неожиданная приливная волна». Другие поняли это как «землетрясение», «песчаную бурю» или «извержение вулкана».

«Она решила симулировать ситуацию, о которой знала только из книг, оставшихся от времен, когда вся планета была населена различными нациями: она симулировала войну, войну, которая должна была избавить ее от избытка энергии, продукции и жизней. Остаточный скелет военной организации, уцелевший со времен до их изоляции, когда не придуманные, а реальные войны полностью уничтожили другие нации, оставив Торомон в одиночестве, был расширен до чудовищного объема. Была набрана армия и подготовлена техника, и неподалеку от естественных границ их империи, очерченных радиацией, была инсценирована обширная мнимая война. Ею управлял громадный компьютер, расположенный в руинах второго города империи, Тельфара. Из-за радиации эволюция в Торомоне словно взбесилась: атавистическая часть населения регрессировала до той точки, которую эта раса прошла три миллиона лет назад, в то время как другая часть прыгнула на миллион лет вперед и стала расой гигантов, многие из которых были телепатами. Телепаты старались остаться вне этой войны, но их все-таки втянули. Наши агенты, среди которых есть один телепат, убедили их — пытаясь найти иное решение, менее деструктивное, чем эта поддельная война — на миг установить телепатическую связь между всеми обитателями империи. До народа дошел факт, что война не была реальной. Ре-

зультат оказался слишком жестоким, чтобы делать хоть какие-то точные прогнозы. Все структуры Торомона ослабли — когда не на что надеяться, все рассыпается очень быстро. Находившиеся вне закона банды недовольных, или недов, наводнили страну. Была сделана попытка дать стране нового молодого короля, и на некоторое время это сработало, но данная система власти изначально была рассчитана на управление мирной, спокойной нацией, а не нацией, ввергнутой в состояние войны».

Странная жизненная форма, состоящая только из температурных вибраций, задумчиво колебалась в центре небольшой белой звезды — так выглядел город для нее,— слушая и размышляя.

«Мы описываем ситуацию столь детально из-за странных действий Лорда Пламени при столкновении с Торомоном. Прежде всего, его попытка довести ситуацию до быстрого конца была неизмеримо более жестокой и разрушительной, чем аналогичные действия в других мирах. Мы, чувствующие энергию его концентрации, поняли, что интенсивность его наблюдения возросла вчетверо. Он нашел на Земле то, что искал для уничтожения других миров. Наши агенты один раз выкинули его оттуда, но он вернулся. Они выкинули его вторично, но он все-таки витает поблизости, готовый вторгнуться снова. Мы способны иметь только троих агентов на этой планете, потому что можем поселиться лишь в трех мозгах. Но с помощью телепата мы вступили в контакт еще с двумя, Телем и Альтер, и они на некоторое время стали нашими непрямыми агентами. Однако Тель был убит на этой поддельной войне, так что на Земле осталось лишь четыре человека, с которыми мы имеем контакт. Как мы уже сказали, мы можем жить только в трех разумах, и тот, что останется, будет открыт для проникновения, поскольку уже использовался для контакта во внеземных условиях. Сейчас мы уверены, что Лорд Пламени в свое третье возвращение на Землю выберет одного из наших агентов, того, кто останется вне нашей защиты. Если мы сообщим им об этом напрямую, это может оказаться разрушительным для их психики. Следовательно, наш контакт, и так уже редкий, должен полностью прекратиться после нашего следующего сообщения».

Огромная птица взъерошила свои золотые перья, прикрыла алый глаз, тряхнула головой и продолжала слушать.

«Причина интереса Лорда Пламени к Торомону ясна: он готовится начать войну в нашей Вселенной. Он пытается узнать все, что возможно, о том, как жизненные формы этой Вселенной ведут себя на войне. И война в Торомоне стала своего рода строгим экспериментом, потому что там не было реального врага. Однако возможно, что мы тоже сумеем кое-что узнать. Наше преимущество в том, что мы знаем, куда смотреть, потому что каждый из тех, кто сейчас собрался в этом городе, гораздо ближе друг к другу и к жителям Земли, нежели Лорд Пламени. Для него ни-

чего не значат такие понятия, как сообразительность, сострадание, убийство или терпение — он должен изучать их, наблюдая со стороны. Но и мы точно так же не имеем представления о его свойствах. Для большей полноты нашего понимания мы просили наших агентов взять с собой три документа, продукт трех самых восприимчивых разумов Земли: собрание стихов Вола Ноника, «Унификацию случайных полей» доктора Клеи Кошар и «Мираж над морем» — последний исправленный вариант истории Торомона доктора Рольфа Катама.

В городе воцарилась тишина. Затем неотчетливая жизненная форма, чья плоть была всего лишь светочувствительным вирусом, способным видеть в диапазоне от звезды, расширившейся в Новую, до нейтрино размером в одну миллионную микрона, существо, периодически возникающее из частиц ионизированного водорода, свободный фотон, кружащийся среди галактик вечность напролет — это существо робко спросило из глубин ледяного межгалактического пространства, бывшего его домом: «А может ли что-нибудь помешать им взять... эти работы?»

Тройственное Существо отозвалось: «Не забывайте, что эти работы созданы самыми восприимчивыми разумами Земли и никогда не придут к простым людям, как, скажем, книга или периодика, а среди наших четырех агентов постоянно будет предатель — сам Лорд Пламени».

А на другом краю Вселенной...

...как она прекрасна, когда солнце сквозь треснутое стекло играет в ее распущенных волосах, как прекрасны ее закрытые глаза, ее оливковые веки, темнее лица и всей остальной кожи, которая тоже прекрасна своим медовым отливом и румянцем, напоминающим плод кхарбы — уже не белый, но еще не розовый, далекий от пятнисто-оранжевой спелости. Ее кожа прекрасна и своей текстурой: она похожа на коричневатый полированный камень там, где ее туго натягивает поднятое колено, а на расслабленном, спокойном теле она подобна бархату.

Трещина в оконном стекле бросает ломаный росчерк тени на половицы, на постель, на смятые простыни, на ее живот. Ее рот чуть приоткрыт, зубы слегка голубеют в тени верхней губы.

Как она была прекрасна среди длинных фиолетовых теней, падавших на набережную, где он гулял с ней прошлым вечером, прекрасна в ртутном свете фонаря, под которым они остановились поболтать с приятелем...

— Итак, ты все-таки женился, Вол. Я почему-то так и думал. Мои поздравления.

— Спасибо,— сказали они в один голос. Его низкий тенор и ее богатое контральто вместе звучали как музыка.— Ренна, это

мой друг Кайно. Кайно, моя жена Ренна,— это он произнес один, как сольный инструмент после хора, продолжающий симфонию.

— Думаю, теперь тебе нечего делать в нашей банде,— Кайно поковырял грязным пальцем в еще более грязном ухе.— Впрочем, ты никогда по-настоящему и не был ее членом. Теперь ты можешь сидеть и писать стихи, как всегда хотел, и радоваться жизни,— в тот момент, когда грязный парень непонятного возраста произнес слово «жизнь», он смотрел прямо на нее, и в его глазах на миг, подобно пламени, полыхнул отсвет ее красоты.

— О да, Кайно, я не гожусь для банды,— согласился Вол.— Помнишь Джофа? Из-за этих дебильных разборок между ним и мной я решил, что сейчас самое время развязаться с недами. Через пару деньков мы двинемся на материк. Мы слышали, там появилось место, которое стоит посмотреть.

Кайно поводил босым пальцем ноги по булыжной мостовой.

— Я не собирался поминать Джофа, но раз уж ты сам заговорил, я, пожалуй, скажу, что скипеть из Котла — это хорошая мысль. Потому что он — человек банды до корней своих гнилых зубов,— он кивнул и улыбнулся, как бы извиняясь.— Ладно, я пошел, а ты пригляди, чтобы она не попадалась на глаза Джофу,— он показал на Ренну.

Вол взглянул на нее, на ее смуглую кожу, побледневшую в ртутном свете фонаря. Кайно ушел, а она была...

...снова прекрасна среди теней, когда они шли по темным улицам Адского Котла, пока не свернули в таверну-пансион, прекрасна даже тогда, когда остановилась в коридоре и темнота сомкнулась вокруг нее, скрывая подробности. Вот кто-то открыл дверь в конце коридора, и оттуда выплеснулся желтый свет, очерчивая ее силуэт. Она сделала шаг вперед и снова исчезла из его глаз, но у него оставались руки, которые чувствовали трепет ее тела и говорили ему, что оно прекрасно, все без изъятия — и талия, и грудь, и шея, и подбородок... Они вошли в комнату рука об руку.

На стене висел рисунок, который она подарила ему — красный мелок по коричневому картону. На шатком столике у окна лежала пачка бумаги. На верхнем листе был окончательный набросок стихотворения, рисовавшего ее портрет в изысканном стиле и ярких образах.

Он сел, скрестив ноги, на смятой постели, согретой их телами. Ренна лежала рядом с ним, а он смотрел на нее до боли в глазах, не смея пошевелиться, любовался прелестью ее дыхания, легким трепетом ноздрей, шеей, тающей в тени, и еле заметным дрожанием кожи над ключицами. Его глаза наполнились слезами восторга, совершенно ослепившими его на несколько мгновений.

Когда он смог снова взглянуть на окно, то нахмурился: вечером оно не было разбито. В окно был брошен какой-то предмет.

Осколки стекла блестели на бумаге. («Я хотел бы, чтобы вот так сверкали мои слова»,— подумал он.) Он поднял камень, завернутый в бумагу, развернул и прочел слова, написанные расплывшимися чернилами. В них не было сверкания. Словно молот ударил в твердый шар страха, который он давно носил в себе, ибо записка гласила:

«После тебя наткнулся на Джофа. Он догребется до тебя. Сказал, что сожрет тебя без соли. Рви когти — он это в натуре. Кайно».

Он застыл на несколько секунд, осознавая, что, судя по всему, именно удар камня о стекло и разбудил его. Тем временем с первого этажа донесся треск. Обернувшись, он увидел ее раскрытые глаза. Два карих озера показались из-под тяжелых оливковых век, в них зародились крупинки собственного золотого сияния — она улыбнулась. Улыбка отскочила от него и солнечным зайчиком запрыгала от одной грязной стены к другой... единственное, что было по-настоящему прекрасным на этих стенах — это его портрет красным мелком... и снова вернулась к нему, лаская его зрачки. «Сегодня утром я все так же люблю тебя»,— говорила эта улыбка.

Его ответная улыбка была и вполовину не такой яркой. Темным облаком в его сознание вплыла мысль: она ведь тоже проснулась от звука, которого не услышала, и смотрит на меня так же, как миг назад я смотрел на нее...

Внизу снова раздался грохот — кажется, рухнула какая-то мебель.

Она задала ему вопрос молча, одним выражением лица, не отрывая головы от подушки. Он ответил ей так же молча, пожав голыми плечами.

С лестницы донесся стук грубых башмаков, затем из коридора послышался резкий протестующий голос хозяйки меблированных комнат:

— Вы не имеете права вламываться сюда! Я уважаемая хозяйка гостиницы, у меня есть лицензия! Убирайтесь отсюда, хулиганье!

Голос замолк. Что-то тяжелое ударилось в дверь, и она распахнулась, стукнув о ножку кровати.

— С добрым утром!

— Какого дьявола вам надо? — спросил Вол. Ответа не последовало, и в тишине перед ним предстал кривоногий неандерталец с лицом, вдоль и поперек исчерченным шрамами. Его левый глаз, недавно пораненный, покрывала еще не почерневшая корка запекшейся крови с сочащимися краями. «Как же он безобразен! — пронеслось в голове у Вола.— Урод уродом!» Неандерталец неторопливо покачивался с одной ноги на другую.

— Я хочу сделать тебя по реалу несчастным,— сказал Джоф, входя в комнату. Трое его сообщников замерли у него за спиной.

— Я вижу, ты получил записочку Кайно,— он мерзко засмеялся.— Мы отобрали ее у него прошлым вечером, когда он сделал свою первую попытку. А потом я прикинул, не бросить ли мне письмишко самому. Только утром, перед тем, как прийти поздороваться с тобой,— Джоф сделал еще шаг, огляделся и увидел, что Ренна села в постели, увидел ее расширенные золотые глаза, побледневшую кожу, руки, губы и плечи, дрожащие от ужаса.

— Ну, приветик!

Вол бросился вперед... но живот его прямо-таки обернул собой ударивший кулак. Вол поперхнулся воздухом, зажмурился и упал на пол. Когда через секунду он вновь открыл глаза, в комнате было еще шестеро. Двое из них вздернули его на ноги, и Джоф снова ударил его в живот. Голова Вола качнулась вперед, и на обратном пути рука Джофа разбила ему лицо.

— Вот так, в натуре,— выговорил Джоф, снова отворачиваясь от своей жертвы.— Типа крутой приветик.

Годы, проведенные на улицах Адского Котла, сделали Вола хорошим уличным бойцом и научили его, что, если положение безнадежное, надо беречь силы на случай чуда. Если вдруг оно произойдет, сбереженная сила пригодится. Сейчас же положение было воистину безнадежным. Поэтому, когда Джоф шагнул к Ренне, и она закричала, Вол все еще стоял, ничего не предпринимая. Затем крик сменился долгим визгом. Тогда Вол тоже заверещал как сумасшедший, бросаясь в драку — и голоса их больше не были музыкой, слившись в диссонансе агонии. Он сражался, он почти убил одного из тех, кто его держал, но остальные окружили его, сломали ему четыре ребра, вывихнули плечо и свернули набок челюсть.

— Нет,— сказал Джоф, делая успокаивающий жест — и на его руке была кровь, а визг Ренны смолк, ибо у нее были разбиты хрящи гортани.— Не убивайте его. Я хочу показать ему, что мы с ней сделаем. Эй, кто-нибудь, сядьте на нее и помогите мне.

Они пустили в ход руки, потом все тело, а затем вспыхнул двойной отблеск энергоножа, извлеченного из потайных ножен. Грязная рука нажала кнопку на рукояти, и белые искры...

В этот миг сознание милосердно покинуло Вола. Они не стали добивать его, а просто ушли.

Через полчаса Рэра, хозяйка заведения, набралась храбрости заглянуть в комнату. Увидев голого человека, скорчившегося на полу, она выговорила «О Господи!» и осторожно шагнула внутрь. Но, взглянув на то, что осталось на постели, она уже ничего не могла сказать, и только отшатнулась, зажав руками рот.

Рука мужчины шевельнулась на грязном полу.

— О, Господи милосердный! — прошептала Рэра одними губами.— Он еще жив!

Она подбежала к нему, пытаясь изгнать из своего сознания зрелище этих двоих — вместе, таких, какими они были еще вчера — пьющих из одной оловянной кружки, гуляющих рука об руку, улыбающихся друг другу одними глазами... Когда она наклонилась над ним, его рука задела ее ступню.

Надо унести его отсюда, пока он не очнулся, подумала она и попыталась поднять его.

Боль в сломанных ребрах привела Вола в сознание. Он открыл глаза и тупо взглянул в лицо женщины, склонившейся над ним — довольно свежее для ее пятидесяти лет, с красно-бурым родимым пятном во всю левую щеку.

— Рэра? — он еле выговорил ее имя, поскольку челюсть его распухла и посинела.

— Господин Ноник, пойдемте со мной.

Он оглянулся, и, наткнувшись взглядом на постель, застонал.

— Не надо, господин Ноник, пойдемте со мной.

Он позволил ей поднять его и вышел с ней в коридор, превозмогая боль, пылающую в плече и в правой стороне груди. Рэра видела, под каким немыслимым углом повисла его рука.

— Вот что,— начала она,— нам надо как можно скорее доставить вас в Главное медуправление...

И тут он закричал. Это был долгий крик, выворачивающий его наизнанку, срывающийся в визг свиньи, которая под ножом мясника сопротивляется последнему смертному ужасу. Затем Вол осел на пол. Он тряс головой, слезы бежали по его лицу, но он замолчал.

— Господин Ноник, вставайте.

Он встал. По спине Рэры все еще гулял холодок после его смертного воя, но она поддержала его и повела дальше.

— Послушайте меня, господин Ноник. Я понимаю, что сейчас для вас ничего не имеет значения, но все-таки послушайте. Вы молоды, и вы... утратили нечто,— ее слова доносились до него сквозь туман боли.— Но все мы в той или иной степени что-то теряем. Я не стала бы говорить этого, если бы не то, что случилось месяц назад... тот момент, когда мы все неожиданно узнали друг друга. Тогда я догадалась, что куча людей говорила то, чего не должна бы говорить в нормальном состоянии. Но вот что я вам скажу: вы молоды. Многие из нас теряют тех, о ком думают... Все, кто видел вас вдвоем, знали, что вы думаете только о ней. Но вы будете жить...— она сделала паузу, пытаясь привести в порядок свои скачущие эмоции.— У меня была племянница, которую я любила, как родную дочь. Ее мать умерла. Обе они были акробатками. Четыре года назад моя племянница исчезла, и с тех пор я больше никогда ее не видела. Я потеряла ее, девочку, которую растила с девяти лет. Но я живу.

— Нет,— выговорил он, мотая головой.— Нет.

— Не нет, а да,— решительно произнесла она.— И вы будете жить. Но только в том случае, если мы отправим вас в Главное медуправление,— и вдруг отчаяние, которое она старалась вытравить из своего голоса, не показать Волу, прорвалось наружу: — Почему они сделали это? Зачем? Как вообще можно делать такое сейчас, после того момента, когда мы все узнали друг друга?

— По той же причине, по какой делали это раньше,— отозвался он ничего не выражающим голосом.— Как и вы,— она нахмурилась.— Они попали в западню в тот ослепительный миг, когда узнали, в чем таится их рок. Но они не возьмут меня. Не возьмут.

— О чем вы говорите? — переспросила она. Его голос опять прошелся морозом по ее коже, а звук «о» в торжественном слове «рок» прозвучал подобно удару волны о скалы.

— Они никогда не найдут меня! — выкрикнул он.— Никогда! — он бросился вперед, оступился и пересчитал почти четверть ступенек лестницы.

— Господин Ноник!

Он с трудом ухватился за перила и снова пошел. Рэра кинулась за ним.

— Господин Ноник, вам нужен врач!

Он застыл в дверях, обнаженный, мотающий головой в каком-то животном отрицании.

— Они никогда не найдут меня,— прошептал он еще раз и выскользнул на улицу.

Изумленная, она замешкалась, а когда вышла, то не увидела его. Рано поутру тротуары были пустынны, и лишь солнце сияло так же ярко, как всегда. В конце концов она решила найти полицейского, привести его в дом и рассказать ему о том, что случилось.

Два солнца скрещивали свои лучи на белом песке города.

«Когда прибудут агенты с Земли?» — спросил кто-то.

«Как только найдут те три документа,— ответил тройственный голос.— Если, конечно, они все еще живы».

Пахнущий озоном ветер погнал мелкую белую пыль по склону дюны, неуловимая форма пустыни снова изменилась, и единственным, что оставалось неизменным и стабильным, был город.

Недалеко от центра Торона старый торговец сидел на своем балконе под черепичным навесом, глядя на дворцовые башни и на облезлые дома в прибрежных районах Адского Котла.

— Клея!

— Да, папа?

— Ты уверена, что хочешь этого? Ты пользовалась всем мыслимым почетом, какой может быть у ученого в Торомоне, после твоей работы над передачей материи и твоих теоретических изысканий. Я никогда не говорил тебе, но я очень горжусь тобой.

— Спасибо, папа, но именно этого я как раз и хочу. Ни Рольф, ни я не намерены прекращать работу. Мне нужно закончить свою единую теорию поля, а он будет работать над новым историческим исследованием.

— Ну ладно, не стой здесь. Зови его сюда.

Она ушла в дом и тут же вернулась, держа за руку высокого мужчину. Они остановились у мраморного стола, за которым сидел Кошар.

— Рольф Катам, вы хотите жениться на моей дочери Клее Кошар?

— Да,— твердо ответил Катам.

— Почему?

Катам слегка повернул голову, и свет заиграл на прозрачном пластике его щеки. Та часть его лица, что была подвижной плотью, улыбнулась, и от этого прямой взгляд старика заколебался.

— Это не честный вопрос,— замялся Кошар.— Не знаю... После того мига, когда все мы... ну, вы понимаете, о чем я. Потом я осознал, что многие говорили, спрашивали и даже отвечали не так, как обычно.

Смущение, подумала Клея. Зачем говорить со смущением о том слепящем мгновении контакта, объединившего всю империю, о мгновении, которое прекратило лжевойну? Она надеялась, что отец будет вести себя иначе. Впрочем, это смущение было вызвано не тем, что он увидел, а просто новым жизненным опытом.

— Почему же? Это вполне честный вопрос,— ответил Катам.— Он отчасти из-за того, что мы видели в тот момент.

Катам говорил об этом без страха — и это было одной из причин ее любви к нему.

— Потому что мы знаем работу друг друга. И потому, что в тот момент мы познали друг друга нашими разумами. Это знание послужит нам обоим, причем в равной степени душе и духу.

— Ладно, женитесь,— сказал Кошар.— Но...

Клея и Рольф переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Но почему вы хотите уехать?

Их лица сразу стали серьезными, они снова посмотрели на старика.

— Клея,— проговорил Кошар,— ты так долго была вдали от меня. Пока ты была девочкой, ты была со мной. Но потом ты надолго уехала в Островной университет, затем захотела жить одна, и я разрешил тебе. И теперь вы оба снова хотите уехать, но на этот раз ты даже не хочешь сказать мне, куда вы едете,— он

помолчал.— Конечно, вы можете это сделать. Тебе двадцать восемь лет, ты уже взрослая женщина. Как я могу удержать тебя? Только, Клея... не знаю, как сказать... я уже потерял сына. И не хочу потерять еще и дочь.

— Папа...— начала Клея.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Клея. Но даже если бы твой брат Йон был жив — а все говорит за то, что он погиб,— если бы он был жив и прямо сейчас пришел сюда, для меня он все равно мертв. После того, что он сделал, он должен был умереть.

— Папа, я хочу, чтобы ты перестал так думать. Йон сделал глупость, сделал неуклюже, по-детски. В то время он был неловким подростком и сам страдал от своей вечной неуместности. И в конце концов, он сполна заплатил за сделанное.

— Но мой сын — в каторжных рудниках, как обычный преступник... за убийство! — его голос сорвался.— Мои друзья добры ко мне и до сих пор не упоминают при мне о нем. Если бы кто-нибудь из них сделал это, я не мог бы высоко держать голову, Клея.

— Папа,— умоляюще сказала Клея,— ему было восемнадцать лет, он был избалован, он возмущал тебя и меня... но если он жив, прошедшие восемь лет сделали из мальчика мужчину. Нельзя же целых восемь лет держать зло на собственного сына! А если ты не можешь сейчас высоко держать голову, то мне кажется, что это чисто твоя проблема, и Йон тут ни при чем.

Рольф положил ей руку на плечо, ласково предупреждая, что даже не слова ее, а тон, которым они произносятся, переходит в опасное пространство оскорбления. Подобно частицам, движущимся в случайном поле, это могло оказать самое непредсказуемое воздействие.

— Я не прощу его,— сказал ее отец, стиснув руки.— Я не могу простить,— он медленно отвел от нее взгляд, устремив его на свои колени.— Не могу. Я был так опозорен...

— Папа! — Клея оставила вызывающий тон и говорила теперь с той любовью, которую испытывала к нему. Она видела, как напряжено все его тело — спина, шея, руки, пальцы — в полубессознательной защитной реакции.— Папа! — повторила она и протянула ему руку.

Напряжение слегка отпустило старика. Он выпрямился, разжал пальцы, но не принял ее руки.

— Клея, ты сказала, что уедешь и не хочешь, чтобы кто-нибудь знал, где ты. Я люблю тебя и хочу, чтобы у тебя было все, что ты желаешь. Но хотя бы... письма или что-нибудь в этом роде. Я хотя бы буду знать, что с тобой все в порядке...

— Писем не будет,— отрезала она, но спохватилась и быстро добавила: — Но ты будешь знать.

— Нам пора, Клея,— напомнил Катам.

— До свидания, папа. Я очень люблю тебя.

— И я люблю тебя,— ответил Кошар.

Но они уже скрылись в доме.

— Я хотела бы иметь возможность сказать ему, что Йон жив. И объяснить, почему мы уезжаем тайно,— сказала Клея, когда они подошли к парадной двери.

— Он узнает достаточно скоро,— ответил Катам.— Узнает все.

Она вздохнула,

— Да. Они все узнают. Этот чудовищный компьютер в Тельфаре оповестит их. Они могли бы знать все уже сейчас, если бы захотели, но они слишком растеряны. Рольф, три тысячи лет люди пытаются найти слово, отделяющее человека от других животных. Кто-то из древних мыслителей называл человека смеющимся животным, другие — нравственным. А мне сейчас кажется, что он — растерянное животное.

Ее будущий муж рассмеялся, но не слишком весело. Затем он сказал:

— Клея, я уже тысячу раз спрашивал тебя, но все не могу поверить: ты уверена в тех отчетах?

Она кивнула.

— Их видели очень немногие — те, кто был близко причастен к разработке компьютера. Мне позволили заглянуть лишь одним глазком, и то в основном из-за этой последней неразберихи во дворце, а не из-за чего-то еще. Но и это сделало меня больной, Рольф, потому что я ничего не смогла поделать с этим монстром.

Они пересекли тень от балкона и вышли в уличную колоннаду. Клея обернулась, чтобы еще раз взглянуть на отца, махавшего им с балкона.

— Но ведь я и так уже как следует поработала над этим грязным делом, верно? — ответом на ее умоляющий вопрос стало успокаивающее пожатие пальцев Рольфа, без слов заверяющее: да, все именно так.— Рольф, они четыре раза пытались разобрать его, но ничего не вышло. Каким-то образом он защищает себя. К нему вообще едва сумели приблизиться!

— Это понятно,— сказал Рольф.— Он же получил самое немыслимое оборудование, вооружение и все такое прочее для контроля над полновесной, всеобъемлющей войной. Но зачем, Клея? Ты ведь математик, ты знаешь компьютеры.

— А ты историк,— отозвалась она.— Войны — твое ведомство.

Они в последний раз оглянулись на фигуру, машущую им вслед с балкона.

— Хотела бы я знать, скоро ли компьютер заставит его... понять? И не только его — всех их.

— Не знаю,— ответил он.— Не знаю.

Транспортерная лента над ними тянулась через все небо тонкой черной линией.

Когда они скрылись из виду, старый Кошар на своем зеленом балконе глубоко вздохнул. После этого он сделал нечто, чего не делал уже давно. Он вошел в дом, переоделся в неприметную одежду, вызвал такси и поехал по одной из радиальных улиц в район порта. Он спокойно переждал, пока катера выгрузили вечерний поток рабочих Аквариумов Кошара.

Потом ему пришлось подождать на углу, пропуская транспорт с большими надписью «Гидропоника Кошара» на алюминиевом боку. Он стоял неподалеку от самого высокого и самого чистого здания в районе. Это были офисы «Синтетических продуктов Кошара».

Позже, идя по узким грязным переулкам Адского Котла, он остановился перед чем-то средним между таверной и меблированными комнатами. День был жарким, Кошару хотелось пить, и он вошел. Видимо, эта мысль пришла в голову не ему одному — у стойки беседовало немало народу. Раздался чей-то дружелюбный голос:

— Привет, старик. Что-то раньше тебя здесь не видели.

Это сказала женщина лет пятидесяти с большим родимым пятном на щеке, сидевшая за столиком.

— Я и не бывал здесь раньше,— отозвался Кошар.

— Похоже на то,— сказала Рэра.— Садись.

Но он уже шел к бару. Взяв выпивку, он повернулся, думая, куда отойти, снова увидел женщину и сел за ее столик.

— Знаешь, много лет назад я проводил массу времени в этих краях, но этого заведения не помню.

— Я открыла его всего месяц назад,— объяснила Рэра.— Как только получила лицензию. Пытаюсь устроить какое-то постоянное дело. А когда ведешь дела, знаешь ли, очень важно быть приветливой. Надеюсь видеть тебя здесь часто.

— Угу,— сказал Кошар, отпивая из кружки.

— Я пыталась зацепиться за это место еще несколько лет назад. Оно перешло ко мне от моего умершего друга. Но как раз в то время стали активны неды, и однажды ночью это помещение разнесли вдребезги. А сейчас не прошло и двух недель, как я начала, а у меня уже были неприятности. Одна из этих банд, которые вечно враждуют друг с другом, вломилась сюда не далее как сегодня утром. Убили девушку,— она дернула головой, отгоняя неприятные воспоминания.— А полиции, разумеется, никогда нет поблизости, если она нужна.

У стойки завязался какой-то спор. Рэра повернулась, нахмурившись, и спросила:

— Что вы там говорите насчет всего?

Жилистый мужчина с обветренным лицом говорил очень громко. Зеленоглазая женщина рядом не сводила с него глаз, сам же он глядел на другого мужчину.

— Нет, здесь все прогнило,— бросил он, рубанул воздух ладонью и еще категоричнее повторил: — Все прогнило.

— Кто тебе сказал, что прогнило? — засмеялся кто-то.

— Это я, рыбак Сайтон, говорю тебе. А это моя жена Грилла, ткачиха. И мы говорим, что весь этот остров прогнил!

Женщина положила руку ему на плечо, ее глаза умоляли его замолчать.

— И позвольте мне сказать еще кое-что. Я всегда жил на материке, и у меня был сын. Он стал бы таким же хорошим рыбаком, как и я. Но ваша гниль заманила его на этот поганый остров. Вы морили его голодом на материке и соблазнили здешней рыбой из аквариумов. Что ж, мы последовали за ним. И где он теперь? Может, он заработался до смерти в ваших аквариумах? Или ходит с вашими бандами недов? Или, может, в ваших гидропонных садах выжали из его тела всю добрую морскую соль? Что вы с ним сделали? Что вы сделали с моим сыном?

— Проклятые иммигранты,— пробормотала Рэра.— Подожди секундочку, ладно?

Она вскочила и направилась к стойке. Жена рыбака пыталась вытащить его наружу, и Рэра помогла ей. Он уже становился опасным.

Рэра вернулась, вытирая руки о юбку.

— Иммигранты,— повторила она, присаживаясь.— Вообще-то я против них ничего не имею. Среди них, как везде, бывают разные люди — и хорошие, и не очень. Но время от времени попадаются и вот такие деятели... Забавно, женщина почему-то показалась мне очень знакомой. Вроде бы я однажды уже прогоняла ее от своего порога,— она коротко хохотнула.— Правда, все эти зеленоглазые с материка похожи друг на друга. О, ты уже уходишь? Что ж, приходи сюда еще. Здесь у нас по-настоящему дружелюбное место.

Выйдя, Кошар остановился перед дощатым забором, покрытым остатками наклеенных и ободранных плакатов. Прямо по ним кто-то написал красным мелом:

ТЫ ПОПАЛ В ЗАПАДНЮ В ТОТ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ МИГ,
КОГДА УЗНАЛ, В ЧЕМ ТАИТСЯ ТВОЙ РОК.

Неправильная форма букв — а может быть, и сами слова, особенно «тот ослепительный миг», чье звучание было странно узнаваемым, словно легкий звон монеток, вылетающих из квадрата слумата — произвели на него странное впечатление.

Старый Кошар пошел дальше. Сердце его разрывалось.

А на другом краю Вселенной с дюн осыпался белый песок.

Что такое Город?

Это место, где время течет не как время. Место, где механические движения фонтана, лодки и шестеренок замедлились бы

до полной остановки. То же справедливо для тока крови, для кости, мускула, нерва. Однако психическое сверкание фотона о фотон работает нормально, если не увеличивать скорость.

«Но почему эта изолированная империя Земли так важна?»

«Разве они владеют столь продвинутыми технологиями, что эта работа о случайных полях даст нам оружие для полной победы над Лордом Пламени?»

«Может ли этот исторический трактат предсказать нам результат нашей великой войны?»

«Разве среди наших культур нет искусства, способного научить состраданию, фиксирующему место жизни во Вселенной, так же блестяще, как эти стихи?»

Множество разумов разными способами и словами выразили преграду своего недоумения. В ответ пришел тройственный смех.

«Люди Земли важны, потому что Лорд Пламени сейчас находится среди них». («Сейчас» в данном случае — неточный перевод отраженной концепции переплетенного межгалактического времени, включающего в себя смоделированное прошлое и будущее.) «Но если эти люди с Земли прибудут сюда, само их появление возвестит нашу победу над Лордом Пламени, и нам не обязательно будет изучать их документы — разве что в назидание всем. Если же они не прибудут — мы пропали».

Недоумение усилило концентрацию.

«Вы увидите, почему»,— сказал тройственный голос. Два солнца опустились к горизонту, и в городе настала тишина.

Глава 2

— Откинь голову назад.

Он откинул.

— Теперь подними колени и вертись назад.

Он повернулся, чувствуя смещение веса от запястий к плечам. Его ноги медленно опустились на мат.

— Прекрасно,— сказала она. Он выпустил кольца

— На сегодня достаточно? — спросил он ее с усмешкой.

— Более чем достаточно. Перерабатывать не нужно, Йон, в этом нет ничего хорошего. Входи в это легко. У тебя уже великолепно получается. Откуда у тебя такая координация?

Он пожал плечами, сходя с мата.

— Мышцы я нарастил на каторге, пока рубил тетроновую руду. А все остальное — право, не знаю.

— Ты меня удивил,— сказала Альтер.— Способ, которым ты дошел до занятий акробатикой, впечатляет. При этом прогресс налицо.

— Это как раз то, чему я всегда хотел научиться,— отозвался он.— Не хочу быть неуклюжим ни в чем. Давай в душ, а потом пойдем поедим чего-нибудь.

— Прекрасно,— улыбнулась она.

Они вышли из гимнастического зала и направились к душевым кабинкам, когда группа молодежи в купальных костюмах вышла из смежного холла. Толстенькая девушка с низким лбом выхватила полотенце у исключительно высокого юноши со скучным лошадиным лицом. Остальные засмеялись, продолжая путь через холл.

— Ты видела, как плавает эта девушка? — спросил Йон.— Даже не подумаешь, глядя на нее, но ее скорость — это что-то фантастическое.

— Я видела ее утром со смотровой галереи,— сообщила Альтер.— Ты прав. Эти сто ярдов были просто поразительны.

Они прошли мимо двух парней, подпиравших стену. Те посмотрели вслед пловцам.

— Проклятые чужаки,— пробормотал один из них, с угрями на лице.

— Посмотрим, как они пройдут ночью по Адскому Котлу,— ответил другой, оскалив зубы, и стукнул кулаком по стене.

Йон и Альтер хмуро переглянулись и расстались у душевых.

Через десять минут Йон с распаренной кожей и мокрыми волосами вышел на главный двор. Брызги воды, бьющей из алюминиевого фонтана, сверкали на солнце. Альтер уже стояла там, нетерпеливо перебирая загорелыми плечами и длинными ногами в сандалиях. Ветер холодил его разгоряченное лицо, а ее белые волосы трепетали в нем, как флаг.

Какая-то парочка остановилась у фонтана, взглянула на его чашу, нахмурилась и двинулась дальше. Он подошел к ней и вдруг тоже нахмурился.

— Что это?

— Где? — она повернулась и удивленно раскрыла глаза.— Я раньше этого не видела!

По ободу металлической чаши фонтана кем-то было выведено:

«ТЫ ПОПАЛ В ЗАПАДНЮ В ТОТ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ МИГ,
КОГДА УЗНАЛ, В ЧЕМ ТАИТСЯ ТВОЙ РОК».

— Что это должно означать? — спросила Альтер.

Йон перечел надпись еще раз.

— Не знаю. Но это вызывает у меня странное ощущение.

Где-то что-то загудело. Один человек во дворе поднял голову, потом другой, и наконец все глаза обратились к воющему небу. Над транспортерной лентой сквозь облака проступили две, затем три, затем четыре серебряные точки.

— Тебе не кажется, что они летят чересчур низко? — спросил Йон.

— Может, это самолеты-разведчики? — предположила Альтер.

С одного из самолетов упал маленький шарик света. Среди городских башен расцвела беззвучная вспышка. Через несколько секунд пришел и звук взрыва, а затем раздались пронзительные крики.

— Что за...— начала Альтер.

Еще через пять секунд донесся грохот оседающих перекрытий.

— Это военное министерство! — ахнула Альтер.

— Это *было* военное министерство,— поправил Йон.— Что за хрень вообще творится?

Обгорелые обломки здания — все, что осталось от башни — взлетели над городом. Во дворе начался хаос.

— Пойдем отсюда! — скомандовал Йон.— Скорее!

— Куда? — спросила Альтер.

— Туда, где можно поесть, посидеть и поговорить.

Они направились в боковую улицу. Когда они завернули за угол, затрещал громкоговоритель: «Граждане, сохраняйте спокойствие. В военном министерстве произошел трагический случай. Самолеты из Тельфара, несущие взрывчатые вещества, по недосмотру автоматически отклонились с курса из-за поломки в механизме управляющей программы...»

Они вошли в ресторан и заняли место у окна на улицу. Оно представляло собой два двенадцатифутовых диска-витража, медленно вращавшихся в противоположных направлениях с помощью потайной механики. Пастельные отсветы плясали на скатертях, покрывавших столики.

— Как ты думаешь, что случилось? — снова спросила Альтер.

Йон пожал плечами:

— Случайная бомбардировка.

— С трудом верится, что такое может произойти случайно,— заметила девушка. Йон кивнул.

У входной двери началась какая-то суматоха, и оба посмотрели туда. Только что вошла женщина с копной огненных волос и с ней мужчина выше семи футов ростом. Хозяин же ресторана, похоже, не желал обслуживать гиганта. С тех пор, как с войны вернулось множество солдат, такое становилось все более и более обычным в отношении как лесных гигантов, так и неандертальцев. Хозяин извинялся, делая оправдательные жесты.

— У нас все забито... Может быть, где-то в другом месте поменьше народу, и вас примут...

Женщине надоело. Она отогнула отворот жакета и показала эмблему. Хозяин осекся на полуфразе, прижал руки ко рту и зашептал сквозь толстые пальцы.

— О, ваша светлость, я не знал... Я очень сожалею... Я не подозревал, что вы член королевской семьи...

— Мы сядем вон с той парой,— сказала герцогиня и вместе с лесным стражем двинулась к столику, за которым сидели Йон

и Альтер. Хозяин катился перед ними, как автомобиль на дизельном топливе.

— Ее светлость герцогиня Петра желает знать, не будете ли вы столь добры позволить ей и ее спутнику...

Но Йон и Альтер были уже на ногах.

— Петра! Аркор! — воскликнул Йон.— Ну как вы там? И что вы здесь делаете?

Альтер эхом повторила его вопросы.

— Следуем за вами,— коротко ответила герцогиня.— Мы упустили вас в спорткомплексе, а затем увидели, как вы нырнули за угол среди всей этой неразберихи.

— Могу я... э-э... принять ваш заказ? — пролепетал хозяин.

Они сделали заказы, хозяин ушел, и невеликий интерес других посетителей, вызванный инцидентом у двери, окончательно испарился.

— Чего вы хотите от нас, Петра? — спросил Йон. Приглядевшись, он заметил, какое усталое лицо у герцогини.

— Война,— сказала она.— По-прежнему война.

— Но война же кончилась,— удивилась Альтер.

— Так ли? — проронила Петра.— Может быть, уже слишком поздно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Йон.

— Вы видели эту «случайную бомбардировку» несколько минут назад?

Йон и Альтер кивнули.

— Во-первых, она вовсе не случайна. Во-вторых, будет множество других подобных «несчастных случаев», если мы не сделаем что-нибудь.

— Но...— начала Альтер,— там же нет врага.

— Компьютер,— сказала герцогиня.— Рапорты идут именно к нему. Я сама видела их лишь в качестве советника короля Лета. Похоже, что компьютер, который вел войну, окончательно спятил. Его самовосстанавливающиеся цепи использовали радиокоординаторы для взятия любого оборудования под автоматический контроль. До сих пор он только защищал себя от демонтажа, но сегодня он начал свою первую атаку на Торомон.

— Но как? — спросил Йон.

— Рапорт сопровождается весьма сумбурной объяснительной запиской. Не забывайте, что машина контролировала тысячи и тысячи сознаний и переписывала с них информацию во всех деталях. Она убила тысячи людей, но все еще имеет в своем банке данных их ментальные записи. Каким-то образом полный образ смерти и войны был взят из мозга жертв и передан цепям активности. Результатом этого явилась бомбардировка военного министерства. Похоже, что сейчас будет долгий бездеятельный период

переваривания информации. Но активность компьютера растет, и чем все это кончится...— она замолчала.

— Итак, мы все еще против нас самих,— подвел итог Йон.— Только на этот раз в зеркальном отражении записей в банках памяти и передающих звеньях.

— А как насчет нашего прыгающего по галактике друга, Тройственного Существа? — спросила Альтер и огляделась вокруг. Она всегда чувствовала себя как-то странно, когда упоминала о чуждой силе, известной только им четверым.— Оно обещало помочь, если мы поможем ему, а ведь мы определенно помогли.

— Мы ничего не слышим о нем,— сказал Аркор.— Я думаю, что когда был объявлен мир и Лорд Пламени ушел с Земли, интерес Тройственного Существа к нам иссяк. Что бы мы теперь ни делали, мы должны делать это сами.

— Но нам понадобится помощь,— сказала герцогиня.— Я чувствую, что, если бы мы могли найти...

Оно коснулось их, но очень мягко, едва уловимо, на ином уровне, нежели обычное восприятие. Просто зеленый свет от окна отразился на столовом серебре и задержался на миг слабым мерцанием надкрылий жука, медная решетка гриля на миг приобрела красный цвет полированного карбункула, а в глазах замерцала серебряная паутина... Оно коснулось четверых, и трое ощутили присутствие Тройственного Существа, но четвертый...

— ...найти вашу сестру, доктора Кошар, то она могла бы оказать большую помощь. Она работала на компьютере и кое-что знает о нем. К тому же у нее такой мозг, который умеет пробиваться в самую суть проблемы.

— Еще один, с кем следовало бы посоветоваться,— раздался голос гиганта-телепата,— это Рольф Катам. «Война есть историческая необходимость» — я цитирую его. Он понимает экономические и исторические влияния на Торомон лучше, чем кто-либо.

Остальные, кому и раньше доводилось советоваться с Катамом, кивнули, и с полминуты длилось молчание.

— А знаешь. Альтер, кого хотел бы найти я? — спросил Йон.

— Кого?

— Того, кто написал ту вещь на ободе чаши.

— Я хотела бы знать, кто именно придумал это,— она повернулась к Петре: — Это почти строчка из стихотворения, которую кто-то нацарапал на фонтане перед гимнастическим залом.

— «Ты попал в западню в тот ослепительный миг, когда узнал, в чем таится твой рок»,— продекламировала нараспев герцогиня.

— Да, это оно,— подтвердил Йон.— Значит, вы видели это, когда искали нас?

— Нет,— она выглядела озадаченной.— Сегодня утром кто-то написал это на дворцовой стене у ворот, и это сразу же запало мне в память. Только и всего.

— Я уверена, что писавших было двое,— заметила Альтер.

— Но я хотел бы найти того, кто написал это первым,— сказал Йон.

— Хорошо, но прежде надо найти Катама и вашу сестру,— настаивала Петра.

— Разве это проблема? — спросила Альтер, откидывая назад свои серебряные волосы. Серо-голубые глаза особенно ярко сверкали на ее загорелом лице.— Мы можем отыскать их в Островном университете, ведь так?

В разговор вступил Аркор:

— Вчера утром Рольф Катам отказался от своей должности декана исторического отделения университета Торомона. Вечером он уехал в Торон, не оставив сведений о своих планах.

— А моя сестра?

— Она оставила свое место в правительственном научном объединении,— сказала герцогиня,— и тоже вчера утром. После этого никто ее не видел.

— Может быть, мой отец знает, где она.

— Может быть,— согласилась герцогиня.— Мы не хотели спрашивать его, пока не поговорим с вами.

Йон откинулся на стуле и опустил глаза.

— Прошло восемь лет с тех пор, как я видел его в последний раз. Но сейчас я все-таки пойду к нему.

— Если вы не...— начала Петра. Йон быстро глянул на нее.

— Нет. Я сам хочу этого. Я узнаю у него, куда она делась... если только он сам это знает.

Неожиданно он вскочил.

— Вы извините меня? — он оттолкнул свой стул и торопливо пошел к выходу из ресторана.

Трое оставшихся посмотрели ему вслед, затем друг на друга. Наконец герцогиня сказала:

— Йон изменился за последнее время.

Альтер кивнула.

— Когда это началось? — спросила ее Петра.

— Минуточку...— она замялась, потом коротко рассмеялась: — Чуть было не сказала — «в тот ослепительный миг, когда узнал...»

Затем лицо ее озарилось воспоминанием:

— На следующий день после... после того он попросил меня поучить его акробатике. Он страшно часто упоминал об отце. Я думаю, что он все время ждал предлога, чтобы повидаться с ним,— она повернулась к Аркору: — Что именно Йон узнал, когда мы все увидели друг друга? Он всегда был таким молчаливым, погруженным в себя — до последнего времени. Его и сейчас не назовешь разговорчивым, но... так вот, он очень усердно работал над акробатическими упражнениями. Я сначала говорила, что он уже стар, чтобы делать это хорошо, а потом удивилась, какой у него прогресс.

— Так *что же именно* он узнал? — теперь уже герцогиня повторила вопрос девушки.

— Возможно,— сказал телепат,— то, кем он был.

— Ты говоришь «возможно»,— сказала герцогиня.

Аркор улыбнулся.

— Возможно,— повторил он.— Это все, что я могу сказать.

— Сейчас он пошел к отцу? — спросила Альтер.

Гигант кивнул.

— Надеюсь, что все пройдет нормально,— сказала Альтер.— Восемь лет — слишком большой срок для злопамятства. Знаете, Петра, Аркор, когда учишь человека чему-то физическому, движениям его тела, то постигаешь его ощущения по глубокому дыханию, когда он рад, или по напряжению плеч, когда он боится. А я вот так наблюдала его последние два месяца. Да, я надеюсь, что все пройдет нормально.

— Ты и доктор Кошар одно время были очень близки,— сказала Петра.— Ты имеешь какое-нибудь представление, куда она могла исчезнуть?

— Да, до момента конца мы были все время вместе, разговаривали, смеялись. А потом она просто ушла. Сначала я подумала, что она скрылась в каком-нибудь убежище, в каком была, когда мы с ней впервые встретились. Но нет, после я получила несколько писем. Она не отказывалась от работы, она счастлива со своей новой теорией поля, и я решила, что она наконец-то обрела мир в себе. Но по ее последнему письму видно, что вроде бы что-то случилось, и это, кажется, останавливает ее работу. Это выглядит странно.

— Столь же странно,— сказала герцогиня,— как страна, воюющая со своим собственным зеркальным отражением, попавшим в стальной блок памяти.

Глава 3

О чем думает человек, когда собирается увидеться с отцом после пяти лет каторги и трех лет приключений, которые так и тянет назвать изменническими? Йон спросил себя об этом. Ответом был страх, сжимающий горло, замедляющий шаги, связывающий язык. Это был безымянный страх из детства, связанный с лицом женщины, по-видимому, его матери, и лицом мужчины, вероятно, отца. Но этот страх был неопределенным. В восемнадцать лет была неделя страха, начавшегося с дурацкого вызова вероломного друга, которому посчастливилось быть королем Торомона (Йон теперь спрашивал себя — принял бы он вызов, исходи он от другого парня?), и кончившегося глупой паникой, ударом энергоножа и смертью дворцового охранника. Затем пять лет тюрьмы, хотя приговор был не на пять лет, а пожизненно, со

злобой, унижением и ненавистью к охране, к дрянному оборудованию шахт, к жарким часам под землей, где его руки выцарапывали руду из камня, к высоким папоротникам, хлещущим по его задубелой от грязи одежде, когда он выходил из хижины на рассвете и возвращался в нее вечером. Но неприкрытый страх пришел в тюрьму только один раз, когда впервые начался разговор о побеге — разговор велся ночью, шепотом, от койки к койке, или за спиной стражника в редкие минуты отдыха от подземной работы. Нет, это не был страх наказания, это был страх самого разговора, чего-то неконтролируемого, мелкой случайности, не запланированной в плотной ткани тюремной жизни, расцветающий в обмене взглядами или в шепоте в умывальной. Он поразному удерживал этот страх, присоединившись к планам, помогая, руками роя подкоп, считая шаги охранника, когда тот шел от будки к краю тюремного пространства. Когда план был закончен, осталось только трое. Он был самым младшим из тех, кто скорчился под дождем у ступеней сторожки и ждал свободы.

Во время побега в темноте, под хлещущими лицо мокрыми ветвями, страха уже не было. Для него не оставалось времени. Но он дошел до высшей точки и взорвался в мозгу Йона после того, как он потерял двух других беглецов, после того, как вышел из джунглей слишком близко к радиационному барьеру, после того, как увидел шпили Тельфара — когда неожиданно, непредсказуемо его, не имеющего ни ментальной, ни физической защиты, ударило со звезд.

Затем начались приключения. Была опасность, он был измучен, но не боялся так, как сейчас. Та маленькая белая пустота была негативом черного пятна ужаса из полузабытого детства.

Он поднялся по давным-давно знакомым ступеням отцовского дома и остановился перед дверью. Когда я приложу палец к замку, пронеслось у него в голове, не окажется ли за дверью — свобода?

Замок долго читал линии и завитки его большого пальца. Наконец темное дерево отступило, и Йон вошел. Ему хотелось знать, изменился ли его отец так же сильно, как и он сам. Если привычки отца остались прежними, сейчас он должен был находиться в семейной столовой.

Йон прошел по коридору с голубыми драпировками, мимо знакомого хронометра, вделанного прямо в пол (хрусталь успел потускнеть с того времени, как Йон бывал тут в прошлый раз), мимо поворота, где имелся странный акустический эффект, позволяющий подслушивать любой шепот, мимо гардеробной, мимо двери в комнату трофеев и вышел в бальный зал. Высокий, слабо освещенный зал тянулся перед ним до двойной, как крылья лебедя, лестницы, спускающейся с внутреннего балкона. Его сандалии мягко щелкнули, и на миг он почувствовал, как множество призраков его самого провожает его в столовую.

Дверь была закрыта. Он постучал и услышал голос:

— Кто там? Войдите.

Йон открыл дверь — и сотни часов затикали ему навстречу. Дородный седой человек удивленно поднял глаза.

— Кто вы? Я приказал никого не впускать без...

— Отец...— выговорил Йон. Кошар дернулся в кресле, лицо его потемнело.

— Кто вы и что вам надо?

— Отец,— повторил Йон. Узнавание повисло перед ним, как яркий свет, и он испуганно отступил назад.— Отец, это я, Йон,— с трудом произнес он.

Кошар выпрямился и положил руки на стол.

— Нет!

— Я вернулся, чтобы увидеть тебя, папа,— даже произнося эти слова, Йон не мог до конца выйти из состояния своей плывущей задумчивости. Когда он подошел к столу, старик, который был его отцом, поднял голову и пошевелил губами, как бы подбирая слова.

— Где ты был, Йон? — выговорил он наконец.

— Я...— все органы чувств Йона словно обернулись внутрь, и как отец смотрел на него, так он смотрел на хаос эмоций, взорвавшихся в нем. Ему хотелось закричать или заплакать, как маленькому мальчику, неожиданно оказавшемуся в темноте. Рядом стояло кресло, он сел, и это помогло ему удержаться от слез.— Я долгое время был далеко отсюда, причем в самых разных местах. В тюрьме, как ты, полагаю, знаешь, потом три года на службе у герцогини Петры, где имел всякие приключения и переделал массу дел. А теперь я вернулся.

— Зачем? — Кошар так замотал головой, что было удивительно, как она не оторвется.— Зачем? Не хочешь ли ты получить прощение за то, что обесчестил меня, так что я не мог смотреть в глаза своим друзьям и деловым партнерам?

Помолчав. Йон спросил:

— Ты страдал так же, как и я?

— Я... страдал?

— Пять лет,— сказал Йон мягче, чем намеревался,— я видел солнце менее часа в день. Меня ругали, били, я надрывался в неоновой темноте тетроновых шахт, призывая на помощь мышцы, которых у меня не было. Я в кровь сдирал ладони о камни. После этого ты говоришь, что тоже страдал?

— Зачем ты вернулся?

— Я вернулся, чтобы найти свою...— он снова сделал паузу, и в этот момент его обида вдруг ушла без следа.— Я вернулся, чтобы просить у тебя прощения за те неприятности, что я доставил тебе. Если, конечно, ты можешь.

— Хорошо, я...— и тут старый Кошар расплакался. Его рыдания были сухими и какими-то надтреснутыми, словно эти звуки издавал не человек, а расколотая стенка пластиковой цистерны.

— Йон! — только и мог выговорить он в промежутках между всхлипами.— Йон!

Йон обогнул стол и крепко обнял отца за плечи, думая: инстинкты предупреждали меня об опасности, а оказалось, что труднее всего — пройти по знакомой улице и войти в знакомую дверь, хотя хочется развернуться и кинуться прочь...

— Папа, где Клея? — спросил он.— Я хочу поговорить и с ней тоже.

— Клея? — Кошар рефлекторно всхлипнул в последний раз.— Она ушла.

— Куда?

— Ушла с профессором университета, историком.

— Катамом?

— Они поженились, как раз вчера. Я спрашивал, куда они собираются, но они не сказали. Вообще ничего не сказали.

— Почему?

Кошар пожал плечами.

— Просто не захотели.

Йон снова сел напротив отца и пристально посмотрел на него.

— Они назвали хоть какие-то причины для этого?

— Нет. Потому-то я и был сейчас так расстроен и так встретил тебя. Я многое передумал, Йон. Мне было ужасно сознавать, что ты — в рудниках, а мы здесь живем на доходы с руды, над которой ты гнешь спину. Это было для меня тяжелее всего, что могли бы сказать мои друзья,— он опустил глаза и вновь поднял их.— Сынок, я так рад видеть тебя! — он протянул сыну руку, а другой достал платок и вытер глаза.

— Я тоже рад тебя видеть, папа,— Йон пожал руку отца. Неожиданно, подобно ножу, у которого после удара о стену отломился самый кончик лезвия, его эмоции утратили всю свою остроту, покружились, стянулись в точку и растаяли — и сразу же стало хорошо и спокойно.

Старик снова покачал головой.

— Торон — маленький мир с жестокой моралью. Я знал это еще мальчиком, и это больше, чем любые другие знания, помогло мне стать богатым. Однако эта же мораль поймала меня в ловушку и держала вдали от тебя.

— Папа, вне этого мира тоже достаточно насилия,— сказал Йон.— Я лишь надеюсь, что оно не ударит по нашему миру и не разрушит его.

Старик фыркнул:

— Снаружи не больше насилия, чем здесь, внутри. Если я и уверен в чем-то безоговорочно, то именно в этом.

В настольном коммуникаторе замигала желтая лампочка. Кошар нажал кнопку, и тонкий механический голос произнес:

— Прошу прощения, но с материка пришло важное сообщение: тетроновое грузовое судно задержалось на шесть часов при выходе из гавани. Его контрольный механизм оказался безнадежно испорчен, и грузовоз был не в состоянии даже вызвать помощь по радио. В это время на него перебрались с маленького судна неды, выгрузили руду, и в общей панике были убиты два офицера.

— Когда это случилось? — спросил Кошар.

— Сегодня, около десяти утра.

— В задержке судна виноваты неды? Это был их план?

— Не думаю. Тут все сразу. Это был старый грузовоз, еще с радиоуправлением. А в это утро весь район был окутан невероятными радиопомехами, по-видимому, идущими с Тельфара. Прошел слух, что у военных какие-то неприятности с их компьютером, и они, похоже, как-то связаны со всем этим. Неды просто проходили мимо и воспользовались ситуацией.

— Понятно,— сказал Кошар.— Свяжитесь непосредственно с военными, узнайте, что происходит и может ли такое повториться. Ответ сообщите прямо мне.

— Будет исполнено,— голос отключился.

— Проклятые пираты,— выругался Кошар.— Тебе не кажется, что они пытались повредить лично мне в моих делах? Я не понимаю насилия ради насилия. Йон. Они ведь не украли руду, они просто выбросили ее и тем нанесли столько убытков, сколько смогли.

— Это нелегко понять,— сказал Йон и встал.— Если Клея свяжется с тобой, ты дашь мне знать? Это очень важно. Я остановился в...

— Ты не хочешь остаться здесь? — на лице старика проступили удивление и растерянность.— Прошу тебя, Йон. Этот огромный дом так опустел с тех пор, как ты и твоя сестра ушли отсюда.

— Я очень хотел бы, папа,— он отрицательно мотнул головой.— Но у меня договоренность в среднем кольце города. Там у меня квартира, полностью моя. И если что, оттуда мне будет легче уйти.

Часы на полках что-то бормотали друг другу. Удивление на лице Кошара сменилось глубоким разочарованием:

— Да, не стоило рассчитывать, что ты вернешься, как будто ничего не случилось.

Йон кивнул.

— Я скоро снова увижусь с тобой, папа, и мы поговорим как следует, долго. Вот тогда я и расскажу тебе обо всем,— он улыбнулся.

— Хорошо,— ответил отец.— Это так хорошо, Йон.

Снаружи над башнями Торона висело низкое солнце, наполняя тенью пустые улицы-колодцы городского центра. Йон шел,

чувствуя себя одновременно сильным и расслабленным. Ближе к среднему кольцу импозантные особняки центрального района уступали место обычным домам. Здесь люди сновали взад и вперед, многие возвращались с работы, изредка проезжал битком набитый общественный транспорт. Йон был уже в трех кварталах от своей квартиры, когда увидел на другой стороне улицы нечто, заставившее его остановиться.

Босой длинноволосый парень в обтрепанных штанах и черной рубашке с дырой на спине выводил по штукатурке длинной палочкой мела: «Ты попал в западню в тот ослепительный миг, когда...»

— Эй, парень! — окликнул его Йон и кинулся через улицу.

Парень мгновенно обернулся, так что патлы закрыли ему поллица, на секунду замер, а потом пустился бежать.

— Подожди! — крикнул Йон и побежал за парнем. Он нагнал его лишь в конце квартала, схватил за плечо и прижал к стене. Одна его рука уперлась локтем в грудь парню, другой он держал его за запястье.

— Я не хочу тебе никакого вреда,— сказал Йон как можно спокойнее.— Мне надо только поговорить с тобой.

Парень сглотнул и ответил:

— Я не знал, что пачкаю ваш дом, господин.

— Это не мой дом,— сказал Йон, осознавая, насколько его одежда лучше, чем у его добычи.— Что ты писал? Где ты видел это?

Ответом ему было лишь неразборчивое мычание. Йон слегка отпустил парня.

— Ты начал и не окончил надпись на стене. Зачем? Где ты слышал эти слова? Кто тебе сказал их?

Парень потряс головой.

— Послушай,— сказал Йон,— я не полицейский и не собираюсь докапываться до тебя. Как тебя зовут?

Черные глаза рыскнули по сторонам и снова остановились на лице Йона.

— Кайно. Кайно Нлове.

— Ты из Адского Котла?

Взгляд Кайно обежал его собственные лохмотья, затем — одежду Йона и его лицо.

— Идешь в ту сторону?

Короткий кивок.

— Я пройду с тобой часть пути,— сказал ему Йон. Они двинулись. Кайно, похоже, уже начал уставать от сопротивления.

— Ты хотел написать: «Ты попал в западню в тот ослепительный миг, когда узнал, в чем таится твой рок». Правильно?

Кайно кивнул.

— Я видел много таких надписей. Ты, видно, здорово потрудился.

— Не все их писал я,— уронил Кайно.

— Я так и думал. Но я хочу знать, откуда ты это взял, потому что мне интересно, кто первым написал это.

Кайно молча прошел два десятка шагов.

— Допустим, я написал это первым,— наконец сказал он.— Что вам с того?

Йон пожал плечами.

— Так вот, я написал это первым,— сказал Кайно, словно не надеясь, что ему поверят, и добавил: — Не я первым сказал это, но написал — первым. А потом увидел, что это написано еще в трех местах, где я не писал, и подумал, что это и в самом деле прикольно.

— Почему?

Кайно хохотнул.

— Потому что я знал, что так случится. Знал, что другие тоже начнут писать, начнут думать об этом, удивляться. И еще думал, что это, черт возьми, самая прикольная штука в Торомоне. Вы ведь тоже задумались, не так ли? — неожиданно голос его стал угрюмым.— Вот только никто не гонялся за мной, как вы.

— Я же не причинил тебе вреда,— возразил Йон.

— Ага,— Кайно пожал плечами.— Не причинили,— и снова хохотнул.

— От кого ты услышал эти слова? — снова спросил Йон

— От моего друга.

— Кто он?

— Мой друг,— повторил Кайно.— Убийца, вор, поэт. Одно время он шлялся с бандой недов в Котле.

— Как ты познакомился с ним?

Кайно поднял густые черные брови.

— Я тоже шлялся с ними.

— Как его зовут?

— Вол Ноник.

— Когда он сказал тебе это?

— Вчера утром.

Интерес Йона после этих слов усилился до предела.

— Что за человек этот убийца, вор и поэт, предводитель ваших недов? И почему ему вздумалось сказать тебе это вчера утром?

— Зачем вам знать об этом? — вопросом на вопрос ответил Кайно.— Вы же все равно не поверите.

— Сам не знаю, зачем,— сказал Йон.— Как ты говорил, это заставляет задуматься. Но я поверю.

— Прикольный вы мужик,— проговорил Кайно.— И говорите странно, вроде недов.

— В каком смысле?

— Вы хотите знать странные вещи и готовы поверить во что угодно. Вол говорил мне, что именно это делает человека недом.

Он сказал, что когда парень узнает, что к чему, и ткнется мордой в реальный мир, он разозлится, захочет узнать, как это все работает, и поверит любому, кто скажет, как — неважно, правильно или нет.

— Это сказал Вол Ноник?

— Ага. Вообще-то откуда ты в натуре взялся, цивил?

— Чего-чего?

— Я спрашиваю, откуда ты приканал в таком клевом прикиде? — Кайно снова расхохотался.— Так говорят неды.

— Я был в каторжных рудниках,— весомо сказал Йон.— Я бывал в шахтах, пацан, а язык, которым ты выпендриваешься и называешь языком недов — просто-напросто старинный уличный жаргон. Он известен достаточно широко.

— Ты был в рудниках? — удивлению в голосе Кайно не было предела. Он хлопнул Йона по плечу тыльной стороной ладони.— Крут!

— Ну так что там насчет Вола Ноника?

— Ладно, я так думаю, что вреда не будет, если я расскажу. Вы вообще знаете о жизни недов?

— Когда-то знал, но давно,— пояснил Йон.— Тогда они еще так не назывались, и жаргон, которым ты швыряешься, употреблялся редко. Я слышал его от парочки ребят, которые вкалывали в рудниках.

— Ага! Ну так вот: жили-были три банды недов...

— Короче,— сказал Йон.— Не размазывай.

— Компания в них была самая пестрая. Были ребята, у которых столько шила в заднице, что они даже в армии были на хрен не нужны. Были такие подкрученные, что как-то отмазывались от того, чтобы их засунули в эти гробы с глюками. Были всякие лохи, или просто невезучие, были обезьяны и длинные парни с материка, богатые сыночки из центра города, много с окраины, а больше всего с середки между ними. Да, и телки тоже — из-за них иногда такие разборки были, порой и до смерти, но чаще между всякой шушерой. А одна банда вообще была целиком бабская, и это были такие ведьмы, что просто зашибись! Но три большие банды...

— С кем из них таскался Ноник? — перебил Йон, устав слушать это долгое предисловие.

— Да, три банды,— повторил Кайно.— Банда Вола, и я был в ней, конечно. Затем банда под командой обезьяны по имени Джоф. Вы же знаете этих обезьян, у них не все дома, и они это понимают, так что если уж они входят в банду, то все время кидают понты, что они круче вареных яиц. И Джоф считался одним из самых крутых. Третья была банда Ларты, длинной девки с материка. Никто не знал, зачем она приперлась и что делала раньше. Она неделю отиралась в Котле, вся левая щека изрезана. Кое-кто клял-

ся, что она читает мозги,— Кайно непроизвольно провел ладонью по своей левой щеке.— Три банды, понятно? И вот, один квартал в Адском Котле хотели положить под себя и Ларта, и Джоф. Это было как раз за неделю до того самого мига. На этом маленьком кусочке было чем поживиться — одни заведения с игровыми автоматами чего стоили. А есть такой обычай: чтобы сесть на спорной территории, вызывают третью банду, и она машется с двумя первыми. Какая банда победит третью, та и получает все права. Поскольку махалово идет с левым противником, то большой мясорубки не бывает. А если обе стороны сделают третью, то вызывают четвертую и начинают все сначала. Вот Ноника и вызвали. Подрались, и спорный кусок получила Ларта со своими ведьмами. Но Джоф потребовал нового месилова с Ноником. И тут вдруг — тот самый миг, когда мы все поняли и про войну, и друг про друга. И тогда у недов случилось много странных вещей. Вол и еще двое порвали со своими бандами. Вол тогда ходил с девчонкой Ренной из среднего кольца города. Они встретились в университете. Она была художница и что-то вроде учительницы и хотела, чтобы он писал стихи, а не хулиганил. Мне кажется, что он и сам этого хотел, потому что, как только вышел из банды, сразу женился на Ренне. Только Джофу это не понравилось. Он думал, что Вол струсил перед реваншем. Затем банду Джофа отымела другая банда, и кто-то повесил это на Вола, типа за компанию. После чего Джоф поклялся, что уделает его, и вчера уделал.

— Что именно он сделал?

— Убил Ренну. Вот уж кто никогда не имел к недам никакого отношения. Она была для Вола всем самым добрым, чистым, правильным и...— Кайно замялся,— и прекрасным. Видели бы вы их вместе! Вроде бы каждый из них был миром, к которому другой тянется, и это казалось так красиво! Джоф раздавил мир Вола, а ее убил.

— А что было потом? — спросил Йон, чувствуя, как оскорблен Кайно этим происшествием.

— Похоже, что у Вола снесло крышу. Он бежал по улице вообще без всего. Я пошел к нему утром, хотел предупредить, что Джоф догребется до него, и на углу увидел, как он бежит голый и шатается. Я еще не знал тогда, что сделал Джоф, но видел, что Вол весь избит. Я оттащил его в переулок, обернул мешком, повел в свою нору в доках — есть у меня лежбище в заброшенном складе — и дал кое-какую одежду. Я прямо-таки по кусочкам вытаскивал из него, что там по реалу вышло — он все время завывал и почти не говорил внятно, но кое во что я все-таки въехал. Он все время твердил про что-то позади него, и я подумал, что он имеет в виду Джофа. Но он, оказывается, имел в виду ни больше не меньше как вселенную, в натуре! Затем он сказал то самое, что, как вы видели, я писал на стене. А потом вдруг

засмеялся. Скажи, говорит, им это, и увидишь, что случится. Увидишь, как их начнет плющить. Но теперь они меня не возьмут — это он повторял непрерывно. Я попытался удержать его на ногах и сказал, что ему надо идти в Главное медуправление. Рука у него была вывихнута, лицо разбито. Я сказал, что помогу ему добраться, а он отвечает: «Пусть попробуют помочь себе. Уже поздно. Они попали в западню. Мы все попали в нее». В конце концов я выволок его наружу. Он хотел, чтобы я остановился и написал на заборе то, что он сказал, но я твердил, что сначала мы дойдем до Главного медуправления. Было очень рано, народу на улицах почти никого. Мы пошли по главной улице, чтобы скорее добраться, и тут я услышал вертолет. Я посмотрел вверх: они летели совсем низко. Вол был почти в полной отключке.

Вдруг вертолет стал снижаться и сел прямо посреди улицы недалеко от нас. Оттуда выскочила женщина и самый жуткий мужик, какого я когда-либо видел. Представляете, полголовы из пластика, так что все мозги видны. Они бежали к нам, женщина позади мужика, а тот кричал: «Вол, что случилось?» Тут-то я и в самом деле перетрясся. Может, они как раз те, про кого Вол говорил, что они его не найдут. Мужчина сказал: «Клея, помоги поднять его в вертолет», и спросил меня, что случилось с Волом. Я не мог удрать, потому что Вол был слишком слабым и слишком тяжелым. Он чуть-чуть пришел в себя и прошептал жалобно: «Профессор Катам», так что даже меня на слезу пробило. Они подняли его, и я решил скипеть. Один раз оглянулся, а они уже взлетают. Ну, я и поперся обратно на склад. Но у того забора, на который показывал Вол, остановился, нашел кусок мела и написал крупными буквами те его слова. Больше я ничего не мог сделать. Я совсем в это не врубался, но когда прочитал, то почувствовал себя как-то странно — вроде бы мне даже и не надо знать, что это означает. Потом я написал это еще в нескольких местах. Очень скоро кто-то другой тоже стал писать это. И я подумал, что это очень прикольно. Просто до чертиков прикольно.

Они дошли до домов-ульев.

— А ты не разыгрываешь меня? — спросил Йон. Удивление сквозило в его голосе.

— Я же говорил, что вы не поверите,— рассмеялся Кайно.

— Кто сказал, что я не верю? — теперь голос Йона был совершенно спокоен.— Ты сказал, что мужчину с пластиковым лицом зовут Катам, а женщину — Клея. Ты правильно расслышал имена?

— Конечно, правильно. Эй, а вы-то не из тех, кто ищет Вола?

— Может быть.

— Черт побери,— выругался Кайно,— если уж я так легко продал друга, то должен хотя бы получить с вас. Чего вы от него хотите?

— Я хочу только знать. А ты обеспечь мне это. Где ты зависаешь? Где тебя искать, если мне надо будет снова поговорить с тобой?

— Где придется. Но в следующий раз с вас немного хрустиков, если хотите, чтобы я разинул пасть. Ясно?

— «Где придется» — это где?

— Ну хотя бы там, где жил Вол. Этот дом держит старуха, в нижнем этаже бар. Но после девяти вечера она не обслуживает,— он дал Йону адрес.

— Значит, я смогу найти тебя там.

— Идет,— кивнул Кайно.— И не забудьте насчет денежки, ладно? Жизнь нынче тяжелая, рудокоп!

— Да пошел ты лесом,— сказал Йон. Кайно ухмыльнулся и отправился в указанном направлении.

Глава 4

Альтер оставила в его квартире ленту с посланием. Когда он вставил ее в проигрыватель, с экрана просияли ее глаза, на этот раз совсем серые. Она улыбнулась и произнесла: «Приходи и расскажи, как прошла встреча с отцом». Йон отмотал ленту на начало и позвонил в королевский дворец. Перед ним появилось лицо герцогини Петры. Так же, как и он, она сидела за письменным столом, рыжие волосы огненным ореолом стояли вокруг ее головы.

— Хотите услышать нечто интересное?

— Что именно, Йон?

— Я узнал кое-что о Рольфе Катаме и Клее.

— Где они?

— С парнем, который первым сказал «Ты попал в западню...» и далее по тексту. Парня зовут Вол Ноник, он что-то вроде поэта и бывший главарь банды недов,— после чего была пересказана история Кайно.

Герцогиня нахмурилась.

— Вол Ноник, значит,— раздумчиво произнесла она.— И все трое вчера утром улетели на вертолете в неизвестном направлении. Йон, у вас есть какие-то соображения, что общего между этим парнем и вашей сестрой и зятем?

— Никаких,— уронил Йон.

— Я загляну в Центральный архив регистрационных записей и позвоню вам, если что-нибудь выясню.

— Если вы позвоните вечером, то я буду у Альтер.

— Может, вам обоим прогуляться в гостиницу, где жил Ноник, и выяснить, знает ли о нем еще кто-то?

— Хорошая мысль,— согласился Йон.

Ночь была теплой. Маленькая квартирка, где обитала Альтер с тех пор, как оставила цирк, была той же самой, где жила Клея в то время, когда отгородилась от всего мира. Альтер, подумал Йон, сумела взломать съежившийся кокон, в который заперла себя девушка-математик, и вывела Клею из миража вины обратно в реальность. Но теперь Клея опять исчезла. Йон покачал головой и постучал в дверь.

— Привет,— сказала Альтер, открывая ему.— Очень рада тебя видеть. Ты что-нибудь узнал про Клею от отца?

— Ты задаешь провокационные вопросы,— засмеялся он. Ее улыбка стала растерянной.

— Ох, Йон, с твоим отцом все в порядке? Ты говорил с ним или он все еще злится?

— Говорил. Это сработало куда лучше, чем я думал. У меня по-прежнему есть отец, а у него все еще есть сын.

— Я очень рада,— произнесла она, сжав его руку.— Я время от времени думаю о своей тете. Мне нельзя ни повидаться с ней, ни даже узнать, жива ли она. Наверное, и с тобой было что-то в этом роде,— она подошла к столу и села.— Ну так что же насчет Клеи? Куда она делась?

— Я знаю только, что они с Рольфом Катамом поженились, а потом исчезли.

— Она вышла за Катама? — удивленно переспросила Альтер.— Что же, я рада этому. Смею думать, эти двое — единственные, кто может по-настоящему понимать друг друга. Куда они уехали?

— Этого я как раз не знаю,— вздохнул Йон.— Но тут есть кое-что интересное. Помнишь ту строчку, которую мы прочитали на фонтане сегодня утром?

Альтер кивнула.

— Автор ее — поэт из недов по имени Вол Ноник, причем последними его видели Клея и Катам, которые увезли его на вертолете,— он еще раз изложил подробности.

Альтер присвистнула.

— Странные дела творятся на свете.

— Это уж точно. Петра сказала, что постарается узнать и позвонить, если...

Зазвонил видеофон. Альтер ответила, и Йон второй раз за этот вечер увидел лицо герцогини.

— Йон здесь? — спросила она.

— Здесь,— ответил он с другого конца комнаты.

— Что ж, я только что обзавелась кровным врагом в лице ночного библиотекаря Центрального архива, но раздобыла кое-что про господина Ноника.

— Гоните в легкую.

— Гнать? Кого?

Йон засмеялся:

— Просто уличный жаргон. Мне тут пришлось вспомнить его, общаясь кое с кем, и он застрял во мне. Это значит — начинайте рассказывать.

— Ага. Так вот, во-первых, Ноник был блестящим учеником в школе, хотя чуточку со странностями. Достаточно блестящим, чтобы получить стипендию в университете, где он занимался языками и в меньшей степени социологией. Два из его социологических курсов вел Рольф Катам.

— Значит, они хорошо знали друг друга? — уточнил Йон.

— Вероятно. Он был включен в список для спецкурса Катама об Америке XX века. Это был весьма почетный семинар, ограниченный шестью студентами, которых Катам выбирал лично.

— И что, Ноник участвовал в нем? — спросила Альтер.

— Нет.

— Почему?

— Его исключили из университета за «неподобающее студенту поведение». Уточнений нет. Не иначе, написал какой-нибудь ехидный опус о преподавателях на стене общественного туалета.

— Что ж, по крайней мере, мы знаем, откуда они знакомы,— сказал Йон.— Теперь нам нужно представить, что они намерены делать друг с другом.

— Я могу ответить даже на это,— сказала герцогиня.— Как раз сейчас Аркор кое-что проверяет для меня. А, вот и он! — Она опустила глаза на что-то, незримо переданное ей.— У Аркора было предчувствие, и оно подтвердилось. В ту неделю, когда Ноника исключили, есть запись о том, что Катам приобрел микропередатчик.

— Чего? — не поняла Альтер.

— Микропередатчик,— повторила Петра.— Маленькая двухканальная радиоигрушка размером с бусинку. Ее можно вживить прямо в горло. И в ту же неделю на медицинском отделении университета такую же бусинку поставили Нонику.

— Вы хотите сказать, что с тех пор они были в радиоконтакте?

— Да, чуть больше трех лет,— подтвердила Петра.

— Но зачем? — спросила Альтер.

Изображение на видеофоне пожало плечами.

— Откуда мне знать? Но раз вертолет забрал его прямо с улицы, видимо, Клея и Катам следили за ним по радиосигналам.

— А Клея и Ноник были в университете в одно время? — спросил Йон,

— Да, только она училась в аспирантуре, а он был еще студентом. Вот все, что мне удалось выкопать.

— Немало,— заметила Альтер.

— Однако это не дает нам никакой подсказки, зачем они вместе и куда направились. Петра, есть ли в аэропорту какая-

нибудь запись насчет вертолета или вообще чего-то подобного? Так сказать, на случай вторжения вероятного противника.

Герцогиня начала что-то говорить, но вдруг твердое выражение ее лица растаяло:

— Я... я не знаю, Йон. Честное слово, я больше ничего не знаю. Совет пытался утверждать, что ничего не происходит, и был парализован паникой, когда узнал. Может быть, нам самим придется ехать в Тельфар. Но, кроме этого, я ничего не знаю.

— Мы найдем их,— сказал Йон.— Если же нет — только тогда в Тельфар.

Твердость снова вернулась к герцогине.

— Сходите туда, где жил Ноник, может, там есть какой-нибудь ключ. Больше мне ничего не приходит в голову.

— Будет сделано,— сказал Йон. Герцогиня резко отключилась. Он повернулся к Альтер.

— Готова в поход?

— Угу.

Йон легко вскочил с кресла и, мрачнея, повернулся к акробатке.

— Она очень устала,— сказал он хмуро.

— Знаешь, я тоже устала бы, пытаясь управлять целой страной, имея с одной стороны кучку паникующих стариков, а с другой — семнадцатилетнего короля, который три последних года жил вне двора. О нем только и можно сказать, что он неглуп и послушен.

— Пошли в гостиницу Ноника,— махнул рукой Йон.

Ночь опустила свое темное покрывало прямо на крыши. На пути к Котлу дома становились ниже, беднее и теснее жались друг к другу. Йон и Альтер свернули в переулок, отмечающий старейший район города. Хотя уже стемнело, народу в этой части города было куда больше, чем в центре.

Альтер улыбнулась, проходя мимо двух мужчин, которые ругались из-за узла. Узел был плохо завязан, и было видно, что в нем старая одежда.

— Я снова дома,— рассмеялась она.— Спорю, что они где-то стянули его, а теперь не могут решить, кому тащить его к скупщику. Гостиница, наверное, вон там,— они снова свернули.— Вспоминая времена, когда я бегала по этим улицам, я почему-то испытываю ностальгию. Не знаю, почему. Жизнь тогда была голодная, и в ожидании очередного карнавала, где находилась работа для меня, приходилось и самой кое-что потаскивать.

На углу под синим тентом сверкал продуктовый лоток. Холодный неоновый свет заливал фрукты, выращенные гидропонным способом, а в стеклянном ящике на ледяном ложе лежала блестящая рыба из аквариумов. Продавец в белом фартуке отпускал

кому-то товар. Альтер глянула, не смотрит ли он, и схватила маленькую дыню. Когда они снова завернули за угол, она разломила плод и дала половину Йону. Девушка немедленно вгрызлась в сладкую мякоть, Йон же так и держал свою долю в руке, а потом вдруг улыбнулся и потряс головой.

— В чем дело? — спросила она.

— Просто задумался. Я пробыл в тюрьме пять лет, но ни разу не украл ни денег, ни пищи. До тюрьмы я имел все, что хотел, так что в тюрьме мысль взять что-то не свое никогда не приходила мне в голову. Теперь мне платит герцогиня. И знаешь, когда я увидел, что ты взяла плод, моей первой реакцией было удивление. Ты, наверное, назовешь его моральным возмущением.

Альтер вытаращила глаза, потом нахмурилась.

— Да, наверное, это было глупо... я хочу сказать, что просто вспомнила, как таскала фрукты, когда была маленькой. Но ты прав, Йон: воровать — неправильно...

— Я ничего не говорил, правильно это или нет.

— Но я подумала...

— И второе, что пришло мне в голову: она из Котла, а я из центра, и нас разделяет целая пропасть морали и обычаев. И я подумал, как ты принимаешь все эти вещи и объединяешь их?

Она хотела что-то сказать, но осеклась и только посмотрела на него.

— Правильно, неправильно,— сказал он.— Черт возьми, я же убийца, ты помнишь? Как же мы сравняемся? Я сын богатого отца, а ты циркачка из Котла. Однако я знаю ответ: нас уже сравняло все то, чему ты учила меня, когда говорила, как откидывать голову, прижимать подбородок и перекатываться. И теперь для нас нет ничего проще, чем быть равными. Вот так,— он взял ее за руку,— и так,— он откусил от плода, брызнувшего сладким соком.

Она слегка пожала ему руку.

— Да, все так. Только насчет неравенства я тоже все понимаю. Помнишь нашу жизнь у Петры в поместье, прежде чем мы вернулись в Торон? Я очень долго чувствовала себя неловко из-за всяких дурацких мелочей: как правильно пользоваться вилкой, когда встать, когда сесть и прочее. Иногда мне просто хотелось провалиться сквозь землю, и я задумывалась, кому вообще нужна моя жизнь. Когда ты пытаешься прекратить войну, глупо думать о таких вещах, но я все-таки думала. Раньше я всегда считала, что надо просто жить в ожидании удачи и не слишком дергаться по поводу того, что съесть завтра. Но рядом с тобой и герцогиней я стала думать немного иначе: все то время, когда ты не развиваешься, не узнаешь что-то новое, не делаешь чего-то важного, ты проводишь в сплошном неудобстве,— она передернула плечами.— Вероятно, поэтому я проводила так много вре-

мени с Телем. Он хоть и с материка, но в этом смысле был больше похож на меня. Мы могли бы идти по жизни вместе,— она коснулась ожерелья из раковин.— Но теперь он умер, убит на войне. Так что мне делать?

— Ты любила его?

Альтер опустила голову.

— Я очень любила его. Но он погиб.

— Что ты собираешься делать? — помолчав, спросил Йон.

— Учиться,— ответила она.— Ты можешь учить меня. Считай это взаимообменом,— и они рассмеялись вместе.

Среди множества дощатых домишек, крытых ржавым железом, это строение выглядело крепким и довольно солидным. Дойдя до двери, Альтер сказала:

— Надеюсь, что эта вылазка не обернется...— она шагнула вперед и осеклась.

Стоявшая за стойкой пожилая женщина с пурпурным родимым пятном подняла глаза, пошатнулась и раскрыла рот. Альтер схватила Йона за руку и потащила вперед, еле слышно шепча:

— Тетя Рэра!

Женщина выскочила из-за стойки, вытирая фартуком руки, и замерла на середине зала, все так же раскрыв рот и тряся головой, словно отгоняя видение. Альтер обняла ее за плечи.

— Тетя Рэра!

— О, Альтер... Какими судьбами... откуда...— пожилая женщина улыбалась, но по щекам ее текли слезы.— Ты вернулась ко мне! — наконец выговорила она срывающимся голосом.

Люди в таверне, многие из которых были одеты в военную форму, подняли глаза.

— Тетя Рэра, ты, значит, работаешь здесь?

— Работаю? Я владелица. Я получила лицензию. То есть на самом деле получила.

— Ты — владелица?

— Ну да, я делаю тут всю работу сверху донизу, но зато и все деньги идут только в мой карман. Для женщины с практическим складом ума это не так уж трудно. Ох, Альтер, я так искала тебя!

— Я тоже искала тебя, но старая гостиница Джерина была разгромлена.

— Знаю. Я некоторое время работала помощницей медсестры в Главном медуправлении. Я обыскала все цирки и карнавальные шоу, которые приезжали в Торон.

— Я стала работать там только несколько месяцев назад.

— Понятно. Как раз тогда, когда я перестала искать,— она смахнула слезы.— Я так рада видеть тебя, Альтер, так рада!

Они снова обнялись.

— Тетя Рэра,— сказала Альтер, вытирая глаза тыльной стороной ладони,— я хочу поговорить с тобой кое о чем важном. Не

могла бы ты мне помочь? Я хочу узнать о человеке, который жил здесь.

— Конечно, конечно,— сказала Рэра и тут впервые разглядела Йона.— Молодой человек, будьте добры, последите здесь, пока я пойду и пообщаюсь минутку с племянницей.

— Ох, тетя Рэра,— спохватилась Альтер.— Это Йон Кошар, мой друг.

— Рада познакомиться,— поклонилась Рэра.— Вы просто приглядывайте за всеми и не допускайте скандалов,— она окинула взглядом фигуры в зале: — И никого не выпускайте без оплаты. Хотя не похоже, чтобы кто-нибудь собирался уходить,— она повернулась к задней комнате, держа Альтер за руку.— Налейте себе, если хотите. Наливайте всем! — и она заторопилась, таща девушку за собой.

Усмехнувшись, Йон подошел к стойке, налил себе и сел неподалеку от одного из военных. Тот посмотрел на него, коротко кивнул и снова опустил глаза. Сильная эмпатическая реакция Йона на встречу Альтер с теткой поубавила у него сдержанности, и он обратился к военному:

— Похоже, что ваши ребята сидят здесь весь вечер. Что вы тут делаете?

Военный поднял на него глаза.

— Что за ерунда,— пробормотал он и переспросил: — Что я тут делаю? Ты меня спрашиваешь, что я тут делаю?

— Да-да,— ответил Йон.— Что вы тут делаете?

— Я надираюсь,— военный поднял кружку с зеленой жидкостью и провел пальцем по мокрому краю. Йон вдруг ощутил, что в мозгу военного что-то происходит, и прислушался к тону, каким тот говорил.— Я делаю неуклюжую попытку спрятаться в кружке,— вокруг него и в самом деле уже стояло множество пустых кружек.

— Почему? — спросил Йон, стараясь соотнести этот цинизм с собственным добрым чувством.

Военный повернулся, и Йон увидел его эмблему: капитан Корпуса психологической поддержки. После «того самого мига» многие из них перестали носить свои эмблемы, так же, как солдаты перестали носить униформу.

— Видите ли,— сказал офицер чуточку пьяным голосом,— я из тех, кто знал о войне, кто планировал ее, вычислял лучший способ ее ведения. Здравствуйте, человек из города. Рад пожать вам руку,— однако, вопреки словам, руки не протянул и вновь вернулся к своей выпивке.

Обычно Йон не пытался проявлять любопытство, если человек не был расположен к беседе. Но сейчас он сам был в необычном состоянии.

— Знаете,— сказал он,— я не был в армии, но у меня есть впечатление, что из-за этого я что-то упустил. Кроме всего про-

чего, это, как мне кажется, тот опыт, который делает из мальчика мужчину.

— Да, я понимаю вас,— коротко ответил офицер.

— Физическая дисциплина и опыт активных действий,— продолжал Йон,— пусть даже в гипнотическом сне, должны что-то значить. По крайней мере, смерть, ожидавшая их, была реальной.

— Видите ли,— сказал психолог,— мы делали куда больше, чем только планы сражений. Мы управляли всей пропагандой, которая шла и к гражданским лицам тоже. Мне кажется, я знаю, о чем вы думаете.

Йон удивился.

— Значит; вы не считаете, что военная дисциплина может быть хорошим опытом?

— Опыт — это то, как вы это воспринимаете,— возразил психолог.— Это абсолютная реальность, так? Из мальчика в мужчину! Посмотрите на ребят, которым нравится армия. Это те, кто больше всего на свете ненавидит несовместимость со своими родителями. Они готовы обожать отца, отдающего им приказы по книге правил, даже если эти правила давно бессмысленны и мертвы. Такому парню лучше бы договориться с уже существующим папашей, чем искать ему замену.

Несмотря на опьянение, офицер рассуждал логично. Йон продолжал:

— Но разве армия не создает известный суровый микрокосм для работы над определенными проблемами... ну, скажем, чести, морали. Хотя бы для самого человека...

— Воистину,— отозвался офицер.— Микрокосм, полностью безопасный, абсолютно нереальный, без женщин и детей, где бог — генерал, а дьявол — смерть, и вы играете в нем так, чтобы все воспринималось всерьез. Все было устроено так, чтобы порождать наиболее деструктивные и нелогичные человеческие действия, якобы контролируемые и, насколько возможно, не случайные. В то время, когда экономическое положение и состояние умов в Торомоне достигло точки, когда «война неизбежна», мы должны были иметь какое-то место для всех усталых мозгов, ушибленных именно этим положением. Это и была армия. Но нашей задачей было заставить всех вас думать, что это безопасно, почетно и вообще хорошо. Из мальчика в мужчину, говорите? Дисциплина сама по себе ничего не значит для мальчика. Ваши руки...

Йон покорно взглянул на свои руки. Акробатика не только наполнила силой его пальцы и запястья, но и обошлась с его ладонями без всякой жалости. Только сейчас, в плывущем свете бара, он осознал, что мозолей на них не меньше, чем во времена работы на руднике.

— Ваши руки могут хорошо двигаться и делать разную работу. Вы выглядите интеллигентным человеком, так что, скорее

всего, делаете свое дело хорошо. Когда вы учились этому делу, что бы это ни было, вы набивали мозоли, и в этом была дисциплина. Можете ли вы строить, владеете ли навыками какого-то ремесла, могут ли эти руки приказывать, работая с кем-то другим или в одиночку? Я не знаю, чем вы занимаетесь, но знаю, что, воспитывая свои руки, вы подчиняли их куда более строгой дисциплине, чем десяток людей, которые только и умеют, что убивать во сне. Мы же принижали то, что уже вложено в ваши руки, пытаясь заставить вас думать, что это даст вам только армия. Мы так замечательно все спланировали! Романы, повести, статьи — все это твердо отвечало «Да!» на вопросы, которые вы только что задали. Кстати, писал их вовсе не Корпус психологической поддержки. Мы провели достаточно пропагандистской работы, чтобы неуверенные и сомневающиеся интеллектуалы сделали остальное. «Да, да, да! Война — это реальный и весомый опыт» — потому что из вас всех они одни умели сомневаться до такой степени, чтобы представить, какая все это фальшивка. Сделать из вас мужчину? А вот посмотрите на этих! Посмотрите!

Он сделал широкий жест в направлении остальных солдат, сидевших в баре. Один из них спал, навалившись на угол стола. Двое других препирались у двери, в то время как еще один с тревогой ожидал драки. Пятый истерически хохотал над чем-то, разговаривая с девушкой, откинулся на спинку стула и упал назад. Теперь уже расхохоталась девушка.

— Или посмотрите на меня,— добавил психолог, покачиваясь и глядя в кружку.— Посмотрите на меня.

— Вы думаете, что вообще все это не имело значения? — спросил Йон и подумал о Теле, друге Альтер, который был мертв.— Для всех — не имело?

Психолог медленно покачал головой.

— Вы не понимаете. Вы действительно все еще ничего не понимаете. Вы знали кого-то, кто сгорел в одном из этих железных гробов, не так ли? Вам чертовски хочется, чтобы это что-то значило. Но я знал многих парней, которые там умерли. Я тренировал их. И там не было ни одного, кто стал бы более мужчиной, чтобы делать то, что делаете своими руками вы. Но я плевать хотел, что это так,— офицер скорчил гримасу.— Потому что жизнь...— он протянул палец и толкнул десятую часть деньги к квадрату из монет, который он выложил в уплату. Из дальнего конца матрицы вылетели две монеты.— Жизнь похожа вот на это. Враг — не всегда кто-то, в кого вы можете стрелять из-за мешка с гравием. И не всегда есть тот, кто скажет вам, когда стрелять и когда прекратить огонь. Опять же женщины и дети очень редко бывают далеко за спиной, в безопасности, а потом выясняется, что и у них есть свои проблемы... с которыми они

порой справляются лучше, чем иные «настоящие мужчины». В армии все легко и просто: сражаться до смерти за правое дело...

Офицер снова взглянул на Йона.

— Вы знали кого-то, кто сгорел. Что ж, по сравнению с тем, ради чего вы живете, он умер за не такую уж плохую вещь,— он помолчал.— Это трудно принять.

— А вы принимаете? — спросил Йон. Слова прозвучали жестоко, но он сказал их с удивлением, начиная понимать. Офицер-психолог хихикнул.

— Ага. Вроде бы,— смех его прозвучал как стук гравия, сыплющегося на железный лист. Затем он нахмурился и потряс головой.— Они не ненавидят меня. Вы понимаете, у них нет ненависти ко мне. Они приходят сюда, пьют со мной, не задевают меня за то, что их сражения были не настоящими, относятся с полным дружелюбием, хотя знают, что я одно из ответственных лиц. О, мы сделали свою работу настолько хорошо, что даже самим не верится. Им все-таки было легче идти в никуда с теми чувствами, которые мы с таким трудом внушали им. Но я психолог, так что я точно знаю, почему я сижу здесь и напиваюсь вусмерть. Я понимаю все, что происходит в моем мозгу и заставляет меня это делать. И я знаю, почему я пил вчера и позавчера. И я знаю, и они знают, и, черт дери все, никому от этого ни вот настолько не легче.

Альтер и ее тетка вышли из задней комнаты, и Йон повернулся к ним.

— Вот и мы,— сказала Рэра, опять вытирая глаза фартуком.— Возвращайся поскорее,— обратилась она к племяннице.— Твоя старая тетушка теперь женщина респектабельная.

— Приду,— сказала Альтер, обняв тетку, и взяла Йона под руку.

— Не хотите ли вы оба чего-нибудь поесть? — спросила Рэра.— Или, может, просто посидим и поболтаем?

— Сейчас нам некогда,— сказала Альтер.— Но мы обязательно скоро зайдем снова.

— Поскорее,— попросила Рэра.— Будьте так добры, сделайте это поскорее.

Они неторопливо вышли из гостиницы.

— Ты узнала что-нибудь о Нонике? — спросил Йон.

— Угу,— кивнула она. В руках у нее был сложенный пакет, набитый бумагой.— Здесь некоторые его стихи. Они остались в его комнате после...— она вздрогнула и крепче стиснула руку Йона.

— О чем твоя тетка хотела с тобой поговорить?

— Она хотела, чтобы я осталась с ней и жила тут.

— Понятно.

— Там все так цепляло меня, что я даже пыталась не смотреть. Я даже думаю, что могла бы любить все это. Но сейчас у меня есть своя квартира, и я уже привыкла быть у себя дома,— она отбросила назад свои белые волосы.— Но в то же время я осознала, как сильно я люблю тетку.

— Знаешь,— сказал Йон,— сейчас мне кажется, что сегодня я кое-что сказал, не подумав. Я вспомнил все, что говорил насчет обычаев и морали, разделяющих людей и делающих их отличными друг от друга. Но в людях намного больше сходства, чем различий. Гораздо больше.

Так же неторопливо они покинули окраину города и пошли вместе сквозь строгую ночь, чтобы рассмотреть добычу Альтер.

Глава 5

Сдави шею ярости удавкой насилия
Возьми в оцепление бездны сознания,
И разум в мольбе напряги, и поведай,
Как одинок человек в этой тьме...

Голубоватая вода струилась по полу подвала, из угла разило мокрыми мешками из-под рыбы. Джоф присел на бочонок и положил руки на колено. Он то и дело стискивал и разжимал пальцы, и этот жест выдавал его страх. Медленно дыша, он сидел в темноте уже полтора часа и не столько думал, сколько позволял крутиться в своем мозгу одним и тем же картинам: девичье лицо с закрытыми глазами и ниткой крови изо рта, словно прочерченной багровым карандашом; тело, упавшее на пристани, когда темноту прорезала сирена; блестящее в свете луны окно склада, которое он разбил кулаком и порезался. Теперь на руке был свежий шрам. Здесь, подумал он, я могу сидеть спокойно. Одиночество было тягостным, но он принимал его, поскольку считал, что другого выхода нет. Он снова стиснул пальцы, пытаясь побороть страх. Когда-нибудь он, возможно, прекратит попытки, но это будет нескоро...

Раны свои — залечи злым деянием,
Кровь свою — в грязь, на булыжники пристани!
Сердце, что в силах вместить мироздание,
Пусть выйдет из моря, в мистерию города...

Мать Ренны смотрела, как закрылась дверь ее гостиной за полицейским офицером, и думала: сейчас глаза мои лопнут и я, наверное, завизжу. Может быть, треснет штукатурка и обрушатся стены... Она ждала. Ничего не случалось, только дышать было все труднее и труднее. Перед глазами почему-то стоял один и тот же образ: монетка, переворачиваясь и сверкая, уходит в глубь темной воды...

Она подошла к видеофону и набрала номер доктора Венталя. Он был единственным врачом в доме. Когда раздался пронзительный гудок, она подумала: «Зачем я звоню доктору? Какого черта я ему звоню?»

— Да? — на экране проявилось лицо врача.

Что-то в ней разорвалось, и она закричала:

— Доктор Венталь, ради всего святого, помогите мне... Моя дочь Ренна умерла, ее... Ох, она умерла...— обрывки фраз с трудом сползали с ее языка. Что-то жгло ее губы, щеки, глаза.

— Вы, кажется, живете на втором этаже?

— Да... я, да...

Она задумалась, как сейчас выглядит ее лицо, но доктор уже сказал, нахмурившись:

— Я сейчас спущусь,— и отключился.

Время шло. Время всегда проходит, подумала она. А куда иду я в этом прошедшем времени? Тут раздался стук в дверь. С истерическим спокойствием она открыла. Вошел доктор.

— Я извиняюсь,— выговорила она,— я очень извиняюсь. Я не хотела беспокоить вас, доктор. Я знаю, что вы ничем не можете помочь мне. Я право, не понимаю, зачем вообще вынудила вас спуститься...

— Не трудитесь извиняться,— сказал Венталь.— Я вполне понимаю вас.

— Сейчас здесь был полицейский. Он все сказал мне. Они не могли идентифицировать ее по рисунку сетчатки, потому что ее глаза были полностью...

— Не дать ли вам успокоительного?

— Нет. Я не хочу его. Я не собиралась вызывать вас сюда... я...— наконец, отчаяние словно отпустило ее на миг только для того, чтобы дать возможность сформулировать: — Ох, доктор Венталь, я просто хотела поговорить с кем-нибудь и первым делом подумала о враче, не знаю уж, почему. Но я просто хотела поговорить,

— Но, может быть, вы все-таки хотите успокоительного?

— Ох, нет,— снова отказалась она.— Вот что, я налью нам обоим выпить.

— Ну...— он замялся.— Ну ладно.

Она извлекла из серванта стаканчики и зеленую бутыль. Все ее движения были замедленными, словно она находилась в воде. Пройдя в маленькую кухню, она нажала педаль откидного стола и поставила бутылку и стаканчики на его поверхность, имитирующую голубой камень.

— Позвольте,— сказал доктор, предлагая ей стул. Она села, он обошел стол, открыл бутылку и налил. Когда она выпила свой стакан, доктор уселся сам, выпил свою порцию одним глотком и налил снова с такой самоуверенностью, какой от него было труд-

но ожидать. Она посмотрела на зеленую жидкость, дрожащую в стакане, и сказала:

— Доктор Венталь, я чувствую себя такой одинокой. Мне хочется куда-то бежать или куда-нибудь заползти, хочется, чтобы мне сказали, что делать. Когда умерли мои родители, я не испытывала ничего подобного...

— Говорят, что смерть ребенка...— начал доктор и закончил кивком. Похоже, он пил уже третью порцию.

— Я так любила ее и, видимо, избаловала. Я доставала ей приглашения на вечера, покупала наряды... очень много нарядов,— внутри нее словно рухнула плотина, и слезы снова хлынули у нее из глаз, но она, балансируя на грани срыва, продолжала: — Все родители живут ради своих детей, доктор. Так и должно быть, верно? — ее пальцы непроизвольно зарылись в волосы, и шарф, который она всегда носила, оказался у нее в руках. Зеленый шелк с тонкими алыми и синими разводами показался ей таким живым в сравнении с сухой сероватой кожей, обтянувшей ее кисти.

Она взглянула на доктора. Он наливал себе еще и виновато улыбался:

— Я, кажется, опустошаю ваши запасы. Простите меня.

— О, все в порядке,— ответила она как во сне.— Я почти никогда не пью спиртного, так что продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо.

— Мне все чудится, что я должна что-то кому-то дать, что-то для кого-то сделать, и тогда только поверю, что я сама...— она надолго замолчала и наконец еле слышно выговорила: — ...что я сама жива,— она подвигала стакан взад-вперед по столу, пытаясь поймать луч света. Когда ей это удалось, свет, прошедший сквозь зеленую жидкость, красивым бликом лег на голубой псевдокамень.— Только тогда я смогу поверить, что я жива,— повторила она чуть громче.

— Я ждал, что вы скажете — «смогу поверить, что она жива»,— произнес доктор. Она замотала головой:

— Нет, ни в коем случае. Я знаю, что хотела сказать,— она вскинула на него глаза.— Думаю, мне все-таки стоит принять ваше успокоительное. На самом деле мне совсем не хочется выпивки.

— Прекрасно.

— Я сейчас приду в себя. Спасибо, что вы пришли — я на миг почувствовала, что не одна. Но ведь я... ничего не могу сделать.

— В отношении вашей дочери — ничего не можете.

— Это я и имела в виду,— она встала.— Сейчас я приму ваше лекарство и прилягу.

Доктор кивнул и кое-как встал, держась за край стола.

— Что с вами, доктор? — обеспокоилась она.

— Видимо, я излишне налег на ваши запасы,— он снова улыбнулся, выпрямился и нетвердым шагом отошел от стола. В гос-

тиной он долго рылся в чемоданчике, пока не нашел бутылочку из янтарного стекла.

— Я вам оставлю... две,— вытряхивая таблетки из бутылочки, он покачнулся и уронил их на полу своего пиджака.— Сначала примите одну, а потом, если понадобится, другую,— он стряхнул таблетки с пиджака на кусочек марли и протянул ей.

Она проводила его до порога и открыла перед ним дверь. Он шагнул в коридор, держась за косяк. Она нахмурилась, но постаралась обратить все в шутку.

— Не говорите своей жене, сколько времени вы пробыли здесь. Вы, наверное, не хотите, чтобы она знала.

Она увидела, как напряглись его плечи под пиджаком цвета дубовой коры. Он медленно повернулся.

— Я, пожалуй, должен поставить вас в известность, что дал вам это успокоительное незаконно. Что же касается моей жены, то она ничего не узнает, потому что больше не живет со мной,— она удивленно взглянула на него.— Неделю назад меня обвинили в преступной небрежности: мол, кто-то умер, получив не те лекарства. Моя жена узнала и ушла от меня. Так что мне теперь не приходится что-то скрывать от нее.

Он снова повернулся и неверными шагами пошел по коридору, а она смущенно вернулась в свою пустую квартиру.

Взгляд твой, в оправе из драгоценностей,
Ловит видения где-то за стенами.
Вор, идиот и циркач — три свидетеля
Смерти, печали, растущих потребностей.
Великолепная и одинокая,
Спи, госпожа, разреши себе спать...

Король смотрел на свою кузину, которая стояла у окна и задумчиво трогала дымчатый камень на серебряной цепочке, висевший на ее шее. Петра задернула шторы, отгораживаясь от городских огней, и повернулась к нему. Рыжие волосы, схваченные двойным золотым гребнем, выполненным в виде клешней краба, каскадом падали на ее плечи.

— В чем дело, Петра?

— Что вы имеете в виду, Ваше Величество?

— Прошу тебя, Петра,— умоляюще произнес он,— не надо официальности. Будь просто моей кузиной, как раньше, когда ты рассказывала мне разные истории.

Герцогиня улыбнулась.

— Лет, я избегаю рассказывать истории.

— Тогда скажи мне правду. Что тебя тревожит?

— Я говорила тебе о так называемом враге,— сказала она, присаживаясь на кушетку.— Ты был на заседании Совета. Должна сказать, что ты замечательно поработал. Ты спорил с министрами спокойно, а я в конце концов начала бы попросту орать на них.

— Только потому, что ты сидишь рядом со мной, как мой советник. Петра, я хочу, чтобы они позволили тебе говорить на официальных заседаниях. Я спорил спокойно, чтобы ты заблаговременно перешла на мою сторону. Я видел, что ты жаждешь выступить. Наверное, поэтому у тебя так натянуты нервы.

— Насчет нервов ты прав,— невесело рассмеялась она.— Но ты и в самом деле очень хорошо говорил в Совете. Ты весьма красноречивый мальчик.

— Вот именно, я мальчик — мне всего семнадцать, и я этого не забываю. И Совет тоже. Иногда я прямо-таки слышу твои мысли: «Если бы только этикет позволял мне сказать то же самое...» — он вздохнул.— Но это лишь одна половина. Как насчет второй?

Петра замялась на несколько мгновений.

— Иногда я думаю, что за годы, проведенные среди лесных стражей, ты и сам выучился читать мысли.

— Я всего лишь научился тщательно наблюдать. И я наблюдал за тобой. Ну так ты скажешь мне или нет? — его голос был спокоен, но повелителен. Только благодаря этому голосу они получили тот небольшой успех в Совете.

Она встала, снова подошла к окну, зачем-то опять отдернула вышитые шторы. Ветер колыхнул ее голубое платье. Лет спокойно наблюдал за ее нервными перемещениями.

— Сомнение, Лет. Большое и серьезное.

— В чем ты сомневаешься, Петра?

— В тебе. В самой себе,— она протянула свои обнаженные руки в открытое окно, навстречу причудливым световым образам, живущим среди тьмы.— Сомневаюсь в этом острове, в этой империи, во всем, что окружает нас и за что мы отвечаем. И я сомневаюсь в нас, очень сильно сомневаюсь.

— Но откуда эти сомнения, Петра?

Она набрала воздуха в грудь, словно набираясь решимости перед чем-то, чего боялась:

— Лет, много дней назад, еще до объявления войны, я задумала план, который, как я надеялась, спасет Торомон. Я люблю Торомон — корабли, фермы, фабрики, леса... Но я всегда знала, как он слаб. Мой план должен был придать ему запас прочности, смягчить его экономические травмы, освободить от узды Совета. Но главная моя надежда была на тебя. Увезти тебя от матери и брата, а затем утвердить на троне. Я считала, что Торомону понадобится сильный король, умеющий четко выражать свои мысли. Я возлагала большие надежды на воспитание, которое ты получишь в лесу. Однако теперь я сомневаюсь в этом плане, как в моей его части, так и в твоей.

— Я не вполне...

Она наконец-то отвернулась от окна.

— Аристократия Торомона действительно не способна объединить страну. Она слишком стара, слишком устала и слишком связана с Советом, чтобы принять перемены, которые могут спасти нас. Но при этом она еще слишком сильна, чтобы умереть. Возможно, мне не следовало пытаться управлять страной как ни в чем не бывало. Может быть, имело смысл делать все по-другому. Может быть, правильный ответ был — убрать существующее правительство и допустить к власти новое, сильное, выросшее из того здорового, что еще осталось в Торомоне. Может быть, мне следовало стать одной из недов и разрушать ради разрушения. Во всей этой системе гораздо больше плохого, чем хорошего. Не исключено, что я пыталась сохранить живым то, чему лучше бы давно умереть. Лет, я очень сомневаюсь в своей правоте. И если я ошиблась, то моя ошибка была самой большой за эти пятьсот лет,— она снова села на кушетку и сплела на шее свои длинные пальцы. Она страшно устала, но из последних сил пыталась держать голову высоко.

— Это огромная ответственность, Петра,— сказал молодой король только для того, чтобы не длить молчание.

Она чуть наклонила голову, а когда снова подняла ее, он увидел предательский блеск в ее глазах.

— Лет, я так одинока,— тихо сказала она, и по ее щеке медленно скатилась слеза.

— Петра! — он наклонился к ней, и его голос стал настойчивым.— Петра!

— Да?

— Могла бы ты сделать что-то такое, чего никогда не делали в Торомоне?

— Не знаю,— отозвалась она.— Чего-то, чего никогда не делали в Торомоне... с тех пор, как я хотела чего-то подобного, прошло много времени. А чего именно хотите вы, Ваше Величество?

— Петра, я тоже чувствую себя одиноким.

— Так и должно быть. Эта работа для одиноких.

— Так и есть,— он кивнул.— Все, кого я хорошо знал — в лесу. А здесь у меня нет друзей, кроме тебя. Но когда я чувствую себя особенно плохо, я думаю о том, что сделал бы, если бы... И надеюсь, что однажды я это все же сделаю. Тогда становится немного лучше.

— Что же ты хочешь сделать? — улыбка чуть тронула ее губы.

— Это для всех по-разному,— начал он объяснять,— но...

— Расскажи мне.

Король снова наклонился к ней, как делал это мальчишкой, желая рассказать «страшный секрет». Она заметила, что руки его начали терять золотистый загар, привезенный из материкового леса.

— Давно, еще до того, как меня увезли на материк, я познакомился — не очень хорошо помню, каким образом — с мальчи-

ком, сыном рыбака с побережья. Он рассказывал мне о море, о работе на лодках, о том, как ловят рыбу. Рассказывал, как солнце встает над морем, сверкает на воде ярким пламенем и окрашивает скалы в самые разные цвета. Я хотел бы работать на лодке, Петра. Но не так, чтобы меня возили с места на место, а правил судном кто-нибудь другой. Я хотел бы сам управлять и плыть, куда захочу, и чтобы волны перекатывались через меня, а я рассекал их.

Он ненадолго умолк, прикрыв голубые глаза. Его желтые волосы, добела выгоревшие под материковым солнцем, здесь, в городе, снова начали наливаться благородным оттенком темного золота.

— Я одинок, Петра,— снова заговорил он.— Как и ты. Когда я ощущаю это особенно сильно, я думаю: когда-нибудь я сяду в лодку, как тот мальчик, и направлю ее в море. И это помогает.

— Хорошо,— сказала она. В третий раз она направилась к окну и начала дергать занавески.— Встаньте рядом со мной, Ваше Величество.

Лет подошел и встал справа от нее, глядя поверх городских огней на величественную гладь полночного моря.

— Торомон за окном,— сказала она. Он кивнул:

— Да. И мы в его центре. Оба одинокие.

Рваные линии — целыми сделай,
Гибкими, точными, истинно верными:
Рыбий скелет тень на стены бросает
И утверждает, что он — идеал!

Аркор стоял в башне-лаборатории в западном крыле королевского дворца Торона. На конце металлической полосы над приемной платформой висел хрустальный шар пятнадцати футов в диаметре. Дюжина маленьких тетроновых приборов разного размера располагалась по периметру комнаты. Видеоэкраны были, как всегда, мертвы. На контрольной панели возле богато украшенного окна сорок девять ярко-красных кнопок застыли в положении «выключено». Аркор медленно прохаживался среди оборудования. Подойдя к балкону, он замер, глядя в ночь. Легкий ветерок прошелся по его длинным волосам, словно гребень.

Немного постояв так, он вернулся в комнату. На осветительные подвески, на платформу, на хрустальный шар падали длинные тени от оборудования для переделки, которое должно было превратить транспортерную ленту в проектор материи для использования в войне. Но оно так никогда и не было пущено в ход.

Он снова выглянул в город.

В норме телепатическое восприятие гиганта ограничивалось лишь несколькими сотнями футов. Но недавно он обнаружил, что этот круг может расширяться, иногда на час и больше, на

много миль. Сейчас, стоя на балконе, он ощутил сверхчувственную пульсацию, которая предвещала такое расширение. Ближе, ближе... и неожиданно с города словно сдернули вуаль. Ему открылось что-то вроде матрицы из разумов, сталкивающихся, ссорящихся, однако каждый был сам по себе. «Я тоже одинок»,— подумал он, добавив свою долю в миллионное сложное эхо. Несколько других телепатов, живших в городе, а также стражи-нетелепаты казались вспышками в сети, сплетенной из более тусклых сознаний. Но попытка вступить с ними в контакт была сродни прикосновению через стекло: только образ, лишенный теплоты и текстуры. Я в изоляции, думал он, я один в дворцовой башне и в башне моего собственного восприятия, столь же одинок, как жестокий преступник-неандерталец на окраине города, как король и герцогиня рядом со мной, сознания кружатся и остаются одинокими, даже стоя рядом, как пьяный врач и убитая горем мать в миле отсюда.

Где-то в пространстве сидели мужчина и женщина — Йон и Альтер, но он сумел идентифицировать их лишь после легкого прикосновения — двое в маленькой комнате, плечом к плечу, едва не касаясь друг друга головами. Они читали поэму, написанную от руки на скомканной бумаге, часто останавливаясь, переспрашивая друг у друга, что означает та или иная строчка, или возвращаясь к предыдущей странице. Узоры, сплетавшиеся в их разумах, не были одинаковыми, но когда они пытались объяснить друг другу свои мысли или читали и перечитывали неровные строки, образы поэмы вздымались в их мыслях пляшущим пламенем, соединяясь в общий опыт, рождая сознание единства — и люди не чувствовали одиночества. Иллюзия? — подумал Аркор. Но нет — то хрупкие, то гибкие, склоняющиеся и дрожащие огоньки все время плясали рядом. Аркор улыбнулся, когда двое ниже склонились над мятыми листками. Йон держал бумагу, пока Альтер пробегала глазами последнюю строфу:

В город иной, золотистой и серый,
Где меж собой ладят люди и звери,
Господи, выведи нас из трущобы —
Рыбная кость пригвоздила нас к ней...

Глава 6

— Прекрасно,— сказала Альтер,— теперь твоя очередь учить меня.

Она открыла ящичек, где хранились ее маленькие сокровища.

— Это не бог весть что, но другого у меня нет. Что мне делать?

Йон глянул на зеленый лоскут, на котором лежали несколько булавок, брошек и ожерелий.

— Прежде всего — как можно меньше,— он усмехнулся.— У каждого государства имеются свои формальные и неформальные символы. Торомон — империя, вся жизнь которой связана с морем. Значит, твои украшения для официального торжества должны иметь образ или материал, взятый из океана. Для менее официального случая можно обратиться к растительным мотивам. Но поскольку это высокий прием, смею думать, что ожерелье из раковин, которое ты носишь почти всегда, очень даже годится. К нему добавь жемчужные серьги и перламутровую пряжку. Вот и все, этого хватит.

Она достала из ящичка указанные вещицы и подошла к стулу, на котором было развешено платье из бежевого шелка.

— Никак не могу к нему привыкнуть. Оно так прекрасно... Не знаю, как и благодарить Петру за это платье. Подумать только, надеть вещь, которая стоит, наверное, половину моего годового жалования в цирке! — она развернула платье и нахмурилась.— Что это?

— Где?

— Вот,— она выглядела разочарованной.

— Карманы,— сказал Йон, удивленный ее реакцией.— И что с того?

— По-настоящему изысканное женское платье не должно иметь никаких карманов!

— В самом деле? — Йон засмеялся.

— Что тут смешного? Я думала, что...

— Послушай,— Йон перестал смеяться,— если ты собираешься войти в общество, ты должна делать некоторые вещи как положено и знать, что ты делаешь.

Ее нахмуренные брови слегка расслабились.

— Я не родился аристократом, но вырос рядом с аристократией. Так что могу объяснить то, о чем Петре просто не придет в голову упомянуть. Аристократия Торомона изначально была на редкость функциональной группой людей. Пятьсот лет назад это были обыкновенные пираты, которым нельзя обойтись без карманов. Но через какое-то время они перестали афишировать как их, так и свое происхождение. В этом платье карманы скрыты складкой, и их никто не увидит, если только ты не вздумаешь расхаживать, засунув в них руки. Портнихи окраинных мастерских, которые шьют дорогие дамские платья — те, что можно приобрести в магазинах,— просто имитируют то, что сумели увидеть. Они считают аристократию декоративной, бесполезной, нефункциональной, поэтому какие уж тут могут быть карманы! Но это платье, скорее всего, шила личная портниха герцогини, и если наряды, которые ты видела, стоили половину твоего годового жалования, то это стоит пяти- или шестилетнего,— выразительное лицо Альтер без слов показало бездну ее изумления.— Я понимаю, что ты никогда не видала настоящих

приемов по всем правилам. То, что было в имении Петры, можно сказать, не в счет,— он опустился на край дивана.— Я сам удивляюсь, что все еще помню такие тонкости.

— Вот и хорошо, что помнишь,— кивнула Альтер.— По крайней мере, у меня будет некоторый шанс провести вечер, не вывихнув ногу. И еще не позволяй мне говорить, чего не надо! — она ухватила его за запястье.— А если я что-нибудь возьму не той рукой, ты меня потихоньку лягни.

— Разве ты позволила мне хоть раз упасть вниз головой с высокой перекладины?

— Я и вообразить себе не могла такую вещь, как бал во дворце! — воскликнула девушка.— И даже не предполагала, что хоть раз в жизни буду беспокоиться о таких глупых вещах. А вот поди ж ты — беспокоюсь!

— Будь собой,— улыбнулся Йон, взяв ее за руку.— Веди беседу легко и помни, что слова для этих людей важнее дел. Будь любезна с ними. Твоя обязанность — проявлять инициативу в вежливости. Говори негромко, двигайся медленно. Больше слушай, чем говори.

— Ох...— вздохнула Альтер.— Ты думаешь, у меня получится?

Йон улыбнулся еще шире.

— Давай одевайся, да побыстрее.

Вокруг зала поднимались широкие окна, через их верхние стекла можно было видеть звезды, сияющие в ясной ночи. Музыканты выдували из своих полированных раковин старинные мелодии, им помогал теремин. Бал открылся знакомым гимном Торомона.

— Господин Квелор Да со свитой! — объявил репродуктор. Йон глянул на вход, где появились ярко одетые фигуры, уменьшенные огромным пространством дворцового бального зала. Йон оправил свой черный плащ и подумал: как же все это знакомо. Но так же хорошо было знакомо и кое-что другое. Он вспомнил жаргон недов, выученный в рудниках — теперь выражения «пошел лесом» или «гони свою телегу» были ему так же привычны, как танцевальные па и этикет бала. Посмотрев на свое отражение в зеркальной стене, Йон вспомнил восемнадцатилетнего мальчика, каким он был когда-то. Частичка его еще жила в нем, проступая знакомой энергией на загорелом исхудавшем лице. Он улыбнулся и повернулся к возвышению, где герцогиня и король принимали гостей.

Когда Йон коснулся плеча Альтер, она обернулась. Серебряные брови выгнулись над большими голубыми глазами. Он взял ее за руку и повел к герцогине, одетой в изумрудный атлас. Белое одеяние, предписанное королю, казалось ослепительным на фоне остатков лесного загара. Выгоревшие пряди волос были близки

по цвету косам Альтер, словно позаимствованным у альбиноски. «Они как из одной семьи»,— подумал Йон. Герцогиня приветственно протянула руку.

— Йон, Альтер, вот и вы! Ваше Величество, вы уже встречались с ними раньше.

— Йона я помню хорошо. Но...— король повернулся к Альтер,— с тех пор, как я видел вблизи вас, прошло много времени. После того, как вы похитили меня, я только один раз смотрел на вас — когда вы сверкали в воздухе над ареной цирка.

— Так приятно снова видеть вас во дворце, Ваше Величество,— ответила Альтер.

— Здесь скучно,— сообщил король с конфиденциальным видом.— Но в вашем лице я получил нечто весьма приятное для созерцания.

— О, благодарю, Ваше Величество!

— Как тебе нравится прием, Альтер? — спросила герцогиня.

— Он просто... великолепен, ваша светлость.

Герцогиня слегка нагнулась к ней:

— Петра, как обычно.

Альтер вспыхнула.

— О, Петра, платье очаровательно!

— Ты удваиваешь его очарование.

— Петра, какова, в сущности, цель этого бала? — спросил Йон, пока Альтер приходила в себя от светских комплиментов. Герцогиня понизила голос:

— Прежде всего — выяснить, какую финансовую помощь мы можем получить. Окончание войны поставило нас в очень стесненное положение.

— Особенно принимая во внимание, что она, по большому счету, не кончилась,— прокомментировал Йон, неожиданно припомнивший предыдущий «патриотический» бал, на котором ему довелось побывать — еще при короле Юске. Петра вздохнула.

— Однако мы должны делать вид, что она кончилась.

— Петра, могу я открыть танцы? — спросил король. Петра оглядела гостей и кивнула. Король предложил руку Альтер.

— Вы не возражаете открыть бал со мной, как с обыкновенным партнером?

— Ваше Величество...— Альтер глянула на Йона, и тот ласково кивнул ей.— Конечно же, я не возражаю! Спасибо вам,— и она пошла в круг рядом с королем.

Йон и герцогиня следили, как юная пара, белое рядом с бежевым, приближается к музыкантам.

— Его хромота почти прошла,— заметил Йон.

— Он изо всех сил старается скрывать ее,— отозвалась Петра.— Когда он танцует, вряд ли кто-нибудь обратит на нее внимание... хотя бы потому, что он король.

Горечь, появившаяся на миг в ее голосе, удивила Йона.

— Альтер заметит,— сказал он.— Ее тело — как хорошо настроенный удивительный инструмент.

Заиграла музыка, и кружащиеся фигуры акробатки и молодого короля открыли путь другим гостям, которые в свою очередь закружились парами по белым плитам.

Глаза герцогини были опущены. Когда она снова подняла их, Йон увидел, как они блестят.

— Сегодня вечером мы неплохо пытаемся скрыть раны Торомона,— тихо сказала она. Йон разглядывал танцующих, летящих по залу, как разноцветные лепестки, гонимые ветром. Когда музыка смолкла, они отступили к краям зала.

— Как мы смотрелись? — поинтересовался Лет, раскрасневшийся и чуточку задохнувшийся, когда они с Альтер вернулись на возвышение.

— Очаровательно,— заверила герцогиня.

Люди снова потянулись к трону для бесконечных официальных представлений, и Альтер быстро шагнула к Йону.

— Теперь мы пойдем, Петра. Надеюсь, что все будет хорошо.

— Спасибо, Йон.

— Доброго вечера, Ваше Величество.

— Доброго вечера. Прежде чем он кончится, мы еще раз станцуем с вами, Альтер.

— О да, Ваше Величество.

Йон и Альтер сошли с возвышения.

— Ну и как оно — танцевать с королем? — спросил Йон.

Ее рука обвивала его локоть. Она вежливо улыбнулась:

— Он очень мил. Но мне гораздо веселее было практиковаться с тобой сегодня днем.

— Тогда потанцуй со мной сейчас.

Музыка заиграла танец смены партнеров. Альтер оказалась в кольце рук Йона, ее маленькая теплая правая рука легла в его левую.

— Не отходи слишком далеко от меня,— прошептала она.— Я хочу вернуться к тебе как можно скорее.

Поворот, приседание, разойтись, снова сблизиться... Ее глаза сверкали ярче любых драгоценных камней, а улыбка была просто ослепительной. Музыка стала громче, подавая сигнал, и Альтер ускользнула от Йона, а ее место заняла девушка в голубом. Он изящно поклонился и начал фигуру танца, еще раз глянув на Альтер. Ее новым партнером оказался мужчина средних лет с коротко стриженными каштановыми волосами и массивными губами. На груди его была эмблема дома Бронд, связанного с королевским узами крови. Музыка снова стала громче, и через минуту Альтер опять вернулась к Йону.

— С кем ты танцевал?

— С некой дочерью промышленника. Ее отец — один из клана Тилдонов, занимается транспортом.

— А я с кем танцевала?

— С графом Брондом.

— Можешь себе представить, за те две минуты, что я была с ним, он успел наговорить мне, что я прекрасна, что он хочет обязательно увидеть меня снова, что я — самая утонченная дама на этом балу и что он мог бы ждать меня на рассвете в своем замке.

— Вместе со своими семью женами? — Йон усмехнулся.— По-моему, пока я рубил тетрон, их число дошло как раз до семи. У меня есть подозрение, что парочку из них он просто прихлопнул. Разумеется, это были несчастные случаи.

— Так это он! — воскликнула Альтер.— Несколько лет назад был какой-то скандал, в который оказалась замешана аристократия... что-то, связанное с эмиграцией с материка. Все вертелось как раз вокруг некоего Бронда.

Йон кивнул:

— Видимо, его привычки не слишком-то изменились.

Альтер, не сбиваясь с ритма, пожала плечами.

— Голубая кровь Торомона не слишком крепка,— продолжил Йон.— Вспомни короля Юска. Королева-мать в конце концов тоже угодила в лечебницу. Оба они были с мозгами набекрень. Петра — счастливое исключение.

— Я так и почему-то и подумала,— сказала Альтер и отступила прочь, повинуясь командам музыки. Йон тоже повернулся к следующей партнерше. Бежевое платье от личной портнихи герцогини шелестело, как опадающие лепестки розы.

Вдруг окна на западной стороне озарились, по полу молниеносным выпадом клинка метнулся свет. Женщины закричали, мужчины отступили назад, закрывая лица руками. Пение раковин смолкло, теремин словно подавился последней нотой. Через мгновение на смену музыке в уши ворвался страшный грохот. Затем он стих, и окна снова потемнели, сделавшись как никогда похожими на гробовые крышки.

Йон был первым, кто бросился вперед, Альтер кинулась за ним. Следом двинулись посмотреть и другие. Йон распахнул тяжелую раму. Далеко среди городских башен билось пламя, подсвечивая рваную линию горизонта.

— Что творится?

— Это же здание Главного медуправления!

— Нет, нет, этого не может быть...

— Бомбят Главное медуправление! Разве вы не видите? Пламя как раз над тем местом, где здание центральной городской больницы!

Йон бросился обратно сквозь толпу. Альтер, перебросив подол через руку, пробивалась за ним.

— Йон, неужели это Главное медуправление?

Он быстро кивнул ей через плечо. У соседнего окна их перехватила Петра.

— Йон! Вы видели это? — она помотала головой, как испуганный зверь, рыжие волосы разлетелись, став еще ярче, чем пламя, рвущееся сквозь ночь.— Йон, времени совсем нет. Идите в Тельфар. Больше нам ничего не остается. Я пошла бы с вами, но кто-то должен остаться, чтобы помочь Лету поддерживать порядок в городе. Альтер, ты пойдешь с ним?

Альтер молча кивнула.

— Если сможете остановить этого врага сами — остановите. Если обнаружите, каким способом можно остановить его, скажите мне, и я его остановлю. Йон, оттуда уже не прорывается наружу никакой информации, не говоря уж о регулярных рапортах. Военные так напуганы, что готовы все бросить и бежать.

— Можем мы взять Аркора? — спросил Йон.— Он был бы нам очень небесполезен.

Петра заколебалась, стиснула зубы, опустила голову, но очень быстро подняла ее снова.

— Нет. Я не могу послать его с вами. Знаю, что надо бы, но мне могут понадобиться его силы, чтобы выведать кое-что у Совета. Еще одна такая атака, и нам придется эвакуировать город. Нельзя подвергать население риску взлететь в небеса. Совет и без того уже в панике, и если я не приму все возможные меры, то не будет сделано вообще ничего.

— Ладно,— сказал Йон, тяжело дыша. Бальный зал вокруг них словно обезумел.— Мы пошли.

— До свидания, Петра,— сказала Альтер.

— До свидания,— ответила Петра, с неожиданной энергией пожимая ей руку.— Удачи вам.

Разговоры в зале все больше и больше срывались в истерику. У входной арки Альтер стиснула руки Йона.

— Главное медуправление,— произнесла она.— Это значит...

— Это значит, что главного источника медицинской помощи для города больше не существует. Будем надеяться, что не возникнет эпидемии или чего-то вроде той истории с рыбой, пока его не восстановит.

Дочка промышленника в голубом платье обратилась к бывшему партнеру Альтер, графу Бронду:

— Как это ужасно,— простонала она.— Это почему-то напомнило мне маленькую девочку, которую я видела сегодня днем. Она писала на стене что-то про западню и ослепительный миг... да, мы попали в западню...

Низкий голос графа прервал поток ее сбивчивой речи:

— Вы самая очаровательная женщина, которую я видел за сегодняшний вечер,— его затянутая в перчатку рука как бы невзначай, словно мотылек, опустилась на ее плечо.— Вы позволите мне искать новой встречи с вами?

Сначала Йон и Альтер направились в апартаменты герцогини. Им открыл Аркор.

— Я знаю, что случилось,— только сказал он.

— Значит, лучший выход — идти в Тельфар? — Йон уронил свой черный плащ на спинку кресла.

— Транспортерная лента неисправна, по крайней мере, с этого конца. Бессмысленная переделка сделала эту сторону бесполезной для передачи,— говоря это, он достал из гардеробной два комплекта повседневной одежды и подал им.— Не нужно ли еще чего-нибудь?

— Не думаю,— сказала Альтер, роясь в складках своей шелковой юбки.— Это все, что я хочу взять с собой,— она вытащила стопку бумаги.

— Стихи Ноника? — Йон перелистнул несколько страниц.— Будем читать их, когда дела пойдут совсем хреново?

Альтер щелкнула застежкой на спине, и платье шелковым кольцом упало вокруг нее. Она вышагнула из него, надела зеленую тунику, перетянула талию кожаным ремнем.

— Это я сниму,— она вынула из ушей жемчужиные серьги, начала снимать ожерелье из раковин, но прикусила губу и пожала плечами.— А это все-таки оставлю.

Аркор протянул им сандалии, и они стали шнуровать их.

Йон положил стихи в карман своей рубашки с широкими рукавами в три четверти.

— Я буду хранить их для тебя.

— Да, я-то лишилась своих карманов,— засмеялась Альтер.

Раздался звонок видеофона, и герцогиня объявила:

— Все королевские яхты отсутствуют. Но для вас забронированы два места на тетроновом грузовозе. Он ждет вас у пирса.

Через минуту они покинули квартиру герцогини.

Когда они выходили из дворца, машины с открытым верхом развозили элегантных гостей по домам. Плечом к плечу против равнодушной ночи Йон и Альтер направились к окраине города.

Глава 7

Сирена все еще завывала во тьме. Лопнула водопроводная магистраль, и улицу залил черный блестящий поток. Оранжевые языки пламени прорезали тьму, как мечи.

Белая фигура, спотыкаясь и бессмысленно кружа, брела по тротуару, мокрый край одеяния хлопал ей по ногам. На седых слипшихся волосах что-то блестело. Когда фигура доковыляла до уличного фонаря, стало видно, что это полоса жести, зубцами вырезанная из консервной банки и согнутая в обруч. Фигура повернулась к переулку и позвала кого-то.

Вышли несколько мужчин и женщин и неуверенно зашлепали по воде. Юноша с падающими на лицо волосами и надписью на пижаме «Палата 739» беспомощно кричал и дергал себя за правое ухо.

Среди них началась какая-то возня. Все сгрудились вокруг странной пары: здоровый как бык мужчина в мокрых пижамных штанах схватил за плечо щуплого человека в мокром и мятом докторском халате и ударил его по затылку ребром ладони. Врач, зачем-то сжимавший в руках пару пустых стаканов, упал на колено и повернул голову к высокой женщине.

— Послушайте, вы не понимаете, что вы больны... все больны... давайте я отведу вас обратно...

Высокая женщина внимательно разглядывала подол своей ночной рубашки. Неожиданно расстроившись, она закричала:

— Вели ему замолчать!

Быкообразный мужчина пнул врача ногой в спину и захохотал, когда тот шлепнулся в воду, но потом выдернул обратно.

— Я не могу найти ЭТО! — вопила женщина, шаря в складках простыни, которая заменяла ей плащ. Ее лицо побагровело от натуги.— Я не могу найти! Кто украл? Почему никто мне не отвечает? Разве вы не знаете, кто я? Как вы смеете так обращаться со мной!

Стоя на коленях в холодной воде, врач отчаянно звал на помощь, но его крик лишь вызывал смех у его мучителя.

Из переулка вышел человек в резиновых сапогах и зеленой куртке.

— Эй, разойдитесь! — приказал он.— Мы обязаны эвакуировать весть этот район, пока не починят водопровод! Так что живо очищайте квартал и ждите где-нибудь в незатопленном месте,— полицейский поглубже натянул на плечи прорезиненный плащ.— Бегом, я кому говорю!

— У меня отняли ЭТО! — визжала женщина.— Я не могу его найти! Его опять украли!

— Помогите! — кричал врач. Юноша с номером 739 на пижаме выкручивал себе ухо.

Полицейский подошел ближе.

— Кто вы такие?

Молодая женщина пошла ему навстречу. Из ее бледного рта вырывалось какое-то голубиное воркование. Когда она вступила в свет уличного фонаря, полицейский увидел, что она была бы

даже хорошенькой, если бы ее глаза не бегали все время, подобно щенкам, не умеющим оставаться в покое. Подойдя, она обняла его и уронила взлохмаченную голову ему на грудь.

— Что за чертовщина тут происходит...— начал полицейский.

Высокая женщина быстро повернулась к нему.

— Молодой человек, вы хоть знаете, с кем говорите?

— С королевой Маб, как я погляжу,— полицейский пошатнулся, а взгляд молодой женщины тут же заметался от него к высокой женщине и обратно, словно маятник.

— Вот именно, с королевой!.. С королевой? Вы *знаете*, кто я такая? — ни с того ни с сего она снова потребовала: — Пусть он замолчит! — после чего опять начала шарить в складках простыни.

Полицейский в это время пытался оторвать от себя девушку, которая повисла у него на шее, и тут над его левым ухом раздалось хихиканье. Он обернулся, скорее рефлекторно, чем из интереса, и увидел полные губы, между которыми торчал кончик розового языка, припухшие веки над темно-карими глазами, жесткую щетку соломенных волос, частью растущих на голове, а частью прямо из шеи, в которую переходил толстый подбородок...

В этот миг быкообразный мужчина ударил полицейского кулаком в лицо, а потом добавил ребром ладони по шее. Тот покорно обвис на руках у девушки.

— Они украли ЭТО! — продолжала вопить высокая женщина, кажется, даже не заметив, что произошло.

— Вы... вы не понимаете, что творите! — уже почти плакал врач, снова вставший на ноги.— Пожалуйста, умоляю вас, пойдемте со мной в такое место, где я смогу вам помочь. Послушайте меня...

— Пусть он замолчит! — опять потребовала высокая женщина.— Как он смеет!

Тупо ухмыляясь, быкообразный мужчина волок бесчувственное тело полицейского по тротуару. Его босые ноги расплескивали воду, как брошенные с маху камни. Поравнявшись с врачом, он наклонил голову, отчего неожиданно стал похож на мартышку, потом уронил полицейского в воду, схватил врача за ноги и с силой рванул на себя, так что тот снова рухнул на тротуар. Все это время он продолжал звать на помощь, причем боль сделала его крик пронзительным.

— Я сказала, пусть он замолчит! — заверещала женщина так, что заглушила даже крик врача, отшвырнула прочь изодранную простыню и закружилась на одном месте в пятне света от фонаря.

Быкообразный мужчина опустился на колени в воду, которая за это время поднялась пальца на два, а то и три. Сжав пальцами шеи обеих своих жертв — бесчувственной и находящейся в сознании — он приподнял их, некоторое время переводя взгляд с лица на лицо, затем сунул обоих головами в воду и подержал так.

Доктор отбивался, как мог.

Завывающий юноша с падающими на лицо волосами взял с пояса полицейского что-то длинное и тонкое и направил эту вещь к небу. Когда его перепачканный палец случайно вдавил кнопку на рукояти, с двойного лезвия энергоножа посыпались искры.

Пальцы с обкусанными ногтями выпустили склоненные шеи, когда быкообразный мужчина начал корчиться в этом белом луче. Его губы разъехались, показав обломанные зубы, уголки глаз сверкнули белизной бумаги. Девушка прекратила стонать, и даже высокая женщина замерла, нашаривая на голове жестяной обруч, поблескивающий в дрожащем свете энергетического лезвия.

— Это явно не ЭТО,— выговорила она наконец почти шепотом.— Но неважно. Все равно давай его сюда. ЭТО кто-то украл, но мы найдем его, не беспокойтесь. Пошли дальше! Я говорю, идем дальше!

Юноша наклонил голову, спутанные космы снова упали ему на глаза. Отраженный свет бродил по его щекам от слезы к слезе.

— Сюда,— сказал Йон, увлекая Альтер в переулок.

— А как насчет прорванного водопровода?

— Вряд ли будет глубоко. Но ведь почти все дороги к гавани блокированы. Идти в обход очень далеко.

— В конце концов, мы оба умеем плавать,— пожала плечами Альтер.

Пройдя квартал, Йон различил отблески света на черной глади воды. Свет шел откуда-то из глубины затопленной улицы. Он огляделся, но все окна во всех домах были темны и пусты. Они с Альтер снова зашлепали по воде.

В отблесках непонятного света их глазам предстала изнанка домов, которую можно увидеть, лишь когда они мертвы или почти мертвы. Пыльные окна, черные провалы на месте дверей, лестницы, чьи ступени крошились под их сандалиями. Они продвигались осторожно, ощупывая дорогу. Изредка тыльная сторона его ладони касалась ее талии, или ее плечо задевало его руку.

Завернув за угол. Йон вдруг остановился и удержал Альтер, положив руку ей на плечо. Она слепо повернулась к нему, молча задавая вопрос. Вместо ответа он чуть повернул голову, указывая подбородком туда, откуда доносилось шлепанье многих ног. Альтер тоже повернулась туда, прислушиваясь.

— Неды? — спросила она.

— Идем дальше,— бросил Йон. Однако у следующего угла они опять остановились. Что-то двигалось к ним через улицу. Сначала это был белый огонь. Затем он стал энергоножом в руке парня в пижаме с надписью на груди «Палата 739». За ним, пошатываясь и спотыкаясь, брел еще десяток людей.

Когда то, что есть, соответствует тому, что человек предполагает встретить, его реакция чисто функциональна, а мыслительный процесс протекает без сбоев. Но когда зазор между предположением и реальностью слишком велик, реакция человека совершенно произвольна. Кое-кто в такой ситуации начинает плакать. Стоять или бежать, смеяться или мрачнеть — как тут выберешь? Встреча на ночной улице с бандой недов была крайне опасна и нежелательна, но предсказуема, и можно было заранее решить, что делать в этой ситуации. Но эти люди ничуть не походили на недов. Йон и Альтер замерли и помрачнели.

Они не ожидали атаки, когда высокая женщина вдруг закричала, указывая на них дрожащими пальцами:

— Ну конечно же! ЭТО должно быть у них! Быстрее! Хватайте их, пока они не удрали!

Альтер и Йон были совершенно беззащитны. Кто-то кинулся в ноги Йону и дернул их. Йон упал. Кто-то схватил Альтер за руку, другие — за плечи.

— Йон! — крикнула она.— Посмотри на эту женщину!

— О Господи! — воскликнул Йон.— Это же королева-мать! Мамаша короля Лета!

— Но ведь говорили, что она в психолечебнице в...

— В Главном медуправле...— и тут оба они одновременно поняли, кто эти люди.

Взлетел кулак, и Йон упал — прямо на руки девушке со странными бегающими глазами, которая тут же принялась ворковать, как голубка. Женщина в жестяной короне подошла к нему, перебирая руками складки простыни.

— Ты украл ЭТО! — она уселась перед ним на корточки.— Где оно? Где ты его спрятал? Отвечай! Разве ты не знаешь, кто я? — она подпрыгнула и выхватила у юноши энергонож.

— Ваше Величество! — вскричала Альтер, хотя вопли королевы воскресили в ней давний страх и воспоминание о боли в сломанной руке.— Умоляю вас...— ее крепко держали за локти, и вместо крика получился испуганный шепот.

Лезвие замерло в воздухе. Старуха повернула голову, волосы хлестнули ее по щекам.

— Ты... ты назвала меня «Ваше Величество»,— произнесла она с подозрением в голосе.— Значит, ты знаешь, кто я?

— Вы — королева-мать, матушка нашего короля. Не причиняйте ему вреда, Ваше Величество!

— Да...— женщина задумалась. Клинок в ее руке повернул свое острие от Йона к Альтер.— Да, правильно. Но... он украл у меня ЭТО, я уверена,— она снова взглянула на Альтер.— Именно так. Я королева. Но они,— она указала на людей вокруг,— не верят мне. Я повторяю им это снова и снова, но они все равно не думают, что я королева. О да, они идут за мной, раз я велела.

Иногда они делают, что я приказываю, потому что знают, что иначе я буду злиться. Но они... они все-таки не верят,— она сняла с головы жестяной обруч.— Видишь, у меня отняли корону, и я должна носить жестяную. Кто узнает во мне настоящую королеву, если я ношу жестяную корону?

— Я знаю, Ваше Величество! А что касается вашей короны, то важна идея, а не предмет.

Улыбка расцвела на лице старой женщины.

— Да, ты права. Ты знаешь, кто я такая,— она снова нахлобучила корону на голову и потянулась к шее Альтер. Девушка напряглась в цепких руках мужчины и двух женщин, державших ее. Но пальцы королевы всего лишь коснулись кожаного ремешка, на который были нанизаны раковины.— Красивая драгоценность. Мне кажется... я вспоминаю ее. Может, у меня было подобное? Или... я когда-то разбила что-то в этом роде?

— Может, и разбили,— прошептала, точнее, прошипела Альтер.

— Ты, наверное, графиня или принцесса крови, раз носишь такие драгоценности.

— Нет, Ваше Величество.

— Но это же из моря. Значит, ты по крайней мере герцогиня или... Впрочем, одна благородная дама никогда не допытывается о ранге другой. Я забылась,— она убрала руку с ожерелья.— Достаточно знать, что ты из нашей семьи.

Она снова повернулась к Йону:

— Но этот человек, я знаю, украл ЭТО. Я убью его, если он не вернет мне ЭТО!

— Ваше Величество! — воскликнула Альтер.— Он мой друг и так же благороден, как и я!

— Он?

— О да, Ваше Величество! Он ничего не брал у вас!

— Ты уверена?

— Конечно, уверена!

— Тогда кто же ЭТО взял? Оно должно быть у кого-то!

— Что вы имеете в виду? — рискнула спросить Альтер.

— Я... я не помню...— растерялась королева.

— Но, что бы это ни было, оно не у нас,— прошептала Альтер.— Мы ничего у вас не брали.

Старая женщина немедленно зашарила по складкам своей изодранной ночной рубашки и накинутой сверху грязной простыни, которые составляли всю ее одежду.

— Я помню, ЭТО же было у меня... У меня взяли корону, скипетр, и даже... я нигде не могу найти его!

— И даже спороли ваши карманы,— мягко сказала Альтер, чуть наклоняя голову.

— Даже мои карманы,— повторила королева, продолжая шарить в складках одеяния.— Каждый аристократ должен иметь

карманы. Но они спороли их. Никто не верит мне. Я должна ходить в дурацкой жестяной короне. Все ушло. Они отобрали...— вдруг сухожилия на ее шее задрожали под дряблой кожей. Ее глаза увлажнились. Она подняла выше искрящийся нож и снова повернулась к Йону.— Он украл ЭТО! Я знаю, это он! Если он не вернет мне ЭТО, я...

Руки, державшие Альтер, слегка ослабили хватку. Она внезапно ринулась к Йону и выхватила его из объятий воркующей девушки. Упав на колени, она повернулась лицом к ножу:

— Ваше Величество, совершите один порядочный поступок за всю свою жизнь — отпустите этого человека!

Лезвие остановилось, и в полной тишине Альтер могла различить еле слышное шлепанье ног, словно кто-то шел вниз по улице, а еще кто-то, предпочитающий оставаться за сценой, наблюдал за ним из-за угла. Похоже, предстояла обычная недовская драка, причем не только кулаками, но и оружием. Даже полный разгром не избавит город от этого безумия...

— Ваше Величество,— произнесла она снова,— не обижайте этого человека. Вы же королева. И не мне говорить вам... что не подобает королеве проявлять такой гнев, если ей не нанесено никакого оскорбления. Вы королева и должны быть милосердной.

— Я... королева? — она вдруг осеклась на середине последнего слова. Слезы покатились по ее морщинистым щекам.

— Я вспомнила! — всхлипнула она. Лезвие выпало из ее рук в воду и с шипением укоротилось.— Это был портрет моего сына,— медленно-медленно она отвернулась, ее голос стал необыкновенно беспомощным.— У меня было два сына. Сначала украли младшего, потом убили старшего. Но у меня был его портрет, маленький портретик в металлической рамке, не больше моей ладони. Такие продавали в порту за полденьги. Но его украли у меня. Даже его мне не оставили. Все, все исчезло...

Какое-то полуживотное с волосами как из пеньки возникло у нее за спиной и захихикало. Плача, королева пошла прочь, и все остальные потянулись за ней. Парень из палаты 739 поднял укоротившийся клинок и вскинул в воздух потускневшее лезвие. Девушка снова начала ворковать. Вскоре вся компания исчезла в переулке, откуда еще долго доносилось шлепанье их босых ног.

Йон зашевелился. Когда он сел, Альтер прижалась лицом к его отсыревшей рубашке, все еще прерывисто дыша.

— Йон,— выдохнула она,— ты этого не видел. Ты не видел ее...

— Я очнулся раньше, чем ты думаешь,— его рука обняла ее за плечи.— Я слышал то, что говорилось в последнюю пару минут.

— Разговаривать с ней без крика,— Альтер никак не удавалось успокоить дыхание,— было самым трудным делом в моей жизни.

Йон кое-как встал.

— Ладно, я рад, что это тебе удалось. Пойдем-ка к этому проклятому кораблю, да побыстрее. Ну, успокойся,— прибавил он, видя, как она трясется.— Можешь опереться на мою руку, это вполне надежно.

Глава 8

Когда они добрались до вымощенной булыжником набережной, взошла луна и залила море потоками расплавленного серебра. Они направились к докам, где стояли тетроновые грузовозы.

Йон и Альтер поднялись на борт, отметились, и через несколько минут грязное судно вышло из дока на мерцающий простор. Они облокотились о поручни и заглянули друг другу в пустые провалы глаз, а затем перевели взгляд на уменьшающиеся шпили города, на дрожащее отравление луны в море.

— Сколько раз ты бывала на материке? — спросил Йон.

— Пару раз с цирком, когда он бывал там на гастролях,— ответила она.— Потом моталась взад-вперед по транспортерной ленте в самом начале всех этих дел. Вот и все,— она подождала, пока он ответит ей улыбкой, ибо шум винтов сильно заглушал голоса.

— Что касается меня,— отозвался Йон,— то это прежде всего время, которое я провел в рудниках, пока не удрал оттуда по транспортерной ленте. Еще раз — когда мы впервые отправили Лета на материк. И последний — когда три года спустя мы забирали его обратно,— он повернулся к ней, к двум озерам тени, которые были ее глазами, и белым волосам, посеребренным луной. Ветерок чуть поигрывал тоненькой прядкой над самым ее ухом.— И вот мы снова направляемся туда. Одинокие вместе.

Огромная волна, много выше остальных, с размаху ударилась о борт и швырнула пригоршню брызг прямо им в лица.

— Что вообще значит — быть одиноким или быть вместе с кем-то? — спросила она.

— Лучше будет сказать,— попытался он уточнить ее мысль,— почему ты чувствуешь себя одиноким, даже когда ты — с кем-то... один раз... еще несколько... и вдруг уже не одинок.

Наклон ее головы, легкое движение щеки на грани тени и лунного света без слов подтвердили, что ему удалось выразить именно то, что она хотела.

— Если б знать ответ! — вздохнул он, а про себя добавил: и если б знать, что потом делать с этим ответом...

— Помнишь, мы читали стихи? — спросила она.— Мы тогда были... словно перемешаны друг в друге, не знаю, как сказать лучше.

Он кивнул.

— Что это был за стих, который мы не понимали? Что-то про одиночество...

— Что ты имеешь в виду? — уточнил Йон.— Там было не менее десятка стихов про одиночество, а не понимали мы каждый третий.

— Вот этот,— она процитировала: — «Спокойствие отчаянью сродни — оно сомнительно, навязчиво, свободно...»

— Крик фаворитки в рухнувшей ночи: поэт, вернись и встань пред древними мечтами лицом к лицу — пусть слезы в лунном свете стекают в море...— неожиданно продолжил голос за их спинами. Они обернулись, как ужаленные.— Дальше я не помню.

— Где ты слышал это? — спросил Йон.

Матрос вышел из тени каюты в лунный свет. Его лысая голова была похожа на яйцо, изборожденное морщинами.

— Это все, что я помню,— еще раз произнес он.— Как там кончалось?

— Я тоже помню не все,— Йон пошарил в памяти: — «Народ, уединенью обреченный — ты шум волны, что катится бесцельно по мягкому прибрежному песку... Уже не важно, пытка или радость была причиной выигранной гонки, которую ты начал в этой жизни...»

Матрос сплюнул сквозь зубы, потряс головой и погладил себя большим пальцем по голому животу — ночь была душной, и его полосатая фуфайка была расстегнута.

— Мне нравится такое,— произнес он с достоинством.

— Но где ты это услышал? — снова спросил Йон.

Старый моряк снова дернул головой каким-то птичьим движением.

— А почему ты так хочешь это знать? — он наставил на Йона указательный палец.— Ты-то сам где это слышал?

— Мы это читали,— вмешалась Альтер.— Пожалуйста, ну что вам мешает сказать?

— Что ж, и скажу,— матрос пожал плечами и подошел к перилам.— Вы оба говорите так, что, видно, вам и в самом деле очень важно,— его тощая рука вцепилась в перила, поскольку он шел против хода судна.— Мне читал это мальчик, который был с такой чудной парочкой. Он говорил, что сам написал это.

— Что за мальчик с парочкой?

— Ну, ему, наверное, лет двадцать, может, двадцать два. Для меня — все еще мальчик. Они были тут втроем, но большую часть времени сидели по каютам. У мужика на голове был такой занятный капюшон... А мальчик ходил повсюду, со всеми разговаривал, читал свои стихи.

— Да, Катам должен был придумать какой-нибудь капюшон, чтобы закрыть свою пластиковую черепушку,— сказал Йон.— Видно, он очень торопился, если уехал без единого тюбика жизненной пены.

— Неудивительно, что нет записей, что их вертолет ушел на материк,— заметила Альтер.— Они, наверное, спрятали его в городе, а сами сели на судно...— она осеклась.— Йон, он сказал, что Ноник ходил повсюду, болтал со всеми, возбужденный и довольный. Что-то не похоже на человека, жену которого только что...

— Я не сказал «довольный»,— перебил матрос.— Это вы сами сказали. По мне, так скорее истеричный. Он задавал странные вопросы и ждал ответа с таким нетерпением, как щенок, только вставший на лапы. Но иногда ходил с такой мордой, словно желал бы обойти нас всех за три квартала.

— Это уже ближе к истине,— сказал Йон.— И давно это было?

— В тот самый день, когда разбомбили военное министерство.

— Итак, они тоже отправились на материк,— подытожил Йон.— Где они высадились?

— Там же, где через пару часов будете и вы. Судно делает только одну остановку на материке.

Они остановились где-то за час до рассвета. Судно должно было взять груз днем, когда большая часть пассажиров сойдет на берег.

— Вы уверены, что не собираетесь подождать дневного света? — спросил матрос. Он сидел на перевернутом ведре и вырезал на черенке швабры маски каких-то древних идолов.— Здесь вокруг полным-полно недов, а ночь — их время,— короткое лезвие ножа издавало звук, немного похожий на тиканье часов, врезая в темное дерево раскосые глаза и ухмыляющиеся рты.

— Мы хотим взять хороший старт,— отозвался Йон.

Полная луна низко стояла над горизонтом, и в ее свете тень от черенка швабры качалась вверх и вниз, словно кивая в ответ на слова Йона.

— Что это? — спросила Альтер, указывая на темную тень недалеко от дока. Старый моряк глянул в ту сторону:

— Цирковой корабль.

— Но что с ним случилось? — судно было самым противоестественным образом накренено на бок, и даже в лунном свете было легко различить, что ало-золотой борт блестит угольной чернотой больше чем на половину своей длины.

— Сами видите,— ответил матрос.— Я же говорю, тут все кишмя кишит недами. Это произошло месяц назад.

— Что именно? — уточнил Йон.

— Когда циркачи возвращались из турне по материку, неды напали на него, разграбили и сожгли. И убили кучу народу.

— Убили? — холодея, переспросила Альтер. Старый матрос кивнул.

— Ох, Йон! — она снова потерянно взглянула на обгорелые ало-золотые обломки.— Я же работала с ними...

— Идем,— просто сказал он, не умея утешать. Спускаясь по сходням, она то и дело оглядывалась на погибший корабль, и ее белые волосы метались туда-сюда.

Ступив на дощатый настил причала, Йон спросил:

— Ты не думаешь, что Клея, Катам и Ноник могут быть где-то поблизости?

— С чего бы?

— Клея тоже одно время работала в цирке. Могла она вернуться, чтобы забрать что-то оставленное? — в низком свете луны было видно, что палатки еще стоят по всему полю, хлопая на ветру тентами.— Маловероятно, что они все еще здесь, но не может быть, чтобы они здесь не проходили.

— Я могу показать, какая палатка принадлежала ей,— сказала Альтер. Они повернули на луг. С моря налетел бриз, разбросал по песку пену цвета слоновой кости, прошелся волнами по траве на лугу. Они приблизились к слегка подрагивающей холщовой стенке и вознамерились сунуться внутрь, и тут раздался голос фигуры, возникшей из входа:

— Что вам тут надо?

На нем были штаны от солдатской униформы, но безрукавка, открывающая грудь, была традиционной одеждой рыбака. Его короткие светлые волосы хранили память об армейской машинке для стрижки, которая прошлась по ним месяца три тому назад.

— Мы просто осматриваем палатки,— сказал Йон.

— А кто сказал, что вам можно их осматривать?

— А кто сказал, что мы обязаны спрашивать разрешения?

— Мы не слишком-то любим чужаков, ты, проныра. Здесь кругом полно недов всех сортов и мастей. Вон в том поселке,— он указал подбородком на скопление домиков на краю луга,— не хотят, чтобы в округе отирались чужие. Неды устраивали на них налет неделю назад и убили двоих человек. Ничего не взяли, только поломали в свое удовольствие,— он издал короткий смешок.— Как тебе это понравится?

Йон помрачнел. Тент палатки задергался еще сильнее, потом замер.

— Эй, Лайн, что там снаружи? — донесся голос из-за холста.

— Еще не знаю, Рэй,— бросил Лайн через плечо. Из палатки показалась вторая фигура:

— Думаешь, это неды? — Рэй, моложе и смуглее Лайна, тоже был одет в потерявшую всякий вид солдатскую форму.

— Может быть,— пожал плечами Лайн.

— Мы не неды,— заявила Альтер.— Я так поняла, вы охраняете здесь поселок, чтобы неды не забирались в палатки?

— Может быть,— Лайн снова пожал плечами и рассмеялся. Это был тихий, легкий смех человека, живущего на грани моря,

чем-то напоминающий спокойный плеск воды о камни. Рэй рассмеялся тоже, затем к ним присоединился смех, идущий из-за их спин.

Они повернулись, и смех приблизился. За их спинами стояло более двух десятков незаметно подобравшихся людей. Они смыкали ряды, окружая Йона и Альтер. Многие из них тоже были одеты в остатки военной формы. Больше всего в этой толпе было темноволосых и зеленоглазых, а двое оказались девушками. Смех, поначалу легкий и журчащий, перешел в откровенный хохот.

— Они говорят, что они не неды,— повторил Лайн. Смех тут же откатился, подобно волне, облизавшей песок и возвращающейся в море.

Йон очень испугался и, может быть, поэтому начал очень быстро соображать.

— Спорю, что вы не сможете доказать это,— подал голос кто-то из толпы.

— Вы знаете, как мы поступаем... с недами? — с усмешкой спросил еще кто-то.— Эй, давайте покажем им, что мы обычно с ними делаем!

Секунду спустя Йон и Альтер, с руками, скрученными за спиной, шли под конвоем между палаток. Кто-то случайно заехал Йону в челюсть, и ее неприятно дергало. Но он продолжал тщательно, несмотря на быстроту размышления, искать выход. Они прошли мимо нескольких свежих земляных холмиков, и Рэй, который вел Йона, ткнул его в плечо:

— Смотри! Вот что *вы*, поселковые, делаете с *нами*, недами! — он сделал особенный упор на слове «вы». Шипя сквозь зубы, он с ожесточением потащил пленников мимо могил.

— С чего ты взял, что мы из поселка? — поинтересовался Йон.

— Да плевать я хотел, откуда вы взялись!

За спиной Йон слышал частое дыхание Альтер, но видеть ее не мог — их вели одного за другим.

Сорвавшееся желтое полотнище трепетало низко над травой, приобретя в лунном свете оттенок слоновой кости. Они подошли к линии составленных вплотную фургонов-аквариумов. Сзади начался еле слышный разговор, и Йон попытался понять его смысл:

— Как ты думаешь, один из них попытается спасти другого или сразу сбежит?

— Давай сначала свяжем его, и пусть девчонка его спасает, а потом свяжем ее и посмотрим, что он будет делать.

— Не стоит отнимать у него шанс. Шоу так шоу — свяжем девчонку, а ему дадим нож.

— Черт возьми, он сразу же бросится бежать. Насколько я знаю таких, они — трусы и всегда сбегают.

— А если мы свяжем его, девчонка точно сбежит.

— Ну, в этом случае будет хоть немного забавно — она не убежит далеко.

— Уберите ваши монеты,— пресек спор властный голос Лайна.— Ее вяжем, ему даем нож. Это не позволит ему сбежать, не поразвлекав нас.

Альтер подтолкнули к полотнищу, кто-то подал веревку, и ей связали руки. Им лишь раз удалось обменяться взглядами, в которых не было ни мольбы, ни отчаяния, а лишь неистовая сосредоточенность — каждый пытался найти прореху в сети поступков и движений, ведущих их к неотвратимой гибели.

Теперь на упавшую палатку вытолкнули Йона. Их обоих подталкивали к стенке аквариумов. Лунный свет, с трудом проходящий сквозь мутную воду, позволял различить тени, снующие туда-сюда от одного смотрового окошка к другому. Вода позеленела от мелких водорослей — емкости уже очень давно никто не чистил. Большой осьминог, гвоздь морского зоопарка, наверное, был первым, кто умер от этой грязи. Следующими стали дельфины, отравленные нефильтрованной водой. Большая манта, помоечное создание по своей натуре, могла бы довольно долго выживать в этой грязной похлебке, но рано или поздно и ей пришлось всплыть кверху брюхом на поверхность аквариума, покрытую омерзительной пеной. Единственными крупными тварями, которые уцелели, были акулы. Большие и изможденные, они должны были издохнуть от грязи последними. Сейчас они лениво плавали взад-вперед, тыкаясь носами в смотровые окна и углы емкостей.

На краю одного из фургонов был установлен помост с деревянной лестницей. Йон и Альтер были на руках доставлены к ее подножию, а потом подняты на помост. То, что случилось после этого, было впоследствии выстроено Йоном из мельчайших осколков впечатлений, оставшихся от догадок, действий и случайно выпавших шансов. Он все еще боялся, но внезапно словно яркий солнечный луч озарил мертвенную пустыню его паники.

Когда-то аквариумы были разделены системой заслонок, так, чтобы отдельные емкости было легко освободить и вычистить. Но теперь, когда большинство животных погибло, шестифутовые перегородки между фургонами были убраны, и вода до самых краев заполняла получившееся огромное корыто шириной в двенадцать и длиной в сто пятьдесят футов. Зелень под луной дрожала от движений, совершаемых в ее грязной глубине. Каждая из акул — господин Тритон подбирал их по размеру — весила добрых четыреста — четыреста пятьдесят фунтов. Йон удерживал в сознании все эти подробности, пока вода под ним облизывала края емкости. Края эти были тщательно очищены, чтобы помешать выбраться из аквариума... кому бы то ни было.

Рэй подталкивал Альтер, все еще связанную, к воде. Йон набрал в грудь побольше воздуха и нырнул, как только она перевалилась через край. Вода была не тепла и не холодна. Он

извернулся, дрогнув на миг, и сорвал одну из сандалий. Давление на его уши уменьшилось, и это дало ему понять, что он снова всплывает на поверхность. Он содрал другую сандалию, пробил головой пленку грязи на воде и высунул голову, отгоняя пену от лица, чтобы бросить последний взгляд на то, что происходит снаружи, и понять, что из происходящего выгодно ему, а что нет. Альтер ритмично билась у самого конца огромного корыта с грязью. Хороший пловец способен какое-то время держаться на воде даже со связанными руками, а Альтер была хорошим пловцом. Запишем в плюс.

— Эй, ты там! — окликнули его с помоста. Это была одна из недских девушек (минус), которая вскинула в воздух нож (плюс) и бросила его в воду. Он нырнул за блестящим отблеском в глубину, увернувшись от одной из снующих теней и соображая: надо ли в первую очередь разрезать веревки на руках Альтер или... Мысль сразу пришлось отбросить, ибо, подбирая нож с донного гравия, он едва не порезал ладонь. Лезвие оказалось настолько острым, что вряд ли им с Альтер удалось бы избежать пары-тройки порезов во время борьбы с веревками. А кровь, пролитая в воду, означала смерть.

Неужели все, кого бросали сюда, связанные или свободные, погибали? Это было бы крайне скверно! Проплыв сколько-то под водой, он снова вырвался на поверхность футах в сорока от помоста, глотнул воздуха и снова устремился вперед. Как скоро твари из мутной глубины проявят к нему интерес? Через пару секунд, через несколько минут? Чем дальше они с Альтер будут друг от друга, тем дольше продлится акулья нерешительность — на кого первого нападать? Йон зажал нож в зубах, чтобы удобнее было грести руками. Перемещение под водой, как ни странно, привлекала меньше внимания тварей, чем плеск на поверхности. Он ринулся вперед сквозь воду, подобную матовому стеклу.

Акулий нос промелькнул так близко от него, что Йон сумел различить стальной отлив гладкого тела. Снова на поверхность, три быстрых вдоха. Он снова ушел на глубину, выжимая из мышц последние резервы и мысленно благодаря Альтер за ее превосходно тренированное тело (мысли о зубах, нацеленных на ее плоть, и веревках на ее руках он загнал на самое дно сознания).

Следующий нырок перенес его к самому дальнему концу аквариума. Одна из тварей, кажется, сделала выбор из двух силуэтов, мелькающих в зеленой грязи, и направилась к Альтер, бьющей ногами, как ножницами, и лишенной возможности отбросить назад клубящиеся у лица волосы. Он выхватил нож изо рта и полоснул по пальцу, используя собственную плоть и кровь как приманку. Что-то метнулось по самому краю его поля зрения, и так не бог весть какого в этой подводной мути. Он быстро перевернулся и вонзил в это свой клинок. Это была внушающая

уважение рыбина почти в фут длиной, но уже ставшая вялой в этой воде, так не похожей на привычную ей морскую. Теперь она билась и корчилась в облаке крови. Йон поймал рыбу, распорол ее ножом до самых наполненных кровью жабр и надавил, пуская поток крови к стеклу смотрового окна. Он перекувыркнулся в воде — в памяти всплыли ее слова: «Запрокинь голову, а теперь подними колени и вертись назад». Сейчас он выполнил ровно то же самое движение. Окровавленное мясо упало по обе стороны стекла, прочертив в воде багряный след.

В какой-то миг он почувствовал себя слепым, ибо чересчур много факторов находилось вне его контроля. У того, что было в аквариуме, и у того, что поджидало за его пределами, было слишком много как агрессии, так и острых предметов, с помощью которых было легко дать ей выход. Все это крутилось в его сознании, как монетка, падающая в глубь темной воды. С другой стороны, иллюзия полного контроля росла по мере того, как он приспосабливал свое восприятие к условиям, в которых оказался. Он рванулся к основанию емкости, оставляя за собой кровавую ленту.

В воде звук распространяется быстрее, чем в воздухе. Услышав, как они приближаются, он отбросил останки акулы и завис под смотровым окном, яростно работая ногами. Его ладони скребли по гравию, вода зловеще темнела.

Удар! Он перевернулся, начисто позабыв о боли в раненых руках. Удар! Удар! Еще две твари с размаху воткнулись в стекло. Затем раздался оглушительный хруст, и мощный поток воды дернул его вверх. Его голова вылетела на поверхность в тот самый миг, когда трехдюймовая стеклянная пластина окончательно треснула. Он хлебнул воздуха пополам с грязной пеной. Сработало!!!

Без заслонок и с лишней водой, заполнявшей емкость до самых краев, давление в аквариуме было раз в пять больше нормального и с лихвой превышало предельно допустимое для стекла такой толщины. В абсолютном покое у смотрового окна был некоторый шанс достаточно долго оставаться целым, но пара ударов живых торпед весом в четыреста пятьдесят фунтов (да еще в одну и ту же точку) сделала свое дело.

Йон выскочил из аквариума на мокрую траву. Вспомнив, как его учили падать, он перекатился и встал на ноги. Его легкие жгло огнем от недостатка кислорода, и он с огромным трудом восстанавливал нормальное дыхание. Нож все еще был у него в руке. В лунном свете капли воды, усеявшие его, казались жемчужинами.

Три акулы, вынесенные наружу потоком воды, извивались и подпрыгивали на траве, как и положено любой рыбе, выброшенной на сушу. Йон повернулся в сторону выбитого стекла. По какой-то случайности Рэй избрал для наблюдения именно это

окно. Когда стекло лопнуло, один из осколков почти разрезал парня пополам, все еще поблескивая в его распоротом животе.

Йон помчался к фургону, уровень воды в котором стремительно падал. Сейчас вода плескалась где-то на ладонь над донным гравием. Альтер лежала лицом вниз в двадцати футах от выбитого окна — ее принесло сюда потоком, прежде чем он иссяк и стал более не способен держать ее тело. Это не могло случиться раньше чем через полминуты после первой трещины в стекле! Но он смутно подозревал, как ускорился для него бег времени. Оказавшись возле нее, Йон оттащил девушку подальше от воды.

Альтер одновременно открыла глаза и рот, жадно вбирая воздух. Затем ее глаза снова закрылись, но она продолжала ловить воздух ртом. Йон перерезал веревки на ее запястьях и сделал попытку растереть ей руки, но она тут же напрягла плечи и локти. Он вспомнил упражнение, которое она когда-то показывала ему, уча восстанавливать кровообращение в конечностях. Покончив с этим, она вскочила на ноги. Он подвел ее к дыре, обрамленной битым стеклом, выскочил наружу сам и помог спуститься ей.

Неды мчались к ним вдоль стенок фургона. Опомнившись после взрыва (разумеется, аквариумы не взрываются, но получившийся результат трудно было обозначить как-то иначе), парализовавшего их минуты на три, они приближались, чтобы восстановить свои права на пленников.

Йон и Альтер кинулись бежать по мокрому лугу, усыпанному стеклом, чудом избегая длинных жутковатых тел, бьющихся в траве совсем рядом с их ногами. Альтер была измучена. Йон чувствовал это по нервной дрожи ее запястья в своей руке. Сам он двигался на остатках энергии, непонятно как сохранившейся в его сожженных нервах. Их бег, по сути, был не более чем прогулкой быстрым шагом. Когда они преодолели полпути к лесу, за их спинами раздался пронзительный вопль. Они обернулись, чтобы взглянуть, что случилось.

Один из недов слишком близко подошел к акуле. Тварь прыгнула и вцепилась ему в ногу. Остальные неды бросились на помощь собрату. Йон еще раз набрал побольше воздуха в свои несчастные легкие и, спотыкаясь, побрел вперед.

Так он брел, пока влажная листва не хлестнула его по лицу. Добрых пять минут они шли по лесу, затем скалы преградили им дорогу. Пройдя полпути вокруг гранитного утеса, Йон обернулся еще раз.

Близкий рассвет уже окрасил четверть неба в серое серебро. Каждое дерево отбрасывало двойную тень — от уходящей луны и от приближающегося солнца. Альтер опустилась на камень и провела руками от лба, приглаживая свои белые волосы наподобие шлема. Внезапно она обвисла, словно из нее вытекла та невеликая сила, что еще скрывалась в тайниках ее тела. В то же

время Йон ощутил, как напряжение, сделавшее его тело машиной для выживания, медленно, одну за другой, оставляет его мышцы. Его плечи, бедра, икры, истерзанные ладони начало колоть и жечь. Он упал рядом с ней, словно кислота усталости придала его телу вес свинца.

— Мы в безопасности,— произнесла она мягко и не вполне уверенно.

Йон уронил голову ей на плечо, как когда-то сделала она сама там, в городе, расслабляясь в тепле ее влажной кожи, которое сделалось единственным реальным ощущением. Она положила руку ему на затылок. Какое-то время спустя он поднял на нее глаза. Ветер метался в ветвях деревьев, трепет листьев заполнил все пространство вокруг них.

— Я могу видеть твои глаза,— шепнул Йон.— Света уже достаточно для того, чтобы они стали видны...

Глава 9

Каждый человек, идущий к своей личной зрелости, смотрит в определенном направлении. С этого направления он приближается к каждому наблюдаемому случаю и разглядывает одну его сторону. Но кому-то другому, возможно, откроется совсем другая сторона. Когда Альтер в Тороне крикнула королеве-матери: «Совершите один порядочный поступок за всю свою жизнь», молодой нед, подошедший к ним раньше, повернулся и скрылся в ночи. Это был Кайно.

Неизвестно почему, но из всего разговора парню из низов запала в память именно эта фраза, странно поразившая его, хотя сам этот эпизод показался ему всего лишь одной из многих необъяснимых вещей, которые ему доводилось видеть на улицах. Он не узнал Йона. Он даже не увидел связи между невнятной речью и больничной одеждой. Но у него были свои причины, по которым он, удрав от охраны оцепленного сектора, шел по набережной и размышлял над истерической властностью старухи.

Задумавшись, он привычно достал из кармана кусок мела и написал на стене поверх обрывков военного плаката: «Ты попал в западню в тот...»

— Кайно?

— Джоф? — Кайно обернулся и увидел неандертальца, вступающего в полосу лунного света. Прямо на его тени ветер затеял возню с обрывком бумаги.

— Значит, это ты пишешь эту фигню на стенах?

— Типа того,— нахмурился Кайно, думая, остаться ему или уйти.— Что ты здесь делаешь, Джоф? — спросил он, оттягивая решение.

— Это моя территория,— агрессивно бросил Джоф.— Хочешь сказать, я не могу ходить по ней?

— Нет, Джоф. Я ничего такого не думаю.

— Тогда скипай отсюда. Я, короче, залег на дно.

— Уже скипаю,— Кайно сунул мелок в карман.— Джоф, ты когда-нибудь совершал порядочный поступок... ну, сделал что-нибудь, чем мог бы гордиться?

— Я горжусь,— сказал Джоф и показал кулак, особенно внушительный в туманном свете. Кайно отступил, но настаивал на своем:

— Чем ты гордишься, Джоф?

— Лучше бы ты свалил.

— Ага, бегу и падаю. Нет, Джоф, в натуре, чем тебе на хрен гордиться? — на лице неандертальца отразилось напряженное размышление: брови сошлись, щеки запали, мышцы нижней челюсти напряглись.— Думаешь, после того дела с бабой Ноника здешние парни считают тебя бугром? А вот ни фига! Ты — мелкая обезьяна, такая мелкая, что, по их понятиям, тебе и ловить здесь нечего. Может, прямо сейчас их кодла сидит где-нибудь и прикидывает, как тебя взять и порезать на ремни, типа как ты уделал Ренну. Может, часиков в десять вечера они уже попрутся тебя искать. Может, они уже скипают из кабака, где все это прикидывали, чтобы выкурить тебя из той маленькой дырки, где ты зависаешь!

Все это было чистейшей выдумкой. Но Кайно, начав говорить, увидел шанс отомстить за друга.

— Какого хрена ты мне это говоришь?

Кайно пожал плечами.

— Просто мне не в падлу предупреждать людей. Я всегда так делаю,— он почувствовал, что его способность к блефу иссякает.— Так что не щелкай клювом,— добавил он и пошел прочь. Тот же страх, что заставил его придумать месть, стер легкий интерес к фразе Альтер. Он быстро шел по улице и думал: «Все равно я его застремал! Будет чуток поосторожнее таскать свою задницу!»

Мы не можем отслеживать опыт, который дает человеку способность наблюдать данное явление с данной стороны. Поэтому нам кажется, что многие его реакции случайны.

Джоф остался один. Кусок плаката, отодранный ветром от забора, полетел куда-то в переулок. Неандерталец снова сжал кулаки, пропуская в сознание слова Кайно.

— Я-то горжусь,— пробормотал он, огляделся вокруг — и вдруг лицо его исказилось в выражении, которому трудно подобрать название.— Они меня не найдут,— прошептал он и бросился бежать. Мы опять же не беремся оценивать, какие изгибы его мозга заставили его сделать это.

Через два квартала он, задыхаясь, остановился перед маленькой дверью в подвал. Он проскочил три ступени вниз и постучал кулаком во внутреннюю дверь.

В Адском Котле было несколько тайных местечек, где бандиты могли купить энергоножи, похищенные у транспортной охраны, или уворованную у государства взрывчатку. Многое из снаряжения, созданного для мнимой войны, исчезало при перемещении с одного склада на другой. Такие местечки часто бесследно пропадали и предпочитали заниматься своим скромным бизнесом в ночное время.

Дверь приоткрылась, и Джоф протиснулся внутрь. Уже через пять минут он одним прыжком перескочил ступеньки и пошел вниз по улице. В одной руке у него был латунный шар с кнопкой — маленькая, но мощная граната. В свое время он бросил точно такую же в окно крематория, администрация которого не захотела платить за «крышу», и взрыв пламени с дождем из битого стекла навсегда связался в его сознании с чувством собственной значимости.

У своего лаза он остановился. Нет, здесь его будут искать в первую очередь. Переулки, где он слонялся свободными вечерами, не были безопасны — там регулярно отирались другие неды, и им было нетрудно его вычислить. Он пошел по набережной, где свет ртутных фонарей рвал завесу тумана.

Вход на один из причалов случайно остался открытым. Джоф скользнул туда. В доке стоял только один корабль. Неандерталец заколебался. Но корабельные сходни тоже не были убраны. Маленький катерок, из тех, что курсируют только между островами, был, кажется, даже не крашен. Его капитан был достаточно беспечным, чтобы уйти, ничего не закрыв. Наверное, там нечего взять, подумал Джоф, поднимаясь на палубу.

Судно покачивалось вверх и вниз на грязной портовой воде. Джоф потер гранату о свою старую фуфайку. Прошлой ночью ему ничего не стоило бы швырнуть ее в любое окно, но сегодня в его голове билась одна мысль: надо получше спрятаться.

Когда он подошел к люку, над его головой пронесся воющий звук. Подняв голову, он увидел за портовыми зданиями далекий взрыв. Джоф с отвращением сплюнул и быстро спустился в грязное отверстие. Опять эта гребаная бомбежка. Давайте-давайте, взорвите на хрен ваш проклятый город, думал он. Может, это отвлечет тех, кто преследует его, дав им возможность пограбить. Он сел в сыром углу и положил гранату на колени. Пусть приходят за ним сюда. Движение судна заставляло колебаться и дышать тьму вокруг него. «Интересно, чему в этот раз настал звездец?» — подумал он, начиная дремать.

Лет бежал в волне дыма. Дым разъедал горло, жег ноздри.

— Петра, где ты? — кричал он.

Из открытой двери справа от него выплеснулся яркий свет. Кто-то, кашляя, наткнулся на молодого короля.

— Лет, что происходит?

— Нас бомбят, Петра. *Нас* бомбят!

Посмотрев вокруг, Петра вскрикнула и тут же зажала рот ладонью. Часть потолка и дальняя стена треснули. Судя по всему, перебило проводку — последний свет в коридоре погас. Ветер погнал дым прямо в их испуганные лица. Петра схватила Лета за руку. Они едва успели выбежать из коридора, как позади них раздался грохот падающего камня, переходящий в шорох мелкой осыпи.

— Сюда! — она повернула на левую лестницу.

— Нет, Петра! Пойдем другой дорогой!

Кусок штукатурки упал со стены, за ним посыпалась кирпичная кладка. Они повернули к другой лестнице. Перекрытия под их ногами уже пошатывались. Их страх усилился, когда они увидели на ступенях дворцового охранника с головой, раздавленной каменным блоком.

— Куда мы бежим, Петра? Нас все еще бомбят?

Вместо ответа страшный грохот заполнил коридор, и пол снова задрожал. С потолка посыпалось стекло: разбилась хрустальная крышка хронометра. Этажом ниже кто-то пронзительно визжал.

— Что с крылом Совета? — спросил Лет, когда они начали спускаться по следующей лестнице.

— Думаю, что его разбомбили в первую очередь, иначе мы были бы уже мертвы. Идем сюда,— они проскочили в дверь, которая вывела их на верхний балкон тронного зала.

— Петра, глянь! — Лет подошел к перилам и указал вниз. Там горела лишь одна лампочка, в самом конце зала. По залу шли люди, и от каждого, как нетерпеливые пальцы, тянулись длинные тени. Петра тоже подошла к перилам.

— Что они тут делают, Петра? Кто они такие?

Она положила руку на его плечо, заставляя пригнуться.

— Так быстро...— прошептала она.— Они уже здесь.

— Кто — они?

— Смотри сам.

Люди внизу шли, с удивлением оглядываясь по сторонам. Вот один подбежал к окну, сдернул парчовую штору и обернул ее вокруг талии. Она поволоклась за ним, вызвав смех. Другой остановился перед драгоценной инкрустацией на стене и стал выламывать ее ножом. Третий схватил что-то с пьедестала, на котором стояло несколько статуэток исторических деятелей, и поспешно спрятал за пазуху.

— Грабители, мародеры, варвары,— шипела Петра.— Неды!

Неожиданно из дальнего входа в зал вошли еще трое: два старика и женщина. Их одежда была настолько же богата, насколько бедна у грабителей, но рваная, пыльная, обугленная.

— Это члены Совета,— прошептал Лет.— Наверное, они сумели выскочить из своего крыла дворца.

Трое советников и грабители секунду смотрели друг на друга. Затем вперед ступил человек в парчовой шторе.

— Что вы тут делаете? — требовательно спросил он. Оцепеневшие советники только теснее сдвинулись. Говоривший, ободренный их молчанием, снова закричал:

— Что вы хотите с нами сделать? — от его крика несло страным чувством вины.— Вам нечего тут делать! Вы не убережете то... что по праву принадлежит народу!

Советники растерянно покачали головами. Советница Тилла нервно подняла руку к колье из морских агатов. Советник Рилум теребил конец своего золотого пояса.

— Мы только хотели выйти из...— начал советник Сервин, собравшись с духом.

— Не выпускайте их! — закричал один из мародеров.— Они разболтают! Не выпускайте!

Все разом кинулись на перепуганную троицу. Затем один мужчина вскинул в воздух золотой пояс, а женщина побежала к двери с агатовым колье в руках.

Рука Петры, крепко сжимающая плечо короля, мелко тряслась. Осознав, как сильно она вцепилась в Лета, герцогиня чуть ослабила хватку.

— Ох, Лет, неужели... Нет, не может быть!

— Петра,— он вздохнул.— Ты, наверное, была права насчет аристократии. Может, это и к лучшему, что она...

Петра резко повернулась к нему. Одинокая лампочка давала мало света, и глаза ее были провалами в ночь.

— Аристократия! — повторила она.— В самом худшем случае это саргассовые водоросли любого больного общества. Сама ее суть заключается в согласии и готовности умереть, если прикажут. Но, по крайней мере, в прошлом, если верить древним документам, она имела мужество аплодировать приказу о собственной казни! — она снова повернулась к перилам и заглянула вниз, где уже не было никого, кроме трех изломанных тел у подножия трона.— Но это... нет, только не это...— она отвернулась.— Даже в народе теперь исчезло все, что можно было назвать благородным.

— В лесу сказали бы, что исчезло все, что можно было назвать гистосентным,— герцогиня вопросительно взглянула на Лета.— То есть все человеческое,— перевел он.

Позади них послышались шаги и голос:

— Они здесь! Это наверняка король!

Даже не оглянувшись, они сбежали с балкона и свернули в лабиринт коридоров. Вслед им неслась вопль:

— Мы их поймаем! Это всего лишь баба и хромой пацан!

Но их не поймали. Они знали дворцовый лабиринт, а грабители — нет. Наконец они остановились в глубине маленького парка позади дворца.

— Теперь ты иди за мной! — вдруг прошептал мальчик.

— Куда?

Но он уже шел вперед, и она последовала за ним. Через дверь, по мостику, под арку. Они спешили вдоль стен Устричной авеню. Когда они дошли до домов-ульев, она опять спросила:

— Ваше Величество, куда мы идем? — и взглянула назад, где между шпилями города мелькали языки пламени.

— Пошли! — он крепко взял ее за плечо.— Мы уже ничего не можем сделать. Петра, прошу тебя, идем!

Она подчинилась.

Город был охвачен паникой. Люди выскакивали из своих домов, иные забирались на крыши, чтобы наблюдать за зрелищем. Силы, предназначенные для поддержания порядка в городе, больше чем наполовину были брошены на борьбу с пожарами, бушующими в центре. На улицах царил хаос. Пользуясь всеобщим замешательством, Лет и Петра без особых проблем добрались до набережной.

— Лет, куда мы пойдем? — в третий раз выкрикнула Петра, молчавшая последние пятнадцать минут, и снова оглянулась на башни.— Аркор до сих пор где-то во дворце. Йон и Альтер прорываются в Тельфар...

— ... а ты ничего не можешь сделать,— закончил он за нее.— Пожалуйста, идем.

— Но куда?

— К лодкам, Петра. Возьмем лодку и отчалим.

— Что-о?!

— Здесь больше ничего нельзя сделать, Петра. И я так хочу! Вот главная причина. Если здесь нет ничего, что ты хотела бы сделать, то хоть раздели мое желание!

Она пришла в замешательство, и он воспользовался этим замешательством, чтобы увлечь ее за собой к причалам. Неожиданно впереди появилась группа оборванцев, и кто-то крикнул:

— Вот они! Посмотрите на их прикиды!

Они развернулись и побежали по тротуару. За ними неслись крики:

— Отберем у них тряпки! Это богатые! Отнимем у них шмотье!

Через полквартала мелькнул приоткрытый вход в доки.

— Сюда! — крикнул король. Герцогиня последовала за ним. Они вбежали на корабль по сходням и, оказавшись на палубе, вдвоем с трудом убрали трап. Когда они подбежали к рулевой рубке, у входа показались люди.

Петра замешкалась, гладя на них, но тут загудел мотор.

— Поднимайся сюда, Петра! Судно пошло!

Она отвернулась от фигур, сгрудившихся у края пирса, и не видела, как трое прыгнули к борту, не видела, как четыре руки соскользнули с края палубы, как два тела шлепнулись в воду, а две руки помогли этому. Затем над краем палубы показался ло-

коть, темная голова, вторая рука. В это время Петра стояла у штурвала рядом с Летом.

— Нет, Петра, не оглядывайся на город. Смотри только вперед! Куда мы поплывем? К твоему острову? На материк? Или вообще к краю барьера и дальше? Мы можем пойти туда, где никто еще не бывал, мы сами откроем новые острова!

Она честно смотрела вперед — и не видела пригнувшейся фигуры, которая шагнула вперед, но остановилась, услышав их голоса. Оглядевшись по сторонам, самозваный попутчик увидел открытый люк. Босые ноги метнулись по палубе, на которой мерцали отблески света от горящих башен, и скрылись в люке.

— Лет, зачем все это?

Ночь накрыла их с головой, сверкающая и беспощадная, как большая волна.

— Петра, помнишь того мальчика, который рассказывал мне о восходе солнца над морем? Так вот, в его честь мы поплывем прямо в рассвет. Кто бы он ни был, мы поплывем в его честь!

— Но сейчас ночь...— прошептала она и подумала: это не в честь кого-то, это просто эгоистический жест, один из тех многих, которые мы собираемся сделать, позволяя всему рушиться...

— Но скоро...— шепнул он в ответ и подумал: разве ты не видишь, что нам осталось только спасать себя, сделать только этот жест, потому что все рухнуло и больше ничего нет...

Пока женщина и мальчик на палубе тянулись друг к другу с двумя половинками правды, пытающимися слиться в одну истину, под палубой проснулся Джоф. Он захлопал глазами, приподнялся на локте и почувствовал под собой биение мотора. Снаружи шипела пена, и он в ужасе подумал: «Это пришли за мной!» Его короткая рука крепче сжала гранату.

Затем в неровном свете в люк упала чья-то фигура. Джоф вжался спиной в стену, головка болта впилась ему в плечо. Фигура повернулась, и на миг ее лицо попало в полосу света.

— Кайно!

— Джоф!

Уже ничего не соображая, Джоф нажал кнопку. Городские подонки все еще стояли на причале, от нечего делать глазея на уходящее судно. Они увидели мгновенную вспышку на воде, и лица их вдруг осветились, как днем.

Глава 10

Бриз катился по лесу назад к морю, когда они спустились по зеленому склону.

— Не отдохнуть ли нам часок? — спросил Йон.

— Может, хватит и получаса?

— Ладно,— Йон с трудом усмехнулся.

Что-то блестящее закрутилось в воздухе и упало на траву перед ними.

— Не бросишь ли ты мне обратно эту штуку? — спросил кто-то из-за кустов.

Йон наклонился и поднял металлический кружок.

— Вот она. Иди сюда и возьми сам.

Рука раздвинула ветки, и человек вышел к ним. Возраст его трудно было определить. Он был без рубашки, в одних рваных штанах, опоясанных веревкой на талии, и при ходьбе слегка подволакивал ногу. Одно его плечо было каким-то сгорбленным, правая рука вяло болталась. Его волосатая грудь сместилась, когда он потянулся за кружком здоровой рукой. Но Йон отшатнулся назад, из пределов досягаемости, решив разглядеть вещицу. Это оказалась медаль с изображением нескольких зданий на фоне одинокого пика, из-за которого сияли солнечные лучи. По нижнему краю шла надпись: ГОРОД ТЫСЯЧИ СОЛНЦ.

Йон, помрачнев, протянул медаль человеку. Широкие сильные пальцы с грязью под ногтями приняли ее.

— Значит, вы хотите отдохнуть? Как насчет чистых простынь, толстого матраца на пружинах и фонтанчика с питьевой водой в изголовье? И все это в комнате, окрашенной в светло-зеленый цвет, куда не проникают никакие звуки, кроме шелеста листьев, а утром в окно заглядывает солнце...

— Хватит тебе,— сказал Йон. Их усталость дошла до того предела, за которым эта дружеская болтовня начинала порождать физическую боль где-то то ли в горле, то ли внизу живота.— Зачем треплешься?

— Пошли, если хочешь отдохнуть,— сказал человек и побрел обратно в кусты.

— Куда? — спросил Йон, ибо спрашивать было проще, чем вставать и идти.

— Ты же видел надпись,— пожал плечами незнакомец.

Они лезли по камням, пробивались через кусты. Утренний туман был еще очень плотным, но когда они наконец продрались сквозь листву, на их лица упал яркий свет. Они стояли на маленькой скале и глядели вниз. Когда солнце окончательно разбило золотистый туман своим медным молотом, они увидели озеро между горами. На берегу озера люди строили... город. Город с медали. Художник, вырезавший форму для медали, несколько идеализировал его. На диске Йон не смог бы разобрать, из чего построены здания. Оказалось, что большая часть их была деревянной. По сравнению с диском их было куда больше — наверное, они были построены уже после того, как отчеканили эту медаль.

— Что это за место? — спросила Альтер, глядя со скалы вниз.

— Уже сказано — Город Тысячи Солнц. Он еще строится. Собственно, он заложен совсем недавно.

— Кто его строит? — спросил Йон.

— Неды.

Йон заметил, как напряглись плечи Альтер от одного этого слова.

— Неды,— повторил их проводник.— Недовольные. Только эти неды недовольны другими недами столь же сильно, как и всем остальным в этом хаотическом мире,— тем временем они спустились со скалы на мягкую траву.— Всего несколько лет назад они пришли в лес и стали строить у озера свой город.

— А почему его так назвали?

Гид пожал плечами и хмыкнул.

— С передачей материи, тетроновой энергией, гидропоникой и аквариумами Торомон имеет достаточный научный потенциал, чтобы производить пищу, жилье, создавать рабочие места для всего своего населения, а также, чтобы достигнуть звезд. И вот маленькая, очень маленькая кучка людей начала все это организовывать. Любого желающего приложить руки — милости просим сюда. Пока что здесь очень примитивно, но место для вашего отдыха найдется. А тысяча солнц — это звезды, до которых люди когда-нибудь дотянутся.

— А почему ты вышел встретить нас? — спросил Йон.

— Если бы вы шли прямо к городу, я мог бы вас и не встречать. Но, продолжая идти так, как вы шли, вы прошли бы мимо города, ярдах в четырехстах. Нельзя полагаться на случай.

Они пошли по пыльным улицам города. На углу насос откачивал бурую воду в сливное отверстие. На нем работала женщина в комбинезоне, с маленькой ацетиленовой горелкой. Когда они проходили мимо, она сдвинула защитные очки и улыбнулась. Они подошли к башенке связи, где человек на земле, уперевшись руками в бока, выкрикивал инструкции человеку рядом с антенной. Тот, что наверху, был одет в старую военную форму. Йон дернулся — традиционная одежда недов уже вызывала у него нездоровый рефлекс. Но напряжение ушло, когда оба мужчины повернулись и помахали гиду.

Сквозь широкое пространство между домами Йон увидел поля, где работали люди. С другой стороны было озеро, и два человека, неандерталец и лесной страж, с помощью лебедки вытягивали из воды блестящую сеть.

«Порядок»,— подумал Йон, но не словом, а каким-то интуитивным концептом — приблизительно так человек ощущает размер прекрасного стихотворения. Альтер взяла его за руку. Глядя в ее широко раскрытые глаза, он понял, что она чувствует то же самое.

Через улицу прогрохотала повозка и остановилась перед большим зданием. Ее толкали четверо, среди которых были лесной страж и женщина. Они остановились, вытирая потные лица, один из людей отошел к фонтанчику в стене и начал жадно пить из медной кружки. Из здания с шумом и смехом выбежали ребята в рабочих фартуках. Инструктор окликнул юношу-стража, на голову выше его самого, и тот наклонился над мотором повозки. Он сделал что-то не так, группа захохотала, и мальчик засмеялся вместе с ней. Затем он сделал что-то еще, и мотор заурчал. Инструктор отдал распоряжение, после чего половина группы погрузилась в повозку и куда-то отправилась. Двое из оставшихся, парнишка и девчонка, в лад засвистели вслед им.

— Пошли,— сказал гид, и они продолжили свой путь.

— Кто правит этим... городом? — задал вопрос Йон.

— Вы встретитесь с ними, как только отдохнете,— ответил гид. Теперь они шли мимо лужайки, где несколько людей сидели на скамейках или прогуливались.

— Это новички,— объяснил гид.— После отдыха вы придете сюда и поговорите с нашими лидерами.

Группа детей, явно хорошо знакомых с этим местом, вылетела с одной из улиц, смеясь и крича, и рассеялась среди взрослых на лужайке. Их игры не мешали никому, так как дети разбились на более мелкие и более тихие группки.

Молодой солдат на скамейке достал из кармана горсть монет и выложил квадрат с одним недостающим углом. Когда он бросил монету в этот недостающий угол, один из ребятишек, шнырявший поблизости, плотный неандертальский мальчик, отошел от своих друзей и подобрался поближе к солдату. Солдат улыбнулся, глядя, как тот украдкой вытирает ладонью нос.

— Хочешь попробовать? — спросил он.— Это игра случайка, мы играли в нее в армии. Видишь, когда я бросаю монету в этот угол, с другой стороны вылетают две монеты, и мы пытаемся угадать, какие вылетят.

— Я знаю эту игру,— кивнул мальчик.

— Не хочешь ли для забавы сыграть пару конов?

Мальчик подошел к скамейке, выложил монеты квадратом и достал что-то из заднего кармана. Это был калиброванный полукруг с металлической планкой, вращавшейся вокруг его центра. Мальчик расположил инструмент по диагонали квадрата и определил угол. Затем замерил расстояние, взял свободную монету и присел на корточки, чтобы метнуть ее.

— Три и пять,— сказал он, загадывая монеты, которые выпадут. Он метнул монету, и из дальнего конца вылетели монеты номер три и пять. Он снова составил квадрат, второй раз произвел измерения, сказал: «Два и пять», метнул — выпали два и пять. Солдат засмеялся и почесал в затылке.

— Что ты делаешь с этой штукой? — спросил он, когда мальчик снова стал измерять.— Впервые вижу обезьяну, которая играет так здорово — прямо как страж.

— Один и семь,— сказал мальчик, и названные монеты послушно выпали.— Я просто проверяю угол смещения линии удара,

— Чего-чего? — переспросил солдат.

— Вот, смотри,— начал объяснять маленький неандерталец.— Монета, которую ты бросаешь, имеет вращение, скажем, омега, которым в большинстве случаев можно пренебречь, так что тебе не нужно беспокоиться насчет вращающего момента. То же самое относится к ускорению, пока оно достаточно сильно, чтобы выбить две монеты, но не настолько сильно, чтобы разбросать всю матрицу. Назовем его константой К. Единственное, что имеет значение — это угол перемещения, тета, от диагонали матрицы по линии толчка. Как только ты воспримешь это правильно, результатом будет простой вектор сложения сил, взятый через все возможные пятнадцать...

— Постой, постой...— сказал солдат.

— Эта игра не должна бы называться случайкой,— закончил мальчик.— Если ты правильно воспринимаешь все факторы, никакой случайности не будет вообще.

— Это слишком мудрено для меня,— засмеялся солдат.

— Вовсе нет,— возразил мальчик.— Просто думай, как на уроках в школе. Ты тоже пойдешь в здешнюю школу?

Йон, Альтер и их гид стояли и слушали все это. Теперь Йон шагнул на лужайку и тронул мальчика за плечо. Солдат вскинул голову, мальчик повернулся. На обоих лицах было написано удивление.

— Кто научил тебя этому? — спросил Йон.— Кто показал тебе, как делать такие вещи? — ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что удивление вызвало его диковатое, давно не бритое лицо, а вовсе не его вопрос.

— Женщина,— ответил мальчик.— Женщина, с которой был мужчина с такой чудной головой.

— У нее были черные прямые волосы? А у мужчины сквозь половину лица можно было заглянуть внутрь головы?

— Правильно,— подтвердил мальчик. Йон поглядел на Альтер.

— Они здесь,— сказала та.

— Пожалуйста, идемте со мной,— напомнил о себе гид.— Вам нужно отдохнуть, иначе вы попросту свалитесь.

— Они здесь! — повторил Йон, оглядываясь вокруг.

Им отвели комнату в маленьком доме, специально предназначенном для сна. Она была, как обещано, удобной и зеленой. Когда они проснулись, был вечер, в окно стучали листья, их шелесту

вторила песенка маленькой птички, а в закатном небе пурпур оттенял жаркую бронзу.

— Вот это да! — сказала Альтер лесному стражу, который пришел поговорить с ними в этот вечер.— Я и подумать не могла, что увижу такое место в том мире, где живу. Оно как из мечты о другой планете.

— Оно очень даже из этого мира,— заверил ее страж.— Когда беспорядок начинает нарастать, это сразу делается заметно. Но мы стараемся наводить порядок, если есть хоть половина шанса, с такой же скоростью, с какой нарастал хаос.

— Как люди приходят сюда? — спросил Йон.

— Услышав об этом месте. Есть наши люди, которые ходят по всему Торомону, и есть стражи-телепаты. Нам здесь очень нужен умелый народ, но он собирается у нас медленно.

— А где моя сестра и Катам? — задал Йон новый вопрос.— Когда мы их увидим? Нам надо немедленно поговорить с ними. Мы приехали из Торона, нас послала герцогиня Петра от имени короля.

— Мы знаем, что они здесь,— добавила Альтер.— Мы говорили с мальчиком, который видел их.

— Но здесь нет,— просто сказал страж.— Они были здесь некоторое время назад. За время своего пребывания Клея прочитала несколько лекций по высшей математике и немного позанималась с начальными классами. Тот мальчик, наверное, учился в одном из тех классов. Рольф же оказал большую помощь в оценке нашего экономического положения и обозначил несколько путей для решения проблем, с которыми мы уже начали сталкиваться. Но они были здесь недолго, только для того, чтобы официально пожениться, а потом ушли.

— Куда?

Страж покачал головой.

— Они сказали, что надеются вернуться, хотя у них может не получиться.

— Йон,— Альтер дернула его за рукав,— скажи ему про врага...

— Компьютер в Тельфаре? — спросил страж.— Мы знаем, что он сошел с ума. Они, наверное, отправились туда.

— Это и наше место назначения,— сказал Йон,— если мы не найдем их.

— Но почему бы вам не остаться здесь?

— Мы приняли на себя обязательство покончить с компьютером.

Помолчав, страж сказал:

— Известно ли вам, что король, герцогиня Петра, большая часть советников и некоторые другие члены королевской семьи погибли?

Они слушали в полном оцепенении, не проронив ни слова даже после того, как он замолчал.

— Торон снова подвергся бомбардировке, причем очень жестокой. Королевский дворец разрушен. Уничтожены три четверти городского населения. Идет беспорядочная эвакуация на материк. Это сообщение пришло сегодня поздним утром, когда вы уже спали.

Они гуляли по берегу озера и смотрели на рваную линию горных вершин. В воде отражалась медь догорающего заката. Поднятая лебедка отбрасывала на песок тень сложной формы.

— О чем ты задумался? — спросила Альтер

— О тебе и о себе. Теперь только это и осталось.

— Я очень боюсь,— сказала она совершенно спокойно. На серой воде умирали последние отблески солнца.

— Альтер,— тихонько спросил Йон,— ты любила того мальчика, который подарил тебе ожерелье и погиб на войне?

— Я очень хорошо к нему относилась,— она была слегка удивлена.— Мы были добрыми друзьями. А почему ты опять спрашиваешь?

В тишине Йон распутывал клубок своих сумбурных мыслей.

— Потому, что я хочу жениться на тебе,— наконец решился он.— Ты мой друг. Ты очень хорошо относишься ко мне. Но будешь ли ты любить меня?

— Да,— прошептала она, и в том, как изменился ее голос, он угадал и ее раздумья, и ее согласие.— О да...

Он притянул ее к себе, и она обняла его за талию.

— Пожениться и остаться здесь,— проговорил он.— Альтер, будет ли это правильно, если там... там ничего не осталось? Я уже ни о чем не берусь судить.

— Я хочу выйти за тебя,— она сделала паузу.— Если ты не сделал бы мне это предложение, я сделала бы его сама. Йон, если это имеет значение для чего-то там — я тоже не берусь судить. Но это единственное, чего я хочу.

— Тогда поженимся.

В тот же вечер они узнали, какова в городе брачная процедура. На рассвете они принесли друг другу обеты на каменной плите на берегу озера, над ало-золотым огнем, окрасившим воду.

Глава 11

Сидя на лужайке в компании таких же новеньких, ждущих начала ознакомительной беседы, они снова услышали, как воздух режет вой самолетов. Все посмотрели на облака. Звук усилился, и у Йона пошли по спине мурашки. Кто-то вскочил. Но

затем звук ослабел, и все нервно переглянулись. Вскочивший потряс головой, как делают, отгоняя кошмар.

— У меня живот сводит каждый раз, когда я слышу эти проклятые самолеты. Каждый раз сижу и гадаю, куда они летят теперь,— он снова сел.— Наверное, я должен быть рад без памяти: я был при бомбежке каторжных рудников, и если бы не она, я бы тут с вами не сидел. Но все-таки...

— Значит, рудники тоже бомбили? — спросил Йон.

— Пару дней назад.

— А как вы попали на рудники? — спросила Альтер. Их собеседник коротко рассмеялся.

— Из Котла да под крышку. Просто и тупо. Взяли, в общем, за дело,— его улыбка не таила никакой задней мысли, но он явно не хотел углубляться в свое прошлое.

— Я не собираюсь любопытствовать,— сказал Йон,— но каковы они сейчас, рудники?

— Каковы? Если здесь найдется какая-нибудь правильная жидкость, как-нибудь вечерком мы с тобой выпьем, и я расскажу. А трезвый не могу.

— Видишь ли,— попытался мотивировать свою настойчивость Йон,— я знал одного парня, который загремел в рудники, и я хотел бы знать, какова его судьба.

— Понятно,— сказал собеседник с большим пониманием.— Если он был там еще пару дней назад, то лег под бомбами. Кто это?

— Кошар,— Йон быстро попытался вспомнить хоть какое-то имя из слышанных на каторге, но так и не придумал ничего, кроме собственного.— Ты знал Йона Кошара?

Глаза собеседника сощурились, и Йону невольно пришло в голову, что вот точно так же он щурил их, выходя из тьмы шахт в пурпур заката, пламенеющего среди папоротников.

— Ты его знал? — в голосе человека прозвучало удивление.— Парня, который удрал несколько лет назад? Ты знал об этом?

Йон покачал головой.

— Ну так я тебе расскажу. Я попал в тюрьму где-то за полгода до того, как Кошар удрал. Я не знал его, хотя потом ребята говорили, что его место в столовке было за два стола от моего. Но я его вообще не помню. Я знал одного из тех, кого потом убили, толстого такого. Но с Кошаром я не работал и не говорил ни разу. Потом очень многие говорили, что знали, мол, кое-что затевается. Но мне как-то сомнительно. Похоже, те, кто говорил, что знал про это, просто набивали себе цену. Но как это произошло, я отлично помню. Моя койка была под окном, и я каждый раз засыпал под луч прожектора, шарящий по территории. Ночью я проснулся только потому, что дождь стучал в решетку на окне. А потом снаружи вдруг заорали офицеры. Завыла сирена, кто-то начал долбиться в дверь барака. Нас всех выгнали на дождь и полчаса делали пере-

кличку. В это время и пошел слушок, что трое парней пытались бежать. Охрана ничего нам не сказала, но мы понимали, что такой шум неспроста. Видимо, не только пытались бежать, но и сбежали. Кое-как я заполз под одеяло — волосы мокрые, на ноги трава налипла. А на следующее утро, когда все вышли на поверку, в грязи лежало два трупа. Затем начались разговоры: бежали вроде трое, значит, один все-таки ушел! Как по-вашему, поймают его? Кто это? Может, этот пацан Кошар? Вроде его в грязи не было, хотя они лежали мордами вниз, поди разбери. Но, может, он исчез по другой причине? И все такое прочее.

Недели через две была вторая попытка побега, но тех повязали еще до рывка. Офицер говорит: «Черт тебя дери, ты о чем думал, когда это делал?» А парень лыбится и отвечает: «Я хотел найти Кошара». За такое ему свернули челюсть. И тут все вдруг заговорили о Кошаре. Начались всяческие рассказы о нем. Любую классную штуку, какая случалась между нами, приписывали ему. Чтобы прекратить разговоры, нам сказали, что он тоже умер. Мол, он заблудился, вышел к радиационному барьеру и там спекся, поэтому его тело и не принесли. Но это произвело обратный эффект: офицеры долбили это так упорно, что никто не верил, все только смеялись. Это было три года назад. Но даже сейчас, когда рудники бомбили и все мы боялись смерти, те немногие, кто уцелел, посмеивались и приговаривали: «Может, мы все-таки найдем Кошара».

Человек помолчал, отдыхая после долгого рассказа.

— Так что ты имел в виду, когда сказал, что знаешь его? — он отряхнул плечо своей тюремной униформы.— Что ты вообще слыхал о нем?

— Только то, что он спасся от радиационного барьера,— выговорил Йон, слегка ошалевший от изумления и гордости.

— Он вернулся в Торон?

— Я... именно там я его и встретил.

— Что с ним...— человек осекся, лицо расплылось в предвкушающей улыбке, но она очень быстро пригасла.— Не уверен, что хочу это знать. Я и без того никогда не верил охране, что он мертв. С ним было все в порядке?

Йон кивнул.

— Это хорошо,— сказал человек.— Может, он когда-нибудь придет в Город Тысячи Солнц, и мне удастся самому встретиться с ним,— он огляделся вокруг.— Это такое место, куда он должен бы прийти. Он был для тебя чем-то особенным? Ты ведь знал его, а мы нет,— он вздохнул и снова рассмеялся.— Я должен обдумать это как следует.

— И я тоже,— сказал Йон и отошел.

— Что ты думаешь об этом? — спросила Альтер, когда они переместились на другую сторону лужайки. Он посмотрел на траву, примятую носками его новых сандалий.

— Я хорошо помню тюрьму. И вчера вечером передумал о многом.

— О чем именно? — уточнила она.

— Я задавался вопросом: имеет ли значение все, что я когда-либо делал, то, как пытался совершенствовать себя, акробатика и вообще все? Когда мы спаслись из бывшего цирка, я думал, что дисциплина — единственная вещь, которая что-то значит. Потом, когда нам сообщили, что герцогини нет в живых и наша цель утратила смысл, я вообще не думал, что хоть что-то в этом мире имеет значение — кроме тебя. Но теперь...— его голос неожиданно понизился. Через лужайку к ним шел неандерталец.

— Привет, друзья! Надеюсь, что увижу вас здесь, когда вернусь. Сначала я думал остаться здесь, но потом решил идти дальше,— неандерталец был в солдатской одежде.

— А почему ты не хочешь остаться? — спросила Альтер.

— Как я объяснил стражу, который беседовал со мной, у меня есть дела со своим народом.

— Какие дела? — опять спросила Альтер. Неандерталец протянул ей руку.

— Меня зовут Лаг. А вас?

— Я Альтер,— представилась она,— а это мой муж Йон.

— Рад встретиться с вами обоими. А делать я собираюсь вот что: мой народ все еще не здесь. Я хочу научить его тому, чему научился сам и чему научили меня хорошие люди. Может, я даже уговорю их прийти сюда и научиться большему? — он слегка ткнул локтем Альтер и рассмеялся.— Может, и уговорю. Но для этого я должен вернуться к ним. Кроме того,— он покосился на небо,— эти поганые самолеты могут прилететь и сюда. Здесь очень приятно, но не безопасно. Ну пока, я увижусь с вами, когда вернусь сюда,— и он пошел дальше.

Через минуту Альтер спросила:

— Йон, а ты хочешь остаться здесь?

— Нет,— ответил он.— Я хотел жениться на тебе, но меня почему-то смущает покой и отдых, и все это,— он обвел рукой вокруг.— Нас выбросили из одного мира в другой, но эти миры граничат друг с другом, и это опасно. Я хочу идти в Тельфар и остановить компьютер, если смогу. Ты хочешь пойти со мной и помочь?

Она кивнула.

— Мы тоже вернемся,— пообещал он.— Это как раз то место, куда следует вернуться, когда мы закончим.

— Пойдем, скажем им,— ответила Альтер.

Через час они снова смотрели на озеро со скалы. Кто-то за их спинами сказал:

— Не хотите ли кое-что на память об этом месте?

За ними, укрывшись в камнях, был их бывший гид. Он бросил им медаль.

— Прицепите ее на свое ожерелье, молодая леди. Смотрите на нее иногда и вспоминайте нас.

Пока Альтер поднимала диск, человек исчез. Они еще раз оглянулись на Город Тысячи Солнц.

— Надеюсь, что мы вернемся,— сказала она.

— Тогда пойдем дальше.

Днем они увидели с края оврага группу оборванных людей, осторожно идущих вдоль потока.

— Кто это такие? — спросила Альтер. Они наблюдали, пока группа не подошла ближе.

— Еще несколько бывших заключенных,— тихо ответил Йон.

— Ух, а я уж было подумала — неды! Хотя неды никогда не смотрят так...— она осеклась.— Йон, да это женщины!

Он кивнул.

— В шахтах с двадцатой по двадцать седьмую работали женщины-заключенные.

Теперь они могли расслышать бессвязные реплики, которыми перебрасывались бывшие каторжницы. Одна женщина споткнулась и упала. Предводительница помогла ей встать и слегка погладила по коротким волосам.

— Шагай, шагай, детка. А то мы никогда не найдем Кошара.

— Надо бы спуститься и показать им дорогу в город,— прошептала Альтер. Йон удержал ее за плечо:

— Они идут вдоль потока, а он впадает в озеро. Они и без нас придут прямо в город.

Женщины скрылись за деревьями, а Йон и Альтер продолжили свой путь. Минут через двадцать Йон заговорил:

— Я хорошо помню тюрьму. Мужские и женские шахты были полностью разделены, и мы никогда не видели ничего, что хотя бы отдаленно напоминало девушку, хотя они были от нас менее чем в двух милях. Это было весьма тяжело — особенно для нас, молодых парней, которых в той или иной степени вынуждали быть со старшими. Избавиться от этого можно было, только став стукачом. Единственные, кто свободно ходил между их и нашими шахтами, были охранники, и за это их ненавидели еще сильнее. У нас была стандартная присказка: «Чем терпеть, уж проще скипеть», то есть удрать. Скорее всего, ее запустил кто-то из охраны, но я готов поклясться, что терпеть было не менее тяжело, чем удирать...

По мере их приближения к лавовым полям деревья редели и становились тоньше. Однажды их остановил грохот за стволами.

Они укрылись за холмом, поросшим непролазным кустарником с шипами длиной в палец. Давя зелень, мимо прокатился танк.

— Последнее отступление от врага,— Йон невесело ухмыльнулся.— Танки были доставлены сюда, чтобы все верили в войну, а теперь возвращаются.

— Как ты думаешь, компьютер их уничтожит?

Другой танк прогрохотал следом за первым.

— Как бы то ни было,— задумчиво сказал Йон,— это слегка увеличивает наши шансы.

Кроме танков, единственным, что вынудило их остановиться, стала группа стражей, мимо которых они прошли часом позже. Все, и мужчины, и женщины, сидевшие на полянке, были отмечены тройными шрамами телепатов. Ветер ерошил черные меха. Один из мужчин рассеянно крутил медный браслет на запястье. Это было единственное движение на всей поляне, застывшей в безмолвном общении. Никто даже не поднял глаза на идущих.

— Ты думаешь об Аркоре? — спросила Альтер через некоторое время.

— Угу.

— Может, они знают, жив ли он и где он сейчас.

— Вот когда пойдем обратно, тогда и узнаем.

Вечером они увидели на горизонте зарево — бледнее, чем закат, смертельнее, чем море, мерцающую дымку над холмами. Они прошли мимо древних деревьев, давным-давно превратившихся в скелеты — безлистных и почти окаменевших.

Вдали на фоне тающего света показался силуэт города, словно вырезанный из угольной бумаги. Башня за башней вставали в перламутровом тумане. Сеть дорог вилась вокруг шпилей. Транспортерная лента, идущая из города, проходила в полумиле от странников и исчезала в джунглях позади них. Тельфар. Йон чувствовал, как это слово бьется у него в мозгу.

— Настолько знакомо, что прямо холодок по спине,— уронил он.

— Да, жутковатый вид,— кивнула она.

Дорога кое-как пробивалась наружу из пустыни, окружающей Тельфар. Они вышли на нее и стали подниматься к городу, рисующемуся все яснее. «Это подобно возвращению в некое место, которое ты видел прежде лишь в воображении и считал своей болезненной фанта...» — Йон сбился с мысли от неожиданного воспоминания. Перед ним в густой синеве остро чернели башни.

— Как ты думаешь, здесь остался кто-то из военных? — спросила Альтер.

— Скоро узнаем. Я все размышляю, каким образом компьютер защищает себя. Видимо, он получил массу дистанционно управляемого оборудования, которое работает на него, но что это означает для нас, если...

Впереди раздался нарастающий грохот. Из тени башен возник танк, подобный тем, что они видели раньше, но со сложной путаницей антенн на крыше. Он полз к ним, как гигантский жук.

— К краю дороги,— еле слышно прошептал Йон.— Ты влево, я вправо.

Танк окончательно выполз из тени. Спереди на нем было написано большими белыми буквами: «ТЫ ПОПАЛ В ЗАПАДНЮ В ТОТ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ МИГ, КОГДА УЗНАЛ, В ЧЕМ ТАИТСЯ ТВОЙ РОК».

Едва они разбежались в разные стороны, танк остановился. Антенна перестала крутиться и закачалась вправо-влево. Удивительно знакомый мужской голос окликнул:

— Йон! Альтер!

Йон встал так, чтобы не выпускать жену из поля зрения. Из танка показалась фигура молодого человека с одной искалеченной рукой. Лишь когда он спрыгнул на землю, Йон окончательно узнал своего проводника до Города Тысячи Солнц. Позади него из танка выглядывали Катам и Клея.

— Что вы здесь делаете? — спросил Йон, оправившись от изумления.— Вы тоже пытаетесь остановить компьютер?

Клея отрицательно покачала головой. Катам, стоя в наблюдательной башенке, что-то искал взглядом среди темных зданий.

— Тогда что вы делаете?

— Мы работаем,— бросил Катам над его плечом.

Йон и Альтер с недоумением смотрели на них. Вместо ответа Клея повернулась и скрылась в люке вместе с Рольфом. Йон и Альтер переадресовали безмолвный вопрос своему бывшему гиду.

— Клея пытается завершить единую теорию поля, а Рольф кладет последние штрихи на свою историческую интерпретацию индивидуальных действий,— пояснил гид с едва уловимым снисхождением.

— Но почему здесь?

— Рольф, чтобы закончить свои построения, должен был сравнить и соотнести как можно большее количество индивидуальных ментальных схем, включенных в историю. А в банке памяти компьютера хранятся сотни тысяч копий человеческих душ. Там есть буквально все, кто имел какое-то отношение к войне.

Глава 12

— А что тут делаете вы? — спросила Альтер.

— И кто вы такой? — прибавил Йон, уже угадав ответ.

— Ноник,— представился молодой человек.— Я Вол Ноник, а тех двоих вы знаете.

Тут Йон увидел, что его сестра и Катам, на чьем пластиковом лице играли отблески заката, выбрались из танка. Йон и Альтер тоже подошли друг к другу.

— Мы пришли из-за компьютера,— сказал Йон.

— Поехали с нами,— пригласил Катам.— Мы доставим вас к компьютеру.

Забравшись в танк, они обменялись негромкими поздравлениями. Клея стиснула руку Альтер:

— Я так рада видеть тебя!

— Есть бессчетное количество атомных и астрономических данных, которые надо обработать, прежде чем Клея поймет, верна ли ее теория, и делать это, конечно, надо здесь, где находится самый большой компьютер планеты,— продолжил свои объяснения Ноник.

— А ты-то зачем здесь? — повторила Альтер свой вопрос.

— Да, что касается передатчиков...— вспомнил Йон.— Тебе и Катаму были вживлены в глотку микрокоммуникаторы. Зачем они? Их вживили сразу же после твоего ухода из университета.

Ноник тихо рассмеялся.

— Это спасло мне жизнь,— здоровой рукой он приподнял бездействующую, а затем позволил ей снова упасть на колени.— После того, что сделали со мной и, главное, с ней...— голос его прервался. Клея и Катам с тревогой оглянулись, но вдруг голос Ноника снова окреп: — Катам работал над своей теорией, но при этом пребывал в университете, а значит, был оторван от большей части Торомона. И случилось так: он создал блестящую теорию общественной психологии, а некий уличный парень, ничего не знавший ни об обществе, ни о психологии, пришел и сказал: «Слушайте, в своей работе вы упустили то-то и то-то». Этим уличным парнем был я,— он засмеялся и обратился к Катаму: — Я должен был убедиться, что вы не сказали ничего особенно глупого во всех этих абстрактных рассуждениях. Верно, Рольф?

— Болеет или менее,— отозвался Катам.— Я хотел знать точку зрения кого-нибудь, кто был явно вне общества — например, такого вот блестящего главаря недов, который к тому же, как поэт, был довольно-таки наблюдателен — и с помощью его точки зрения скорректировать свою. Ты мне очень помог, Вол.

Поэт снова засмеялся, но смех снова закончился напряженной, неуверенной нотой.

— А ты знал Клею в университете? — спросила Альтер.

— Что? О нет, только ее работы. Она опубликовала несколько статей в математическом журнале, кажется, о случайном распределении простых чисел. Так, Клея?

— Именно так.

— Это было эффектно и очень красиво. Как ни странно, мы можем точно сказать, какой процент простых чисел будет между

любыми двумя числами, но не можем вывести формулу для того, чтобы точно сказать, где они, иначе, чем методом проб и ошибок. И предсказуемо, и непредсказуемо. Чем-то похоже на стихи: их образный ряд всегда кажется произвольным, но на самом деле он тоже подчиняется определенным нормам. И у того, кто подсознательно воспринял эти нормы, стихи получаются сильными и прекрасными,— он вдруг зашептал изменившимся голосом: — Она была так прекрасна...

Рольф и Клея снова с беспокойством взглянули на него.

— В общем, да,— заметила Клея,— он мог бы сказать, что мы были знакомы. Он читал мои статьи, а я — кое-что из его стихов. Он сумел опубликовать некоторые из них, и они ходили по университету. Стихи были прозрачные, очень чистые и ясные,— она подчеркнула эти слова, словно желая таким образом вывести его из транса, но он по-прежнему смотрел в пол,— и приводили дикие и разбросанные вещи в порядок, легко понятный мне.

— Вот мы и прибыли,— объявил Рольф.

Одна стена помещения была занята приборными шкалами, громкоговорителями, катушками лент. Несколько консолей с перфораторными ключами стояли прямо на полу.

— Это одна из диспетчерских при компьютере,— сказал Рольф.— Эта сделана для моей работы, а та, что для Клеи — дальше по коридору. Сама же машина занимает несколько зданий к западу, их хорошо видно из этого окна, особенно когда взойдет луна. Военные полностью ушли из Тельфара. Остались только мы.

— Как машина защищает себя? — спросила Альтер.

— Абсолютно адекватно,— ответил Рольф, подошел к стенному шкафчику и вынул гаечный ключ.— Это в чисто демонстрационных целях,— сказал он.— Ты понял?

Йон решил, что это ему, но тут из динамика послышался голос:

— Я понял.

Вдоль стены стояло несколько видеоэкранов. Внезапно Рольф швырнул ключ в один из них. Однако с экраном ничего не случилось: ключ замер в воздухе, вспыхнул сначала красным, затем белым, а потом совсем исчез с негромким хлопком.

— Вы видите, компьютер занял целый город, опутав его индукционными полями. В пределах, которые он контролирует, вы находитесь под его постоянным наблюдением. Он сам себя ремонтирует, и в его цепи встроен потенциал для роста. Люди не учли одной вещи, о которой он узнал из тех ментальных схем, что хранились в его банке данных: у человека в мозгу встроен контур самосохранения — я думаю, он называет это именно так. Это

один из наших важнейших контуров, но никому и в голову не приходило воспроизводить его в машине. Однако эта машина включила его в себя, пока, скажем так, росла. Она запрограммировала себя игнорировать любую команду, заставляющую ее прекратить функционирование...

— Вроде того, как вы игнорировали бы чей-то приказ упасть мертвым,— вставил Вол.

— Но когда люди попытались отключить этот контур, машина стала соответствующим образом реагировать.

— Предположим, лицо, приказывающее вам упасть мертвым, в случае неподчинения наставит на вас энергонож,— продолжал переводить Вол.

— Сначала это была просто защита, сопротивление попыткам демонтажа, иногда с впечатляющими результатами. Но из всех тех воюющих во сне мозгов компьютер усвоил, что если угрожают один раз, то будут угрожать и снова. И он методически отражал эти угрозы. Теперь он противодействует всему, что считает угрожающим, а после трех-четырех подобных действий из одного источника будет стараться уничтожить этот источник.

— А как насчет вас? — спросил Йон.— Почему в таком случае вы все еще здесь?

— Мы прибыли как раз перед тем, как ушли последние военные. Они были в таком отчаянии, что позволили нам самим разбираться с компьютером. Им было уже все равно — там, где ты ничего не можешь, ты перестаешь что-то хотеть.

— Но все-таки почему он не выкинул вас вместе с ними?

— Это очень неточное определение,— сказала Клея,— но он страшно одинок. Мы были единственными, кто мог дать ему пищу для размышлений, кое-что даже на пределе его способностей обрабатывать информацию. Он создан для работы на некотором оптимальном уровне, и его контуры выживания хотят, чтобы этот уровень выдерживался. Теперь ему есть, чем себя занять.

— Но если он вас так любит, почему вы не можете ему сказать, чтобы он прекратил бомбардировки?

— Это не так просто,— снова вступил Рольф.— Вся его информация о Торомоне взята из ментальных схем солдат, которыми он манипулировал во время войны. Все эти солдаты при помощи специальной методики были доведены до невроза, я бы даже сказал — до психоза. Компьютеру не было нужды сортировать и сопоставлять всю эту информацию, и она воздействовала на него, как подсознательная травма. Вот он и ведет себя как психический больной.

— Если продолжать аналогию,— сказала Клея,— то проблемы, которые мы с Рольфом поставили перед этой машиной, имеют самое близкое отношение к психотерапии. Сравнивая ментальные схемы, компьютер наблюдает болезненную непоследовательность

и получает большое облегчение, занимаясь моими расчетами. Просто заняв его делом, мы сумели отвлечь его от разрушительных действий лучше, чем военные за все время пребывания здесь.

— Значит, выход в том, чтобы подкидывать ему проблемы для решения? — спросил Йон.

— Опять же не все так просто. Клея и я работали над формулировкой двух наших проблем не один год. То, что вы обдумываете неделю или месяц, машина пропустит сквозь себя максимум за несколько минут. Сегодня мы как раз должны закончить, и я не имею ни малейшего представления, что будет потом.

Ноник засмеялся.

— Я как раз собирался пообщаться с ним.

— Это еще одна вещь, которая, похоже, занимает его,— усмехнулась Клея.— Послушав Вола, он занимается полным звуковым и синтаксическим анализом всего, что тот скажет, и сравнивает это со всеми знаниями, которые он собрал.

— Но я не могу сидеть тут всю жизнь,— сказал Вол.— Это единственная проблема, не так ли, Клея? — он подошел к окну и открыл его.— Иногда я должен ходить хотя бы вокруг города, а то и уйти, вернуться в Город Тысячи Солнц, или пойти дальше, посмотреть...— ни с того ни с сего он вылез на дорогу и исчез.

— Это было ужасно — то, через что он прошел...— произнес Катам после недолгого молчания.

— Клея,— сказала Альтер,— ты ведь тоже потеряла того, кого любила. Но в отличие от Вола, ты это пережила.

— Да, я это пережила,— повторила Клея.— И потому знаю, как это ужасно. Прошло три года, прежде чем я снова смогла вернуться к людям. В этом смысле Вол конструктивнее меня — он по-прежнему пишет стихи. Но он полностью в смятении, бессмысленном и хаотическом,— она помолчала.— В мире, состоящем из одних случайностей.

— Ты однажды сказала маленькому неандертальцу, что если принять в расчет все нужные факторы, то элемент случайности исчезнет,— напомнил Йон.

— Вы думаете, мы не пытались говорить Волу об этом? — горько вздохнул Катам.

— Он посоветовал нам научиться предсказывать следующие простые числа и засмеялся,— сказала Клея.

— А его стихи? — спросила Альтер.— Они стали лучше или хуже прежних?

— Не могу сказать,— промолчав, признался Рольф.— Наверное, я слишком близок с ним, чтобы быть вправе судить.

— Их стало куда труднее понимать,— сказала Клея,— но в некотором смысле они стали проще. Они содержат гораздо больше объективных наблюдений, но движение ассоциативного ряда

и эмоциональная окраска настолько неотчетливы, что я не могу сказать, великолепно это или...

— ... или безумно,— договорил Рольф то, что она не посмела произнести.

После акробатической тренировки, которую Йон и Альтер устроили этим вечером, они отправились гулять по темнеющей спиральной дороге. Отыскав лестницу, соединявшую дороги разных уровней, они поднялись на самую верхнюю и оказались над всеми домами Тельфара, кроме центрального дворца. Дорога летела сквозь ночь, огибая темную башню, и стоя у перил, они глядели поверх всех зданий.

Город под ними тянулся к равнине, а равнина — к горам, над зазубренными вершинами которых все еще слабо светился радиационый барьер. С легким хлопком включился ртутный свет, стирая их тени. В этом свете они заметили неподалеку фигуру, склонившуюся над перилами и тоже смотрящую на город.

— Вы искали меня? — спросил Ноник.

Йон покачал головой.

— Наш так называемый Враг иногда ищет меня,— произнес Ноник.— Я иду гулять, думаю, что убежал, и вдруг слышу голос ниоткуда, говорящий мне, что я ему нужен...— он резко засмеялся.— Это звучит дико, правда? Но я говорю о том, что есть на самом деле.

Он повернулся и громко сказал:

— Как ты чувствуешь себя сегодня, старое отродье стальных насекомых и селеновых кристаллов?

Из ночи пришел звучный голос:

— Я чувствую себя прекрасно, Вол Ноник. Но сейчас ночь, а не день. Это имеет значение?

Ноник снова повернулся к ним.

— Всякий раз достает. С ума сойти, а? Захватил весь этот проклятый город. Пользуется индукционными полями где-то милей ниже, чтобы металлические ограждения дрожали в речевой вибрации, так что все перила становятся одним большим громкоговорителем...

— И он зовет тебя? — спросила Альтер.

— Он? — переспросил Ноник.— Тысячи, тысячи мертвых людей, упрятанных в миллион лакированных транзисторов, зовут меня — одним голосом на всех, и этому голосу трудно не ответить. Но порой мне хочется уйти туда, где не надо будет говорить.

— А еще кто-нибудь зовет тебя? — спросил Йон. Ноник непонимающе посмотрел на него, снова засмеялся, но на этот раз тихо и спокойно, и покачал головой.

— Нет. Я, знаете ли, шагнул дальше Клеи с Рольфом. Простые числа, последняя теорема Ферма, проблема четырехцветной карты, законы Геделя — все это не имеет ни малейшего значения. Да, мы знаем все о том, как исчезает случайность, но в то же время так или иначе мы имеем с ней дело. Так что идея случайности есть философское понятие, такое же, как Бог, абсурд, сверхчеловек, бытие, смерть, мужественность и женственность, мораль. Это не вещи, а произвольные этикетки, которые мы наклеиваем на целый комплекс явлений, точильные орудия для лезвий восприятия, которым мы поражаем реальность.

— А как с твоими стихами? — спросил Йон.— Клея и Рольф не могут сказать, лучше они стали или хуже.

— Зато я могу,— ответил Ноник.— Они лучше, чем все, что я писал или мог бы написать раньше. И это самое ужасное из того, о чем мне приходится думать,— на минуту он опустил глаза.— Поэзия, как и все, что делает человек, даже в этом городе, восстает против смерти. Но вы когда-нибудь видели медленное умирание животного? В процессе него оно осознает как то, что гибель его неотвратима, так и то, что оно еще живо, и его крик поднимается на октаву выше с невообразимой энергией. Это и есть мои теперешние стихи. Рольф и Клея не понимают их, потому что слышали слишком мало музыки в таком диапазоне...— он помолчал и усмехнулся.— А может быть, потому, что я и в самом деле безумен. Безумным вообще быть проще, как звать на помощь, подобно моему здешнему приятелю,— он широким жестом обвел город,— куда проще, чем отвечать. Вы ничего не знаете о моей жене, не так ли? Я имею в виду не то, что с ней стало, а то, кем она была, каким человеком, кем могла бы стать...

Они отрицательно помотали головами.

— Она была художницей,— тихо выговорил Вол.— В основном графиком, красками работала меньше. И немного лепила. Мы вместе искали выходы красной глины на острове Карсин, вместе обжигали готовые работы, и они становились бледнее, но тверже, и были красивы. Хватало тех, кто считал, что ее работы куда лучше моих стихов, хватало и тех, кто думал наоборот. Так что мы только смеялись над этим, и творческое соперничество лишь укрепляло нашу любовь. Она работала в школе, а я таскался с бандой недов. Когда мы влюбились друг в друга, она пригласила меня читать стихи в своем классе. И в конце концов сбежала ко мне. Мы быстро поняли, что если отбросить всю ложь и лицемерие, то ради того, чтобы не потерять работу, она была вынуждена вести себя в своем классе не менее деструктивно, чем я на ночных улицах. Школа была тюрьмой, где выпалывались все мысли, которые якобы разлагающе действуют на неокрепшие умы — и она бросила свою работу. Но мы поняли и то, что в моем насилии конструктивного не больше, чем в ее «творческой» ра-

боте в школе. Мы считали, что знаем суть друг друга, во всяком случае, в нашем творчестве. Наши родители, кстати, не признавали его вообще. Для них все это было бессмысленным набором слов и штрихов. Они только и мечтали, как каждый из нас вступит в брак — но, разумеется, не друг с другом! Музей Торона купил папку ее рисунков — семь были исключены как непристойные. А Королевское общество собиралось издать мою первую книгу при условии, что я уберу пять стихотворений, в которых «чрезмерно акцентируются некоторые прискорбные аспекты нашего общества, включая слабость правительства». Услышав о новом городе на материке, мы решили уехать туда. Мы рассчитывали покинуть город после полудня, потому что друг, работавший в правительственном офисе, и без того, как мог, придерживал ордер на мой арест, а я не рвался в каторжные рудники, тем более «на неопределенный период». Прискорбные аспекты общества готовились отыграться на мне за то, что я посмел их критиковать. Вот только к полудню она была...— ветер унес прочь еле слышное последнее слово.— И тогда я действительно обезумел. Но потом я пришел в себя, неся в себе голоса немых веков. Я понял, каких высот я мог бы достичь, потому что видел низшие точки их оснований. Я понял, как мелко все, что я писал до сих пор, понял, что все это недостойно называться поэзией. И все ее рисунки были так же мелки и поверхностны.

Альтер помрачнела, и Йон обнял ее за плечи.

— Видите ли, любой поэт ранен речью и пристально осматривает свои раны, чтобы узнать, как их лечить. Плохой поэт только разглагольствует о боли и стонет об оружии, которое раздирает его. Великий же поэт ощупывает воспаленные края растерзанной плоти ледяными пальцами, скользящими и точными, но в конечном счете и его стихи — это отклик на боль, голос, сообщающий о повреждении. Раньше ни я, ни она не были ранены достаточно сильно. Ее скульптура и живопись были так же никчемны, как и мои слова, уложенные в размер. Но если бы убили не ее, а меня, ее творчество содержало бы все то, что теперь содержит мое,— он тяжело вздохнул.— Вот почему я надеюсь, что безумен, а то, что я пишу — всего лишь порождение ненормального мозга. Я говорю, что, на мой взгляд, теперь мои стихи лучше, чем когда-либо. Но очень надеюсь, что это суждение больного разума, чьи критические способности разрушены скорбью. Потому что, если они великие...— он заговорил шепотом,— то их цена не менее велика! Питаемые разрушением, закаменевшие в своем величии... они не стоят этого!

Что-то переключилось в Йоне. Он увидел, что Альтер ощутила то же самое, потому что ее пальцы крепко стиснули его ладонь. Йон уронил руку, смущенный тем, что мелькнуло в его сознании. Он отступил назад, не зная, бороться ли с этим, не умея принять

это, и быстро пошел вниз по дороге. Нечто уже начало обретать форму в его извилинах, сверкая, как энергонож во тьме.

Альтер окликнула его, затем обернулась к Нонику:

— Пожалуйста, Вол...

Он покорно пошел следом за ней.

Когда он ворвался в диспетчерскую, Клея и Рольф с удивлением посмотрели на него.

— Я...— начал Йон. Следом за ним вошли Альтер и Ноник.

— Что с тобой, Йон? — воскликнула девушка. Он схватил ее за плечи и медленно повернул вокруг себя. Оторопевший Ноник отступил к Клее и Рольфу.

— Я хочу кое-что сказать вам,— заговорил Йон, захлебываясь словами — возможностей его артикуляции не хватало для той скорости, с которой мчались его мысли.— Вы знаете, что существовал план прекращения войны. Но... но теперь мертвы и творцы войны, и создатели плана! Альтер, ты и я — мы оба были частью плана. И когда все они умерли, мы с тобой попытались остановиться, но не смогли. Мы должны были любой ценой прийти сюда, в Тельфар, несмотря на то, что они были мертвы... Словно мы были рабами! — он прервался, переводя дух.— *Пленниками*! Мы были частью плана прекращения войны, а вы, Клея и Рольф, были частью войны. Нет, я знаю, вы исхитрялись, как могли, но все равно были частью войны. Ты, Клея, помогала строить компьютер, а вы, Рольф, знали, в каком состоянии была империя. Вы могли бы сделать об этом доклад, оказав ту же самую помощь, какую оказали Городу Тысячи Солнц, проходя через него. Нет, не говорите ничего! Сейчас это уже неважно,— он выпустил плечи Альтер.— Я не знаю, чем был ты, Вол: точкой отсчета, подаренной миру случайностей, или наблюдателем от хаоса в мире, где порядок стал равен самоубийству. Теперь и это неважно. Но я? Мне важно знать, кто такой я. Неуклюжий мальчишка, заключенный, который получил свободу — или мужчина, причем не такой уж неуклюжий? Так вот, я хочу спросить...

Он повернулся к Альтер:

— Тебя, потому что ты учила меня, и я люблю тебя...— далее к Клее, Рольфу и Нонику,— и вас, потому что вы учили меня и я уважаю вас...— и наконец, обернувшись к стене с приборными шкалами, крикнул: — И тебя тоже, если ты способен мне ответить, потому что ты тоже учил меня, и я ненавижу тебя!

Он замолчал, дрожа в бессильной ярости и ожидая, что машина попросту уничтожит его, как «агрессивный» гаечный ключ Катама. Но три голубых огня стали красными, только и всего. Йон снова повернулся к людям.

— В этом случайном хаотическом мире, населенном обезьянами, полубогами и теми, кто между ними, где массовое убийство

является развлечением, где любая структура, за которую вы ухватитесь, может тут же опрокинуться, где Город Тысячи Солнц может быть разрушен машиной, которой командует психоз больной империи, где красота воспринимает себя, как безумие, замешанное на смерти — и я свободен...— он снова набрал воздуха в грудь.— Но *что* я свободен делать? СКАЖИТЕ МНЕ, *ЧТО* Я СВОБОДЕН ДЕЛАТЬ?!!

А на другом конце Вселенной город в пустыне пришел в смятение:

«А придут ли агенты с Земли?»

«Один же из них умер... герцогиня убита...»

«...а из остальных — два на одном конце транспортерной ленты, третий на другом, в развалинах дворца...»

«Мы выигрываем эту войну или проигрываем?»

«Где Лорд Пламени? Вы говорили, что он постоянно будет в одном из четверых...»

«Вы сказали, что Лорд Пламени заставит их предавать друг друга. Как он вредит им, в ком он сейчас?»

«Придет ли Лорд Пламени к нам? Сможем ли мы сражаться с ним и победить его?»

Тройственное Существо сделало нечто аналогичное успокаивающему жесту. Все притихли.

«У нас еще есть время, пока не прибыли агенты с Земли. Один, правда, убит, а телепат Аркор все еще в Тороне...»

«Вы говорили,— перебил поющий кристалл,— что Лорд Пламени будет переходить от одного агента к другому и по очереди заставлять каждого заниматься саботажем. В ком он сейчас? И что он делает?»

«Он в Йоне?» — спросил один из водных жителей с тремя веками.— «Потому он и задает такие нелепые вопросы?»

Тройственное Существо засмеялось.

«Он атаковал Йона первым, затем был в Альтер. Он обитал в герцогине перед ее смертью. Теперь он вместе с Аркором таится в развалинах дворца».

«Но зачем?»

«Что он с ним сделал?»

«Как Лорд Пламени наблюдал за этой войной,— ответило Тройственное Существо,— так и мы наблюдали за ним и многое о нем узнали. Вы помните — мы говорили, что он совершенно чуждая нам форма жизни, и такие понятия, как убийство, сострадание, интеллигентность, недоступны ему. Так вот, теперь мы достаточно близки к пониманию, почему это так и в чем основное различие между ним и всеми нами. Основной фактор нашей природы — то, что каждый из нас личность, и как личности, мы оди-

ноки. Даже телепаты одиноки, потому что до сих пор работают только с образами. Даже существа, связанные столь тесно, как три доли нашего разума, в основе своей личности, которые одиноки. Это одновременно наше спасение и проклятие, и противостоит этому врожденное желание разделить наше одиночество с другими личностями, ощутить их, как себя, так или иначе объединиться. Многие из вас, имеющие два пола или больше, достигают такого объединения в своих ритуалах воспроизведения. Даже однополые существа сохраняют это в сизигии. Окончательное одиночество во всех наших культурах равносильно смерти. Многие из вас находятся в отношениях симбиоза, когда полное отделение одного из индивидуумов приводит к его физической смерти. А вот у Лорда Пламени эта полярность между изоляцией личности и ее желанием объединиться с другими обратна. Это восходит к истинной природе его физического тела, и следствия этого столь же тонки и обширны, как и у всех рас этой вселенной. Прежде всего, он состоит из энергии, созданной плазмой вещества и антивещества, содержащихся в равновесии. Он является коллективным сознанием, в котором личности не могут быть отдельными даже физически, потому что их энергии постоянно перемещаются и обмениваются. Вещество и антивещество, как известно тем из вас, кто в своей культуре дошел до ядерной физики, аннигилируют, если вступают в контакт. Как мы уравниваем одиночество со смертью, так Лорд Пламени уравнивает со смертью нахождение личностей в энергетическом унисоне, потому что, когда это происходит, их физические тела взрываются. Наоборот, воспроизведение происходит не при объединении личностей, а при разделении их — они воспроизводятся сами на основе того, что вещество и антивещество распространяются при прохождении через гравитационное поле. Следствия этой обратной полярности в их отношении к жизни и их поведении бесконечны».

«И это существо готовится напасть на нас?» — спросил металлический пузырь с когтями из своей выемки под скалой.

«По-видимому. Но у нас есть преимущество: он не знает, что наши жизненные процессы не имеют ничего общего с равновесием вещества и антивещества. Антивещество — такая редкость в нашей вселенной, что шансы возникновения жизни на его основе невообразимо малы. Одна из причин, заставившая Лорда Пламени сосредоточиться на Торомоне — то, что там основным источником энергии является тетрон, радиоактивный кристалл урана в соединении с радиоактивным йодом. Взрыв может произойти только при атомных температурах, как было во время так называемого Великого Пожара. Равновесие двух элементов дает возможность контролировать радиоактивный материал, и в процессе взрыва выделяется огромное количество антивещества, не

идущее ни в какое сравнение со случайным позитроном или антипротоном, происходящим от бомбардировки космическими лучами. Лорд Пламени уверен, что узнает тайну наших жизненных форм, занявшись цивилизацией, увеличивающей количество антивещества. Но это всего лишь физико-химический уровень. На более высоком уровне он также пытается осознать, насколько наше поведение при атаке отличается от его поведения. Другими словами — что такое война для нас».

«Влияет ли полярность, о которой вы говорили, на способ, каким мы сражаемся?» — с помощью колебаний передало свой вопрос существо, живущее в центре звезды.

«Наверняка влияет».

«Более важно знать, как эта полярность повлияет на поведение Лорда Пламени в сражении».

«В конечном счете, социальные травмы, причиненные войной, приводят к величайшей изоляции громадного числа индивидуумов, которые все еще держатся в физической близости. Бедствия, голод, несправедливое распределение благ, эксплуатация, чрезмерный рост населения отнимают у личностей возможность быть вместе, вызывая в них тоску по обособленности. В большинстве ваших культур, даже в тех, где полное равноправие по половому признаку, во время войн полы разъединены».

«Что компенсируется высоким подъемом прироста населения сразу после войны»,— прокомментировал делегат с глазами на стебельках.

«Предусмотрительно,— подтвердило Тройственное Существо.— Но при любой стратегии войны, как известно, одиночество особей выгодно. Ударьте по наиболее рассеянным силам своего врага, изолируйте отряд — и вы сможете уничтожить его. Так вот, все эти факторы полностью противоположны при борьбе с Лордом Пламени. Если вы сведете вместе как можно больше его элементов, они аннигилируют, в то время как изоляция вызовет их размножение. Отделите один индивидуальный компонент Лорда Пламени от остальных, и вы получите в качестве противника армию, которая уничтожит вас прежде, чем вы ей хоть как-то повредите. Как мы, одинокие, тоскуем по единству, так все его компоненты жаждут стать одинокими. Поэтому основное разрушительное действие в его представлении — это...»

«...сведение личностей вместе! — в экстазе провибрировала жрица огромных червей.— Теперь я поняла, что именно этим он и занимался на Земле, в Торомоне...»

«Пожалуйста, позвольте мне продолжать,— мягко оборвало ее Тройственное Существо.— Первая попытка Лорда Пламени сжать индивидуумов вместе была сделана, когда он усилил радиационный барьер и оттянул жителей Тельфара назад, на побережье и в Торон. Но элементы войны уже начали обрабатываться культурой.

Вторую свою попытку он сделал, когда началась война: вместо того, чтобы позволить Торомону обнаружить внешнего врага, с которым можно сражаться, он поддержал идею создания компьютера, который будет держать вместе жителей, находящихся в плену иллюзии войны. Когда наши агенты на Земле сумели довести это до народа, результатом явился момент телепатического контакта, накрывшего империю. В этот момент каждый в Торомоне узнал кое-что важное для себя. Узнал нечто и Лорд Пламени. Главное, что осознали люди — то, насколько они одиноки. Некоторые мозги оказались способны получить выгоду от этого знания, они извлекли из него урок и узнали, как им объединиться. Но для большинства результатом были ужас и хаос. И Лорд Пламени начал получать некоторые намеки на то, как функционирует человечество и в конечном счете вся жизнь в нашей вселенной. Чтобы дать всем нашим агентам возможность для обучения, мы несколько раз помещали всех вас в такой близкий эмпатический контакт, какой могли смоделировать. Затем мы привели каждого из вас индивидуально в Город и дали вам пятиметровое обозрение того, что было бы с вами, если... Мы надеялись, что этот контакт сможет удержать всех вас в единстве наших сил в случае финального конфликта. Но теперь Лорд Пламени изучает Землю, и в основном Торомон, под микроскопом. Он сосредоточил свои наблюдения непосредственно на наших четырех агентах, и вместо действий, которые могли бы толкнуть все общество на заботу о себе самом, он подталкивает людей к объединению и наблюдает за результатами. Сначала он атаковал Йона, побуждая его вернуться к отцу».

«А затем устроил Альтер свидание с теткой?» — предположила огненная птица, придирчиво следившая за обсуждением.

«Нет,— ответило Тройственное Существо.— В мире, где индивидуумы одиноки, один и тот же опыт в одном и том же направлении не даст одинаковых результатов. Встреча Альтер с теткой была для нее отнюдь не тем же, чем для Йона встреча с отцом. Лорд Пламени заставил ее уговаривать безумную королеву, которая хотела убить ее и Йона — вот он что сделал с ней. Затем он вошел в герцогиню Петру и вынудил ее не только последовать за молодым королем, но и на миг согласиться с его идеями, такими непохожими на ее собственные мысли. Хотя они погибли почти сразу же после этого, Лорд Пламени, вероятно, успел узнать от нее больше всего. Сейчас он вошел в мозг Аркора, хотя тот об этом не подозревает, и вместе с ним ждет в развалинах дворца. Теперь он должен подтолкнуть к сближению с другим его».

«Что узнал Лорд Пламени от каждого из агентов?»

«Пока он узнал, что встречи помогают им переносить одиночество и увеличивают способность к общему делу. Однако он еще не вполне понял, почему одиночество до такой степени нежелательно, в то время как для него это — самая желанная вещь».

«Но тогда при чем тут стихи, единая теория поля и исторический труд?»

«Вы говорили, что если они принесут их нам прежде, чем до них доберется Лорд Пламени, то мы узнаем, как отвести от нас эту великую войну...»

«Что ж,— ответило Тройственное Существо,— Йон и Альтер всего в нескольких минутах от обладания всеми требуемыми работами, а Лорд Пламени застрял на другом конце империи».

«Они все-таки должны прийти сюда,— напомнила девушка-лишайник и добавила с цинизмом, присущим зрелым особям ее вида: — А эта игрушечная империя — не расстояние для существа, шагающего по галактикам за микросекунды».

«Это совершенно справедливо,— сказало Тройственное Существо, и его тройной голос прозвучал как странное эхо.— Но давайте посмотрим».

Песчаная гряда, образовавшаяся за ночь, медленно заметала город, белым по белому. Двойные тени удлинились...

На противоположном конце вселенной Рольф Катам нахмурился и сказал:

— Ну, Йон, я полагаю,— он сделал паузу,— полагаю, что у каждого человека свой ответ на этот вопрос.

— Нет! — воскликнула Альтер.— Вы должны что-то рассказать ему... нам... мне. Вы должны! Иначе зачем вы? Разве вы не понимаете, что у вас есть, что рассказать?

Рольф покачал головой.

— Я не могу.

— А вы попробуйте,— сказал Вол с тихим напряженным смехом, который превратил его слова в странную смесь издевки и безумного приказа.

— Клея,— сказала Альтер,— ты помнишь, как однажды, когда мы с тобой работали в цирке, ты говорила мне, что возможность оправдаться перед другими важнее всего на свете, когда не можешь оправдаться перед собой. Не знаю, но если это так, то... не могла бы ты сказать сейчас что-нибудь?

Клея выглядела смущенной, ее черные брови сошлись вместе.

— Все, что мне приходит в голову... ты свободен быть всем, чем хочешь — математиком, историком, поэтом,— в этом месте Вол снова рассмеялся.— Всем, чем свободны быть мы.

Йон покачал головой.

— Нет, это не то. Я не дурак, у меня есть сколько-то физической силы, я обучался умственным и физическим дисциплинам. Но я не художник, не экономист и не ученый, и говорить, что я свободен стать кем-то из них — все равно что сказать, будто я могу запрячь бабочек в колесницу и лететь на солнце.

За стеной с приборными шкалами что-то защелкало, и несколько лампочек изменили цвет.

— Ну, ты, электронное чадо с глистами из перфоленты, можешь ответить ему? — спросил Вол.

— Нет,— был лаконичный ответ. Но щелканье продолжалось. В стене открылась панель, и на свет появились три стопки бумаги.

Рольф взял одну из них и прочел:

— «Мираж над морем. Последний исправленный обзор истории Торомона». По-моему, на редкость удачное заглавие. Надеюсь, что и сама теория на уровне,— он поднял вторую стопку.— Здесь твоя теория поля, Клея.

— А что в третьей пачке? — спросила она, перебирая страницы.

— Я просил компьютер скопировать все стихи Вола, чтобы тоже иметь к ним доступ, и сделать распечатку,— он взял листы и повернулся к Йону.— Если бы вы были художником или ученым, я мог бы помочь вам решить, что вы свободны делать.

— Ага, начали,— сказал Вол.— Послушаем.

— Основное — свобода соглашаться или нет на ту или иную работу. Потом — свобода отдавать ваш труд людям... или не вполне людям, а вашему представлению о том, каким должен быть человек...

— Сейчас вы говорите со мной и Клеей,— проронил Вол.— Выражайтесь яснее.

— Попытаюсь. Когда вы пишете стихотворение, Вол, вы пишете его для идеального читателя, такого, который услышит все тонкости ритма, пройдет до конца по всем ассоциативным рядам, поймет все намеки и даже сумеет поймать вас на ошибках. Для такого читателя вы и работаете, шлифуя каждую строчку. Сейчас вы уверены, что в этом мире не слишком много таких читателей, но верите, что хоть один да существует, и даже больше — что из любого человека можно воспитать идеального читателя. Если бы вы в это не верили, то не старались бы написать идеальное стихотворение. Когда Клея создает свою теорию, она пытается сделать ее как можно яснее и точнее. Она знает, что мало кто сможет освоить эту теорию и найти для нее какое-то применение, но она проверяет и перепроверяет ее для кого-то одного, кто воспримет концепцию во всей полноте. Так же и я выверяю свою историческую теорию культурных, сексуальных и эмоциональных предубеждений для идеального человека, идеально прямого,— он чуть усмехнулся,— без предубеждений. Положить жизнь на такой труд вовсе не значит, что с его помощью вы пытаетесь научить людей, как стать идеальными. Это пропаганда, а поскольку большинство художников и ученых сами далеки от идеалов, они терпят неудачу с самого начала, если берутся за такую задачу. Надо понять, что человек даже в этом хаосе может быть идеальным, и делать свою работу ценной для него.

— Куда же это приводит вас? — теперь Вол повернулся к Йону.

— К свободе пытаться достичь этого идеала или же не пытаться,— ответил Йон.— Но вы получили копии для вас троих.

Вол опять засмеялся.

— Значит, машина сделает копии этих работ и для меня?

— Конечно,— сказала Клея.— А что?

— Я хотел бы иметь копии всех их,— сказал Йон,— чтобы посмотреть, насколько я близок к идеальному человеку.

Слегка озадаченная, Клея нажала кнопку, и шкафчик снова начал заполняться бумагой.

— Клея,— спросил Йон,— транспортерная лента открыта с этого конца?

— Но во дворце-то она закрыта,— напомнила Альтер.

— Неважно. Можно ее открыть отсюда?

— В принципе можно,— пожала плечами Клея.

— Я хочу немного почитать и, может быть, слегка приблизиться к тому вашему идеальному читателю,— он повернулся к Альтер.— И еще я хочу найти Аркора.

— Телепата? — переспросил Катам.

— Его самого.

— Зачем?

— Кое-что, связанное с восприятием,— Йон взял бумаги.— Я хочу показать это ему, дать ему возможность приобщиться к братству идеальных читателей... и посмотреть, не представляет ли он себе проблему.

— Какую проблему? — не понял Катам.

— Следующую после этой. И когда я, точнее, мы получим ее, нам будет что дать компьютеру.

Пока Клея проверяла ленту, Йон и Альтер рассказывали Йону о своем путешествии. Сейчас он прислонился к перилам, покачивая головой.

— Неужели все это правда? — произнес он.— Или вы никогда не задавались этим вопросом?

Йон и Альтер выглядели озадаченными.

— Все мы существуем только в сознании Господа — так считал кто-то из древних. Возможно, мы — эманации безумного космического сознания. Сильно невротического, склонного к суициду и страдающего маниакально-депрессивным психозом. Не этим ли определяется вся наша жизнь? — он в который уже раз засмеялся.— Вспышки божественной проницательности! — теперь он откинулся на перила.— А может быть, только в сознании друг друга, вот где мы существуем на самом деле. Неужели вы и в самом деле существуете в этом мире, Йон Кошар? Или вы — просто сказка заключенных про парнишку, которого они никогда не знали?

Альтер Кошар, неужели ваши белые волосы, смуглая кожа и глаза всех оттенков неба в самом деле существуют? Или вы — просто мечта детей, замирающих перед афишей цирка, на которой в упрощенной манере изображена акробатка над трамплином?

— Я думаю, мне пора возвращаться,— ответил Йон, почувствовавший себя от этих слов очень дискомфортно.

— Пора идти,— эхом повторил Ноник.— О да, пора идти.

В лаборатории Клея сказала:

— Лента функционирует. Несмотря на бомбардировки, она каким-то образом еще цела. Не знаю, что ты найдешь на том конце, но на платформе окажешься.

Они поднялись по металлической лестнице и встали под кристаллом. В одной руке Йон сжимал бумаги, в другой — руку Альтер. Клея шагнула к тетроновому прибору, нажала кнопку. Где-то зажужжал соленоид, и первый ряд красных кнопок встал в положение «включено».

— Я тоже хочу с ними! — неожиданно сказал Ноник.

— Сейчас нельзя,— сказала Клея.— Лента не может взять сразу так много.

Включился следующий ряд кнопок,

— Я хочу покинуть это безупречное стальное убежище,— сказал Ноник, не сводя глаз с фигур на платформе, уже начавших мерцать.

— Мы отошлем тебя сразу же, как закончим их отправку,— пообещал Катам.— Превышая вес, мы не можем предсказать, дойдет ли посланное до места назначения...

Без всякого предупреждения Ноник взвыл и бросился вперед. Он уцепился здоровой рукой за край платформы и подтянулся под кристалл.

— Вол!

Под шаром вспыхнуло белое сияние. Что-то громко щелкнуло, посыпались искры.

— Что случилось? — закричал Рольф.

— Этот идиот...— начала Клея.— Я теперь не знаю, что случилось. Ведь лента не рассчитана на такой большой вес. Я не знаю, куда они попадут и попадут ли вообще куда-нибудь! Я даже не уверена, существуют ли они еще в принципе или распались на молекулы!

Платформа была пуста.

Глава 13

Аркор лежал на куче одежды в углу башни-лаборатории и смотрел на клочья солнечного света, падающего сквозь проломленный потолок.

Громадный кристалл на конце транспортерной ленты засветился. Затем Вол Ноник с воплем грохнулся на перила.

С первого взгляда Аркор увидел искалеченное тело. Образ его сознания метнулся через комнату и жадно задрожал перед телепатом, так что он даже отступил. Это был поврежденный, раненый мозг, длинные струи боли дрожали в диссонансе. Невероятно живая картина, написанная такими яркими красками, что больно глазам, и вдобавок на обугленном холсте... Аркор попытался мысленно отвернуться.

— Чего ты хочешь? — спросил он, не вставая. Ноник помотал головой:

— Я не хочу больше ничего рассказывать. Я вообще не хочу... говорить.

— Тебе и не надо говорить,— сказал Аркор.— Чего же ты хочешь?

Ноник глядел на него горящими глазами.

— Ладно,— сказал Аркор.— Пойдем со мной.

Вол пошел за ним к двери. Он больше не мог удерживать вопль, рвущийся из сознания. Погруженный в ритм, он завертелся в неистовом потоке, даже не замечая, что они спускаются во двор...

...я тело толкаю сквозь дым из разбитой стены — так твари морские, что вышли на берег, с трудом свою тяжесть таскают. Пороги и двери, агония улиц-калек, обломки разбитого камня с осколками мертвых желаний в единую кучу смешались, и имя ей прах... Так гибнет мой город, и разум в последнем изгибе все тянется к небу — где точно такое же пламя, как здесь...

Аркор смотрел, как Вол спотыкается на выжженной мостовой Устричной авеню, и думал: чего ради я должен куда-то тащиться рядом с его изломанным мозгом и изломанным телом? Но все-таки шел. Через два квартала Ноник повернулся, поднял глаза к обугленному горизонту, и Аркор постарался заблокироваться от того, что полилось в него из мозга обезумевшего поэта.

...падение башен, о издревле чтимый Христос, падение башен — и нож погружается в грудь, падение башен — и кровь на ее животе, падение башен, и бьется она — и кричит! — изогнутой рыбой в жестоких руках рыбака... как больно... Падение башен — и тонкие руки, которых вовек не коснуться, и тело из плоти, из стали, из камня — неважно — агония не разбирает, ты смертный иль город для всех... Падение башен, ответ на небывший вопрос...

— Чего ты хочешь? — снова шепотом спросил Аркор.

Ноник оглянулся, его щеки были влажны от слез.

— Скажи мне,— настаивал Аркор.— Мне проще дать тебе все, что угодно, чем слушать *такое.*

Страх вспыхнул в глазах Ноника, и он бросился бежать. Но следовать за ним было нетрудно: его мысли рассыпались по разоренным улицам, словно бисер с порванного ожерелья.

...о леди огня, что воссела на трон моих глаз, я знаю, как ты справедлива, сказав — ничего здесь не будет! Так гибнет гигантская птица из бронзы в двух милях от дома — от аэродрома... Так гибнут желанья в неистовой схватке, мужское и женское гибнет, рождается — просто людское... И гаснет огонь, и угли становятся пеплом, и каждый, кто хочет, пусть камнем бросает в меня — я даже не вздрогну. Я буду бродить по причалам, но взгляд мой бессилен пожрать ткацкий стан мирозданья; основа на нем — это волны, уток — это ветер...

— Проснись,— сказал Аркор.

Ноник свернулся у стены, как больной кот. Аркору хотелось сказать: «Проснись и заткнись» — но как попросить человека перестать думать?

— Я нашел для тебя судно, как ты хотел.

Он ждал отражения эмоций, которые бушевали в нем, на лице Ноника, но этого не случилось. Они пошли к пирсу, где стояло судно, пустое и заправленное горючим. Из рулевой рубки Аркор наблюдал за тем, как Ноник стоит у перил, разглядывая отблески молодого месяца на транспортерной ленте.

...но плеть из металла, прекрасная, как эти волны, как гимн о свободе — по морю с размаху ударит... О море — ты терпишь насилье от острых килей кораблей и поводов для снисхожденья к нам, людям, не знаешь. Безумцы, зачем вы ему доверяли сады на понтонах? Не проще ль земному расти на земле? И все мы попали в ловушку, где смерть и любовь — лишь призмы тетрона...

— Куда ты вообще думаешь попасть, Вол?

— Я... Я не...

...рисуй мою руку без кожи, как алую арфу; натянуты струны — и жилы, и вены, и кости — да музыки нет...

— Куда ты бежишь. Вол Ноник? Не говори, что не знаешь, иначе я не стал бы брать корабль.

— Я... я...

...не хочу говорить, и алые росчерки мела на буром картоне — портрет мой — пускай он горит, мне не жалко; он станет от этого только прекрасней... Бессильная ярость уже повредить мне не может...

Когда они причалили к материку, Ноник с трудом оторвался от перил, в последний раз глянул вверх, на транспортерную ленту, и пошел по берегу. Ветер сметал песок с дюн и пригоршням швырял в стену опустевшей рыбацкой хижины. Выбитая дверь валялась на земле, через окно можно было увидеть брошенный ткацкий станок с недоделанным куском ткани. Они насквозь прошли через пустую деревню. «Ты попал в западню в тот ослепительный миг, когда узнал, в чем таится твой рок» — было написано на полуразрушенной стене рефрижератора для хранения улова.

...лишь эхо, бездонное эхо — и эхо в ответ. Два зеркала, между которыми бьются и птичьи напевы, и робкие стоны мутантов... и листья сухие, и цепкие плети вьюнков. Я лесу не верю — в нем проще простого споткнуться и тут же проснуться... Реальность — а может, машина, которая хочет постичь законы природы? И лист, и песок, и лучи, и добро мерцают в предутреннем свете и тают в тумане. Чудовище в угольных перьях легко и безгрешно ласкает слова языком. А я все бегу через лес, и солнечный зайчик трепещет в ладонях...

— Ешь,— сказал Аркор.

Ноник, прижавшийся головой к дереву, дважды отрицательно помотал ею и отвернулся совсем. Аркор немного подождал. Не дождавшись, снова поставил еду на огонь...

— Смотри, Город Тысячи Солнц в той стороне. А в этой — каторжные рудники,— он снова умолк. Ноник по-прежнему не сводил глаз с транспортерной ленты, поблескивающей над деревьями.— Ты хочешь вернуться назад в Тельфар?

Ноник опять отрицательно помотал головой и заковылял вперед.

...полуденный город, и башни, как рыбий скелет, остры и безжизненны... Хрупкие тени рассудка — как дети, которые плачут о смерти. Мы вышли из храма, колонны которого вечно листвой шелестят, в поля гладкой лавы, где жизнь превращается в камень, в места близкой смерти, что вкрадчива, как поцелуй. Пространство и смерть сплетены воедино — вчера, или вечно, а мо-

жет быть, только сейчас? Дорога, как молния, чертит узоры меж башен, и весь этот город — горелая кость... Я туда не пойду. Мой путь — обойти его слева и выйти к концу, где пространство и время, как волны все бьются о берег, к концу — и началу...

МЫ ВСЕ ПОПАЛИ В ЗАПАДНЮ В ТОТ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ МИГ,
КОГДА УЗНАЛИ, В ЧЕМ ТАИТСЯ НАШ РОК,
И ВСЕ МЫ БЬЕМСЯ В НЕЙ, ХОТЯ ИЗВЕСТНО КАЖДОМУ ИЗ НАС:
ПРИДЕТ СВОБОДА СО ЩЕЛЧКОМ ЗАПАДНИ!

— Остановись,— сказал Аркор.

Вечер зажег пламенем равнину, покрытую гладкой коркой лавы. Тельфар остался за их спинами.

— Остановись,— повторил Аркор.— Ты идешь к смерти.

Ноник еще сильнее затряс головой и засмеялся. Смех перешел в шепот.

— ...смерть? — он еще раз дернул головой.— Западня уже щелкнула. Барьер...

— Мы уже перешли край барьера,— сообщил Аркор. Вокруг них на голых камнях дрожал и угасал бронзовый свет.

— Ты тоже умрешь!

— Я — нет. Я могу вынести намного больше радиации, чем ты.

В первый раз за все время на лице Ноника проступили какие-то эмоции. Он помрачнел:

— Значит, я зашел уже слишком далеко?

— Развернись и возвращайся ко мне, Вол.

Ноник опять засмеялся.

— Но ведь ты не можешь даже увидеть это! Я имею в виду границу, перейдя которую, я уже не смогу вернуться. Это место здесь? Я стою на нем?

Он вдруг бросился вперед и пробежал футов тридцать.

— Ты видишь,— снова окликнул он спутника,— может быть, я уже перешел ее,— он медленно пошел обратно.— Это значит, что я уже умер. Все клетки моего тела уже мертвы, хотя, может быть, я еще прошатаюсь с час, прикидываясь живым. Вот, значит, на что это похоже — быть мертвым. Сначала я ослепну, потом начну шататься, как пьяный,— он дотронулся до лица здоровой рукой.— Что... уже начинается? Я... я думал, что это произойдет незаметно,— внезапно он вцепился Аркору в плечо и что есть силы закричал: — НЕТ!!!

Аркор обнял маленького дрожащего человека своими длинными руками. Трепещущий сверкающий мозг соприкоснулся с мозгом телепата.

— Вол, пойдем обратно,— мягко сказал он.— Я вижу гораздо больше, чем ты. Ты знаешь так много — и так мало. Ты не станешь свободен, если... если умрешь.

Ноник резко вырвался. Страх затопил его лицо, а его сознание затопило лицо девушки. Он повернулся, вскарабкался по склону и снова побежал вперед. Хаос образов медленно бледнел и стихал по мере того, как Вол удалялся в скалы.

Аркор окинул взглядом океан мертвого камня и пошел обратно. «Я снова один»,— билось в его мозгу. Гигант-телепат был готов заплакать.

Эпилог

Жуки... карбункул... серебро... Йон вобрал в легкие резкость озона. Альтер вцепилась в его руку, глядя на белый песок. От внезапной смены гравитации Йон пошатнулся и выронил бумаги, но Альтер помогла ему собрать их. Они снова посмотрели на город, где...

...дым падает серебряными хлопьями на разбитую раковину, когда-то бывшую Королевским дворцом Торона. Пни срубленных башен грызут небо. Люди еще суетятся на улицах, но большая часть их уже направилась к побережью. Некоторые помогают друг другу пробираться через мусор и разбитые каменные блоки, которыми завалены улицы. Некоторые идут сами. Но все — идут...

Альтер вжалась в спину Йона, но он обнял ее за плечи свободной рукой и тронулся в путь по дюнам. Свет проходил сквозь их тела. Они шли, стекло среди стекла, два полупрозрачных силуэта.

«Они принесли с собой исторический трактат?...»

«Единую теорию поля?..»

«Стихи?..»

Казалось, что вопросы делегатов, задаваемые наперебой, затопят город, как приливная волна.

«Они пришли?»

«Мы победим в войне?»

«Где Лорд Пламени?»

И тройственное эхо торжествующего ответа: «Никакой войны нет!»

Йон и Альтер, рука к руке, остановились у края города и прислушались.

«Лорд Пламени,— продолжало Тройственное Существо,— пронаблюдал достаточно и понял, что война бесполезна, и если она произойдет, то сотрет в пыль обе стороны».

— Мы могли бы уничтожить друг друга? — спросил Йон.

«Сначала мы уничтожили бы себя»,— поправило Тройственное Существо.

— Себя? — спросила Альтер.— Но как? — удивление расцвело в них, подобно пустыне, щедро орошенной неожиданным весенним ливнем.

«Когда вред переходит определенные пределы, жизнь не может существовать. Желание такого разрушения, как война, и есть подобный вред. И если вред настолько велик, то саморазрушение может стать необходимостью. Самоубийство — клапан безопасности для болезни, чтобы уничтожить самое себя».

Полные вопросов, Йон и Альтер еще приблизились к городу и увидели перед собой...

...каменистую равнину, где Вол Ноник, уже во власти радиации, продолжал ползти на коленях, а затем упал и остался лежать неподвижно. Глаза его ввалились и почернели, лицо раздулось. Позади него на горизонте был силуэт Тельфара, и пока они смотрели, силуэт вдруг вспыхнул пламенем, и клубы дыма взвились над падающими башнями.

«Это была Земля,— сказало Тройственное Существо.— Но подобное происходит сейчас по всей вселенной».

— Что именно? — не понял Йон.

«То самое, что привело Ноника к самоубийству и заставило компьютер оборвать свое существование с помощью бомб. Рану, по крайней мере, прижгли, и теперь вы можете идти домой и попытаться залечить ее».

— А Лорд Пламени?

«Последний случайный фактор был замечен и поставлен на свое место,— Тройственное Существо засмеялось и словно ласково погладило всех этим смехом.— Вы сказали бы, что Лорд Пламени осознал, что, при всем своем отличии от нас, он все-таки имеет сходство с нами, потому что и для него смерть — последний выход. Он признал это сходство. Теперь он отправится в новый поиск, и здесь не будет войны».

«Значит, мы можем расходиться по домам?» — одновременно спросили все делегаты.

— Достигнуть звезд...— прошептал Йон. Альтер отбросила волосы с лица и улыбнулась ему, прежде чем...

...перед ними предстал Город Тысячи Солнц, такой прекрасный на краю лесного озера. Они смотрели на него так долго, что за это время могла бы появиться неандертальская семья Лага. Усталые Клея с Катамом дотащились бы до города по берегу, а с другой стороны подошла бы пожилая пара, истощенная, в изодранной одежде — может быть, это Рэра и старый Кошар. И высокая фигура Аркора приблизилась бы к низким строениям с одной стороны, а лесная женщина, тоже с тремя шрамами на щеке, подошла бы с другой, и песня их сознаний, уже соприкасавшихся в обмене опытом и впечатлениями, слилась бы в двой-

ном аккорде их имен — Аркор и Ларта. Вырванные из-под власти случайности, которой на самом деле не бывает — а тому, что бывает, каждый свободен сам дать свое имя...

Свободные строить или разрушать, Йон и Альтер тоже приближались к Городу Тысячи Солнц в круговерти синего дыма, который внезапно пронзила молния, упавшая с паутины серебряного огня... красного цвета полированного карбункула... зелени надкрылий жука...

КОНЕЦ

ГИМНАСТЫ И ГАНГСТЕРЫ,
КАРЛИКИ И КОРОЛИ,
ПРЕСТУПНИКИ И ПРИДВОРНЫЕ,
РЫБАКИ И РАБОЧИЕ,
МАНЬЯКИ И МАТЕМАТИКИ,
ГИГАНТЫ И ГЕНИИ,
ТОРГОВЦЫ И ТЕЛЕПАТЫ,
СОЛДАТЫ И СТУДЕНТЫ,
ПИРАТЫ И ПОЭТЫ,
А ТАКЖЕ ЦЕЛАЯ ГАЛЕРЕЯ ЧУЖИХ, КОТОРЫЕ ЛЕТАЮТ, ПОЛЗАЮТ, ПЛАВАЮТ И ЗАРЫВАЮТСЯ В ЗЕМЛЮ...

ВАВИЛОН-17

...а вот вещь — для Боба, она прольет свет на некоторые прошлогодние события...

Нет ничего, в чем могла бы себя выразить цивилизация так же полно, как в языке. Если мы не владеем им в совершенстве или же сам он не совершенен, значит, несовершенна и цивилизация.

Марио Пей

Часть первая
РИДРА УОНГ

...Здесь заключен двусмысленности центр.
Свет электрический на улице из окон.
Обманчивые тени нам расскажут
про будущее мальчиков. Смотри!
Они уже — не мальчики совсем;
игрой теней им съеживает рот,
и губы юные припухлые стареют;
тень режет словно бритва. Посмотри,
как кислота съедает с щек румянец...
...Как знать, быть может, трещина в кости —
источник темных капель, что стекают
при каждом жесте или вспышке света,
на грудь с разбухших губ...
Тех темных капель
слюны, что загустела от крови...
Они галдят размеренной толпою
на улице, волнуясь, вновь и вновь.
Река выбрасывает бревна лесосплава,
и слизывает снова их потоком.
И лишь шлепок тяжелый по песку...
И лишь рывок в пучину вод обратно...
Сплавные бревна, стиснутые бедра,
размах плечей, и мутные глаза,
и грубо штукатуренные руки.
Шакалы серолицые стоят,
колени преклоняя для молитвы.
Цвета исчезли, растворился день,
и все, кто задержался в старом доке,
приветствуют тех юных моряков,
что возвращаются гурьбою на корабль...

Мэрлин Хэкер
«Призмы и линзы»

1

Город-порт.

Здесь небо ржавеет в дымах. Вечер заливает багровым, оранжевым, розовым — всеми оттенками красноватого промышленного газа. Взлетающие и опускающиеся транспортные корабли разрывают облака, доставляя грузы к космическим центрам и спутникам.

«Загнивает город,— сокрушался генерал, шагая по засыпанной отбросами улице.— Шесть блокад, по несколько месяцев каждая, с начала Вторжения сделали свое дело, задушили в городе жизнь, которая пульсировала только благодаря межзвездной торговле. Как он вообще до сих пор еще существует?»

Шестой раз в течение последних двадцати лет генерал спрашивал себя об этом. И как всегда вместо ответа — недоумение.

Над шатким монорельсом на фоне грязных построек возвышались силуэты складских башен. Улицы становились все уже. Все чаще сновали транспортные рабочие, грузчики, звездолетчики в зеленых мундирах и бесчисленные орды бледных мужчин и женщин, занятых запутанными таможенными операциями.

«Сейчас они спокойны, заняты работой или домом,— размышлял генерал,— а ведь с начала Вторжения прошло два десятилетия. Два десятилетия паники, мятежей, пожаров, каннибализма...»

Эти люди голодали во время блокад, среди разбитых окон и грабежей, разбегались перед брандспойтами с визгом, хрупкими от голода зубами разрывали трупы на куски.

«Что за животное человек»? — вопрошал он себя. Будучи генералом, легко размышлять о «низменной природе человека», только бы не вспоминать последнюю блокаду, женщину, сидящую посреди тротуара со скелетом своего ребенка на коленях, трех истощенных девочек лет десяти, напавших на него с бритвами прямо на улице... (Одна прошипела сквозь коричневые зубы, сверкая лезвием: «Иди сюда, Бифштекс! Иди, возьми меня, Лангет...» Пришлось вспомнить про карате...) Или слепого, с несмолкаемыми воплями и криками бредущего по проспекту.

Сейчас они стали добропорядочными гражданами, они разговаривают вполголоса, так, чтобы никакие чувства не отразились на их бледных благонадежных лицах; в головах у них теперь бледные и благонадежные патриотические идеи: «Труд ради победы над захватчиками», «Алона Стар и Кип Риак хороши в „Звездных Каникулах“, но Рональд Кувар — лучший серьезный артист». Они слушают музыку Хи Лайта («Или не слушают»,— думал генерал, вспоминая медленные танцы, в которых партнеры не касаются друг друга). Служба на таможне гарантирует обеспеченную жизнь. Работать на транспортных кораблях, наверное, и веселей и интересней, судя по кинофильмам, но все эти транспортники какие-то чудные...

Самые интеллектуальные и искушенные в жизни обсуждают поэзию Ридры Уонг. Они часто рассуждают о Вторжении, и все теми же фразами, что освящены двадцатилетним повторением по радио и в газетах. Они редко вспоминают о блокадах, и то — лишь вскользь.

Взять любого из них или взять миллион. Кто они такие? Чего они хотят? Чтобы они сказали, если б им дали возможность высказаться?

«Ридра Уонг — это голос нашего века». Генерал вспомнил строчки одной из статей.

Удивительное дело: военачальник идет на встречу с Ридрой Уонг, чтобы решить конкретную военную задачу.

Вспыхнули фонари, и генерал неожиданно увидел свое отражение в золотистой витрине бара. «Слава богу, что я не в мундире». На него смотрел высокий мускулистый человек пятидесяти лет с властным лицом, словно бы вытесанным из камня. В сером штатском костюме генерал чувствовал себя неловко. До тридцати он производил впечатление «большого и неуклюжего». Так совпало, что с началом Вторжения он превратился в «мощного и властного».

Он вошел.

— Черт возьми...— прошептал генерал.

Ее не надо было отыскивать ее среди прочих женщин.

— До чего ж хороша!.. Изображения совершенно этого не передают...

Она обернулась к нему, очевидно, заметив его фигуру в зеркале за стойкой, встала со стула, улыбнулась.

Он подошел к ней, взял за руку. Слова приветствия застряли у него в горле. Она первая прервала молчание.

На губах — помада цвета меди. И глаза — точно литые медные диски...

— Вавилон-17... Я с ним пока еще не разобралась, мистер Форестер.

Вязаное платье лазурного цвета, волосы, словно ночной водопад, разливаются по плечам.

— В этом ничего удивительного, мисс Уонг,— произнес генерал.

«Что происходит? — думал он, глядя на собеседницу.— Вот она облокотилась о стойку, откинулась на сиденье; под облегающим платьем заиграло бедро. Каждому ее движению я поражаюсь, теряюсь... Я схожу с ума... Она сбивает меня с толку. Или действительно?..»

— Но я продвинулась гораздо дальше, нежели ваши военные специалисты.

Мягкую линию ее губ тронула учтивая улыбка.

— Судя по тому, что мне известно о вас, мисс Уонг, это не удивительно.

«Кто она? — спрашивал генерал у собственного отражения,— Мне необходимо узнать о ней все. Это очень важно. Я обязан знать».

— Дело в том, что Вавилон-17 — это не шифр.

— Да?..

Он даже не сразу сообразил — о чем это она.

— То есть как? Но ведь в криптографическом отделе установили...— он замялся, потому что уже не чувствовал уверенности в заключении криптографического отдела и потому, что потребовалось время, для того чтобы вернуться с ее высоких скул, выкарабкаться из пропасти ее глаз.

Усилием воли генерал вернул свои мысли к предмету разговора. Вторжение. Может статься, что Вавилон-17 окажется ключом к прекращению двадцатилетней войны.

— То есть Вы хотите сказать, что наши попытки дешифровки Вавилона бессмысленны?

— Дело в том, что это не шифр. Это — язык.

Генерал вздохнул.

— Да как его не назови — «шифр» или «язык», наша задача — его прочитать. Мы уже так давно делаем эту работу, но еще ничего не добились.

Так сказывалось напряжение последних месяцев — язык вдруг стал непослушным, голос осип. Улыбка пропала, руки беспомощно лежали на стойке. Он уже жалел о том, что позволил себе заговорить на повышенных тонах.

— Вы связаны с работой криптографического отдела непосредственно,— сказала Ридра ровным и мягким голосом.

Он мотнул головой.

— Тогда я вам объясню кое-что. Дело в том, мистер Форестер, что существует две разновидности шифров. В первом случае — буквы или знаки, употребляемые вместо букв, перепутываются и искажаются в соответствии с определенной схемой. А во втором — буквы, или слова, или группы слов заменяются другими буквами, знаками или словами. Шифр может быть первого или второго типа или же быть комбинированным. Но у всех у них есть одно общее свойство: если Вам удалось найти ключ — примените его, и получатся осмысленные фразы. Язык же имеет свою собственную внутреннюю логику, грамматический строй, особый способ формулировки мыслей. Одного ключа, подходящего к любым значениям, заключенным в языке, не существует. В крайнем случае, вам удастся угадать только приблизительный смысл.

— Так что, Вавилон-17 преобразовывается в какой-то другой язык?

— Нет-нет! Это я проверила в первую очередь. Я взяла вероятностную развертку разных элементов Вавилона и взглянула,

встречается ли нечто подобное в различных языковых образцах, пусть даже расположенных в другом порядке. Нет, Вавилон-17 — вполне самостоятельный язык, которого мы пока не понимаем.

— Так,— вздохнул генерал Форестер,— Вы хотите сказать, что, раз это не шифр, а неизвестный язык, то мы будем вынуждены отступить.

«Что ж... любой приговор в ее исполнении кажется не таким горьким».

Ридра покачала головой.

— Нет, вы меня неправильно поняли. Незнакомый язык может быть понят и без перевода. Так же, как это получилось линейным Б и хеттским языками. Но чтобы то же самое вышло с Вавилоном-17, мне необходимо узнать намного больше.

Генерал удивленно поднял брови.

— Не понимаю, что же вам нужно? Мы передали в ваше распоряжение все образцы. Как только появятся новые, мы непременно...

— Генерал, мне нужно знать о Вавилоне-17 все, что вам известно: где вы его обнаружили, когда и при каких обстоятельствах. Ключ к разгадке может скрываться во всем.

— Мы вам передали все сведения, которыми рас...

— Вы вручили мне несколько страниц машинописного текста, напечатанного через двойной интервал, с шифром, и спросили меня, как его прочитать. Все, что можно было выяснить, исходя из этого материала, я сказала. Мне нужна дополнительная информация, тогда я смогу попробовать. Вот и все.

«Если все было бы так просто, мы бы никогда не обратились к вам, Ридра Уонг»,— усмехнулся про себя генерал.

— Если все было бы так просто, вы никогда бы обратились ко мне, мистер Форестер,— сказала она.

Он вздрогнул...

«Да нет... Просто, она должна об этом знать... Должна ли?»

— Послушайте, генерал, ваши специалисты сумели определить, что это язык, а не шифр?

— Мне об этом пока не докладывали.

— Держу пари, что они об этом пока и не догадываются. Я даже сделала несколько структуральных набросков грамматики... А они?

— Не знаю.

— Уверяю Вас, ваши специалисты на шифрах собаку съели, но они не имеют ни малейшего представления о сути языка. Вот из-за этой идиотской ситуации я последние шесть лет перестала работать с ними...

«Кто эта женщина?» — снова подумал Форестер. Сегодня утром ему доставили ее досье, но тут же отправил его адъютанту, заметив лишь штамп «одобрено».

— Может быть, если бы вы рассказали немного о себе, мисс Уонг, мне было бы проще с вами говорить,— услышал генерал свой собственный голос.

Не очень логично. Но он сказал это спокойно и твердо. Не уловила ли она его колебания?

— Что бы вы хотели узнать?

— Все, что мне известно — это ваше имя и то, что одно время назад вы работали в отделе военной криптографии. Тогда уже, не взирая на вашу молодость, у вас была прекрасная профессиональная репутация. Прошло уже шесть лет, но после месяца безуспешной возни с Вавилоном-17 работники отдела, в первую очередь, вспомнили о вас,— он задумался.— Вы сказали, будто кое-что поняли. Выходит, они оказались правы.

— Может, выпьем? — спросила Ридра.

Бармен прошелся туда и обратно, поставив на стойку два небольших зеленоватых фужера. Она отпила, поглядывая на него.

«Они похожи на распахнутые крылья — эти вытянутые, чуть раскосые глаза»,— подумал генерал.

— Я не с Земли,— начала Ридра.— Отец мой отец работал инженером-связистом в космическом центре Х-II-В — это возле Урана, а мама — переводчицей в Суде Внешних Миров. Я до семи лет росла в космическом центре. Детей там почти не было. Что еще... В пятьдесят втором мы перебрались на Уран-27. К двенадцати годам я уже изучила семь языков земных и понимала пять неземных. Мне удавалось запоминать языки подобно тому, как многие люди запоминают мелодии известных шлягеров. Папа и мама погибли во время второй блокады.

— Вы были тогда на Уране?

— Вы слышали о том, что там происходило?

— Мне известно, что Внешние миры пострадали больше, чем Внутренние.

— Ничего Вы не знаете. Да... они пострадали... больше,— Ридра встряхнула головой, отгоняя воспоминания.— Одного упоминания мало, чтобы разбудить это все, хотя... Вы знаете, выйдя из госпиталя, я была близка к помешательству! Да... такая опасность была...

— К помешательству?..

— Голод... Вам, несомненно, известно, что это такое. Неврал-гическая чума...

— Я и о чуме знаю.

— В конце концов, я оказалась на Земле, поселилась у родственников. Прошла курс нейротерапии. Только мне было нужно не это. Я не знаю отчего... от психики это или от физиологии, но после всего этого я вышла с совершенной памятью на слова. Всю жизнь я балансировала на грани... так что ничего удивительного. Да, еще у меня абсолютный слух.

— Может быть, это связано со способностью к моментальному счету и развитой образной памятью? Я видел, как шифровальщики это используют.

— Математик из меня никакой, я не могу быстро считать. Я себя проверяла; у меня высокая степень визуального восприятия и специфических реакций — яркие сны и все такое, но самое главное — это идеальная память на слова. Я тогда уже сочиняла стихи, а летом устроилась переводчиком при правительстве и принялась заниматься дешифровкой. Эта работа давалась мне легко. Но все-таки я — никудышный шифровщик. Мне не хватает усидчивости, чтобы основательно проработать текст, написанным кем-то другим. Невроз, он тоже подтолкнул меня к занятиям поэзией. Эта «легкость в работе» меня очень пугала. Столько ее навалится, бывало, и так хочется найти правильный ответ... И вдруг... что-то щелкает в голове, и все, что мне было известно, соединяется в единое целое, и я могу без особого усилия прочитать текст, рассуждать о нем, но сама чувствую себя при этом испуганной и уставшей маленькой девочкой.

Она посмотрела на фужер.

— Со временем я научилась себя контролировать. К девятнадцати годам я заработала репутацию вундеркинда, который способен разобраться в чем угодно. Интуиция позволяла мне выделять знакомые образы, найти грамматический строй в произвольно перемешанных знаках, что я и пыталась сделать с Вавилоном-17.

— Так почему же вы бросили эту работу?

— Две причины я вам уже назвала. Есть еще одна. Узнав о своих скрытых способностях, я решила применять их в собственных целях. Когда мне было девятнадцать лет, я ушла с военной службы, вышла замуж и стала серьезно заниматься литературой. Через три года вышла в свет моя первая книга,— она пожала плечами и усмехнулась.— Обо всем остальном Вы можете узнать из моих стихов.

— Во всех пяти галактиках люди перечитывают их, чтобы прикоснуться к тайне могущества, одиночества и любви.

Три последние слова выскочили из его тирады, точно бродяги из товарного вагона. Они стояли друг против друга — великая Ридра Уонги, он, вырванный из привычной военной жизни, безнадежно одинокий и безнадежно...

«Нет...»

Это абсурдно, немыслимо, да и слишком уж просто для объяснения того, что с ним происходит.

— Выпьем еще?

Это — инстинктивная защита. Но она должна принять ее за формальную вежливость. Или нет?

Подошел бармен, поставил фужеры.

— Миры пяти галактик,— повторила Ридра.— Как это странно. Мне всего двадцать шесть...— Взгляд ее остановился. Первый фужер все еще не допит.

— Китс в этом возрасте уже погиб.

Ридра пожала плечами.

— Странное время... Оно избирает совсем молодых героев, чтобы внезапно расстаться с ними.

Он кивнул. Сколько художников, артистов, писателей провозглашались властителями дум на год или два, чтобы исчезнуть потом навсегда. Популярность Ридры Уонг возрастала три года подряд.

— Я связана со своим временем,— произнесла она.— Мне бы хотелось выйти за его рамки, но оно слишком сильно держит меня.— Ее рука замерла над фужером и легла на деревянную стойку.— Вы, как военный, тоже, наверное, испытывали нечто похожее,— Ридра вскинула голову и вдруг улыбнулась.— Ну как, вы довольны моим рассказом?

Он молча кивнул. Жестом ведь легче солгать, нежели словом.

— Ну что ж, теперь, мистер Форестер, вы должны рассказать мне о Вавилоне-17.

Генерал стал оглядываться в поисках бармена, но неожиданная вспышка света, которую он поймал краем глаза, остановила его — это просто оказалась ее улыбка.

— Берите,— проговорила она и пододвинула к нему свой бокал.— У меня еще первый недопит.

Он отхлебнул.

— Дело в том, что... В общем, это связано с Вторжением.

Она подалась вперед над стойкой и прищурила глаза.

— Началось все с череды несчастных случаев — вернее, это поначалу они казались несчастными случаями. Сейчас мы убеждены, что это диверсии. Они совершаются на всем пространстве Союза, начиная с декабря шестьдесят восьмого года. Одни — на военных кораблях, другие — на кораблях Придворного Космического Флота. Как правило, отказывает самое надежное оборудование. Вследствие двух взрывов были убиты крупнейшие правительственные чиновники. Несколько раз это происходило на оборонных предприятиях, производящих важнейшее оборудование.

— И что же объединяет эти «несчастные случаи», кроме того, что все они связаны с войной? Ведь при нынешнем положении дел любое такое происшествие в сфере промышленности можно объявить военной диверсией.

— Все эти случаи, мисс Уонг, объединяет Вавилон-17.

Она неторопливо допила свой бокал и поставила его точно на мокрый след, который остался от него на стойке.

— До, во время и после каждой диверсии в эфире происходят радиопередачи из неизвестных источников. Многие из них, судя по мощности, действуют в районе нескольких сот ярдов. Но есть и такие, которые врываются на гиперстатических волнах, охватывающих расстояние в несколько световых лет. Во время последних трех происшествий нам удалось записать эти передачи. Мы дали им рабочее название Вавилон-17. Это все. Вам может что-нибудь из этого пригодиться?

— По крайней мере, у Вас есть возможность, перехватывая эти указания для саботажа, выявить цель этих диверсий...

— Но нам ничего... ничего не удается найти! — в голос генерала прорвалась нервозность.— Там ничего нет — только это чертово бормотание! В какой-то момент кто-то обратил внимание на повторяющиеся фрагменты в передачах и заподозрил наличие в них шифра. Наши специалисты потратили на него целый месяц, но так ничего и не добились... Вот мы к вам и обратились.

Генерал замолчал, выжидая.

— Мистер Форестер, мне необходимы оригиналы этих записей и полный отчет обо всем случившемся, минута за минутой, насколько это возможно,— сказала Ридра.

— Я не знаю...

— Если вы пока не составили такой отчет, попытайтесь сделать это во время следующего случая. Если этот шум действительно является диалогом, я смогу понять, о чем там говорится. Заметьте, в тех бумагах, которые мне передали из криптографического отдела, не обозначено, какие реплики кому принадлежат. В результате мне пришлось транскрибировать очень сложный текст, в котором отсутствует пунктуация и даже паузы между словами.

— Я постараюсь выдать вам все, но оригинал записи...

— Это очень важно. Мне нужно составить транскрипцию самой, скрупулезно и на своей аппаратуре.

— Подскажите, и мы переделаем все опять.

Ридра покачала головой.

— Нет, я должна сама все сделать, или я ни за что не ручаюсь. Самое важное — это фонематические и аллофонические противопоставления. Ваши люди не поняли, что имеют дело с языком, потому и не заинтересовались...

— Какие противопоставления? — прервал ее генерал.

— Может быть, вы замечали, что некоторые выходцы из Азии, путают звуки Р и Л западных языков? Это происходит оттого, что во многих восточных языках они являются аллофонами, их воспринимают и записывают одинаково. Или, например, сочетание букв th в английских словах they и theater.

— И чем же они отличаются?

— Прислушайтесь. Один из них — звонкий, а другой — глухой.

Они отличаются друг от друга так же, как В и Ф; но в английском языке это аллофоны, и вам кажется, что это одна и та же фонема.

— А...

— Видите, иностранцу сложно транскрибировать язык, на котором он не говорит, потому что он просто не замечает различий, если их нет в его собственном языке.

— И как вы намерены это сделать?

— Я хочу применить свои познания о звуковых системах разных языков, и свою интуицию.

— Снова «озарение»?

Ридра улыбнулась.

— Почему бы и нет?

Ей была необходима его поддержка, одобрение. Чем может он помочь ей? Она ждала.

В какой-то момент генерала очаровало нежное звучание ее голоса.

— Да, конечно, мисс Уонг,— проговорил он.— Вы наш специалист. Приходите завтра в отдел криптографии и возьмите все, что вам необходимо.

— Благодарю вас, мистер Форестер. Я представлю вам официальный доклад.

Он застыл, не в силах сдвинуться с места от ее улыбки. «Пора уходить,— в отчаянии думал он.— Ах, да, нужно что-то сказать...»

— Это было бы замечательно, мисс Уонг. Мы с вами еще поговорим.

«Будто бы что-то еще...»

Он встрепенулся, очнувшись, не в силах уйти. «Пора отвернуться».

«Надо сказать что-то более важное... Спасибо... радость моя... О, Господи!» Он направился к двери, усмиряя свои мысли. «Кто эта женщина? Что-то же надо сказать. Как это делается? Эх, ты, солдафон! Но все слова и мысли, все, что есть у меня за душой, я отдал бы ей!»

Дверь распахнулась, и он почувствовал, как вечер слегка надавил на его глаза своими прохладными пальцами.

«Как она невозмутима,— думал он.— Что со мной происходит?.. И что мне теперь делать с этим? Как рассказать?..» Где-то глубоко-глубоко притаились слова: «Успокойся, ты пока в безопасности». Но на поверхность вырывалась злость на собственное молчание. «Я не могу этого выразить».

Ридра стояла, облокотившись на стойку. Взгляд ее остановился на зеркале. Подошел бармен, взял фужеры, стоявшие у кончиков ее пальцев, нахмурился.

— Мисс Уонг ?

Лицо ее окаменело.

— Вам плохо, мисс Уонг!?..

Бармен заметил, как побелели ее пальцы, затем руки, и они стали, как мраморные.

— Мисс Уонг, что-то случилось?

Она вдруг качнулась к нему.

— И вы заметили, да? — спросила она осипшим голосом с сарказмом.

Она оттолкнулась от стойки и шагнула к двери. Остановилась, прочистила горло и выскочила из бара.

2

— Моки, выручай!

— Ридра? — раздался в темноте голос доктора Маркуса Т'муарбы. Он приподнялся в постели. В полутьме у кровати виднелось ее лицо.— Ты где?

— Здесь, Моки, внизу. Мне нужно с тобой переговорить!

Ее озабоченное лицо то пропадало из поля зрения, то появлялось опять. Он зажмурился от яркого света, а потом неохотно открыл глаза.

— Хорошо, поднимайся.

Лицо Ридры пропало.

Маркус взмахнул рукой в сторону выключателя, и приглушенный свет постепенно заполнил просторную спальню. Он сбросил атласное одеяло, спустил ноги на мягкий ковер, снял с бронзовой вешалки шелковый черный халат и накинул его на плечи. Шаблонные контуры разгладили его по фигуре, устраняя лишние складки. Затем он нажал кнопку, скрытую среди завитушек рамы. Распахнулась алюминиевая дверца, и из внутренности бара выехал на подставке горячий кофейник и графин с коньком.

Еще один жест — и из пола появились надувные кресла. Т'муарба обернулся к входной двери, она клацнула, отъехала в сторону, и на пороге возникла Ридра.

— Будешь кофе? — он толкнул чашку, силовой поток подхватил ее и плавно поднес Ридре.— Как поживаешь?

— Я... Моки, что это... Я?..

— Бери кофе.

Она взяла чашку и поднесла ее к губам.

— Успокаивающего нет?

— Коньяк, ликер? — он достал две изящные стопочки.— Подойдет? Ой, извини, я, наверное, еще не совсем пришел в себя. Мы тут посидели с друзьями немножко...

Она кивнула.

— Можно какао?

Крошечная чашечка отправилась вслед за кофе.

— У меня сегодня выдался тяжелый день,— он потянулся.— К обеду собрались гости, и мы проспорили целый день, а потом я замотался с вызовами. Мне удалось заснуть не больше десяти минут назад,— он улыбнулся.

— А у тебя как прошел вечер?

— Это Моки... это какой-то кошмар.

Доктор пригубил коньяк.

— Слава богу! Я бы тебе не простил, если бы ты меня разбудила без повода.

Ридра невольно усмехнулась.

— Я в-в-в... всегда могу рас-с-считывать на твою п-п-поддержку, М-моки.

— Поддержка, говоришь? Здравый смысл и совет опытного психиатра к твоим услугам в любое время дня и ночи. Присаживайся. Что произошло? — взмах руки — и кресло пододвинулось к Ридре, слегка подтолкнув ее под коленки краем сиденья, так что она невольно села.

— Прекрати заикаться и рассказывай все по порядку. Ты забыла, что с пятнадцати лет ты — больше не заика,— он говорил настойчиво и мягко.

Она сделала маленький глоток.

— Этот шифр... Помнишь, я говорила тебе, что работаю над шифром?

Т'муарба присел на широкий кожаный диван, откинув голову с седой шевелюрой, все еще взъерошенной после сна.

— Что-то такое припоминаю... Если я не ошибаюсь, тебе поручили какое-то задание от правительства. Ты о нем отозвалась довольно пренебрежительно.

— Вот-вот. И... дело в том, что это не шифр... это язык. Ну и вот, сегодня в-вечером я встретилась с генералом Форестером, и вот, это произошло... Понимаешь, я знаю!

— Что? Что ты знаешь?

— Как и в прошлый раз, я знаю, о чем он думает!

— Ты можешь читать его мысли?

— Да нет же. Нет, все было так же, как и в прошлый раз! Я смотрела на него и знала, что он скажет в следующий момент...

— Ты полагаешь, что это какой-нибудь вид телепатии?

Она отрицательно качнула головой.

— Тогда я ничего не понимаю.

Доктор хрустнул пальцами и откинулся на диване.

— У меня имеются кое-какие идеи по поводу того, что ты хочешь мне сказать, но тебе нужно выразить это самой,— произнесла Ридра ровным голосом.— Ведь ты это хотел мне сказать, Моки, не так ли?

Доктор хмыкнул.

— Да. И после этого ты утверждаешь, будто не читаешь мои мысли? Ты проделывала это со мной дюжину раз...

— Мне известно, что ты хочешь сказать, а ты не знаешь, что пытаюсь высказать я. Это не честно! — она приподнялась в кресле.

— Потому-то ты и пишешь такие прекрасные стихи,— произнесли они хором.

— Да, Моки все понятно,— продолжала Ридра.— Я схватывала то, что трогает меня больше всего, и выражала в стихах, и люди их понимают. Но последние годы я, как выяснилось, занималась не тем. Знаешь, чем? Я вслушивалась в людей, угадывала их мысли, ощущения, о которые они запинались, не в состоянии выразить. Это было так больно. А я уходила к себе и шлифовала их, выковывала для них ритмическое обрамление, превращала тусклые краски в сияющие цвета, меняла резкие контрасты на пастель, чтобы мои стихи не могли больше мучить. Мне известно, о чем хотят сказать люди, и делаю это за них.

— Голос вашего века,— бормотал Т'муарба.

Ридра нецензурно ругнулась. В красивых глазах сверкнули слезы.

— Когда я хочу сказать, то, что мне хочется выразить, я просто-напросто...— она опустила голову.— Мне это не удается.

— Ты все-таки великая поэтесса — у тебя все получится.

Она кивнула.

— Моки, год назад я еще не догадывалась о том, что подхватываю чужие идеи. Мне казалось, что они мои.

— Любой одаренный литератор проходит через это в молодости. У тебя это произошло, когда ты освоила ремесло.

— Но теперь-то у меня имеются и свои мысли, у меня есть, о чем рассказать людям. Это не так, как раньше — изощренная форма для того, что уже сказано. И не те парадоксы, о которых вещают люди, объединенные в одно целое. Тут что-то другое. Меня это пугает до смерти.

— В какой-то момент каждый молодой литератор проходит через это.

— Повторить легче, чем сказать, Моки.

— Главное, что ты это осознала. Возьми теперь и опиши, как ...ну, как ты это все видишь?

Ридра молчала пятнадцать, двадцать секунд.

— Хорошо, попробую снова. Перед уходом из бара я стояла и смотрела в зеркало, а бармен подошел и стал спрашивать, что со мной...

— Он чувствовал, что ты не в себе?

— Нет, ничего он не чувствовал. Он заметил мои руки. Они вцепились в край стойки и побелели. Не обязательно быть гением, чтобы догадаться о том, что происходило у меня на душе.

— У барменов, как правило, обостренное чутье на эксцессы подобного рода. Это у них профессиональное,— Маркус допил кофе.— Говоришь, пальцы побелели? Ладно, что же высказал генерал Форестер? Или хотел сказать?

По ее щеке пробежала дрожь. «Что это — обычный невроз или что-нибудь специфическое?» — подумал доктор Т'муарба.

— Форестер — чуть грубоватый и сильный человек, скорей всего, неженатый, профессиональный вояка со всеми вытекающими последствиями,— объяснила она.— На вид ему можно дать лет пятьдесят. Как только он вошел в бар, его глаза сощурились, затем вдруг распахнулись, пальцы при этом сжались в кулаки, а потом постепенно расслабились, шаг замедлился. Но, приблизившись, он уже смог взять себя в руки. Генерал пожал мою руку так, будто она хрустальная.

— Он же влюбился в тебя! — рассмеялся Т'муарба.

Она кивнула.

— Почему же это так тебя расстроило? Мне кажется, это должно было тебе польстить.

— Да, разумеется,— Ридра подалась вперед.— Конечно, мне было лестно... Я угадывала все его мысли. Однажды, когда он попытался мысленно вернуться к Вавилону-17, я произнесла то, что было у него на уме, как доказательство того, насколько внимательна к нему. Мне удавалось читать его мысли, точно по книге...

— Так, подожди... Вот это мне непонятно. Почему ты так уверена, что он думал именно об этом?

Она обхватила подбородок рукой.

— Генерал сам мне рассказал. Я заявила, что мне для расшифровки языка требуется дополнительная информация. Он сначала отказывался давать ее. Но я сказала, что продвинуться дальше без нее не смогу. И это правда. Форестер приподнял голову — и выдал этим себя. Он не стал качать головой и постарался сдержать этот жест, но я отметила возникшую напряженность. А если б он покачал головой и поджал губы, что он сказал бы мне, как вы считаете?

Доктор пожал плечами.

— Ты думаешь, это так просто?

— Ну, разумеется! Он сделал один жест, чтобы скрыть другой. Что бы это могло означать?

Т'муарба пожал плечами.

— Форестер старался сдержать этот жест, чтобы не выдать, как такое, казалось бы, простое дело могло вызвать его появление. Вот он и приподнял голову.

— Вроде того, что: из-за пустякового дела мы вас не звали бы? — предположил доктор.

— Правильно. Повисла неловкая пауза. Это надо было видеть!

— Ну, уж нет!

— Если все было бы так просто — пауза — мы бы никогда не обратились к вам,— Ридра развернула руку ладонью вверх.— Ну, я и пересказала ему эту фразу; у него челюсти сразу так и сжались...

— От изумления?

— Да. На секунду он решил, будто я читаю его мысли.

Т'муарба покачал головой.

— Это не то, Ридра. Это просто расшифровка мышечных реакций. Этим можно очень успешно пользоваться, особенно если знаешь, на чем сконцентрированы мысли собеседника. Итак, все-таки из-за чего ты расстроилась? Твоя невинность была оскорблена заинтересованностью этого... солдафона?

Она опять ругнулась. Доктор прикусил губу.

— Что, я маленькая девочка? — сказала Ридра.— Да он и не думал ни о чем неприличном. Я решила озвучить его мысли для того, чтобы передать, насколько мы близки. Мне показалось, что я его очаровала. Если б он воспринял нашу близость так же, как и я, у меня бы к нему остались только самые теплые чувства. Но когда он уходил...

Т'муарба опять заметил хрипотцу в ее голосе.

— ...уходил, он подумал: «Она этого не знает. Я ей об этом не сказал».

Зрачки у Ридры вдруг потемнели. Она прикрыла их и чуть наклонилась вперед. Доктор это видел тысячу раз с тех пор, как к нему для прохождения курса нейротерапии направили щупленькую девочку двенадцати лет. Курс со временем превратился в психотерапию, а затем и в дружбу.

Но он так и не смог до конца разобраться в ее переменах. Они всегда происходили внезапно. Формально срок терапии давно окончился, но он до сих пор внимательно приглядывался к Ридре. Что с ней происходит, когда глаза ее так темнеют? Она могла легко распознавать множество проявлений его собственной натуры. Доктор знавал многих знаменитых, влиятельных и богатых людей. Но их репутация не внушала ему уважения. А Ридра внушала.

— Форестер решил, что он ничего мне не сообщит, а я и не догадаюсь об этом. Вот я и разозлилась. Мне стало так плохо. Мне казалось, что все недомолвки, опутывающие мир и разделяющие людей, обрушились на мою голову. Они требовали, чтобы я их распутала, объяснила... Но как? Я не знаю ни лексики, ни грамматики, ни синтаксиса. В общем...

В ее азиатском лице что-то переменилось. Маркус пытался понять, что же именно.

— Что?

— Вавилон-17.

— Язык?

— Да. Знаешь, что я называю «озарением»?

— То, как ты вдруг начинаешь понимать неизвестный язык?

— Да, генерал сообщил мне, что это был не монолог, а диалог. Я об этом не знала раньше. Но некоторые мои соображения подводили меня к этой мысли. А ведь я могла сама установить, где оканчивается одна реплика и начинается следующая. И тут...

— Ты его поняла?

— Да, кое-что... И то, что заключается в этом языке, напугало меня куда больше, нежели генерал.

Т'муарба аж присвистнул от удивления.

— То, что в языке?

— Да.

— Каким образом?

Ее щека опять передернулась.

— Мне кажется, я понимаю, где должен произойти очередной «несчастный случай»...

— Несчастный случай?

— Ну, да, очередная диверсия захватчиков — если это они, конечно, хотя я в этом не уверена. Но сам по себе этот язык какой-то... странный какой-то.

— Странный?

— Да, очень маленький,— проговорила она.— Насыщенный. Плотный... Я не знаю, как выразиться!

— Компактный? — подсказал доктор Т'муарба.— Мне всегда казалось, что это хорошее свойство любого развитого языка.

— Конечно,— сказала она и глубоко вздохнула.— Мне страшно, Моки!

— Чего ты боишься?

— Видишь ли, я хочу совершить кое-что, но не знаю, справлюсь ли.

— В этом нет ничего удивительного — перед ответственным делом переживания — естественное дело. Что ты задумала?

— Я поняла это в баре, но решила, что мне сначала необходимо с кем-нибудь посовещаться.

— Давай.

— Я решила самостоятельно решить вопрос с Вавилоном-17.

Т'муарба слегка опустил голову.

— Я узнаю, кто и откуда вещает на этом языке и что именно он передает!

Доктор наклонил голову.

— Ты хочешь знать, почему? Слушай, Моки, учебники утверждают, будто язык — это способ формулирования мыслей. Но, на самом-то деле, язык — это и есть сама мысль! Мысль, оформленная в виде сообщения. Это оформление и есть язык. Вавилон-17... в этом смысле просто поражает.

— Что тебя так удивляет?

— Моки, во время изучения нового языка узнаешь, как другой народ представляет окружающий мир...— Он кивнул.— И вот, когда я стараюсь углубиться в этот язык, то начинаю понимать... слишком много.

— Очень поэтично.

Она усмехнулась.

— Ты все время стараешься меня приземлить.

— Брось, не так уж и часто я к этому прибегаю. Ведь хорошие поэты, как правило, практичны, и мистику терпеть не могут.

— Лишь поэзия, отражающая то, что есть на самом деле, может считаться настоящей,— произнесла Ридра.

— Ладно, но я до сих пор не могу взять в толк, каким образом ты хочешь открыть тайну Вавилона-17?

— Хорошо, тебе можно сказать,— она прикоснулась рукой к его колену.— Я хочу взять космический корабль, набрать команду и отправиться к месту очередной диверсии.

— В общем, у тебя, конечно, имеется удостоверение звездного капитана. Но это ведь потребует огромных затрат.

— Расходы возьмет на себя правительство.

— Здорово. Но для чего тебе это надо?

— Я владею многими языками захватчиков, но Вавилон-17 на них не похож. Но это и не язык нашей Конфедерации. Мне нужно найти носителя этого языка и увидеть, кто во Вселенной может мыслить подобным образом. Как ты считаешь — я справлюсь, а Моки?

— Хочешь еще кофе? — доктор протянул руку и отправил в ее сторону кофейник.— Хороший вопрос. Своевременный. Дело в том, что ты — не самый хладнокровный человек во Вселенной. Но у тебя есть особые психологические качества, позволяющие осуществлять руководство командой космического корабля. Твое удостоверение, насколько я помню, следствие твоего странного... брака пять лет назад. Но ты тогда руководила автоматическим кораблем. А в этот раз тебе придется иметь дело с транспортниками.

— Я знаю.

— Я в основном общаюсь с таможенниками. И ты тоже в какой-то степени относишься к ним.

— Я вышла из семьи транспортников и сама была транспортником до самой блокады.

— Ладно, допустим, я скажу тебе: «Конечно, ты это можешь сделать»? Что тогда?

— Я поблагодарю тебя и завтра же улечу.

— А если я тебе скажу, что мне надо еще не меньше недели подумать над твоими психкодами, и тебе нужно будет пожить пока у меня, никуда не выходя, ничем не занимаясь, избегая всевозможных волнений?

— Поблагодарю... и улечу завтра.

Он нахмурился.

— Зачем же ты тогда отвлекаешь меня?

— Просто...— она пожала плечами.— Просто завтра у меня будет уйма дел... и я боюсь, что не успею попрощаться с тобой.

— А,— Маркус улыбнулся.

Он вдруг опять вспомнил о птице.

Ридра, худенькая, застенчивая девочка тринадцати лет, ворвалась в рабочую оранжерею с новым своим открытием под названием смех — она совсем недавно поняла, как он образуется во рту. Доктор ощущал отцовскую гордость оттого, что этот дистрофик, которого он начал опекать полгода назад, превратился в девочку, с прямыми волосами, с резкими перепадами настроения и вспышками гнева, которая заботилась о двух гвинейских поросятах по кличке Лэмп и Лэмпкин. Ветерок от вентилятора теребил траву у прозрачной стены, а солнце сияло сквозь стеклянную крышу.

— Моки, кто это? — спросила она.

Маркус в светлых шортах, запятнанных солнцем, улыбнулся ей.

— Говорящий скворец,— произнес доктор.— Он будет с тобой говорить. Скажи ему «привет».

В черных глазках сверкало по солнышку величиной не больше булавочной головки. Перья переливались, а из острого клювика высунулся тоненький язычок. Девочка наклонила голову совсем по-птичьи и сказала: «Привет».

Т'муарба полмесяца дрессировал скворца, подкармливая его свежими земляными червяками, чтобы поразить Ридру. Птица глянула, наклонив голову, и произнесла монотонно:

— Ридра, привет, прекрасный день, я рад.

Совершенно неожиданно девочка закричала.

Маркус решил было, что Ридра так смеется. Но вдруг лицо ее перекосилось, она стала хватать руками воздух, качнулась и упала. Девочка заходилась в крике. Доктор подскочил, чтобы ее поддержать, а скворец знай себе повторял, заглушая ее рыдания: «Прекрасный день, я рад».

У нее случались припадки, но этот особенно поразил его. Потом, когда он разговаривал об этом с девочкой, она лепетала, еле двигая побелевшими губами:

— Скворец меня напугал.

Через три дня злополучная птица улетела и застряла в антенной паутине, которую они с Ридрой соорудили для любительских радиоперехватов — ей нравилось слушать передачи с транспортных кораблей на гиперстатических волнах с той стороны Галактики. Крылья и лапы скворца запутались в ячейках паутины. Птица билась о горячую линию, так что вспышки были видны даже при солнечном свете.

— Мы должны ее оттуда достать! — кричала Ридра.

А потом, когда она посмотрела на скворца, то даже сквозь загар стало видно, как она побледнела.

— Сейчас я что-нибудь придумаю,— сказал Маркус.— Забудь пока о нем.

— Но ведь если он будет биться о провод, то погибнет.

Маркус отправился за стремянкой, а когда вернулся, то увидел, как Ридра карабкалась по ячейкам проволочной сетки на дерево. Через несколько секунд она уже протягивала руку к скворцу. Доктор знал, что Ридра ужасно боится горячей линии, но она собралась и выхватила птицу. Через минуту она уже стояла внизу, прижимая к груди испуганного скворца, лицо ее было белым, как мел.

— Возьми ее, Моки, пока она опять не заговорила,— прошептала Ридра непослушными губами.

И вот, тринадцать лат спустя она опять говорила, что боится, когда кто-то с ней разговаривает. Маркус замечал, как ей страшно порой, но он знал также и то, что она в состоянии смотреть в лицо своим страхам.

— Счастливо,— сказал Маркус.— Хорошо, что ты меня подняла. Если б ты не пришла, я бы не знал, что и думать.

— Благодарю тебя, Моки,— ответила Ридра.— Но мне все еще не по себе.

3

Дэниэл Д. Эйпплби, офицер таможенной службы, даже в мыслях редко называвший себя полным именем, посмотрел поверх очков в проволочной оправе на приказ и пригладил рукой коротко стриженые волосы.

— Если существует приказ, если вы этого хотите...

— Ну?

— И на нем подпись генерала Форестера.

— Значит, вам тоже нужно его подписать.

— Я должен подтвердить...

— Ну что ж, пойдемте, подтвердите на месте. Я не могу отправить вам бумагу и ждать подтверждения.

— Так это не делается...

— Делается. Пойдемте со мной.

— Мисс Уонг, я не выхожу в транспортные районы по ночам.

— Я вас приглашаю. Или вы боитесь?

— Конечно же, нет. Только...

— У меня к утру должны быть команда и корабль. Подпись генерала Форестера видите?.. Так в чем же дело?

— Ну что ж...

— Идем. Команда должна получить официальное одобрение немедленно.

Пререкаясь на ходу, Ридра и таможенник покинули здание из бронзы и стекла.

В течение шести минут они ехали по монорельсу. Затем вышли в кривую узкую улочку. Высоко в небе проносились транспортные суда. Меж складами и конторами ютились дома с меблированными комнатами. Вскоре они вышли на шумный широкий проспект, забитый толпами грузчиков и пилотов, отдыхающих после работы. Они шли мимо сияющих вывесок казино, ресторанов с кухнями разных миров, мимо кабаков и публичных домов. Таможенник ссутулился и прибавил шагу, чтобы не отстать от Ридры в этой давке.

— Где вы хотите их найти?..

— Прежде всего, мне нужен пилот,— сказала она, остановилась на углу какого-то дома и осмотрелась.

— У вас есть идеи по этому поводу?

— Есть у меня несколько кандидатур... Нам сюда.

И они повернули в узкий переулок, освещенный огнями витрин.

— Где мы? Вы хорошо знаете этот район?

Ридра рассмеялась, взяла его под руку и легко, словно в танце, развернула его лицом к металлической лестнице.

— Нам сюда?..

— Вам не знакомо это место? — спросила так кротко, что таможенник на мгновение поверил в то, будто он охраняет спутницу.

— Нет,— ответил он.

К ним навстречу, из полуподвального кабачка поднимался мужчина — чернокожий, с рубинами и изумрудами, вживленными в шею, лицо, руки и грудь. Перепонки, маслянистые на вид, также покрытые камнями, висели на руках, и при каждом движении раскачивались на гибких связках.

Ридра хлопнула его по плечу.

— Лом!

— Капитан Уонг! — у Лома оказался высокий голос, а белоснежные зубы были остры, как у акулы. Одна из перепонок раздулась парусом.— Давно не встречались!

— Скажи, Лом, Брэсс сегодня дерется?

— Вы хотите посмотреть на него? Он бьется вечером с Серебристой Змеей, это схватка на равных! А я вас искал на Денебе. Даже купил вашу книжку. Прочитать не прочитал, но купил. Жалко, что вас не нашел. Где вы пропадали полгода?

— Я была на Земле, преподавала в университете. Скоро отправлюсь опять.

— Вы думаете пилотом взять Брэсса? Наверное, вы собираетесь к Спезелли?

— Точно.

Лом черной рукой приобнял ее за плечи, перепонка обволокла ее блестящим плащом.

— Отправляйтесь лучше к Цезарю, а пилотом возьмите Лома. Он те места знает...— он прищурил глаза и кивнул,— как никто другой!..

— Если полечу, то обязательно, Лом. Но сейчас мне нужно в Спезелли.

— Ну, тогда без Брэсса вам не обойтись. Вы с ним раньше летали?

— Мы с ним вместе выпивали на одном из астероидов Лебедя, когда нас посадили на карантин. Брэсс мне много интересного рассказывал. И, чувствуется, что он за свои слова отвечает.

— Слова, слова, слова,— пробормотал Лом.— Помню, а как же... Сходите, взгляните на схватку с этим быком, узнаете, что он за пилот.

— Вот для этого мы и пришли,— подтвердила Ридра.

Потом она повернулась к Дэниэлу. Он вжался в стенку. «Господи! — подумал он.— Неужели она думает нас познакомить!» Ридра вместо этого улыбнулась насмешливо, кивнула ему и отвернулась.

— Свидимся еще, Лом, когда я вернусь.

— Да, вы все время так говорите, а потом пропадаете по полгода,— сказал он со смехом.— Но все равно вы мне нравитесь, капитан Уонг. Когда вы возьмете меня к Цезарю, я вам покажу...

— Конечно, Лом, когда я отправлюсь к Цезарю, то возьму тебя пилотом.

Хищная улыбка в ответ.

— Слова, слова... полечу, полетишь, полетим... Мне пора. Счастливо, капитан,— он поклонился и взмахнул рукой.— Капитан Уонг.— И ушел.

— Он не опасен,— сказала Ридра таможеннику.

— Но эти...— он в недоумении (как она догадалась?) подыскивал слова.— Из какого кошмара он вышел?

— С земли. Но говорят, что он появился на свет где-то на полпути между Арктуром и Центавром. Лом утверждает, что его мать была первым помощником капитана, но он любит рассказывать сказки.

— Так, весь его вид — это инженерохирургия?

— Ну да,— ответила Ридра, спускаясь по ступеням.

— Так какого же черта они вытворяют это с собой? Они же ...как папуасы! Понятно теперь, почему приличные люди не хотят с ними иметь ничего общего.

— Для них это как татуировка для моряков — привыкли... А Лом к тому же мается от скуки. Не думаю, будто он сорок лет отработал пилотом.

— Так он еще никудышный пилот? Откуда тогда все эти разговоры о туманности Цезаря?

— Конечно, он ее знает. Но ведь ему уже почти сто двадцать лет. Известно, что после восьмидесяти рефлексы затормажива-

ются, и на этом пилотская карьера заканчивается. Он болтается от одного порта до другого, знает всех на свете, сплетничает и раздает советы.

На этих словах они вошли на рампу кафе, она нависала футах в тридцати над головами посетителей, сидевших у стойки бара. Над всем этим, точно облако, висел шар сорок футов в диаметре. Ридра взглянула на него и сказала Дэниэлу:

— Еще не началось.

— Так это здесь происходят так называемые бои?

— Угу.

— Но они ведь объявлены вне закона!

— Нет, закон так и не приняли. Во время обсуждения его замяли.

— А...

Они спускались, проталкиваясь сквозь толпы транспортников, и таможенник изумленно озирался. Многие из посетителей являлись обычными людьми, но последствия инженерохирургии у них вынуждали его то и дело таращить глаза.

— Я еще никогда не бывал в таком месте! — пробормотал он.

Женщины, напоминающие рептилий, смеялись и беседовали с грифонами и сфинксами, сверкающими металлической чешуей.

— Одежду оставите здесь? — спросила с улыбкой девушка у входа. Ее оголенная кожа переливалась зелеными искрами, а крупные кудри громоздились на голове розовой ватой. Особенно ярко сверкали груди, пупок и губы.

— Ни за что,— выпалил Дэниэл.

— Снимите хотя бы рубашку и брюки,— шепнула Ридра, стягивая через голову блузку.— А не то в вас сразу заподозрят чужака.

Она нагнулась, сбросила туфли и засунула их под столик. Расстегивая пояс, она перехватила перепуганный взгляд Дэниэла, усмехнулась и опять застегнула.

Таможенник аккуратно снял пиджак, рубашку и принялся развязывать шнурки на ботинках, как вдруг кто-то схватил его за плечо.

— Попался, таможня!

Он поднял голову и увидел обнаженного человека громадного роста с мрачным лицом, испещренным оспинками. Кроме мерцающих разноцветных огоньков, вживленных в шею, грудь, бицепсы и икры, у него не было никаких украшений.

— Это вы ко мне?

— Таможня, что ты здесь забыл?

— Простите, сэр, но я вас не трогал.

— Я тебя тоже не трогал. Пойдем выпьем! У меня нынче отличное настроение.

— Спасибо, но, видите ли, я...

— У меня сегодня классное настроение. Еще... пока... Но если ты против, таможня, тогда...

— Но позвольте...— Дэниэл в поисках поддержки оглянулся на Ридру.

— Здорово, пошли со мной оба, выпьем вместе. За мной! Зачем нам ссориться, правда?! — он решил обхватить Ридру, но она успела перехватить его руку.

Он раскрыл ладонь, на которой обнаружилось множество шрамов, неизбежных во время работы со стеллларометром.

— Ты навигатор?

— Угу,— ответил он мрачно, и Ридра отпустила его руку.

— И почему же у тебя сегодня такое хорошее настроение?

Навигатор потряс головой. Его шевелюра была завязана узлом, а возле левого уха свисала черная косица.

— Потому что он нравится мне. И ты тоже.

— Хорошо. Закажи для нас выпивку, и я тоже в долгу не останусь.

Он кивнул, качнувшись всем телом. Его зеленые глаза сузились, он протянул руку и дотронулся до тяжелого золотого диска, что висел у нее на груди.

— Капитан Уонг?

Она подвердила.

— С вами лучше не ссориться,— он захохотал.— Прошу, капитан, я подарю вам с таможней маленькний кусочек счастья!

Они двинулись в сторону бара. Те напитки, которые принято подавать маленькими стопочками, здесь наливали кружками.

— Вы на кого собираетесь ставить — на Змею или на Брэсса? Если на Змею, тогда позвольте вам плюнуть в лицо... Шутка.

— Я пока не ставлю ни на кого,— ответила Ридра.— Мне нужно набрать команду. Ты хорошо знаешь Брэсса?

— Я был навигатором вместе с ним в последнем рейсе. Мы вернулись только неделю назад.

— Потому-то ты и ставишь на него?

— Не знаю, наверное.

Дэниэл почесал спину и вопрошающе посмотрел на Ридру.

— Дело в том, что во время последнего рейса Брэсс прогорел,— объяснила ему Ридра.— Теперь экипаж остался без работы. Поэтому по вечерам Брэсс выставляет себя.— Она опять обратилась к гиганту.— Много ли здесь капитанов, которые могли бы заинтересоваться Брэссом?

Навигатор хмыкнул, пожал плечами и покачал головой.

— Пока только я да... вы ведь... тоже? — сказал он и кивнул.

— Кто ты?

— Меня зовут Кэлли, я — второй навигатор.

— А где же первый и третий?

— Третий должен быть где-то здесь — пьет, наверное. А первым была чудная девушка Кэтти О'Хиггинс. Но ее больше нет,— ответил он, осушил стакан одним махом и потянулся за следующим.

— Сочувствую,— сказала Ридра.— Как же это случилось?

— Схлестнулись с захватчиками... В живых остались только Брэсс, я, третий и Глаз. Лишились и команды, и помощника. Это был неудачный рейс, капитан. Глаз теперь остался без Уха и Носа... Они уже были бесплотными лет десять и всегда держались друг друга. Мы с Роном и Кэтти еще совсем недавно тоже были в тройке. Вот такие дела...— он тяжело вздохнул.— Скверно.

— Найди своего третьего,— сказала Ридра.

— Для чего?

— Я хочу набрать полный экипаж.

Навигатор нахмурился.

— Но ведь первого у нас больше нет.

— Так что теперь хныкать все время? Пойдем в Склеп.

Кэлли усмехнулся.

— Ладно, пойдем — покажу вам третьего.

Ридра кивнула и пошла вслед за Кэлли. Таможенник потянулся за ними.

Парню, которого они нашли на сиденье у стойки, можно было дать не больше девятнадцати лет. Дэниэлу бросилось в глаза ажурное переплетение металлических полос, опутывавших все его тело. Кэлли был высоким и мощным, а этот...

— Капитан Уонг, познакомьтесь, это — Рон, лучший третий навигатор в Солнечной системе!

Это был невысокий, худой паренек с жутко выделенной мускулатурой. Его грудь была похожа на проступающие сквозь желтоватую кожу металлические пластины, а руки — на кабели. На мускулистом лице проступала каждая жилка. Его светлые лохмы свисали над сапфировыми глазами, а единственным вмешательством инженерохирургии была яркая роза, растущая из плеча. Рон улыбнулся и в знак приветствия прикоснулся рукою ко лбу.

— Слушай, капитан Уонг набирает экипаж,— сказал Кэлли.

Рон развернулся на табурете и поднял голову, его мускулы перекатывались, точно змеи.

Таможенник заметил, как Ридра широко распахнула глаза, но не понимая ее реакции, не придал этому значения.

— Сожалею, но мы остались без первого,— ответил Рон, вежливо улыбнулся и опять погас.

— Я собираюсь найти для вас первого.

Навигаторы переглянулись.

Кэлли повернулся к Ридре и потер переносицу.

— Вам известно, что таких троек, как наша...

Ридра похлопала его по руке:

— Я понимаю, что вам хотелось бы такую же тройку. Думаю, вы мой выбор одобрите.

— Это не так-то просто...

— Почти невозможно. Но у вас нет другого шанса. Пока я лишь предлагаю. Ну, что вы на это скажете?

Теперь Кэлли потер лоб:

— Нам больше ничего не остается...

Рон поставил ногу на подставку, обхватил колено и взглянул через плечо.

— Скажем так — вы предложите, а мы посмотрим.

— Отлично,— кивнула Ридра.

— Понимаете, тройка это еще не все, что нас связывает,— Кэлли положил руку Рону на плечо.

— Но ведь...

Ридра глянула вверх:

— Пора идти смотреть на бои.

У стойки все, как один, задрали головы. Люди за столиками запрокинули спинки. Кэлли грохнул о стойку своей кружкой, Рон встал коленями на табурет и облокотился на стойку.

В шаре из дыма, висевшем под сводами, вспыхнул свет, а в зале, наоборот, начало темнеть. После этого дым начал рассеиваться, и стало видно внутреннее пространство шара.

— Куда все так смотрят? — спросил Дэниэл.— Что они...

Ридра пощекотала ему шею, он засмеялся, запрокинул голову, да так и остался, затаив дыхание.

Шар под сводом наполнился радужным светом, а зал погрузился в полумрак. Мощный прожектор высветил прозрачную поверхность сферы, и отблески отразились на замерших лицах внизу.

— Что это? — спросил Дэниэл.— Они здесь и будут драться?..

Ридра ладошкой закрыла ему рот, и он замолчал.

И тут появилась Серебристая Змея с развевающимися в дыму крыльями, серебряными лезвиями в виде перьев. На ее толстых ляжках играла и переливалась чешуя, она витала в антигравитационном поле, изумрудные губы кривились в усмешке, а под серебристыми веками сияли зеленым светом глаза.

— Так ведь это же женщина! — выдохнул Дэниэл.

В знак одобрения по залу пронесся стук пальцев.

В шаре вновь заклубился дым...

— А вот и наш Брэсс! — закричал Кэлли.

Брэсс ощерился и тряхнул головой, на желтоватых клыках блестела слюна, на плечах и руках буграми ходили мускулы, а из золотистых мохнатых лап выступали острые медные когти. Его живот опоясывали извивающиеся ленты, шершавый хвост молотил по стенкам шара, а грива, струящаяся, как водопад, была подстрижена так, чтобы противник не мог за нее ухватиться.

Кэлли схватил Дэниэла за плечо.

— Давай, парень, стучи пальцами! Ведь это же наш Брэсс!

Таможенник с непривычки переусердствовал так, что чуть не повредил руку.

В шаре возникло красное сияние. Два пилота лицом к лицу кружились внутри. Голоса смолкли. Дэниэл посматривал на соседей. Все смотрели наверх. Юноша с розой на плече скорчился на сиденье в позе зародыша. Ридра поглядывала на него, задерживая взгляд на напряженных руках и стиснутых челюстях третьего навигатора.

Соперники в шаре все кружили, совершая ложные выпады. Вдруг Змея сделала одно неуловимое движение, и Брэсс отлетел, затем оттолкнулся от стенки...

Дэниэл ухватился за что-то.

Противники налетели друг на друга, сцепились и врезались в поверхность шара. Зрители засвистели. Руки и ноги бойцов переплелись. Но вот Брэсс вывернулся и взлетел в верхнюю часть арены. Он тряхнул головой и выпрямился. Внизу, извиваясь и судорожно взмахивая крыльями, его поджидала Змея. Брэсс ринулся вниз и нанес ей удар ногой. Она увернулась, крутанувшись. Клыки клацнули, но она промахнулась.

— Что происходит? — пробормотал таможенник.— Как определить, кто из них выигрывает?

Дэниэл взглянул вниз, оказывается, то, за что он ухватился, было плечом Кэлли.

— Нужно отбросить соперника к стенке, а самому коснуться противоположной поверхности одной рукой или одной ногой,— объяснил Кэлли, не глядя на него,— тогда получаешь одно очко.

Серебристая Змея взвилась, точно пружина, а Брэсс отлетел и врезался в стенку. Но Змея вдруг оступилась и, взмахнув лапой, потеряла равновесие, так что вторая лапа тоже задела за стену.

По залу пронесся вздох разочарования. Брэсс быстро пришел в себя, подпрыгнул, швырнул Змею, но и сам не удержался и, отлетев в сторону, упал на колени.

Схватка в центре шара возобновилась с новой силой. Змея рычала и извивалась, гремя чешуей, а Брэсс холодно следил за ней — глаза, точно медные монеты. Он то быстро отклонялся назад, то подавался вперед...

Змея стремительно пронеслась возле его плеча и врезалась в стену. Брэсс легко уклонился и удержался на одной ноге.

В шаре вспыхнуло зеленое сияние, и Кэлли стукнул по стойке.

— Ты видел, как он вмазал этой сверкающей стерве!

В этот момент бойцы опять столкнулись, но после удушающего захвата разлетелись в разные стороны.

Каждый теперь имел по два очка — ничья. В конце концов, Серебристая Змея добилась преимуществ и смогла отбросить

Брэсса к стенке, удержавшись на кончике хвоста. Публика взревела.

— Это не по правилам! — заголосил Кэлли, толкая Дэниэла.— Чертова кукла, так не честно!

Но в шаре опять вспыхнул зеленый свет. Змея получила еще один балл.

Противники осторожно парили в самом центре шара. Змея два раза совершала ложные выпады, но Брэсс не реагировал.

— Смотри, что она делает? — вопил Кэлли.— Она же его измотает. Деритесь давайте!

Словно услышав его слова, Брэсс подпрыгнул и сосредоточился на ударе плечом. Он чуть было не получил еще одно очко, но Змея блокировала его, и Брэсс ушел в сторону, врезавшись в прозрачную поверхность.

— Она нарушает правила! — закричал Дэниэл, не удержавшись, и опять схватился за Кэлли.— Что же это такое? Куда смотрит...— он вдруг примолк, потому что Брэсс схватил Змею и легонько двинул ей в промежность. Она отлетела к стенке, а Брэсс парил на одной ноге в центре шара.

— Знай наших! — заорал Кэлли.— Два очка из трех!

В шаре вспыхнул зеленый свет. Тишина взорвалась громом аплодисментов.

— Выиграл? — закричал, ерзая, Дэниэл.— Брэсс выиграл?

— А то! Разумеется, выиграл! Пойдемте, поздравим его. Пошли, капитан!

Ридра уже продиралась сквозь толпу. Вслед за ней двинулся Рон, а Кэлли тащил за собой неповоротливого таможенника. Они по лестнице пробрались в комнату, где мужчины и женщины столпились вокруг сидевшего на диване Грифа — огромной птицы с яркой окраской золотого и багрового цвета. Через минуту ему предстояло сражаться со Смольным, одиноко наблюдавшим за всеми из угла. Выход на арену открылся, и оттуда вышел блестящий от пота Брэсс.

— Привет! — окликнул его Кэлли.— Все было классно, старина! Слушай, тут один капитан желает с тобой потолковать.

Брэсс встрепенулся, встал на четвереньки, и приглушенное рычание вырвалось из его глотки. Он потряс гривой, и золотистые глаза изумленно раскрылись.

— Каф'итан Уонг! — его рот из-за вживленных клыков не справлялся с губными согласными.— Я ф'онравился вам сегодня?

— Все было замечательно, я приглашаю тебя пилотом до Спезелли,— Ридра почесала его за ухом.— Как-то раз ты обещал мне показать все свое мастерство.

— Я ф'омню,— сказал Брэсс.— Но мне кажется, что это — только сон. Он сбросил шкуру и принялся вытирать полотенцем шею и руки. Брэсс поймал изумленный взгляд Дэниэла и, про-

должая вытираться, пояснил: «Это всего лишь инженерохирургия».

— Предъяви ему свой психкод, чтобы он тебя утвердил,— произнесла Ридра.

— Так, мы отф'равляемся завтра, каф'итан?

— Прямо с утра.

Брэсс вытащил из-за пояса тонкий металлический диск.

— На, таможенник.

Дэниэл начал пристально вглядываться в знаки, но затем решил, что произведет сложные вычисления потом. Опыт подсказывал ему, что Брэсс действительно хороший пилот.

— Мисс Уонг, ой, извините, кафитан Уонг, а как у этих ребят с карточками? — он показал на Кэлли и Рона.

Рон повернулся и почесал под лопаткой.

— Не переживай, все нормально, вот только первого навигатора не хватает.

Юное лицо стало более привлекательным из-за воинственного настроения.

— Мы проверим их чуть позже,— ответила Ридра.— Сначала наберем команду.

— Вам нужен ф'олный состав? — спросил Брэсс.

— Да,— сказала Ридра.— Если я не ошибаюсь, с вами вернулся Глаз?

Брэсс покачал головой.

— Он ф'отерял свое Ухо и Нос. Это в'ыла отличная тройка, кафитан. Глаз часов шесть пров'ыл за в'ортом, ф'ока мы не отф'равили его ов'ратно в Склеф'.

— Ясно... Кого ты мне можешь порекомендовать?

— Конкретно никого. Нужно ф'росто заглянуть в сектор Бесф'лотных и ф'осмотреть, кого там сейчас можно выцепить.

— Если команда нужна вам к утру, то лучше начинать побыстрее,— сказал Кэлли.

— Ну что же, пошли! — сказала Ридра.

— Сектор Бесплотных?..— тихо переспросил Дэниэл, когда все направились к лестнице.

— Что вас так удивляет? — спросила Ридра.

— Вообще-то... мне эта идея не по душе.

Ридра рассмеялась.

— Ты боишься покойников? Уверяю вас, они никого не обидят!

— Насколько мне известно, существам, обладающим телом, запрещено находиться в Секторе Бесплотных.

— Только в некоторых его отделах,— уточнила Ридра, и все расхохотались.— Мы не пойдем туда без особой надобности.

— Желаете получить обратно свою одежду? — спросила у входа девушка.

Люди останавливались, чтобы поздравить Брэсса с победой, хлопнуть его по спине, двинуть кулаком по плечу. Он накинул шкуру. Она окутала его плечи и шею, обвернулась вокруг бедер и рук. Брэсс помахал на прощанье рукой и стал подниматься по ступеням.

— Вам действительно удается оценить пилота по его действиям на арене? — спросил Дэниэл Ридру.

— В полете от нервной системы пилота зависит работа аппаратуры и маневренность корабля. Ведь движение в гиперстатическом поле — это постоянная борьба пилота со статическими завихрениями. У него должны быть четкие рефлексы, чтобы он владел кораблем, как своим телом. Опытный транспортник может точно определить, как пилот будет вести себя в гиперстатическом потоке.

— Я и раньше слышал об этом, но сам встречаюсь с такой процедурой в первый раз. Это... впечатляет.

— Конечно,— подтвердила Ридра.

К тому времени, когда они поднялись, шар осветился снова, а Смольный и Гриф кружили внутри.

Выйдя на тротуар, Брэсс опять встал на четвереньки.

— Как насчет фомощника и отряда? — спросил он у Ридры.

— Мне нужен отряд, который участвовал бы до этого в одном-единственном полете.

— Таких неопытных?

— Я буду их натаскивать по-своему. Опытных уже сложно переучить.

— С отрядом, который выл только в одном фолете, может выть масса хлофот. Они ж ничего не умеют. Я еще никогда с такими не летал.

— Главное, чтобы они не оказались полными бездарями. Я уверена, что получу такой отряд уже к утру, если вышлю свой запрос в Центр.

Брэсс кивнул.

— Значит, будете посылать запрос?

— Но сначала надо проверить их с вами вместе — вдруг, у вас возникнут какие-нибудь вопросы.

Когда они проходили мимо фонарного столба с автоматом, Ридра поднырнула в пластиковую кабинку и набрала номер. Через минуту она уже разговаривала.

— Отряд для вылета к Спезелли мне нужен к утру... Я понимаю, что времени мало, но я и не прошу бывалый отряд. Только один полет...— она вынырнула из кабинки и подмигнула остальным.— Замечательно, я перезвоню потом, чтобы получить их психкоды для таможенной проверки... Да, таможенник со мной. Благодарю.

Ридра вышла из кабинки.

— В сектор Бесплотных лучше идти вон там.

Улицы становились все уже и извилистее. Они пересекались друг с другом и совсем обезлюдели. Вокруг остался только асфальт и маленькие металлические столбики, опутанные разноцветными проводами. Время от времени темноту разрезали потоки голубого света.

— Так это и есть?..— начал было Дэниэл и примолк.

Чем дальше, тем медленнее они шли. Во тьме между столбиками появлялись красные сполохи.

— Это что?..

— Передачи. Они здесь всю ночь идут,— объяснил эму Кэлли.

Слева загорелись зеленые огни.

— Какие передачи?

— Моментальный обмен энергией во время освобождения от тела,— стал объяснять второй навигатор.

— Что-то я...

Они проходили между светящимися столбами. Мерцающие струи пламени постепенно превращались в фигуры. Женщины с прозрачными телами равнодушно взирали на них.

Дэниэл вздрогнул, заметив, что сквозь животы призраков просвечивала кирпичная стена.

— Что такое? — шептал он.— Стоит только отвернуться, и не можешь вспомнить, как выглядят их лица. Пока глядишь на них, они так похожи на людей, но только отводишь глаза и...— он поежился, проходя мимо призрака.— Никак не вспомнить! — Он остановился.— Мертвецы? — Он вздрогнул.

— Знаете, я уже лет десять проверяю психкоды, как обычных транспортников, так и бестелесных. Но с бесплотными я так близко сталкиваюсь впервые. Да, иногда я видел их странные изображения или на улице проходил мимо них. Но здесь...

— Многие дела на транспортных кораблях невозможно возложить на живых людей,— голос Кэлли отяжелел от выпитого так же, как его тело — от мышц.

— Это я знаю,— ответил Дэниэл.— Потому-то вы и берете с собой мертвецов.

— Правильно,— подтвердил Кэлли.— Например, Глаз, Ухо и Нос. Если живой человек окунется в гиперстатический поток, то сойдет с ума, а если пробудет подольше, погибнет.

— Теорию я знаю не хуже вас,— раздраженно ответил Дэниэл.

Вдруг Кэлли схватил его за шиворот и одним движением поставил его перед своим изрытым оспой лицом.

— Ничего ты, таможня, не знаешь! — в его голосе опять появилась хрипотца, как и тогда в кабаке.— Ты сидишь в безопасном гравитационном поле Земли, точно в клетке, а Земля дер-

жится за Солнце, а Солнце точно по графику движется к Веге. И все так давно и надежно устроено в этом ответвлении галактики,— он указал рукой на Млечный Путь, который еле угадывался над ночным городом.— Но ты никогда не был свободен! — выпалил Кэлли и оттолкнул покрасневшего Дэниэла.— Ну, и что ты мне можешь на это ответить?!

На этих словах второй навигатор ухватился за толстый трос, спускающийся откуда-то сверху. Раздался звон. Таможенник почувствовал, будто низкий звук застрял в его горле, и во рту появился отвратительный металлический привкус. Он хотел было сплюнуть, но увидел суровый взгляд медных Ридриных глаз и передумал.

— Он состоял в тройке,— проговорила она приглушенно и сухо, а ее глаза сверлили таможенника насквозь.— Он находился в тесных психологических и сексуальных контактах с остальными двумя. И вот один из них погиб.

Дэниэл не понял ее скорби.

— Вот извращенцы! — произнес он.

Рон вскинул голову и чуть не задохнулся от возмущения и боли.

— На транспортных кораблях приходиться делать такие вещи, с которыми вдвоем не справиться,— повторил он слова Кэлли,— это слишком сложно.

— Да, я знаю,— сказал Дэниэл.

«Ну вот, обидел парня»,— подумал он и решил как-нибудь исправить положение.

— Вы что-то хотите сказать? — спросила Ридра.

Он поразился, как она угадала его намерение, и повернулся к Кэлли и Рону.

— Извините.

Лицо Кэлли расслабилось, и он улыбнулся.

— Ладно, я тоже вспылил.

— Отсюда до Центра ф'ередачи в середине энергетической зоны осталось около четверти мили. Там для ф'олета на Сф'езелли мы найдем Глаза, Ухо и Носа,— Брэсс усмехнулся сквозь свой оскал.— Таможенник, это еще одна из ваших заф'ретных зон. Там так много фантомов, что не все живые могут выдержать это. Только нормальные рев'ята ф'ереносят это сф'окойно.

— Если это противозаконно, то я подожду пока здесь,— ответил Дэниэл.— Захватите меня, когда пойдете обратно, и я посмотрю их коды.

Ридра согласилась. Кэлли одной рукой обхватил десятифутового Брэсса, а другой — третьего навигатора.

— Пойдемте быстрее, капитан, если вы к утру хотите набрать команду.

— Если в течение часа нам не удастся найти то, что нужно, мы вернемся сюда,— сказала Ридра.

Дэниэл видел, как они скрылись за светящимися столбиками.

4

...Этот образ, напоминающий берег, размытый прозрачной талой водой, эти светящиеся глаза, эта журчащая речь.

— Офицер, мадам. Офицер Таможенной Службы,— прошептал он точно во сне.

На ее лице отразилось удивление, потом гнев, а затем предвкушение забавы.

— Я служу уже десять лет,— пояснил он.— Как давно вы стали развоплощенной?

Она подступила к Дэниэлу. Запах ее волос, ее чистый прозрачный образ будили какие-то смутные воспоминания. Каждое ее слово наполняло его радостью.

— Для меня все это так необычно, но, наверное, то, что случилось с вами, это — какое-то недоразумение?

И снова ее ответ — игривый и льстивый одновременно.

— Видимо, да,— он улыбнулся.— Для вас, наверное, это совсем не так.

Они соприкоснулись непринужденно — то ли она сама, шутя, взяла его руку, то ли Дэниэл дотронулся до нее, ощутив ее приятную шелковистую кожу.

— Знаете, я не такой современный, как вы, и не привык, когда молодые женщины приходят и поступают... вот так.

Но ее очаровывающая логика все объяснила, и он чувствовал, что все ближе, и ближе, и... даже насмешки превращались в ее устах в музыку.

— Конечно, вы развоплощены, но какое это имеет значение, и...

Она остановила его прикосновением, или словом, или поцелуем, и ему передалось ее удивление, и трепет, и волнение. Он так хотел сохранить в памяти ее образ, голос или жесты. Ведь она ушла! Ее смех слышался где-то вдали... Дэниэл все стоял и слушал ее голос, затихающий в пучине его смятенного сознания...

5

— Все в ф'орядке! — услышал он голос Брэсса.— Нашли всех!

— Команда явится сама,— объяснил Кэлли.

Ридра вручила ему три диска.

— Часа через два они должны быть на корабле. Что такое?

Дэниэл Д. Эйпплби рассеянно взял пластины.

— Мы... с ней,— вот и все, что он мог вымолвить.

— С кем? — спросила Ридра.

Краснея и запинаясь, таможенник приглушенным голосом поведал о свидании с призраком.

Кэлли захохотал.

— Это ж суккуб! Пока нас не было, он успел познакомиться с суккубом!

— М-да...— вот и все, что мог на это сказать Брэсс.— Вы только взгляните на него!

Тут и Рон присоединился к общему веселью.

— Такая женщина... кажется, так... Но я не помню, о чем она говорила...

— Сколько она у вас вытащила? — спросил его Брэсс.

— Что?..

— Да, он, видно, не знает,— произнес Рон.

Кэлли переглянулся с третьим навигатором, а затем повернулся к Дэниэлу.

— Достаньте свой бумажник.

— Зачем?

— Чтоб проверить его.

Все еще недоумевая, таможенник засунул руку в карман, достал портмоне и раскрыл его.

— Пятнадцать... двадцать... Стоп, у меня ведь должно было оставаться пятьдесят после посещения кафе!

Кэлли взорвался оглушительным хохотом. Он обхватил Дэниэла за плечи и прижал его к груди.

— После всего, что случилось с вами за последнее время, вы скоро станете заправским транспортником!

— Да, но она... и я...

Пустой бумажник был так же реален, как и любовное разочарование. Пустой бумажник — как это пошло. У Дэниэла выступили слезы на глазах.

— Но она ведь была...— ком в горле не давал ему договорить.

— Кем? Кем она была, дружище? — спросил Кэлли.

— Она... да... была...— вымолвил таможенник грустно.

— С развоф'лощенными держи ухо востро,— сказал Брэсс.— Никогда не знаешь, чего от них ждать. Вы не поверите, если я расскажу, сколько раз сам попадался на их уловки.

— Она вам оставила ровно столько, чтобы вы смогли добраться до дома,— произнесла Ридра.— Потерю я вам возмещу.

— Нет...

— Пойдемте, капитан. Таможня решил сам заплатить за все. Он полагает, что это стоит того,— сказал Кэлли.— Я правильно понял, таможня?

Тот кивнул в замешательстве.

— Ну, тогда проверьте все эти коды,— сказала Ридра.— Теперь нам нужно найти только помощника и первого навигатора.

Из ближайшего автомата Ридра вновь позвонила в Центр. Ей сообщили, что отряд уже подобран. К тому же их приглашали взглянуть на помощника.

— Замечательно,— проговорила Ридра и позвала к автомату таможенника. Ему продиктовали психкоды, и он сопоставил их с дисками Глаза, Уха и Носа. Помощник оказался вполне подходящим.

— Видимо, его подбирал опытный диспетчер,— подытожил Дэниэл.

— Ф'омощник слишком хорошим в'ыть не может ф'о оф'ределению. Осов'енно с новым взводом,— Брэсс встряхнул своей гривой.— Ему ведь ф'ридется держать этих ов'олтусов в руках.

— С этим все в полном порядке,— ответил Дэниэл.— Давно я не встречал такой высокой степени совместимости психкодов.

— Это еще что за бред? — спросил Кэлли.— Совместимость какая-то! Сможет ли он дать им хорошего пинка под зад, если понадобится?

Таможенник пожал плечами.

— Как вы думаете, если в нем двести семьдесят фунтов веса, а рост — только лишь пять и девять? Неужто вы думаете, что такой бык потерпит слюнтяев на борту корабля?

— Это — другое дело! — рассмеялся Кэлли.

— Как мы в'удем заф'олнять в'ешь? — спросил Брэсс у Ридры.

Она удивленно воззрилась на него.

— Я имею в виду ф'ервого навигатора,— пояснил он.

— Мы пойдем в Склеп.

Рон посмотрел угрюмо, а Кэлли — удивленно. Разноцветные огоньки пробежали по плечам, а затем переместились на грудь.

— Понимаете, первым навигатором должна быть девушка, которая будет...

— Будет, будет,— подтвердила Ридра.

Они вышли из сектора Бесплотных и направились по монорельсу через Транспортную слободу вдоль космодрома. Темноту за окнами прорезали синие сигнальные огни. Столбы ослепительного пламени поднимали корабли, которые, издавая громоподобный грохот, превращались через секунду в кровавую звездочку, тающую в ночных небесах.

Еще минут двадцать они продолжали шутить. Стартовые всполохи освещали зеленоватыми отблесками их лица. Только Дэниэл молча сидел рядом с ними, наблюдая за всем, безучастный ко всему, пытающийся вспомнить ее лицо, речи, фигуру. Но образ ее опять ускользал, оставляя вакуум после себя.

Они вышли на открытый перрон станции Туле, с востока дул, разгоняя облака, теплый ветерок. Показалась луна. Гравий и гранитная крошка серебрились в ее лучах. Красное городское марево осталось позади. Перед ними в ночи возвышался черный Склеп.

Они сошли по ступеням и вошли в мертвый каменный парк. В темноте сочетание воды и камня смотрелось неправдоподобно. Вокруг не было ни травинки.

Во мраке еле угадывалась массивная неосвещенная дверь.

— Как же нам войти? — спросил Дэниэл, когда они к ней подошли.

Ридра сняла капитанский жетон с шеи и приложила его к углублению возле двери. Вслед за этим раздался гул, вспыхнул свет, и дверь отворилась. Ридра первой шагнула вперед, а за ней — все остальные.

Кэлли поднял голову и осмотрел металлический свод.

— Боже мой! — воскликнул он.— Транспортничьего мяса здесь заморожено столько, что его хватило бы для исследования сотни звездных систем со всеми их планетами!

— Таможенников здесь тоже хватает,— добавил Дэниэл.

— Кто будет звать таможенника, если он решил передохнуть? — спросил Рон удивленно.

— И, главное, для чего,— заметил Кэлли.

— И все-таки, такое тоже случается,— ответил Дэниэл сухо.

— Но намного реже, чем с транспортниками,— произнесла Ридра.— Ведь дело таможенника — это наука, а работа транспортника, маневрирующего на разных уровнях гиперстатического поля,— это искусство. Может быть, лет через сто и она превратится в науку, и это будет замечательно. Но пока люди, проникшие в тайны этого искусства, встречаются куда реже тех, кто проштудировал научные законы. Большую роль здесь играют также традиции. Транспортники привыкли работать с мертвыми или оживленными. А таможенникам это трудно представить... Итак, здесь у нас самоубийцы.

Они прошли через просторный вестибюль и отправились по коридору на склад. Затем они поднялись на платформу в тускло освещенном зале. Его стены уходили вверх ярдов на сто. Там стояли гробы из прозрачного пластика. Сквозь изморозь просвечивали темные фигуры.

— Никак не могу разобраться в процессе возвращения,— прошептал Дэниэл благоговейно.— Все ли могут после смерти соединиться со своим телом опять? Пожалуй, вы правы, капитан Уонг, таможеннику непривычно рассуждать об этих... вещах.

— Каждый самоубийца, который уходит из жизни через специальные каналы Склепа, может быть оживлен опять. Но Склеп не может восстановить тело из-за нечаянной гибели или смерти

от старости в сто пятьдесят лет, в этих случаях смерть становится окончательной. Но, если вы проходите по специальным каналам, все равно сохраняется запись импульсов вашего мозга, и ваши мыслительные процессы могут быть включены, если потребуется. Хотя самого сознания уже не будет.

Неподалеку, точно огромный кристалл розового кварца, сверкал гранями двенадцатифутовый регистратор.

— Рон, Кэлли,— позвала Ридра.

Навигаторы подошли и застыли на месте.

— Вам, наверное, известно о каком-нибудь первом навигаторе, который умер совсем недавно, и вы считаете, будто мы сможем...

— Нет,— ответила Ридра.

Она провела рукой по одной из блестящих граней регистратора. У основания на вогнутом экране побежали слова. Она остановила их пальцем: «Второй навигатор». Так... Движение ладони. Ага. «Первый навигатор». Ридра немного подождала, и ее рука начала быстро двигаться в разных направлениях.

— Мужчина, мужчина, мужчина, женщина... Кэлли, Рон, говорите.

— А? О чем?

— О себе, о том, что вам нужно.

Ридра смотрела куда-то в пространство между экраном, мужчиной и юношей, что стояли рядом.

— Ну...— Кэлли почесал в затылке.

— Чтоб симпатичная была,— сказал Рон.— Хочу хорошенькую.

Он качнулся вперед, его голубые глаза загорелись.

— Да, но как найти красивую, пухленькую девушку ирландских кровей с темными волосами и изумрудными глазами, у которой веснушки появляются через четыре дня после начала полета...— выпалил Кэлли.— И чтобы она говорила так, что начинает кружиться голова, даже если она просто отдает компьютеру команду... а когда она кладет твою голову к себе на колени и говорит о том, как ей ты нужен...

— Кэлли, прекрати! — прикрикнул Рон.

Великан-навигатор замолчал и стиснул кулаки, отрывисто дыша.

Но Ридра все ждала, медленно, проводя ладонью по грани кристалла. Внутри, на экране, появлялись и исчезали имена.

— Пусть будет симпатичной,— повторил Рон.— Пусть любит спорт... Кэтти была не очень-то спортивной... Я часто ловил себя на мысли, что лучше бы она была спортсменкой. Мне проще находить общий язык с людьми, которые любят бои. Как все не просто... И чтобы у нее была молниеносная реакция, как у Кэтти. Но...

— Но... но... но...— говорил Кэлли, опустив руки.— Но это будет другой человек, совсем другой, и она не будет похожа на ту, которую мы... Как она нам заменит...

— Пусть она будет неплохим навигатором и души в нас не чает,— сказал Рон.

— А вы ее полюбите, если она будет такой, как вы желаете,— спросила Ридра. Ее рука колебалась меж двумя строчками на экране.

Навигаторы кивнули: Кэлли — медленно, Рон — решительно. На экране вспыхнуло имя: «Молли Туа, первый навигатор» и ее регистрационный номер. Ридра набрала его на клавиатуре.

Где-то на высоте семидесяти пяти футов что-то сверкнуло, и один из сотен тысяч пластиковых гробов выехал из стены по индукционному лучу.

Механизм возврата поднялся, принял груз и опустился. Гроб накренился. Смотрелся он мрачно — весь в морозных узорах на внутренней поверхности пластика. Гроб на секунду покачнулся, что-то щелкнуло, и он закрепился.

Пластик сразу покрылся изморозью, а внутренняя сторона затуманилась, покрывшись капельками влаги. Все подошли поближе, чтобы взглянуть.

На темном фоне — темное пятно. Под сверкающим пластиком что-то шелохнулось, потом лед растворился и растаял от темного, теплого тела и дыхания, от испуганного взгляда.

— Все хорошо,— произнес Кэлли, дотронувшись до ее плеча. Она приподняла голову, посмотрела на руку и опять опустилась обратно. Рон напирал на второго навигатора.

— Привет!

— Э-э-э... мисс Туа? — начал Кэлли.— Вы живы опять. Вы нас полюбите?

— Нинги ни нэни? — она была явно удивлена.— Нико уапи хопа?

Рон удивленно оглянулся на Ридру.

— Она что, не говорит по-английски?

— Да, не говорит,— улыбнулась Ридра.— Но во всем остальном она — само совершенство. Так что у вас есть время узнать друг друга получше, пока вы не успели наговорить друг другу глупостей... К тому же она любит бои.

Рон взглянул на девушку. Ее иссиня-черные волосы были подстрижены по мальчишески, и полные губы посинели от мороза.

— Ты любишь бои?

— Нинги ни нэни? — спросила она опять.

Кэлли убрал руку с плеча девушки и отступил на шаг назад. Рон поскреб затылок и насупился.

— Что скажете? — спросила Ридра.

Кэлли пожал плечами.

— Я даже не знаю, что и сказать.

— Навигационная аппаратура давно везде стандартизирована. Так что в этом смысле никаких затруднений быть не должно.

— Но она славная,— проговорил Рон.— Ты симпатичная. Не пугайся. Ты опять живешь.

— Нинаогапа! — девушка схватила Кэлли за руку.— Ги, ни усику ау мкана? — ее глаза испуганно раскрылись.

— Не бойся, пожалуйста,— Рон притронулся к ее запястью.

— Силеуи лугха йену,— она качнула головой, выражая недоумение.— Сикугивени нинги нэни. Нинаогама.

Рон и Кэлли удрученно покачали головами.

Затем к ней подошла Ридра и заговорила. После непродолжительного молчания, девушка что-то ответила.

— Она согласна пойти с вами. Захватчики убили две трети ее тройки семь лет назад, поэтому она и отправилась в Склеп, чтобы себя умертвить. Она говорит, что согласна с вами пойти. Вы берете ее?

— Как она испугана,— проговорил Рон.— Не пугайся, не надо. Мы тебя не обидим.

— Если она согласна с нами пойти, то мы возьмем ее,— сказал Кэлли.

Дэниэл кашлянул.

— Извините, как бы мне получить ее психкод?

— На экране справа.

Таможенник повернулся к кристаллу.

— Так,— он достал блокнот и стал переписывать значки.— Теперь у меня есть информация о каждом в отдельности.

— Подведите итог,— сказала Ридра.

Дэниэл произвел какие-то расчеты и удивленно оглянулся.

— Пожалуй, команда набрана, капитан Уонг!..

6

«Здравствуй, Моки!

Ты получишь это письмо, когда мы уже два часа будем в полете. До рассвета еще полчаса, мне так хочется поговорить с тобой, но разбудить тебя еще раз я не рискну.

Ностальгические чувства охватили меня, как только я поднялась на борт старинного корабля Фобосского порта. Он называется „Рембо" (намек на «Пьяный корабль» Артюра Рембо — помнишь идею Мюэлза?). Это название навевает приятные воспоминания. Мы отправляемся через четверть часа.

Я сижу посреди грузового отсека в шезлонге и смотрю на стартовый плацдарм. Там и сям возвышаются черные шпили

кораблей. Далеко на восток тянутся цепочки голубых сигнальных огней и силовых мезонных линий. Пока все спокойно. Сумасшедшая ночь во время набора команды провела меня сквозь весь транспортный район, через Склеп, на метро и монорельсе, и дальше... Она начиналась так бурно и шумно, и так тихо заканчивается теперь.

Чтоб заполучить стоящего пилота, нужно испытать его на ринге. Бывалый капитан может точно оценить его рефлексы, наблюдая за его действиями в бою. Но я-то не настолько опытна.

Во время нашей последней встречи ты говорил о расшифровке мышечных реакций. Может, ты был и прав. Сегодня ночью я встретила юношу, навигатора, который выглядит так, словно он — дипломная работа Брэнкуши. Я думаю, Микеланджело мечтал, чтобы человеческое тело выглядело именно так. Этот парень родился на Транспорте, он отлично разбирается в боях — я поняла это по тому, как он реагировал на действия моего пилота на ринге. Я по его реакции получала полное представление о том, как идет бой.

Вспомни теорию Де Фора о соответствии психкодов с мускульными реакциями (как дополнение к старой теории Вильгельма Райха о мышечных движениях). Я о ней размышляла прошлой ночью. Этот юный навигатор входил раньше в тройку, состоявшую из двух мужчин и одной женщины, которая погибла во время столкновения с захватчиками. Эти два мужика чуть не вывели меня из себя, я еле сдержалась. Мне пришлось взять их с собой в Склеп, где я нашла замену их женщине. Свершилось чудо. Я думаю, что они до конца жизни будут считать это волшебством. Главные параметры были заложены в картотеке — женщина, первый навигатор, лишившаяся двух мужчин. Но как совместить их психкоды? Я прикинула значение кодов Рона и Кэлли на глазок, наблюдая за их речью и поведением. Сведения о мертвецах расположены в регистраторе по психкодам, так что мне оставалось лишь выбрать что-нибудь наиболее подходящее. И тут я вдруг догадалась, как это можно сделать. В списке оказалось шесть юных женщин, которые подходили по всем параметрам. Но как угадать, какая из них подойдет лучше? Я выбрала молодую женщину из провинции Нгода в Панамерике. Она свела счеты с жизнью семь лет назад, потеряв обоих друзей во время нападения захватчиков и вернувшись на Землю в самый разгар блокады. Помните, какие тогда были взаимоотношения между Панамерикой и Американзией? Я была убеждена, что по-английски она не знает ни слова. Когда мы оживили ее, мое предположение подтвердилось. Дело в том, что их психкоды все-таки могли слегка не совпадать. Но за время, которое им понадобится для того, чтобы

научиться понимать друг друга, индекс совместимости выровняется. Хорошо я придумала?

Но главное, что подвигло меня на это письмо — Вавилон-17. Я тебе говорила, что разобралась в нем настолько, что могу понять, где нужно ждать следующей диверсии. Так вот, теперь на очереди — Объединенный Воинский Двор в Арджидже. Я решила сообщить тебе на всякий случай, куда я отправилась. Одна только мысль не дает мне покоя — какой разум может использовать этот язык? Для чего? Я испугана, точно ребенок, но эта тайна увлекает меня. Мой отряд прибыл час назад. Славные юные ребята. Вот-вот должна состояться встреча с помощником (этакий толстячок, темноволосый и кареглазый, шевелится медленно, но соображает быстро). Знаешь, Моки, во время набора этой команды помимо профессиональных качеств меня заботило только одно — чтобы я могла разговаривать с ними, и они меня бы понимали. Я надеюсь, что все так и будет. Целую. Ридра».

7

Рассеянный свет, без теней. Генерал стоял на аэродиске и смотрел на массивный черный корпус корабля, возвышающийся на фоне бледного неба. Он сошел с трапа и на лифте поднялся к шлюзу, расположенному на высоте сто футов. В капитанской каюте ее не оказалось. В коридоре он столкнулся с полным бородатым мужчиной, который направил его в грузовой отсек. Генерал взобрался по лестнице и попытался успокоить дыхание.

Она сидела на брезентовом шезлонге, подобрав ноги, и улыбалась.

— О, мистер Форестер, я так и знала, что сегодня утром мы встретимся!

Свернув листок писчей бумаги, она запечатала его по краям.

— Я захотел увидеть вас... перед отлетом,— сказал он, еле переводя дыхание.

— Мне тоже надо было встретиться с вами.

— Вы говорили, что когда я дам вам разрешение на эту экспедицию, вы расскажете, как вам...

— Вы все найдете в моем отчете. Я уже отправила его, и сейчас он, наверное, лежит в вашем кабинете в штаб-квартире Конфедерации.

— Да, хорошо.

Ридра улыбнулась.

— Не задерживайтесь. До старта осталось несколько минут.

— Хорошо. Видите ли, я уже связывался со штаб-квартирой. Несколько минут назад по астрофону мне кратко пересказали суть вашего отчета. Я хотел вам сказать...— но генерал не сказал ничего.

— Знаете, мистер Форестер, я как-то сочинила стихотворение, которое называется «Совет влюбленным в поэтов».

Генерал так и застыл с раскрытым ртом.

— А начиналось оно примерно так:

Отрок, она будет глумиться над твоими словами.

Девушка, он похитит движения рук...

Остальное прочитаете сами во второй моей книге. Терять предмет своей любви по семь раз на дню чертовски досадно.

— Так вам было известно, что я...— сказал он.

— Конечно, я это сразу поняла. И мне это нравится.

Дыхание вдруг восстановилось и произошло небывалое — генерал улыбнулся.

— Еще в самом начале моей воинской карьеры, мисс Уонг, когда нас впервые отправили в казармы, мы разговаривали только о девушках. И вот как-то раз один парень сказал о своей девушке: она до того хороша, что может не давать мне ничего, пусть только пообещает,— генерал сразу расслабился — его плечи опустились на полдюйма, но казалось, будто они стали шире на два.— Я сейчас испытал то же самое.

— Благодарю вас за откровенность,— сказала Ридра.— Вы мне нравитесь. Обещаю, что до следующей нашей встречи мои чувства к вам не изменятся.

— Вы... спасибо. Наверное, это все. Благодарю вас за сочувствие и... обещание,— сказал Форестер и добавил: — Мне нужно уйти?

— Через десять минут мы отправляемся.

— Давайте, я отправлю ваше письмо,— предложил он.

— Вы очень любезны,— она отдала письмо, генерал принял его, задержав ее руку в своей, затем развернулся и вышел. Через минуту Ридра видела, как его аэродиск в лучах восходящего солнца направляется к бетонному корпусу диспетчерской службы.

Часть вторая
УЭР ДОРКО

...Это слово так важно. А вдруг
это все, что запомнили руки...
М. Х. «Квартет»

1

Транскрипция текста прошла через экранный фильтр. На панели компьютера лежали четыре страницы с выводами, к которым она пришла путем лингвистических умозаключений. Покусывая губу, Ридра еще раз перечитала сводную таблицу дифтонгов, после чего прикрепила к стене три листа, озаглавленных так:

«Вероятная фонематическая структура...»
«Вероятная фонетическая структура...»
«Семантические и синтаксические вопросы...»

Основная загвоздка была в последнем пункте, и ее во что бы то ни стало надо было решать. И сделать это можно, только основываясь на данных двух первых листов.

— Капитан!

Ридра развернулась в надувном кресле.

На пороге стоял Домовенок.

— Да?

— Что вам приготовить на обед? — спросил семнадцатилетний маленький кок. Из курчавых волос на его голове выглядывали инженерохирургические рожки. Кончиком хвоста он смущенно похлопывал себя по руке.

Ридра развела руками.

— Не знаю, наверное, то же, что и отряду.

— Отряд... отряд... Если я им подсуну помои, они их слопают и не заметят. Капитан, у них напрочь отсутствует фантазия! Может быть, приготовить запеченного фазана или яичницу с дичью?

— Ты совсем не настроен на домашнюю птицу?

— Просто...— он выпустил дверь и повис на карнизе, покачиваясь туда-сюда.— Я бы хотел сварганить что-нибудь с дичью.

— Если остальные не против, давай дичь, печеное яйцо и ромштекс с томатным соусом.

— Один момент!

— И клубничный пирог на десерт!

Домовенок щелкнул каблуками и развернулся. Ридра засмеялась и повернулась к столу.

Она рассматривала третий вариант того, что можно было бы принять за синкопу, как вдруг ее кресло опрокинулось. Листы разлетелись по каюте. Ридра тоже бы взлетела, если б не ухватилась за пульт. На кресле лопнула обшивка, и силикон вылез наружу.

Ридра оглянулась на крик — это Домовенок разбил колено о прозрачную стенку.

Еще один толчок.

Ридра откинулась на сдувшуюся, смятую спинку кресла. В видеофоне возникло лицо помощника.

— Капитан!

— Что еще за чертовщина!..— воскликнула она.

На контрольном табло вспыхнули лампы. Корабль тряхнуло опять.

— Мы еще можем дышать?

— Да, но...— щеки помощника пошли красными пятнами, это не предвещало ничего хорошего.— Да, с воздухом все в порядке. Что-то случилось с системой привода.

— Ну, если эти сопляки...— прошипела Ридра и щелкнула тумблером.

Но тут раздался голос Флипа, отвечающего за машинное отделение.

— Черт возьми, капитан, мы обо что-то ударились!

— Обо что?

— Не понимаю,— сказал Флип и отвел глаза.— Машины А и В — в полном порядке, а вот из С сыпятся искры, как салют в День Четвертого Июля. Где мы сейчас, черт возьми?

— На полпути между Землей и Луной. Мы еще даже не ушли от Звездного Центра №9. Навигаторы!

И снова щелчок.

На экране возникло темнокожее лицо Молли.

— Наши координаты? — спросила Ридра по-немецки.

Молли быстро подсчитала приблизительную орбиту и уточнила ее на основе двух вероятностных логарифмических кривых.

— Мы кружимся вокруг Земли,— раздался голос Рона.

— Нас что-то сбило с курса. Нам не удается запустить двигатели, и пока мы просто дрейфуем.

— В каком направлении и с какой скоростью?

— Как раз сейчас Кэлли это определяет.

— Посмотрим, что происходит снаружи,— Ридра вызвала сенсорную группу.— Нос, чем это пахнет?

— Вонью. Не понимаю, незнакомый запах. Ничего не могу сказать.

— Ухо, что ты слышишь?

— Ничего не слышу, капитан. Все статические течения в этом месте спокойны. Мы пока еще находимся слишком близко к гравитационному источнику. Течение слабое — не больше пятидесяти спектров по направлению к «К». Но я не думаю, чтобы оно могло унести нас слишком далеко. В данный момент мы движемся в силу инерции от последнего толчка в магнитной сфере Земли.

— Глаз, что ты видишь?

— Мне кажется, что я смотрю в ведро с углем. Я не знаю, что происходит, но здесь очень темно. Мне кажется, что течение все-таки довольно сильное, и оно может затащить нас в мощный поток.

— Хотел в'ы я знать, что здесь творится, ф'ока мы туда не ф'огрузились,— вмешался Брэсс.— И главное, где мы находимся. Что скажешь ф'ервый?

— Навигаторы!

Молчание. Затем возникли три лица.

— Нам больше нечего сказать, капитан,— сказал Кэлли.

Гравитационное поле восстановилось, надувное кресло вернулось в прежнее состояние. Домовенок покачивал головой, скорчившись от боли.

— Что это было, а? капитан? — спросил он шепотом.

— Будь я проклята, если понимаю! — ответила Ридра.— Но я все узнаю!

За обедом все молчали. Отряд, состоящий из двадцатилетних парней, был тише воды. Навигаторы сидели за офицерским столом напротив эфемерных фигур развоплощенных сенсорных наблюдателей. Главный помощник во главе стола подливал вино безмолвной команде. Ридра сидела с Брэссом.

— Не понимаю,— пилот встряхнул своей гривой, сжимая бокал сверкающими когтями.— Все бв'ыло тихо, сф'окойно, ничего не ф'редвещало такого ф'орота сов'ытий... Это случилось внутри корав'ля.

Домовенок, с забинтованным коленом, мрачно вынес пирог, выделил порции Ридре и Брэссу и отправился на свое место за столом команды.

— Значит так,— произнесла Ридра.— Корабль вращается вокруг Земли, аппаратура не работает, и мы даже не в состоянии определить, куда нас занесло.

— Гиф'ерстатические индикаторы в ф'олном ф'орядке,— напомнил ей Брэсс.— Нам ф'росто неизвестны исходные координаты для ф'рыжка.

— Но мы ведь не можем прыгать наобум неизвестно откуда,— сказала Ридра и рассеянно всех оглядела.— Как вы считаете, Брэсс, у нас есть надежда отсюда выбраться?

— Они ждут, ф'ока вы их вытащите отсюда, каф'итан.

Ридра потрогала темными губами край бокала.

— Если ничего не изменится, мы ф'олгода в'удем сидеть здесь, ф'отребляя кулинарные ф'роизведения Домовенка, а потом задохнемся. Мы даже сигнал в'едствия ф'ослать не можем, так как вышли из гиф'ерстатического ф'оля с регулярными каналами связи. Навигаторы ничего ф'ридумать не могут. Они оф'ределили, что мы вращаемся ф'о кругу и усф'окоились.

— Если бы у нас были иллюминаторы, то можно было бы посмотреть на звезды и определить свое местоположение. Дело-то на пару часов.

— Вот истинная цена современным удов'ствам,— согласился Брэсс.— Ф'ростое окошко или старинный секстант сослужили в'ы нам сейчас хорошую служв'у. И вот сидим здесь, наф'ичканные электроникой ф'од завязку, и не ф'онимаем, что теф'ерь делать.

— Круг...— произнесла Ридра и поставила бокал.

— А?

— Дер крайс,— сказала она и нахмурилась.

— Что? — переспросил Брэсс.

— Ратас, орбис, иль керхио,— она хлопнула ладонью по столу.— Круг. Слово «круг» на разных языках.

Брэсс стушевался, но клыки придали его лицу чудовищное выражение. Блестящая шерсть возле глаз встала дыбом.

— Сфера,— продолжила Ридра.— Иль глобо, гумлас,— она привстала.— Куле, куглет, кринг!

— О чем это вы? Круг он и есть к...

Но она рассмеялась и выскочила из столовой. Добравшись до своей каюты, она схватила черновики перевода. Ее глаза пробежали по листкам. Затем Ридра вышла на связь с навигаторами.

— Да, капитан? Что вам угодно? — произнес Рон, слизывая с губ варенье.

— Мне нужны часы и... мешочек с шариками,— сказала Ридра.

— Что? — спросил Кэлли.

— Пирог доедите потом. Срочно встречаемся в Джи-центре.

— Ша-а-арики,— произнесла Молли изумленно.— Шарики?

— Наверняка кто-нибудь из отряда прихватил с собой игральные шарики. Найдите их и подождите меня в Джи-центре.

Она перемахнула через спинку надувного кресла, подошла к люку, повернула в седьмой радиальный переход и устремилась вниз по цилиндрическому коридору в сторону большого сферического помещения Джи-центра — центра внутренней гравитации. Он представлял собой сферу тридцати футов в диаметре. Там в состоянии невесомости размещались чувствительные гравиметрические при-

боры. В следующий момент с противоположного прохода вошли навигаторы. У Рона был мешочек со стеклянными шариками.

— Лиз попросила вас вернуть шарики к завтрашнему дню. Ребята только что объявили ее чемпионом, и ей хочется подтвердить свое первенство.

— Если все получится, она их получит сегодня же вечером.

— Получится? — спросила Молли.— У вас идея?

— Идея. Но, если честно, не совсем моя.

— И чья же она, и в чем ее суть? — спросил Рон.

— Я думаю, что она принадлежит какому-то носителю другого языка. А теперь вот что, ребята, нам нужно расположить шарики по сфере вдоль стен, понаблюдать за ними с часами в руке и делать записи.

— Зачем это? — спросил Кэлли.

— Мы посмотрим, в какую сторону поплывут шарики, и сколько им на это потребуется времени.

— Ничего не понимаю,— проговорил Рон.

— Слушайте, мы находимся на орбите, которая стремится к большой окружности вокруг Земли, так? Из этого следует, что на корабле все предметы тоже совершают оборот по окружности. Если их оставить в покое, то они сами отыщут свою орбиту.

— Так. И что из этого?

— Помогите лучше разместить шарики. У них железные сердцевинки. Мы намагнитим стены, чтобы шарики оставались на месте, пока устанавливаем их, а потом одновременно отпустим в свободный полет.

Рон, в недоумении, ушел подводить питание к стенам.

— Вы все еще не поняли? Тоже мне математики! Итак, расскажите мне все, что вам известно о большой окружности.

Кэлли взял несколько шариков и принялся устанавливать их на стене.

— Ну, большой окружностью называется наибольшая окружность, которая получается при сечении сферы.

— Диаметр большой окружности равен диаметру сферы,— добавил вернувшийся Рон.

— Сумма углов пересечения трех любых больших окружностей внутри замкнутой сферы составляет пятьсот сорок градусов. Сумма углов n-ного количества больших окружностей составляет n умноженное на сто восемьдесят градусов,— Молли произносила английские слова неестественно четко. Когда она начала изучать язык при помощи персонификата, выяснилось, что у нее очень красивый голос.— Куда ставить шарики?

— Ставь их с промежутками прямо друг над другом. Что вы еще можете сообщить о пересечениях?

— Еще? — сказал Рон.— В сфере все большие окружности пересекаются.

— Прямо как эти, а? — подхватила Ридра.— Существуют ли на поверхности сферы еще какие-либо окружности, которые будут пересекаться, как бы их не смещали?

— Нет, другие окружности можно перемещать так, что они никогда не пересекутся. Только большие окружности должны иметь хотя бы две точки пересечения.

— Вы пока подумайте об этом и понаблюдайте за шариками — они начнут сейчас перемещаться по большим окружностям.

Вдруг, Молли подпрыгнула и захлопала в ладоши, явно что-то сообразив. Она выдала тираду на суахили, и Ридра засмеялась.

— Умница,— сказала она и перевела недоумевающим Рону и Кэлли: — Шарики движутся так, что их пути пересекаются.

Глаза Кэлли расширились.

— И правда! Через четверть нашего пути по окружности они все окажутся в плоскости...

— ...соответствующей плоскости нашей орбиты! — подхватил Рон.

Молли нахмурилась и нетерпеливо замахала ручкой.

— Так-так,— сказал Рон,— это будет искаженная плоскость нашей окружности с выступами по краям. По ним-то мы и рассчитаем расположение Земли.

— Понятно? — спросила Ридра и отправилась к выходу.— Мы произведем необходимые расчеты, затем переместимся на семьдесят-восемьдесят миль и повторим расчеты. Так мы узнаем диаметр орбиты и скорость. Для определения местоположения нам ничего больше и не требуется. А потом мы погрузимся в статическое поле. Статическая аппаратура у нас в полном порядке, так что мы можем обратиться за помощью к ближайшей статической станции и получить все необходимые сведения.

Пораженные навигаторы вышли за ней в коридор.

— Начинаем отсчет,— сказала Ридра.

Когда она произнесла «ноль», Рон отключил питание от стен, и шарики начали медленно передвигаться.

— Не проходит и дня, чтобы вы нас чему-нибудь не научили! — произнес Кэлли.— Я уже был уверен, что мы навсегда здесь застряли. Почему мне самому это не пришло в голову? Ведь это моя работа. Как вы додумались до такого?

— Я вспомнила, как обозначается выражение «большая окружность» на другом языке.

— Причем здесь другой язык? — спросила Молли.

— Смотрите,— сказала Ридра, взяв металлическую пластину и стержень.— Постараюсь объяснить это попроще.— Она стала рисовать.— Допустим, что слово для обозначения окружности это — О. В языке существует специальная система, выражающая сравнительные размеры. Представим ее диакритическими знач-

ками: <, =, >. Они обозначают: «меньше», «как обычно» и «больше» соответственно. Что может означать в таком случае «О <»?

— Наименьшую окружность,— ответил Кэлли.— Или попросту точку.

— Правильно,— сказала Ридра.— А теперь используем этот же принцип для окружности на сфере. Представьте, что к слову, обозначающему обычную окружность — «О=», можно присоединить один из двух знаков: II или X. Первый обозначает, что окружность с другой не пересекается, а второй — это пересечение. Что в таком случае может означать O>X?

— Большие пересекающиеся окружности,— ответил Рон.

— Мы знаем, что большие окружности всегда пересекаются, поэтому в языке слово для большой окружности будет всегда обозначаться как O>X. В самом слове уже заключена информация. Так же, как слова «безрассудство» и «косогор» несут в себе всю необходимую информацию, в отличие от их английских аналогов: folly и slope. Словосочетание «большая окружность» несет в себе некоторую информацию, но ее недостаточно, чтобы выручить нас из той затруднительной ситуации, в которую мы угодили. Но если мы обратимся к другому языку, то сможем выяснить, что нам делать.

— К какому языку?

— Пока настоящее название его неизвестно, мы именуем его Вавилоном-17. Из того, что мне удалось узнать о нем, можно сделать вывод, что в его словах заложено информации больше, чем в пяти живых языках, вместе взятых, и в гораздо более сжатом виде.

Затем Ридра вкратце перевела это все Молли.

— Кто говорят? — спросила Молли, используя свой скромный багаж английского языка.

Ридра поджала губы. Как только она задумывалась об этом, у нее перехватывало дыхание, мышцы напрягались, руки начинали ходить ходуном и бешено билось сердце. То же самое произошло и сейчас, но вскоре отпустило.

— Не знаю,— ответила она, наконец.— Но я очень хочу узнать. Для того-то мы и снарядили эту экспедицию.

— Ва-ви-лон-17...— проговорил Рон.

Кто-то из отряда кашлянул у них спинами.

— Карлос, в чем дело?

Крепкий, приземистый паренек с черной густой шевелюрой подошел к Ридре по-юношески угловато, подволакивая босые ступни, покрытые мозолями от горячих двигательных труб.

— Капитан, мне нужно вам кое-что показать,— прошептал он ей на ухо.— Там, в трубах внизу. Мне кажется, вы должны сами на это взглянуть.

— Тебя помощник прислал ко мне?

Карлос почесал за ухом пальцем с обкусанным ногтем.

— Ага.

— Ну что, вы втроем справитесь дальше без меня?

— Будем надеяться, капитан,— ответил Кэлли, не отрывая от шариков глаз.

Ридра отправилась следом за Карлосом. Они сошли по лестнице, а потом, пригнувшись, двинулись по узкому проходу вдоль силового кабеля.

— Теперь вниз,— произнес Карлос, уверенно показывая путь.

Он остановился у сетевого щита и снял кусок обшивки на стене.

— Посмотрите,— сказал он и отодвинул панель, прикрывающую электропровода.— Вот.

Кривая трещина змеилась по пластиковой поверхности.

— Расколото!

— Как так? — воскликнула Ридра.

— А вот как,— Карлос взял в руки щиток и легонько его согнул.

— А она не могла сломаться сама?

— Нет, не могла,— ответил парень.— Она надежно закреплена. Ее даже молотком сломать невозможно. А ведь здесь проходят основные управляющие цепи.

Ридра сокрушенно покачала головой.

— А вот еще — дефлекторы гироскопических стабилизаторов для простых маневров...— произнес он, открыл еще одну крышку и вытащил другой щиток.

Ридра провела пальцем по трещине на втором щитке.

— Их сломал кто-то из команды корабля,— сказала она.— Отнеси их в мастерскую. Скажи Лиз, чтобы она подклеила их и принесла ко мне. Я их поставлю на место, а затем верну ей шарики.

2

Погружение жемчуга в вязкое масло. Желтоватый свет плавно переходит в оранжевый, потом в красный и, наконец, растворяется. Так выглядит полет в гиперстатическом пространстве.

Ридра раскладывала карточки на столе возле компьютера. Ее лексикон увеличился вдвое с начала полета. Она испытывала от этого удовольствие, словно после хорошей трапезы. Эти слова, их неуловимый смысл, на языке, на кончиках пальцев делались податливее, с каждым днем становясь все понятнее.

Но мысль о том, что на корабле завелся предатель, не давала ей сполна насладиться своими открытиями. Кто это сделал или что, зачем? — эти вопросы доводили ее до изнеможения. Ведь кто-то нарочно поломал эти щитки. Лиз тоже подтвердила это.

Что происходит? Возле имен всех членов команды — вопросительные знаки.

Падение бриллианта в кучу драгоценностей. Так выглядит выход из гиперстатического пространства в районе Объединенного Воинского Двора в Армсидже.

Ридра взяла на коммуникационном пульте сенсорный шлем.

— Будете для меня переводить?

Лампочка индикатора подмигнула в знак согласия. Каждый из развоплощенных воспринимал гравитационные и электромагнитные статические течения своим органом чувств, каждый в своей сфере. Это были мириады ощущений, и с их помощью пилот вел по этим течениям корабль, точно парусник, гонимый ветрами по океанским хлябям. Шлем позволял обозревать всю картину в целом, не доводя наблюдателя до сумасшествия.

Ридра надела шлем, закрывавший глаза, нос и уши.

Раскачиваясь в завихрениях яркой и бледной лазури, дрейфовали станции и планетоиды, составляющие Воинский Двор. Мелодичные темы прерывалась грохотом статических разрядов в наушниках. Эммитеры обоняния приносили смесь парфюмерных ароматов, запаха горячей машинной смазки и подгорелой апельсиновой корочки. Ридрины чувства заполнились до предела, вырвав ее из действительности и бросив в бездну чувственных абстракций. Понадобилось больше минуты, чтобы сосредоточиться и начать их осмысливать.

— Итак, что мы видим?

— Искорки — это планетоиды и кольцеобразные станции Воинского Двора,— разъяснил Глаз.— Голубое свечение слева — это радары, простирающиеся до сорок второго космического центра. Красные всполохи справа и сверху — это Беллатрикс, отражающийся от полузеркального звездного диска, который вращается сейчас в четырех градусах за пределами видимости.

— Что это за басовитый звук? — спросила Ридра.

— Это — корабельные двигатели,— пояснил Ухо.— Не обращайте на них внимания. Я могу их убрать, если хотите.

Ридра согласилась, и гул пропал.

— Это пиликанье...— начал Ухо.

— ...передачи с помощью азбуки Морзе,— закончила Ридра.— Это я знаю. Наверное, два радиолюбителя устанавливают контакт?

— Совершенно верно,— подтвердил Ухо.

— Что это за вонь?

— О, это запахи гравитационного поля Беллатрикса. Стереосенсорным обонянием вы воспользоваться не можете, поэтому он воспринимается именно так. Подгорелая корка — это огромный

завод, его зеленое зарево должно быть видно впереди справа от вас.

— Где мы пришвартуемся?

— В ми-минорном аккорде.

— В разогретой смазке, запах которой плывет слева от вас.

— В центре светлого круга.

Ридра соединилась с пилотом.

— Брэсс, все в порядке, причаливаем.

Аэродиск скользнул вниз с площадки. Ридре было нетрудно удерживаться на нем при силе тяжести, составляющей четыре пятых от земной нормы. В свете искусственных сумерек ветерок играл ее черными волосами. Кругом простирался Центральный Арсенал Конфедерации. Ридра думала о том, что место ее рождения по воле случая крепко связало ее с Союзом королевств. Если б она появилась на свет в другой галактике, то запросто могла бы стать захватчиком. Ее стихи пользовались популярностью у обеих враждующих сторон. Эти мысли огорчали ее, и она их отбросила. Здесь, в центре Объединенного Воинского Двора думать об этом не очень уместно.

— Капитан Уонг, вы прибыли к нам с рекомендацией генерала Форестера.

Ридра кивнула, аэродиск остановился.

— Генерал сообщил нам, что вы являетесь экспертом по Вавилону-17.

Она кивнула опять. Перед ней висел другой диск.

— Я рад с вами познакомиться. Если вам потребуется помощь — только скажите — и мы сделаем все возможное.

Она поклонилась.

— Благодарю вас, барон Уэр Дорко.

Тонкие полоски его бровей приподнялись, и щель рта вытянулась на темном лице.

— Вы разбираетесь в геральдических символах? — спросил он и прикоснулся длинным пальцем к гербу, вышитому на груди.

— Конечно.

— Это замечательно, капитан. В наше время, когда мы живем в мире разрозненных поселений, изолированных групп, и каждая из них говорит, как правило, на своем собственном языке, такая осведомленность встречается редко.

— Что касается меня, то я говорю на многих языках.

Барон удовлетворенно кивнул.

— Порою, капитан Уонг, мне кажется, что если бы не было Сопротивления — цели, на которой Конфедерация должна сосредоточить всю свою мощь, наше общество просто разложилось бы. Капитан Уонг...— он вдруг остановился, его утонченное лицо на

секунду исказилось от напряжения, а затем радостно расслабилось.— Ридра Уонг!?..

Она подтвердила, с улыбкой глядя на его реакцию, еще осторожную, пока догадка не переросла в уверенность.

— Я даже не надеялся...— он протянул руку, словно решил познакомиться с ней заново.— Да, конечно...

Сухая вежливость в одно мгновение сменилась радушием.

— Мне хотелось бы, чтоб вы знали. Ваши книги...

Фраза оборвалась неуловимым наклоном головы. Зрачки расширились, губы в усмешке прикрыли хищный оскал, руки жадно хватали одна другую. Это были тревожные признаки аппетита по отношению к Ридре, голода к чему-то такому, чем она являлась или могла стать. «Какой ненасытный»...— подумала она.

— У меня в доме обед начинается в семь,— сказал он, прервав ее размышления.— Этим вечером я и баронесса приглашаем вас к себе.

— Благодарю,— ответила Ридра.— Но мне нужно еще обсудить с моей командой...

— Мы приглашаем всю вашу команду. Дом у нас довольно просторный, мы предоставим для вас холл и все примыкающие к нему помещения. Они, конечно, не настолько удобны, как на вашем корабле, но тем не менее, тем не менее...

«Алый язык, сверкающий за ослепительно-белыми зубами, коричневатые линии губ ворочаются так же тяжело, как челюсти людоеда»,— подумала Ридра.

— Прошу вас, придите чуть пораньше, чтоб мы вас успели подготовить...

Ее дыхание на мгновение прервалось, но тут же сменилось облегчением — его зрачки сузились. Если он и заметил, то не понял ее испуга.

— ...к экскурсии по Двору. Генерал Форестер попросил представить вам новые методы борьбы с захватчиками. Для нас это великая честь, мадам. Немногие опытные офицеры когда-либо видели то, что мы вам покажем. Может быть, кое-что покажется вам скучноватым. Но я не могу отказать себе в удовольствии показать вам самые интересные вещицы. Некоторые из этих достижений вполне остроумны. Мы не позволяем скучать фантазии.

«Паранойя этого типа, кажется, перекидывается на меня,— подумала Ридра.— Он не нравится мне».

— Я не хотела бы слишком обременять вас, барон. К тому же, на корабле так много дел, которые мне нужно...

— Обязательно приходите, и ваша работа может облегчиться, я вас уверяю. Такая талантливая красивая женщина в моем доме непременно будет иметь успех. К тому же, мне, признаться, тоже

так не хватает интеллигентного собеседника,— проговорил барон, и темные губы захлопнулись перед сверкающими зубами.

Ридра уже набрала воздуху, чтобы отказать в третий раз, но барон сказал: «Жду вас и вашу команду к семи»,— и его аэродиск взлетел над площадью.

Ридра посмотрела на площадку, где на фоне искусственного заката вырисовывались силуэты членов ее команды. Ее диск стал плавно подниматься ко входу «Рембо».

— Так,— сказала она маленькому коку, который вчера только снял с колена повязку.— Ты на сегодня свободен. Помощник и команда приглашены на обед. Постарайся проверить, как у ребят с манерами — всем ли известно, что каким ножом нужно есть и так далее.

— Маленькая вилка — салатная, она лежит с краю,— сказал Домовенок застенчиво, обращаясь к отряду.

— А возле нее какая? — спросила Аллегра.

— Для устриц.

— А вдруг они устриц не едят?

— Тогда ты сможешь положить свои зубы туда,— сказал Флип и оттянул губу костяшками пальцев.

Брэсс положил лапу Ридре на плечо.

— Как вы чувствуете сев'я, каф'итан?

— Точно поросенок на вертеле.

— У вас такой усталый вид,— добавил Кэлли.

— Перетрудилась, наверное. Вечером отправляемся в гости к барону Уэр Дорко. Должны же мы хоть немного расслабиться.

— Уэр Дорко? — спросила Молли.

— Да, он занимается реализацией всех проектов по борьбе с захватчиками.

— Так значит, это под его руководством создают самое мощное и секретное оружие? — спросил Рон.

— Скорее всего, даже самое незаметное и опасное, то есть воспитание.

— А тут эти диверсии...— сказал Брэсс.— Усф'ешная акция в Воинском Дворе ф'лохо в'ы отразилась на наших действиях ф'ротив захватчиков.

Ридра уже поделилась с ними некоторыми своими идеями.

— Да, хуже может быть только бомба в штаб-квартире Глав Конфедерации.

— Вы можете это предотвратить? — спросил помощник.

Ридра развела руками и обернулась к полупрозрачным силуэтам развоплощенных членов команды.

— У меня к вам просьба. Не могли бы вы чуть-чуть пошпионить этим вечером. Глаз, ты оставайся на корабле, я должна быть уверена, что кроме тебя на корабле никого больше нет. Ухо, как только мы отправимся к барону, стань невидимым и не отходи от меня

дальше, чем на десять футов, пока мы не возвратимся на корабль. Нос, сообщай мне обо всем. Что-то здесь происходит, и мне это не нравится. Хотя, может быть, это просто расшатанные нервы.

Глаз процедил что-то недовольно. Как правило, люди не могут общаться с развоплощенными без помощи специальной аппаратуры, иначе они сразу же забывают услышанное. Ридра смогла разрешить эту проблему — она быстро переводила сообщения развоплощенных на баскский язык. Сами слова забывались, но их смысл закреплялся в виде перевода.

«Поломанные щитки на корабле не были плодом вашего воображения»,— осталось в голове Ридры сообщение Глаза, переведенное на язык басков.

Она с тревогой оглядела команду. Если б кто-то из этих парней был психологически неуравновешен, это обязательно отразилось бы на его психкоде. Это означает, что среди них был диверсант, орудующий сознательно. Эта мысль, как заноза в ступне, терзала, напоминая о себе на каждом шагу. Ридра вспомнила ту ночь, когда она собирала команду. Вспомнила ту гордость, которая переполняла ее от того, как все выполняли свои обязанности, заставляя корабль двигаться между звезд. Это чувство облегчало предощущение того, что может случиться с машиной-кораблем, если машина-команда окажется недостаточно надежной. Как она выбирала людей и корабль — свой мир, чудесное место для отдыха, жизни, работы во время долгого путешествия!

И вот теперь выясняется, что среди них оказался предатель.

«В райском яблоке...— вспомнила Ридра, оглядывая команду.— В райском яблоке — червь, червь». Эти поломанные щитки говорили о том, что червь стремится разрушить не только ее, но и весь ее корабль, все его содержимое, всю команду. Разрушить медленно. Нет ни ножей, сверкающих во тьме, ни выстрелов из-за угла, ни удавки на горле в темной каюте. Разве сможет Вавилон-17 спасти ей жизнь?

— Да, помощник, барон попросил меня прийти чуть пораньше, чтобы показать мне новейшие свои достижения. Отведите, пожалуйста команду сами. Я ухожу. Ухо и Нос — за мной!

— Есть, капитан.

Развоплощенные стали невидимыми.

Ридра снова провела свой аэродиск над площадкой и выскользнула прочь от столпившейся команды, пытаясь разобраться в истоках своей тревоги.

3

— Варварское, грубое, оружие,— сказал барон, указывая на стеллаж с пластиковыми шарами.— На эти топорные «новинки»

даже время тратить неловко. Маленький шарик может разрушить город площадью в пятьдесят квадратных миль, а после большого остается воронка на двадцать семь миль в глубину диаметром в сто пятьдесят. Дикость. Я против применения этого оружия. А вот этот — совсем слабый. Его мощности достаточно только для разрушения одного здания. Но основная часть заряда оказывается нетронутой под завалами. Через шесть часов она взрывается снова, и тогда ее сила равна силе атомной бомбы. К тому времени на место первого взрыва успевают подтянуться войска, начинаются восстановительные работы, работает Красный Крест, всевозможные эксперты пытаются определить величину разрушений. А тут — ба-бах! Заторможенный ядерный взрыв, после которого остается лишь воронка в тридцать-сорок миль! Но это все детские забавы. Я не убрал эти бомбы из своей коллекции только для того, чтобы показать, как далеко мы от них ушли.

Он провел Ридру через длинную арку в следующий зал. Там все стены были уставлены экспозиционными шкафами, а прямо посередине находилась большая витрина.

— Это моя гордость! — сказал барон, подошел к витрине и открыл прозрачную крышку.

— И что же там? — поинтересовалась Ридра.

— Догадайтесь! На что это может быть похоже?

— Допустим, на... кусок скалы.

— Это слиток металла,— сказал барон.

— Что же, он взрывоопасный или сверхпрочный?

— Нет-нет, он не взрывается,— произнес барон. Прочность его на разрыв несколько больше, чем у титановых сплавов, но у нас имеются и более прочные металлы.

Ридра хотела было прикоснуться к нему рукой, но в последний момент передумала.

— Можно мне взять его, чтобы осмотреть? — спросила она сначала.

— Не думаю,— ответил барон.— Хотя вы можете попробовать.

— И что же должно случиться?

— Увидите.

Ридра протянула руку, но остановилась в двух дюймах от поверхности слитка. Какая-то сила ее не пускала. Она нахмурилась.

— Позвольте мне,— барон улыбнулся и взял предмет.— Не правда ли, увидев его на земле, вы даже не взглянете на него второй раз?

— Это яд? — предположила Ридра.— Или деталь чего-то другого?

— Нет-нет,— барон задумчиво разглядывал слиток.— Этот металл обладает высокой избирательностью. К тому же хорошо слушается,— он взмахнул рукой.— Если вам нужен пистолет...— сказал он, и в его руке оказался карманный вибропистолет по-

следней модели — Ридра таких даже не встречала,— или же гаечный ключ,— воскликнул барон, сжимая в руке длинный ключ.— Или мачете,— и тут же сверкнуло лезвие.— Миниатюрный арбалет.— У арбалета был пистолетный курок и тетива десять дюймов в длину. Стрела с четырехдюймовым наконечником была в два раза длинней арбалета. Барон нажал на курок, и вслед за протяжным свистом послышался глухой стук, когда стрела ударила в стену.

— Мираж какой-то,— выговорила Ридра.— Потому-то я и не могу его коснуться.

— А вот металлическое клеймо,— произнес барон, и у него в руках оказался маленький молоток на длинной ручке. Он ударил им по тому месту, где лежал «арбалет». Послышался громкий звон.

Ридра увидела след от удара. В центре его было крошечное изображение герба Уэр Дорко. Она коснулась пальцем клейма, еще теплого от удара.

— Нет, это не мираж,— сказал барон.— Мираж не сможет пробить трехдюймовую доску с расстояния в сорок ярдов. А вибропистолет... Надеюсь, вам не нужно объяснять, что может сделать вибропистолет.

У барона в руке опять был ничем не примечательный слиток металла.

— Возьмите его.

Ридра раскрыла ладонь, барон отпустил слиток, но он каким-то образом миновал ее руку и опять уже лежал в витрине.

— Здесь нет никаких фокусов. Дело в том, что он обладает высокой избирательностью и податливостью.

Барон прикоснулся к витрине, и прозрачная крышка захлопнулась.

— Забавная вещица. Давайте еще что-нибудь посмотрим.

— Как же это действует?

Уэр Дорко усмехнулся.

— Нам удалось поляризовать сплав некоторых твердых металлов таким образом, что он существует лишь в определенных воспринимающих матрицах. В других плоскостях он преломляется. Для человека это означает, что сплав будет недоступен для его восприятия. В этом случае у вещества не будет ни плотности, ни массы — все это имеется только в потенции. Этот сплав можно пронести на любой корабль, отправляющийся в гиперстатическое пространство, и положить рядом с приборами. Два-три грамма этого металла выведут из строя всю контрольную систему корабля. Это его основное предназначение. Достаточно оставить его на борту вражеского корабля, и про это судно можно забыть, будто его никогда и не существовало. Все остальное — так, для забавы. Способность поляризованного вещества к запоминанию форм.

Они прошли по арочному переходу в другой зал.

— Видите ли, форму любого предмета можно закодировать на молекулярном уровне. В поляризованном веществе каждая молекула движется произвольно. Но малейший толчок задает ей нужное положение, в соответствии с новой структурой,— сказал барон и взглянул на шкафы.— Там хранится готовое оружие — около трех тысяч форм, которые может принимать этот кусок металла... В данном случае, оружие — это знание того, как его можно использовать. В рукопашном бою ванадиевая проволока в шесть дюймов длиной может стать смертельным оружием. Если вы проткнете ею внутренний угол глаза, рассечете наискосок лобные доли, а потом быстро вырвите ее, то она разрежет мозжечок и вызовет полный паралич. Если вы протолкнете проволоку глубже, то она пронзит соединение со спинным мозгом и вызовет смерть. Такой же проволочкой можно вызвать короткое замыкание в коммуникационном приборе типа 27-QX, который, как правило, используют на своих кораблях захватчики.

Вдруг Ридра ощутила, как напряглось ее лицо. Наружу рвалось отвращение, которое ей удавалось подавлять до сих пор.

— А вот зал Борджиа,— барон засмеялся.— Так я в шутку прозвал отдел токсикологии. Здесь собраны страшные вещи,— сказал он и достал со стеллажа закупоренный стеклянный бутылек.— Это — чистый токсин дифтерии. Этой дозы хватит, чтобы отравить всех жителей довольно большого города.

— А как же вакцинация?..— произнесла Ридра.

— Не дифтерия, моя дорогая, а токсин дифтерии. Ток-син! В то время, когда инфекционные заболевания еще представляли проблему, от дифтерии умирали тысячи людей. При осмотре трупов медики не могли обнаружить ничего, кроме нескольких сотен бацилл в горле больного. И все... Каждый из этих микробов мог, в крайнем случае, вызвать только кашель... Понадобились годы всесторонних исследований, чтобы объяснить этот феномен. Как выяснилось, бациллы выделяли в еще более мизерных количествах продукт своей жизнедеятельности — самое ядовитое органическое вещество из всех известных. Количество этого токсина, необходимое для того, чтобы вызвать смерть тридцати или сорока человек, определить практически невозможно. И по сей день, учитывая то, как далеко шагнула современная наука, бациллы — это единственный способ для получения этого вещества. Теперь, благодаря отделу Борджиа, все изменилось,— воскликнул барон и показал на другую склянку.— Это — цианид, проверенное средство! Чувствуете, как пахнет миндалем? Может быть, вы уже проголодались? Можно послать за коктейлями, если вы пожелаете.

Ридра отрывисто качнула головой.

— А это наши деликатесы,— барон показал на другие склянки.— Катализный эликсир полной слепоты, цветовой слепоты,

полной глухоты, тоновой глухоты, амнезии, атаксии, ну, и так далее,— он улыбнулся.— Все они у нас под контролем... Дело в том, что любое из этих веществ действует только после специальной стимуляции. Вы можете пить их литрами, и вам ничего не будет,— произнес он и нажал кнопку на донышке одного из сосудов.— Сейчас это только безвредный атомарный стероид.

— Он активизирует вещества, которые производят... определенный эффект?

— Совершенно верно,— подтвердил барон.— Этот катализатор добавляется в тех же мизерных дозах, что и токсин дифтерии. Жидкость из голубого сосуда причинит вам боль в желудке и легкое недомогание не больше, чем на полчаса. И все. В зеленом сосуде — полная церебральная атрофия, после чего жертва до конца дней ведет растительную жизнь. В лиловом — смерть,— барон воздел руки и засмеялся.— Что-то я проголодался. Может быть, вернемся за стол?

«Спроси-ка его, что находится в следующем зале»,— повторила она про себя на языке басков сообщение от незримых соглядатаев.

— Барон, когда я была маленькой, мне сразу после возвращения на Землю показали цирк,— завела разговор Ридра и направилась по направлению к следующему залу.— Я увидела столько удивительного, что долго не хотела уходить после представления. А в том зале у вас что?

Лицо барона удивленно вытянулось.

— Покажите, пожалуйста,— попросила Ридра и улыбнулась.

— Ваше слово для меня — закон,— сказал барон и кивнул, усмехнувшись.— Современные войны ведутся на самых различных уровнях,— продолжил он свою экскурсию так, будто никакой заминки и не было.— В прежние времена полководцы выигрывали войну, производя необходимое количество мушкетов или секир, которые вы видели в первом зале. Кто-то мог победить, грамотно действуя ванадиевой проволокой в коммуникационном приборе 27-QX или в мозгу у противника. Хотя сейчас рукопашных боев уже почти не бывает. Вооружение, снаряжение, предварительная подготовка, питание и обмундирование, необходимые для двухлетней деятельности астронавта, обходятся в три тысячи кредитов. Затраты на подразделение в полторы тысячи человек — составляют четыре миллиона пятьсот тысяч. Это подразделение размещается на трех боевых кораблях, которые со всем своим снаряжением обходятся казне по полтора миллиона каждый. Итого — не меньше девяти миллионов кредитов. На подготовку одного единственного диверсанта или шпиона уходит больше миллиона. Это очень много. А ванадиевая проволока длинной в шесть дюймов стоит треть цента! Война — дорогостоящее мероприятие. Наконец-то штаб-квартира Глав Конфедерации начинает понимать необходимость этих колоссальных затрат. Прошу вас, сюда, мисс... капитан Уонг.

Они вошли в зал, в котором стояла только одна витрина высотой футов в семь.

«Манекен,— подумала Ридра сначала.— Да нет, живое тело, у которого видны все мышцы и суставы. Нет, наверное, все-таки манекен. Живое существо так не может выглядеть».

— Я подвел вас к мысли о том, какую ценность может представлять идеальный шпион,— произнес барон, придерживая двери рукой со старомодной учтивостью, хотя они открывались автоматически.— Здесь хранится одна из наиболее дорогостоящих наших моделей. Мы потратили на него более миллиона кредитов. Это — мой фаворит, хотя, конечно, и он иногда совершает ошибки. После некоторых изменений он тоже может стать постоянной принадлежностью нашего арсенала.

— Это модель шпиона? — спросила Ридра.— Новая модель робота или андроид?

— Не угадали,— сказал он и подошел к витрине.— Нам удалось изготовить около полдюжины ТВ-55-ых. Для этого пришлось произвести сложные генетические исследования. Достижения современной медицины позволяют выжить и производить потомство всем, даже умственно неполноценным. Лет пятьдесят назад многие из них просто не выжили бы. Мы тщательно выбираем родителей, чтобы затем, с помощью искусственного оплодотворения, получить шесть зигот — три женские, три мужские. Затем мы взращиваем их в особой питательной среде, форсируя рост и развитие, используя гормоны и прочие средства. Их телесная привлекательность — это результат искусственного отбора. Прекрасные сильные создания. Вы не представляете, какой опекой они окружены.

— В детстве мне как-то довелось провести каникулы на скотной ферме,— сказала Ридра.

Барон взглянул на нее удивленно.

— Мы уже экспериментировали с настройкой мозга, поэтому знали заранее, что должно получиться. Но мы не воспроизводим всю жизнь индивида в режиме реального времени. К биологическому возрасту в шестнадцать лет мы доводим его за шесть месяцев. Взгляните. Какой превосходный экземпляр! Его рефлексы в полтора раза быстрее, чем у обыкновенного человека его возраста. Мускулатура развита так, что даже после трехдневного голодания он способен поднять полуторатонный груз. Вдумайтесь, какое у него идеальное в биологическом отношении тело — оно способно задействовать девяносто процентов резервов организма!

— Я считала, что применение гормонов незаконно. Ведь они должны сокращать продолжительность жизни.

— Да, в тех количествах, которые мы используем — на две трети и более,— барон улыбался так, будто наблюдал за странными повадками какого-то животного.— Мадам, мы создаем оружие! ТВ-55 могут на пределе возможного действовать двадцать

пять лет, а это превосходит средний срок службы боевого корабля на целых пять лет! А его исключительные способности! Если мы будем искать среди рядовых граждан тех, кто мог бы работать шпионом, кто сам пожелал бы им стать, то мы найдем субъекта, находящегося на грани невроза или психоза. Да, эти отклонения могут свидетельствовать о его способностях в определенной сфере деятельности, они будут сказываться также и в прочих отношениях. Таким образом, выходя за рамки своей узкой специализации, шпион оказывается неэффективным. Если не вредным. Захватчики тоже имеют представление о психкодах, и они запросто распознают разведчика там, куда мы его отправим. А пленный хороший шпион в сто раз опаснее плохого шпиона. Постгипнотическое влияние и наркотики вынудят его расколоться. Это так расточительно! В отличие от них, ТВ-55 имеет совершенно нормальные психические показатели. Он знает, как вести светскую беседу, он знаком с новинками литературы, с политической ситуацией, прекрасно разбирается в искусстве и музыке. Кстати, он, как минимум дважды за вечер должен упомянуть ваше имя — эту честь с вами разделил только Рональд Квар. У него есть любимая тема, о которой он способен говорить часами. Это — систематика гантоглобина у марсупиалов. Оденьте его соответствующим образом, и он будет совершенно естественно смотреться на дипломатическом приеме или на банкете правительственной конференции высшего уровня. К тому же, он — умелый убийца, владеющий всеми видами современного оружия. ТВ-55 знает множество разных диалектов и сленгов, многочисленные акценты. Ему известны почти все жаргонизмы, относящиеся к половым взаимоотношениям, азартным играм и спорту. В его память заложено несметное количество приличных и неприличных анекдотов. Нарядите его в робу, испачкайте ему лицо маслом, и это будет вылитый механик одного из сотен звездных центров. Он выведет из строя любую двигательную или коммуникативную систему, радар, систему оповещения или контроля, которые захватчики используют последние двадцать лет, действуя только...

— Ванадиевой проволочкой?

Барон усмехнулся.

— Он способен при необходимости изменить отпечатки пальцев и узор на сетчатке глаза. Маленькое хирургическое вмешательство увеличило подвижность его лицевых мышц, это позволяет ему изменять свою внешность. При помощи гормональных инъекций он может в считанные секунды изменить цвет волос или, если понадобится, избавиться от них и вырастить новые за полчаса. Он отлично разбирается в психологии, особенно в психологии насилия.

— Он умеет пытать?

— Если потребуется. Он беспрекословно подчиняется своим создателям. Если поступит приказ, он уничтожит любого. В его

прекрасной голове нет никаких концепций по поводу собственного «я».

— Да, он... прекрасен,— произнесла Ридра и сама удивилась своим словам.

Казалось, что темные пушистые ресницы вот-вот вздрогнут и откроются. Мощные мускулистые руки висят у обнаженных бедер, пальцы чуть согнуты. Тусклое освещение от витрины позволяло разглядеть его загорелую гладкую кожу.

— Вы сказали, что это не модель. Он, в самом деле, живой?

— Более-менее... Сейчас он находится в состоянии транса, точно йог или лягушка во время зимней спячки. Я мог бы его активизировать для вас, но часы уже показывают без десяти семь. Не будем томить ожиданием остальных гостей за столом.

Ридра перевела взгляд с фигуры, застывшей на витрине, на желтоватую сухую кожу лица барона. Нижняя челюсть его непроизвольно совершала жевательные движения.

— Да, словно в цирке,— произнесла она.— Только я повзрослела. Пойдемте.

Ридре пришлось совершить над собой некоторое насилие, чтобы взять протянутую руку — сухую, точно из бумаги, и такую легкую, что она чуть было не отдернула свою.

4

— Ах, капитан Уонг! Чудесно!

Баронесса протянула серовато-розовую пухлую ручку, наводящую на мысль о вареном мясе. Ее полные обнаженные плечи были покрыты веснушками, а вечернее платье открывало весомую часть ее дородной фигуры, подчеркивая тем самым ее несуразность.

— У нас во Дворе ничего не происходит, поэтому если такая знаменитость, как вы, нам наносит визит...— баронесса завершила тираду восторженной улыбкой, но толстые рыхлые щеки сделали ее похожей на состарившегося поросенка.

Ридра подержала в своей руке мягкие, податливые пальцы баронессы ровно столько, сколько требовалось для приличия, и отразила своим лицом ее улыбку. Она вспомнила, как в детстве ей запрещали плакать во время наказаний. Ридра должна улыбаться.

Казалось, будто баронессу обволакивает огромный кусок тишины. Ее голосовые связки подернулись жиром. И хотя порою с ее мясистых губ срывались резкие визгливые звуки, голос ее доносился, точно сквозь пуховую подушку.

— Прибыла ваша команда! Мы специально пригласили всех. Теперь мне известно, что полная команда насчитывает двадцать один человек,— баронесса одобрительно покивала.— Я прочитала об этом недавно. Но к нам почему-то пришло только восемнадцать.

— Я решила, что развоплощенные члены команды останутся на корабле,— объяснила Ридра.— Вам бы потребовалось особое оборудование для общения с ними. К тому же, они могли смутить ваших гостей своим присутствием. Они чересчур заняты собой для того, чтобы вписаться в компанию, к тому же они ничего не едят.

«А как же бараний шашлык? Ты отправишься в преисподнюю за наглую ложь»,— произнесла Ридра про себя на языке басков.

— Развоплощенные? — спросила баронесса, поправляя лакированное нагромождение своей запутанной прически.— Вы говорите о мертвых? Да, бесспорно! Я об этом не подумала. Вы видите теперь, как мы оторваны от современной жизни?

«А не может ли быть у барона аппаратуры для общения с развоплощенными»,— задумалась Ридра.

— Ваша команда очаровала всех! — произнесла баронесса шепотом, придвинувшись поближе.— Может, начнем?

При этих словах они тронулись из светлого фойе в зал. Слева Ридра ощущала пергаментную руку барона, а справа — запыхавшуюся и подпрыгивающую баронессу.

— О, капитан! — заорал Кэлли, размашисто шагая им навстречу.— Классное местечко, не правда ли? — он показал на зал, заполненный людьми, и поднял фужер, демонстрируя выпивку. Причмокнув языком, он кивнул одобрительно.— Попробуйте, капитан,— воскликнул он и протянул Ридре полную горсть крохотных сэндвичей: оливки, фаршированные печенью, и чернослив, завернутый в бекон.— Тут иногда пробегает паренек с полным подносом этого добра,— сказал Кэлли и опять показал куда-то в зал.— Мэм, сэр,— он посмотрел сначала на баронессу, потом на барона.— Не желаете попробовать?

Кэлли закинул в рот один из сэндвичей и запил из бокала.

— Ммммм...

— Не волнуйтесь, сейчас должны принести еще,— проговорила баронесса.

Ридра удивленно взглянула на нее — рыхлое лицо баронессы сияло довольной улыбкой.

— Они вам, правда, понравились?

— Да,— ответил Кэлли, потом глотнул, скривился, стиснул зубы и встряхнул головой.— Кроме этих с соленой рыбой. Они мне совсем не понравились, мэм. Но зато остальные действительно хороши.

— По правде говоря, мне и самой соленые никогда не нравились,— шепнула баронесса, придвинулась к нему и самодовольно усмехнулась.— Что тут поделаешь — такова воля поставщиков провизии! — сказала она и взглянула лукаво на барона и Ридру.

— Странно, если мне не нравится что-то, то я сразу от этого отказываюсь! — заявил Кэлли и вздернул голову.

— Вы абсолютно правы! — с придыханием сказала баронесса.— Так я и сделаю! — она посмотрела на мужа.— В следующий раз, Феликс, я так и скажу!

Неожиданно появился официант с подносом.

— Выпить не желаете?

— Ну нет, она такими маленькими рюмками пить не будет,— произнес Кэлли, указывая на Ридру.— Я ее знаю! Принесите-ка ей стаканчик побольше. Ну, как у меня.

Ридра засмеялась.

— Нет, Кэлли, мне этим вечером нужно быть в форме!

— Бросьте! — воскликнула баронесса.— Я тоже хочу большой! Здесь же должен быть бар?

— Точно! Он находится где-то там,— указал Кэлли.

— Мы сегодня хотим веселиться, а такими темпами мы долго будем раскачиваться,— воскликнула баронесса, взяла Ридру под руку, бросила мужу вполоборота: — Феликс, развлекай гостей,— и потащила Ридру за собой.

— Видите, это доктор Киблинг. Дама с крашеными волосами — это доктор Крэн. А вот мой кузен Альберт! Я познакомлю их с вами на обратном пути. Они все сотрудники моего мужа. Вместе придумывают эти страшные штуки, которые он вам показал. Мне так не хочется, чтобы он держал свою коллекцию в доме. Это так жутко! Иногда мне кажется, что как-нибудь ночью они выползут сюда и всех нас перебьют. Наверное, он этим занимается, чтобы не думать о сыне. Вы знаете, наш мальчик Найлс пропал... восемь лет тому назад... Ой, что это я? Вам, наверное, кажется, что мы ужасные провинциалы, капитан Уонг?

— Нет-нет, что вы!

— Но вы же так мало знаете о нас. Ох уж эти талантливые молодые люди с богатым живым воображением! Целыми днями они только и делают, что думают об убийствах! Ужасно! И зачем это все? Они выплескивают всю свою энергию от звонка до звонка на работе. Я полагаю, что воображение может быть направлено на что угодно, но только не на убийство. Вы со мной согласны?

— Безусловно.

Они задержались возле группы гостей.

— Что здесь творится? — спросила баронесса.— Сэм, чем это они занимаются?

Сэм улыбнулся, отстранился, и баронесса устремилась в образовавшуюся брешь, не выпуская руки Ридры.

— Ну-ка, еще раз! — услышала Ридра голос Лиз. Она посмотрела через плечо баронессы. Парни из машинного отделения держали пространство десять футов в диаметре, точно полицейский кордон. Лиз сидела на корточках с тремя юношами из местного дворянства Армсиджа, судя по их одежде.

— Попробуйте еще,— лепетала Лиз,— Помните о запястье,— сказала она и щелкнула ногтем большого пальца по шарику. Тот стукнул следующий шарик, потом еще, пока один из сдвинутых шариков не ударил по третьему.

— Давайте, еще разок!

Лиз подняла шарик.

— Надо бить так, чтобы шарик вращался. Весь секрет в запястье.

Шарик покатился, стукнул по другому, потом еще раз, еще... Молодые люди зааплодировали, и Ридра — тоже.

Баронесса всплеснула руками.

— Вот это да! Великолепный удар! — воскликнула она, опомнилась и оглянулась.— Хотите взглянуть, Сэм? Ведь вы эксперт по баллистике.

Баронесса с легким поклоном отошла в сторону, повернулась к Ридре, и они отправились дальше.

— Как хорошо, что вы со своей командой посетили нас сегодня. Вы принесли с собой столько свежего, яркого, интересного!

— Вы о нас говорите, словно о салате! — рассмеялась Ридра. Хозяйка казалась не столь «прожорливой», как ее муж.

— Если б вы остались с нами подольше, то мы действительно съели бы вас с потрохами! Мы такие жадные до того, что вы нам принесли.

— До чего же это?

Они остановились у бара и выбрали напитки. Баронесса задумалась.

— Видите ли... ваши визиты позволяют нам узнать много нового не только о вас, но и о себе.

— Каким образом?

— Да взять хотя бы вашего навигатора. Он обожает хорошенько выпить и закусить. Я не знаю о нем почти ничего, но это намного больше того, что мне известно о пристрастиях и вкусах завсегдатаев нашего дома. Предложите им виски — и они буду пить виски. Нальете текилу, выпьют и ее. А сейчас я узнала, что, оказывается, все дело в запястье,— воскликнула она и взмахнула своей дряблой рукой.— Никогда бы не догадалась.

— Мы просто друг с другом общаемся.

— Да, но какие важные вещи вы высказываете! Что вам нравится, а что нет, как вы действуете. Скажите честно, вам в самом деле так хочется познакомиться со всеми этими важными господами, которые совершенствуют способы убийства людей?

— Не хочется.

— Я так и знала. Хотя, не исключено, что кое-кто здесь вам может понравиться. Я вас познакомлю, но чуть попозже...— сказала баронесса и скрылась в толпе.

«Волны,— думала Ридра.— Моря. Гиперстатические течения. Перемещение людей в большом зале». Она продвигалась вперед согласно просветам, открывающимся в толпе и закрывающимся, если кто-то шел навстречу к кому-то, оставив пустой разговор, в поисках выпивки.

В конце концов она очутилась в закутке у спиральной лестницы. Ридра стала по ней подниматься и задержалась на второй площадке, чтобы окинуть взглядом всю толпу гостей. Неподалеку из приоткрытой двери тянуло свежим вечерним ветерком. Ридра распахнула ее и вышла на балкон.

Темно-лиловый искусственный сумеречный свет сменился искусственным багровым, но и он вот-вот должен погаснуть, и тогда на планетоиде наступит условная ночь. Пышная растительность скрывала перила, оплетая их своими ростками. Весь камень балкона был скрыт под этим живым покрывалом.

— Капитан?

В углу на балконе, скрытый тенью листвы, сидел Рон. «У него же не серебристая кожа,— подумала Ридра.— Но когда я вижу, как он уходит в себя, то вспоминаю благородный светлый металл». Рон приподнял голову и прижался к стене спиной, листья запутались у него в волосах.

— Почему ты здесь, один? — спросила Ридра.

— Там чересчур много людей.

Ридра кивнула, глядя, как опускаются его плечи, напрягаются и расслабляются руки. В каждом движении неловкого юного тела ей чудилась музыка. Она заворожено слушала эту мелодию, а он молча глядел на нее. Роза на его плече шевелилась от дыхания вечернего ветерка.

— Что случилось у вас с Молли и Кэлли? — спросила Ридра, с трудом оторвавшись от этой восхитительной музыки тела.

— Так... Я просто... думаю.

— О чем?

Ридра улыбнулась и прислонилась к балконным перилам.

Рон опять уперся подбородком в колени.

— Да нет, все в порядке... Просто, я — самый младший... и...— начал было он, но внезапно его плечи вздернулись.— Черт возьми, откуда вы знаете? Вы, конечно, можете догадываться об этом, но на самом-то деле, откуда вам знать! Вы говорите о том, что видите, а не о том, что делаете,— Рон говорил скороговоркой, глотая и комкая слова. Ридра заметила, как дергаются связки на его горле.— Мы — извращенцы! — выпалил он.— Все таможенники так считают. И барон, и баронесса, и все их гости не понимают, почему нам нельзя находиться просто в паре. И вы... Как вы можете это понять!

— Рон!

Он схватил лист зубами и сорвал его с куста.

— Рон я тоже была... в тройке. Пять лет назад.

Его лицо развернулось к ней резко, словно у марионетки, но тут же вернулось обратно. Рон покусывал черенок листка.

— Капитан, вы же таможенник. Ваша задача состоит в том, чтобы просто использовать корабли и команды, а когда потребность в них отпадает, вы о них сразу забываете. Да, вы, конечно, принцесса!.. среди таможенников. Вы же — не транспортник.

— Слушай, Рон, я получила известность. И на меня теперь смотрят. Я пишу стихи. Их читают таможенники и взирают на меня, как на их автора, но сами они так не пишут. Когда я заговариваю с ними, они твердят: «Вы — транспортник»,— сказала она и пожала плечами.— На самом деле, я и ни то, и ни другое. Но я состояла в тройке и понимаю, что это значит.

— Таможенники в тройке не ходят,— сказал Рон.

— Я и два парня. Если мне снова придется пойти на это, то я предпочту парня и девушку. Так будет легче. Я состояла в тройке три года — в два раза дольше, чем вы.

— Но ваши-то уцелели, а наша девушка погибла. И мы еле выжили.

— В нашей тройке был убит один,— произнесла Ридра.— Еще один заморожен до тех пор, пока не будет найдено лекарство от болезни Калдера. Сомневаюсь, что это случится при моей жизни, но если вдруг...

Не дождавшись продолжения, Рон обернулся к ней.

— Кем они были?

— Ты хочешь знать, были ли они таможенниками или транспортниками? — Ридра пожала плечами.— Так же, как и я — ни то, ни другое. Фобо Ломбс работал капитаном галактического транспортного корабля, он сумел провести меня через все и пробить для меня диплом капитана. На планетах он занимался гидропоникой, чтобы использовать ее потом в гиперстатическом пространстве. Это был стройный, светловолосый, очень эмоциональный мужчина, иногда, правда, слишком много пил. Он мог после полета напиться, подраться и попасть в тюрьму, а мы его потом выкупали оттуда. Честно говоря, это редко случалось, но мы потом дразнили его целый год. Еще он не любил спать посередине, он хотел, чтобы одна рука всегда была снаружи.

Рон рассмеялся.

— Его убили во время исследования пещер Ганимеда, мы тогда второе лето подряд работали на Геологическую Службу Юпитера.

— Так же, как Кэтти,— произнес Рон, помолчав.

— А Мюэлз Эрэнлайд был...

— «Звезда империи»! — воскликнул Рон удивленно.— «Комета Ио»! Вот это да! Неужели вы летали в тройке с Мюэлзом Эрэнлайдом?

Ридра кивнула.

— Веселые книги, не правда ли?

— Черт, я их все прочитал,— выпалил Рон.— Каким он был, этот парень? Как «Комета Ио»?

— Нет, прототипом «Кометы Ио» является Фобо. Но Фобо был недоволен, я огорчилась, а Мюэлз взялся за новый роман.

— Неужели все, что написано в этих романах — правда?

— Многие его книги — это выдуманные истории, которые могли бы произойти. Мюэлз маскировался в своих романах. У него были темные волосы, он был задумчив, потрясающе терпелив и добр. Он все объяснил мне о предложениях и абзацах. Знаешь, какое эмоциональное значение имеют в тексте абзацы? Он растолковал мне, как отделить то, что ты хочешь сказать от подразумеваемого, и когда это можно делать, а когда — нельзя...— Ридра остановилась, помолчала и продолжила: — Он вручил мне свою рукопись и попросил: «Посмотри, что там неверно со словами». Но я сказала ему только то, что слов многовато. Это случилось сразу после гибели Фобо, в то время я только-только начинала сочинять стихи. И если мне удалось добиться чего-то, то только благодаря Мюэлзу. Через четыре месяца он заразился болезнью Калдера. Никто из нашей тройки не увидел мою первую книгу, хотя многие стихи им уже были известны. Возможно, когда-то Мюэлз сможет их все же прочесть. Может быть, он напишет продолжение к «Комете Ио», а потом придет в Склеп, задействует матрицу моего мозга, чтобы спросить: «Что у меня неверно со словами?» Тогда я смогла бы рассказать ему гораздо больше, чем в прежние времена. Но моего сознания уже не будет...— ее охватила печаль.

Рон сидел, поджав ноги, упираясь локтями в колени и опустив голову на ладони.

— «Звезда империи», «Комета Ио»... Что за чудесные книги! Мы иногда целыми ночами напролет спорили о них за кофе, правили корректуру, выставляли их перед другими книгами в книжных магазинах.

— И я так же делал! — воскликнул Рон.— Потому что они мне очень нравились.

— Мы веселились даже тогда, когда спорили, кому спать в середине.

Эта фраза сработала как ключ. Рон приподнялся, расправил плечи.

— А у нас — полная тройка,— произнес он.— И я должен быть счастлив. По идее...

— Да... или нет. Они тебя любят?

— Говорят, что любят.

— А ты?

— Конечно! Я разговаривал с Молли, и она мне пыталась что-то разъяснить, но ее английский пока еще не очень хорош. В конце концов, я догадался, о чем она говорит...— произнес он и бросил взгляд вверх, будто хотел отыскать слова на небе.

— Вот дела...— произнесла она.

— Да,— он взглянул на нее.— Дела!

— Кэлли и ты?

— Черт возьми, Кэлли — старый здоровый медведь, я могу с ним тягаться, могу его уложить на обе лопатки. Но ведь дело-то в Молли и в нем! Он до сих пор ее не понимает. Кэлли считает, что раз я моложе, то он должен разобраться быстрее. Но на поверку выходит не так, и он сторонится нас! Мне всегда удавалось справиться с его настроениями, но Молли его еще плохо знает и думает, что он на нее злится за что-то!

— Хочешь, я тебе подскажу, что можно сделать? — спросила Ридра после минутной паузы.

— Попробуйте...

Ридра кивнула.

— Я понимаю, это очень неприятно, лучше бы между ними действительно что-нибудь было. Так тебе, по крайней мере, кажется. И ты думаешь, будто ничем не можешь им помочь. Но это не так!

— Да?

— Ведь они тебя любят.

Рон застыл в ожидании.

— Кэлли нервничает, а Молли не понимает, что она может сделать.

— Да,— сказал Рон.

— Молли разговаривает на другом языке, и Кэлли не понимает ее.

Рон подтвердил.

— Но ты-то ведь можешь общаться с ними обоими. Ты не должен быть посредником — это не выход. Ты должен научить их тому, что можешь делать сам.

— Чему научить?

— Ну вот, например, что ты делаешь, когда у Кэлли дурное настроение?

— Я треплю его за уши, пока он не начинает хохотать, а потом валю его на пол,— ответил Рон.

Ридра скорчила гримасу.

— Не бог весть что, но если работает, то и ладно. Научи этому Молли. Она девушка спортивная. Пусть сначала на тебе попробует, пока не научится делать как надо.

— Но мне нравится, когда меня треплют за уши!

— Иногда приходится чем-то жертвовать,— Ридра хотела сдержать улыбку, но не смогла.

Рон почесал затылок.

— Ну, ладно.

— И ты должен научить Кэлли и Молли разговаривать друг с другом.

— Но я и сам пока только учусь. Просто мне это дается легче, чем ему.

— А если Кэлли выучит язык, это поможет делу?

— Разумеется!

— У меня на корабле имеется учебник суахили. Я тебе его сегодня же и дам.

— Это было бы отлично...— воскликнул Рон, но вдруг запнулся и отступил обратно в тень.— Кэлли не любит читать.

— Ты ему поможешь.

— Мне его научить?

— Ну, да.

— Вы полагаете, он меня будет слушаться?

— Ради того, чтобы сблизиться с Молли? — спросила Ридра.— Конечно же, будет.

— Будет! — выпалил Рон и распрямился подобно стальной пружине.

— Будет, будет! — подтвердила Ридра.— Теперь-то ты выйдешь в зал? Вот-вот должен начаться обед.

Рон оперся на перила и взглянул на яркий закат.

— Щит у них здесь надежный.

— Да, иначе они бы сгорели в пекле Беллатрикса,— сказала Ридра.

— Это дает им возможность не задумываться о том, что творится вокруг.

Ридра подняла брови. Мальчишку волнует соотношение правды и лжи, будь то семейные неурядицы или мировые проблемы.

— Да, и это тоже,— проговорила она и подумала о войне.

Ридра посмотрела на напряженную спину Рона и поняла, что ему нужно время, чтобы обдумать ее слова, он подойдет чуть позже. Она вышла и стала спускаться по лестнице.

— Я заметил, как вы вышли на балкон, и решил подождать, пока вы вернетесь.

Ридра его никогда раньше не видела. Иссиня-черные волосы, морщинистое лицо, хотя ему было лет тридцать, не больше. Мужчина отступил в сторону, уступая ей дорогу. Ридра обратила внимание на то, насколько экономно он двигался.

Он подождал, пока она приблизится, затем повернулся и показал на толпу внизу. В центре зала в одиночестве двигался барон.

— Очень уж голодный взгляд у этого Кассиуса.

— Да? И насколько же он голоден? — спросила Ридра, и тут же ощутила неясную тревогу.

В этот момент к барону сквозь толпу протиснулась баронесса, чтобы спросить его, начинать ли обед или выждать еще пять минут, а может быть, и по другому неотложному делу.

— Какую пару могут составлять эти люди? — спросил незнакомец иронично.

— Я думаю, ответ прост,— ответила Ридра.— Ведь главное их занятие — беспокоиться друг о друге.

Выжидающий вопросительный взгляд. Поняв, что разъяснений больше не будет, незнакомец опять повернулся к людям.

— Какие у них странные лица, когда они сюда смотрят, мисс Уонг.

— Они улыбаются.

— Бандикуты! Все они похожи на стаю бандикутов. Как вы думаете, на них воздействует искусственное небо?

Ридра ощутила растущее раздражение.

Незнакомец засмеялся.

— Это — бандикуты с талассанемией!

— Вероятно. А вы разве не из Двора? — его телосложение свидетельствовало о том, что он вырос не под искусственным небом.

— Из Двора.

Ридра удивилась и хотела расспросить его поподробнее, но тут...

— Дамы и господа, кушать подано! — объявил голос в динамике.

Мужчина пропустил ее, а сам пошел следом. Когда Ридра обернулась, спустившись по лестнице, незнакомца не оказалось, и она отправилась в столовую одна.

Возле арки ее поджидали хозяева. Баронесса взяла Ридру под руку, и музыканты на помосте заиграли.

— Пройдемте сюда.

Ридра с дородной дамой двинулась сквозь толпу к длинному выгнутому столу.

— Наши места.

«Капитан, у вас на бортовом транскрипторе появился текст»,— автоматически перевела она очередное сообщение на баскский язык. И вдруг Ридра застыла ошеломленно.

— Вавилон-17!

— Что, капитан Уонг? — обратился к ней барон.

Ридра нерешительно взглянула на его сухое лицо:

— Скажите, здесь сейчас есть какие-то материалы или предметы, нуждающиеся в усиленной охране?

— Охрана производится автоматически. Что-нибудь произошло?

— Барон, здесь должна произойти диверсия. Если она уже не началась...

— Но как же вам...

— Сейчас я не могу всего объяснить, но на всякий случай убедитесь еще раз, что все в порядке!

Напряжение вернулось опять.

Хозяйка коснулась его руки.

— Присаживайся, Феликс,— произнесла она неожиданно холодно.

Барон пододвинул стул, уселся и тут же откинул крышку на столе. Там оказался контрольный пульт. Гости рассаживались за столом. Ридра заметила Брэсса в двадцати шагах от себя. Он устраивался в гамаке, который специально подвесили для его огромного сверкающего тела.

— Присаживайтесь, дорогая. Давайте начинать обед, не смотря ни на что. Так будет лучше.

Ридра заняла место рядом с бароном, а его жена осторожно присела в кресло, слева от нее. Барон говорил о чем-то в миниатюрный микрофон. Изображение, которого она со своего места не могла разглядеть, светилось на восьмидюймовом экране.

— Никакой угрозы пока нет, капитан Уонг,— сказал барон, проследив за экраном какое-то время.

— Ах, не обращайте на него внимания,— произнесла баронесса.— Это куда как интереснее!

Рядом с ее местом из-под стола выехала небольшая панель.

— Интересная вещица,— продолжила баронесса и оглянулась.— Кажется, все готово.

Ее пышный палец нажал на кнопку, и в комнате померк свет.

— Я могу управлять ходом трапезы, прикасаясь в нужное время к нужной кнопке,— сказала она.— Смотрите!

Баронесса коснулась другой кнопки, и по всей длине стола растворились панели. Оттуда возникли вазы с разнообразными фруктами: с засахаренным виноградом, яблоками и ломтиками дыни, облитыми медом с орехами.

— Вино! — воскликнула баронесса, опять нажимая на кнопку.

Из многочисленных ножек стола поднялись бокалы. Скрытый механизм наполнил их пенящейся жидкостью до краев. Включились светящиеся фонтаны.

— Наполняйте бокал, дорогая. Давайте выпьем! — произнесла хозяйка, подставляя свой фужер под струю. Сквозь хрусталь засиял пурпур.

— В Арсенале как будто все нормально,— бормотал барон.— Все спецслужбы приведены в повышенную боеготовность. Вы уверены, что диверсия должна произойти именно сейчас?

— Сейчас или через пару минут,— ответила Ридра.— Может быть, где-то произойдет взрыв или откажет какая-то важная аппаратура.

— Пока мы вынуждены только ждать! Вы знаете, а ведь наши приборы тоже обнаружили этот Вавилон-17.

— Обязательно попробуйте это, капитан Уонг,— сказала баронесса, протягивая ей манго. Ридра надкусила его и почувствовала, что оно вымочено в ликере.

Все гости уже сидели на своих местах. Только Майкл, парень из ее отряда, рыскал по залу в поисках карточки со своим име-

нем. Чуть поодаль у стола она заметила того человека, что остановил ее на лестнице. Он поспешно двигался в ее сторону, не глядя на сидящих гостей.

— Вино это не виноградное, а сливовое,— сообщила баронесса.— Может быть, оно немного крепковато для начала, но оно так хорошо сочетается с фруктами. Я горжусь своими сливами. Знаете, слива в гидропонике — это такая морока, но мы все равно собрали хороший урожай!

В конце концов, Майкл нашел свое место и с нетерпением запустил руки в вазу с фруктами. Незнакомец уже обходил последний изгиб стола. Кэлли сжимал в каждой руке по стакану с вином, глядя то на один, то на другой и пытаясь понять, какой из них больше.

— Наверное, надо было сначала предложить вам ликер,— щебетала баронесса.— А может, шербет? Или закуску? Готовится она очень просто. Но я никак не могу понять...

Незнакомец приблизился к барону, нагнулся над его плечом, и что-то прошептал, глядя на экран. Барон обернулся, схватился руками за край стола, медленно приподнялся и... упал! Струйка крови побежала по его шее.

Убийство! Ридра отпрянула. Головоломка у нее в мозгу внезапно сложилась, и в результате получилось слово «убийство». Ридра вскочила.

Баронесса со сдавленным криком поднялась, опрокидывая свое кресло. Ее руки потянулись к мужу, голова затряслась.

Ридра заметила, как незнакомец достает вибропистолет, и оттолкнула баронессу. Незнакомец целился только вниз, чтобы разбить контрольную панель.

Баронесса бросилась к мужу. Ее сдавленный стон перешел в вопль. Ее слабые руки не могли поднять тело Феликса Уэр Дорко, и она упала перед ним на колени, продолжая истошно вопить.

Гости вскочили со своих мест, мирная беседа сменилась криками.

Пульт управления столом разбился и фрукты были сметены выскочившими жаренными фазанами с сахарными головами и сверкающими хвостами. Механизмы уборки больше не работали. Супницы и тарелки с закуской вытеснили вазы, и те опрокинулись на пол. Фрукты покатились по всему залу.

Сквозь взбудораженный гул голосов слева от Ридры раздался свист вибропистолета, потом опять слева и справа. Гости, вскочившие с мест, закрывали обзор. Ридра снова услышала смертельную песню вибропистолета и увидела, как доктор Крейн раздвоилась, к ужасу остальных гостей. Ее бесцветные волосы рассыпались и упали на лицо.

А из стола, скидывая фазанов, двигались блюда с седлами барашков. Вино разливалось по румяной поджаристой корочке и

с шипением испарялось. Снедь падала обратно в отверстия стола на раскаленные спирали очага. В зале запахло паленым.

Ридра протиснулась вперед и схватила за рукав толстяка с черной бородой.

— Помощник, уводите парней отсюда!

— Чем же я занимаюсь, по-вашему, капитан?

Ридра бросилась прочь, вдоль стола с шипящими и дымящимися провалами. На столе показалось восточное экзотическое блюдо — жареные бананы, облитые медом и вывалянные в крошках толченого льда. Блестящие сласти сыпались на пол, мед застывал сверкающими иголками. На них наступали, давили, поскальзывались, падали.

— Нравится вам кататься на бананах, а капитан? — спросил Кэлли.— Что здесь творится?

— Уведи на корабль Рона и Молли!

Наконец, дошел черед до кофейников. Они застревали в завалах еды и опрокидывались, расплескивая горячую жидкость на обезумевших гостей. Тряся ошпаренной рукой, закричала женщина.

— Да, это уже не смешно,— сказал Кэлли.— Пора уходить.

Только он отошел, как с другой стороны к Ридре уже подбежал помощник.

— Вы знаете, кто такой бандикут? — спросила она, взглянув на него.

— Мелкий злобный зверек. Сумчатый...

— Точно, припоминаю. А талассанемия?

— Не самое удачное время для таких вопросов. Вид анемии.

— Это понятно. А какая конкретно? Вы же медик.

— Попробую вспомнить. Я ведь все свои познания по медицине почерпнул из гипнокурса... Ага, вспомнил! Наследственное заболевание, кавказская разновидность анемии серповидных клеток, при которой разрушаются красные кровяные тельца и пропадает гемоглобин...

— Да-да... Пропадает гемоглобин, и клетки разрушает осмотическое давление! Ясно... Ну что ж... Теперь пора выбираться из этого пекла.

Удивленный помощник отправился к выходу. Ридра пошла за ним, поскользнулась на луже вина и схватилась за Брэсса, подоспевшего к ней.

— Осторожней, каф'итан!

— Уходим отсюда, ребята,— приказала она.— Да побыстрее!

— Верхом не желаете? — спросил Брэсс, осклабившись и опускаясь на четвереньки.

Ридра села ему на спину и вцепилась в гриву обеими руками. Могучие мышцы, одолевшие Серебристую Змею, заиграли буграми, и Брэсс ринулся вдоль стола. Ошеломленные гости шарахались в разные стороны. Впереди уже виднелся арка выхода.

5

Панический ужас бурлил в ее мозгу, но Ридра отбросила его, войдя в каюту «Рембо», и включив интерком.

— Все ли успели, помощник...

— Да, капитан, все на своих местах.

— А развоплощенные?..

— Здесь. Все здесь.

Фигура Брэсса, еле переводящего дыхание, закрывала всю дверь.

Ридра переключилась на другой диапазон, и в каюту полились мелодичные звуки.

— Так... Продолжается до сих пор.

— Так это и есть он? — спросил Брэсс.

— Да. Вавилон-17. Сообщение записывается автоматически, я вернусь к нему позже. У нас, во всяком случае, ничего не случилось.

Ридра щелкнула переключателем.

— Что вы намерены делать дальше?

— Я расшифровываю некоторые сообщения и посылаю их наружу. Надеюсь, они дойдут,— Ридра закончила первое сообщение и загрузила следующее.— Хотя... кто его знает? Я чуть-чуть разобралась, но этого не достаточно. Создается такое впечатление, будто шекспировскую трагедию исполняют на блатном жаргоне.

Вдруг, она услышала сигнал с внешней линии.

— Капитан Уонг, с вами говорит Элберт Уэр Дорко! — голос был на грани срыва.— Что происходит? Мы ничего не понимаем! У брата я вас не застал, но мне сообщили, будто вы послали запрос на гиперстатический старт.

— Нет, я ничего не запрашивала. Я просто хотела собрать всю команду на корабле. Вы узнали, что случилось?

— Капитан, мне только что доложили, что у вас продолжается подготовка к старту. В силу ваших чрезвычайных полномочий, я не могу отменить ваш приказ. Но мне хотелось бы, чтоб вы остались, пока все не выяснится, ведь у вас имеется какая-то информация о...

— Да нет же! Стартовать мы не намерены,— проговорила она.

— Мы и не можем сейчас,— добавил Брэсс.— Я даже не присоединился к команде.

— Знаете, Элберт Уэр Дорко, у меня складывается такое впечатление, что это вышел из-под контроля ваш автоматический Джеймс Бонд,— сказала Ридра.

— ...Джеймс?

— Это такой мифический персонаж. Извините, но я имела в виду ТБ-55.

— Да. Это я знаю. Он успел убить моего брата и еще четыре очень ценных сотрудника. Невероятно! Он уничтожил самые ключевые фигуры! Создается такое впечатление, что все было запланировано заранее.

— Это действительно так. ТБ-55 превратился в оружие диверсантов... И не спрашивайте, я не понимаю, как. Если вы свяжетесь с генералом Форестером, то...

— Капитан, судя по контрольной сигнализации, вы даете добро на старт! У меня нет достаточных полномочий, но вы же должны...

— Эй, помощник! Мы что, стартуем?

— Ну, да. Согласно вашему приказу о гиперстатическом переходе.

— Но Брэсс даже не успеет добраться до рубки, балда!

— Позвольте, я получил ваш приказ тридцать секунд назад, и был уверен, что Брэсс уже на месте. Я ведь только что говорил...

Неуклюжий Брэсс ринулся к микрофону.

— Остолоп, я нахожусь в капитанской каюте! — заревел он.— Ты собираешься отправить нас прямо в Беллатрикс? Или на какую-нибудь Новую? Корабль уйдет в сторону объекта с наибольшей массой!

— Вы же ведь только что...

Откуда-то снизу донесся нарастающий гул. Резкий толчок и голос Элберта Уэр Дорко: «Капитан Уонг!».

— Кретин, отключите стаситический-генера...— закричала Ридра.

Ее голос заглушил свист генераторов, переходящий в рев.

Еще один толчок. Ридра пыталась уцепиться за стол, в воздухе промелькнули когти Брэсса и...

Часть третья
ДЖЭБЕЛ ТАРИК

...Непроницаемо-мрачный,
он избегает нас,
я знаю, что он уходит,
и, может быть, навсегда.
Вот подрасту и увижу
книги его и мосты.
Мне бы придумать только
язык, на котором мы
сможем сказать друг другу
все, что возможно сказать.
Только не детские байки,
будто мама послала нас
в город, а он мечтает
только работу найти,
напиться и будто не хочет
снова прекрасным стать...

М. Х. «Навигаторы»

...ты морочишь меня, тишину забавляя...

М. Х. «Песня Лайдана»

1

Абстрактные образы в синеватом тумане: номинатив, генетив, элатив, первый аккузатив, второй аккузатив, облатив, партитив, иллатив, инструктив, абессив, адессив, инессив, эссив, аллатив, трансклатив, сомитатив. Шестнадцать падежей имени существительного в финском языке. А ведь существуют языки, в грамматике которых существуют только две формы — единственного и множественного числа. А в индейских языках нет даже и категории числа. Только в языке сиу наличествует множественное число, и то лишь для одушевленных существительных. Синяя круглая комната, теплая и тихая. Во французском языке отсутствует слово «теплый». Есть лишь «горячий» и «тепловатый». Но если этого слова нет, то как французы об этом думают? А если нет подходящей грамматической формы, то это нельзя выразить, даже при наличии соответствующего слова. Вот испанцы — они наделяют категорией пола любой предмет, будь то собака, стол

или дерево. А венгры вообще никак не обозначают пол: он, она и оно обозначаются одним и тем же словом. В английском языке елизаветинской эпохи еще существовало различие между «ты» (мой друг) и «Вы» (мой король). А во многих азиатских языках уйма всевозможных личных местоимений «ты»: мой друг, мой отец, мой жрец, мой король, мой слуга, которого я убью завтра, если ты проморгаешь, а также ты — мой король, но я с твоим политическим курсом не согласен, ты — мой друг, но я размозжу тебе голову, если ты еще раз... И все это — разнообразные «ты».

«Как тебя звать?» — думала она в этой круглой синей теплой комнате.

Просто мысли без имени в синей комнате. Может быть, «Урсула»? Или «Присцилла»? «Барбара»? «Мэри», «Мона», «Балтика», «Медведица», «Бабка», «Сплетница», «Горчица», «Макака»? Или «Задница»? Имена. Имена? Что в имени тебе моем? В чьем имени и я? На земле моих предков сначала шло отцовское имя: Уонг Ридра. А если бы я родилась там же, где и Молли, я носила бы имя матери. Слова — имена для вещей. Платон считал, что вещи — это имена идей. Как бы получше сформулировать платоновскую идею? В самом ли деле слова — имена вещей или это смысловое недоразумение? Слово обозначает целую категорию вещей, а имя — единичный объект. Имя — это аромат дыхания, облик, смятое платье, наброшенное на деревянный столик. «Иди сюда, женщина!». «Мое имя — Ридра!»,— шептала она, цепляясь в медный поручень до боли в руках. Индивидуальность — совокупность признаков, которая выделяет ее обладателя из среды и от всего остального в этой среде. Когда потребовалось выделить вещь среди похожих на нее, были придуманы имена. Я придумана. Я — не синяя, круглая комната. Я — в ней, я...

Глаза ее прикрыты. Вот она открывает их и видит паутину или сеть, опутывающую ее. Она поворачивает голову и пытается разглядеть комнату.

Нет.

Она — не «разглядывающая комнату».

Она — это нечто в чем-то. Одно нечто оказалось тоненьким звуком, возникшим в сознании, воспринимавшимся слухом и обонянием так же естественно, как и зрением. Следующее нечто — три неприметные фонемы. Они сливались в трезвучие. Первая фонема — это размер комнаты — около двадцати футов в диаметре. Вторая — это цвет и материал, из которого, по всей вероятности, сделаны стены — какой-то голубой металл. Третья — это скопище аффиксов, означающих предназначение комнаты — грамматическую бирку, благодаря которой весь жизненный опыт умещался в одно только слово. Все это промелькнуло у нее в мозгу, на ее языке быстрее, чем она успела проговорить слово «стол». Это Вавилон-17. Она давно замечала нечто подобное и в

других языках — выявление, расширение, усиление и мощный рост. Только теперь это было так, будто некая линза сфокусировала все, что копилось долгие годы.

Она уселась опять. Функция?

Каково предопределение этой комнаты? Ридра приподнялась, нити опутывали ее грудь. Напоминает лечебницу. Она посмотрела вниз на... нет, не на «паутину», а на тройной гласный классификатор, у которого каждая часть имеет свой особый смысл и свои отношения. Общее значение познавалось, когда звучание всех этих гласных достигало самого низкого тона. Когда она довела это сочетание звуков до этой точки, то догадалась, как распутать паутину. Если б она не дала ей название на этом языке, то она не смогла бы это сделать. От воспоминаний к познанию она перешла, когда...

Где же она была? Омерзение, возбуждение, ужас! Она в мыслях вернулась к английскому. Мысли на Вавилоне-17 — это все равно как неожиданно заглянуть на дно колодца, хотя только минуту назад казалось, будто впереди — ровное место. У Ридры закружилась голова, ее мутило.

Но она заметила, что в комнате есть еще кто-то. В большущем коконе у дальней стены висел Брэсс. Ридра увидела сквозь паутину когти его желтой лапы. В двух гамаках поменьше, по всей видимости, находились парни из отряда. Она заметила черные блестящие волосы Карлоса, его голова беспокойно дернулась во сне. Третьего Ридре разглядеть не удалось. Ее отвлекло прикосновение чьей-то руки к животу.

Затем стена исчезла.

Ридра пыталась определиться в своих возможностях, если уж во времени и пространстве это не удавалось. Как только стена исчезла, она оставила эти попытки. Она стала ждать.

В верхней части стены, слева от Ридры стена заблестела и стала прозрачной. В пространстве возникла и потянулась к Ридре дорожка из металла.

Трое.

У того, что во главе группы, лицо, будто вытесано из темного камня. На нем — устаревший скафандр, принимающий форму тела, сделанный из губчатого пластика, напоминающий громоздкие рыцарские доспехи. Черный ворсистый плащ закрывает одно плечо и руку. Меховая подкладка под ремнями защищает от потертостей. Вмешательство инженерохирургии ограничивается искусственной серебряной шевелюрой и густыми металлическими бровями. В мочке правого уха — тяжелая серебряная серьга. Он держит руку на кобуре вибропистолета, оглядывая гамаки.

Вперед выходит второй человек. Его стройное тело являет собой торжество инженерохирургии — что-то от грифона, что-то от обезьяны, что-то от морского конька. При том при всем, под

перьями, чешуей и когтями, угадывается кошачья фигура. Он съежился возле человека с серебряными волосами, опираясь подушечками пальцев о металлический пол. Тот, что с серебряными волосами, поднял руку, поправил волосы, грифоноообразный взглянул вверх.

Ридра ждала, когда они заговорят. Одно слово могло развеять сомнения: Конфедерация или Захватчики. Она приготовилась по одному только слову определить их язык, оценить их умственные способности, логику, выявить свое преимущество, если оно есть...

Второй подвинулся, и Ридра увидела третьего, он держался у них за спинами. Высокий, широкий в плечах, он был сложен еще крепче, чем первые двое. На нем были только бриджи. В запястья и пятки у него были вживлены петушиные шпоры — отличительный признак представителей «дна» среди транспортников. У них было такое же предназначение, что и у кастета или пиратского флага в древности. Наголо выбритая голова с черным ершиком прорастающих волос. Вокруг бугристого бицепса — полоса розоватого мяса, напоминающая кровавый ушиб или заживающий шрам. Та самая полоса, которая так приглянулась любителям криминальных романов, что превратилась в банальный штамп. Каторжное клеймо тюремных шахт на Титане. Этот человек производил впечатление невероятно свирепого. Ридра отвела от него взгляд, но будто против ее воли, глаза вновь и вновь обращались к нему.

Двое первых посмотрели на третьего. Ридра ждала первого слова, чтобы поймать его, запомнить и определить. Они еще раз взглянули на нее и ушли обратно. Дорожка стала втягиваться назад.

Ридра приподняла голову.

— Погодите,— крикнула она.— Куда мы попали?

— Джэбел Тарик,— ответил «серебряный волос», не оглянувшись.

И стена погасла.

Ридра оглядела паутину, бывшую, собственно чем-то другим на другом языке, потянула за одну ниточку, за другую. Петли расслабились, и она сошла на пол. Ридра встала во весь рост и поняла, что вторым парнем из отряда был Кэйл, работавший с Лиз в ремонтном отделе. И тут принялся барахтаться Брэсс.

— Секунду полежи спокойно,— сказала Ридра и стала распутывать паутину.

— Что он ответил? — поинтересовался Брэсс.— Это он так ф'редствился или ф'росто ф'риказал лежать и не дрыгаться?

Ридра пожала плечами, продолжая распутывать нити.

— На староирладском «Тарик» — это «гора». Может быть, гора Джэбела?

Паутина распуталась, и Брэсс вылез.

— Как это у вас ф'олучилось? — спросил он.— Я уже минут десять в'арахтаюсь здесь в'естолку.

— В следующий раз расскажу. Может быть, Джэбел — это имя.

Брэсс глянул на валяющуюся паутину, поскреб когтем за ухом и качнул головой.

— Главное, что они — не захватчики,— продолжала Ридра.

— Ф'очему это?

— Я думаю, что захватчики про староирландский язык даже и не слыхали. Те земляне, что эмигрировали туда, вышли из Южной и Северной Америки. Это случилось еще до возникновения Американии и поглощения Европы Панафрикой. Кроме того, каторжные шахты Титана находятся на Цезаре.

— Ф'равильно,— согласился Брэсс.— Да, но кто же он, этот в'ывший их ф'итомец?

Ридра смотрела туда, где скрылась дорожка. Все усилия осмыслить ситуацию были так же обречены на неудачу, как и попытки проломиться сквозь голубую металлическую стену.

— Что же все-таки ф'роизошло?

— Мы отправились в полет без пилота,— ответила Ридра.— Не исключено, что этот ложный запрос на старт от нашего имени как-то связан с передачами на Вавилоне-17.

— Мы ф'росто не смогли в'ы стартовать в'ез ф'илота. Кто-то должен в'ыл разговаривать с ф'омошником ф'еред стартом? Если в'ы не в'ыло ф'илота, мы в'ы оказались не здесь. От нас в'ы на в'лижайшей звезде даже грязного ф'ятнышка в'ы не осталось.

— Наверное, это сделал тот же, кто и разломал эти щиты...— произнесла Ридра, усилием воли заставив себя вернуться к недавнему прошлому.— Видимо, диверсант не собирался нас убивать. Тот же самый ТВ-55 мог запросто разложить меня на атомы — ведь я была прямо возле барона.

— А на корав'ле этот шф'ион говорит на Вавилоне-17? Вот, что хотелось бв'ы узнать.

— Да,— сказала Ридра.— Мне бы тоже хотелось.

Брэсс осмотрелся.

— Это все? А где остальная команда?

— Сэр, мэм?

Они оглянулись.

В стене опять открылся проход. Там стояла стройная девушка с зеленой лентой в каштановых волосах и держала чашку.

— Хозяин попросил принести это вам,— сказала она, и ресницы над ее большими темными глазами трепетали, как бабочки. Она протянула чашку.

Ридра заметила ее открытость, но в то же время и робость перед чужими людьми.

— Спасибо.

Девушка улыбнулась и кивнула.

— Вы нас не бойтесь,— произнесла Ридра.— Ни к чему.

Страх отступил, ее худенькие плечики расслабились.

— Как вашего хозяина зовут? — осведомилась Ридра.

— Джэбел.

Ридра посмотрела на Брэсса.

— Так значит, мы попали в «Гору Джэбела»? — спросила она и взяла протянутую чашку.— А как мы сюда попали?

— Джэбел поймал ваш корабль у самого центра Новой-42 созвездия Лебедя — до того, как отказали ваши статические генераторы.

Брэсс шикнул — свистеть он не мог.

— Теф'ерь ф'онятно, ф'очему мы ф'отеряли сознание — кораб'ль слишком в'ыстро летел!

Ридре стало нехорошо от одного этого воспоминания.

— Мы полетели к Новой. Выходит, у нас, в самом деле, пилота не было?

Брэсс сорвал с чашки белую салфетку.

— Каф'итан, это ж цыф'лята!

Цыплята были хорошо зажарены и еще горячи.

— Погоди-ка,— прервала его Ридра.— Кажется, я начинаю кое-что понимать...— она обратилась к девушке: — «Гора Джэбела» — это корабль? И мы в нем находимся?

Девушка сложила руки за спиной и кивнула.

— Очень хороший корабль.

— Пассажиров вы, наверняка, не берете. Что же вы перевозите?

Ридра совершила ошибку. Девушка опять испугалась — нет, не чужаков, а чего-то другого, всеобъемлющего.

— Мы ничего не перевозим, мэм,— выпалила она.— Я больше не могу с вами разговаривать. Спросите у Джэбела.

Девушка ушла обратно.

— Брэсс, это правда, что звездных пиратов больше нет? — спросила Ридра задумчиво.

— Бв'андитизм на трансф'ортных корав'лях искоренен семьдесят лет назад.

— А это, по-твоему, что?

— Ф'онятия не имею,— воскликнул Брэсс, очертания его щек исказились в голубоватом сиянии. Косматые брови нависали над темными круглыми глазами.— Так значит, они нас вытащили из Лев'едя-42? Ф'ятно теф'ерь ф'очему все это называется «Горой Джэв'ела». Из-за того, что она огромная, как эти треклятые в'оевые корав'ли!

— Если это и военный корабль, то Джэбел уж никак не похож на капитана.

— К тому же, каторжник не может служить на в'оевом кораб'ле. Как вы считаете, каф'итан, куда мы ф'оф'али,?

Ридра достала из чашки куриную ногу.

— До разговора с Джэбелом нет смысла ломать голову.

В коконе еще кто-то зашевелился.

— Хотелось бы верить, что с ребятами все в порядке. Как же я забыла спросить у этой девушки об остальных членах команды? — сокрушалась она, продвигаясь к кокону Карлоса.— Как ты себя чувствуешь? — спросила она ласково, разглядев, наконец-то, защелки, держащие паутину.

— Моя голова,— пробормотал Карлос, скривившись.— Точно с бодуна.

— Ну-ка, выше голову, парень! Что ты знаешь о похмелье? — сказала Ридра. Открылись защелки.

— Кажется я перебрал... на приеме...— проговорил Карлос.— О-ппа! Что происходит?

— Как только узнаю сама, сразу расскажу. Вылезай,— ответила Ридра и опустила кокон.

Карлос встал на ноги и откинул волосы с глаз.

— Где же все остальные?

— Кэйл здесь, а про других ничего пока не могу сказать.

Брэсс распутывал Кэйла, сидевшего на краю гамака и протиравшего заспанные глаза.

— Ну что, старина,— окликнул его Карлос.— У тебя все в порядке?

Кэйл зевнул, потянулся и пробурчал что-то нечленораздельное. Потом вдруг примолк и уставился вверх.

Ридра проследила за его взглядом.

Из стены опять выдвигалась дорожка. В этот раз она дотянулась до пола.

— Вы пойдете со мной, Ридра Уонг? — спросил Джэбел — тот, что с серебряными волосами и кобурой. Он стоял в темном проеме люка.

— С моей командой все в порядке? — спросила Ридра.

— Все остальные находятся в другом помещении. Можете на них взглянуть...

— С ними все в порядке?

Джэбел кивнул.

— До скорого,— прошептала Ридра, потрепав Карлоса по голове.

Обширный зал с арками, сводчатыми потолками, балконами и с серыми стенами, напоминающими скалы. Их украшали красные и зеленые полотна с изображениями баталий и знаков зодиака. Звезды... Ридра решила сначала, что они просвечивают сквозь потолок, но потом поняла, что это — громадная, футов на сто, проекция звездного пространства вокруг корабля.

Вокруг деревянных столов сидели, разговаривали и прогуливались люди. В самом конце зала вниз уходила широкая лестница, там располагалась стойка, сплошь заставленная выпивкой и

закусками. Из специального окошка появлялись сковородки, кастрюли, тарелки, а вдалеке была ниша, в которой люди в белых передниках готовили еду.

Когда они вошли, все посмотрели на них. Те, кто сидел поближе, прикоснулись пальцами ко лбу в знак приветствия. Ридра вслед за Джэбелом прошла к возвышению, на котором стояли диваны, заваленные подушками.

Человекогрифон поднялся вслед за ними.

— Это она, хозяин? — спросил он.

Джэбел обернулся к Ридре, его суровое лицо смягчилось.

— Посмотрите, капитан Уонг. Вот мое развлечение, моя отрада, мое отдохновение, громоотвод для моего гнева. Только здесь я способен сохранять чувство юмора. Правда, каждый скажет вам, будто я давно его лишился. Ну-ка, Клик, приготовь для беседы сидения!

Быстро кивнула голова, усеянная перьями, моргнул черный птичий глаз, и Клик кинулся к подушкам. Через секунду Джэбел и Ридра опустились на них.

— Джэбел, куда движется ваш корабль? — спросила Ридра.

— Сейчас мы находимся в Тисках Спезелли,— ответил он и сбросил накидку со своих мускулистых плеч.— А вы откуда отправлялись, когда попали в зону притяжения Новой?

— Мы... с Воинского Двора в Армсидже.

— Хорошо,— сказал Джэбел.— Вам крупно повезло. Даже теневой корабль не смог бы выдернуть вас из Новой, если бы отказали генераторы. Это было бы ваше последнее развоплощение.

— Да, вы правы,— сказала Ридра и почувствовала, как по ее животу проходят судороги от этих воспоминаний, а потом вдруг спросила: — Теневые корабли?

— Ну, да. Такие же, как и «Джэбел Тарик».

— Но я все равно не понимаю, что такое теневой корабль.

Джэбел раскатисто расхохотался.

— Надеюсь, что больше вы с ними не встретитесь!

— Объясните,— попросила Ридра.— Я слушаю.

— Тиски Спезелли недоступны для радиоволн. Даже такой огромный корабль, как «Тарик», на гиперволнах обнаружить практически невозможно. Он плывет в созвездии Рака, точно тень.

— Но ведь эта галактика находится под контролем захватчиков,— произнесла Ридра, начиная понимать.

— Тиски находятся на краю Рака. Мы... контролируем эту зону и нападаем на транспорт захватчиков... на их же территории.

Ридра обратила внимание на его неуверенный тон.

— Без санкции?

Джэбел опять рассмеялся.

— Что же в этом такого, капитан Уонг? — ответил он и выдернул перышко на макушке Клика. Шут дернулся.— В Тисках даже государственные боевые корабли не могут получать инструкции и команды из-за недоступности радиопередач. Потому-то штаб-квартира Глав Конфедерации терпима к нашим проделкам. Мы неплохо справляемся с нашей работой, а они делают вид, что не замечают нас. Правительство не может отдавать нам распоряжения, не может обеспечивать нас оружием и провизией. А мы, в свою очередь, вынуждены пренебрегать торговыми соглашениями и конвенцией о пленных. Некоторые капитаны называют нас грабителями,— Джэбел пристально следил за реакцией Ридры.— Но мы непримиримые враги захватчиков, капитан Уонг, и...— он вскинул голову и тяжелым кулаком ударил себя по животу,— и мы тоже хотим есть. Поэтому, если нам не встречается корабль захватчиков... мы забираем то, что попадется.

— Ясно,— проговорила Ридра.— Так, мы в плену?

Кулак Джэбела на животе разжался.

— Я что, похож на голодного?

Ридра усмехнулась.

— Нет, вы неплохо выглядите.

— Да, нам везет в последнее время, а то бы мы сейчас не сидели за одним столом. Сейчас вы — наши гости. Нам пока добыча не нужна.

— Может быть, вы поможете нам отремонтировать сломанные генераторы...

Джэбел поднял руку, призывая Ридру к молчанию.

— Еще не время,— сказал он.

Ридра привстала, но тут же откинулась обратно на сиденье.

— Неси книги,— приказал Джэбел Клику.

Шут мигом отбежал и отворил шкаф, находившийся между диванами.

— Мы ходим по лезвию бритвы,— продолжал Джэбел.— Вероятно, потому и живем неплохо. Мы вполне культурные люди — если нам на это хватает времени. Только из-за названия вашего корабля я решил прислушаться к Бэтчеру и выловить вас. Здесь, в пограничной зоне, поэты нечасто нас навещают.

Ридра любезно улыбнулась. Возвратился Клик с тремя книгами. Черные переплеты, серебристые обрезы. Джэбел взял их.

— Мне больше всего нравится второй том, особенно — «Изгнанник в тумане». Даже если вы и не слышали о теневых кораблях, вам все равно должно быть знакомо чувство, когда «густая ночь обволакивает тебя». Это ведь ваша строчка, если мне, изменяет память? Но третью вашу книгу я не очень понимаю, хотя и в ней тоже есть много забавного, созвучного нашей жизни. Мы живем здесь вдалеке от больших магистралей...— Джэбел вздохнул.— Да... Книги попадают к нам из корабельных библиотек

захватчиков и... ну, да, случается, что и корабли Конфедерации гибнут. Здесь осталась подпись,— он открыл книгу и зачитал: — «Джону в его первый полет. Здесь то, что я хотела бы высказать, но не умею. Люблю тебя. Лена» — Джэбел закрыл книгу.— Как трогательно... Третью книгу я раздобыл всего лишь месяц назад. Вот перечитаю ее пару раз, и тогда мы опять потолкуем. Я рад встретиться с вами,— Джэбел сложил книги на коленях.— Как давно была издана ваша третья книга?

— Около года назад...

— А четвертая есть?

— Нет,— ответила Ридра.

— Вам не покажется нескромным, если я вас спрошу, чем вы сейчас заняты?

— Пока ничем. У меня есть несколько больших стихов. Мой издатель хотел издать их отдельной книгой, но я решила сначала написать большое произведение, чтобы уравновесить их.

— Понимаю,— сказал Джэбел.— Очень жалко, что вы так насторожены. Если б я смог вдохновить вас на творчество, то был бы польщен... У нас во время трапезы играет музыка, премудрый Клик ставит комические интермедии. Если б вы решили сочинить к ним пролог или эпилог, то вы нашли бы в лице моих людей весьма отзывчивую публику,— Джэбел протянул ей свою жесткую руку, и Ридра пожала ее.

— Благодарю вас, Джэбел,— произнесла она.

— Нет, это мы вас благодарим,— сказал Джэбел.— В связи с тем, что вы проявили отзывчивость, я освобождаю вашу команду. Ее члены не ограничены больше в передвижениях по «Тарику», как и мои люди.

Но вдруг лицо его изменилось, и Ридра отпустила его руку.

— Это — Бэтчер,— показал он, и Ридра обернулась.

Тот самый каторжник, которого она уже видела на дорожке, стоял возле помоста.

— Кажется, что-то движется к Ригелю? — спросил Джэбел.

— Корабль Конфедерации уходит, а за ним гонится захватчик.

У Джэбела напряглось лицо, но затем расслабилось, и он махнул рукой.

— Ну, и ладно, пусть себе гоняются. У нас добычи хватает. Не будем тревожить наших гостей. Познакомься — Ридра...

Бэтчер стукнул правым кулаком по левой ладони. Люди внизу оглянулись. Ридра вздрогнула и впилась глазами в его лицо, стараясь разгадать причину его напряжения.

— Да, вы правы,— заговорил Джэбел вкрадчиво.— Но у человека ведь только одна голова, не так ли, капитан Уонг? — он поднялся.— Прошу прощения. Бэтчер, подведите нас к их траектории поближе. Сколько времени уйдет на это? Час? Ладно. Под-

ождем немного, а потом уже проучим,— Джэбел выдержал паузу и улыбнулся Ридре,— захватчиков!

Кулак Бэтчера разжался, и Ридра заметила, как расслабились его руки.

— Подготовьте «Тарик», а я пока нашу гостью отведу на наблюдательный пункт.

Бэтчер ничего не ответил и пошел вниз по лестнице. Люди передавали новость друг другу. Все вставали со своих мест. Кто-то уронил бокал с выпивкой. Девушка, которая приносила им цыпленка, подбежала и принялась вытирать пролитое вино.

Ридра поднялась по лестнице и через балконные перила оглядела весь зал внизу. Теперь он был пуст.

— Пойдемте,— сказал Джэбел и повел ее между колоннами к звездам, сияющим в темноте.— Итак, корабль Конфедерации движется в том направлении,— он показал на голубоватое облачко.— У нас есть приборы, которые могут видеть сквозь этот туман. Думаю, что этот приятель даже не догадывается о том, что его преследует захватчик,— Джэбел подошел к пульту и нажал на мерцающий круг. В туманном пятне вспыхнули два огонька.— Красный — захватчик, а голубой — корабль Конфедерации,— пояснил Джэбел.— Потом появятся желтые огоньки. Это — наши маленькие катера-паучки. Отсюда вам удобно будет следить за развитием событий. Все сенсорные индикаторы, как, впрочем, и навигаторы, останутся на «Тарике». Они должны будут согласовывать наши действия и следить за тем, чтобы строй не распался. Но в определенных рамках каждый корабль-паук может действовать независимо. Это занятие для настоящих мужчин.

— Что это за корабли, которые вы преследуете? — Ридра заметила, что несколько архаичная манера Джэбела разговаривать стала действовать и на нее.

— Корабль Конфедерации — это военный транспорт, а захватчик — это истребитель.

— Нам до них далеко?

— Они окажутся в пределах видимости минут через двадцать.

— И вы целый час будете ждать, прежде чем... проучить захватчика?

Джэбел усмехнулся.

— Транспорт перед истребителем бессилен.

— Я знаю,— ответила Ридра.

Она понимала, что Джэбел ждет ее возражений. И Ридра хотела возразить, но ее горло наполнилось крохотными певучими звуками. Они обжигали ее язык, точно угли. Это был Вавилон-17. Эти звуки ей дали больше, чем долгая речь на каком-нибудь другом языке.

— Мне еще никогда не доводилось видеть звездное сражение,— сказала она.

— Я не могу взять вас с собой, там чересчур опасно. Кроме того, отсюда будет гораздо удобнее наблюдать за битвой.

Ридру охватило возбуждение.

— Я так хочу отправиться с вами,— Ридра не теряла надежды, что он изменит свое решение.

— Нет, вы останетесь здесь,— ответил Джэбел.— Со мной пойдет Бэтчер. Если у вас вдруг возникнет желание проследить статические течения, возьмите биошлем,— по панели пробежала цепочка огоньков.— Прошу прощения, но мне нужно проверить боеготовность своих людей и корабля,— Джэбел слегка поклонился.— Ваша команда свободна. Их направят сюда, и вы им все объясните. Вы все — мои гости.

Джэбел спустился по лестнице, а Ридра опять посмотрела на экран, сверкающий звездами, и подумала: «У них на корабле должно быть собрано удивительное кладбище». «Всего — пятьдесят развоплощенных для чтения статических волн на самом „Тарике“ и на катерах-пауках»,— проговорила она про себя на языке басков. Ридра обернулась и узнала прозрачные силуэты Глаза, Уха и Носа в конце коридора.

— Приветствую вас,— сказала она.— Я не знала, существует ли на «Тарике» аппаратура общения с развоплощенными.

— Существует! — ответили ей.— Хотите, мы проведем вас по местному подземному миру, капитан. Вас там встретят, как владычицу преисподней.

Из динамика донесся голос Джэбела:

— Внимание! Стратегия — «Сумасшедший дом»! «Сумасшедший дом»! Еще раз повторяю — «Сумасшедший дом»! Больные собираются перед Цезарем. Психотики около выхода К. Невротики у выхода Р. Маньяки готовятся к броску через выход Т. Прекрасно, сбрасывайте смирительные рубашки!

Внизу на огромном экране показались три группы желтых огоньков — катеров-пауков. Они должны атаковать врага, как только он настигнет транспорт Конфедерации.

— Невротики, вперед! Поддерживайте связь, чтобы избежать мешанины и неразберихи!

Средняя группа на секунду пропала и тут же появилась на экране. Она стала неторопливо отплывать от корабля. Ридра слышала в динамике сквозь статические разряды голоса людей, докладывавших навигаторам на «Тарике»:

— Держи нас в курсе, Киппи, пока не стреляйте.

— Понятно. Сокол, жди сообщения!

— Само собой. Черт, у меня прыжковый агрегат барахлит.

— Кто тебе позволил вылетать без техосмотра?

— Идите сюда, леди, будьте с нами ласковее.

— Эй, Свиное Ухо, ты идешь ниже или выше?

— Ниже, сильней и быстрей. И не виси надо мной.

Из основного динамика опять прозвучал голос Джэбела:

— Охотник приблизился к дичи...

На экране замигали красный и голубой огоньки. На лестнице появились Кэлли, Рон и Молли.

— Что тут...— начал Кэлли, но замолчал, повинуясь жесту Ридры.

— Вот тот красный огонек — это истребитель захватчиков. Через несколько минут мы его атакуем. Следите за теми желтыми точками внизу,— Ридре показалось, что она объяснила достаточно и замолчала.

— С Богом,— сказала Молли коротко.

Вскоре на экране остался один красный огонек. Сзади послышался стук когтей Брэсса по ступеням.

— Охотник превращается в дичь. Вперед, маньяки! — объявил Джэбел.

Левая группа желтых огоньков тронулась вперед.

— Аппетитный захватчик... А, Сокол?

— Не волнуйся. Он еще нам задаст.

— Черт! Что за работа! Вы получили мою информацию?

— Да, да. Свиное Ухо, не закрывай лучи из бороды Леди!

— Ладно, ладно, ладно. Что там мешается в направлениях девять и десять?

— Сообразил, наконец.

— Я нечаянно. Спираль уже выглядит по-другому?

— Невротиками движет мания величия! Во главе выступает Наполеон. Иисус Христос на прикрытии.

Точно бриллиантовое ожерелье, вперед выдвинулись корабли справа.

— Не забывайте проявлять депрессивный психоз вкупе с замкнутостью и подавленной агрессией.

У Ридры за спиной послышались юные голоса. Помощник привел отряд. Парни подошли поближе и примолкли, завороженные картиной ночного сражения.

— Начинаем первый психотический этюд!

Расцвечивая темноту, вперед ринулись желтые огоньки. Но их, судя по всему, заметил истребитель захватчика. Он стал быстро уходить, но такой крупный корабль не убежит от пауков, если не нырнет в гиперстатическое пространство. Но на это у него уже оставалось слишком мало времени. Три россыпи желтых огоньков подплывали все ближе. Через несколько минут захватчик перестал отступать, и на экране возникла серия красных огоньков. Это означало, что он выпустил группу своих защитных катеров, которые сразу разделились на три атакующие части.

— Распалась жизни нить,— прокомментировал Джэбел.— Держитесь, главные процедуры еще впереди!

— Пусть только попробуют сунуться к нам!

— Значит так, Киппи: ниже, стремительней и резче!

— Главное — заставить их защищаться, и — победа за нами!

— Все готовы к лечебным процедурам? В действие вступает электрошок!

Но пока не было похоже на то, чтобы катера готовились к обороне. Одна часть расходилась горизонтально, вторая — под углом в шестьдесят градусов, третья — еще на шестьдесят. Таким образом, они создали непроницаемую сеть возле главного корабля.

— Внимание! Санитары приготовили сеть!

— Такого еще не бывало!

— Прорвемся! Плевал я на эту сеть!

Было слышно, как в одном из микрофонов что-то лопнуло, затрещало, и вой несущей волны перекрыл остальные звуки, а затем постепенно превратился в шепот статических разрядов.

— Ах ты черт, они обстреляли Свиное Ухо!

— Кто видит, что с ним случилось? Где он?..

— Применить ударные методы справа! Смелее! Центр напирает! Слева держитесь на прежних позициях!

Ридра видела, как желтые огоньки смешались с красными, продолжавшими раскидывать свою защитную паутину...

Паутина! У нее в мозгу моментально всплыла четкая картина, которая связала все линии воедино. Эта паутина была похожа на ту, что опутывала ее несколько часов назад, только теперь это были не нити, а траектории катеров. Та же самая закономерность!

— Джэбел! — закричала Ридра в микрофон.

Звуки перекатывались вперед и назад от постдентальных согласных через лабиальные обратно к фрикативным палатальным, образуя всплывающие в ее голове слова.

— Кэлли, Молли, Рон, назовите координаты места битвы! — обратилась она к навигаторам, стоявшим рядом.

— Что? — встрепенулся Кэлли.— Сейчас.

Он принялся крутить шкалу стелларометра на ладони. «Боже, как медленно,— думала Ридра.— Как они медленно двигаются!» Ридра поняла, что нужно предпринять и теперь наблюдала за развитием событий.

— Ридра Уонг, Джэбел сейчас занят,— раздался сердитый голос Бэтчера.

— Координаты — 3-Б, 41-Ф и 9-К.— пробормотал Кэлли слева от нее.— Быстро я, да?

Но Ридре казалось, что прошел уже целый час.

— Бэтчер, вы запомнили эти координаты? Смотрите, через... двадцать семь секунд вражеский катер будет в точке...— и она

назвала три координаты.— Пусть ваш ближайший невротик врежет по нему.

В ожидании ответа, она увидела, куда надо нанести следующий удар.

— Еще через сорок секунд... катер захватчиков будет...— снова координаты.— Пусть ваш ближайший врежет... Предыдущий катер сбили?

— Сбили, капитан Уонг!

Ридра вздохнула облегченно. Бэтчер ловил каждое ее слово, она давала координаты следующих трех катеров из «паутины».

— Если вы сейчас же по ним ударите, сеть распадется!

Ридра опустила микрофон.

— Переходим к оздоровительным процедурам! — послышался голос Джэбела.

Желтые огоньки снова посыпались во тьму. Во вражеской паутине зияли прорехи. Один за другим — красные катера начали отступать, сеть рассыпалась на глазах.

Их преследовали желтые огоньки до тех пор, пока вибролучи не взяли корабль захватчиков в клещи.

Рэт подпрыгнул, обнимая за плечи Карлоса и Флипа.

— Ура! Мы выиграли! — кричал инженер.— Выиграли!

Парни обсуждали увиденное. Ридра чувствовала какую-то отрешенность — все говорили так медленно, им нужно было так много времени! Когда это же можно было бы выразить несколькими...

— Каф'итан, с вами все в ф'орядке,? — спросил Брэсс, заботливо обнимая мохнатой лапой ее за плечи.

Ридра пыталась что-то сказать, но изо рта только вырвался всхлип. Она упала к нему на плечо.

Подскочил помощник.

— Что стряслось? — спросил он встревожено.

— З-з-з-з...— Ридра чувствовала, что не сможет выразить это на Вавилоне-17. Ее ум с трудом возвращался к английскому языку.— Заболела,— наконец проговорила она.— Ой, меня тошнит...

Но головокружение уже проходило.

— Пойдите, полежите.— предложил помощник.

Ридра помотала головой. Напряжение в шее и спине проходило, тошнота отступала.

— Все. Мне уже лучше. Просто я немного переволновалась.

— Ф'ередохните чуть-чуть,— сказал Брэсс, усаживая Ридру, но она поднялась опять.

— Мне, действительно, уже лучше,— произнесла Ридра, вздохнула глубоко и высвободилась из объятий Брэсса.— Вот видите? Прогуляюсь немножко, и мне станет лучше.

Ридра, покачиваясь, отправилась к выходу. Добравшись до конца коридора, она почувствовала, что силы возвращаются к ней, дыхание выравнивается. Полутемные переходы расходились

в шести направлениях. Ридра приостановилась, выбирая дорогу, услышала шум и оглянулась.

По коридору двигалась группа людей с «Тарика». Впереди шел Бэтчер. Он улыбнулся, поняв ее замешательство, и показал направление. Ридра не хотела разговаривать, она только улыбнулась ему и прикоснулась пальцем ко лбу в знак приветствия. В улыбке Бэтчера чувствовалась гордость за их общий успех и радость от того, что он смог ей помочь. Но ни малейшего намека на насмешку над заплутавшей незнакомкой не было. Конечно, Ридра не обиделась бы, но отсутствие насмешки трогало. Этот поступок соответствовал его угловатой жесткости, подмеченной ею раньше, и его хищной грации.

Добравшись до общего зала, она все еще продолжала улыбаться.

2

Ридра склонилась над перилами мостика и наблюдала за суматохой в огромном грузовом отсеке внизу.

— Помощник, пошлите ребят к конвейеру вниз. Джэбел попросил нас помочь ему.

Помощник собрал отряд у центрального лифта, опускавшегося в недра «Тарика».

— Хорошо, как только спуститесь, найдите человека в красном и спросите, чем можно помочь. Да, помочь. Что вы так на меня смотрите? Кэйл, пристегнись. Глубина здесь двести пятьдесят футов, а пол жестковат для твоей головы, если надумаешь падать. Эй, вы, не балуйтесь там! Спускайтесь и будьте внимательны...

Ридра следила за работой механизмов. С корабля Конфедерации и с истребителя члены разоруженных команд перегружали резервы органики. Они помогали так же снимать оборудование с двух кораблей и их катеров. Весь отсек был заставлен тюками и ящиками.

— С этими кораблями мы быстро разделались. Думаю, что и «Рембо» ждет та же участь. Может быть, вы хотите что-нибудь оттуда забрать, пока мы не начали работу, капитан? — раздался за спиной Ридры голос Джэбела.

Она обернулась.

— Я бы хотела забрать свои записи. Отряд я оставлю здесь, а специалистов возьму с собой.

— Ладно,— ответил Джэбел и прислонился к перилам рядом с ней.— После того, как мы закончим здесь, я отправлю к вам рабочую бригаду. Вдруг вам понадобится вынести что-то тяжелое.

— Так ведь...— начала Ридра.— Да, поняла! Вам необходимо горючее.

— Да,— ответил Джэбел.— А также запчасти к статическим генераторам и нашим «паучкам». «Рембо» мы не тронем до тех пор, пока вы не заберете оттуда все, что посчитаете нужным.

— Благодарю вас. Вы очень любезны.

— Меня поразил ваш метод прорыва оборонной сети противника,— сказал Джэбел, сменив тему разговора.— Этот момент всегда доставлял нам массу неприятностей. Бэтчер рассказал мне, что вы ее разрушили почти за пять минут притом, что мы потеряли одного единственного «паука». Вот это — да! Я не знал, что вы еще и великий стратег, а не только поэт. Количество ваших талантов поражает! Хорошо, что Бэтчер услышал вас. Я не смог бы переключиться в тот момент. Если бы последствия не были столь потрясающими, я наказал бы Бэтчера. Но пока его решения всегда приносили мне пользу.

Джэбел взглянул вниз.

В центре отсека на передвижной платформе стоял Бэтчер и следил за ходом работ.

— Занятный человек,— произнесла Ридра.— За что его осудили?

— Мне никогда в голову не приходило спрашивать его об этом,— ответил Джэбел.— А сам он не рассказывал. На «Тарике» много забавных людей. Но уединение и секреты просто необходимы в таком тесном пространстве. Да... Вы уже через месяц поймете, насколько мала наша Гора.

— Прошу прощения,— сказала Ридра.— Я не должна была об этом спрашивать.

Верхняя часть разрезанного катера захватчиков передвигалась по конвейеру в тоннеле шириной в двадцать футов. Вокруг него суетились рабочие с гаечными ключами и лазерными резаками. Кран зацепил кусок корпуса и стал медленно его поворачивать.

Мужчина, работавший у смятой переборки корабля, вдруг вскрикнул и отпрыгнул в сторону. Инструменты со звоном упали на пол. Входной люк распахнулся, и с высоты двадцати пяти футов на ленту конвейера спрыгнул человек в серебристом комбинезоне, затем он проскочил между какими-то выступами, соскочил на пол и побежал. Капюшон упал с головы, и до плеч рассыпались длинные русые волосы. Они развевались, когда беглец поворачивал, огибая масляные лужи. Человек бежал быстро, но как-то неловко. И тут Ридра догадалась, что это не просто толстый удирающий захватчик, а женщина на последних месяцах беременности. Механик замахнулся на нее монтировкой, но она увернулась, и удар пришелся по бедру. Женщина выбежала на открытое место между грудами оборудования.

И тут раздался свист вибропистолета: беглянка остановилась. Свист повторился опять, она тяжело опустилась на пол, завалилась на бок, ее нога дернулась, потом еще ...

Бэтчер стоял на платформе и убирал в кобуру свой вибропистолет.

— Это делать было необязательно,— произнес Джэбел неожиданно мягко.— Разве нельзя было...

Продолжения не требовалось. Лицо Джэбела выражало сожаление, но не по поводу двойного убийства, а от досады джентльмена, уличенного в неблаговидном поступке. В этот момент Ридра осознала, что ее жизнь тоже зависит от того, сможет ли она совладать со спазмами в животе. Она поняла, что он хочет высказать, и сделала это вместо него:

— Захватчики на боевых кораблях используют беременных женщин из-за того, что у них обостренная реакция...

Она рассчитывала на то, что Джэбел расслабится. Так это и случилось.

На лифте поднялся Бэтчер. Он приблизился к ним, нервно постукивая кулаком по боку.

— Сколько раз говорили им, что до того, как тащить что-то сюда, нужно все облучить. Ничего не хотят слушать! Второй случай за последних два месяца! — сказал Бэтчер и нахмурился.

Там, внизу отряд Ридры и команда «Тарика» обступили тело.

— Бэтчер, тобой интересовалась капитан Уонг,— сказал Джэбел вкрадчиво.— Она спрашивала, что ты за человек, но я ничего не мог ей ответить. Так, может быть, ты объяснишь, зачем...

— Джэбел! — крикнула Ридра, заметила мрачную усмешку Бэтчера и продолжила другим тоном.— Мне нужно сейчас же пойти на свой корабль и осмотреть прежде, чем вы его разберете.

Только сейчас Джэбел выдохнул воздух, который набрал, как только засвистел вибропистолет:

— Да, разумеется.

— Нет, Брэсс не изверг,— рассуждала она, открывая дверь в капитанскую каюту «Рембо».— Он просто применяется к заданным обстоятельствам. Так же, как...— и она говорила и говорила, пока Брэсс не скривился в клыкастой улыбке и покачал головой.

— Со мной говорите ф'о-английски, каф'итан. Я ф'онимаю только английский язык.

Ридра взяла с полки словарь и положила его возле стопки тетрадей.

— Извини,— сказала она.— Этот язык так увлекает. Когда начинаешь понимать его, все становится логично и ясно. Спрячьте эти записи. Их нужно обязательно сохранить!

— А здесь что? — спросил Брэсс указывая лапой.

— Это — транскрипция последней передачи на Вавилоне-17 в Воинском Дворе, прямо перед нашим вылетом.

Ридра вставила диск и приготовилась слушать.

Благозвучные слова хлынули в комнату, заполнили ее, а уже через пятнадцать секунд Ридра стала понимать суть происшествия. Перед ней с предельной ясностью открылся заговор ликвидации ТБ-55. Иногда попадались места, которые она не понимала, и это ужасно мучало Ридру. Ей казалось, что она плывет в сильном психическом потоке. Но потом опять попадался непонятный момент, и она теряя нить, трясла головой, словно стремилась избавиться, таким образом, от слепоты и глухоты. И вновь понимание возвращалось.

— Капитан Уонг!

Рон. Ридра повернулась к нему. В голове стоял гул.

— Я не хотел вас беспокоить, капитан Уонг.

— Это ничего,— сказала она.— Что-то случилось?

— Посмотрите, это было в каюте пилота! — Рон протягивал ей диск.

Брэсс еще стоял в дверях.

— Откуда в'ы ему взяться в моей каюте? — спросил он.

Рон напрягся.

— Мы с помощником только что его прослушали. Это запись запроса на вылет, а также приказ помощнику приготовиться к старту! Голосом капитана Уонг — или кого-то там еще.

— Так-так,— произнесла Ридра, взяла диск, осмотрела его и нахмурилась.— Но этот диск был в моей каюте! Я брала такие трехчастотные диски в университете. Все остальные на корабле — четырехчастотные. Запись тоже сделана здесь.

— Значит, кто-то ф'рокрался сюда в ваше отсутствие,— сказал.

— Когда я ухожу, то так тщательно запираю каюту, что и развоплошенный комар не заберется,— Ридра покачала головой.— Не нравится мне это все. Какого сюрприза нам ждать в следующий раз? Зато я теперь знаю, что делать с Вавилоном-17! — воскликнула она и стукнула кулаком по столу.

— И что же? — спросил Брэсс.

Никто не слышал, как тихо подошел помощник и с интересом стал наблюдать за происходящим через плечо Рона.

Ридра осмотрела присутствующих. «Что хуже — неуверенность в себе или недоверие к команде»? — подумала она.

— Пока я не могу рассказать вам об этом. Но это так просто! — сказала она и подошла к выходу.— Я хотела бы вам рассказать, но в свете последних событий, это было бы неуместно.

— Мне необходимо переговорить с Джэбелом!

Клик нахохлился и развел руками.

— Госпожа, здесь, в Горе, я всегда считаюсь с вашими желаниями, если они, конечно, не противоречат желаниям Джэбела. А он сейчас не хочет, чтобы его тревожили. Он составляет план

деятельности «Тарика» в предстоящем временном цикле. Ему нужно учесть все статические течения и массу окружающих звезд. Это непростая задача, и...

— Хорошо, где Бэтчер? Я встречусь с ним, хотя мне необходимо переговорить с самим Джэбелом.

— Бэтчер в биолаборатории,— ответил шут и указал зеленой лапой.— Сначала пройдете через зал, а потом поднимитесь на боковом лифте до двенадцатого яруса.

— Благодарю,— сказала Ридра и отправилась по ступеням к общему залу.

Ридра поднялась на лифте и остановилась перед большой переливающейся дверью. Она нажала на входной опознавательный диск. Створки раскрылись, и на нее потоком хлынул яркий зеленый свет.

Бритая голова и могучие мускулистые плечи Бэтчера виднелись на фоне пузырящегося бассейна, в котором плавало маленькое тельце. Вокруг беспомощной фигурки была пена, маленькие ножки конвульсивно вздрагивали, а редкие младенческие волосы колыхались в потоках воды.

Бэтчер повернулся и увидел Ридру.

— Все, умер! — сказал он и угрюмо показал на плавающее в бассейне тельце.— Пять минут назад еще жил! Ему было семь с половиной месяцев! Он должен был выжить! Младенец уже был достаточно развит,— Бэтчер пристукнул правым кулаком по левой ладони так же, как сделал это в зале. Он показал на операционный стол, на котором под белой простыней лежало женское тело.— Многочисленные повреждения внутренних органов и аноминальные некрозы.— Бэтчер опять повернулся к младенцу.— Но все равно, он должен был выжить!

Он отключил в бассейне свет, и вода перестала бурлить. Бэтчер повернулся к Ридре.

— Что вам угодно?

— Джэбел составляет маршрут «Тарика» на ближайшее время. Вы могли бы его спросить...— Ридра помолчала, а потом спросила: — Для чего?

«У Рона мышцы, точно живые шнуры,— подумала она.— Они предназначены для того, чтобы хорошо исполнять команды. А тело этого человека сдерживает его внутренние порывы. Но что-то все время рвется у него изнутри».

— Для чего? — повторила Ридра.— Для чего вы хотели спасти младенца?

Его лицо исказилось, левая ладонь легла на каторжное клеймо на правом бицепсе так, будто эта рана горела. Он отдернул руку.

— Умер. Больше ничего хорошего. Что вам угодно?

То, что рвалось наружу у него из груди, сотрясая щит его тела, опять ушло внутрь. Ридра отступила.

— Мне нужно узнать, может ли Джэбел доставить меня в штаб-квартиру Глав Конфедерации,— сказала она.— Необходимо срочно передать важные сведения, касающиеся Вторжения. Мой пилот говорит, что Тиски Спезелли тянутся на десять гиперстатических единиц. Одну единицу в состоянии пройти катерпаук. Тогда «Тарик» смог бы не выходить из радионепроницаемой зоны. Если Джэбел согласится доставить меня туда, я могла бы гарантировать вам свое покровительство и беспрепятственное возвращение в любую область Тисков.

Бэтчер взглянул на нее.

— Спуститься по Языку Дракона?

— Да. Брэсс объяснил мне, что так называется ближняя сторона Тисков.

— Вы гарантируете свое покровительство?

— Да. Я представлю документы, подписанные генералом Форестором — командующим Вооруженными Силами Конфедерации. Если бы вы...

Бэтчер сделал жест, чтоб она замолчала.

— Джэбел! — сказал он в настенный интерком. Беседа велась так, что Ридра не смогла расслышать ответ.

— В первом цикле «Тарик» должен отправиться вниз по Языку Дракона.

Прозвучал или вопрос или возражение.

— Отправляйтесь по Языку, и все будет в порядке.

Бэтчер покивал и ответил: «Умер».

Затем он отключил интерком.

— Все нормально,— сказал он Ридре.— Джэбел направит «Тарик» в сторону штаб-квартиры.

Недоверие Ридры сменилось удивлением. В этот момент она поняла, что первый раз Бэтчер ее удивил, когда прислушался к ее указаниям по поводу прорыва вражеской обороны. Но тогда все ее мысли были заняты Вавилоном-17.

— Благодарю вас,— сказала Ридра,— вы даже меня не спросили...

Она замялась, подбирая слова.

Но Бэтчер сам все сказал.

— Да, корабль должен быть разрушен — и он разрушен,— Бэтчер стукнул кулаком себя в грудь.— И вот спускается по Языку Дракона, «Тарик» пойдет по Языку Дракона.

Бэтчер опять ударил себя по груди.

Ридра думала спросить еще кое о чем, но взглянула на плавающего мертвого младенца и передумала.

— Бэтчер, спасибо,— сказала она на прощанье и ушла.

Ридра возвращалась к себе и вспоминала весь разговор с Бэтчером, пытаясь хоть как-то истолковать его поступки. Но даже эта грубоватая манера его речи...

И его слова!

Ридру осенило, и она остановилась посреди коридора.

3

— Брэсс, представляешь, он не может произнести слово «я»! — Ридра взволнованно перегнулась через стол.

Когти пилота сомкнулись вокруг стакана. В общем зале на деревянных столиках раскладывали ужин.

— «Я», «меня», «мне», «мой»... Он не только не может произнести эти слова, но даже подумать! Откуда, из какой берлоги он выбрался.

— Вы слышали о языке, в котором не в'ыло в'ы слова для ов'означения «я»?

— Встречаются языки, в которых это местоимение попадается редко. Но чтобы не было даже такой концепции, выражающейся хотя бы в глагольных окончаниях! Нет, о таком я слышу впервые.

— О чем это говорит?

— Непонятный человек с непонятным образом мыслей. Он почему-то неплохо относится ко мне и даже выступает посредником между мной и Джэбелом. Как хочется разгадать его...

Ридра огляделась. В зале полным ходом шли приготовления. Та девушка, что в первый день их пребывания на корабле принесла им цыплят, смотрела на нее во все глаза, с робостью и любопытством. Потом она отвлеклась и отправилась к шкафу за ложками.

«Что будет, если перевести свое восприятие человеческих движений, игру мышц на Вавилон-17?» — подумала Ридра. Она уже догадывалась, что это не просто язык — это способ познания мира, в котором каждое слово, по сравнению с обычными языками, имеет колоссальную емкость. Как будет выражаться человеческое лицо? Дрожащие ресницы или согнутый палец будет описан с математической точностью. Или же... Так она размышляла, и ее сознание медленно уходило в тесные дебри Вавилона-17. Ридра прикрыла глаза, слушая голоса.

Переплетаясь, поддерживая и отталкивая друг друга, они звучали в ее мозгу так четко, что она могла определить владельцев мыслей, витающих вокруг. Убитый горем паренек, который только что вошел в зал — это брат Свиного Уха, а девушка, приносившая им цыплят, влюблена в развоплощенного юношу. Он является ей во снах...

Ее собственное нахождение в этом зале, постепенно заполнявшимся людьми, составляло незначительную часть ее сознания.

В одном человеке — хищный зверь, в другом — тихий омут, в котором... Знакомая волна юношеского смущения — это отряд

с «Рембо», парни подначивают друг друга, а ведет их подтянутый помощник. А там, за волнением, голодом, вожделением — страх! Он заполнил зал, загораясь красными вспышками. Ридра стала искать Джэбела или Бэтчера, ведь в этом страхе звучали их имена, но не обнаружила их. Страх сосредоточился в мозгу худосочного человека по имени Джеффри Корд. Он искрится и брызжет мыслями: «Прикончить ножом, который спрятан у меня в сапоге, взять руководство „Тарика" в свои руки». Как эти мысли выделялись на фоне всеобщего ожидания и радости от предстоящего ужина и представления, которое премудрый Клик покажет сегодня вечером! Участники пантомимы сосредоточены на своей игре, они отрешенно смотрят на будущих зрителей. Пожилой навигатор спешит вручить девушке, претендующей в пьесе на роль Любви, серебряную пряжку, которую он недавно выточил и отполировал. Он хочет узнать, будет ли она и с ним играть в любовь...

Ридре принесли графинчик и хлеб. Она заметила это и улыбнулась, но, кроме этого, она видела еще так много всего. Люди в зале пили, ели, смеялись, грустили, официанты носились от стойки с дымящимися бифштексами к столам.

Но ее сознание снова и снова возвращалось к страху Джеффри Корда: «Я сделаю это сегодня же вечером, после представления». Ридра была неспособна сконцентрироваться на чем-то, кроме этих его мыслей, она наблюдала за тем, как он вздрагивает, ерзает, протискивается в передние ряды перед началом пантомимы — якобы для того, чтобы лучше рассмотреть сцену, скользит мысленно от стола к креслу, на котором сидит Джэбел, втыкает нож с отравленным лезвием ему между ребер. Потом он из высверленного зуба высасывает гипнонаркотик. Когда его схватят, то решат, будто он находится под гипнотическим контролем, и он поведает им сумасшедшую историю, которую он выучил в персонафиксе под гипнозом. Историю о том, что он находился под влиянием Бэтчера. Затем он остается с Бэтчером наедине и вводит ему в вену тот наркотик, что спрятан у него в зубе. Таким образом, огромный каторжник становится беспомощным. Как только Бэтчер становится командиром «Тарика», назначив Джеффри Корда своим первым помощником, как сейчас Бэтчер у Джэбела. Когда «Тарик» Джэбела становится «Тариком» Бэтчера, Джеффри уже контролирует нового хозяина. Он подозревает, что и сейчас происходит нечто подобное между Бэтчером и Джэбелом. Но когда Джеффри получит власть, восторжествует жестокость. Всех чужаков из «Тарика» выкинут в космос, он начнет захватывать все корабли — Захватчиков, Конфедерации, теневые... Ридра еле смогла оторваться от мыслей Джеффри. Она отыскала Джэбела и Бэтчера и убедилась, что они не гипнотики, они даже не подозревали о заговоре. Ее собственный ужас удвоился. Она

как будто заразилась его страхом — она пропиталась им, точно губка. Заполняя все поры, он душил и стеснял ее волю...

Ридра замечала гораздо больше того, что вещал со сцены пестрый шут: «А сейчас, перед началом представления наша гостья, капитан Уонг, скажет нам несколько слов, а может быть, и прочитает что-нибудь для нас». Ридра поняла, что ей нужно приложить все усилия, чтобы остановить убийцу. Эта мысль моментально вытеснила все остальные. Потом появились и другие соображения — нельзя допустить, чтобы Корд воспрепятствовал ее возвращению в штаб-квартиру. Поэтому Ридра поднялась и пошла к сцене. Она все время чувствовала в мыслях Корда смертоносное лезвие и собиралась сломать его...

Ридра стояла на возвышении рядом с этим удивительным зверем по имени Клик. Она слышала голоса, звучавшие в тишине зала, и, точно из пращи, метала слова своим вибрирующим голосом. Они повисали в пространстве, она видела их, как видела его глаза. Ритмы, которые были слишком сложны для остальных ушей в зале, казались ему болезненными, так как соответствовали тому, что происходило в его теле, поражали и разрушали его...

— Ты все продумал вплоть до мелочей, но, знаешь,
чтоб сделаться хозяином горы,
шакальей трусости, пожалуй, маловато,
ведь при одной лишь мысли об убийстве
твои коленки жалкие дрожат.
Раскрой глаза и оглянись вокруг,
прими достойно эту мощь и властность.
Кровавые ошметки честолюбья
заляпали твой судорожный мозг,
в конвульсиях готовящий измену.
И сам ты станешь собственною жертвой,
когда твой разум подлый одурманит
тобой же приготовленное зелье,
настоянное на крови и лжи.
Уж пальцы тянутся к коварному кинжалу,
запрятанному в кожаный сапог.
На что же ты надеешься, несчастный?!
Гипнозом ты обманут, а не я.
Я знаю, где ты спрятал этот нож,
и зуб змеиный с гнусною отравой.
И вот я оплела тебя стихами.
Так слушай же и слушайся... Предатель!
Изыди вон...

Ридра удивилась, как долго он продержался.

Она глядела прямо в глаза Джеффри Корда. А он смотрел на нее. И вдруг он пронзительно вскрикнул, взорвав тишину.

Ридра думала на Вавилоне-17, пытаясь подобрать английские слова, но теперь опять начала мыслить по-английски.

Корд мотнул головой, его черные волосы взметнулись. Он опрокинул стол и ринулся на нее. Отравленный нож, который она видела лишь в его мыслях, сейчас был направлен ей в живот.

Ридра отпрыгнула и ударила его по руке, когда Корд уже наносил удар. Она промахнулась, но угодила в челюсть. Он рухнул на пол и покатился.

Золото, серебро, янтарь — Брэсс бежал из одного конца зала, Джэбел с серебряными волосами — из другого, его плащ развевался. И вот Бэтчер уже стоит между Ридрой и встающим Кордом.

— Что тут происходит? — спросил Джэбел.

Корд стоял на одном колене, сжимая в руке нож. Его темные глаза смотрели то на один ствол вибропистолета, то на другой. Он будто оцепенел.

— Что ты себе позволяешь?! — сказал Джэбел.

— Этот нож предназначался для вас! — сказала Ридра, тяжело дыша.— Прослушайте записи персонафикса на «Тарике». Корд решил убить вас, установить над Бэтчером гипнотический контроль и захватить «Тарик».

— Ух, ты! — воскликнул Джэбел, поворачиваясь к Бэтчеру.— Еще один! Да, уже пора — ведь шесть месяцев никого не было. Спасибо, капитан Уонг.

Бэтчер подошел к Корду, у которого, казалось, жили только глаза, и взял нож у него из руки. Пока Бэтчер держал за лезвие и осматривал его, в тишине слышалось только дыхание Корда. В мощных пальцах Бэтчера нож казался совсем маленьким. Рукоять из бука семь дюймов длиной.

Затем Бэтчер свободной рукой ухватил Корда за волосы и не торопясь погрузил нож рукоятью вперед по самую гарду в его правый глаз.

Раздался крик переходящий в хрип. Руки безвольно упали вдоль тела. Люди, сидевшие вблизи, вскочили.

Сердце чуть не выскочило у Ридры из груди и сильно застучало о ребра.

— Вы даже не проверили... А вдруг я ошиблась... Вдруг, здесь было что-то еще...— горло ее захлебнулось в беспомощном протесте, сердце чуть не остановилось.

Бэтчер холодно посмотрел на нее, вытирая окровавленные руки:

— Он на «Тарике» бежал с ножом к Джэбелу и госпоже, и убил! — правый кулак хлопнул по левой ладони.

— Мисс Уонг,— сказал Джэбел.— Увиденного достаточно, чтобы убедиться, насколько опасен Корд. Думаю, что у вас тоже нет никаких сомнений по этому поводу. Вы оказали нам неоценимую услугу! Я очень вам признателен за это. Думаю, что дальнейший поход вниз по Языку Дракона пройдет благополучно. Бэтчер сообщил мне, что такова ваша просьба.

— Это хорошо, но...

Ее сердце опять бешено заколотилось. Она хотела прицепить к этому «но» хоть какую-то фразу, но не могла. У Ридры закружилась голова, и она пошатнулась. Бэтчер подхватил ее окровавленными руками.

И опять круглая синяя теплая комната. Только сейчас Ридра была одна и могла спокойно обдумать то, что случилось в зале. Да, Моки оказался прав, это была телепатия! Но она была как-то связана с ее прежними способностями и являлась просто новой формой мышления, открывая новые миры для восприятия и деятельности. Но откуда же взялась эта болезнь? Ридра вспомнила, как замедлялось время, когда она начинала думать на Вавилоне-17, вспомнила, как ускорялись ее мыслительные процессы. Наверное, психические процессы ускорялись тоже, а тело за ними не поспевало.

Согласно записям с «Рембо» следующая диверсия должна состоятся в штаб-квартире Глав Конфедерации. Ридра стремилась добраться туда, показать словарь и грамматику языка, передать это все и удалиться. Она уже не хотела искать таинственный источник передач. Но, что-то ее не отпускало, что-то было еще, и это нужно было еще расслышать и рассказать...

Предчувствуя подступающее головокружение и тошноту, Ридра оперлась на окровавленную руку и попробовала приподняться. Бесчувственность и жестокость Бэтчера, подкрепленная чем-то еще, непонятным, но эффективным, была страшной, но почеловечески страшной. Бэтчер, даже измазанный в крови, казался куда как безобиднее, чем мир, созданный странным языком. Как можно объяснить что-то человеку, у которого нет понятия «я»? Что он может ей сказать? Даже Джэбел, с его грубостью, жестокостью, вполне укладывался в рамки цивилизованности. Но такое кровавое изуверство просто очаровало ее!

4

Ридра встала с гамака, уже не расстегивая паутину. Уже час назад она почувствовала себя лучше, но продолжала лежать и размышляла. К ее ногам скользнул дорожка.

Когда за ее спиной закрылась стена, Ридра оказалась в коридоре. Она чувствовала встречный воздушный поток. Полупрозрачные брючки доходили до ее голых ступней. Складки черной шелковой кофты с вырезом свободно лежали на плечах.

Ридра прекрасно отдохнула во время ночной поры «Тарика». В боевой обстановке время сна определялось строго, но при перелетах были периоды, когда вся команда «Тарика» спала.

Вместо того чтобы отправиться в общий зал, Ридра завернула в незнакомый коридор, ведущий вниз. От пола исходил белый свет, через пятьдесят футов он сменился желтым, а затем оранжевым. Она встала и взглянула вперед — вдалеке оранжевый свет переходил в красный, а потом в голубой.

Стены расступились, потолок ушел вверх и скрылся из виду. От перемены цветов у нее перед глазами поплыли какие-то прозрачные цветные кляксы. Ридра оглянулась, чтобы определить свое местонахождение в этой радужной мути, и заметила темную фигуру:

— Бэтчер?

Он подошел к Ридре, и ей показалось, что чем ближе он подходит, тем сильнее меняются черты его лица в голубом свете. Бэтчер встал и кивнул.

— Мне стало лучше, и я решила прогуляться,— сказала Ридра.— Что это?

— Хранилище развоплощенных.

— Как я сама не догадалась,— произнесла Ридра, и они пошли вместе.— Вы тут прогуливаетесь?

— Нет,— ответил он.— К «Тарику» подошел какой-то корабль, Джэбелу нужно прослушать донесения сенсорной группы.

— Корабль Конфедерации или захватчик?

Бэтчер пожал плечами.

— Мы пока выяснили только то, что это негуманоидный корабль.

За время межзвездных исследований в семи галактиках было обнаружено девять разумных рас, три из которых безусловно поддерживали Конфедерацию, а четыре приняли сторону Захватчиков. С остальными двумя контакты еще не были налажены.

Они все дальше заходили в сектор развоплощенных, и все вокруг казалось иллюзорным. Стены поднимались голубым туманом, непрерывно перетекающим и меняющимся, эхом разносились разнообразные звуки, возникающие во время обмена энергией развоплощенных. То тут, то там что-то вспыхивало. Перед глазами Ридры, точно подразнивая, появлялись образы незнакомых призраков и тут же пропадали.

— Нам еще далеко? — спросила она, готовая идти за ним куда угодно. Но успела все же подумать: «Если слова „я“ он не понимает, то сможет ли он осмыслить слово „нам“?»

— Нет,— ответил Бэтчер, повернулся к ней, посмотрел на нее своими глубокими темными глазами и спросил: — Почему?

Тон его голоса был совершенно не похож на тот, к которому уже привыкла Ридра, и он так не соответствовал ситуации, что она растерялась. Она перебирала в памяти все слова, которые были между ними, и пыталась понять, что же она натворила.

— Почему? — повторил он.

— Бэтчер, о чем ты спрашиваешь?

— Спасение Джэбела от Корда?

Ридра не почувствовала в этом вопросе осуждения — одно любопытство.

— Джэбел нравится мне, и он должен доставить меня в штаб-квартиру. Кроме того, как же я...— Ридра запнулась.— Бэтчер, кто это «я»?

Он пожал плечами.

— Бэтчер, ты откуда? Где ты родился?

— Как знать? Мозг,— произнес он, через мгновение.— Сказали, что-то не то с мозгом.

— Кто сказал?

— Доктор.

Между ними проплыла синяя дымка.

— На Титане?

Бэтчер кивнул.

— Почему же тебя отправили не в госпиталь, а в шахты?

— Он сказал, что мозг не болен,— Бэтчер поднял левую руку.— Вот эта рука убила за три дня четверых,— он поднял правую руку.— А эта рука — семерых. Разрушила термитом четыре здания,— Бэтчер ударил себя по левой ноге.— Эта нога пнула охранника в телехронном банке по голове. Там так много денег, что не унести. Удалось унести лишь четыреста тысяч кредитов. Мало.

— Ты ограбил телехронный банк на четыреста тысяч кредитов?

— За три дня — одиннадцать человек и четыре дома. За четыреста тысяч кредитов. А Титан...— произнес Бэтчер, и его лицо передернулось.— Там было грустно.

— Мне рассказывали. Долго они ловили тебя?

— Полгода.

Ридра удивленно присвистнула.

— Вот это да! Так долго скрываться после ограбления... но, кроме того, ты еще и знаешь, как сделать кесарево сечение, не повредив плод! Ты не так-то прост!

— Доктор говорил, что мозги неглупые.

— Знаешь что? Мы беседуем с тобой и еще будем много и долго разговаривать, но я должна тебя сначала научить...— Ридра запнулась.— Да. Кое-чему научить.

— И чему же?

— «Ты» и «я». Эти слова ты слышишь каждый день по много раз. Ты никогда не задумывался, что они обозначают?

— Для чего? Почти все и без них понятно.

— Хорошо, давай поговорим на твоем родном языке.

— Нет.

— Почему? Может быть, я его знаю.

— Доктор говорил, что-то не то с мозгами.

— Ладно. Так что же не то?

— Афазия, алексия, амнезия.

— Да, это уже хуже,— Ридра нахмурилась.— Это случилось до или после ограбления?

— До.

Ридра пыталась разобраться в информации, которую она только что получила.

— С тобой что-то стряслось, и ты утратил память, способность говорить и читать. При этом первое, что ты совершил — ограбление телехронного банка... Какого именно?

— Реа-4.

— Не самый большой. И все равно... Ты гулял на свободе еще полгода. У тебя имеется хоть малейшее представление о том, кем ты был до потери памяти?

Бэтчер пожал плечами.

— Тебя должны были проверить на гипнотическую зависимость. Ты не помнишь, на каком языке ты говорил до этого? Значит, твоя манера общаться должна основываться на твоем прежнем языке, иначе ты узнал бы «я» и «вы», услышав эти слова.

— Чем эти звуки так важны?

— Ты задаешь вопрос, на который я ответить не могу, так как ты не понимаешь значения этих слов!

— Нет,— сказал Бэтчер недовольно.— Ответ существует. Слова должны быть простыми — вот и все.

— Бэтчер, есть слова, обозначающие определенные понятия. Если ты не знаешь слов, то не сможешь уяснить и понятия. А там, где нет понимания, нет и ответа.

— Можно говорить «ты», можно не говорить — результат один и тот же. Значит, «ты» не имеет значения.

Ридра вздохнула.

— Это потому, что слово «ты» не имеет для тебя особой смысловой нагрузки. Послушай, я задала тебе вопрос, на который ты не смог ответить.

Бэтчер нахмурился.

— Понимаешь, ты можешь уловить смысл этих слов, вдумываясь в то, что я говорю. Лучший способ изучить язык — это слушать его. Слушай же. Когда ты,— Ридра указала на него,— говоришь мне,— она указала на себя: — «Знать, какие корабли должны быть уничтожены, и они уничтожены. Теперь спускаться по Языку Дракона», ты дважды ударил кулаком,— она коснулась его левой руки,— себя в грудь,— она поднесла его кулак к груди.— Кулак пытался что-то сказать... А если бы ты использовал слово «я», тебе не пришлось бы ударять себя в грудь. Тогда ты сказал бы вот что: «Ты знала, какие корабли нужно уничтожить, и я их уничтожил. Ты хочешь спускаться по Языку Дракона, и я поведу „Тарик“ вниз по Языку Дракона».

Бэтчер опять нахмурился.

— Да, кулак о чем-то говорит.

— Разве ты не видишь, как иногда ты хочешь что-то сказать, но не можешь подобрать нужных слов, для выражения своей мысли? Сначала было слово. Пока что-то не названо, оно не существует. Но мозгу это существование необходимо, иначе ты не бил бы кулаком себя в грудь или в ладонь. Мозгу нужно это слово. Позволь мне научить тебя.

Бэтчер нахмурился еще больше.

Теперь туман рассеялся между ними. Во тьме с сияющими звездами двигалось что-то призрачное и мерцающее. Сенсорный приемник, к которому подошли Ридра и Бэтчер, преобразовывал полученный сигнал в зрительные образы.

— Вот,— сказал Бэтчер.— Чужой корабль.

— Он с Кайрибии-4,— сказала Ридра,— Это — союзники Конфедерации.

Бэтчер удивился, как Ридра смогла с первого взгляда узнать корабль.

— Какой странный звездолет.

— Забавно выглядит, да?

— Джэбел не знает, откуда он,— Бэтчер покачал головой.

— Я не видела их с самого детства. Мы доставляли делегатов с Кайрибии на Суд Внешних Миров. Моя мать работала там переводчицей,— Ридра оперлась на перила и посмотрела на корабль.— Кто бы мог подумать, что такое неуклюжее сооружение может совершать гиперстатические полеты. Но они летают, и еще как.

— У них есть это слово — «я»?

— Фактически, у них три формы этого слова: «я — ниже температуры шесть градусов по стоградусной шкале», «я — между шестью и девяносто тремя градусами» и «я — выше девяносто трех градусов».

Бэтчер был удивлен.

— Это связано с их способом воспроизводства,— объяснила Ридра.— Пока температура ниже шести градусов, они стерильны. Совокупляться они могут при температуре между шестью и девяносто тремя градусами, а зачать — только при температуре выше девяносто трех градусов.

Кайрибийский корабль еле заметно перемещался по экрану.

— Может быть, тебе станет понятнее, если я скажу, что в галактиках — девять разумных рас. Они распространены так же широко, как и мы, они — технически развиты, у них сложная экономика. Семь из них втянуты в ту же войну, что и мы, но все-таки мы очень редко встречаемся с ними. Настолько редко, что даже такой опытный астронавт, как Джэбел, проходя мимо одного из них, не может его опознать. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что у нас очень мало общих коммуникативных факторов. Возьми этих кайрибийцев. У них достаточно знаний,

чтобы перемещаться в своих яйцеобразных кораблях от звезды к звезде. У них нет таких слов, как «дом», «жилье», «жилище». Я помню, что во время подготовки договора между нами и Кайрибией в Суде Внешних Миров понадобилось сорок пять минут, чтобы сказать фразу «мы должны защищать свои семьи и дома» по-кайрибийски. Вся их культура основана на смене температур. Хорошо еще, у них были представления о семье. Ведь кроме людей, они — единственные, кто имеет семьи. Но, что касается «дома», то наши переводчики прибегли к следующему описанию: «...Помещение, создающее такое температурное различие с внешним окружением, которое делает возможным существование организма с температурой тела в девяносто восемь и шесть десятых градуса, а также способное понизить температуру в жаркий сезон и повысить в холодный, где созданы условия для сохранения от порчи органических веществ, используемых в пищу, а также для нагрева их до температуры закипания воды, с целью придать им вкус, более привычный для обитателей, которые, благодаря постоянной смене жарких и холодных сезонов, приспособились к резким изменениям температуры...» и так далее. В конце концов, мы сумели им дать некоторое представление о концепции дома и о том, зачем его надо защищать. Как только им объяснили принцип действия кондиционеров и системы центрального отопления, дело пошло лучше... Я помню еще один случай... В Суде Внешних Миров была огромная фабрика по переработке солнечной энергии. Один кайрибиец должен был побывать на этой фабрике, а потом описать ее своему соотечественнику, который никогда ее не видел, так чтобы тот сумел получить точное представление о ней, включая даже цвет стен. Дело в том, что они решили, будто мы изобрели нечто стоящее, и хотели попробовать сами. В этом описании была указана каждая деталь, все ее размеры и предназначение. И для этого понадобилось только девять слов. Девять маленьких слов.

Бэтчер покачал головой.

— Нет. Устройство для переработки солнечной энергии чересчур сложно. Не так давно эти руки разбирали одно такое. Слишком большое. Нет...

— Да, Бэтчер, девять слов. По-английски для этого потребовалось бы несколько томов с описаниями, чертежами и схемами. Они же использовали для этого девять слов.

— Невероятно.

— Тем не менее, это так,— она указала на кайрибийский корабль.— Он летит,— Ридра следила, как напряженно работает его мысль.— Правильные слова экономят время и облегчают дело,— продолжила Ридра.

— Что такое «я»? — спросил Бэтчер минуту спустя.

Ридра улыбнулась.

— Это очень важно. Гораздо важнее, чем что-то еще. Мозг действует, пока «я» существует. Так как мозг — это частица «я». Книга существует, корабль существует, Джэбел существует, Вселенная существует, и, как ты мог заметить, я — существую.

Бэтчер кивнул.

— Да. Но что есть «я»?

Над экраном, закрывая звезды и кайрибийский звездолет, сгустился корабль.

— На это вопрос можешь ответить лишь ты.

— «Ты», наверное, тоже очень важно,— пробормотал Бэтчер.— Потому что мозг заметил, что ты — есть.

— Замечательно!

Неожиданно Бэтчер коснулся рукой ее щеки. Петушиная шпора слегка задела ее нижнюю губу.

— Ты и я,— сказал Бэтчер и заглянул ей в лицо.— Здесь больше никого нет. Лишь ты и я. Но кто есть кто?

Она кивнула, щека потерлась о его пальцы.

— Ты получил повод для размышлений,— его грудь была холодна, а рука была теплой. Она накрыла его ладонь своею.— Иногда ты пугаешь меня.

— Я и меня,— сказал Бэтчер.— Только морфологическая разница, так? Мозг понимает, что было раньше. Почему ты пугаешь меня иногда?

— Пугаюсь. Морфологическая коррекция... Ты пугаешь меня, потому что грабишь банки и втыкаешь нож в глаза людям, Бэтчер!

— Почему ты пугаешься я?.. Коррекция, меня?

— Потому что я никогда этого не делала, не хочу и не могу делать. А ты нравишься мне, мне нравятся твои руки на моих щеках. Поэтому, если ты вдруг решишь всадить нож мне в глаз, то что же...

— О, ты никогда не всадишь нож в мой глаз! — сказал Бэтчер.— Я не должен бояться!

— Ты можешь изменить свой ум.

— Ты не хочешь,— Бэтчер пристально посмотрел на нее.— Я не думаю, что ты на самом деле хочешь убить меня. Ты знаешь это. Я знаю это. Это что-то другое. Почему я не говорю тебе чего-то другого, что испугало бы меня? Может, ты видишь что-то такое, что хочешь понять? Мозг умный.

Его рука соскользнула на ее шею, его озадаченные глаза выражали заботу. Она уже видела это выражение, когда он отвернулся от мертвого зародыша в биологической лаборатории.

— Однажды...— медленно начала она.— Это была птица...

— Меня пугают птицы?

— Вообще-то нет. Но эта птица испугала. Я была ребенком. Ты ведь не помнишь себя ребенком? Многие реакции у большинства людей закладываются с детства.

— И у меня тоже?

— Да. И у меня тоже. Мой доктор приготовил мне эту птицу в подарок. Это был скворец, которого научили говорить. Но он не понимал того, что произносит, а просто повторял, как магнитофон. Я этого тогда еще не знала... Иногда я понимала, что хотят сказать мне люди, еще до того, как они открывали рот. Я этого раньше не осознавала, но здесь, на «Тарике», убедилась в том, что это похоже на телепатию... Итак, эту птицу дрессировали, давая ей земляных червяков, когда она все повторяла правильно. Ты знаешь, какие бывают большие земляные черви?

— Такие? — Бэтчер развел руки.

— Да. И даже на несколько дюймов больше. А сам-то скворец был длиной восемь-девять дюймов. Иными словами, земляной червь и скворец по длине могут быть одинаковыми. Птицу научили говорить: «Привет, Ридра, прекрасный день, я рада». Но для нее это была лишь грубая комбинация зрительных и вкусовых ощущений, которые приблизительно можно перевести так: «Приближается еще один земляной червь». И вот, вхожу я в оранжерею, здороваюсь с птицей, а та отвечает: «Привет, Ридра, прекрасный день, я рада». Мне становится понятно, что она лжет. Ко мне приближался еще один земляной червь, я могла его видеть и обонять, и он был размером с меня. И предполагалось, что я его должна съесть... У меня была истерика. Я никогда не говорила об этом доктору, потому что до сих пор не могла точно выразить, что же произошло. Но даже сейчас, вспоминая об этом, я чувствую отвращение.

Бэтчер кивнул.

— Покинув Реа с деньгами, ты в итоге оказался замурованным в шахте, в ледяном аду Диса. На тебя нападали черви в двенадцать футов длиной. Они буровили скалы кислотной слизью, которой смазано их тело. Ты обжигался, но убивал их. Ты соорудил электрическую сеть из миниатюрного аккумулятора. Ты убивал их, ты уже не боялся. Единственная причина, по которой ты их не ел, заключалась в том, что их мясо было ядовитым от кислоты. И ты ничего не ел три дня.

— Я? То есть... ты?

— Ты не боитесь того, что боюсь я. Я не боюсь вещей, которых боишься ты. Хорошо, не так ли?

— Да.

Он опять медленно приблизил свое лицо к ее лицу и тут же отвел его в ожидании ответа от нее.

— Чего ты боишься? — спросила она.

Он смущенно покачал головой.

— Ребенок. Ребенок, который умер,— сказал он.— Мозг боится, боится за тебя, что ты будешь один.

— Боится, что ты будешь одинок, Бэтчер?

Он кивнул.

— Одиночество — это плохо!

Ридра тоже кивнула.

— Мозг знает это,— продолжал Бэтчер.— Долгое время он не понимал, но потом научился. Ты был одинок на Реа, даже с этими деньгами. Еще более одиноким ты был на Дисе. И на Титане, даже с другими заключенными — ты всегда был одинок. Никто тебя не понимал, когда ты говорил. А ты не понимал их. Может быть, потому, что они все время говорили «я» и «ты», а ты лишь теперь начал понимать, как это важно.

— Ты хотел спасти ребенка и вырастить его... чтобы он говорил на том же языке, что и ты? Или, по крайней мере, говорил по-английски так же, как ты?

— Тогда оба не были бы одиноки.

— Понимаю.

— Он умер,— сказал Бэтчер и улыбнулся.— Но теперь ты уже не так одинок. Я научил тебя понимать других. Ты не глуп и быстро обучаешься,— Бэтчер положил руки ей на плечи и яростно проговорил: — Я тебе нравлюсь. Как только я впервые появился на «Тарике», во мне было что-то такое, что тебе понравилось. Я видел, как ты делал вещи, которые, по моему мнению, были плохими, но я тебе нравился. Я сказал тебе, как прорвать оборону захватчиков, и ты разрушил ее для меня. Я сказал тебе, что хочу отправиться к краю Языка Дракона, и ты организовал это. Ты делаешь все, что я попрошу. Очень важно, чтобы я это знал.

— Спасибо, Бэтчер,— сказала Ридра.

— Если ты когда-нибудь ограбишь другой банк, ты все деньги отдашь мне.

Ридра рассмеялась.

— Спасибо. Мне этого еще никто не предлагал. Надеюсь, ты не станешь грабить...

— Ты убьешь всех, кто встанет на моем пути, убьешь намного ужаснее, чем убивал раньше!

— Но ты не должен...

— Ты убьешь всех на «Тарике», если они попытаются нас разлучить и оставить в одиночестве!

— Бэтчер...— Ридра отвернулась от него и закусила кулак.— Плохой из меня вышел учитель! Как я сразу не поняла...

— Я не понимаю тебя, я думаю...— проговорил он удивленно.

Ридра опять повернулась к нему.

— Но это — я, Бэтчер! Я не поняла тебя! Пожалуйста, поверь мне. Тебе еще многому нужно научиться.

— Ты веришь мне,— ответил Бэтчер коротко.

— Тогда слушай. Мы еще на полпути. Я еще не до конца научила тебя правильно употреблять слова «я» и «ты». Пока что мы создали свой особый язык и говорим на нем.

— Но...

— Последние десять минут каждый раз, когда ты говорил «ты», нужно было говорить «я». Каждый раз, когда ты говорил «я», ты имел в виду «ты».

Бэтчер опустил глаза, а потом опять взглянул на нее, не отвечая.

— То, что я говорю о себе, как «я», тебе нужно говорить «ты». И, наоборот, понимаешь?

— Значит, это разные слова для одного и того же? Они одинаковые?

— Нет, но... Хотя, да. Они относятся к одному и тому же типу отношений. В каком-то смысле это одно и тоже.

— Тогда ты и я — это одно и то же.

Рискуя все запутать, Ридра кивнула.

— Я это подозревал. Но ты,— Бэтчер указал на нее,— научила меня,— он указал на себя.

— Поэтому ты не должен больше никого убивать. Или нужно очень крепко подумать, прежде чем это сделать. Когда ты говоришь с Джэбелом, я и ты существуем. Когда ты глядишь на корабль или на экран, я и ты по-прежнему здесь.

— Мозг должен это обдумать.

— Ты должен думать об этом не только мозгом. Это нечто большее.

— Если должен, значит, и буду,— Бэтчер опять прикоснулся к ее лицу.— Потому что ты научила меня. Потому что со мной ты можешь ничего не бояться. Я только что научился и могу допускать ошибки, но понял, что убивать людей, не подумав об этом много раз — ошибка, так? Теперь я правильно употребляю слова?

Ридра кивнула.

— Я не буду делать ошибок с тобой. Это было бы ужасно. Я буду делать как можно меньше ошибок. А потом я научусь окончательно,— Бэтчер улыбнулся.— Будем надеяться, что никто не будет делать ошибок со мной. Мне жаль, если они будут это делать, потому что я, наверное, тоже начну делать с ними ошибки и не думать при этом много.

— На сегодня хватит,— сказала Ридра и взяла его за руку.— Я рада, что я и ты вместе, Бэтчер!

Он обхватил ее за талию, и она прижалась к его плечу.

— Спасибо,— прошептал он.— Я благодарен тебе, спасибо.

— Ты теплый,— сказала она, уткнувшись в его плечо.— Давай еще немного постоим.

Он замер, Ридра посмотрела на него сквозь голубоватый туман и похолодела.

— Что такое, Бэтчер?

Он взял ее лицо в свои ладони и наклонился так, чтобы его волосы коснулись ее лба.

— Бэтчер, вспомни, я говорила тебе, что понимаю, о чем думают люди! Я чувствую что-то нехорошее. Ты говоришь, чтобы я не боялась тебя, и снова пугаешь меня!

Она посмотрела в его лицо. У Бэтчера на глазах выступили слезы.

— Послушай, что-то в тебе пугает меня. Скажи, что это?

— Не могу,— сказал он хрипло.— Не могу. Не могу сказать тебе.

То, что он смог постичь своим новым сознанием, было для него ужасным. Ридра видела его душевную борьбу и боролась сама.

— Может быть, я смогу помочь тебе, Бэтчер? Есть способ проникнуть в мозг и найти там...

Он отпрянул от нее.

— Ты не должна! Ты не должна со мной этого делать! Пожалуйста.

— Бэтчер, я... я не буду,— Ридра была смущена, и это смущение причиняло ей боль.— Бэтчер, я не буду! — она заикалась, точно влюбленный юноша.

— Я...— начал он, тяжело дыша.— Я был один и не был «я» очень долго. Мне нужно еще немного побыть одному.

— Я... понимаю,— смутное подозрение сформировалось у нее в уме. Когда он отступил, подозрение почти перешло в уверенность.— Бэтчер! Ты читаешь мои мысли?

Он был удивлен.

— Нет. И я не понимаю, как ты можешь читать мои.

— Хорошо... Я подумала, что ты прочитал какие-то мои мысли и испугался меня.

Он покачал головой.

— Хорошо. Черт возьми, я не хотела бы, чтобы кто-то копался у меня в голове!

— Я скажу вам сейчас,— сказал Бэтчер, опять приближаясь к ней.— Я и ты — одно и то же, но я и ты такие разные. Я видел много такого, о чем ты и не догадываешься. Ты тоже видела такое, о чем я и не подозреваю. Ты сделала меня неодиноким. В моем уме есть много о боли, о бегстве, борьбе. А когда я был на Титане, то и о победе. Если тебе грозит опасность, настоящая опасность, и кто-то захочет сделать с тобой ошибку, смотри в его мозг. Читай его мысли, если это нужно. Я прошу тебя лишь подождать немного, пока ты не сделала еще одной вещи.

— Я подожду, Бэтчер,— сказал она.

Он протянул руку:

— Пойдем.

Она взяла его руку.

— Нет необходимости анализировать статические течения, если чужой корабль поддерживает Конфедерацию. Мы еще немного побудем вместе.

Она шла рядом с ним, прижавшись к его плечу.

— Друг или враг? — говорила она, когда они проходили сквозь сумерки, насыщенные привидениями.— Вторжение иногда кажется мне таким бессмысленным. Здесь, на «Джэбел Тарик», ты избегаешь подобных вопросов. Я завидую тебе.

— Ты направляешься в штаб-квартиру из-за Вторжения, да?

— Да. Но не удивляйся, если я снова вернусь,— сказала Ридра и опять посмотрела вверх.— Существует еще одна причина, по которой мне хотелось бы разобраться во всем... Захватчики убили моих родителей, а вторая блокада чуть не убила меня. Захватчики убили первую жену моих навигаторов. Рон все еще размышляет, насколько был прав Воинский Двор. Никому не нужно Вторжение, но оно продолжается. Оно настолько велико, что я никогда не думала о том, чтобы охватить его одним махом. Странно видеть, как человечество раздирает эта страшная разрушительная борьба... Может быть, мне не стоит лететь в штаб-квартиру. Может быть, мне нужно просить Джэбела повернуть назад и отправиться в самые далекие части Тисков.

— Захватчики причинили вред многим людям: тебе, мне...— сказал Бэтчер,— Да, мне тоже.

— Как?

— Болезнь мозга. Я говорил тебе. Это сделали захватчики.

— Не может быть!

Бэтчер пожал плечами.

— Первым делом я вспомнил побег из Нуэво-нуэво Йорка.

— Это крупный порт в пограничной туманности Рака?

— Да.

— Тебя взяли в плен захватчики?

Бэтчер кивнул.

— Да, и сделали что-то со мной. Может быть, эксперимент, может быть, пытка,— он пожал плечами.— Неважно. Я не могу вспомнить. Но когда я сбежал, у меня не было ничего — ни памяти, ни голоса, ни слов, ни имени.

— Может быть, ты был офицером или каким-нибудь важным лицом до того, как они тебя схватили...

Бэтчер наклонился и прижался щекой к ее губам, чтобы заставить ее замолчать. Выпрямившись, он грустно улыбнулся.

— Есть вещи, которых мозг не знает, но о которых может догадываться. Я всегда был вором, убийцей, грабителем. И я не был я. Захватчики меня однажды поймали. Я убежал. Конфедерация поймала меня потом на Титане. Я убежал...

— Ты сбежал с Титана?

Он кивнул.

— Меня, наверное, поймали бы опять — рано или поздно это случается со всеми преступниками во Вселенной. Может быть, я бежал бы опять,— сказал Бэтчер и пожал плечами.— Может быть,

в следующий раз меня бы уже не поймали... но я не был я. А теперь у меня есть причина оставаться свободным. Меня не должны поймать снова. У меня есть причина.

— Какая причина, Бэтчер?

— Теперь я — существую, а ты — существуешь,— сказал он мягко.

5

— Вы уже завершили рав'оту над своим словарем? — спросил Брэсс.

— Да, закончила, еще вчера. Стихотворение,— Ридра закрыла блокнот.— Мы сегодня уже должны быть на кончике Языка Дракона. Бэтчер утром сказал мне, что кайрибийский корабль будет сопровождать нас несколько дней. Брэсс, у вас есть какая-нибудь идея по поводу того, что они...

Вдруг динамик оглушительно взревел голосом Джэбела:

— Немедленно подготовить «Тарик» к обороне! Повторяю, к обороне!

— Черт возьми, что происходит? — воскликнула Ридра. Общий зал вокруг них вдруг взорвался бурной деятельностью.— Брэсс, собери команду и отправляйся с ней к выходу.

— К тому, от которого отчаливают катера-пауки?

— Да,— ответила Ридра и встала.

— Каф'итан, мы вмешаемся?

— Да, если потребуется,— бросила Ридра на ходу.

Она встретила Бэтчера около выхода. Боевые расчеты «Тарика» спешили по коридорам.

— Что происходит? Напали кайрибийцы?

Он покачал головой.

— В двенадцати градусах от Галактического Центра — захватчик.

— Так близко к штаб-квартире Конфедерации?

— Да. Если «Тарик» не нападет первым, мы погибли. Их корабль больше «Тарика», и «Тарик» идет прямо на них.

— Джэбел хочет его атаковать?

— Да.

— Ну, тогда вперед!

— Ты хочешь идти со мной?

— Я ведь тоже кое-что понимаю в стратегии, если ты помнишь.

— Это очень опасно,— сказал Бэтчер.— Будет такое большое сражение, какого ты еще не видела.

— Тем больше причин применить мой талант. У вас на борту полная команда?

— Да. Но мы используем навигаторов и развоплощенных для дистанционного управления.

— Возьмите мою команду — возможно, придется менять стратегию на ходу. Лишние люди не помешают. Джэбел отправится с тобой?

— Нет.

Из-за угла вышел помощник в сопровождении Брэсса, навигаторов, развоплощенных и отряда. Бэтчер перевел взгляд с них на Ридру.

— Ладно. Идем.

Ридра поцеловала его в плечо, потому что не могла дотянуться до лица. Бэтчер открыл люк.

— Сюда.

Аллегра, поставив ногу на лестницу, вцепилась Ридре в рукав.

— Капитан, мы будем сражаться? — спросила она, ее веснушчатое лицо сияло возбужденной улыбкой.

— Не исключено. Боишься?

— Ага,— сказала Аллегра, улыбаясь по-прежнему, и нырнула в темный тоннель. Ридра и Бэтчер отправились следом за ней.

— У них не возникнет недоразумений с оборудованием, если они случайно выйдут на зоны слежения «Тарика»? — спросила Ридра.

— Катер-паук на десять футов короче «Рембо». В секторе развоплощенных чуть-чуть тесновато, но в целом у него аналогичная конструкция.

«Мы проверили аппаратуру. Все в порядке»,— повторила Ридра про себя на языке басков.

— Единственное отличие — в капитанской каюте,— продолжал Бэтчер.— В ней находится управление системой огня... Мы собираемся делать ошибки?

— Сейчас некогда думать,— ответила Ридра.— Мы будем драться за «Тарик», как черти. Но у меня должна быть возможность вовремя убраться оттуда. Мне во что бы то ни стало нужно вернуться в штаб-квартиру Глав Конфедерации.

— Джэбел хотел бы знать, можно ли рассчитывать, что кайрибийцы сражаться на нашей стороне. Они по-прежнему находятся в секторе Т.

— Скорее всего, они ограничатся наблюдением, если их непосредственно не атакуют. Тогда они сумеют позаботиться о себе. Но навряд ли они присоединятся к нам.

— Это плохо,— сказал Бэтчер.— Нам очень, очень нужна помощь.

— Стратегия — «Мастерская»! Стратегия — «Мастерская»! — донесся из динамика голос Джэбела.— Повторяю, стратегия — «Мастерская»!

Там, где в каюте Ридры были развешаны языковые таблицы, во всю стену распростерся экран внешнего обзора. Там, где у нее стоял стол, здесь размещался пульт управления бомбометателями и виброартилерией.

— Страшное, дикое оружие,— заметила Ридра, усаживаясь в надувное кресло.— Зато чертовски эффективное, если умело с ним обращаться.

— Что? — Бэтчер устраивался рядом с ней.

— Я неудачно процитировала хозяина арсенала в Армсидже.

Бэтчер кивнул.

— Проверьте свою команду, а я проверю готовность систем корабля.

Ридра включила интерком.

— Брэсс, вы на месте?

— Да.

— Глаз, Ухо, Нос?

— Здесь так пыльно, капитан. Когда они в последний раз подметали это кладбище?

— Пыль нам не помешает. Как приборы?

— Все в порядке.

— Навигаторы?

— Мы на месте. Молли учит Кэлли дзю-до. Но я их позову, если надо.

— Будьте готовы.

Бэтчер наклонился, взъерошил ей волосы и рассмеялся.

— Они мне нравятся,— сказала Ридра.— Надеюсь, не подведут. Но один из них — предатель. Он дважды пытался меня убрать. Я не должна дать ему еще один шанс... Но, в то же время, только так его и можно выявить.

Снова заработал динамик — Джэбел отдавал распоряжения:

— Плотники собираются в двадцати трех градусах от Галактического центра. Рубанки — у выхода К. Ножовки должны быть готовы у выхода Р. Стамески — у выхода Т.

С щелканьем открылись эжекторы. Каюта погрузилась в полумрак, а на экране вспыхнули звезды и туманности. По контрольному щиту побежали разноцветные огоньки. Начались переговоры катеров-пауков с «Тариком».

— Хорошенькое дельце предстоит! Ты видишь его, Ихосафат?

— Он прямо передо мной. Какой он огромный!

— Будем надеяться, что он нас пока не засек...

— Сверла, дрели, токарные станки, проверьте смазку, подточите свои лезвия!..

— Это нам,— сказал Бэтчер. Его руки замелькали над пультом управления.

— Что это за шарики от пинг-понга, замотанные в москитную сетку?

— Джэбел утверждает, что это кайрибийский корабль.

— Он не меньше нашего...

— Электроинструменты приступают к работе. Ручные доводят ее до конца...

— Ноль,— прошептал Бэтчер.

Ридра почувствовала толчок от ускорителей, звезды на экране закружились, и через пару секунд они уже парили в открытом космосе. На экране четко был виден корабль захватчиков — огромный тупоносый силуэт.

— Какой он отвратительный на вид! — сказала Ридра.

— «Тарик» тоже похож на него, только он поменьше... Если мы прорвемся к штаб-квартире, считай, что нам необычайно повезло. Нет ли возможности задействовать кайрибийский корабль? Джэбел будет атаковать захватчика и постарается разрушить его как можно больше, а потом бы в атаку пошли они. Ведь если мы не получим помощи, то...— и Ридра во тьме услышала удар кулака по ладони.

— А нельзя ли на них сбросить большую и варварскую атомную бомбу?

— У них есть дефлекторы, которые взорвут ее еще на борту «Тарика».

— Ясно... Хорошо, что я взяла с собой команду. Мы можем попытаться прорваться к штаб-квартире...

— Если они нас пропустят,— сказал Бэтчер угрюмо.— Ну, так как там с твоей стратегией?

— Пока никак — ведь атака еще не началась. У меня есть проверенный метод, но за его использование приходится дорого расплачиваться,— Ридра вспомнила свое болезненное состояние после случая с Джеффри Кордом.

Пока Джэбел отдавал распоряжения, команды болтали с «Тариком» и между собой, а катера-пауки улетали все дальше в космос.

Началось все так неожиданно, что Ридра чуть не пропустила этот момент. Пять игл проскользнули в сотне ярдов от захватчика. Они ударили одновременно по эжекторам выходов. Красные сполохи забегали по черному борту. Потребовалось всего четыре с половиной секунды, чтобы оставшиеся двадцать семь эжекторов раскрылись и защитные катера открыли огонь. Ридра сразу переключилась на Вавилон-17.

В своем замедленном времени она видела, что «Тарик» нуждается в немедленной помощи. Но мысль о помощи содержала в себе и ответ об ее источнике.

— Меняем стратегию, Бэтчер. Следуй за мной с десятью кораблями. Моя команда начинает! — как медленно слетают с языка английские слова!

— Киппи, посади пилы на хвост и оставь их там! — прозвучал медленный ответ Бэтчера.

Ридра уже успела в микрофон продиктовать траекторию.

Брэсс швырнул их под прямым углом к течению, и через мгновение она увидела «пилы» за кормой. Крутой поворот — и они уже в тылу первого ряда катеров захватчика.

— Ну-ка, поджарь их, Бэтчер!

Бэтчера положил руку на пульт.

— Гнать их к «Тарику»?

— Огонь, черт возьми!

Бэтчер выстрелил, и «пилы» последовали его примеру.

Через десять секунд стало ясно, что Ридра оказалась права. «Тарик» двигался в сторону К, а впереди маячил несуразный и как будто растрепанный корабль кайрибийцев. Кайрибийцы поддерживали Конфедерацию, и, по крайней мере, один из захватчиков об этом знал, потому что выстрелил в их нелепое сооружение, парившее в пространстве. Ридра видела, как орудия захватчика выплюнули зеленое пламя, но оно кайрибийцев уже не достигло. Катер захватчика окутался дымом, который тут же потемнел и рассеялся. Та же участь постигла и второй катер, затем третий, еще и еще...

— Уходим отсюда, Брэсс! — крикнула Ридра, и они резко свернули вправо и вверх.

— Что это было?..— начал Бэтчер.

— Тепловой луч. Кайрибийцы его не используют, пока их не трогают. Поэтому мы и организовали нападение,— Ридра уже снова думала по-английски, ожидая приступов головокружения и тошноты, но возбуждение отвлекало ее.

— Бэтчер! — подключился Джэбел.— Что вы там делаете?

— Сработало, не так ли?

— Да. Но теперь в нашей защите осталась дыра в десять миль длиной!

— Скажи ему, что через минуту мы ее заткнем. Надо только подставить кайрибийцам еще одну группу,— вмешалась Ридра. Джэбел, видимо, ее услышал.

— А что мы будем делать эти шестьдесят секунд, юная леди?

— Драться как черти!

Еще одна группа неприятельских катеров исчезла в тепловом луче кайрибийцев.

— Бэтчер, они вас окружают! — прокричал динамик.

— Они догадались, в чем дело.

— Бэтчер, у тебя на хвосте шестеро. Сбрось их быстрее.

— Я легко могу уйти от них, капитан,— послышался голос Брэсса.— Они же следуют лучу своего базового корабля, а я могу действовать свободно.

— Надо еще раз повторить этот маневр, и тогда преимущество будет уже на нашей стороне!

— Попробуем прорвать эту цепь,— сказал Бэтчер и наклонился к микрофону.— Пилы расходятся и тормозят катер сзади!

— Есть. Парни, держитесь!

— Эй, Бэтчер, один не поддается!

— Хорошо, что вы вернули мои пилы, но к вам кто-то приклеился и рвется в рукопашную,— вмешался Джэбел.

Ридра взглянула на Бэтчера вопросительно.

— Герои хреновы,— прохрипел он презрительно.— Они хотят приблизиться к нам и взять на абордаж...

— Они не знают моих парней! Брэсс, поворачивай и тарань их или подойди к ним так близко, чтобы они подумали, будто мы спятили.

— Можно ребра сломать...

Корабль подпрыгнул, и Ридра почувствовала, как ремни безопасности впиваются в тело.

— Осторожно! — раздался в интеркоме юношеский голос.

Крейсер захватчика на экране скользнул в сторону.

— Подходящая возможность, если они попытаются схватиться,— сказал Бэтчер.— Они не догадываются, что у нас на борту полная команда. У них самих не больше двух...

— Внимание, капитан!

Крейсер захватчика заполнил экран. Послышался звон металла. Бэтчер улыбнулся, расстегивая ремни.

— Ну, а теперь в рукопашную! А ты куда?

— С тобой!

— У тебя есть вибропистолет? — спросил Бэтчер, пристегивая кобуру к поясу.

— Конечно,— Ридра откинула полу своей накидки.— А это — шестидюймовая ванадиевая проволока. Страшная вещь...

— Пошли! — Бэтчер передвинул рычаг гравитационного поля вниз. Поле стабилизировалось для схватки на одном «g».

— Зачем это?

Они уже шли по коридору.

— В скафандрах сражаться неудобно. А поле сохранит вокруг кораблей пригодную для дыхания атмосферу на расстоянии двадцати футов над поверхностью, и немного тепла — тоже... более или менее...

— Насколько менее? — спросила Ридра и скользнула вслед за ним в лифт.

— До десяти градусов ниже нуля.

Теперь на Бэтчере не осталось даже тех брюк, которые были на нем в хранилище. Лишь кобура с вибропистолетом.

— Думаю, долго мы здесь не пробудем, и костюм тебе не понадобится...

— Обещаю, что каждый, оказавшись здесь, умрет через минуту, и вовсе не от перепада давления,— прозвучал глухо голос Бэтчера, и они скользнули в узкий проход.— Если не знаешь, что делать, стой в стороне,— сказал он, наклонился и потерся своей щекой о ее щеку.— Ты и я — мы знаем.

Он ловко откинул люк. Их обдало холодом, но Ридра не обратила на это внимания — ускоренный метаболизм, которым сопровождался Вавилон-17, окружал ее щитом физической невосприимчивости.

Что-то просвистело над головами. Ридра и Бэтчер одновременно пригнулись. Разорвалась граната, вспышка осветила напряженное лицо Бэтчера. Он прижался к порогу и нырнул в темноту.

Ридра последовала за ним, под защитой эффекта от Вавилона-17. Какая-то тень метнулась за десятифутовый корпус шлюпки-аутригера, и Ридра выстрелила; замедленные движения противника позволили ей хорошо прицелиться. Она не стала следить за результатом выстрела, а поспешила за Бэтчером.

Вражеский корабль затмевал свет звезд. Яркая спираль Галактики подсвечивала у него сбоку, нанося на корпус угольно-черные тени. Ридра запрыгнула на обшивку катера захватчиков. На мгновение стало холоднее. Она упала, прячась от второй гранаты за посадочными кронштейнами. Противник еще не знал о том, что Ридра и Бэтчер на обшивке. Это хорошо. Она выстрелила. Со стороны Бэтчера тоже сверкнула вспышка.

Внизу в темноте, двигались какие-то фигуры. И тут залп ударил в броню в метре от головы Ридры. Стреляли с их корабля, и она потратила почти четверть секунды на мысль о том, что шпион все-таки присоединился к захватчикам... Да нет, просто захватчики рассчитывали, не покидая свой корабль, расстрелять их в люке. Это им не удалось, и они предприняли вылазку. Наверное, они прячутся за ограждением люка. Ридра выстрелила, целясь чуть выше обреза створок. Бэтчер из своего укрытия тоже открыл огонь.

Обод люка раскалился и начал светиться от непрерывных залпов, и тут откуда-то снизу раздался знакомый голос:

— В'этчер, все в ф'орядке! Мы взяли их, каф'итан!

Ридра увидела Брэсса, включившего освещение люка и стоявшего в этом свете у корпуса. Бэтчер вышел из своего убежища с опущенным пистолетом.

Подсветка снизу делала дьявольскую внешность Брэсса еще более ужасной, подчеркивая его кровожадность. Вдобавок, у него в лапах вяло шевелились две темные фигуры.

— Этот — готов,— сказал Брэсс и потряс правой лапой.— Он ф'оф'ытался пров'раться ов'ратно на корав'ль, вот я и настуф'ил ему на голову,— пилот бросил безжизненное тело на плиты брони.— Не знаю, как вы, ф'арни, а я замерз. Вообще-то меня сюда ф'ослал Домовенок. Он ф'росил меня соов'щить вам, что как только вы освов'одитесь, он ф'ринесет вам горячий кофе с хорошей ф'орцией ирландского виски. Или лучше горячий ром с маслом? Ф'ошли, ф'ошли. Мы ф'обв'едили!

В лифте мозг Ридры начал возвращаться к английскому, и ее стал пробирать озноб. Иней на волосах Бэтчера начал таять и стекать крупными каплями.

— Слушай, Брэсс,— сказала она, когда они вышли в коридор.— Если ты здесь, то кто же сидит у приборов?

— Кипф'и. Мы снова в луче «Тарика».

— Ром,— сказал Бэтчер.— Не горячий и без масла — просто ром.

— О, человек, люв'езный моему сердцу! — кивнул Брэсс. Одной лапой он обнял Бэтчера, другой — Ридру. Это был не просто дружеский жест, он поддерживал их — почти нес.

Корабль дернулся и зазвенел. Брэсс посмотрел на потолок.

— Расцепф'ились,— произнес он, привел их в капитанскую каюту и подвел к креслам. Когда они уже были готовы упасть в них, Брэсс сказал в интерком: — Эй, чертенок, иди сюда и ф'рихвати выф'ивку! Они ее заслужили!

— Брэсс! — воскликнула Ридра и схватила его за руку, как только он повернулся, чтобы выйти.— Мы можем добраться отсюда до штаб-квартиры Конфедерации?

Он почесал за ухом.

— Мы сейчас на самом кончике Языка. Я знаю эту часть Тисков лишь по карте. Но развоф'лощенные сказали, что мы находимся у самых истоков течения Наталь-в'ета. Оно ф'роходит через Тиски. Ф'о нему мы можем дов'раться до Атлас-ран, а оттуда — часов через восемнадцать-двадцать до дверей штав'-квартиры.

— Тогда летим! — она взглянула на Бэтчера. Он не возражал.

— Хорошая мысль,— сказал Брэсс.— Тем в'олее, что ф'очти ф'оловина команды «Тарика»... лишилась тел.

— Захватчики победили?

— Нет. Кайрив'ийцы ф'оняли, наконец, что ф'роисходит, и ф'оджарили в'ольшой кора'вль. Вот, схватка и кончилась. Но еще до этого «Тарик» ф'олучил в корф'усе дыру. Ее оказалось достаточно, чтобы ф'роф'устить трех «ф'ауков». Кипф'и сказал мне, что все оставшиеся в живых заф'ерты в уцелевшей части корав'ля, и у них нет тоф'лива.

— А Джэбел? — спросил Бэтчер.

— Мертв,— ответил Брэсс.

Домовенок просунул в дверь свою белую голову.

— А вот и я.

Брэсс взял бутылку и стаканы. И тут опять ожил настенный динамик:

— Бэтчер, мы видели, как вы схватились с катером захватчиков. Как у вас дела?

Бэтчер наклонился к микрофону.

— Шеф, Бэтчер жив.

— Мало кому еще так повезло... Капитан Уонг, я надеюсь, вы посвятите мне элегию?

— Джэбел! — она села рядом с Бэтчером.— Мы немедленно отправляемся в штаб-квартиру Конфедерации за помощью.

— Как вам будет угодно, капитан. У нас тут стало тесновато.

— Мы отправляемся.

Брэсс уже стоял у двери.

— Помощник, ребята в порядке?

— Веселы и здоровы. Капитан, вы никому не разрешали проносить на борт петарду?

— Что-то не припомню.

— Это все, что я хотел знать. Рэт, за мной!..

Ридра рассмеялась.

— Как навигаторы?

— Готовы,— ответил Рон.

— Вилитака, кулала, милале милее...— послышался голос Молли где-то на заднем плане.

— Прекращайте,— сказала Ридра.— Мы стартуем!

— Молли учит нас стихотворению на суахили,— объяснил Рон.

— О!.. Развоплощенные?

— Ап-чхи! Капитан, я всегда говорил, что хранилище нужно держать в чистоте. Оно и вам когда-нибудь может понадобиться. Джэбел забывает об этом... Да, мы готовы.

— Брэсс, скажи помощнику, чтобы он послал вниз кого-нибудь из парней со шваброй.

— Все уже убрано, капитан.

С мягким урчанием включились статические генераторы. Ридра откинулась на спинку кресла и, впервые за долгое время, расслабилась.

— Я не думала, что мы отсюда выберемся! — сказала она и повернулась к Бэтчеру, который пожирал ее глазами.— Знаешь, я нервная, точно кошка, и чувствую себя не очень хорошо... О, черт, теперь еще и старт!..— болезненность, которую она так долго от себя отгоняла, стала овладевать ее телом.— Я чувствую себя так, будто меня раздирают на куски! Знаешь, когда сомневаешься во всем, когда кажется, что даже чувства обманывают тебя...— она замолчала, потому что даже дыхание причиняло ей боль.

— Я существую,— сказал Бэтчер мягко.— И ты существуешь.

— Не позволяй мне об этом задумываться, Бэтчер! А то я и в этом начну сомневаться... В моей команде — шпион. Я ведь тебе говорила об этом? А вдруг это Брэсс, и он швырнет нас на другую Новую? — болезненность стала переходить в истерику. Ридра выхватила бутылку из рук Бэтчера.— Не пей это! Ч-ч-черт — он может нас отравить! — она медленно встала с кресла. Все плыло в красном тумане.— Или один из мертвецов! Как... как я м-могу... сражаться с призраком? — Ридра боролась с тошнотой. Вместе с болью пришел и страх. Лицо Бэтчера расплывалось в тумане.— У-у-убить... убить нас! — шептала она.— Ни ты... ни я...

— Если тебе будет грозить опасность, посмотри в мой мозг и используй то, что тебе понадобится,— проговорил медленно Бэтчер.

Но в ее мозгу все время крутилась только одно воспоминание. Как-то раз она вместе с Мюэлзом и Фобо ввязалась в драку на Танторе. Ридра получила удар в челюсть и отлетела назад. В этот момент кто-то схватил с прилавка зеркало и швырнул в нее. Ее собственное испуганное лицо с криком летело на нее и ударилось о протянутые руки... Теперь, когда она смотрела Бэтчеру в лицо, сквозь боль и Вавилон-17, это случилось с нею опять...

Часть четвертая
БЭТЧЕР

Чтоб, наконец, в самом себе проснуться,
внутри себя он вздрогнуть захотел.
Но провода впились в глазницы крепко.
Дробя суставы, языком давясь,
он начал постепенно просыпаться.
И мы проснемся, ежели сумеем
вот также содрогнуться до глубин.
Пронзенный током, выгнут позвоночник —
он прикреплен надежно к потолку.
Еще чуть-чуть... В созвездии разрядов,
из цепи вырывая позвонки
и к полюсу стремительно взлетая,
двойник врезается со стоном в потолок.
Цепь разомкнулась. Слезы высыхают,
вскипая там, где было прежде сердце
и где теперь зияет пустота —
на груде раскаленного металла.
Вот медленно с тяжелым стуком на пол
упали части ребер, плеч, ступней.
Они уже проснулись. Мы проснемся,
коль до конца сумеем содрогнуться.
Захлебываясь кровью и слюной,
из собственной своей утробы на пол
он вырвался, рождая сам себя.

М. Х. «Темный двойник»

1

— Мы только что миновали Тиски, каф'итан. Можем мы ф'о этому ф'оводу выф'ить?

— Нет,— ответила Ридра.

— Как вы сев'я чувствуете? Мне кажется, все уже в п'орядке.

— Голова цела,— ответила Ридра.— Руки-ноги на месте.

— Ха! В'этчер, она что, разучилась говорить?

— Нет,— ответил Бэтчер.

— Вы ов'а такие зав'авные! Может, ф'рислать ф'омощника, чтов'ы он на вас взглянул?

— Нет,— ответил Бэтчер.

— Ну, хорошо. Мы вошли в сф'окойную ов'ласть, и я могу позволить себе отключиться на несколько часов. Что вы скажете на это?

— Что сказать? — ответил Бэтчер.

— «Спасибо» хотя бы. Вы же знаете, что я здесь пф'арю на хвосте.

— Спасибо,— сказала Ридра.

— Очухивайтесь. Я оставляю вас одних. Да, ф'ростите, В'ога ради, если я вдруг ф'омешал.

2

Бэтчер, я не знала! Я не могла знать!

И эхом в их головах пронесся крик: Не могла... «Не могла. Этот свет...»

Я говорила Брэссу, говорила ему, что ты должен был изъясняться на языке, в котором нет слова «я». Я сказала, что не знаю такого языка, но теперь мне понятно, что один такой язык есть. Это — Вавилон-17!..

Одинаковые синапсы двигались гармонично, до тех пор, пока не возник образ, и Ридра явила его из себя, увидела его...

Отбывая заключение в одиночной камере на Титане, он шпорой на зеленой стене поверх непристойностей, написанных заключенными за последние двести лет, нацарапал карту. Ее обнаружат сразу после его побега, и она уведет преследователей в противоположном направлении. Ридра увидела его камеру — четыре фута пространства — в которых он находился три месяца, пока его собственные шесть с половиной футов не были истощены от голода до ста одного фунта. Камеру, в которой он медленно умирал от голода.

Ридра выбралась из тюрьмы с помощью трехжильной веревки из слов: голод — лестница — столб, умирать — отличить — брать, цепи — перемены — шанс...

Бэтчер забрал у кассира свой выигрыш и двинулся к выходу по опустевшему залу «Казино Космика». Чернокожий крупье преградил ему путь, со странной улыбкой поглядывая на его мешок, туго набитый купюрами.

— Не желаете ли еще разок попытаться, сэр? Могу предложить нечто такое, что наверняка заинтересует игрока вашего класса.

Бэтчера проводили к магнитной трехмерной шахматной доске с глазированными керамическими фигурами.

— Вы играете против нашего компьютера. За каждую потерянную фигуру ставите тысячу кредитов. Если выигрываете фигуру, получаете столько же. За шах вы отдаете или забираете пять тысяч. За мат победитель получает тысячу ставок...

Это был способ выровнять его чрезмерный выигрыш.

— Надо сходить домой и взять деньги,— ответил он крупье.

Тот улыбнулся и ответил:

— Дом настаивает, чтобы вы играли.

Она следила, как зачарованная, как Бэтчер, пожав плечами, повернулся к доске и... за семь ходов объявил компьютеру «детский мат». Они молча выдали ему миллион кредитов и трижды пытались его убить, пока он добирался до выхода из казино. Им это не удалось, но это развлечение было даже интересней игры.

Ее мозг наблюдал за его поступками и реакциями, бился внутри него, извивался от его боли, от его удовольствия, от чуждых чувств, лишенных ощущения «я» — невыразительных, механических, соблазнительных, мифических. Бэтчер...

Ридра пыталась прервать безудержное вращение.

«Если ты все время понимал Вавилон-17,— свербело в ее мозгу,— почему ты использовал его для выигрыша, для ограбления банка, а через день утратил все и даже не сделал попытки вернуть что-то себе?»

— Себе? Но ни «я» ни «себя» не было.

Ридра снова вошла в его сознание и повела его за собой по извивам памяти.

— Свет... ты делаешь! Ты делаешь! — кричал он в ужасе.

— Бэтчер, на что похож мой мозг в твоем мозгу? — спросила Ридра, более привычная к эмоциональным взрывам слов, чем он.

— Яркое, яркое движение! — вопил он на аналитически точном Вавилоне-17. Грубый, как камень, чтобы выразить многочисленные образы, рисунки, их сочетание, и смещение, и разделение...

— Вот что значит быть поэтом,— объяснила Ридра, моментально приводя в порядок мысленные течения.— Поэт в переводе с греческого означает создатель или строитель.

— Вот! Этот рисунок. Ах-х-х-х! — яркий-яркий!

— Такая простая семантическая связь? — удивилась Ридра.

— Греки были поэтами три тысячи лет назад, а ты — поэт современный. Ты соединяешь слова на больших расстояниях, и их праздник ослепляет меня! Твои мысли — это сплошной огонь, я даже тени не вижу. Они звучат, как нежная мелодия, они потрясают меня.

— Это потому, что тебя никто и ничто не потрясало раньше. Но, все равно, я польщена.

— Ты так велика внутри меня! Я вижу рисунок: преступное сознание и утонченное сознание встречаются в одном мозгу с языком, который, как нить между ними...

— Да, я начала думать о чем-то вроде...

— Летят мысли, имена, Бодлер... Ах-х-х!.. Вийон.

— Это древние французские по...

— Слишком ярко! Слишком ярко! «Я» во мне еще недостаточно сильно, чтобы выдержать это. Ридра, когда я смотрю на ночь и на звезды, то это всего лишь пассивное действие, но ты придаешь всему такие краски — даже звезды у тебя окружены более яркими радугами!

— То, что ты воспринимаешь, меняет тебя, Бэтчер. Но тебе это надо.

— Я должен... свет! В тебе я вижу зеркало, в котором смешиваются картины, они вращаются и изменяются!

— Мои стихи! — воскликнула Ридра в замешательстве от неожиданной наготы.

Определения «я» точные и величественные.

— Ты наделяешь мои слова значениями, которые для меня существуют только в виде намека, — подумала Ридра.

— Что меня окружает? Что такое я, окруженный тобой?

Ридра видела его во время совершения грабежа, убийства, во время нанесения увечий. Ведь семантическая важность различия слов «мой» и «твой» была разрушена из-за столкновения синапсов.

— Бэтчер, я слышала, как это одиночество звучало в твоих мускулах. Как оно заставило тебя убедить Джэбела, чтобы он извлек наш «Рембо». Тебе просто надо было иметь кого-нибудь рядом с собой, кто смог бы общаться на твоем аналитическом языке. По этой же причине ты пытался спасти ребенка,— шептала она.

Образы замкнулись в ее мозгу.

Длинная трава шелестела у плотины. Луна Аленно озаряла дивный вечер. Плэйнмобиль гудел, вибрируя мощным мотором. Он с нетерпением прикоснулся к рулевому колесу концом левой шпоры. Лилл извивалась около него, смеясь.

— Знаете, Бэтчер, если бы мистер Биг узнал, что вы направились со мной сюда в такую романтическую ночь, он был бы очень сердит. Вы действительно возьмете меня с собой в Париж, как только закончите здесь свои дела?

Невыразимая нежность смешивалась в нем с нетерпением. Ее прохладное плечо было под его рукой, ее губы были красны. Она собрала высоко над ухом свои волосы цвета шампанского. Ее тело возле него переливалось волнующими движениями, когда она поворачивалась к нему.

— Если вы обманете меня с Парижем, я расскажу мистеру Бигу. Если бы я была разумной девушкой, то подождала бы, пока вы возьмете меня туда, а потом уж позволить вам... дружиться,— ее дыхание благоухало в знойной ночи. Он положил ей на плечо вторую руку.— Бэтчер, заберите меня из этого жаркого мертвого мира, в котором только болота, пещеры и дождь! Мистер Биг пугает меня, Бэтчер! Заберите меня от него в Париж! Только не надо притворяться. Я очень хочу уйти с вами,— она едва

слышно хихикнула.— Я думаю, я... я вовсе не разумная, после этого...

Он прижался ртом к ее губам — и сломал ей шею резким ударом ладони. Она упала, глаза по-прежнему были открыты. Гиподермическая ампула, которую она собиралась вонзить ему в плечо, выпала у нее из руки, покатилась и остановилась у педали газа. Он отнес девушку на плотину и вернулся, до пояса вымазанный тиной. Он уселся и нащупал кнопку рации.

— Все кончено, мистер Биг.

— Хорошо. Я все слышал. Утром можете получить деньги. Очень опрометчиво было с ее стороны вмешиваться в мои дела из-за этих пятидесяти тысяч.

Плэйнмобиль тронулся, теплый ветерок обсушил тину на его руках, высокая трава со свистом расступалась перед лыжами.

— Бэтчер!..

— Ридра, это мое.

— Я знаю. Но...

— Я собирался добраться до мистера Бига двумя неделями позже.

— Куда ты его обещал взять с собой?

— В игровые пещеры Миноса... И однажды я затаился...

Это ее тело прижалось к земле под зеленым светом Креста. Это она дышала широко открытым ртом, чтоб не выдать себя ни малейшим звуком. Это было ее ожидание, ее подавляемый страх. Грузчик в своем красном комбинезоне остановился и вытер пот носовым платком. Быстрый шаг вперед, хлопок по плечу. Грузчик обернулся удивленно, и сильные руки сомкнулись на его горле, шпора вспорола живот, и внутренности вывалились на платформу. А теперь бежать под оглушительный вой тревожной сирены, прыгать через мешки с песком, сорвать цепь и швырнуть ее в изумленное лицо охранника, который обернулся и стоял с нелепо растопыренными руками...

— Проломил вход и убежал,— объяснил он ей.— Маскировка подействовала, и охранники не смогли меня выследить в лавовых полях...

— Откройся мне, Бэтчер. Открой мне все про побег.

— Это больно, надо ли? Я не знаю...

— Но в твоем мозгу нет слов. Лишь Вавилон-17, как рабочий шум компьютера, занятого чисто синаптическим анализом.

— Да, теперь ты начинаешь понимать...

Вот он дрожит в ревущих пещерах Диса, замурованный на девять месяцев. Вот он ест пищу любимого пса Лонни, а потом и самого Лонни, мерзнет, пытаясь преодолеть горы льда, пока вдруг планетоид не вышел из тени Циклопа, и сверкающая Церера не загорелась на небе. Через сорок минут талая вода в пещере уже доходила ему до пояса. Когда он, в конце концов, выта-

щил свои прыжковые сани, вода стала горячей, а он — скользким от пота. Он на максимальной скорости прошел две мили до границы сумерек, установив автопилот за секунду до того, как потерял сознание, оглушенный жарой. Это произошло за десять минут до наступления Божественных сумерек.

— Ты потерялся во тьме своей изувеченной памяти, и я должна тебя найти, Бэтчер. Кем ты был до Нуэво-нуэво Йорка?

— Ты испугана, Ридра? — обратился он к ней участливо.— Как раньше...

— Нет, не как раньше. Ты научил меня кое-чему, и это изменило всю картину моего мира, изменило меня. Думаю, что я боялась раньше потому, что не могла делать то, на что был способен ты, Бэтчер.— Белое пламя стало голубым и дрожащим.— Я боялась, потому что могла делать все это, исходя из собственных побуждений, а не из-за отсутствия побуждений. Ведь я существую, и ты существуешь. Я стала намного больше, Бэтчер. Но не знаю, благодарить тебя или проклинать за то, что ты мне показал.

А что-то внутри кричало, заикалось и затихало. Ридра повернулась в молчании, заимствованном у него, и это молчание было чревато ожиданием, что он заговорит сам. Впервые.

— Посмотри на себя, Ридра.

Отраженная в нем, она увидела растущий свет, безмолвную тьму и нарастающий шум! Она выкрикнула имя и форму. Сломанные щитки на корабле!

— Бэтчер, эти записи могли быть сделаны только в моем присутствии! Конечно!..

— Ридра, мы сможем контролировать их, если сможем их назвать!

— Как, сейчас? Мы еще не назвали себя. А ты не знаешь, кто ты!

— Твои слова, Ридра. Сможем ли мы как-то использовать твои слова, чтобы узнать, кто я?

— Не мои слова, Бэтчер, а скорей всего, твои. Может быть, Вавилон-17.

— Нет...

— Я существую,— прошептала она.— Поверь, Бэтчер, и ты существуешь.

3

— Штаб-квартира, капитан. Взгляните через сенсорный шлем. Эти радиосети так похожи на фейерверк. Развоплощенные сказали, что они пахнут яичницей с беконом. Да! Спасибо, что вымели пыль. Когда я был жив, у меня была склонность к сенной лихорадке...

— Команда высаживается с капитаном и Бэтчером,— говорит Ридра.— Команда забирает их вместе с собой к генералу Форестеру. Команда не позволит, чтобы их разлучили.

— В каюте капитана на столе лежит диск с записью грамматики Вавилона-17,— говорит Бэтчер.— Помощник немедленно отправит диск на Землю доктору Маркусу Т'муарба специальной почтой. Потом он предупредит доктора Т'муарбу по стелларофону, в какое время послан диск и каково ее содержание.

— Брэсс, помощник! Здесь что-то неладно! — голос Рона перекрыл сигнал капитана.— Вы слышали, чтобы они когда-нибудь так разговаривали? Эй, капитан Уонг, что случилось?...

Часть пятая
МАРКУС Т'МУАРБА

К старости я становлюсь Ноябрем.
Неизбежной нагрузкою лет к настоящему.
Погруженный в кристальные сны,
я иду меж деревьев, что белую линию тянут.
И сухая листва рассыпается в прах от неспешных шагов.
Этот звук вызывает во мне слово «трепет».
Только он, только ветра дыханье — и все, что я слышу сейчас.
И я воздух осенний пытаю:
«Существует ли слово, что даст мне свободу?»
«Перемены», — ответил мне ветер, а солнце сказало: «Запомни».

М. Х. «Электра»

1

Диск с записью, строгий приказ генерала Форестера — и через тридцать секунд разъяренный доктор Т'муарба уже в кабинете Дэниэла Д. Эйпплби.

Эйпплби возился с плоским ящиком, когда какой-то шум заставил его поднять голову.

— Майкл,— сказал он в интерком.— Что случилось?

— Какой-то сумасшедший, который утверждает, будто он психиатр.

— Я не сумасшедший! — рявкнул доктор Т'муарба.— И я знаю, сколько требуется времени для доставки посылки из штаб-квартиры Глав Конфедерации на Землю! Она должна быть у меня уже с утренней почтой. Значит, ее задержали, и это сделали вы. Пропустите меня.

Дверь открылась, и он вошел.

Майкл сзади вытягивал шею.

— Дэн, прошу прощения. Я позову...

— Это мое,— сказал доктор Т'муарба и указал на стол.— Отдайте.

— Не беспокойтесь, Майкл,— ответил таможенник, и дверь снова закрылась.— Добрый день, доктор Т'муарба. Присядьте, пожалуйста. Эта посылка адресована вам, не так ли? Не удивляйтесь, что я вас знаю. Я руковожу отделом безопасности и интеграции психкодов. У нас в отделе все знают ваши блестящие работы по дифференциации шизоидов. Рад с вами познакомиться.

— Почему я не могу получить свою посылку?

— Одну минутку, я сейчас все выясню,— пока Дэниэл искал на столе листок, Т'муарба схватил коробку с записью и засунул в карман.

— Теперь можете объяснять.

Таможенник раскрыл бумагу.

— «Не исключено, что вы получите... гм, сможете получить диск, если сегодня же вечером вылетите в штаб-квартиру Конфедерации на „Полуночном Ястребе“,— читал он, прижимая колено к столу, чтобы скрыть нарастающую злость.— Билет для вас уже забронирован. Заранее благодарю за сотрудничество. Генерал К. Дж. Форестер».

— Зачем?

— Здесь не сказано. Боюсь, доктор, что пока вы не дадите согласия, я не смогу выдать вам посылку. Тогда мы будем вынуждены отправить ее обратно.

— Вы имеете хотя бы малейшее представление о том, чего они хотят?

— От кого эта посылка? — спросил Дэниэл, пожимая плечами.

— От Ридры Уонг, насколько я понимаю.

— Уонг? — таможенник привстал.— От поэтессы Ридры Уонг? Вы с ней тоже знакомы?

— Я ее консультант по психиатрии с двенадцати лет. А вы кто?

— Я — Дэниэл Д. Эйпплби. Если бы я знал, что вы друг Ридры, я сам пришел бы к вам,— Дэниэл еле удерживался, чтобы не впасть в фамильярность.— Если вы отправляетесь на «Ястребе», то у вас еще есть масса времени до отлета. А я сегодня рано заканчиваю работу. Я хочу заглянуть в одно место... ну, в транспортном районе. Почему вы сразу не сказали, что знаете ее? Я пойду в одно интересное местечко. Неплохая еда и отменная выпивка... Вы следите за боями? Большинство людей считает их незаконными, но посмотрим, что вы скажете, когда увидите их! Сегодня вечером бьются Рубин и Удав. Если вы рискнете отправиться со мной, то будете очарованы. Я успею доставить вас на «Ястреб» вовремя.

— Думаю, что это место мне знакомо.

— Подвал, в котором под потолком висит большой шар, и в нем происходят бои, так?..— в возбуждении Дэниэл наклонился вперед.— На самом-то деле, впервые меня туда привела Ридра.

Доктор Т'муарба разулыбался.

Таможенник хлопнул ладонью по столу.

— Мы прекрасно проведем время! Отлично,— он прищурил глаза.— Можем быть, даже возьмем одну из этих...— он щелкнул пальцами,— из сектора Развоплощенных. Вообще-то, это тоже незаконно, но давайте наведаемся туда вечерком...

— Пойдемте,— засмеялся доктор.— Ужин и выпивка — это хорошая идея! Я умираю от голода и уже почти четыре месяца не видел хороших боев.

— Я здесь раньше никогда не бывал,— сказал Дэниэл, когда они сошли с монорельса.— Думал сделать заказ, но мне сказали, что это ни к чему. Можно просто приходить и все — заведение открыто до шести.

Они пересекли улицу и миновали газетный киоск, у которого потрепанные небритые грузчики просматривали анонс предстоящих боев. Три транспортника в зеленых мундирах брели по тротуару, взявшись за руки.

— Знаете, я долго боролся с собой,— говорил таможенник.— Мне хотелось сделать это с самого первого вечера. Но все странное и непривычное не приветствуется в нашем отделе. Тогда я решил сделать что-нибудь попроще — то, что можно прикрыть мундиром на службе. Вот мы и пришли.

Таможенник распахнул двери под вывеской «Пластиплазма Плюс» (Приложения, Надписи и Коррекция тела).

— Знаете, я всегда хотел спросить у какого-нибудь специалиста — не свидетельствует ли такое стремление о какой-нибудь патологии?

— Вовсе нет.

— Входите,— сказала девушка с голубыми глазами, губами, волосами и крыльями.— Не желаете ли сначала ознакомиться с нашим каталогом?

— О, я уже знаю, что мне нужно! — заверил ее Дэниэл.— Сюда?

— Совершенно верно.

— Психологически очень важно ощущать власть над своим телом, знать, что вы можете его изменить, сменить его форму,— сказал доктор Т'муарба.— Шестимесячная диета или программа наращивания мышц, в принципе, дает такое же чувство удовлетворения. То же самое дают вам новый нос, подбородок, чешуя или перья.

Они оказались в комнате с операционными столами.

— Вы ко мне? — спросил с улыбкой инженерохирург-полинезиец в голубом халате.— Ложитесь сюда.

— Я только жду,— отказался доктор Т'муарба.

— Номер 5463 по вашему каталогу,— заявил Дэниэл.— Вот сюда,— и он шлепнул левой рукой по своему правому предплечью.

— О, да! Мне это тоже нравится. Минутку,— хирург открыл крышку стола. Сверкнули инструменты.

Затем он отошел в дальний угол, где за стеклянными дверями холодильной установки виднелись покрытые инеем пластиковые формы. Хирург вернулся с подносом, полным различных дета-

лей. Единственное, что можно было различить — это передняя часть миниатюрного дракона с бриллиантовыми глазами, блестящими чешуйками и светящимися крылышками. В длину он составлял чуть меньше двух дюймов.

— Мы подключим его к вашей нервной системе, после чего он по вашему желанию будет свистеть, шипеть, хлопать крыльями и пускать искры, хотя для ассимиляции может потребоваться несколько дней. Не удивляйтесь, если поначалу он будет лишь рычать. Причина та же, что и при пересадке обычных органов... Снимите, пожалуйста, куртку.

Дэниэл стал раздеваться.

— Сначала блокируем чувствительность вашего плеча... Вот так — это нисколько не больно, да? Это местный наркоз — мы должны все проделать чисто. Теперь делаем продольный надрез... если вам неприятно, лучше не смотрите, разговаривайте со своим другом. Это займет всего лишь несколько минут... Не обращайте внимания, это всего лишь небольшая активизация резервов вашего организма для быстрейшего вживления... Еще раз... Отлично. Вот ваш плечевой сустав. Я понимаю, странно увидеть собственную руку без него. Сейчас мы поставим на его место прозрачную пластиплазмовую клетку. Работает она почти так же, как и плечевой сустав, соединяется с теми же мышцами. Видите, вот желобки для ваших артерий... Подвигайте подбородком, пожалуйста... Если хотите понаблюдать, смотрите в зеркало... Теперь завернем края... Повязка должна сохраняться несколько дней, пока клетка не срастется с телом. Если не будете делать резких движений, все пройдет нормально... А теперь я присоединяю этого зверька к вашим нервам. Будет больно...

— М-м-м-м-м! — Дэниэл привстал.

— Сидите, сидите! Все в порядке... Вот ключик, которым открывается клетка. Вы можете научить его выходить и проделывать разные фокусы, но имейте терпение — на это потребуется некоторое время... А теперь я возвращаю чувствительность вашей руке...— хирург соединил электроды и таможенник присвистнул.

— Может немного жечь. Это будет продолжаться около часа. Если появится краснота или припухлость, пожалуйста, сразу же приходите к нам. Все, что проходит через эту дверь, тщательно стерилизуется, но раз в пять лет кто-нибудь да и пронесет инфекцию... Можете надеть куртку...

Когда они шли по улице, таможенник бережно придерживал плечо.

— Знаете, они клянутся, будто никакой разницы не будет,— его лицо скривилось.— У меня пальцы немеют. Как вы думаете, он не мог повредить мне нерв?

— Сомневаюсь,— сказал Т'муарба.— Лучше вертитесь поменьше, а то повязка сползет. Давайте поедим.

Дэниэл ощупывал плечо.

— Непривычно, получив здесь дыру в три дюйма, действовать рукой по-прежнему.

— Итак,— сказал доктор Т'муарба, склоняясь над кружкой.— Ридра привела вас сначала в транспортный район?

— Да. Она набирала команду для правительственной экспедиции. В мою задачу входило только одобрить коды. Но в тот вечер кое-что случилось.

— Что же именно?

— Я увидел самых диких, самых странных людей в своей жизни. Они по-другому думают, по-другому действуют и даже любят по-другому. Они заставили меня смеяться, сердиться и чувствовать себя таким счастливым, и таким грустным, и даже чуть-чуть влюбленным,— Дэниэл взглянул на сферу под сводами.— После этого они уже не казались мне дикими и странными.

— У вас в тот вечер установились отношения?

— Наверное, было бы слишком самонадеянно говорить об этом... Но я чувствую, что она... она — мой друг. Я — одинокий человек... в городе одиноких. И если находишь место, где тебя принимают, то приходишь туда снова и снова, чтобы все повторилось.

— И повторялось?

Дэниэл Д. Эйпплби посмотрел вниз и начал расстегивать куртку.

— Давайте поедим,— он бросил куртку на спинку стула и посмотрел на клетку с драконом в своем плече.— Приходишь снова и снова...— он неуверенно взял куртку в руки, подержал немного и решительно бросил на спинку стула.— Доктор Т'муарба, вы хоть немного догадываетесь, зачем нас просят явиться в штаб-квартиру Конфедерации?

— Я уверен, что это касается Ридры и ее диска с записью.

— Хочется верить, что этот вызов не связан с вашей профессией. Было бы ужасно, если бы с ней что-то случилось. Я этого не переживу. Она так много дала мне за один вечер, и так непринужденно,— таможенник засмеялся и провел пальцами по краю клетки. Дракон внутри шевельнулся.— При том, что она почти не смотрела на меня, будто не замечала.

— Надеюсь, что с ней все в порядке,— сказал доктор Т'муарба.— Лучше ей быть в порядке.

2

Перед посадкой «Полуночного ястреба» он попросил капитана связать его с диспетчерской службой полетов.

— Я хочу знать, когда прибыл «Рембо».

— Минутку, сэр... Он вообще не прибывал. По крайней мере, последние полгода о нем ничего не слышно. Потребуется некоторое время, чтобы проверить все списки...

— Не надо. Прошло только несколько дней. Вы уверены, что капитан Ридра Уонг не прилетала недавно?

— Уонг? Она появилась вчера, но не на «Рембо», а на боевом корабле без опознавательных знаков. Произошла какая-то путаница из-за того, что серийный номер был стерт с его двигателя... Возможно, он был украден...

— Хорошо ли себя чувствовала капитан Уонг, когда сошла в порту?

— По-видимому, она передала командование...— голос замолчал.

— Ну?

— Простите, сэр, но эти сведения не подлежат разглашению. Я не сразу заметил пометку... Я не могу вам дать дальнейшие разъяснения. Их разрешено представлять только официальным лицам.

— Я — доктор Т'муарба,— сказал Маркус, не надеясь, что это подействует ли это.

— Да, здесь есть запись, касающаяся вас, доктор. Но в списке допущенных вас нет.

— И что же мне делать?

— Есть распоряжение немедленно направить вас к генералу Форестеру.

Час спустя он уже входил в кабинет генерала.

— Что случилось с Ридрой?

— Где запись?

— Если Ридра хотела, чтобы именно я получил ее, то у нее были для этого какие-то основания. Если бы она хотела отдать ее вам, она бы так и сделала. Будьте уверены, что вы не получите запись, пока я сам ее не отдам.

— Я ожидал, что вы с большей охотой будете с нами сотрудничать, доктор.

— Если я прибыл сюда по вашему вызову, генерал Форестер, значит я хочу сотрудничать. Но пока я не буду точно знать, что происходит, вы от меня ничего не добьетесь.

— Чисто гражданское отношение,— сказал генерал, подходя к столу.— В последнее время с этим все чаще и чаще приходится сталкиваться. Не знаю, хорошо ли это,— генерал в зеленом мундире сел на край стола, задумчиво ощупывая звезды на воротнике.— За долгое время мисс Уонг была первым человеком, которому я не мог говорить — делай так и так и попробуй только спросить о последствиях. После того, как мы в первый раз поговорили с ней о Вавилоне-17, я ожидал, что просто отдам ей за-

писки, а она вернет мне текст уже на английском. Она же спокойно сказала мне: нет, вы должны рассказать мне все. Сначала это вызывало во мне раздражение — мне уже много лет никто не говорил: ты должен,— генерал поднял руки, как бы защищая себя. («Защищая? Это Ридра приучила меня истолковывать движения?» — удивился Т'муарба.) Как незаметно можно оказаться запертым в своем крохотном мире. Очень важно, чтобы чей-то голос пробил его. Ридра Уонг...— Форестер замолчал, и выражение его лица заставило доктора Т'муарбу похолодеть.

— Что с ней, генерал? Она больна?

— Я не знаю,— ответил генерал.— В соседней комнате находятся... женщина и мужчина, но я не могу с точностью утверждать, что эта женщина является Ридрой Уонг. Это — совсем не тот человек, с которым я однажды на Земле говорил о Вавилоне-17.

Т'муарба уже распахивал дверь.

На него посмотрели двое. Мужчина был массивен и грациозен, с янтарными волосами. Бывший каторжник, судя по клейму на плече. А женщина...

Доктор уперся кулаками в бока.

— Так, и что же тебе сказать?

— Понимания нет,— сказала она.

Частота дыхания, манера складывать руки, наклон плеч — о смысле и важности этих деталей она тысячи раз говорила ему, пока он сам не убедился в ее правоте. Но сейчас он пожалел, что Ридра его научила этому. Все эти детали исчезли, и их отсутствие казалось ужаснее шрамов и уродств.

— Знаешь что, моя хорошая, если это шутка, то я тебя отшлепаю,— доктор начал эту тираду тоном, который обычно предназначался лишь для Ридры, а закончил голосом для чужих, для продавцов.

Т'муарба почувствовал себя неуверенно.

— Если вы не Ридра Уонг, тогда кто же?

— Нет понимания вопроса,— сказала она.— Генерал Форестер, этот человек — доктор Маркус Т'муарба?

— Да, это он.

— Послушайте,— доктор Т'муарба повернулся к генералу.— Вы ведь должны были сверить отпечатки пальцев, уровень метаболизма, радужную оболочку глаз или произвести другие методы идентификации...

— Доктор, это тело Ридры Уонг.

— Хорошо. Вы проверяли вероятность гипноза, экспериментального внушения, пересадки коры?..

— Да. Мы проверили все семнадцать известных способов пересадки мозга. У Ридры нет признаков ни одного из них,— генерал

сделал шаг к выходу.— Она ясно дала понять, что хочет поговорить с вами наедине. Я буду поблизости,— сказал он и закрыл дверь.

— Сообщение от Ридры Уонг, дословная передача без понимания смысла,— сказала женщина, мигнула, и ее лицо неожиданно приобрело знакомое выражение и живость. Сцепив руки, она слегка наклонилась вперед.— Моки, я рада, что ты здесь, долго мне не продержаться... Значит так. Вавилон-17 чем-то похож на онофф, алгол или фортран. Выяснилось, что я действительно обладаю даром телепатии, но мне теперь удается держать это свойство под контролем. Я... мы приняли меры по поводу диверсий с Вавилоном-17. Мы пленники, но ты должен забыть о том, чтобы освободить нас. Используй то, что в конце записи. И непременно узнай, кто он такой! — Ридра указала на Бэтчера.

Ее лицо опять окаменело. Такая перемена заставила доктора затаить дыхание. Он потряс головой и ринулся в кабинет генерала.

— Кто этот уголовник? — спросил он.

— Это-то мы как раз и устанавливаем. Надеюсь, что скоро рапорт будет лежать на моем столе... Да, вот и он,— генерал повернулся к вспыхнувшему экрану.— Так... Может быть, вы объясните мне, что такое онофф, алгол и фортран?

— Понятно. Подслушивали в замочную скважину для пущей уверенности,— ухмыльнулся Т'муарба и сел в надувное кресло у стола.— Это древние языки, которые в двадцатом столетии использовались для программирования компьютеров и использовались лишь для работы с машинами. Онофф — простейший из них. Он все сводил к комбинации двух слов: да и нет, или к двоичной нумерации. Остальные сложнее.

Генерал кивнул, заканчивая расшифровку сообщения.

— Этот парень прибыл с Ридрой на украденном катере-пауке. Команда была недовольна и протестовала, когда мы попытались развести их по разным помещениям,— Форестер пожал плечами.— Тут что-то с психикой, и мы не стали настаивать — оставили их вместе.

— А где команда? Не может ли она нам помочь?

— Команда? Герои детских кошмаров. Транспортники... Что они могут сказать?

— Ридра умела разговаривать с ними,— сказал доктор Т'муарба.— И я хотел бы попробовать.

— Как хотите. Мы держим их в штаб-квартире,— он снова взглянул на сообщение.— Странно. В рапорте перечислены события его жизни за последние пять лет. Мелкое воровство, тюремное заключение, а затем и более крупные дела. Ограбление банка...— генерал покусал губу и добавил с некоторым уважением.— Он провел два года в тюремных пещерах Титана. Бежал. Да, этот парень — не промах! Исчез в Тисках Спезелли, где мог завербоваться на теневой корабль... Возникает такое впечатле-

ние, что до декабря шестьдесят первого он вообще не существовал. Обычно его называют Бэтчер...

Вдруг генерал стал лихорадочно рыться в ящике своего стола. Наконец, он извлек оттуда папку и положил перед собой.

— Крето, Земля, Минос, Каллисто,— читал он,— Аленно, Олимпия, Парадиз, Дис! — он стукнул кулаком по столу.

— Что это такое? Маршрут Бэтчера до его заточения на Титане?

— Похоже, что так. Но, кроме того, именно в этих местах с декабря шестьдесят первого происходили диверсии! Мы совсем недавно связали их с Вавилоном-17. Во время работы над последним «несчастным случаем» мы подняли материалы о предыдущих и везде обнаружили сообщения о радиоперехватах. Выходит, мисс Уонг привезла нам диверсанта?

— Может быть, только это не Ридра.

— Я так и думал, что вы это скажете.

— Кроме того, я уверен, что этот мужчина, по тем же самым причинам, не Бэтчер.

— Тогда кто же?

— Пока не знаю. Но личность его обязательно нужно установить,— доктор встал.— Где я могу увидеться с командой Ридры?

3

— Хорошенькое местечко! — сказал Кэлли, когда они вышли из лифта на верхнем этаже штаб-квартиры.

— Да,— согласилась Молли.

Официант в белом фраке подошел к ним по ковру из виверры, искоса глянул на Брэсса и спросил:

— Они с вами, доктор Т'муарба?

— Да. Мы заказали нишу у окна. Принесите все прямо туда.

Официант кивнул и отвел доктора и членов команды «Рембо» к высокому арочному окну, выходящему на площадь Конфедерации. Люди оборачивались, провожая их взглядами.

— Штаб-квартира Глав Конфедерации очень приятное место,— сказал доктор Т'муарба с улыбкой.

— Если есть деньги,— добавил Рон. Он откинул голову, рассматривая черно-синий потолок, на котором огоньки складывались в созвездия, видимые с Риммика.— Я читал о таких местах, но никогда не думал, что попаду сюда когда-нибудь сам.

— Да, я хотел бы привести сюда еще и ребят из отряда,— проворчал помощник.— А то они решили, будто лучше приема у барона ничего не бывает.

Официант в алькове отодвинул для Молли кресло.

— Барон Уэр Дорко с Воинского Двора?

— Да,— сказал Кэлли.— Жареный барашек, отличные вина, а фазаны!.. Но их так никто и не попробовал,— он покачал головой.

— Одна из досадных привычек аристократов,— сказал Т'муарба со смехом.— Но их осталось немного, большинству хватило ума отбросить все эти титулы.

— Последний хозяин Арсенала в Армсидже,— сказал помощник.

— Да, я читал сообщение о смерти барона. Ридра тоже там была?

— Мы все там были. Забавный тогда выдался вечер!

— Так что же там произошло?

Брэсс покачал головой.

— Ну... Каф'итан ф'ришла туда раньше...

Когда он закончил рассказывать о происшествии, доктор Т'муарба откинулся в кресле.

— В газетах об этом не было написано ни слова,— сказал он.— И что же это за ТВ-55?

Брэсс пожал плечами. Тут раздался щелчок, и в ухе доктора включился приемник для связи с развоплощенными.

— Это человек, который с самого рождения находится под контролем,— сказал Глаз.— Я был с капитаном Уонг, когда барон его демонстрировал.

Доктор Т'муарба кивнул.

— Что вы еще можете рассказать?

Помощник, оставив попытки устроиться в кресле поудобней, лег животом на край стола.

— Зачем?

Остальные молчали и ждали.

— Зачем мы ему это все рассказываем? — продолжал помощник.— Он сейчас вернется и все выдаст военным.

— Да,— ответил Т'муарба.— Я расскажу им все, что может помочь Ридре.

Рон резко отодвинул стакан.

— Военные не могут к нам хорошо относиться, док,— объяснил он.

— Они не повели бы нас в этот ресторан,— сказал Кэлли и заткнул салфетку за цирконовое ожерелье, которое надел по такому случаю. Официант поставил на стол блюдо с жареным картофелем и шницелями.

Молли с удивлением разглядывала длинный красный стручок.

— Чили,— объяснил доктор Т'муарба.

— А! — сказала Молли и отложила его.

— Эх, сюда бы Домовенка,— воскликнул помощник, откинулся на спинку кресла и взглянул на доктора.— Он даже из суррогатов мастерски готовит пищу, а здесь настоящие продук-

ты. После этого, уверяю вас, он убежал бы из камбуза, как будто его там укусили.

— Что случилось с каф'итаном? — спросил Брэсс.

— Я не знаю, но чем больше вы мне расскажите, тем больше у меня будет возможностей что-либо предпринять.

— Что вы можете сделать? На в'орту в'ыл шф'ион. Мы все знаем ов' этом. Он дважды ф'ытался уничтожить корав'ль. Наверняка, именно он отвечает за то, что ф'роизошло с каф'итаном и с В'этчером.

— Мы все так считаем,— подтвердил помощник.

— Об этом вы и не хотели рассказывать военным?

Брэсс кивнул.

— Если б не Бэтчер, мы бы отправились прямиком к центру Новой,— снова щелкнул приемник,— Бэтчер убедил Джэбела выловить нас и взять на борт.

— Так,— доктор Т'муарба обвел взглядом присутствующих.— Значит, один из вас шпион?

— Может быть, кто-то из отряда,— предположил помощник.— Он не обязательно должен находиться за этим столом.

— Если дело только в этом, то все равно я буду с вами говорить.— сказал доктор Т'муарба.— Генерал Форестер от вас ничего не добился. Но Ридра нуждается в помощи. Поймите это.

— В схватке с захватчиками я ф'отерял корав'ль, всех рев'ят из отряда и ф'оловину офицеров,— сказал Брэсс, прервав затянувшееся молчание.— Я хорошо дрался и в'ыл хорошим ф'илотом при любом каф'итане-трансф'ортнике, но ф'осле той схватки с захватчиками за мной закреф'илась реф'утация человека, приносящего несчастья. Каф'итан Уонг не из трансф'тного мира. Она ф'росто сказала: «Мне ф'онравилась ваша рав'ота, и я нанимаю вас». Я ей в'лагодарен за это.

— Она так много знает,— сказал Кэлли.— Это был самый увлекательный полет, в котором я когда-либо участвовал. Она проламывалась сквозь миры и брала нас с собой. Когда бы меня еще пригласили на вечер к барону? А на следующий день я уже обедал с пиратами. А теперь я здесь. Я хочу ей помочь.

— Кэлли слишком прислушивается к своему животу,— прервал его Рон.— Капитан Уонг учила нас мыслить, док. Она заставила меня думать о Молли и Кэлли. Вы знаете о том, что она была в тройке с Мюэлзом Эрэплайдом — тем самым, который написал «Звезду Империи»? Должны знать, раз вы ее доктор... И тогда начинаешь думать, что, люди, живущие в других мирах, пишущие книги и делающие оружие, реальны. Если ты в них веришь, то тебе легче поверить и в себя. Я понял это, благодаря Ридре, и если она нуждается в помощи, моя задача — сделать все, что в моих силах.

— Доктор,— сказала Молли.— Я была мертва. Она меня оживила. Что нужно сделать?

— Вы должны рассказать мне все, что знаете о Бэтчере.

— О В'этчере? — переспросил Брэсс. Остальные тоже были поражены.— Ф'очему о нем? Да мы и не знаем ничего, только то, что он дружил с каф'итаном.

— Вы три недели находились с ним на одном корабле. Расскажите все, что вы видели.

Они молча переглянулись.

— Есть ли хоть какие-то сведения о том, откуда он появился?

— С Титана,— сказал Кэлли.— Судя по клейму на руке.

— Нет. До Титана. По крайней мере, за пять лет до того?.. Дело в том, что этого и сам Бэтчер не знает.

Они снова ошеломленно переглянулись.

— У него был какой-то чудной язык,— сказал Брэсс.— Ридра мне говорила, будто Бэтчер раньше говорил на языке, в котором нет слова «я».

Вновь щелкнул приемник развоплощенных.

— Ридра научила его говорить «я» и «ты», когда они гуляли вечером по Хранилищу, а мы за ними парили...

— «Я»,— сказал Т'муарба.— Это уже что-то. Так-так... А мне казалось, будто я о Ридре все знаю. А на поверку выходит, так мало...

Снова ожил приемник.

— Вы знаете о говорящем скворце?

— Разумеется. Я же там был,— изумился Т'муарба.

В приемнике послышался смех.

— Она никогда не говорила вам, чего она испугалась?

— Это была истерика, вызванная предыдущим потрясением...

Привидение вновь засмеялось.

— Из-за червяка, доктор Т'муарба! Ридра боялась не птицы. Она испугалась огромного земляного червя, ползущего на нее. Его представила птица, а Ридра восприняла телепатически.

— Это она сказала вам?.. А мне ничего не объяснила,— с горечью произнес доктор.

— У вас пред глазами существуют миры, а вы их не замечаете,— сказал призрак.— Эта комната может быть набита фантомами, но вы этого не увидите. Даже команда не знает того, о чем мы вам сейчас рассказали. А вот капитан Уонг никогда не пользовалась приемниками. Она нашла способ разговаривать с нами без приборов. Она прорвалась сквозь миры и соединилась с нами. И оба мира стали от этого богаче.

— Но кто-то же в этом мире — моем или вашем — должен мне объяснить, откуда пришел Бэтчер...— начал доктор и вдруг засмеялся. Все удивленно уставились на него.— Червь! «В райском яблоке червь, червь...» — это из ее раннего стихотворения. Мне бы никогда не пришло в голову.

— И я должен теперь радоваться? — поинтересовался доктор Т'муарба.

— Вы должны проявлять заинтересованность,— ответил генерал Форестер.

— Итак, вы по гиперстатической карте определили, что все диверсии происходили на расстоянии одного гиперстатического перехода от Тисков Спезелли. Вы обнаружили также, что пока Бэтчер был на Титане, происшествий не было. Таким образом, вы установили высокую вероятность того, что это все может быть делом рук Бэтчера. Но почему я должен радоваться.

— Потому, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Но он является слишком важной персоной.

— Важной?

— Да... для Ридры. Мне об этом сказала команда.

— Он? — спросил генерал, начиная постепенно понимать.— Он? Нет... этого быть не может. Нет. Грабитель, диверсант, убийца... Я хочу сказать, что он...

— Но вы же не знаете, кто он такой,— сказал доктор, вставая с кресла.— Мне нужна ваша помощь, чтобы проверить одну догадку. Если она подтвердится, все встанет на свои места.

— Но чего вы хотите?

Доктор Т'муарба вздохнул.

— Прежде всего, нужно поместить Ридру, Бэтчера и нас с вами в самый недоступный застенок штаб-квартиры Конфедерации.

— Но у нас нет зас...

— Давайте, не будем,— спокойно сказал Т'муарба.— Ведь война пока еще не кончилась.

Генерал нахмурился.

— Зачем все эти предосторожности?

— Этот парень многого стоит. Если бы рядом со мной оказались все Вооруженные Силы Конфедерации, это не было бы лишним. Тогда я бы знал, что у нас действительно есть шанс.

Ридру усадили в одном углу тюремной камеры, а Бэтчера — в другом. Их привязали пластиковыми ремнями к сиденьям, наглухо привинченным к полу. Доктор Т'муарба следил за тем, как из камеры выкатывают оборудование.

— Ни застенков, ни пыточных камер, а, генерал? — он взглянул на кровавое пятно, которое стирали на полу у его ног, и покачал головой.— Лучше бы камеру промыли кислотой и продезинфицировали...

— Вы ничего не забыли, доктор? — спросил генерал, не обращая внимания на его замечания.— Если вы не изменили свои

намерения, то через пятнадцать минут здесь будет множество специалистов.

— Здесь слишком тесно,— ответил Т'муарба.— Вот мои девять специалистов в компактном виде,— сказал он и положил руку на компьютер.

— Вы говорили, что требуется максимальная безопасность,— сказал генерал.— Я могу пригласить сюда двести пятьдесят мастеров айкидо.

— У меня самого черный пояс по айкидо, генерал,— произнес доктор.— Я думаю, что мы справимся вдвоем.

Генерал поднял брови.

— А я занимаюсь каратэ, айкидо меня никогда не привлекало. У вас действительно черный пояс?

— Да, и у Ридры тоже. Я не знаю, на что способен Бэтчер, поэтому счел за благо привязать их покрепче.

— Тогда все,— сказал генерал и дотронулся до двери. Бронированная плита медленно опустилась.— В нашем распоряжении — пять минут.

Доктор проследил за тем, как плита коснулась пола, и щель между ней и порогом исчезла.

— Края сварены, проговорил Форестер.— Вокруг нас — двенадцать защитных кордонов, и все они непреодолимы. Никто, включая меня, не знает, где расположено это место.

— После лабиринтов, через которые мы прошли, это не удивительно,— сказал Т'муарба.

— Ко всему прочему, эта камера произвольно перемещается каждые пятнадцать секунд... Он отсюда не вырвется,— генерал указал на Бэтчера.

— Я, скорее, хочу быть уверенным в том, что никто сюда не ворвется.

— Начинайте.

— Если верить заключению докторов на Титане, у Бэтчера амнезия. Это значит, что сейчас задействована только часть его мозга, а все, что происходило до шестьдесят первого года, блокировано. Вот эта штука,— он надел на голову Бэтчера металлический шлем,— создаст серию «проблем» в его сознании, и оно будет вынуждено вырваться из изоляции в остальную часть мозга.

— А что если между этим участком коры и мозгом нет никакой связи?

— Если ему будет достаточно неприятно, то установятся новые связи.

— При том образе жизни, который он вел, трудно представить, что может доставить ему такую неприятность,— заметил генерал.

— Онофф, алгол, фортран обычно создают ситуацию «змея в мозге»,— сказал доктор Т'муарба.— Но на сознание, у которого отсутствует понятие «я», тактика страха не подействует.

— Тогда что же?

— С помощью онофа, алгола, фортрана, парикмахера и того факта, что сегодня среда.

— Доктор Т'муарба, ваш психкод...

— Я знаю, что делаю. Ни в одном из этих компьютерных языков нет слова «я». На них невозможны такие предложения, как «Я не могу решить эту проблему», или «Я не понимаю», или «Я не хочу напрасно тратить свое время». Послушайте, генерал, в маленьком городке на испанской стороне Пиренеев есть лишь один парикмахер. Он бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. Кто же бреет парикмахера?

Генерал на него посмотрел из-под лобья.

— Вы мне не верите? Генерал, я всегда говорю только правду. За исключением среды. По средам любое мое утверждение — ложь.

— Сегодня как раз среда и есть! — воскликнул генерал, начиная выходить из себя.

— Точно! Ну, ну, генерал, не волнуйтесь так, а то у вас лицо посинело.

— Я совершенно спокоен!

— Ну, ну... Отвечайте лишь да или нет. Когда вы прекратите бить свою жену?

— Я еще не выжил из ума, чтобы отвечать на такие вопросы!..

— Ну, хорошо. Оставим пока жену и среду. Так, кто же все-таки бреет парикмахера?

Генерал резко рассмеялся.

— Ах, вот оно что! Вы хотите напичкать его парадоксами, чтобы он с ними боролся?

— Будь вы компьютером, то сразу же перегорели бы, столкнувшись с таким парадоксом. Или отключились, если б вас запрограммировали должным образом.

— Хорошо, а если он решится на развоплощение?

— Меня это не остановит,— ответил доктор и указал на другую машину.— Для этого случая у меня тоже есть средство.

— Но откуда вы знаете, какие парадоксы ему лучше подсунуть? Те, что вы сказали мне...

— Нет-нет. Те, что я привел вам, пригодны лишь для английского и некоторых аналитических языков. Парадоксы существуют в лингвистической манифестации языка, с помощью которого они выражены. В парадоксе об испанском парикмахере противоречие заключается в слове «все». То же самое и в других случаях. Диск, который прислала мне Ридра, содержит грамматику и словарь Вавилона-17. Удивительно! Это, наверное, самый аналитический из всех существующих языков. Но это означает также и то, что в нем заключено огромное количество изумительных па-

радоксов! Ридра записала на диск самые остроумные из них. Или они сожгут мозг, ограниченный Вавилоном-17, или...

— Или вынудят восстановить связи с другими частями мозга! Понимаю. Ну, начинайте!

— Я уже начал две минуты назад.

Генерал посмотрел на Бэтчера.

— Я ничего не заметил.

— Подождите минуту,— сказал доктор, манипулируя какими-то рычагами и переключателями.— Те парадоксы, которыми я загружаю в его мозг, должны сначала прорваться через внешнюю оболочку его коры.

В этот момент Бэтчер оскалил зубы.

— Начинается,— сказал доктор.

— А что происходит с мисс Уонг?

Лицо Ридры тоже было искажено.

— Я надеялся, что этого не случится,— вздохнул доктор Т'муарба.— Но... Они в телепатическом контакте.

Стул Бэтчера затрещал. Ремень, прижимавший его голову к спинке, ослаб, и он ударился затылком о металл.

Ридра закричала от боли. Она открыла испуганные глаза и уставилась на доктора.

— Моки, мне больно!

Один из ремней, на руках Бэтчера, лопнул со звоном. Поднялся огромный кулак.

Т'муарба тут же нажал какую-то кнопку. Белый свет сменился желтым, и Бэтчер расслабился.

— Он потерял...— начал было генерал, но остановился — Бэтчер тяжело дышал.

— Моки, выпусти меня отсюда,— прозвучал голос Ридры.

Доктор Т'муарба нажал на другую кнопку, и ремни, стягивающие ее тело, с треском раскрылись. Ридра вскочила и подбежала к Бэтчеру.

— Его тоже?

Она кивнула.

Доктор нажал еще на одну кнопку, и Бэтчер упал на руки Ридры. Она под его тяжестью опустилась на пол и стала делать ему массаж.

Генерал Форестер держал их под прицелом своего вибропистолета.

— Итак, кто же он и откуда?

Бэтчер начал снова заваливаться, но успел ухватиться руками за спинку стула, удержался и тяжело приподнялся.

— Я... я...— начал он.— Най... Найлс Уэр Дорко,— его голос утратил жесткость и приобрел легкий аристократический акцент.— Армсидж. Я родился в Армсидже... И я... я убил своего отца!

Бронированная пластина поднялась, и в камеру проник запах дыма и раскаленного металла.

— Что там происходит? — спросил генерал Форестер.— Этого быть не должно!

— Я предполагал, что половина защитных кордонов этой камеры должна быть прорвана,— уверенно сказал доктор Т'муарба.— Еще несколько минут — и у нас вообще не осталось бы шансов.

Послышался какой-то шум, и перепачканный сажей охранник остановился, пошатываясь, в дверях.

— Генерал Форестер, с вами все в порядке? Внешняя стена взорвана, каким-то образом взломаны двойные радиокоды на дверях! Керамические стены пробиты почти до середины! Похоже на лазер...

Генерал побледнел:

— Кто пытался пробиться сюда?

Бэтчер стал на ноги, держась за плечо Ридры.

— Некоторые из наиболее остроумных моделей моего отца, включая и ТВ-55. Здесь, в штаб-квартире Конфедерации, их должно быть не менее шести, при том довольно высокоэффективных. Но теперь о них можно не беспокоиться.

— Я успокоюсь только тогда, когда мне все объяснят,— твердо сказал генерал Форестер.

— Не думайте, будто мой отец был предателем, генерал. Наоборот, он решил сделать меня наиболее эффективным секретным агентом Конфедерации. Но оружие — это не инструмент, это, скорее, знание, как его использовать. У захватчиков есть это знание. Это Вавилон-17.

— Хорошо. Допустим, что вы, действительно, Найлс Уэр Дорко. Но это еще больше запутывает дело.

— Я не хочу, чтобы он сейчас много говорил,— сказал доктор Т'муарба.— Те потрясения, которые он...

— Все в порядке, доктор. У меня выносливый организм. Мои рефлексы намного превосходят среднюю норму. Я уже контролирую свою нервную систему до мизинца на ноге. Мой отец делал все капитально.

Генерал Форестер положил ноги на стол.

— Пусть лучше говорит. Если через пять минут вы мне все не объясните, то я вас всех кое-куда отправлю.

— Когда мой отец только начинал работу над моделью шпиона, он решил придать мне самую совершенную человеческую форму, какую только мог сотворить. Потом меня отправили на территорию захватчиков, надеясь, что там я внесу их ряды максимум смятения. Мне, действительно, удалось причинить им немало вреда, но, в конце концов, они схватили меня... Отец про-

должал работать над своими шпионами, и вскоре их способности уже намного превосходили мои. Я, например, и пяти минут не продержусь против ТВ-55. Но из-за семейного честолюбия мой отец решил сохранить контроль над этой операцией в своем доме. Каждый шпион Армсиджа мог получать команды с помощью заранее установленного кода. В мой спинной мозг вживлен гиперстатический трансмиттер, большей частью электропластиплазмовый. Таким образом, я сохранял контроль над всеми шпионами, независимо от степени их сложности. В течение нескольких лет шпионы тысячами внедрялись на территорию захватчиков. До моего пленения мы составляли внушительную силу.

— Почему же вас не убили? — спросил генерал.— Или они решили обратить всю эту армию шпионов против нас?

— Они поняли, что я — оружие Конфедерации. Но при определенных условиях гиперстатический трансмиттер в моем теле уничтожается. Требуется не менее трех недель, чтобы вырастить новый, поэтому они так и не узнали, что я контролирую остальных. Но они применили на мне свое секретное оружие, которое вы назвали Вавилоном-17. Захватчики вызвали у меня амнезию, оставив безо всяких коммуникативных способностей, кроме Вавилона-17, после чего устроили мне побег из Нуэво-нуэво Йорка на территорию Конфедерации. Никаких инструкций относительно диверсий я не получил. Власть, которой я обладал, и связь с остальными шпионами восстанавливалась очень медленно и болезненно. С тех пор вся моя жизнь стала преступлением, маскирующим диверсии. Как и почему — этого я не знаю.

— Думаю, я могу это объяснить, генерал,— сказала Ридра.— Можно запрограммировать компьютер на ошибки, не перепутывая связи, а манипулируя языком, на котором машину научили думать. Отсутствие «я» устраняло всякую самокритику и инстинкт самосохранения. Кроме того, пропали представления о символах и символических процессах. А ведь именно так мы различаем реальность и отображение реальности...

— Шимпанзе достаточно координированы для того, чтобы научиться водить автомобиль, и достаточно разумны, чтобы различить красный и зеленый цвет,— прервал ее доктор Т'муарба.— Но они не способны правильно воспользоваться этим умением. Ведь, если загорится зеленый свет, они поведут автомобиль прямо на кирпичную стену, а если включится красный, они остановятся посреди перекрестка, даже если на них будет лететь грузовик. У них нет символических представлений. Для них красный значит «стой», а зеленый — «иди». То, что это не сами действия, а их символы, шимпанзе не понимают.

— Итак,— продолжала Ридра,— В языке Вавилон-17 для Бэтчера заложена долговременная программа превращения в преступника и диверсанта. Если лишить человека памяти и оставить

в чужой стране, оставив ему лишь названия инструментов и узлов машин, он станет механиком. Манипулируя его словарем, можно превратить его в моряка или художника. Вавилон-17 — это точный аналитический язык, который снабжает вас техническими знаниями в любой ситуации.

— Вы хотите сказать, что этот язык даже вас мог бы обратить против Конфедерации? — спросил генерал.

— Слово «Конфедерация» с Вавилона-17 можно дословно перевести как «Агрессоры»,— сказала Ридра.— Понимаете? И все программы подчинены этому слову. Думая на Вавилоне-17, признаешь необходимость уничтожения собственного корабля. Именно так это и произошло со мной. После этого я заблокировала этот факт при помощи самогипноза, чтобы не позволить себе раскрыть собственные действия и остановить себя.

— Вот он, ваш шпион! — воскликнул доктор Т'муарба.

Ридра кивнула.

— Вавилон-17 программирует действия личности, скрывая их потом самогипнозом. Это усугубляется тем, что мысли на этом языке кажутся более правильными, чем на других языках, потому что они выражены более логично и стройно. Таким образом, запрограммированная личность должна стремиться любой ценой уничтожить Конфедерацию, скрываясь от остальной части сознания. Это и произошло с нами.

— Но почему Вавилон-17 не подчинил вас полностью? — спросил доктор Т'муарба.

— Меня спас мой талант, Моки,— ответила Ридра.— Я уже думала по этому поводу на Вавилоне-17. Все очень просто. Представим, что человеческая нервная система производит радиошумы. Чтобы их уловить, нужна антенна с принимающей поверхностью во много тысяч квадратных миль. Наиболее подходящее устройство для этого — нервная система другого человека. Немного найдется людей, способных лучше меня контролировать ее. Я привыкла следить за испускаемыми мной радиошумами, поэтому мне не составило труда несколько их исказить.

— Что же я должен сделать со шпионами, которых вы скрываете в своих головах? — спросил генерал.— Подвергнуть вас лоботомии?

— Нет,— сказала Ридра.— Вы же, исправляя компьютер, не рвете его провода. Достаточно исправить язык, ввести отсутствующие элементы и компенсировать двусмысленности.

— Мы ввели главные отсутствующие элементы еще в Хранилище «Тарика»,— сказал Бэтчер.— Мы на пути к остальным людям.

Генерал медленно встал.

— Чересчур все это все просто,— сказал он, покачивая головой.— Т'муарба, где диск?

— Там, где и лежал все время — у меня в кармане,— сказал доктор Т'муарба, доставая диск с записью.

— Я отправлю это криптографам, и мы все тщательно проверим,— произнес генерал и подошел к выходу.— Извините, но я вынужден вас запереть...

Форестер вышел, и трое оставшихся переглянулись.

5

— Конечно, я должен был догадаться — тот, кто смог наполовину прорваться к нашей наиболее защищенной камере и саботировать военные операции в огромном районе Галактики, сможет сбежать и из моего закрытого кабинета... Я полагаю... Я знаю, что вас не интересует, что я полагаю, но... Нет, мне и в голову не приходило, что они могут похитить корабль. Да, я... Нет. Конечно, не уверен... Да, один из наших самых больших боевых кораблей. Да, они улетели... Нет, не нападали... У меня нет никаких сведений, кроме оставленной ими записки... Конечно, прочту... К этому я и веду...

6

Ридра прошла в рубку боевого корабля «Хронос». Когда она поставила на пол свой чемоданчик, Бэтчер оторвался от пульта управления.

— Как там внизу?

— Нет ли каких-нибудь проблем с новым оборудованием? — спросила Ридра.

Паренек из отряда навострил уши.

— Не знаю, капитан. Видно, это наша судьба — все время бежать.

— Мы должны вернуться в Тиски и передать корабль Джэбелу и его команде. Брэсс говорит, что он сделает это, если вы, ребята, будете хорошо справляться со своими обязанностями.

— Мы стараемся. Но все время поступает так много приказов. Вот, сейчас я должен бежать вниз.

— Подожди минутку,— сказала Ридра.— А что, если я сделаю тебя квипукмайокуном?

— Кем-кем?

— Человеком, читающим и разъясняющим все поступающие приказы. Ведь твои далекие предки были индейцами, так?

— Да, из племени семинолов.

Ридра кивнула.

— Квипукмайокуна — это на языке майя. Немного похоже. Разница в том, что они отдавали приказы, завязывая узелки на веревке, а мы для этого используем диски. Беги и внимательно следи за полетом.

Рэт прикоснулся ко лбу и убежал.

— Как ты думаешь, что сделает генерал с твоей запиской? — спросил Бэтчер.

— Неважно. Она должна сгладить впечатление в верхах. Пусть они поразмыслят над ней и над теми возможностями, что она перед ними открывает, а мы пока будем делать свое дело. У нас теперь есть самое мощное оружие — Вавилон-18, или исправленный Вавилон-17.

— Плюс моя тайная армия,— произнес Бэтчер.— Думаю, за полгода мы справимся. Твое счастье, что эти припадки не ускорили метаболизм. Мне это даже кажется странным. Ты должна была погибнуть, так и не успев овладеть Вавилоном-17. Так и было задумано.

— Им не повезло, что они напали именно на меня... Ну, что ж... Вот, разберемся с Джэбелом и оставим на столе Мейлоу командующего армией захватчиков в Нуэво-нуэво Йорке записку: «Эта война должна быть закончена в течение полугода»,— сказала Ридра.— По-моему, это лучшее из всего того, что я когда-либо написала. Но сначала нам придется как следует потрудиться.

— У нас есть оружие, которого нет больше ни у кого,— сказал Бэтчер, подошел и сел рядом с ней.

— С ним дело пойдет гораздо веселее. Но чем мы потом займемся?

— Я напишу поэму. Или роман. Мне есть что сказать людям.

— А я до сих пор нахожусь на положении преступника. Покрывать плохие дела хорошими — это грубая лингвистическая ошибка, уже не раз причинявшая людям неприятности. Особенно, если хорошие дела подразумеваются в будущем. Я до сих пор несу ответственность за массу убийств.

— Механизм судопроизводства, направленный на устрашение, тоже лингвистическая ошибка. Если тебя это так тревожит, вернись и отдайся в руки правосудия... Но лучше бы ты занялся своими делами. И пусть самым главным из них буду я.

— Да, но кто сказал, что твой суд будет мягче?

Ридра рассмеялась. Она подошла к нему, взяла его ладони и положила их на свое сияющее лицо.

— Я же буду и твоим адвокатом! Ты уже должен был догадаться, что даже без Вавилона-17 я смогу уломать любого.

ИМПЕРСКАЯ ЗВЕЗДА

Задавшись идеей
До Атлантиды добраться,
Ты, разумеется, выяснил —
В этом году лишь
Корабль Дураков туда отплывает,
И страшной силы штормы
Предсказаны — стало быть,
Следует быть готовым
Вести себя столь нелепо,
Чтобы одним из Парней прослыть,
По меньшей мере любя
Спиртное, скачки, шумные игры.

У. Х. Оден

...правда — это точка зрения на вещи.

Марсель Пруст

I

У него были:

светлая коса по пояс;

тело, смуглое и стройное, совсем как у кошки, говорили они, когда он в полудреме сворачивался калачиком у гаснущего костра Полевого Смотрителя в Новом Цикле;

окарина;

черные перчатки и черные сапожки, при помощи которых он мог взбираться на стены и ползать по потолкам;

серые глаза, слишком большие для маленькой мрачной физиономии;

латунные когти на левой руке, которыми он к тому времени уже успел убить трех диких кепардов, прокравшихся через пролом в силовой изгороди во время его стражи в Новом Цикле (а однажды в драке с Билли Джеймсом — простой потасовке, когда один удар вдруг вышел слишком быстрым и жестким, обращая дружескую стычку в настоящую — он убил парня, но это случилось два года назад, когда ему было только шестнадцать, а теперь ему не нравилось об этом вспоминать);

восемнадцать лет суровой жизни в пещерах спутника под названием Рис, работы на подземных полях, пока Рис крутился возле гигантского красного солнца Тау Кита;

склонность бродить вдали от Родных Пещер и смотреть на звезды, которая доставляла ему неприятности по меньшей мере четыре раза за один только прошлый месяц, а за последние четырнадцать лет обеспечила ему кличку «Комета Джо»;

дядюшка по имени Клеменс, которого он терпеть не мог.

И впоследствии, когда он потерял все, кроме (чудесным образом) окарины, он подумал про все эти вещи — что они для него значили, в какой мере определили его юность и как скверно подготовили его ко взрослой жизни.

Однако прежде чем начал терять, он приобрел две вещи, которые, наряду с окариной, хранил до самого конца. Одной был дьяволов котенок по кличке Дьяк. Другой был я. Я — Самоцвет.

У меня мультиплексное сознание, а это означает, что я вижу вещи с разных точек зрения. Это есть функция ряда обертонов в гармоническом узоре моей внутренней структуры. Посему бóльшую часть этой истории я изложу с точки зрения, именуемой в литературных кругах всеведущим наблюдателем.

Малиновая Тау Кита метила синяками западные утесы. Шина, громадная, как солнечный Юпитер, казалась черным изгибом поперек четверти горизонта, а белый карлик Глаз серебрил восточные скалы. Комета Джо, мотая пшеничного цвета волосами, брел позади двух своих теней, одной длинной и серой, другой ржавой и приземистой. Голова его была обращена назад, и в суматохе окрашенного старым вином вечера он глазел на первые звезды. В длиннопалой правой рукой с обгрызанными, как у всякого парнишки, ногтями он держал окарину. Он знал, что ему придется вернуться, придется выползти из ночи в лучистый кокон Родной Пещеры. Ему следует уважительно относиться к дядюшке Клеменсу, нельзя ему ввязываться в драки с другими парнями на Полевой Страже; столько всего ему нельзя...

Звук. Камень и не-камень в соударении...

Он резко пригнулся, и его когтистая левая кисть, смертоносное орудие тощей левой руки, взлетела, защищая лицо. Кепарды бьют по глазам. Но это был не кепард. Он опустил когти.

Дьяволов котенок с шипением выбрался из расщелины, балансируя на пяти из восьми своих лап. Он был в фут длиной, имел три рога и глаза того же цвета, что и у Джо. Затем он захихикал, а так дьяволовы котята поступают, когда не на шутку расстроены — к примеру, когда теряют своих родителей — дьяволовых котов и кошек, которые пятидесяти футов в длину и совершенно безвредны, если только случайно на тебя не наступят.

— Чо там ище? — спросил Комета Джо.— У тя чо, пап с мам свалили?

Дьяволов котенок снова захихикал.

— Да чо там такое? — настаивал Джо.

Котенок оглянулся через левое плечо и зашипел.

— А ну глянем,— кивнул Комета Джо.— Пашли, киска.— Хмурясь, он устремился вперед, движения его голого тела по скалам были столь же грациозны, сколь груба была его речь. Джо

спрыгнул со скального выступа на осыпающуюся красную землю, желтые волосы в полувзлете туманом окутали его плечи, затем опять упали на глаза. Джо откинул их назад. Котенок потерся о его лодыжку, снова захихикал, затем скакнул за валун.

Джо последовал за ним — и тут же отпрянул обратно к твердому камню. Когти его левой руки и костяшки правой заскребли по граниту. Он мигом вспотел. Крупная вена на горле яростно забилась, а мошонка сжалась как чернослива.

Зеленый склон пенился и горел словно бы в гейзере на два фута выше самого Джо. В пылающей мешанине метались две твари, которых он видеть не мог, зато он мог их почуять — как они корчатся, безмолвно вопят и в страшных мучениях умирают. Одна из этих тварей отчаянно пыталась вырваться на свободу.

Дьяволов котенок, безразличный к адскому страданию внутри гейзера, гоголем прошелся к его основанию, высокомерно сплюнул, затем таким же гоголем вернулся обратно.

Когда Джо отважился сделать вдох, тварь наконец вырвалась. Дымясь, заковыляла вперед. Подняла серые глаза. Ветерок подхватил длинные, пшеничного цвета волосы и сдул их с плеч, пока она, какой-то недолгий момент, с отчетливо кошачьей грацией двигалась вперед. Затем она упала ничком.

Что-то более глубокое, нежели страх, заставило Комету Джо потянуться и ухватить простертые к нему руки. Только когда Комета Джо опустился на колени и фигура стала задыхаться у него на руках, он понял, что это его двойник.

Изумление взорвалось у него в голове, и одной из вырвавшихся при этом на свободу вещей стал язык:

— Ты кто?

— Ты должен доставить...— начала фигура, затем закашлялась, и на мгновение черты ее лица потеряли ясность: — ...доставить,— повторила она.

— Чо? Чо? — Джо был озадачен и напуган.

— ...доставить на Имперскую звезду сообщение,— фигура изъяснялась на ясном, четком интерлинге внепланетников.— Ты должен доставить на Имперскую звезду сообщение!

— А чо сказать?

— Просто доберись туда и скажи...— Фигура снова закашлялась.— Просто доберись туда, сколько бы времени на это ни ушло.

— Да чо сказать, када даберусь? — уперся Джо. Тут он подумал обо всем том, что уже следовало спросить: — А ты откеда? И куда? Чо такое?

Пораженная внезапной судорогой, фигура выгнула спину и соскользнула с рук Кометы Джо. Парнишка потянулся раскрыть твари рот, чтобы она не проглотила язык, но прежде чем он ее коснулся, она... растаяла.

Она пузырилась и испускала пар, пенилась и дымилась.

Более крупный феномен теперь утих, стал всего лишь лужицей, растекающейся по сорнякам. Дьяволов котенок подошел к краю, понюхал, затем лапой что-то оттуда выловил. Лужица ненадолго застыла, после чего начала быстро испаряться. Переместив находку в рот, котенок, стремительно моргая, подошел и выложил ее Джо на колени, а затем уселся помыть пушистую розовую грудку.

Джо опустил глаза. Многоцветная, многогранная, мультиплексная, находка была мной. Я — Самоцвет.

II

Ох, и долго же мы путешествовали — Норн, Ки, Марбика и я сам,— прежде чем все так внезапно и катастрофично закончилось. Я их, конечно, предупредил, когда наш первоначальный корабль вышел из строя, и мы взяли органиформный крейсер от созвездия Золотой Рыбы. Пока мы оставались в сравнительно пыльном регионе Магеллановых облаков, все шло прекрасно, однако стоило нам достичь более пустого пространства Родной Спирали, как капсулообразующему механизму стало не на чем катализироваться.

Мы намеревались облететь созвездие Кита и направиться к Имперской звезде с грузом новостей хороших и скверных, с хроникой успехов и поражений. Но мы потеряли оболочку, и органиформа, будто дикая амеба, плюхнулась на спутник Рис. Такая нагрузка стала фатальной. Ки погиб сразу по приземлении. Марбика распался на тысячи дебильных компонентов, которые боролись и гибли в питательном студне, где все мы были подвешены.

Мы с Норном провели быстрое совещание. А кроме того, поставили весьма ненадежный перцептор сканировать по стомильному радиусу от места катастрофы. Органиформа уже начала уничтожать самое себя; ее примитивный разум обвинил в аварии нас, и теперь он хотел убивать. Сканирование перцептора выявило присутствие небольшой колонии землян, которые занимались выработкой миназина, что произрастал в подземных пещерах. Примерно в двадцати милях к югу располагалась небольшая транспортная станция, откуда миназин переправляли к галактическому центру, чтобы нужным образом распределить среди звезд. Но сам спутник был невероятно отсталым.

— Пожалуй, это самое примитивное из всех разумных сообществ, с какими мне приходилось сталкиваться,— констатировал Норн.— Во всей округе я могу зафиксировать не более десяти разумов, которые когда-либо бывали в другой звездной системе, и все они работают на транспортной станции.

— Где у них, между прочим, надежные неорганические корабли, которые нипочем не спятят и не станут тебе враждебны,— заметил я.— А из-за этой штуковины мы оба обречены на гибель, и теперь нам уже никогда не добраться до Имперской звезды. Нам бы на нормальном корабле оказаться. А эта штуковина чуть что — и абзац! Температура протоплазмы уже становилась малоприятной.

— Тут где-то поблизости ребенок,— сказал Норн.— И... черт возьми, а это еще что за зверь?

— Земляне зовут его дьяволовым котенком,— отозвался я, извлекая информацию.

— Разум у него определенно не симплексный!

— Но и не вполне мультиплексный,— сказал я.— Впрочем, это уже что-то. Быть может, он сумеет доставить сообщение?

— Но его интеллект субдебилен,— возразил Норн.— У землян по крайней мере есть приличная масса серого вещества. Вот если бы нам удалось заставить их сотрудничать... Этот ребенок довольно смышленый — но такой симплексный! Котенок как минимум комплексный, и этого хватит, чтобы доставить сообщение. Что ж, попытаемся. Постарайся их сюда завлечь. Если ты кристаллизуешься, ты ведь сможешь на какое-то время отложить смерть?

— Да,— с неловкостью подтвердил я.— Но я не уверен, хочу я этого или нет. Не думаю, что смогу вынести существование столь пассивное и быть всего-навсего точкой зрения.

— Даже пассивный,— резонно заметил Норн,— ты сможешь быть очень полезен — особенно для этого симплексного парнишки. Его ждут большие неприятности, если он согласится.

— Идет,— согласился я.— Я кристаллизуюсь, хотя мне это и не нравится. А ты давай наружу и попробуй там что-нибудь сделать.

— Проклятье,— выругался Норн.— Умирать мне совсем не по вкусу. Не хочу умирать. Хочу жить, хочу отправиться к Имперской звезде и все там рассказать.

— Поторопись,— сказал я.— Ты только время теряешь.

— Ладно, ладно. Как по-твоему, какую форму мне лучше всего принять?

— Помни, ты имеешь дело с симплексным разумом. Ты можешь принять только одну форму, которой он уделит достаточно внимания и которую завтра утром не припишет к скверному сновидению.

— Ладно,— повторил Норн.— Поехали. Прощай, Самоцвет.

— Прощай,— сказал я и начал кристаллизоваться.

Норн рванулся вперед, и кипящий студень провис, когда он вырвался из него на скалы, где ждал ребенок. «Сюда, киска, сюда, сюда»,— спроецировал я в сторону дьяволова котенка. Он оказался весьма сговорчив.

III

Комета Джо брел обратно к пещерам, наигрывая медленные мотивы на окарине и размышляя. Драгоценный камень (который был Самоцветом — то есть мной) лежал в сумке у него на поясе. Дьяволов котенок сперва пытался хватать зубами светлячков, затем остановился, чтобы выдернуть щетинки из подушечек у себя на лапах. Один раз он перекатился на спину и зашипел на звезду, но тут же снова заспешил за Кометой. Разум его был вовсе не симплексным.

Комета добрался до выступа Зубодера. Оглядев скалу, он заметил у двери в пещеру дядюшку Клеменса. Вид у дяди был явно недовольный. Языком Комета поискал за щеками остатки завтрака, поскольку сразу сообразил, что обед ему не светит.

Сверху послышался голос:

— Эй, баббес! А дя Клем на тя не на шукку озлисся!

Джо поднял глаза. Его троюродная кузина Лилли торчала на выступе еще более высокой скалы, глазея вниз.

Он поманил девчонку к себе, и она спустилась. Как всегда, Джо посмотрел на ее короткую стрижку, из-за которой он всем девчонкам завидовал.

— Эта твой дьявов ктенок? И как ево звать?

— Сассем он не мой,— возразил Джо.— Слышь, а кто скаал, что те можна маи печчатки с сапожками таскать?

На Лилли были черные сапожки по колено и перчатки по локоть, которые Чарона подарила ему на восемнадцатилетие.

— Я хатела тя падажжать и скаать, как дя Клем на тя озлися. Вот и наа было залесс туда, откеда видать, как ты падходиш.

— Жлуп, ну ты и залезла! А терь аддай. Ты их проста панасить хатела. А ну аддай. Я те их таскать не велел.

Лилли неохотно стянула перчатки.

— Ну и жлуп с тобой,— сказала она.— Значить, не дашь мне их панасить? — Она вылезла из сапожек.

— Жлуп те,— твердо сказал Джо.

— Дя Клем, Камета вернусся!

— Заткнись! — прошипел Комета, затем повернулся и побежал назад по выступу.

— Дя Клем, а он апять деру дает...— И тут дьяволов котенок очень кстати вонзил два из трех своих рогов Лилли в лодыжки, пастью подобрал перчатки и сапожки и полетел вслед за Кометой — поступок, надо сказать, весьма мультиплексный, учитывая, что никто ему ничего не скомандовал.

Пятнадцатью минутами позже Комета затаился в залитых звездным светом скалах, рассерженный и напуганный. А тут как раз дьяволов котенок подошел и бросил ему сапожки и перчатки.

— Чо? — сказал Комета, поначалу не узнав их в бордовом полумраке.— А, сассибо! — Тут он взял их и надел.— Чарона,— продолжил он, вставая.— К Чароне бы наа.— А все потому, что Чарона подарила ему сапожки, потому что Чарона никогда на него не злилась, а еще потому что Чарона наверняка знала, что это еще за Имперская звезда.

Джо тронулся было в путь, затем обернулся и хмуро поглядел на дьяволова котенка. Дьяволовы котята славятся своей независимостью и, в отличие от собак, никогда у людей на побегушках не бывают.

— Дьявов ктенок,— произнес он.— Дья-кот. Дьяк — вот те кликуха. Ну чо, Дьяк, хошь со мной? — Этот поступок был вовсе не симплексным — меня он, по крайней мере, удивил.

Комета Джо пустился в путь, и Дьяк за ним последовал.

IV

Дождь лил аж до рассвета. Брызги усеивали лицо и разукрашивали ресницы Кометы, пока он свисал с нижней стороны утеса, глядя на ворота Транспортной зоны. Он висел как ленивец, а Дьяк сидел в колыбельке его живота.

Между скал в краснеющем свете вперед тащились два грузовика с миназином. Очень скоро Чарона выйдет их пропустить. Запрокидывая голову и разглядывая перевернутый мир, Джо мог видеть всю каменистую равнину, будто циркулем отчерченную двумя перегибами Бруклинского моста, до самых погрузочных платформ, где в красном дожде рассвета балансировали звездолеты.

Когда грузовики приблизились к зарослям чаппачапсов, которые в одном месте подступали к дороге, Джо увидел, как Чарона размеренным шагом идет к воротам. 3-пес бежал впереди нее, гавкая через сетку на машины, пока они тормозили. Дьяволов котенок нервно заворочался. Чем он, пожалуй, особенно напоминал своего земного тезку, так это неприязнью к собакам.

Чарона потянула рычаг ворот, и прутья быстро поднялись. Когда второй грузовик потащился вперед, Джо крикнул с утеса:

— Эй, Чарона! Придежжи их малеха!

Чарона подняла лысую голову и скорчила морщинистую физиономию, приглядываясь:

— Кто там?

3-пес гавкнул.

— А вона кто! — крикнул Джо, затем отлип от камня и выгнулся в воздухе. Падая, они с Дьяком выполнили ловкий перекат. Затем Комета легко вскочил на ноги и встал перед Чароной.

— Ну и ну,— рассмеялась она, засовывая оба кулака в большой карман своего серебристого комбинезона, который блестел

от дождя.— Ты прямо, как ловкий эльф. А где ты почти весь месяц прятался?

— На страже в Но-Цикле,— ухмыляясь, ответил Джо.— Глянь, на мне твой падарок.

— Рада, что ты по-прежнему его носишь. Ну, входи, пора и ворота закрывать.

Комета нырнул под наполовину опущенные прутья.

— Слышь, Чарона,— сказал он, когда они вместе пошли по влажной дороге,— а Имперская звезда эта чо такое? И где ана? И как туда добрасся? — По молчаливому согласию они свернули с дороги и стали пробираться по грубой земле долины в тени металлического языка под названием Бруклинский мост.

— Это, дружок, великая звезда, которую твои прапрапрадедушки на Земле звали Альфой Возничего, или Капеллой. Она отсюда в семидесяти двух градусах по ступице галактики на гиперстатическом расстоянии в пятьдесят пять и девять десятых, и тебе — если цитировать древнюю поговорку — «отсюда туда не добраться».

— Почему?

Чарона рассмеялась. З-пес пробежал вперед и залаял на Дьяка, который тут же выгнул спину и начал было высказывать что-то в ответ на своем котеночьем, но затем передумал и гоголем отошел в сторонку.

— Кто-то мог бы вписаться на какой-нибудь транспорт и с этого начать; но у тебя не получится. И это самое главное.

Комета Джо нахмурился.

— Эта ищо пачему? — Он махнул ребром ладони по сорнякам и сшиб головки.— Я свалю с этой планеты — и пряма сичас!

Чарона приподняла голую кожу на том месте, где раньше были ее брови.

— А ты, похоже, серьезно настроен. За четыреста лет ты первый из родившихся на этой планете, кто мне такое говорит. Возвращался бы ты, Комета Джо, к своему дядюшке и жил себе с миром в Родной Пещере.

— Жлуп,— выругался Комета Джо и пнул камушек.— Хачу паехать. Пачему мне не паехать?

— Симплекс, комплекс и мультиплекс,— произнесла Чарона. И я тут же проснулся в сумке у Джо. Похоже, в конце концов появилась надежда. Если найдется кто-то, кто ему объяснит, путешествие станет проще.— Пойми, Комета, здесь симплексное общество. С космическими путешествиями оно не знакомо. Если не считать грузовиков с миназином и нескольких любопытных детишек вроде тебя, никто за эти ворота не проходит. А через год и ты перестанешь приходить, и все твои визиты в конечном итоге выразятся лишь в том, что ты будешь более снисходителен к своим детишкам, когда они станут приходить к воротам или

возвращаться в Родные Пещеры с волшебными ерундовинами со звезд. Чтобы путешествовать между мирами, человек должен по меньшей мере иметь дело с комплексными существами, а часто и с мультиплексными. Ты запутаешься в том, где и как себя вести. Уже через полчаса межзвездного перелета ты передумаешь и решишь вернуться, отвергнешь всю эту затею как дурацкую. То, что у тебя симплексный разум, в каком-то смысле даже неплохо, ибо так тебе спокойней на Рисе. И хотя ты проходишь через ворота, тебя скорее всего не «развратят» ни визиты в транспортную зону, ни случайное столкновение с предметами из других миров вроде тех сапожек и перчаток, что я тебе подарила.

Она, похоже, закончила, и я опечалился, ибо это определенно не было объяснением. А теперь я знал, что Джо наверняка отправится в путешествие.

Но тут Комета Джо сунул руку в сумку, отпихнул в сторону окарину и поднял меня на ладони.

— А эта ты, Чарона, видала?

Вместе они нависли надо мной. За остриями когтей Кометы, за их затененными лицами черная лента Бруклинского моста прочерчивала розовато-лиловое небо. Ладонь Джо под моей верхней частью была теплой. Прохладная капля упала на мои передние грани, искажая их облик.

— Ну... по-моему... нет, не может быть. Где ты его нашел?

Джо пожал плечами.

— Да нашел. А чо эта?

— Клянусь всеми лучами семи солнц, это похоже на кристаллизованного тритонца.

Чарона, разумеется, не ошиблась, и я тут же понял, что она была немалого опыта космолетчицей. Кристаллизованные, мы, тритонцы, не так уж часто попадаемся.

— Наа к Имперской звезде его подвесси.

За сморщенной маской лица Чароны тихо работала мысль, и по обертонам я смог понять, что разум ее был мультиплексным, с образами космоса и звезд, увиденных в черноте галактической ночи, с волшебными пейзажами, незнакомыми даже мне. Четыреста лет в качестве стражницы у ворот в транспортную зону Риса разровняли ее разум почти до симплексного. Но мультиплексность уже пробудилась.

— Попробую тебе, Комета, кое-что объяснить. Скажи мне, что самое важное на свете?

— Жлуп,— охотно ответил Джо, и тут же увидел, как она хмурится. Парнишка был в недоумении.— Миназин, то ись. Без грязных славечек, извинясь.

— Меня, Комета, никакие слова не трогают. Честно говоря, мне всегда казалось немного забавным, что у вашего народца есть такая вещь, как «грязное словечко» для миназина. Хотя, навер-

ное, становится не так смешно, когда я вспоминаю «грязные словечки» в том мире, откуда я родом. Там, где я выросла, запретным словом считалась вода — ее было совсем мало, и про нее нельзя было упоминать иначе, как по технической формуле в технологической дискуссии, и никогда перед твоим учителем. А на Земле, во времена наших прапрапрадедушек, о пище, съеденной и прошедшей через тело, в приличной компании вообще не упоминали.

— А чо грязнаво в пище и ваде?

— А что грязного в жлупе?

Комету не на шутку удивило то, как легко Чарона пользуется обычным жаргоном. Хотя, подумалось ему, она постоянно общается с водителями и грузчиками, которые славятся своим сквернословием и недостатком уважения ко всему на свете — так, по крайней мере, дядюшка Клеменс говорил.

— Не знаа,— наконец ответил он.

— Это органический пластик, который вырастает в цветке злака мутантного штамма, который распускается только в условиях радиации, проникающей во тьму пещер из самого сердца Риса. На этой планете он используется только как уплотнитель сплава других пластиков, и все же единственное назначение Риса во Вселенском плане — обеспечивать миназином остальную галактику. Все мужчины и женщины на Рисе заняты на его производстве — возделывании или транспортировке. Вот и все, что он из себя представляет. Нигде во всем описании я ни разу не упомянула о грязи.

— Ну, када ево мешок рвесся или рассыпаесся, он вроде как... ну, не грязный, а неприятный.

— Пролитая вода или просыпанная пища тоже неприятные. Но по природе своей они не таковы.

— Проста с парядочными людьми кой о чем не талкуют. Так дя Клем грит,— Джо наконец нашел прибежище в своей выучке.— И раз ты гришь, жлуп самое важное из всего, значить, нада... ну, малеха ево уважать.

— Я ничего такого не сказала. Это ты сказал. И именно поэтому у тебя симплексный разум. Если ты пройдешь через вторые ворота и попросишь капитана одного из транспортов тебя подвезти — а тебя скорее всего подвезут, потому что там таких много,— ты попадешь в другой мир, где миназин значит всего-навсего сорок кредиток за тонну и куда менее важен по сравнению со сквернием, шматенциями, хлопотопами и сикось-накосем, каждый из которых стоит больше пятидесяти кредиток. И ты можешь кричать все эти названия где угодно, но ничего, кроме пустого шума, никто в этом не усмотрит.

— Я и не думаю нигде ничо кричать,— заверил ее Комета.— И из тваго базара пра «симплекс» мне ясна тока то, шо я знаа, как ся вести, даже есси куча народу пра эта не ведает. Может, я ищо не такой вежливый, как нада, но как ся вести, я знаа.

Чарона рассмеялся. З-пес прибежал назад и потерся мордой о ее бедро.

— Возможно, я сумела бы объяснить это чисто в технологических терминах, но с прискорбием понимаю, что пока ты сам не увидишь, ты этого не поймешь. Поэтому остановись и посмотри наверх.

Помедлив у расколотого камня, они посмотрели наверх.

— Дырки видишь? — спросила Чарона.

В панелях мостового настила тут и там были точечки света.

— Похоже на случайные точки, верно?

Джо кивнул.

— Это симплексный взгляд. Теперь иди дальше и продолжай смотреть.

Глазея вверх, Комета размеренным шагом двинулся вперед. Точки света погасли, зато тут и там появились другие, затем и эти погасли, но другие — или, возможно, первоначальные — появились.

— Надстройка балок над мостом перекрывает некоторые дырки и не дает тебе воспринимать все сразу. Но теперь встаешь на комплексную точку зрения, ибо сознаешь, что там есть больше, чем видится с любого отдельно взятого места. А теперь беги и не опускай головы.

Джо побежал по камням. Скорость мерцания возросла, и он вдруг понял, что дырки образуют узор — шестиконечные звезды, пересеченные диагоналями из семи дырок каждая. Только когда мерцание происходило так быстро, можно было воспринимать весь узор...

Споткнувшись, он плюхнулся на четвереньки.

— Видел узор?

— Уфф... ага,— Джо покачал головой. Его ладони под перчатками саднило, а одно колено было содрано.

— Это был мультиплексный взгляд.

З-пес нагнулся и лизнул ему лицо.

За всем этим с трезубой развилины куста несколько укоризненно наблюдал Дьяк.

— Ты столкнулся с одной из главных проблем симплексного разума, пытающегося охватить мультиплексную точку зрения. При этом запросто можно плюхнуться на четыре точки. Я действительно не знаю, сможешь ли ты совершить переход, хотя ты очень молод, а многим людям постарше приходилось отступать. Конечно, я желаю тебе удачи. Хотя что касается первых ступеней путешествия, ты всегда сможешь обернуться и осадить назад, и даже после первого короткого прыжка к Крысиной Дыре ты увидишь куда более обширную часть Вселенной, чем большинство людей Риса. Но чем дальше ты будешь заходить, тем сложнее будет вернуться.

Комета Джо оттолкнул 3-пса в сторону и встал. Его следующий вопрос родился как из страха перед попыткой, так и из боли в ладонях.

— Бруклинский мост,— произнес он, все еще глядя вверх.— А пачему ево ваще так завут? — Джо задал этот вопрос так, как задают вопрос без ответа, и будь его разум достаточно остр, чтобы выразить подлинный смысл, он бы спросил: «Почему вон то сооружение должно ловить меня на ошибке?»

Но Чарона уже отвечала:

— На Земле есть сооружение, схожее с этим, которое тянется меж двух островов — хотя оно немного поменьше. «Мост» — это название строения такого рода, а «Бруклин» — название места, к которому оно ведет, потому оно и называется «Бруклинский мост». Первые колонисты принесли с собой название и дали его тому, что ты здесь видишь.

— То ись, эта неспроста?

Чарона кивнула.

Внезапно в голове у Джо родилась идея, резко вильнула и со звоном и лязгом вновь появилась где-то в затылке.

— А смагу я Землю увидеть?

— Слишком далеко в сторону это тебя не заведет,— ответила Чарона.

— И я смагу увидеть Бруклинский мост? — его ноги вдруг стали буквально зудеть.

— Я видела его четыреста лет назад, и он все еще там стоял.

Комета Джо внезапно вскочил и попытался поколотить кулаками небо, что показалось мне безукоризненно комплексным поступком и вселило еще бóльшую надежду; затем он пробежал вперед, запрыгнул на одну из опор моста и из чистого избытка чувств разом вскарабкался на сотню футов вверх.

На полпути к вершине Джо остановился и посмотрел вниз.

— Эй, Чарона! — крикнул он.— Я думаю на Землю слетать! Я, Камета Джо, думаю слетать на Землю и увидеть Бруклинский мост!

Внизу под нами привратница улыбнулась и погладила 3-пса.

V

Когда дождь перестал, они вышли из-под балюстрады. Затем перебрались через ограду и по черной от воды гудронированной трассе зашагали к вторым воротам.

— Ты уверен? — снова спросила его Чарона.

С легкой опаской Джо кивнул.

— А что мне сказать твоему дядюшке, когда он придет? Ведь он обязательно придет.

При мысли о дядюшке Клеменсе опаска возросла.

— Проста скажи, я уехал.

Кивнув, Чарона потянула за второй рычаг, и ворота поднялись.

— А этого ты с собой возьмешь? — Чарона указала на Дьяка.

— А чо? Пачему нет? — И с этими словами Джо смело зашагал вперед. Дьяк глянул вправо, влево, затем бросился вслед за ним. Чарона и сама сходила бы проводить парня, но внезапно вспыхнул сигнальный фонарь, который указывал, что ее присутствие снова требуется у первых ворот. Так что только ее пристальный взгляд следовал за Джо, пока опускались ворота. Затем она оглянулась на мост.

Самое большее, что Джо до сих пор доводилось делать, это лишь вглядываться через вторые ворота в выпуклые формы кораблей, в грузовые здания, в механические погрузчики и тележки, что загромождали перепутья транспортной зоны. Войдя туда, он огляделся, ожидая, что мир станет совсем другим, как предупреждала Чарона. Однако его понятие о «другом» было весьма симплексным, так что первые двадцать футов ходьбы его решительно разочаровали.

Еще через двадцать футов разочарование сменилось обычным любопытством. К нему скользили тарельчатые салазки, строго направляемые по трассе высокой фигурой. Последовал небольшой всплеск страха и удивления, когда Джо понял, что тарелка едет прямо на него. Мгновение спустя она остановилась.

Там стояла женщина. Джо далеко не сразу это понял, поскольку волосы ее были длинными, как у мужчины; убраны они были в такую затейливую прическу, какой он никогда в жизни не видел. Кроме того, на женщине было блестящее алое платье, где вставки с тканями разной плотности, хотя цвет везде был один и тот же, тесно прилегали к телу или отбрасывались сырым рассветным ветром. Волосы ее, губы и ногти также были алыми, тут же сообразил Джо. Вот это уже и впрямь было странно. Женщина взглянула на него и сказала:

— А ты красивый парнишка.

— Чо? — переспросил Комета.

— Я сказала, что ты красивый парнишка.

— Ж-жлуп... то ись... мм...— Тут он перестал смотреть себе под ноги и бросил на нее ответный взгляд.

— Только вот волосы у тебя в беспорядке.

Джо нахмурился.

— Эта как эта в беспарядке?

— Так это. Интересно, где ты выучился на интерлинге разговаривать? Или я просто получаю туманный телепатический эквивалент твоего орального высказывания?

— Чо?

— Да ничего. Ты все равно красивый парнишка. Я дам тебе расческу, а кроме того — уроки дикции. Приходи ко мне на корабль. Ты так и так попадешь на мой корабль, потому что никакие другие в ближайшее время не отбывают. Спроси Сан-Северину.

И тарелка заскользила прочь.

— Эй, а вы куда? — крикнул Комета Джо.

— Сперва причешись, а потом мы это на уроках обсудим.— Женщина вынула что-то из вставки у себя на платье и швырнула это Джо.

Он поймал вещицу и рассмотрел. Это была красная расческа.

Джо вытянул копну своих волос из-за плеч, чтобы получше их изучить. После ночного путешествия к транспортной зоне они порядком спутались. Тогда он несколько раз ударил по ним расческой, думая, что она какого-то особого типа, который облегчает расчесывание. Ничего подобного. Расческа оказалась самой обычной. Минут десять Джо упорно расчесывался, а затем, чтобы как можно дольше избегать повторения неприятного процесса, заплел волосы в косу и забросил ее за плечо. После этого он положил расческу в карман и достал окарину.

Проходя мимо одного из штабелей груза, Джо заметил молодого человека несколькими годами старше его самого, который, рассевшись на вершине пирамиды из ящиков и подтянув к себе колени, внимательно на него смотрел. Парень был босоног, без рубашки, а его истрепанные штаны были подвязаны веревкой. Волосы его были непонятно бесполой длины и спутаны куда хуже, чем прежде у Джо. Жутко грязный, он улыбался.

— Привет! — сказал Джо.— Не знашь, на каком карабле мне отседа выбрасся?

— Чапукну,— отозвался парень, указывая куда-то в поле.— Карго — жлуп и Ллл.

Не разобрав ни единого слова, кроме бранного, Джо немного растерялся.

— Мне на карабль нада,— повторил Джо.

— Чапукну,— повторил парень и снова указал. Затем он приложил руки ко рту, словно тоже играл на окарине.

— Хошь попроовать? — спросил Джо, и тут же пожелал, чтобы парень не хотел. Слишком уж он был грязный.

Но парень, улыбаясь, покачал головой.

— Проста челночник. Музыку не умей.

Это уже почти имело смысл. По крайней мере, наполовину.

— Ты откеда? — спросил Джо.

— Проста челночник,— повторил парень. Теперь он указал на розовую луну-луну над горизонтом.— Туда-сюда, туда-сюда — токо и бывай.— Он снова улыбнулся.

— Угу,— пробурчал Джо и улыбнулся — просто ничего другого в голову не пришло. Он сильно сомневался, извлек ли он из этого разговора хоть какую-то информацию. Снова принявшись играть на окарине, он пошел дальше.

На сей раз он направился прямиком к кораблям; один стоял под погрузкой, так что к нему он и устремился.

Тучный мужчина управлял робопогрузчиками, проверяя вещи по списку. Его сальная рубашка была все еще мокра от дождя, и он завязал ее на пузе, которое выпирало по обе стороны от узла.

Еще один парень, почти ровесник Джо, стоял, прислонясь к тросу-оттяжке, тянущейся от корабля. Подобно первому, он был грязен, бос и без рубашки. Одна его штанина была оторвана у колена, а две петли ремня были примотаны друг к другу куском проволоки. На загорелом и обветренном лице не было даже той готовности улыбнуться, которая еще оставалась у первого знакомца Джо. Парень оторвался от оттяжки, медленно поворачиваясь, чтобы получше разглядеть Джо, пока тот проходил мимо.

Джо направился было к тучному мужчине, занятому погрузкой, но тот как раз не на шутку углубился в перебор штабеля, который один из погрузчиков неправильно уложил, так что Джо осадил назад. Он снова взглянул на парня, изобразил слабую улыбку и кивнул. Комете не очень-то хотелось вступать в разговор, но парень кратко кивнул в ответ, а мужчина, похоже, собирался еще очень долго быть не на шутку занят.

— Челночник? — спросил Джо.

Парень кивнул.

— Туда-сюда мотаесся? — продолжил Джо расспрос, указывая на диск луны-луны.

Парень снова кивнул.

— А есь у мя шанс сесь на папутку до... ну, докуда-нибудь.

— Есть, если работу получить хочешь,— ответил парень.

Джо удивился его цивильному выговору.

— Ясна дело,— сказал Джо.— Есси нада работать, я завсегда.

Парень снова оторвался от троса.

— Эй, Элмер,— позвал он. Мужчина оглянулся, затем щелкнул выключателем на наручном пульте, и все робопогрузчики замерли. «Как просто»,— подумал Джо.

— Чего тебе? — спросил Элмер, поворачиваясь и вытирая лоб.

— У нас тут второй челночник. Этому парнишке работа нужна.

— Вот и славно,— сказал Элмер.— Тогда ты о нем позаботься. На вид он подходящий. Надо только его покормить, а работать он будет, ручаюсь.— Ухмыльнувшись, он снова повернулся к робопогрузчикам.

— Считай, принят,— сказал парень.— Меня зовут Рон.

— А я — Камета Джо,— сказал Джо.— Или проста Джо.

Рон громко расхохотался и пожал Джо руку.

— Нипочем бы не угадал. Я уже шесть месяцев по стазис-потокам мотаюсь, и всякий настоящий, испытанный космонавт, которого там встречаешь, всегда оказывается Бобом, Хэнком или Элмером. А тут, стоит только попасть на какую-нибудь темную и невежественную планетку с монопродуктной симплексной культурой, то каждый там не иначе как Суперпилот, Космический Смит или Комета Джо.— Он хлопнул Джо по плечу.— Не обижайся, но свою комету ты очень скоро потеряешь.

Джо не обиделся — главным образом потому, что не понял, о чем говорит Рон. Вместо этого он улыбнулся.

— А ты откеда?

— Я взял годик академического отпуска в Кентаврийском университете, чтобы поболтаться среди звезд, поработать немного, когда придется. В этой четверти спирали я уже пару месяцев челночничаю. Ты заметил, что Элмер со мной как с настоящим космонавтом разговаривает?

— А который тама сидит? Он чо, тоже из... ниверситета?

— Кто, Хэнк? Тот темный, неплексный олух, который там на штабеле сидит? — Рон рассмеялся.

— Неплексный? — переспросил Джо, связывая это слово с другими, уже выученными им в это утро.— Типа симплекс, комплекс и все такое?

Рон, судя по всему, понял, что расспрос серьезен.

— На самом деле такой вещи, как неплекс, конечно, не существует. Хотя порой стоит задуматься. Хэнк просто болтается между Рисом и луной-луной. Его народец совсем захудалый, и я сильно сомневаюсь, что он сможет хотя бы свое имя написать или прочесть. Большинство челночников приходят из схожих миров, ты скоро это поймешь. У них бывает только один перегон, обычно между двумя планетами, и это все, что они вообще видят. Но я еще и между звезд путешествую. Хочу до конца Полуоборота занять место помощника капитана, чтобы в университет с какими-то деньгами вернуться. Надо же человеку с чего-то начинать. А ты как далеко путь держишь?

— До Имперской звезды,— ответил Джо.— Хател тя... мм, хотел тебя спросить — не знашь, где ана?

— Уже акцент космонавта зацепить пробуешь? — спросил Рон.— Не беспокойся, он к тебе раньше, чем успеешь заметить, прилипнет. А что до Имперской звезды... думаю, это порядка семидесяти, семидесяти пяти градусов вокруг галактического центра.

— Семьдесят два градуса, на расстоянии 55,9,— уточнил Джо.

— Зачем тогда спрашиваешь? — сказал Джо.

— А мне эта ничо не грит.

Рон снова рассмеялся.

— Понятно. Никогда в космосе не бывал?

Джо кивнул.

— Понятно,— повторил Рон, и еще громче рассмеялся.— Ничего, очень скоро будет многое говорить. Уж ты мне поверь, будет! — Тут Рон увидел Дьяка.— Это твой?

Джо кивнул.

— Я ить могу ево с сабой взять?

— Капитан тут Элмер. Его спроси.

Джо посмотрел на капитана, который ожесточенно перекладывал штабель груза, чтобы уравновесить его на погрузчике.

— Ладна,— сказал он и направился туда.— Элм...

Ухватив Джо за плечо, Рон развернул его обратно.

— Чо? Ты, жлуп тя...

— Не сейчас, неплекс. Погоди, пока он закончит.

— Но ить ты проста...

— Я не ты,— объяснил Рон.— И он не пытался уравновесить груз, когда я его остановил. Если ты позовешь его по имени, он должен будет остановиться, и ты можешь убить его, если груз упадет.

— Ага. А как мне ево звать?

— Попробуй капитаном,— сказал Рон.— Он и есть капитан, и когда ты его так позовешь, он не должен будет прекращать работу до тех пор, пока сам не сочтет удобным. Зови его Элмером только в случае крайней нужды.— Он искоса глянул на Джо.— А по зрелом размышлении предоставь кому-то другому решить, крайняя это нужда или нет. Короче, для тебя он капитан, пока он сам тебе иначе не скажет.

— А чо была за нужда, када ты ево звал?

— Для этого перелета ему был нужен еще один челночник, а потом я видел, что он не занят ничем таким, что ему нельзя останавливать, и... ну, тебе еще много чего предстоит усвоить.

Вид у Джо стал совсем удрученный.

— Не вешай носа,— подбодрил его Рон.— Ты славные штуки на этом батате выделываешь. У меня на борту гитара — сейчас я ее притащу, и мы вместе поиграем, идет? — Он ухватился за оттяжку и, ловко перебирая руками, стал по ней взбираться. Затем исчез в нависающем люке. Джо круглыми глазами за ним наблюдал. У Рона даже перчаток не было.

Как раз в этот момент капитан Элмер заговорил:

— Эй, можешь взять своего котенка. А вот перчатки и сапоги оставь.

— Чо? Пачему?

— Потому что я так сказал. Рон?

Челночник высунулся из люка.

— Что? — В руках он держал гитару.

— Объясни ему про культурно-запрещенные артефакты.

— Ага,— сказал Рон и снова при помощи одной руки и ноги ловко соскользнул по оттяжке.— Лучше прямо сейчас их сбрось.

Джо с неохотой принялся стягивать перчатки и сапожки.

— Понимаешь, мы планируем отправиться к некоторым комплексным культурам, чья технология намного ниже той, которая эти сапожки произвела. Если ты их там покажешь, это может подорвать всю их культуру.

— Но мы тоже эти сапожки не делам,— заметил Джо.— Мне Чарона их падарила.

— Это потому, что вы здесь симплексные. Вашу культуру не может подорвать ничто, кроме перемещения ее в другую окружающую среду. Но даже тогда у вас наверняка вышло бы то же самое. А вот комплексные культуры куда чувствительнее. Груз жлупа мы забираем на Генезис. Затем Ллл отправляются дальше в Крысиную Дыру. Там ты, наверное, сможешь сесть на корабль до Земли, если захочешь. Полагаю, ты хочешь увидеть Землю. Все хотят.

Джо кивнул.

— С Земли ты сможешь отправиться куда угодно. Может статься, тебе даже повезет поймать попутку прямо до Имперской звезды. А зачем тебе туда нужно?

— Сообщение нада даставить.

— В самом деле? — Рон взялся настраивать гитару.

Джо открыл сумочку и вынул меня наружу. Вообще-то мне бы хотелось, чтобы он прекратил показывать меня всем подряд. Кое-кто сильно расстраивается, когда я обнаруживаюсь — неважно, кристаллизованный или нет.

— Вот,— сказал Джо.— Я должен вот это туда доставить.

Рон пристально на меня посмотрел.

— А, понимаю.— Он положил гитару.— Тогда я думаю, очень кстати, что ты отправляешься вместе с грузом Ллл.

Я улыбнулся себе под нос. Рон был мультиплексно образованным молодым человеком. Я вздрогнул при мысли о том, что случилось бы, покажи меня Джо Хэнку; тот челночник вполне мог попытаться вынудить Джо на что-нибудь меня обменять, а это было бы катастрофой.

— А что ищо за Ллл? — спросил Джо.— Эта из тех штук, что важнее жлупа?

— Да, черт возьми,— ответил Рон.— Ты ведь еще никогда их не видел?

Джо кивнул.

— Тогда идем,— сказал Рон.— Поиграть сможем после. Полезли в люк, и брось ты свои сапоги и перчатки.

Джо оставил их на асфальте и стал взбираться по тросу. Это оказалось проще, чем он думал, но тем не менее к вершине он уже успел вспотеть. Дьяк по-особому подобрал лапы и взобрался прямо по корпусу корабля, а затем стал дожидаться у люка.

Джо последовал за Роном по коридору, затем еще через один люк, дальше по короткой лесенке.

— Ллл здесь,— сказал Рон перед округлой дверцей. Он по-прежнему держал за гриф гитару. Затем он распахнул дверцу — и тут же что-то схватило Джо за живот, сгибая пополам. Глаза его наполнились слезами, а рот распахнулся. Он еле дышал.

— Здорово врезало? — негромко спросил Рон.— Давай, заходи.

Джо итак был напуган, а с каждым шагом в полумрак его мужество падало футов на двадцать. Он поморгал, проясняя зрение, но слезы скопились снова.

— Вот они, Ллл,— сказал Рон.

Джо заметил слезы и на обветренном лице Рона. Затем он снова взглянул вперед.

Они были прикованы к полу за кисти и лодыжки; Джо насчитал семерых. Их громадные зеленые глаза моргали в синем свете грузового отсека. Спины были горбаты, головы нечесаны. Тела казались невероятно сильными.

— Чо я...— Джо попытался сказать, но что-то застряло у него в горле, и фраза оборвалась.— Чо я чую? — еле слышно прошептал он, поскольку громче говорить не мог.

— Скорбь,— ответил Рон.

Обозначенная эмоция сделалась узнаваемой — безмерная всеподавляющая скорбь, что вытягивала все движение из мышц, всю радость из глаз.

— Из-за них я скорбь чую? — спросил Джо.— Пачему?

— Они рабы,— объяснил Рон.— Они строят — строят прекрасно, неподражаемо. Ценность их колоссальна. Они отстроили половину Империи. И Империя их таким образом защищает.

— Защищает? — переспросил Джо.

— К ним нельзя приблизиться, не ощущая этой скорби.

— Кто же их тада пакупает?

— Немногие. Но покупателей все же достаточно, чтобы они были невероятно ценными рабами.

— Пачему же их не ослобонят? — спросил Джо, и этот вопрос стал застрявшим в горле воплем.

— Экономика,— ответил Рон.

— Жлуп, как ты можешь пра экономику, када такое чуешь?

— Некоторые могут,— сказал Рон.— Хотя очень мало кто. В этом защита Ллл.

Джо прижал к глазам кулаки.

— Пашли отседа.

— Останемся еще ненадолго,— возразил Рон.— Мы сейчас для них поиграем.— Он сел на ящик, положил гитару себе на колено и извлек из струн ладовый аккорд.— Давай,— сказал он Джо.— Я тебе подыграю.

Джо подул, но дыхание его было таким слабым, что нота задрожала и умерла, так толком и не родившись.

— Я... я не хачу,— запротестовал Джо.

— Это твоя работа, челночник,— просто сказал Рон.— Ты должен заботиться о грузе, когда он на борту. Они любят музыку. Она сделает их счастливей.

— А мя... мя ана тоже счастливей сдеет? — спросил Джо.

Рон покачал головой.

— Нет.

Джо поднес окарину к губам, набрал побольше воздуха и подул. Длинные ноты наполнили грузовой отсек корабля, и когда Джо закрыл глаза, слезы растопили темноту по ту сторону век. Облигато Рона оплетало мелодию, которую Джо извлекал из окарины. Каждая нота обретала терпкость, подобную хорошим духам, и вызывала перед Джо различные образы, пока он с закрытыми глазами играл: вот Новый Цикл в пору неурожая миназина, вот похороны Билли Джеймса, вот тот день, когда Лилли посмеялась над ним, когда он попытался поцеловать ее за генератором силовой ограды, вот тот раз, когда убитые кепарды были взвешены, и выяснилось, что его добыча потянула на десять фунтов меньше, чем у Ил Оди, а ведь Ил была на три года его младше, и все всегда говорили, какая она замечательная — короче говоря, все грустные воспоминания его симплексного существования.

Когда они через полчаса вылезали из грузового отсека, ощущение скорби катилось за ними подобно схлынувшей волне. Рон закрепил крышку люка, и Джо почувствовал полное изнеможение.

— Ну как, тяжелая работенка? — улыбаясь, спросил Рон. Слезы прочертили дорожки на его запыленном лице.

Джо ничего не ответил — он изо всех сил старался удержаться от того, чтобы в голос не зарыдать от тоски по дому, которая все еще сжимала его горло. «Ты всегда сможешь обернуться и осадить назад»,— сказала тогда Чарона. Он почти было собрался. Но тут голос из динамика произнес:

— Пусть красивый парнишка будет так добр прийти ко мне на урок интерлинга.

— Это Сан-Северина,— сказал Рон.— Она наша единственная пассажирка. Ллл принадлежат ей.

Целая гамма чувств взорвалась в голове у Джо. Среди них оказались гнев, страх и любопытство. Любопытство взяло верх.

— Ее каюта вон там за углом,— сказал Рон.

Джо направился туда. Как же она смогла заставить себя владеть столь невероятными существами?

VI

— Заметное улучшение,— сказала Сан-Северина, когда он открыл дверь.— Тебе непонятно, как я смогла заставить себя владеть столь невероятными существами.

Она сидела в пышном дутом кресле, затянутая в голубое от шеи до лодыжек. Ее волосы, губы и ногти также были голубыми.

— Это непросто,— сказала она.

Джо вошел в комнату. Одну стену сплошь покрывали стеллажи, полные книг.

— Ты, по крайней мере,— продолжила Сан-Северина,— должен испытывать это чувство только в их присутствии. Я же, как владелица, подвержена ему на протяжении всего периода моего владения. Это входит в контракт.

— И сичас... тоже?

— Причем куда более интенсивно, чем ты только что. Диапазон моей чувствительности намного шире твоего.

— Но... зачем?

— Иначе никак. Я должна заново выстроить восемь миров, пятьдесят две цивилизации и тридцать две тысячи пятьдесят семь полных и самостоятельных этических систем. Без Ллл мне этого никак не проделать. Три из этих восьми миров выжжены дотла, там на поверхности нет ни капли воды. Один наполовину вулканический и весь должен быть заново покрыт коркой. Еще один потерял бóльшую часть своей атмосферы. Три других по крайней мере обитаемы.

— А чо тама стряслось? — недоверчиво спросил Джо.

— Война,— ответила Сан-Северина.— И сегодня все куда катастрофичнее, чем тысячу лет назад. Население в шестьдесят восемь миллиардов пятьсот тысяч двести пять человек уменьшилось до двадцати семи. Не оставалось ничего другого, кроме как собрать все оставшиеся ценности и согласиться купить Ллл. Теперь я транзитом через Землю везу их назад.

— Ллл,— повторил Джо.— А кто они ваще?

— Может, ты другого молодого человека спросишь?

— Да, но...

Улыбка Сан-Северины остановила его.

— А, семена комплексности. Получив один ответ, ты просишь второй. Очень хорошо. Я дам тебе второй. Они стыд и трагедия мультиплексной Вселенной. Никто не может быть свободен, пока не станут свободны они. Пока их покупают и продают, любой может быть куплен и продан — если цена достаточно высока. А теперь пришла пора твоего урока интерлинга. Подай мне, пожалуйста, вон ту книгу.

Послушный, хотя и озадаченный, Джо взял книгу со стола.

— А зачем мне грить учисься? — спросил он, вручая книгу Сан-Северине.

— Чтобы люди могли тебя понимать. Тебе предстоит длинное путешествие, в конце которого ты должен будешь передать сообщение — очень точно, очень аккуратно.

— Да я дажнть не знаа, в чем ано! — воскликнул Джо.

— К тому времени, как доставишь, будешь знать,— сказала Сан-Северина.— Но лучше начать работать сейчас.

Джо опасливо посмотрел на книгу.

— А у вас ессь чо-то... ну, чо-то, чтоб я все быстро-быстро выучил... можеть, во сне или под гипнозом каким? — Он вспомнил свое разочарование ее расческой.

— Сейчас у меня ничего такого с собой нет,— грустно сказала Сан-Северина.— Я думала, другой молодой человек тебе объяснил. Мы минуем некоторые довольно примитивные комплексные общества. Никаких культурно-запрещенных артефактов не дозволяется. Боюсь, тебе придется хорошенько постараться.

— Жлуп,— выругался Джо.— Дамой хачу.

— Пожалуйста. Но теперь тебе придется искать попутку назад от Крысиной Дыры. Мы уже в ста пятидесяти милях от Риса.

— Чо?

Сан-Северина встала и подняла жалюзи, что покрывали стену. По ту сторону стекла: тьма, звезды и красный ободок Тау Кита.

Комета Джо встал с разинутым ртом.

— А пока ты ждешь, мы могли бы немного позаниматься.

Ободок Тау Кита становился все меньше.

VII

Настоящая работа на корабле была, разумеется, не сложней обработки подземных полей миназина. Не считая игры для Ллл, она, сделавшись рутинной, стала довольно приятна. Ум и обаяние Сан-Северины превращали уроки языка в пик удовольствия и без того прекрасного дня. Однажды она не на шутку удивила Джо и меня, сказав во время одного из уроков, когда Джо показался ей особенно упрям и потребовал еще одну причину для улучшения своего интерлинга:

— А кроме того, подумай, какой утомительной будет твоя нескладная речь для твоих читателей.

— Моих кого? — в изумлении переспросил Джо.

— Ты взялся за предприятие колоссальной важности и масштаба, и я уверена, что однажды кто-то его опишет. Если ты не улучшишь свою дикцию, то растеряешь всех читателей уже к тридцатой странице. Я предлагаю тебе серьезно взяться за дело, ибо тебе предстоит восхитительный отрезок времени, и будет весьма прискорбно, если все бросят тебя на полдороги из-за твоей скверной грамматики и произношения.

Ее мультиплексность Сан-Северина, конечно же, меня раскусила.

Четверо суток спустя, сидя у иллюминатора и насвистывая, Джо внимательно наблюдал за Элмером. Определенно удостове-

ривишись, что капитан не занят ничем таким, что было бы фатально прервать, он сложил руки у себя за спиной и спросил:

— Элмер?

Элмер обернулся.

— Да. Что такое?

— Скажите, Элмер, как так выходит, что все больше моего знают про то, что я делаю на этом судне?

— Потому что они дольше тебя этим занимаются.

— Я не про мою работу. Я про мое путешествие, сообщение и тому подобное.

— А... — Элмер пожал плечами.— Симплекс, комплекс и мультиплекс.

Джо уже привык, что эти три слова ему подсовывали в качестве ответа почти на все, чего он не понимал, но на сей раз он этим не удовлетворился и сказал:

— Мне нужен другой ответ.

Капитан подался вперед, потер большим пальцем ноздрю и нахмурился.

— Слушай, ты пришел на борт и сказал, что тебе нужно доставить на Имперскую звезду сообщение по поводу Ллл, так что мы...

— Элмер, минутку. Откуда вы знаете, что сообщение связано с Ллл?

Элмер удивился.

— А разве нет?

— Не знаю,— сказал Джо.

— Гм,— буркнул Элмер.— Ну да, я знаю. Оно и правда связано с Ллл. Как оно связано с Ллл, тебе предстоит выяснить позже, но могу тебя заверить, что оно связано. Именно потому Рон тебе первым делом их показал, и именно потому Сан-Северина так в тебе заинтересована.

— Но как так все это знают, когда я не знаю? — Джо чувствовал, как в горле снова растет раздражение.

— Ты держишь путь на Имперскую звезду,— снова терпеливо начал Элмер,— а Империя защищает Ллл.

Комета Джо кивнул.

— Они там, понятное дело, предельно ими озабочены, как и мы все. У тебя есть кристаллизованный тритонец, а именно тритонцы возглавили движение за освобождение Ллл. Они уже почти тысячу лет этим занимаются. Следовательно, очень высока вероятность, что сообщение касается Ллл.

— Гм... Звучит разумно. Но Сан-Северина, похоже, знает то, чего она даже не могла увидеть или просчитать.

Элмер дал Джо знак подойти ближе.

— Если человек пережил войну, которая уменьшила население с шестидесяти восьми миллиардов до двадцати семи человек,

он должен знать массу всякой всячины. И довольно глупо удивляться, что такой человек знает немножко больше тебя или меня. Не только глупо, но и невероятно симплексно. А теперь, челночник, снова за работу.

Вынужденный признать, что это и впрямь чертовски симплексно, Джо спустился в грузовой отсек, чтобы перевернуть сикось-накось, порнодокс и шматенции. Время играть для Ллл наступало только после ужина.

Еще через двое суток они приземлились на Крысиной Дыре. Сан-Северина пригласила Джо сделать покупки на открытом рынке и приобрела ему контурный плащ черного бархата с серебряной вышивкой, узоры которой менялись в зависимости от давления света, при котором на них смотрели. Дальше она привела его в салон красоты. За время путешествия Джо уже успел стать таким же чумазым, как и любой другой челночник. Нежно держа его за ухо, Сан-Северина передала Джо одетому в белый халат хозяину салона.

— Вот, будьте добры подготовить,— сказала она.

— К чему? — спросил хозяин.

— Сначала к Земле, затем к долгому путешествию.

Когда с Джо закончили, его коса исчезла, когти были сострижены, а сам он был вычищен от пяток до макушки.

— Ну, и как ты себе нравишься? — поинтересовалась Сан-Северина, накидывая ему на плечи плащ.

Джо пробежал рукой по коротким желтым волосам.

— Я как девчонка,— нахмурился он. Затем Джо посмотрел на свои ногти.— Очень надеюсь, что по пути не наткнусь ни на каких кепардов.— Тут он снова посмотрел в зеркало: — Хотя плащик классный.

Когда они снова вышли наружу, Дьяк глянул на Джо, несколько раз моргнул и так расстроился, что дохихикался до икоты, после чего ему пришлось чесать брюшко и нести в транспортную зону, пока он снова собирался с духом.

— Какая досада, что придется опять стать грязным,— сказал Джо Сан-Северине.— Но это грязная работа.

Сан-Северина рассмеялась.

— До чего симплексный ребенок! Просто восхитительно! Оставшуюся часть маршрута до Земли ты проделаешь в качестве моего протеже.

— А что Рон и Элмер?

— Они уже снялись. Ллл были переведены на другой корабль.

Джо удивился, затем загрустил, а затем полюбопытствовал:

— Сан-Северина?

— Что?

— Зачем вы все это для меня проделываете?

Она чмокнула его в щеку, затем ловко уклонилась от вялого удара, который попытался нанести ей Дьяк своими рогами. Джо все еще чесал ему брюшко.

— Потому что ты очень красивый парнишка. И очень важный.

— А,— сказал Джо.

— Понимаешь?

— Нет.— И они пошли дальше к кораблю.

Неделю спустя они стояли на каменистом подъеме, наблюдая за сравнительно небольшим диском солнца, садящегося за Бруклинским мостом. Тонкий червячок воды полз по высохшей канаве черной грязи, которая все еще значилась в путеводителях как Ист-Ривер. Позади них шелестели джунгли, а по другую сторону «реки» сплетенные тросы опускали мост к белым пескам Бруклина.

— Он меньше того, что дома,— заметил Джо.— Но тоже очень милый.

— Похоже, ты расстроен.

— Да, но не из-за моста,— сказал Джо.

— Из-за того, что здесь я должна тебя покинуть?

— Ну...— Он замялся.— Пожалуй, да. Потому что мне кажется, так вам было бы легче. Но я не хочу лгать.

— Правда всегда мультиплексна,— сказала Сан-Северина,— а ты должен взять в привычку иметь дело с мультиплексностью. Так что у тебя на уме?

— Помните, я говорил, какими до сих пор все были милыми? А вы велели мне перестать ожидать, что люди будут милыми, как только я попаду на Землю? Это меня пугает.

— Я еще сказала, что будут существа, отличные от людей, которые будут милыми.

— Но под людьми имеются в виду любые разумные существа из любой жизненной системы. Вы сами меня так учили. Что же они еще, если не люди? — Внезапно он поймал ее за руку: — Вы собираетесь оставить меня совсем одного, и я могу больше никогда вас не увидеть!

— Все верно,— отозвалась Сан-Северина.— Но я не выброшу тебя во Вселенную просто так, без ничего. Поэтому дам тебе небольшой совет: постарайся найти Кома.

— Жлуп... и где я, по-вашему, должен его найти? — Джо снова был озадачен.

— Он слишком большой, чтобы прибыть на Землю. Последний раз я видела его на Луне. Он там какого-то приключения ждал. Ты можешь оказаться именно тем, чего он ждет. Уверена, он будет с тобой мил; со мной он всегда был мил.

— Это не человек?

— Нет. Итак, я дала тебе совет. Теперь я ухожу. У меня куча дел, а кроме того, ты имеешь некоторое представление о той боли, которую я испытываю, пока все не закончу.

— Сан-Северина!

Она ждала.

— В тот день на Крысиной Дыре, когда мы отправились за покупками, и вы рассмеялись и назвали меня восхитительно симплексным ребенком... когда вы смеялись, вы были счастливы?

Улыбаясь, она покачала головой:

— Ллл всегда со мной. А теперь я должна идти.

Сан-Северина стала пятиться, пока листья не коснулись ее серебристых губ, платья и кончиков пальцев. Тогда она повернулась и пошла прочь, унося с собой невероятную скорбь владения Ллл. Джо понаблюдал за ней, а затем снова развернулся к Бруклинскому мосту, чтобы увидеть, как последняя точка солнечного света тает на песке.

VIII

Был уже вечер, когда Джо вернулся к транспортному терминалу. Земля представляла собой достаточно крупную туристскую зону, а посему под сверкающим потолком терминала всегда толпился народ. Джо даже еще не начал задумываться о том, как он собирается попасть на Луну, и со все возрастающим любопытством повсюду бродил, когда к нему вдруг обратился осанистый, хорошо одетый джентльмен.

— Думается мне, мой юный друг, вы уже тут довольно давно, не так ли? Корабля ожидаете?

— Нет,— ответил Джо.

— Я видел вас здесь сегодня днем с очаровательной молодой леди, и не смог удержаться от того, чтобы этим вечером вас повидать. Меня зовут Оскар,— он протянул руку.

— Комета Джо,— сказал Джо и пожал руку.

— Куда путь держите?

— Я бы хотел на Луну попасть. А сюда на попутках от Риса добрался.

— Надо же. Какой длинный путь. Так на какой корабль вы садитесь?

— Не знаю. Наверное, в этом терминале на попутку особо не сядешь. Пожалуй, я на торговой стоянке попробую.

— Конечно, если вам нужна попутка. Впрочем, если мой друг Альфред так и не покажется, вы сможете воспользоваться его билетом. Он уже два корабля пропустил; не знаю, чего ради мне дальше тут болтаться и его ждать. Если не считать того, что мы действительно собирались вместе отправиться.

— На Луну?

— Именно.

— Вот как славно,— сказал Джо, вновь обретая присутствие духа.— Надеюсь, он так сюда и не доберется.

Тут он поймал себя за язык.

— Как симплексно вышло, не правда ли?

— Правда всегда мультиплексна,— провозгласил Оскар.

— Ага. Именно так она и сказала.

— Та молодая леди, с которой вы были сегодня днем?

Джо кивнул.

— А кто она, между прочим?

— Сан-Северина.

— Я слышал это имя. Что же она в этой части галактики делала?

— Просто она купила себе несколько Ллл. Ей кое-какую работу требовалось проделать.

— Купила себе несколько Ллл? И оставила вас без денег на билет? Вы не думаете, что она могла бы ссудить вам сто пять кредиток на билет до Луны?

— О, она очень щедрая,— возразил Джо.— И вы не должны плохо о ней думать из-за того, что она купила Ллл. Ими страшная тоска владеть.

— Будь у меня деньги, чтобы купить Ллл,— сказал Оскар,— я бы ни о чем не тосковал. Несколько Ллл? Сколько же она купила?

— Семерых.

Приложив ладонь ко лбу, Оскар присвистнул.

— И цена возрастает геометрически! Ведь купить двоих стоит вчетверо больше, чем купить одного. И она не дала вам совсем никаких денег?

Джо покачал головой.

— Невероятно. Вы хоть представляете себе, как сказочно богата должна быть та женщина?

Джо снова покачал головой.

— Сами-то вы не очень сообразительны?

— Я никогда не спрашивал, сколько они стоят, а она мне никогда не говорила. Я был простым челночником на ее корабле.

— Челночником? Как восхитительно! В ваши годы мне тоже хотелось что-то такое отчебучить. Только вот духу никогда не хватало.— Внезапно осанистый мужчина с волнением на лице огляделся: — послушайте, Альфред, похоже, так и не покажется. Воспользуйтесь его билетом. Просто подойдите к одному из вон тех окошечек и спросите.

— Но у меня нет никаких удостоверений на имя Альфреда,— сказал Джо.

— У Альфреда с собой никогда не бывает удостоверений. Он вечно теряет бумажник и все тому подобное. Всякий раз, как я

заказываю для него билет, я всегда особо оговариваю, что у него скорее всего не будет с собой никакого удостоверения. Просто скажите, что вы Альфред А. Дуглас. И вам дадут билет. А теперь давайте поспешим.

— Ну ладно.— Сквозь толпу Джо пробрался к одному из окошечек.

— Прошу прощения,— сказал он клерку.— У вас есть билет для А. Дугласа?

Клерк просмотрел папку.

— Да. Вот он.— Он ухмыльнулся Джо.— Должно быть, вы здесь славно время провели.

— Что?

— Этот билет трое суток вас дожидался.

— А,— сказал Джо.— Ну, я вроде как был в неважной форме и не хотел, чтобы родители меня увидели, пока я не приведу себя в порядок.

Клерк кивнул и подмигнул Джо.

— Вот ваш билет.

— Спасибо,— поблагодарил Джо и вернулся к Оскару.

— Посадка на очередной рейс прямо сейчас,— сказал Оскар.— Идемте, идемте. Теперь Альфреду придется найти другой способ туда добраться.

Уже на корабле Джо спросил:

— А вы не знаете, Ком по-прежнему на Луне?

— Наверное, да. Насколько я слышал, он никогда оттуда не выбирается.

— Как по-вашему, трудно мне будет его найти?

— Не думаю... не правда ли, какой прекрасный отсюда вид?

Оскар рассказывал еще одну бесцветную историю, пока они шли от терминала на Луне. Яркий полумесяц солнечного света очерчивал пластикупол, что выгибался в миле над их головами. Справа вдаль уходила череда лунных гор, а позади, будто зеленоватая покерная фишка, висела Земля.

Вдруг кто-то крикнул:

— Вот они!

Какая-то женщина завизжала и отскочила назад.

— Держи их! — крикнул кто-то еще.

— Да что такое...— залопотал Оскар.

Джо огляделся, и привычка заставила его вскинуть левую руку. Но когтей на ней уже не было. Нападавших было четверо — один сзади, один спереди, по одному с боков. Джо пригнулся и налетел на Оскара, который вдруг распался на части. Куски осанистого мужчины закрутились вокруг Джо, падая ему под ноги.

Джо снова огляделся — и тут четверо нападавших тоже взорвались. Их шумно гудящие фрагменты носились в воздухе, окружая Джо, уплотняясь вокруг него, замутняя озадаченные лица других высадившихся с того же рейса. Затем они все вдруг плотно слиплись, и Джо оказался в трясущемся мраке. Как только он упал, кругом зажегся свет.

— Бози! — завопил кто-то.— Бози...!

Джо приземлился в дутое кресло в совсем крошечной комнатенке, которая, казалось, куда-то двигалась. Впрочем, уверенности не было. Тут голос Оскара произнес:

— С первым апреля. Тебе сюрприз.

— Жлуп! — рявкнул Джо и встал.— Что еще за жлупня? Что тут происходит?

— С первым апреля,— повторил голос.— Сегодня мой день рождения. А ты хреново выглядишь. Ты что, расстроился?

— Я до смерти перепугался. Что это? Кто вы?

— Я Ком,— сказал Ком.— Я думал, ты понял.

— Что понял?

— Все это дельце с Оскаром, Альфредом и Бози. Я думал, ты просто подыгрываешь.

— Чему подыгрываю? Где я?

— На Луне, конечно. Я просто подумал, так будет удобнее тебя сюда доставить. Дело в том, что Сан-Северина действительно не оплатила твой проезд. Наверное, она подумала, что я сам это сделаю. А кто платит деньги, тот и музыку заказывает. Ну что, так и не понял?

— Чего я не понял?

— Это была всего лишь литературная аллюзия. Я их все время делаю.

— В следующий раз поосторожнее. А что вы, между прочим, за жлуп с горы?

— Я квазивездесущий общелингвистический мультиплекс. Для тебя — просто Ком.

— Что-то вроде компьютера?

— Гм. Более или менее.

— Ну, а дальше что будет?

— Дальше ты мне расскажешь,— ответил Ком.— Я просто помогаю.

— Понятно,— сказал Джо.

Из-за спинки дутого кресла послышалось хихиканье, и Дьяк гоголем вышел оттуда. Усевшись перед Джо, он посмотрел на него с укоризной.

— Куда вы меня везете?

— К моему пульту управления. Там ты сможешь отдохнуть и наметить дальнейшие планы. Сядь спокойно и расслабься. Мы там будем через три-четыре минуты.

Джо откинулся на спинку кресла. Расслабляться он не стал, а вынул из сумки окарину и играл на ней, пока в передней стенке не раскрылась дверца.

— Снова дома, снова дома, назад в тот же день,— нараспев произнес Ком.— Войти не желаешь?

IX

— Я...— Джо бросил свой плащ на пульт управления,— должен...— он швырнул свою сумку в стеклянную стену,— отсюда...— он плюнул на пульт управления,— выбраться! — Его последним жестом стал пинок в адрес Дьяка. Дьяк ловко отскочил; Джо споткнулся; затем, трясясь от гнева, восстановил равновесие.

— А кто тебя держит? — поинтересовался Ком.

— Ты, наставник жлупов,— проворчал Джо.— Послушай, я здесь уже три недели, и всякий раз, как я готов отправиться в путь, мы заканчиваем одним из тех нелепых разговоров, которые длятся по восемь часов, а потом я слишком устаю.— Он прошел к пульту и подобрал свой плащ.— Ну ладно, жлуп с ним, я дурак. Но почему тебе так нравится это обсасывать? Я ничего не могу поделать с тем, что я темный неплекс...

— Ты не неплекс,— возразил Ком.— Теперь твой взгляд на вещи вполне комплексный — хотя есть в тебе много вполне понятной ностальгии по твоим прежним симплексным представлениям. Порой ты пытаешься поддерживать их просто ради спора. Как в тот раз, когда мы обсуждали сдерживающие психологические факторы в понятии обманчивого настоящего, и ты настаивал на том утверждении, что...

— Жлуп, да прекрати же! — взмолился Джо.— Не хочу снова в это влезать.— К этому времени он уже добрался до своей сумки в другом конце помещения.— Я уезжаю. Дьяк, идем.

— Ты,— заметил Ком куда авторитетней обычного,— очень глупо себя ведешь.

— Хорошо, я симплекс. Но я все равно ухожу.

— Интеллект и плексность не имеют друг с другом ничего общего.

— Вот звездолет, которым ты последние четверо суток учил меня управлять,— сказал Джо, указывая через стеклянную стену.— Ты вложил мне в голову гипноимплантант маршрута в первую же ночь, которую я здесь провел. Что под светом семи солнц меня останавливает?

— Ничто тебя не останавливает,— ответил Ком.— И если ты выбросишь из головы мысль, что тебя что-то останавливало, ты сможешь расслабиться и проделать все с умом.

В раздражении Джо повернулся лицом к шестидесятифутовой стене микросхем и логических блоков, поблескивающих индикаторных лампочек и перепрограммирующих клавиатур.

— Пойми, Ком, мне здесь очень нравится. С тобой славно дружить, действительно славно. Но я получаю всю пищу, все упражнения: и я схожу с ума. Думаешь, легко просто выйти отсюда и вот так тебя бросить?

— Не будь так эмоционален,— посоветовал Ком.— На такие отношения я не настроен.

— А ты знаешь, что с тех пор, как я перестал быть челночником, я работал меньше, чем за любой другой такой же период моей жизни?

— Ты также изменился больше, чем за любой другой такой же период твоей жизни.

— Джуп тебе в нос, Ком, да постарайся же понять.— Джо бросил плащ и вернулся к пульту управления — большому столу красного дерева. Вытащив стул, он забрался под стол и прижал к себе колени.— Честно говоря, Ком, я сомневаюсь, что ты действительно понимаешь. А потому слушай. Вот ты тут расположился, в контакте со всеми музеями и библиотеками этой части галактики. У тебя куча друзей, вроде Сан-Северины и других людей, которые всегда заглядывают с тобой повидаться. Ты пишешь книги и картины, музыку сочиняешь. Как думаешь, смог бы ты быть счастлив в маленькой монопродуктной культуре, где субботним вечером совсем нечего делать, кроме как напиваться, где только один телетеатр и ни одной библиотеки, где, быть может, только четыре человека когда-то учились в университете, да и их ты никогда не видел, потому что они зарабатывали слишком большие деньги, и где все решительно все про всех знают?

— Нет.

— А вот я смог бы.

— Тогда почему ты уехал?

— Ну, из-за сообщения, а еще потому что там была масса вещей, которые, как мне кажется, я не до конца ценил. Мне кажется, я не был готов уехать. Ты бы не смог быть там счастлив. А я бы смог. Вот так все просто, и я правда не думаю, что ты до конца это понимаешь.

— Понимаю, будь уверен,— отозвался Ком.— Очень надеюсь, что ты сможешь в каком-то подобном месте быть счастлив. Потому что именно они составляют бóльшую часть Вселенной. Ты обречен проводить массу времени в подобных местах, и если ты не способен их ценить, все выходит очень печально.

Дьяк заглянул под стол, а затем прыгнул Джо на колени. Под столом всегда было на несколько градусов теплее, и два теплокровных существа, Дьяк и Джо, по отдельности или вместе, снова и снова выбирали это прибежище.

— А теперь ты послушай,— сказал Ком.

Джо привалился головой к стенке стола. Дьяк спрыгнул с его коленей, вышел — и считанные секунды спустя вернулся, волоча пластиковую сумку. Джо открыл сумку и достал окарину.

— Есть вещи, про которые я могу тебе рассказать, и про бóльшую их часть я уже рассказал. Есть вещи, про которые ты должен меня спрашивать. Ты пока что спросил про очень немногие. Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне. И если нам предстоит остаться друзьями — что очень важно и для тебя, и для меня,— это положение должно измениться.

Джо отложил окарину.

— Это верно, Ком. Я не так много о тебе знаю. Откуда ты взялся?

— Меня построил один умирающий Ллл, чтобы я вместил его распадающееся сознание.

— Ллл? — переспросил Джо.

— Ты ведь про них уже почти забыл, правда?

— Нет, не забыл.

— Так что мой разум — это разум Ллл.

— Но ты не ввергаешь меня в скорбь.

— Я наполовину Ллл и наполовину машина. Поэтому я лишился защиты.

— Так ты Ллл? — снова с недоверием спросил Джо.— Надо же, никогда не приходило в голову. А теперь, когда ты мне сказал, ты не думаешь, что это несколько меняет дело?

— Сомневаюсь,— сказал Ком.— Но если ты что-нибудь скажешь про кого-то из своих лучших друзей, я почти все уважение к тебе потеряю.

— При чем тут лучшие друзья? — спросил Джо.

— Еще одна аллюзия. Все точно так же, как с предыдущей.

— Послушай, Ком, а почему бы нам не отправиться дальше вместе? — вдруг предложил Джо.— Я уезжаю — это я уже решил. Так почему бы и тебе со мной не отправиться?

— Отличная мысль. Я уже думал, ты никогда не предложишь. Так или иначе, это единственный способ отсюда выбраться. Конечно, зона, в которую мы отправляемся, очень враждебна для свободного Ллл. Это непосредственная территория Империи. Они защищают Ллл и очень сильно расстраиваются, если кто-то сбрасывает их защиту и сам решает оставаться свободным. За ними уже числятся кое-какие отчаянные жестокости.

— Ну, если кто-то спросит, просто скажи, что ты компьютер. Как я уже говорил, я бы ничего не узнал, если бы ты сам не сказал.

— Я ничего не намерен скрывать,— твердо сказал Ком.

— Тогда я скажу, что ты компьютер. Но давай уже двигаться. А то мы здесь еще много часов проторчим. Я уже чувствую, как

очередная дискуссия завязывается.— Джо вылез из-под стола и направился к двери.

— Комета?

Джо остановился и оглянулся через плечо.

— Что? Только уж теперь мнения не меняй.

— Нет-нет. Я определенно отправляюсь. Но вот что... скажем, если бы я — а теперь будь откровенен — просто волокся бы по улице, ты правда думаешь, что люди сказали бы: «Вон идет квазивездесущий общелингвистический мультиплекс»,— и не подумали бы про Ллл?

— Именно так я бы и сказал. Если бы вообще что-то сказал.

— Хорошо. Вылетай по трубе до Джорнал-сквер, и через сорок минут я там с тобой встречусь.

Дьяк осьминожил вслед за Джо, пока тот по пыльной, растрескавшейся равнине Луны бежал к яйцевидному звездолету.

Труба представляла собой искусственный стазис-поток, который быстро переправлял корабли по ту сторону Плутона, откуда они могли покидать систему, не опасаясь тяжелых повреждений солнечной пылью. Громадная пластиковая плита, десяти миль в поперечнике, поддерживала здания, собственную атмосферу и несколько развлекательных зон. Припарковав корабль на боковой улочке, Джо вышел на прохладный воздух.

На площади солдаты практиковались в строевой подготовке.

— Зачем они это делают? — спросил Джо мужчину в форме, отдыхавшего в стороне.

— Это полевая бригада Имперской армии. Через несколько дней они отбывают, надолго здесь не задержатся.

— Да я не против,— сказал Джо.— Просто любопытно.

— Ну-ну,— сказал солдат, но никакого дальнейшего объяснения не предложил.

— А куда они отправляются? — после паузы поинтересовался Джо.

— Послушай,— проговорил солдат, поворачиваясь к Джо точно к назойливому ребенку: — все, связанное с Имперской армией, чего ты не видишь непосредственно, представляет собой военную тайну. Если место назначения бригады тебя не касается, забудь про него. А если касается, попробуй получить допуск у принца Нактора.

— У принца Нактора? — переспросил Джо.

— Вон у того.— Солдат указал на смуглого мужчину с козлиной бородкой, который командовал одним из взводов.

— Не думаю, что касается,— сказал Джо.

Мужчина с презрением на него посмотрел, затем встал и направился прочь. Черные плащи дружно взлетели, когда солдаты выполнили резкий разворот.

Тут среди зрителей началась какая-то суматоха. Все стали смотреть вверх, тыкать пальцами и возбужденно переговариваться.

Ловя солнечные лучи, штуковина крутилась в сторону площади, все вырастая и вырастая в размере. Она была приблизительно кубической формы и неопределенно огромная! Когда одна грань обращалась к свету, другая исчезала, пока Джо вдруг не восстановил свое чувство пропорции: штуковина была почти четверть мили в длину по каждой стороне.

Она ударилась о площадь — и Джо, а также все солдаты и одно из самых высоких зданий разом упали. Началась массовая паника, завыли сирены, какие-то люди неслись к неведомому объекту и от него.

Джо пустился бежать к штуковине. Низкая гравитация позволяла двигаться очень быстро. После удара в площади появилась пара крупных неровных трещин. Перепрыгнув одну из них, Джо увидел под собой звезды.

Наконец, затаив дыхание, Джо приземлился на другой стороне и дальше стал продвигаться намного медленней. Кубический объект, сообразил он, был покрыт каким-то кипящим студнем; студень казался до боли знакомым, но Джо так и не смог вспомнить, где он его видел. Грань объекта, обращенная к нему, как смог различить Джо сквозь ее слегка дымящийся склон, была стеклянной. А за стеклом в трансплутонской ночи смутно просматривались микросхемы, логические блоки и слабое свечение индикаторных лампочек.

— Ком! — заорал Джо, устремляясь вперед.

— Тсс,— прошипел знакомый голос, приглушенный студнем.— Я тут стараюсь внимания не привлекать, а ты орешь как резаный.

Теперь туда примаршировали и солдаты.

— Так, а это еще что за ерундовина? — спросил один.

— Это квазивездесущий общелингвистический мультиплекс,— объяснил другой.

Первый почесал в затылке и оглядел всю поверхность стены.

— Да уж, чертовски вездесущий.

Третий солдат изучал край трещины в площади.

— Пожалуй, теперь придется доставить сюда долбаного Ллл, чтобы это дело поправить.

— Пусть только кто-нибудь из них мне что-то в лицо скажет,— прошептал Ком.— Пусть только скажет...

— Да заткнись,— сказал Джо.— Или жлуп ты на моей дочери женишься.

— Это еще что?

— Аллюзия,— объяснил Джо.— Я тут на прошлой неделе кое-что почитал, пока ты дрых.

— Очень, очень смешно,— одобрил Ком.

Солдаты побрели прочь.

— Вонючего Ллл сюда не доставят,— сказал один из солдат, почесывая за ухом.— Это солдатская работенка. Все равно всем настоящим строительством здесь занимаемся мы. Хотя очень бы не мешало, чтобы где-то в округе и впрямь какой-нибудь долбаный Ллл оказался.

Несколько индикаторных лампочек Кома сменили цвет под студнем.

— Что это на тебе за жлупня? — осведомился Джо, отступая назад.

— Мой звездолет,— объяснил Ком.— Я использую органиформу. Для неодушевленных объектов вроде меня она гораздо удобнее. А ты что, раньше ее не видел?

— Не видел... нет, видел! Там, на Рисе. Именно в такой ерунде прибыл тритонец и другие существа.

— Странно,— удивился Ком.— Обычно они органиформами не пользуются. Они не очень-то неодушевленные.

Вокруг компьютера собралось еще больше народу. Сирены завыли ближе.

— Давай отсюда убираться,— предложил Джо.— У тебя все в порядке?

— Все отлично,— отозвался Ком.— Я просто про площадь подумал.

— Израненная, но непокоренная,— сказал Джо.— Еще одна аллюзия. Давай вперед, и разведаем, как там на Тантамаунте.

— Идет,— согласился Ком.— Отойди. Я стартую.

Последовало бульканье, затем чудовищный всос — и Джо зашатался на ветру. Люди опять заорали.

Снова оказавшись у Джо в корабле, Дьяк спрятался под приборным щитком, держа передние лапы над головой. Джо ткнул кнопку взлета, и робокоманда взялась за дело. Суматошная площадь резко упала вниз. Джо проделал гиперстазисную проверку, затем просигналил для прыжка.

Генераторы стазиса заструячили, и корабль начал соскальзывать в гиперстазис. Джо еще не кончил скользить, когда корабль вдруг накренился, и его бросило на приборный щиток. Спружинив на кистях, Джо отскочил. Руки тут же заныли. Дьяк заверещал.

— Смотри, куда прешь,— рявкнул голос из динамика.

X

Джо осторожно извлек свои клыки из нижней губы.

— Тут тебе не шахматы,— продолжил голос.— Если займешь мою клетку, меня с доски не снимут. Другой раз смотри.

— Жлуп...— промычал Джо, вытирая рот.

— Тебе того же, и в двойном размере.

Джо покачал головой и напялил сенсорный шлем. Пахло в шлеме лежалым жлупом. А звучал он как металлолом, который сплющивают под гидравлическим прессом. Зато вид давал просто роскошный.

Пандусы дугами уходили к строениям, что распускались точно цветки. Тонкие шпили извергались на их кончиках металлическими фонтанами, а хрупкие наблюдательные купола поддерживались изящными пилонами.

— Ты мог бы по крайней мере оттуда вылезти и посмотреть, не причинил ли ты нам серьезного ущерба.

— Ах,— спохватился Джо.— Да-да. Конечно.

Добравшись до шлюза, он уже собрался было его открыть, как вдруг заметил, что сигнальная лампочка все еще горит.

— Послушайте,— крикнул он в интерком.— Там нет воздуха.

— Я думал, ты сам об этом позаботишься,— отозвался голос.— Сейчас,— лампочка погасла.

— Спасибо,— поблагодарил Джо и отпустил запор.— А вы вообще-то кто?

Снаружи шлюза по одному из пандусов спускался лысеющий мужчина в белом халате.

— Щенок, ты только что чуть на Геодезическую исследовательскую станцию не налетел,— на самом деле голос оказался совсем не так грозен.— Пока эта атмосфера не разлетелась, тебе лучше в силовое поле войти. О чем ты, хлесть-хлобысть, себе думал?

— Я как раз заканчивал стазисный прыжок по дороге на Тантамаунт. Довольно симплексно с моей стороны, не правда ли? — Джо направился обратно вверх по пандусу вместе с мужчиной, который в ответ на его реплику пожал плечами.

— Таких приговоров я не выношу,— сказал затем мужчина.— А теперь скажи мне свою специальность.

— Сомневаюсь, что она у меня есть.

Мужчина нахмурился.

— Не думаю, что нам прямо сейчас синтезатор требуется. Они обычно предельно долгоживущие.

— Я знаю почти все, что можно знать, о взращивании и хранении миназина,— сказал Джо.

Мужчина улыбнулся.

— Боюсь, от этого мало толку. Мы дошли только до тома сто шестьдесят седьмого: «Бба до Ббааб».

— Его обычно жлупом называют,— добавил Джо.

Мужчина по-доброму ему улыбнулся.

— «Ж» еще очень далеко. Но если ты проживешь еще лет пятьсот-шестьсот, мы примем твое заявление.

— Спасибо,— поблагодарил Джо.— Но тогда я уже наверняка об этом забуду.

— Очень хорошо,— сказал мужчина, поворачиваясь к нему.— До свидания.

— Эй, а как насчет ущерба моему кораблю? Вы не собираетесь его проверить? Кстати говоря, вам тут быть не полагалось. Я получил допуск на этот маршрут.

— Вот что, молодой человек,— произнес джентльмен.— Во-первых, у нас есть приоритет. Во-вторых, если вам не нужна работа, вы злоупотребляете нашим гостеприимством, бессовестно тратя наш воздух. В-третьих, здесь проводится предварительная работа к статье «биология человека», и если вы еще хоть чуть-чуть меня достанете, я спишу вас в качестве пробного экземпляра и дам моим лаборантам разрезать вас на кусочки. Будьте уверены, именно так я и поступлю.

— А как же мое сообщение? — поинтересовался Джо.— Я должен доставить на Имперскую звезду сообщение, связанное с Ллл. Это очень важно. Вот почему, кстати говоря, я сюда и воткнулся.

На лице мужчины застыла враждебность.

— В конечном итоге,— ровным голосом проговорил он,— мы завершим наш проект, и тогда знания будет столько, что Ллл станут экономически невыгодны, ибо строительство прекрасно будет проходить и без них. Если вы хотите блага Ллл, я немедленно прикажу настругать вас на ломтики. Мой отец сейчас как раз работает над аденоидами. Массу работы предстоит проделать над бицепсами. Мы только-только приступили к вульве и гипофизу, а двенадцатиперстная кишка остается полной загадкой. Если вам так нужно передать ваше сообщение, передайте его здесь.

— Но я даже не знаю, в чем оно заключается! — воскликнул Джо, пятясь к краю силового поля.— Пожалуй, я лучше пойду.

— Как раз для таких проблем, как ваша, у нас есть компьютер,— сказал мужчина.— Но только ни одного глотка нашего воздуха вы больше не получите,— добавил он, бросаясь на Джо.

Увидев его бросок, Джо убрался в сторонку.

Силовое поле было проницаемо, и он нырнул наружу. Подскочив к шлюзу корабля, он захлопнул его за собой. Буквально секунду спустя вспыхнула сигнальная лампочка.

Джо переключил систему на задний ход и взмолился, чтобы автопилот по-прежнему мог сообщаться с потоками и перейти на более глубокий уровень стазиса. Слегка судорожно, но все же автопилоту это удалось. Геодезическая исследовательская станция пропала с обзорных пластин сенсорного шлема, который Джо оставил на приборном щитке.

Джо легко состыковался с Комом на орбите Тантамаунта. Это была планета застывшего метана с такой вулканической активностью, что корка ее поверхности постоянно рвалась и ломалась.

Тантамаунт в одиночестве вращался вокруг белого карлика, так что со стороны они напоминали два глаза: один разукрашенный драгоценностями и сверкающий, другой серебристо-серый, шпионящий в ночи.

— Ком, я хочу домой. Обратно на Рис. Плевать на все это дело.

— Это еще почему? — пришел из интеркома недовольный голос компьютера. Джо развалился в кресле, мрачно разглядывая свою окарину.

— Мультиплексная Вселенная меня не привлекает. Она мне не по вкусу. Жлупня, и больше ничего. Хочу убраться от нее куда подальше. Я теперь комплексный, и это очень плохо, это ошибка. Если я когда-нибудь вернусь на Рис, я изо всех сил постараюсь быть симплексным. Правда.

— Да что тебя заело?

— Просто мне люди не нравятся. Вот так все просто. Ты когда-нибудь о Геодезической исследовательской станции слышал?

— Конечно. Ты на них налетел?

— Ага.

— Вот неудача. Что ж, в этой мультиплексной Вселенной есть несколько вещей, с которыми приходится иметь дело. И одна из этих вещей — симплексность.

— Симплексность? — переспросил Джо.— Ты о чем?

— И тебе следует быть благодарным, что ты уже приобрел столько мультиплексности. Иначе живым тебе оттуда не выбраться. Я слышал рассказы о других симплексных существах, которые с ними столкнулись. И как в воду канули.

— Так они симплексные?

— Да, черт побери. Ты что, сам не понял?

— Но они там кучу информации накапливают. И место, где они живут — оно такое красивое. Идиотам такого не построить.

— Во-первых, почти всю Геодезическую исследовательскую станцию построили Ллл. А во-вторых, как я уже не раз тебе говорил, интеллект и плексность совсем не обязательно идут рука об руку.

— Откуда мне было знать?

— Полагаю, не вредно очертить симптомы. Задали тебе там хоть один вопрос?

— Нет.

— Это первый признак, хотя и не решающий. Судили они о тебе верно, насколько ты мог понять из их высказываний?

— Нет. Они подумали, я работу ищу.

— А это подразумевает, что они должны были задать вопросы. Мультиплексное сознание всегда задает вопросы, если это необходимо.

— Я помню,— сказал Джо, откладывая окарину.— Когда Чарона пыталась меня просветить, она спросила, что самое важное на свете. Не сомневаюсь, если бы я их об этом спросил, они бы ответили, что самое важное — их проклятый словарь, или энциклопедия, или что там у них еще.

— Очень хорошо. Всякий, кто дает несообразный ответ на этот вопрос, является симплексом.

— Я ответил, что жлуп,— припомнил Джо.

— Они развернули процесс каталогизации всего знания во Вселенной.

— Это как пить дать важнее жлупа,— заметил Джо.

— С комплексной точки зрения, возможно. А с мультиплексной точки зрения, это примерно одно и то же. Кстати говоря, они взялись за чертовски трудную задачу. Когда я в последний раз про них слышал, они уже добрались до «Б», но уверен, что у них нет ничего про «Ааааааааааааавдкс».

— Про... что ты сейчас сказал?

— Это название довольно запутанного набора детерминистских моральных оценок, сделанных посредством релятивистского взгляда на динамический момент. Несколько лет назад я его изучал.

— Лично мне термин незнаком.

— Так я сам его и ввел. Но то, что он означает, весьма реально и вполне стоит научной статьи. Не думаю, что они смогли бы его хотя бы осмыслить. Но отныне я буду ссылаться на него как на «Ааааааааааааавдкс», и теперь мы двое знаем это слово, так что оно законно.

— Кажется, суть я ухватил.

— А кроме того, каталогизация всего знания, даже всего доступного знания, хотя и достойна восхищения, все-таки... гм, иначе как симплексна, и не скажешь.

— Почему?

— Можно выучиться всему, что требуется знать; или можно выучиться тому, что хочешь знать. Однако потребность выучиться всему, что хочешь знать, а именно этим занимается Геодезическая исследовательская станция, рассыпается даже чисто семантически. А что такое с твоим кораблем?

— Опять Геодезическая исследовательская станция. Мы столкнулись.

— Не нравится мне, как он выглядит.

— Стартовал я довольно дергано.

— Нет, он мне совсем не нравится. Особенно если учесть, как далеко нам предстоит отправиться. Почему бы тебе не перебраться сюда и не путешествовать вместе со мной? Эта органиформа просто замечательная, и, по-моему, я мало-мальски держу свои взлеты и посадки под контролем.

— Если ты обещаешь не сломать мне хребет, когда мы приземлимся.

— Обещаю,— заверил Ком.— Сейчас я раскроюсь. Развернись влево, а потом можешь оставить свой драндулет там, где он сейчас стоит.

Они вступили в контакт.

— Послушай, Джо,— сказал Ком, когда гибкая трубка присоединилась к его воздушному шлюзу,— если ты правда хочешь, ты еще можешь вернуться. Но скоро наступит момент, после которого вернуться будет куда сложнее, чем двигаться дальше. Ты получил массу весьма специфических знаний. Ведь не только мы с Сан-Севериной старались тебя обучить. Ты еще на Рисе учился.

Джо вошел в трубку.

— Я все еще хочу домой.— Он замедлил шаг, двигаясь к аппаратной.— Порой, Ком, даже если ты симплекс, ты спрашиваешь себя: кто я такой? Ладно, раз ты говоришь, что Геодезическая исследовательская станция симплексна, мне от этого гораздо легче. Но я по-прежнему самый обычный парень, которому хотелось бы вернуться на жлуповое поле и, если повезет, разогнать пару-другую диких кепардов. Вот кто я такой. Вот что я знаю.

— Если ты вернешься, ты выяснишь, что окружающие очень похожи на тех, кого ты обнаружил на Геодезической станции. Ты покинул свой дом, Джо, потому что не был там счастлив. Помнишь, почему?

Джо уже добрался до аппаратной, но остановился у входа, обеими ладонями упираясь в косяки.

— Жлуп, да конечно. Жлуп даю, помню. Потому что я подумал, что я другой. А тут подвернулось сообщение, и я подумал, что это доказательство того, что я особенный. Иначе бы мне его не дали. Понимаешь, Ком,— он подался чуть вперед,— если б я действительно знал, что я какой-то особенный — то есть, если б я был уверен,— тогда бы меня так не расстраивала всякая ерунда вроде исследовательской станции! Но почти все время я чувствую себя потерянным, несчастным и самым обычным. Хуже жлупа.

— Ты — это ты, Джо. Ты — это ты и все, что в тебя вошло. Начиная с того, как ты часами сидишь и наблюдаешь за Дьяком, когда хочешь поразмыслить, и кончая тем, как ты откликаешься на десятую долю секунды быстрее в ответ на что-то синее, чем на что-то красное. Ты — это все, о чем ты когда-либо думал, на что надеялся, а также все, что ты ненавидел. И все, чему ты выучился. Ты очень многому выучился, Джо.

— Но если б я только знал, что это мое, Ком. Вот в чем я хочу быть уверен: что сообщение действительно важное и что только я смогу его доставить. Если б я действительно знал, что все полученное образование сделало меня... каким-то до жлупа особен-

ным, тогда я с легкой душой пошел бы дальше. Жлуп, да я бы просто счастлив был это проделать.

— Пойми, Джо, ты — это ты. И в этом ровно столько важности, сколько ты сам пожелаешь этому придать.

— Возможно, это самое важное на свете. Знаешь, Ком, если есть ответ на этот жлупатый вопрос, то самое важное — это знать, что ты — это ты и никто другой.

Как только Джо вошел в аппаратную, из динамиков коммуникационного блока послышался шелест. Пока Джо оглядывался вокруг, шелест усилился.

— Что это, Ком?

— Точно не знаю.

Дверь закрылась, трубка отскочила, и разбитый корабль потянуло прочь. Джо наблюдал за ним через стеклянную стену, покрытую смутно искажающей обзор органиформой.

Теперь из динамика доносился смех.

Дьяк одной лапой почесал за ухом.

— Оно вон оттуда идет,— сказал Ком.— И чертовски быстро.

Смех стал громче, достиг уровня истерики, наполнил собой высокий отсек. Что-то пронеслось мимо стеклянной стены Кома, затем развернулось и, подлетев вплотную, зависло в двадцати футах.

Смех прекратился, и вместо него слышалось изнуренное дыхание.

Зависшая снаружи штуковина выглядела как большой кусок скалы с отполированной передней гранью. Когда они слегка сместились в сиянии Тантамаунта, под поверхностью проглянул белый свет. Тут Джо понял, что отполированная плита прозрачна. За ней вперед подавалась чья-то фигура — руки ее были подняты над головой, ноги широко расставлены. Даже отсюда Джо было хорошо видно, как грудь фигуры вздымается в такт со вдохами и выдохами, которые штормом прорывались в аппаратную.

— Жлуп, Ком, да убавь же ты громкость!

— Ах, извини.— Пыхтение перестало быть чем-то у Джо в голове и осело до разумного звука в солидном числе футов от него.— Ты с ним поговоришь или я?

— Давай ты.

— Кто ты? — спросил Ком.

— Ни Тай Ли. А ты, черт возьми, кто такой интересный?

— Я Ком. Я слышал о тебе, Ни Тай Ли.

— А я о тебе, Ком, никогда не слышал. Но, похоже, следовало. Почему ты такой интересный?

— Кто он такой? — прошептал Джо.

— Тсс,— прошипел Ком.— Потом расскажу. Так что ты, Ни Тай Ли, здесь делал?

— Я бежал вон к тому солнцу, смотрел на него, думал, какое оно красивое и смеялся, потому что оно было такое красивое, и

смеялся, потому что оно должно было меня уничтожить и все равно остаться красивым, и я писал стихи о том, какое красивое это солнце и какая красивая планета, что возле него кружит; и все это я делал, пока не увидел что-то более интересное, а интересным мне показалась выяснить, кто ты такой.

— Тогда зайди на борт и еще кое-что выяснишь.

— Я уже знаю, что ты квазивездесущий общелингвистический мультиплекс с Ллл-базированным сознанием,— ответил Ни Тай Ли.— Есть что-то еще, что мне следует выяснить, прежде чем я поплыву в огонь?

— У меня на борту парень твоего возраста, о котором ты совсем ничего не знаешь.

— Тогда я иду. Давай твою трубку.— И он пустился вперед.

— Откуда он знает, что ты Ллл? — спросил Джо, когда кусок скалы приблизился.

— Не знаю,— сказал Ком.— Некоторые люди могут прямо так сказать. Они намного лучше, чем те, которые битый час с тобой сидят, прежде чем удосужатся спросить. Только ручаюсь, что он не знает, какой я именно Ллл.

Трубка соединилась с судном Ни. Секунду спустя дверца раскрылась, и Ни Тай Ли неторопливо вошел. Затем он, держа большие пальцы в карманах брюк, огляделся.

На Джо по-прежнему был черный плащ, который ему в Крысиной Дыре купила Сан-Северина. Ни Тай Ли, однако, выглядел как настоящий челночник. Он был босиком, без рубашки и в выцветших рабочих брюках с одним насквозь протертым коленом. Слишком длинные светлые волосы с серебряным отливом в беспорядке падали ему на уши и лоб; на лице с высокими скулами горели раскосые восточные глаза аспидно-черного цвета.

Эти глаза сосредоточились на Джо, и Ни Тай Ли улыбнулся.

— Привет,— сказал он и шагнул вперед.

Он протянул руку, и Джо с трудом заставил себя ее пожать. На пальцах правой руки гостя были когти.

Ни склонил голову набок.

— Хочу написать стихи о выражениях, которые только что пробежали по твоему лицу. Ты с Риса, ты привык работать на жлуповых полях, греться у костров в Новый Цикл и убивать кепардов, когда они прорываются за ограду.— Не открывая рта, он испустил одновременно и грустное, и довольное хмыканье:— эй, Ком, теперь я все про него знаю, а потому иду дальше.— Он повернулся к дверце.

— Ты был на Рисе? — спросил Джо.— Ты правда был на Рисе?

Ни развернулся обратно.

— Да, был. Три года назад. Добрался туда на попутке как челночник, и довольно долго проработал на седьмом поле. Там я вот это и приобрел:— он показал когти.

Горло Джо запульсировало болью, которой он не испытывал с тех пор, как играл для Ллл:

— Я работал на седьмом поле как раз перед Новым Циклом.

— А смотритель Джеймс не вбил малость ума в своего придурочного сыночка? Я очень со многими лажу, но с этим упрямым бараном четырежды в драку ввязывался. Один раз чуть его не убил.

— Я... я его убил,— прошептал Джо.

— Ух ты,— сказал Ни и подмигнул.— Славно. Хотя не сказал бы, что удивлен.— Вид у него тем не менее был потрясенный.

— Ты правда там был? — спросил Джо.— Ведь ты не просто читаешь у меня в голове?

— Я там был. Собственной персоной. Три с половиной недели.

— Не очень долго,— заметил Джо.

— Я и не сказал, что долго.

— Но ты правда там был,— повторил Джо.

— Эта Вселенная, приятель, довольно тесна. Очень скверно, что твоя культура такая симплексная, иначе о тебе стоило бы побольше узнать, и я бы здесь задержался. А так...— он снова повернулся к выходу.

— Погоди! — крикнул Джо.— Я хочу... мне очень нужно с тобой поговорить.

— В самом деле?

Джо кивнул.

Ни Тай снова сунул руки в карманы.

— Давно уже я никому не требовался. Это должно быть достаточно интересно, чтобы написать об этом стихи.— Он вразвалку прошел к пульту управления и сел на стол.— Тогда я тут немного поболтаюсь. О чем тебе нужно поговорить?

Джо молчал, а мозг его лихорадочно работал.

— Ж-жлуп... скажи, из чего твой звездолет сделан? — наконец спросил он.

Ни Тай посмотрел в потолок.

— Эй, Ком,— крикнул он.— Этот парень надо мной издевается? На самом-то деле ему совсем не нужно знать, из чего сделан мой корабль, так? Если он надо мной издевается, я лучше пойду. Люди без конца надо мной издеваются, я все про это знаю, и это меня совсем не интересует.

— Ему просто надо разогреться перед важными вещами,— сказал Ком.— А тебе следует иметь терпение.

Ни Тай снова взглянул на Джо.

— А знаешь, он прав. Из моих стихов вечно выпадают слова и строфы, потому что я слишком быстро пишу. Тогда их никто не понимает. С другой стороны, я не слишком много знаю про то, как быть терпеливым. В конце концов, это должно быть очень интересно. Это твоя окарина?

Джо кивнул.

— Я на одной из таких штуковин играл,— Ни Тай поднес ее к губам и сыграл бодрую, яркую мелодию, которая в конце неожиданно замедлилась.

Комок в горле у Джо заметно уплотнился. Мотив оказался первой песенкой, которую он выучил на этом инструменте.

— Только эту мелодию я и знаю. Надо было подольше этим позаниматься. На, поиграй. Может, это тебя разогреет.

Джо только головой покачал.

Ни Тай пожал плечами, покрутил окарину в руках, затем спросил:

— Так больно?

— Да,— после паузы отозвался Джо.

— Ничем не могу помочь,— сказал Ни Тай.— Я и так только что массу вещей проделал.

— Можно мне вмешаться? — спросил Ком.

Ни снова пожал плечами:

— Конечно.

Джо кивнул.

— В процессе чтения, Джо, ты выяснишь, что некоторые авторы, похоже, открыли все, что ты открыл, проделали все, что ты проделал. Есть такой древний научный фантаст по имени Теодор Старджон, который расстраивает меня всякий раз, как я его читаю. Похоже, он видел каждый отблеск света на окне, каждую тень листа на сетчатой двери, которые когда-либо видел я; он занимался всем, чем я когда-либо занимался — от игры на гитаре до двухнедельного спуска на лодке по Арканзас-Пасс, что в штате Техас. И он предположительно писал художественную литературу, и было это четыре тысячи лет назад. Дальше ты выяснишь, что масса других людей находит то же самое в том же самом писателе — людей, которые не делали ничего из того, что ты делал, и не видели ничего из того, что ты видел. Это редкий тип писателя. Но Ни Тай Ли именно такого типа. Я читал многие твои стихи, Ни Тай. Моя оценка, если бы потребовалось ее дать, только усилила бы мое изумление.

— Ага,— отозвался Ни Тай.— Спасибо.— И он нацепил на лицо ухмылку слишком широкую, чтобы ее спрятать — даже хотя он смотрел на свои колени.— Большинство самых лучших я потерял. Или не записал. Хотел бы я показать тебе некоторые из них. Они, правда, замечательные.

— Мне бы тоже этого хотелось,— сказал Ком.

— Эй, приятель,— Ни Тай поднял глаза на Джо.— Ведь я тебе нужен. Но я даже не могу вспомнить, про что ты спросил.

— Про твой корабль,— напомнил Джо.

— Я просто выдолбил кусок непористого метеора и привинтил сзади мотор «кейзон», да еще установил управление на огневую проницаемость.

— Да-да! — воскликнул Ком.— Именно так это и было проделано! Привинтил «кейзон» с левовинтовым храповиком. Отвертку в обратную сторону крутишь, верно? Это было годы тому назад, но кораблик вышел такой красивый!

— Про отвертку ты прав,— сказал Ни Тай.— Только я плоскогубцы использовал.

— Это не важно. Главное, что ты действительно это сделал. Я же тебе, Джо, сказал — с некоторыми писателями просто кошмар какой-то.

— Впрочем, есть одна проблема,— сказал Ни Тай.— Я никогда ничем не занимался достаточно долго, чтобы действительно это узнать. Занимался ровно столько, чтобы определить это в строчке или предложении, а затем переходил на что-то другое. Боюсь, порой я только думаю. И пишу, чтобы заменить все те вещи, которых реально сделать не могу.

Тут я ощутил легкую боль. То же самое я сказал Норну за час до того, как мы разбились на Рисе, когда мы обсуждали мою последнюю книгу. Помните? Я — Самоцвет.

— Но ты всего лишь мой ровесник,— наконец сказал Джо.— Как же ты смог так рано все это сделать и обо всем этом написать?

— Ну, я... то есть, я хочу сказать... пожалуй, я даже и не знаю. Я просто делаю. Наверное, очень многого я никогда не сделаю, потому что слишком занят писаниной.

— Еще одно вмешательство,— сказал Ком.— Ничего, если я кое-что ему расскажу?

Ни Тай пожал плечами.

— Это как с Оскаром и Альфредом,— сказал Ком.

Ни Тай, похоже, испытал сильное облегчение.

— Или как с Полем В. и Артюром Р.,— добавил он.

— Как с Жаном К. и Раймоном Р.,— в тон ему сказал Ком.

— Или с Вилли и Колетт.

— Это рекуррентный литературный образчик,— объяснил Ком.— Писатель постарше, писатель помоложе, зачастую почти ребенок — и какая-то трагедия. В результате нечто чудесное даруется миру. Это случается каждые двадцать пять или пятьдесят лет со времен романтизма.

— А кто был писателем постарше? — спросил Джо.

Ни Тай опустил глаза:

— Мюэльс Эрэйнилид.

— Никогда о таком не слышал,— сказал Джо.

Ни Тай вздрогнул:

— Да ну. Мне казалось, эту скверную историю все на свете знают.

— Я бы хотел с ним познакомиться,— сказал Джо.

— Сомневаюсь, что это тебе удастся,— вмешался Ком.— А то, что случилось, было очень, очень трагично.

— Эрэйнилид был Ллл,— Ни Тай перевел дыхание и начал рассказывать.— Мы вместе совершили длинное путешествие, и...

— Ты совершил длинное путешествие с Ллл?

— Ну, на самом деле он был только отчасти...— тут он замялся.— Нет, ничего не могу поделать,— сказал он.— Это из-за того, что я натворил. Клянусь, ничего не могу поделать.

— Значит, ты знаешь про скорбь Ллл,— сказал Джо.

Ни Тай кивнул.

— Еще как. Понимаешь, я его продал. Я был в отчаянии, я нуждался в деньгах, и он велел мне действовать.

— Ты его продал? Но почему...

— Экономика.

— Жлуп.

— И на эти деньги я купил не такого дорогого Ллл, чтобы заново отстроить мир, который мы разрушили; так что я знаю и про скорбь Ллл, и про скорбь владельца Ллл — пусть даже это был совсем маленький мир, и много времени он не занял. Несколько дней назад я объяснял это Сан-Северине, и она очень расстроилась — она тоже купила и продала Ллл, и использовала их для воссоздания...

— Ты знаешь Сан-Северину?

— Да. Она давала мне уроки интерлинга, когда я был челночником...

— Нет! — воскликнул Джо.

Склонив голову, Ни Тай прошептал:

— Клянусь, я ничего не могу поделать! Клянусь!

— Не-ет! — Отвернувшись к стене, Джо прижал ладони к ушам, сел на корточки и закачался.

— Ком! — крикнул Ни Тай.— Ты сказал, он во мне нуждается?

— Да, и ты прекрасно его нужду удовлетворяешь.

Джо резко развернулся:

— Вон отсюда!

Ни Тай, похоже, испугался и слез со стола.

— Это моя жизнь, не твоя! Моя, жлуп! — Джо схватил когтистую руку Ни.— Моя. Я от нее отказался — но это не значит, что ты можешь ее получить.

Ни сделал быстрый вдох.

— Это уже неинтересно,— торопливо проговорил он, отодвигаясь от стола.— Через это я уже много раз проходил.

— А я нет! — выкрикнул Джо. Он чувствовал себя так, будто что-то у него внутри изнасиловали и унизили.— Ты не смеешь воровать мою жизнь!

Внезапно Ни оттолкнул его. Джо упал на пол, и поэт встал над ним, тоже трясясь от возбуждения.

— Какого жлупа ты решил, что она твоя? Может, это ты у меня ее украл. Почему я никогда ничего не могу закончить?

Почему всякий раз, как я получаю работу, влюбляюсь, завожу ребенка, меня вдруг срывает прочь и бросает в очередную кучу дерьма, откуда мне снова надо начинать ту же самую мышиную возню? Не ты ли это со мной проделываешь? Не ты ли отрываешь меня от того, что мое, забираешь себе тысячи роскошных жизней, которые я начал? — Внезапно он закрыл глаза и прижал правую руку к левому плечу. Затем, запрокинув голову, зашипел в потолок: — Боже, я уже столько раз это говорил! И будь оно все проклято, мне это надоело! Надоело! — Ни Тай провел когтями по плечу, и пять ручейков крови заструились ему на грудь. А в голове у Джо на одно краткое мгновение вспыхнула сцена, когда он убежал от смеха Лилли и, стоя с плотно закрытыми глазами и запрокинутой головой, скреб когтями по плечу. Яростно заморгав, он вытряс воспоминание из головы. Плечо Ни Тая под дорожками свежих шрамов опоясывала целая сеть старых рубцов.

— Вечно возвращаться, вечно идти назад, всегда одно и то же — снова и снова! — воскликнул Ни Тай.

И он заковылял к двери.

— Погоди!

Джо перекатился на живот и пополз за ним на четвереньках.

— Что ты задумал? — Он бросился на Ни Тая и рукой перекрыл ему путь наружу.

Ни Тай положил когтистую руку на предплечье Джо. Тот покачал головой — Билли Джеймс перекрыл ему путь от канала, и он именно так положил свои когти на руку мальчика. Именно так все и началось.

— Я думаю попасть на свой корабль,— ровным голосом произнес Ни Тай.— Я думаю повернуть к этому солнцу и дать полный газ. Однажды я сделал это, смеясь. На сей раз я, наверное, буду плакать. И так будет куда интересней.

— Но почему?

— Потому что однажды...— тут лицо Ни Тая исказилось от напряжения,— однажды кому-то еще придется нырять к серебряному солнцу — сначала смеясь, потом плача,— и тогда они уже об этом прочтут, и вспомнят, и внезапно они узнают, понимаешь? Они узнают, что они не единственные...

— Но никто никогда не прочтет того, что ты должен сказать про...

Ни Тай отбросил его руку и побежал по трубке. По дороге он чуть не сшиб Дьяка, который шагал ему навстречу со стопкой бумаги в зубах.

Трубка отскочила, и органиформа сомкнулась, когда дверца в аппаратную захлопнулась. Джо увидел, как Ни Тай склонился над пультом управления; затем он выпрямился, прижимая лицо и ладони к смотровому окну, пока автопилот вел пустотелый метеор в сияние солнца. Джо, щурясь, наблюдал, пока глаза не

заныли. Рыдания доносились из интеркома еще добрую минуту после того, как корабль скрылся из вида.

Джо вытер лоб и отвернулся от стены.

Дьяк сидел на стопке бумаги, пожевывая обтрепанный уголок.

— Что это?

— Стихи Ни Тая,— сказал Ком.— Последний сборник, над которым он работал.

— Дьяк, ты что, из его корабля их стащил? — гневно спросил Джо.

— С такими, как Ни, иначе не бывает. Единственный способ — это забрать у них работу, прежде чем они ее уничтожат. Именно так мы и получали то, что он делал. Все это уже случалось раньше,— устало промолвил Ком.

— Но Дьяк-то этого не знал,— заметил Джо.— Ты ведь просто украл, верно? — Он пытался говорить с укоризной.

— Ты недооцениваешь дьяволова котенка,— сказал Ком.— У него вовсе не симплексный разум.

Джо нагнулся и принялся вытягивать листки из-под Дьяка. В конце концов тот, пару раз хлопнув Джо по рукам, откатился в сторонку. Тогда Джо отнес стихи к пульту управления и забрался под стол.

XI

Через три часа, выбравшись из-под стола, Джо медленно подошел к стеклянной стене и с прищуром взглянул на белого карлика. Затем отвернулся, выдул три ноты на окарине и бессильно опустил руки.

— Пожалуй, это самый мультиплексный разум из всех, какие мне до сих пор попадались.

— Возможно,— согласился Ком.— Но в этом случае теперь и ты такой же.

— Надеюсь, он не нырнул в солнце,— сказал Джо.

— Он не станет, если в промежутке найдет что-то более интересное.

— Там очень мало чего в промежутке.

— Чтобы заинтересовать разум таких, как Ли, много не надо.

— Помнишь, что ты мне говорил про мультиплексность и понимание точек зрения? Он полностью принял мою точку зрения, и ты был прав — получился сущий кошмар.

— Требуется, знаешь ли, мультиплексный разум, чтобы воспринимать мультиплексность других разумов.

— Я знаю, почему,— сказал Джо.— Он использовал все свои переживания, чтобы понять мои. От этого у меня возникло странное чувство.

— А ведь знаешь, он написал эти стихи раньше, чем узнал о твоем существовании.

— Это правда. Но от этого все еще страннее.

— Мне кажется,— сказал Ком,— ты свой силлогизм задом наперед выстроил. На самом деле это ты использовал свои переживания, чтобы понять его.

— Я?

— В последнее время у тебя была масса переживаний. Упорядочи их мультиплексно, и они станут гораздо яснее. А когда они станут вполне ясными, останется еще достаточно беспорядка, чтобы ты задал соответствующие вопросы.

Джо немного помолчал, упорядочивая. Затем он спросил:

— Как звали того Ллл, на котором базируется твой разум?

— Мюэльс Эрэйнилид,— ответил Ком.

Джо отвернулся к окну:

— Значит, все это уже случалось раньше.

После еще одной минуты молчания Ком сказал:

— А знаешь, последний отрезок маршрута тебе придется проделать без меня.

— Я уже начал это упорядочивать,— отозвался Джо.— Будь уверен, мультиплексно.

— Вот и хорошо.

— Мне будет чертовски страшно.

— Тебе нечего бояться.

— Почему?

— У тебя в сумке кристаллизованный тритонец.

Он, понятное дело, имел в виду меня. Надеюсь, вы про меня не забыли. А то, если вдруг забыли, оставшаяся часть истории будет вам непонятна.

XII

— И что я должен с ним делать? — спросил Джо.

Он выложил меня на бархатную ткань стола. Лампы в высоком потолке аппаратной светили мутно, и в слабом тумане от увлажнителей воздуха вокруг них возникали гало.

— Какой поступок будет самым мультиплексным, когда ты не знаешь, что делать?

— Задать вопросы.

— Вот и спрашивай.

— А он ответит?

— Есть куда более простой способ это выяснить, чем спрашивать меня,— заметил Ком.

— Секунду,— сказал Джо.— Я должен упорядочить свои восприятия мультиплексно, а это может занять некоторое время. Я еще

не привык.— Вскоре он спросил: — Почему я должен буду вступить в Имперскую армию и служить под началом принца Нактора?

— Блестяще,— похвалил Ком.— Я и сам не на шутку об этом задумывался.

«Потому что,— передал я,— тебе с армией по пути». Возможность заговорить стала большим облегчением. Но и тут остается одна из невзгод кристаллизации: отвечать ты можешь, только когда спрашивают напрямую.

Между прочим, в промежутке между моментом, когда Джо сказал «я еще не привык», и моментом, когда он задал свой вопрос, вдруг врубилось радио, и громовой голос принца Нактора объявил о том, что все люди в этой зоне подлежат немедленному призыву на военную службу, по поводу чего Ком заметил: «Думаю, это и решит твою проблему». Так что в вопросе Джо вовсе нет ничего загадочного. Для тех, кто дал себе труд проследить за развитием темы вплоть до этого момента, хочу особо подчеркнуть, что мультиплексность идеально соответствует законам логики. Я оставил инцидент с радио в стороне, поскольку подумал, что он только отвлекает, и решил, что он прекрасно выводится из вопроса Джо, уверенный в том, что мультиплексный читатель и сам запросто его сочинит. Должен также сказать, что на протяжении этого рассказа я уже несколько раз так делал.

— Почему я не могу просто доставить сообщение, а дальше отправиться сам по себе? — спросил Джо.

В кристаллизованном состоянии всегда обладаешь воображаемой способностью задавать риторические вопросы. «Ты готов доставить сообщение?» — передал я.

Джо треснул обоими кулаками по столу. Комната словно заходила ходуном, когда я закачался взад-вперед.

— Жлуп! Какое сообщение? Именно это я сейчас и должен выяснить. В чем оно?

«Некто пришел освободить Ллл».

Джо встал, и на его молодом лице воцарилась озабоченность.

— Это очень важное сообщение,— озабоченность превратилась в неодобрение.— Когда я буду готов его доставить?

«Как только некто придет их освободить».

— Но я прошел весь этот путь...— Джо осекся.— Я? Мне их освободить? Но... Возможно, я готов доставить сообщение, но как мне узнать, когда я буду готов их освободить?

«Если ты не знаешь,— передал я,— очевидно, это не то сообщение».

Джо почувствовал стыд и замешательство.

— Но это должно быть именно то.

Он не задал никаких вопросов, а потому я не смог ничего передать. Впрочем, Ком сказал это за меня:

— Это и есть то самое сообщение, только ты неправильно его понял. Постарайся придумать другую интерпретацию, которая не содержит противоречий.

Джо отвернулся от стола.

— Я слишком мало вижу,— сказал он с унынием.

— Порой требуется видеть еще чьими-то глазами,— заметил Ком.— Сейчас я бы сказал, что если ты сможешь использовать глаза Самоцвета, ты окажешь себе большую услугу.

— Почему?

— Ты постепенно становишься все более непосредственно связан с Ллл и нашей борьбой за освобождение. В этой борьбе тритонцы самые активные из всех рас, отличных от Ллл. Вот так все просто. А кроме того, это сильно облегчит твою военную карьеру.

— Но как это проделать? — спросил Джо.

— Операция очень проста,— ответил Ком.— Можешь сам ее выполнить. Возьми тритонца.

Джо вернулся к столу и поднял меня с бархата.

— Теперь подними правое веко.

Джо так и сделал. Затем он сделал кое-что еще согласно инструкциям Кома. Мгновением позже он завизжал от боли, резко развернулся от стола и упал на колени, прижав ладони к лицу.

— Боль скоро пройдет,— спокойно сказал Ком.— Если очень колет, могу дать глазные капли.

Джо покачал головой.

— Это не боль, Ком,— прошептал он.— Просто я в одно и то же время вижу тебя, себя, Дьяка, Самоцвета — всех сразу. Вижу ожидающий меня линкор и даже принца Нактора. Но корабль в ста семидесяти милях отсюда, Дьяк у меня за спиной, ты вокруг меня, Самоцвет внутри меня, а я — уже не я.

— Лучше бы ты немного попрактиковался в ходьбе,— посоветовал Ком.— Винтовые лестницы поначалу особенно трудны. А еще следует подумать: сперва тебе лучше привыкнуть просто сидеть смирно и думать. Дальше мы перейдем к чему-то более сложному.

— Я — уже не я,— тихо повторил Джо.

— Поиграй на окарине,— предложил Ком.

Извлекая инструмент из сумки и прикладывая его к губам, Джо наблюдал за собой. Он увидел, как его веки опускаются — одно над левым глазом, другое над сверкающим кристаллом, что заменил ему правый. Услышал, как он заводит долгий, медленный мотив. И с закрытыми глазами наблюдал, как Дьяк осторожно подходит, а затем трется о его колено.

Немного позже Джо сказал:

— Знаешь, Ком, я не думаю, что разговор с Самоцветом что-то мне дал.

— Наверняка куда меньше, чем взгляд сквозь него.

— У меня в голове по-прежнему страшный туман по поводу сообщения.

— Ты должен внести поправку. Когда становишься таким воинственным, как Самоцвет, твой разум превращается в нечто чертовски прямолинейное. Но сердце у него там, где надо. На самом деле он очень много тебе сказал, если ты сможешь взглянуть на это мультиплексно.

Джо наблюдал, как его лицо постепенно становится более сосредоточенным. «Довольно забавно,— мимоходом подумал он,— как чересчур озабоченный блондинистый чудак с алмазным моноклем».

— Сообщение должно быть фразой: «Некто пришел освободить Ллл». И я должен быть готов освободить Ллл. Но только не я их освобожу.— Джо подождал, пока Ком одобрит его рассуждения. Однако в аппаратной висела тишина. Тогда он продолжил: — Лучше бы это был я. Но полагаю, есть причины, почему это будет иначе. Я также должен быть готов передать сообщение. Единственный способ по-настоящему подготовиться — это постараться убедиться в том, что тот, кто должен освободить Ллл, готов.

— Замечательно,— одобрил Ком.

— Но где мне найти этого человека и как убедиться, что он готов освободить Ллл?

— Ты сам можешь его подготовить.

— Я?

— За последние несколько месяцев ты получил солидное образование. Ты должен поделиться этим образованием с кем-то столь же симплексным, каким ты был в начале этого путешествия.

— И потерять ту уникальность, которую мне оставил Ни Тай?

— Да.

— Тогда я не стану этого делать,— заявил Джо.

— Ну-ну, брось.

— Послушай, Ком, моя прошлая жизнь была у меня украдена. Теперь ты хочешь отдать кому-то еще мою новую жизнь. Я не стану этого делать.

— Весьма эгоистичный способ...

— А кроме того, я знаю достаточно о симплексных культурах, чтобы понять: единственное, что можно с ними поделать при помощи армии, это их разрушить. И я этого делать не стану.

— Ну и ну,— сказал Ком.— Ты и это прикинул.

— Ага, прикинул. И тут будет одна сплошная боль.

— Разрушение все равно случится — пойдешь ты на это или нет. Единственная разница будет в том, что ты не сможешь передать сообщение.

— А без меня этот человек не будет готов?

— Суть в том, что у тебя не будет возможности это узнать.

— Я рискну,— пробормотал Джо.— Отправлюсь дальше. Пойду на риск и стану надеяться, что все получится как надо, буду я там или нет.

— Ты даже понятия не имеешь, насколько это рискованно. Послушай, у нас еще есть немного времени. Давай предпримем небольшое отступление от намеченного маршрута. Хочу показать тебе одну вещь, которая заставит тебя переменить мнение.

— Знаешь, Ком, я не думаю, что еще одна встреча с обращенными в рабство, эксплуатируемыми, многострадальными Ллл прямо сейчас пойдет мне на пользу. Ведь ты именно туда хочешь меня доставить?

— Страдание Ллл происходит прежде всего с тобой, а не с Ллл,— сказал Ком.— Невозможно понять страдание Ллл с точки зрения самого Ллл, если ты таковым не являешься. Понимание — одна из тех вещей, от которых их защищает Империя. Даже сами Ллл не могут договориться о том, что же все-таки столь ужасно в их положении. Но есть достаточно проявлений, так что можешь поверить нам на слово. Некоторые стены даже мультиплексность не в силах измерить. Временами она способна их взрывать, но это очень сложно, а кроме того оставляет на земле шрамы. Признание непроницаемости этих стен — первый шаг к их разрушению. Я хочу кое-что тебе показать — можешь оценить это в любом плексе по твоему выбору. Мы отправимся поговорить с Сан-Севериной.

XIII

— Не один ли это из тех миров, которые она воссоздала при помощи Ллл? — спросил Джо, оглядывая серебристые улицы пустого города, а затем снова оборачиваясь на покатые лесистые холмы, что подступали к самому краю овеваемого нежным ветерком озера у него за спиной.

— Это один из них,— подтвердил Оскар.— Он первый из законченных, и станет последним из вновь заселенных.

— Почему? — спросил Джо, переступая через новенькую чугунную решетку на тротуаре. Голубоватое солнце горело, отражаясь в спиральном окне громадной башни слева от них. А справа пусто громоздился величественный фонтан. Джо пробежал пальцами по сухому гранитному ободу сорокафутового бассейна, когда они проходили мимо.

— Потому что она здесь.

— Много еще работы осталось?

— Все миры уже воссозданы. И сорок шесть цивилизаций восстановлены. А вот на этические системы уходит много време-

ни. Они еще месяцев шесть будут в работе,— Оскар указал на черную металлическую дверь, усеянную латунными шипами.— Вот туда.

Джо оглядел головокружительные шпили.

— Какая красота,— сказал он.— Настоящая. Пожалуй, теперь я немного лучше понимаю, почему она хотела это воссоздать.

— Сюда,— сказал Оскар.

Джо вошел.

— Вниз по лестнице.

Их шаги гулко отзывались в просторном лестничном колодце.

— Теперь сюда.— Оскар открыл дверь поменьше в серой каменной стене.

Войдя внутрь, Джо скривился.

— Какой странный запах...

И тут он увидел ее.

Она была голая.

Ее запястья и лодыжки были прикованы к полу.

Когда серое лезвие света упало на ее сгорбленную спину, она потянула на себя кандалы и завыла. Зубы ее оскалились — зубы, которые вдруг показались Джо такими длинными и острыми. Вой прервался скрежещущим вдохом.

Джо наблюдал за ней.

Он смотрел, как он за ней наблюдает, а потом смотрел, как он пятится к двери, но дверь наглухо захлопнулась у него за спиной.

Мышцы ее плеч сделались от напряжения твердыми и четко очерченными. Спадая мимо жилистой шеи, спутанные, нечесанные волосы закрывали половину ее лица. «Расческа,— пришла нелепая мысль.— Жлуп, красная расческа». И Джо смотрел, как слезы скапливаются в его настоящем глазу. Другой же глаз стал совсем сухим.

— Теперь они ее здесь держат,— объяснил Оскар.— Длина цепей подобрана таким образом, чтобы она никак с собой не покончила.

— Кто...

— Если ты помнишь, там было еще двадцать шесть человек. Она уже давно миновала ту точку, после которой она освободила бы Ллл, если б только могла. Но остальные теперь держат ее здесь — таким вот образом. И ее Ллл продолжают работать.

— Так нечестно! — воскликнул Джо.— Почему никто ее не освободит?

— Она знала, на что шла. И еще раньше сказала им, что им придется проделать. Она знала свои пределы,— Оскар скривился от боли.— Ллл всего семеро. Это больше, чем любой другой человек когда-либо одновременно имел. Эта правда очень много. И чем больше Ллл строят, тем сильнее возрастает скорбь. В геометрической прогрессии. Как цена.

Джо таращился на нее — потрясенный, завороженный, измученный.

— Ты пришел, чтобы с ней поговорить,— напомнил Оскар.— Давай, поговори.

Джо осторожно прошел вперед, наблюдая за собой. Ее запястья и лодыжки были покрыты струпьями.

— Сан-Северина?

Испустив сдавленный хрип, она подалась назад:

— Сан-Северина? Я должен с вами поговорить.

Тонкий ручеек крови заструился по связкам на тыльной стороне ее левой ладони.

— Можете вы со мной поговорить? Сан-Северина...

Лязгая цепями, она бросилась на Джо и наверняка схватила бы его зубами за ногу, если бы он не отпрянул. Тогда она прикусила язык и с визгом плюхнулась на камни, губы ее увлажнились кровью.

Следующее, что Джо увидел — это как он барабанит по двери, и как Оскар его держит. Затем Оскар повернул ручку, и они вывалились на нижнюю площадку лестницы. Оскар тоже тяжело дышал, когда они устремились вверх по ступенькам.

— Мне почти жаль ее,— произнес Оскар на полпути наверх.

Пораженный, Джо повернулся к нему.

— Да как ты смеешь!

— Мне жаль Ллл,— добавил Оскар.— Если помнишь, я один из них.

Джо опять наблюдал за собой — как он снова тащится по ступенькам, с трудом скрывая смущение.

— А мне по-настоящему ее жаль,— сказал Джо.

— Достаточно, чтобы вступить в армию? — спросил Оскар.

— Жлуп,— выругался Джо.— Разумеется.

— Я так и рассчитывал.

Когда они вышли из верхней двери на улицу, Джо прищурился от яркого света.

— Ни Тай,— мгновение спустя произнес он.— Ни сказал, что несколько дней назад приходил поговорить с Сан-Севериной.

Оскар кивнул.

— Сюда? Он видел ее такой?

Оскар снова кивнул.

— Значит, он тоже это пережил,— сказал Джо. И пошел дальше по улице.

— Надеюсь, он добрался до солнца.

— Ее не смогли как-то усыпить или загипнотизировать,— размышлял Джо, снова глазея сквозь стеклянную стену внутрь аппаратной.

— Если она засыпает, Ллл перестают строить,— объяснил Ком.— Это входит в контракт. Чтобы Ллл функционировали, владение все время должно быть сознательным.

— Этого я более или менее ожидал. Но как можно быть уверенным, что она все еще в сознании внутри этого... этого зверя? Хоть кто-нибудь может до нее достучаться?

— Этот зверь — ее защита,— объяснил Ком.— Ты готов в дорогу?

— Как никогда.

— Тогда я хочу, чтобы ты взял с собой одно комплексное утверждение, которое в дальнейшем потребует мультиплексной оценки. Единственными существенными элементами в любом обществе являются художественный и криминальный, ибо только они, посредством выяснения ценностей данного общества, способны вынудить его измениться.

— А это верно?

— Не знаю. Мультиплексно я это не оценивал. Но позволь мне далее заметить, что ты отправляешься изменять общество. Ты не получил той подготовки, как, скажем, Ни Тай, который должен проделать это художественно.

— Я уже заметил,— сказал Джо.— Скажи, Ком, а куда вообще-то направляется армия?

— К Имперской звезде,— ответил Ком.— Есть у тебя хоть какое-то представлении о первом твоем криминальном действии?

Джо немного подумал.

— Ну, пока ты не сказал, каково наше место назначения, я думал, что это должен быть уход в самоволку. А теперь я не уверен.

— Хорошо,— сказал Ком.— Прощай, Джо.

— Прощай.

XIV

Джо почти сразу решил, что служба в армии ему не по вкусу. Через три минуты его пребывания на десятимильном звездолете, пока он болтался в толпе других призывников, рядом случилось пройти принцу Нактору. Когда призывники расступились, принц Нактор увидел Дьяка. Дьяволов котенок молотил лапами по воздуху и чирикал. Когда Джо подошел взять его на руки, принц Нактор спросил:

— Это твой?

— Так точно, сэр,— отозвался Джо.

— На борт тебе его брать нельзя.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Джо.— Я прямо сейчас о нем позабочусь.

С его расширенным зрением не составляло проблемы определить на этом линкоре такое место, где он смог бы спрятать Дьяка. Корабль был переоснащен несколько лет назад, и массу старого оборудования убрали, чтобы заменить на более компактные узлы. Старый смотровой зал, где размещался фотогенератор прямого контакта, начисто выпотрошили, и отсек у стеклянной стены корпуса вначале использовался для хранения вещей, которые уже никогда не понадобятся, а затем и вовсе был задраен.

Джо выскользнул из толпы призывников, стащил из ремонтной секции разводной ключ и нашел задраенную дверцу. Открутив все гайки, он подтолкнул Дьяка во тьму и стал было снова закрывать дверцу, но тут у него родилась идея. Джо вернулся к ремонтной секции и взял оттуда алфавитный трафарет, банку желтой краски и кисточку. Вернувшись к дверце, он изобразил на ней надпись:

САНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП
ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЦ Д-Ж-О

Наверх Джо вернулся как раз вовремя, чтобы получить форму и снаряжение. Квартирмейстер потребовал у него карточку довольствия. Джо объяснил, что у него такой не имеется. Тогда квартирмейстер пошел запросить главный компьютер. Джо снова спустился к дверце и залез внутрь. Там оказалась крохотная передняя — желтой макушкой Джо задел пыльный потолок. И тут он услышал музыку.

Похожий инструмент Джо слышал давным-давно, еще когда был челночником. Гитара Рона. Только эта гитара играла по-другому, гораздо быстрее. И голос — он никогда такого не слышал. Голос был протяжный и богатый, как его окарина.

Джо подождал, страшно желая заглянуть и посмотреть, но противясь этому желанию. Он один раз прослушал песню, а затем мелодия повторилась. Тогда он достал свой инструмент и стал подыгрывать. Пение прервалось, гитара умолкла. Джо доиграл мелодию до конца, затем открыл дверь.

Она сидела на полу перед батареей хрустальных блоков. Стеклянная стена звездолета пропускала белый свет Тантамаунта. Она подняла глаза от гитары, и ее лицо — прекрасное лицо, с тонкими чертами, смуглое, обрамленное роскошными каштановыми волосами, откинутыми на одно плечо,— исказилось в безмолвном ужасе.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джо.

Она попятилась к стене из хрустальных блоков. Ее ладонь лежала на светлом корпусе гитары, пальцы скользили по древесине, оставляя на полировке мерцающие дорожки.

— Ты Дьяка не видела? — спросил Джо.— Такой большой дьяволов котенок, восемь лап, рога? Пришел сюда минут пятнадцать тому назад?

Она твердо помотала головой. Эмоциональность жеста подсказала Джо, что отрицание было общим и не связывалось с его конкретным вопросом.

— Ты кто? — спросил он.

И тут Дьяк выступил из-за хрустальной батареи, гоголем прошелся перед девушкой, лег на спину, задрыгал лапами в воздухе, замурлыкал, высунул язык — короче говоря, стал откровенно напрашиваться на ласку. Джо протянул босую ногу и большим пальцем почесал Дьяку брюшко. Он все еще не был одет после медицинского осмотра и держал в руках форму.

На девушке была строгая белая блузка с аккуратным воротничком и темная юбка до колен. То, чего она больше всего испугалась, похоже, находилось за формой в руках у Джо, поскольку она смотрела на форму так, словно старалась пронзить ее взглядом. По игре мышц ее лица Джо видел, как мысли девушки становятся все более спутанными.

— Мне понравилось, как ты поешь,— сказал Джо.— Но ты не должна бояться. Меня зовут Джо. Так что ты здесь делаешь?

Внезапно девушка захлопнула глаза и прижала ладони к ушам, позволяя гитаре упасть ей на колени.

— Я пою,— быстро проговорила она.— Просто пою. Знаешь, пение — это самое важное на свете. Я никому не причиняю вреда. Нет, ничего мне не говори. Я отказываюсь отвечать на любые вопросы.

— На вид ты очень подрастерялась,— заметил Джо.— А ты сама не хочешь задать какие-нибудь вопросы?

Девушка помотала головой, затем опустила ее на грудь, словно уклоняясь от удара.

Джо нахмурился, скривил рот сперва в одну сторону, затем в другую. Наконец, пожевав губу, он сказал:

— Не верю, что ты такая симплексная.— Девушка только еще сильней сгорбилась у хрустальных блоков.— А знаешь, я ведь на самом деле не солдат.

Она подняла глаза.

— Тогда почему у тебя форма?

— Вот видишь! Ты все-таки задала вопрос.

— Ах! — Девушка села и приложила ладонь ко рту.

— Форма у меня потому, что я чуть было не стал солдатом. Я должен носить ее только там, снаружи. Если она тебя пугает, я ее уберу.— Он швырнул форму на хрустальную батарею. Девушка опустила плечи и заметно расслабилась.— Ты от солдат прячешься,— медленно произнес Джо.— Если они тебя найдут, ты предпочитаешь казаться симплексной. Ты тоже к Имперской звезде направляешься?

Она кивнула.

— Кто ты?

Девушка взяла гитару.

— Лучше я не буду этого говорить. Не то, чтобы я тебе не доверяла. Просто чем меньше людей на этом линкоре знает, кто я, тем лучше.

— Хорошо. Ответишь еще на один вопрос?

— Да. Все эти солдаты под командой принца Нактора отправляются на Имперскую звезду, чтобы меня убить. Если только я раньше туда не доберусь.

— Это не ответ на вопрос, который я собирался задать.

Девушка жутко смутилась.

— Но он, по-моему, тоже чертовски славный,— Джо улыбнулся.

Она протянула руку и почесала Дьяку брюшко:

— Когда-нибудь я непременно узнаю, как делать этот фокус с ответом раньше вопроса. Так эффектно, когда получается. Я думала, ты собираешься спросить, в чем тут соль.

Джо был озадачен. Затем он рассмеялся:

— Ты прячешься от солдат прямо у них под носом! Очень мультиплексно! Очень! — Скрестив ноги, он уселся на пол по другую сторону от Дьяка.

— А кроме того, если я отправлюсь вместе с ними, я наверняка доберусь туда не позже них. Самое худшее — одновременно с ними.— Девушка поджала губы.— Но мне надо придумать какой-то способ добраться туда раньше.

Джо тоже почесал Дьяка, и их пальцы соприкоснулись. Он ухмыльнулся.

— Вообще-то я собирался спросить, откуда ты путь держишь. Куда ты направляешься и где ты сейчас, я и так знаю.

— А, понятно,— отозвалась девушка.— Ты «мисс Перрипикер» знаешь?

— Кого?

— Не кого, а что. «Пансион благородных девиц мисс Перрипикер».

— Это еще что?

— Я оттуда прибыла. Это такое ужасное место, куда забирают изначально славных девочек из лучших семей и учат казаться такими симплексными, что ты просто не поверишь.

— Я и так не верю,— заметил Джо.

Девушка рассмеялась.

— Я одна из неудач мисс Перрипикер. Вообще-то там масса всяких удовольствий — теннис, антиграв-волейбол, водное поло, четырехстенный гандбол — мой самый любимый — и трехмерные шахматы. Туда просочилось несколько учителей, которые и впрямь что-то знают. Но петь и играть на гитаре, а именно этим мне на самом деле нравится заниматься, я выучилась сама.

— У тебя замечательно получается.

— Спасибо,— девушка извлекла из гитары нисходящий ряд аккордов, раскрыла рот и напела мелодию, что поднималась медленными, изумительными интервалами, затрагивавшими чувствительные струны удовольствия, ностальгии и радости, какой Джо не испытывал с тех пор, как пел для Ллл.

Вдруг она остановилась:

— Эту песню написали Ллл. Она одна из моих любимых.

— Она прекрасна,— отозвался Джо, моргая.— Пожалуйста, продолжай. Допой ее до конца.

— А это все,— сказала девушка.— Она очень короткая. Только эти шесть нот. Она выполняет то, что должна, а потом прекращается. Все, что делают Ллл, очень экономично.

— Понятно,— кивнул Джо. Мелодия была как радуга, ненадолго зависшая над его разумом, широкая, успокоительная.

— Я спою другую...

— Не надо,— попросил Джо.— Дай мне немного про эту подумать.

Девушка улыбнулась и молча опустила руку на струны.

Рука Джо блуждала по брюшку Дьяка. Дьяволов котенок негромко ворчал.

— Скажи,— спросил Джо,— почему принц Нактор хочет убить тебя на Имперской звезде?

— Мой отец очень болен,— объяснила девушка.— Меня внезапно вызвали домой от мисс Перрипикер, потому что похоже, что он в любой день может умереть. Когда он умрет, я унаследую всю власть в Империи — если только я там окажусь. Если же нет, ее захватит принц Нактор. Мы все время друг с другом наперегонки бегаем.

— Так ты принцесса? — спросил Джо.

Она кивнула.

— Ты, должно быть, страшно важная персона,— задумчиво произнес Джо.

— Я буду никем, если не побью Нактора. Он столько лет этого ждал.

— Но почему власть должна получить ты, а не Нактор?

— Во-первых, я собираюсь освободить Ллл. А принц Нактор намерен держать их под своей защитой.

— Понятно,— Джо кивнул и подтянул к себе колени.— Тогда как ты собираешься это проделать, и почему этого не сделает Нактор?

— Экономика,— объяснила девушка.— У меня есть поддержка двадцати шести богатейших людей Империи, которые доверили мне справиться со всем этим делом мультиплексно. Они ждут на Имперской звезде и хотят услышать, какой исход будет у нас с Нактором. Они отказываются его поддерживать, а потому все, что у него осталось — это армия. Хотя человек он вполне

мультиплексный, в его распоряжении есть только силовое оружие. Если ты способен толкать только в одном направлении, ты с таким же успехом можешь быть симплексным, хочешь ты того или нет. Так что они ждут меня в зале совета с бронзовыми колоннами, пока мозаики витражных окон отбрасывают многоликие тени на синий изразец, а где-то на хрустальном ложе чахнет мой отец...

— Жлуп,— выразился Джо, потрясенный услышанным.

— Я там никогда не бывала. А про все эти красоты в романе Мюэльса Эрэйнилида прочла. Мы все у мисс Перрипикер его политическую трилогию читали. Ты с ней знаком?

Джо помотал головой.

— Знаешь...

— Что?

— Думаю, у меня для них есть сообщение — для тех, кто в зале совета.

— Правда?

— Потому я и направляюсь на Имперскую звезду. Мне надо передать сообщение, и по-моему, я чертовски близок к тому, чтобы его передать.

— А что это за сообщение?

Теперь Джо отпустил свои колени:

— Ты ведь не позаботилась сказать, кто ты такая. Пожалуй, я лучше придержу сообщение при себе, пока не доберусь до зала совета.

— Понятно,— девушка постаралась сделать довольный вид, но любопытство с боем прорвалось на ее лицо.

— Я вот что тебе скажу,— проговорил Джо почти с улыбкой.— Сообщение касается Ллл.

— Понятно,— повторила девушка, уже медленнее. Внезапно она опустилась на колени, склоняясь над гитарой.— Слушай, почему бы нам не заключить сделку? Без моей помощи ты в зал совета не попадешь...

— Почему?

— Никто не попадет. Великая радуга энергии, охраняющая зал, открывается только на двадцать восемь мозговых образов — про это ты лучше в своей книжке Эрэйнилида прочитай. Двадцать шесть образов уже внутри. Мой отец умирает, и я сомневаюсь, что его образ все еще распознаваем. Осталась только я. Я помогу тебе попасть в зал совета, если ты поможешь мне победить принца Нактора.

— Хорошо,— сказал Джо.— Годится. Это честно. Так какой род помощи тебе нужен?

— Точно не знаю,— ответила она, снова садясь.— Скажем, у тебя есть эта форма, так что ты можешь шнырять туда-сюда.

Джо кивнул и стал ждать продолжения.

Но девушка лишь пожала плечами. Затем вопросительно на него взглянула:

— Это уже что-то, разве нет?

— Ты хочешь сказать, что про остальное я должен сам догадаться? — осведомился Джо.— Ладно, попытаюсь. Какая помощь у тебя уже есть?

— У меня есть маленький компьютер. Он мне интерференционную картину дает.

— Возможно, я маленький,— вдруг донесся голос из-под того места, куда Джо бросил свою форму,— но я еще подрасту.

— Это еще что? — спросил Джо.

— Это Ком,— ответила девушка.— Он квазивездесущий...

— ...общелингвистический мультиплекс,— закончил Джо.— Да-да. Я уже одного встречал.— Тут он вдруг впервые сообразил, что беспорядочная батарея кристаллов представляет собой логические блоки. Но их было поразительно мало. Джо привык видеть их упорядоченными на шестидесятифутовой стене аппаратной.

— Спрятаться на линкоре — это его идея.

Джо кивнул и встал.

— Если все дружно возьмутся за дело,— сказал он,— возможно, мы его и сварганим. Хотя у меня такое чувство, что все выйдет крайне беспорядочно. К примеру, я вот что хотел спросить: к какой планете на орбите Имперской звезды мы направляемся?

Девушка очень удивилась.

— То есть, мы же не в саму звезду летим?

— Похоже, он и вправду не знает,— сказал Ком.— Тебе и впрямь не мешает Эрэйнилида почитать.

— Да, пожалуй, не знает,— согласилась девушка и прикусила костяшку пальца.— Я должна ему помочь?

— Давай лучше я.

— Ты хочешь сказать, люди в звезде живут? — вмешался Джо.

— Вообще-то люди могли бы там жить,— сказал Ком.— Температура поверхности Альфы Возничего, Капеллы, не более двух тысяч градусов Фаренгейта. Звезда довольно мутная, и было бы несложно изобрести рефрижераторную установку, чтобы снизить температуру до разумной...

— Но люди там не живут,— перебила девушка.— И на орбите Капеллы нет планет.

— Тогда где...

— Позволь мне. Пожалуйста,— попросил Ком.— Капелла не только самая большая звезда в галактике — в сотни раз больше Солнца по массе, в тысячи по размеру. Это не просто звезда...

— Это куда более комплексная...— опять перебила девушка.

— Мультиплексная,— уточнил Ком.— Веками Капелла была известна как затменная двойная звезда. На самом же деле там по

меньшей мере семь гигантских звезд — гигантских относительно Солнца,— проделывающих весьма запутанный, но тем не менее прекрасный танец друг вокруг друга.

— И вокруг одной точки,— сказала девушка.— Эта точка является центром Империи.

— Неподвижная точка,— подхватил Ком,— во вращающемся мире. Извините, это аллюзия. Там находится гравитационный центр этого колоссального мультиплекса материи. А также — центр власти Империи.

— Источник имперского могущества,— добавила девушка.

— Можешь ты представить себе невероятное напряжение времени и пространства, подчиненных этой точке? Там разделяются самые фибры реальности. Темпоральное настоящее объединяет там пространственное прошлое с возможным будущим, и все они полностью перемешиваются. Только самый что ни на есть мультиплекс разумов может отправиться туда и вернуться обратно по тому же пути, каким он туда попал. Туда всегда прибываешь в среду, а отбываешь в четверг сто лет назад и в тысяче световых лет оттуда.

— Это временной и пространственный провал,— объяснила девушка.— Посредством его контроля совет сохраняет свою власть. То есть, если ты можешь отправиться в будущее, чтобы посмотреть, что будет, то сперва иди в прошлое и убедись в том, что все происходит так, как тебе хочется, и тогда можно считать, что Вселенная более или менее у тебя в кармане.

— Более или менее,— повторил Джо.— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать,— ответила девушка.

— На два года младше меня,— сказал Джо.— И сколько раз ты проходила через провал у Имперской звезды?

— Ни разу,— удивленно отозвалась она.— Это вообще первый раз, когда от мисс Перрипикер уехала. Я об этом только читала.

Джо кивнул.

— Тогда ты вот что мне скажи...— он указал на батарею логических блоков:— этот Ком случайно не на разуме Ллл основан?

— Я скажу...— начал было Ком.

— Знаешь, а ты все-таки очень невежлив,— заявила девушка, выпрямляясь.— Какая тебе, собственно, разница?

— Никакой,— отозвался Джо.— Просто мне кажется, все это уже когда-то случалось. И еще мне кажется, что я должен очень многое вам рассказать.

— Что именно?

— О чем это он? — спросил Ком.

— Послушай,— сказал Джо.— На то, чтобы освободить Ллл, потребуется куда больше времени, чем тебе сейчас кажется. Тебе самой придется пережить невыносимую скорбь владелицы Ллл...

— Да я никогда не стала бы владеть...

— Стала бы,— грустно возразил Джо.— Ты будешь владеть столькими Ллл, сколькими никто никогда не владел. И пожалуй, это единственный способ, при помощи которого ты сможешь их освободить,— он покачал головой.— Грядет война, и многое из того, что ты считаешь прекрасным и необходимым, будет уничтожено.

— Война, говоришь? И с кем же?

Джо пожал плечами.

— Наверное, с принцем Нактором.

— Но даже если война, я бы не стала... Правда, Ком, ты же знаешь, я бы не стала...

— Будет убита масса людей. Экономика придет в такое состояние, что ты заодно с советом решишь, что покупка Ллл является единственным способом заново все отстроить. И ты это сделаешь. А потом тебе и совету придется нести чудовищную ношу скорби и кое-чего похуже. Но через долгое время после того, когда произойдет то, о чем я рассказываю, ты столкнешься с одним парнишкой,— Джо взглянул на свое отражение в стеклянной стене.— Я хотел было сказать, что он очень похож на меня. Но он не похож. По крайней мере, не очень похож. Что касается его глаз, то у него нет этой стеклянной штуковины на месте правого. Что касается его рук, то у него будут когти на левой. Он будет гораздо смуглее, потому что проводит на открытом воздухе куда больше времени, чем я в последнее время. Хотя волосы его будут такими же светлыми, как мои, они будут намного длиннее и в жутком беспорядке...— Внезапно Джо сунул руку в сумку и стал там рыться.:— Вот. Храни это, пока его не встретишь. А потом отдай ему,— он протянул девушке красную расческу.

— Хорошо, я ее сохраню,— пообещала девушка, явно озадаченная. Затем она повертела расческу в руках.— Если его речь совсем убогая, я смогу дать ему уроки дикции на интерлинге. По части дикции у мисс Перрипикер был настоящий пунктик.

— Я знаю, что сможешь,— сказал Джо.— Запомни меня, и когда он тебе попадется, постарайся сделать его как можно больше на меня похожим. А еще ты сможешь вот как его узнать,— он указал на Дьяка.— В качестве любимца у него будет почти такой же. Он будет держать путь на Имперскую звезду, как и мы сейчас, но ты к тому времени будешь направляться совсем в другое место. Он должен будет передать сообщение, но он не будет знать, в чем оно заключается. Он будет очень неуверен в себе и не сможет понять, как ты оказалась способна заставить себя владеть такими невероятными существами, как Ллл.

— Да я и сама не понимаю, как...

— К тому времени поймешь,— заверил ее Джо.— Поддержи его. Скажи ему, что он узнает, в чем заключается его сообщение

к тому времени, как придет пора его передать. Он очень ненадежный парнишка.

— Из твоих слов следует, что он не выглядит очень симпатичным.

Джо пожал плечами.

— Возможно, к тому времени диапазон твоей чувствительности расширится. Что-то такое в нем определенно будет...

— А знаешь,— вдруг выговорила девушка, поднимая глаза от расчески,— по-моему, ты очень красивый парнишка.— Затем удивление и скромность возобладали над ее улыбкой.

Джо расхохотался.

— Я не хотела... Прости, если я сказала что-то...

— Нет! — Джо повалился на спину.— Нет, это просто класс! — Он задрыгал ногами в воздухе.— Все в полном порядке! — Наконец он вернулся в сидячее положение. И перестал хохотать.

Девушка смущенно теребила складки своей юбки.

— Я не хотел над тобой смеяться,— извинился Джо.

— Дело не в этом.

Он подался вперед.

— Тогда скажи, в чем дело.

— Это просто... понимаешь, с тех пор, как я покинула мисс Перрипикер, со мной все время случались поразительные вещи. И все, с кем я сталкивалась, похоже, до волдуя больше моего знали про то, куда я направляюсь и что делаю.

— До волдуя?

— Ах, ну надо же. Я и этого говорить не хотела. Мисс Перрипикер наверняка бы удар хватил.

— Жлуп... да что это еще за волдуй?

Она захихикала и невольно понизила голос, подаваясь к нему:

— Это то, что все девочки у мисс Перрипикер подбирают!

Джо кивнул.

— В целом понятно. Ты ведь не так давно мультиплексна, да?

— Да. А он,— девушка указала на Кома,— всего несколько недель назад звался Кос. Симплекс, а не мультиплекс.

— На самом деле,— отреагировал Ком,— все ему рассказывать вовсе не обязательно.

— Все в порядке,— сказал Джо.— Я понимаю.

— У меня за это время столько приключений было. И все так удивительно получалось.

— Каких именно приключений? — спросил Джо.— Расскажи.

— Последнее вышло на корабле, где я была до этого. Там не нужно было прятаться. И там был один челночник, которому я давала уроки интерлинга. Выяснилось, что он написал потрясающие стихи. Мне кажется, они полностью изменили мою жизнь... знаю, звучит очень театрально, и думаю, ты не поймешь, как они ее изменили. Так или иначе, он представил меня Кому. Ком был

его другом, прежде чем стал Комом. Ком говорит, что идея спрятаться на линкоре тоже исходила от того челночника. Наверное, за тем мальчиком тоже когда-то гонялись военные, и он...

— Ни Тай уже это проделывал?

— Откуда ты знаешь его имя?

— Я знаю его стихи,— ответил Джо.— И понимаю, как они изменили твою жизнь. Он дает тебе понять, какая часть жизни твоя, а какая принадлежит истории.

— Да. Именно это меня и осенило!

Девушка обхватила руками колени.

— А если ты имперская принцесса, то так много принадлежит истории, что тебе самой почти ничего не остается.

— Порой даже если ты не принцесса:— Джо сунул руку в сумку и достал окарину.— Давай поиграем.

— Хорошо,— согласилась она и взяла гитару. Они заиграли негромкую восходящую мелодию. За стеклянной стеной мимо проносилась ночь. Эта ночь с таким же успехом могла быть неподвижной и слушать, как парень и девушка занимаются музыкой, а корабль идет вперед.

— Ты так на меня смотришь,— наконец сказала девушка,— как будто все-все про меня знаешь. Ты читаешь мои мысли?

Джо покачал головой.

— Просто симплекс, комплекс и мультиплекс.

— Ты и говоришь так, будто знаешь.

— Я знаю, что вон тот Ком базирован на сознании Мюэльса Эрэйнилида.

Девушка повернулась к Кому.

— Ком... ты мне не сказал!

— Я сам не знал. Ни Тай мне не сказал. Он просто сказал, что я базирован на разуме Ллл. Но не сказал, какого именно Ллл.

— А ты Сан-Северина.

Девушка круто развернулась назад:

— Но раньше ты говорил, что не знаешь...

— А теперь говорю, что знаю.

— Пока время идет,— констатировал Ком,— люди учатся. И в этом единственная надежда.

Сквозь стену линкора во мраке уже проглядывали пылающие громады мультиплексной системы Имперской звезды.

Сан-Северина подошла к стене и прижалась щекой к стеклу.

— Джо, а ты, случайно, не проходил через временной провал у Имперской звезды? Быть может, ты потому так много знаешь о будущем?

— Нет. А вот тебе предстоит.

Девушка подняла голову, и глаза ее расширились от страха.

— Но ведь ты пойдешь со мной, правда? Мне так страшно идти одной!

Она тронула его за плечо:

— Джо, а ты знаешь, победим мы или проиграем?

— Я только знаю, что, победим мы или проиграем, на это уйдет куда больше времени, чем нам кажется.

Ее рука скользнула вниз и схватила его ладонь.

— Но ты мне поможешь! Ведь поможешь?

Джо поднял руки и положил ей на плечи. Сан-Северина сделала то же самое.

— Я помогу тебе,— заверил он девушку. Имперская звезда стала еще ближе.— Конечно, Сан-Северина, я тебе помогу. Как я могу не помочь после всего, что ты для меня сделала?

— А что я для тебя сделала? — спросила она, снова не на шутку озадаченная.

— Тсс,— шепнул Джо и приложил палец к ее губам.— Если ты задаешь вопросы, на которые никто не может ответить, тебе просто нужно подождать и посмотреть самой.

Дьяк захихикал во сне, а Ком тактично откашлялся. Они снова повернулись посмотреть на Имперскую звезду, и я тоже выглянул из защитной впадины кости и плоти, и увидел гораздо дальше. Я — Самоцвет.

XV

Мультиплексный читатель к настоящему моменту уже обнаружил, что вся эта история намного, намного длиннее, чем казалось, что она циклическая и саморазъясняющая. Мне пришлось очень многое выпустить, просто упорядочьте ваши восприятия мультиплексно, и вы не пропустите лакуны.

«Совсем никакого конца!» — слышу я один комплексный голос.

Несправедливо. Взгляните на вторую страницу. Там я сказал вам, что конец все-таки был, и что я, Дьяк и окарина до самого этого конца оставались с Джо.

Кусочек для мозаики?

Вот, пожалуйста. Конец наступает через некоторое время после того, как Сан-Северина (после множество проходов через провал), лысая, морщинистая, раненная, излеченная и состарившаяся на сотню лет, получила дозволение сдать свою верховную власть, а вместе с ней свое имя и бóльшую часть самых мучительных воспоминаний. Тогда она взяла себе в сотоварищи 3-пса, приняла имя Чароны и удалилась на спутник под названием Рис, где от нее пятьсот лет не требовалось ничего более обременительного, чем сторожить ворота транспортной зоны и проявлять доброту к детишкам, что вполне соответствовало ее возрасту.

Еще кусочек? «Волдуй» — это вода, которую на рассвете капля за каплей собирают с листьев лилиевидных папоротников девочки из «Пансиона благородных девиц мисс Перрипикер».

О, я мог бы изложить вам новости хорошие и скверные, поведать об успехах и поражениях. Принц Нактор развязал войну, которая выжгла восемь миров, уничтожила пятьдесят две цивилизации и тридцать две тысячи триста пятьдесят семь полных и самостоятельных этических систем. Это малое поражение. А вот великая победа: в самом конце цепочки обстоятельств, которую я оставляю вам вывести, принц Нактор, обезумевший от страха, сплошь в липком поту, безлунной полночью бежал через джунгли Центрального парка на Земле, когда Дьяк с широким зевком появился из-за кучки деревьев и совершенно случайно на него наступил — а надо сказать, к тому времени Дьяк уже достиг своего взрослого размера в пятьдесят футов.

Я уже рассказал вам, как Сан-Северина, старая, лысая и принявшая имя Чароны, впервые кое-что объяснила про симплекс, комплекс и мультиплекс мальчугану по кличке Комета Джо под сооружением, именуемым Бруклинским мостом, в мире, именуемом Рисом. С таким же успехом я мог бы рассказать вам, как Джо, такой же старый, морщинистый и с некоторых пор именуемый Норном, впервые обучил Сан-Северину песне, которую они вместе играли в заброшенном отсеке линкора в мире, пока что в этой истории не названном — под местом, именуемым Бруклинским мостом.

Я мог бы рассказать вам, как на церемонии окончательного освобождения Ллл, когда толпа смолкла перед прекрасной музыкой, мужчина по имени Рон, который некогда юным челночником пел для Ллл — слезы и тогда, и теперь дрожали в уголках его глаз, а горло сжималось от эмоций,— как этот мужчина повернулся к стоявшему рядом с ним в колоссальном людском скоплении Ллл и прошептал, имея в виду не только растущее внимание толпы, невероятный эффект песни, но также и разрушительную кульминацию, которую представляло собой освобождение: «Видел ты когда-нибудь что-то подобное?»

Ллл промолчал, зато стоявший рядом с ним восточный юноша с шокирующей, едва сдерживаемой яростью откликнулся: «Ага. Я видел!» Затем он бросил Ллл: «Пошли, Мюэльс, пора отсюда выбираться»,— и Ллл с юношей принялись прокладывать себе дорогу к краю толпы, чтобы начать путешествие не менее невероятное, чем то, которое я описал,— а Рон остался стоять с разинутым ртом, недоверчиво глазея на столь откровенное святотатство.

Радостное поражение: это когда принц Нактор сжег тело Джо на затянутых льдом равнинах планеты, что кружила возле Тан-

тамаунта. Радостное, ибо оно освободило Джо для использования множества других тел, других имен.

Трагическая победа: это когда всего за несколько часов до инцидента с Дьяком в Центральном парке Ком уничтожил разум принца Нактора, всей своей чудовищной массой — в несколько раз большей, чем у того Кома, которого мы видели,— врезавшись в Геодезическую исследовательскую станцию, где, глубоко внутри, принц Нактор тайно хранил свой мозг в яйце из слоновой кости, наполненном питательным раствором. Трагическая, ибо в результате этой коллизии Ком также был уничтожен.

Еще могу изложить вам самый конец, происходящий одновременно с самым началом, когда в итоге некто и впрямь пришел освободить Ллл, и Комета Джо — к тому времени все еще именуемый Норном,— Ки, Марбика и я несли сообщение от созвездия Золотой Рыбы к Имперской звезде в органиформе, но тут капсулообразующий механизм вышел из строя, и мы лишились управления. Пока остальные бились за спасение корабля, я ненадолго отвернулся и увидел, что Норн стоит впереди и глазеет на сверкающее солнце, навстречу которому мы неслись. Потом он рассмеялся.

Силясь вернуть нас обратно на курс, я гневно вопросил:

— И что тут смешного?

Не отворачиваясь от солнца, Норн сухо покачал головой.

— Скажи, Самоцвет, ты стихи Ни Тай Ли когда-нибудь читал?

Как я уже сказал, это было в самом начале, и я их еще не читал. Тогда я еще и кристаллизован не был.

— Нашел время литературу обсуждать! — крикнул я, хотя вплоть до самой поломки он часами терпеливо выслушивал детальные описания книги, которую я собирался написать.

Ки подплыл из протоплазмы:

— По-моему, тут уже ничего не поделать.— Свет, пробивавшийся сквозь зеленоватый студень, мерцал на его искаженном от страха лице.

Я оглянулся на Норна, который по-прежнему не двигался, пока светлое пятно разрасталось во мраке.

— Это спутник,— крикнул из внутренней темноты Марбика.— Может, аварийная посадка удастся...

Она удалась.

В месте под названием Рис, где не было ничего, кроме монопродуктного симплексного общества с транспортной зоной.

Они погибли. Я остался один, а поскольку Норн сумел передать сообщение кому-то, кто понес его дальше, я отправился проследить, чтобы оно было передано...

Или эту часть истории я вам уже рассказывал?

Сомневаюсь.

В этой безбрежной мультиплексной Вселенной почти столько же миров под названием Рис, сколько и мест под названием Бруклинский мост. Это начало. Это конец. Оставляю вам задачу упорядочивания ваших восприятий и одоления пути от одного к другому.

СТЕКЛЯШКИ

СТЕКЛЯШКИ

Старику и морю

Глава первая

Иногда я хожу гулять к пристани, размахивая парализованной рукой и поднимая песчаную пыль протезом, пристегнутым к бедру. Потею я во время таких прогулок страшно, а потом пью со старыми шлюхами в прибрежном подвальчике. В такие дни меня гложет печаль. Я чувствую себя разбитым, а если и смеюсь, то громко, с надрывом.

Треть моего лица сожжена во время аварии... Мне еще потом персаживали кожу на груди. Из-за изуродованной нижней челюсти я, если говорю громко, страшно картавлю. Хирурги не особенно старались, когда латали меня. Еще должен признаться, у меня волосатая грудь, похожая на кусок медвежьей шкуры. А борода на правой щеке начинает расти сразу под глазом. Она у меня рыжая, на шее вьется, на груди волос бурый. Кончики ушей загорели и по цвету как бронза, хотя кожа у меня светлая.

Причина моих прогулок (если так можно назвать эти походы) — желание покрасоваться, устроить отвратительное представление, а потом разобидеться на весь мир. Но большую часть времени я провожу на природе или в домике, который Подводная Корпорация выделила мне вместе с пенсией. Коврики у меня турецкие, кастрюли — медные. Есть еще книги и магнитофон, хотя я давным-давно его не включал...

Часто по утрам поднимается золотистый туман, и я спускаюсь на берег, брожу босиком вдоль прибоя в поисках стекляшек — осколков бутылок, обточенных морем.

* * *

В то утро поднялся туман, и солнце напоминало медную монету. Я бродил среди скал, любовался заливом. Там, в пене прибоя, нежилась девушка.

Моргнув, я пропустил момент, когда она неожиданно села. Длинные прорези жабр на ее шее закрылись и остались видны лишь кончики щелей на спине, чуть повыше лопаток. Остальное скрыли волосы — копна мокрой вьющейся меди.

— Что ты тут делаешь, а? — спросила девушка, прищурив голубые глазки.

— Ищу стекляшки.

— Что?

— Осколки стекла, обточенные морем. Вон смотри!

Я пальцем ткнул в ее сторону, а потом боком, словно краб, спустился к самой воде, приволакивая негнущуюся ногу.

— Где ты их увидел? — завертела головой незнакомка, наполовину высунувшись из воды. Ее перепончатые пальцы подцепили горсть черных камешков.

Холодная вода омыла мне ноги, когда я наклонился и поднял стекляшку молочного цвета, лежавшую возле ее локтя. Девушка ведь и не взглянула туда. Она встрепенулась. Наверное, решила, что я замыслил что-то недоброе.

— Теперь видишь?

— Что... что это? — Она вытянула холодную руку. На мгновение молочную «драгоценность» и мою перепончатую лапу накрыла ее ладошка. (Да, да! Все так и было. Такие мгновения кажутся удивительными, а потом мы долго-долго с болью в сердце вспоминаем их.) Она тут же отдернула руку.

— Стекляшка,— сказал я.— Ты знаешь, что все бутылки из-под кока-колы, винные бутылки и стеклянные банки выбрасывают в море?

— Я видела только бутылки кока-колы.

— Волны разбивают их о камни. Течения мотают осколки по песчаному дну, стачивая углы, изменяя форму. Иногда происходят химические реакции, и стекло теряет цвет. А другой раз на стекле проступают прожилки, и кажется, что к нему прилипли снежинки. Некоторые стекляшки вода обтачивает, и они напоминают кораллы. Когда же они высыхают, то становятся мутными, матовыми. Положи их в воду, и произойдет чудо.

— Ого! — Незнакомка вздохнула так, словно грубый треугольный обломок на моей ладони был настоящей драгоценностью.

Потом девушка посмотрела мне в глаза, моргнула слезящимися глазами. (Мы, амфибии, лучше видим под водой.)

А потом нерешительно протянула руку к тому месту на моей ноге, где начинались перепонки. Кто я такой — вот что она хотела узнать. Выглядел-то я ужасно, но в ее сердце мой отвратительный лик вызывал лишь печаль.

Ее значок (грудь девушки слегка вибрировала, как всегда в первые минуты, когда после долгого пребывания под водой вновь начинаешь дышать легкими) сказал мне, что она — техник-биолог. У меня дома тоже хранится форма из искусственной чешуи. Она лежит на дне сундука с бельем. Но у меня значок глубоководника... Однако я не ношу форму и обычно гуляю в очень потертых джинсах и красной рубахе без кнопок.

Девушка дотянулась до моей шеи, отогнула воротник рубахи и коснулась жаберных щелей, провела по ним холодными пальцами.

— Кто ты?

Наконец-то она решилась спросить меня об этом!

— Кэйл Свенсон.

Незнакомка отшатнулась.

— Ты тот, кто ужасно... Мы помним про тебя...— Она замолчала.

Когда вода коснулась стекляшки, обломок засверкал точно так же, как при моем имени трепетали души и чувства тех, кто хоть раз в жизни выходил в море. Согласно последним данным, ныне в Морском Дивизионе насчитывалось семьсот пятьдесят тысяч человек. Всем им имплантировали жабры и перепонки, а потом отправили на глубину, где нет штормов; расселили вдоль побережий континентов.

— Ты живешь на берегу? Где-то неподалеку? Но раньше...

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Я был на два года старше тебя, когда все это случилось.

— Тебе тогда было восемнадцать?

— А теперь в два раза больше... Нет... Пожалуй, это случилось лет двадцать назад... Давным-давно.

— Люди до сих пор помнят о том извержении.

— А я почти все забыл. В самом деле... Скажи, ты любишь музыку?

— Ага.

— Отлично! Пойдем ко мне, послушаешь записи. Я заварю чай. Посидим до обеда...

— В три я должна доложиться в Штабе. Тарк будет инструктировать Джонни и его бригаду, как прокладывать кабель на большой глубине.— Девушка улыбнулась.— Но я могу поймать отлив и добраться туда за полчаса. Значит, мне надо уплыть в два тридцать.

По дороге к моей хижине я узнал, что зовут ее Ариэль. Она решила, что мой дворик очарователен, а мозаика восхитительна. «Ох, посмотри-ка!» и «Ты это сам сделал?». Она повторила эти фразы раз десять, не меньше. (Мозаикой я занимался в первые годы одиночества.) Особенно понравились ей моряки, сражающиеся с китом, и ныряльщик с раненой акулой. Девушка объяснила, что у нее нет времени читать, но книгами, к которым я собрал эти мозаики-картинки, она восхищалась. Долго слушала она мои рассказы. Еще Ариэль много говорила о своей работе, о приручении и использовании глубоководных существ. Потом она сидела на кухне, крутила записи Ennio Morricone. А я уложил два десятка устриц на поддон с солью. К тому времени и чайник засвистел...

Я ведь одинокий калека. Мне редко удается поболтать с красивыми молоденькими девушками...

— Эй, Джуао! — заорал я через весь мол.

Он кивнул мне из-за своих сетей. Солнце сверкало на его коже, а волосы казались матовыми.

Через лабиринт сетей я пробрался туда, где, словно паук посреди паутины, сидел Джуао. Не отрываясь от работы, он улыбнулся мне. Мозаика, а не улыбка: золотой зуб, белый, черная брешь, желтая кость и снова белый зуб, золотой, белый. Выставив вперед протез, я присел рядом с рыбаком.

— Сегодня я ловил за коралловым рифом, там, где ты говорил,— Джуао снова широко улыбнулся.— Пойдешь ко мне выпить, а?

— Конечно.

— Подожди... Мне осталось работы на пару минут...

Такие рыбаки неопределенного возраста есть в каждой прибрежной деревне. С виду им лет шестьдесят, а на самом деле — сорок. И точно так же они будут выглядеть в восемьдесят. Таков и Джуао... Как-то мы сели считать, сколько же ему лет. Оказалось, он всего на семь часов старше меня.

Мы стали друзьями еще до того, как меня искалечило. Я прокладывал высоковольтную линию и запутал ему сети. Большинство парней на моем месте взяли бы нож и с легкостью выпутались бы, погубив сети ценой в пятьдесят пять, а то и в шестьдесят долларов. Но ведь это месячный заработок рыбака! Так что я не стал попусту махать ножом, а всплыл на поверхность и долго сидел в лодке Джуао, пока он меня распутывал. Потом мы вытащили сеть на берег и залатали. С тех пор я помогаю Джуао ловить рыбу, указываю нужные места. А он расплачивается выпивкой.

Вот мы и дружим уже лет двадцать. За это время меня постигло большое несчастье, и я оказался «списанным на берег», а Джуао выдал замуж пять своих сестер, женился сам и завел двух детей. (Ах, эти bolitos и teneror asados, которые Амалия, жена Джуао, дама с масленистой косой и вечно болтающимися грудями, делала по воскреньям на обед и ужин! Иногда их хватало и на завтрак в понедельник.) Вместе с Джуао и его женой я летал на вертолете в город, и там, в больнице, мы с Джуао были вместе. Босиком. Тогда он стоял и вычесывал рыбную чешую из своих волос. Мы оба ее вычесывали. Потом я держал его, а он плакал. Я пытался объяснить ему, почему врачи, которые могли за неделю превратить ребенка в амфибию — существо, месяцами живущее под пенной гладью моря — оказались бессильны перед раком щитовидной железы с обильными метастазами... Джуао и я вернулись в деревню вдвоем за три дня до нашего дня рождения...

Все это случилось, когда мне исполнилось двадцать три, точно так же, как Джуао. Только он был старше меня на семь часов...

* * *

— Хочу, чтобы ты прочитал письмо,— сказал Джуао. (Челнок танцевал в паутине сетей на конце оранжевой нити.) — Ответ относительно моих детей... Пойдем ко мне, выпьем.— Челнок остановился, дважды дернулся и мой приятель покрепче затянул узел.

Оставив позади сети, море и причал мы вышли на площадь.

— Как думаешь, в письме положительный ответ?

— Оно из Подводной Корпорации. Обычно, когда они кому-то отказывают, то посылают открытку... А ты как считаешь, они согласились?

— Ты хороший человек, Кэйл. Если мои дети, как и ты, станут жить под водой, я буду счастлив.

— Но ты сильно беспокоишься.

Это я подсказал Джуао пристроить детей в Международную Подводную Корпорацию. Мне не безразлична их судьба, ведь я их крестный отец. Операции по вживлению жабр проводятся незадолго до наступления половой зрелости. Молодым людям — юношам и девушкам во время адаптационного периода приходится долго жить вдали от дома. А потом амфибии могут выбрать любой океан в мире... Воспитывать двух детей не очень-то легко для Джуао и его сестер. А Корпорация помогает получить образование. Молодых людей ждут путешествия, интересная работа, то, что мы называем хорошей жизнью. Они не будут выглядить вдвое старше, когда им исполнится тридцать пять. Ведь не многим амфибиям уготована судьба, похожая на мою...

— Я волнуюсь. Ведь работать под водой опасно... Знаешь, они опять хотят попытаться проложить кабель через Разлом.

Я нахмурился.

— Снова?

— Да. Ведь тебя обожгло и искалечило, когда ты занимался именно этим...

— Раскажи подробнее,— попросил я.— Кто на этот раз хочет сунуть голову в пасть тигру?

— Руководит работами молодой человек по имени Тарк. Несмотря на возраст, он уже известен в доках своей храбростью.

— Почему они снова хотят попытаться проложить там кабель? До этого они спокойно жили без силовой линии через Разлом.

— Все из-за рыбы,— ответил мне Джуао.— Ты же сам мне объяснял лет двадцать назад. Рыба не любит подводные линии электропередач и уходит на глубину. С каждым годом у нас уловы все меньше и меньше... Если моим детям сделают операцию, то станет меньше рыбаков...— Тут он пожал плечами.— Ты ведь знаешь, Корпорация плевала на нас. Они могут проложить линии энергопередач по местам лова, а не через Разлом...

Огромные силовые кабели Подводной Корпорации прокладывали по дну океана, чтобы подавать питание на подводные шахты, фермы и нефтяные вышки (то, что нефти там много, я испытал на собственной шкуре). Энергия требовалась пастухам китовых стад и химическим заводам. Линии высоковольтных передач породили двести шестьдесят новых течений. Они возникли над теми участками океанского дна, где вода содержит большой процент минеральных отложений. Наверное, вы получили бы Нобелевскую премию, если бы объяснили, почему это происходит... Так вот, течения отогнали рыбу в более глубоководные районы, на дно подводных каньонов.

— Тарк думает о рыбаках. Больше силовых линий — меньше рыбы. Он хороший человек.

Я в удивлении поднял брови. Ну уж левую точно... И попытался вспомнить, что маленькая ундина говорила мне сегодня утром о Тарке. А вспоминать-то особо было нечего.

— Пусть ему повезет больше, чем мне,— сказал я.

— Интересно, а что ты думаешь о молодом человеке, решившем спуститься в пасть Разлома?

На мгновение я задумался.

— Я его ненавижу.

Джуао удивленно взглянул на меня.

— Он — мое отражение. Когда-то я был таким же.— Я замолчал, а потом продолжил: — Завидую... У него есть шанс, который я упустил... Надеюсь, он совершит задуманное.

Джуао пожал плечами, дернувшись всем телом. Характерный жест рыбаков. Когда-то и я мог так делать.

— Не знаю, как у них пойдут дела, но, судя по всему, они серьезно взялись за дело...

— Море... Оно всех рассудит,— пробормотал я.

— Да,— кивнул Джуао.

Позади по бетону зашлепали сандалии. Я повернулся как раз вовремя, чтобы подхватить здоровой рукой свою крестницу. Мой крестный сын ухватился за мою парализованную руку и повис на ней.

— Дядюшка Кэйл!..

— Дядюшка Кэйл, что ты нам принес?

— Вы сейчас повалите его! — прикрикнул на детей Джуао.— Ну-ка отпустите!

Видит Бог, они и внимания не обратили на слова своего папочки.

— Что ты нам принес?

— Что ты нам принес, дядюшка Кэйл?

— Если отпустите меня, я вам покажу.

Они отступили. Зеленоглазые. Дрожащие от предвкушения. Я украдкой взглянул на Джуао: карие зрачки на белках слоновой кости. В правом глазу лопнул сосудик... Он любил своих детей.

Но скоро они станут ему чужими, как рыбы, которых он ловил. Видя, в какую ужасную тварь превратился я, он, бедняга, наверное, пытается представить, во что превратятся его дети.

Я, например, не мог без боли в сердце смотреть на то, как резко увеличивается население; как, словно почки, распускаются колонии на Луне, Марсе и на дне земного океана. Амфибии ведь порой ведут себя так, словно разрушили все культурные связи с прибрежными рыбацкими деревушками. Я-то это отлично знаю...

Я полез в карман и выудил мутную стекляшку, которую подобрал на побережье.

— Гляньте-ка. Вы такого не видели.

И дети потянулись к моей перепончатой, нечеловеческой руке.

* * *

В супермаркете — самом большом здании деревни — Джуао купил сласти к чаю.

— Я мягкое и нежное, вкуснее шоколада,— шептала каждая коробка печенья, когда вы снимали ее с полки.

Как раз на прошлой неделе я читал статью о новой, говорящей упаковке в одном из американских журналов. Поэтому я был готов к такому обороту и предпочел торчать в овощном отделе. Потом мы пришли в дом Джуао. Письмо оказалось точно таким, как я ожидал. Детей нужно было завтра утром посадить на автобус, уходящий в город. Мои крестники уже вступили на путь, в конце которого превратятся в «рыб»...

Убрав письмо, мы (я с Джуао) уселись на крыльце. Мы пили и смотрели на ослов и мотоциклы, мужчин в мешковатых штанах, женщин в желтых шарфах и ярких рубахах с гирляндами чеснока. Мимо нас прошло несколько амфибий в сверкающей форме из зеленой чешуи.

Наконец Джуао сказался усталым и ушел подремать.

Большая часть моей жизни прошла на побережье стран, где люди привыкли к полуденному отдыху. А я первые десять лет своей жизни, когда формировались все мои привычки, провел на датской корпоративной ферме и до сих пор не мог заставить себя спать днем... Так что я перешагнул через свою крестницу (она уснула на нижней ступеньке крыльца, подложив под голову кулачок) и пошел через деревню назад, к побережью.

Глава третья

В полночь Ариэль вышла из моря. Она поднялась на скалы и забарабанила ногтями в стеклянную стену моего домика. Словно дождевые капли застучали по стеклу...

В тот вечер я устроился у камина. Собирался почитать, но задремал. Мой домашний компьютер поинтересовался, хочу ли я чего-нибудь, и, не получив ответа, выключил Dvorjak Cello Concerto, притушил свет лампы ночника для чтения, перестал подбрасывать дрова в камин. Когда меня разбудила Ариэль, за каминной решеткой были одни угли.

Но голову от подушки я оторвал, только когда она постучала во второй раз. Зеленая форма, янтарные волосы — все цвета погибли в серебристом свете луны. Я потянулся к выключателю, нажал кнопку, и стеклянная стена ушла в пол. В лицо мне ударил ветер.

— Чего тебе нужно? — спросил я.— Неужели нельзя выбрать другое время для визитов?

— Тарк на берегу. Он ждет тебя.

Ночь выдалась теплой, но ветреной. По морю к берегу неслись хребты волн, увенчанные белыми барашками пены.

Я протер глаза.

— Это тот, самый главный? Почему ты не привела его ко мне? Зачем он хочет увидеть меня?

Девушка коснулась моей руки.

— Пойдем. Они все внизу на берегу.

— Кто это «все»?

— Тарк и остальные.

Ариэль потащила меня через внутренний дворик к дорожке, ведущей на пляж. Залитое лунным светом море стонало. Внизу на берегу у ревущего на ветру костра столпились люди. Девушка направилась к ним.

Два рыбака сидели на перевернутом корыте и жались друг к дружке. Они играли на гитарах. Их пение — грубое, ритмическое, режущее слух — разносилось над белеющим в ночи пляжем. Ожерелье из акульих зубов сверкало на шее танцовщицы. Остальные сидели на перевернутом ялике и ели.

На костре с краю стояла кастрюля с большой ручкой. Там между розовыми островами креветок пенилось масло. Одна женщина опускала сырые креветки в кастрюлю, другая вылавливала сварившиеся.

— Дядюшка Кэйл!

— Смотрите, дядюшка Кэйл!

— Вы что тут делаете? — удивился я, поворачиваясь к крестникам.— Разве вы не должны сейчас лежать дома в кроватках?

— Папочка сказал, что мы можем прийти сюда. Он тоже скоро будет здесь.

Я повернулся к Ариэль:

— В честь чего такой праздник?

— Завтра на заре мы отправимся в Разлом.

Кто-то промчался по песку, размахивая бутылками.

— Они не хотели тебе рассказывать, не хотели задеть твою гордость.

— Мою что?

— Ну, ведь они хотят сделать то, чего ты...

— Но...

— ...к тому же тебя тогда искалечило. Они не хотели тебя расстраивать. Но Тарк все-таки решил повидаться с тобой. Я подумала, что ты не расстроишься. Поэтому и привела тебя на берег.

— Спасибо.

— Дядюшка Кэйл?

Этот голос был грубее и глубже, чем детские голоса моих крестников.

Позвавший меня человек сидел на бревне спиной к костру и ел сладкую картошку. Отблески пламени играли на темных скулах и влажных волосах. Он встал, подошел ко мне, поднял руку. Я тоже поднял руку. И мы хлопнули друг друга по ладони.

— Здорово,— улыбнулся юноша.— Ариэль сказала, что ты придешь. Завтра мы собираемся проложить силовой кабель через Разлом.

Чешуйки на рукавах формы Тарка поблескивали. Он казался очень сильным. А держался спокойно.

— Я...— Тут он замолчал. Мне показалось, что он похож на счастливого танцора, удачно исполнившего свой номер.— Я хотел поговорить с вами о Разломе.

А я думал, он заговорит об острых кораллах и об акулах.

— И о... той аварии... Если вы согласитесь.

— Конечно,— ответил я.— Если это хоть чем-то поможет тебе.

— Видишь, Тарк! Я же говорила, что он согласится,— выпалила Ариэль.

Я слышал, как изменилось дыхание юноши.

— Вы и в самом деле не обидетесь, если я попрошу рассказать о том несчастном случае?

Я покачал головой и только тут понял, что с голосом Тарка. Подводный герой был мальчишкой, голос его ломался... Ему еще не исполнилось и девятнадцати.

— Скоро мы отправимся ловить рыбу,— продолжал Тарк.— Пойдете с нами?

— Если дойду.

* * *

Бутылка пошла по кругу. От женщины у кастрюли с креветками она попала к одному из гитаристов, потом к Ариэль и, наконец, ко мне. Я передал ее Тарку.

Мы пили ром. Этот напиток делали в семи милях от берега, в пещере. Из-за затвердевшей кожи в левом уголке рта мне

трудно пить из горлышка. Ром струйкой побежал по подбородку.

Тарк выпил, вытер рот и положил руку мне на плечо.

— Отойдем к воде.

Мы отошли от костра. Несколько рыбаков последовало за нами. А амфибии посмотрели в нашу сторону и отвели взгляды.

— Все дети в деревне называют вас дядюшкой Кэйлом?

— Нет. Только мои крестники. Я познакомился с их отцом, когда был в твоем возрасте.

— А я думал, все вас так зовут. Извини.

Мы добрались до влажного песка. Оранжевые блики играли на нашей коже. Из песка торчал залитый лунным светом остов разбитой лодки. Тарк присел на его край. Я сел рядом. Вода доходила нам до колен.

— Неужели силовой кабель нельзя проложить в другом месте? — спросил я.— Обязательно лезть в Разлом?

— Я хотел спросить, что вы думаете обо этом предприятии. Но теперь вижу, не стоит.— Юноша поежился.— Появляется все больше проектов относительно этой части океана. Нам нужны новые мощности. Старые линии страшно перегружены. В конце июня в Кайне из-за перегрузки случилась авария, отключилось освещение. Весь поселок два дня оставался без света, и двенадцать амфибий умерло от переохлаждения, задержавшись в холодных течениях. А если мы проложим кабели через Разлом, то и рыбакам не навредим.

Я кивнул.

— Так что же случилось с вами в Разломе?

Я молчал.

Нетерпеливый, испуганный Тарк. Вначале мне вспомнилась не сама трагедия, а ночь накануне, прогулка по берегу, парни, при виде амфии сжимающие кулаки от страха и неприязни... Несколько индейцев вернулись из пещеры, где по сей день гнали крепкий напиток. Мы общались с ними на языке жестов... А в тот далекий вечер один из них задел какую-то живую струну в моей душе (как Тарк этим вечером), и мы долго обсуждали свои гороскопы.

Мать Джуао знала язык знаков, но ни он, ни его сестры не изучили его, потому что хотели быть современными. Они, как все дети, смущались своего невежества.

— Когда я был мальчиком, мы отваживались бродить по бревнам лесосплава. Помню, стояла жара. Бревна крепкие, как скалы. Если вода раздвинет их, а ты соскользнешь в щель, то бревна могут сомкнуться и раздавить тебя.— Тарк покачал головой.— Порой дети делают совершенно безумные вещи... В ту пору мне было лет восемь-девять. Это еще до того, как я стал подводным мальчиком.

— Откуда ты?

Тарк поднял голову.

— С Манилы. Я — филиппинец.

Море лизало наши колени, планшир покачивался под нашим весом.

— Что случилось тогда в Разломе?

— Внизу, в Разломе, много вулканов...

— Я знаю.

— И море там чувствительное, как женщина, сделавшая новую прическу. Мы вызвали обвал. Кабель лопнул. Закоротило. Разряд ударил в землю и началось извержение. Лава была такой горячей, что вода в море вскипела, вспенилась футов на пятьдесят. Так говорят очевидцы.

— Отчего случился обвал?

Я пожал плечами.

— Бог знает. Скалы обрушились. Может, все дело в шуме машин... хотя мы старались работать осторожно. Может, виной всему один из кабелей питания. А может, кто-то задел не тот камень...

Мой собеседник сжал кулак правой руки левой, потом отпустил его, попытался расслабиться.

Кто-то позвал:

— Кэйл!

Я поднял голову.

Штаны Джуао были засучены до колен, рубашка парусом вздулась на соленом ветру. Он стоял среди волн... Ветер играл в волосах Тарка... На берегу горел костер...

Тарк тоже поднял голову.

— Они хотят поймать большую рыбу! — крикнул нам Джуао.

А рыбаки уже спускали лодки на воду. Тарк сжал мое плечо.

— Пойдем, Кэйл. Половим рыбу.

Мы встали и вернулись на берег.

Джуао подхватил меня и помог выбраться на сухой песок.

— Ты, Кэйл, поплывешь в моей лодке!

Кто-то принес едкие, шипящие факелы. Волны били в борта лодок, и те приплясывали на воде, как поплавки.

Джуао запрыгнул в лодку и взялся за весла. Зеленые амфибии ныряли в набегающие волны и исчезали под водой. Мой друг начал грести. Его руки казались белыми в лунном свете. Костер на берегу уже догорал. Потом раздался всплеск, и в небе расцвел огненный цветок. Сигнал. Значит, амфибии заметили большую рыбу.

Огненный шар некоторое время висел в воздухе. Ракета мигнула раз, два, три, четыре раза. (Это означало, что вес рыбы двадцать, сорок, шестьдесят... нет, восемьдесят стоунов.) Потом огонек погас.

Я расправил плечи и расстегнул пряжку ремня.

— Джуао, я хочу поплыть рядом с лодкой!

Рыбак греб не останавливаясь.

— Хорошо. Только держись за веревку.

— Конечно.

Веревка была привязана к корме лодки. Я сделал петлю на другом конце пенькового фала и перекинул ее через плечо. Отстегнув протез ноги, я нырнул в темную воду...

* * *

...Теперь над моею головой сияла мать всех жемчужин — Луна. А еще плавала тень лодки Джуао. Она покачивалась футах в десяти над моей головой. Я же нырнул еще ниже, под раны в теле моря, которые оставляли рассекающие воду весла.

С помощью одной руки и одной ноги, снабженной перепонками, я перевернулся и посмотрел вниз. Веревка дергалась каждый раз, когда весла Джуао загребали воду. Меня тащило вслед за лодкой.

Тем временем амфибии запалили подводные факелы. Далеко внизу сверкали их спины. Мои сородичи описывали большие круги. Они казались огромными глубоководными рыбами с флюоресцентными органами. Я видел и будущую жертву, высвеченную их огнями.

Вы никогда не охотились на рыбу с копьем? В эту ночь копье было в руках Тарка. Остальные вооружились сетями, чтобы спеленать добычу и поднять ее к лодкам рыбаков.

Но неожиданно внизу что-то пошло не так. Копье оказалось коротко!

Рыба, размером с человека, стала подниматься к поверхности, проскользнув мимо сетей. Она едва не выскочила из воды, удирая от людей. Амфибии неслись следом. Когда-то я тоже бросал сети, покрытые смолой и известью, пытаясь поймать рыбу... Наконец петля на конце одной из сетей поймала жертву, и в свете движущихся огней я увидел, как натянулась сеть. Рыба повернулась и снова стала подниматься, направляясь ко мне, потом дернулась в сторону, когда петля соскочила.

Внезапно надо мной мелькнула тень одного из амфибий.

А борьба с рыбой продолжалась. Тарк, копье которого вонзалось все глубже в тело жертвы, держался впереди и чуть левее рыбы, почти оседлав ее. Добыча пыталась стряхнуть его, била хвостом, металась из стороны в сторону, постепенно поднимаясь к поверхности. Изо всех сил загребая рукой, я подтянулся и вцепился в планшир лодки Джуао.

Тарк и рыба всплыли между лодок. Они взвились в воздух... Волшебное зрелище в лунном свете. Теперь рыба плыла у самой поверхности, то выпрыгивая из воды, то ныряя.

Юноша-амфибия что-то прокричал, привстав на своем норовистом скакуне. Кто-то из рыбаков бросил веревку, привязанную к носу лодки, и Тарк поймал ее.

Снова рыба, Тарк, я и еще десяток амфибий ушли под воду. И каждый из нас был окружен нимбом пузырьков. Рыба дерну-

лась, натянув одну из сетей, и Тарк слетел со своего скакуна, но почти сразу вернулся на прежнее место. Потом сети стали вытягивать одну за другой, и трепещущую рыбу потянули к поверхности.

Шесть сетей с шести лодок оплели добычу. Мгновение, и рыба неподвижно застыла — субмарина, залитая лунным светом. Я видел тянущийся за ней шлейф крови.

Когда рыба (и мы вместе с ней) снова поднялись к поверхности, то оказались неподалеку от лодки Джуао. Я держался в стороне, когда Тарк (его тело блестело в свете Луны), проплыв мимо меня, залез в лодку моего приятеля.

— Давай сюда,— позвал он меня, встал на колени и протянул мне руку, в то время как Джуао перебрался к другому борту, чтобы хрупкое суденышко не перевернулось.

Кольца веревки одно за другим ложились на дно лодки.

— А вот и Кэйл! — воскликнул Тарк и одним рывком вытащил меня из воды.

Рыба качалась на волнах с белыми барашками. Лодки подошли поближе. Теперь уже все амфибии поднялись на поверхность. Среди них оказалась и Ариэль. У нее в руках был подводный факел, и дым его стелился по воде. Девушка пыталась заглянуть через плечо рыбака, стоявшего перед ней.

Джуао и Тарк стали подтягивать добычу к лодке. Я тоже впился в сеть здоровой рукой. Наша рыба покачивалась на поверхности.

Я как раз надел штаны, когда Тарк повернулся и обнял меня мокрой рукой:

— Посмотрите на нашу добычу! Вы только посмотрите, дядюшка! — Он смеялся, задыхаясь. Его темное лицо сверкало в свете факелов.— Кэйл, вы только посмотрите на нашу рыбу!

Джуао усмехнулся и стал разворачивать лодку, чтобы вернуться на берег.

Огонь, пение, хлопки в ладоши... Мои крестники, насыпав камешки в бутылку из-под рома, встряхивали ее в такт музыке. Гитаристы лупили по струнам, когда мы вытаскивали рыбу на песок. Все, кто был на берегу, собрались вокруг нашей добычи.

— Посмотрите! — Тарк схватился за толстый конец большой палки, толще его запястья. Ловким движением он перевернул рыбу, ткнул двумя пальцами в белую плоть в шести дюймах от губ рыбы.— Здорово!

Тарк вдавил копье поглубже.

Рыбаки выпотрошили рыбу и перенесли ее к костру. Индейцы притащили еще несколько бутылок рома.

— Эй, Тарк. Ты бы поспал немного перед утренней вахтой? — предложил я юноше.

Он покачал головой.

— Я спал весь день.— Он махнул рукой в сторону рыбы.— Это мой завтрак.

Танцы стали еще неистовее. Рыбу затащили на угли, а ребята палками выкатили из пепла сладкую картошку. Я доковылял до разбитой лодки, на которой сидел раньше. Был прилив, и обломки на три четверти скрылись под водой.

Рядом с лодкой, нырнув под воду, спал Тарк. Жабры на его шее ритмично пульсировали, только одно плечо и бедро островками торчали из-под воды.

* * *

Собравшиеся у костра сняли рыбу с огня.

— Где Тарк? — поинтересовалась Ариэль.

— Лег вздремнуть.

— Он же хотел попробовать рыбу!

— Ему предстоит тяжелая работа. Ты ведь не станешь его будить?

— Нет, конечно. Пусть поспит.

Но Тарк уже вылез из воды, зачесал мокрые волосы назад, убрав их со лба.

Усмехнувшись нам, он подошел к рыбе. Я помню, как он разделывал ее. Поднимался и опускался большой нож (деталь, которую я запомнил лучше всего). На мгновение рука Тарка замирала внизу, а потом снова взлетала вверх.

В эту ночь звучала музыка, и люди кружились в танце на песке возле костра. Мы веселились, заглушая грохот прибоя...

Глава четвертая

Автобус пришел почти по расписанию.

— Они не очень-то хотят ехать,— сказала сестра Джуао. Она должна была отвезти детей в местное отделение Подводной Корпорации.

— Дети просто устали,— возразил Джуао.— Спать легли на рассвете... Давайте в автобус. И не забудьте сказать «до свидания» дядюшке Кэйлу.

— До свидания.

— До свидания.

Детей словно подменили. Я подозреваю, что мои крестники впервые страдали (по крайней мере мальчик). В это утро они были такими тихими.

Я подошел и заключил их в неуклюжие объятия.

— Когда вернетесь, в первые же выходные свожу вас на разведку в одно место. Вы сами сможете собирать там кораллы.

Сестра Джуао заплакала, обняла детей, обняла меня, Джуао. Потом забралась в автобус.

Кто-то закричал, что, наверное, автобус застрял здесь навсегда. Но вот мотор зарычал, автобус сделал круг по площади и поехал в сторону скоростного шоссе. Я и Джуао перешли на другую сторону улицы. Там было открытое кафе — столики и стулья с сиденьями из парусины.

— Я потерял детей,— сказал мой друг, словно преступник, наконец признавшийся в своих деяниях.

— Ты и я — мы вместе потеряли их.

* * *

В доках, неподалеку от пристани для судов на подводных крыльях, откуда подводная лодка отправлялась в подводные города, собралась толпа.

В толпе закричала женщина. Она стала толкаться, бросила кошелку с яйцами и луком. Несчастная рвала на себе волосы, рыдала. (Помните, как варили креветок? Там была женщина, которая вынимала их из кастрюли. Так вот, это была она.) Стоявшие рядом попытались успокоить ее.

Несколько человек отделились от толпы и побежали по улицам. Я поймал за плечо пробегавшего мимо мальчишку, развернул к себе лицом.

— Что там, черт возьми, происходит?

Несколько мгновений рот юноши открывался беззвучно, как у рыбы, вытащенной на берег.

— Извержение...— наконец вымолвил он.— Привезли тех, кто погиб в Разломе.

Я еще крепче сжал его плечо.

— Когда это случилось?

— Около двух часов назад. Ребята уже прошли четверть маршрута, когда кто-то из них совершил ошибку. Они разбудили подводный вулкан. Им всем здорово досталось.

Джуао бросился к пристани. Я отпустил парня и последовал за своим другом, стал пробираться сквозь толпу, среди ситца и чешуи.

Амфибии вынесли трупы из люка подводной лодки и уложили на огромный белый холст, расстеленный на причале. Они возвращали тела на родину, чтобы семьи похоронили несчастных по своим обычаям.

При извержении подводного вулкана море кипит, соприкасаясь с льющейся из жерла вулкана магмой...

Три тела оказались лишь немного обожжены. Глядя на раздутые лица (у одного было окровавлено ухо), я решил, что они умерли от взрывной волны. А нескольких мертвецов почти целиком облепило тусклым черным стеклом.

С трудом совладав с собой, я спросил:

— Тарк... Тарк тоже погиб?

Минут сорок расспрашивал я амфибий, грузивших тела, а потом отправился в здание администрации и там узнал, что одним из тех, кого из-за увечий вначале не смогли опознать, был Тарк.

* * *

В том же самом кафе на площади Джуао заказал мне стакан кислого молока. Долго-долго сидел он неподвижно, а потом подергал седые усы и положил руки на колени.

— Как все обернулось, а? — протянул я.

— Пора идти чинить сети. Завтра утром я отправляюсь ловить рыбу.— Тут Джуао сделал многозначительную паузу.— Ты составишь мне компанию, а Кэйл?

— Удивительно, что ты меня приглашаешь... Да ведь ты же отослал ребят!

Мой друг кивнул.

— Но я же не могу расстаться с морем! Всю свою жизнь я провел в этой деревне. Где же мне еще ловить рыбу, как не здесь?

Я допил кислое молоко.

— Обрыв на краю Разлома высокий... Вечером можно будет собрать много битой рыбы. Мелкая рыбешка уйдет ко дну, а большие рыбины всплывут.

— Знаю,— кивнул Джуао.— Мы оправимся за ними на рассвете.

Мы встали.

— Пока, Джуао.

Я захромал назад, к берегу.

Эпилог

Туман укутал пляж сырым одеялом и не желал уползать часов до десяти. Я бродил по песку, тыкал в груды водорослей своей деревянной ногой. Потом поднялся на прибрежные скалы. Только тогда я увидел ее.

— Ариэль?

Девушка была внизу, стояла на коленях у воды, низко опустив голову. Ее рыжие волосы оказались сострижены так коротко, что полностью обнажились жаберные щели. Плечи то и дело вздрагивали от рыданий.

— Ариэль?

Я стал спускаться по сверкающим от влаги камням. Девушка даже не повернулась в мою сторону.

— Сколько ты просидела здесь? — спросил я ее.

Ариэль наконец-то подняла голову, но она лишь молча покачала ею в ответ на мой вопрос. Глаза ее покраснели от слез. Лицо ничего не выражало.

Шестнадцать? Кто был тот психолог, который сотню лет назад провозгласил, что юноши и девушки не взрослеют без серьезных жизненных невзгод?

— Не хочешь подняться ко мне в дом? — спросил я у Ариэль.

Она быстро покачала головой, но потом замерла. А я продолжал:

— Думаю, они отослали тело Тарка назад, в Манилу.

— У него не было семьи,— ответила она.— Его должны были похоронить здесь, в море.

— Я не знал...

Осколки грубого вулканического стекла лежали по всему пляжу. Они были различной формы и все матовые...

— Ты... ты сильно любила Тарка? Мне казалось, вы созданы друг для друга.

— Да. Он был ужасно милым...— Потом Ариэль поняла, что я имел в виду, и вздрогнула всем телом.— Нет,— поправилась она.— Нет. Мне больше нравился Джонни... помнишь, мальчик из Калифорнии? Он был среди охотников в прошлую ночь. Мы с ним оба из Лос-Анджелеса, но встретились только здесь. А теперь... его тело тоже отослали родным.

Девушка закрыла глаза.

— Извини.

Вот так! Я оказался черствым калекой, надругавшимся над чувствами девушки. Если бы вы оказались на моем месте и, как я, взглянули бы на себя в зеркало, вам бы тоже не понравилось то, что вы увидели.

— Извини, Ариэль.

Она открыла глаза.

— Давай поднимемся ко мне. Ты поешь авокадо. У меня они есть, а в супермаркете нет. Только на базаре. Они лучше калифорнийских.

Ариэль огляделась с отрешенным видом.

— Никто из амфибий не ходит туда. Обидно, потому что скоро рынок закроют, и тогда авокадо подорожают... Растительное масло и виноград — все, что стоит там покупать, кроме авокадо.— Я снова повернулся к скалам.— А может, чашечку чая?

— Ладно.— Ариэль попыталась изобразить улыбку. Я знал, как плохо сейчас бедному ребенку.— Спасибо... Но я все равно ненадолго.

Мы стали подниматься на скалы, к моему дому. Когда мы добрались до заднего дворика, Ариэль остановилась и обернулась:

— Кэйл?

— Да?.. Что?

— Видишь вон то облако над водой? Единственное на небе. Оно как раз над тем местом, где было извержение?

Я искоса взглянул на облако.

— Думаю, да... Заходи...

СОБАКА В РЫБАЧЬЕЙ СЕТИ

После шторма Панос расстелил сети на бетонной пристани, а младший брат его принялся перетаскивать с палубы обледенелые корзины. Наконец Спиро подошел и ткнул брата в бок, как бы сообщая, что закончил. Панос добродушно заворчал, как ворчит медведь, когда он чем-то доволен.

— Иа! — крикнул он в спину брату, когда тот снова направился к своему баркасу.— Приберись-ка там. И не забудь привязать сети. А я пока починю сухие.

— Нэ,— отозвался Спиро и по бьющимся бортами баркасам, прыгая с одного на другой, добрался до своего и исчез в трюме. По крошащейся стенке мола Панос вскарабкался наверх. В призрачном свете зари, охватившей уже половину неба, разбивая в клочья лениво качающуюся на волнах пену, подошло еще две барки. Большая волна обрушилась на камень, и брызги полетели над головой. Панос сощурился, глядя, как зазолотился укрытый облаками восток.

Он пошел к середине растянутой сети; сквозь дыры в штанах белели голые коленки, капли моря, словно слезы, блестели на лице и алмазами сверкали на свитере и в волосах.

Он сел на корточки и принялся расправлять под собой порванную часть сети, цепляя ячейки большими пальцами ног, как крючьями. Нож, которым он чиркал по рваным тенетам, резал, словно бритва — целый час он правил его утром, пока дожидался выхода в море. Он резал и снова связывал одно за другим струящиеся алмазные ожерелья намотанной на костяной челнок оранжевой нитью.

Когда баркасы причалили к пирсу, он и головы не поднял, лишь челнок быстрей замелькал в его руках. Где-то вдалеке послышались крики, лай; собаки, кружа и прижав носы к земле, бегут сюда, к пристани; плещет вода... пляшет челнок в паутине сети. За спиной заворчал грузовик с обсидиановых копей. Трехчасовой фрахтер сегодня опоздает: штормит. Он услышал, как зацокали по парапету камешки. Совсем рядом собака...

Продернув нитку, он оглянулся через плечо. Стучат лапы по парапету, раскрыта розовая пасть, полная горячего дыхания; задрожали широкие крылья сети, запрыгали пробки поплавков.

Собака залаяла, вцепилась зубами в веревку, замотала головой, стараясь вырвать ее, и свалилась от удара ноги. Панос упал на колени и зарычал. Вскочил, за что-то зацепился ногой, грузила заскрежетали по бетону. Собака снова прыгнула, и снова удар ноги отбросил ее. Панос опять оступился и потерял равновесие. И едва он вырвал руку из оскаленной пасти, пальцы его зацепились за ячеи, потянули на себя грубые нити, и сеть накрыла его с головой. Пытаясь откатиться от злобно визжащего животного, он протянул руку, она тоже попала в сеть, и случилось самое худшее: он совсем запутался. Дрожали вокруг него натянутые нити.

С баркасов и с грузовика уже бежали люди. Один из них подбежал первым; он поднял палку — сквозь оранжевые нити Панос видел, как он мгновение колебался — и ударил собаку по голове. Сетка натянулась, зацепив за торчащий из дырки в ботинке палец. И порвалась.

Он хотел оттолкнуть людей, ему не надо было такой помощи. Они делали только хуже. Еще удар палкой — на этот раз она угодила по ключице ему самому. Собачья шерсть скользнула по его груди, и задняя лапа оцарапала щеку.

Кто-то растолкал бестолково толпящихся людей; это оказался Коста: весь покрытый волосами на вздувшихся мышцах, он упал на колени и поднял отколовшийся кусок бетонного пирса. Мелькнула мощная рука, рука дорожного рабочего, по локоть испачканная смолой. Камень с силой опустился, Панос дернулся, и что-то острое вонзилось ему в шею...

Нож! О, как больно пронзило его острое лезвие, застрявшее в сети! Коста еще раз ударил собаку, и лай оборвался. Кто-то пнул ногой в безвольно обмякшее тело, но вот Панос отполз в сторону, и тогда все увидели, что дело обернулось несколько иначе, чем ожидали. Панос открыл рот, собираясь что-то крикнуть, но из горла волной хлынула кровь, соленая, как море.

Коста, все еще держа в руках окровавленный камень, отталкивал людей от сетки. Кто-то крикнул:

— Эй, Паниотис!

— Иа! Давай назад!

— Разверни сетку! Да потихоньку, потихоньку! Нэ! Здорово эта сука попортила ее...

Последние слова были как камни, канувшие в бездну молчания.

Двое перекрестились. Еще двое сделали то же самое. Коста попятился, толкнув прибежавшего на шум официанта из заведения Алексы, споткнулся и с растерянным видом швырнул камень в воду. За их спинами послышался стук мотора и крик Спиро:

— Иа, эй, там на пирсе, примите ящики!

Никто не обернулся.

Спиро выругался и прыгнул на пристань.

— Хватит языки чесать, помогите лучше...

Он остановился возле бесформенной кучи, оставшейся после схватки, и сам опустил ящики на пирс, вовремя убрав из-под них покрытые шрамами пальцы. От толчка верхний ящик чуть было не свалился, но он ловко подхватил его.

— На что это вы тут уставились?

И ни один не посмотрел ему прямо в глаза.

— Твой брат...— прошептал Коста.

Трое мужчин стиснули зубы так, что на месте щек образовались ямы.

— Что это с ним такое? — Спиро поставил ящик на место. Нахмурился.— Шторм нагнал нам полную сеть макрели. А вам что, не повезло?

— Спиро, твой брат,— Коста поднял руку. Красивая темно-красная кровь на фоне черной смолы.

— Понимаешь, собака...— начал было официант.— Собака попала в сеть. Мы хотели помочь...

— Она рвала сети, Спиро...

— Ты же знаешь, сети рвутся, как женщина смеется на закате луны.

Спиро пронзительно закричал. Потом, уже гораздо позже, он рассказывал:

— Я не видел, что там свисало с порванных концов сети. Но я чувствовал. Я чувствовал, что там — смерть. Она дергала меня за руки, хватала за лицо, тащила за язык. Смерть воткнула два пальца в оба мои глаза. Я ничего не видел. Но я чувствовал.

И вот они обступили его, взяли за руки, прежде всего опасаясь за самих себя, а потом уже желая помешать Спиро нанести себе какое-нибудь увечье. Допусти его до тела, он бы вцепился в него и так лежал бы, пока сам не умер.

Обняв за плечи, держа за руки, за талию, своими живыми руками касаясь его тела и закрывая его, чтобы защитить от мертвого Паниотиса, они повели его в кафе.

Парой сердитых фраз Коста объяснил, что случилось, Катине, молодой официантке. Подавляя крик, она прижала кончики пальцев к губам и отступила к свежевыбеленной стене.

— Умереть легко,— сказал какой-то старик, перебирая четки и, видно, в первый раз за этот день прервав свою молитву.— Жить гораздо труднее.

Катина хотела убежать, но Коста схватил ее за руку.

— Дай нам кофе. А если тебе срочно нужно куда-то бежать, сбегай принеси от Алексы большую кастрюлю супа. Но сначала дай бедному мальчику бренди.

У нее не было ни отца, ни братьев, никого, кто бы мог собрать ей приданое, замуж ее никто не брал, так что всем было наплевать, что она чувствует. Она закусила нижнюю губу, подошла к

полке с напитками и сняла бутылку метахи. За каким-то столиком человек попросил узо, но сосед схватил его за руку.

— Баран! Если хочешь выпить, пей бренди с человеком, у которого горе! Или не пей ничего, кроме кофе!

Все сгрудились вокруг стола Спиро, и каждый просил, чтобы Спиро выпил из его стакана, как из своего собственного. Но он отхлебнул только из стакана Косты.

— Весь этот год Паносу не везло. То стена в доме упала, то сестру вдруг срочно надо было выдать замуж...

Коста зашипел:

— Не вспоминай того, что было вчера, дед. И без того сегодня тяжело.

— А завтра может быть еще хуже,— откликнулся старик и снова занялся своими четками.

Спиро встал.

Когда он повел глазами вокруг себя, четверо, те самые, которые перекрестились на пристани, сразу подняли вверх ладони, защищаясь от его взгляда.

— Готси! Готси! — уговаривал его Коста.— Сядь, сядь. Катина, еще бренди!

Но девушка уже убежала.

Спиро пошел к выходу; каждый смотрел на соседа, не зная, кто сможет остановить его. И пока они думали, он уже успел выйти.

Два шага, три шага по каменному тротуару... никто не окликнул его. Сам не зная зачем, он побрел обратно на пристань. Со смутным чувством в душе он увидел, что о теле уже позаботились, но сеть все еще лежала на том же месте, а под ней темнело пятно.

Женщина в черной шали о чем-то шепталась с мужчинами, разгружающими барку.

Они увидели, что он смотрит, руки их взметнулись, прикрывая глаза. Женщина отвернулась, мужчины быстро склонились к своим ящикам. Спиро отвел глаза.

На краю пристани стояла Катина. Зеленый свитер, на нем черная, отливающая нефтью коса. Если у человека горе, то и взгляд его несет с собой горе. Он ждал, что и она поднимет руку или отведет взгляд. В лице ее промелькнул страх, однако она не спешила закрываться. Что-то еще было в ее взгляде, помимо страха, чему он никак не мог подобрать названия. Откуда-то из груди поднимались колючие слова, но застревали в его гортани; он сделал усилие, но сумел лишь хрипло прорычать:

— Это был мой брат!

И сознание его заполнилось картинами прошлого; отрывочными пятнами они сменяли одна другую, заслоняя собой лицо Катины. И вдруг хлынули ярким потоком.

Как-то Панос попросил у кого-то дробовик. Они целый месяц копили деньги на патроны. И вот, наконец, однажды утром Спи-

ро намотал на ноги старых тряпок, а Панос натянул резиновые сапоги, которые одолжил у соседа, и они пошли охотиться в горы, в глубину острова, по очереди неся ружье. В тот раз они принесли Пиопе целых шесть кроликов.

Когда они вошли в дом, она так и подскочила со стула, и ящик с ракушками, которые она перебирала в их отсутствие, упал с коленей, опрокинулся, и ракушки рассыпались по полу. То плача, то смеясь, она стала рассказывать, что весь день провела в страхе, боялась, что один брат случайно подстрелит другого.

— А когда мы уходим в море, ты что, тоже всегда боишься, что кто-нибудь из нас утонет? — усмехнулся Панос.

Она посмотрела на рассыпанные по земляному полу ракушки, с забавным выражением лица взяла кроликов (в глазах, однако, затаился страх — о, страх всегда сиял в ее черных и блестящих от постоянных слез глазах) и молча отошла, откинув светлые волосы со лба, от каменной раковины умывальника. На правом виске у нее светлел шрам: когда она была маленькой и захотела играть с мальчишками, они стали бросать в нее камнями.

А волосы на голове Спиро, как и его брата, были черными.

Волосы Пиопы, похожие на отражение солнца в медном котле, наполненном маслом, вечно не давали покоя их матери. Чего только она ни делала: пыталась подчернить их соком растения калимари, заставляла Пиопу надевать платок, чтобы они не выгорели на солнце еще больше. Пиопа, казалось, и сама что-то чувствовала, и ее переживания, словно неяркий свет, заполняли собой весь дом. Все, что происходило за его стенами, легко возбуждало в ней смех или слезы, поэтому большую часть времени она сидела взаперти, возилась по хозяйству или играла с ракушками, которые ей приносили братья.

Жареный кролик оказался необыкновенно вкусным: мясо его было мягкое, сочное и совсем не жирное. Спиро так упрашивал Паноса снова пойти на охоту, что тот не мог устоять. В конце концов Панос повел брата к известняковому обрыву, где среди зарослей плосколистых кактусов они нашли крохотный кипарис, высотой всего до пояса, вцепившийся наполовину обнаженными корнями в белую землю. С помощью прутиков, хитро закрепленных в земле, и рыбачьей лески Панос соорудил силок.

Когда они уходили, пригнутый к земле кипарис дрожал на осеннем ветру. А утром кипарис снова стоял прямо, а на нем болтался полуживой кролик с переломанными и окровавленными задними лапами.

После этого случая они чуть ли не через день ели крольчатину. А потом Спиро нашел еще одно такое деревце, и теперь им иногда попадалось сразу по два зверька. Это было еще в то время, когда обвалилась стена их дома.

Они как раз возвращались с охоты — на поясе Спиро болтались две окровавленные тушки,— когда, подойдя к окраине города, ощутили странное колебание почвы под ногами. В горах не чувствовалось даже самого легкого дрожания; ближе к берегу землетрясение было сильнее, а по радио передали, что в Афинах даже полопались стекла в домах. Но в маленьком портовом городке на острове пострадали всего только два дома. Одним из них был дом, который строил себе Аустинос; он был еще не закончен.

А вторым оказался их собственный. Одна стена его была сложена из камня. Бамбуковая крыша провисла, как тряпка, и порвала сухие водоросли, скреплявшие ее со стеной засохшей грязью. Пиопа с искаженным недавним испугом лицом ползала среди камней, собирая разбитые, рассыпанные ракушки, то и дело замирала с испугом и щурилась на солнце, такое яркое, что больно было смотреть. Когда с ней заговаривали, она принималась плакать, трясти закутанной в шарф головой или же убегала и пряталась за искривленный ствол миндального дерева.

Спиро вошел во двор, прошел сквозь толпу негромко переговаривающихся соседей; от страха у него самого все слова застряли в горле. Озабоченные лица знакомых, разрушенный дом, где он родился и всегда чувствовал себя в безопасности — все это рождало изумленные вопросы, и среди них главный: Панос, что нам делать? Но, как и Пиопа, Спиро на какое-то время лишился дара речи.

И все-таки Панос ответил на этот его немой вопрос.

Он сорвал с пояса Спиро кроликов, вошел в дом, вынес кувшин с вином, стоявший под раковиной и потому не пострадавший.

— Держи, Коста,— сказал он,— и не слишком напивайся сегодня.

И он подал кувшин измазанному дегтем рабочему.

— Завтра понадобится твоя помощь.

Худущий семилетний пацан в больших армейских штанах, обрезанных выше колен и подвязанных на тощем животе ржавым тросом, приставив ладонь ко лбу, смотрел на них против солнца.

— Отнеси это своей тетке,— Панос протянул ему кроликов.— Если сам не наешься, так хоть глисты в пузе станут жирнее.

Глаза мальчишки широко раскрылись. Он живо схватил кроликов — и только его и видели.

К Спиро вдруг вернулся дар речи.

— У нас дом развалился, а ты еще раздаешь последнее, что осталось?

— Парочка подарков, только и всего,— ответил Панос и потрепал его по плечу.— Тебе что, тоже захотелось вина и жареных кроликов?

Спиро скосил глаза на дом.

— Какая тут еда, тошно на все это смотреть, так не бывает и во время шторма.

— Ну что теперь поделаешь,— Панос поднял миску и большим пальцем очистил ее от крошек штукатурки,— на этом острове у нас и так почти ничего не было, а теперь Она забрала и последнее. Хоть предки наши и молятся за нас Иисусу Кириосу, на свете все, возможно, происходит так, как о том говорят пастухи.

— А ты что, тоже считаешь, раз Иисуса Кириоса похоронили не в земле, а в каменной пещере, так его тело не способно сделать землю плодородной и обильной?

Панос пожал плечами.

— На земле растут кактусы и терновник, но ведь апельсины с оливками и помидоры тоже растут. Я просто хочу сказать, что если уж капризы Госпожи падают на наши головы, нужно думать не только о себе, а то наше несчастье отнимет у нас последние силы. Ну что ты плачешь, Пиопа? — он протянул сестре ракушку и слегка подтолкнул ее.— Вдова Мардопас пошла собирать сегодня оливки на масло, и быстрые пальцы ее не остановит никакое землетрясение. Когда ты была маленькой, ты всегда смеялась над байками этой мудрой женщины. Пойди-ка помоги ей и, может быть, вечером ты вернешься домой с улыбкой.— Он кивнул в сторону дороги.— Пойдем,— сказал он Спиро.

Узенькая улочка, по которой они шли, была зажата между гранитных и мраморных стен. Ослики, таскавшие на себе хворост и овощи между портовым городком Адамас и старым городом, носившим название Плака, усеяли ее желтую пыль успевшими засохнуть еще дымящимися кучами. Склоны по обеим сторонам, еще два месяца назад бурые, уже зазеленели. Сначала они шли по асфальту; потом дорога свернула и вырвалась из прохладной тени обрывов на палящее солнце, и горячая щебенка стала больно жалить подошвы босых ног. Тогда они сошли в меловую канаву вдоль дороги, и скоро ноги их до колен покрылись белой пылью.

Они пересекли виноградник, где на потрескавшейся земле, словно крабы, лежали спутанные лозы; потом свернули на другую дорогу, которая вилась и петляла меж скал все выше и выше, пока на гребне горы ветер не стал толкать их в спину и зачесывать наперед волосы.

За перевалом, на полпути вниз, им попалось стадо, штук двадцать коз и с ними пастух — лицо обтянуто кожей, ногти на руках и ногах сгнили, сорванные от постоянного лазания по скалам. Говорил он на каком-то певучем и малопонятном наречии горцев. Ветер шевелил на лбу его светлые волосы, под которыми сверкали серые глаза. Спиро было известно, что этот пастух знает множество разных историй и анекдотов, неприличных, но почти всегда смешных, как, впрочем, и бездну всяких древних легенд; подобно многим другим рыбакам, он часто размышлял об этих светловолосых, светлоглазых островитянах, которые молятся в собственных храмах, где нет священников и где они приносят в

жертву своих коз. Они появлялись в Адамасе или в Плаке только в дни равноденствия в октябре, чтобы посидеть в кафе, выпить как следует и похвастать своими сексуальными похождениями с чужими женщинами, или мужчинами, или даже с собственными животными. Сыновья их, пока не подрастут, сидели дома и помогали по хозяйству, а дочерей они посылали в Плаку учиться в гимназии; все денежные расчеты они предоставляли женщинам, говоря при этом, что чтение, письмо и счет сродни магии, а магия — это уж сфера самой Ее компетенции.

Пастух скорчил рожу, запустил руку под замшевую куртку и принялся яростно чесаться.

— Моя сестра умеет писать имя каждого мужчины у нас в роду, а еще она может в точности записать все, что вы ей станете говорить, а потом слово в слово пересказать это, даже если пройдет месяц, а ведь ей нет еще пятнадцати.

Спиро уже целый год посещал гимназию в Плаке, и некоторые из кареглазых девчонок-горянок были ему знакомы.

— А как зовут твою сестру?

Он спросил просто так, из любопытства, но пастух схватил его морщинистыми пальцами за руку; и, хотя он сделал вид, что шутит, в голосе его послышалась неподдельная тревога.

— Если даже Она не говорит своего имени каждому встречному-поперечному, с чего бы это я стал открывать тебе имя женщины из моего рода?

Козы прыгали по склону, усеянному красными и оранжевыми кусками глины. Город Плака лежал у подножия самой большой горы на острове, вершину которой венчал заброшенный монастырь; теперь он был хорошо виден в ясном вечернем воздухе, напоминая своими очертаниями отвисшую челюсть. По левую руку склон горы террасами спускался к морю. Пастух засмеялся, когда увидел, что Панос направился к выложенному камнем каналу, сбегающему к развалинам Старого города.

— А, ты идешь туда, где спит Она! Будь осторожен, Она может проснуться.

Панос только ухмыльнулся в ответ, а Спиро долго еще оглядывался назад, где маячил пастух, подгоняющий своих коз в сторону города.

Наконец братья подошли к основанию башни и сели. Над ними высился древнеримский амфитеатр; далеко внизу шумел прибой. Берег залива полукругом уходил к горизонту; должно быть, там полно рыбы; залив глубок, и спокойствие его никогда не нарушается грузовыми судами. Но ни один рыбак, верующий в Иисуса Христа, не заплывал сюда на своем баркасе. Пастухи иногда забрасывали удочку со скал, но рыбаки, пытавшие удачу в заливе — а православные попы утверждали, что не проходило и года, чтобы хоть несколько человек не заплывало сюда — эти

рыбаки всегда возвращались лишь с рассказами о зацепившихся неизвестно за что сетях и о Бог весть откуда взявшихся мелях там, где ни скал, ни мелей никогда не бывало.

Вдали, неподалеку от берега, там, где скалы отвесно падали в воду, тонкими струйками поднимался вверх дым; там были шахты.

Панос поджал покрытые меловой пылью колени и обхватил их руками.

— Зачем мы пришли сюда? — наконец решился спросить Спиро.

Брат его потер подбородок.

— А ты как думаешь?

Солнце, заливая расплавленным золотом волны, опускалось к горизонту, теперь уже резко разделявшему море и небо. Вечер был словно выкован из бронзы.

— Здесь красиво.

— Да.

— Но все-таки, зачем мы сюда пришли?

— С нами случилось несчастье. Сначала мы поделились малость тем, что есть у нас, с соседями. Теперь должны немного поделиться и... с богами.

— Хочешь сказать, с Иисусом Кириосом?

Хоть и черные глаза были у Паниотиса, но и они вдруг сверкнули, как у того пастуха.

— Можно и с Ним, если хочешь.

— Тогда почему ты пришел молиться Иисусу Кириосу туда, где спит Она?..

— Я не говорил, что мы пришли сюда молиться. А вдобавок, как Она может тут спать, если археологи-англичане выкопали Ее и увезли далеко отсюда. Когда-то Она, может, и спала здесь, но теперь Она спит в Париже, в музее, это во Франции. Твой дед работал с теми, кто нашел Ее. Чему там тебя только учили целый год в гимназии?

— Нам в гимназии про это рассказывали,— кивнул Спиро.— Но пастухи говорят, что Она спит вовсе не в земле, а в море.

— Ты говоришь одно. Я — совсем другое. Пошли.— Он погладил Спиро по спине.— Ты должен дать что-нибудь. Но только от себя и так, чтобы никто не видел.

Потом они шли обратно по дороге, залитой лунным светом. Дни в ноябре еще теплые, но по ночам уже становилось прохладно. Дорога свернула в тень известнякового обрыва, и не стало видно ни зги; Спиро только моргал и щурился, вглядываясь во тьму перед собой.

И вот он снова увидел лицо Катины, которая все так же стояла перед ним на заставленной ящиками пристани, не отрывая от него взгляда широко раскрытых глаз.

— Это был мой брат,— повторил он.

Она что-то прошептала. Он не расслышал; ему показалось, что она вот-вот убежит.

— Что?

— Я говорю,— повторила она,— это был мой песик.

— Твой?..— смысл ее слов как-то не вязался с их звучанием. Спиро поежился и попытался как-то соединить одно с другим.

— Мальчишки кидали в него камнями и консервными банками, и он пришел в кафе, а у него на боку была рана, вот здесь. Я помазала рану йодом, и кровь перестала идти. Потом я покормила его и привела в свою комнату, и он поспал там. И вот они убили его...— она опустила глаза,— ...и твоего брата тоже.— Последние слова она произнесла совсем тихо. Он видел, как слегка подергивается ее щека.

— Но он попал в сеть,— сказал Спиро, впервые пытаясь понять и объяснить самому себе, что же все-таки произошло.— Он же рвал ее, и не было никакой возможности распутать потихоньку, осторожно. Один рывок — и целый день надо чинить. Попробуй только выпутать его — он порвал бы всю сеть так, что хоть выбрасывай. Конечно, его надо было убить. Когда слышишь, как рвется сеть — так словно слышишь смех самой Госпожи. Конечно, он случайно попал туда, и никак...

В лице ее мелькнул ужас.

— Ты говоришь про собаку,— вдруг поняла она.

— Ну да, про собаку. Конечно, я говорю про твоего пса!

— Но Паниотис...

При звуке этого имени грудь его заходила ходуном. Большую часть горя всегда составляет страх.

— Мой брат...

— Это случайно,— голос ее стал хриплым.— Ну да.

Он понимал, что у нее свое горе: ну конечно, убили ее любимца, но все же его смущал такой неприкрытый, такой тяжелый гнев в ее словах.

— И что это за люди, которые не могут отличить человека от пса? Ну конечно, его убили случайно...

— Ты говоришь про моего брата?

— Ну да, про твоего брата. Ну конечно, про твоего брата! — в голосе ее теперь не было гнева, он звучал мягко и одиноко.— Не нравится мне этот остров. Люди здесь не знают, что важнее, рыбак или его сеть. Когда-нибудь,— глаза ее перебегали от предмета к предмету на пристани,— я уеду отсюда. Я поеду на Сирос, туда каждый день приходят корабли из Пирея, с Миконоса и с Родоса. А оттуда смогу съездить на Идру, или на Сант Орини, или к своей тете в Афины, когда только захочу. А тут нужно ждать воскресенья, да и то всего один корабль из Пирея приходит, и все. Не нравится мне здесь.

Он улыбнулся, потому что уже не раз слышал, как она то же самое говорила мужчинам в кафе, особенно когда бывала не в духе. Глаза ее снова обратились к нему, но тут Спиро шагнул к своим ящикам, так и стоящим стопкой на пристани. С десяток женщин ковырялось в кучах рыбы на других баркасах. Рыбешки поменьше складывались на газетку или на медный крашеный поднос, те, что побольше, в широкие эмалированные тазы, а самые большие укладывались вдоль и поперек в ящики со льдом.

Спиро потянулся было снимать верхний ящик, но тут увидел четырех девушек не старше Катины, из хороших семей: взявшись за руки, они шли по направлению к пристани.

Два старика с плетеными хозяйственными сумками сразу заулыбались им, и закивали, и стали спрашивать, что поделывают их родители, и долго еще провожали их взглядами, до самой пристани. Аустинос, тот, который постарше, везде и всюду рассказывал, что вот только минет шесть месяцев траура по жене, он снимет черную повязку и женится в третий раз. Панос однажды сватался к самой хорошенькой и самой сильной из четырех подруг, вопреки советам всех знакомых и друзей — дело и вправду было безнадежное. Незамужняя Пиопа, у которой все еще не было ни настоящего дома, ни приданого, и весьма неустойчивые доходы Паноса делали такое сватовство просто нелепым. Отец строжайшим образом наказал Ане отвергать все его ухаживания. Через шесть месяцев или она, или ее сестра наверняка будет за Аустиносом.

Спиро поставил ящик на пирс и открыл крышку. Кроме макрели, там было семь угрей, четыре черных и три длинноротых марины с чешуей, покрытой золотистыми пятнышками. Когда все ящики были открыты, он широко расставил ноги и закричал:

— А вот у меня тут рыба, много рыбы, и все бесплатно! Бери, сколько хочешь, и все даром! Вот рыба, которую мне подарило море, а я теперь дарю ее всем! Я заплатил за нее лишь потом и мозолями на руках! Теперь нужно только взять ее и отнести домой — вот и все, что я прошу за нее! Рыба! Рыба! И все это даром!

Девушка, стоящая рядом с Аной, засмеялась и подтолкнула подруг к ящикам. Но какая-то крохотная девчушка опередила их; она быстро подбежала и ткнула пальцем в самую большую макрель.

— Мне вот эту!

Левой рукой она подхватила ее поперек туловища, схватила еще одну правой и была такова. Аустинос, всем своим видом давая понять, что все вокруг должны уважать его за то, что ему шестьдесят семь лет (на самом деле всем было наплевать на это), хотел было сунуть толстую марину в плетеную сумку, но какая-то женщина так пихнула его, что золотисто-черная рыбина выскользнула, и множество ног, и обутых, и босых, тут же растоптали ее. Самого Спиро тоже оттерли в сторону. Все новые женщи-

ны подбегали к образовавшейся толпе, из которой то и дело выныривали дети с рыбиной на плече каждый. С трудом выбралась из толпы какая-то тетка и пошла себе, переваливаясь, с шестью рыбами в переднике.

Странное чувство, гораздо более сильное, чем печаль, но пробуждаемое именно печалью, поднималось в его груди. Какой-то глубокий и полный звук уже давно клокотал в его гортани, пока, наконец, до него не дошло, что он смеется.

А с другой стороны пристани за ним удивленно наблюдала Катина. Он хлопнул себя ладонями по бедрам и повернулся спиной к молу.

Вокруг него каменной стеной громоздятся скалы. Чахлая трава, грязь под ногами, гравий и ссохшиеся кактусы с гнилыми листами, с торчащими острыми шипами. Только что-нибудь от себя лично, и так, чтобы никто не видел.

Но все, что у него есть,— это воспоминания о Паносе. Словно острыми коготками вцепились в грудь и никак не хотят оставить его в покое, уйти, хотя он уже совсем изнемог от них. Вот Панос зевает на рассвете, вот он ругается днем, вот вечером смеется в кафе. Сеть смеха, до сих пор застывшая на лице Спиро, ловит лишь каких-то чудовищ. Но, боже мой, как они в ней мечутся, как они запутывают и рвут эту сеть!

Внизу раскинулась гавань Старого города, теперь заброшенная ради более удобной для судов бухты в Адамасе, где братья ловили рыбу. По древнему фундаменту Спиро вскарабкался на террасу. Выше были катакомбы, оставшиеся еще с тех времен, когда остров находился под властью Рима. Ну конечно, Риму здесь нужны были шахты. В гимназии ему говорили, что Рим — столица Италии. Итальянские моряки работали на грузовых судах, перевозивших обсидиан и глину. Капитаны и их помощники отращивали себе длинные ногти; то же самое делали и клерки в банке, и официант из ресторана Алексиса, и матросы греческого Военно-морского флота, которые иногда сходили здесь на берег. Спиро знал, что примерно в то время, когда он родился, закончилась война, в которой Греция победила Италию. Его дядя всю войну провоевал в Албании и до сих пор рассказывает про нее, если находятся охотники слушать. На уроке он однажды спросил, была ли это та самая война, которая покончила с властью Рима над островом, и над шахтами, и над Старым городом. Все засмеялись. Этот смех, частенько звучавший по его поводу, стал причиной того, что он в конце концов бросил гимназию.

— Двадцать лет и две тысячи! — взорвался учитель.— Ну много ли нужно ума, чтобы понять разницу!

Среди учеников его класса были дети и рыбаков, и пастухов, но он подобному унижению подвергался чаще других. Когда Спиро, придя домой, объявил, что больше он в гимназию не пойдет,

Паниотис сразу помрачнел, хотя не сказал на это ни слова, а Пиопа только прошептала:

— Как бы я хотела ходить в гимназию в Плаку!

— Что-о? Как какая-нибудь задрипанная дочка пастуха? — зарычал Панос, и Пиопа, накинув платок на свои странные, красивые волосы, забилась в угол. На этом все кончилось, но и брат, и сестра были явно разочарованы таким исходом, и это еще долго омрачало атмосферу дома. Большую часть свободного времени Спиро теперь проводил в кафе, попивая кофе из малюсенькой чашки и играя в карты и в другие игры с рыбками постарше, хотя и не на деньги. В конце концов, он еще мальчишка и может позволить себе тратить время, как ему захочется.

Спиро пересек террасу и прыгнул на скалу, наполовину затопленную приливом. Эгейское море омывало его босые ступни; справа шипели и пенились волны в небольшой бухточке. И неважно, какое теперь будущее ждало его; плоды одиночества созрели и пойдут на корм всем этим чудовищам.

Вот Панос колотит осьминога о причал, чтобы мясо сделалось мягче, колотит до тех пор, покуда камень не покрывается розовой пеной; вот Панос слегка перебрал и стащил со стены ресторанчика — да нет, не стащил, взял попользоваться, до завтра — расстроенное сатури; вот он крадется мимо окон отца Аны — в тот самый вечер его сватовство и было отвергнуто — и бренчит под ее окном что-то, для слуха непереносимое, и поднимает такой шум, что отец ее просыпается и прерывает объяснение страшными проклятиями, а сам Панос при этом смеется, но как-то слишком громко; а вот как-то ночью похолодало, и Спиро лезет на крышу, чтоб отнести брату, который вдруг решил спать наверху, одеяло, и вдруг видит, как Панос скорчился в тени и плачет.

И снова, снова Панос, его твердая, потная рука на плече Спиро, и они танцуют, обнявшись, в одном ряду с другими мужчинами в день святой Варвары. А святая Варвара — покровительница шахтеров. С утра погода портилась. Внизу, возле шахты, с шумом билось о скалы море. Дом уже отстроили заново, но Пиопа все так же несчастна, и они взяли ее с собой, а когда начались танцы, оставили ее со вдовой Мардупас и с другими женщинами, и встали в ряд с остальными мужчинами, и, положив руки друг другу на плечи, принялись топать и кланяться. Коста стучал в барабан черным своим кулаком, а люди, кто мог себе это позволить, подходили и совали в небольшое отверстие в барабане стодрахмовые бумажки. Какой-то парень из Плаки настроил сатури и стал наяривать такие мелодии, что ноги сами пускались в пляс, а скрипач, приплывший в рыбачьем баркасе аж с Сифноса, лихо вторил ему на своей завывающей скрипке. Здесь собрались шахтеры, пастухи и рыбаки, а еще солдаты с военного аэродрома, расположенного в дальней части острова; их отпускали в

увольнение всегда по пятеро, и их обычно в расчет никто не принимал.

Пастухов пригласили потому, что они пообещали принести трех зажаренных коз. Все началось с того, что один солдат отозвал в сторонку пастуха и попросил научить его особому козлиному танцу. Они встали друг против друга и принялись плясать, строя один другому разные неприличные рожи; солдат плясал неуклюже, а пастух легко и очень похоже. Спиро и Панос вместе с другими стояли и смотрели на них, и Спиро хохотал во все горло, так что оно даже заболело. Потом вышел Аустинос и закричал на них, чтобы они прекратили, и те, кто сначала смеялся, вдруг почему-то обиделись и тоже принялись кричать, чтобы они остановились. Музыканты замолчали, солдат извинился и сел, но пастух все никак не мог остановиться. А потом и друзья его тоже пустились с ним в пляс. И женщины, которые пришли с пастухами, начали подпевать им да притопывать сандалиями. Когда кто-нибудь пытался остановить мужчину, тот только смеялся и делал какой-нибудь неприличный жест. А потом какая-то женщина, уже немолодая, лет тридцати, не меньше, в юбке, перешитой из старого шелкового халата, скорей всего выброшенного кем-то из городских, с бусами из ракушек, чьих-то зубов и кусочков полированного дерева на шее, принялась отплясывать запретный танец, тот танец, что женщины в горах пляшут всегда одни, без мужчин. В толпе рыбаков поднялся крик. Кто-то громко обозвал пастухов цыганами и закричал, чтобы они убирались отсюда и оставили приличных людей в покое. Тут вдруг возле женщины откуда-то взялись трое каких-то юнцов, и, хотя в их сверкающих светлых глазах нет-нет да и мелькал страх, кулаки они сжимали крепко. За ними выскочили двое мужчин постарше и тоже стали рядом, причем бицепсы одного из них были больше похожи на камни, обтянутые кожей. А другой был, кажется, тем самым пастухом, которого недавно они встретили на дороге.

— Что это за мужчины возле вас, сударыня?

Вопрос задал Коста. И хотя он обратился к ней вежливо, слово это лишь усилило презрительность его тона.

— Кто они такие?

— Это мои сыновья,— она кивнула на юнцов.— А это — их отцы.

Все так рты и поразинули. А она скривила губы, сверкнула желтыми зубами и закончила:

— Но чтобы постоять за себя, они мне не понадобятся. С любым из вас справлюсь сама.

Как раз в это время мимо проходил православный поп; он куда-то нес кувшин, полный сладкого самосского вина, и подошел узнать, что за шум. В другой руке у него было надкушенное винное яблоко.

— Ну будет вам, будет,— забормотал он, проталкиваясь сквозь толпу к двери, за которой плясали с самого полудня. Солнце уже село, на небе осталась только серая полоска зари.— Сегодня же праздник. Святой день. Как можно в такой день ссориться?

Длинные волосы священника были заплетены в маленькую косичку; точно такие же носили и пастухи, и, видно, поэтому они его уважали. Но вот женщины...

Та самая, в цветастом платье, так и зарычала, всем своим видом показывая, как ей противно это слушать. Панос вдруг крепко сжал руку брата. Только что, глядя на танцующих, оба смеялись вовсю, но в какой-то миг все изменилось сразу, будто непристойности танца копились, копились в сознании Спиро и наконец оно не выдержало и взорвалось, обнажая... добро это или зло, Спиро не знал, но знал он лишь одно: это так же велико, как велика тайна, скрытая в блуждающем взгляде его сестры.

— Не ссорьтесь, живите дружно,— бормотал поп свое,— ведь сегодня день святой Варвары.

— Нечего тут пачкать Ее словом, которое способен произнести человек,— тут же, презрительно растягивая слова, отозвалась женщина и засмеялась дребезжащим смехом.— Нечего тут делать из Нее вашу святую, нечего превращать Ее в собственность вашего никуда не годного, слабосильного божка, который только и способен что умереть да воскреснуть, да и то всего раз. Это Ее день, день Земли, которая была священна для гончаров, и для земледельцев, и для шахтеров еще до того, как ваш слабак помер, и как помирали до него разные другие боги, и как будут помирать разные другие боги потом. А вот Она царствует всегда.

— Дочь моя...

Тут женщина плюнула и с силой топнула ногой о землю, и все до одного, включая самого священника, так и подпрыгнули на месте, потому что в то же мгновение небо над их головами со страшным грохотом раскололось, и мелкие кусочки его покатились в море. Поп упал на колени и закрыл лицо руками. Кто-то пронзительно завопил. Сердце Спиро билось так медленно и с таким трудом, что в груди ныло и кружилась голова. На землю упала кромешная тьма и, как из ведра, хлынул ливень. То и дело вытирая мокрое лицо, Спиро смотрел, как все женщины, которые пришли с пастухами, собрались вместе и отплясывают нечто совершенно невообразимое. Из-под других навесов сбегались рыбаки и шахтеры, на их лицах попеременно мелькало то восхищение, то страх. Мужчины тычками гнали жен, сестер и дочерей своих прочь, чтобы они не увидели и, не дай Бог, не заучили запретные притопывания и тайные мелодии, а потом, утопая в грязи, бежали обратно, чтобы самим не пропустить, посмотреть и послушать все это. Они толкались, теснились, а кое-где уже доходило и до драки. Паносу пришлось три раза дернуть Спиро

за руку, пока тот наконец не закрыл изумленный рот и не посмотрел на брата.

— Пиопа! Где Пиопа?!

Спиро помотал головой.

— Не знаю...

— Ради Иисуса Кириоса, найди Пиопу, а то...

Удар грома заглушил его последние слова, и Панос тут же исчез во тьме.

Спиро бросился в другую сторону. Он увидел сестру, когда в очередной раз ослепительно сверкнула молния. Косынку ее сдуло куда-то ветром, распущенные волосы разметались по плечам. Он схватил сестру за руку, но вдруг с изумлением увидел, что глаза, которые теперь на него смотрят, вовсе не глаза сестры, не глаза, которые он знал всегда, но глаза совершенно чужой женщины!

В раковине ее уха, во впадине скуластой щеки, в уголках рта метались слабые отсветы из окна. Дождь потоками стекал по ее лицу и тускло мерцал, соединяясь с ними. Он хотел было схватить сестру за руку и увести с собой, но другую его руку сжала какая-то женщина и, прижавшись к нему, зашипела, а может, и запела на том странном наречии, в котором музыка мешается со смехом:

— Пойдем со мной, грек. Ложись на землю, а я сяду верхом, и мы поскачем с тобой туда, куда еще ни один всадник не сумел доскакать...

Спиро вырвался и побежал. Дождь хлестал по лицу с такой силой, что заливало рот; он поперхнулся и принялся кашлять. Под навесами было не спрятаться: там и так было тесно, и вдобавок все что-то кричали. Он долго стоял, скрючившись под карнизом, с которого капало на спину; потом его напугали какие-то громкие звуки, заглушавшие даже шум дождя, и он снова побежал, и наконец очутился на дороге, ведущей в Адамас.

Молния на мгновение осветила скалу, а возле нее, шагах в двадцати, бредущую сквозь дождь знакомую фигуру.

— Панос!

Спиро побежал, догнал и схватил брата за плечи, уткнувшись лицом в его мокрый свитер. И сразу же отпрянул.

Вся спина Паноса была облеплена грязью, таким толстым слоем, что смыть ее не мог даже этот ливень. Спиро провел рукой по голове брата. Спереди было чисто, волосы мокрые и гладкие, но затылок был тоже покрыт толстым слоем грязи. Панос сердито вырвался и пошел вперед. Спиро поплелся за ним, грязной рукой вытирая мокрое лицо.

— Панос, что же это такое...

Пиопа вернулась домой только наутро, когда все еще лил дождь. Вся грязная, совершенно без сил, она тут же слегла и провалялась в жару целую неделю. Месяца через три Паниотис дал денег Мариосу, однорукому плотнику — он потерял руку год

назад, когда работал на фрахтере и не справился с лебедкой, и поэтому теперь работал только на подхвате, вторым номером — так вот, Паниотис заплатил ему пять тысяч драхм, чтобы только он взял Пиопу в жены; а сверх того Спиро целый месяц отрабатывал в новом доме сестры, во всем повинуясь вечно недовольному и раздражительному Мариосу.

Все время, пока шли приготовления к свадьбе, Пиопа плакала, не переставая. А однажды швырнула в стену все свои ракушки и убежала в горы, где пропадала целых три дня и где, по всему видно, с ней ничего хорошего не случилось: когда она наконец вернулась, лицо ее было исцарапано, но царапины были какие-то странные, уж точно не колючки ежевичных кустов оставили их, потому что шли они по щекам правильными параллельными линиями. Рассказывать, где была и что делала, она отказалась наотрез. Во время самой свадьбы, когда ее разглядывали все, кому не лень, Панос не произнес ни слова.

В старом заливе Милоса лениво плескалась вода, прогоняя под ногой Спиро через скалу струйку песка. «Там спит Она»,— думал Спиро, глядя на воду. Страх и печаль сжимали ему горло. О, если б печаль оставила его — сразу и страх стал бы меньше.

Он встал, через голову стащил с себя свитер. Скинул штаны и швырнул их на скалу поверх свитера. Набрал побольше воздуха в легкие, согнулся пополам и прыгнул. Холодная вода обожгла его. Впрочем, в зимней эгейской воде он согрелся быстро: на глубине даже в декабре хоронилось лето. Прошло больше минуты, легкие уже начало распирать от нехватки воздуха, толща воды больно давила на глаза и уши, а он все еще не собирался подниматься на поверхность. Вот он увидел перед собой размытые очертания голубоватой под водой скалы и резко свернул в сторону. Наверху что-то упало в воду и в облаке серебристых пузырьков устремилось вниз, прямо к нему.

И тут вдруг прямо перед собой он увидел каменную фигуру. Она выступала из-за скалы; в двух местах Ее пересекали темные трещины; руки были перевиты вырезанными из камня же змеями и опутаны водорослями. Водоросли зеленой бородой лежали на Ее лице, наполовину закрывая раскрытый рот, колыхались над Ее глазами. Тесаная поверхность плеч Ее поблескивала черными и серыми пятнами. Она была так близко, футах в десяти, не больше, не дальше. Он хотел увернуться от Нее, но она уже закинула к нему свой невод. И когда невод уже окружил его со всех сторон, Спиро понял, что Она не спит! О нет, Она вовсе не спит! И все больше запутывался в холодных ячеях сети.

Но вот, наконец, фигура, стремительно опускавшаяся к нему сверху, настигла его, и он вдруг увидел, что это живая женщина. Протянув руку сквозь путаницу сети, она схватила его за кисть. И холодные тенета рвались под ее живой рукой.

Когда они уже поднимались наверх, Спиро оглянулся и увидел, что в каменных руках есть еще сети, много сетей. Все утерянные сети, которые Она год за годом цепляла своими руками, едва какой-нибудь рыбак, набравшись смелости, заплывал порыбачить в Ее водах,— они медленно колыхались, обвивая Ее огромное тело с черными точками торчащих сосков.

А живая женщина все тащила его за руку; из носа Спиро стал выходить воздух, и пузырьки щекотали веки. Он замолотил ногами и теперь уже сам тащил ее наверх, пока они не потеряли друг друга под водой. Он вынырнул наконец на воздух; бешено пульсирующая кровь бросилась ему в голову и ослепила его; мгновение ему казалось, что его вот-вот вытошнит.

Он услышал, как она барахтается рядом, и заработал руками, пока больно не ударился о скалу. Волны плескали прямо в лицо, голова с трудом держалась над поверхностью моря. Под водой — о, скорей всего эта сильная женщина спустилась оттуда, с гор — под водой она казалась такой маленькой, чуть ли не вполовину меньше, чем он. Он слышал, как ее ладони зашлепали по скале, потом раздался всплеск, потом снова шлепки — это она пыталась вскарабкаться на скалу. Он откинул со лба мокрые волосы и посмотрел вверх.

На камне, вся съежась и широко открыв глаза, сидела голая Катина; меж грудей ее, около коричневых сморщившихся сосков, покрытых гусиной кожей, свешивался шнурок, колечками завиваясь на концах. Она быстро и судорожно дышала, и в такт дыханию на животе появлялась и исчезала складка. Вдох — живот гладкий, выдох — снова складка.

— Что...— только и мог произнести он и тут же задохнулся. И тут же вспомнил, что под водой, в том месте, где коренился его страх, он ощущал тепло. Катина ухватила его за руку, но лицо ее при этом было такое, словно она прикасается к куску раскаленного железа.

— Вылезай уж.

Он кивнул, открыл было рот и тут же глотнул соленой морской воды. Закашлявшись, он полез наверх, исцарапанными руками цепляясь за неровности камня, и наконец вскарабкался. Мокрое плечо его уткнулось ей в бедро; оно показалось ему холодным как лед, но через мгновение обдало волной тепла.

— Что... что ты тут делаешь? — наконец спросил он.

Ему вдруг показалось, что она собирается погладить его по щеке. Но нет, она просто сказала:

— Я тоже прихожу сюда иногда... особенно, когда грустно. Купаюсь... здесь всегда никого, никто не ходит... и потом... я пошла за тобой.

— За мной? А зачем ты... ну, то есть... зачем ты нырнула за мной?

— Мне показалось, ты больше не захочешь выныривать.

— Я-а? Не захочу?

Печаль, которую он ощутил, когда увидел под водой Ее, еще не прошла, но страшно ему уже не было. Он вдруг засмеялся и с удивлением ощутил, что смех его стал свободным и в то же самое время сам нес ему освобождение. Он опрокинулся на спину и продолжал смеяться и раскачивать головой из стороны в сторону, и густые его волосы плескались по ее ногам. Потом он взял ее за плечо и подвинулся на локте поближе. По позвоночнику побежал прохладный ручеек.

— Только не я! Понимаешь, только не я! Если я опускаюсь вниз, значит, я поднимаюсь!

Она посмотрела на свое плечо, где лежала его смуглая исцарапанная рука.

— Мужчины, бывает, очень сильно переживают за своих братьев. Зачем же еще тебе приходить туда, где Она...— Катина посмотрела на воду.

Ладонью вверх, сложив пальцы чашей, Спиро опустил руку ей на колено.

— Катина,— зашептал он,— скажи, если Она здесь спит, тогда что увезли отсюда археологи, когда копались на склонах, что они увезли в свой музей, который в Париже?

Катина пожала плечами.

— Какую-то другую статую... турки тоже много таких статуй увозили, не меньше десятка. Наверное, какая-нибудь осталась, турки ее не заметили.

— А пастухи им рассказывали, как все было на самом деле, нэ?

Она снова пожала плечами.

— Этим археологам нужно было просто слушать их повнимательней. Пастухи говорят, что Она стояла на вершине башни и охраняла Старый город, потому что он был для Нее священным. А потом случилось землетрясение, и башня разрушилась. А обсидиан мы возили в Египет еще до того, как все моря захватил Минос. Они тут нашли статую из белого мрамора, такой мрамор есть на Паросе, а у нас только бледно-розовый. А пастухи говорят, что Она вырублена из черного стекла.

Она опять посмотрела на воду.

— Значит, ты приходишь сюда купаться?

Он встал на колени, и она отвернулась.

— И ты Ее не боишься? — он поднялся на ноги. Она посмотрела на него снизу вверх и вдруг прижалась спиной к скале, обхватив руками плечи. Губы ее, покрасневшие и похорошевшие от морской воды, раскрылись.— А меня не боишься?

Она быстро-быстро помотала головой, но глаза так и заметались по его голому телу. Луч света, тронув его левое бедро, позолотил правое плечо и щеку. Неожиданно он увидел, что оба они

нагие, и от этого он почувствовал в себе такие огромные силы, а в ней нечто настолько необыкновенное и чудесное, что посмотрел на нее с восхищением. Он шагнул, и наклонился над ней, и потерся коленом о ее влажную руку; тень его упала на ее изумленное лицо, и оно вдруг потемнело. Он обнял ее обеими руками за шею, и она откинула голову назад; мышцы ее напряглись под его пальцами. Он коснулся ее уха губами и нежно прикусил его.

Наверху заблеяли козы и раздался смех. Посыпались камешки; Спиро отпрыгнул, поскользнулся и чуть не упал в воду.

Вверх по развалинам фундамента шустро карабкались трое пастушат: двое мальчишек и девчонка. Они оглядывались, толкали друг друга и хихикали. Ощущение собственной мощи и чуда происходящего сменилось жгучим чувством стыда.

Он оглянулся. Катина торопливо натягивала юбку. Спиро помедлил минуту и смущенно схватил свой свитер. Грубая шерсть царапала спину.

Возле развалин фундамента Катина немного поколебалась и взяла его за протянутую руку. Правда, и он колебался, прежде чем протянул ее. И хотя она уже держалась за его руку, на лице ее оставалась все та же неуверенность. Пока он помогал ей взбираться на скалу, она смотрела на него, не отрываясь.

— Не нравится мне это место, такой маленький остров,— снова начала она.— Кажется, что все мы тут попали в ловушку. Как Паниотис. И тогда человек ныряет в море и видит, что и сама Она опутана сетями людей.— Она помотала головой.— Нет, не нравится мне это место.

— А я скоро уеду с Милоса,— сказал Спиро.

И оба удивились этим словам. Спиро даже не успел подумать, как они сами прозвучали у него на устах. Странным и изумительным было их звучание.

— Ты?

— Нэ. У меня здесь теперь ничего нет. Сестра замужем. Брат умер.

— А куда ты поедешь?

— Наверное, в Пирей. Ну да, на материк, в Пирей. Устроюсь на какой-нибудь фрахтер.

— А ты... правда поедешь?

Он кивнул.

— Нэ.

— И не трудно тебе будет... ну просто взять и уехать?

— Старые разбухшие сети рвутся легко.

— А вот я боюсь уезжать.

— Я тоже,— Спиро кивнул головой.— Но я все равно уеду.

Вечерняя звезда вывела за собой из моря месяц. Над обрывами известняка небо оделось в пурпур. С минуту они шли молча. Потом Катина сказала:

— Я тоже поеду.

Спиро улыбнулся ей и наклонил голову.

— Я уеду на Сирос,— продолжала она.— А оттуда могу приехать к тебе в гости в Пирей. С Сироса корабли ходят каждый день, а не раз в неделю, как здесь. С Сироса можно уехать, куда только захочешь. Куда захочешь!

Она побежала вперед и засмеялась.

Эхом отскочив от крутого обрыва, смех ее вернулся — как будто там, над ними, засмеялась в ответ другая женщина.

Спиро снова взял ее за руку, и они пошли вместе.

— Уеду, конечно, уеду,— повторяла она.

— Обязательно уедешь,— соглашался Спиро.

И через несколько минут, когда они вышли на асфальт, Спиро добавил:

— И все-таки я важней, чем сети, которыми я ловил рыбу.

— Конечно,— они вошли в тень обрыва.— Конечно, ты важнее.

КОРОНА

Бадди не успел еще родиться, как папаша его удрал на Марс: там как раз устраивалась колония. Мамаша не выходила из запоев. В свои шестнадцать Бадди уже работал мальчиком на побегушках в мастерской по ремонту геликоптеров на Бэтон Руж, на окраине Сейнт Гейбл. Однажды ему пришло в голову, что было бы весело взять один из геликоптеров и смотаться в Новый Орлеан, прихватив с собой запрещенной тогда выпивки, девицу по имени Долорес-Джо, а заодно и шестьдесят три доллара и восемьдесят пять центов, которые уж очень плохо лежали. Ничего из того, что он взял или, если хотите, прихватил, как тут ни крути, ему не принадлежало. Не успел он подняться с крыши гаража, как его самого прихватили. В суде он наврал про свой возраст, не хотел, чтоб его унижали отправкой в исправительную школу. Разыскали мамашу, но когда ей стали задавать вопросы, держалась она не очень уверенно. (Бадди? Постойте, постойте, дайте сообразить... так... Лафорд, потом Джеймс Роберт Уоррен, я назвала его в честь своего третьего мужа, он тогда не жил с нами, потом Джеймс маленький, он родился в две тысячи тридцать *втором*, это я точно помню. Или в тридцать *четвертом*...да вы уверены, что это Бадди?) Констебль был склонен думать, что ему даже меньше, чем на самом деле, однако все равно отправил в тюрьму для взрослых. Там-то Бадди и узнал, почем фунт лиха. Он вышел через три года и был уже куда спокойней и мягче, чем в прежние времена; впрочем, особенно пугать его тоже не стоило: мог и вспылить. Прошло всего ничего после отсидки, и ему опять не повезло: обрюхатил официантку на шесть лет старше себя. Бадди очень огорчился и хотел было эмигрировать на один из спутников Урана. Однако за двадцать лет колониальная экономика успела стабилизироваться. Порядки стали гораздо строже, не то что во времена его папаши: жить в колониях было даже престижно. Так что со штампом отсидки в паспорте про Марс или Уран забудь, не говоря уже о Луне. И вместо Урана Бадди отправился прямиком в Нью-Йорк и устроился в штат обслуги на космодром Кеннеди.

А в это время в одной из больниц Нью-Йорка лежала девятилетняя девочка, которая могла читать чужие мысли и совсем не хотела жить. Звали ее Ли.

И был еще тогда такой певец — Брайан Фост.

Итак, успокоившийся, хотя порой и вспыльчивый блондин по имени Бадди работал в Кеннеди уже больше года, когда он впервые услышал музыку Фоста. Эти песни пронеслись над городом, как шквал: они звучали в программах всех радиостанций, стояли на первом месте в сборниках самых последних хитов, без упоминания о них не обходилась ни одна обзорная статья или телепередача. И каждый день с утра до вечера из репродуктора на стенке космического ангара, где работал Бадди, голос Фоста орал и рычал, мурлыкал и шептал что-то совершенно невообразимое. Под его ритмы Бадди не ходил, а плясал по узеньким переходам и трапам ангара; музыка то вдруг внезапно умолкала, и тогда в полной тишине звучал чистый голос певца, то снова подхватывалась рокотом органа и жалобным плачем гобоя на фоне блещущей ряби баса и тарелок. Мысли Бадди были короткими и неспешными. Зато руки в брезентовых рабочих рукавицах — большими, а ноги в резиновых сапогах — скорыми.

Бадди стоял на одной из верхних площадок. Под ним уходил вниз корпус космического лайнера; он заполнял собой почти весь ангар и был похож на гигантскую морковку в четверть мили длиной. Команда обслуги, двигающаяся хаотически, словно муравьи в муравьиной куче, где каждый, однако, четко знает свое дело, копошилась на цементном полу далеко внизу. И эта музыка...

— Эй, малыш!

Бадди обернулся.

С важным видом к нему направлялся Бим, небрежно похлопывая себя по бедру в ритме звучащей мелодии.

— Тебя-то я и ищу, малыш.

Бадди было уже двадцать четыре, но его бы и в тридцать все окликали этим словом: «малыш». Он часто заморгал.

— Ты не хотел бы помочь нам спустить вниз банки с растворителем? Этот чертов лифт опять застрял. Ей-богу, если и дальше все будет вечно ломаться, ребята объявят забастовку. Ну просто все ни к черту, за что ни возьмись. Слушай, ты видел тут утром толпу?

— Толпу? — небольшой дефект речи вынуждал Бадди слегка растягивать слова.— Ну да, народу было много, ага. Я был в мастерской с шести, так что, наверное, самое главное пропустил. А чего они там собирались?

На лице Бима выражение типа «ты что, смеешься, малыш» сменилось на более снисходительное. Он даже улыбнулся.

— Как чего? Фоста посмотреть.— Он кивнул в сторону репродуктора. Музыка на мгновение пошатнулась, замерла, и рев, мощь которого доказывала, как дважды два, что любовь Фоста — это любовь без дураков, любовь что надо, на мгновение заглушил его слова.— Фост сегодня вернулся, малыш. А ты и не знал? У него ведь было турне по спутникам внешнего кольца. А на астероидах, говорят, он решил, что хватит, и повернул обратно. На Марсе немного задержался, потом на Луне; там все тоже, конечно, с ума посходили. А сегодня утром он прибыл на Землю, и за двенадцать дней собирается объездить обе Америки.— Он ткнул большим пальцем в сторону шахты, подмигнул и перешел на шепот.— Его лайнер. Что тут утром творилось! Этих юнцов собралось несколько тысяч, прикинь? Да и тех, кто постарше и соображает что к чему, тоже было полно. А полицейским досталось, ты бы только видел! Швартуем, значит, лайнер сюда, в ангар, а тут эти шизики прорвалась через кордоны, представляешь? Сотни две, не меньше. Чуть не расколотили его вдребезги на сувениры. Тебе нравится, как он поет?

Бадди скосил глаза на репродуктор. Звуки врывались в уши, разгуливали по мозгу, как у себя дома, сбивая с мест все привычные понятия. То, о чем он поет, как будто правильное, вот и жесткий синкопированный ритм подчеркивает это; да и чувства певца, хоть и быстро сменяют друг друга, так что не успеваешь переварить их как следует, но они тоже — правильные чувства. И все-таки есть там что-то такое...

Бадди поежился и заморгал.

— Ну, нравится.

Да-да, что ни говори, а сердце его бьется как будто в унисон с этой странной музыкой, и дышит он в одном ритме с ней.

— Ага. Нравится.

Но тут музыка пошла быстрей; сердце и дыхание уже не поспевали за ней. Бадди ощутил в груди волну, которая словно опрокинула порядок вещей.

— Но она какая-то такая...

— Точно. Наверно, остальные чувствуют то же самое. Ну ладно, давай иди, помоги там им с этими чертовыми банками.

— Ладно.

Бадди повернулся и направился к винтовой лестнице. Он уже поднял было ногу, чтобы топать наверх, как оттуда кто-то заорал:

— Берегись!..

Десятигаллоновая канистра шмякнулась на трап всего в метре от того места, где он стоял. Бадди обернулся, успел только увидеть, как по ее корпусу прошла трещина...

(Все барабаны Фоста одновременно споткнулись о невидимую преграду.)

...и растворитель, окисляясь в воздухе, плеснул прямо ему в лицо.

Бадди заорал и схватился за глаз. Все утро он работал напильником, и пропитанные машинным маслом рукавицы его были нашпигованы металлическими опилками. И вот этой рукавицей, не переставая орать, он изо всех сил тер обожженный глаз.

(Смычок контрабаса Фоста терся о повисший в воздухе диссонанс.)

Совершенно ослепший, он заковылял по трапу неизвестно куда, и горячие капли растворителя барабанили по его спине. Потом внутри что-то оборвалось, и он, как безумный, замахал руками.

(Взмахнул крылами, завершая песню, заключительный хор. И голос ведущего, не дожидаясь, когда отзвучит финал, рубанул что есть силы: «Итак, все, кто странствует теперь с нами в этой удивительной стране музыки...»)

— В чем дело?

— Господи, что там случилось?..

— Что случилось?! А я не говорил, что это чертов лифт опять сломался!

— Скорей звоните в скорую! Быстро! Да скорее же...

Голоса сверху, голоса снизу. И топот тяжелых шагов. Бадди стоял лицом к трапу, пронзительно вопил и махал руками.

— Осторожней! Что там такое с этим парнем?

— Ну-ка, помоги... О-о-па!

— Он сошел с ума! Срочно пришлите скорую...

(«...это был Брайан Фост со своей умопомрачительной, сногсшибательной новинкой под названием *Корона*! И мы все уверены, что она точно станет настоящим хитом...»)

Кто-то хотел обнять и увести его, но Бадди стал брыкаться. Совершенно ослепший, чувствуя, что сходит с ума, Бадди снова прижал ладони к пылающему глазу, чтобы хоть как-то избавиться от невыносимой боли, но это не помогло. Было такое ощущение, будто в глазу взорвалась фотовспышка. Кто-то еще попытался сунуться к нему, но он оттолкнул его на перила и, шатаясь и пронзительно крича, побрел по переходу.

(«...и он наконец посетил нашу старушку-Землю, посетил всех нас, ее детишек! Простой парень с Ганимеда, который за один только этот год пронес музыку сфер через столько превратностей судьбы и столько миров, он наконец здесь, сегодня утром он прибыл к нам в Нью-Йорк! И я хочу задать только один вопрос: Брайан...»)

Боль, ярость и музыка.

(«...как тебе нравится наша Земля?»)

Бадди даже не почувствовал, как в плечо ему вонзилась игла шприца. С последним ударом медных тарелок он потерял сознание.

Ли крутила рукоятку громкости до тех пор, пока не раздался щелчок.

На фоне трапециевидного солнечного пятна, падающего сверху через крохотное окошко, теперь открытое, потому что август на дворе, лежала ее темнокоричневая рука, а рядом радиоприемник: кусочек разграфленой бумаги с незаконченными расчетами размера площади, ограниченной кривой икс квадрат плюс игрек квадрат равняется ка квадрат. Улыбаясь, она попыталась расслабиться: очень уж сильным было внутреннее напряжение, создаваемое музыкой.

Плечи ее опустились, ноздри сузились, и кулак развернулся тыльной стороной вниз. Но костяшки пальцев продолжали выстукивать ритм *Короны*. Рука от запястья до локтя покрыта тонкой сеткой розовых шрамов. Такие же отметины и на правой руке. Но все это было так давно, целых три года назад. Ей тогда едва исполнилось шесть.

Корона!

Она закрыла глаза и представила солнечный диск с сияющей вокруг короной. А из самой сердцевины диска, окруженное языками пламени, на нее смотрело бесстрастное, и чувственное, и загадочное лицо Брайана Фоста, от отца унаследовавшего зеленые глаза германца, а от матери широкие аравийские скулы. На кровати за ее спиной валялся цветной иллюстрированный журнал, открытый на странице с бесконечной прозой, в которой каждый комар, не говоря уже о мухах, размерами сильно смахивал на слона.

Ли еще плотней сжала веки. Ах, если бы дотянуться и хотя бы коснуться — даже не его, это уж было бы слишком — но хоть кого-нибудь, кто стоит, кто сидит, кто ходит рядом с ним, если б хоть чуточку почувствовать, что это такое — видеть его, слышать его близкий голос, проникающий до самого сердца; она изо всех сил напрягла память, напрягла все свое существо, чтобы еще раз услышать этот голос. И услышала...

— ...ну как ваша дочь?

Врачи говорят, ей лучше, она идет на поправку, я каждую неделю ее навещаю. Но, Боже мой, я просто сама не своя, уверяю вас. Вы представить себе не можете, сама мысль, чтоб опять отправить ее в больницу, чуть не свела меня с ума.

Ну еще бы! Она же ваша родная дочь. Она просто прелесть! И такая умненькая. А зачем ее опять положили?

Она пыталась покончить с собой.

Не может быть!

У нее шрамы до самого локтя! Ну что я ей такого сделала? А врачи ничего мне не говорят, они сами ничего не понимают. А ведь ей еще нет десяти. Не могу же я оставить ее у себя! Ее отец пробовал. По крайней мере, он так утверждает. Я, конечно, понимаю, когда родители разводятся, у ребенка могут возникнуть кое-какие эмоциональные проблемы, но чтобы такая маленькая девочка и такая умненькая, как наша Ли — нет, не могу себе

представить! Я уверена в одном: ей надо быть в больнице! Но что я ей такого сделала? Я сама себя ненавижу из-за всего этого, а иногда ненавижу ее, ведь она ничего мне не говорит...

Глаза Ли открылись. Маленькими коричневыми кулачками она изо всех сил ударила по столу и сжала зубы, чтобы сдержать слезы. Ощущение красоты мира, освященного красотой музыки, исчезло. Она еще раз вздохнула. Некоторое время смотрела вверх, на окошко. Форточка была открыта. Но до подоконника целых два метра, не дотянуться.

Она резко нажала на кнопку, чтобы позвать доктора Гросса, а сама подошла к книжной полке. Пальцами пробежалась по корешкам: *Спиноза, Тайна талисмана из слоновой кости, Закат Европы, Ветер в...*

Лязгнул ключ в замке, и она обернулась.

— Ты мне звонила, Ли?

— Это опять случилось. Только что, пять минут назад.

— Я отметил в журнале время, когда ты позвонила.

— Это было недолго, секунд сорок пять, не больше. Мать и соседка снизу. Ничего интересного. Так что и записывать нечего.

— А как ты себя чувствуешь?

Она глядела на полки и ничего не отвечала.

Доктор Гросс вошел наконец в комнату и задом прислонился к ее рабочему столику.

— Что ты делала перед тем, как это случилось?

— Ничего не делала. Слушала новую запись, ее передавали по радио.

— Какую запись?

— Новую песню Фоста. Называется *Корона.*

— Не слышал такой.

Он посмотрел на кусок разграфленой бумаги и поднял бровь.

— Это ты сама сделала или выдрала из книжки?

— Вы просили звонить, как только случится приступ, разве нет?

— Да...

— Я выполнила вашу просьбу.

— Конечно, Ли. Я знаю, ты держишь слово. Расскажи лучше об этой песне. Что ты о ней думаешь?

— Очень интересный ритм. Пять на семь, когда его ясно слышно. Но много ударов пропускается, поэтому, чтобы поймать его, надо внимательно слушать.

— А не было ли чего-нибудь такого, может в словах песни, что могло бы спровоцировать этот приступ?

— У него такой сильный ганимедский акцент, что я почти ничего не поняла, хотя в основном он пел по-английски.

Доктор Гросс улыбнулся.

— Я заметил, что с тех пор, как Фост стал популярен, молодежь часто употребляет его словечки. Я то и дело их слышу.

— А я нет.— Она быстро взглянула на доктора и снова отвернулась к книгам.

Доктор Гросс кашлянул.

— Ли, мы считаем, что тебе здесь лучше быть подальше от других детей. Ведь чаще всего ты настраиваешься на мысли тех, кого хорошо знаешь, или тех, кто пережил нечто подобное и в чем-то похож на тебя. Ты ведь знаешь, у нас тут дети эмоционально возбудимые. А вдруг ты настроишься на всех одновременно? Тебе это может сильно повредить.

— Не настроюсь!

— Помнишь, как ты рассказывала про свой детский сад? Как ты настроилась сразу на всю свою группу, и это длилось целых шесть часов? Тебе тогда было четыре года. Помнишь, как тебе было плохо?

— Да, когда я пришла домой, я попыталась выпить йод.— Она снова быстро взглянула на него, и во взгляде ее мелькнула горечь.— Я все помню. Но я всегда слышу маму, когда она в городе. Я и незнакомых людей тоже слышу, постоянно слышу! Я слышу миссис Лоуэри, когда она ведет свои уроки в классе! Я слышу ее! Я и с других планет людей слышу!

— Что касается песни, Ли...

— Вы держите меня подальше от других детей потому, что я умней, да? Я же знаю. Ваши мысли я тоже слышу...

— Ли, я хочу, чтобы ты рассказала, что ты еще думаешь об этой песне, какие чувства...

— Вы думаете, они расстроятся, что я такая умная. Вы не хотите, чтобы у меня были друзья!

— Что ты чувствовала, когда слушала это песню, а, Ли?

Она перевела дух и заставила себя сдержаться; губы ее дрожали, желваки на скулах ходили ходуном.

— Ну скажи хотя бы, понравилась она тебе или нет?

Она с шипением выпустила воздух сквозь сжатые губы.

— Мелодия состоит из трех основных лейтмотивов,— наконец заговорила она.— Они следуют один за другим в порядке снижения интенсивности ритма. Последняя мелодическая линия содержит больше пауз, чем остальные. Эта музыка вообще строится не столько из звуков, сколько из пауз.

— Я тебя еще раз спрашиваю, какие у тебя были ощущения? Разве ты не видишь, я пытаюсь понять твою эмоциональную реакцию?

Она посмотрела на окно. Посмотрела на доктора Гросса. Потом отвернулась к полкам.

— Тут есть одна книжка, я думаю, автор лучше может сказать об этом, чем я.

Она вытащила том из собрания сочинений Ницше.

— Какая книжка?

— Идите сюда,— сказала она, перелистывая страницы.— Я вам покажу.

Доктор Гросс поднялся со столика и подошел. Она уже стояла под самым окном.

Доктор Гросс взял у нее книгу и, нахмурившись, прочитал:

— «Рождение трагедии из духа музыки»... гм... именно в этих диссонансах... кроется идея смерти...

Голова Ли выбила книгу у него из рук. Она вскарабкалась на него, будто обезьянка на какой-нибудь шкаф. Правой за пояс, левая к вороту рубашки, а правая уже за плечо, а левая к открытой форточке. Он схватил ее, когда она успела вцепиться в переплет и одним рывком готова была прыгнуть.

А за окном девять этажей вниз.

Он держал ее за ногу, а она билась как муха в паутине залитой солнцем рамы. Наконец он дернул, и она рухнула прямо ему в руки.

— Я хочу умереть! — кричала она.

— Нет! — кричал он.

Они упали на пол. Девочка билась в истерике. Тяжело дыша, доктор Гросс наконец поднялся.

Она лежала на зеленом виниловом ковре, корчась под звуки собственных рыданий, прижимая руки то к полу, то к животу.

— Ли, ну как тебе объяснить, чтобы ты поняла? Да, конечно, ты перенесла в своей жизни такое, что не всякий взрослый выдержит. Но надо же с этим как-то смириться, надо как-то жить дальше. Это не выход, Ли. Ведь я хочу помочь тебе, понимаешь? Если ты примешь мою помощь, я бы смог...

Но, прижавшись щекой к полу, она продолжала кричать:

— Вы не можете помочь, у вас ничего не получится! Я знаю все ваши мысли, они такие же грубые и скользкие, как и у всех остальных! Ну как можете вы — *вы* — помочь другим людям, если сами всего боитесь, если у вас у самих в голове путаница, если у вас мозги так устроены, что сами ничего не понимаете, что к чему в этом мире! Как? И я не хочу путаться в ваши дела, они ненадежны, от них только еще страшней! И я не ребенок! Я прожила в десять раз больше, чем вы, я бывала в таких местах, что вам и не снилось! Уходите прочь и оставьте меня в покое...

Боль, ярость и музыка.

— Ли!..

— Уходите же! Ну пожалуйста!

Вконец расстроенный доктор Гросс с шумом захлопнул форточку, закрыл ее на задвижку, вышел из палаты, не забыв повернуть в двери ключ.

Боль и ярость... сквозь хаос, царивший в ее груди, пробивалась мелодия *Короны,* мелодия, забыть которую не так-то просто... Но кого там везут в больницу — нет, это не она, это кто-то другой, он плывет во тьме, и ему больно, и он слышит ту же песню, он

купается в волнах той же музыки. Совершенно обессиленная, все еще продолжая всхлипывать, она позволила видению войти в себя.

Превозмогая усталость, она поняла, что стремление этого человека избавиться от боли нашло прибежище в гармониях и ритмах *Короны.* Она попыталась и свои собственные переживания спрятать там же. И тут же резко вильнула в сторону. Там таилось что-то ужасное. Она хотела вернуться обратно, но сознание против воли последовало вслед за мелодией.

То ужасное, что ей почудилось вначале, оказалось запретом стоять на коленках. («Бадди, прекрати хныкать и оставь маму в покое. Я плохо себя чувствую. Убирайся вон и оставь меня в покое!» Бутылка грохнула о косяк двери прямо возле его уха, и он бросился наутек.) Она вздрогнула. Что тут плохого, стоять на коленках? Она расслабилась и поплыла по течению своих видений. Течению мутному, течению грязному, покрытому пузырями мыльной пены. Кругом вода, одна только вода. Бадди снова наклонился, и железная щетка его зашкрябала по мокрому каменному полу. Брезентовые тапочки промокли насквозь.

— Коленки повыше, чучело! Если увижу, что коснулся... Давай-давай, шевели своей...

Кто-то другой, нет, не Бадди, другой получил пинка под зад.

— И не касаться коленками, не касаться! Ты что, не понял?

И снова тот, другой заработал пинка.

Скребя пол, на корточках они медленно передвигаются по коридору тюрьмы. Над дверью лифта табличка: Исправительно-трудовая колония штата Луизиана, но разобрать трудно — Бадди едва умеет читать.

— Не отставай, пацан! Опять тебя обогнали! Думаешь, если маленький, с тобой тут будут нянчиться? — орет Бигфут, шлепая подошвами по мокрому камню.

— И когда у них тут будет автоматический скребок...— ворчит кто-то жалобным голосом.— Вон в окружной тюрьме уже есть.

— Это заведение,— рычит Бигфут,— построено в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году! И уже девяносто четыре года у нас тут ни одного побега! И с тех самых пор, как оно было построено в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году, порядок сохранялся и сохраняется прежний. Как только заведение перестанет справляться со своей задачей хорошенько держать вас тут всех в кулаке, тогда и подумаем на тему, чтобы менять порядки. А ну, работать, работать! Да колени, колени!

Бока болят, ноги сводит. Коленные чашечки горят. Отвороты штанов отяжелели от влаги.

Бигфут снимает тапочки. Он надзирает за работающими, он следит, чтоб скребли как следует, чтоб не волынили, и при этом шлепает подошвами одна о другую то перед животом, то над толстым своим задом. Шлеп да шлеп. Шлеп да шлеп. И притопы-

вает тяжелой ступней мокрый камень, так что мыльные брызги летят во все стороны.

— И нечего на меня пялиться! Пяльтесь лучше на камни! Но смотрите у меня, если хоть одна коленка коснется пола...

Однажды в туалете он услышал шепот:

— Бигфут? Будь с ним поосторожней, малыш. Он был проповедником у возрожденцев, которые на болотах. Пришел однажды в Управление эмиграции в городе, когда они брали там кого ни попадя, и говорит, мол, сделайте меня папой или еще кем-нибудь в том же роде в колонии на Европе — туда как раз объявили набор. Они там в Управлении и слушать его не стали, посмеялись да и прогнали к чертям собачьим. А в воскресенье — у них всегда их-ние бдения по воскресеньям — ну, приходят на болота и видят мужика распятого возле палатки, где они собирались. Оказывается, он прокрался опять в город, заявился в Управление, дал мужику по чайнику, приволок на болота, да и приколотил гвоздями к кресту. И говорит, мол, молитесь, вот ваш бог, он должен воскреснуть. Час промолились — ничего, два — ничего, ну его, Бигфута этого, связали и сюда доставили. А тут его начальником и сделали.

Судорожно вцепившись в железную щетку, Бадди трет, и трет, и трет проклятые камни.

— Давай, давай, три, чертенок, три эти камешки до дыр! И чтоб я не видел, как твои коленки...

Бадди распрямляет плечи. И поскальзывается.

Зацепившись за ведро, он падает на спину, и мыльный раствор окатывает его с головы до ног. Мыло больно щиплет глаза. Несколько секунд он лежит, не двигаясь, и слышит, как босые ноги шлепают по камню, все ближе и ближе.

— Давай-давай, малыш, вставай и за работу!

Не открывая глаз, Бадди одним рывком пытается подняться.

— Ну что, коряга, никак не встать?!

Бадди теряет равновесие и падает на колени.

— А разве я не говорил тебе про колени?

Мокрая тряпка хлещет по плечам, по лицу.

— Не говорил? Не говорил?

Страшный удар ногой по заду — и он плашмя растянулся на мокрых камнях, подбородком ударился об пол, и острая боль пронзила прикушенный язык. Придавив ногой Бадди к полу, Бигфут колошматит его тапками по голове: слева — справа, слева — справа. Уклоняясь от ударов, Бадди извивается, как червяк.

— Попробуй еще только раз притронуться коленками к полу, только попробуй! Вставай и работать, работать! Всем работать, чего уставились, работать!

Босые ступни шлепают прочь.

Превозмогая режущую боль в глазах, Бадди разлепляет веки. Прямо перед носом валяется щетка. В перспективе, за редколе-

сьем железной щетины видно, как удаляются розовые пятки, шлепая по мыльной пене. Шлеп да шлеп.

На третий шлепок, не долго думая, он подбирает ноги. Мощный прыжок — и он падает прямо на спину Бигфута и изо всех сил вонзает в нее острую железную щетину. И еще. И еще. А потом пробует соскрести к чертовой матери хотя бы половину морды Бигфута.

Охранники едва отдирают его. Его отволакивают в камеру с железной кроватью без матраса и привязывают к ней за руки, и за ноги, и за шею, и за пояс. Он орет во все горло, чтоб отпустили. Ему отвечают, что нельзя, что он бешеный и будет лежать так, пока не успокоится.

— А как я буду жрать? — вопит он.— Отвяжите, я жрать хочу!

— Ну-ну, остынь, парень. Сейчас пришлем кого-нибудь, тебя покормят.

Скоро брякает обеденный колокол, и в камеру заглядывает Бигфут. Ухо, голова, шея, спина и левое плечо перемотаны. Кое-где сквозь бинты проступает кровь. В одной руке железная тарелка с рисом и куском мяса, в другой железная вилка. Он, не спеша, подходит, присаживается на краешек кровати и сбрасывает с ноги брезентовый тапочек.

— Меня попросили зайти покормить тебя, малыш.

Он сбрасывает другой тапок.

— Ты и вправду проголодался?

Когда через четыре дня Бадди отвязывают, говорить он не может. Один зуб выбит совсем, другие поломаны. Кожа на небе содрана. На язык пришлось накладывать несколько швов.

Ли ощутила во рту тошнотворный привкус железа.

Где-то во тьме одной из палат клиники лежит Бадди; ему страшно, глаза режет невыносимая боль, а в мозгу стучит и стучит ритм *Короны*.

Она съежилась и попыталась вырваться из тисков этого никакими словами не выразимого ужаса, всплывшего в памяти Бадди, сознание которого болью и ритмом песни отброшено в прошлое, когда ему было всего лишь дважды столько, сколько ей сейчас. О Боже, перестань сейчас же! Но никто не слышит и не может слышать ее так, как она слышит Бадди, слышит свою мать, слышит миссис Лоуэри, когда она что-то там вещает в классе.

Надо, надо как-то остановить этот ужас.

Может, все дело в музыке. Может, других возможностей просто больше нет. Может, осталось единственное место, где существует выход — сознание Бадди...

...когда ночью ему надо было удрать из камеры в подвал, где они обычно играли в карты на сигареты, он с помощью куска

жевательной резинки и осколка бутылочного горлышка делал так, что после вечерней прогулки и отбоя, когда его закрывали на ключ, запор щелкал, но не срабатывал...

Ли посмотрела на запертую дверь палаты. Жвачка у нее есть, она достала, когда днем ее выпускали погулять по этажу. Но автомат с газировкой возле лифта выдает напитки только в пластмассовых стаканчиках. Она села, и тут взгляд ее упал на туфлю. На каблуках металлические подковки — это еще мать заказывала сапожнику, чтобы меньше снашивались. Надо любой ценой прекратить этот ужас. Если ей не дают это сделать, убив себя, она сделает по-другому. Она подошла к койке, сняла туфлю и стала отдирать подковку.

Бадди лежал на спине. Ему было страшно. После укола его отвезли в город. Он теперь понятия не имел, где находится. Глаза его ничего не видели, и ему было страшно.

Чьи-то пальцы пробежали по его лицу. Он мотнул головой, пытаясь уклониться от вилки...

— Ш-ш-ш-ш! Не бойся, все в порядке...

В один глаз ударил луч света. С другим, видно, случилось что-то серьезное: там царил мрак.

— С тобой все в порядке,— снова услышал он; голос явно не мужской, хотя лица не разобрать.— Ты не в тюрьме. Слышишь, ты не в тюрьме. Ты в Нью-Йорке, в больнице. Что-то случилось с твоим глазом. Вот и все.

— Глазом?..

— Ничего больше не бойся. Пожалуйста. Потому что я этого не вынесу.

Голос, похоже, детский. Он снова заморгал, протянул руку, пытаясь прояснить видение.

— Осторожней,— сказала она,— а то...

Но тут зачесался глаз, и он начал было тереть его.

— Эй-эй!

Что-то острое вонзилось ему в большой палец, и ему пришлось отдернуть руку от глаза и схватиться там, где было больно.

— Извини,— сказала она,— я не хотела кусать. Но ты мог сорвать повязку. С правого глаза я ее сняла. С ним все в порядке. Погоди-ка минутку.

Что-то прохладное, словно мокрая тряпка, коснулось его затуманенных глаз.

И все прошло.

Возле кровати на коленях стояла маленькая негритянка, держа в руке кусок влажной тряпицы. В палате царил полумрак; лишь ночник горел над зеркалом умывальника.

— Ты должен перестать бояться,— зашептала она снова,— понимаешь, должен.

Большую часть жизни Бадди только и делал, что выполнял то, что ему говорили, если, конечно, назло не поступал наоборот.

Девочка слегка откинулась назад.

— Вот так, молодец, так будет лучше.

Он попытался подтянуться повыше. Руки и ноги, похоже, свободны. Чистая простыня приятно холодит колени. Он посмотрел на себя: на нем голубая пижама, пуговицы застегнуты неправильно. Он потянулся, чтобы перезастегнуться, но промахнулся.

— У тебя только один глаз видит, поэтому и смещение по глубине восприятия. Параллакс называется.

— Что?

Он снова посмотрел на нее.

На ней были шорты и футболка в красно-белую полоску.

Он нахмурился.

— Ты откуда взялась? Кто ты такая?

— Даян Ли Моррис,— сказала она.— А ты...— Она тоже нахмурилась. Потом, держась за край кровати, встала, пошла к умывальнику, взяла зеркало и вернулась.

— Посмотри на себя. Ну, кто ты такой?

Он протянул руку с грязными от машинного масла ногтями и коснулся повязки, закрывающей левый глаз. Поверх бинта торчали короткие пряди рыжих волос. Указательный палец нащупал знакомый шрам над правой бровью.

— Ну? Кто ты?

— Бадди Магоуэн.

— Где живешь?

— Сейнт Гэб.— Он сделал паузу.— Сто девятн... стрит, между второй и третьей авеню.

— Повтори.

— Сто девятнадцатая стрит, между второй и третьей авеню.

— Хорошо. Где работаешь?

— Космопорт Кеннеди. Слесарь.

— И ты больше ничего не боишься, верно?

Он помотал головой.

— Не-а,— и оскалился. Сломанный зуб отразился в зеркале.— Не-а. Это был просто... плохой сон.

Она отнесла зеркало на место. Вернувшись к нему, она вдруг закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Что такое?

Она снова открыла глаза.

— Все. Я больше ничего не слышу. Раньше звучало с утра до вечера.

— Что? О чем ты?

— Ты не читал про меня в журнале? В *Нью-Таймс* пару лет назад про меня была большая статья. Я тоже лежу здесь в больнице. Только в другом крыле, в психиатрическом отделении. Не читал?

— Я тогда не очень-то читал журналы. Да и сейчас... Что они там писали?

— Что я слышу и вижу чужие мысли. Таких, как я, у них еще двое. Они нас изучают. У меня получается лучше всех. Но это бывает не всегда; приходит, когда не ждешь. Другой парень, его зовут Эдди, слабоумный. Я его видела, когда нам давали тесты. Он старше тебя и намного глупей. А еще у них есть миссис Лоуэри. Она не слышит. Она просто видит. А иногда может заставить другого слышать, что она думает. Она работает тут у них в больнице училкой. Ей можно ходить везде, где захочется. А меня держат взаперти...

Бадди скосил глаз.

— И ты можешь прочитать, что у меня в голове?

— Сейчас нет. Но могла. Как это было...

Губы ее задрожали, карие глаза вспыхнули...

— Я не знаю... когда тот человек хотел... этой штукой...

...и наполнились слезами. Правой рукой она попыталась унять дрожащий подбородок.

— ...когда он... ломал тебе...

Бадди увидел, что она плачет, и удивился.

— Ну-ну, что ты, что ты, дурочка,— сказал он и положил ей руку на плечо.

Она упала лицом ему на грудь, вцепившись пальцами в пижаму.

— Это было так больно, так больно!

Чувство огромного горя буквально сотрясало все ее существо.

— Мне надо, надо было сделать так, чтобы ты не мучился! Я удрала из палаты, прокралась сюда и разбудила тебя — ведь это был только сон! А с остальными что делать, с этой девочкой в горящем доме, с шахтером в затопленной шахте... ведь это все никакой не сон! И я ничем не могла им помочь! Я не могла прекратить их страдания. Совсем не могла, понимаешь, Бадди! Я хотела помочь. Но она была в Австралии, а он в Коста Рике. А еще один был на Марсе! — рыдала она у него на груди.— Ну как я могу попасть на Марс! Как!

— Ну, успокойся, успокойся,— шептал он, ничего не понимая из ее слов, и свободной рукой гладил ее жесткие волосы.

Но постепенно до него стало доходить.

— Слушай, так ты нарочно пришла сюда, чтобы разбудить меня?

Она кивнула, не отрывая лица от пижамы.

— Но как ты догадалась?

Животом он почувствовал, как она пожала плечами.

— Я... я не знаю... может, это из-за музыки.

Он подумал секунду и спросил:

— А когда раньше слышала, ты пыталась что-то делать, или это в первый раз?

— Да, и не раз. Но получилось... впервые.

— Если раньше не получалось, почему на этот раз решила попробовать?

— Потому что...— теперь она говорила спокойней,— я думала, если справлюсь, может, мне станет не так больно.

Он чувствовал, как двигается ее челюсть, когда она говорит.

— Так и вышло.

Что-то задрожало в ее лице.

— Мне уже не так больно.

Он накрыл ее ладонь своей, и она ухватилась за его большой палец.

— Ты знала, что мне было ужасно... ужасно страшно?

Она кивнула.

— Знала, конечно, ведь и мне было так же страшно.

Бадди вспомнил свой сон. У него похолодело в спине, и мышцы на бедрах свело. Он представил действительность, породившую сон, и обнял ее еще крепче, прижавшись щекой к ее волосам.

— Спасибо тебе.

Ему показалось, что этих слов мало, чтобы выразить всю свою благодарность, но что еще сказать, он не знал, поэтому медленно повторил снова:

— Спасибо тебе.

Немного погодя она отстранилась, и он опять увидел ее заплаканное лицо и бездонные глаза.

— Тебе нравится песня?

Он опять заморгал. И тут внезапно осознал, что в голове у него продолжает звучать та же музыка.

— Ты снова слышишь мои мысли?

— Нет. Но ты думал об этом раньше, а мне просто интересно.

Бадди немного подумал.

— Да-а,— кивнул он.— Да, очень нравится. Когда я ее слышу, мне... хорошо.

Она поколебалась немного и потом призналась:

— И мне тоже. Я думаю, это удивительная песня. Мне вообще кажется, что музыка Фоста такая...— и следующее слово она прошептала так, будто оно могло вызвать раздражение,— *живая*! В ней есть настоящая *жизнь*! Такая, какой она *должна* быть! В ней есть все, и боль тоже, но эта боль не бесконечна, ее можно понять, в ней есть смысл и порядок, так что она в конце концов проходит, и ты снова чувствуешь, что жизнь прекрасна. А ты так же чувствуешь?

— Я... я не знаю... Мне она просто нравится.

— Мне сейчас подумалось,— сказала она с легкой печалью в голосе,— что бывает, людям нравится одно и то же, а причины совсем разные.

— Тебе эта песня сильно нравится.

Он опустил глаза, пытаясь понять, как именно она ей нравится. Но у него ничего не вышло. В том месте, где лежала ее голова,

пижама была темной от слез. Он не хотел, чтобы она плакала. Подняв глаза, он улыбнулся.

— А знаешь, сегодня утром я чуть его не увидел.

— Фоста? Ты говоришь, что мог увидеть Брайана Фоста?

Он кивнул.

— Ну да, мог. Я ведь работаю в бригаде ремонтников в Кеннеди. Когда это случилось,— он показал на глаз,— мы как раз обслуживали его лайнер.

— *Его* корабль? *Ты*?

Удивлялась она совершенно по-детски, это было прелестно и ему ужасно нравилось.

— Может, я увижу его, когда он будет улетать,— похвастался Бадди.— Я ведь там работаю и могу ходить, где захочу.

— Что бы только я ни дала,— она чуть не задохнулась от волнения,— лишь бы хоть одним глазком на него посмотреть! Все, что угодно!

— Сегодня утром там было столько народу, просто ужас. Они чуть не прорвались через полицейских. Мне стоило только подняться наверх и встать возле трапа, когда он выходил. А я не догадался.

Она во все глаза смотрела на него, сжав крохотные кулачки на краю кровати.

— Ну ничего, я обязательно увижу его, когда он будет улетать.

Он наконец добрался до своих пуговиц и стал перезастегивать в правильном порядке.

— Вот бы мне тоже его увидеть!

— Слушай, а давай, я скажу, что ты моя сестра. Я думаю, Бим тебя пропустит. Бим — это наш бригадир.

Он снова посмотрел на нее и вспомнил, что она негритянка.

— Ну, может, не родная. Двоюродная.

— Ты возьмешь меня с собой? Ты правда возьмешь меня с собой?

— Конечно.

Он протянул руку, чтобы подергать ее за нос, но промахнулся.

— Ты для меня так много сделала. Уверен, что со мной тебя отпустят...

— Миссис Лоуэри! — вдруг прошептала Ли и рванулась к двери.

— ...из больницы. Что ты сказала?

— Они обнаружили, что я удрала! Меня зовет миссис Лоуэри! Она говорит, что видит, где я, а доктор Гросс уже идет сюда. Они хотят отправить меня обратно в мою палату.

Она подбежала к двери.

— А-а-а, вот ты где! С тобой все в порядке?

В дверях стоял доктор Гросс. Он схватил ее за руку и крепко сжал.

— Отпустите меня!

— Эй! — заревел Бадди.— Что вы делаете, она же еще маленькая!

Сбросив с себя простыни, он вскочил на ноги.

Доктор Гросс округлил глаза.

— Я хочу отвести ее обратно. Она здесь находится на лечении. Ее палата в другом крыле, и она должна быть там.

— А сама она хочет? — решительно спросил Бадди.

— Она очень возбуждена,— отпарировал доктор Гросс.— Мы пытаемся ей помочь, неужели вы не понимаете? Я не знаю, кто вы такой, но имейте в виду, мы пытаемся спасти ей жизнь. Ей необходимо вернуться к себе!

— О, Бадди!..— голова Ли отчаянно билась о бедро доктора Гросса.

Он прыгнул к задней спинке кровати и покачнулся, стараясь сохранить равновесие. Из-за проклятого параллакса, или как его там, он снова промазал, и теперь стоял и махал руками, чтобы не упасть. И вдруг он внезапно и ясно понял: это не Исправительно-трудовая колония штата Луизиана.

— Постойте! — крикнул Бадди.

Голос доктора раздавался уже за дверью:

— Миссис Лоуэри, отведите, пожалуйста, Ли в ее палату. Дежурная сестра знает, какие лекарства ей сейчас нужно принять.

— Хорошо, доктор.

— Постойте! — еще раз крикнул Бадди.— Пожалуйста!

— Извините меня,— сказал доктор Гросс, снова заходя в палату. Но уже без Ли.— Мы просто обязаны отправить ее к себе и дать успокаивающее, причем немедленно. Поверьте, мне очень неудобно за причиненное вам беспокойство.

Бадди сел на кровать и потряс головой.

— А что... что с ней такое?

С минуту доктор Гросс не произносил ни слова.

— Я полагаю, мой долг — дать вам все необходимые разъяснения. Хотя это нелегко, потому что я и сам до конца не все понимаю. Из трех человек с очевидными телепатическими способностями, выявленных с тех пор, как мы стали изучать этот феномен, Ли наиболее одаренная. Она удивительный ребенок, с невероятно творческим складом ума. Но сознание ее глубоко травмировано — и все из-за того, что она слышит, как страдают другие люди. Она постоянно хочет покончить с собой, а мы пытаемся ее спасти. Ее нельзя оставлять одну, ни на одну минуту, иначе она что-нибудь с собой сделает.

— А она может поправиться?

Доктор Гросс сунул руки в карманы и уставился на свои сандалии.

— Боюсь, душевное расстройство можно вылечить лишь при непременном условии полной изоляции пациента от возможных

источников душевных травм. А в ситуации с Ли это, увы, невозможно. Нам ведь даже неизвестно, какая часть мозга контролирует способности к телепатии, поэтому лоботомией тоже воспользоваться нельзя. Лекарства, которое могло бы облегчить ее страдания, тоже пока не существует.— Он пожал плечами.— Мы очень хотели бы помочь ей. Но если быть предельно объективным, боюсь, ей вряд ли когда-нибудь станет лучше. Такой она будет всегда, до конца жизни. И чем раньше вы о ней забудете, тем меньше вреда вы ей причините. Спокойной ночи. Мне очень жаль, что все так получилось.

— Спокойной ночи.

Бадди присел на край кровати. Потом выключил свет и лег. Уснуть никак не удавалось, пришлось три раза мастурбировать. Наконец он погрузился в беспокойный сон. Но и утром, когда он проснулся, перед глазами стоял образ маленькой чернокожей девочки, которая пришла к нему среди ночи ради того, чтобы избавить его от ночных кошмаров.

На утреннем обходе врачи были обескуражены, когда увидели сорванную повязку и, стоя у его кровати, долго толковали что-то про симатическую офтальмию. Потом исследовали левую роговицу и удалили последние крохотные металлические пылинки.

В клинике его продержали еще три дня, приводя в норму давление между стекловидным и водянистым телами глаза с тем, чтобы предотвратить пока, правда, не обнаруженную тенденцию к глаукоме. Врачи объяснили ему причину того, что левый глаз его иногда видел немного хуже правого: это тоже было как-то связано со стекловидным телом, он не совсем понял, как именно, зато понял хорошо, что причин для беспокойства нет никаких. Его также попросили как минимум недельки две побыть на больничном. И повязку с глаза снять не раньше, чем за два дня до выхода на работу. Больничный тоже выписали. Девочку он больше никогда не видел.

А на всех радиостанциях, на всех разнообразнейших штуковинах, которые способны воспроизводить звуки, по всей Земле — в Нью-Йорке и в Буэнос-Айресе, Париже и Стамбуле, Мельбурне и Бангкоке — звучала музыка Брайана Фоста.

В день, когда Фост покидал Землю, улетая на Венеру, Бадди пришел в космопорт. Это было за три дня до конца больничного, так что на глазу его еще красовалась повязка телесного цвета.

— Господи,— сказал он Биму, перегнувшись через перила смотровой площадки на крыше ангара,— ты посмотри, сколько народу.

Бим сплюнул на горячий щебень. Августовское жаркое солнце нагрело его, а вместе с ним и лайнер, уже стоящий на взлетной площадке и готовый к отлету.

— Перед стартом он собирался что-нибудь спеть,— сказал Бим.— Надеюсь, беспорядков не будет.

— Спеть?

— Видишь, во-о-н там деревянный помост с усилителями? Да-а, от этих малолеток можно ждать чего угодно. Дай бог, чтобы все прошло спокойно, без мордобоя.

— Бим, а можно я спущусь вниз, поближе к помосту?

— Это еще зачем?

— Ужасно хочется увидеть его поближе.

— Ты же сам говорил, что тебе вся эта суета до лампочки.

Вцепившись в перила, Бадди смотрел вниз. На голом плече красовалась татуировка: «Спляшем на Марсе чечетку с Долорес-красоткой».

— Ну мне надо, понимаешь, надо!

— Не вижу, какого черта...

— Понимаешь, Бим, есть такая одна маленькая негритянка, еще совсем девчонка...

— Что-о?

— Ну Бим!..

— Ладно, ладно. Залезай в комбинезон и шагай с бригадой, они будут работать на выходе. Прямо около журналистов. Но что это я тебя послал, никому, понял? Знаешь, сколько народу хотело бы туда попасть? Не врубаюсь, зачем тебе нужно быть так близко?

— Это для одного человека, для друга. Я тебе потом расскажу.

И он кубарем скатился вниз по лестнице в раздевалку.

Брайан Фост вышел на деревянный помост и подошел к микрофонам. За его спиной, распушив роскошные хвосты, парили кометы, на груди сияли солнца, вокруг вспыхивали и гасли метеоры. Рубашки из поляризированной ткани со светящейся, сверкающей и постоянно меняющейся расцветкой теперь назывались «фостами». В толпе тоже многие были в «фостах», вспыхивающих то здесь, то там. Он откинул назад волосы, широко улыбнулся, и тысячи подростков за полицейскими кордонами отозвались дружным ревом. Он засмеялся в микрофон, и все смолкло. В задней части помоста сверкали на солнце электронные инструменты. Играл он на них с помощью нанизанных на пальцы тяжелых, украшенных яркими драгоценными камнями колец. Вот он поднял руки, щелкнул пальцами, и инструменты, покорные его воле, грянули музыкальное вступление к песне *Корона*. Брайан Фост запел, и тысячи людей, заполнивших поле космодрома,— и среди них Бадди — затаили дыхание.

Лежа на больничной койке, Ли слушала знаменитого певца.

— Спасибо тебе, Бадди,— шептала она,— спасибо.

И ей уже не так сильно хотелось умереть.

ДА, И ГОМОРРА

И опускаемся в Париже.

Часа два ночи; мы двигаем вдоль Рю де Медичи. Бо, Лу и Мюз за оградой, по тротуару, а мы с Келли прямо по проезжей части. Цепляем прохожих, рожи корчим, вопим, как резаные. Наконец сворачиваем к площади собора святого Сульписа, и там Бо чуть не сталкивает меня в фонтан.

Келли озирается, потом хватает урну, подбегает к писсуару и давай колотить по стенам. Оттуда, как ошпаренные, выскакивает сразу пятеро, что довольно странно: в самый вместительный писсуар больше четырех не влезает.

Тут подходит ко мне какой-то блондинчик, берет за руку и лыбится.

— Слышь, спейсер, тебе не кажется, что вам пора валить отсюда?

Гляжу на его бледную руку: такая нежная на небесном фоне моей униформы.

— Est-ce que tu es un frelk?[1]

Он поднимает брови, качает головой.

— Une frelk?[2] — поправляет он меня.— Нет, приятель. Жаль, конечно, но что поделаешь. Судя по твоему лицу, раньше ты был мужиком, верно? А теперь...— он снова лыбится и смотрит пониже моего пояса.— У тебя нет для меня ничего такого. Полиция.

Он кивает в сторону площади. А там жандармы светятся.

— Нас они не трогают. Хотя... вы ведь иностранцы...

Но Мюз уже орет:

— Эй, пошли! Валим отсюда, быстро!

И отчаливает первый. И снова летим.

И опускаемся в Хьюстоне.

— Черт побери,— кричит Хьюз,— да тут Управление полетами! Говоришь, отсюда все и начиналось? Смываемся, быстро!

---

[1] Ты, случаем, не фрелка? (Фр.)

[2] Фрелк (Фр.)

Короче, вскакиваем в автобус на Пасадену, потом по монорельсу до Галвестона, а там до Залива рукой подать. Лу тормозит грузовик, а там симпатичная такая парочка...

— Спейсеры? Конечно, подбросим, о чем разговор! Ведь это вы заселяете всякие там планеты, осваиваете, и все такое... А значит, для людей доброе дело делаете.

...и мчимся на юг, а у них там еще ребенок в кабине, а мы сидим в кузове, двести пятьдесят миль под солнцем и ветром.

— Слушай, может, они фрелки,— Лу тычет меня локтем в бок.— Ей-богу, фрелки. Может, они сидят там и ждут, когда мы сами предложим.

— И не мечтай. Глупые деревенские ребята, милые — да, но не более.

— Ну и что, что деревенские. Это вовсе не значит, что не фрелки.

— У нас ведь правило, никому не доверять, верно?

— Верно.

И снова мы в автобусе, с грохотом мчимся по Браунсвилю и через границу на Матаморос. И вот уже прыгаем вниз по ступенькам; пыльный, знойный вечер, кругом полно мексиканцев, и детишек, и ловцов креветок с Техасского Залива — ох, как от них воняет, сил нет. Ну а мы орем, откуда только силы берутся, так что все вокруг просто глохнут. Сорок три шлюхи — сам считал — уже успели склеить всех этих ловцов, ни одного не осталось, а мы хоть успели расколотить пару окон на автобусной станции — хохотали до упаду!

А ловцы креветок и говорят, мол, выпить — пожалуйста, хоть залейся, если хотим, конечно, а уж закусить — это извините, это вы сами, такой уж обычай у нас, у ловцов креветок. Все кругом орут, еще одно окно вдребезги. Потом, помню, лежу на спине, на ступеньках, кажется, у телеграфа, ору во все горло свою любимую, а тут надо мной, вижу, женщина наклоняется, губы темные такие, и ладони кладет мне на щеки.

— Да ты милашка,— говорит, и целый водопад прямых черных волос падает мне на лицо.— Гляди, все мужики тут глазеют только на тебя. Только время попусту тратят. А нам каково, ведь их время — наши деньги. Как думаешь, спейсер, может, тебе... может, всем вам лучше валить поскорей отсюда?

— Usted! — шепчу я и хватаю ее за руку.— Usted es una frelka? [1]

— Frelko in espanol? [2] — она улыбается, похлопывая меня по бляхе на поясе.— Ты уж извини, но того, что мне нужно, у тебя нет. Ужасно, конечно. Личико-то у тебя... да и все остальное... раньше ты был бабой, разве нет? А я и баб люблю не меньше...

---

[1] Ты, случаем, не фрелка? (Исп.)

[2] По испански это будет «фрелко». (Исп.)

И тут я скатываюсь со ступенек вниз.

— Ну я просто тащусь,— кричит Мюз.— Хватит, пошли отсюда!

В Хьюстон ухитряемся попасть до рассвета, уж и не помню как. А там снова вверх.

И опускаемся в Стамбуле.

А в Стамбуле дождь.

Пьем чай в комиссариате; стаканчики такие, формой как груши; глядим в окно на Босфор. Принцевы острова — словно кучи мусора перед городом, а сам он так и щетинится колючками минаретов.

— Ну а теперь кто куда? — спрашивает Келли.

— А мы что, разве не вместе? — Мюз удивленно поднимает брови.— Мне казалось...

— Понимаешь, мне в казначействе чек задержали,— терпеливо оправдывается Келли.— У меня ни гроша в кармане, а когда еще выдадут...— он пожимает плечами.— Не очень-то хочется, но куда денешься, придется подцепить какого-нибудь фрелка с толстым лопатником и как следует с ним подружиться.— Он отхлебывает из стакана и только тут замечает, какая тишина вдруг повисла.— Эй, да что с вами со всеми? Что рты-то поразевали? Хотите, косточки посчитаю на ваших нежных и так заботливо сохраняемых от полового созревания телах? Ну ты! — это уж мне, лично.— Ну что ты корчишь из себя целку? Что вытаращился, сам ни разу не клеил фрелок, что ли?

Начинается.

— Отвали, ничего я не корчу,— меня охватывает тихое бешенство.

Тут Бо смеется, и атмосфера разряжается.

— Помню, в последний раз мы были в Стамбуле — примерно за год до того, как вернулись в отряд — ну вот, помню, идем от площади Таксима по Истиклалю. Проходим дешевые киношки — там они подряд, одна за другой, сворачиваем в переулок, он еще весь цветами засажен, плюнуть негде. Смотрим, а впереди топают еще двое спейсеров. Ну, выходим, значит, к базару, там рыбу продают, а дальше апельсины всякие там, сладости, морские ежи, капуста, ну, в общем, чего только нет. А цветов кругом — море. И вдруг видим: какие-то эти спейсеры странные. Форма, вроде, в порядке, все на месте, не придерешься. Прически — как надо. Ну не врубаемся — в чем тут дело... а потом слышим — разговаривают. Господи, да это же просто мужик и баба, вырядились спейсерами, да еще пытаются склеить фрелок! Представляете, кого хотят напарить — фрелок!

— Ага,— отзывается Лу,— мне тоже такое случалось видеть. В Рио этих чудиков полно.

— Ну мы их спокойненько так отвели в тихий переулок и доходчиво объяснили, что так делать нехорошо! Повеселились что надо!

— Постой-постой, от площади Таксима, говоришь, по Истиклалю до цветочного переулка? Что ж ты сразу... слыхали, там, оказывается, фрелки водятся!

А уж если Келли улыбается, значит, все в порядке. Правда, боюсь, рановато улыбается.

— Да пошел ты,— хмурится Лу,— я не обязан тебе говорить, где что есть, а где чего нету. Свои глаза иметь надо. Я вот только выхожу на улицу, а фрелки меня уже за версту чуют. И я, они на другом конце Пикадилли, а я их уже вижу. У них тут есть что-нибудь, кроме чая? И вообще, где тут у них можно выпить?

Бо усмехается.

— Ты что, забыл, в какой мы стране? Правильно, мусульманской. Хотя, знаешь, в конце того самого цветочного переулка всяких там подвальчиков и забегаловок полным-полно. Открываешь зеленую дверь, подходишь к мраморной стойке, а литр пива центов пятьдесят — в общем, даром. А еще там дают бутерброды с жареными клопами и свиной требухой.

Так вот и сидим себе, завтракаем, мирно болтаем о том, о сем, вспоминаем всякое такое. Например, как Бо заворачивает однажды фрелка, а тот ему так сразу и заявляет, мол, есть на свете две вещи, от которых он торчит: спейсеры и хорошая драка...

Весь этот треп лишь слегка облегчает нам нашу боль, но не снимает совсем. Даже Мюз, и тот понимает: этот день мы проведем не вместе.

Дождь перестал. Мы выходим, садимся на паром до Золотого Рога. Только высадились, Келли с ходу спрашивает, где тут площадь Таксим, и как пройти на улицу Истиклаль, а ему отвечают, мол, надо ехать на долмуше, потом оказалось, так у них тут маршрутное такси называется, едет, значит, только по одному маршруту, и народу в нем — как селедок в бочке. Зато дешево.

Первым выскакивает Лу, возле моста Ататюрка: захотелось, видите ли, полюбоваться видами Нового города. За ним — Бо: хочется, понимаешь, собственными глазами увидеть, что такое Долма Боше и с чем его едят. А когда Мюз узнает, что всего за пятнадцать центов (лира пятьдесят крушей по ихнему) можно попасть в Азию — тут уж никаких разговоров, хочу в Азию, и все тут.

Я выхожу за мостом. Улица забита машинами. Топаю вдоль троллейбусных проводов, мимо серых, мокрых стен Старого города. Бывает так: плачь — не плачь, ругайся — не ругайся, ничего не поможет. Что поделаешь, иногда приходится бывать одному, хотя бывать одному и мучительно, и больно.

Долго брожу по узеньким улочкам. Навстречу попадаются лишь мокрые ослики, мокрые верблюды, да женщины в парандже. Наконец выхожу на какой-то проспект; там снуют автобусы туда-сюда, мужчины с деловым видом и в деловых пиджаках, и везде полно мусорных баков.

Люди бывают разные: один увидит спейсера — и рот разинул; а другой вообще на тебя ноль внимания. Правда, многое зависит от тебя самого, как себя поведешь, как себя поставишь сразу после училища, когда тебе еще только шестнадцать. Ну так вот, захожу в какой-то парк, гуляю себе, и вдруг вижу: стоит и смотрит. А потом поняла, что вижу, и отвернулась.

Ну а я иду, не торопясь, гляжу в мокрый асфальт. Она все там, под низенькой аркой пустой мечети, никуда не уходит. Прохожу мимо, как бы невзначай, а тут она и выходит из-под арки, прямо на маленькую площадку со старинными пушками.

— Извините...

Останавливаюсь.

— Вы не знаете, гробница святой Елены не здесь находится? — акцент в ее английском просто очаровательный.— Я забыла в гостинице путеводитель.

— Очень жаль, но я тоже здесь впервые.

— А-а-а,— она улыбается.— А я приехала из Греции. Я подумала, вы турок, вы такой смуглый.

— Нет, у меня родители — индейцы, краснокожие.— Я чуть-чуть наклоняю голову и умолкаю. Теперь ее очередь делать реверансы.

— Вот как! А я в этом году поступила в Стамбульский университет. А ваша форма... кажется, она означает, что вы...— после некоторой паузы она все-таки решается произнести это слово,— спейсер?

Ага, меня уже слегка тащит.

— Да.

Сую руки в карманы, облизываю зуб, третий сзади, то есть, проделываю все то, что всегда делаю, когда тащит. Как-то один фрелк сказал мне, что в такие минуты я выгляжу особенно возбуждающе.

— Вот именно.— Сказано, пожалуй, резковато, громче, чем надо: она даже вздрагивает.

Итак, она теперь знает, что я знаю, что она знает, что я знаю, и я уже пытаюсь представить, в каком ключе мы станем разыгрывать дальше этот отрывок из Пруста.

— Никакая я не гречанка,— вдруг говорит она,— я турчанка. И университет уже закончила. Изучала историю искусств. Случайным знакомым часто говорят неправду, чтобы хоть как-то защитить свое «я»... только, по-моему, зачем все это? Мне иногда кажется, что мое «я» такое крохотное.

Ну что ж, можно сделать и такой ход, почему нет, тактика бывает разная.

— Вы далеко живете? — спрашиваю.— И какие тут цены в турецких лирах? — А можно и такой вот; тактика, повторяю, бывает разная.

— Мне нечем вам заплатить,— она еще плотней заворачивается в плащ, который при этом еще больше подчеркивает ее великолепные бедра. Да она хорошенькая! — Я бы очень хотела.— Пожимает плечами и улыбается.— Но я... бедна, как студентка. Денег у меня нет. И если вы сейчас повернетесь и уйдете, я не обижусь. Хотя мне будет грустно.

Я не трогаюсь с места. Я знаю, что в конце концов она даст денег, пускай немного, но даст. Что ж, возьму, сколько даст. Но нет, она, похоже, и не собирается. Ага, можно сделать, значит, и такой ход. Интересная тактика.

И тут я спрашиваю себя: «А за каким чертом тебе нужны эти проклятые деньги?» И в эту минуту порыв ветра стряхивает на нас с веток кипариса капли холодной влаги.

— Мне кажется, все это вообще достаточно грустно.— Она вытирает капли с лица. И голос какой-то надломленный. Я наклоняюсь к ее лицу, очень близко, и несколько мгновений внимательно разглядываю полоски влаги на ее щеках.— Грустно, потому что вы — спейсер, а чтобы вы им стали, вас непременно нужно было переделать, и не как-нибудь, а именно таким способом, таким образом. Если бы этого не случилось, мы бы могли... Если бы вообще не было спейсеров, тогда бы и мы были... другими. Раньше вы кем были, мужчиной или женщиной?

Еще фонтан холодных капель. Я смотрю себе под ноги; капли падают прямо за воротник.

— Мужчиной,— отвечаю.— Какая разница.

— А сколько вам лет? Двадцать три? Двадцать четыре?

— Двадцать три.— А вот это уж точно враки. Но такой уж у меня рефлекс. На самом деле мне двадцать пять, но чем мы для них моложе, тем они больше платят. Черт подери, да не нужны мне ее деньги!

— Значит, я угадала,— кивает она.— Как правило, такие, как я, хорошо понимают в спейсерах. Вы согласны? Впрочем, что нам еще остается? — Смотрит на меня огромными черными глазами. Быстро-быстро моргает, потом, наконец, опускает вниз. Вы были бы очень симпатичным мужчиной. А теперь вот вы — спейсер, вы строите заводы для консервации воды на Марсе, в шахтах на Ганимеде монтируете компьютеры, обслуживаете ретрансляционные станции на Луне. Альтерация...— из всех людей только фрелки произносят это слово с таким смешанным чувством восхищения и сожаления.— Вы знаете, трудно избавиться от мысли, что можно было бы сделать все как-нибудь по-другому. Ну почему не могли придумать ничего лучше нейтрализации, ведь вас превратили даже не в андрогинов, а в нечто...

Кладу руку ей на плечо, и она сразу умолкает, словно ее ударили. Оглядывается: нет, кругом никого, никто не смотрит. И, облегченно вздохнув, накрывает мою ладонь своей.

Я отдергиваю руку.

— Так во что же?

— Да можно же было придумать что-нибудь, найти какой-нибудь другой способ, найти другое решение! — Теперь обе ее руки в карманах.

— Можно было. Верно. Но вы же знаете, милая моя, что для этих ваших драгоценных одноклеточных, как их там, яйцеклеток? Сперматозоидов? Для них за пределами ионосферы многовато будет радиации, и если вам вдруг пришла в голову мысль поработать там больше, чем сутки, бедняжки просто помрут. Это же касается и Луны, и Марса, и спутников Юпитера.

— Но ведь можно же было придумать, скажем, какие-нибудь специальные скафандры или... Поглубже изучить механизмы биологической защиты, механизмы приспособляемости...

— Ага, других дел больше не было в эпоху демографического взрыва. Ну уж нет, тогда искали любую зацепку, чтобы только уменьшить число детей, особенно это касалось таких, у которых наследственность и так искажена.

— Ах, да... да.— Она кивает.— Мы все еще никак не выпутаемся из сетей неопуританской реакции на сексуальную свободу двадцатого века.

— Так что решение приняли верное,— я улыбаюсь и приставляю локоть туда, где у меня начинаются ноги.— Я, например, просто счастлив.

Ну никак не могу понять, почему, если этот жест делает спейсер, он считается особенно непристойным.

— Прекратите,— огрызается она и делает шаг назад.

— А в чем, собственно, дело?

— Перестаньте сейчас же! — повторяет она.— Ну прошу вас, не делайте этого. Ну как ребенок, честное слово!

— Что вы говорите! А про фрелков вы мне что-нибудь расскажете?

— Но ведь вас еще в детстве специально отбирают, ищут среди подростков, у которых в период созревания половые реакции безнадежно заторможены. Зато полно детской агрессивности, заместившей собой способность любить. Мне кажется, это и делает вас особенно привлекательными. Ну конечно, вы еще совсем ребенок.

— Не может быть! А про фрелков вы мне что-нибудь расскажете?

Она немного помолчала.

— Думаю, они сексуально заторможены по отношению к тому, чего им самим недостает. Наверное, вы правы, решение было принято верное. Вы и в самом деле не жалеете, что бесполы?

— У нас есть вы,— отвечаю я.

— Да,— она опускает глаза. Заглядываю ей в лицо, пытаюсь угадать, что она чувствует в эту минуту. Она улыбается.— Ваша

жизнь возвышенна, исполнена славы и величия, а вдобавок у вас есть мы.— Она снова поднимает голову. Лицо ее так и сияет.— Вы парите в небесах, миры проносятся под вами. Вы шагаете через континенты, летаете с планеты на планету, а мы...— она замотала головой, и волосы ее извивались на воротнике плаща, как черные змеи.— А мы влачим серую, однообразную жизнь, сгибаясь под бременем земного тяготения... и преклонения перед вами!

И снова смотрит мне прямо в глаза.

— Скажете, противоестественно? Подумать только, влюбиться сразу в целую компанию летающих трупов! — Она вдруг вся так и сгорбилась.— Думаете, приятно жить с таким сексуальным комплексом?

— Не знаю. Звучит больно мудрено.

Она отворачивается.

— Ничего хорошего — быть фрелкой. Так понятней?

— Да, но нравится меньше. Придумайте что-нибудь получше.

— Таким, как вы, не нужно ломать голову, какое извращение лучше, какое вам больше по вкусу. У вас их нет и быть не может. Вы свободны от этих проблем. Вот за это я вас и люблю, спейсер. А источник, а начало этой любви одно — страх полюбить по-настоящему. Разве это не прекрасно? Нормальная любовь никогда не даст того, что может дать извращение. Возьмите все, что угодно, хоть гомосексуализм, хоть фетишизм — с ботинком, там, или с часами, все равно. А вот те, у кого комплекс сексуального замещения такой, как у...

— Фрелки.

— Да-да, фрелки: они предпочитают любить,— и опять она строго смотрит мне прямо в глаза,— просто кусок мяса, который способен летать, где хочет.

— Если думаете, что мне обидно слышать все это, то ошибаетесь.

— Жаль, я как раз хотела вас оскорбить.

— Зачем?

— Вам этого не понять, ведь вы свободны от желаний.

— Продолжайте.

— Я хочу вас потому, что вы не хотите меня. Вот и вся радость. Когда к нам испытывают сексуальное влечение, мы пугаемся. Только представьте, сколько людей, ваших предков, участвовало в том, чтобы вы появились на свет. А теперь — тупик. В этом смысле вы — трупы, а мы — некрофилы. Я уверена, что с вашим появлением на этой земле те, кто когда-то осквернял могилы, исчезли, как мамонты. Да нет, вы этого не поймете... А если б могли понять, я бы не бродила теперь здесь, вороша ногами опавшие листья и ломая голову, где достать шестьдесят лир.— Она встала ногой на узел древесного корня, проломившего мостовую.— А как раз такие нынче в Стамбуле расценки.

Мысленно перевожу в доллары.

— Чем дальше на восток, тем все дешевле.

— А знаете,— плащ ее снова раскрылся,— вы не такой, как другие. По крайней мере, делаете вид, что хотите понять...

И тут я возьми и брякни:

— Если я плюну столько раз, сколько то же самое ты говорила другим спейсерам, ты просто утонешь.

— Проваливай обратно на свою Луну, ты, кусок мяса.— Она закрыла глаза.— Убирайся на свой Марс. Или на Юпитер — там, что ли, много спутников? Хоть там от тебя будет какой-то прок.

— Простите, так где вы живете?

— Все-таки хотите пойти со мной?

— Подарите мне что-нибудь. Ну что-нибудь такое... не обязательно, чтобы стоило шестьдесят лир. Такое, что вам самой нравится, что вы любите, что в вашей жизни хоть что-то значит.

— Нет!

— Но почему?

— Потому.

— Ага, не хотите расставаться даже с крохотной частичкой своего крохотного «я». Чего же еще ждать от фрелки!

— Вы что, так и не поняли, что я просто не хочу покупать вас!

— Всех ваших сокровищ не хватит, чтобы купить меня!

— Совсем ребенок. Я люблю вас.

Подходим к воротам парка. Останавливаемся, смотрим, как порыв ветра ерошит траву и замирает, запутавшись в тонких ветках кустарника.

— Я,— начинает она робко и, не вынимая рук из карманов плаща, показывает,— я живу совсем рядом.

— Прекрасно,— отзываюсь я,— идем.

Мы медленно идем по улице, и она рассказывает, как однажды здесь взорвалась газовая магистраль, и пламя бушевало до самой пристани, сжигая все на своем пути. Погасили всего за несколько минут, ни одно здание не пострадало, зато повсюду торчали обуглившиеся вывески.

— В этом квартале живут художники и студенты,— продолжает она (мы как раз пересекаем булыжную мостовую).— Юри Паша, четырнадцать — мой дом, это на случай, если вас еще раз когда-нибудь занесет в Стамбул.

Облупившаяся дверь, рядом сточная канава, полная отбросов.

— Художники и интеллигенты часто бывают фрелками,— говорю я, стараясь выглядеть поглупей.

— Среди других тоже хватает.

Она входит, придерживая для меня дверь.

— Мы просто не очень-то это скрываем.

На площадке первого этажа — портрет Ататюрка. Ее комната на втором этаже.

— Минутку, только найду ключи.

Входим.

Господи, сколько пейзажей, и все лунные да марсианские! На мольберте холст, натянутый на подрамник примерно шесть на шесть: восход солнца в лунном кратере. Кромка горной гряды так и сияет. На стенах — фотографии из «Обзервера»: лощеные лица генералов Интернационального Корпуса Спейсеров, пейзажи.

Письменный стол завален иллюстрированными журналами, где можно найти все из жизни спейсеров — такие журналы продаются по всему свету, их можно купить в каждом киоске. Говорят, их специально издают для жаждущих приключений подростков. Полка с книгами по искусству. Над ней еще полка с записями космических опер: «Грехопадение на космической станции», «Дон Жуан космоса», «Опасная орбита» и прочее в том же духе.

— Что будете пить? — спрашивает она.— Арак, или узо, или, может, пернод? Я налью вам все, что прикажете, правда, из одной и той же бутылки.— Она достает стаканы, открывает какой-то шкафчик, по пояс высотой, оказывается — морозилка, полная льда. Ставит поднос с закусками: фруктовый пудинг, восточные сладости, вяленое мясо.

— А это что?

— Долмады. Виноградные листья, фаршированные рисом с пигнолями.

— Как-как это называется?

— Долмады. Турецкое слово «долмуш» того же корня. Означает «наполненный», «начиненный». Садитесь же.

Сажусь на кушетку, которая, видимо, служит и кроватью. Под парчовым покрывалом — толстый, упругий и вместе с тем податливый гликогелевый матрас. Они все воображают, будто лежа на таком матрасе ощущаешь себя словно в свободном парении.

— Вам удобно? Извините, я выйду на минутку. Внизу у меня живут друзья. Я скоро.— Она быстро-быстро моргает.— Им тоже нравятся спейсеры.

— Вы что, хотите привести мне целую толпу? Или, может, они выстроятся за дверью в очередь?

Она сглатывает слюну.

— Если честно, я хотела предложить и то, и другое.— И вдруг замотала головой.— Ой, простите, я не спросила, хотите ли этого вы!

— Чего-то я хочу, это уж точно. За тем и пришел. Мне теперь одиноко. А может, просто любопытно, как далеко это может зайти. Сам не знаю.

— Так далеко, как сами захотите.— Она подходит к кушетке и садится на пол.— Я-то что? Ну, учусь, читаю книги, пишу

картину, хожу к друзьям, в театры, гляжу на спейсеров, проходящих мимо, пока кто-нибудь не оглянется. Я тоже одинока.

Она кладет голову мне на колени.

— Мне все время чего-то хочется, но...— она замолкает, и с минуту мы сидим, не двигаясь,— ...но вы не тот человек, который может мне это дать.

— Но вы же не хотите платить,— парирую я,— ведь правда?

Она качает головой, не поднимая ее с моих колен. И, помолчав немного, едва слышно шепчет:

— Вам не кажется, что вам... пора?

— Хорошо,— говорю, и тут же встаю.

Она откидывается, полы плаща распахиваются. Она его так и не снимала.

Подхожу к двери.

— Да, кстати,— она складывает руки на коленях,— в Новом городе есть местечко, там вы найдете то, что ищете. Цветочный переулок называется...

Я резко поворачиваюсь.

— Фрелкова тусовка? Да послушайте же, мне не нужны деньги! Говорю же вам, дайте хоть что-нибудь, все равно, что! Я не хочу...

Она тихо смеется и качает головой. Щека ее теперь лежит на том самом месте, где только что мне было так хорошо...

— Называйте так, если вам хочется. Только там спейсерова тусовка. Когда вы уйдете, я спущусь к друзьям, и мы станем говорить про... ну да, про вас, про красивое существо, которое только что здесь побывало. А вы, я думаю, наверняка встретите там... своих друзей.

Последняя фраза звучит довольно раздраженно.

— А-а-а,— говорю.— Так значит, спейсерова тусовка. Ну да. Ну спасибо.

И я выхожу, и иду по городу, и отыскиваю Цветочный переулок, и нахожу там Келли, и Лу, и Бо, и Мюз. Келли угощает всех пивом, и мы скоро уже на бровях и едим жареную рыбу, и каких-то моллюсков, тоже жареных, и жареную колбасу, а Келли швыряет деньгами и знай приговаривает:

— Вы бы только его видели! Что с ним стало после меня, вы бы только посмотрели! В этом городе такса знаете какая? Восемьдесят лир, а он дал сто пятьдесят! — и хлещет пиво без передышки.

И снова взлетаем.

ТЕМНОТА И КРИК. ЕЕ КРИК.

1

Сначала искры с сухим треском пошли по ее ногам, осветив и скалы, и маслянистую грязь кругом. И потом — тишина, ни звука, ни вскрика. Она вот-вот станет падать, крылья расправила, серебрятся наголенники. Пом-пом-пом. Огонь хлестанул еще выше, она взмахивает руками (пытаюсь сказать сам себе: «Но ведь ее давно нет...»). А силуэт все колеблется, и столько женственности в нем, серебристый, словно вырезанный из фольги, пылает на огромном ребристом кабеле, уложенном в вырытую нами канаву.

— Все думаешь о своем повышении?

— А?

Я поднял голову и посмотрел на Скотта, уставившего в меня сплошь покрытый веснушками палец. Веснушки, с десятицентовик величиной, цветом как медные монетки, покрывали и лицо его, и руки, и губы, и плечи, терялись в густых зарослях золотистых волос, в беспорядке разбегались по груди и животу.

— Интересно, как ощущает себя человек, вдруг получивший должность секционного дьявола? Два года я готовился к этой должности!

Пятнистые пальцы щелкнули в воздухе.

— Не представляю... обойти меня и назначить, кого бы вы думали? Этого! — он откинулся на своей койке, сунул лапу под широкий монтажный пояс и ожесточенно зашкрябал ногтями по животу.

Я покачал головой.

— Да нет, я не об этом думал. Так, вспоминал один случай. Ничего особенного.

Ночь в наших окнах побледнела.

Джила Монстр мчался вперед.

Свет вытер оконные стекла и ускользнул прочь.

Скотт вдруг поднялся, ухватился за пальцы ног.

— Порой мне кажется, что я всю жизнь так и пропляшу на этих, будь они неладны, струнах простым линейным демоном в серебристом костюме.

Он кивнул подбородком на чертеж шестнадцатифутового кабеля в разрезе.

— Стукнет тридцать пять, на пенсию потянет — а осталось-то всего ничего, лет десять, даже меньше — и что мне говорить своим детям? Что я хорошо работал?

Он вцепился пальцами в край койки.

— А что ж карьеру не сделал? Значит, не очень-то хорошо работал.

Пальцы разжались, руки взметнулись кверху.

— Ну да, приходит какой-то черномазый — это я про тебя — устраивается на работу, и через три года — он уже секционный дьявол!

— Демоном у тебя лучше получается, Скотт.

— Сам знаю,— вдруг засмеялся он.— Но вот что я тебе скажу: из хорошего демона не всегда выходит хороший дьявол. Там просто другой уровень. Я уж не говорю про талант. Черт возьми, Блэки, как другу говорю, мне жаль тебя. Скажи лучше, когда освободишь эту конуру? Твой запах мне надоел, хочется чего-нибудь новенького. Ты хоть на Монстре-то останешься?

— Да ходили слухи, что меня перебрасывают на Игуану. А насчет красной лычки — мне повесят ее недели через две, не раньше. Пока я буду просто помогать Мейбл. Кстати, она поселяет меня в конуру прямо над двигателем. Я ей как-то жаловался, что ты храпишь, так вот мы с ней решили, что там мне будет спокойнее.

Похоже, я попал в самую точку: он проглотил пилюлю без слов.

Я пошевелил мозгами, чтоб выдать ему еще что-нибудь:

— Я ж как-никак помощник и могу сам выбирать...

— Да пошел ты! — он откинулся на спину, демонстрируя свои желтые пятки. (Под койкой валялись шерстяной носок, который когда-то был белым, мятый журнал и три гаечных ключа.)— Я, потвоему, человек второго сорта. А кто следит за твоими компьютерами, кто распутывает все, что ты там напутал, кто регистрирует планы по рекламациям, кто отыскивает тебе нужные папки, которые ты вечно теряешь?.. И за все за это мне еще премию срезают...

— Я не стану срезать тебе премию.

— Все равно я скоро озверею от жизни такой.

— Так и знал, что ты это скажешь.

— Так и знал, что ты доведешь меня до ручки.

— Ну ладно,— сказал я.— Мейбл просила меня заглянуть к ней.

— Ну ладно, шагай.

Слава Богу, полегчало немного.

— Хитрая дьяволица Мейбл.

Так еще легче.

— Слушай! Ты ведь теперь будешь отбирать новеньких? Будь другом, подыщи мне какую-нибудь девчонку вместо себя!

— Если получится,— я улыбнулся и вышел.

Рассказать про чрево Джилы Монстра?

С три четверти мили коридоров (не так уж много, в любом приличном океанском лайнере куда больше), два машинных отделения, которые приводят в движение конечности, несущие нас над морями, над долами; кухня, кафетерий, электромастерская, рубка навигации, канцелярия, ремонтная мастерская ну и так далее. Со всем этим добром в брюхе славный Джила Монстр крадется, сопя, сквозь тьму и мглу (крейсерская скорость около полутора сотен кейз), вдоль громадных кабелей, опутавших всю Землю и продолжающих опутывать ее (спасибо Комиссии Всепланетной Энергетики), словно паутиной, с утра до вечера, с рассвета до заката, вчера, сегодня и завтра.

— Заходи, Блэки,— отозвалась Мейбл на мой стук.

Она откинула серебристые волосы (натуральные, кстати) назад, открывая серебряное ожерелье на шее, и захлопнула папку.

— Скоро выйдем на канадскую границу.

— Ну что, есть Скотту напарник в каюту?

— Курсант-энергетик Сьюзан Суаки. Семнадцать лет. Закончила училище летом. Третий результат в группе.

— Семнадцать? Как раз то, что ему надо.

— Надеюсь, здесь ее кой-чему научат. Эти отличники вечно дерут нос после училища.

— Я не драл.

— Ты до сих пор дерешь.

— Ну ладно. Скотту нравятся молоденькие да веселые.

— Ее доставят на вертолете прямо к месту работы.

— Авария на линии?

— Нет. Прокладка.

Я поднял одну бровь.

— Что касается опыта, тут мисс Суаки точно повезло. Лично я этим занимался всего раз, на Саламандре. Давно это было, я тогда только начинал. Чертовски давно.

Мейбл бросила на меня дьявольски презрительный косой взгляд.

— Ну как ты можешь служить в Энергетической Корпорации *чертовски* давно? Отличник...

— Для *меня* это действительно чертовски давно. Ну конечно, с тридцатилетним стажем только вы у нас, мэм.

— Я всегда считала, что значение опыта слишком переоценивают.— Она принялась усердно чистить ногти металлической линейкой.— Иначе бы я вряд ли рекомендовала на повышение именно тебя.

Н-да, Мейбл — просто отличный дьявол.

— Ну спасибо.— Я сел и уставился в потолок, где была нарисована карта.— Значит, прокладка.— Я изобразил на лице глубокую задумчивость.— Наша Саламандра обмотала линиями всю

Монголию и окрестности. Осталась только крохотная деревушка в Тибете. Пришлось прокладывать кабель сквозь скалы, черт бы их подрал. Вдобавок, у них еще эпидемия — странная какая-то лихорадка, от которой пузыри на коже — так вот их лечи, да и про себя не забывай. Дня три мы вкалывали по двадцать четыре часа в сутки. Три дня на то, чтобы впихнуть этот доисторический анклав — представляешь, они жили в палатках из шкур, в пещерах да в шалашах — всего три дня на то, чтобы впихнуть их в двадцать первый век! И главное, даже огня у них не было, ничего похожего на очаги, обогреться негде, а ведь кругом снег.

Мейбл сложила пальцы в замок и подперла им подбородок.

— Н-да, подумать только... и вот так они жили, наверное, тыщи три лет.

— Ну нет, не больше двухсот. Селение было основано беженцами во время японо-китайской войны. Но я с тобой согласен.

— Ну и что, стали они счастливей, когда вы от них ушли?

— Да, стали. Но вот сейчас я гляжу на эту карту: кабели, везде кабели, я не могу представить, что где-то еще остались места, где живут необращенные.

— Ты прямо идеалист какой-то. Да каждые пару лет то Джила, то Игуана натыкаются на поселения, избежавшие нашей сети. И я не исключаю, что найдутся такие, которые будут обращены лет через сто, не раньше. Люди привыкают ко всему, в том числе и к собственной отсталости, которой они просто не замечают.

— Но ведь это Канада, пускай граница, но все же Канада!

— Господи, как ты мне надоел. Проснись, мой мальчик! Я тут всем уши прожужжала, какой ты умный и способный, на повышение тебя рекомендовала...

— Мейбл, ну какое может быть обращение на канадской границе? Ну я понимаю, острова в Индийском океане где-нибудь, ну Тибет, ну Малая Азия, наконец. А тут Америка, тут места живого не осталось, сплошь кабели. Откуда здесь могут взяться люди, не подключенные к мировой энергетической системе?

Мейбл покачалась на стуле.

— Ты ведь знаешь, я не люблю заниматься этим делом. Это всегда слегка напоминает катастрофу. Если б все было так, как написано в учебниках: мол, раз-два — и готово! Нет ничего проще.

— Ты меня тоже знаешь. Я никогда не работаю по книгам.

— Верно-верно, малыш. И все-таки не люблю я это дело.

— Не помню, рассказывал я тебе или нет... Мы тянули кабель в Тибете. Произошел несчастный случай.

Мейбл вскинула брови, и я понял, что она ждет продолжения.

— Сгорел человек. Дело было ночью, в одном из соединений обнаружили неисправность, послали человека, это была женщина, ну вот, она уже возвращалась по кабелю, как вдруг пошел ток. Где-то что-то закоротило. Она сгорела как бабочка.

Мейбл перестала качаться.

— Кто это был?

— Моя жена.

— Ох...— она помолчала.— Хуже нет этих замыканий. Черт знает, сколько энергии уходит впустую, это как минимум. А тут еще такое. А я-то все думала, когда ты появился на Джила Монстре, почему это ты решил поселиться со Скоттом, а не, скажем, с Джейн или Джуди...

— Джулия была единственной для меня, мое коричневое усталое тело больше ничего не хочет.

— Вы вместе выпускались из Академии, верно? Вы и пожить-то не успели как следует вместе. Это ужасно, Блэки...

— Ладно, что было, то прошло.

— Я же ничего об этом не знала.— Похоже, она говорила искренне.

— Скажешь, и не догадывалась?

— Ну что за шутки... впрочем, пожалуйста, шути на здоровье.— Прекрасная женщина, эта Мейбл.— Работать будем прямо в районе границы.— Она покачала головой.— Похоже, у нас будут проблемы, Блэки, особенно у нас с тобой.

— Объяснитесь, мэм.

— Повторяю еще раз: у нас с тобой будут проблемы, у тебя со мной, а у меня с тобой.

— Умоляю, растолкуйте ваши слова, госпожа моя!

— Ты теперь по должности секционный дьявол. Я тоже. Ты в этой должности всего шесть часов. А я шестнадцать лет с хвостиком. Но власть и ответственность у нас обоих формально одинаковые.

— Прекрасная дама,— воскликнул я,— вы, кажется, изволили спятить.

— Помолчи. Ты не из тех, кто работает по книгам. А я наоборот. Власть, поделенная между двумя людьми, да еще такими разными, недееспособна.

— Если тебе от этого станет легче, я буду продолжать считать тебя боссом. Кроме того, ты — лучший босс, под началом которого я когда-либо работал. И, в конце концов, ты мне лично нравишься.

— Послушай, Блэки,— она посмотрела в потолок, откуда сквозь иллюминатор сочились лунные лучи, странным образом высвечивая цветную мозаику, покрывающую стены,— там, на границе не все так просто, как ты себе представляешь, и я об этом знаю больше, чем ты. Тебе известно лишь то, что мы будем заниматься обращением в довольно странном месте, вот и все. Хочу предостеречь тебя: тебе захочется провести операцию одним способом, а мне — другим.

— Поэтому мы все сделаем, как захочешь ты.

— Думаешь, я уверена, что мой способ лучше?

— Мейбл...

— Ладно, иди, черный рыцарь. Встретимся уже на границе перед сражением.

Она встала, и лицо ее снова стало серьезным.

— Как прикажете, моя госпожа.

— До завтра, Блэки.

Я вышел из кабинета и поплелся к себе, размышляя о ее словах. Скотт, как обычно, храпел на всю завертку. Я завалился в постель и открыл книгу. Не спалось. Лишь когда напор темноты за окном стал слабеть и черное лицо ночи посерело, я забылся тревожным сном.

II

Рассветные небеса расцвечены сверху вниз вот так: чернота, потом лазурь и волна алого, ну прямо японская гравюра; слева горы, справа дубовая роща, сосны, сосны, немного кленов. Джила Монстр расставил конечности над пенистым ручьем, прыгающим по камням от водопада. Я вышел на балкон и тут же получил свою порцию холодного душа: листья деревьев, сговорившись с ветром, вовсю поливали росой нержавеющие бока нашего чудовища.

— Привет! Эй-эй, привет!

— Привет,— я помахал рукой в ту сторону, где по камням спускалась... шлеп! — ну вот, по колени в воде! Короткий взвизг, и не успел я моргнуть глазом, как она уже снова сидела на камне, смущенно на меня поглядывая.

— Курсант Суаки?

— А-а... ага... так точно, сэр,— она усердно принялась тереть себе ногу, словно таким образом можно снова сделать ее сухой. Еще бы, реки в Канаде, особенно по утрам, не парное молоко.

Я стащил с себя рубаху, смял ее в комок и швырнул ей.

— Секционный дьявол Джонс.

Как ни странно, рубаху она поймала.

— Можно просто Блэки. У нас тут без церемоний.

— Спасибо вам большое.

Она сняла ботинок, задрала штанину, и я не мог не залюбоваться хорошенькой ножкой. Ну хватит, хватит, сказал я себе, отводя глаза, и нажал на кнопку подъемного трапа.

Трам-там-там-тарарам! Бумс!

Ступеньки раскрылись, и металлические ноги уперлись во влажные сосновые иголки.

— Давно нас ждете?

— О нет, меня только что высадили!

И тут же слова ее подтвердил треск удаляющегося за скалами и соснами геликоптера.

Курсант Суаки живо вскочила на ноги и замахала рукой. В кабине кто-то замахал было в ответ, но медный отблеск при повороте тут же стер его изображение со стекла.

— Мы видели, как вы становитесь на стоянку...— она окинула взглядом громадное тело Джилы Монстра.

Не помню, говорил я или нет?

Это помесь броненосца с футбольным полем. Папаша его не был таким большим, но ребеночек хорошо рос, пока не вымахал в Джилу Монстра.

— Я буду работать под вашим руководством?

— Ага, под моим лично, а также под руководством Мейбл Уаймен.

Она посмотрела на меня вопросительно.

— На самом деле начальник у нас — секционный дьявол Уаймен, Мейбл. А я только-только произведен из линейных демонов.

— Ой, поздравляю!

— Эй, Блэки! Это что, моя новая соседка?

— А вот это,— я указал на перегнувшегося через перила Скотта, с ног до огненно-рыжей головы покрытого веснушками,— это ваш напарник. Вы будете жить в одной комнате.

Скотт скатился по ступенькам; босой, штаны на бедре порваны, пояс для инструментов под тяжестью разнокалиберных кусачек, рулеток, катушек с изолентой сполз до самых...

— Сьюзан Суаки,— представил я новенькую.— Скотт Макелуэй,— представил я «старичка».

Она протянула руку.

— Очень рада...

Но ручища Скотта уже облапила крохотные плечи мисс Суаки.

— А как я рад, малышка, ты просто не поверишь!

— Мы прекрасно сработаемся, правда,— так и засветилась Сьюзан.— Мне так все здесь у вас нравится! — Она отстранилась и с жаром стиснула его руки.— О, я думаю, у нас тут все будет просто здорово!

— Ну конечно,— отозвался Скотт.— Просто не может не быть здорово!

Тут я увидел, как прямо над его розовым ухом открывается дверь.

— Эй вы там, парочка демонов, давайте-ка к гнезду хамелеона!

Скотт, одной рукой держа Сью за руку, пальцем другой ткнул в сторону балкона.

— Это Мейбл. Эй, босс! Куда идем, может, надеть ботинки?

— На разведку. Иди так, если хочешь.

— Хамелеона мы держим под ходовой частью, вон там, слева,— объяснял Скотт, ведя Сью вдоль цепной передачи Монстра — каждое звено в человеческий рост.

А я думал о том, что еще сутки назад, когда Мейбл кричала: «Эй вы там, парочка демонов...» — этой самой парочкой были мы со Скоттом.

Одетая в серебристый костюм, она спускалась по ступенькам ко мне.

— Ты улыбаешься перед поединком, Бритомарт?

— Не смейся надо мной, Блэки, я просто старая, дряхлая женщина.

Остановившись на нижней ступеньке, она уперлась указательным пальцем мне в грудь, провела им вниз к животу и уцепилась за ремень.

— Ты прекрасен. А я вовсе и не улыбаюсь, это оскал хищника.

Я положил руку ей на плечо, и мы пошли, ступая по мягким сосновым иголкам. Руки она держала в серебристых карманах, бедро ее касалось моего бедра, мягкое плечо упиралось в мое, волосы щекотали мне ладонь. Мы шли, вглядываясь в заросли папоротника, в стволы дубовой рощи, в скалы, в скачущую воду и в сияние утра между ветвями.

— Ты теперь дьявол. И есть вещи, которые теперь можно с тобой обсуждать и которые для других,— она кивнула на трехметровую ступицу, за которой только что скрылись Скотт и Сью,— ничего не значат.

— С нетерпением жду ваших слов, моя госпожа.

— Блэки, ты представляешь, что это на самом деле такое,— она похлопала по металлической лапе,— наш монстр, наша работа, все эти линии, которые мы прокладываем и обслуживаем... ты когда-нибудь думал об этом?

— По вашему тону догадываюсь, что вы ждете ответа не по учебнику, мисс Правило и Норма.

— Это не просто предметы нашей деятельности, это символы нашего образа жизни. Ведь Всемирные Силовые Линии поддерживают работу сотен тысяч единиц холодильных установок на экваторе, тем самым обеспечивая бесперебойное снабжение продовольствием; благодаря им мы заселили Арктику и Антарктику. Такие города-гиганты, как Токио или Нью-Йорк — прежде они задыхались от перенаселенности, а теперь население в них сократилось до трети. Мы уже не боимся ни перенаселения планеты, ни нехватки продовольствия — ведь на планете возделывается не более трех процентов пахотной земли, а заселена она всего на двадцать процентов. В основе концепции Всемирных Силовых Линий лежит идея о том, что любой человек может жить там, где захочет, на суше или в океанских глубинах, но где бы он ни жил, жить ему должно быть хорошо и удобно. Прежде национальные или государственные границы служили предлогом для войн, а теперь они существуют лишь по традиции, да чтоб картографам легче работалось. А вот мы, то есть именно те люди, которые непосредственно

способствуют поддержанию подобного образа жизни... мы лишены всех этих благ, наш образ жизни очень отличается от образа жизни всего человечества — странная ирония судьбы, не так ли? И все-таки мы находимся в более выгодном положении, чем все остальные — вот тебе еще один парадокс.

— Согласен.

— А ты когда-нибудь задавал себе вопрос, почему?

— Ну,— попытался догадаться я,— у нас хорошее образование, много свободного времени, мы рано уходим на пенсию...

Мейбл усмехнулась.

— Ну, Блэки, это еще далеко не все. У нас мужчины и женщины живут и работают вместе. Наш навигатор, Фалто, кстати, лучший навигатор, с которым я когда-либо работала,— один из самых глубоких поэтов современности, пишущих по-французски, его знают во всем мире. И Джулия, которая нас так прекрасно кормит, управляет кораблем не хуже меня и пишет паршивые картины — она ведь тоже работает вместе с тобой, и со мной, и с Фалто, и со Скоттом — мы все работаем на одной Станции Поддержки. И ты за один день можешь переселиться из комнаты Скотта куда захочешь, а маленькая мисс Суаки поселится к нему с легкостью, которая просто потрясла бы твоих далеких африканских предков не меньше, чем моих финских. Вот что такое железный инкубатор, в котором мы живем и работаем.

— О'кей,— сказал я,— я тронут до слез.

Мы обошли вокруг ступицы. Скотт уже открывал вторую дверь ангара и показывал Сью, где хранятся домкраты и стоит ящик с графитом.

— Но не всем,— продолжила Мейбл, не обращая внимания на мою иронию,— не всем нравится образ жизни, который мы с собой несем. Тем не менее мы здесь, в глуши канадской границы, и мы здесь затем, чтобы осуществить обращение.

— Обращение? — живо обернулась Сью.— Это когда какое-нибудь селение подключают к Всемир...

В это мгновение Скотт метнулся к Мейбл, схватил ее за шею, и они с криком повалились в кучу сухих листьев.

Я отпрыгнул назад, а Сью судорожно сглотнула. Что-то вжикнуло мимо нас, звякнуло о ступицу и зашуршало в зарослях папоротника, опавшие листы которого обозначили траекторию полета.

— Смотрите,— закричала Сью.

Я изумленно уставился на восьмидюймовую царапину на очень даже крепкой шкуре Джилы Монстра, почти на том же уровне, на котором только что была сонная артерия Мейбл.

На противоположном берегу по камням карабкался рыжий подросток, на котором одежды было еще меньше, чем на Скотте.

Сью юркнула в заросли папоротника и через несколько секунд вылезла с *этой* штуковиной в руке.

— Они что, кого-то из нас хотели *убить*?

Мейбл пожала плечами.

— Кадет Суаки! Мы прибыли сюда, чтобы подвергнуть данную местность обращению. И позвольте напомнить вам, что это не всегда безопасно.

— Я тоже раньше охотилась, когда жила дома,— ощетинилась Сью.— Мы охотились с боло. Но чтобы на меня...

Четыре острых, как бритва, лезвия соединялись в виде креста.

— На меня тоже охотятся в первый раз. И надеюсь, в последний.— Мейбл огляделась.— Я всегда была оптимисткой. Итак, рада познакомиться с вами, Суаки. Ну что мы тут встали, пошли скорей в укрытие.

Хамелеон наш, длиной, кстати, десять футов, был полностью сделан из прозрачного пластика, то есть, сидя в нем, можно было любоваться и морем, и закатом, и осенним пейзажем, не выходя из кабины.

Скотт правил, Мейбл сидела рядом.

Сью и я устроились сзади.

Мы выехали на разбитый асфальт какой-то древней дороги и бесшумно двинулись по направлению к горе.

— А куда...— пискнула Сью,— куда мы едем?

— Скажу, когда приедем, крошка,— отозвалась Мейбл. Она еще что-то проворчала и спрятала летающие ножницы в бардачок. И мало чего этим добилась: сквозь прозрачную пластмассу их было прекрасно видно.

III

Сью прилипла к дверце хамелеона.

— Ой, смотрите, смотрите! Вон там, внизу!

Мы уже прилично поднялись, петляя по чертову серпантину, так что сквозь разломы скал и деревья хорошо было видно, что творится внизу. Джила Монстр все еще выглядел достаточно внушительно.

— Эй... это еще что такое? — проворчал Скотт и сбавил скорость. Дорогу перегораживало вырванное с корнем дерево солидных размеров. Перед ним стоял грязный оборванец. Сквозь корни за его спиной, напоминающие змеиную прическу Горгоны, выглядывала рожица пацанки, которая только что пыталась обезглавить Мейбл.

— Кто это? — прошептала Сью.

— Скотт, Сью, оставайтесь на месте. Дверь не закрывать на всякий случай. Пошли, Блэки.

Немытая, видно, от рождения прическа оборванца отливала, однако, чистой медью. Левая щека была когда-то вскрыта, а потом зашита снова, но тяп-ляп, так что остались поперечные шрамы от

ниток, левое ухо было похоже на скомканную тряпку. Висевшая на нем рубаха с рваными рукавами и без пуговиц открывала живот, но если б он даже очень захотел, заправить ее в штаны все равно не смог бы по причине длины. Еще один рубец, проборождив густую шерсть на груди и смяв правый сосок, пропадал где-то под воротом.

Мейбл пошла впереди, а когда я попытался обогнать ее, резанула меня столь угрожающим взглядом, что я тут же слегка приотстал.

Да, парень был крепкий, что и говорить, но толстая складка живота уже выпирала над какой-то фиговиной из металлических пластинок и цепи, которой он крепил свой пояс. Глянув ему на ноги, я было подумал, что на них разная обувь, причем на одной — потрескавшийся сапог без каблука. Но приглядевшись, я понял свою ошибку: на другой вообще ничего не было, кроме намотанной вокруг щиколотки черной цепочки, не было даже двух пальцев, среднего и мизинца.

Наконец мы посмотрели в глаза друг другу.

Не думаю, что я был одет очень уж изысканно. Рубаха моя все еще стягивала изящную ножку Сью. Из всей нашей компании только Мейбл была аккуратна и подтянута. Вот на нее-то он и уставился, когда ему надоело смотреть мне в глаза.

— Хр-р-ап-тьфу! — произнес он наконец, набычившись, а потом, храпя, будто сморкался, добавил: — Ну и что вы тут потеряли?

После того, как он обратился к нам, в восьми дюймах к северу от обутой ноги Мейбл и в шести к югу от его босой возникло нечто, похожее на желтую устрицу.

Он поднял голову. Мокрая нижняя губа отвисла, обнажая длинные желтые зубы.

— Доброе утро,— я протянул ему руку.— Мы тут...— я посмотрел на Мейбл, в то время как он уставился на руку,— ...проводим изыскания.

Он вытащил большой палец из-за драного клапана, и мы обменялись рукопожатием. Покрытая толстым слоем грязи, вся в мозолях, это была рука взрослого мужчины, который в последний раз обкусал себе ногти, когда еще был мальчишкой.

— А? Какие такие изыскания?

На пальце красовался изумительный перстень.

— Мы из Всепланетной Энергетической Комиссии.

Взять простой золотой самородок неправильной формы...

— Так я и думал. Это ваша машина там на дороге.

...раза в три больше, чем позволяет вкус, в общем, чтоб хватило на три-четыре обыкновенных перстня...

— Мы получили сообщение, что жителям этого района не хватает энергии.

...провертеть в нем дырку для пальца, но не по центру, а так, чтоб всякие там загогулины и неровности остались с одной стороны...

— Опять эти козлы из Хайнсвиля настучали. А мы живем тут, а не в Хайнсвиле. Не понимаю, какое им до нас дело.

...в толстой части выбрать отверстие, вставить туда опал, размером этак с ноготь его... нет, моего большого пальца...

— Надо все проверить. Что хорошего, если у людей мало энергии.

...в кончики трех облегающих опал зубцов вставить бриллианты...

— Вы в этом уверены?

...а по неровностям и складкам блестящего металла раскидать кусочки сподумена, пиропа, шпинеля — получится изумительно.

— Послушайте, мистер,— сказал я,— в докладной из Хайнсвиля говорится о том, что в районе этой горы проживает не менее двух десятков человек. Энергетическая Комиссия не занимается одной-единственной розеткой.

Он сунул руки в задние карманы.

— Я вообще не понимаю, о чем таком вы мне тут толкуете.

— Сколько энергии необходимо человеку и сколько розеток должно быть в распоряжении каждого члена общества, устанавливает закон,— сказала Мейбл.— С сегодняшнего дня мы занимаемся здесь прокладкой линий. Постараемся не доставлять вам хлопот. Но хотим, чтобы и вы нас не трогали.

— С чего это вы взяли, что кто-то вас собирается трогать?

— А с того, что один из ваших, да-да, вон тот самый, уже попытался сегодня отрезать мне голову.

Он нахмурился и оглянулся, всматриваясь в путаницу корней. Потом вдруг перегнулся через ствол и достал огромную дубину.

— А ну пошла отсюда, Питт!

Девчонка что-то пропищала, голова ее мелькнула меж корней (гладкие волосы, россыпь прыщей на худых щеках и остром подбородке), звякнули метательные лезвия на бедре, и она пропала в густых зарослях леса. Сквозь дыру в рубахе я разглядел на плече моего собеседника татуировку: крылатый дракон, хвост кольцами, вцепившийся в свастику.

Мейбл не обратила на нее никакого внимания.

— Утром мы закончим внизу, а днем потянем линию наверх.

Он слегка кивнул (или просто наклонил голову), и как раз тут я почувствовал, что мы что-то делаем не так.

— Мы будем работать очень осторожно,— попытался я поправить положение,— и не причиним вам никакого вреда.

Он снова положил руки на пояс.

— А вы могли бы нам помочь. Сообщите своим людям все, что вы только что узнали. Если возникнут вопросы, если что-то будет неясно, вы всегда можете прийти и поговорить со мной. По должности я секционный дьявол, зовут меня Джонс. Наши кличут меня просто Блэки.

— Роджер...— дальше последовала абсолютно непроизносимая польская фамилия, которая начиналась, кажется, с «пш», ну а кончалась, естественно, на «ий».— Если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне. Правда, не обещаю, что смогу вам помочь во всем.

Так, кажется, выбрались. Только почему этот Роджер стоит и никуда не уходит? Да и на лице Мейбл явное неодобрение всего происходящего.

— А где живут местные? — спросил я, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

Он вскинул подбородок.

— Там, наверху, в Хай Хейвене[1].

— А есть тут у вас кто-нибудь старший, ну, мэр там или староста, что-нибудь в этом роде, с кем можно поговорить?

Роджер посмотрел на меня так, словно выбирал, куда бы врезать, чтоб я сразу отключился.

— А я тут зачем, по-вашему, стою и разговариваю?

— Ага, так значит, это вы.— Своей интонации я попытался придать утвердительный, если не просто твердый оттенок.— Тогда, может, поднимемся, познакомимся с людьми? Надо посмотреть, сколько проживает, в каких условиях, и вообще прикинуть, что к чему.

Он сжал кулак и перстнем поскреб себе шею.

— Вы что, хотите подняться к нам?

— Если можно.

— Ну хорошо. Только эта штуковина дальше не проедет.— Он махнул в сторону хамелеона.

— Тогда, может, вы нас проводите?

Он помолчал.

— Ну конечно,— Роджер раскрыл пасть, смахивающую на клетку с желтыми прутьями, и наконец улыбнулся.— И туда подброшу, и назад доставлю.

Маленькая победа.

— Подождите минутку,— сказала Мейбл,— мы сходим к машине, предупредим водителя.

Мы зашагали к хамелеону.

— Что-то не слышу ликования в твоем голосе. Мирные переговоры закончились успешно.

— Разве я сказала хоть слово?

— А я как раз ждал его. Ты, Мейбл, хоть догадываешься, как живут эти люди, если у них всем заправляет этот Роджер?

— Вполне.

---

[1] Здесь игра слов: haven (хейвен) — англ. убежище, место покоя и безопасности; созвучное с ним heaven (хэвен) — небеса, место обитания богов и ангелов.

— Ну чем он лучше какого-нибудь дикаря? А эта девчонка? Обратила внимание? И это в середине двадцать первого века!

— Вдобавок на границе с Канадой. Скотт,— сказала Мейбл, садясь в кабину,— отвезешь меня и Сью обратно. Если к ночи не вернешься, Блэки, мы пойдем тебя искать.

— Ого! Так ты со мной не идешь?

Физиономия Скотта озадаченно нахмурилась.

— Да не волнуйся ты, куда я денусь? Сью, ты мне отдашь рубаху?

— Ой, простите, ради Бога! Вот держите. Правда, она еще сырая...

— Мейбл, может, все-таки пойдем вместе...

— Блэки, два дьявола во главе этой операции — слишком много. А если не останется ни одного, возникнут проблемы иного порядка. Ты теперь взрослый дьявол. Ты сам знаешь, что делаешь. И я знаю. Боюсь, ты сошел с ума.

— Ме-е-ейбл...

— И хватит об этом! Сей свое разумное, доброе, вечное, если сможешь. Если это избавит нас хоть от десятой доли хлопот, с которыми, я уверена, мы столкнемся, я буду тебе очень благодарна.

И с решительным видом она хлопнула дверцей. Сью и Скотт были явно сбиты с толку.

— Да,— Мейбл снова высунула голову,— отдай-ка им эту штуковину.— Она протянула мне метательное лезвие.— До вечера.

Хамелеон тронулся и затрясся вниз по серпантину. Я натянул рубаху, сунул лезвие за пояс и пошел к Роджеру.

На лезвие он не обратил особого внимания, так, скользнул взглядом, но, кажется, в этот момент мы оба подумали друг про друга что-то очень-очень нехорошее.

— Ну пошли.

Он перелез через ствол. Я за ним.

Сразу за деревом лежал старенький двутурбоптероцикл. Роджер поднял его за черно-желтое облупившееся крыло, по форме похожее на крыло летучей мыши. Свободной рукой взялся за рукоятку управления. И с тем равнодушием, за которым мы иногда пытаемся скрыть волнение, отпустил крыло и махнул мне.

— Давай, прыгай на мою метлу, слетаем в убежище ангелов,— ухмыльнулся он.

И тут я кое-что понял.

А именно вот что.

Маленькое эссе,

описывающее феномен, возникший что-то около пятидесяти лет назад, когда число, обозначающее год, было с тремя нулями.

Социальное состояние общества представьте себе сами. Примерно в то же время впервые появились и птероциклы, и даже стали весьма популярны как средство передвижения на небольшие (а иногда и вполне приличные) расстояния. Особенно они полюбились в довольно странной социальной, а точнее асоциальной, прослойке общества. В чем ее странность? А вот в чем. Называли они себя индивидуалистами, а жили и передвигались всегда стаями. Не удовлетворенные состоянием общества, они поклонялись символам прошедших и наиболее деструктивных эпох, таким, например, как череп и кости, фасции, свастика, гильотина. Их подозревали в самых жестоких и отвратительных проступках, иногда без причины, но чаще всего не без оной. Все они называли себя ангелами, но существовали разные группы ангелов: Ангелы Ночи, Красные Ангелы, Ангелы Ада, Ангелы Крови. В общем, большинство из их мифологических побрякушек было взято напрокат. Общее социологическое объяснение этому явлению таково: реакция на децентрализацию, последние рецидивы насилия в мире, уже вполне нейтральном. И психологическое: ну что такое, в конце концов, этот пресловутый птероцикл? Две круглые кулачковые турбины, садишься на них верхом, с двух сторон крылья, и шестифутовая металлическая оглобля растет между ног, ею нужно править (отсюда и название «метла») — вот и все, если не считать чистого неба и выпученных глаз водителя. Надеюсь, понятно, о чем речь. И последнее. Эти так называемые ангелы — типичный продукт эпохи конца века. Уже больше тридцати лет про них не было ни слуху ни духу. Они исчезли вместе со своими неоновыми пуговицами, вечным насморком и прозрачными жокейскими шортами из винила. О да, подросткам двадцать первого века было во что наряжаться. Все.

Я влез на заднее сидение. Роджер устроился впереди и большим пальцем правой ноги нажал на кнопку где-то в районе стремени. (Если у вас возникнет фантазия полетать, не забудьте, что на кнопку нужно нажимать резко, но само нажатие должно быть мягким, следовательно, одна нога, желательно правая, должна быть босой.) Потом он крутанул рукоятку скорости — и только листья зашуршали по ногам. Птероцикл понесло над дорогой, пару раз он с треском подпрыгнул, метнулся в сторону, сделал крутой вираж. Ни с того ни с сего мы вдруг стали падать, но недолго; пролетев футов десять, Роджер подбавил газу, и машина наконец набрала высоту. Да, Роджер, видно, не привык таращить глаза в полете.

Ветер омывал его плечи, попадая мне прямо в нос, и я не мог не обратить внимания на специфический запах — правда, сначала я подумал, что так пахнет птероцикл. Вообразите самогонный

аппарат, не промывавшийся месяца этак три. Но летал Роджер, конечно, здорово.

— Сколько у вас человек в Хай Хейвене?

— Что?

— Я говорю, сколько человек...

— Двадцать шесть-двадцать семь!

Мы сделали крутой вираж, оставив гору за спиной, потом еще один, и она снова заколыхалась перед нами. Где-то далеко внизу искоркой блеснул Джила Монстр и исчез за грудами скал. Гора развернулась перед нами, открывая скалистое ущелье.

В самом конце его, аркой нависая над горным потоком, вытекающим словно из паха раскинувшейся скалы, красовался неизвестно кем построенный ну прямо-таки дворец. Этакая уродина из стекла и бетона, типичная для конца двадцатого века (т. е. до энергетических линий). Четыре этажа, террасами спускающиеся вниз, держались на скале с помощью консолей. Почти все окна были выбиты. Там, где раньше, видимо, располагался сад, теперь все заросло диким виноградом и кустарником. Дорога, скорей всего, та самая, по которой мы начали утреннее путешествие на хамелеоне, заканчивалась импозантной, хотя и украшенной пятнами ржавчины, лестницей; извиваясь, словно спина какого-нибудь гада, она, минуя бассейн, вилась от террасы к террасе.

И все же было в этом здании нечто бесстрастно-величественное.

Возле кирпичной балюстрады стояло штук двадцать птероциклов. Ограждение было выломано — наверное, чтобы удобней было взлетать с железобетонного выступа. Один птероцикл валялся в сторонке среди деталей разобранного двигателя. Перед ним ползал какой-то парень; другой стоял рядом, руки в боки: наверное, давал советы.

Третий, приложив ладонь козырьком ко лбу, смотрел в нашу сторону. Еще парочка остановилась возле бассейна. Я узнал девчонку, ту самую Питт, которая только что была с Роджером внизу.

— Хай Хейвен?

— Что?

— Это что, Хай Хейвен?

— Ага!

Мы скользнули меж скал, едва не задев громадный валун, взмыли к бетонным стенам и наконец шмякнулись на цементную стоянку.

Тут же из разбитого окна высунулись двое. Еще двое уже поднимались по ступенькам. Наблюдатель за нами с верхней террасы исчез, но через минуту снова появился, а с ним еще пятеро, включая девчонку.

Грязные, заросшие лица, серьги в ушах... я насчитал четыре порванных уха, н-да, уж если бы я носил свои драгоценности в ушах, то, по крайней мере, изо всех сил старался бы не ввязы-

ваться в драки. Еще какой-то рыжий — хотя волос его вряд ли достало бы на приличную бороду — тоже прибежал и встал как столб, но не выдержал и тут же яростно зашкрябал черными ногтями голую грудь под кожаной курткой. Дракон на его груди что было сил замахал крыльями и чуть не выронил извивающийся в его когтях крест.

Я слез с нашей птички слева, Роджер — справа.

— Кого это ты нам привез? — раздался голос из толпы.

Все оглянулись, а потом и расступились, и пред нашим взором предстала особа, поставившая вопрос.

Осиянная утренними лучами солнца, она стояла в зияющей дыре разбитой стеклянной стены.

— Из Всемирной Энергетической Комиссии,— буркнул Роджер, ткнув в мою сторону большим пальцем.— Они остановились внизу.

— Передай ему, чтоб убирался со своими дружками отсюда ко всем чертям.

Да, первая молодость ее уже позади. Но красива чертовски.

— Пускай продает свой товар в другом месте, мы в нем не нуждаемся.

Толпа зашевелилась, по ней прошел сдержанный ропот.

— Заткнись,— сказал Роджер.— Он ничего не продает.

Конечно, я прекрасно понимал, как нелепо выгляжу в этой дурацкой серебристой униформе; зато меня утешала мысль, что один раз я уже одержал над Роджером верх.

— Это Фидесса,— сообщил он мне.

Она шагнула на площадку.

Широкие скулы, яркий рот и совсем уж темные, просто черные глаза. Волосы цвета янтаря, но настолько глубокого, что лишь прямые солнечные лучи позволяли заметить их янтарный отлив. Мне повезло, яркие утренние лучи доставили мне возможность оценить их достоинства. Руки ее были в муке, на бедрах — белые мучные пятна.

— Фидесса?

Ну что ж, прекрасно. Я ничего не имею против действительности, подражающей высокому искусству, если, конечно, она не стоит поперек дороги.

— Нормальный парень,— ответил он на ее красноречивый взгляд.

— Да?

— Да. Дай пройти,— он толкнул ее так, что она чуть не сбила какого-то парня, но тот вовремя отскочил в сторону. Тем не менее она кинула на беднягу испепеляющий взгляд, смысл которого древние обозначали афоризмом «noil me tangere»[1] и который я

[1] «Не тронь меня». (лат.).

перевел бы как «держись от меня подальше, приятель!» И при этом ни капли не утратила достоинства.

— Ну пошли посмотрим, как мы живем,— сказал Роджер и направился в дом. Я за ним.

Один из парней — похоже, это входило в его обязанности — потащил птероцикл Роджера на стоянку.

Мы вошли внутрь. Фидесса последовала за нами.

— И давно вы здесь обитаете? — задал я вопрос.

— Ангелы обитают здесь уже лет сорок. Одни приходят, другие уходят. Эти, в основном, живут здесь с лета.

Мы вошли в комнату. Впечатление было такое, будто сначала тут повеселились вандалы, потом бушевал пожар, а остальное довершило время. Задней стенкой служила сама скала во всем ее естестве. Остальные отделанные деревом стены были сплошь покрыты граффити из имен, дат и неприличных надписей. Всюду валялись разобранные двигатели и их части, обрывки цепей, поленья, какое-то грязное тряпье.

— Не нужна нам тут никакая ваша энергия,— заявила Фидесса.— Не хотим мы ее, понятно? — голос ее звучал враждебно и властно.

— Чем вы тут живете?

— На охоту ходим,— ответил Роджер.

Мы вышли на лестничную площадку.

— Хайнсвиль недалеко, милях в десяти. Когда очень надо, отправляемся туда подработать.

— Маленький такой набег, верно? — Роджер сжал губы.— Когда очень надо?

— Ага, когда очень надо.

Откуда-то явно доносился запах жареного мяса. И свежего хлеба.

Я бросил взгляд на испачканные мукой бедра Фидессы. При ходьбе они так покачивались... ну просто глаз не оторвать.

Я остановился в трех шагах от двери.

— Послушайте. Что касается энергии...

Роджер и Фидесса изобразили на лицах внимание.

— Вас тут двадцать с лишним человек, почти тридцать. Вдобавок вы сами сказали, что люди здесь живут уже больше сорока лет. Как вы готовите еду? Как обогреваетесь зимой? А если кому нужна срочная медицинская помощь? И забудьте вы про закон. Это делается не для нас, а для вас же.

— Пошел ты...— прошипела Фидесса и повернулась, чтобы уйти. Роджер толкнул ее плечом в спину.

— Да лично мне наплевать, как вы тут живете,— я продолжал только потому, что Роджер все еще слушал.— Но ведь зима на пороге! Или ваши метлы, например, они же летают у вас на жидком топливе! А вы могли бы переделать их в аккумуляторные

и подзаряжать прямо здесь, это в три раза дешевле, чем ваш керосин!

— На аккумуляторе далеко не улетишь, полный бак дает на сто пятьдесят миль больше.

Фидесса бросила на меня негодующий взгляд и стала спускаться по ступенькам. Похоже, Роджеру тоже надоело: он пошел следом. Нечего делать, я поплелся за ними.

В самых нижних помещениях вовсю полыхал огонь. С потолков свисали цепи, тросы лебедок. Огонь горел в двух, выкопанных прямо в полу, ямах. В лицо мне пахнуло жаром, я скоро вспотел.

Я огляделся и повел носом, пытаясь понять, как же они тут готовят.

— Это кузница,— сообщил Роджер и, подобрав какой-то болт, постучал им по листу гофрированного железа, прислоненному к стене.— Эй, Денни, где ты там?

Перед нами появился полуголый, босой, весь в саже и лоснящийся от пота парень, да такой накачанный, что казалось — не мускулы, а стальные шары перекатывались у него под блестящей кожей. Помыть его да постричь — парень будет хоть куда... вот только сколько ему? Двадцать? Или, может, двадцать пять? Он подошел поближе, потирая кулаком левый глаз. Правый был того серовато-голубого цвета, который редко встречается у смуглолицых и который, кажется, так и сияет, так и цветет на лице.

— Ну что, как твое ничего? Чем занимаемся? — Роджер подмигнул в мою сторону.— Он у нас глухой, как тетерев.

Дэнни оторвал кулак от лица и жестом руки пригласил куда-то внутрь.

Дыхание у меня так и перехватило.

Вместо глаза в левой глазнице сочилась какой-то дрянью мокрая язва.

Вслед за Дэнни мы пробрались меж горнов и наковален и подошли к верстаку, стоящему у задней стены. Метательные лезвия разной степени готовности валялись здесь и там — я невольно притронулся к своему, торчащему у меня за поясом. Но не только они. Среди всяких там молоточков, пробойничков, напильничков и ножичков тускло блестели несколько слитков золота, кучка драгоценных камней, три небольших куска серебра. Возле крохотной ювелирной наковаленки лежали готовые серьги, кольца и незаконченная брошь.

— Заканчиваешь? — грязными пальцами Роджер ухватил брошь и поднес к глазам.

Я наклонился к нему, чтоб поближе рассмотреть ее, перевел взгляд на перстень Роджера и вопросительно заглянул ему в глаза. (Интересно, почему это мы перед глухими либо стараемся обойтись без слов, либо орем, как сумасшедшие?) Роджер кивнул.

— Дэнни многое тут для нас делает, мастер на все руки. А какой механик! Мы тут все неплохо разбираемся в двигателях, но до Дэнни нам далеко. Иногда мы просто сажаем его на метлу и везем в Хайнсвиль подработать.

— Еще и здесь немного капает?

— Верно.

Откуда-то из недр подвала вынырнула Питт. Меж языков пламени фигура ее, казалось, пританцовывает вместе с тенями на стенах. В руке она держала полбуханки свежего хлеба.

— Эй, Дэнни! — закричала она, чтоб глухой ее услышал,— я тут принесла...— она увидела нас и замолчала.

Дэн повернулся к ней, широко улыбнулся, одной рукой обнял девушку за плечи, другой взял хлеб и вцепился в него зубами.

Как зеркало, лицо Питт отразило его улыбку. Страх в глазах ее исчез, и она вся просияла, любуясь тем, как он хрустит коркой.

А уж как мне полегчало от этой сцены, и говорить нечего.

Не снимая руки с плеча Питт, Дэнни повернулся к верстаку, порылся в куче перстней, выбрал который поменьше и надел ей на тоненький пальчик. Она еще ярче вспыхнула от радости и тесно прижалась к нему, любуясь блеском золота на руке, и улыбка блуждала по лицу ее, словно отсветы пламени. (А на поясе, между прочим, позванивали метательные лезвия.) Довольный Дэн смотрел на нее с таким видом, будто он сам Господь Бог и осчастливить любого смертного ему раз плюнуть.

— Небось, перетаскали уже всю первую выпечку,— рыкнула Фидесса, сердито цыкнула зубом и, резко повернувшись, выскочила за дверь.

— Послушай,— обратился я к Питт,— как тебе здесь, нравится?

Она опустила руку с перстнем и посмотрела на меня; на лице ее снова тенью мелькнул страх.

Дэн, конечно, не слышал моих слов, но, взглянув на изменившееся лицо Питт, сразу заподозрил неладное. Он тут же помрачнел и, стараясь понять, в чем дело, посматривал то на меня, то на нее.

— Пошли отсюда,— Роджер двинул меня кулаком в плечо.— Не будем им мешать. Давай-давай, пошли.

Я вообще-то не привык к такому обращению и раскрыл было рот, но, слава богу, вовремя сообразил, что это у Роджера просто манера такая, он со всеми так разговаривает. Поэтому захлопнул рот и молча пошел за ним.

— Знаешь что,— сказал Роджер, внимательно глядя себе под ноги (мы как раз шли мимо пылающих горнов кузницы),— я хочу тебе кое-что объяснить. Не нужна тут нам никакая энергия.

— Может, ты и прав,— я старался говорить так же искренне, как и он. Искренность — мой излюбленный прием.— Но ведь существует закон.

Роджер остановился перед оконным проемом (странно, стекло в нем оставалось целым), сунул руки в задние карманы и принялся разглядывать горный поток, стремящийся прочь по дну ущелья.

Наверное, возле этой же самой речки, только в миле ниже по склону, стоял наш Джила Монстр.

— Знаешь, Блэки, я ведь совсем недавно на своей должности,— сказал он, наконец нарушив молчание.— Архангелом, так сказать, я стал всего пару недель назад. И взял это дело в свои руки только потому, что мне кажется, у меня это получится лучше, чем у парня, который был до меня. Например, я считаю, что нужно вести наши дела так, чтоб у нас было как можно меньше неприятностей.

— А кто раньше был у вас главным?

— Сэм, он считался архангелом, а Фидесса при нем была главным херувимом. Пока они тут всем заправляли, я бы не сказал, что у них все шло гладко.

— Сэм? Кто такой Сэм?

— Возьми побольше дерьма, сунь его в шкуру раза в три пострашней моей — вот и получится Сэм. Это он выбил глаз Дэну. Как-то у нас здесь оказалась, неважно откуда, пара ящиков виски; так ты представить себе не можешь, что тут творилось. Сэму вдруг захотелось пошутить; ну он спустился в кузницу, нашел там какую-то трубу, раскалил один конец и давай тыкать им в кого попало. Все бегают, орут как сумасшедшие, а ему смешно. Вот какое он был дерьмо, понял? А Дэнни не любит, когда берут его вещи, да еще так вот балуются. Сэм с трубой погнался за Питт, ну а Дэн, конечно, сразу встрял. А Сэм возьми и воткни эту чертову трубу прямо ему в глаз.— Роджер сжал кулаки.— Когда я такое увидел, сразу понял: надо что-то делать. Ну вот, пару недель назад у меня с ним была разборка. Прямо-таки битва ангелов на Небесах!

— Расскажи.

Он все смотрел, не отрывая глаз, на струящуюся по камням воду.

— Видел верхнюю террасу? Ну вот, я взял и сбросил его оттуда вниз, на следующую. Потом спустился и сбросил еще ниже, вот сюда,— он ткнул рукой в окно.— Потом снова спустился и скинул его в реку. Несколько дней он еще болтался поблизости, но я ребятам сказал: чтоб я его больше тут не видел. Ну они вообще прогнали его отсюда.— Он пошевелил пальцами.— От одного его вида тошнит. Скорей всего он свалил в Хайнсвиль.

— А Фидесса... гм... как она ко всему этому?

— Нормально.— Солнце играло на гранях его перстня.— Хотя, если б она была против, вряд ли я бы взялся. Крутая женщина.

— Выходит, шлепнул короля и взял королеву?

— Да нет, сначала я взял Фидессу. А уж потом ничего не оставалось, как... шлепнуть короля. На Небесах всегда так бывает.

— Роджер!

Он не откликнулся и ухом не повел.

— Послушай, Роджер, там у тебя парень, которому срочно нужен врач. Сам говоришь, это он, в основном, зарабатывает вам на хлеб с маслом. А ты и пальцем не пошевельнешь, чтоб ему помочь! Ты посмотри, с какой он ходит рожей! А если заражение? Это же твоя прямая обязанность!

— Сэм любил повторять, мол, мы тут будем стараться жить как можно дольше, чтоб показать остальным ублюдкам, какое мы дерьмо. А я говорю, что мы будем стараться просто жить.

— Ну представь, в глаз Дэна попадет какая-нибудь инфекция, и пойдет дальше? Ты пойми, плевать мне на мораль, я просто спрашиваю тебя: сам-то ты делаешь то, что должен делать?

Он поиграл перстнем на пальце.

— Ну, отомстил за Дэнни, получил в награду прекрасную даму... Но ведь, похоже, у него уже заражение...

Роджер наконец повернулся ко мне: шрам так и плясал на его щеке, лоб прорезали гневные морщины.

— Ты что думаешь, мы не пытались достать ему врача? И в Хайнсвиль его возили, и в Кингстон, и снова в Хайнсвиль, аж в Эджвер с ним гоняли! Целую ночь таскали его туда-сюда, бедняга совсем ополоумел от боли!

Он ткнул пальцем в сторону кузницы.

— Дэнни вырос в детском доме, а знаешь, что такое детдомовский? Он как услышит слово «город», так от страха готов бежать куда глаза глядят. А ты хочешь заставить его пойти к врачу!

— А отсюда ему не захотелось бежать куда глаза глядят, когда ему глаз выжгли?

— Он здесь живет, здесь его дом. Здесь ему никто не мешает делать то, что он любит делать, что у него хорошо получается. Здесь у него любимая женщина. Здесь он всегда сыт, вокруг него люди, которые всегда о нем позаботятся. А в деле с Сэмом... да я уверен, что Дэнни даже не понял что к чему. Ну как тебе сказать... ну вот живешь, к примеру, ты в лесу, на тебя вдруг падает дерево и ломает тебе ногу. Ты ведь от этого не бежишь из лесу, продолжаешь жить, как раньше. Дэнни ведь не понимает, что он тут у нас в Хейвене нужен нам больше, чем десяток Сэмов со всеми его командами. Этот ведь только и умеет, что обещать сделать из тебя отбивную, если косо на него посмотришь. Думаешь, почему Сэм ударил его? Именно поэтому. Но попробуй объясни это самому Дэнни! — Он снова ткнул пальцем в сторону кузницы.— А вот мне объяснять не нужно.

Солнечный луч, ударив в перстень, отскочил и сверкнул в его глазу. Роджер наконец перестал его вертеть и поднес к моим глазам.

— Дэнни делал эту штуку для Сэма. А я у Сэма его отобрал.

— И все-таки интересно, что вы собираетесь делать с Дэнни?

Роджер еще больше нахмурился.

— После того, как мы не смогли уговорить его пойти к врачу в Эджвере... в общем, ночью мы сами пошли в город, нашли там врача, разбудили, притащили за город, он осмотрел Дэнни. Ну что, вколол ему пару шприцев какой-то дряни, антибиотик, что ли, дал мази, сказал, что перевязка не нужна, на воздухе заживает быстрее. И Питт смазывает ему рану каждый день, ей можно верить, она не врет. А через недельку мы снова повезем Дэна к этому врачу, пусть посмотрит, как идут дела. И вообще, черт побери, за кого ты нас принимаешь?

Не похоже, чтобы он ждал ответа на свой вопрос.

— Ты сказал, что хочешь посмотреть, как мы тут живем. Ну давай, смотри. Как закончишь, приходи, я отвезу тебя обратно, и ты скажешь своим, что никакой вашей энергии нам тут не надо, не нуждаемся.

Последние слова он подкрепил тем, что потряс перед моим носом грязным пальцем.

Ну я немного погулял по Хейвену, рискуя собственной жизнью на всех этих шатких переходах и готовых в любую минуту рухнуть ступенях, поразмышлял о том, что даже у этих ангелов на их «Небесах» нашлось место для собственного ада... Я из кожи вон лез, делая вид, что наслаждаюсь ярким солнцем и прохладным ветерком, что мне все тут ужасно интересно, особенно интересно смотреть, заглядывая через плечо, как эти парни ковыряются в своих птероциклах... Но вот в чем штука: как только я подходил, всякие разговоры тут же смолкали; стоило мне повернуться, как я обязательно видел человека, который только что на меня внимательно смотрел; стоило поднять голову, как с верхней террасы исчезала чья-нибудь фигура.

Минут двадцать, невыносимо долгих минут, я шлялся здесь и там, пока не наткнулся на Фидессу. Как ни странно, она улыбалась.

— Наверное, голодный?

В одной руке (подумать только) у нее лежало яблоко, в другой дымилась краюха — этак с полбуханки — черного хлеба.

— Ага.

Я подошел. Мы сели на расколотое вдоль бревно, служившее скамейкой.

— Хочешь с медом?

Она протянула заржавленную по краям консервную банку, из которой торчал кухонный нож.

— Спасибо.

Мед заполнял рыхлую губчатую мякоть: так, наверное, жидкое золото заполняет форму в ювелирной мастерской Дэнни. Я ведь действительно еще не завтракал. Яблоко оказалось сочным и таким холодным, что ломило зубы. А хлеб был еще теплым.

— Большое спасибо, очень вкусно.

— Пока больше ничего нет, а ты, наверное, торопишься. Ты ведь явился, чтобы посмотреть, как мы тут живем? Ну и что ты тут увидел?

— Фидесса,— сказал я, после чего выдержал приличную паузу, во время которой попытался догадаться, какое отношение улыбка на ее губах имеет к прямому вопросу, что называется, в лоб (слова ее вполне могли означать что-нибудь вроде: «все посмотрел? ну и проваливай ко всем чертям»). Признаюсь сразу, догадаться мне так и не удалось.

— Фидесса, ты же понимаешь прекрасно, что я не совсем дурак. И только не подумай, что я осуждаю вас и ваш образ жизни. Кандалы и плетка восторга у меня не вызовут, тем более что я тут у вас не встретил ни одного человека моложе шестнадцати, то есть вы все достаточно взрослые, чтоб голосовать, а для меня это значит — чтобы жить так, как считаете нужным. Более того, я лично считаю, что ваш образ жизни открывает пути к тому, чтобы человек снова вернулся к природе, чтоб его жизнь вновь обрела естественные, стихийные черты, как в те времена, когда деяния людей воспевались в мифах и легендах. Я говорил с Роджером, и его слова произвели на меня впечатление, я бы даже сказал, глубоко тронули тем, насколько его чувство ответственности сходно с моим собственным. Я тоже совсем недавно вступил в свою должность. И я до сих пор никак не пойму всего этого шума по поводу каких-то там жалких нескольких розеток: это просто выходы энергии, вот и все. Хотите — пользуйтесь, хотите — нет, ваше дело. Мы пришли к вам с миром, и через пару часов нас тут не будет. Оставьте нам ключи, смотайтесь в какую-нибудь деревушку поблизости, повеселитесь там с местными. Перед уходом мы запрем все двери и спрячем ключи под половик. Вы и знать не будете, что мы здесь что-то делали.

— Послушай-ка ты, линейный демон...

Да, моя восьмидесятисемилетняя бабка рассказывала, как еще в шестьдесят девятом прошлого века она участвовала в расовых волнениях в Детройте; так вот, кругом пули свистят, революция, а она спокойно так и говорит одному там борцу за гражданские права, тому самому, который через три года стал моим дедом: «Послушай-ка ты, сосунок бледнолицый...» Только теперь я понял, что именно имела в виду моя бабка, когда мне об этом рассказывала.

— ...ведь ты понятия не имеешь, как мы тут живем, чем мы тут дышим. Поболтался тут полчасика, перекинулся парой слов со мной да с Роджером и делает вид, что ему все ясно... Ну что ты можешь понимать в нашей жизни?

— Виноват, я не демон. Дьявол.

— Ну что ты мог тут увидеть за это время? А люди здесь живут достаточно долго. Ты хоть представляешь, что тут было

пять, а тем более пятнадцать лет назад? И что будет лет еще через пять? Лет десять назад, когда я оказалась здесь...

— С Сэмом?

Не менее четырех разноречивых чувств пробежало по ее лицу, но ни одно из них не было выражено словами.

— Когда мы с Сэмом тут оказались, в Хейвене жило полторы сотни ангелов, не меньше. А теперь всего-то ничего — двадцать один человек.

— Роджер говорил, вас тут двадцать семь.

— Шестеро ушли, когда Сэм с Роджером поцапались. Роджер надеется, что они скоро вернутся обратно. Йогги, может, и вернется. Остальные — не думаю.

— Ну и что будет лет через пять?

Она покачала головой.

— Ты что, не понимаешь? Да не трожьте вы нас, мы и так вымрем.

— Мы не собираемся вас трогать.

— Собираетесь. Вы хотите нас уничтожить.

— Ну хорошо. Я вернусь к своим и постараюсь объяснить им все так, чтоб они вас поняли. Стану вашим адвокатом. Я ведь дьявол,— я отломил еще кусочек хлеба,— а дьявол умеет говорить так, будто язык его намазан медом. Может, на Мейбл и подействует.

Я смахнул крошки со своих коленей, в которых отражалось солнце.

Печально улыбаясь, она снова покачала головой.

— Нет...

Ох, не люблю я, когда женщины улыбаются мне так печально.

— Вы добрый, вы красивый, может, даже хороший человек.

Вечно они сводят разговор к этому.

— Но вы пришли сюда, чтобы убить нас.

Я пытался протестовать, но тщетно.

Она протянула мне яблоко.

Я откусил. Она засмеялась.

И вдруг умолкла.

Я повернул голову.

В дверях стоял Роджер. Видно было, что он слегка сбит с толку.

Я встал.

— Ну что? Поехали обратно?

Находчивости и нахальства мне не занимать.

— Обещать вам ничего не могу. Но попробую все-таки уломать Мейбл плюнуть на это дело и отправить своего джаггернаута[1] куда-нибудь в другое место.

---

[1] Джаггернаут (инд. миф) — одно из воплощений бога Вишну. Переносно неумолимая, безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры или самоуничтожения от служащих ей.

— Да уж будь так добр... попробуй,— отозвался Роджер.— Ну, пошли.

Пока Роджер отцеплял свой птероцикл, я подошел к ограде. Внизу в бассейне по пояс в воде стояла Питт и пыталась затащить к себе Дэнни. Наконец ей это удалось. Воздух был не теплее восемнадцати градусов, но они плескались и кричали, словно молодые звери где-нибудь, э-э-эх, в жарких странах.

IV

О неистовый Джила Монстр!

Вы только посмотрите!

Шесть гидравлических подъемников — масляные цилиндры толщиной с хорошую бочку — приподнимают подвеску футов этак на пять, чтоб не мешала работать роющим пластинам. Та челюсть, что посередине, с легким смехом вгрызается в грунт. Та, что только что посмеивалась, теперь ревет. Пластины по бокам скользят назад.

Потом вдруг появляется телескопический подъемник, а на нем Мейбл в окружении приближенных; она осматривается, кладет на демонские плечи телекамеру с телеобъективом.

Серебристая команда рассыпается по сосновым иголкам, как блестящие шарики из подшипника. Монстр приседает, извлекает из почвы челюсть (установленную, кстати, под нужным углом одним из самых тонких современных поэтов, пишущих по-французски), и траншея, пара дюжин футов в ширину и глубину, готова. Теперь выдвигаются по бокам две челюсти с шестифутовыми проволочными щетками и, вылизывая до блеска, укрепляют стенки этого ложа для шестнадцатифутового кабеля. Управляют щетками два демона (Ронни и Энн); они же укрепляют плохо сидящие ребра, следят, чтобы на высокочастотных уровнях не случилось замыкания. И вот, когда серебристый червь выползает уже на сотню футов, открываются боковые отсеки, и специальный кран слева выдвигает свои магнитные захваты.

Одной из самых прямых в мире дорог считается дорога Петербург — Москва. Рассказывают, что русский царь, не помню, какой, собрал как-то вокруг себя разных там архитекторов и строителей, взял в руку линейку и провел между двумя городами на карте прямую линию.

— Хотите знать, где строить? А вот здесь! — Он ткнул в линию пальцем, не обращая внимания на изумленные лица специалистов. И русские построили-таки эту дорогу — можно себе представить, чего это стоило в середине девятнадцатого века.

Кроме некоторых глубоководных линий в Тихом океане и высокогорных в Гималаях, магистральные и бóльшая часть про-

межуточных кабелей кладется примерно тем же способом и без особых трудностей. Дело несколько осложняется лишь при работе на стыках. Мы как раз работали на стыке.

Итак, бригада демонов (Джулия, Билл, Фрэнк, Дмитрий) готовит внутренние зажимы и пятнадцатифутовую вилообразную перемычку. Подсоединять ее — дело не совсем простое. Пока ставится стык, по этой перемычке через зажимы пойдет вся энергия, поэтому контакты должны быть особенно плотными.

Мейбл в это время сидит в своей башне, давит нужные кнопки, а кран визжит как резаный. Из чрева Монстра появляется готовая перемычка, и Скотт, держась за веревку, проносится на ней над сияющими ребрами Джилы, как некий инфернальный серфер.

Фрэнк и Дмитрий выкатываются между лап Монстра и бегут помогать Сью: полукруглые зажимы должны лечь точно на место, отмеченное мелом. Потом к ним на заднице съезжает Скотт и принимается плясать по кабелю с храповиком в руках. В паре с ним — Сью с другим храповиком. Таким способом они вживляют контакты на различной глубине кабеля.

Фрэнк:

— Глянь, а у нее здорово получается!

Дмитрий:

— Хоть теперь в академии чему-то учат.

Фрэнк:

— Новенькая, вот и старается. Как думаешь, побежит, если послать ее за телетурникетом?

Восьмифутовый щуп проникает до самой середины кабеля. Там шестьдесят тысяч вольт. Следующий, длиной семь футов шесть дюймов, работает на меньшей глубине. Это высоковольтная трехпроводная линия возврата под напряжением около трехсот тысяч вольт. Она может обслуживать город с населением от двух до шести миллионов жителей. Третий щуп опускается к высокочастотной линии общих коммунальных услуг. Потом идет низкочастотная линия. За ней — слой коммуникационной сети, которая позволяет подключаться к всемирной компьютерной сети, если, конечно, вам позарез нужна именно всемирная. Дальше идут специальные датчики, сообщающие о всяких там неполадках непосредственно Джиле Монстру и его собратьям. Ну и так далее. И тому подобное. По всей шестнадцатифутовой толщине.

Храповик Скотта щелкает на затворе последнего щупа (Сью перегнала его; потом он станет всем рассказывать, что нарочно поддался), и он машет рукой Мейбл, которая вдруг забеспокоилась, обнаружив, что мы на полторы минуты выбились из графика.

Опускается еще одно щупальце с двойным лезвием. Трещат зубья, искры отражаются в блестящей униформе. Демоны щурятся и отступают назад.

Дмитрий со Скоттом уже катят по металлическим слегам соединительный диск к краю траншеи.

— Эй, Сью! Берегись, малышка! Эта штука весит не меньше трехсот фунтов!

— Держу пари, сама она и на сотню не потянет!

Еще мгновение — и лезвия убираются прочь. Монстр поднимает секцию кабеля и укладывает ее себе под брюхо.

Стык с отводами и зажимами от основного кабеля ставится на место. Снова трещат храповики. Теперь вся команда завинчивает зажимы на контактах.

Мейбл наконец вздыхает и вытирает бледный влажный лоб. Операция прошла без отключения, ни одна точка цивилизованного мира ни на секунду не лишилась энергии — нигде не закоротило, случайностей — ноль, травм — столько же. Осталось только снять перемычку, и ток снова пойдет прежним руслом. Можно тянуть линию к Хейвену. Едва ли теперь случится что-нибудь непредвиденное.

Роджер доставил меня обратно, когда они уже снимали вилку. С камня на камень я поскакал вниз, сделал ручкой народу, сплясал вверх по лестнице, сыграл на флейте артерий нашего зверя. Наконец, прикрыв ладонью глаза от яркого света, вышел на корму.

Темные окна кабинета Мейбл надвинулись на меня, как тать в нощи. Я поднялся по трапу и сунул голову в дверь.

— Привет, Мейбл! Угадай, что там творится в Хай Хейвене.

Не думаю, что она ждала меня так скоро. Она даже слегка подпрыгнула от неожиданности.

— Ну и что там творится?

— Да там засела стайка ангелов со своими птероциклами, ну прямо начало века. Татуировки, серьги, кожаные куртки и все такое... хотя вряд ли кожаные куртки им по карману. Стащили где-нибудь.

— Очень мило,— нахмурилась Мейбл.

Я принял сидячее положение.

— Впрочем, никакие они там не злодеи. Чокнутые, конечно. Я видел, у тебя уже все готово. Но что ты скажешь, если мы плюнем на это дело, смотаем всю нашу проволоку и поищем местечко получше?

— Ты с ума сошел,— она помрачнела еще больше.

— Нисколько. Знаешь, они ведь просто хотят жить сами по себе, чтоб им никто не мешал, они так привыкли. Давай уйдем отсюда.

— Нет.

— Они думают, что мы хотим их уничтожить... а разве не так?

— Так. Я действительно хочу их уничтожить.

— Да-а? Сейчас ты мне расскажешь, что ангелы убили твоего папу, поэтому ты ненавидишь их с детства и жаждешь отомстить за него.

— Я предупреждала, что мы можем поссориться, Блэки,— она резко развернулась на стуле кругом.— В последний раз я осуществляла обращение у вегетарианцев — культ там у них такой был, где-то в районе Скалистых гор. Мясо они ели раз в году, в праздник осеннего равноденствия. Никогда не забуду лица этого ребенка, когда первая стрела пригвоздила его рубашку к дубу...

— С праздничком, святой Себастьян. Но шутки в сторону. Эти вовсе не каннибалы, Мейбл.

— А перед этим мы обращали утопических социалистов, лагерь которых был в швейцарских Альпах. Я не могу, конечно, обвинять их в прямых убийствах, если не считать тех троих, которые погибли, когда дело дошло до открытых боевых действий. Но, в конечном счете, к насилию и убийствам ведет их доктрина. Или вот еще дальше...

— Мейбл...

— Надеюсь, ты перебиваешь меня потому, что принял мою точку зрения.

— Ты же сама не так давно толковала мне о том, что существуют и вполне допустимы общества, ведущие самый разный образ жизни. Мне казалось, что ты прекрасно понимаешь эту проблему.

— Я была бы глупей осла, если б стала сейчас с тобой спорить. Встань с пола.

Я встал.

— Я тоже умею говорить банальности. Я, например, считаю, что тяжелая работа не вредит человеческому организму. Но тяжело работать и вместе с тем недоедать, или быть вынужденным работать больше того, на что способен организм, для того, чтобы какой-нибудь дядя купался в шампанском, когда у тебя самого на хлеб не хватает, или вообще не иметь работы и видеть, как голодают твои дети — вот что действительно разрушает наш организм. Поставь любую статистически значимую группу людей в такие условия, и как минимум через пару поколений получишь войну, гражданскую или любую другую, неважно — это с одной стороны, а с другой — все мыслимые и немыслимые неврозы, для которых подобный Weltenshaunung — благодатная почва.

— Ставлю тебе пятерку за банальность и общие места.

— Мир един, все в нем взаимосвязано; в свое время двести миллионов голодных азиатов произвели не поддающееся учету действие на психологию двухсот миллионов сытых и не особенно перетруждающихся североамериканцев — и мир, как ты знаешь, изменился.

— Четверка за самоочевидность.

— И наконец...

— За блестящую концовку — трояк автоматом.

— ...вот уже сорок лет на земле нет войн. В прошлом году в Нью-Йорке было всего шесть убийств. В Токио — девять. Девя-

носто семь процентов населения земного шара грамотно. Восемьдесят четыре процента знают, как минимум, два языка. И среди всех мировых событий единственным самым мощным фактором, который привел к такому положению дел, было создание Всемирных Энергетических Линий. И люди вдруг осознали, что они не должны больше работать из-за куска хлеба. Мир пришел к нынешнему положению дел, когда уже успели состариться их дети. Когда Линии только начинали прокладывать, поколение наших прадедов получило уникальную возможность оставить своим детям любопытный, ни на что не похожий набор неврозов, а у тех хватило ума вырастить достаточно здоровых детей, которые стали нашими родителями.

— Ну и что, далеко мы от них смогли убежать?

— Ты брось этот свой тон. Для меня все просто: в мире, где на войне гибнут миллионы, и сотни тысяч — в результате менее эффективных средств уничтожения — в таком мире существует какое-то оправдание для человека, который по поводу всякой несправедливости разводит руками: «А что я могу поделать?» Но нынешний мир уже давно не такой. И если мы позволяем себе думать, что и в нашем мире возможно подобное, значит, мир наших дедов еще сильно цепляется за нас. На самом же деле даже один-единственный мальчик, которого дюжиной стрел пригвождают к стволу, заставляет стонать мою совесть. Но то, что я увидел там, наверху...

— Ты увидел там следы насилия, грубость, неоправданную жестокость к ближнему, что рано или поздно приводит к убийству, что в любой момент может привести к убийству. Ну что, права ли я?

— Но они сами выбрали такую жизнь! У них собственное понимание чести, и достоинства, и ответственности. Почему ты не пошла со мной и не увидела все своими глазами? А я видел их и знаю, что от них никому никакого вреда...

— Послушай ты, умник! Вспомни, кого сегодня утром пытались убить вот этой самой штуковиной, которая до сих пор болтается у тебя на поясе!

— Ме-ейбл!..— но это восклицание уже не имело никакого отношения к нашему спору.

Мейбл схватила микрофон, ткнула пальцем в кнопку.

— Скотт, что ты там вытворяешь, черт тебя побери!

Усиленный громкоговорителями, голос ее прокатился по скалам и обрушился на головы демонов.

А Скотт вытворял следующее.

Он вскарабкался на вилообразную перемычку, уселся на ней верхом и поехал прямо в чрево Монстра. Большинство зажимов было уже вывернуто, так вот он взял соединительный провод (будь я проклят, если он не заявил перед этим Сью: «Послушай, детка, я тебе сейчас такое покажу, ты в жизни не видала!»),

присобачил к нему провод с высоким напряжением и бросил его на металлическую обшивку. Ток там меньше ампера, поэтому опасности почти никакой. А высоковольтное напряжение на корпусе дает так называемый «эффект щетки». Очень впечатляет. Снопы, фонтаны трехфутовых искр кругом, а Скотт стоит посередине и довольно улыбается, и волосы на голове дыбом.

Живая плотина из платины...

Бурлящие потоки бриллиантов...

Созвездия светил и самоцветов...

Но небольшая опасность все-таки остается — почему Мейбл и рассердилась. Случись что не так с этим высоким напряжением, дело может принять более чем серьезный оборот. Ведь клеммы перемычки касаются крюка лебедки, лебедка крепится к корпусу крана, а кран стоит на шасси самого монстра. Мало ли что там на линии может случиться, хоть вероятность почти равна нулю, но все-таки...

— Черт бы тебя подрал, Скотт!

Мейбл села за пульт и медленно повернула рукоятку реостата. Можно вообще снизить силу тока до нуля: если в проводах нет ни ампера, от тока, будь напряжение хоть миллион вольт, вреда не больше, чем от статического электричества заряженной расчески.

— Они же прекрасно знают, как я не люблю, когда энергию пускают на ветер! — проворчала она.— Ну все, слышите, шуты в серебряных латах! — загремел ее голос над скалами.— Марш на корабль! На сегодня хватит!

Она была просто вне себя. Я не стал настаивать на продолжении разговора.

Да, не вовремя меня угораздило родиться. Я бесцельно бродил по чреву нашего Монстра, забредал в самые дальние закоулки, сидел, отдыхал, снова вставал и принимался бродить, не находя себе места. Вместо того, чтобы сидеть в кабинете и заполнять какие-нибудь нужные бумажки, я шлялся без дела и ломал голову над тем, не стану ли я счастливее, если поменяю серебристую униформу на рваные джинсы. И зачем я таскаюсь по всему свету с этими демонами, ковыряюсь с ними в земле, когда бы мог, например, носиться сейчас в вечернем небе, погоняя свое помело — я развеял бы все свои обиды по ветру. Впрочем, я понимал, что все мои обиды имели отношение только к Мейбл.

Я вышел на балкон, перегнулся через перила и увидел внизу мерцающую фигуру. И рядом с ней еще одну.

Я застыл над перилами и вот что — да, вот именно — подслушал и подсмотрел:

У самой траншеи стояли и мирно беседовали — кто бы вы думали? Сью и... Питт!

— Да говорю же тебе,— это Сью сказала,— мне просто ужасно нравится здесь работать. Всего два года Академии после шко-

лы — и ты знаешь все, что касается прикладной энергетики. А еще тут здорово потому, что постоянно путешествуешь.

Забавно было то, что она говорила это таким тоном, словно читала вступительную лекцию к академическому курсу. Что ж, неплохое вступление.

— А кстати,— вдруг сменила она тему, и я понял, что она не сразу решилась на этот вопрос,— что это с глазом твоего парня?

Питт помолчала, ковыряя носком землю.

— Да подрался тут с одним... так получилось, что... ну, в общем, ужасно.

— Понимаю,— сказала Сью. Девушки, как по команде, повернули головы в сторону леса.— А почему он не выйдет? Никто тут его не тронет.

— Он просто стесняется. А еще он плохо слышит.

— Ну ничего страшного, не хочет — пусть остается там.

— Да, было бы здорово попутешествовать на вашем Монстре,— сказала Питт.— Мне бы очень хотелось.

— Хочешь зайти внутрь?

— Нет-нет! Ой, мне уже пора домой! — Через мгновение она исчезла между деревьев. Возможно, успела заметить меня на балконе.

— До свиданья! — крикнула ей вслед Сью.— Передай ему еще раз спасибо, мы так здорово полетали! Мне очень понравилось!

Через минуту над деревьями, сбивая тонкие ветки, взмыло помело.

Я вернулся к себе. Вошла Мейбл и, усевшись бочком на мой стол, принялась разглядывать бумажки, которые к этому времени должны были быть уже заполнены.

Я лихорадочно перебирал в голове все мыслимые способы избежать продолжения спора с боссом.

— Не умеешь спорить — не берись, зря силы потратишь,— сказала наконец Мейбл.— Может, закончим?

— Давай. Только я не собираюсь спорить.

— Продолжай.

— Это ты продолжай. Я знаю единственный способ, чтоб тебя убедить: выдать кусок кабеля, чтоб ты удавилась.

Она швырнула бумаги на стол.

— Ну хорошо. Тогда вернемся к избитым банальностям. Ну представь себе: мы провели линию, установили розетки. Ведь никто же не станет заставлять их пользоваться ими! Не хотят — не надо.

— Эх, Мейбл! Да тут все дело в принципе!

— Но ведь я-то еще не удавилась.

— Послушай. Ты — начальник. Я же говорил тебе, что мы будем все делать так, как ты скажешь. Вот и все! И я повторяю свои слова еще раз. Спокойной ночи!

Совершенно расстроенный, но с чистой совестью и в серебристом костюме, я гордо вышел из кабинета.

Фрэнк Фалтос как-то говорил мне, что по-французски это называется l'esprit d'escalier — остроумие на ступеньках. Самые остроумные, самые убедительные аргументы в споре приходят в голову, когда ты уже спускаешься вниз. Я вошел в свою новую комнату и плюхнулся на койку. Мне было по-настоящему плохо.

Настал вечер. В окно мое бились желтые листья; казалось, там невидимый банкомет сдает карты с золотистой рубашкой. Поворочавшись и убедившись, что в этом нет никакого толку, я встал и вышел — мне тоже захотелось сыграть. Или хотя бы заглянуть игрокам через плечо.

Я спустился вниз, прошелся по берегу речки, постоял, цепляя носком камешки и подбрасывая их в воду, сделал еще несколько шагов к водопаду, так, чтобы шум его заглушил ржанье демонов, распивающих пиво на верхней площадке Монстра.

Потом кто-то позвал их внутрь, и со мной остались только вечер и шум воды.

И неожиданный смех над моей головой...

Я посмотрел вверх.

На скале, упершись резиновыми тапочками в камень, сидела Фидесса.

— Привет еще раз,— сказал я.

Она молча кивнула, глядя на меня глазами женщины, у которой есть какая-то тайна. Потом свесила ноги с камня и стала быстро спускаться вниз.

— Эй-эй, осторожней! Смотри не поскользнись...

Она не поскользнулась.

— Блэки!

— М-м-м... Чем могу быть полезен?

— Да ничем! — карие глаза ее сияли, как угли.— Хочешь сходить на вечеринку?

— Что?

— Ну к нам, на Хай Хейвен.

Так. Раз кабеля к ним мы сегодня не протянули, они там решили, что моя (и их) взяла, обрадовались и хотят повеселиться.

— Ты знаешь, пока мне не удалось для вас ничего сделать.

Ох уж это хитрое «пока».

Я почесал в затылке, проделал еще несколько движений, демонстрирующих мои колебания.

— И все же приятно, что вам с Роджером пришло в голову меня пригласить.

— Да нет же, это я приглашаю тебя. И вообще,— она подмигнула, словно я был с ней в каком-то сговоре,— можешь прихватить с собой какую-нибудь девчонку из ваших.

Целую секунду я, как дурак, размышлял о том, что за этим приглашением, похоже, не кроется никаких коварных планов.

— Если б Роджер узнал, что я специально спустилась сюда, чтоб притащить тебя на наш сабантуй, ему бы вряд ли это понравилось.

Парень я высокий, красивый, с очень смуглой кожей, поэтому привык к подобному обхождению со стороны дам самого разного происхождения — даже в наш просвещенный век.

Поэтому нисколько не удивился.

— Ну да, понимаю, конечно. Я с удовольствием.

Вытащить туда Мейбл? Очень соблазнительно, чтоб сама, своими глазами убедилась в том, насколько я прав (дьяволы гордо ступают к вратам обители ангелов... бр-р...— я прикончил эту мысль в зародыше).

Кроме того, во мне еще не остыл воинственный пыл. Ну кто, черт побери, захочет взять с собой на вечеринку человека, с которым у него только что была яростная схватка!

Я посмотрел в сторону Монстра. На верхней ступеньке трапа сидела Сью с книгой на коленях.

— Эй!

Она подняла голову. Я помахал ей рукой: иди, мол, сюда. Она отложила книгу и спустилась к нам.

— Чем занимается Скотт?

— Спит.

Вот почему он никогда не станет дьяволом: этот демон способен спать где угодно и когда угодно. А дьявол должен уметь всю ночь не спать, беспокоиться о делах, а к утру не суметь уснуть оттого, что слишком разволновался, принимая решение, которое пришло ему в голову на рассвете.

— Хочешь сходить на вечеринку?

— Хочу.

— Фидесса приглашает нас к себе, на Хай Хейвен. Питт там тоже будет.

Она нырнула мне под руку, прижала головку к моему плечу и слегка нахмурилась.

— Питт — странная девушка.

Морщинки на лице семнадцатилетней девчонки просто очаровательны.

— Но она мне нравится.

Она подняла голову, ухватилась за большой палец моей правой руки и, заглядывая в глаза, спросила:

— А когда мы идем?

— Прямо сейчас,— сказала Фидесса.

Мы полезли по камням наверх.

— Когда-нибудь летали на помеле? — спросила Фидесса.

— Еще в Академии я часто возил на нем жену на занятия,— ответил я (интересно, как это я мог забыть об этом и не включить

такой важный факт в свое повествование. Надо подумать на досуге).— Давай поведу.

Мы уселись: я впереди, у рукоятки управления, за мной Сью, уткнувшись подбородком мне между лопаток, за ней — Фидесса. Неуклюжий старт, изящный вираж над горным хребтом («Вон туда»,— крикнула Фидесса), и мы взяли курс прямо на ущелье.

— Ой, как мне нравится кататься на этих штуках! — пищала Сью за моей спиной.— Почти так же, как на роликах или на серфинге! Только в сто раз лучше!

Должен заметить, что между ее восторгом и моим летным мастерством не было ничего общего. Впрочем, если уж ты раз в жизни научился ездить на велосипеде, то уже до конца дней своих не забудешь, как это делается. В горловину меж скал мы буквально провалились. Зато на верхнюю террасу я опустился даже с некоторым шиком; по-моему, лучше, чем Роджер сегодня утром.

А-а-а, вот где они готовят еду, запах которой я чуял здесь все утро. Фидесса вела нас меж деревьев, растущих над домом, вверх по склону. (Кажется, жарят мясо...) Продираясь сквозь заросли рука об руку со Сью, я заметил, что наш бывший курсант тоже учуял запах и морщит свой изящный носик.

Мы вышли наконец на небольшую полянку. Над неглубокой ямой, полной раскаленных угольев, на закопченной решетке распластался поросенок, мечтательно уставившись раскосыми глазами в небо. Уши уже успели обуглиться. Губы завернулись, обнажив острые клыки. Запах был — с ума сойти.

— Эй,— крикнул Роджер, сидевший по ту сторону костра,— вы и вечером сюда явились? Ну и молодцы! — он приветствовал нас, подняв над головой банку пива.— Попали как раз вовремя — у нас тут небольшой праздник.

— Догадываемся.

По скале к нам карабкался рыжеволосый парень, волоча за собой картонную коробку. На груди его красовался великолепный татуированный дракон.

— Эй, Роджер, лимоны нужны? Я был в Хайнсвиле, свистнул там целую коробку, еле допер, черт бы ее подрал!

Какой-то тип двумя руками схватил его за шкирку и рванул на себя его кожаную куртку. Парнишка так и зашатался. Коробка лопнула и съехала на край ямы. Запрыгали, покатились во все стороны лимоны.

— Да отпусти ты, черт...

С полдюжины лимонов провалилось сквозь решетку. Кто-то пнул коробку ногой, и еще несколько штук покатилось по склону.

А рядом уже сопела, кряхтела и трещала разрываемыми по швам куртками куча мала. Через полминуты всеобщей свалки ко мне порхнули две банки с пивом. Я успел-таки поймать их и только потом посмотрел в ту сторону, откуда они прилетели, и

увидел смеющееся лицо Роджера. Я откупорил обе банки, вручил одну из них Сью, и мы чокнулись.

За спиной Роджера Фидесса делала мне непонятные знаки. И тоже смеялась.

Сью глотнула пива и хмуро спросила:

— А где Питт?

— Там, в доме.

Она просительно сверкнула мне белозубой улыбкой. Я кивнул.

— Позовите, когда будет готово!

Она вскочила, обогнула извивающийся клубок ангелов и запрыгала вниз по камням.

Куда ведут склоны этой горы, если они вздымаются выше Небес?

Я не знал и поэтому покинул пирующих и медленно побрел вверх, пробираясь меж зарослей и валунов. Ветер шумел в вершинах сосен — внизу он был помягче, поласковей. Я заглянул в ущелье, бросил взгляд на верхнюю террасу Хейвена, где еще оставались какие-то люди, посидел немного на поваленном дереве. В душе было ощущение полного покоя.

Вдруг по опавшим листьям зашуршали чьи-то шаги. Я не стал оборачиваться. Чьи-то прохладные пальцы легли мне на глаза, и за спиной раздался смех. Я узнал Фидессу. Я взял ее за руку и, не поворачиваясь, поставил ее перед собой. Смех не сходил с ее губ. Так мы смотрели друг на друга, изучая один другого, она, видимо, забавляясь, а я с любопытством.

— С чего это ты вдруг так залюбила меня? — спросил я наконец.

Скуластое лицо ее вдруг слегка опечалилось.

— Да вот впервые в жизни увидела кое-что получше, чем вижу тут каждый день.

— Получше?

— Сравнительная степень от слова «хорошее».— Она села рядом.— Я никогда не понимала, как в этом мире распределяется сила. Когда дерутся двое, побеждает тот, кто сильней. Я была совсем молодой, когда встретила Сэма. Я думала, что он сильный, поэтому пошла за ним. Наверное, это звучит наивно?

— На первый взгляд, да. Но когда сам думаешь обо всем этом, не очень.

— Это он хотел, чтобы мы жили во вражде с остальным обществом. А для этого нужна... сила.

Я кивнул.

— Я и до сих пор не знаю, может, он под конец растерял ее. А может, просто Роджер оказался сильней. Но я сделала свой выбор еще до того, как они померялись силой. И выбор оказался верным.

— Ты неглупая женщина.

— Я знаю. Но скоро будет еще одна схватка. И мне кажется, я знаю, кто победит.

— А я нет.

Она смотрела вниз, на свои колени.

— К тому же, я уже не так молода. Устала, знаешь, вечно жить с ангелами. У меня такое чувство, будто мир внутри меня разваливается на части. Возьми хоть Роджера. Почему Сэм проиграл, я понимаю. Но хоть убей, не могу понять, почему Роджер победил. А в следующей схватке победишь ты, Блэки. Роджер проиграет. И вот это вообще выше моего понимания.

— То есть, ты хочешь, чтобы дьявол в серебристых подштанниках забрал тебя отсюда?

Она нахмурилась.

— Вернись и поговори с Роджером.

— Ага, перед войной встречаются генералы враждебных армий. Толкуют один другому про то, как ужасна война, сколько от нее будет вреда, и все такое. Однако все — в том числе и они сами — знают, что воевать они все равно будут.

Она вопросительно посмотрела мне в глаза.

— Это всего лишь цитата.

— И все-таки поговори с Роджером.

Я молча встал и пошел обратно к костру. Я брел уже минут пять, как вдруг кто-то меня окликнул:

— Блэки!

Возле дуба, вцепившегося мощными корнями в скалу, стоял Роджер. В такой местности слишком большие деревья скоро падают — корни уже не способны удержать тяжелый ствол.

— Я видел, куда ты пошел, и отправился за тобой.

— Роджер,— сказал я,— дела у нас на Джила Монстре идут не так здорово, как бы нам с тобой хотелось.

Он прыгнул ко мне на камень.

— Тебе не удалось... вы все-таки потянете линию? — он покрутил перстень на покрытом шрамами пальце.

— Знаешь, в законе сказано, что для определенного количества людей полагается определенное количество энергии. Послушай. Ну пускай мы подтянем эту дурацкую линию. Вам-то что до этого? Я же говорил, вам вовсе не обязательно ею пользоваться. Не понимаю, почему вся эта бодяга так вас пугает.

— Не понимаешь?

— Я же говорил, что я вполне сочувствую...

Он сунул руки в карманы. Уже стемнело, и, хотя по листьям еще пробегали отблески закатного неба, лица его было не разглядеть. Но вот голос...

— Ты ведь не понимаешь, что тут у нас происходит, верно? Мне Фидесса все рассказала.— В голосе его чувствовалась беспредельная усталость.— Я-то думал, что ты...— и вдруг ход его мысли

переменил направление.— Эти ваши силовые линии. Ты хоть знаешь, что удерживает здесь этих парней? Я вот не знаю. Зато знаю, что они привязаны к этому месту не так крепко, как ты думаешь.

— Фидесса говорила, что их становится все меньше и меньше.

— А я не собираюсь лезть из кожи вон, чтобы удержать их тут, пускай делают что хотят. И Сэм их не удерживал. Их удерживала наша сила. А вы проведете тут эти ваши силовые линии, и, будь спокоен, ими станут пользоваться. Может, не сразу. Но станут. Вы так долго нас били, что добили наконец.

Меж деревьев мелькал огонь костра; там все еще жарили поросенка.

— А может, ты сам хочешь этого?

Он покачал головой. Лицо был совсем скрыто в тени.

— Мне-то что. У меня это было недолго, так что и потерять будет легко.

— Роджер, лично ты ничего не теряешь. Ну проведут эти чертовы линии — да наплюйте на них, и все.

— Я говорю о силе. О моей силе.

— Не понял?

— Думаешь, они не понимают, что происходит? — Он повел рукой, как бы обнимая всех ангелов Хай Хейвена.— Всем же ясно, что идет борьба. И я в ней проиграю. И если я стану действовать, как стал бы действовать Сэм, что это изменит? А уж он бы начал с того, что проломил бы тебе голову. А потом посадил бы нас каждого на свое помело и попробовал бы расколошматить вашего идиотского Монстра сверху. Хотя скорей всего, и сам бы тут накрылся, и других положил.

— Очень может быть.

— Ты вот хоть раз в жизни терял что-нибудь такое, что было для тебя настолько дорогим... ну даже и другу не расскажешь, вот каким оно было дорогим. Ты вдруг видишь, как оно исчезает, уходит от тебя. И смотришь, как оно уходит. И вот ушло, навсегда ушло.

— Да. Было.

— Да-а? И что же это было?

— Жена.

— Она что, бросила тебя?

— Нет, она сгорела на оголенном кабеле. Это было в Тибете, мы работали ночью. И я все видел. Как она... ушла.

— Мы с тобой,— сказал Роджер, помолчав,— мы с тобой во многом похожи, верно? — Он опустил голову.— Я вот все думаю, как буду жить, когда тоже... потеряю Фидессу.

— Почему ты говоришь это именно мне?

Он пожал широкими плечами.

— Бывает, женщина ведет себя так, что все становится ясно... Сэм тогда тоже все сразу понял. Но все это чепуха, верно? Как ты думаешь, Блэки, ведь все это чепуха?

Зашуршали листья, послышались чьи-то шаги. Мы разом обернулись.

— Фидесса, ты? — окликнул Роджер.

В полумраке видно было, как она остановилась. Я знал, что она удивится, увидев нас вместе.

Роджер посмотрел на меня. Потом на нее.

— Что это вы там делали вдвоем?

— Просто сидели,— ответила она, прежде чем я успел открыть рот.

Еще мгновение мы стояли молча. Было уже совсем темно. Под нами лежал Хейвен. Вдруг Роджер резко повернулся, раздвинул ветки и зашагал в сторону поляны. Я поплелся за ним.

Поросенка уже разделали. На доске лежали тоненькие ломтики свинины и бедренная кость с остатками мяса на ней. Роджер вдруг схватил ее и повернулся ко мне.

— Эй, Блэки, ты же пришел сюда веселиться! — Покрытое шрамами лицо его исказилось в припадке хохота.— Давай, Блэки, веселись! — Он швырнул горячую кость прямо мне в руки. Я едва ее удержал, так сильно жгла она мне ладони.

А Роджер обнял какого-то парня за плечо и побрел с ним куда-то, расталкивая пирующих. Кто-то сунул мне банку пива. А кость, которую я отбросил на бурые сосновые иглы, скоро почернела под подошвами ангелов.

Кое-как я сварганил себе бутерброд с мясом. Достал еще выпить. А потом еще.

Дальше я помню, как стоял на верхней террасе Хейвена, упершись грудью в сохранившийся кусок перил. Сью сидела внизу, возле бассейна. Возле нее сутулился Дэнни; плечи его блестели, словно он только что отошел от горна.

А потом голос за моей спиной:

— Ну что, полетаем? Сшибем луну с неба к чертовой матери! А вот еще какие-то звезды новые, целых три штуки, никогда раньше не видел! Кто хочет их достать?

Тряся кулаком, возле стоянки птероциклов качался Роджер. Было уже почти совсем темно.

— Я хочу полетать! Я буду летать, пока это чертово помело не проткнет в небе дырку! Бог, слышишь меня? Мы идем к тебе в гости! Мы забьем тебя до смерти этими штуковинами, а потом... а потом опрокинем ковш с метеоритами, пускай сыплются нам на голову...

Толпа ангелов окружила нас. Все что-то орали. Птероцикл кашлянул раз, кашлянул два... Затарахтели еще две машины...

Первое помело сорвалось со стоянки, Роджер отскочил в сторону. Остальные попадали. Помело метнулось над террасой, провалилось за кромку леса и вдруг взмыло над ветвями деревьев, расправляя темные крылья.

— Хочешь полетать? Со мной вместе, а?

Он уже стоял рядом. Я хотел было пожать плечами, но рука его опустилась мне на спину, и я отказался от своего намерения.

— Как думаешь, есть там какие-нибудь боги? Интересно, на кого они похожи. Ну давай, посмотрим вместе, а?

Он был весь окутан пахучим облаком пивного перегара пополам с табачным дымом.

— Боги — это низкое содержание сахара в крови, больше ничего,— сказал я.— Святой Августин, индейский пейот... да ты и сам знаешь, как это бывает...

Он повернул свою ладонь так, что ее тыльная сторона уперлась мне в шею.

— Ну что, летим?

Захотелось бы ему вдруг резко дернуть руку на себя, этот чертов перстень прихватил бы с собой кусок моей кожи.

С площадки сорвалось еще три помела.

— Ну давай, черт с тобой, почему бы и нет!

Он уселся на свой птероцикл. Я взгромоздился за его спиной. Бетонная площадка заскрипела под нами. Мы подкатили к краю, и еще раз внутри у меня все упало. Неслись мимо и царапали лицо ветки деревьев.

Вот мы уже над Хейвеном.

Вот мы уже над горой, которая выше, чем Хейвен.

Ветер бил в лицо, словно хотел оторвать мне голову; навстречу нам неслась сама ночь. И ангелы сновали туда-сюда над нашими головами.

— Слышь, Блэки! — проревел Роджер, полуобернув ко мне голову.— Ты когда-нибудь драил небо?

— Нет! — твердо сказал я.

Кивком головы Роджер указал мне, куда нужно смотреть.

В сотне ярдов впереди и выше, прямо над сияющей луной какой-то ангел расправил крылья, развернулся лицом вниз и вдруг локти его резко сошлись: разом крутанув обе рукоятки газа, он отключил обе турбины.

И помело его камнем полетело вниз, в темноту ночи.

Ниже.

Еще ниже.

Наконец я совсем потерял его из виду, не различая ничего на черно-зеленом фоне далекой горы. И вдруг...

Язычки пламени мгновенно осветили крохотные крылья — птероцикл уже выходит из пике по извилистой траектории. Не знаю, как далеко внизу все это происходило, но я отчетливо видел резкий прогиб расправляющихся крыльев. Падающий ангел находился уже так близко к верхушкам деревьев, что на какое-то мгновение в свете пламени, вылетающем из сопел, стала хорошо видна глянцевая поверхность отдельных листочков. (Мно-

го ли ангелов может сплясать на кончике иглы одновременно?) О, какой он был крошечный...

— Черт... на какой мы высоте? — крикнул я.

Роджер не ответил, только откинулся назад, и мы поднялись еще выше.

— Куда летим?

— Надо подраить его как следует!

— Вдвоем на одной машине?! — заорал я.

Он не отвечал.

Подъем продолжался.

Вот и ни одного ангела больше над нами.

Только луна.

А на ней кто-то сидит.

И хитро так на нас смотрит.

Наконец подъем прекратился. Мы зависли на одной высоте.

Мы достигли своей вершины.

Локти Роджера резко хлопнули по бокам.

В животе у меня екнуло. Вибрация под задницей и в стременах прекратилась. Турбины замолкли.

Спокойно и медленно мы падали вниз.

Ниже.

Еще ниже.

Я не выдержал, схватил Роджера за плечо, нагнулся к нему и заорал прямо в ухо:

— Ну что, весело?

Два помела вжикнули в разные стороны, уступая нам дорогу.

Роджер обернулся.

— Что ты там делал с моей женщиной в лесу?

Когда выключены обе турбины, орать вовсе необязательно.

— Грибы собирал.

— Когда пошла сила на силу, проигрывать мне что-то не хочется. Не люблю.

— А грибы любишь? Вот установим у вас эти чертовы розетки, я принесу тебе целую корзину.

— На твоем месте я бы не стал так шутить!

— Роджер...

— Когда женщина так себя ведет, сразу видно, что к чему. Я долго за вами наблюдал, за тобой и за Фидессой, и даже за этой девчонкой, ну которую ты притащил с собой. Забирай ее, и Питт забирай в придачу! Питт до нее далеко, хотя они, похоже, одногодки, верно? Не говоря уже о внешности. Если ты ее куда-нибудь там пристроишь, у нее будет шанс выжить. Мне уже тридцать три, Блэки, а тебе?

— А-а... тридцать один.

— Нам тут тоже ничего хорошего не светит!

— А если дать вам шанс?

— Отпусти плечо, больно!

Я снова схватился за рукоять. Потный отпечаток моей руки остался у него на куртке.

Роджер помотал головой.

— Эх, хотелось бы мне посмотреть, как тебя размажет по этим камням.

— Будешь продолжать в том же духе — упустишь такую возможность.

— От бля,— сказал Роджер и раздвинул локти.

Помело задрожало.

Ветки, которые только что неслись навстречу, как сумасшедшие, вдруг застыли на месте. (Я различал прожилки на листьях!) Перегрузка была настолько сильной, что я чуть было пулей не вылетел из седла. Вам приходилось видеть, как расправляются крылья птероцикла? По-моему, я уже задавал подобный вопрос. А ведь это можно еще и слышать. Под оглушительный рев каждая жилка, каждая связочка скрипит и визжит, и кажется, вся машина вот-вот развалится.

Уф, наконец, мы снова плавно набираем высоту. Я перевел дух и посмотрел вверх. Ночь была прохладна, полна звуков и прекрасна.

Еще один ангел камнем падал навстречу нам; мы легко парили в восходящих потоках воздуха, а он, сперва совсем крохотный на фоне лунного сияния, казалось, сейчас свалится прямо нам на голову.

Роджер первый заметил неладное.

— Эй, да там у него что-то не так!

Локти этого парня не были плотно прижаты к бокам, а быстро-быстро поднимались и опускались, словно он что-то откручивал.

— Зажигание! — охнул Роджер.

Похоже, остальные тоже что-то заметили: один за другим они разворачивались лицом к падающему бедняге. Падал он быстро и все какими-то зигзагами — буквально через несколько секунд его машина вихрем пронеслась мимо нас; хорошо видно было, как отчаянно бьется бедолага со своим механизмом: лицо его составляли теперь лишь оскаленные зубы и вытаращенные глаза. Да еще дракон корчился на обнаженной груди. Ну да, тот самый парнишка, рыжий.

Все ангелы, что были в небе, стаей устремились за ним.

Вот он прямо под нами. Роджер круто накренил птероцикл, выстрелил обеими турбинами и рванул вертикально вниз, пытаясь догнать и подхватить его, но промахнулся, и парень снова промчался мимо.

Одно крыло его все же кое-как расправилось, но толку от этого было мало: он просто заваливался то в одну, то в другую сторону, падая по сложной кривой.

И снова четкий узор веток приблизился к самым глазам...

Наконец, видно, в его строптивом птероцикле что-то оттаяло. Из турбин полыхнуло пламя, и траектория падения немного спрямилась.

Я облегченно вздохнул, подумав, что он все-таки справился.

Волна пламени, футов тридцать шириной, расширяясь, прошла по верхушкам деревьев — мы помчались вслед за ее гребнем. А в конце — пустота.

Через минуту мы наткнулись на какую-то полянку. Ангелы падали с неба, как сбитые листья с деревьев. Мы соскочили и, продираясь сквозь кусты, побежали вперед.

Он был еще жив.

И громко и жалобно кричал.

Видимо, он вывалился из седла и футов двадцать падал, натыкаясь на острые сучки и ветки. Обе ноги и рука сломаны. Одежда в клочья. Впрочем, кожа тоже в клочья.

Роджер тут же про меня забыл, будто меня и вовсе с ним никогда не было. Он сразу развил бурную деятельность. Откуда-то появились носилки, рыжего уложили, приладив их между двумя помелами, мы расселись и что было духу помчали в Хайнсвиль. Рыжий кричал без передышки до тех пор, пока врач не дал ему снотворное.

Мы поднялись над усыпанными осенними листьями улицами пригорода и взяли курс на Хейвен.

Под нами вилась серебристая змея ущелья.

Окна Хейвена были покрыты серебристой глазурью лунного сияния.

Там уже было все известно — видимо, кто-то успел сообщить раньше нас.

— Хочешь пива? — спросил Роджер.

— Нет, спасибо. Ты не видел девчонку, которая пришла со мной? Думаю, нам пора.

Слова мои только зря сотрясли воздух — Роджер уже был далеко. Несмотря ни на что, праздник продолжался.

Я вошел в дом, поднялся по ступенькам, прошел по комнатам. Сью нигде не было видно. По мерцающим ступеням я стал спускаться с другого крыла к кузнице. Не успел проделать я и половины пути, как вдруг услышал крик.

Из боковой двери стремительно выскочила Сью, помчалась вверх по лестнице и на полной скорости врезалась мне в живот. Только я успел подхватить ее, как, схватившись за косяк, из двери вывалился одноглазый Дэнни, а за ним — Питт, сверкая зажатым в пальцах метательным лезвием.

И застыла на месте.

— Что тут у вас происходит,— заорал я.— Ну что молчите? Ну-ка убери свою штуку — а я тогда уберу свою!

Помните, конечно, лезвие, ну там, внизу, которое я тогда заткнул себе за пояс? Теперь я уже держал его в руке. Мы с Питт опустили руки. Одновременно.

— Ой, Блэки, давай уйдем отсюда поскорей,— прошептала Сью.

— Хорошо,— сказал я.

Мы поднялись по ступенькам, нырнули в дверной проем и вышли на террасу. Сью все еще висела на моем плече, дыхание ее постепенно успокаивалось. Наконец она глубоко вздохнула.

— Вот психи!

— Что у вас там случилось?

— Да сама не знаю...— она отпустила мое плечо.— Дэн со мной разговаривал, водил по кузнице, все показывал. Он делает такие красивые вещи. Потом он стал заигрывать со мной... ну то есть... ты понимаешь... ну а я пыталась его успокоить... а тут вдруг появляется Питт...— Она оглядела террасу.— А тот парень, ну, который упал... его отправили в больницу?

Я кивнул.

— Это тот самый, рыжий, да? Ой, хоть бы с ним ничего страшного не случилось. Знаешь, он подарил мне лимон.

Откуда-то из боковой двери вынырнула Фидесса.

— Домой собираетесь?

— Ага.

— Берите вот этот птерик, хозяин уже в отрубе. Утром я отвезу его вниз, и он его заберет.

— Спасибо.

Зазвенело разбитое стекло. Кто-то что-то выбросил из окна. Праздник шел своим чередом.

В дальнем конце террасы он, похоже, принял и вовсе стихийные формы. В кружащемся клубе тел было видно лишь одно неподвижное пятно: Роджер не спускал с нас глаз.

Долгое мгновение Фидесса смотрела на меня, потом толкнула в плечо.

— Ну, давай.

Мы сорвались с террасы, порхнули над серебристой водой и виражами пошли вниз вдоль ущелья.

Скотт открыл один глаз и, нахмурив веснусчатый лоб, свесился с койки.

— Где...— зевком он проглотил какое-то слово посередине,— ...были?

— На танцах. Не волнуйся. Доставил ее в целости и сохранности.

Скотт потер кулаком нос.

— Весело было?

— С социологической точки зрения просто атас. Да, именно так.

— Серьезно? — Он приподнялся на локте.— А почему меня не разбудили?

Он оглянулся на Сью, которая уже тихо, как мышка, сидела на своей койке.

— Мы трясли тебя минут пятнадцать, а ты только и делал, что лягался.

— Да? — он снова потер нос.— Не может быть!

— Да ладно, не волнуйся, ничего страшного. Спи дальше. Пока, Сью.

Я отправился к себе, забрался в койку и задремал. В ушах тарахтели птероциклы...

Разбудил меня (сколько прошло времени, час? Или два?) треск настоящего мотора. Над крышей Монстра явно порхал какой-то птерик.

Кто-то оттуда?.. Гонец, что ли?

Впрочем, позвольте поправиться: уже не порхал, уже сел на крышу.

Я напялил на себя свое серебро, вышел на узкую длинную террасу и посмотрел налево, в ее конец.

С правой стороны там раздался глухой стук — не иначе, как кто-то брякнулся с крыши...

Ну да, это был Дэнни, и теперь он неуклюже пытался встать после неудачного прыжка. Здоровый глаз его часто мигал, на месте второго мерцала влажная тень величиной с кулак.

— Что ты тут делаешь? — крикнул я, но вряд ли он меня услышал.

Я посмотрел туда же, куда смотрит он — а он глядел куда-то вверх — и увидел, как Фидесса пытается съехать вниз на пятой точке. А Дэнни, значит, страховал внизу. В общем, у нее получилось лучше, чем у Дэнни.

— Не будете ли так любезны объяснить мне, что привело вас сюда в столь ранний час?

Первые пять секунд молчания я думал, что она просто прикидывается. В следующие три меня охватило параноидальное чувство, что я, в результате какого-то изощренного обмана, попался в хитроумнейшую ловушку.

Но Фидесса, похоже, и в самом деле была чем-то напугана.

— Блэки...

— Ну-ну, малышка, выкладывай, что еще там у вас стряслось?

— Я...— она потрясла головой.— Роджер...— она потрясла еще раз.

— Зайдем ко мне.

Она схватила Дэнни за руку.

— Пойдем! Пойдем, Дэнни... пожалуйста!

Она почему-то все время тревожно поглядывала вверх, на небо.

Дэнни пошел вперед. Выглядел он как-то вяло и безучастно. Зайдя ко мне, он тут же уселся на койку, сжав пальцами правой руки левый кулак.

Фидесса постояла немного, потом прошлась по комнате, остановилась.

— Ну в чем дело? Что там снова у вас стряслось?

— Мы ушли оттуда.

Она не отрывала от меня глаз, ожидая реакции.

— Рассказывай.

Она сунула руки в карманы, снова вынула.

— Роджер наехал на Дэнни.

— Как это?

Мы оба посмотрели на молчащего кузнеца. Но он только моргал и улыбался.

— Как только вы улетели, у Роджера крыша поехала.

— Надрался, что ли?

— Да нет же, просто крыша поехала! Привел всех в кузницу, и они принялись крушить там все, что под руку попадется... Потом ему это надоело, и он стал подговаривать всех, чтобы убить Дэнни. Он кричал, что Сэм был во всем прав. А потом заявил, что и меня убьет заодно.

— Звучит, как глупый анекдот.

— Если бы так...— я видел, как она мучительно пытается подыскать слова, чтобы объяснить мне, что же там происходило на самом деле.

— В общем, вы перепугались и оба удрали оттуда, так, что ли?

— Тогда еще я не испугалась,— она судорожно сглотнула и посмотрела прямо мне в глаза.— А теперь боюсь.

Тихо покачиваясь, Дэнни накрыл одну ступню другой и сцепил пальцы ног.

— А Дэнни как здесь оказался? Как он-то удрал?

— После свалки в кузнице ему удалось удрать в лес. Я нашла его там и взяла с собой.

— Ты умно сделала — заявилась прямо сюда.

Она бросила на меня сердитый взгляд, но гнев в ее глазах сразу же сменился страхом.

— А куда нам еще идти? — Руки ее сходились и расходились, как крылья мотылька.— А кроме того... я хочу предостеречь тебя...

— От чего, интересно?

— Роджер... боюсь, что он соберет своих и они устроят тебе тут разборку.

— Что-о?

— Да-да, я уверена в этом,— она усиленно закивала.

— Это уже серьезно. Пошли поговорим с начальством,— я открыл дверь в коридор.— И ты тоже с нами.

Дэнни удивленно поднял голову, расцепил пальцы.

— Да-да, и ты тоже!

Мейбл была еще та дьяволица: мы застали ее за обычным занятием — она упражнялась в совершенствовании всех своих

дьявольских талантов, я это сразу понял по некоторым приметам, как то: пепельницы были полны окурков, всюду валялись пустые сигаретные пачки, какие-то бумаги; один карандаш торчал у нее за ухом, другой — в зубах, третий она, вероятно, уже успела сгрызть и проглотить. Было три часа утра.

Мы осторожно просочились в кабинет: сначала я, потом Фидесса, за ней — Дэнни.

— Блэки? Здравствуй, здравствуй... О господи! — она вдруг заметила мокрое пятно у Дэнни вместо глаза.

— Привет, Мейбл. Как твои полночные игры?

— Если пропустить их сквозь черствую лепешку, восстановить на медленном огне и перегнать — получишь кое-что... и это кое-что смахивает на вдохновение.

Она хмуро посмотрела на Дэнни, но тут же спохватилась и улыбнулась.

— Что это у парня с лицом?

— Сначала познакомься: это Фидесса, а это Дэнни, они из Хай Хейвена. Сейчас они удрали оттуда, а по пути заскочили к нам, чтобы предупредить: вся эта банда ангелов собирается к нам в гости — им, понимаешь, не нравятся наши планы со всеми этими линиями и розетками.

Мейбл внимательно посмотрела на кончики своих пальцев.

— Это уже серьезно,— устало отозвалась она — ну слово в слово за мной.— Джила Монстр — передвижная ремонтная станция, а не бегающая крепость. А что ж твои игры доброй воли?

Я собрался было с виноватым видом сложить перед ней руки, как вмешалась Фидесса.

— Если бы Блэки не пришел к нам, если б он не поговорил как следует с Роджером, они были бы здесь еще вчера.

Я послал ей астральный поцелуй.

— А с ним что? — она кивнула на Дэнни.— Кто это его так?..

Но тут в кабинет, как пятнистый грифон, ворвался Скотт.

— Так куда все-таки ты таскал бедного ребенка, отвечай, черт тебя подери?!

— Какого ребенка?

— Сью, какого! Ты сказал, что вы ходили на танцы! Что-то не похоже!

— Не понял!..

— Два огромных синяка на ноге, во, с ладонь, а на плече и того больше! Говорит, какой-то одноглазый козел хотел ее изнасиловать...

Тут он увидел Дэнни и помрачнел еще больше. Как на грех, Дэнни ему улыбнулся: Скотт мог подумать, что над ним издеваются.

— А мне она говорила, что он чуть-чуть потискал ее, вот и все...

— Ага, лапой шесть на восемь! А вот мне она сказала, что просто не хотела тебе говорить,— он затряс своим пятнистым пальцем у меня перед носом,— чтоб ты там не очень выступал!

— Да я вовсе не собирался от тебя ничего скрывать...

Тут Мейбл встала.

И все сразу замолчали.

Этакая немая сцена, представляете?

Вдруг что-то с силой брякнуло в верхний иллюминатор: удар был ничего себе, но, слава богу, стекло не разбилось. Мы так и подпрыгнули на месте, а Скотт еще и икнул вдобавок. На стекле иллюминатора лежало четырехконечное лезвие.

Я подскочил к столу Мейбл и нажал на кнопку.

— Что это?..— начала было Фидесса.

— Прожектора,— перебил я ее.— До сих пор они нас прекрасно видели. А теперь мы их будем видеть, и как минимум метров за пятьдесят.

Этими прожекторами мы пользовались обычно, когда работали по ночам.

— Ну-ка, давайте поднимемся, посмотрим, в чем там дело,— посмотрел я на Мейбл.

Она уступила мне место за пультом.

Кабинет дернулся, и улыбка на лице Дэнни тут же полиняла. Фидесса потрепала его по руке.

Кабинет пошел вверх.

— Ты сам хоть понимаешь...— снова завел Скотт. Но Мейбл едва заметным движением подбородка приказала ему заткнуться.

За окном в темноте мелькали огоньки — словно в лесу кто-то зажигал спички.

Седая вода меж скал бормотала что-то свое. Листья на ближних деревьях переливались всеми красками радуги, словно чешуя сказочного дракона. И кабель наш дугой уходил в темноту, похожий на обглоданное ребро какого-то гигантского животного. Над шумящим потоком, над скалами заскользили громадные тени крыльев — это снижались птероциклы.

— Ой, это Роджер!

Мы стояли у окна: слева Фидесса, справа Мейбл, я посередине.

Помело Роджера запорхало над кабелем и опустилось на него как раз на границе света и темноты. Слышно было, как заскрипели полозья. Еще с полдюжины ангелов попáдало по обе стороны траншеи.

Роджер слез с аппарата, положил его на бок и не торопясь зашагал по оголенной обмотке.

— Что им тут надо? — спросил Скотт.

— Сейчас схожу узнаю,— отозвался я. Мейбл резко повернулась ко мне.— У тебя ведь тут микрофоны связи...

Ну да, за проказливыми демонами нужен глаз да глаз: были б они включены днем, Мейбл ни за что не дала бы Скотту устроить свой спектакль...

— Слушай, а ты помнишь вчерашний фейерверк Скотта? Можешь повторить прямо отсюда, а?

— Устроить высоковольтную щетку? Можно, почему нельзя...

— Ночью это будет еще эффектней! Я пойду поговорю с Роджером, пока он там торчит на кабеле. Чуть что — я крикну, и сразу включай, пусть поискрит немного. Вреда никакого, зато они потом сто раз подумают, прежде чем что-нибудь мне сделать.

Я щелкнул выключателем микрофона и направился к выходу. Радиопомехи в наушниках мешались с далеким бормотанием ангелов.

Мейбл положила руку мне на плечо.

— Блэки, слегка почистить их высоковольтной щеткой — это можно, конечно. Но ведь можно и сжечь их там всех к чертовой матери.

Я заглянул ей в глаза. Глубоко вздохнул. Потом сбросил ее руку с плеча и вышел на крышу Джилы Монстра. Как на спринтерской, пробежал по бронированному корпусу к носу, где сияли два прожектора, и заглянул вниз.

— Роджер!

Он остановился и сощурился на свет.

— Блэки, ты?

— Что ты здесь делаешь?

Не дожидаясь ответа, я пнул ногой задвижку и уселся на двухфутовый крюк крана. Кричать Мейбл не было необходимости — она и так все прекрасно видела. Джила заворчал, и стрела крана стала медленно опускаться.

Очутившись над кабелем, я спрыгнул (прожектора били мне в спину) и едва удержал равновесие на ребристой обмотке.

— Роджер!

— Да?

— Так что ты тут делаешь?

Остальные ангелы кучками жались на отвалах грунта. Я шагнул вперед.

— Что вы тут делаете? Ну что молчишь, я уже в третий раз спрашиваю.

Оказывается, канатоходцем быть не так уж сложно, особенно если канат толщиной в шестнадцать футов.

Роджер шагнул мне навстречу. Я оставался на месте и ждал.

— Не нужно нам этих кабелей, Блэки.

Н-да, выглядел он далеко не блестяще. Свежие следы потасовки украшали лицо, и по глазам его трудно было определить, кто там у них победил. Может, и не он.

— Роджер, возвращайся к себе.

Плечи его обвисли. Он то и дело сглатывал слюну. На поясе холодно позвякивали метательные лезвия.

— Думаешь, ты выиграл, Блэки.

— Роджер...

— Нет. Мы не позволим тебе этого. Не позволим.— Он оглянулся на своих ангелов.— *Это несправедливо!* — вдруг заорал он.

Я даже вздрогнул от этого рева.

Ангелы молчали. Он оглянулся еще раз и теперь уже прошептал:

— Мы не позволим...

Тень моя касалась его ступней, и сразу же от нее убегала по обмотке его тень.

— Роджер, ты ведь напрашиваешься. С чего бы это?

— Хочу проверить тебя на вшивость.

— Вчера ты уже раз попробовал.

— Это было до того, как...— он скосил глаза на пояс, и у меня засосало под ложечкой,— ...ушла Фидесса. Она от меня сбежала.

Смущение задернуло черты его лица — словно шторка упала со шрама на щеке.

— Я знаю.

Я оглянулся. В окне кабинета маячило четыре силуэта: два мужских и два женских.

— Она там?! — шторка на лице упала, и за ней полыхнула ярость.— Она пришла сюда, к тебе?!

— К нам. Твои мозги способны понять, в чем разница?

— А кто там еще с ней? — он сощурился на свет прожекторов.— Неужели Дэнни?

— Верно.

— А он тут зачем?

— Говорит, что ему тоже у вас надоело.

— Да чего я тебя тут спрашиваю. Мне все ясно.

— Они нас слышат. Спроси у них, если хочешь.

Роджер сердито закинул голову.

— Дэнни! Зачем ты убежал от меня?

Молчание.

— Ты хочешь нас бросить, меня, и Питт, и Хейвен?

Молчание.

— Фидесса!

— Да... Роджер.

Голос ее, обычно такой сильный, теперь почти потонул в радиопомехах.

— Дэнни что, серьезно хочет остаться здесь, с дьяволами?

— Да, он... хочет, Роджер.

— Дэнни!

Молчание.

— Я знаю, что ты слышишь меня! Фидесса, сделай так, чтоб он слышал меня! Дэнни!..

Молчание.

— Дэнни, выходи оттуда, пошли со мной, к нашим!

По мере того как беспокойство Роджера росло и, казалось, наполняло собой ответное молчание, у меня в голове выкристаллизовывалась, по-моему, довольно разумная мысль: как Дэнни не способен был осознать того, что Сэм поступал с ним жестоко, точно так же его не могли тронуть посулы Роджера.

— Фидесса!

— Да, Роджер!..

— Возвращайся на Хай Хейвен! — Но теперь в его голосе я не услышал ни просьбы, ни приказания.

— Нет, Роджер.

Роджер повернулся ко мне, и мне вдруг на секунду почудилось, что весь череп у него переломан, что голова его — не голова, а кожаный мешок с костями.

— И вы... завтра вы станете тянуть эти свои кабели?

— Да.

Роджер вдруг выбросил вперед кулак, и весь мир вокруг меня разлетелся на куски. Ничего себе удар, хотел было я подумать, но было не до того.

— Давай, Мейбл!

Когда он ударил еще раз, кулак его попал в пустоту, наполненную искрами и пламенем. Снопы ярких белых звезд осыпали кабель. Они прыгали вокруг нас, трещали, искрились, сверкали. Я споткнулся, потерял равновесие, но на ногах-таки устоял.

Сквозь ослепительное сияние я увидел, что ангелы, прилетевшие с Роджером, припустили наутек. Ну да, такой разряд кого хочешь испугает. Но только не Роджера.

Он снова бросился на меня. Яркие искры мерцали в глазах его, на зубах, запутались в волосах — со всех сторон полыхали огни. Сбросить меня с кабеля, вот что ему было надо!

— Я... раздавлю... тебя... как котенка!..

Невыносимое сияние и так, казалось, размазало нас обоих по воздуху. Мне удалось удачно нырнуть, и я снова оказался лицом к нему. Ангелы-то все разбежались, однако Роджер сразу понял, что все эти искры — блеф, ничего больше.

Рука его метнулась к поясу.

— Я не позволю...

Лезвие сверкнуло над его головой, как пылающий крест.

— Остановись, Роджер, бесполезно...

— Я убью тебя!

Лезвие завертелось над кабелем.

Я пригнулся, и оно просвистело мимо.

— Успокойся, перестань, Роджер! Оставь в покое свои ножи!

Я снова пригнулся, но на этот раз проклятая железяка чиркнула меня по плечу. Я почувствовал, как под рукавом побежала кровь.

— Роджер! Тебя же сейчас просто сожгут!

— А ну держись!

С последним словом в воздухе сверкнуло третье лезвие.

Я прыгнул с кабеля на край траншеи, упал, перевернулся на спину и увидел, с какой силой выгнулось его тело перед тем, как он метнул еще одно лезвие, четвертое. Я крутанулся, и оно вонзилось в землю там, где только что был мой живот.

Тогда я сорвал с пояса свое. И, швырнув его что из силы (я знал, что промажу, мне нужно было только, чтоб Роджер хоть на секунду помедлил), я заорал, вложив в свой крик всю ярость и отчаяние, на которые только был способен:

— Жги-и-и!

В руке его сверкнуло еще одно лезвие.

Увернуться от него я был уже не в силах. И вдруг...

Струи искр, словно рога улитки, втянулись в обмотку.

Краем глаза я заметил, как Мейбл в окне рубки метнулась к реостату.

Роджер так и застыл на месте.

Потом тело его вдруг дернулось, раздался оглушительный, нечеловеческий вопль, и судорога сломала поднятую для броска над головой руку.

И вопль сразу оборвался.

По одежде побежали язычки пламени.

Вишневым цветом засветилась цепочка на ноге, и дым пошел от сразу потемневшей кожи.

Вспыхнуло лезвие в поднятой руке.

А в небе вовсю стрекотали птероциклы — это ангелы врассыпную спасались кто куда.

Я перевернулся на живот; кашель душил меня... Я попытался ползти вверх по склону траншеи (о, этот запах горелого мяса!), но меня хватило лишь на половину пути: раненая рука повисла, как плеть. Я медленно сползал вниз, прямо к кабелю. Да еще рот полон земли. Я сделал еще одну попытку выбраться, но без толку. Я стал снова медленно съезжать вниз. Наконец нога моя уперлась в кабель.

Весь дрожа, я сжался в комок возле него, и единственная мысль стучала в мозгу:

«О'кей, Мейбл не любит попусту тратить энергию».

V

Волна алого, потом лазурь, и бархатная чернота... снизу вверх, прямо как на японской гравюре.

— Ну как ты, нормально?

Я потрогал повязку под рваной серебристой униформой.

— Мейбл, твоя забота — как чудодейственный бальзам. Только смотри не перестарайся.

Она обернулась и посмотрела туда, где шипели холодные струи водопада.

— Ну что, хочешь сначала слетать на Хейвен, а прокладку продолжить потом?

Глаза ее были красными от усталости.

— Да.

— Ну хорошо. Вон, кстати, и помело валяется.

Тут подкатил на хамелеоне Скотт, на этот раз одетый как люди, и высунул голову из кабины.

— Эй, я отвез Дэнни в город. Врач осмотрел его.

И он передернул плечами.

— Поставь машину и иди спать.

— Снова на двадцать минут?

— На этот раз на полчаса, не меньше.

— Ладно, лучше, чем ничего.— Скотт почесал в затылке.— Я там слегка побеседовал с Дэнни. Да не волнуйтесь, ничего страшного. Живой.

— Ну и что ты ему сказал?

— Спи спокойно, малыш, вот что я сказал ему. И он меня послушал.

Скотт хлопнул дверцей, оскалился за стеклом и рванул с места.

Каждый сходит с ума по-своему.

Мы с Мейбл поднялись на крышу. Помело, на котором прилетели Фидесса и Дэнни, лежало на месте. Мейбл, немного поколебавшись, вскарабкалась в седло.

— На хамелеоне туда не проехать, на дороге завалы,— сказал я, садясь на переднее сидение.

Заурчали турбины, и мы взмыли над деревьями.

Гору мы облетели дважды. Когда показался Хейвен, я прокричал:

— О могущественная Мейбл, как тебе удается все так устроить, что все у тебя получается? Как удается тебе проникать в природу вещей так, что они не кидаются друг на друга, порождая хаос, а наоборот, повинуются каждому твоему слову?

— Смотри-ка лучше, куда летишь.

Хай Хейвен оказался пуст. Ангелы покинули свои Небеса. На стоянке ни одного помела. Очаг в кузнице уже успел остыть. Мы бродили из комнаты в комнату, поднимались и спускались по железным лестницам, хрустя разбитым стеклом и спотыкаясь о банки из-под пива. Сходили и на поляну, где недавно был праздник. В пепле давно погасшего костра, над которым жарился поросенок, валялся лимон. Я ковырнул его носком ботинка.

— Дьяволы захватили Небеса и с изумлением обнаружили, что все ангелы куда-то удрали.

— Ага, и оставили после себя нечто, больше похожее на преисподнюю.

На верхней террасе Мейбл сказала наконец:

— Ну что, поехали обратно, на Джилу.

— Прикинула, куда ставить розетки?

— Похоже, они и в самом деле удрали. Может, мы слишком уж их припекли...— она внимательно разглядывала носки своих ярких туфель.— А если тут больше никто не живет, значит, тянуть сюда кабель нет никакой необходимости — так гласит закон. Роджер в конце концов добился своего: мы проиграли.

— Минутку-минутку...

— Сегодня утром я много думала обо всем этом, Блэки.

— Я тоже.

— Так поделитесь же с дамой вашими глубокими мыслями, о благородный рыцарь.

— Мы только что убили человека. А по статистике...

Мейбл откинула назад свои волосы.

— Это была самозащита, ни больше, ни меньше. Однако я сомневаюсь, что сегодня я нравлюсь самой себе так же, как вчера.

— Так ты не станешь тянуть кабель?

— Нет.

— Минутку... Всего лишь потому...

— Нет, не поэтому. А потому, что, выходит, с ангелами ничего нельзя поделать. Потому что они кое-чему меня научили, кое-что для меня открыли во мне самой. Видишь, здесь пусто, никого нет, а только что жили люди. Да, я работаю слишком по учебникам.

— Ну хорошо. Давай возвращаться.

Не скажу, чтобы я хорошо себя чувствовал от всего этого. Но я знал: тот, кто способен заставить понять и принять собственные ценности, достоин уважения. А в нашей ситуации наши противники вызывают тем больше уважения, чем меньше мы согласны с ними.

Словом, мы уселись на помело и полетели обратно.

Я приземлился (и довольно неуклюже) ярдах в пятидесяти от горной речки.

— Хорошее тут местечко. Тебе нравится?

Мейбл только глубоко вздохнула и слегка улыбнулась.

— Боюсь, все это не для меня. Я не для этого создана. Пошли.

Я сощурился.

— Иди одна. Я спущусь минут через пять.

Она вскинула было свои серебристые брови, словно понимала нечто такое, чего я понять никак не мог, но потом снова улыбнулась. И спокойно пошла вниз.

А мне вдруг захотелось слетать туда еще разок. А еще я очень хотел забыть все, что тут произошло, вычеркнуть из памяти. В конце концов, у меня полоно своих забот, не знаешь за что хвататься. Я стоял на берегу и носком ботинка бросал камешки в воду.

Шорох за спиной заставил меня обернуться.

Фидесса, закинув ногу на сидение, пыталась сдернуть птероцикл с места. Увидев меня, она вся съежилась.

— Он мой! — В голосе ее снова звучала та же враждебность, что и в первый день нашей встречи.

Я невольно спрятал руку за спину — не сразу понял, что она имеет в виду помело.

— А-а!..— дошло до меня наконец.— Ну да, конечно. Забирай, я уже налетался.

Но она все смотрела на меня, не отрываясь, и взгляд ее был более чем странен. Открыла рот. Снова закрыла.

И вдруг зашипела:

— Ты — чудовище! Ты — чудовище, Блэки, и самое ужасное в тебе то, что ты в жизни не поймешь, почему ты — чудовище!

Рука моя снова инстинктивно дернулась. Но выходило глупо, и на этот раз я не стал прятать ее.

— Ага, я, конечно, монстр, этакий упырь... Но мне чужого не надо. Я хотел вернуть его Дэнни, да вот не получилось...

Я снял перстень с пальца.

И тут вдруг по ее глазам я с изумлением и чувством вины одновременно понял, что она так до сих пор и не заметила этот злосчастный перстень.

Тут уж настала моя очередь открывать и закрывать рот. Досада, раскаяние, острое желание попросить прощения, повиниться — все мыслимые слова, выражающие эти чувства и их оттенки, сбились в комок и застряли у меня в глотке. В результате я и стоял перед ней, немой, как рыба с шевелящимся ртом.

— Чудовище,— прошептала она еще раз, и на губах ее заиграла торжествующая улыбка. А у меня по спине, до самой задницы, толпой побежали мурашки.

Тут Фидесса отбросила свои темно-рыжие волосы и захохотала. И, не переставая заливаться смехом, резко крутанула обе рукоятки. Теперь ее хохот слился с треском и ревом дрожащего от нетерпения помела. Она рванула рычаг, помело подпрыгнуло, словно дикий и яростный зверь. Во все стороны разлетелись щепки и сухая хвоя. Она заложила крутой и довольно рискованный (так мне, по крайней мере, показалось) вираж и круто взмыла вверх. Крылья ее чиркнули по кончикам веток, и на меня посыпались листья и хвоя.

Я отряхнулся, сделал шаг назад, чтобы получше видеть, как она несется над лесом все выше, и выше, и выше, подобно старухе Мэг — бессмертной Мэг, Эндорской ведьме — на своем помеле.

Добавить почти нечего.

К концу недели меня перевели на Игуану. Месяцев через шесть пришло сообщение, что Мейбл подала в отставку. Система Всепланетной Энергетики потеряла еще одного, и очень даже неплохого, дьявола.

А наша Игуана крутится, главным образом, в районе пролива Дрейка, вынюхивая, чем бы ей заняться в Антарктиде, возле мыса Горн, в общем, в этих местах. Я частенько засиживаюсь в своем кабинете допоздна, один: предаюсь воспоминаниям, наблюдая, как рыщут по небу холодные южные ветры...

Да, вот что я забыл рассказать.

Я ведь тогда ходил посмотреть на мертвого Роджера.

Он упал прямо возле кабеля. И вместе с кабелем мы собирались похоронить его.

Я думал, что перстень расплавится. Но рука, на палец которой он был надет, лишь слегка покрылась пузырьками.

Я снял с него перстень, вскарабкался по откосу, поднялся повыше, туда, где лежали поваленные деревья. И вдруг услышал, как кто-то копошится в кустах.

— Питт!

Она метнулась было вперед, но, видно, передумала и нырнула обратно в кусты.

— Погоди, Питт! Ты не могла бы передать эту штуку Дэнни?

Я протянул ей перстень.

Она осторожно подошла, чтобы посмотреть поближе. Открыла от изумления рот, резко повернулась и, ни слова не говоря, исчезла между деревьями.

Ну я и надел его себе на палец.

Примерно тогда же, только чуть попозже, я стоял на балконе, когда из своей каюты вышла заспанная, улыбающаяся Сью.

— Привет, Блэки,— сказала она и зевнула.

— Привет. Как самочувствие?

— Отличное. Смотри, рука у меня вполне уже...— она согнула ее в локте,— только плечо немножко болит.

Я нахмурился.

— Да нет, не беспокойся, ничего страшного, я вполне могу,— она вздохнула,— работать.

— Это хорошо.

— Блэки, а что там за шум был сегодня ночью? Я раза три просыпалась: гляжу в окно, а кругом огни, огни... Снова Мейбл посылала работать ночью?

— Да ничего особенного, так, поковырялись немножко. Ты только не ходи к траншее, пока ее не зароют, ладно? Ночью там у нас случилась небольшая неприятность. Так что посиди дома.

— Но почему? Рука ведь у меня вполне...

— Считай, что это приказ.

— Слушаюсь, сэр.

Она, конечно, очень удивилась, но вопросов больше не задавала. А я отправился к Мейбл готовиться в обратный путь.

Я сохранил этот перстень.

Нет, я не стал снимать его.

Я продолжаю его носить.

Вот уже много лет.

Он и сейчас у меня на пальце.

И часто, почти так же часто, как и ту зиму в Тибете, я вспоминаю октябрь, горы на канадской границе, где солнце поет гимны о переменах и о превратностях судьбы, где теперь не появляются ангелы, где веют холодные ветры, деревья весной покрываются свежей листвой и узкая глотка ущелья, клокоча, извергает белоснежную пену.

МЕДНАЯ КЛЕТЬ

Можно ли описать мрак, царящий здесь, в Медной клети? Не знаю. Он слишком совершенен и ускользает из сети слов. И в этом мраке он мчался куда-то, делая крутые виражи, замедляя ход и снова разгоняясь, пока наконец не остановился, кажется, в одной из камер, и механическая рука опустила его в глицериновый гроб, и крышка его опустилась, подобно перышку, которое падает на кучу других перьев. О, этот мрак. Дать хоть какое-то понятие о том, что это такое, можно, пожалуй, лишь тогда, когда не хватает слов. Когда ощутишь, как однажды, хотя и это слово странно звучит там, где нет ничего, даже времени, так вот, однажды, словно из небытия, возникает голос:

— Эй!

— А-а-а-а-а-а...

— Эй! Как тебя кличут, а, дружище?

— Да он еще не проснулся как следует.

— Заткнись! Эй! Хватит хрюкать, скажи что-нибудь!

— ...а-а-а-а... что?..

— Ага, похоже, очухался.

— ...кто... вы?..

— Я — Коршун, хрюкало. А там...

— А я — Хряк. Коршун хочет знать, за что тебя.

— Я... Меня зовут...

— Давай-давай, молодец, парень. Выдай Коршуну все, что он хочет знать. Раз Коршун хочет, он должен получить.

— Во-во. Скажи ему, Коршун, пусть все выкладывает.

— ...Кейдж. Джесон Кейдж.

— Так кому же ты встал поперек дороги, а, Кейдж, если тебя сунули в этот гроб?

— Я... Послушайте... оставьте меня...

— Ну уж нет, парень!

— Я не... я хочу одного: чтоб меня оставили...

— Ах так! Ну тогда попросим Хряка изобразить! Ты, парень, совсем чокнешься, когда послушаешь. Ну-ка, Хряк, изобрази! Да постарайся для новенького!

— Алю-глю-глю-глю-гле-гле-гле-гле! Уауауауауауауауауауауауауау! Бада-бада-бада-бада-бада-бада-бада-бада! Алю-глю-глю-глю-глю-глю-глю!

— Хватит, прошу вас, хватит!..

— Не-е-т, ты тут один не останешься, мистер Джесон Кейдж. Со мной тут целый год никого, кроме Хряка, не было, только с ним и болтали, больше не с кем. А перед тем, как сбросить сюда, ему выжгли половину мозгов, врубаешься? Нет уж, один ты тут никак не останешься! Ну-ка, давай, поговори со мной!

— Да-да, расскажи Коршуну, за что тебя сунули в этот медный мешок, а? Ты слышал, или тебе повторить, мистер еще-не-проснувшийся-Кейдж?

(Вдох... выдох... вдох... выдох...)

— Мне кажется... вы давно... не читали... газет...

— Никогда не читал, зато употреблял каждый день, когда был на свободе... (хихиканье)

— Заткнись, Хряк! Ну, давай! Трави, Кейдж!

— Но я не хочу говорить... обо всем об...

— Нет, говори!

— Надо рассказывать, мистер Кейдж. Ты рассказываешь про себя, я тебя слушаю, потом я про себя — ты меня слушаешь. Надо, мистер Кейдж. Про Коршуна я слышал все, что можно и что нельзя. И про меня слушать больше нечего. Так что будьте уж так добреньки, мистер Кейдж...

— Заткнись, Хряк. Кейдж, я кому сказал, рассказывай!

— Ну... хорошо... Хорошо. Но это... ужасно больно.

— Пускай будет больно, Кейдж.

— Нас засунули в этот мешок, мистер Кейдж, не для того, чтобы мы тут сидели и радовались...

— Подумать только, целая вселенная за этими стенами. Вот вы, Коршун, вы откуда сюда попали?

— Планета называется Крегс, а город — Рэпшн, а улицы у него — это глубокие трещины, бывает аж до самой середки планеты, и они до краев наполнены этой, как ее, серой расправленной, и она кипит...

— Ага, ага, ты мне уже рассказывал про свой Рэпшн, там полно богачей, они живут во дворцах, а по вечерам между балконами вьется желто-зеленый дымок, верно?..

— Заткнись, Хряк. Давай ты, Кейдж.

— Не надо затыкаться, Хряк. Расскажите лучше о себе.

— Вы хотите знать, откуда я родом, мистер Кейдж?

— Он издалека, его планета называется Альба, Кейдж.

— Ага, Альба, верно, а город называется Даск. Даск — это в горах, там у нас во льду вырублены пещеры, а когда солнце встает или заходит и все покрыто туманом, льды переливаются, как радуга, как бриллианты.

— Я все это уже слышал, Хряк. Пусть Кейдж рассказывает.

— Ну а я... моя планета называется... Земля.

— Земля?

— Замолкни, Хряк.

— А жил я в городе, который называется Венеция. Во всяком случае, там меня арестовали, там судили и там же вынесли приговор: медная клетка пожизненно. Венеция! В этом городе живет море, оно создало ее улицы... море омывает и великолепные палаццо богачей, и грязные трущобы, где меж домами натянуты веревки с бельем. Моторные баркасы там причаливают прямо к базарной площади, где вся набережная завалена капустой, помидорами, хурмой, мидиями, артишоками, крабами и омарами. По неровному квадрату Пьяццы там бродят толпы туристов, студентов-архитекторов, банкиров, художников; они гуляют меж розовых колонн дворца Дожей, они спускаются в порт и любуются узкими каналами и высокой аркой моста Вздохов, выгнувшейся между дворцом и старой тюрьмой. Если студенты увидят, что вы праздно и одиноко шатаетесь где-нибудь в районе парка или у моря, они тут же подбегут к вам, кто-нибудь хлопнет ладонью по спине и пригласит с собой, и вас потащат в вапоретто, и вы поплывете по Большому каналу и будете смеяться, и распевать песни, и заигрывать с проходящими девушками... а я расскажу Бруно про развалины древних построек, архитектура которых восхищала людей со всего света еще со времен Рескина. Потом мы помчимся по аллее к Мензе, повеселимся возле Понта Академиа с его коричневыми стенами, с которых свисают лишайники и мох, пройдем мимо крохотных магазинчиков, где продают вино, поднимемся по ступенькам и затарабаним в дверь, и кухарка нас впустит, и мы станем есть и пить, и петь веселые песни, а Бруно скажет, что жизнь прекрасна, и не о чем беспокоиться, и я перестану грустить, потому что я — в Венеции...

— Эй, в чем дело, мистер Кейдж?

— Продолжай, Кейдж.

— Кто-нибудь из вас видел этот медный мешок снаружи?

— Клянусь дьяволом, его и изнутри никто не видел.

— Заткнись, Хряк.

— Он расположен где-то высоко в горах, на скалах, покрытых вечным снегом. Даже облака здесь какие-то тощие. По ночам сквозь них далекие звезды могут бросить свой мерцающий взгляд на эту Медную клеть. А она разлеглась тут и даже не обернется, даже не пошевелится.

— Медную клеть видеть не положено, мистер Кейдж.

— Ну да, не положено. Откуда ты знаешь, как она выглядить а, Кейдж?

— Видел чертежи. Я много повидал такого, Хряк, чего другим не положено видеть. Ты понимаешь, ведь я когда-то изучал архитектуру.

— На Земле?

— В Венеции?

— Да-да, именно там. И однажды получил доступ к этим чертежам. Я видел все эти коридоры, откуда они выходят, куда они ведут и как между собой соединяются...

— Ты серьезно?

— О, я мог бы рассказать, где лежит и чем и как скреплен каждый кирпич, каждый камень Айя-Софии. Я мог бы рассказать, как и по какому принципу построен оптикоиллюзорный храм в Анкоре, на планете Кеплар, вплоть до последнего зеркала. И мне известен каждый тупик, каждая развилка, каждый поворот, каждый вход или выход, каждая дренажная труба в этом медном мешке.

— А ты не врешь?

— Вы что, хотите сказать, что знаете, как отсюда можно выбраться?

— Венеция...

— Слышь, Коршун, может этот Кейдж и вправду знает, как отсюда выбраться?

— Заткнись, Хряк. Продолжай, Кейдж.

— Да, Венеция теперь далеко. И больше никогда не будет веселых ночей в винном погребке, где Джамба, когда захочет отрезать себе еще колбаски, подвешенной к потолочной балке, просто берет нож, швыряет его — и готово! И не вернется больше время, когда всю ночь напролет мы пробуем разные вина и спорим, какое лучше: то, что с севера, или то, что с юга. Все кончено. Ничего больше не будет. И Бруно больше нет. И нет больше прекрасной девушки с ленивыми очами... она сама все разрушила: и мою жизнь, и жизнь Бруно, и свою собственную... а звали ее...

— Кейдж, а Кейдж!

— ...Сапфира!..

— Слышь, Кейдж!

— Мистер Кейдж, помолчите, Коршун к вам обращается!

— Нет больше Сапфиры...

— Слышь, Кейдж, ты лучше расскажи, почему мы слышим друг друга из этих наших гробов? Вот раньше, к примеру, я лежал в другом гробу, так что я только ни делал: и орал, и вопил, как резаный, и скулил, как собака, и все без толку. А тут вдруг слышу — отзываются. Оказалось, правда, что один Хряк отозвался, но и это кое-что. В чем дело, почему так, ведь мы же закупорены наглухо?

— Вы спрашиваете, почему мы... слышим друг друга?

— Ага, может, вы расскажете нам с Коршуном, почему мы слышим друг друга? Вот я, например, успел побывать уже в трех гробах, и раньше ничего такого не слышал, никаких голосов, никаких соседей.

— Трехходовик... да-да, скорей всего, именно он... Ну вы знаете, нас здесь кладут в глицериновые гробы, и они все делают за нас сами: и кормят, и моют, и лечат, и следят, чтобы, не дай бог, не нанесли себе какого увечья, а то и чего похуже... да-а-а, плохи наши дела. Даже покончить с собой нельзя: гроб живо тебя откачает, даже если ты уже мертвый... так что в любом случае останешься живой и будешь жить вечно. А пройдет время, так можно будет даже выходить, тут у каждого есть крохотная каменная каморка, ну да, выходить, делать какие-нибудь упражнения... в темноте...

— Ну да, ну да. Мы все это знаем, Кейдж. Но ты не сказал, почему мы тут слышим, почему можем разговаривать в этих гробах.

— Все дело в трехходовике. Мы в самом низу тюрьмы, и тут наши три камеры примыкают одна к другой, а между ними проходят старые канализационные трубы. Сто пятьдесят лет назад проложили новую систему канализации. Раньше, когда эти трубы были полны всякой дрянью, ну, отходами нашей жизни, они текли по трубам, и ничего не было слышно. Новая система теперь проходит в другом месте, а эти трубы стали пустые, и наши гробы... они ведь в самом низу, ну и вот... через эти трубы все и слышно.

— А как насчет удрать отсюда, а, мистер Кейдж? Мы с Коршуном не прочь сделать ноги, верно, Коршун?

— Тихо, Хряк.

— ...подземная канализация города... соединяется прямо с каналами, и все попадает в воду: бумажки, листья, отбросы, испражнения людей и животных — все это плывет по воде, по всему городу, во всех глухих закоулках...

— Что это с ним опять, а, Коршун?

— Молчи и слушай, Хряк.

— ...один, совсем один, бродил в одиночестве в самых укромных уголках, и небо, зажатое в узком пространстве между крышами, неслось над моей головой, как пурпурные воды канала, эти воды у ног моих были похожи на грязную кровь, текущую в венах с крошащимися каменными стенками. О, этот город ужасен, ужасен своей красотой, красотой своих фонтанов и ржавых решеток, красотой хрупких портиков и готовых вот-вот разрушиться арок, повисших над водой то здесь, то там, красотой ослепительно сверкающих витрин, красотой темноких черноволосых детей, смуглых, как хозяйственное мыло, о, этот город красоты и одиночества...

— Кейдж, мы здесь одни, в этом медном мешке, и про одиночество все знаем. Здесь ведь нет даже тюремщиков, одни автоматы. Вся жизнь, питание и все такое — все без тюремщиков. Ты только что сказал, что знаешь устройство этой Медной клети как свои пять пальцев. Ты это можешь доказать?

— Конечно, могу. Каждый камень города я знаю лучше, чем Рескин, лучше, чем Перси. Я знаю, где находится трещина в камне на Понте Сан Марко, куда Наполеон спрятал свою зубочист-

ку. Я знаю, как работают задвижки, открыв которые, Великий Дож мог затопить подземелье и без лишнего шума избавиться от томящихся там политических врагов. Я знаю подземный ход, ведущий из подвалов торговца шерстью Ди Треви прямо в церковь св. Марии — именно им воспользовались похитители знаменитого полотна Тициана «Вознесение Девы». Я знаю, как устроен фундамент тех самых ворот, через которые Марио проходил к Анджолине еще до их помолвки. Я спускался по лестницам дворца, где бывали Байрон и Шелли, и так же, как они, я нашел потайной вход в Палаццо Скарлотти, где в зеркальных залах и увешанных гобеленами павильонах сыновья сыновей Фоцции до сих пор устраивают ночные оргии. Весь город был открыт передо мной, а я чувствовал себя в нем таким одиноким...

— О чем это он, а, Коршун?

— Т-с-с-с...

— И вот настал в Венеции вечер, когда в мою одинокую жизнь вошла Сапфира. Послушай, Хряк, и ты, Коршун, вы когда-нибудь видели женщину?

— Хряк, расскажи ему про самую красивую женщину в твоей жизни.

— А? Ну была у меня такая, Джоди-б... ну вот, принесу, бывало, добычу к себе, в Сумеречные Пещеры, а она как увидит, да как захохочет, и давай хлопать меня по спине, а потом отбирает, что получше, а я не даю, а все стоят вокруг огня и орут как сумасшедшие, и спорят, кто сильней, я или она...

— У меня в Рапшне тоже была женщина. Как пойдет гулять по горящим улицам города, так даже пламя пропадает там, где она проходит. Звали ее Данца, и когда ее огненные волосы касались моего лица, а огненные губы — моих губ...

— О, если вы не знали Сапфиру, значит, не знали женщин вообще. Отец ее был у нас на Земле послом Тринадцатой планеты системы Сириуса. Вот вы, Коршун, родом с Крегса, верно? А вы, Хряк — с Альбы, да? Так вот, она рассказывала, что провела зиму на Крегсе и целое лето на Альбе, и здесь, и там ей показалось так скучно, так неинтересно, что хоть вешайся с тоски. И тогда она прилетела на Землю и сразу попала в Венецию. В тот день она три раза попадалась мне навстречу на улицах города. Венеция — город небольшой, и если бродить по ней просто так, то рискуешь несколько раз встретить одних и тех же праздных зевак, таких же, как и ты сам. В первый раз я ее встретил на ступенях моста, возле Феровия, это было как раз то время дня, когда женщины выходят на улицы с детскими колясками, а мужья помогают им переносить коляски через высокие ступени моста, и в толпе прохожих так и снуют продавцы лотерейных билетов. В следующий раз я увидел ее возле Гиальто, когда уже закрывались стоящие на мосту лавчонки. Она остановилась возле одной и стала разглядывать какой-то

кувшинчик; потом поставила его на место, облокотилась на перила и стала смотреть на воду. В третий раз я набрался храбрости и заговорил с ней; это было где-то на окраине, где каналы такие узкие, а мосты такие крохотные. Она стояла на одном из таких мостиков, Понте Дьяволо называется, оперлась о перильца, закат золотил рябь на воде и влажные камни, покрытые мхом и ржавчиной. Я увидел ее как раз в тот момент, когда она протягивала что-то бродячей кошке. Я подбежал и ударил ее по руке. Она удивилась и испугалась, отпрянула назад, но я тут же объяснил, что бродячие кошки здесь очень грязные, по большей части больные и заразные, а вдобавок в городе и так много всякой рыбы и разных объедков, так что чего-чего, а еды им хватает вдоволь. Сначала она обиделась и рассердилась, но потом рассмеялась, а когда я пригласил ее прогуляться до университета — о, я умолял ее не отказываться, вовсю расхваливал студентов, какие они все хорошие, как с ними весело, и как хорошо гулять по городу в такой компании — она согласилась! «Бедненький, как вы тут одиноки! — воскликнула она с милой улыбкой.— Ну конечно же, я погуляю с вами!» И мы пошли, и всю дорогу я рассказывал ей про свои награды, и про здания и ансамбли, которые я мечтал когда-нибудь построить, и про мои научные статьи, которые уже были написаны и которые я только собирался написать. А когда мы подошли к Большому каналу, я помог ей войти в вапоретто, и мы бороздили воды канала, и мимо нас проплывали великолепные фасады величественных зданий, и я показал ей, где находится Ка Д'Оро и Сколии, и прекрасные палаццо богатых купцов, особенно величаво возвышающиеся на фоне вечернего неба над ярко окрашенными причальными столбами, отражения которых мерцали в воде, пока волны от проходящих мимо лодок не разбивали их вдребезги. А когда мы пришли в студенческую столовую, о, как они все были там приветливы, все до единого, а Бруно несколько раз подходил к нам и приглашал на вечеринку, которую он устраивал в тот день. «Я с утра тебя везде ищу,— говорил он мне,— куда ты пропал, я давно хотел тебя пригласить, слава богу, я тебя встретил». И в тот вечер мы пили вино и танцевали на балконе, и ветер вдруг подхватил шарф Сапфиры, и на мгновение он застыл в воздухе, весь залитый лунным сиянием, и лицо ее оказалось в тени, и я взял ее за руку, а она улыбнулась и слегка покраснела, и воды канала под нами несли сморщенную лунную дорожку прямо к мосту. А когда шарф опустился...

— Эй, Коршун! Он опять замолчал!

— Ну почему, почему-у-у...

— Все нормально, давай дальше, Кейдж.

— Ну почему, почему люди совершают преступления? Вы, невидимые голоса во мраке, скажите мне, почему, чуть что не так — и человек становится преступником?

— Ну, обо мне-то чего болтать, мне жрать хотелось, вот и все тут. В наших Сумеречных Пещерах бывает холодно. Мне жрать хотелось, а воровать всегда легче, чем работать. Ну, поймали, что тут поделаешь. Пустяк, на первый раз сделали выговор и отпустили. Только потом я снова захотел жрать и опять там что-то стащил. Пронесло. Дальше — больше. Ну, где-то на пятый раз нарвался на патруль. Что делать? В общем, двое попали в больницу и копыта там откинули, ну а меня кинули сюда, в этот медный мешок. Вот вам и почему, мистер Кейдж...

— Я скажу, почему так бывает, Кейдж. В нашем Рапшне на улицах полно горящих огней, ну и горячих людей там тоже хватает. А есть такие чувства, ты же сам знаешь, ну там, гордость, или чувство мести, или дикая ненависть к этому насквозь прогнившему миру с его прогнившей моралью, будь она проклята. Ну вот, собрал я как-то горячих и крепких ребят, и мы пошли потрошить сундуки городских богачей, и однажды на крыше какого-то дворца нас застукал воздушный патруль, ну, мы схватились с ними, и я собственными глазами видел, как один за другим падают мои люди, а я показывал этим легавым кулак и хохотал во все горло, а лучи прожекторов бегали по всей крыше, и двигатели патрульных машин грохотали так, словно небо над головой разваливалось на мелкие кусочки, а улицы подо мной пылали тысячами огней, а я все палил и палил куда попало, пока не остался один...

— Нет, Коршун... это не то. Слышите, Хряк, это все не то. Для меня все это значило больше, гораздо больше. Ну так вот, уже было поздно, и я снова вышел на балкон подышать воздухом, и все в душе моей пело от радости и от вина, и я глядел на воду, а вокруг меня плыли, плясали хороводы огней, и тут ноги мои подогнулись, и я опустился на колени и прижал лицо к холодным перилам, глядя на красные черепичные крыши города, обесцвеченные заходящей луной. И вдруг я почувствовал, что к груди подкатывает тошнота, и эта тошнота вот-вот вытеснит весь мой восторг. Я быстро встал и пошел обратно, едва протиснувшись в застекленные двери. Я хорошо помню, как занавески колыхались на ветру. На ковре валялись пустые бутылки. Темнели пятна пролитого вина. Джамба лежал на кушетке: лицо помятое, волосы спутаны, рубашка в блевотине. Тарелки с закусками наполовину пусты, из них торчали окурки; впрочем, окурки торчали и из нетронутых закусок. Комнату освещал лишь огрызок свечи, торчащий из бутылки. Белые пальцы луны проникали сквозь щели, ощупывая каждый предмет, каждую тень. Я шагнул вперед. Все уже разошлись — мелькнула в голове первая мысль. Но дверь в комнату Бруно была открыта, и вот там-то я и увидел их.

Словно тысячи игл разом пронзили мой мозг, словно тысячи игл вонзились в мои глаза! К горлу подкатил сухой комок, я глотал, глотал и никак не мог его проглотить! Все тело мое тряс-

лось, словно каждый член охватила судорога! А когда наконец из глотки моей вырвался первый звук, я подумал было, что это рыдание — но нет! Оказывается, я смеялся!

Бруно оторвал лицо от ее спины, увидел меня и нахмурился. «Ты что, уже уходишь?..» — пробормотал он заплетающимся языком. «О да,— ответил я,— но вам обоим придется пойти со мной. Еще не поздно. Пошли-пошли, я покажу вам кое-что действительно интересное». Тут и она подняла голову и посмотрела на меня таким же мутным, как и у него, взглядом. И я вдруг понял, что она даже не сразу вспомнила, кто я такой! О, как я хохотал! Я хохотал как безумный, как маньяк! Я растормошил Бруно, заставил его одеться; наматывая ей на шею шарфик, я увидел, что она испугалась и отпрянула было, но я притворился, будто ничего не заметил, я болтал без умолку, я шутил и смеялся, я чуть ли не силой вытолкнул их на лестницу, и тут Бруно спросил: «Признавайся-ка, у тебя сегодня еще есть приглашение повеселиться?» — но я только засмеялся в ответ, и скоро мы уже шагали по узенькому тротуару вдоль канала. «Сюда, сюда»,— торопил я их, и они покорно шли за мной по набережной, потом по площади Кампанили, где стоит колокольня, потом через арку Страда Нова по тесной аллее, у которой нет никакого названия. Мы перешли через один из множества мостов этого города (на самом деле их ровно шестьсот восемьдесят два), прошагали под замурованным в камень руслом, вышли на узкую улочку, свернули еще на одну, запутавшуюся в ступеньках, взлетающих к Риальто с той стороны, где Феровия. Но мы туда не пошли, а спустились вниз, к тротуару, крытому голубой плиткой, протиснулись сквозь маленькую калитку и заспешили по аллее, на которой огни уже не горели. Я перелез через низенькую стенку.

«Где это мы?» — начала было она, но Бруно засмеялся. «Я уже целый год живу в этом городе, но и сам понятия не имею, куда мы попали. А Джесон знает здесь каждое дерево, каждую канаву. Наверно, он хочет срезать путь. Когда же мы доберемся?» — не удержавшись, проворчал он наконец. Но я знай поторапливал их. Помню, она еще сказала: «Но здесь же нет никакой ограды, можно упасть в воду...» — но мне некогда было отвечать, я был занят тем, что пытался отодвинуть решетку, и тогда Бруно ответил за меня: «Джесон обожает делать всякие сюрпризы. Всегда ждешь, что он вдруг ни с того ни с сего появится перед тобой из какого-нибудь склепа или древней могилы. Понимаешь, в Венеции полно всяких тайн...» Потом лишь наше дыхание слышалось во мраке подземного хода, да стучали каблуки по камню. Тут она вдруг захныкала. Но я снова стал подгонять их. «Не волнуйся,— попытался успокоить ее Бруно, но и в его голосе уже слышалась тревога.— Не просто же так, ни за что ни про что Джесон каждый год получает свои награды. У него абсолютное чувство пространства. Заблудиться он просто не способен». Мы прошли под решеткой, которая в утрен-

нем тумане разрезала лунный луч на десяток тонких лучиков, и спустились к подземному мостику. Она испуганно остановилась. Мостик тоже был без перил. Я попросил их быть осторожней на скользких ступеньках. Мы опять пошли по подземному переходу, куда уже лунный свет не попадал, и минут через пятнадцать были на месте. Я закрыл за нами дверь и облегченно вздохнул. «Пришли,— сказал я.— Ну-ка, Бруно, пойдем, поможешь мне». Я двинулся вдоль стены. План помещения я представлял себе так же отчетливо, как если бы он был у меня перед глазами. Четыре ступеньки, пять. «Осторожней, Бруно, наклони голову. Ну вот. Дай руку». Я подвел его к огромному рычагу запора. «Давай-ка нажмем». Он взялся за рычаг. «И что, сразу окажемся в гостях? Что-то тут никого не слышно...» Но я перебил его: «Ну, нажали! Сейчас попадем в один подвальчик...» Я очень боялся, что старинный запор не сдвинется с места. Всем телом я налег на рычаг, так что носки оторвались от пыльного каменного пола. Потом я почувствовал, как к моему весу прибавился вес Бруно. И запор поддался! Заскрежетало железо. Я слышал, как падали грузы. И вот в помещение хлынул мощный поток. Я услышал ее испуганный голос: «Что это, Бруно, Джесон?» Потом она громко вскрикнула. Под ногами плескалась вода. «Что все это значит?» — воскликнул Бруно. Я отпустил рычаг и засмеялся. «Мы в подземной тюрьме, Бруно. В тюрьме Великого герцога, в самых нижних подвалах, там, где шлюзы. Помнишь? Ну там, где он топил своих узников!» — «Послушай, Джесон, если ты хотел пошутить, то мне совсем не смешно!» Я услышал, как она зашлепала по воде в нашу сторону. «Говори, как отсюда выбраться! Где тут выход? Здесь темно как в могиле!» Она снова закричала, но крик резко оборвался. Видно, потому, что уже трудно было удержаться на ногах: напор воды был очень сильным. Было уже по колено. Я побрел обратно. Они зашлепали следом. Она догнала было меня, но тут ударилась головой о выступающий камень и упала.

Бруно хотел помочь ей, но вдруг рассвирепел, что-то крикнул и поплыл в мою сторону. «Послушай, если ты и вправду решил утопить нас, то ведь и сам утонешь вместе с нами!» Она бултыхалась за его спиной, пытаясь догнать нас, и время от времени вскрикивала. Наконец они настигли меня, сбили с ног, и мы все вместе упали в воду. Шарф ее (о, как хорошо я это помню!) запутался в моих пальцах. Они думали, что я вынырну и буду бороться с ними, но я не стал этого делать. Я задержал дыхание, оставаясь под водой, а потом отплыл в сторону, туда, где, как я знал, находится выход. Течение было сильное, расстояние определить было трудно, и мне пришлось разок вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха. Потом я поднырнул под низкую стенку, уже совсем скрывшуюся в воде, протиснулся под камнем, вынырнул с другой стороны и вполз на ступени. Лестница была уже напо-

ловину затоплена. Я слышал их крики за каменной стенкой. Когда я встал наконец на ноги, вода была мне уже по пояс.

Меня нашли, когда я брел через Пьяццу, это напротив византийского фасада собора святого Марка с четырьмя гигантскими бронзовыми конями, скачущими по крыше этой базилики. Я был мокрый с головы до ног, и по мостовой за мной волочился ее влажный шарф.

— О боги Альбы...

— О единый бог Крегса...

— О боги, если они еще остались на Земле, клянусь, я хохотал, как демон! Меня нашли сразу, и я рассказал им все. Оказывается, их уже хватились. Но было поздно! О-о-о, Великий герцог делал все, как следует! Основательно делал, кто бы там что ни говорил. А поскольку несчастье случилось с дочерью посла, да еще с другой планеты, преступление отнесли к разряду междупланетных, и меня приговорили не к обычной тюрьме, а к этой вот, которую называют Медной клетью...

— Эй, Коршун, он опять замолчал!

— Кейдж! Послушай, Джесон Кейдж, ты правда знаешь устройство этой Медяшки не хуже, чем тех... как их там... ну, тех подвалов, забыл, как называются! Ну, что молчишь? Говори!

— Знаю. Я все знаю. Я знаю план подземелий Сияющей Мечети в Иране. Я знаю расположение подвалов и склепов Музея Жизни на Бета Кентавра. Если б Дедал оставил после себя план Лабиринта, а мне удалось бы хоть разок взглянуть на него, мне не понадобилась бы нить Ариадны...

— Ну а Медяшка, что ты скажешь про нее, а, Кейдж? Что ты знаешь про то место, где мы теперь застряли? Как думаешь, мы можем выбраться отсюда?

— Отсюда... да, где трехходовик... Здесь совсем близко... проходят тоннели, по которым ходили рабочие, когда тут была стройка... О, это было очень давно. Но... все они наглухо замурованы. Выбраться? Да разве я имею право выбраться, разве я имею право уйти отсюда? Ведь я виновен. Сердце мое заковано в глухой панцирь вины, которой нет прощения. Я здесь для того, чтобы... страдать. Да-да! Даже если бы я бежал, чувство вины осталось бы со мной; оно, как тюремные стены, все так же окружало бы мое сердце.

— Ей-ей, Коршун, он чокнутый.

— Слушай сюда, Кейдж. Ты знаешь, как отсюда... как ты там говорил? Трехходовик? В общем, как отсюда попасть в этот проклятый тоннель?

— Вы... Вы действительно хотите выбраться? Но... Но... Но ведь я убил их. Я виновен. И я заслуживаю...

— Послушай, Кейдж!

— Одно мое преступление ставит печать вины на весь мир! Да-да, весь мир виновен в моем преступлении!

— Да бросьте вы, мистер Кейдж. Линять надо отсюда, вот и все.

— Говори, Кейдж. Говори, не молчи.

— Она была... она была прекрасна, как родниковая вода, как пламя, как утренний туман над рекой...

— Говори про Медяшку!

— Медяшку? Ах да, Медяшку, так называют тюрьму... эту тюрьму... Три наши камеры сходятся возле рабочего тоннеля. Может, замковые камни... Да-да, вряд ли они закреплены, обычно их не закрепляют...

— Что ты там все бормочешь, Кейдж? Ну-ка, рассказывай так, как рассказывал про Венецию, чтоб все стало ясно как на ладони!

— Да-да, именно, именно три эти камеры. Они примыкают одна к другой как раз вокруг труб канализации и, подобно трем толстым кускам торта, соединяются в одной точке. Там, где торт разрезали — стены...

— А труба в том месте, где втыкают свечку, когда новорожденному всего год, да?

— Совершенно верно. А камни, где стены сходятся, ну, прямо возле свечки, невозможно скрепить раствором. Весит каждый что-то около трехсот фунтов.

— Триста фунтов? Коршун, одному тут не справиться.

— А вдвоем — вполне, Хряк.

— И каждый камень закрывает собой люк, ведущий в рабочий тоннель, а уже тоннель выходит наверх, к скалам...

— Хряк, ты станешь толкать со своей стороны, а я со своей.

— А что делать с ним?

— Кейдж, мы сдвинем наш камень, а потом твой...

— Нет. Нет, я остаюсь.

— Коршун, крышка гроба открывается, время прогулки. Давай, пошли, что ли, двинем этот камешек.

— Кейдж, ты не сдвинешь свой камень один. Давай, мы тебе поможем. Если мы сейчас уйдем, ты навсегда останешься здесь.

— Нет! Нет!.. Мое место здесь. Я должен остаться... Я должен. У меня нет выбора. Я должен стать частью этой великой медной башни, стать краеугольным ее камнем, стать ее фундаментом. Я слышу, я слышу вас... я слышу, как скрежещет камень о камень. Слышу, как вы ворчите, как вы тяжело дышите. Да-да, я слышу, он сдвинулся! Как и тот огромный запор в подвалах у Дожа, он сдвинулся и пошел, и поскрипывает, и поскрипывает. Ага, вы все-таки сдвинули его! Хряк! Какие мошенничества на Альбе ты взвалил на плечи свои? А ты, Коршун, с кем ты сражался, против кого направлена была твоя сила на Крегсе? Хряк!.. Коршун!.. Коршун!.. Хряк!.. Я вас не слышу! Вы... вы уже ушли? Хряк! Коршун!

Можно ли описать безмолвие, царящее здесь, в Медной клети?

Теперь и оно совершенно, и если здесь слова тоже бессильны, то можно на худой конец прибегнуть к намеку... Например, такому: не стало голосов — и ничего не стало.

ГОРОД БОЛЬШОГО ХРЕБТА

I

— Подумать только!

Ага, это Смит на верхней ступеньке приставной лестницы.

— Ну что там?

А это Джонс внизу возле нее.

Римкин стоял, не двигаясь, и в голове у него вертелся самый неподходящий образ: вареная картошка! Ну да, возьмешь такую, навтыкаешь в нее зубочисток, сверху приладишь еще одну, вот тебе руки, ноги и голова, как снежную бабу делают — и получится точь-в-точь марсианский скафандр!

— Вогнутые! — крикнул Смит сверху.— Помнишь, у нас дома культовые картинки в витрине каждой лавки, идешь по улице, а они на тебя смотрят, провожают глазами? Так и тут, вырезаны обратным рельефом.

— Вовсе не обратным! — крикнул Мак; он стоял рядом с Римкиным.— Отсюда отлично видно.

— Да нет, не все лицо,— отозвался Смит.— Глаза только. Потому они и казались странными, когда мы шли сюда через пустыню.

«Мак,— думал Римкин.— Мак. Мак. Что особенного в этом человеке, кроме странной фамилии?»

— А ведь они красивые,— кажется, это голос Ходжес.— Подумать только, целый год ломали головы, просто ли это куски красного камня или их кто-то обрабатывал. И вдруг на тебе, прямо тут, у Большого хребта. Вот вам и ответ. Вы только посмотрите, в этих лицах виден высокий разум. Культура. Причем высокая культура, не ниже древнегреческой. А промежутки между колоннами этого храма? Тут пахнет революцией в антропологии!

— С чего вы взяли, что это храм? — проворчал Мак.

— Тут целый комплекс совершенно новых проблем! — продолжала гнуть свое Ходжес.— Чем мы хуже сэра Артура Эванса, раскопавшего величайший в истории лабиринт дворца в Кноссе? Или Шлимана с его сокровищами Атрея?

«Непонятно, кто из них там кто,— думал Римкин.— Через мягкие каучуковые наушники в шлеме слышны ведь только голо-

са. Да-да, все эти фигуры — словно вареные картофелины на шероховатой ржавчине почвы. Вон та, кажется, Ходжес; солнце так и сверкает на непроницаемом стекле шлема. Мне известно лишь то, что внутри пластиковой оболочки сидит нечто столь же нелепое, столь же неестественное, как и те фигуры с куполообразными головами, расставленные наверху по архитраву...»

— Эй, Римкин, ты же лингвист! Чего стоишь, порыскай кругом, может, попадутся какие-нибудь надписи!

— А?..— он не нашелся, что ответить, но сразу представил, как все они улыбаются под своими луковичными шлемами и крутят головами. А Джонс, да, это, наверное, его голос, произнес:

— Сколько времени мы на Марсе, а Римкин все еще будто на Земле в облаках витает. Эй, Смит, там у тебя не видно каких-нибудь надписей, может, хоть курица где лапой расписалась?

— Ничего похожего. Слушай, как странно вырезан этот глаз!

— А ну дай посмотреть!

И тогда Джимми — а Римкин всегда мог узнать ее, потому что ее скафандр был на полторы головы ниже остальных — так вот, Джимми вскарабкалась по шероховатым блокам каменного фундамента, затем, пробуждая сон красновато-коричневой пыли великолепными «марсианскими» прыжками, пересекла его и, достигнув дальнего угла, обернулась.

— Смотрите-ка!

Несмотря на помехи и искажения (короткие волны, искажения страшные), он узнал ее голос.

— Тут одна упала!

— Ну-ка, ну-ка, покажи! — крикнул Римкин. Пускай думают, что ему тоже интересно.

В наушниках снова зазвучал ее мягкий голос.

— Ее с места не сдвинуть. Сам иди сюда, Римки.

Но он уже карабкался к ней.

— Да-да, конечно. Иду-иду.

И тут же услышал в наушниках, как кто-то изо всех сил сдерживается, чтобы не захихикать, но с какой стороны шел звук, так и не понял. Стереоэффект ни к черту.

Действительно, одна из каменных фигур, расколовшись на части, валялась в пыли.

Он подошел к Джимми. Макушка ее шлема как раз доставала ему до плеча.

— Так забавно,— сказала она, и даже радиопомехи не могли скрыть неподражаемые интонации ее смеха.— Лицо как у настоящего марсианина.

— Что?

Она посмотрела на него снизу вверх — вблизи была хорошо видна ее маленькая коричневая мордашка за стеклом скафандра.

Но он уже переключил внимание с мимики ее смеющихся черт на голос в наушниках.

— Ну посмотри сам.— Она снова повернулась к упавшей статуе.— Огромный, высокий лоб, круглые глаза, подбородка почти вовсе нет. Не догадываешься? Да он просто копия тех марсиан, которых в прошлом веке показывали в фантастических фильмах.

— Может быть...

Треть лица отвалилась. Трещина прошла через левый глаз. То, что осталось от рта, собралось в хищную красновато-лиловую складку.

— Может... кто-то просто пошутил? Почему бы и нет, представьте, что военные из Беллоны нарочно все это тут понаставили, ну как декорацию в театре. А они могут, ты *это* знаешь. Ведь это же бред какой-то: берем скиммер, делаем простой разведывательный рейд, и вдруг на тебе, всего в шестидесяти милых от базы...

— ...Натыкаемся на этакое сооружение, причем явно искусственное, размерами не меньше Парфенона! Да черт возьми, больше, чем храм Зевса! — ворвалась в разговор Ходжес.— Бросьте вы, Римки! Представляю, как вы встаете утречком, когда все спят, потихоньку удираете из лагеря и сооружаете тут всю эту чертовщину! И маленькой стенки не соорудить, не то что это...

— Да, но все-таки...

— Эй, люди! — это опять голос Смита.— Давайте кто-нибудь сюда, помогите разобраться. Не могу понять, из чего сделаны эти глаза: вроде тот же камень, только полированный... а может, что-то другое?

Джимми неуклюже наклонилась и провела перчаткой по расколотой поверхности. Темная и худенькая, по мнению Римкина, само воплощение изящества, она была словно зажата в этих пылающих руинах под темно-бирюзовыми небесами.

— Это вставка, доктор Смит,— она поманила рукой, и Римкин тоже наклонился над статуей.

Глаза были сделаны из какого-то прозрачного материала и представляли собой цилиндрики дюймов девять в диаметре и около фута в длину. Они были вставлены в глазницы на одном уровне с лицом, тускло мерцая вогнутой торцовой поверхностью.

— И цвет глаз у фигур разный,— заметил Мак. Римкин и сам обратил внимание, что длинный ряд этих глаз, издалека видневшийся в дюнах, испускает свет почти такой же яркий, как и обычный дневной свет, но стоило только приблизиться, как свет этот сразу тускнел и становился почти незаметен.

— Интересно, из чего они сделаны,— сказала Ходжес.

— Постройки из этого самого марсита,— отозвался Джонс.

Розовый камень «марсит» обнаружили вскоре после того, как стала разрастаться военная база, носящая гордое название Бел-

лона и прежде помещавшаяся в простом надувном бараке. Римкин побывал там в составе международной группы и довольно много времени угробил на изучение каких-то непонятных, траченных временем обломков неизвестно чего и на послеобеденные игры с военными (которые, кстати, терпеть не могут этих штатских умников). Все это время он непрерывно размышлял о происхождении обломков: стали ли они таковыми сами по себе или когда-то над ними трудилась чья-нибудь искусная рука, понять было невозможно. Эти багровые камни вполне могли быть фрагментами марсианской Венеры Беллонской, но с таким же успехом могли образоваться в результате тысячелетней эрозии.

— Я спрашиваю про глаза,— повторила Ходжес.— Какой-нибудь самоцвет? А может, сплав... или вообще искусственный материал... Господи, какие возможности, какая культура!

— Может, отколоть кусочек... от этой, сломанной... забрать с собой...

— Римкин! Только не это! — заорала Ходжес в наушники, и в одно мгновение на фундамент вскарабкался еще один надутый воздухом упругий скафандр. Да-да, это Ходжес собственной персоной качалась перед ним на пухлых ногах.— Послушайте... Римкин! Проснитесь же! Ведь вот перед нами неопровержимое доказательство того, что здесь... по крайней мере, когда-то... была разумная жизнь... совсем рядом с нашей... И вы вот так хотите начать с ней знакомиться! Иногда вы ведете себя, вы уж простите, не лучше меднолобых вояк с базы.

— Перестаньте, Ходжес, сейчас же перестаньте! — воскликнула Джимми.— Как вам не стыдно, нашли с кем его сравнивать! Не хватало нам тут всем переругаться...

— Нечего защищать его, Джимми,— парировала Ходжес.— Он, конечно, блестящий лингвист, не спорю, ну вот и пусть сидит в своей библиотеке. Ведь он же совершенно бесполезный, мертвый груз в нашей экспедиции! Его совершенно не интересует, что происходит вокруг... а тут еще на тебе — предлагает расколотить кувалдой важнейшую археологическую находку в истории человечества! Глупее не придумаешь...

— Я вовсе не собирался ничего расколотить...

— О Господи... Нет!.. Не может быть...

«Чей это голос? — думал Римкин.— Боже мой, из-за этих помех никак не узнать, откуда идет голос. Я узнаю любой акцент на Земле, а тут даже товарищей по голосу не могу узнать! Кто же это говорит?»

Ходжес неуклюже обернулась.

— Ну что там еще?

Джонс, все еще остававшийся внизу на песке, тоже закричал:

— Что там такое, доктор Смит? Что там у вас?

— Да это же... нет... это же поразительно!

Все затопали к колонне, к которой была прислонена лестница. Делать нечего, Римкин поплелся вслед за ними.

На верхней ступеньке стояла еще одна фигура в белоснежном скафандре. Видно было, что человек в нем, помогая себе фонариком, внимательно разглядывает глаз статуи.

— Доктор Смит, что тут у вас случилось?

— Нет-нет, со мной все в порядке... Подождите минутку... Не может быть... Да это ведь...

— Он светит лазером малой мощности...— начал кто-то.

— Помолчите,— перебил другой.

«Сразу шестеро дышат у меня в наушниках,— думал Римкин.— Интересно, что он там увидел?»

— Доктор Смит! — позвал он.

— Ш-ш-ш-ш!

— Что вы там такое увидели? — упрямо стоял на своем Римкин.

— Сейчас-сейчас, минутку. Я вижу Марс. Только не такой, как сейчас, а какой, наверно, был раньше, давно. Какой-то город, да-да, именно этот вот самый город, ну да, наверняка здесь, на месте этих развалин, был город. Вижу дорогу. По ней движутся машины, горизонта не видно... там какие-то строения. Да, похоже, это здания. Все движется, улицы полны каких-то существ, да, они похожи вот на эти статуи. Нет-нет, все-таки не очень. Одни будто спешат куда-то, другие идут медленно... похоже, это плато или как там... Большой хребет, что ли... да, он служил чем-то вроде акрополя для огромного, разноплеменного сообщества. Подождите-ка... Там снимают покров с какой-то статуи. Теперь представляют кого-то толпе народа. Возможно, это жрец. А может, и жертва...

Несколько секунд все молчали. Потом раздался голос Мака:

— Ничего не понял, о чем это вы там?

— Понимаете, я словно в окно гляжу в этот глаз, гляжу и вижу все, что, наверное, когда-то здесь происходило... на этом самом месте... может, сотни тысяч лет назад. Трехмерные картины, и они движутся... стоит только осветить вогнутую поверхность глаза. Такие странные... и такие настоящие... кажется, рукой можно потрогать.

Мак повернулся к Ходжес.

— Что-то вроде ожившей диорамы!

— Да нет, больше похоже на голограмму. Ну да, движущаяся голограмма!

Доктор Смит наконец глянул вниз.

— Да вы сами посмотрите! Поднимитесь и посмотрите! Понимаете, я просто хотел хорошенько рассмотреть глаз этой статуи. Хотел попробовать лазером определить кристаллическую структуру... ну, из чего они сделаны. И вдруг — картинки! — Он стал спускаться.— Полезайте и посмотрите сами! — Дыхание Смита в

наушниках казалось Римкину оглушительным.— В жизни не видел ничего подобного! Просто потрясающе!

— Ну как, вы все еще думаете, что нас кто-то дурит, а, Римкин? — съязвила Ходжес.— Ну-ка дайте я посмотрю. У меня свой фонарик, доктор Смит.— Она дождалась, когда Смит сойдет с последней ступеньки, и полезла наверх.

Никто не заметил, как помрачнело лицо Римкина под шлемом. Он вынул свой фонарик, поковырялся в нем, пытаясь понять, как он работает, и, утопая в ржавом песке, вернулся к багровым камням, где лежала расколотая голова статуи. Глянув мельком на неповрежденный глаз, он подвинулся ближе к расколотому. Он не стал ломать голову, что за извращенная мысль заставила его направить луч лазера именно в эту сторону.

Прошло не менее получаса, пока Мак, Ходжес, Джимми и Джонс по очереди карабкались вверх по лестнице, заглядывали статуе в глаз, наблюдая, что там происходило, и снова спускались обратно. Они уже собирались возвращаться к скиммеру, когда Джимми вдруг вспомнила про Римкина. Длинными прыжками она направилась к нему.

Увидев, чем это он занимается, она так и расхохоталась.

— Ну остолопы! Лазили, как дураки, вверх-вниз, когда можно было и здесь все увидеть! Ладно, пошли, мы возвращаемся.

Римкин выключил фонарик, но все еще оставался без движения, склонившись над опрокинутым лицом статуи.

— Да пошли же, Римки! Все уже собрались.

Римкин глубоко вздохнул, потом медленно поднялся.

— Ну хорошо.

Они пошли обратно по отшлифованному камню фундамента. Песок, тонкий, как пыль, оседал на белой обуви и был похож на высохшую кровь.

II

Кают-компания скиммера была как бы передвижной академией наук в миниатюре. Целитексовые стены, отделанные под унылый орех. Над прикрепленными к полу столами полки с микрофильмами. Даже настоящий камин над тепловой батареей. И весь интерьер с балюстрадой по периметру и библиотечными кабинетами (и, конечно, с бюстом президента Межпланетного Университета Ричарда Нельсона на пьедестале, на повороте лестничного марша) являл собой как бы шутку его автора, доктора Эдварда Джонса — дизайнеры народ ироничный. Но вообще говоря, университетские по достоинству оценили этот экстравагантный интерьер лишь после того, как они все вместе провели две недели в совершенно невозможной тесноте помещений военной базы Беллона.

Мак уселся на койку и закатал рукава шерстяной рубашки; глядя на эти ручищи, почему-то думалось, что они только тем и занимались всю жизнь, что крутили баранку какого-нибудь гигантского грузовика. Однажды он возглавлял экспедицию, проводившую раскопки на территории Югославии — это та самая экспедиция, которая откопала останки Гевгелийского человека. А телосложение Мака, надо сказать, было таким, что, глядя на него, трудно было отделаться от мысли о каком-нибудь валуне ледникового периода (хорошо еще, лоб прятался под пышным чубом цвета пустыни Сахары). Так вот, после этого случая на факультете антропологии все, кому не лень, упражнялись в остроумных высказываниях вроде: «Во-о-н идет доктор Мак Аргус, гевгелийский человек».

Мак вынул из кармана трубку.

— Вообще, кто может растолковать мне, что такое голограмма? Я, конечно, и сам видел: трехмерное изображение, и все такое. Но как оно получается? И каким образом древние марсиане научились хранить все эти картинки, которые вдобавок еще и оживают под лучом лазера?

Линь Вон Смит сунул сжатые кулаки в бездонные карманы вельветовой куртки. Они стояли у огромного иллюминатора и поверх папоротников, растущих между его рамами, глядели на покрытый слоем пыли Большой хребет, на темные колонны — двенадцать стоят, семь развалились — вот и все, что осталось от невероятной, потрясающей культуры, жизнь которой они только что наблюдали в отполированных глазах статуй, молча уставившихся в даль пустыни.

Отбросив за спину косичку, Джимми склонилась над перилами.

Линь Вон Смит отвернулся от окна.

— Все дело в способах накопления информации, Мак.

Он уселся на ручку кресла, сцепил длинные пальцы рук и наклонил голову; прямые черные пряди упали ему на лицо.

— Выходит, в глазах своих статуй эти марсиане накопили до черта информации,— отозвалась Ходжес, при помощи костылей прыжками спускаясь с лестницы.

Эта довольно крупная женщина, размерами почти с Мака (и столь же мягкая по характеру, сколь Мак мог бывать резким), в своей области, антропологии, знала все, даже больше, чем все. Ей были известны такие факты культурной, так сказать, жизни других народов, что когда она начинала об этом рассказывать, просто дух захватывало. В натуре ее уживалась какая-то полная упрямства энергия, исполненный энтузиазма идеализм и очень легкая ранимость (она была калекой с детства). И этот набор трудносочетающихся качеств она, едва передвигаясь на костылях, умудрилась протащить по всему свету, изучая самые странные и загадочные культуры Восточной Африки, Анатолии, Северной Камбоджи

и постоянно где-нибудь выступая с подробными сообщениями и докладами о невероятнейших верованиях и нравах других народов, их обычаях и связях между ними. Скафандр ее был чудом искусства протезирования, он позволял ей передвигаться по Марсу так же легко, как и всем остальным. Однако, сняв его, она была совсем беспомощной без своих алюминиевых костылей.

Сидя напротив Линя за карточным столиком в углу, Римкин смотрел, как она ковыляет по ступенькам вниз. Ну конечно, она уверена в своем психологическом преимуществе перед всеми остальными.

— Действительно, Линь. Расскажите-ка нам про голограммы.— Подняв костыль, она ткнула им в сторону китайца, при этом едва не опрокинув уважаемого Нельсона.

— Все дело в способах накопления информации,— повторил Смит.— В основе своей это обычная фотография, сделанная без помощи линз, но с использованием абсолютно параллельных лучей света — ну как, например, в луче лазера. Рассеивание возникает только при отражении от неправильных поверхностей воспроизводимого объекта. В результате мы получаем просто набор серых или, если изображение цветное, грязноватого цвета пятен. Но стоит осветить его параллельными лучами лазера, мы получим трехмерное изображение объекта, как бы висящего над плоскостью пластинки...

— ...Вокруг которого можно прогуляться,— вставил Мак.

— Нет, только на сто восемьдесят градусов,— поправил Смит.— Но по сути, это принципиально иной способ хранения информации. И гораздо более эффективный, чем фотография.

Глядя на доску, Джонс пробормотал вполголоса:

— Твой ход, Римки.

— Ага,— спохватился Римкин, взял с поля шашку, склонился над доской, разбитой на черно-белые квадраты, и задумался. Да, отдельные порции информации. Он попытался собрать ситуацию на доске в единое целое, но она распадалась на отдельные позиции, которые расползались по углам.

— Вот так.— Он со стуком поставил шашку.

Джонс нахмурился.

— Ты уверен? Может, переходишь?

— Нет, не буду.

— Смотри, ты ведь имеешь право,— еще раз любезно предложил Джонс.— Это ж не шахматы. По правилам ты можешь взять ход назад, если...

— Да знаю я,— громко сказал Римкин.— Успокойся, я прекрасно это знаю! Я хочу пойти,— он поднял голову, огляделся и вдруг увидел, что все на него смотрят,— я хочу пойти,— упрямо повторил он,— именно так! — Он еще раз стукнул шашкой по доске, да так громко, что все переглянулись.

— Ну хорошо,— не стал спорить Джонс и двинул свою шашку.— Вилка.

Но Римкин уже не видел его маленького, формой напоминающего сердце, нигерийского лица. Он глядел на остальных и размышлял: «Как узнать, кто из них кто? Все на одно лицо. Комната круглая, головы круглые и посажены на крохотные круглые туловища». Он закрыл глаза. «Если они сейчас заговорят, я не смогу отличить один голос от другого. Как же это сделать? Как?»

«А если открыть глаза?»

— Твой ход, Римкин,— сказал Джонс.— Я съел у тебя две шашки.

Римкин открыл глаза и уставился на черно-белую доску.

— Ох,— вздохнул он, подавляя смешок,— да-да-да, верно. Глупый ход, ты совершенно прав.

III

«Ужасно глупый ход».

Сомкнув веки и раскрыв рот, он лежал на койке и, ломая голову, пытался придумать ход получше. Вот уже две ночи подряд его мучает бессонница. Да, в такое время... а который час, интересно... может, прошло всего несколько минут... нет-нет, он лежит уже целый час...

Он сел.

Подвинул поближе машинку для чтения, закрепленную над койкой с помощью шарниров, и перемотал трактат к концу. Он все перечитывал его с тех пор, как их скиммер покинул Беллону; Wovon man nicht sprechen kann... Он оттолкнул машинку и сунул руку под майку. До утра скиммер никуда отсюда не уедет. На Беллону они вернутся скорей всего лишь к вечеру — докладывать об открытии Начальству, Которое Несло Ответственность За Подобные Вещи. Интеллектуалы, особенно с факультета антропологии, привыкли дорожить своей краткой свободой. Завтра они еще раз обследуют находку: как следует осмотрят, кое-что прикинут, сделают кое-какие замеры...

Босиком Римкин спустился по лестнице в холл. Нет, прошло все же лишь несколько минут: под каждой из трех дверей горела полоска света — аппараты для чтения у всех работали. Где тут чья дверь? Нет, он знал, конечно, но порой ему казалось, что он совсем не помнит и не вспомнит больше никогда.

Он спустился к шлюзам, прямо на нижнее белье надел скафандр. Без верхней одежды кольца на локтях и коленях ощущались непривычно. Он шагнул в шлюз.

Небо снаружи было усеяно крохотными бриллиантами звезд. Огромные лужи чернил, казалось, плескались в песчаных впади-

нах. И холод, немыслимый холод. Еле слышно жужжал крохотный моторчик, гоняющий силикон меж двойным лицевым стеклом, чтоб его не прихватило морозом. Он сделал шаг. Еще один. Пустыня невозмутимо всасывала его ноги.

Его товарищи... Он не то чтобы не любил их, нет. В их присутствии он просто ощущал себя бесконечно чужим, ненужным и лишним. А вот эти дюны, эти тени, да, они понимают его. Он медленно шагал вперед, не отрывая глаз от неба. Одна звездочка казалась ярче других и... двигалась. Если стоять на месте и не шевелиться, это отчетливо видно. Ну да, это Фобос. Или Деймос. Он знал, что это — одна из крохотных марсианских лун. Но хоть убей, он никак не мог вспомнить, какая именно; просто Страх ли бежал по усыпанному драгоценностями ночному марсианскому небу, или сам Ужас[1].

Он подошел к развалинам.

Он попытался отбросить тревожное чувство, роящееся где-то на периферии сознания. Да-да, человеческий организм вырабатывает более семисот пятидесяти жизненно важных ферментов. Если хоть один из этих ферментов разрушится, человек немедленно погибнет. Чтобы остановить этот страх, свободно и беспрепятственно заполняющий все клеточки его разума, он попытался сосредоточиться на одной из семисот пятидесяти с лишним сложных ферментных реакций своего организма, которые, похоже, скоро вовсе прекратятся все разом. Наконец он устал, и предмет его беспокойства затерялся где-то в песчаных барханах. Но страх все так же свободно парил над ним, столь же осязаемый, сколь осязаемы были и эти колонны, и лепной архитрав.

Он поднял голову и всмотрелся в лица, почти невидимые во мраке ночи. Лишь мерцание звезд отражалось в глазах, отчего они казались серыми; глаза эти, похоже, следили за каждым его шагом. Римкин порылся в ранце, ища фонарь. О, как много времени прошло, пока наконец он нашел его, раза два вовсе забывая, что именно он ищет. Он покрутил колесико решетки рассеивания, и тонкий лазерный луч превратился в луч обыкновенного света.

Римкин пробежался им по камням. Теперь они казались серыми; возможно, днем камни просто-напросто отражали цвет самой пустыни и оттого представлялись пурпурными. Нет-нет, это фонарь слабоват. Утопая ступнями в песке, он направился в сторону возвышающегося фундамента. И уже карабкаясь наверх, он еще раз ощутил своим полуголым телом, какой все-таки жесткий этот скафандр. Подогрев работал нормально, но странные ощущения возникали, когда он прикасался голым телом к пластиковой, а местами металлической внутренней поверхности. Ему вдруг остро захотелось сбросить скафандр, прикоснуться ладо-

[1] Фобос и Деймос (*древн. греч.*) — Страх и Ужас.

нью к камню; он тут же испугался своего желания: по ночам температура на Марсе около сотни ниже нуля.

Римкин все стоял на краю фундамента и светил в сторону упавшей статуи. Потом, волоча ноги по засыпанным песком блокам, подошел вплотную. Отколотый фрагмент лица был похож на блюдце. Половинка глаза потрескалась. Римкин присел на корточки перед большим осколком и склонился над раздробленным оком. Он поднял фонарь, снова сдвинул решетку рассеивания и направил яркий узкий луч на сломанный кружок глаза; там что-то замерцало, и вот перед ним, сменяя друг друга, замелькали картины. Образы ушедших столетий, как слезы, потекли из поврежденного глаза.

На планетах с разреженной атмосферой светает быстро. Утро за спиной Римкина быстро вскарабкалось по дюнам и положило сверкающие руки ему на плечи. И тут же в скафандре тихо заворчал специальный механизм, сообщая его телу едва ощутимую дрожь — скафандр уже готовился к тому, что минут через двадцать температура подскочит сразу на пару сотен градусов.

— Римкин!

Кто это дышит ему в ухо?

— Римкин, ты где?

До него вдруг дошло, что вот уже несколько минут он слышит этот голос. Но когда в ушах жужжит механизм охлаждения, разве можно определить, чей это голос и голос ли это вообще?

— Римки, вот ты где! Что ты тут делаешь? Ты давно здесь?

Он резко повернулся — и упал.

— Римкин!

Почти девять часов он не менял позы, и вот теперь судорога свела его мускулы. Превозмогая боль, горячим туманом застилающую глаза, он увидел, как в пылающем облаке пыли к нему движется прыжками зажаренная со всех сторон картофелина.

Он хотел что-то крикнуть в ответ, но задохнулся, и из гортани вырвалось лишь несколько бессвязных слов, больше похожих на всхлипы:

— Зачем... кто... кто это...

— Это я, Эвелин!

«Эвелин,— подумал он.— Кто такая Эвелин?»

— Какая?..

Наконец она доковыляла до него.

— Эвелин Ходжес, какая еще по-твоему? Ты что, ранен? Со скафандром все в порядке? Так я и знала, надо было заставить Мака идти со мной. Сейчас около десяти Фаренгейта. А минут через пятнадцать будет не меньше девяноста. Оттащить тебя к кораблю у меня сил не хватит.

— Нет-нет,— Римкин потряс головой.— Все в порядке. Скафандр. Я просто...

— Ну-ну, рассказывай!

Боль была невероятная, но ему все-таки удалось овладеть собой.

— Я просто отсидел... Я долго сидел без движения. Я просто... просто забылся.

— Что, по-твоему, значит долго? — голос ее звучал требовательно.

— Кажется, всю ночь.

Руки уже немного отошли. Он подтянулся и прислонился спиной к камню.

Ходжес наклонилась, подобрала фонарь — единственное ловкое движение, которое она могла проделать в своем спецскафандре — и повертела его в руках.

— Ты что, кино тут смотрел?

— Д-да... да...— кивнул он.

— Твое счастье, что я пошла искать тебя!

Она подошла ближе и, проделав несколько сложных движений, уселась рядом.

— В полшестого я обычно уже не сплю. Ну вот, лежу и думаю: а хорошо бы поболтать с кем-нибудь о том о сем. Знаешь, там, на базе, все эти с нашивками и медными бляхами, глупыми разговорами... Мне всегда было там как-то не по себе, будто сверху за тобой кто-то постоянно наблюдает. Ну я спустилась в холл, гляжу — у тебя под дверью светится, ну, думаю, ты уже встал. Заглянула в комнату — дверь-то открыта — а постель пустая. Ага, думаю, ты в библиотеке; а тут вижу, дверь к шлюзам нараспашку, твоего скафандра нет. Что оставалось делать? Только сбегать посмотреть, чем ты там занимаешься снаружи. Ты что, сидел здесь всю ночь?

— Да.

— Послушай, Римки,— помолчав, заговорила Ходжес,— мы все тут белые вороны. Для меня ничего странного, что у тебя такие отношения с остальными. Просто ты еще не притерся, вот и топорщишься. Я о тебе тут немного думала и, кажется, поняла, чем ты был так вчера... озабочен, что ли. Вот послушай, а потом скажешь, права ли я.

Она повозилась чуть-чуть, устраиваясь поудобнее внутри скафандра.

— Помнишь, я вчера говорила, что, мол, марсиане по развитию цивилизации достигли уровня древних греков у нас на Земле? А потом мы вдруг обнаружили эти голограммные записи. Выходит, их технологии — или, скажем, одна из отраслей — сравнимы с нашими в середине двадцатого века. А может быть, и выше. Мы-то ведь до сих пор еще не научились записывать информацию таким образом, да чтобы она вдобавок оживала под лучом лазера. А если это так, значит, тут могут быть и памятники письменности, и немало, не обязательно книги, но что-нибудь в этом роде, по крайней мере, какие-нибудь надписи на камнях. Но тут и

царапины не видно, ничего похожего на буквы: ни тебе даты закладки здания, ни имени правителя над дверным проемом. Да черт побери, на каждом камне наших пирамид есть клеймо каменщика! Ты у нас лингвист, Римки, самое главное для тебя здесь — найти хоть какой-нибудь намек на существование марсианского языка! Но мы не нашли ничего подобного — это с одной стороны, а с другой — запись *визуальной* информации. А теперь сопоставь оба эти факта и получишь...— Ее голос застыл на этой ноте, как пальцы игрока, который никак не решится сбросить карты.— Да, Римки, очень даже вероятно, что эта раса вообще не имела, так сказать, вербального языка, и все-таки им каким-то образом удалось достичь — подумать только, не имея вообще никаких средств коммуникации письменного типа — достичь невероятно высокого уровня технического развития. И здесь я не могу отделаться от аналогии с древними инками и майя: они тоже достигли высокого уровня цивилизации, но так и не изобрели колеса. И если мой вывод верен, это значит, Римки, в нашей экспедиции от тебя никакой пользы. И мне всегда казалось, что именно эта мысль не дает тебе покоя.

По ее молчанию он догадался, что она ждет от него какой-то реакции. Да-да, правда наконец вышла наружу. Он должен испытывать огромное облегчение. Но как она узнает об этом? Может быть, услышит в наушниках, как он перевел дыхание? Он снова попытался вспомнить, кто находится перед ним. Но что все-таки произошло, что изменилось? Нет-нет, нужно опять представить себе семьсот пятьдесят с лишним реакций со всеми этими ферментами, с которыми что-то там происходит...

— А знаете,— продолжала она («Ходжес... Ах да, верно, это женщина, и зовут ее Ходжес»),— уж если кто действительно бесполезен в этой экспедиции, так это я. Знаете, в чем мой главный талант? Я способна завести дружбу с кем угодно, хоть с эскимосами среди торосов, хоть с кроликами в джунглях. В горах Кавказа живут людоеды, которые однажды пожелали сделать меня своей царицей.— Она засмеялась, и в смехе ее зазвучали металлические нотки.— Я серьезно, они действительно этого хотели. Но мне совершенно наплевать, придется ли еще когда-нибудь в жизни понюхать тухлого масла, сбитого из молока яка. Знаешь, Римки, зачем меня сюда взяли? На тот лишь случай, если мы случайно наткнемся здесь на племя *живых* марсиан.— Она помолчала, глядя на бесплодную медную пустыню.— Я думаю, ты не станешь оспаривать то, что у тебя гораздо больше шансов найти здесь хоть какие-нибудь остатки марсианской письменности, чем мне — тех, с кого ваялись эти каменные истуканы, даже если бы мне пришлось кочевать тут по пустыням всю оставшуюся жизнь. Все это, конечно, действует на нервы, да еще как. В таком состоянии, бывает, и сболтнешь лишнее. Если что-то умеешь

делать, если ты профессионал, то хочешь как-то использовать свои знания. А тащиться через всю Солнечную систему туда, где применить свои знания можно лишь в одном шансе из тысячи, да и то, если улыбнется удача... перекинешься парой слов с каким-нибудь чудаком и все — ну какой в этом смысл? — Она похлопала его по руке.— Ты хоть чуть-чуть согласен со мной?

Римкин не отвечал. «Живые марсиане...— думал он.— Если б я был живым марсианином, разве нужно было бы мне беспокоиться об этих проклятых семистах пятидесяти с лишним ферментах, благодаря которым я все еще живу. Ну конечно, они совсем другие, они совсем не похожи на нас, да, это существа высокоорганизованные, более тонкие и чувствительные, ведь им приходится жить в условиях куда более широкого разброса температур, чем нам. А может и я — марсианин? Может, я — один из тех странных созданий, которых я видел в луче своего фонаря, как они ходили там, по своим странным улицам, где стены домов были ярче гранатовых зерен, как ездили они верхом на своих странных животных и приветствовали друг друга непонятными жестами. Но эта вот женщина, она-то кто такая?»

— А где Джимми? — вдруг спросил он.

Ходжес что-то пробормотала, но, видимо, передумала отвечать, принявшись вместо этого исполнять серию сложных движений в качестве прелюдии к процессу вставания.

— Ты можешь идти сам, Римкин? Пора возвращаться. На скиммер.

— Скиммер?.. Ах да. Конечно. Пора возвращаться на скиммер, это верно.

Ныло все его тело. Казалось, живого места не было. Не переставая думать о том, почему ему так больно, он все-таки ухитрился подняться.

«Может, затухает одна из реакций, одна из этих семисот реакций затухает, и я скоро... скоро...»

— Поторопимся,— сказала Ходжес.— Если ты и вправду провел здесь всю ночь, воздуха у тебя осталось не больше трети запаса. Ты дышишь уже не воздухом, а какой-то дрянью, будто тебя заперли в старой прачечной.

Римкин медленно поплелся по каменным плитам. Ходжес, задержавшись на минуту, наклонилась над треснувшим ликом статуи и направила на поврежденный глаз ее луч фонарика, забытого Римкиным. Не отрываясь, она все смотрела и смотрела, в то время как Римкин успел уже подойти к краю фундамента. И пока он шел, в наушниках его дважды звучало озадаченное:

— М-м-м-м-да...

Наконец она догнала его и стала спускаться вслед; лицо ее за стеклом шлема хмурилось, и странные тени пробегали по нему.

IV

Процедура укладывания Римкина в постель закончилась тем, что они перебудили весь народ. Доктор Джонс принес снотворное, и Римкин тут же вступил с ним в долгую дискуссию о том, какой урон его организму может нанести лекарство и как оно может сказаться на химических процессах ферментной системы. Остальные молча стояли и слушали с серьезными лицами до тех пор, пока Римкин вдруг не расплакался. Наконец он поддался уговорам и позволил Джимми сделать себе укол. И пока хорошенькая микронезийка, прекрасный, кстати, психоаналитик, сидела рядом и гладила его по голове, он уснул.

У Мака в свое время был доступ к складу «Предметов Первой Необходимости, Способствующих Исполнению Ваших Специфических Функций»; с тех пор у него осталась заначка: приличный кусок вестфальской ветчины и целый галлон прекрасной сливовицы. Когда все утряслось, он заявил, что без ломтя первой и, как минимум, стопки второй завтрак для него потеряет всякий смысл. Он также жаждал поделиться своими сокровищами и с остальными. Обряд приготовления пищи проходил под его мудрым духовным руководством. Обезвоженные яйца он разбивал с таким блеском, что все только диву давались. Устроившись в небольшом закутке под лестницей, он, как истинный жрец кулинарного искусства, воскурял благовония и бряцал ритуальными предметами.

По ступенькам спустился Смит.

Словно кимвал, зазвенела крышка о край сковородки. Мак проворчал:

— Линь, мне и в голову не могло прийти, что с ним это так серьезно.

Джонс сложил игральную доску, ссыпал шашки и щелкнул замком.

— Думаю, остальным тоже.

Он принялся трясти коробку. Белые шашки были сделаны из менее плотного материала, поэтому, если подольше потрясти, они всегда оказывались наверху.

— Думаешь, это все из-за здешних условий?

Доктор Джонс уже давно заметил, что на Марсе, в условиях меньшей тяжести, шашки расслаиваются гораздо дольше, чем дома.

— Вряд ли,— Мак вынырнул из-под лестницы с полной тарелкой яичницы с ветчиной. Густой пар, поднимаясь над ней, смешивался с табачным дымом.— Скорей всего, это началось с ним давно, а может, вообще с самого рождения. Если, конечно, верить последователям школы Фрейда.

Он наклонился над грузной мисс Ходжес и поставил тарелку на стол. Заглянул ей в лицо и сразу посерьезнел.

— Вы чем-то необычно озабочены, мэм.

Ходжес, опершись на свои алюминиевые костыли, всем тело развернулась в сторону стоявшего на нижней ступеньке Смита.

— Послушайте, Линь, что будет, если расколоть или, еще как-то, разломать голограмму пополам?

— Наверное, изображение тоже разделится пополам,— сказала Джимми. Она сидела на верхней ступеньке, а из-за ее плеча высовывалась голова Ричарда Нельсона.

— Если я сяду за стол первый,— сказал Мак, ныряя под лестницу за кофейником,— завтрак тоже разделится пополам, причем бóльшая половина будет моя.

Смит, Джонс и Джимми уселись за стол. Мак поставил кофейник (югославский, конечно, с того же самого склада) на керамическую подставку, втиснулся между ними и подцепил сразу четыре тоста.

— Вот и нет,— Линь передал тарелку с яичницей Ходжес.— И это станет понятно, если ты узнаешь принцип действия голограммы как способа накопления информации. На каждой половинке сломанной голограммы остается полное, трехмерное изображение объекта. Только уже не совсем резкое, как бы затуманенное.

Он взял кусок ветчины, сунул его между подрумяненными ломтиками хлеба.

— Сломаете половинку еще раз, изображение снова останется полным, только еще более нерезким. Представьте, вот перед вами фотография предмета, а рядом голограмма того же предмета. И там, и здесь каждая точка светочувствительной эмульсии дает нам информацию об этом предмете. Но каждая точка на листе фотографии соотносится лишь с определенной точкой на поверхности данного предмета, обращенной к объективу. А информационные точки в голограмме дают представление обо всем предмете, дают нам его полный трехмерный образ. Разница, как видите, колоссальная. Теоретически даже квадратный миллиметр пластинки, стоит отколоть его, должен выдать нам информацию о целом предмете.

— Что значит это ваше «теоретически»,— спросил Мак между двумя затяжками,— если это, конечно, не риторическая фигура?

— Нет, конечно,— отозвался Линь.— Существует эффект ослабления. Из всего того, о чем я говорил, может показаться, что информацию накапливают главным образом фотографическими способами, то есть способами фотографического характера: письмо, печать, перфокарта...

— Ну да, но все это носит линейный характер,— вставил Джонс.

— Аналогия с фотографией здесь в том, что каждому отрезку информации соответствует один вполне определенный кусочек события...

— Фотографию ведь тоже можно закодировать в виде строк, ну как телевизионное изображение,— подхватила Джимми, то-

ропливо проглатывая бутерброд с яйцом.— То есть описать, используя линейные термины.

— Совершенно верно,— кивнул головой Линь.

— Эффект ослабления...— вопросительно посмотрела Ходжес.

— Ах да... Это просто-напросто вот что: если у вас относительно малое число адресатов — так в кибернетике называют место, куда вы посылаете ваши данные,— объяснил он, заметив непонимающий взгляд Джимми,— тогда лучше пользоваться информацией, накопленной по фотографическому, то есть линейному принципу. Потому что иначе пришлось бы использовать слишком много мельчайших порций информации, чтобы изображение стало достаточно ясным, чтобы не вышло...

— ...Чего-нибудь вроде грозной тени, привидения, призрака, этакой неясной оболочки, наполненной неизвестно чем, не настолько воплощенным, чтобы содержать в себе что-либо определенное.

Все так и уставились на Ходжес.

— О чем это вы, Эвелин?

— Не о чем, а о ком. О Римкине, конечно.— Она отвела стакан с бренди, давая понять, что ей достаточно.— Бедный безумец Римки.

— Никакой он не безумец,— горячо возразил Джонс,— а нервное расстройство у него, скорей всего, из-за нас, и это говорит не в нашу пользу. А он — просто замечательный, отличный парень! Вот вчера вечером: разделался со мной в два счета, партия была просто блеск! Я вот только боюсь, если с ним такое будет повторяться, как бы это не стало профессиональной болезнью.

— Ты прав, Джонси,— она горько улыбнулась и отхлебнула из стакана.— Именно это я и называю безумием.

— Послушайте, Эвелин, ведь вы первая начали весь этот разговор про разломанные голограммы,— сказал Линь.— А зачем?

Стакан, внезапно озаренный светом утренней пустыни, превратился в ее пальцах в драгоценный камень.

— Помните статую, которая упала с фриза? Голова у нее раскололась, и трещина прошла как раз посередине глаза. Сегодня утром я нашла Римкина там, возле нее, он просидел над ней с фонариком всю ночь, разглядывал картинки в треснувшем глазу.— Она поставила потухший стакан на стол.

После недолгого молчания доктор Смит спросил:

— А сами вы посмотрели, что он там мог увидеть?

Эвелин Ходжес кивнула.

— Ну и?.. — сменил его Мак.

— Вы были правы, Линь. Изображения сохранились в целости. Но они были подернуты дымкой, менее резкими. И похоже, что-то случилось с синхронностью. Вот и все.

Мак сгорбился, с отвращением хрюкнул и принялся выколачивать трубку о тарелку, полную корок хлеба с остатками масла.

— Давайте-ка еще разок сползаем туда... посмотрим, измерения закончим, и все такое...— Он попытался сунуть трубку в карман. Она тут же упала на пол.— Если он проторчал там всю ночь, значит, будет спать до вечера.

V

Но все получилось совсем не так.

Минут через двадцать после того, как они ушли, Римкин, с трудом преодолевая действие лекарства, очнулся.

Он никак не мог понять, где находится. И уж конечно, где ему нужно быть. Голова трещала так, что, казалось, откололся ее кусок. Боль пронизывала все тело. Он сполз с постели и стал глядеть на стол, пытаясь сконцентрировать внимание. Вокруг всех предметов сиял ореол, как бывало в старых цветных фильмах, когда применяли эффект наложения.

Джимми сидела на нижней ступеньке и читала. Она осталась (правда, без особой охоты) подежурить с больным.

Трах-тара-рах!

Она испуганно подняла голову: вниз по лестнице кубарем катился Ричард Нельсон. А на его месте стоял совершенно голый Римкин. Джимми отскочила в сторону, и бюст шмякнулся прямо на книжку, оставшуюся на ступеньках.

— Римки, что с тобой?..

Он молча спустился вниз, первые три ступеньки пройдя медленно и осторожно, семь следующих почти бегом и две последние снова медленно. Пока она раздумывала, что будет, если она попробует его задержать, он прошел через двойные двери и направился к шлюзам. Она бросилась за ним, но медные ручки подпрыгнули, и в замке что-то щелкнуло. Она принялась барабанить в дверь, рвать ручку, но под тонким шпоном под орех была ребристая сталь.

Зайдя в шлюз, Римкин нащупал застежки скафандра. «Жарко. Жарко снаружи, да»,— мелькнула мысль. Дважды он ронял скафандр на горячий пол. «Вареное. Да-да, что-то такое вареное».

Без скафандра землянин сразу сварится, нет, скорее, изжарится в этой пустыне. Но он-то что об этом беспокоится? Правда, он не совсем уверен, кто он на самом деле, но улицы города, увешанные полосатыми флагами, полные изящных жителей, куда-то ведущих своих волочащих ноги животных с глазами цвета крови, эти улицы звали его к себе, в город, полный зноя и пыли, город высоких марсианских домов, с крыш которых глядели вниз на сухие каналы каменные головы статуй.

Ну да, конечно, зачем ему скафандр. Но ведь внутри его кнопка, открывающая наружный шлюз, и если скафандр хоть чуть-чуть разгерметизирован, шлюз не откроется. Он снова взял в

руки этот скафандр, сделанный из белого, скользкого на ощупь материала. Застегнуть его было делом привычки, и, похоже, она сработала: наружная дверь скиммера открылась. Сквозь стекло шлема он видел великий город Большого хребта, раскинувшийся у подножия храма. Правда, не очень резко, не совсем отчетливо... Трудно отличить нанесенные временем песчаные холмы от сооружений, созданных разумом достигшего высочайших вершин культуры народа, населяющего планету. Он протер перчаткой стекло шлема, но это не помогло.

Он пошел по залитой светом чужой улице.

И улица всасывала в себя его ступни.

Он был уже совсем готов сбросить скафандр. Да-да. Зачем в таком прекрасном городе этот дурацкий скафандр? Хотя нет, нужно подождать всего несколько минут, пускай все вокруг снова обретет свою нормальную форму. Все так же сыпался на прозрачную пластмассу песок, все такими же размытыми казались очертания предметов. И фигуры, маячившие впереди — нет, это не марсиане. Странные белые фигуры, безобразно раздутые, они возились над обломками красного камня, колдовали вокруг стройных колонн, пронзающих марсианский полдень.

— Кто вы такие? — спросил он.

Двое обернулись.

— Римкин!..

— Я вас не знаю!

— Слушай, что он тут делает? Он же должен спать!

— Я — марсианин,— продолжал Римкин.— А вы... вы просто... вот именно, вы — просто картошка! — он хотел засмеяться, но вместо этого странно всхлипнул, а все потому, что сильно болит голова, а вдобавок какая-то вялость, это, наверное, лекарство, которым его напичкали утром.

— Надо отвести его на скиммер! Пойдем, Римки!

— Надо снять этот скафандр. Ведь я марсианин, а вот вы...

Но его уже окружили. Удержать его за руки было совсем не трудно: лекарство сделало его вялым. И глаза полны слез, в которых плавились и растекались по лицу вырезанные из камня головы с сияющими очами.

— Римкин! Римкин! Где ты? Эвелин, Мак! Римкин сбежал, он где-то там, недалеко от вас!

— Нашелся, Джимми! Все в порядке! Сейчас доставим его обратно!

— Кто вы такие? Я вас не знаю!

— Ох, Римки, да что это с тобой?!

— Я — марсианин. Мне надо снять этот скафандр...

— Не надо, дорогой. Опусти-ка руки.

— Вы все с ума сошли, вот что я про вас думаю! Понятно? Я — марсианин, я не знаю, с кем вы разговариваете, его здесь нет!

— Римкин, возвращайся на скиммер и не сопротивляйся, ну пожалуйста, сделай это для меня, Римки, для Джимми! Они хотят помочь тебе!

— Я не знаю, кто ты. Зачем мне куда-то возвращаться? Здесь мой город. Здесь мой дом. Просто его не очень ясно видно. И мне от этого больно.

— Опусти-ка руки. Давай-давай...

— Джимми, с тобой все в порядке? Он тебе ничего не сделал? Как он ухитрился удрать?

— Наверное, снотворное слабое. Все было так неожиданно, я растерялась, и он успел закрыться, а у меня никаких ключей. Я буквально только что нашла запасные у Эвелин в комнате и сразу побежала к пульту, чтобы связаться с вами. Что вы собираетесь делать?

— Я буду жить на Марсе. Мне надо сбросить этот дурацкий скафандр. Я марсианин. Я марсианин...

— Нет, похоже, он не буйный. Его доставят обратно на Землю, накачают успокаивающим, и через полгодика он будет как новенький. Не удивлюсь, если станет известно, что такое бывало с ним и раньше. В свое время я тоже пару недель провалялся в больнице — лечился от алкоголизма.

— Почему мне не дают снять скафандр? Я ведь марсианин...

— Римки, вспомни про эти ферменты, и что там с ними происходило сегодня утром, когда ты не хотел принимать лекарство. Стоит хоть капельку открыть скафандр, глазом не успеешь моргнуть, как все они сразу сварятся, а сам ты вдобавок изжаришься.

— Но с какими ферментами это происходило, разве можно знать, с какими именно?..

— Эвелин, осторожно, не стучи ему так по башке. Шлем разлетится.

— Знаю, знаю, Мак. Мы проводим его обратно. Господи, как все это ужасно! Как все это произошло, как все это могло случиться, такой возвышенный ум, мало сказать возвышенный, благороднейший ум, ведь верно, Линь?

— Не бейте меня по голове. Не надо... Я марсианин. И мне очень больно.

— Мы не сделаем тебе больно, Римки.

— Эвелин, вот мы добрались до Марса и до других планет, мы изучаем здесь следы чужих цивилизаций и все такое, а вот об этом до сих пор ничего не знаем. Ну, про всякую там химию, что откуда и что куда, нам кое-что известно, мы даже вмешиваемся, даже якобы управляем этими процессами, но на самом деле... да, Эвелин...

— Что такое, Линь?

— Ведь до сих пор мы так и не смогли познать, как, каким образом наш мозг накапливает информацию. Ну да, нам извест-

но, что мы запоминаем все, что видим, слышим, ощущаем, обоняем, плюс масса разных перекрестных ассоциаций. Люди всегда думали, мозг запоминает, будто фотографирует: каждый кусочек информации попадает на свою полочку, на свое место. А если не так, если мозг поглощает ее по принципу голограммы? Если так, тогда безумие есть эмоциональное и, в конечном счете, химическое состояние, когда блокируется доступ к большим отделам голограммы мозга.

— И тогда окружающий мир утратит свою четкость, станет размытым, нерезким...

— Что и произошло сейчас с Римкиным!

— Да убери же ты руки от кнопок!

— Давай, давай, Римкин. Вот сейчас придем домой, и тебе сразу станет лучше.

— И больше не будет больно?

— И больше не будет больно. Только постарайся расслабиться.

Когда они подошли к шлюзу, Римкин обернулся. В голосе его звучали слезы.

— А разве я... не марсианин? Это правда?

Две белые руки потрепали его по обоим плечам.

— Вы — Джордж Артур Римкин, профессор-лингвист, член-корреспондент Университета межпланетных исследований, блестящий ученый и прекрасный человек. Просто вам пришлось многое испытать за последнее время.

Римкин еще раз посмотрел на прекрасные, заросшие лесом долины, на ущелья и скалы, а среди них неясные очертания — песчаные дюны или поразительные строения марсианского города Большого хребта — сказать теперь было трудно... И он снова заплакал.

— О, как это больно... просто невыносимо... Ну как, как же мне узнать?..

НОЧЬ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ
ДЖО ДИКОСТАНЦО

Залитая лунным сиянием, она, как это было ни банально, плакала.

Его это раздражало, и он пытался отвлечься тем, что брал ее роскошные рыжие волосы (на самом деле, скорей, мышиного цвета на фоне огромного диска слоновой кости, дрожащего над самой кромкой леса, силуэт которого был будто вырезан из угольно-черной бумаги) и менял их оттенок. Наконец он кашлянул.

Она повернулась спиной к балюстраде. Слезы текли по ее щекам. Две слезинки скатились по подбородку и сверкали теперь на шее, словно две жемчужины. Да, она действительно была прекрасна.

— Джо,— шепнула она столь тихо, что в этом легчайшем дуновении воздуха он узнал свое имя лишь потому, что ничего иного она произнести не могла.

Он посмотрел на грязные костяшки своих пальцев, лежащих на стене, сжал кулак и шагнул вперед. Расстегнутый замок на рукаве куртки звякнул.

Легкий ветерок сдул ее волосы с плеч на грудь, и взгляд (глаза он оставит зелеными; зеленые глаза в лунном свете — просто потрясающе) скользнул вниз, чтобы уловить перемену.

— О Джо...

Интересно, понравилось ли ей. Впрочем, неважно. Он сунул руки в задние карманы джинсов. Слегка треснули нитки наполовину оторванного левого клапана.

— Тебе уже скучно со мной, да?

— Господи, Морганта...— он не договорил.

Налетел ветер, и он почувствовал, что у него замерзли пальцы ног и подбородок. Пальцы ног он зарыл в пыль, но с подбородком такого не проделаешь, поэтому он утопил его в воротнике куртки.

На ней была лишь тонкая, словно сотканная из паутины, ткань, скрепленная на плече золотой пряжкой в виде скорпиона. Обнаженная левая грудь красотой могла поспорить с луной.

Он сказал наконец:

— Знаешь, Морганта, а ведь ты настоящая...— но не закончил, стиснул зубы и сжал кулаки в карманах.

— Джо,— заговорила она с неожиданной страстью, и сделав шаг назад, ступила на край лужи, так что пятки ее коснулись пяток отражения.— Ты же знаешь, я могу помочь тебе. Если бы ты только захотел, я много бы тебе рассказала про все, что здесь творится. Например, почему часы Восточного флигеля никогда не показывают больше трех. Или про запертую комнату... Джо, тут есть один маленький мальчик, одноглазый, так вот, он все время пытается...

— Да замолчи же ты, Моргана! — он чуть не задохнулся от злости и едва овладел собой; но было уже поздно. Все произошло само собой, не понадобилось ни ритуальных жестов, ни заклинаний. Злость сделала свое дело.

Моргана сделала еще шаг назад. На гладкой поверхности лужи не появилось и ряби: девушка вдруг стала быстро опускаться вниз, туда, где в зеркальных пространствах сияла вторая луна, в то время как ее отражение устремилось вверх. На какое-то мгновение реальность и отражение соединились на уровне талии — получилась словно дама из карточной колоды — и все исчезло. Лишь прозрачная зеленая ткань сгустком лунного света оседала в луже.

Злость не успела испариться, как на смену пришло сожаление, впрочем, быстро вытесненное почти физической болью, возникшей в груди и подступившей к горлу. Он бросился вперед, подхватил ткань, но то, что уже случилось, отменить было невозможно — теперь ее не вернуть, не воссоздать, не воскресить...

Тем временем из влажных складок ткани выбежала целая стая золотых насекомых и брызнула во все стороны, оставляя мокрые темные следы на плитах. Он испуганно отпрыгнул. Да их тут целая дюжина, не меньше!

Пока он увертывался от самого большого скорпиона, самый маленький незаметно подкрался к его ступне, изогнул хвост и впился прямо в щиколотку.

Он подпрыгнул на месте и заорал от боли.

Удовлетворившись, мстительные твари посыпали прочь, исчезая в щелях каменной кладки, шустро карабкаясь по стенам, мерцая золотом в темноте.

Он снова заорал и в бессильной ярости швырнул мокрую тряпку в стену. Она шмякнулась, на мгновение прилипнув к камням, медленно, складка за складкой поползла вниз и упала на мостовую. Он резко развернулся и, прихрамывая, зашагал прочь по каменным плитам. Пыль смягчала шаги босых ног, на влажные подошвы налип песок, но скоро они снова стали сухими и прохладными. Бум, бум, бум — гулко бухали в ушах удары сердца.

Добравшись до дверного проема, он вытащил из кармана грязный носовой платок, ощупал его, ища более или менее чистое место, снял очки без оправы и помусолил стекла (звяк, звяк, звяк — звякали застежки на молниях его кожаной куртки). Просунув проволочные дужки сквозь копну давно не мытых волос, он

обнаружил, что ему удалось лишь размазать грязь по стеклам, отчего и луна, и несколько освещенных окон дальних башен превратились в размытые световые пятна. Сильно болела нога.

Он взялся за ручки мотоцикла и вяло шаркнул ногой по стартеру. С третьего раза мотор горячо закашлял ему в штанины. Он подвел мотоцикл к темному проему, перекинул ногу через сидение, прижал локти, покачался, сохраняя равновесие. Потом поднял вторую ногу, наклонился вперед и бешено затрясся вниз по ступеням винтовой лестницы. На поворотах, когда он с ревом огибал башню, узенькое окошко швыряло ему в глаза пригоршню лунных лучей.

А между ними — лишь грохот и мрак.

Джо остановился на седьмом этаже Восточного флигеля, посередине северо-западного коридора.

Двигатель уже не трещал, как только что, а мягко мурлыкал. Джо спешился и хмуро посмотрел в даль мрачного коридора, пол которого был покрыт свалявшейся ковровой дорожкой, пропадавшей в податливом, словно живом, мраке.

Он прислонил мотоцикл к стене.

— Эй!

— Джо, это ты?

— Да, принимай гостей.

— Джо, подожди минутку, я сейчас выйду...

Но Джо уже поднялся на три ступеньки к узенькой нише и двумя кулаками сразу ударил в деревянную дверь — взвизгнув, она с треском распахнулась.

Стрелки старинных часов, прячущихся в углублении стеллажа, от пола до потолка заставленного книгами, показывали без двадцати три.

— Послушай, от тебя одно беспокойство,— сказал Максимиллиан.— Будь у меня характер хоть капельку похуже, я давно зашвырнул бы тебя обратно в тот проклятый кошмар, из которого ты явился благодаря мне.

— Попробуй.— Джо развалился в кожаном кресле и задрал ноги на письменный стол, за которым сидел Максимиллиан.

Максимиллиан отодвинул в сторону две стопки книг и сквозь очки в черной пластмассовой оправе уставился на Джо. Пальцы его сплелись в большой, пронизанный вздутыми венами клубок.

— Ну что там у тебя стряслось на этот раз? И убери-ка ноги со стола.

Джо послушно опустил ноги на пол.

— Я только что потерял Морганту.

— А почему бы тебе не пойти и не пожаловаться на свои любовные неудачи кому-нибудь другому? — Максимиллиан откинулся назад и сам взгромоздил ноги на стол. При этом две

толстенные книги свалились на пол. Каблуком он задел хрустальное пресс-папье, оно отлетело на край стола и непременно бы разбилось, если бы Джо ловко не подхватил его.

— Спасибо,— сказал Максимиллиан.

Но Джо не торопился ставить его на стол; вместо этого он с любопытством стал разглядывать сверкающие хрустальные грани. В глубине, за искорками отражавшихся в них свечей, расставленных по комнате тут и там, серебрилась какая-то рябь, словно на поверхности воды, за ней угадывалось нечто, похожее на мост, теряющийся во тьме, и, кажется, заросли кустарника, меж ветвей которого выглядывало чье-то лицо, обрамленное шапкой волос... и с черной повязкой на одном глазу.

Внимание Джо отвлек какой-то грохот внизу, завершившийся двумя гулкими ударами. Язычки пламени, окруженные светлыми восковыми воротничками, заплясали.

Максимиллиан убрал ноги со стола. Оба одновременно посмотрели на пол.

Из-под стола выскочил золотой скорпион, обежал вокруг одной из упавших книг, стоящей вертикально, раскинув крылья обложки, и исчез за пьедесталом, подпирающим голову какого-то безвестного старца.

— Послушай... что это у тебя за штука? — спросил Джо, взвешивая на ладони кусок хрусталя.

— Это? — Максимиллиан поднял глаза. Брови его сошлись на переносице.— Если смотреть внимательно, там в глубине виден мост перед главными воротами.

— Я так и думал.— Джо резко повернулся и что есть силы швырнул пресс-папье в стену.

Оно глухо ударилось о толстую портьеру, та содрогнулась, от нее отделилась плотная стена пыли и тут же стала разрушаться; отдельные куски ее на глазах превращались в огромных серых драконов, те в свою очередь распадались, плодя грифов размерами поменьше, а эти последние, наконец, рассыпались на крохотных летучих мышей, которые немедленно и бесследно исчезли неизвестно куда. Пресс-папье бухнулось на сваленный в кучу гобелен и зацокало по доскам пола к столу.

Максимиллиан подобрал его, положил перед собой и, упершись локтями в ручки кресла, наклонился над кристаллом. Внимательно рассмотрев его со всех сторон, он произнес:

— Ты что, в самом деле расстроился из-за Морганты?

Он выпрямился, достал свою пенковую трубку и набил ее табаком из стоящей рядом коробки, выполненной в виде головы бабуина. Желтые глаза зверя поднялись кверху, следуя за его рукой, пару раз моргнули и снова скрестились на плоском, черном и, похоже, вечно влажном носу. Но Джо-то было хорошо известно, что бабуин сделан из шеллака.

— Ладно, рассказывай.

— Макс,— отозвался Джо,— ведь ты знаешь, и прекрасно знаешь, что ты — всего-навсего плод моего воображения. Ну почему ты никак не хочешь с этим согласиться?

— Потому что все наоборот: это ты — плод моей фантазии.

Максимиллиан втянул в трубку цветок пламени, распустившийся на конце спички. Выпустив несколько густых клубов дыма, он погладил большим пальцем чашку трубки.

— Но я бы хотел поговорить с тобой о Морганте. Ты и в самом деле не хочешь попробовать еще раз?

— Нет.

— Послушай, Джо...

— Макс, я наконец все понял. Когда-то очень давно мне пришла в голову фантазия создать нечто такое, что я уже никогда не смогу уничтожить. Я был тогда очень одинок. Мне хотелось, чтобы рядом оказался хоть кто-то совершенно непохожий на меня. Я взял и создал Максимиллиана. И уже никак больше не мог от него избавиться. Вдобавок я заставил себя забыть, что это именно я сотворил его...

— Ты это серьезно, Джо? Но ведь все было как раз наоборот: это я сотворил тебя! И прекрасно помню, как я это делал. И даже помню время до того, как тебя тут не было.

— Но неужели ты не понимаешь, что это именно я велел тебе помнить об этом?

— Послушай, Джо, посмотри на себя, на кого ты похож! Ходячая нелепость! Начиная с того, что ты с утра и до вечера грохочешь вверх и вниз по лестницам, и кончая этим твоим диким нарядом. Разве подобный кретин может быть настоящим?

— Ты так думаешь, Макс, потому, что не способен постичь, как люди могут совершать неординарные поступки, это просто не укладывается у тебя в голове, ведь у тебя там все мозги давно высохли... Ты же сам не раз признавался мне в этом. А раз так, тогда скажи, как ты сам можешь считать себя настоящим?

— Ну что же, неплохой вопрос!

— Если ты утверждаешь, что именно ты сотворил меня, тогда почему ты не уничтожишь меня, как я уничтожил Морганту?

— Потому что я, в отличие от тебя, умею держать себя в руках.

— Вовсе нет, ты просто неспособен, неспособен и все! Неспособен! Ты каждый день на меня злишься, каждый день выходишь из себя! Уверяю тебя, если б ты смог меня уничтожить, ты бы сделал это уже давно! — Он энергично подался вперед.— Вот я, например, я все время что-нибудь создаю и уничтожаю. А ты ни разу ничего не создал; по крайней мере, я этого ни разу не видел.

— Если хочешь меня оскорбить, имей в виду, у тебя ничего не выйдет.

— Да ты просто боишься рассердить меня как следует, чтобы я и тебя не уничтожил.

— Я отвечу тебе твоими же словами,— сухо сказал Максимиллиан,— возьми, попробуй.

— Да я пробовал,— вздохнул Джо.— Не выходит.

Стрелки старинных часов каким-то незаметным образом прокрутились вперед, но так хитро, что теперь показывали время на две минуты раньше, чем только что.

— Но я же объяснил тебе, почему у меня не выходит, и это единственная причина.

Максимиллиан зевнул.

— Я отчетливо помню, как создавал тебя. А вот ты ничего не помнишь. По всем законам логики...

Джо выбросил руку вперед.

— Оглянись вокруг, где ты тут видишь логику?!

— Это не одно и то же...

— Ты можешь сотворить такой камень, который сам не поднимешь?

— Конечно, могу. Но это не одно и то же, при чем тут камень. Но если б я увидел, как он падает мне на голову...

— Макс,— Джо в отчаянии протянул к нему руки,— ну не станешь же ты отрицать хотя бы того, что я ни разу не видел тебя за пределами этой комнаты!

— Все свои потребности я могу удовлетворять здесь или, скажем, в соседнем помещениии.

— А вот сейчас, например, ты мог бы пойти со мной?

— Я занят.

— Вот-вот. Да ты просто неспособен выйти отсюда! Ведь именно я сделал так, чтобы ты всегда оставался здесь.

— Чепуха. Я часто гуляю — через день, не реже — в одном из нижних коридоров.

— Но почему, когда я прихожу, ты всегда сидишь за этим столом? В любое время дня и ночи. Я ни разу не застукал тебя снаружи. Ты не выходишь даже для того, чтобы отлить.

— Тем больше причин убедиться в том, что именно я создал тебя. И представь, я никогда не зову тебя, по крайней мере вслух — полагаю, у меня это выходит как-то бессознательно... ну да, я допускаю, что временами испытываю к тебе чувство, которое весьма похоже на... нежность... *in absentia*[1]. Когда я, например, гуляю, или ложусь вздремнуть, или отправляюсь... отлить.

— Ну ладно, ладно,— проворчал Джо в ответ.— Что читаешь?

— «Гагарки»,— Максимиллиан погладил переплет.— М. Р. Локли. Прекрасная, удивительная книга. Если пообещаешь с ней бережно обращаться, я, пожалуй, дам тебе ее...

---

[1] В (твое) отсутствие *(лат.)*.

— Макс, послушай, ты должен пойти со мной! Там снаружи кто-то есть! Об этом мне сказала Морганта перед тем, как я избавился от нее. Там кто-то есть, и он пытается проникнуть сюда.

Джо театрально понизил голос.

— Через ров!

Максимиллиан так и затрясся от булькающего смеха.

— Опять твои дурацкие призраки!

— Это не мои призраки, а твои!

— Оставим это.— Максимиллиан снова раскрыл своего Локли.— Ты меня порой и в самом деле заставляешь злиться. Тебе, наконец, следует научиться брать на себя ответственность за то, что действительно принадлежит тебе, и не присваивать себе славу того, что тебе никоим образом не принадлежит.

— Например?

Книга громко шлепнулась на крышку стола.

— Заруби себе на носу, что ты — это *ты*, а я — это *я*, и не советую тебе путать!

— Да пошел ты...— вконец разочарованный Джо пересек комнату. Подойдя к двери, он со злостью повернулся и хотел было еще что-то выкрикнуть, но задохнулся от гнева и промолчал.

Максимиллиан сложил руки на груди; лицо его так и сияло. Стрелки часов незаметно прокрались вперед и теперь показывали без четверти три.

Джо выскочил из комнаты, изо всей силы хлопнув дверью.

Прикинув самый короткий путь ко рву, он завел мотоцикл и с ревом помчался вниз по ступенькам; его так трясло, что несколько раз чуть не выбросило из седла. На полном ходу он ворвался в низенький тоннель, так что пришлось прижимать голову к самому рулю, чтоб, не дай бог, не оторвало.

Тускло мерцающие язычки коптилок в нишах, огражденных железными решетками, пронеслись мимо и остались позади. А вот и обитая гвоздями дверь справа, та самая, запертая дверь, черный квадрат полтора на полтора, вжавшийся в неровную стену. Только он с ней поравнялся, как ему почудилось, что дверь слегка подрагивает. Впрочем, он был не совсем уверен; возможно, дверь дрожала от треска его мотора: пару недель назад у него отвалился глушитель.

Он резко повернул руль и ринулся в следующий пролет.

Сунув кулаки в карманы куртки, отчего она еще больше оттопырилась на животе, и хлюпая своей пенковой трубочкой, Максимиллиан тоже вышел прогуляться по дальним коридорам и этажам и поразмыслить как следует. Беда в том, что чем дальше он уходил от стен кабинета, дающих ему ощущение безопасности (а он и в самом деле не реже, чем через день, выходил на довольно порядочную прогулку), тем больше таяла его уверен-

ность в своем происхождении и тем сильнее одолевали сомнения. События, о которых они только что спорили с Джо,— и он был уверен, что Джо это прекрасно известно — происходили несколько лет назад, когда в результате сильного переутомления и душевного беспокойства он впал в глубокую депрессию (а причиной ее было то, что в одной из заваленных всякой рухлядью комнат он обнаружил покрытые плесенью тома одиннадцатого издания Британской Энциклопедии, которые угрожали совсем прийти в негодность от сырости и гниения, пока он дочитает до конца все тридцать семь увесистых фолиантов) и в этом состоянии создал некий временной континуум, а в нем не только самого Джо, но и все эти комнаты, все эти книги, лестницы, залы, как пустые, так и заставленные мебелью, как открытые, так и запертые, а вдобавок окружил сотворенное глубоким рвом, доверху наполненным соленой водой, за которым простирался густой лес. Что было до этого, он помнил плохо. В одном он был, кажется, уверен: и Джо, и замок, и лес существовали и раньше, но вот в каком качестве...

Несколько минут он шагал в полной тишине; потом обратил внимание на то, что откуда-то издалека доносится эхо его собственных шагов.

Высоко над головой, метрах в пятнадцати и справа, в прямоугольник окна струились лучи лунного света, разрезанные на квадраты железной решеткой. На таком же расстоянии далеко внизу и слева мерцала перламутром лунная дорожка на поверхности воды. Оттуда едва доносился ее тихий плеск. Он шагнул на одну из каменных арок, перекинутых через огромное водохранилище замка. Спустившись по ступенькам вниз (никаких ограждений там не было), он обнаружил, что невидимый прежде источник тусклого света материализовался в нечто, похожее на клетку, внутри которой, догорая, мерцал фитиль, опущенный в плошку с маслом, освещающий высокую, влажную, будто покрытую тонким слоем слюды, стену.

Он добрался до ее выщербленного края и очутился в весьма узком коридоре, где, освещая темные двери, горело еще несколько подобных плошек. Метров через десять шершавые неровные стены сменила каменная облицовка. И потолок нависал уже не так низко. Еще немного подальше земляной пол исчезал под дощатым настилом.

На повороте стоял деревянный стул, такой ветхий, что отдельные детали едва держались в своих пазах, а кожаное сидение истерлось: кое-где даже торчала бумажная набивка. Но сидеть на нем, кажется, еще было можно. Впрочем...

Еще немного вперед, и коридор, поднатужившись, расширился до приличных размеров. Слева на неравных расстояниях друг от друга темнели двери; справа, через равные интервалы, располагались окна.

Одной из причин, по которой Максимиллиан не отваживался покидать свой кабинет чаще, чем он это делал, было ощущение того, что за ним наблюдают. И чем дальше он уходил, тем отчетливей оно становилось. Скорей всего, за ним шпионит Джо, хотя, увы, он не давал Максимиллиану ни малейшего повода так думать. Кроме того, Максимиллиан полагал, что ни скрытность, ни склонность к слежке не были свойственны характеру Джо: такие, как он, не бывают интриганами. Тем не менее подобное было возможно, и он лелеял эту возможность как последнюю надежду.

Между двумя портьерами на стене висела огромная картина. На нее падал косой луч лунного света. Поверхность холста казалась почти черной из-за толстого слоя грязи; вдобавок тот, кто покрывал живопись лаком, явно перестарался. Картина была вставлена в широкую, не менее десяти сантиметров, покрытую искусной резьбой (листочки, ракушки, птички) позолоченную раму. Макс остановился, вглядываясь в потускневшие мрачные краски.

В одном углу холст слегка оторвался от подрамника. В этом месте виднелось какое-то пятно. И не разобрать было, небрежный ли это мазок кисти, отсвет ли луны, неверный блик или повреждение, или же дефект такого рода, когда слоистая лессировка и краска отскакивают от загрунтованного свинцовыми белилами полотна.

Максимиллиан посмотрел налево: там сиял хрустальный канделябр, переделанный в электрический; ламп в нем горело не более половины. Он посмотрел направо, где в колене коридора стоял стул.

Наконец, глядя на холст, он откашлялся.

— Агент ХМ-07-34 на связи. Вызываю шефа. Вызываю шефа, сектор 86, квадрат В. Прием. Прием. Говорит агент... гм... ХМ-07-34. Вызываю шефа... Прием...

— Шеф слушает. Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на провокации в памяти параноидальных проекций удовлетворительны.

— Превосходно.

— Все стадии эксперимента идут точно по графику.

— Прекрасно.

— Психические напряжения блокированы волей к жизни. Жду дальнейших указаний для перехода к завершающей фазе.

— Превосходно. Просто замечательно! Но скажите мне вот что, агент ХМ-07-34, как вам самим удается выдерживать все это? Каковы ваши собственные ощущения?

— По правде говоря, шеф, мне приходится не очень легко. Я понимаю: это, конечно, смешно, но я действительно начинаю испытывать к объекту в некотором роде нежные чувства. До известной степени, конечно...

— Увы, агент ХМ-07-34, и мне знакомы подобные переживания. Подумать только, как они стараются, сколько прилагают

усилий, воли... Нет, порой просто невозможно не чувствовать уважения, что ли, к этим говнюкам.

— Именно так, шеф,— Максимиллиан захихикал.— Именно, именно так...— Из холста раздался ответный смех, присоединился к его собственному, слился с ним и наконец был поглощен им без остатка — и вот опять одинокий смех Максимиллиана звенит в пустом зале. Все, лицедействовать больше нет сил.

Он огляделся в надежде увидеть за углом мелькнувшую голову Джо. Но тот, ради кого выделывались все эти фокусы, так и не появился.

Максимиллиан отвернулся было от картины, но тут на какую-то долю секунды довольно большая площадь холста перестала отсвечивать, и в самом верху его он заметил маленькое окошко, а через него — узенький каменный мостик, на котором, в тени замковой стены, высоко над черной гладью воды сцепились в схватке две крошечные фигурки, причем одна из них была совершенно голой.

Но Максимиллиан уже успел сделать шаг, и снова на холсте заиграли блики; разобрать что-либо стало уже невозможно. Нахмурившись, он двинулся в сторону, шагнул вперед, отступил назад, но так и не смог найти то единственное место, откуда он только что все это видел.

Потеряв наконец терпение, он повернулся и подошел к канделябру.

Из-за голубых портьер, закрывающих открытый дверной проем, до его слуха донеслись какие-то звуки: похоже, там кто-то негромко разговаривал. Временами отчетливо слышался мужской и женский смех.

Максимиллиан нахмурился еще больше.

С тех пор как в последний раз он был в этом зале, прошло не менее года. Однажды вечером, когда он в глубочайшей депрессии одиноко бродил по коридорам замка, ему пришла в голову нелепейшая мысль. Мысль глупая, он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и все-таки не удержался и сотворил нечто вроде раута — с гостями, выпивкой, в общем, все, как полагается.

Покинул компанию он довольно рано, другими словами, попросту удрал к себе в кабинет, к своим книгам. И вот теперь он снова стоял здесь и мучительно вспоминал, уничтожил ли он все тогда перед уходом. Увы, за портьерой явно слышался гул голосов.

Он тупо смотрел на электрифицированный канделябр. Черный шнур удлинителя, который он собственными руками протянул к другому канделябру в зал, где проходил раут, все так же петляя и змеясь, бежал по ковру и пропадал за портьерами.

Озабоченность его росла. Раут носил официальный характер. А на Максимиллиане была все та же мешковатая вельветовая куртка. Но неожиданно для себя самого — возможно, слишком неожиданно — он отдернул драпировку и очутился на крохотном балкончике.

— Максимиллиан! Вы только посмотрите, ну я же говорила, что он вернется! Стив, Берт, Ронни,— Макс вернулся! Я же говорила, что он не бросит нас тут одних навсегда!

— Ты как всегда вовремя, старина! На часах почти без двадцати пяти три.

— Давай, спускайся, мы с тобой выпьем! Хочешь мартини?

— О, Карл, ну кто же так поздно пьет мартини? Налей Максу чего-нибудь покрепче!

— Тебе уже гораздо лучше, не правда ли, старина? Ну и видок у тебя был, когда ты от нас удирал!

— О, Макс был просто не в духе, с ним такое бывает, правда, Макс, милый?

— Мне кажется, он и теперь выглядит не очень.

— Да ему нужно просто выпить! Спускайся Макс, давай выпьем!

Вцепившись в перильца балкона, Максимиллиан молча смотрел вниз. Он открыл было рот, но язык прилип к гортани. Он мучился, он ломал голову, что бы такое придумать, что бы такое сказать — что-нибудь этакое, остроумное.

— Макс! Макс! Я *так* счастлива, что ты вернулся, честное слово! Ты на меня не обиделся, не правда ли? Я вовсе не то хотела сказать, я просто пошутила. А на самом деле, Макс...

— Ну хватит, Шейла. Выброси эти глупости из головы.

— Макс, Ронни только что рассказал мне анекдот — обхохочешься! Давай, Ронни, выдай его Максу, ну тот самый, помнишь, ты сейчас рассказывал! Про этого, как его... ну ты знаешь, какой!

— Да-да, Грейси так смеялась, что потеряла туфлю. Кстати, Грейси, ты нашла ее? Слушай, я видела, как Оливер там что-то с ней проделывал, вон там, за роялем.

— Макс, ну иди же к нам, Макс! Ты ведь не думаешь снова удрать от нас, верно?

— Ну конечно, никуда он от нас не уйдет! Ведь он только что пришел, ведь так, а Макс? Что скажешь, Макс!..

— Да не приставайте же вы к нему! Вы же знаете нашего Макса! Он обязательно вернется!

В коридоре Максимиллиан остановился. Ладони его покрылись липким потом. Он распрямил пальцы и почувствовал, что их кончики похолодели. Он попытался сосредоточиться, собрать остатки воли в кулак и уничтожить все, что происходит там, за его спиной.

Покачивались портьеры. За ними бормотали, булькали голоса. Засмеялась женщина. Нестройный говор. Засмеялся мужчина.

Нет совершенно никаких сил. Гнев, злость, без которых невозможно вычеркнуть все это из бытия, угасли. Он сглотнул слюну; в горле раздался какой-то странный клекот.

Сунув руки в карманы куртки, он заспешил прочь.

Створки ворот заскрипели, царапая камень. Джо осторожно выглянул и посмотрел на мост. На той стороне виднелись заросли

невысокого кустарника; дальше шумели на ветру деревья. Вдруг гладкая поверхность воды мгновенно покрылась рябью — словно кто-то невидимый смял блестящую фольгу. Ужас раздробил его сознание на тысячи мельчайших осколков, и в каждом, словно в сложном глазу насекомого, каким-то немыслимым абсурдом отразился, мелькая и переливаясь, крохотный кусочек представшей перед ним действительности. Но мгновением позже вернулся обычный страх, с которым вполне можно было справиться.

С каменной мостовой он шагнул на деревянный настил моста, секунду помедлил, держась рукой за семидюймовое звено цепи подъемного механизма, потом вдруг вспомнил, что вся цепь покрыта густым слоем смазки. Он отдернул руку, посмотрел на грязные пальцы, вытер руку о джинсы и сунул ее в задний карман. Все равно тут без мыла не обойтись. Да и без воды тоже...

В кустах за мостом кто-то зашевелился. Пристально всматриваясь сквозь запотевшие очки и усиленно моргая от напряжения, Джо шагнул вперед. Вдалеке, где кончались заросли кустарника, чуть слышно шумели деревья. Порыв ветра откинул в сторону полу его кожаной куртки; звякнули петли на молниях.

От кустов отделилась какая-то фигурка, метнулась вперед, и Джо увидел, как по мосту скоро, будто вовсе и не ожидая на пути никаких препятствий, шагает мальчишка.

Джо выдернул руки из карманов так резко, что заболели костяшки пальцев; левый полуоторванный клапан снова затрещал.

Мальчишка был совершенно голым.

Теперь он крался, то и дело припадая к настилу. Останавливался, замирал, стоя на цыпочках, прижимая локти к бокам. По плечам, словно клочья самой ночи, хлестали на ветру черные волосы.

— Тебе чего тут надо? — сквозь ветер прокричал Джо.

Левый глаз мальчишки перевязан черной тряпкой. Правый, огромный и желтый, постоянно моргает.

— Ну? — снова крикнул Джо.— Тебе чего тут надо?

Мальчишка засмеялся: смех был похож на колючую проволоку, шуршащую по сухим сосновым иголкам. Вот он снова прижал локти к бедрам. Сделал еще шаг.

— Убирайся отсюда, не то худо будет!

— А, Джо, это ты? Привет!

— Сейчас же убирайся отсюда! — повторил Джо.

Ноги парня сплошь были покрыты царапинами и ссадинами. Набычившись, он в упор, не отрываясь, смотрел Джо прямо в глаза.

— Может, все-таки пустишь, а, Джо? — тут он расхохотался так, будто в глотке у него заклокотал маленький вулкан.

— Не пущу. Тебе здесь нечего делать.

— Да брось ты, Джо...— еще шаг навстречу, и мальчишка протянул ему руку.— Ты только пусти, и я сразу скажу, чего мне здесь надо.

Джо пожал его холодную ладонь. Парень продолжал смеяться.

— Тебе сюда нельзя.

— Нет, можно.

— А я говорю, проваливай.

Физическое прикосновение к ладони парня хоть и не доставило Джо никакого удовольствия, скорее наоборот, но после этого ему стало не так страшно, как раньше. Тряпка, закрывающая глаз мальчишки, была завязана узлом под левым ухом. На подбородке созвездиями рассыпались следы лопнувших прыщей.

— Освободи мост.

Джо попытался выдернуть руку. Но парень еще крепче сжал его пальцы.

— Слышал, что я сказал?

Он с силой дернул кистью; рука, его державшая, подалась вместе с ним, и он чуть не упал.

— Ты что! — закричал Джо и на этот раз дернул руку изо всей силы. Парень снова засмеялся и, в свою очередь, потянул к себе. Он оказался не из слабых.

Джо свободной рукой схватил себя за запястье и рванул снова. Парень сделал то же самое. Пальцы его ног, мокрые и холодные, уперлись в пальцы ног Джо. Он продолжал ухмыляться.

Скользя на мокром камне, Джо тянул изо всех сил, но его противник стоял твердо.

И тут парень резко ослабил усилие. Джо пошатнулся, чуть не споткнулся о нижний брус ворот, сделал еще три неуклюжих шага назад и упал.

Враг его и на этот раз не отпустил руки: хватка была все такой же крепкой.

Тяжело скрипя, ворота рухнули вниз. Потрескавшиеся от старости вертикальные брусья шмякнулись прямо в лужу, скопившуюся в углублении, и от нее во все стороны побежали темные ручейки, прорезая пятна лунного света.

— Я же говорил, что можно.

Какая-то тварь выбежала в светлый квадрат, где стоял парень, замерла на мгновение, подняв свое сверкающее жало, видимо, передумала и заторопилась прочь. Джо ощутил, как бьется жила на его щиколотке.

— Сказать, что мне там надо?

Джо вскочил на ноги, причем парень, потянув руку на себя, помог ему и наконец разжал пальцы.

— Там есть комната наверху, запертая, понимаешь, и ее надо отпереть. Просто-напросто открыть дверь и все. И что бы там ни было, пускай выходит.

— Что?

— Как думаешь, что будет, если это выпустить?

— Что выпустить?

Парень вдруг хихикнул и тыльной стороной ладони вытер губы.

— Знаешь, Джо...— он окинул взглядом тускло освещенный вход,— может, тогда, наконец, часы в Восточном флигеле перестанут безбожно врать. А вы с Максимиллианом не захотите больше здесь жить и уйдете в лес. Интересная мысль, верно?

Но совсем другая мысль, другое чувство беспокоили Джо, и он попытался сосредоточиться.

Вдруг тон мальчишки резко изменился.

— Я должен отпереть ее, понял? Проведи меня туда, Джо! Ну просто покажи мне эту дверь, покажи и все. Остальное я сделаю сам. Я выпущу это и уйду. Что тут сложного? Покажи, где эта комната. Как только я открою дверь, я сразу уйду и оставлю тебя в покое...

— *Нет*! — всю силу своего голоса Джо вложил в это слово. Но ему показалось, что из горла вырвался лишь шепот. Где-то далеко в недрах замка как будто откликнулось эхо. Он обернулся, прислушиваясь (в это мгновение он понял, что именно беспокоило его: ему было просто страшно), и юркнул в ближайший дверной проем.

— Джо!..

Кубарем он скатился по тускло освещенной лестнице. Снизу оглянулся и на серебристом фоне лунного света увидел силуэт: обеими руками держась за стены, мальчишка осторожно спускался следом.

Тут Джо оступился и ударился пяткой о камень, да так сильно, что боль отозвалась в голове. Он собрал остатки сил и, прихрамывая, побежал дальше.

Вот и низенькая арка, откуда знакомые ступеньки кратчайшим путем ведут наверх, туда, где ждет запертая комната. Он лихорадочно соображал, куда бежать теперь: куда угодно, только не туда...

Он побежал по решетке, но не успел сделать и трех шагов, как нога его застряла меж холодных железных прутьев.

Шаги раздавались совсем близко.

— Джо?..

Слава богу, он быстро освободился и теперь отчаянно пытался вспомнить хоть какой-нибудь поворот, какой-нибудь спасительный боковой коридорчик, который мог бы увести его в сторону от погони. Мысленно ощупал буквально каждый метр (так, словно ощупывал пальцами)... Ну да, где-то здесь, метрах в трех от утопленной в стене ниши, должен быть тот самый, узенький, низкий проход, а в полу его люк...

Джо увидел этот люк, ведущий в потайной ход, когда уже бежал по переходу. Он упал на колени, сдвинул крышку люка и покатил ее к лестнице. Бам, ба-бам, бам, бам, ба-бам — затарахтела она вниз по ступенькам — ну точно, как его мотоцикл.

— Эй, ты что, с ума сошел? — раздался голос за его спиной. Джо нырнул в отверстие люка. Стены и потолок больно царапали спину и плечи.

— Джо, ну зачем ты так делаешь...

Подземный ход был уже столь тесным, что ему приходилось ползти, слушая оглушительное эхо собственного дыхания. Мало того: пол его был залит водой. А за спиной глухо и размеренно дышал преследователь.

Но вот голова его уперлась в какую-то невидимую во тьме преграду. Он нажал плечом. Она не поддавалась, и это было ужасно.

— Джо?..

И, о боже, она подалась! Стук упавшей железной перегородки — а это была именно она — оказался глуше, чем он ожидал. Он протиснулся наружу, несколько метров на четвереньках прошел по какому-то ковру и встал на ноги. Прямо перед ним светилась опрокинутая на бок буква Н: из какого-то помещения за двойными дверьми пробивался свет. За спиной слышался громкий шорох и размеренное дыхание. Он распахнул двери, шатаясь, шагнул вперед и чуть не ослеп от яркого света после мрака подземелья.

— Но ведь я уже говорила, что...

— Я только что разговаривала с Шейлой. Я сказала ей, что никто не имеет права обвинять ее. И в конце концов...

— Оливер! Что ты там делаешь? Вылезай оттуда сейчас же!

— Оставь его в покое, Берт. Ты же знаешь Оливера... О, прошу прощения!

— А я и не заметил, как вы вошли! С вами все в порядке? Идите сюда, я налью вам мартини!

— Ради всего святого, Стив, кто же пьет мартини...

— Тысяча извинений. Я случайно вас не задел?

— ...Джо?..

— Держу пари, вы такого еще не слышали! Ронни, расскажи молодому человеку свой анекдот, ну, тот самый...

Джо двинулся было вперед, но тут же зацепил ногой за провод удлинителя. Канделябр перевернулся.

— Эй-эй, осторожнее! Куда вы девали ваши глаза, молодой человек?

Джо дрыгнул ногой — провод отцепился. Но в зале уже было темно, как в склепе.

— Вы, правда, ничего не хотите? Ну, если не мартини, тогда, может...

— Мне кажется, ты к нему слишком строг, Карл.

— ...в конце концов, вы ведь знаете, он оказался в таких стесненных обстоятельствах...

— Я знаю одно, если бы хоть кто-нибудь сказал мне такое, я бы ему выцарапала глаза!

— Джо?

— Оливер? Что ты там делаешь под роялем? С тобой все в порядке? Ты меня слышишь, Оливер?

Джо уже карабкался по узким ступенькам к маленькому балкончику.

— Я так старалась, смешивала, неужели никто не хочет... Молодой человек, не хотите ли...

— Джо?..

Он уткнулся лицом в портьеру. Тут же запутался в ней, но после короткой схватки неожиданно оказался в длинном коридоре.

Он перепрыгнул через провод и снова побежал. В лунном сиянии, проникающем сквозь окна, воздух казался наполненным тончайшей пылью.

Возле огромной картины в позолоченной раме он остановился и оглянулся. На какое-то мгновение потемневший лак картины неожиданно просветлел. Он увидел богато обставленную комнату, полную мужчин и женщин в вечерних туалетах, а среди них две маленькие фигурки. Крепко сцепившись друг с другом, они яростно боролись. Одна из фигур была совершенно голая.

Но кто-то уже раздвигал голубые портьеры, закрывающие дверной проем.

Джо снова побежал. На повороте, там, где стоял стул, он не успел затормозить, врезался в стену и снова оглянулся.

— Куда ты ведешь меня, а, Джо? Ты уверен, что нам сюда? Главное, доведи до места, я выпущу это и уйду, и оставлю тебя в покое. Ты же знаешь, я не отстану. Думаешь водить меня тут кругами, да? Ничего не выйдет! Ты делаешь большую ошибку!

Джо ухватился за спинку стула и почувствовал, что тот сейчас развалится.

— Ну, веди же! Нам нужно прямо к запертой комнате! Ну, куда идти, Джо?

И Джо снова побежал. Дышать стало тяжело, он задыхался. В горле что-то хрипело, грудь разрывалась на части.

— Давай, Джо, я ведь все равно не отстану, давай-давай, Джо!

Оштукатуренные стены кончились; начались облицованные грубым камнем. И окон больше не было. Но он обратил на это внимание лишь тогда, когда потолок резко снизился и теперь нависал над его головой всего сантиметрах в тридцати.

— Мы только зря теряем время, слышишь, Джо? Ну что ты все бегаешь по кругу? Брось, ты же нормальный парень, будь проще, а, Джо?

Промежуток между стенами тоже сузился. Охваченный тихим ужасом, близкий к истерике, он медленно продвигался вперед. Острые камешки под ногами больно впивались в голые ступни. В нишах мерцали язычки пламени. На какое-то мгновение ему представилось, что впереди коридор сужается до размеров канализационной трубы.

И тут он остановился, обнаружив, что вокруг него пустое пространство, простирающееся неизвестно до каких пределов, в

котором каждый шорох отдается отчетливым эхом. Полумрак окружал его, но ни стен, ни потолка не было видно, они терялись в полной тьме.

— Ну и где же мы сейчас?

Джо так и подпрыгнул: голос раздался прямо у него за плечом. Он подумал, что надо бежать как можно скорей, и побежал...

И тут что-то тяжелое упало ему на спину. Джо пригнуло к полу, побрякушки на его куртке зазвенели в ушах, словно куранты. Кто-то громко, оглушительно громко и хрипло задышал над ухом — и этот хрип вдруг затмила пронзительная и острая боль.

Джо заорал, и эхо его крика мячиком запрыгало от одной невидимой стены к другой. Мальчишка оказался еще и кусачим. Джо нащупал какие-то ступеньки и, срывая ногти, стал карабкаться вверх. Тяжесть куда-то исчезла, Джо даже смог подняться и несколько ступеней преодолел бегом, пока вдруг не осознал, что бежит по мосту. Он повернулся лицом к замку и на фоне огней, освещавших стену, увидел силуэт мальчишки.

— Давай-давай, Джо! — мальчишка тяжело дышал.— Ты же видишь, что и моему терпению приходит конец.

Джо сделал шаг назад и поднялся еще на одну ступеньку.

Парень поднялся на две.

Джо снова отступил, и тут в глаза ему ударил луч света. Высоко вверху он увидел наполненное лунным сиянием и разрезанное на квадраты черными прутьями решетки окно. Луна освещала три полустертые ступеньки; лучи ее словно стекали по ним вниз, омывая его ноги, переливались за край и мерцали уже где-то далеко — о, как далеко — внизу, где мелкой рябью серебрилась черная вода. Джо вновь попятился и преодолел еще четыре ступеньки.

— Ей богу, мне это нравится все меньше и меньше, ты же видишь. Ну что толку бегать тут в темноте туда-сюда...

Прерывистое дыхание, перебиваемое контрапунктом падающих где-то капель, стлалось за ним по пятам.

— Брось это все, пошли к комнате. Или мой урок тебя ничему не научил?

Темный силуэт угрожающе двинулся ему навстречу. Вот он пересек поток лунного света, льющегося из окошка. Лицо вокруг единственного светящегося желтым глаза смято волной гнева. Джо резко повернулся и побежал вверх по мосту, но тут же споткнулся и упал, больно шлепнувшись о камень ладонями.

И тут за спиной его раздался вопль. Что-то мягкое рухнуло ему на спину, сползло набок и потащило за собой вниз. Всем телом Джо прижался к ступенькам, вцепился в них пальцами — острые камешки больно впились ему в щеку.

И снова дикий, немыслимо отчаянный вопль.

Джо чуть ли не зубами впился в холодный камень, он орал, он отбивался, изо всех сил дрыгая ногами. Кто-то невероятно

тяжелый, обхватив его сзади, тащил его вниз. Раздался треск разрываемой ткани, и он с облегчением почувствовал, что тяжесть отпустила его.

Далекий всплеск внизу перерезал тонкую нить крика. Эхо звучало все тише и тише. Оно еще долго не умолкало; возможно, это были отзвуки его собственных всхлипываний.

Джо наконец поднялся и заковылял обратно, вниз по ступенькам. Там, где из окна лился поток лунного света, он остановился.

На нижней ступеньке виднелось какое-то темное пятно. Он пригляделся. Золотистый панцирь был расплющен, рядом с ним запекся бурый сгусток крови.

Должно быть, эта тварь укусила мальчишку за ногу, он поскользнулся и стал падать, но успел ухватиться за задний карман джинсов Джо. Джо ощупал торчащие на ягодице нитки. Потом, тихо позвякивая застежками на молниях, осторожно обошел залитое лунным светом пятно.

Он снова приблизился к краю моста и, затаив дыхание, заглянул вниз. Там все еще ходили чуть слышные волны эха.

Старинные часы показывали без пяти три, может, чуть меньше.

Глаза бабуина, как всегда, были скрещены на блестящем носу; вдруг он повел ими справа налево, потом обратно, слева направо. Обнажил желтые зубы. Из коробки зазвучал голос, словно кто-то, сидящий внутри, откашлялся.

— Агент ХМ-07-34 на связи. Вызываю шефа. Прием. Прием. Агент ХМ-07-34... кхе-кхе... на связи... Вызываю шефа.

— Шеф слушает,— вдруг откликнулась со своего пьедестала голова мраморного старца.— Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на провокации в памяти параноидальных проекций удовлетворительны...

— Да-да, конечно,— перебил старец.— Знаю, знаю. Но вы не можете, так сказать, не испытывать некоторой симпатии к эти говнюкам. О да, да. Мне это прекрасно известно.

Нарастающий смех был прерван грохотом в одной из нижних комнат, в свою очередь перекрытым тремя отчетливыми ударами часов — бом, бом, бом — причем второй удар прозвучал значительно громче первого и третьего.

Бабуин скосил глаза, чтобы посмотреть на часы, и как раз в это время Максимиллиан открыл дверь: часы показывали семнадцать минут третьего.

Прошло полчаса с того момента, как Максимиллиан вернулся с прогулки, и теперь он с наслаждением предавался чтению. Он

занимался сравнительным анализом оригинала стихотворения *Le Poete Assassine*[1] Аполинера с переводом его, выполненным Паджетом, когда сквозь закрытую дверь до ушей его донесся треск и вой мотоцикла Джо.

— *I tell you truly, brethren,*— читал он перевод Паджета,— *there are few spectacles that do not put the soul in danger. I know of only one place...*— Максимиллиан поднял голову и нахмурился. До боли знакомый вой перешел в не менее знакомый рев...— *one place you can go fearlessly and that is...*[2] — мотор кашлянул и замолчал, и Максимиллиан закрыл книгу.

— Макс!

Дверь с шумом распахнулась, с размаху стукнулась о книжную полку, и в комнату ворвался Джо.

— Макс, оно опять чуть не прорвалось! Но у него ничего не вышло! Я перехитрил его! Я заманил его ко рву, и оно свалилось туда... Боже мой, Макс!

— Ты это о чем?

— Оно хотело открыть запертую комнату,— захлебываясь, кричал Джо.— И выпустить! Но я не дал! — Он схватился за край стола.— Макс, не делай больше ничего такого! Макс, ну пожалуйста, никогда больше не делай!

Максимиллиан только покачал головой. О, как ему хотелось, чтобы Джо больше никогда не врывался в его тихий и такой уютный кабинет. Похоже, это стало его самым сильным на свете желанием.

— Не делать чего?

— Ну, таких вот, как *эти*!

— Черт меня побери, Джо, не мог бы ты убраться отсюда подобру-поздорову и подальше!

Он даже встал, сам изумленный силой собственного гнева и вполне осознавая, что подрагивание мускулов на лице есть не что иное, как судороги, вызванные его собственным воплем.

Джо попятился к двери. Он хотел было хоть что-нибудь сказать в ответ, но, увы, губы его не смогли произнести ничего, кроме буквы «б», да и то какой-то дефективной. Он пулей выскочил из комнаты и хлопнул дверью.

За стенкой снова загремел мотоцикл. Максимиллиан уселся на свое место, но еще долго никак не мог отыскать строчку, на которой остановился.

---

[1] *Убиенный поэт.* Повесть-притча французского поэта Гийома Аполинера.

[2] Истинно говорю вам, братие, мало найдется зрелищ, которые не представляли бы опасности для души. Я знаю лишь одно место... одно место, куда бы вы могли пойти без страха, и это...

Грохоча вверх по ступеням башни, Джо думал, что уж теперь-то ему точно наплевать и на Макса, и на то, что тот даже не подозревает, от какой опасности он спас их обоих. И на то, что Макс так и не дал ему почитать книгу, которую обещал. И выходил ли когда-нибудь Макс из своего пыльного кабинета или нет, тоже наплевать. Это еще неизвестно, кто из них двоих сошел с ума, а Максу лучше впредь поостеречься, потому что рано или поздно Джо все равно уничтожит его.

Он домчался до самого верха и выкатил на крышу башни. Остановился, слез и прислонил мотоцикл к стене.

Над головой в темных волнах облаков ныряла крохотная луна. Возле балюстрады блестела лужа, и ветер, налетая откуда-то сбоку, морщил ее матовую поверхность, а заодно трепал его волосы, и они щекотали лоб.

Наплевать, что он больше никогда не увидит Макса. Он создаст себе красивую, нежную, умную девушку, которая будет повиноваться ему во всем, смотреть ему в рот, ловить каждое его слово и никогда и ни в чем не станет перечить ему. А как она будет любить его! На этот раз он сотворит темнокожую. И пусть она станет петь ему и играть на арфе. Да, у нее будет прекрасный голос, и она станет петь ему каждый день после обеда, а кожа ее будет так же темна и так же тепла, как темны и теплы тени в дальних залах нижних этажей.

Он поднял зеленую ткань, которая валялась возле стены. Потом сел, прислонившись спиной к камню. Укутал прозрачным газом руки и уткнулся в них подбородком. Материя уже почти совсем высохла.

Он попытался сосредоточиться и думать только об этой темнокожей девушке. Но было холодно, мысли его блуждали, прохлада каменных плит проникала сквозь ткань джинсов (он никогда не носил белья), и скоро Джо замерз так, что пришлось застегнуть куртку до самого верха. Он прищурился, и грязное пятно на правом стекле очков вызвало из глубин соседней лужи, в которой отражалась луна, беззвучный взрыв и целый фейерверк серебристых иголок. О, как он устал, устал до такой степени, что мог бы уснуть прямо здесь. Но нет, нужно думать о девушке, упорно думать до тех пор, пока не послышится за спиной ее голос, ее тихий призыв: «Джо, Джо...»

На другой башне часы пробили три. Он встал на колени и выглянул между зубцов. Но нет, удары слышались со стороны Западного флигеля, где с часами было все в порядке.

— Джо!..

СОДЕРЖАНИЕ

ПАДЕНИЕ БАШЕН
(перевод Е. Свешниковой) 5
ВАВИЛОН-17
(перевод А. Шевченко) 331
ИМПЕРСКАЯ ЗВЕЗДА
(перевод М. Кондратьева) 483
СТЕКЛЯШКИ 555
Стекляшки
(перевод А. Лидина) 557
Собака в рыбачьей сети
(перевод В. Кучерявкина) 574
Корона
(перевод В. Кучерявкина) 595
Да, и Гоморра
(перевод В. Кучерявкина) 614
Темнота и крик. Ее крик.
(перевод В. Кучерявкина) 625
Медная клеть
(перевод В. Кучерявкина) 682
Город Большого хребта
(перевод В. Кучерявкина) 694
Ночь и возлюбленные Джо Дикостанцо
(перевод В. Кучерявкина) 715

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

Дилени Сэмюел Р.

Вавилон-17

Сборник фантастических романов и рассказов

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Составитель *А. Лидин*
Ведущий редактор *П. Киракозов*
Редактор *М. Соколова*
Художественные редакторы *В. Андреева, О. Адаскина*
Верстка: *П. Савченкова*
Корректоры *И. Дмитриева, Л. Макеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Причудливое сочетание увлекательных сюжетов и поистине глубокого, философского подтекста — таково творчество Сэмюела Р. Дилени (род. в 1942 г.), яркого представителя «Новой волны» американской фантастики, достойного сподвижника Майкла Муркока, Роджера Желязны и Роберта Силверберга.

Произведения Дилени — романы «Пересечение Эйнштейна», «Нова», «Вавилон-17» — были удостоены престижнейших НФ-премий, вошли в «золотую классику» жанра — и, главное, раз и навсегда изменили «стиль и почерк» фантастики второй половины XX века.

Почему?

Прочитайте — и поймете сами!

ISBN 5-17-014463-6